This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Купено за 7.65 лева подвързано

Инв. № 1083

№ 31.

УМСТВЕННОЕ

и

НРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ ДѢТЕЙ

ОТЪ ПЕРВАГО ПРОЯВЛЕНІЯ СОЗНАНІЯ ДО ШКОЛЬНАГО ВОЗРАСТА.

КНИГА ДЛЯ ВОСПИТАТЕЛЕЙ

Е. Н. Водовозовой.

Изданіе 4-е, совершенно переработанное.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатер. кан., № 80.

1891.

LB1115
V6
1891

Таблицы дозволены цензурою. С.-Петербургъ. 3 января 1891 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
Предисловіе	IX
Введеніе	1

Глава I. Воспитаніе въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Домострой.—Безграничный произволъ главы семейства.—Положеніе дѣтей.—Какіе примѣры имѣли они передъ глазами.—Аскетическіе идеалы и ихъ значеніе.—Положеніе женщины.—Теремъ и его вліяніе.—Грубость нравовъ и жестокость.—Семейныя дрязги и развратъ.—Отношеніе къ рабамъ и друзьямъ.—Ссоры, сквернословіе и драки.—Доносы.—Грубыя развлеченія; пиры, обжорство, пьянство, звѣриныя травли, охота, кулачные бои, скоморохи.—Взяточничество.—Суевѣрія.—Кликуши.—Нищіе и отношеніе къ нимъ.—Презрѣніе высшаго сословія къ труду.—Отсутствіе интеллигенціи.—Византійское вліяніе и продолжительное отчужденіе Россіи отъ западной Европы. 4

Глава II. XVIII вѣкъ.

Вторженіе государственной власти въ семейную жизнь и его послѣдствія.—Отсутствіе иниціативы въ характерѣ русскаго человѣка.—Раздоры и разногласіе между отцами и дѣтьми.—Образованіе въ первой половинѣ XVIII в.—Его профессіональное направленіе.—Вносило-ли оно обновленіе въ умственную жизнь.—Наука, умственное развитіе и воспитаніе подчиняются государственной опекѣ.—Отсутствіе умственной самодѣятельности и воспитательной практики. — Чиновничье тщеславіе. — Крѣпостное право и его растлѣвающее вліяніе. — Дворянская спѣсь. — Жизнь дворянъ и ихъ удовольствія. — Ссоры и тяжбы между помѣщиками. — Стремленіе къ свѣтской жизни.—Сутяжничество.—Преклоненіе предъ богатствомъ и знатностью.—Физическое, умственное и нравственное воспитаніе юношества того времени.—Тѣлесныя наказанія и ихъ пагубныя послѣдствія. 15

Глава III. Идеалы воспитанія на западѣ со времени реформаціи.

Услуги реформаціи.—Принципы воспитанія Амоса Коменскаго.—Значеніе идей Джона Локка.—Взгляды на воспитаніе Монтэня и Фенелона.—Поразительное вліяніе «Эмиля» на умы всего свѣта и причины этого явленія.—Идеалы Руссо; ихъ значеніе въ воспитаніи въ прошлое и настоящее время.—Достоинства и недостатки методовъ воспитанія XVIII-го в.—Вліяніе философскихъ идей на обновленіе воспитанія 36

СТРАН.

Глава. IV. Какъ осуществлялись у насъ въ царствованіе Екатерины II западные идеалы воспитанія.

Новыя идеи, внесенныя въ русское общество литературою и правительствомъ.—Новыя педагогическія воззрѣнія.—Ихъ вліяніе и практическое примѣненіе.—Система воспитанія «новой породы людей».—Закрытыя учебныя заведенія.—Ихъ недостатки.—Основаніе перваго института, характеръ воспитанія и обученія.—Народное образованіе.—Дѣтское чтеніе.—Значеніе новыхъ идей въ воспитаніи.—Причина непримѣнимости къ русской жизни многихъ западныхъ идеаловъ 52

Глава V. Первая половина XIX-го вѣка.

Умственное движеніе общества въ началѣ царствованія Александра I.—Вліяніе интеллигентныхъ кружковъ и литературы на умственное развитіе русскаго общества.—Постепенное развитіе общественныхъ идеаловъ.—Положеніе общества послѣ 1825 г.—Умственное движеніе сосредоточивается преимущественно въ среднемъ классѣ общества.—Вліяніе Гоголя и Бѣлинскаго на развитіе общественныхъ и воспитательныхъ идеаловъ.—Сороковые годы.—Нравы русскаго общества.—Что видѣло вокругъ подростающее поколѣніе.—Молодечество и преклоненіе передъ физической силой.—Взяточничество.—Интриги изъ за власти.—Праздная жизнь помѣщиковъ.—Отсутствіе общественныхъ идеаловъ.—Люди высшаго и средняго сословія.—Развлеченія.—Воспитаніе въ казенныхъ заведеніяхъ.—Характеръ институтскаго воспитанія.—Разладъ между старымъ и молодымъ поколѣніями усиливается.—Причина этого явленія.—Отсутствіе педагогическаго опыта.—Домашнее воспитаніе.—«Все отъ дѣтей и ничего отъ родителей».—Господство родительскаго авторитета.—Раздоръ между супругами и его вліяніе на дѣтей.—Физическое, умственное и нравственное воспитаніе.—Тѣлесныя наказанія.—Характеръ обученія.—Отсутствіе наблюдательности въ педагогахъ.—Крестьянскіе ребята, прислуга, гувернантки.—Ихъ вліяніе на дѣтей того времени . . . 61

Глава VI. Шестидесятые и семидесятые годы.

Оживленіе общества послѣ 1855 г.—Восторгъ, вызванный статьею Пирогова «Вопросы жизни».—Ея значеніе, достоинства и недостатки.—Пробужденіе въ обществѣ интереса къ вопросамъ воспитанія.—Возрожденіе идей сороковыхъ годовъ.—Шестидесятые годы.—Умственное движеніе общества.—Раздоръ между отцами и дѣтьми.—Причина этого явленія.—Страстное стремленіе молодежи къ самостоятельности и самообразованію.—Эмансипація женщинъ.—Принципы, идеалы и требованія людей 60-хъ гг.—Примѣненіе ихъ къ воспитанію.—Достоинства и недостатки воспитанія того времени.—«Господа дѣти» и ихъ первенствующая роль въ семьѣ.—Все для дѣтей и ничего отъ дѣтей.—Причина этого явленія и его послѣдствія.—Дѣтская и ея обстановка.—Свобода дѣтей, какъ ее понимали въ то время и какъ слѣдуетъ примѣнять ее въ воспитаніи вообще.—Результаты утрированно-деликатнаго отношенія къ душевному міру дѣтей.—Вліяніе на воспитаніе утилитарнаго направленія.—Его вредъ и важное значеніе эстетическаго развитія.—Умственное развитіе дѣтей того времени: его достоинства и недостатки.—Пренебрежительное отношеніе къ развитію памяти.—Почему изгоняли изъ употребленія сказки.—Вредъ педантичнаго примѣненія какихъ бы то ни было методовъ.—Итоги нравовъ и воспитанія шестидесятыхъ годовъ.—Конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ.—Апатія и отсутствіе интереса интеллигенціи къ вопросамъ общественнымъ и педагогическимъ.—Отсутствіе подготовки современныхъ матерей къ дѣлу воспитанія.—Вниманіе направлено исключительно на физическое развитіе дѣтей, доведенное до холи и барства.—Современное направленіе воспитанія . . 88

СТРАН.

Глава VII. Наслѣдственность.

Значеніе и вліяніе наслѣдственности.—Примѣры наслѣдственной передачи.—Атавизмъ.—Какое значеніе имѣетъ воспитаніе при могущественномъ вліяніи наслѣдственности 126

Глава VIII. Могущественное значеніе привычекъ.

Задачи воспитанія.—Органы чувствъ дитяти.—Ихъ значеніе для физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія.—Вліяніе привычекъ въ развитіи этихъ органовъ.—Наслѣдственные и благопріобрѣтенные навыки при развитіи органовъ зрѣнія и слуха.—Насколько для нихъ усовершенствованія необходимы упражненія.—Вредные и полезные навыки въ воспитаніи органовъ чувствъ.—Практическія указанія для ихъ усовершенствованія.—Значеніе привычки въ области осязанія.—Практическія упражненія для развитія этого органа.—Вкусъ и обоняніе.—Какую опасную роль можетъ играть привычка при неправильномъ развитіи этихъ органовъ.—Роль привычки въ развитіи дара слова.—Процессъ развитія рѣчи ребенка.—Капризы и раздражительность, прививаемые въ раннемъ дѣтствѣ.—Ихъ причины, послѣдствія и обыденныя правила для избѣжанія ихъ.—Привычка къ аккуратности и чистоплотности.—Важное значеніе трудолюбія.—Необходимость навыка къ физическому труду.—Благотворное значеніе для дѣтей радости и веселья.—Какъ пріучать дѣтей къ послушанію.—Его значеніе для жизни ребенка и для его будущей дѣятельности.—Значеніе памяти въ сферѣ умственной и нравственной.—Вліяніе привычки на правильное развитіе памяти.—Какимъ образомъ слѣдуетъ ее усовершенствовать.—Значеніе вниманія.—Какую роль играетъ привычка въ развитіи вниманія.—Вниманіе непроизвольное и произвольное.—Отличіе одной формы вниманія отъ другой.—Какимъ образомъ развиваются побужденія къ вниманію характера узкаго и эгоистическаго.—Какими средствами слѣдуетъ вызывать вниманіе и какими этого не слѣдуетъ дѣлать.—Развитіе вниманія у дѣтей до школьнаго возраста 136

Глава IX. Нервность.

Усиленіе нервности и нервныхъ болѣзней во всѣхъ классахъ общества, среди взрослыхъ и дѣтей.—Величайшая опасность отъ этихъ недуговъ для современнаго общества.—Признаки и причины этого явленія.—Наслѣдственность и соціальныя условія.—Типичныя черты характера нервныхъ дѣтей и юношей.—При какихъ обстоятельствахъ воспитаніе вліяетъ на развитіе нервности и нервныхъ болѣзней.—Злоупотребленіе возбуждающими средствами и ихъ пагубное вліяніе на организмъ.—Преждевременное и ненормальное развитіе чувственности.—Чрезмѣрное физическое напряженіе.—Вредъ умственнаго переутомленія.—Однообразіе труда и его вліяніе.—Какой характеръ должно носить воспитаніе, чтобы ослабить вліяніе наслѣдственности и вредныхъ условій соціальной жизни.—Гигіена отдыха.—Правильно организованный трудъ.—Движеніе, какъ одно изъ важнѣйшихъ условій физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія.—Необходимость безмятежнаго сна.—Отъ какого сорта развлеченій должно устранять ребенка.—Охраненіе ребенка отъ душевныхъ потрясеній.—Гибельное вліяніе страха, испуга, гнѣва и горя на кровообращеніе, пищевареніе, дѣятельность сердца и дыханіе, на нервную систему и нравственность.—Вліяніе угрозъ и дурной привычки щекотать ребенка.—Вредъ испуга и страха передъ сномъ.—Какимъ образомъ слѣдуетъ подавлять аффекты и какъ не слѣдуетъ этого дѣлать.—Какъ предохранять дѣтей отъ нервности и нервныхъ заболѣваній. 179

СТРАН.

Глава X. Нравственное воспитаніе.

Какимъ долженъ быть нравственный человѣкъ.—Высшая цѣль воспитанія.—Какъ направить нравственное воспитаніе, чтобы оно наименѣе уклонялось отъ идеала. — Воспитаніе воли. — Вліяніе воли на тѣло и духъ.—Упражненіе воли не требуетъ дрессировки, а должно вытекать изъ естественныхъ условій жизни.—Вѣра въ свои силы и ея значеніе.—Ослабленіе воли.—Признаки и причины этого явленія.—Въ чемъ заключается воспитаніе характера.—Необходимость пробуждать сочувствіе, состраданіе, интересъ и любовь къ ближнему.—Подавленіе низменныхъ инстинктовъ.—Воспрещеніе дѣтямъ истязать животныхъ.—Подавленіе властолюбія и жадности.—Необходимость удовлетворять природному стремленію ребенка къ дѣятельности.—На какія занятія должно направлять дѣятельность ребенка дошкольнаго возраста.— Подражаніе.— Насколько эта черта дѣтскаго характера должна вызывать осмотрительность воспитателей. — Возможно-ли при воспитаніи обойтись безъ наказаній. — Сущность теоріи естественныхъ наказаній.—Насколько состоятельна эта теорія.—Примѣръ воспитанія семьи изъ дѣйствительной жизни 209

Глава XI. Воспитаніе ума.

О воспитаніи, которое получаютъ у насъ маленькія дѣти.—Могутъ-ли они усвоивать школьныя знанія, когда до школы имъ не даютъ правильнаго умственнаго развитія.—Къ чему ребенокъ выказываетъ умственное тяготѣніе съ ранняго возраста.—Важнѣйшія правила при развитіи дѣтскаго ума.—Какъ и что слѣдуетъ наблюдать въ природѣ и жизни.—Необходимая послѣдовательность въ наблюденіяхъ.—Ребенокъ долженъ наблюдать не только природу, но и человѣка.—Необходимо вспоминать наблюдаемое и пересказывать наблюденія.—Къ чему это ведетъ.—Практическія указанія для развитія наблюдательности.—Почему умственно развитые люди не всегда бываютъ нравственными.—Можетъ-ли правильное умственное развитіе не способствовать нравственному совершенствованію человѣка. — Большая часть пороковъ маленькихъ дѣтей происходитъ отъ отсутствія соотвѣтственнаго ихъ возрасту развитія 236

Примѣры практическихъ задачъ для наблюденій.

Задачи для наблюденій въ лѣтнее время 250
Задачи для наблюденій въ зимнее время 256

Глава XII. Система Фребеля.

Развитіе идей о дошкольномъ воспитаніи. — Система Фребеля.—Ея достоинства и недостатки.—Въ чемъ состоитъ заслуга Фребеля. . . . 266

Глава XIII. Воспитаніе ребенка съ перваго проявленія сознанія до трехъ-четырехъ лѣтъ.

Цвѣтные мячики. — Пригодны-ли фребелевскія упражненія съ мячикомъ для маленькихъ дѣтей.—Практическіе примѣры того, какъ мы, русскіе воспитатели, можемъ пользоваться идеями Фребеля.—Чѣмъ и какъ можемъ мы занимать ребенка въ первые годы его жизни.—Пѣсни, игры и наблюденія, которыми могутъ русскіе воспитатели занимать дѣтей въ первомъ возрастѣ.—Какъ измѣнить фребелевскія занятія съ мячикомъ для трехлѣтнихъ дѣтей. — Можно-ли съ трехъ лѣтъ начинать механическія занятія.—Когда дѣти могутъ начинать учиться счету.—Какому методу слѣдуетъ придерживаться при ариѳметическихъ упражненіяхъ съ маленькими дѣтьми. — Примѣры такихъ упражненій для дѣтей 3-хъ, 4-хъ лѣтъ.—Второй даръ: шаръ,

СТРАН.

кубъ, цилиндръ.—Бесѣды при упражненіяхъ со вторымъ даромъ. — Бесѣды и разсказы для дѣтей до четырехлѣтняго возраста.—Значеніе товарищества. 280

Глава XIV. Воспитаніе ребенка съ четырехъ до шести лѣтъ.

Третій даръ Фребеля—кубъ, раздѣленный на 8 кубиковъ, и четвертый даръ—кубъ, раздѣленный на 8 плитокъ.—Бесѣды, которыми можно сопровождать занятія по этимъ дарамъ.—Необходимое условіе при всѣхъ постройкахъ. — Загадки, пригодныя для дѣтей этого возраста. — На что слѣдуетъ обращать вниманіе дѣтей во время прогулокъ.—Вырѣзаніе отъ руки.—Насколько воспитатель можетъ принимать участіе въ самостоятельныхъ играхъ ребенка во время отдыха.—Примѣры ариѳметическихъ упражненій въ этомъ возрастѣ. — Значеніе сказокъ для дѣтей. — Примѣры того, въ какомъ видѣ слѣдуетъ давать сказки и какъ можно объяснять ихъ дѣтямъ.—Наблюденія надъ растеніями, разведенными въ комнатѣ самимъ ребенкомъ.—Бесѣды съ дѣтьми при раскладываніи лучинъ, при постройкахъ изъ кубиковъ и плитокъ; разница между ними.—Рисованіе по сѣти.—Бесѣды, сказки, разсказы и загадки для дѣтей отъ пяти до восьми-девяти лѣтъ 308

Глава XV. Воспитаніе ребенка съ 6-ти до 8-ми, 9-ти лѣтъ.

Пятый даръ Фребеля—кубъ, раздѣленный на 27 кубиковъ и 6-й даръ-кубъ, раздѣленный на 27 плитокъ.—Какъ слѣдуетъ руководить постройками этого рода.—Соотвѣтственныя бесѣды.—Лѣтнія игрушки. — Значеніе басенъ для дѣтей.—Какія басни слѣдуетъ выбирать дѣтямъ этого возраста и какими объясненіями сопровождать ихъ 344

Глава XVI. Подвижныя игры.

Значеніе игры въ жизни ребенка.—Какое направленіе слѣдуетъ давать играмъ.—14 подвижныхъ народныхъ игръ 354

Глава XVII. Обзоръ развивающихъ занятій и работъ.

Объясненіе таблицъ I—IX. — Значеніе строительнаго матеріала Фребеля.—Примѣры бесѣдъ при постройкахъ, указанныхъ на таблицахъ.—Разсказъ о жизни Песталоцци. — Разсказъ по поводу памятника Фребелю. — О плоскостяхъ: квадратъ, треугольники, цвѣтная мозаика и китайская головоломка.—Рисованіе красками.—Сгибаніе бумаги.—Переплетаніе бумажныхъ тесемокъ.—Раскладываніе и переплетаніе лучинъ.—Тканье или плетенье.—Работы изъ гороха.—Выкалываніе.—Вышиваніе.—Вырѣзаніе и наклеиваніе.—Вырѣзаніе тѣней.—Работы изъ сѣмянъ. — Отпечатываніе листьевъ. — Работы изъ соломы.—Лѣпка изъ глины. — Занятіе съ сюргучемъ. — Какое занятіе можно придумать съ стеариновымъ огаркомъ?—Гипсовыя работы.—Рисованіе.—Выкладываніе палочекъ или спичекъ. — Выкладываніе колецъ и полуколецъ.—Работы изъ бичевокъ.—Силуэты 359

Глава XVIII. Обзоръ наиболѣе полезныхъ дѣтскихъ игрушекъ.

Лѣтнія и зимнія игрушки 387

Таблицы . . . . . I—XXIV

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача предлагаемаго труда, какъ видно уже изъ заглавія,—нравственное и умственное воспитаніе дѣтей.

Популярныхъ руководствъ по физическому уходу за дѣтьми существуетъ уже не мало, но вовсе нѣтъ трудовъ по умственному и нравственному развитію дѣтей дошкольнаго возраста, въ которыхъ, вмѣстѣ съ выясненіемъ теоріи воспитанія, указывалось бы и практическое ея примѣненіе. Настоящимъ изданіемъ нашей книги мы дѣлаемъ попытку хотя нѣсколько пополнить означенный пробѣлъ.

Первое изданіе этого труда появилось въ 1871 г. Въ эти 20-ть лѣтъ намъ приходилось имѣть большую педагогическую практику и наблюдать за воспитаніемъ, даваемымъ другими, видѣть примѣненіе тѣхъ или другихъ педагогическихъ теорій, узнать по опыту степень ихъ пригодности. Въ тоже время въ педагогикѣ иностранной и русской шла теоретическая разработка многихъ вопросовъ воспитанія, на основѣ новой научной психологіи, что и дало намъ возможность совершенно заново переработать четвертое изданіе настоящаго труда.

Какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, такъ еще и теперь, существуетъ не мало родителей, признающихъ необходимость лишь тщательнаго физическаго воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста и совершенно отрицающихъ всю важность, все великое значеніе умственнаго и нравственнаго развитія ихъ за этотъ періодъ жизни, между тѣмъ съ научной точки зрѣнія это совершенный абсурдъ. За послѣднее 20-ти лѣтіе психологія массою неопровержимыхъ фактовъ выяснила, какое важное значеніе въ воспитаніи имѣютъ упражненія разнаго рода. Какъ органы внѣшнихъ чувствъ, эти могущественнѣйшія орудія умственнаго и нравственнаго развитія человѣка, такъ и всѣ физическія силы и способности ребенка совершенствуются только упражненіемъ. Организація человѣка, какъ духовная, такъ и физическая, его органы и способности слабѣютъ, атрофируются,

а иногда и совсѣмъ разрушаются при покоѣ, при недостаткѣ упражненій,—это законъ неопровержимый. Изъ сказаннаго ясно, что человѣкъ становится крѣпче, сильнѣе, здоровѣе физически и духовно, обладаетъ болѣе совершенными органами внѣшнихъ чувствъ, если воспитатели ставятъ ребенка съ самаго ранняго дѣтства въ условія, при которыхъ всѣ его органы, всѣ его духовныя и физическія способности могутъ упражняться: онъ будетъ добръ и милосердъ, если съ ранняго дѣтства упражнялъ свою доброту, внимателенъ къ окружающимъ, если заботился о ихъ покоѣ и жертвовалъ для нихъ своими личными интересами и удовольствіями. Если даже богато одареннаго ребенка не поставятъ въ благопріятныя условія для развитія его наблюдательности, — онъ будетъ въ концѣ концовъ или вовсе ненаблюдателенъ, или въ немъ разовьется лишь внѣшняя наблюдательность. Односторонняя забота родителей объ одномъ физическомъ благосостояніи дѣйствительно можетъ создать изъ ребенка атлета, если только онъ отъ рожденія не унаслѣдовалъ болѣзненной организаціи или какихъ либо физическихъ аномалій. Но если съ дѣтства воспитатели не обращали вниманія на выработку въ ребенкѣ альтруистическихъ склонностей, а также чувства чести и долга, если при этомъ они не заботились объ укрѣпленіи воли, характера и облагораживающихъ умъ и сердце стремленій,—будь человѣкъ атлетическаго сложенія, онъ не только не принесетъ пользы обществу, но и самъ, въ большинствѣ случаевъ, не будетъ долго наслаждаться своею силою и здоровьемъ. Люди, не выработавшіе никакихъ нравственныхъ правилъ, выходятъ въ концѣ концовъ Митрофанушками: въ нихъ обыкновенно преждевременно пробуждаются чувственные инстинкты, низводящіе человѣка до животнаго, и они съ ранней молодости предаются разнаго рода излишествамъ, бросаются на вредныя и грубыя удовольствія, быстро подтачивающія ихъ здоровье.

Отрицаніе необходимости умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей дошкольнаго возраста объясняется съ одной стороны лѣнью и апатіею воспитателей (такъ какъ противуположный взглядъ на это дѣло обязываетъ къ серьезной подготовкѣ и къ постоянному труду), съ другой, быть можетъ, тѣмъ, что въ послѣднее время и у насъ, и на западѣ появилось много работъ объ умственномъ переутомленіи дѣтей. И въ силу того, что дѣтей можно переучить, переутомить, совсѣмъ не заботятся о развитіи ихъ психическихъ силъ. Но вѣдь и перекормить можно, однако никому не приходитъ въ голову совсѣмъ не кормить ребенка потому только, что его можно перекормить. Переутомленіе мозга дѣйствительно въ высшей степени гибельно отражается на здоровьѣ дѣтей, но не менѣе гибельно можетъ отразиться во всѣхъ сферахъ будущей дѣятельности человѣка и отсутствіе умственнаго и нравственнаго развитія ихъ въ дѣтствѣ. Нако-

нецъ, почему же развитіе психическихъ силъ дѣтей заслуживаетъ со стороны воспитателей меньшаго вниманія и заботы, чѣмъ физическій уходъ? Неужели духовная жизнь дитяти менѣе важна, чѣмъ его физическое благосостояніе?

На складъ характера человѣка наиболѣе могущественное вліяніе оказываютъ: соціальныя условія нашей прошлой и настоящей жизни, наслѣдственность и воспитаніе,—на всѣхъ этихъ вліяніяхъ мы и останавливаемся въ нашемъ трудѣ.

Нравы, обычаи, понятія, стремленія и идеалы общества того или другаго періода нашей жизни всегда оказывали громадное вліяніе на воспитаніе, были въ тѣсной зависимости другъ отъ друга и потому то оставляли глубокій слѣдъ въ характерѣ русскаго человѣка. Вслѣдствіе этого мы и даемъ рядъ историческихъ очерковъ, но останавливаемся лишь на самыхъ выдающихся фактахъ нашей прошлой жизни, оказавшихъ наиболѣе рѣшительное вліяніе на воспитаніе и на развитіе характера. Наиболѣе развращающее вліяніе имѣли крѣпостное право, суевѣрія, презрѣніе къ труду, лѣнь мысли, отсутствіе иниціативы и самодѣятельности, со всею силою господствовавшія не только въ допетровскій періодъ нашей прошлой жизни, но и во всю первую половину XIX столѣтія. Условія нашего прошлаго, и въ особенности система нашего воспитанія и образованія, создали вѣчные раздоры и разногласія между отцами и дѣтьми,—эту тяжелую, никогда непрекращающуюся семейную драму, подтачивающую силы того и другаго поколѣнія, тормозящую наше умственное и нравственное преуспѣяніе и оставившую замѣтные слѣды на складѣ нашего характера и на всѣхъ отношеніяхъ одного поколѣнія къ другому. Мы также нашли нужнымъ остановиться на двухъ теченіяхъ нашего воспитанія, изъ которыхъ одно—дореформенное, когда требовалось все отъ дѣтей и ничего отъ родителей, и совершенно противуположное ему, начавшееся съ освободительнаго періода, когда дѣти получаютъ первенствующую роль въ семьѣ; въ двухъ очеркахъ «Первая половина XIX-го вѣка» и «Шестидесятые годы» мы выясняемъ причины того и другаго явленія и указываемъ ихъ послѣдствія. Во всѣхъ этихъ историческихъ очеркахъ мы стараемся дать понятіе о томъ, какъ слѣдуетъ поставить воспитаніе, принимая въ разсчетъ неблагопріятныя условія нашей прошлой жизни и имѣя въ виду необходимость постепенно сглаживать и ослаблять ихъ вліяніе.

Воспитаніе тѣсно связано и идетъ рука объ руку съ развитіемъ идей и идеаловъ,—вотъ потому то мы и обратили вниманіе на распространеніе философскихъ идей XVIII в. и педагогическихъ воззрѣній въ освободительный періодъ 60-хъ гг., постоянно указывая при этомъ на достоинства и недостатки обновленнаго и реформированнаго этими идеями воспитанія.

Давая очеркъ развитія педагогическихъ идей какъ у насъ, такъ и на западѣ, мы отмѣчаемъ также, какія изъ нихъ были у насъ усвоены или забыты и какія могли бы имѣть значеніе еще и теперь.

Само собою разумѣется, что уже одна эта задача могла бы служить предметомъ обширнаго научнаго трактата. Но наша цѣль болѣе скромная, и мы имѣемъ въ виду практическое значеніе излагаемыхъ историческихъ фактовъ. Давая въ сжатыхъ очеркахъ тѣ результаты, къ которымъ приводятъ научные труды нашихъ историковъ, мы связываемъ это историческое изложеніе съ нашею практическою задачею и, соображаясь съ размѣрами нашего труда, указываемъ, какіе уроки наше прошлое завѣщало современнымъ воспитателямъ. Такимъ образомъ, представляя картину прошлаго быта, въ связи съ воспитаніемъ молодаго поколѣнія, мы имѣемъ въ виду тѣ практическіе выводы, какіе логически изъ нея вытекаютъ: они могутъ предохранить насъ отъ множества ошибокъ, въ которыя впадали еще и наши современники—люди 60-хъ гг., проникнутые наилучшими намѣреніями.

На человѣка оказываютъ вліяніе не только историческія условія, но и наслѣдственность,—вотъ потому-то мы и знакомимъ нашихъ читателей съ ея законами и стараемся показать, какое значеніе имѣетъ воспитаніе при данныхъ историческихъ условіяхъ и при могущественномъ вліяніи наслѣдственности.

Цѣль воспитанія — создать здороваго человѣка съ твердою волею, съ сильнымъ и великодушнымъ характеромъ, умственно и нравственно-развитаго; ея задача—развить здоровыя способности, задерживать болѣзненныя и вредныя наслѣдственныя склонности, развить въ человѣкѣ живой интересъ къ окружающему, стремленіе къ личному самоусовершенствованію, къ постоянному расширенію своего умственнаго кругозора и возбудить неутомимую жажду дѣятельности на пользу ближняго. Самое неотразимое вліяніе воспитаніе оказываетъ на развитіе и направленіе привычекъ, обусловливающихъ весь складъ характера человѣка, его дѣятельность, здоровье, нравственность, состояніе его умственныхъ способностей, наконецъ даже душевное настроеніе. Обширный очеркъ посвященъ въ нашемъ трудѣ значенію привычекъ въ области физической и моральной; мы иллюстрируемъ его примѣрами изъ обыденной жизни и указываемъ, какими средствами воспитатель можетъ развивать и укрѣплять склонности къ честнымъ и полезнымъ навыкамъ, обязательнымъ для каждаго порядочнаго человѣка.

Все знакомство наше съ внѣшнимъ міромъ происходитъ путемъ чувственныхъ воспріятій, т. е. посредствомъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, служащихъ могущественнѣйшими рычагами физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Безъ правильнаго и разумнаго воспитанія органовъ внѣш-

нихъ чувствъ человѣкъ не только не будетъ способенъ къ выводамъ, обобщеніямъ и заключеніямъ, но не можетъ имѣть и надлежащаго сужденія о предметѣ, слѣдовательно для такого человѣка немыслима будетъ въ послѣдствіи духовная жизнь. Вслѣдствіе этого воспитанію органовъ чувствъ мы отводимъ значительное мѣсто и даемъ практическія указанія для ихъ упражненія. Мы останавливаемся также на выясненіи и другихъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ дитяти, какъ напр. послушаніи, памяти и вниманіи, имѣющихъ громадное значеніе какъ для его будущей дѣятельности, такъ и для его нравственнаго и умственнаго развитія.

Воспитаніе, даже вполнѣ разумное, только тогда достигаетъ желательныхъ результатовъ, когда нервная система ребенка оказывается въ совершенномъ порядкѣ, поэтому и мы удѣляемъ значительное мѣсто очерку, въ которомъ указываемъ, какія условія развиваютъ нервность и производятъ различныя нервныя растройства и заболѣванія, и какимъ образомъ слѣдуетъ оберегать отъ нихъ ребенка. Имѣя въ виду, что душевныя потрясенія и страхъ особенно гибельно вліяютъ на нервную систему, нравственность и весь организмъ ребенка, мы особенно долго сосредоточиваемъ наше вниманіе на этихъ явленіяхъ.

Въ очеркѣ «Нравственное воспитаніе» мы указываемъ, какимъ образомъ направить воспитаніе такъ, чтобы оно наименѣе уклонялось отъ желательнаго идеала. Для этого, прежде всего, необходимо съ первыхъ лѣтъ сознательной жизни ребенка воспитывать его волю и характеръ. Воля — самый могущественный рычагъ нравственнаго и умственнаго самоусовершенствованія. Человѣкъ можетъ быть лишь настолько нравственнымъ, дѣятельнымъ, трудолюбивымъ, а слѣдовательно и умственно-развитымъ, насколько развита его воля. Чѣмъ менѣе человѣкъ подчиняется своимъ болѣзненнымъ склонностямъ и страстямъ, тѣмъ сильнѣе его воля, а вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ опредѣленнѣе характеръ его дѣйствій. Если воля недостаточно упражняется съ ранняго возраста, если ребенку даютъ возможность руководствоваться лишь своими личными желаніями, если въ немъ не развили ни трудолюбія, ни послушанія, — съ нимъ будетъ одно изъ двухъ: или у него совсѣмъ не будетъ выработана воля, или изъ него выйдетъ самодуръ, который будетъ обнаруживать смѣлость и рѣшимость лишь въ поступкахъ, несообразныхъ ни съ честью, ни съ совѣстью. Въ означенномъ очеркѣ мы указываемъ вліяніе воли не только на духъ, но и на тѣло человѣка.

Въ очеркѣ «Воспитаніе ума» мы говоримъ объ умственномъ развитіи, какое получаютъ наши дѣти до школы, объясняемъ, насколько оно не соотвѣтствуетъ разумной подготовкѣ къ усвоенію школьныхъ знаній и расширенію умственнаго кругозора. Здѣсь мы отмѣчаемъ также, какъ и что

долженъ наблюдать ребенокъ въ природѣ и жизни, и останавливаемся на важнѣйшихъ педагогическихъ правилахъ, соблюденіе которыхъ обязательно при развитіи дѣтскаго ума.

Первое условіе воспитанія для умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей до школы—соотвѣтственныя возрасту занятія, естественно вытекающія изъ потребностей дѣтской природы и въ то же время развивающія его умъ и сердце. Великій знатокъ дѣтской природы—Фребель много поработалъ надъ системою воспитанія дитяти дошкольнаго возраста. Несмотря на то, что его идеи не новы, занятія и игры, предложенныя имъ, не представляютъ ни его изобрѣтенія, ни открытія, тѣмъ не менѣе его можно смѣло считать творцомъ новой системы «дѣтскихъ садовъ», которая внесла въ высшей степени важную реформу въ педагогику и въ педагогическія воззрѣнія общества, системы, имѣющей, несмотря на свои крупные промахи и слабыя стороны, серьезное значеніе для дѣтскаго развитія. Хотя и до Фребеля уже сознавали значеніе воспитанія въ первые годы жизни ребенка и указывали, что оно имѣетъ неотразимое вліяніе на складъ характера человѣка и на всю его послѣдующую дѣятельность, но такое сознаніе было достояніемъ очень немногихъ, и первоначальное воспитаніе, до второй половины нашего столѣтія, вполнѣ предоставлено было произволу. Ребенокъ съ ранняго дѣтства обнаруживаетъ стремленіе къ дѣятельности, — вотъ это-то свойство дѣтской природы Фребель и считаетъ необходимымъ поддерживать и развивать прежде всего.

Имѣя въ виду эту выдающуюся черту характера ребенка, Фребель находитъ необходимымъ подобрать матеріалъ для его дѣятельности, соотвѣтственный его силамъ физическимъ и психическимъ. Такъ какъ дѣятельность ребенка въ раннемъ возрастѣ выражается въ игрѣ, то игра, по мнѣнію Фребеля, должна быть главнымъ воспитательнымъ средствомъ. Такимъ образомъ всѣ занятія, во весь періодъ его жизни до школы, должны имѣть характеръ игры и быть направлены такъ, чтобы вносить въ дѣтскую жизнь радость, счастіе и свѣтъ. Эти занятія воспитатель долженъ вести среди природы, что даетъ возможность дѣтямъ наблюдать окружающій міръ и укрѣплять физическія силы. Предлагаемыя воспитателями игры и занятія должны развивать органы внѣшнихъ чувствъ дитяти, его стремленіе къ движенію, наблюдательность, творчество и трудолюбіе.

Система Фребеля страдаетъ большими погрѣшностями: не имѣя возможности построить ее на законахъ научной психологіи и увлекаясь философіею, которая носила въ то время въ Германіи характеръ туманный и метафизическій, Фребель даетъ своей воспитательной системѣ метафизическую основу и накидываетъ отъ времени до времени на самыя свѣтлыя свои мысли, на самыя глубокія педагогическія истины покровъ слащаваго

сантиментализма и мистицизма. Но какова была сила таланта этого замѣчательнаго педагога, видно изъ того, что, несмотря на незнакомство его съ научною психологіею, изумительное знаніе дѣтской души поразитъ каждаго, кто основательно изучитъ его систему. Всѣ наши очерки о Фребелевской системѣ заключаютъ въ себѣ съ одной стороны ея изложеніе и критическую оцѣнку, съ другой — указанія на то, что изъ нея мы, русскіе воспитатели, могли бы заимствовать, но не иначе, конечно, какъ совершенно переработавъ согласно съ условіями нашей жизни, и какъ могли бы мы примѣнять это заимствованное и переработанное къ воспитанію нашихъ русскихъ дѣтей дошкольнаго возраста.

Е. Водовозова.

ВВЕДЕНІЕ.

Еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ русскихъ дѣтей, за весьма рѣдкими исключеніями, не воспитывали, а лишь ростили, руководствуясь понятіями и правилами, почерпнутыми изъ незамысловатой житейской дѣйствительности. Характеръ воспитанія въ Россіи до половины нынѣшняго столѣтія видоизмѣнялся чрезвычайно медленно, обновляясь вмѣстѣ съ историческими условіями нашей жизни, но съ начала 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, этого самаго лихорадочнаго и оживленнаго періода умственнаго и нравственнаго пробужденія, возрожденія самосознанія и обновленія русскаго общества послѣ долгой спячки и застоя, воспитаніе вошло въ новую фазу развитія. Вмѣстѣ съ заботою о просвѣщеніи только что освобожденнаго отъ рабства народа, серьезно стали думать и о болѣе раціональномъ воспитаніи дѣтей средняго и высшаго классовъ общества: одно за другимъ начали быстро появляться дѣтскіе и педагогическіе журналы, педагогическія статьи и отдѣльныя сочиненія, какъ переводныя, такъ и самостоятельныя, трактующія о физическомъ уходѣ за дѣтьми, о нравственномъ и умственномъ воспитаніи, о методахъ обученія различнымъ предметамъ. Молодыя матери, съ ужасомъ вспоминая свое дѣтство, когда онѣ не получали отвѣтовъ на незамысловатые вопросы относительно поражающихъ ихъ явленій окружающей природы и жизни, и ту безобразную атмосферу, которая совсѣмъ коверкала ихъ характеръ, развращала и притупляла ихъ умственно, бросились учиться, сколько хватало силъ, и прежде всего посвящали себя занятіямъ педагогикою. Онѣ рѣшили дать своимъ дѣтямъ воспитаніе и развитіе, соотвѣтствующее самымъ строгимъ современнымъ требованіямъ. Къ сожалѣнію, эти старанія, эти честныя стремленія очень часто не приводили ни къ чему, и приблизительно въ половинѣ 70-хъ годовъ, вмѣстѣ съ реакціей, наступившей еще раньше, посыпался градъ обвиненій на воспитаніе эпохи 60-хъ годовъ и на педагогику вообще. Педагогическія сочиненія были заброшены, и новое поколѣніе матерей не находило уже нужнымъ заниматься педагогическими вопросами. Собственную лѣнь и апатію, вѣрную спутницу реакціи, оправдывали тѣмъ, что воспитаніе 60-хъ годовъ дало не лучшіе результаты, чѣмъ то, которое дѣти получали при крѣпостномъ правѣ; стали говорить, что теперь, какъ и прежде, въ семьяхъ можно встрѣтить разладъ между молодымъ и старымъ поколѣніями, что теперь точно также немало самодуровъ и эгоистовъ, и притомъ ихъ безсердечный эгоизмъ проявляется даже и въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ при воспитаніи руководствовались самыми гуманными принципами, отдавали дѣтямъ всю душу. Если-бы во многихъ отношеніяхъ печальные результаты

60-хъ годовъ заставили послѣдующее поколѣніе воспитателей еще болѣе внимательно отнестись къ педагогическому дѣлу, то въ концѣ концовъ, вѣроятно, выяснилось бы, что не принципы и идеалы 60-хъ годовъ, въ дѣйствительности высоко гуманные и въ большинствѣ случаевъ совершенно здравые и разумные, были этому причиною, а всѣ условія нашей исторической жизни. Съ одной стороны промахи и ошибки воспитателей 60-хъ годовъ происходили отъ недостатка ихъ подготовки къ педагогическому дѣлу, съ другой—воспитаніе этого времени, построенное на совершенно новыхъ началахъ, при своемъ практическомъ примѣненіи, не имѣло рѣшительно никакихъ прецедентовъ и традицій въ прошломъ: вновь созданныя или заимствованныя съ запада теоріи воспитанія теперь приходилось въ первый разъ примѣнять на практикѣ. Еще большимъ тормазомъ въ этомъ, совершенно новомъ, воспитательномъ дѣлѣ явились тяжкія историческія условія нашей прошлой жизни, имѣвшія неотразимо вредное вліяніе на складъ характера русскаго человѣка. Чтобы понять развращающее вліяніе многихъ историческихъ условій русской жизни, возьмемъ для примѣра хотя одно изъ нихъ — крѣпостное право: около двухъ съ половиною вѣковъ систематично развращало оно всѣ стороны ума и сердца русскаго человѣка. Этотъ растлѣвающій ядъ проникъ во всѣ поры нашего организма, пропиталъ нашу плоть и кровь и до сихъ поръ отравляетъ наши нравы, понятія, стремленія, еще и теперь имѣетъ вліяніе на нашу умственную дѣятельность.

Кромѣ въ высшей степени печальныхъ историческихъ условій для развитія русскаго характера, воспитаніе 60-хъ годовъ и само по себѣ, какъ дѣло совершенно новое, не избавлено было отъ многихъ серьезныхъ ошибокъ, и при томъ періодъ оживленія въ педагогической области былъ весьма непродолжителенъ, — естественно, что оно не могло пересоздать характеръ русскаго человѣка, испоконъ вѣка развивавшагося въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Воспитаніе въ Россіи измѣнялось вмѣстѣ съ историческими условіями жизни; но такъ какъ оно идетъ рука объ руку и находится въ тѣсной связи съ нравами и обычаями народа, во многихъ отношеніяхъ болѣе устойчивыми, чѣмъ политическій и государственный строй, то и періоды измѣненія и обновленія системы нашего воспитанія были очень рѣдки, наступали съ большими промежутками, и новая эпоха воспитанія отличалась отъ предъидущей скорѣе по внѣшности, нежели по своему внутреннему характеру. Совсѣмъ другое явленіе замѣчаемъ мы послѣ крестьянской реформы. Характеръ воспитанія въ освободительный періодъ не имѣлъ ничего общаго съ воспитаніемъ дореформеннымъ. Что-же касается современнаго воспитанія, начавшагося приблизительно съ половины 70-хъ годовъ и удержавшаго лишь второстепенные принципы предшествующаго десятилѣтія, то оно имѣетъ собственно мало общаго съ этой послѣдней эпохой. Оба эти періоды воспитанія (60-хъ и 70-хъ годовъ), такъ внезапно смѣнившіеся одинъ другимъ, сходятся между собою въ одномъ: воспитатели какъ эпохи 60-хъ годовъ, такъ и современные, сразу выбросили за бортъ, какъ ненужную ветошь, педагогическіе принципы и идеалы предшествующей эпохи, и, со свойственнымъ русскому обществу легкомысліемъ, тѣ и другіе, при новомъ вѣяніи, отъ всего отреклись, отреклись безъ всякихъ колебаній, безъ борьбы, безъ критической провѣрки. Что такая крупная перемѣна произошла въ эпоху 60-хъ гг.,—еще нѣсколько понятно: людямъ этого періода, въ большинствѣ случаевъ, нечего было заимствовать изъ воспитанія предшествующей эпохи, нечего было жалѣть крѣпостническихъ идеаловъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи очутились явившіеся имъ на смѣну воспитатели 70-хъ годовъ: они получили отъ предше-

ственниковъ богатое наслѣдіе педагогическихъ методовъ, глубокихъ идей, гуманныхъ, высоко-честныхъ идеаловъ и принциповъ, сдѣлавшихся у насъ наиболѣе популярными въ шестидесятыхъ годахъ, и отъ большей части ихъ они постарались отдѣлаться какъ можно скорѣе, будто бы только на томъ основаніи, что результаты воспитанія 60-хъ годовъ очень часто получались не блистательные.

Мы считаемъ необходимымъ въ первыхъ главахъ нашего труда дать сжатый очеркъ *историческихъ условій, вліявшихъ прямо или косвенно на складъ характера русскаго человѣка*, на его воспитаніе, привычки, вкусы и стремленія. Этотъ очеркъ дастъ намъ возможность понять, какъ энергично, дружно и постоянно должны преслѣдовать воспитатели выработку въ теоріи и на практикѣ идеаловъ, намѣченныхъ литературою и жизнью, чтобы впослѣдствіи, при неблагопріятныхъ условіяхъ нашей дѣйствительности, они давали человѣку возможность сохранять душу живу, т. е. честные принципы и убѣжденія, умѣнье разбираться, анализировать и критически относиться къ различнымъ явленіямъ. Указывая на пороки, привитые воспитаніемъ и явленіями прошлой жизни, мы постараемся, по возможности, намѣтить и ту борьбу, которую воспитатели должны вести противъ нихъ, и указать, противъ чего слѣдуетъ возставать, къ чему должно стремиться, на что направлять любознательность и наблюдательность дитяти, чтобы по возможности ослаблять роковыя историческія вліянія. Предлагаемые нами историческіе очерки должны объяснить также и причину той розни, тѣхъ вѣчныхъ и глубоко-печальныхъ недоразумѣній, которыя испоконъ вѣка сложились на Руси между отцами и дѣтьми; въ нихъ мы стараемся также выяснить причину того, почему самые гуманнѣйшіе принципы 60-хъ годовъ не пустили въ нашей жизни достаточно глубокихъ корней. Для этихъ очерковъ мы беремъ лишь тѣ факты и явленія нашей исторической жизни, которые оказали наиболѣе рѣшительное вліяніе на складъ характера русскаго человѣка.

Исторія воспитанія въ Россіи, по нашему мнѣнію, можетъ быть раздѣлена на пять періодовъ. *Первый періодъ* неразрывно связанъ съ суровымъ родительскимъ произволомъ въ допетровской Руси, *второй*—начавшись новшествами и реформами Петра Великаго, продолжается до Екатерины II, *третій*—со времени императрицы Екатерины, когда усилилось вліяніе гуманныхъ западныхъ идей въ области воспитанія,—до освобожденія крестьянъ, *четвертый* — 60-е годы и, наконецъ, *пятый періодъ* обнимаетъ современное воспитаніе.

Для нашей цѣли нѣтъ надобности говорить о жизни древне-русскаго общества въ удѣльно-вѣчевой періодъ; мы считаемъ достаточнымъ начать изученіе характера русскаго воспитанія съ XVI-го вѣка.

Глава I. Воспитаніе въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Домострой.—Безграничный произволъ главы семейства.—Положеніе дѣтей.—Какіе примѣры имѣли они передъ глазами.—Аскетическіе идеалы и ихъ значеніе.—Положеніе женщины.—Теремъ и его вліяніе.—Грубость нравовъ и жестокость.—Семейныя дрязги и развратъ.—Отношеніе къ рабамъ и друзьямъ.—Ссоры, сквернословіе и драки.—Доносы.—Грубыя развлеченія: пиры, обжорство, пьянство, звѣриныя травли, охота, кулачные бои, скоморохи.—Взяточничество.—Суевѣрія.—Кликуши.—Нищіе и отношеніе къ нимъ.—Презрѣніе высшаго сословія къ труду.—Отсутствіе интеллигенціи.—Византійское вліяніе и продолжительное отчужденіе Россіи отъ западной Европы.

Самый типичный памятникъ перваго періода воспитанія въ Россіи—Домострой, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отразились семейныя и общественныя понятія нашихъ предковъ, ихъ взгляды на воспитаніе и строй домашней жизни. Основныя начала Домостроя глубоко проникли въ жизнь русскаго общества и господствовали въ немъ во всей силѣ не только въ XVI и XVII ст., но и въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Члены семьи, по Домострою, должны были жить исключительно семейными интересами и находиться не только въ полномъ подчиненіи главѣ семейства, но и въ совершенномъ рабствѣ передъ нимъ. Только домовладыка могъ быть въ семьѣ самостоятельною личностью, единовластнымъ, грознымъ ея властителемъ и вершителемъ ея судебъ. И дѣйствительно, глава семейства того времени пользовался въ своемъ домѣ такимъ же престижемъ, такою же самодержавною властью, какъ великій князь московскій въ землѣ русской. Съ перваго взгляда его обязанности были сложны и затруднительны: онъ долженъ былъ наблюдать за нравственностью и жизнью жены, дѣтей, рабовъ и всѣхъ живущихъ въ домѣ домочадцевъ; но въ сущности его обязанности были точно опредѣлены, далеко не головоломны и, согласно съ характеромъ эпохи, грубы до жестокости, суровы и дики. Заботиться о нравственности своихъ близкихъ домовладыка долженъ былъ не иначе, какъ съ плетью въ рукахъ, не щадя ни плети, ни лозы, ни жезла. Единственнымъ ограниченіемъ такого произвола служилъ совѣтъ Домостроя—не изувѣчить истязуемаго. Авторъ Домостроя даетъ подробныя наставленія, какъ употреблять то или другое наказаніе; совѣтуетъ производить домашнія экзекуціи *келейно*, чтобы «люди того не вѣдали и не слыхали». Если истязуемый не каялся и не плакалъ о грѣхахъ своихъ, наказаніе ему слѣдовало назначать болѣе жестокое. «Любя сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися... И не дажъ ему власти (воли въ юности), но сокруши ему ребра»...

Домострой, выдвигая на первый планъ отцовскій авторитетъ, требуетъ отъ жены, дѣтей и слугъ домовладыки полнаго ему подчиненія, строго наказывая

служить ему «со страхомъ, раболѣпно». Передъ его лицомъ жена, дѣти, рабы, домочадцы, однимъ словомъ, рѣшительно всѣ домашніе были въ положеніи безсмысленныхъ малолѣтокъ. Жена была съ одной стороны ближайшею служанкою мужа, съ другой его экономкою. Домострой отдавалъ ее въ полную опеку мужа, въ рабскую отъ него зависимость. Всѣ члены семьи безусловно зависѣли отъ его произвола.

Но вотъ что любопытно: Домострой, не смотря на подробныя, доведенныя до мелочей наставленія, какъ устроить домашнюю жизнь и хозяйство, какъ и кого почитать, какъ и когда наказывать, совсѣмъ не указываетъ нравственныхъ правилъ, какими слѣдуетъ руководиться въ жизни. Всѣ правила Домостроя чисто внѣшняго характера. Въ отношеніи къ ближнимъ онъ требуетъ лишь, чтобы члены семьи не выносили изъ избы сора, т. е. не дѣлали бы посторонникъ свидѣтелями своихъ дрязгъ и при томъ съ чисто эгоистическою цѣлью, «дабы тѣ не могли поносить ихъ и порочить». Предписывая вѣрную службу царю, онъ не даетъ наставленій относительно служенія родинѣ; что касается воспитанія, то вся его система ограничивается плетью и жезломъ; онъ не указываетъ даже на Евангеліе, какъ на основное руководство въ нравственной жизни. Понятно, что общество, почерпавшее всю мудрость и всю житейскую философію изъ Домостроя, не могло имѣть ни малѣйшихъ понятій о нравственности. При полномъ и несокрушимомъ авторитетѣ отцовской власти, всякое мало-мальски самостоятельное проявленіе чувства и мысли было тяжкимъ преступленіемъ и встрѣчало общее презрѣніе. На такія стремленія отдѣльныхъ личностей въ древне-русскомъ обществѣ смотрѣли, какъ на непростительную самонадѣянность и гордость. Понятно, что чѣмъ прочнѣе укоренялись въ сознаніи такія понятія, тѣмъ болѣе съ каждымъ поколѣніемъ деморализировалось общество.

Посмотримъ же теперь, какъ осуществлялись книжныя поученія Домостроя.

Жизнь русскихъ людей того времени преимущественно развивалась въ одномъ направленіи—въ церковно-обрядовомъ. Никто не заслуживалъ въ обществѣ такого почтенія, какъ человѣкъ усердный къ молитвѣ, часто посѣщающій церковь, заботливо относящійся къ ея нуждамъ и благолѣпію. Изъ своего дома каждый старался устроить церковь въ миніатюрѣ. Нравственные вопросы мало волновали нашихъ предковъ; зато у нихъ шли постоянные споры о томъ, что слѣдуетъ пить и ѣсть въ извѣстные дни поста, какія молитвы читать, какое количество поклоновъ дѣлать. И все это дѣйствительно строго выполнялось, но чисто механически, безъ участія мысли и чувства.

Такое узкое пониманіе религіи и обрядовое отношеніе къ ней развивало безчисленныя суевѣрія и извращало понятія о нравственности. Большинство вело самую безпутную, безобразную жизнь, строго вѣря, что ее вполнѣ можно загладить исполненіемъ однихъ обрядовыхъ предписаній: поклонами, частымъ посѣщеніемъ церкви, раздачею милостыни. Благоговѣя передъ храмомъ божіимъ, наши предки не умѣли даже пристойно держать себя въ немъ: церковь являлась у нихъ мѣстомъ торговыхъ сдѣлокъ и пустой болтовни. Не стѣсняясь церковною службою, они громко болтали, передавали другъ другу новости, высмѣивали одежду присутствующихъ, не стѣсняясь вели коммерческія сдѣлки, бранились, ссорились, отпускали грубыя шутки.

Рабская приниженность передъ авторитетомъ отца, его самодурство, грубый развратъ, царившій всюду, и полное отсутствіе какого бы то ни было умственнаго движенія не могли не вызывать внутренняго недовольства, ужаса и омерзенія въ отдѣльныхъ, наиболѣе чуткихъ людяхъ. Но недовольные окру-

жающею дѣйствительностью могли имѣть въ то время лишь одинъ выходъ изъ своего положенія—монастырь.

Рука объ руку съ нравственною распущенностью нашихъ предковъ и чисто обрядовымъ ихъ отношеніемъ къ религіи, въ обществѣ развивались аскетическія стремленія, вырабатывались аскетическіе идеалы и взгляды. Съ аскетической точки зрѣнія все мірское, все житейское—суета суетъ, и оно подвергалось безпощадному порицанію и бичеванію. Люди, желающіе слѣдовать аскетическимъ идеаламъ, должны были избѣгать всѣхъ мірскихъ благъ, даже невинныхъ развлеченій и удовольствій, бросать свои имѣнія и богатства и запираться въ монастыри. Окружающій міръ, по взгляду аскетовъ, былъ олицетвореніемъ всего злаго, и жить среди него—истинная погибель. Отреченіе отъ всего житейскаго, взглядъ на міръ, какъ на омутъ, какъ на растлѣвающую «блудницу», заставлялъ людей стремиться къ высшему духовному міру, къ побѣдѣ духа надъ плотью, однимъ словомъ удаляться въ пустыни и монастыри. И дѣйствительно туда бѣжали всѣ, кого еще не въ конецъ растлили гнетъ, развратъ и жестокіе нравы, кто инстинктивно сохранялъ хотя искру Божію, хотя тѣнь нравственнаго чувства. Идеалъ монашескій сдѣлался идеаломъ христіанской нравственности, конечною цѣлью наиболѣе честныхъ и порядочныхъ людей того времени. Передъ монашескимъ идеаломъ все благоговѣло и преклонялось. Священники постоянно поучали народъ, что истинное пристанище людей благочестивыхъ—монастырь. Рабы, подавленные деспотизмомъ своихъ господъ, голодомъ и холодомъ, видѣли въ монахахъ своихъ истинныхъ утѣшителей и молитвенниковъ и окружали ихъ ореоломъ святости и нравственной чистоты. Взглядъ на монашество, какъ на идеалъ высоконравственный, много содѣйствовалъ быстрому развитію монастырей, куда массами бѣжалъ благочестивый людъ.

Такое крайнее развитіе монашества и аскетическихъ идеаловъ повлекло за собой множество послѣдствій, неблагопріятныхъ для развитія русскаго общества. Все, что было въ немъ наиболѣе даровитаго, талантливаго, всѣ, кого наиболѣе возмущало безобразіе окружающей среды, гнетъ умственный и нравственный, кого трудно было втиснуть въ узкія рамки внѣшней обрядности, со всею фальшью и ложью, кого инстинктивно ужасало отсутствіе какой бы то ни было честной дѣятельности, или тѣ, наконецъ, кто искалъ забвенія отъ ужасной дѣйствительности,—бѣжали въ монастыри. Вмѣсто того, чтобы приносить пользу своимъ ближнимъ въ сферѣ государственной и общественной, вести борьбу съ распутствомъ, наглостью и хищничествомъ или, по крайней мѣрѣ, хотя честною семейною жизнью показывать примѣръ другимъ, — они укрывались отъ міра, его соблазновъ и страстей. Эти стремленія, эти аскетическіе идеалы самымъ гибельнымъ образомъ отзывались на воспитаніи юношества. Мать, тайно отъ мужа, бросала своихъ дѣтей на произволъ судьбы и уходила въ монастырь; то же послѣ нея дѣлалъ нерѣдко и ея мужъ. Дѣти, оставшіяся безъ всякаго призора, на рукахъ развратной родственницы, обрадованной такому исходу дѣла, испытывали множество обидъ и лишеній, видѣли примѣры самаго возмутительнаго разврата и соблазна, жестокаго угнетенія рабовъ и выростали безъ понятія о необходимости и обязательности для себя честнаго труда, лишь съ однимъ стремленіемъ—захватить поскорѣе въ свои руки бразды правленія, отомстить своимъ родственникамъ, отъ которыхъ они переносили столько обидъ въ дѣтствѣ, если же въ какомъ-нибудь уголкѣ души еще уцѣлѣла искорка божія, бѣжать въ монастырь безъ оглядки, чтобы глаза не видѣли того безобразія, что творится кругомъ.

Но и тамъ, гдѣ дѣти выростали подъ наблюденіемъ родителей, между тѣми и другими не могло быть никакой живой внутренней связи, никакой

любви въ истинномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ главнымъ связующимъ звеномъ, наиболѣе существеннымъ воспитательнымъ средствомъ служили страхъ, розги, палки и побои. Покорность дѣтей отцу была рабская, въ полномъ смыслѣ слова унизительная для человѣческаго достоинства; дѣтей называли даже «рабами рождьшаго», т. е. отца. Рабское положеніе дѣтей перешло и въ обычай: по этикету того времени вмѣсто нынѣшнихъ объятій и поцѣлуевъ, дѣти, въ знакъ безусловной покорности передъ родителями, кланялись имъ до земли.

Положеніе женщины было самое тяжкое, самое унизительное: невѣжество, грубость, развратъ, дикіе нравы нашихъ предковъ, безусловное подчиненіе авторитету главы семейства, наконецъ весь строй древней русской жизни, не тронутый цивилизаціею и гуманными просвѣтительными началами, содѣйствовали угнетенію и униженію женщины; столько же помогъ этому и выработанный подъ вліяніемъ аскетическихъ идеаловъ взглядъ на бракъ, какъ на какое-то «скверное беззаконіе». Женщина, по понятіямъ того времени, сравнительно съ мужчиною, была существомъ не только во всѣхъ отношеніяхъ низшимъ, но олицетвореніемъ коварства, низости, лжи, злости, лукавства и глупости. Въ ней отрицали даже природную склонность къ справедливости и истинѣ. «Женскій родъ ползокъ къ паденію», утверждали проповѣдники и награждали женщину самыми нелестными эпитетами въ родѣ слѣдующихъ: «злое острое дьяволе оружіе», «дьявола стрѣла», «источникъ злобы», «сокровище нечистотъ», «грѣхамъ учительница», «матерь похотѣмъ» и т. п.

Такимъ образомъ въ древне-русскомъ обществѣ смотрѣли на женщину съ полнымъ, нескрываемымъ презрѣніемъ и на каждомъ шагу давали ей это чувствовать. Могло ли дитя уважать свою мать, когда оно кругомъ видѣло одно презрѣніе къ ней. Такіе взгляды на женщину создали для нея въ семьѣ и обществѣ самое позорное, самое унизительное положеніе: она являлась существомъ, созданнымъ исключительно для удовлетворенія чувственныхъ потребностей мужчины. Униженная, оскорбленная, поруганная съ перваго появленія на свѣтъ (рожденія дочери отецъ стыдился), она такимъ же жалкимъ существомъ, скорѣе вещью, чѣмъ человѣкомъ, сходила и въ могилу. Въ дѣтствѣ она была рабою и невольницею отца, а затѣмъ мужа. Чувство страха, слѣпое рабское повиновеніе, отсутствіе собственной воли и мысли, даже и въ главныхъ вопросахъ, касавшихся ея личной жизни, вотъ принципы, которые должны были лечь въ основу всей ея жизни, какъ подъ родительскимъ кровомъ, такъ и въ домѣ мужа. Даже идеальное выполненіе всѣхъ общественныхъ требованій не давало ей права на довѣріе и на болѣе человѣческое отношеніе къ ней мужа. Онъ вынужденъ былъ по отношенію къ ней поступать по требованію своего времени: «люто есть тому мужу, иже языка жены своея слушаетъ»... или: «первое блюдися къ своей жены тайны повѣдати».

Литература того времени не создала никакого идеала женщины, какъ жены и матери. Если хотѣли изобразить хорошія качества женщины (похвалы встрѣчались очень рѣдко и заглушались общимъ потокомъ презрительныхъ укоровъ), ее изображали какъ подвижницу, великую постницу, суроваго аскета, но только не какъ жену и мать.

Мужъ смотрѣлъ на жену, какъ на вещь, исключительно ему принадлежащую, и стремился сохранять ее для себя одного, поэтому онъ и запиралъ ее, какъ вещь, подъ замокъ и запрятывалъ въ теремъ. Хотя въ крестьянскомъ быту на женщину взваливали все, что потруднѣе было въ домашнемъ хозяйствѣ, но ея не держали взаперти, и она пользовалась извѣстною свободою. Правда, непосильный трудъ иногда преждевременно губилъ ея силы, но онъ

же и спасалъ ее отъ нравственнаго растлѣнія. Но въ знатныхъ и зажиточныхъ семьяхъ—теремъ, гдѣ женщину, какъ въ мусульманскихъ гаремахъ, держали взаперти, рабское положеніе въ семьѣ и обществѣ—въ концѣ развращали ее. Изъ своего крѣпко-на-крѣпко запертаго терема она никуда не выходила, изрѣдка развѣ въ церковь, и еще рѣже въ гости. Но то и другое возможно было только съ разрѣшенія мужа.

Общество дѣлилось на двѣ строго обособленныя другъ отъ друга половины: на мужскую и женскую. Мужъ устраивалъ обѣды и пиры, въ которыхъ не принимали никакого участія женщины. Въ экстраординарныхъ случаяхъ, по приказанію мужа, онѣ торжественно появлялись передъ гостями лишь для того, чтобы поздороваться съ ними и поднести имъ по чаркѣ вина. Женщины вели свою особую жизнь, совершенно замкнутую, на своей особой половинѣ, въ теремѣ. Онѣ могли принимать къ себѣ только женщинъ и не иначе, какъ съ дозволенія мужа. Но что особенно развращало женщину—это полное отсутствіе какой бы то ни было дѣятельности, не только умственной, но даже физической. Лишь въ немногихъ семьяхъ жена была настоящею хозяйкою; у знатныхъ людей домомъ управлялъ ключникъ. Женщины, какъ въ монастыряхъ, такъ и въ теремахъ, проводили свое время въ вышиваніи, молитвѣ, злословіи и пустословіи, окруженныя ханжами, юродивыми, карлами, дурами, своднями. Умѣющая читать, что было большою рѣдкостью, читала только житія святыхъ и поученія. Совершенное отчужденіе женщины отъ общества приносило страшный вредъ: оно содѣйствовало еще большему огрубѣнію нравовъ. Въ знатныхъ семействахъ женщину совсѣмъ удаляли и отъ собственныхъ дѣтей: ей не дозволялось даже кормить своего ребенка грудью; это считалось неприличнымъ, и его отдавали кормилицѣ. Мать и впослѣдствіи могла имѣть на дѣтей меньше вліянія, чѣмъ мамки и дядьки, которые воспитывали ребенка подъ надзоромъ отца семейства.

До замужества женщина совсѣмъ не знала своего будущаго мужа; юноша не высказывалъ дѣвушкѣ своего чувства, и бракъ заключался исключительно по волѣ родителей, изъ корыстныхъ видовъ. Главное попеченіе родителей относительно дочери состояло въ томъ, чтобы она раньше брака не потеряла дѣвства, а для этого, по тогдашнимъ понятіямъ, слѣдовало бить дѣвушку за всякую ничтожную провинность и устраивать для нея запоры покрѣпче. Браки устраивались посредствомъ свахъ; онѣ пользовались подачками за свое ремесло и преслѣдовали лишь свои личныя цѣли. Родители тоже не заботились о взаимной склонности супруговъ, которые до брака совсѣмъ не знали другъ друга и въ большинствѣ случаевъ даже не видались ни разу. А если иной женихъ и могъ до брака взглянуть на суженую, родители невѣсты, если только она была некрасива, нерѣдко подставляли одну дочь вмѣсто другой, иногда своихъ служанокъ; для малорослыхъ поддѣлывали даже подставные стулья, чтобы онѣ казались выше ростомъ. Такіе браки приносили и надлежащіе плоды: по обыкновенію, у мужа висѣла плеть, исключительно предназначенная для жены; за ничтожную вину мужъ таскалъ жену за волосы, раздѣвалъ ее до нага, привязывалъ и сѣкъ до крови. Одни мужья сѣкли своихъ женъ розгами, другіе плетью, а третьи, какъ скотину, лупили ее дубиною. Кто не билъ своей жены, того всѣ осуждали. Особенно тяжело было положеніе женщины, если ея мужъ былъ ревнивъ: онъ, съ спеціальною цѣлью слѣдить за ея поведеніемъ, приставлялъ къ ней служанокъ и холоповъ, а тѣ, желая выслужиться передъ господиномъ, клеветали на нее. Выѣзжала ли она въ церковь или въ гости, тайные шпіоны слѣдили за ней, вкривь и вкось перетолковывали ея поклоны, каждое ея слово. Положеніе жены было еще болѣе

ужасно, когда мужъ на сторонѣ заводилъ какую нибудь интригу: тогда придиркамъ и побоямъ не было конца. Частые побои доводили многихъ женщинъ до сумашествія; иному мужу удавалось заколотить свою жену до смерти, но отвѣтственности ему за это не приходилось нести, лишь бы жена умерла не внезапно. Если смерть медлила придти на выручку несчастной, истязанія производились съ удвоеннымъ стараніемъ; при этомъ мужъ совѣтовалъ ей убираться въ монастырь. Въ такомъ отчаянномъ положеніи ей ничего не оставалось, какъ исполнить его желаніе. Если въ монастырѣ ея не ожидало счастье, тамъ, по крайней мѣрѣ, она находила душевный покой и избавлялась отъ истязаній.

Не всегда однако жена безропотно переносила свои мученія. Бойкія женщины осыпали мужей градомъ ругательствъ, иныя даже отравляли ихъ, а были и такія, что мстили доносами. Законы того времени неодинаково карали членовъ семьи за одни и тѣ же преступленія. Если жена отравляла или убивала своего мужа, ее живую закапывали въ землю до плечъ и оставляли въ такомъ положеніи, пока смерть не являлась ей на выручку; но если мужъ совершалъ такое же преступленіе относительно жены, онъ несъ кару, какъ за обыкновенное убійство. Если сынъ или дочь убивали отца или мать, имъ полагалась смертная казнь безъ всякой пощады. Наоборотъ, родителей не казнили смертью за убійство дѣтей, а лишь сажали на годъ въ тюрьму. За грубость дѣтей въ отношеніи родителей законъ повелѣвалъ бить ихъ кнутомъ и не допускалъ никакихъ жалобъ дѣтей на своихъ родителей.

Жестокія кары и строго охраняемая замкнутость семейнаго очага не только не улучшили семейной нравственности, но окончательно растлили нравы и внесли во всѣ слои общества самый возмутительный развратъ, а въ отношеніяхъ членовъ семьи другъ къ другу—полный разладъ и ненависть. Несмотря на всю строгость теремнаго затворничества, женщины предавались пьянству и распутству. Для интригъ съ чужими женами существовали даже особыя спеціальныя посредницы. Да и какъ было женщинамъ не предаваться разврату, когда онѣ вели совершенно праздную жизнь. Обычными развлеченіями терема, кромѣ вышиванія и нарядовъ, служили никогда не прекращавшіяся дрязги, брань, интриги, сплетни, ссоры и жестокія потасовки.

Господа обращались съ рабами, которыхъ при каждомъ домѣ было великое множество, самымъ возмутительнымъ образомъ. Мало того, что плеть или палка гуляла по ихъ спинамъ за самую ничтожную провинность, но господинъ нерѣдко насиловалъ своихъ рабынь, не обращая вниманія на ихъ мужей, отцовъ и матерей. Побои нерѣдко кончались смертію холоповъ, тѣмъ болѣе, что обыкновенно это легко сходило съ рукъ господамъ. При этомъ рѣдкій господинъ заботился о томъ, чтобы его слуги были, по крайней мѣрѣ, сыты и одѣты. Слуги работали изъ-подъ палки, не возмущаясь не только пинками, но даже и увѣчьями, не имѣя ни малѣйшаго представленія о томъ, что отношеніе къ нимъ господина должно быть иное. Холопъ того времени могъ претерпѣвать всевозможныя муки и увѣчья отъ руки своего господина, но въ то же время съ опасностью жизни отстаивалъ его честь; но, при случаѣ, самый преданный слуга могъ обмануть, обокрасть, подвести, убить и даже предательски выдать своего хозяина. И понятно: рабское положеніе только и можетъ вызвать рабскія чувства. Преданность и любовь раба имѣетъ другое значеніе, чѣмъ преданность и любовь свободнаго человѣка.

Какъ бы ни были преданы слуги господамъ, послѣдніе часто не кормили ихъ до сыта, отводили имъ для жилищъ конуры и также плохо ихъ одѣвали.

Оборванные, холодные, голодные рабы ночью бѣгали по большимъ дорогамъ, выпрашивая милостыню, а ночью грабили проѣзжихъ.

Когда господа ссорились, и ихъ рабы заводили между собою ссоры и драки за ихъ честь, даже убивали другъ друга. Но въ то же время изъ мести они нерѣдко доносили на своего господина, обвиняя его въ злоумышленіи на царя. Такимъ же характеромъ рабскаго страха, вѣроломства и предательства отличались отношенія господъ къ болѣе знатнымъ, а также и къ царю: знатный господинъ хорошо служилъ царю только потому, что боялся его батоговъ и побоевъ, ждалъ отъ него подачки.

Отношенія другъ къ другу друзей и знакомыхъ не носили и тѣни искренней преданности, истинной любви и дружелюбія: все было основано на разсчетѣ. Согласно со степенью важности и богатства гостя его угощали лучше или хуже, сажали на болѣе или менѣе почетное мѣсто, устраивали ему болѣе или менѣе торжественный пріемъ. Встрѣчаясь съ одними, только наклоняли голову, другимъ кланялись въ поясъ, третьимъ кланялись до земли, а были и такіе, передъ которыми становились на колѣни и касались лбомъ земли. Однимъ словомъ, въ обращеніи съ окружающими строго слѣдовали правилу: держать себя высокомѣрно и надменно съ низшими и рабски унижаться передъ высшими. Дружба соразмѣрялась со степенью выгоды; задушевные друзья легко расходились, когда дружба приносила мало матеріальной пользы одной изъ сторонъ. Довольно было навлечь на себя царскую немилость, чтобъ закадычный другъ моментально отвернулся и сталъ бы немедленно наносить тяжкія оскорбленія.

Въ русскомъ характерѣ вообще было мало искренности: въ разговорѣ наблюдали большую церемонность, напыщенность и крайнюю осторожность. Часто невинное слово принимали за намекъ, за оскорбленіе, отсюда возникали безконечныя тяжбы, въ концъ разорявшія цѣлыя семейства. Церемонность въ обращеніи и напыщенность въ разговорѣ переходили въ татарскую грубость. Началась ссора, и поссорившіеся, какъ бы они ни кичились знатностью и высотой своего положенія, осыпали другъ друга потокомъ площадной брани. Сквернословіе, драки, ссоры были въ ходу во всѣхъ слояхъ общества, и между рабами, и среди самыхъ знатныхъ людей, и среди духовенства; монахи, нерѣдко даже въ храмѣ божіемъ, поносили другъ друга или кого-нибудь изъ присутствующихъ, и при этомъ съ ихъ устъ срывалась самая позорная, самая срамная ругань. Дѣти, разсердившись на родителей, осыпали ихъ градомъ возмутительныхъ ругательствъ, то же дѣлали и родители, увѣщевая ихъ. Цари пытались уничтожить эту скверну кнутомъ и батогами; но это, конечно, не помогало, такъ какъ было слѣдствіемъ грубой, дикой натуры, нетронутой цивилизаціею.

Къ дракѣ во время ссоры одинаково прибѣгали какъ рабы, такъ и господа. Драка и брань неразлучно шли рука объ руку, какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ; брань обыкновенно оканчивалась дракою: одинъ старался вцѣпиться другому въ бороду, женщины таскали другъ друга за волосы; многіе дрались палками и убивали другъ друга на повалъ.

Поссорившіеся прибѣгали и къ болѣе гнусному способу мести—доносу. Во всѣхъ классахъ общества развелось множество кляузниковъ и доносчиковъ, очень часто съ исключительною цѣлію наживы. Въ то время стоило подать на кого-нибудь жалобу, чтобы втянуть его въ раззорительную тяжбу. Иной подкладывалъ тому, кого хотѣлъ подвести, какую-нибудь вещь, затѣмъ заявлялъ, что у него случилась пропажа, и что онъ подозрѣваетъ въ воровствѣ такого-то. Производился обыскъ и начиналось слѣдствіе. Раззорившіеся дѣти

бояръ, желая поживиться, разъѣзжали со своими слугам
селамъ, заводили ссоры съ богатыми жителями, составл
мнимыхъ грабежахъ и побояхъ и, пугая несчастныхъ жит
дутъ ходъ своимъ челобитнымъ, брали съ нихъ отступно
какой угодно выкупъ, лишь бы избавиться отъ наѣздовъ
наго начальства, неизбѣжнаго при слѣдствіяхъ и страшно
населенія. Въ тѣ времена многіе устраивали изъ доноса с
ремесло. Хотя и въ то время доносчиковъ преслѣдовали и клеймили позоромъ, но это мало дѣйствовало. Доносы болѣе всего поддерживались обычаемъ, по которому доносчики пользовались правомъ на часть вознагражденія изъ имущества ими обвиненнаго. Въ распространеніи этого сорта людей виновато было и правительство, которое само покровительствовало доносамъ, когда это касалось его интересовъ, щедро награждая за нихъ, а несчастныхъ, на которыхъ дѣлали доносы, подвергало пыткамъ. Эта позорная язва клеветы, доноса, ябеды и сутяжничества была распространена между всѣми классами общества и совершенно вытравляла въ молодомъ поколѣніи все, что оставалось еще мало-мальски честнаго и порядочнаго. Язва эта проявлялась въ самой разнообразной формѣ и порождала массу другихъ возмутительныхъ и отталкивающихъ пороковъ—зависть, интриги, клевету. Понятно, что при такомъ положеніи вещей не могло существовать ни откровенности, ни искренности, и въ бесѣдахъ самыхъ близкихъ пріятелей сказывались осторожность и натянутость. Всѣ боялись другъ друга, такъ какъ позорная язва шпіонства, ябедничества, клеветы и наговоровъ проникала не только во всѣ классы общества, но и въ самыя близкія родственныя отношенія.

Мало поучительнаго для юношества представляли и развлеченія нашихъ предковъ: пиры, бывшіе тогда въ большомъ ходу, рѣдко кончались безъ жесточайшихъ ссоръ, дрязгъ, драки изъ-за мѣстничества, пьянства и разгула. Самыя пиршества проходили въ обжорствѣ и пьянствѣ; отъ мужчинъ не отставали и женщины. Мало пить и ѣсть значило нанести оскорбленіе хозяину. Пить нерѣдко заставляли насильно, пуская въ ходъ даже побои. Знатные бояре не считали предосудительнымъ напиваться до потери сознанія, и пьянство было общимъ порокомъ русскаго народа. Въ праздники по улицамъ городовъ и деревень десятками валялись пьяные, которые нерѣдко замерзали зимою. Духовенство въ пристрастіи къ вину перещеголяло другія сословія.

Весьма распространеннымъ развлеченіемъ того времени были скоморохи. Одни изъ нихъ играли на гудкѣ или били въ бубны и иные инструменты, скорѣе притуплявшіе музыкальное чувство, чѣмъ развивавшіе его; другіе играли и плясали, тѣ показывали ученыхъ собакъ, эти — медвѣдей. Между ними были и стихотворцы - потѣшники, веселившіе народъ двусмысленными прибаутками, и носильщики движущихся куколъ, поставленныхъ въ смѣшныя или неприличныя позы. Нерѣдко народъ забавляли сценическими представленіями. Но что это были за представленія! Для этого скоморохи наряжались въ странное скоморошное платье и надѣвали маски. Всѣ представленія скомороховъ, а также ихъ пѣсни и танцы были непристойны, двусмысленны, соблазнительны и подавляли всякое чувство скромности и стыдливости. Между тѣмъ этого рода увеселенія чрезвычайно увлекали народъ. Появленіе скомороховъ притягивало отовсюду толпы народа, и лишь только они начинали пѣть, плясать и выкрикивать свои остроты, зрители сами принимались пѣть, плясать, кривляться и старались перещеголять скомороховъ пошлымъ остроуміемъ и грязными, непристойными тѣлодвиженіями. Скоморохи не только

Обѣшали простой народъ на улицахъ, но ихъ приглашали даже въ дома во время пировъ и для сопровожденія свадебнаго поѣзда.

Не менѣе грубою и не менѣе распространенною забавою служили кулачные и палочные бои. Кулачные бойцы наносили другъ другу жестокіе удары въ грудь, лицо и животъ; кровь лилась ручьями, многіе выходили изъ этихъ битвъ калѣками, другихъ выносили мертвыми.

Но самыми гибельными забавами въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи были зрѣлища звѣриныхъ травлей: медвѣдей заставляли сражаться съ собаками и людьми. Государи и знатные люди любили эту дикую забаву, между тѣмъ она нерѣдко кончалась увѣчьемъ или смертью борца. Къ тому же звѣриныя травли сильно раззоряли народъ. Прежде чѣмъ устраивалась такая потѣха, народъ сгоняли толпами на охоту, во время которой тенетами ловили живыхъ медвѣдей и волковъ. Въ мѣстахъ, предназначенныхъ для охоты, людей держали по нѣскольку дней, отрывая ихъ отъ спѣшныхъ земледѣльческихъ работъ. Раззорительные пиры, азіатская роскошь въ одеждѣ, полное ничего недѣланіе—все это требовало большихъ средствъ и содѣйствовало развитію лихоимства среди тогдашней администраціи, которая высасывала всѣ соки изъ жителей довѣренныхъ ея управленію областей. Ничѣмъ не ограниченный произволъ повсемѣстно царилъ въ судопроизводствѣ. Дѣла рѣшались въ пользу того, кто могъ дать взятку побольше; бѣднякъ нигдѣ не находилъ себѣ защиты и всегда оставался виноватымъ. Взяточничество развивало страшную жадность къ деньгамъ: начальники не только брали взятки, но обирали до нитки людей, имѣвшихъ до нихъ какое либо дѣло.

Если русскій народъ въ описываемую нами эпоху и утратилъ старыя формы язычества, то все таки его духъ сохранился въ самыхъ христіанскихъ вѣрованіяхъ. Мало того, народъ, не имѣвшій при полномъ невѣжествѣ ни малѣйшаго здраваго понятія о явленіяхъ природы, всецѣло находился подъ вліяніемъ ея таинственныхъ силъ: затмѣніе солнца, появленіе кометы, все это наводило ужасъ, страхъ, уныніе, нерѣдко вызывало даже настоящее волненіе. Жизнь каждаго русскаго человѣка, по степени большей или меньшей его склонности къ мистицизму, вся была управляема примѣтами, каждый звукъ въ природѣ, самое обычное явленіе—все что-нибудь предвѣщало. Вѣрили въ волшебниковъ и чародѣевъ, которые нашептываніемъ могли измѣнить къ лучшему или худшему судьбу человѣка. Существовала непоколебимая вѣра, что растеніе, совершенно безвредное, можетъ быть убійственнымъ, если волшебство сообщитъ ему злокачественную силу. Каждый волшебникъ и волшебница имѣли особую спеціальность и по роду занятій носили особое названіе: волхва, чародѣя, чаровницы, зелейщицы, снотолкователя, облако-прогонника и т. п. до безконечности. Одни изъ нихъ заклинали змѣй и животныхъ, другіе толковали сны, третьи повелѣвали небесной сферой и могли наслать градъ, дождь, засуху, урожай или голодъ. Трудно исчислить весь вредъ и по истинѣ жестокія послѣдствія отъ этихъ суевѣрій, одинаково распространенныхъ во всѣхъ классахъ общества. Мужья узнавали о невѣрности своихъ женъ отъ ворожеи, которая приходила къ извѣстному заключенію посредствомъ различныхъ примѣтъ и часто совершенно невинную отдавала мужа на расправу. Обвиняли то одного, то другаго въ томъ, что онъ нашептываніемъ на хмѣль думалъ произвести моровое повѣтріе. Во дворцахъ и царскихъ теремахъ постоянно обвиняли колдуновъ и колдуній въ порчѣ царевенъ и царскихъ невѣстъ и казнили ихъ; но, не смотря на это, безъ нихъ совершенно не могли обойтись, постоянно призывали ихъ въ царскіе

хоромы для разныхъ чудодѣйственныхъ операцій; то же самое происходило какъ въ семьяхъ высшаго сословія, такъ и въ жилищахъ простонародья.

Вѣра въ колдовство давала возможность посредствомъ колдуновъ опаивать чѣмъ нибудь вреднымъ своихъ жертвъ или просто отравлять ихъ. По понятіямъ того времени, всѣ болѣзни происходили отъ злыхъ духовъ, отъ злаго умысла, отъ глаза, отъ слова. И всѣ болѣзни, какъ во дворцѣ, такъ и въ хижинѣ, лечили нашептываніемъ и зельями.

Такъ же мало назидательнымъ для юношества было зрѣлище бѣснующихся и кликушъ. Преимущественно это были старыя дѣвы, и большинство изъ нихъ, вѣроятно, страдало нервными болѣзнями, но многія изъ нихъ и притворялись изъ корыстныхъ видовъ. Кликуши эти всюду бѣгали босыми, съ распущенными волосами; въ такомъ дикомъ, бѣсноватомъ видѣ онѣ являлись въ церковь, во время службы вдругъ падали, начинали трястись, метаться изъ стороны въ сторону, биться, всячески кривляться и затѣмъ, точно въ безпамятствѣ и безуміи, онѣ выкрикивали разныя пророчества, дѣлали указанія и злые намеки на разныхъ, часто совершенно невинныхъ, лицъ. Ихъ указанія нерѣдко принимали къ свѣдѣнію и указанныхъ ими жертвъ преслѣдовали судомъ, а иногда подвергали даже пыткамъ. Многія кликуши служили орудіемъ корыстолюбивыхъ людей, которые подучали ихъ обвинять богачей, чтобы воспользоваться ихъ имуществомъ.

Ревность къ вѣрѣ болѣе всего выражалась раздачею милостыни нищимъ и калѣкамъ, и это страшно развивало нищенство. Здоровые прикидывались калѣками и немощными, и громадныя толпы нищихъ всякого рода съ котомкою за плечами и съ посохомъ въ рукахъ разгуливали по дорогамъ. Они возбуждали состраданіе такими просьбами: „дайте милостыню и побейте меня“, и находились люди, которые подавали милостыню только тогда, когда вволю натѣшатся надъ несчастными. Это, разумѣется, развращало и бравшихъ милостыню, и подававшихъ ее. И нищіе, которыхъ въ описываемое время было чрезвычайно много, были глубоко развращены. Между ними было множество воровъ, мошенниковъ, злодѣевъ и убійцъ: они крали дѣтей и калѣчили ихъ, чтобы возбуждать состраданіе ихъ жалкимъ видомъ.

При такомъ положеніи вещей о правильномъ развитіи въ обществѣ чувствъ истиннаго милосердія, состраданія и любви къ ближнему и угнетенному не могло быть и рѣчи. Милостыню подавали, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе формальнаго требованія религіи и подавали ее такъ, что она лишь нравственно растлѣвала и того, кто ее принималъ, и того, кто ее подавалъ. Благочестіе ограничивалось чисто внѣшними обрядами, и юношеству негдѣ было ознакомиться съ истинными требованіями религіи; духовенство такъ же, какъ и остальные классы общества, было невѣжественно, суевѣрно и очень часто даже безграмотно. Часто люди знатнѣйшихъ родовъ не въ состояніи были подписать своего имени на оффиціальномъ документѣ.

Понятно, что при невѣжествѣ, господствовавшемъ во всѣхъ классахъ общества вплоть до царствованія Петра В., не могло образоваться никакого интеллигентнаго класса, между тѣмъ какъ интеллигенція нѣкоторыхъ западныхъ государствъ того времени уже вырабатывала общественные идеалы, философскія идеи и гуманныя воззрѣнія. Причинъ для такого печальнаго существованія и застоя русскаго общества было очень много.

Вскорѣ по выступленіи нашемъ на историческое поприще русскій народъ подчинился въ религіозномъ отношеніи вліянію Византіи, которое выразилось преимущественно въ строгомъ выполненіи внѣшней, узко-обрядовой стороны христіанской религіи. Въ семейной и общественной жизни, какъ мы уже знаемъ,

господствовали начала Домостроя. То и другое одинаково вредно отзывалось на развитіи самостоятельной мысли, общественныхъ идеаловъ и выработкѣ въ обществѣ критическихъ взглядовъ. Клерикально-византійское направленіе развивало лишь узкую обрядность и мѣшало даже усвоенію истинно высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, любви къ ближнему, рвенію къ честному выполненію общественныхъ обязанностей. При воспитаніи юношества руководились только однимъ стремленіемъ—воспитать его въ благовѣріи и благочестіи. Въ учреждаемыхъ училищахъ (ихъ тогда было крайне недостаточно), преслѣдовали не умственно - образовательныя цѣли, не развитіе умственныхъ способностей, сужденія и мышленія, а исключительно изученіе внѣшнихъ христіанскихъ правилъ религіи, благонравія и смиренномудрія. Еще въ концѣ XVII вѣка отцы внушили сыновьямъ: „учися грамотѣ, учися и держати умъ, *высочайшаго* не ищи, *глубочайшаго*—не испытуй, но елико ти предано отъ Бога, си содержи“,— однимъ словомъ, преимущественно передъ всѣмъ внушали страхъ передъ всякой попыткой исканія истины и укрѣпляли юношество лишь въ рабской покорности и угодливости.

До Петра В. русскіе не путешествовали заграницею съ цѣлію пріобрѣтенія знаній, такъ какъ у насъ издавна существовало предубѣжденіе противъ западныхъ націй, ихъ образованности и науки. Вѣковое отчужденіе русскаго народа отъ общенія съ передовыми западно-европейскими націями въ высшей степени вредно отозвалось на развитіи нашей культуры и вслѣдствіе этого Россія въ умственномъ отношеніи весьма сильно отстала отъ западной Европы.

Сношенія съ западомъ до Петра В. развивались очень медленно и *туго*, а гуманныя и общественныя идеи, существовавшія уже на западѣ, мало проникали къ намъ, да и не могли быть усвоены тогдашнимъ русскимъ обществомъ. Къ тому же нужно замѣтить, что вообще всѣ вѣянія и идеи запада переходили къ намъ обыкновенно гораздо позже, нерѣдко запаздывая на цѣлое *столѣтіе*, а то и болѣе, и при этомъ отражались у насъ несравненно слабѣе, чѣмъ тамъ, а чаще всего не оставляли у насъ ни малѣйшаго слѣда.

Вотъ какъ неблагопріятны были историческія условія, вліявшія на умственное и нравственное развитіе русскаго человѣка въ XVI и XVII столѣтіямъ.

Глава II. XVIII вѣкъ.

Вторженіе государственной власти въ семейную жизнь и его послѣдствія.—Отсутствіе иниціативы въ характерѣ русскаго человѣка.—Раздоры и разногласіе между отцами и дѣтьми.—Образованіе въ первой половинѣ XVIII в. — Его профессіональное направленіе. — Вносило-ли оно обновленіе въ умственную жизнь. — Наука, умственное развитіе и воспитаніе подчиняются государственной опекѣ.—Отсутствіе умственной самодѣятельности и воспитательной практики. —Чиновничье тщеславіе и его значеніе.—Крѣпостное право и его растлѣвающее вліяніе на всѣ стороны жизни и на складъ характера.—Дворянская спѣсь.—Жизнь дворянъ и ихъ удовольствія.—Ссоры и тяжбы между помѣщиками.—Стремленіе къ свѣтской жизни.—Сутяжничество. —Преклоненіе предъ богатствомъ и знатностью.—Внѣшнее благочестіе и ханжество.—Физическое, умственное и нравственное воспитаніе юношества того времени.—Тѣлесныя наказанія и ихъ пагубныя послѣдствія.

Первый рѣзкій и сильный толчекъ для своего обновленія и выхода изъ некультурнаго состоянія русское общество получаетъ при Петрѣ Великомъ. Очень многія стороны жизни и дѣятельности русскаго человѣка или совершенно измѣняются при немъ, или сильно реформируются. Петръ Великій съ нечеловѣческою энергіею рѣшился просвѣтить, оевропеить, встряхнуть, оживить умственно, разбудить свое великое, сонное царство.

Положеніе женщины при немъ сильно измѣнилось. Протестъ противъ браковъ, заключаемыхъ исключительно по волѣ родителей, раздался въ его царствованіе даже съ патріаршаго престола. Въ 1693 году патріархъ Адріанъ повелѣлъ, чтобы впредь священники накрѣпко допрашивали у лицъ, приходящихъ къ вѣнчанію, — по любви-ли они и согласію вступаютъ въ бракъ, а не изъ насилія или неволи.

Еще ранѣе Петра въ общество стало проникать сознаніе вреда затворничества женщины. Теремъ обнаружилъ признаки такого растлѣнія, которое краснорѣчиво свидѣтельствовало, что отсутствіе свободы женщины скорѣе можетъ погубить, чѣмъ сохранить семейную нравственность. Развращающее вліяніе теремной жизни сказалось и въ царской семьѣ послѣ смерти Алексѣя Михайловича.

Нѣмецкая слобода своимъ примѣромъ убѣждала многихъ русскихъ людей, что извѣстная свобода, предоставленная женщинѣ, вовсе не развращаетъ ея. Въ этой обширной колоніи уже при Михаилѣ Ѳедоровичѣ насчитывали болѣе тысячи протестантскихъ семействъ число которыхъ впослѣдствіи еще болѣе увеличилось. Иностранцы нѣмецкой слободы не измѣняли своимъ обычаямъ: женщина у нихъ пользовалась извѣстною свободою, являлась на веселыя пирушки, принимала участіе во всѣхъ удовольствіяхъ мужскаго общества. Жизнь нѣмецкой слободы не могла остаться безъ вліянія на русскихъ; ее нерѣдко посѣщали вельможи, покровительствовавшіе иностранцамъ. Веселая, ожив-

ленная жизнь колоніи привлекала къ себѣ и Петра В., который любилъ посѣщать этотъ мирный уголокъ Москвы. Вѣроятно, здѣсь зародилась у Петра мысль объ основаніи будущихъ ассамблей.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій Петра Великаго было дополненіе распоряженія патріарха Адріана. Петръ не только находилъ неразумнымъ выдавать женщину замужъ противъ ея воли, но считалъ необходимымъ, чтобы молодые люди, прежде чѣмъ вступить въ бракъ, ближе познакомились другъ съ другомъ. Для этого онъ въ 1702 году установилъ обрядъ обрученія за шесть недѣль до вѣнчанія. Женихъ и невѣста, хотя бы въ присутствіи родителей, могли видѣться, и если бы они не понравились другъ другу, они добровольно могли разойтись, не сдѣлавъ на всю жизнь непоправимой ошибки. Далеко не всѣ родители тотчасъ отказались отъ укоренившагося обычая знакомить жениха и невѣсту только подъ вѣнцомъ, но все же это нововведеніе, хотя и медленно, должно было повліять на уменьшеніе несчастныхъ браковъ. Это было первое вторженіе государственной власти въ семейную жизнь русскаго народа. Необходимо замѣтить, что отсутствіе иниціативы, какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни, даже въ такомъ интимномъ дѣлѣ, какъ семейное, очень рано сказывается въ русскомъ характерѣ, и эта черта ярко выступаетъ во всей прошлой жизни русскаго человѣка. Не смотря на то, что къ концу XVII ст., уже въ очень многихъ семьяхъ существовало сознаніе вреда браковъ, заключаемыхъ исключительно по волѣ родителей, не смотря на то, что многіе видѣли въ этомъ главную причину семейныхъ раздоровъ, никто и не думалъ нарушать прежняго обычая.

Нельзя не обратить вниманія на эту характернѣйшую черту русскаго человѣка, — мы говоримъ объ отсутствіи въ немъ какой бы то ни было иниціативы, даже въ интимной, семейной жизни, гдѣ культурный человѣкъ не выноситъ никакого посторонняго вмѣшательства. Между тѣмъ у насъ, даже для уничтоженія обычая, угнетавшаго семейную жизнь и лишавшаго супруговъ счастія, должна была вмѣшаться государственная власть. Отсутствіе личной иниціативы, какъ мы увидимъ ниже, продолжало развиваться и позже, пока оно не сдѣлалось одной изъ основныхъ чертъ русской натуры. И въ настоящее время эта черта характера гибельно отзывается на многихъ сторонахъ нашей жизни какъ общественной, такъ и семейной. При воспитаніи дѣтей нужно имѣть въ виду эту выдающуюся, исторически сложившуюся черту характера русскаго человѣка, внимательнѣе останавливаться на индивидуальныхъ свойствахъ ребенка, не подавлять ихъ, а вызывать къ развитію, давать болѣе простора для дѣтской самодѣятельности и мышленія, что обыкновенно обнаруживается въ желаніи ребенка высказывать свои мысли по поводу всѣхъ явленій окружающей его жизни.

Вторженіе государственной власти въ семейныя дѣла вскорѣ сказалось еще чувствительнѣе. Мы знаемъ уже, что въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. грамотность была развита въ высшей степени слабо какъ въ среднемъ классѣ общества, такъ и въ высшемъ, а о простомъ народѣ и говорить нечего. Между тѣмъ для новосозданнаго государства нужны были грамотные и знающіе люди. И вотъ Петръ В. съ 1713 г. издаетъ указъ за указомъ, которыми повелѣваетъ брать дѣтей въ раннемъ возрастѣ у родителей, какъ у людей знатныхъ, такъ и у простыхъ дворянъ, а также приказнаго чина и изъ духовнаго званія и отсылать ихъ въ различныя школы для обученія; если родители будутъ оказывать этому сопротивленіе, было приказано отнимать ихъ силою. Окончивъ ученіе, молодые люди должны были переходить на царскую службу. Подобныя предписанія и царскіе указы вызывали ропотъ неудоволь-

ствія, но забитость, страхъ ослушанія царской власти, совершенное отсутствіе иниціативы въ характерѣ русскихъ людей, а также отсутствіе какой бы то ни было солидарности между семьями,—все это не давало возможности оказать явное сопротивленіе. Недовольство обнаружилось, какъ это всегда бываетъ у людей забитыхъ, нравственно неразвитыхъ, рабски приниженныхъ и трусливыхъ, тайною оппозиціею царскому распоряженію; оно выразилось въ томъ, что многіе употребляли всевозможныя средства, чтобы скрыть своихъ дѣтей отъ правительства. Эта пассивная борьба общества съ правительствомъ наносила тяжкій вредъ и государству, и обществу и развращала дѣтей: она тормозила дѣло распространенія образованія, а неповиновеніемъ правительству и враждой къ нему подрывало его авторитетъ въ молодомъ поколѣніи. Родители не только скрывали количество своихъ дѣтей отъ правительства, но нерѣдко и сами подговаривали дѣтей бѣжать изъ школъ.

Но этимъ еще не исчерпывается все зло. Хотя правительство набирало дѣтей изъ семей вслѣдствіе необходимости имѣть людей съ какимъ нибудь школьнымъ образованіемъ, хотя такая насильственная мѣра усиливала развитіе грамотности и содѣйствовала распространенію образованія, но она нанесла страшный вредъ семейнымъ началамъ, и первая посѣяла сѣмена раздора между молодымъ и старымъ поколѣніемъ, повела къ ослабленію родственныхъ, семейныхъ связей между родителями и сыновьями. Отрывая дѣтей отъ семьи въ раннемъ возрастѣ и нерѣдко посылая ихъ далеко отъ родительскаго крова, правительство парализовало вліяніе родителей на ихъ дѣтей, невольно отчуждало молодежь отъ интересовъ семьи. Естественно, что по окончаніи воспитанія у взрослыхъ дѣтей не оказывалось ничего общаго съ ихъ родителями. Этою мѣрою, не смотря на ея огромную пользу во многихъ отношеніяхъ, правительство положило начало цѣлому ряду печальныхъ недоразумѣній и несогласій между старымъ и молодымъ поколѣніями, дало первый толчекъ къ пассивной борьбѣ между ними, борьбѣ, продолжающейся и до сихъ поръ, подрывающей силы молодежи и доводящей до отчаянія и озлобленія отцовъ. Между старымъ и молодымъ поколѣніемъ по естественному ходу жизни и складу житейскихъ обстоятельствъ возникаютъ недоразумѣнія: одно поколѣніе дряхлѣетъ и отживаетъ свой вѣкъ, слѣдовательно стремится къ покою и потому, конечно, стоитъ болѣе за идеи консервативныя, а молодое поколѣніе требуетъ движенія впередъ, перемѣнъ, новшествъ. Естественно, что оба поколѣнія обыкновенно находятся между собою въ нѣкоторомъ антагонизмѣ; названною же мѣрою правительство дало рѣзкій толчекъ, такъ сказать, къ всеобщей формальной борьбѣ. При этомъ тогдашняя школа, подъ надзоромъ грубыхъ, суровыхъ наставниковъ, съ розгою въ рукѣ и другими орудіями школьныхъ пытокъ, скорѣе ожесточала и нравственно губила дѣтей, чѣмъ воспитывала ихъ. Этою мѣрою правительство несомнѣнно увеличило число людей, получившихъ школьное образованіе, но она была вредна въ томъ отношеніи, что съ этихъ поръ положено было основаніе цѣлой арміи *казенныхъ* людей, мало пригодныхъ для семейной жизни. Вредъ этой мѣры сказался и вотъ еще въ какомъ отношеніи: отрывая дѣтей отъ семьи, правительство отучало и безъ того вообще беззаботнаго русскаго человѣка, и особенно относительно воспитанія, заботиться самому объ образованіи своихъ дѣтей, все болѣе заставляло его забывать свои священнѣйшія обязанности относительно семьи и возлагать въ этомъ дѣлѣ всѣ надежды на правительство. Отсюда преимущественно проистекаетъ недостатокъ въ нашемъ обществѣ частной иниціативы въ дѣлѣ просвѣщенія. Правительство, напримѣръ, до сихъ поръ не можетъ давать дѣтямъ образованія до школы, и общество не думаетъ

объ этомъ. Частные люди дѣлали попытки въ этомъ отношеніи, но это были только исключенія.

Женщина вышла изъ терема тоже не по общественной или частной иниціативѣ, а по указу Петра В.; точно также по приказанію царя замѣнила она свою восточную одежду европейской. Съ 1700 г., въ теченіе двухъ лѣтъ, идетъ рядъ царскихъ распоряженій, чтобы всѣ городскіе жители, исключая духовенство и пахотныхъ крестьянъ, носили верхнее платье европейское. Чтобы не было въ этомъ отношеніи какихъ нибудь недоразумѣній, вывѣшены были модели, какъ слѣдуетъ одѣваться. За ослушаніе грозилъ денежный штрафъ, а портнымъ за шитье платья по старымъ образцамъ полагалось жестокое наказаніе. Такъ же строго преслѣдовали и бороду. Мѣстныя власти, для приведенія въ исполненіе этихъ указовъ, употребляли иногда просто возмутительныя средства: астраханскій губернаторъ разставилъ у входа въ церкви приставовъ, которые обрѣзывали у женщинъ длинныя платья, а у мужчинъ—бороды.

Женщины, по строгому повелѣнію царя-реформатора, стали появляться на шумныхъ придворныхъ праздникахъ, на балахъ и ассамблеяхъ; ихъ угощали въ одной комнатѣ съ мужчинами, какъ это дѣлалось въ чужихъ краяхъ. Хотя онѣ при первомъ своемъ появленіи были крайне дики и застѣнчивы, все же имъ теперь можно было разговаривать съ мужчинами или, по крайней мѣрѣ, слушать ихъ разговоры. Хотя старые порядки и грубость нравовъ и послѣ этого еще долго и очень долго господствовали, тѣмъ не менѣе реформа Петра влила новую струю въ общественную жизнь, устанавливала нѣкоторыя отношенія между обособленными семьями, внесла въ жизнь хотя какіе нибудь интересы. Одичалая, теремная затворница, привыкшая къ тихой монастырской жизни въ теремѣ, неохотно выходила на шумные придворные праздники, балы и ассамблеи. Опасаясь, что это затормозитъ развитіе общественности, Петръ издавалъ новые и новые указы, которые грозили штрафами лицамъ женскаго пола, не появлявшимся на балахъ. Чтобы вывести женщину изъ пассивной роли, указъ Петра предписывалъ ей выучиться танцамъ. Тутъ особенно любопытно, что въ этой реформѣ, какъ мы видимъ, все до мелочей было предписано и предусмотрѣно царемъ, и ничего не предоставлялось собственной иниціативѣ. Женщина подчинилась, стала дѣлать быстрые успѣхи на указанномъ ей пути и изъ гаремной затворницы постепенно превратилась въ свѣтскую даму.

Петръ освободилъ женщину отъ терема, отъ затворничества, но образованіемъ ея онъ не занимался. Охваченный лихорадочною заботою какъ можно скорѣе создать нужныхъ для государства людей, онъ все свое вниманіе обратилъ на образованіе мужчинъ, изъ которыхъ только и могли явиться нужные ему моряки, полководцы, техники, гражданскіе и военные чиновники. Петру и въ голову не могла придти мысль привлечь къ искусству или къ научной дѣятельности женщину, которая только что вышла изъ терема, гдѣ, изолированная отъ людей, жизни и ея интересовъ, она коротала свой вѣкъ въ молитвѣ, среди юродивыхъ, ханжей, карловъ и дуръ, разнообразившихъ ея монастырское затворничество.

Посмотримъ, каково въ то время было образованіе мужчинъ. Петръ не только основалъ множество учрежденій для образованія молодежи, но и посылалъ ее учиться заграницу, заставлялъ переводить книги съ иностранныхъ языковъ. Толчекъ, данный Петромъ распространенію образованія, его личное уваженіе къ наукѣ и литературѣ дѣйствительно побудили нѣсколькихъ русскихъ людей къ умственной дѣятельности. Въ литературу съ тѣхъ поръ

начинаютъ проникать нѣкоторыя облагораживающія понятія, возникаютъ повременныя изданія, въ обществѣ начинаетъ развиваться изящный вкусъ, является любовь къ оперѣ и театральнымъ представленіямъ. Но всего этого было еще слишкомъ мало, чтобы развить и просвѣтить совсѣмъ первобытныхъ людей, тѣмъ болѣе, что общеобразовательныя заведенія, возникшія какъ при Петрѣ, такъ и послѣ него, въ продолженіе всей первой половины XVIII ст., не могли умственно развивать молодыхъ людей и шевелить ихъ мысль за недостаткомъ образованныхъ, знающихъ учителей. Нужно имѣть въ виду и то, что вѣковое умственное отчужденіе русскихъ отъ западно-европейскихъ народовъ не могло сразу уничтожиться реформами Петра В. Хотя Петръ энергично ломалъ все старое, но онъ не могъ уничтожить всѣхъ началъ старой византійско-московской системы воспитанія, и это чрезвычайно вредно отзывалось во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности. Даже академія наукъ, этотъ первый разсадникъ научнаго просвѣщенія въ Россіи, заключавшій въ себѣ и собраніе ученыхъ, и университетъ, и гимназію, и школу искусствъ или ремеслъ, долго не вносила въ жизнь русскаго общества почти никакихъ просвѣтительныхъ началъ. Вмѣсто распространенія просвѣщенія тамъ постоянно шла вражда между русскими и нѣмцами. Во всѣхъ академическихъ дѣлахъ была страшная неурядица: суммы, ассигнованныя на плату профессорамъ и учебныя пособія, растрачивались на предметы, неимѣвшіе съ ними ничего общаго; профессорамъ по долгу не выдавали жалованья. Вслѣдствіе этого большая часть иностранныхъ ученыхъ, поживъ недолго въ Россіи, уѣзжала за границу. Лекціи до 1738 г. совсѣмъ не читались, да и потомъ ихъ читали совершенно случайно, какъ кому что вздумается. Въ гимназіи (при Академіи), предназначенной для подготовленія къ слушанію лекцій, находилось самое ничтожное количество слушателей, да и тѣ часто недоучившись разбѣгались отъ холода и голода въ разныя стороны или поступали въ подъячіе. Такимъ образомъ даже академія наукъ не приносила почти никакой пользы обществу, особенно въ первую половину XVIII в. Въ 1747 г. этому ученому учрежденію данъ былъ новый регламентъ, въ которомъ было точно указано, какія науки слѣдуетъ преподавать. Однако прежніе безпорядки и послѣ изданія регламента продолжали служить величайшимъ тормазомъ для просвѣщенія. Счастіе было улыбнулось этому учрежденію, когда академическій университетъ и гимназія были отданы въ вѣдѣніе Ломоносова. Но вѣчныя академическія интриги не дали и ему дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, и потому онъ не успѣлъ сдѣлать всего того, что могъ и желалъ.

Если науки не процвѣтали въ академіи наукъ, этомъ главнѣйшемъ учрежденіи для просвѣщенія, тѣмъ меньше успѣховъ можно было ожидать отъ другихъ школъ и учебныхъ заведеній.

Объ общемъ образованіи и развитіи тогда никто не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Система образованія въ первой половинѣ XVIII в. была чисто профессіональная. Дѣти должны были учиться тому же, чему учились ихъ отцы, и проходить науку въ школѣ, предназначенной тому сословію, къ которому они принадлежали по рожденію. Это поддерживало сословные предразсудки, и люди высшихъ сословій все болѣе укрѣплялись въ мысли, что то или другое занятіе постыдно для дворянина. Мало того, при такомъ положеніи вещей у молодыхъ людей не могло явиться стремленіе самостоятельно работать надъ тѣмъ или другимъ предметомъ, и такимъ образомъ въ корнѣ подавлялись призваніе, природныя склонности и талантъ. Да и можно ли было въ то время думать объ удовлетвореніи своихъ природныхъ склонностей и о развитіи ихъ, когда сынъ непремѣнно долженъ былъ продолжать дѣятельность

своего отца, пройти его школу и идти по его дорогѣ, какъ бы она ни противорѣчила его вкусамъ и личнымъ стремленіямъ. Мальчикъ съ ранняго возраста могъ поступить только въ школу, предназначенную для людей его сословія, потому что каждое сословіе пріурочено было къ извѣстной службѣ. Дѣти людей, служащихъ при медицинской канцеляріи, обязаны были идти въ медицинскую школу и затѣмъ уже непремѣнно готовиться въ доктора, въ аптекаря. Въ гарнизонныя школы должны были поступать солдатскія дѣти; для образованія же крестьянскихъ дѣтей не существовало народныхъ школъ.

Дѣти дворянъ предназначались преимущественно для военной службы и для службы въ коллегіяхъ и поступали въ корпуса, въ инженерное и артилерійское училище и въ другія заведенія, предназначенныя исключительно для дворянъ. Духовныя школы дѣлались все болѣе и болѣе недоступными для юношей другихъ сословій, и такимъ образомъ вокругъ духовенства фактически замыкался роковой кругъ, и оно не могло обновляться приливомъ свѣжихъ элементовъ: дѣти причетниковъ готовились въ причетники въ архіерейскихъ школахъ, дѣти священниковъ—въ семинаріяхъ, а высшій курсъ духовенство проходило въ академіяхъ Москвы и Кіева. Преподаваніе въ нихъ было чисто схоластическое и самое незавидное, какъ и въ другихъ заведеніяхъ. Впрочемъ въ духовныхъ семинаріяхъ и особенно академіяхъ схоластика съ примѣсью туманной метафизики господствовала по преимуществу. Идеалъ, къ которому воспитанниковъ заставляли стремиться—умѣнье писать и спорить на темы въ родѣ слѣдующихъ: «въ какую часть года сотворенъ былъ міръ: осенью, зимою или лѣтомъ?»—«Сколько времени Адамъ былъ въ раю?»—«Гдѣ сотворены ангелы? Сколь великое по объему мѣсто могутъ занимать они?»

Такъ какъ образованіе въ первой половинѣ XVIII в. было *подчинено* требованіямъ службы, то и наука носила чисто служебный характеръ, а вмѣстѣ съ этимъ и на учащихся смотрѣли, какъ на людей вполнѣ принадлежащихъ государству. Просвѣщенію придавали значеніе только потому, что съ помощію его надѣялись получить болѣе знающихъ и годныхъ для государства людей. Понятно, что такое подчиненіе просвѣщенія постороннимъ, хотя бы и важнымъ для государства цѣлямъ, должно было неблагопріятно повліять на дальнѣйшее распространеніе знаній въ Россіи. Отсюда естественно вытекали равнодушіе къ успѣхамъ просвѣщенія, а также легкомысленное, неуважительное отношеніе къ наукѣ или стремленіе къ ней изъ-за корыстныхъ разсчетовъ.

Профессіональное направленіе образованія тоже не могло содѣйствовать развитію самостоятельнаго интеллигентнаго, руководящаго класса, — при этомъ, конечно, не могла развиваться и умственная самодѣятельность. Воспитаніе, образованіе и знаніе всецѣло подчинились системѣ государственной опеки, а развитіе мысли и ея направленіе—желаніямъ и цѣлямъ правительства. Семейное воспитаніе не могло противодѣйствовать этому, такъ какъ дѣти оставались дома очень не долго и были подъ присмотромъ родителей, въ свою очередь не получившихъ никакого развитія, не имѣвшихъ никакого образованія, кромѣ казеннаго, носившаго характеръ чисто профессіональный, не обладавшихъ никакими общечеловѣческими взглядами, не имѣвшихъ никакихъ разумныхъ элементарныхъ педагогическихъ понятій.

Правительство давно сознавало необходимость имѣть въ государствѣ образованныхъ людей: отъ времени до времени оно вызывало ихъ къ себѣ изъ-за границы и отправляло туда же учиться молодыхъ людей. Такимъ образомъ правительство неизбѣжно стало во главѣ умственной дѣятельности

въ Россіи. Въ XVIII в. система правительственнаго воспитанія и образованія возведена была въ принципъ.

Мы уже знаемъ, что распространившееся казенное обученіе лишало родителей и въ будущемъ какой бы то ни было педагогической практики и иниціативы въ дѣлѣ воспитанія, отдаляло ихъ отъ дѣтей и увеличивало равнодушіе и непониманіе между старымъ и молодымъ поколѣніями. Усиленная правительственная опека не выгодна была также и для развитія въ обществѣ самостоятельной мысли, анализа и критики. Общество, уже издавна лишенное всякой иниціативы, какъ въ сферѣ воспитательной и общественной, такъ и въ сферѣ самостоятельной мысли и въ дѣлѣ образованія, теперь окончательно возложило всѣ свои надежды на правительство. Отсюда вытекаетъ боязнь мысли, умственная лѣнь, апатія, безпечность, умственное рабство, недостатокъ иниціативы во всѣхъ общественныхъ начинаніяхъ,—качества, сдѣлавшіяся основою характера русскаго, такъ называемаго, культурнаго человѣка. Въ этомъ преимущественно кроется причина того индиферентизма, съ которымъ, какъ тогда, такъ и теперь, русское общество встрѣчаетъ всякую перемѣну, каждую реформу въ дѣлѣ воспитанія и образованія, какими бы послѣдствіями она ни грозила нашимъ дѣтямъ. Такимъ образомъ наше общество давно стало отвыкать жить своимъ умомъ, своею мыслью, самостоятельно вырабатывать взгляды и принципы. Въ тѣ моменты нашей исторической жизни, когда правительство было либерально, либерально было и общество; въ періоды реакцій всѣ вдругъ дѣлались обскурантами.

Мѣстничество было уничтожено еще раньше Петра, но табель о рангахъ (1721 г.) лишь замѣнила одну спѣсь другою, и послѣдняя несомнѣнно оказала весьма вредное вліяніе на весь складъ характера русскаго человѣка. Прежнее тщеславіе родовою честью, выражавшееся въ мѣстничествѣ, смѣнилось теперь общимъ стремленіемъ добывать чины, не разбирая средствъ. Теперь всѣ члены семьи, начиная съ родителей и кончая несовершеннолѣтними дѣтьми, лелѣяли лишь одну мечту, какъ бы главу семейства повысили въ чинѣ. Чѣмъ выше былъ чинъ, тѣмъ обезпеченнѣе была семья крупнаго чиновника въ матеріальномъ отношеніи, тѣмъ большимъ почетомъ и значеніемъ пользовалась она въ обществѣ. Жена и дочери крупнаго чиновника занимали въ оффиціальныхъ торжествахъ и церемоніяхъ болѣе видныя мѣста, имѣли право впрягать то или другое число лошадей въ свои экипажи, пользовались всякимъ случаемъ выставить на видъ чинъ своего мужа и отца и требовали вслѣдствіе этого и себѣ соотвѣтственнаго почета. Все это развивало особаго рода мелкое чиновничье тщеславіе, для удовлетворенія котораго нерѣдко приходилось забывать честь и совѣсть, что въ высшей степени пагубно отражалось на нравственномъ, умственномъ и даже экономическомъ преуспѣяніи страны. Чиновники вмѣсто того, чтобы блюсти общественные интересы, для охраны которыхъ они и назначались, употребляли всѣ усилія, чтобы добыть себѣ болѣе значительный чинъ и стремились къ этому не только изъ честолюбія и тщеславія, но и потому, что болѣе видный чинъ давалъ возможность извлекать болѣе матеріальныхъ выгодъ изъ своего положенія. Если прежде подавляющее значеніе въ обществѣ имѣлъ наиболѣе родовитый, то теперь выдвинулся человѣкъ, имѣющій крупный чинъ. Началось царство высокихъ чиновъ, передъ которыми все преклонялось, раболѣпствовало, заискивало, унижалось. Раболѣпство передъ важными и сильными, высокомѣріе съ низшими, какъ мы уже знаемъ, существовало и прежде, но ухудшеніе теперь общественной нравственности состояло въ томъ, что изъ небольшаго круга родовой знати и придворныхъ людей XVI и XVII ст., съ табелью о

рангахъ оно перешло въ несравненно болѣе обширный кругъ. Такимъ образомъ раболѣпство и высокомѣріе не ослабѣло въ XVIII ст., а напротивъ, пріобрѣло для своего развитія еще болѣе благопріятную почву, и эти пороки стали теперь достояніемъ болѣе широкаго круга людей.

Послѣ преобразованій, совершенныхъ Петромъ В., въ русскомъ обществѣ еще долгое время господствовала смѣсь старины съ новизною: роскошь, мотовство, утонченныя манеры, любезность, великосвѣтскіе нравы шли рука объ руку съ грубостью, невѣжествомъ, дикими суевѣріями и предразсудками, жестокостью и скопидомствомъ. Эти противорѣчивыя крайности часто совмѣщались въ одномъ и томъ же лицѣ. Затрачивая громадныя деньги на наряды, выѣзды и балы, таже самая личность учитывала каждую копѣйку не только на содержаніе громаднаго штата прислуги, но и на пропитаніе собственной семьи. Стремленіе къ свѣтскимъ удовольствіямъ, къ иностраннымъ модамъ и танцамъ съ каждымъ годомъ усиливались въ обществѣ.

Крѣпостное право оказывало самое вредное вліяніе на всѣ стороны жизни и на весь складъ характера русскаго человѣка, а потому мы прежде всего и остановимся на немъ. Въ домѣ каждаго зажиточнаго дворянина второй половины XVIII ст. былъ громадный штатъ прислуги, набираемой изъ дворни. Въ нѣкоторыхъ богатыхъ домахъ число слугъ обоего пола доходило до 150, а иногда и больше. Въ каждомъ знатномъ домѣ, кромѣ выѣздныхъ лакеевъ и оффиціантовъ, были дворецкіе, буфетчики, камердинеры, парикмахеръ, кондитеръ, поваръ, поварята, ключники, дворники, кучера, форейторы, конюхи, садовники. Такъ же многочисленна была и женская прислуга: горничныя, *няню*шки, мамушки, ключницы, швеи, пялечницы (работающія въ пяльцахъ), чулочницы и т. д. до безконечности. За знатными барами тянулись и дворяне средней руки. Такъ какъ даже въ небогатыхъ дворянскихъ семьяхъ прислуги было несравненно больше, чѣмъ этого требовало хозяйство, то прислуга, въ большинствѣ случаевъ, и болталась безъ серьезнаго дѣла, съ одной стороны отвыкая отъ производительнаго сельскаго труда, съ другой — увеличивая барскую лѣнь и спѣсь, пріучая баръ къ полному бездѣйствію: нѣсколько казачковъ исключительно заняты были набиваніемъ трубокъ; спеціальною обязанностью нѣкоторыхъ горничныхъ было отгонять мухъ отъ заснувшихъ барчатъ, чесать пятки барынѣ, держать зонтикъ надъ ея головой лѣтомъ, поддерживать ее подъ локти, когда она отправлялась куда нибудь зимою. Вслѣдствіе того, что помѣщики рѣшительно ничего не дѣлали, трудно себѣ представить, какъ они излѣнились и изнѣжились: платокъ или клубокъ обронитъ — звонокъ, бѣги лакей или горничная поднимать; въ этомъ духѣ и дѣтей воспитывали. Помѣщики, какъ взрослые, такъ и дѣти, чесались, одѣвались, все дѣлали съ помощью крѣпостныхъ; они только сами ѣли, спали и веселились. При полномъ отсутствіи какъ умственной, такъ и физической дѣятельности, въ дворянскія головы лѣзли самыя нелѣпыя затѣи и дурачества: одинъ приказываетъ прислугѣ не иначе разговаривать съ нимъ какъ речитативомъ, другой заставляетъ ходить лакея по всѣмъ комнатамъ неспѣшною походкой и протяжно выкрикивать каждый часъ дня и т. п. до безконечности. Дворовые изъ крѣпостныхъ не только исполняли въ помѣщичьихъ домахъ разныя обязанности прислуги, но изъ нихъ помѣщики составляли для своего увеселенія оркестры музыкантовъ, труппы актеровъ, танцовщицъ, воспитателей и учителей своихъ дѣтей; для этого ихъ обучали грамотѣ, нѣкоторымъ наукамъ, иногда даже языкамъ. Помѣщикъ безъ церемоніи и не задумываясь мѣнялъ спеціальность своего слуги. По тогдашнимъ понятіямъ ничего не стоило изъ лакея сдѣлать артиста и назначить ему въ піесѣ то

или другое амплуа. Суворовъ писалъ своему управляющему: „Васька комикомъ хорошъ, но трагикомъ будетъ лучше Никитка. Только должно ему научиться выраженію, что легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ... Вмѣсто Максима и Бочкина комическимъ ролямъ можно пріучать и маленькихъ пѣвчихъ изъ крестьянъ. Сверхъ того французской грамматикѣ заставить учиться исподоволь Алексашку-парикмахера". Подъ вліяніемъ изученія сценическаго искусства у артистовъ изъ дворовыхъ, конечно, нѣсколько расширялся умственный кругозоръ, но человѣческое чувство попиралось у нихъ такъ же безцеремонно, какъ и у остальныхъ крѣпостныхъ. Это были самые несчастные люди: извѣстное развитіе заставляло ихъ страдать гораздо болѣе остальныхъ собратій отъ самодурства помѣщиковъ. Актрисы, по волѣ барина, должны были расточать свои ласки какъ ему, такъ и всякому, кому онъ прикажетъ; очень часто онѣ составляли гаремъ помѣщика. Такихъ крѣпостныхъ артистовъ, даже передъ самою реформою 19 Февраля 1861 г., нѣкоторые помѣщики подвергали жестокимъ истязаніямъ за малѣйшую ошибку въ игрѣ. То же дѣлалось и въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Можно себѣ представить, какое уваженіе къ сценическому искусству и къ его представителямъ могло вырабатываться у молодаго поколѣнія, когда этихъ жрецовъ искусства, по произволу помѣщика, можно было драть на конюшнѣ, давать имъ оплеухи, дѣлать изъ нихъ лакеевъ и своихъ наложницъ. Такое положеніе вещей долго не могло поднять сценическое искусство на должную высоту,—вотъ почему къ служителямъ его такъ долго относились съ полнымъ презрѣніемъ.

Вторую половину XVIII в. можно смѣло считать временемъ утонченныхъ манеръ и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго безчеловѣчнаго, грубаго самоуправства и деспотизма помѣщиковъ, что еще болѣе развивало въ характерѣ русскаго человѣка дворянскую спѣсь, самодурство и сластолюбіе. Грубая натура русскаго человѣка, какъ мы видѣли, не тронутая цивилизаціей въ XVI и XVII вв., теперь, въ XVIII в., лишь усваиваетъ лоскъ внѣшней западной цивилизаціи. Это весьма мало расширало умственный горизонтъ, а въ нравственномъ отношеніи крѣпостное право разнуздывало всѣ гнусныя страсти и похоти. Дворянинъ и по закону, и по господствовавшимъ въ то время понятіямъ, имѣлъ полное право и безчеловѣчно наказывать крѣпостнаго, и распорядиться по своему усмотрѣнію его имуществомъ. Молодое поколѣніе росло и крѣпло въ крѣпостническихъ понятіяхъ, растлѣвавшихъ умъ и сердце. Дѣти ежедневно были свидѣтелями самыхъ жестокихъ наказаній крѣпостныхъ, какъ въ своемъ домѣ, такъ и у сосѣдей. Уже съ ранняго возраста они слышали, какъ ихъ родители за грубость или другой проступокъ крестьянина грозили ему ссылкой въ Сибирь, въ каторжныя работы, сдачею въ рекруты, и были свидѣтелями, какъ эти угрозы приводились въ исполненіе. Старуха-мать провинившагося крестьянина, его маленькія дѣти ползаютъ на колѣняхъ передъ бариномъ, умоляя помиловать несчастнаго, не лишать ихъ послѣдней опоры въ жизни, но баринъ рѣдко склоняется на ихъ просьбы, приказываетъ заковать провинившагося и посадить его въ отдѣльную избу до другаго дня, когда его отправятъ въ городъ для сдачи въ рекруты. Такія сцены изъ крѣпостнаго быта разыгрывались на глазахъ помѣщичьихъ дѣтей вплоть до крестьянской реформы. Скованнаго преступника, подъ стражею сажали въ избу, которую окружала семья несчастнаго. Раздирающій душу вой и плачъ всю ночь тревожилъ сонъ барскихъ дѣтей; нѣкоторые изъ нихъ, съ болѣе чуткою душою, бѣжали къ родителямъ, умоляя о пощадѣ.

Злоупотребленіе помѣщичьимъ правомъ, укоренявшимъ въ молодомъ поко-

лѣніи въ высшей степени дурные инстинкты, сильно сказывалось и въ томъ, что помѣщики, въ видахъ выгоды, нерѣдко продавали своихъ крестьянъ въ розницу: мужа въ одну губернію, жену въ другую, отрывали малолѣтнихъ отъ родителей, или, желая наказать забеременѣвшую дѣвушку, выдавали ее замужъ, за кого вздумается.

Наказанія крестьянъ за самый ничтожный проступокъ были въ полномъ ходу. Опредѣленныхъ правилъ для этого не существовало; помѣщики были неограниченными владыками своихъ рабовъ и примѣняли къ нимъ наказанія сообразно съ своимъ характеромъ и темпераментомъ. Но такъ какъ XVIII в. былъ вѣкомъ жестокихъ нравовъ, то наказанія эти вообще были весьма жестокаго характера, совсѣмъ несообразныя съ проступкомъ провинившагося. Самыми обычными исправительными средствами были палки, плети и розги. Иной разъ помѣщикъ сурово наказывалъ свою прислугу изъ-за одного подозрѣнія, что она будто бы произвела порчу надъ нимъ или надъ кѣмъ нибудь изъ членовъ его семейства приворотнымъ корешкомъ или какимъ-нибудь зельемъ. «Я видѣлъ», говоритъ одинъ французъ, долго жившій въ Россіи, что палками наказывали какъ за кражу, такъ и за опрокинутую солонку (послѣдняя, по русской примѣтѣ, предзнаменуетъ большое несчастіе и потому такое преступленіе рѣдко прощается), за пьянство и за легкое непослушаніе, за дурно сжаренную курицу и за пересоленный супъ. При наказаніи обыкновенно присутствуетъ управитель, если при этомъ не бываетъ господина. Подвергающійся наказанію ложится, въ одной рубашкѣ, одинъ или чаще два человѣка помѣщаются сбоку и по очереди бьютъ провинившагося, какъ по пуховику. Несчастный испускаетъ пронзительные крики, проситъ прощенія, клянется, что не провинится больше, но управитель приказываетъ: «сильнѣе, сильнѣе», и если наказывающій замедлитъ удары, ему самому грозятъ наказаніемъ»... «Какія предосторожности ни принималъ я», продолжаетъ авторъ, «чтобы не быть свидѣтелемъ этихъ жестокихъ истязаній, они такъ часты, такъ обычны въ деревняхъ, что невозможно не слышать сплошь и рядомъ криковъ несчастныхъ жертвъ безчеловѣчнаго произвола. Эти пронзительные вопли преслѣдовали меня даже и во снѣ». Бить домашнюю прислугу сдѣлалось потребностью и неудержимою привычкою помѣщиковъ. Дѣти, не видя кругомъ другаго обращенія, сами очень рано привыкали дурно обращаться съ крѣпостными. За столомъ, лишь только прислуга по неловкости разливала что нибудь на скатерть, немедленно раздавались звуки пощечинъ. Трепкѣ за вихоръ, подзатыльникамъ, колотушкамъ ни господа, ни прислуга, часто получавшая ихъ напрасно, не придавали ни малѣйшаго значенія, а принимали, какъ должное. Ее возмущала только жестокость помѣщиковъ, нерѣдко выходившая изъ всякихъ предѣловъ. Случалось, что противъ такихъ жестокосердыхъ помѣщиковъ крестьяне возставали не только единолично, но и поголовно цѣлой деревней и мстили своему угнетателю, умерщвляя его съ возмутительнымъ звѣрствомъ.

Трудно описать мучительства, которыя выносили крестьяне отъ жестокосердыхъ помѣщиковъ: одинъ господинъ приказываетъ жечь углями подошвы ногъ дворовaго за то, что тотъ утопилъ двухъ барскихъ щенковъ, которыхъ его женѣ велѣно было выкормить своею грудью; барыня садитъ въ клѣтку своего парикмахера, который проводитъ въ ней всю жизнь, пока не высохъ, какъ скелетъ, и изъ-за того только, чтобы кто-нибудь не узналъ, что она носитъ фальшивую косу. Такихъ примѣровъ звѣрства было немало, и они оставались безнаказанными, за исключеніемъ уже изъ ряду вонъ выходящихъ, совершенныхъ тѣмъ или другимъ лицомъ надъ многими своими крѣпостными, какъ напр. дѣло Салтычихи.

Помѣщицы оказывались часто кровожаднѣе своихъ мужей: невѣжественныя, ничего не читавшія, онѣ отличались еще большимъ количествомъ предразсудковъ, чѣмъ ихъ мужья, и отъ вѣчныхъ домашнихъ дрязгъ и измѣнъ своихъ мужей находились въ болѣе нервномъ настроеніи. Извѣстно, что многія изъ нихъ до сладострастія любили присутствовать при экзекуціяхъ крѣпостныхъ, хладнокровно считали удары, понукая исполнителя наказанія бить больнѣе, были въ высшей степени изобрѣтательны на наказанія и необузданно безстыдны при исполненіи ихъ, заставляли при себѣ раздѣвать наказываемыхъ мужчинъ, нерѣдко вырывали розги и сами продолжали истязанія, нанося болѣе сильные удары по самымъ чувствительнымъ мѣстамъ. Такъ же безчеловѣчно обращались эти мучительницы съ подвластными имъ женщинами, особенно если такой барынѣ случалось одну изъ нихъ приревновать къ своему мужу, сыну или любовнику. Дѣвушкамъ въ такихъ случаяхъ обрѣзали косы, раздѣвали до-гола и приказывали мужчинамъ сѣчь ихъ плетьми или розгами, иной разъ подвергая несчастныхъ такимъ пыткамъ и истязаніямъ, при воспоминаніи о которыхъ кровь останавливается въ жилахъ. Конечно, къ такимъ, уже изъ ряду вонъ выходящимъ, жестокостямъ прибѣгали немногіе, но ужасно то, что такія жестокости могли существовать и сплошь и рядомъ безнаказанно сходили съ рукъ помѣщикамъ. Если настоящихъ изверговъ въ то время было не особенно много, то вообще можно сказать, что отношеніе помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ было въ высшей степени жестоко и глубоко безнравственно. Собственно по закону помѣщики не имѣли права надъ жизнью и смертью своихъ крестьянъ, но такъ какъ они имѣли неограниченное право наказывать ихъ, сколько и какъ угодно, то тяжелыя и часто повторяемыя наказанія надъ однимъ и тѣмъ же крѣпостнымъ нерѣдко кончались смертью послѣдняго. Этимъ суровымъ отношеніямъ помѣщиковъ къ своимъ крестьянамъ помогалъ не только неограниченный произволъ надъ своими крѣпостными, но и жестокіе нравы того времени. Нужо помнить, что еще въ половинѣ XIX ст. у насъ существовали плети и шпицрутены, и солдаты нерѣдко получали сразу по нѣсколько тысячъ ударовъ шпицрутенами, а въ XVIII в. наказанія по русскому законодательству были еще болѣе жестокими. Если ужасныя истязанія могли совершаться публично, въ силу закона, то нечего удивляться, что мы встрѣчаемъ ихъ въ городскомъ барскомъ домѣ, а тѣмъ болѣе въ деревенской глуши, гдѣ помѣщикъ былъ неограниченнымъ владыкою надъ своимъ крѣпостнымъ.

Не менѣе вредное вліяніе крѣпостничества сказывалось и въ томъ, что молодое поколѣніе росло съ мыслью, что дворянинъ не только имѣетъ право жить безъ всякаго труда, но что трудъ даже позоритъ его честь. Работать могъ и долженъ былъ только крестьянинъ, и потому съ понятіемъ о крѣпостномъ человѣкѣ невольно связывалось представленіе, что онъ, т. е. крѣпостной, уже по самой своей природѣ сравнительно съ господиномъ что-то неизмѣримо-низшее, нѣчто въ родѣ скотины. Что такое понятіе о крѣпостныхъ прививалось и къ дѣтямъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, можно было видѣть въ дѣтскихъ играхъ барчатъ даже въ половинѣ XIX ст., такъ сказать, наканунѣ крестьянской реформы. Для игръ и забавъ барчатъ къ нимъ пригоняли крестьянскихъ ребятъ, находившихся въ такомъ же подчиненіи у своихъ маленькихъ господъ, какъ ихъ родители у взрослыхъ помѣщиковъ. И даже очень маленькія дѣти изъ крестьянской среды прекрасно понимали свое положеніе и то разстояніе, которое существуетъ между ними и барчатами. Они безпрекословно повиновались своимъ маленькимъ повелителямъ. Чуть они

увлекались забавою, и барчата тотчасъ напоминали имъ ихъ рабское положеніе колотушками и пинками.

Такой произволъ одного сословія надъ другимъ все болѣе укоренялъ въ дворянахъ преувеличенно высокое мнѣніе о своемъ дворянскомъ достоинствѣ. Дворяне съ презрѣніемъ смотрѣли на недворянъ и если иногда, по разнымъ обстоятельствамъ, водили съ ними знакомство и принимали ихъ у себя, то всегда давали имъ чувствовать свое превосходство. Между тѣмъ несомнѣнно, что дворяне XVIII в. отличались отъ недворянъ и вообще отъ низшаго сословія лишь чисто внѣшними преимуществами: изящными манерами, знаніемъ французскаго языка и бо́льшею, сравнительно съ крестьянскою массою, грамотностью. Конечно, между помѣщиками попадались и люди весьма для того времени образованные, но это были лишь исключительныя явленія, масса же дворянъ почти вовсе не возвышалась надъ простонародьемъ своимъ умственнымъ развитіемъ и нравственными достоинствами. Надъ жизнью тѣхъ и другихъ въ равной степени тяготѣло иго суевѣрій, предразсудковъ и всевозможныхъ примѣтъ. Дворяне такъ же, какъ и простонародье, вѣрили въ колдуновъ, въ ворожбу, въ дурной глазъ. Въ нравственномъ же отношеніи крѣпостное право имѣло одинаково растлѣвающее вліяніе, какъ на рабовъ, такъ и на господъ. Нестерпимый гнетъ, личная и экономическая зависимость крѣпостныхъ, рабская приниженность передъ господами отъ колыбели до могилы,—все это очень рано умственно и нравственно притупляло человѣка, будило въ немъ дикіе, кровожадные инстинкты мести относительно мучителей или создавало особый кодексъ нравственности: на глазахъ господъ—рабская преданность, за глазами—обманъ, воровство, вѣроломство, предательство. Конечно, мы знаемъ немало примѣровъ и неподкупной преданности рабовъ своимъ господамъ, но мы говоримъ не объ исключеніяхъ, но о томъ, какое вліяніе имѣло крѣпостное право на массу *вообще*. Что же касается помѣщиковъ, то непосредственное вліяніе крѣпостнаго права на нихъ, кромѣ уже вышеназваннаго, сказалось также и въ томъ, что оно въ высшей степени усиливало развратъ между ними. Иногда все женское населеніе какой-нибудь вотчины растлѣвалось для необузданныхъ похотей барина. Существовало немало помѣщиковъ, которымъ ихъ лакеи каждую ночь приводили на жертву безчестія ту, которую они въ тотъ день назначали. Нѣкоторые помѣщики пользовались въ подвластныхъ имъ вотчинахъ правомъ средневѣковыхъ бароновъ относительно дѣвушекъ. Еще въ XIX в., незадолго до реформы, у нѣкоторыхъ помѣщиковъ существовали цѣлые гаремы. Не довольствуясь тѣмъ, что сами они изнасиловали множество дѣвушекъ, они любезно угощали ими своихъ гостей, при этомъ для болѣе важныхъ изъ нихъ выбирались невинныя, хотя бы имъ было не болѣе 12 лѣтъ отъ роду. Однимъ словомъ, ни одна крестьянская женщина или дѣвушка не была безопасна отъ похотливыхъ вожделѣній своего барина. Нерѣдко жертва барской прихоти, чтобы не явиться опозоренною передъ женихомъ, мужемъ или отцомъ, топилась, вѣшалась или прибѣгала къ другаго рода самоубійству. Иногда она начинала съ этого, чтобы не сдѣлаться жертвою барскаго разврата. Этотъ развратъ вносилъ страшный разладъ въ собственную семью помѣщика и самымъ тлетворнымъ, самымъ гибельнымъ образомъ отражался на его дѣтяхъ. Его жена не всегда оставалась равнодушною зрительницею вѣчныхъ измѣнъ своего мужа: ревновала, дѣлала мужу при дѣтяхъ бурныя сцены, тиранила его любовницъ, нерѣдко, въ отместку, сама пускалась въ развратъ.

Развратъ родителей не былъ тайною для дѣтей: онъ былъ слишкомъ явенъ, чтобы его укрыть, наконецъ, въ то время никто и не думалъ, что подобныя вещи слѣдуетъ скрывать отъ дѣтей. Во время упрековъ и переко-

ровъ между родителями и среди бурныхъ сценъ, которыя они дѣлали другъ другу, не стѣсняясь перемывать грязное бѣлье другъ друга, дѣти, тутъ же, на лету, подхватывали очень многое... Если они чего и не понимали въ ту минуту, то къ ихъ услугамъ всегда былъ цѣлый штатъ лакеевъ, мамушекъ, нянюшекъ и сѣнныхъ красныхъ дѣвушекъ, которые съ величайшею готовностью имъ объясняли подобныя вещи. Дѣтское воображеніе и наблюдательность, получивъ однажды толчекъ, начинали работать въ самомъ гибельномъ направленіи, совершенно развращавшемъ чистую дѣтскую душу. Вслѣдствіе господства крѣпостническихъ идей, помѣщичьяго произвола, общественнаго и семейнаго разврата, невѣжества, суевѣрія и отсутствія здравыхъ педагогическихъ понятій, подростающее поколѣніе не имѣло матеріала для здоровой наблюдательности и питалось лишь гнилымъ запасомъ доморощенной нравственности или кодексомъ усвоенныхъ приличій. Молодежь въ раннемъ дѣтствѣ развращалась физически, нравственно и умственно и такъ же, какъ и ихъ отцы, уже въ самой ранней молодости начинала вести праздную жизнь, полную разгула и преступныхъ наслажденій.

Гибельное вліяніе крѣпостничества на воспитаніе русской молодежи продолжалось до 1861 г., т. е. до крестьянской реформы. Хотя нравы XIX в. сильно смягчились сравнительно съ нравами XVIII в., хотя въ первой половинѣ XIX в. русское общество и въ образованіи сдѣлало успѣхи и пошло впередъ, но вредъ крѣпостничества въ XIX ст. сказывался такъ же гибельно, какъ и въ предшествующемъ. Скажемъ больше, гибельное вліяніе долго господствовавшаго у насъ крѣпостнаго права сказывается и до сихъ поръ: многія черты характера, усвоенныя въ то время—лѣнь мысли, отвращеніе къ физическому труду, развратъ, самодурство, барская спѣсь, мелочной и пошлый дворянскій гоноръ, — все это и до сихъ поръ составляетъ основу нашего характера и такъ въѣлось въ нашу натуру, что перешло къ дѣтямъ отъ ихъ родителей, и нужно и теперь серьезно имѣть это въ виду при воспитаніи дѣтей.

Посмотримъ же на другія стороны жизни дворянъ второй половины XVIII в., оказавшія наиболѣе вредное вліяніе на складъ характера русскаго человѣка.

Помѣщики въ провинціи жили очень просто: свободное время отъ сна, ѣды и хозяйственныхъ заботъ посвящали незамысловатымъ удовольствіямъ: игрѣ въ городки, качанію на качеляхъ, рыбной ловлѣ, охотѣ. Между помѣщиками было чрезвычайно много страстныхъ любителей собакъ, лошадей и голубей, такъ что у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ домѣ было трудно бывать отъ шума, гама и запаха множества животныхъ: одинъ дрессируетъ собаку, другой гоняетъ на кордѣ лошадь, третій лазаетъ по голубятнямъ и уже всюду, въ каждомъ семействѣ, между всѣми помѣщиками, болѣе всего были распространены карты. Азартными играми увлекались одинаково сильно, какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ. За картами просиживали дни и ночи, и онѣ вели дворянъ къ полному раззоренію: проигрывали не только деньги, но помѣстья, дома, крестьянъ, собакъ, лошадей съ экипажемъ, въ которомъ только что пріѣхали въ гости. Карточная игра развивала самые скверные пороки и инстинкты: выигрышъ пріучалъ къ легкой наживѣ, къ жизни на средства, пріобрѣтенныя не трудомъ, а двусмысленнымъ способомъ, заставлялъ радоваться несчастію другаго, мечтать объ этомъ несчастіи и велъ къ пагубному мотовству; проигрышъ, раззоряя помѣщиковъ, толкалъ ихъ на преступленія. Мотовство и игра въ карты заставляли многихъ прибѣгать къ раззорительнымъ займамъ. Появились ростовщики, бравшіе за свои услуги огромные проценты, изъ которыхъ они и скопляли значительныя богатства. Ростовщики, эти піявицы рода

человѣческаго, плодились въ то время съ необыкновенной быстротой, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось число людей, которые, пользуясь своими служебными преимуществами или высокимъ положеніемъ, ни кому не платили долговъ.

Помѣщики въ провинціи вели жизнь весьма уединенную, рѣдко посѣщая другъ друга. Въ большинствѣ случаевъ это происходило потому, что сосѣди рѣдко жили между собою въ ладу. Поводомъ къ этому служило преимущественно то, что земли не были размежеваны, и большія дачи и пустоши находились въ общемъ владѣніи многихъ лицъ. Это постоянно вызывало между сосѣдями всевозможныя дрязги, ссоры и самыя грубыя столкновенія. Въ ссоры между сосѣдями помѣщики втягивали и своихъ крестьянъ. Вражда между врагами иногда длилась всю жизнь и кончалась для одной изъ сторонъ самымъ трагическимъ образомъ. Оба врага только и думали, какъ бы насолить другъ другу, и близкіе люди того и другаго изъ нихъ тоже измышляли для этого разные каверзы: одинъ изъ нихъ посылалъ своихъ крестьянъ загонять скотину своего сосѣда; крестьяне враждебной стороны съ дубьемъ и полѣньями старались отстоять скотъ своего помѣщика... И начинается вражда не на жизнь, а на смерть, въ которой проигрываютъ рѣшительно всѣ, а придумываніе подлыхъ средствъ для мести окончательно развращаетъ человѣка. Эта вражда отъ времени до времени переходитъ съ той и другой стороны въ побоища. Дѣти враговъ тоже принимаютъ дѣятельное участіе во враждѣ своихъ родителей: они стараются подстеречь своихъ прежнихъ товарищей или крѣпостнаго человѣка своего врага, или его домашній скотъ и птицъ и не жалѣютъ на нихъ камней, а бывало не мало случаевъ, что во время такихъ ссоръ подстрѣливали не только животныхъ, но и людей. Въ такой враждѣ другъ противъ друга проходила нерѣдко жизнь близкихъ сосѣдей.

Помѣщики посѣщали дома болѣе отдаленныхъ сосѣдей, съ которыми было менѣе поводовъ къ враждѣ. Но они бывали другъ у друга не часто, подъ большіе праздники и тогда уже проводили въ гостяхъ по три, по четыре дня.

Незамысловатая бесѣда во время этихъ съѣздовъ вертѣлась около хозяйства, охоты и т. п. Когда эти темы истощались, какой-нибудь шутникъ прибаутками потѣшалъ всю компанію, или какой-нибудь отставной военный забавлялъ разсказами о боевой жизни. Разговоры и разсказы были настолько фривольнаго содержанія, что они стѣсняли молодыхъ дѣвушекъ, если тѣ еще не утратили стыдливости. На Рождествѣ и на масляницѣ наряжались въ фантастическіе костюмы, устраивали игры, которыя принимали иногда непристойный характеръ; но болѣе всего при этихъ съѣздахъ старались накормить гостей до отвалу, такъ какъ предки наши вообще любили таки покушать и отличались гостепріимствомъ.

Въ столицахъ шла другая жизнь. Во второй половинѣ XVIII в. въ обществѣ появилось неудержимое стремленіе къ роскоши, расточительности и модѣ. Не успѣетъ утвердиться одна мода, какъ ее смѣняетъ другая, что вмѣстѣ съ азартною игрою вело къ еще болѣе быстрому раззоренію, чѣмъ въ провинціи. По требованію моды установилась необыкновенная роскошь въ туалетѣ: бархатъ, кружева, блонды, серебряныя и золотыя украшенія считались существеннѣйшими принадлежностями одежды. За богатствомъ, роскошью и великолѣпіемъ двора, поражавшимъ иностранцевъ, тянулись высшіе и низшіе дворяне, люди и съ громаднымъ, и съ весьма ничтожнымъ состояніемъ. И мужчины, и дамы стремились заказывать платья у французскихъ портныхъ, бравшихъ за свое искусство въ три - дорога и возвращавшихся на родину съ карманами, туго набитыми русскими деньгами. Умѣть изящно, по модѣ одѣться

и сдѣлать искусную прическу считалось въ то время главнѣйшею обязанностію порядочнаго человѣка, будь онъ мужчина или женщина. Понятно, что за туалетомъ проводили значительную часть дня: 3, 4 и 5 часовъ. Въ болѣе короткій срокъ и невозможно было приготовить свою особу къ балу, къ визиту, прогулкѣ, театру или обѣду,—для всего этого требовались и разные туалеты, и иной фасонъ прически. Пудра для волосъ, румяна, бѣлила, мушки для лица—были необходимою принадлежностью туалета обоего пола. Изъ этого ясно, что жизнь въ столицахъ вели самую легкомысленную, пустую и свѣтскую. Интересовъ умственныхъ и здѣсь существовало не болѣе, чѣмъ въ провинціи,—все уходило на свѣтскую болтовню въ гостиныхъ, на балы и обѣды, на визиты, занятія туалетомъ и на театры. Разговоры въ гостяхъ ограничивались сообщеніемъ модныхъ новостей дня и злословіемъ. Свѣтское обращеніе прошлаго столѣтія допускало въ отношеніи двухъ половъ много вольности. Разговоры между дамами и мужчинами преимущественно касались любовныхъ похожденій, взаимныхъ признаній, комплиментовъ и сообщеній о незамысловатыхъ происшествіяхъ дня. Волокитство было общимъ развлеченіемъ и главною цѣлью жизни. Матери считали своею обязанностью научить своихъ дочерей кокетству и умѣнью нравиться уже въ 10—11 лѣтъ, а юношей искусству ухаживать за такими дѣвочками. На волокитство, доведенное до распутства, смотрѣли тогда какъ на милыя, забавныя шалости. Высшимъ тономъ, завѣтною мечтою супруговъ того времени было жить на двѣ половины; жена стремилась быть окруженною роемъ обожателей, мужъ—содержать на сторонѣ метрессу, не только не скрывая этого отъ своихъ знакомыхъ, но хвастаясь этимъ. Наряды, обѣды, балы, пиры, выѣзды, однимъ словомъ вся эта пустая свѣтская жизнь требовала громадныхъ расходовъ и вела къ разстройству состояній и къ долгамъ.

Жизнь не по средствамъ плодила взяточничество, лихоимство, которыя шли рука объ руку съ неправдою въ судахъ, съ беззаконностью судей и приказныхъ, съ ябедою и другими пороками. Судьи прошлаго столѣтія отличались такимъ невѣжествомъ, что нерѣдко даже не знали основательно тѣхъ указовъ, которыми должны были руководиться при разборѣ и рѣшеніи дѣлъ. Дѣло рѣшали въ пользу того, кто давалъ взятку въ большихъ размѣрахъ. Взяточничество шло рука объ руку съ злоупотребленіями въ разныхъ отрасляхъ управленія, а также и съ халатнымъ, небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу; въ присутствіяхъ чиновники больше занимались разговорами и шутками, чѣмъ дѣломъ. Страсть къ ябедѣ, крючкотворству и тяжбамъ, давно уже коренившаяся въ нравахъ русскаго общества, особенно процвѣтала въ XVIII в. и очень помогала судейскому произволу.

Такъ же мало хорошаго въ нравахъ было и въ военной сферѣ: военная молодежь въ царствованіе Екатерины II вела жизнь распутную, полную разгула, попоекъ, любовныхъ похожденій и скандаловъ. Имѣть открыто любовницу для порядочнаго офицера считалось просто необходимостью.

Люди того времени отличались большимъ почтеніемъ къ старшимъ, знатнымъ и людямъ крупныхъ чиновъ. Человѣкъ преклонныхъ лѣтъ имѣлъ право на почтеніе не потому, что въ прошломъ онъ отличался безупречною нравственностью, а только потому, что онъ прожилъ много лѣтъ; человѣка знатнаго и чиновнаго уважали не тогда, если онъ, не смотря на всѣ соблазны, руководствовался лишь честными принципами, а въ томъ случаѣ, если онъ достигъ высокаго сана, нажилъ большое состояніе. Что изъ того, что все это достигнуто самымъ гнуснымъ образомъ, но, по понятіямъ того времени, умный, не разбирая средствъ, наживаетъ богатство и достигаетъ крупнаго чина, а

глупый вездѣ остается за штатомъ. Очень можетъ быть, что все это и было причиною того, что послѣ крестьянской реформы молодое поколѣніе, не задумываясь, повергало во прахъ всѣ прежніе авторитеты, всѣ прежніе кумиры. Людямъ съ новыми взглядами и новыми идеалами трудно было забыть, что люди старые и чиновные, такъ долго пользовавшіеся въ обществѣ и семьѣ авторитетомъ, занимавшіе болѣе видныя мѣста, окруженные всеобщимъ почтеніемъ и уваженіемъ, подавали лишь примѣръ взяточничества, насилія, разврата и деспотизма. Если въ XVIII в. девизомъ общества было „почетъ и уваженіе старости и знатности", то въ періодъ общественнаго возрожденія всѣ упованія и надежды на лучшее будущее возложили на молодежь. Мало уваженія возбуждали и прежніе идеалы. Правда, люди прошлаго столѣтія строго соблюдали благочестіе: часто посѣщали храмъ Божій, служили всенощныя на дому, подымали иконы, предпринимали хожденія по монастырямъ, но это благочестіе и религіозное рвеніе было чисто внѣшняго характера и легко уживалось съ закоренѣлымъ суевѣріемъ, ханжествомъ, угнетеніемъ и обидой слабаго, высокомѣріемъ съ низшимъ, издѣвательствомъ надъ неимущимъ. Суевѣрія людей XVIII в. мало чѣмъ уступали суевѣріямъ предъидущей эпохи: и теперь еще боялись лѣшихъ, вѣдьмъ, вѣрили наговорамъ и нашептыванію, примѣтамъ, гаданію, снамъ, приворотнымъ корешкамъ и зелью, какъ и прежде боялись дурнаго глаза,—однимъ словомъ, трудно сказать, что у людей описываемой эпохи было сильнѣе: вѣра въ Бога или въ злую сверхъестественную силу.

Посмотримъ же, каково было воспитаніе русскаго юношества XVIII в.

Относительно дѣтей существовали двѣ системы или, точнѣе сказать, два образа дѣйствія: или строгость, переходящая въ жестокость, или совершенная распущенность. Первое встрѣчалось чаще. Дѣти въ такихъ семействахъ должны были безпрекословно подчиняться родительской власти, и отъ такого безпрекословнаго повиновенія родителямъ ихъ не избавляли ни лѣта, ни чины.

За малѣйшую оплошность дѣтей наказывали розгами; во многихъ семьяхъ къ нимъ прибѣгали ежедневно, нерѣдко даже безъ всякой вины со стороны ребенка, чтобы предупредить зло, пресѣчь его въ корнѣ. Если родители были чѣмъ нибудь заняты, они поручали экзекуцію кому нибудь изъ домашнихъ. Впрочемъ, къ тѣлеснымъ наказаніямъ прибѣгали у насъ не только въ XVIII столѣтіи, но и въ XIX, вплоть до освободительнаго періода, прибѣгаютъ нерѣдко даже и теперь. Эта возмущающая душу и унижающая человѣческое достоинство педагогическая мѣра оказываетъ въ высшей степени пагубное вліяніе и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Розги, колотушки, удары и другія тѣлесныя наказанія могутъ повести къ поврежденію тканей, разрушающихъ жизнь, вызываютъ въ ребенкѣ ужасъ, страхъ, гнѣвъ и другіе аффекты, внезапно, сразу напрягаютъ всю нервную систему и также внезапно, когда пройдетъ сильное возбужденіе, ослабляютъ ее. Всего этого маломальски разумный воспитатель долженъ избѣгать всѣми зависящими отъ него мѣрами, такъ какъ подавленіе и обузданіе аффектовъ должно быть одною изъ наиважнѣйшихъ задачъ разумнаго воспитанія. Если же тѣлесныя наказанія не возбуждаютъ въ ребенкѣ ни страха, ни гнѣва, ни ужаса, что, какъ мы увидимъ ниже, совершенно разстраиваетъ нервную систему, то это означаетъ, что его нервы уже расшатаны или то, что въ немъ уже притуплены нравственныя чувства частыми наказаніями, или онъ тупъ вообще, и уже никакъ не подобными средствами слѣдуетъ пробуждать въ немъ дремлющія моральныя силы.

Вредъ тѣлесныхъ наказаній для нравственности и здоровья ребенка неисчислимъ. Прежде всего они подрываютъ родительскій авторитетъ. Маломальски развитой ребенокъ скоро приходитъ къ убѣжденію, что воспитатель его весьма несостоятеленъ въ умственномъ отношеніи, если, кромѣ розги, не могъ придумать никакого средства, не могъ найти никакихъ словъ, чтобы помѣшать совершенію имъ проступка, за который ему пришлось такъ жестоко поплатиться. Къ тому же такое наказаніе унижаетъ человѣческое достоинство ребенка: лишь только онъ узнаетъ, что теперь не совсѣмъ одобрительно смотрятъ даже и на того, кто бьетъ животное, что даже дрессируя его теперь все менѣе прибѣгаютъ къ побоямъ, между тѣмъ какъ его, человѣка, ставятъ не выше, а то и ниже безсловеснаго животнаго, и въ немъ пробудится страшное озлобленіе противъ воспитателя. Да и возможно ли, чтобы такая мѣра въ нравственно развитомъ ребенкѣ не вызвала раздраженія. Окружающіе и его близкіе, все говоритъ ему, что онъ долженъ брать примѣръ съ родителей. И вдругъ родители, которые дѣйствительно должны подавать примѣръ сдержанности, любви и кротости, выказываютъ къ нему, за его проступокъ, совсѣмъ противуположныя чувства. Нынѣшнія дѣти, вслѣдствіе бо́льшаго развитія и чтенія, болѣе чѣмъ въ прежне время думаютъ и разсуждаютъ, и такія педагогическія мѣры могутъ вызвать въ современныхъ дѣтяхъ гораздо больше раздраженія и ожесточенія противъ родителей, чѣмъ прежде.

Тѣлесныя наказанія сильно тормозятъ также развитіе деликатности, доступной лишь нравственно развитымъ людямъ. Сравнительно съ другими цивилизованными народами, русскіе, даже и наиболѣе культурные изъ нихъ, отличаются меньшею деликатностью чувствъ; въ этомъ несомнѣнно винозата та усиленная порка, которой подвергали русскихъ людей много столѣтій подъ-рядъ.

Тѣлесныя наказанія подавляютъ стыдъ и скромность, притупляютъ чувствительность и чуткость. Чѣмъ чаще прибѣгаютъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, тѣмъ равнодушнѣе становится ребенокъ къ сраму и позору. Не потому ли отчасти мы такъ равнодушно, такъ холодно-преступно смотримъ на униженіе человѣческаго достоинства нашихъ ближнихъ, на колотушки и мордобитіе слабыхъ, что въ насъ еще въ дѣтствѣ притупили розгами впечатлительность и чуткость. Наиболѣе великій вредъ тѣлесныхъ наказаній и особенно розогъ заключается въ томъ, что подобными экзекуціями нарушается правильное кровообращеніе и вызывается усиленное нервное возбужденіе: кровь въ такіе моменты съ особенною силою притекаетъ къ половымъ органамъ, а такъ какъ наказуемый въ это время находится въ ненормальномъ нервномъ возбужденіи, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что вся эта экзекуція, вмѣстѣ взятая, пробуждаетъ преждевременную чувственность.

Но возвратимся къ воспитанію въ XVIII в. Дѣтямъ въ то время постоянно давали чувствовать родительскій авторитетъ. Мало того, даже взрослые сыновья, во многихъ семействахъ, не могли сѣсть безъ дозволенія родителей, разговаривали съ ними не иначе, какъ привставая. Излишняя строгость и вѣчный страхъ передъ родителями исключали любовь и уваженіе къ нимъ, развивали ложь и лицемѣріе. Излишняя строгость и суровость совершенно уничтожали искренность и откровенность: дѣти не сознавались родителямъ въ своихъ шалостяхъ и проказахъ, сидѣли на ихъ глазахъ чинно и благопристойно, а за ихъ спиной продѣлывали самыя непозволительныя вещи.

Тамъ, гдѣ царило безпардонное баловство, рука объ руку съ нимъ шли распущенность и своеволіе. Такъ какъ это было время господства розги и

вѣры въ ея всемогущество, то если балованный ребенокъ уже сильно провинился, розгою иногда наказывали не его, а дворового мальчика, взятаго для игры съ нимъ. Въ такихъ семьяхъ дѣти не боялись родителей, но бранили ихъ непечатными словами, а въ злобѣ и гнѣвѣ пускали въ нихъ чѣмъ попало. Такое воспитаніе доводило дѣтей до полнаго распутства еще въ очень ранніе годы; изъ такихъ семей выходили преимущественно недоросли, сорви-головы и самодуры, люди, незнавшіе удержу рукамъ и грубымъ проявленіямъ самыхъ пошлыхъ инстинктовъ. Но что бы ни господствовало въ семьѣ,— строгость или распущенность, на всѣхъ дѣтяхъ прежде всего гибельно отзывалось вліяніе крѣпостнаго права. Хотя изъ многочисленнаго штата крѣпостныхъ нянюшекъ, мамокъ и дядекъ встрѣчалось немало натуръ добрыхъ и самоотверженно преданныхъ своимъ питомцамъ, но все, что они могли для нихъ сдѣлать, это внушить къ себѣ довѣріе, привязанность, возбудить любовь. Это, конечно, была немаловажная заслуга въ эпоху, когда русская дѣйствительность возбуждала лишь дурныя чувства. При этомъ многія изъ мамушекъ и нянюшекъ своими сказками, разсказами и пѣснями поддерживали знаніе живой русской рѣчи и интересъ къ народной поэзіи, вытѣсняемые все болѣе модным французскимъ языкомъ и пристрастіемъ ко всему французскому. Но будучи невѣжественны и суевѣрны, онѣ не могли расширить умственный горизонтъ своихъ питомцевъ. Къ тому же жизнь помѣщиковъ сложилась такъ, что среди черезчуръ обширной дѣвичьей, лакейской и многочисленныхъ товарищей игръ изъ крѣпостныхъ дурные элементы несомнѣнно перевѣшивали хорошіе.

Въ воспитаніи того времени существовало два совершенно различныя теченія: представители одного предпочитали правила допетровской старины, очень туго и медленно подвигаясь впередъ по пути новшествъ, другое было совершенно французское, ставившее фундаментомъ образованія и развитія французскій языкъ, танцы, тонкость обращенія, изящество манеръ, умѣнье одѣться со вкусомъ и по модѣ. Люди стариннаго покроя заботились только о физическомъ здоровьѣ дѣтей, а средствомъ для достиженія его они считали мягкіе пуховики, непомѣрно теплую одежду и ѣду, ѣду частую, почти ежечасную. «Лишь бы здоровъ былъ Иванушка да счастливъ, а умъ будетъ— всему самъ научишься», приговаривали они. Сами невѣжественные, они не могли приходить въ ужасъ отъ невѣжества своихъ дѣтей,—между ними ходила поговорка, оправдывающая ихъ невѣжество: «для дворянина—шпага, для стряпчаго—перо, а грамота—для поповъ»,—и оставляли дѣтей цѣлый день рѣзвиться и проводить время, какъ имъ заблагоразсудится. Книгъ для дѣтскаго чтенія тогда почти не существовало, грамотѣ начинали учить поздно, слѣдовательно бо́льшую часть дня дѣти проводили на полной свободѣ: играли въ чехарду, рѣзвились съ ребятами, крали у родителей лакомства изъ кладовыхъ, а иногда и бутылочку-другую вина, потягивая его вмѣстѣ съ товарищами, безпрестанно бѣгали въ людскую, заслушиваясь скабрезныхъ разсказовъ, лазали по деревьямъ раззорять птичьи гнѣзда и на голубятню, дрессировали собаченокъ, носились по деревнѣ на лошадяхъ, распѣвая съ сверстниками во все горло двусмысленныя пѣсни, зимою катались съ горъ съ дворовыми дѣвушками, пріучаясь къ сквернословію и непристойнымъ шуткамъ, устраивали съ ними глупѣйшія игры и въ такомъ времяпрепровожденіи къ 14, 15 лѣтамъ теряли всякую здоровую любознательность, юношескую стыдливость, извращали умственныя и нравственныя склонности и стремленія и совершенно развращались.

Учили тогда мало и плохо. Учителями русскаго языка у большинства

дворянъ (это была эра преимущественно дворянская, и правительство болѣе всего заботилось о дворянахъ) были дьячки, грамотные изъ дворовыхъ, отставные солдаты, выключенные семинаристы. Оттого и званіе учителя равнялось званію лакея. Выучивали читать и писать съ грѣхомъ пополамъ; чтеніе преимущественно ограничивалось часословомъ и библіею; но въ первой половинѣ XVIII ст. было очень много совершенно безграмотныхъ дворянъ; во второй половинѣ этого столѣтія грамотность пошла успѣшнѣе вслѣдствіе учрежденія многихъ казенныхъ заведеній. Кромѣ вышеупомянутыхъ учителей въ городахъ существовали такъ называемые «мастера»; они учили у себя на дому чтенію и письму. Какъ они вели преподаваніе, мы видимъ на страницахъ журнала «И то, и сё»: «Училъ меня русской грамотѣ *россійскій мастеръ*, у котораго отъ утра и до вечера каждый день пропѣвалъ я: азъ, буки, вѣди и проч., какъ будто-бы по нотамъ, и кричалъ съ ребятами во весь голосъ, ибо въ нашемъ городѣ такое обыкновеніе, что крикъ отъ учениковъ можно услышать и въ другомъ приходѣ; отчего въ вечеру выходили мы отъ мастера такъ какъ шальные: раскричимъ себѣ головы, и кажемся добрымъ людямъ такими, которые недавно освободились отъ сильнаго угару».

Иностранные языки, въ особенности французскій, съ каждымъ годомъ все болѣе входили въ моду при воспитаніи дѣтей. Съ усиленіемъ запроса на французскій языкъ стали безъ разбора принимать къ себѣ въ домъ всякихъ проходимцевъ, лишь бы они были французы или сами считали себя таковыми. Кучера, лакеи, парикмахеры, всякій парижскій сбродъ наводнилъ теперь дворянскія семьи, выдавая себя за наставниковъ. Въ необразованной семьѣ того времени, съ одной стороны преданной своимъ удовольствіямъ, съ другой занятой хозяйственными заботами о безконечныхъ заготовкахъ припасовъ, никто не могъ контролировать этихъ воспитателей ни въ умственномъ, ни въ нравственномъ отношеніи. Они очень часто имѣли на русское юношество самое безнравственное вліяніе, выучивали лишь французскому языку, а былъ и такой случай, что одинъ финляндецъ научилъ всю семью финскому языку, выдавая себя за француза.

Хотя въ обществѣ сохранилось еще очень много стараго, но новыя вѣянія все болѣе давали себя чувствовать, а во второй половинѣ XVIII в. они получили рѣшительное преобладаніе. Въ это время уже большая часть русскаго общества, не только въ столицахъ, но даже и въ провинціи, стремилась давать дѣтямъ свѣтское воспитаніе, фундаментомъ котораго былъ французскій языкъ, старалась поставить домъ на свѣтскую ногу, обучить всѣхъ домочадцевъ тонкому обращенію, научить дочерей умѣнью пѣть въ гостиной чувствительные романсы, танцамъ и игрѣ на гитарѣ,—не даромъ поэты того времени не иначе изображали дѣву, какъ съ арфою въ рукахъ. Дѣвочекъ въ этомъ отношеніи начинали шниговать и дрессировать съ самаго ранняго дѣтства. Были такія искусныя гувернантки, которыя дѣвочку къ 9, 10 годамъ умѣли совершенно превратить въ свѣтскую даму. Такое раннее обученіе дѣвочекъ свѣтскости считали въ то время необходимымъ, такъ какъ въ 12, 13 лѣтъ дѣвочка уже могла выходить замужъ, слѣдовательно она еще ранѣе должна была изучить искусство нравиться и плѣнять.

Вотъ какъ одинъ писатель того времени характеризуетъ воспитаніе дѣвушки: „вмѣсто ученія на языкѣ россійскомъ, основанію закона Божія, вмѣсто правилъ нравственности, должностей дочери, должностей жены, матери, гражданки, хозяйки дому, учатъ дѣвицъ тотчасъ говорить, читать и писать по французски. Едва преуспѣетъ дѣвушка столько въ ономъ языкѣ, что можетъ понимать уже читаемое, какъ даютъ ей трагедіи и комедіи Расиновы и

Мольеровы, для изощренія ея въ декламаціи. Уже является прельщеннымъ глазамъ родительскимъ восьми или десятилѣтняя актриса; уже наученная выраженію сильныхъ страстей, а паче страсти Федриной, напрягаетъ нѣжный голосъ, вращаетъ глаза, и порывистыми движеніями стана и рукъ ужасаетъ и удивляетъ зрителей; или, вооружась лукавою невинностію, обманываетъ искусно въ *школѣ мужей*; либо въ роли Финетты истощаетъ всѣ хитрости, нахальство, уловки плутоватой служанки и, научая будто бы мнимую барышню нецѣломудрію, даетъ самой себѣ уроки, и тѣмъ извлекаетъ отъ родни одобрительный хохотъ. Потомъ начинается танцованіе, музыка и пѣніе"...

Понятій о физическомъ воспитаніи тогда вовсе не существовало, и ихъ замѣняла особаго рода выправка, состоявшая въ томъ, чтобы дѣвушка держалась прямо, легко и граціозно ступала, умѣла одѣться не только изящно, но и такъ, чтобы скрыть свои физическіе недостатки и выказать преимущества, умѣла граціозно кланяться. Танцы, холя и изнѣженность тѣла считались самыми дѣйствительными средствами для достиженія такого идеала. Чтобы внѣшній видъ дворянокъ ничѣмъ не напоминалъ здоровыхъ, краснощекихъ, огрубѣлыхъ отъ простой работы крестьянокъ, помѣщики не только высшаго, но и средняго состоянія держали своихъ дочерей въ тепличной атмосферѣ, приходя въ ужасъ отъ каждаго поползновенія ихъ къ физическому труду. Имъ съ ранняго дѣтства вбивали въ голову, что простой физическій трудъ долженъ въ барышнѣ возбуждать презрѣніе, что онъ достояніе раба. Теперь понятія въ этомъ отношеніи совершенно перемѣнились, но до сихъ поръ чувствуется въ высшихъ и среднихъ классахъ общества неспособность и нерасположеніе къ физическому труду,—признакъ того, какъ долго и какъ упорно развивали презрѣніе къ нему.

Изнѣженное воспитаніе не внушало однако привычекъ къ чистоплотности, и писатели того времени единогласно свидѣтельствуютъ о величайшей неряшливости свѣтскихъ, воздушно-нѣжныхъ созданій того времени.

Дѣвочку уже въ 9, 10 лѣтъ вывозили на балы и общественныя увеселенія, и родительское сердце ничѣмъ болѣе нельзя было тронуть, какъ придти въ восторгъ отъ танцовальнаго искусства ихъ дочери. Съ этою цѣлью достаточные люди устраивали даже домашніе дѣтскіе балеты. Въ то же время въ большой модѣ были домашніе театры, въ которыхъ такъ же, какъ и въ балетахъ принимали участіе дѣти. Вслѣдствіе этого у дѣтей того времени являлась прежде всего страсть плѣнять своими прелестями, чего и безъ стараній достаточно заложено въ природу женщины. Естественно, что это влекло къ опасному и преждевременному развитію чувственности, пустоты, суетности, мелочности, пошлости, легкомыслія, къ стремленію поскорѣе выйти замужъ, однимъ словомъ къ развитію такихъ качествъ и сторонъ, подавленіе которыхъ должно входить въ основу воспитанія женщины.

Во второй половинѣ XVIII в. и у взрослыхъ, и у дѣтей особенно развилась страсть къ театру. Театральныя представленія, начавшія входить въ употребленіе еще ранѣе, теперь вошли въ большую моду. Екатерина II, желая придать европейскій лоскъ окружающему ее обществу и облагородить, смягчить его грубые инстинкты, сильно покровительствовала искусствамъ. Поэтому, съ самаго начала ея царствованія, устраивались карусели, маскарадныя процессіи, но особенное вниманіе было обращено на музыку, пѣніе и спектакли. Всѣ дни при дворѣ были роспредѣлены для какихъ нибудь увеселеній и главную роль въ нихъ играли театральныя представленія: два раза въ недѣлю давали русскія и французскія комедіи, одинъ разъ шла французская комическая опера. Для публики существовало три общественныхъ театра

и даже народный театръ на Мойкѣ подъ открытымъ небомъ. Во время русскихъ спектаклей на сценѣ шли комедіи и трагедіи Сумарокова, Княжнина, Фонъ-Визина, Лукина, и др. Итальянская опера тоже процвѣтала при Екатеринѣ II, и на нее приглашали иностранныхъ знаменитостей. Знатныя дамы сильно увлекались итальянскими пѣвцами. Не смотря однако на общественные театры, богатые люди, какъ мы уже знаемъ, держали у себя иногда очень большія труппы актеровъ, пѣвцовъ и музыкантовъ изъ своихъ крѣпостныхъ. Объ отношеніи помѣщиковъ къ артистамъ изъ крѣпостныхъ мы уже говорили, здѣсь же мы хотимъ только сказать о страсти къ театру, господствовавшей въ это время въ обществѣ. Однако званіе артиста, если только онъ былъ изъ крѣпостныхъ, не давало ему права на уваженіе, и помѣщикъ, во время антракта, нерѣдко закатывалъ ему полновѣсныя оплеухи и сѣкъ розгами.

Страсть къ театру доходила чуть не до помѣшательства. Въ домашнихъ спектакляхъ нерѣдко принимали участіе самыя знатныя лица и играли французскія комедіи и итальянскія оперетки вмѣстѣ съ иностранными актерами и актрисами. Не смотря однако на страсть къ театру, въ это время еще не выработалось здравыхъ понятій ни объ искусствѣ, ни о надлежащемъ отношеніи къ его представителямъ: съ одной стороны самыя знатныя лица появляются на театральныхъ подмосткахъ домашнихъ театровъ вмѣстѣ съ иностранными актерами, съ другой мы видимъ, что самое возмутительное обращеніе съ артистами изъ крѣпостныхъ никого не возмущаетъ. Такъ и страсть къ театру уживалась съ полнымъ отсутствіемъ вкуса, чутья и пониманія театральной пьесы: публика болѣе всего приходила въ восторгъ, когда баба-яга ѣздила въ ступѣ, или когда на сценѣ появлялся медвѣдь. Свое одобреніе актеру присутствующіе выказывали тѣмъ, что бросали ему на сцену кошелекъ съ деньгами, и самъ актеръ съ поклонами и шапкою расхаживалъ среди публики, собирая подачку. Не нравится игра,—и актера забрасываютъ гнилыми яблоками. Поведеніе публики во время представленія было въ такомъ же вкусѣ, и крѣпостническія замашки давали себя чуствовать на каждомъ шагу. Люди попроще держали себя смирно, богатые же и знатные громко разговаривали, безцеремонно выкрикивали свои замѣчанія, смѣялись во все горло. Въ театральныхъ сѣняхъ нерѣдко раздавались стоны кучера или лакея надъ которыми производили экзекуцію. Все стихало только во время балета, когда всѣ, устремивъ вниманіе на сцену, боялись шелохнуться.

Не смотря на страсть къ театральнымъ представленіямъ, положеніе артистовъ было во всѣхъ отношеніяхъ зависимое и тяжкое: актрисы страдали даже отъ преслѣдованія богатыхъ и знатныхъ.

Глава III. Идеалы воспитанія на западѣ со времени реформаціи.

Услуги реформаціи.—Принципы воспитанія Амоса Коменскаго. — Значеніе идей Джона Локка.—Взгляды на воспитаніе Монтэня и Фенелона.—Поразительное вліяніе «Эмиля» на умы всего свѣта и причины этого явленія.—Идеалы Руссо; ихъ значеніе въ воспитаніи въ прошлое и настоящее время. — Достоинства и недостатки методовъ воспитанія XVIII-го в. — Вліяніе философскихъ идей и ихъ принциповъ на обновленіе воспитанія.

Въ то время, когда образованіе въ Россіи, даже послѣ Петра, подвигалось такими медленными шагами, когда у насъ выработались совершенно своеобразные взгляды на нравственность, западно-европейское общество переживало блестящую пору разцвѣта умственныхъ силъ и общечеловѣческихъ идеаловъ, привыкая преклоняться передъ ними, а не передъ мишурнымъ блескомъ внѣшнихъ преимуществъ, высоко выдвигая впередъ знамя *гуманности*, широкаго умственнаго развитія, свободы личности и мысли и общечеловѣческихъ правъ. Многія просвѣтительныя идеи развились въ западно-европейской литературѣ и вошли въ сознаніе еще въ то время, когда у насъ господствовалъ въ полномъ смыслѣ слова мракъ невѣжества и суевѣрія. Вспомнимъ же, какіе взгляды и идеалы уже были выработаны въ то время на западѣ, и остановимся лишь на самыхъ существенныхъ изъ нихъ.

Дѣлу воспитанія на западѣ особенную услугу оказала реформація. Употребляя всѣ усилія для уничтоженія ига римской церкви съ ея формализмомъ, реформація прежде всего содѣйствовала освобожденію школы отъ рутины, покоившейся на схоластикѣ, мертвой буквѣ и внѣшней формѣ. Поборники реформаціи внесли въ воспитаніе множество свѣтлыхъ взглядовъ и старались обратить вниманіе на индивидуальныя свойства личности, освѣтить христіанскія идеи истиннымъ лучемъ милосердія, любви и свободы, всегда выдвигая въ дѣлѣ религіи эти наивысшіе принципы христіанства, обезображенные и искаженные служителями католической церкви. Заслуги по воспитанію поборниковъ реформаціи по истинѣ неоцѣнимы.

Прежде каждое сословіе вносило въ воспитаніе свой сословный духъ, реформація же ослабила принципъ сословности. Требуя отъ каждаго христіанина знанія и пониманія своей религіи, поборники реформаціи отстаивали естественное влеченіе человѣка къ знанію. Реформація вызвала энергическую дѣятельность во всѣхъ сферахъ жизни, умственной дѣятельности, въ наукѣ и въ воспитаніи. Поборники реформаціи придавали громадное значеніе изученію исторіи и выбору преподавателей для этого предмета. «Надо только», говоритъ Лютеръ, «чтобы историкъ былъ честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, имѣлъ бы львиное сердце и не боялся говорить правду, чтобы

онъ, ради властей и друзей, не умалчивалъ о порокахъ своего времени, какъ то обыкновенно бываетъ, и не преувеличивалъ его достоинствъ изъ любви къ отечеству или изъ вражды къ другимъ народамъ». Изученію естествознанія придавали не менѣе значенія, такъ какъ оно помогаетъ прогрессу въ жизни матеріальной, т. е. ведетъ къ усовершенствованіямъ промышленность, торговлю и ремесла, обогащаетъ умъ знаніями, всесторонне развиваетъ и возбуждаетъ духъ человѣка, укрѣпляетъ его мысль, даетъ здоровую пищу воображенію, выясняетъ разнообразныя явленія природы и такимъ образомъ уничтожаетъ суевѣрія, приносящія людямъ столько зла и вреда.

Идеи реформаціи благотворно отразились и на университетахъ, которые съ тѣхъ поръ дѣлаются истинными убѣжищами просвѣщенія. Въ нихъ была признана свобода учащихся, которые теперь могли, согласно своему призванію, самостоятельно выбирать родъ умственной дѣятельности, требовать уваженія къ своему человѣческому достоинству. Реформація наконецъ санкціонировала самостоятельность въ научныхъ изслѣдованіяхъ.

Вмѣстѣ съ этими реформами были улучшены и методы преподаванія: самодѣятельность и свобода мышленія, положенная въ основу науки и образованія, мало по малу уничтожили прежнее безсмысленное механическое зазубриваніе, умственную дрессировку, слѣпое подчиненіе авторитетамъ.

Вотъ какія идеи распространились на западѣ уже въ XVI вѣкѣ; изъ Германіи онѣ проникли во Францію, Богемію, Швейцарію и Нидерланды. У насъ же въ это время въ нравахъ общества во всей силѣ господствовали Домострой, суевѣрія и невѣжество, а въ управленіи—произволъ и деспотизмъ. Конечно и въ Германіи, и въ другихъ странахъ запада, куда проникли эти идеи, онѣ не тотчасъ получали практическое примѣненіе. Въ періоды реакціи и въ западныхъ государствахъ формализмъ и схоластика брали верхъ, сковывали мысль, тормозили прогрессивный ходъ развитія знаній, но дѣло въ томъ, что просвѣтительныя идеи на западѣ, даже при первомъ своемъ возникновеніи, распространялись обыкновенно въ несравненно бо́льшемъ кругу людей, чѣмъ у насъ. Во времена реакціи, распространеніе этихъ идей не останавливалось совершенно, а лишь несравненно медленнѣе подвигалось впередъ, пока, при новыхъ условіяхъ жизни и при новыхъ реформахъ, онѣ не получали права гражданства и не пускали въ жизнь глубокихъ корней. Такимъ образомъ, тѣ идеи, которыя не могли быть примѣнены на практикѣ немедленно, все же оставались достояніемъ огромнаго класса образованныхъ людей, и эти послѣдніе въ свою очередь могли постоянно усовершенствовать ихъ, вносить въ жизнь многочисленнаго класса интеллигенціи.

Въ XVII ст. Амосомъ Коменскимъ, этимъ Коперникомъ воспитанія, педагогика была построена на научныхъ основахъ,—вотъ потому-то его считаютъ родоначальникомъ педагогической науки. Современное воспитаніе съ его идеалами, съ его наисущественнѣйшими и гуманнѣйшими принципами, даже нынѣшнія методики различныхъ предметовъ школьнаго курса, все это до настоящей минуты ни что иное, какъ развитіе и разработка основныхъ педагогическихъ идей Амоса Коменскаго, этого величайшаго и геніальнѣйшаго педагога. Наикрупнѣйшіе мыслители педагогическаго міра не только XVII и XVIII ст., но и болѣе позднѣйшаго времени, всѣ такъ или иначе пользовались и пользуются величайшими идеями этого замѣчательнаго человѣка, заложенными въ основу его безчисленныхъ сочиненій, черпали и черпаютъ изъ этой богатой сокровищницы глубокихъ педагогическихъ идеаловъ, развивая ихъ согласно съ своими взглядами и явленіями современной дѣйствительности. Всѣ основныя начала современной педагогіи мы находимъ у Коменскаго, и большая часть

ихъ была уже у него объяснена въ высшей степени точно, опредѣленно и ясно. Многія изъ его идей такъ глубоки, идеалы такъ возвышенны, такъ трудны для выполненія, что большая часть ихъ и теперь еще остается безъ практическаго примѣненія.

Его „Міръ въ картинахъ“ имѣлъ безчисленное множество изданій на всевозможныхъ языкахъ. По приказанію Екатерины Великой въ 1788 г. онъ былъ переведенъ и у насъ на русскій языкъ подъ названіемъ „Зрѣлище вселенныя“, со множествомъ эстамповъ, къ сожалѣнію, очень плохихъ. Въ этомъ сочиненіи въ высшей степени рельефно былъ проведенъ принципъ наглядности, который еще только недавно окончательно получилъ у насъ право гражданства при элементарномъ обученіи.

Задачею и основою воспитанія Коменскій (славянинъ по происхожденію, родился въ Моравіи въ 1592 г., умеръ въ 1671 г.) считаетъ нравственное развитіе. По его мнѣнію, конечная цѣль воспитанія—водвореніе царства Божія на землѣ, распространеніе любви и мира между людьми. Воспитывать ребенка слѣдуетъ, по его мнѣнію, *съ перваго момента пробужденія сознанія* и при этомъ необходимо имѣть всегда въ виду *небо* и *землю*. Знаніе, даваемое ребенку въ дѣтствѣ и школѣ, должно быть вызвано потребностью окружающей жизни, а не фантазіей воспитателя, такъ какъ оно должно пояснять ему окружающую жизнь, *но при знаніи слѣдуетъ всегда давать и пищу для сердца, необходимо воспитывать „Бога въ душѣ человѣка“*. Добродѣтели, служащія фундаментомъ для развитія нравственной жизни,—благоразуміе, умѣренность, справедливость и сила воли. Пріучать ребенка къ добру слѣдуетъ гораздо ранѣе, чѣмъ въ немъ успѣютъ развиться порочныя склонности. «Материнская школа»—первая школа навыковъ.

Благоразуміе является между прочимъ результатомъ хорошаго *обученія*, когда указываютъ истинное различіе между предметами. Къ *умѣренности* слѣдуетъ пріучать во время ѣды и питья, сна и бодрствованія, въ трудахъ и играхъ, въ рѣчахъ и поступкахъ. Силу воли слѣдуетъ развивать посредствомъ самообладанія: для этого необходимо учить побѣждать страсть не вовремя болтать и играть, обуздывать порывы гнѣва, нетерпѣнія, досады. Справедливыми питомцы дѣлаются тогда, когда за ними зорко блюдутъ, чтобы они никого не оскорбляли, но за каждымъ признавали его право, избѣгали бы лжи и коварства, всѣмъ оказывали бы вниманіе и услуги. Дѣтей слѣдуетъ воспитывать въ строгой дисциплинѣ, но она никоимъ образомъ не должна подавлять индивидуальность ребенка. Напротивъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на развитіе личности ребенка и на складъ его характера. Для этого необходимо слѣдить за всѣми его поступками, вовремя останавливать, даже предупреждать каждое проявленіе безстыдства, злости, высокомѣрія и лѣни. Коменскій, считавшій основою воспитанія свободу и наигуманнѣйшіе принципы, находилъ необходимымъ дисциплину, особенно въ школѣ. Она должна быть направлена противъ уклоненія отъ порядка, но примѣняема безъ страсти, гнѣва и ненависти. Задачею дисциплины, говоритъ онъ, должно быть возстановленіе, а не разрушеніе, исправленіе, а не казнь. Все окружающее дѣтей: родители, товарищи, родственники, слуги, должны подавать дѣтямъ примѣръ честной, трудолюбивой жизни, честныхъ отношеній другъ къ другу, взаимныхъ услугъ; но и при всемъ этомъ должны быть выработаны строго опредѣленные нравственные принципы.

Образованіе, по мнѣнію Коменскаго, должны получать рѣшительно всѣ безъ исключенія: богатые и бѣдные, знатные и простые, глупые и умные, дѣвочки и мальчики, горожане и деревенскіе жители, тѣмъ болѣе, что никто

не знаетъ, къ какому призванію готовитъ его провидѣніе. „Глупцы должны быть воспитываемы, чтобы сколько нибудь уменьшить ихъ глупость; геніи же особенно нуждаются въ руководствѣ и образованіи: они подобны плодоносному полю, которое, будучи оставлено безъ воздѣлыванія и заботъ, тѣмъ болѣе принесетъ плевелъ и терній. Богачи безъ мудрости—свиньи, откормленныя отрубями; бѣдняки безъ познаній напоминаютъ вьючныхъословъ, красивый неучъ—все равно, что красивый попугай".

Вотъ главнѣйшіе принципы, положенные Коменскимъ въ основу воспитанія: 1) *воспитаніе человѣка должно быть сообразно съ его природой*: если отъ хорошаго садовника требуютъ, чтобы онъ, изучая дерево, зналъ и его потребности, тѣмъ болѣе воспитатель долженъ изучить природу дитяти, которая сложнѣе всякаго растенія, и уходъ за нимъ требуетъ несравненно большихъ знаній, вниманія и такта. 2) *Правила воспитанія не создаются,—ихъ надо искать въ человѣческой природѣ*: воспитатель, подобно садовнику, сѣетъ сѣмена добра и знанія; садовникъ долженъ имѣть большую опытность въ своемъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе воспитатель долженъ изучить природу дитяти, чтобы его посѣвъ оказался производительнымъ. 3) *Живое стремленіе къ усовершенствованію лежитъ въ природѣ человѣка*. Нѣтъ нужды принуждать птицу летать, а рыбу плавать, онѣ сами будутъ это дѣлать; когда достаточно окрѣпнутъ и когда имъ для этого не представляютъ никакихъ препятствій. Сѣмя, при содѣйствіи тепла и влаги, само развивается, если ему не противодѣйствуютъ. Такъ и человѣкъ: въ природѣ его заложены сѣмена добра и стремленіе къ знанію, слѣдовательно задача воспитанія устранять препятствія къ развитію умственному, нравственному и къ самоусовершенствованію, заложенныя въ его природу, и споспѣшествовать ихъ развитію.

Изъ такихъ принциповъ воспитанія должны были вытекать и методы воспитанія и обученія вполнѣ гуманныя и естественныя. Такъ какъ стремленіе къ знанію, по понятіямъ Коменскаго, уже лежитъ въ природѣ человѣка, то принудительное обученіе можетъ лишь повредить ему такъ же, какъ вредитъ противная пища, возбуждая рвоту. При выборѣ предметовъ для обученія нужно имѣть въ виду не только степень ихъ доступности, но и симпатію дѣтей къ тому или другому занятію, его личное расположеніе къ нимъ. Обученіе, какъ и пріобрѣтеніе всякаго знанія, должно возбуждать въ дѣтяхъ любознательность; методы должны быть возбуждающими и реальными.

Первое, что должно имѣть въ виду, не только при обученіи въ школѣ, но и при усвоеніи самыхъ элементарнѣйшихъ жизненныхъ знаній, начиная съ самаго ранняго дѣтства,—*постепенный переходъ отъ легкаго къ болѣе трудному, отъ извѣстныхъ, уже знакомыхъ дѣтямъ предметовъ, къ менѣе извѣстнымъ и знакомымъ, отъ мыслей простыхъ и не сложныхъ, къ болѣе сложнымъ и менѣе простымъ, отъ мыслей о предметахъ видимыхъ къ отвлеченнымъ.*

Прежде всего нужно направить ребенка на изученіе предметовъ окружающихъ, близкихъ къ нему, и затѣмъ уже обращать его вниманіе на предметы отдаленные. Это правило сдѣлалось теперь главнѣйшимъ принципомъ обученія, теперь оно стало общеизвѣстнымъ въ педагогіи, но въ тѣ времена было совершенно ново.

Важное значеніе при обученіи имѣетъ *своевременность*. При этомъ Каменскій, какъ и всегда, беретъ примѣръ изъ окружающей природы: птица не несетъ яйца зимою, когда холодъ сковываетъ всю природу, не несетъ его лѣтомъ, когда жаръ все разслабляетъ, а также осенью, когда общая жизненность убываетъ вмѣстѣ съ силою солнца, но несетъ его весною, когда солнце даетъ всему жизнь и силу. Хорошій садовникъ зорко наблюдаетъ, чтобы

посадить растеніе вовремя; онъ также знаетъ, когда и въ какое время необходимъ должный уходъ за нимъ. Такъ и относительно ребенка: вредно начать обученіе рано, вредно начать поздно,—оно должно идти параллельно развитію въ немъ мыслительныхъ и познавательныхъ способностей.

Все изучаемое должно быть расположено въ строгой послѣдовательности и постепенности согласно съ возрастомъ дѣтей. Не слѣдуетъ ничего предлагать несоотвѣтственнаго съ пониманіемъ, не хвататься сразу за многое, а постепенно переходить отъ одного къ другому. Матеріалъ долженъ быть не только полезнымъ, но и развивающимъ. Что не пригодится въ жизни, не расширяетъ умственный кругозоръ ребенка, а держится лишь на пустыхъ словахъ и механической дрессировкѣ, того совсѣмъ не слѣдуетъ допускать. Ребенокъ ничего не долженъ заучивать наизусть такого, чего онъ предварительно не узналъ посредствомъ наблюденія; онъ никогда не долженъ говорить о томъ, чего не понялъ. Прежде чѣмъ говорить о предметѣ, нужно его показать. Такимъ образомъ законы *наглядности*, *постепенности* и *своевременности* были созданы Коменскимъ. Форма обученія должна быть всегда привлекательная, выражаться въ живыхъ бесѣдахъ. При объясненіяхъ должно избѣгать многословія.

Обязаность воспитателя *содѣйствовать естественному развитію* ребенка и помогать его *самостоятельной умственной работѣ*. Того и другаго возможно достичь только путемъ наглядности. Но и при этомъ учитель долженъ быть только руководителемъ, вызывающимъ самодѣятельность учащихся. Это правило воспитатели должны постоянно имѣть въ виду съ первыхъ лѣтъ дѣтства. Когда дитя учатъ говорить, то, произнося слово, ему обыкновенно указываютъ рукою то, что оно обозначаетъ,—того же слѣдуетъ держаться и въ школѣ: говоря о чемъ нибудь, всегда слѣдуетъ указывать на предметъ, или, по крайней мѣрѣ, на его изображеніе въ картинѣ, модели и чертежѣ, чтобы такимъ образомъ запечатлѣть представленіе о предметѣ посредствомъ зрѣнія. Такимъ образомъ все изучаемое должно быть усвоено посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, а именно, все видимое должно быть разсматриваемо непосредственно зрѣніемъ, слышимое должно быть усвоено посредствомъ слуха, обоняемое—обоняніемъ, вкушаемое—вкусомъ, осязаемое—осязаніемъ, и потому-то всякое обученіе должно начинаться не съ устныхъ объясненій, а съ дѣйствительнаго созерцанія и самостоятельнаго наблюденія. Только то знаніе дитяти будетъ не призрачнымъ, а дѣйствительнымъ, которое онъ усвоитъ сначала посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, а затѣмъ уже услышитъ и объясненіе его изъ устъ воспитателя.

Коменскій съ особенною силою настаиваетъ на развитіи и культурѣ *вниманія*, такъ какъ наглядность безъ вниманія теряетъ всякое значеніе. Ученикъ безъ вниманія напоминаетъ слѣпца, который не видитъ предмета, какъ бы онъ ни былъ близокъ. Не культивируя вниманія, воспитатель прививаетъ ребенку разсѣянность, отъ которой такъ трудно впослѣдствіи отучить его, и которая такъ тормозитъ развитіе и успѣхи въ будущемъ на поприщѣ знанія.

Идеи другаго мыслителя пріобрѣли тоже еще въ XVIII ст. громкую извѣстность сначала въ Англіи, такъ какъ онъ былъ родомъ англичанинъ, а затѣмъ и въ западной Европѣ,—мы говоримъ о Джонѣ Локкѣ (1632—1704 г.). Многія теоріи Локка теперь совершенно опровергнуты; такова его теорія, что нашъ умъ или душа отъ природы «tabula rasa», бѣлая бумага, на которой ничего не написано. Эта теорія теперь совершенно уничтожена современнымъ ученіемъ о громадномъ вліяніи наслѣдственности. Дру-

гія воззрѣнія Локка узки и противорѣчатъ широкимъ общечеловѣческимъ идеаламъ современнаго воспитанія. Онъ желалъ сдѣлать изъ питомца не только умственно и нравственно здороваго, но и вполнѣ свѣтскаго человѣка. Такое воззрѣніе предполагаетъ возможность воспитанія лишь для людей высшихъ и зажиточныхъ классовъ, между тѣмъ задача современной педагогіи заключается въ томъ, чтобы давать воспитаніе каждому, безъ различія соціальнаго положенія. Вслѣдствіе этого современная педагогія не обращаетъ вниманія на внѣшнюю выправку человѣка и на утонченность его манеръ, а стремится къ всестороннему развитію физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ дитяти, вовсе не заботясь о томъ, къ какому сословію онъ принадлежитъ. Не смотря однако на означенные недостатки, педагогическія идеи Локка имѣли большое вліяніе, какъ на теорію, такъ и на практику воспитанія. Онъ основательно разработалъ теорію физическаго воспитанія и высказалъ много вѣрнаго, дѣльнаго и глубокаго объ умственномъ и нравственномъ воспитаніи вообще.

Идеалъ воспитанія Локка „mens sana in corpore sano“ (здоровая душа въ здоровомъ тѣлѣ). Этотъ принципъ, извѣстный гораздо раньше Локка, но совершенно забытый во времена схоластики, былъ разработанъ этимъ мыслителемъ съ большимъ знаніемъ дѣла, съ замѣчательною эрудиціею и, подкрѣпленный вѣскими доказательствами, съ тѣхъ поръ сдѣлался основнымъ положеніемъ воспитанія. На основаніи этого принципа, для развитія ребенка необходимы частыя прогулки на свѣжемъ воздухѣ, движеніе и тѣлесныя упражненія, свободная, не слишкомъ теплая одежда, закаливаніе тѣла противъ внѣшнихъ вліяній, правильный сонъ въ прохладной комнатѣ и не на слишкомъ мягкой постели, устраненіе спиртныхъ и горячительныхъ напитковъ, а также всякихъ пряностей и наркотическихъ веществъ въ пищѣ. Въ нравственномъ отношеніи воспитаніе дѣтей должно начинаться очень рано, и съ первыхъ лѣтъ дѣтства слѣдуетъ имѣть въ виду, что дѣти разумныя, самостоятельныя существа, но это, по понятіямъ Локка, не исключаетъ строгаго повиновенія, которое необходимо отъ нихъ требовать, такъ какъ только оно можетъ повести ихъ къ пониманію истинной свободы. По мнѣнію Локка, при воспитаніи прежде всего нужно имѣть въ виду развитіе въ ребенкѣ самообладанія и самопожертвованія. Онъ горячо протестуетъ противъ суроваго режима въ воспитаніи. „Побои и другіе роды рабскихъ наказаній“, говоритъ онъ, „совершенно неумѣстны тамъ, гдѣ хотятъ воспитать благоразумныхъ, добрыхъ и благородно-мыслящихъ людей, и поэтому ихъ должно употреблять въ самой крайней нуждѣ, какъ напримѣръ, за упорство или упрямство, когда тѣлесныя наказанія необходимы“. Прослѣдивъ развитіе мыслей Локка, можно сказать съ увѣренностью, что, если бы онъ излагалъ ихъ независимо отъ злоупотребленій современнаго общества и не старался бы придать своему сочиненію практическаго значенія, тѣлесныя наказанія подверглись бы у него полному остракизму. Но, имѣя въ виду практическую цѣль и зная, какое значеніе воспитатели того времени придавали тѣлеснымъ наказаніямъ, онъ, вѣроятно, рѣшился сдѣлать уступку господствовавшему обычаю въ видахъ ослабленія существовавшихъ злоупотребленій.

Локкъ совѣтуетъ не оставлять безъ вниманія ошибокъ и дурныхъ склонностей, свойственныхъ дѣтскому возрасту, какъ наприм., сластолюбія, проявляющагося въ особенной страсти къ лакомствамъ, властолюбія, лжи и жадности, — всѣ эти склонности слѣдуетъ подавлять въ зародышѣ, пока они не превратились въ пороки. Дѣтей слѣдуетъ воспитывать такъ, чтобы они рано усвоили себѣ увѣренность въ томъ, что воспитатель предъявляетъ имъ тре-

бованія не по произволу и личной прихоти, а руководствуясь необходимостью и доброжелательствомъ къ нимъ. Въ примѣненіи на практикѣ воспитательныхъ и учебныхъ мѣръ слѣдуетъ всегда имѣть въ виду индивидуальное развитіе ребенка. Никогда не слѣдуетъ холодно отклонять любознательность ребенка, напротивъ, всегда должно по возможности удовлетворять ее и поощрять всѣми зависящими отъ воспитателя средствами. Тѣмъ не менѣе, выдвигая развитіе нравственности, какъ стороны самой важной въ воспитаніи, Локкъ считаетъ пріобрѣтеніе познаній дѣломъ самымъ маловажнымъ. Вотъ почему въ учебныхъ заведеніяхъ при Екатеринѣ II, преимущественно обращено было вниманіе на нравственность. Но заимствуя въ своихъ педагогическихъ идеяхъ и воззрѣніяхъ очень многое у Локка, Екатерина II далеко опередила его въ гуманныхъ чувствахъ. Не смотря, однако, на множество ошибочныхъ взглядовъ, у Локка можно почерпнуть и не мало прекрасныхъ, глубокихъ и оригинальныхъ идей. Онъ первый высказалъ мысль, что дѣти должны самостоятельно придумывать для себя игрушки, постепенно учиться изобрѣтать ихъ для собственной забавы. Эта мысль, какъ мы увидимъ ниже, была впослѣдствіи блистательно и послѣдовательно разработана Фребелемъ. Но любопытно, что эта идея, положенная въ основу всей теоріи Фребеля, явилась уже въ XVII в. Локку, имѣя въ виду, что воспитаніе современныхъ ему дѣтей ограничивается лишь пріобрѣтеніемъ для нихъ разнообразныхъ, часто блестящихъ и въ высшей степени роскошныхъ игрушекъ, сильно протестуетъ противъ этого обычая, справедливо утверждая, что покупныя игрушки вовсе не удовлетворяютъ духовныхъ потребностей дитяти, а лишь развиваютъ въ немъ склонность къ постояннымъ перемѣнамъ, къ недовольству, къ излишней требовательности, къ вредному разнообразію, къ тщеславію и прихотливости. Пусть дѣти, говоритъ онъ, сами приготовляютъ для себя игрушки, *пусть они* привыкаютъ и изобрѣтать ихъ. На первыхъ порахъ, когда имъ это будетъ неудаваться, пока они не въ силахъ будутъ сдѣлать всего сами, пусть старшіе придутъ къ нимъ на помощь; но она отнюдь не должна быть такого рода, чтобы дѣти при этомъ являлись праздными зрителями: они сами должны принимать непосредственное участіе въ приготовленіи игрушекъ.

Воспитательные идеи Монтэня и Фенелона, хотя и имѣли немаловажное значеніе вообще, но не произвели большаго переворота въ педагогіи. Мы скажемъ о нихъ нѣсколько словъ потому, что онѣ имѣли болѣе или менѣе значительное вліяніе на характеръ воспитанія и образованія въ Россіи. Мысли того и другаго писателя, но особенно Монтэня, фигурируютъ въ уставахъ Бецкаго (при Екатеринѣ II), который нерѣдко подтверждаетъ свои педагогическіе взгляды ссылкою на авторитетъ Монтэня.

Методъ обученія у обоихъ писателей одинъ и тотъ же: оба находятъ необходимымъ сдѣлать ученіе какъ можно болѣе увлекательнымъ и легкимъ для учащихся и считаютъ нужнымъ передавать полезныя знанія не иначе, какъ въ живыхъ бесѣдахъ; тотъ и другой придаютъ огромное значеніе физическому воспитанію.

Монтэнь (1533 — 1592) былъ врагомъ схоластики и педантизма; онъ требовалъ, чтобы матеріалъ, предлагаемый питомцамъ, былъ облеченъ въ увлекательную форму, но оставлялъ при этомъ просторъ для самостоятельнаго мышленія. Онъ возстаетъ противъ обилія познаній, такъ какъ это, по его мнѣнію, весьма тормозитъ самостоятельное развитіе: «ихъ непомѣрный грузъ», говоритъ онъ, «производитъ какъ бы вывихи и искривленія», но не находитъ возможнымъ оставлять питомца и совсѣмъ безъ познаній. Для этого онъ предлагаетъ сократить учебный курсъ до послѣдней степени и утверждаетъ,

что усиленныя занятія науками скорѣе губятъ, чѣмъ возвышаютъ общество. Онъ старается доказать необходимость отдавать предпочтеніе нравственности, а не знаніямъ, и потому воспитаніе считаетъ важнѣе обученія, такъ какъ оно, по его мнѣнію, формируетъ волю и вліяетъ на весь складъ характера человѣка.

Локкъ много заимствовалъ отъ Монтэня и нѣкоторыя его теоретическія положенія лишь развилъ и дополнилъ. Тотъ и другой придаютъ познаніямъ второстепенное значеніе и указываютъ на нравственность и добродѣтель, какъ на предметъ главнаго вниманія, что было естественно въ тѣ времена, когда нравственная сторона воспитанія находилась въ совершенномъ небреженіи, а обученіе приняло превратное направленіе.

Фенелонъ (1651—1715) въ одномъ изъ своихъ произведеній («Телемакъ») представляетъ образецъ мужскаго воспитанія, въ другомъ («Воспитаніе дѣвушекъ») выставляетъ цѣль и средства, къ какимъ должно стремиться при воспитаніи женщины. Фенелонъ въ «Education des filles» говоритъ о физическомъ развитіи ребенка, говоритъ съ отвращеніемъ о господствующемъ обычаѣ, сохранившемся до сихъ поръ, запугивать дѣтей страшными разсказами о привидѣніяхъ и нечистыхъ духахъ, такъ какъ подобные разсказы «ослабляютъ душу ребенка и наполняютъ ее вздоромъ въ ущербъ другимъ, высшимъ познаніямъ». Въ воспитаніи онъ проводитъ принципъ гуманности и допускаетъ наказанія только въ крайности; при обученіи останавливается на развитіи естественной любознательности и отводитъ ей широкое мѣсто.

Фенелонъ долго стоялъ во главѣ женскихъ воспитательныхъ учрежденій и, при своей тонкой наблюдательности, хорошо изучилъ женскую природу, что дало ему возможность высказать по этому поводу много полезныхъ замѣчаній. Недостатки женщинъ онъ объясняетъ ихъ невѣжествомъ: «Изнѣженность», говоритъ онъ, «вѣчная праздность, въ связи съ невѣжествомъ, побуждаютъ ихъ къ постоянной погонѣ за развлеченіями и вызываютъ нескромное, ненасытное любопытство. Ихъ страсти живы, а знанія ограниченны; онѣ не разсуждаютъ и не обдумываютъ своихъ поступковъ,—вотъ почему для достиженія своихъ цѣлей женщины не гнушаются ничѣмъ и прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, на которыя не рѣшится порядочный человѣкъ. Такъ какъ женщинамъ закрыты всѣ пути, ведущіе мужчинъ къ власти и славѣ, то онѣ стараются выдвинуться внѣшними сторонами ума и тѣла»...

Во времена Фенелона еще не додумались до сознанія необходимости для женщины такого-же образованія и развитія, какъ и для мужчины. Въ то время никто не думалъ о ней, какъ о самостоятельной человѣческой личности, поэтому Фенелонъ, хотя и выступилъ горячимъ защитникомъ образованія женщинъ, но въ то же время высказываетъ опасеніе, чтобы «женщины отъ излишняго ученія не сдѣлались смѣшными», и сводитъ всѣ женскія обязанности исключительно къ семьѣ, пріурочивая къ этому все женское воспитаніе.

Религіозное образованіе Фенелонъ считаетъ существенно важнымъ при воспитаніи какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, тѣмъ не менѣе онъ и въ то время находилъ необходимымъ пріучать дѣвушекъ относиться съ недовѣріемъ къ разнымъ непровѣреннымъ исторіямъ, внушать имъ, чтобы онѣ не привязывались къ обрядности, вносимой фанатическимъ рвеніемъ нѣкоторыхъ людей.

Принципы воспитанія дѣвушекъ Фенелона были примѣнены Г-жею Ментэнонъ къ сенъ-сирскому королевскому институту, а оттуда были заимствованы Бецкимъ при учрежденіи у насъ перваго института.

Но ни одно произведеніе не имѣло такого вліянія, какъ «Эмиль или воспитаніе» Руссо. Не смотря на то, что въ этомъ, далеко не совершенномъ, даже и для того времени (1762 г.), трактатѣ о воспитаніи очевидны всѣ

его противорѣчія, увлеченія, искусственность, непослѣдовательность, парадоксальность, крайняя односторонность, не смотря также и на то, что Руссо является въ этомъ произведеніи противникомъ «цивилизаціи, науки и искусства», Эмиль долго имѣлъ поразительное вліяніе на умы всего свѣта. Причина изумительно громаднаго вліянія Эмиля кроется прежде всего въ демократическомъ духѣ, которымъ проникнуто все это замѣчательное произведеніе. Этотъ демократическій духъ, помимо воли, вполнѣ овладѣваетъ умомъ и сердцемъ читателя. И это понятно: демократическія симпатіи, которыми пропитано все сочиненіе, облечены въ увлекательную форму. Въ одномъ этомъ заключается уже величайшая заслуга Руссо, такъ какъ въ то время вниманія удостоивались лишь люди знатнаго происхожденія. Руссо же, напротивъ, указываетъ лишь фальшь жизни этихъ людей, ихъ грубый развратъ и нравственное паденіе. Онъ видитъ спасеніе молодаго поколѣнія въ изолированіи его отъ этого пошлаго общества, въ воспитаніи его вдали отъ разврата цивилизаціи, отъ сомнительной фарисейской мудрости современнаго общества, коснѣющаго въ рабскихъ предразсудкахъ, находитъ нужнымъ держать питомца подальше отъ общественныхъ обычаевъ, сковывающихъ проявленіе истинныхъ чувствъ тяжелыми цѣпями гнета и, какъ паутиной, опутывающихъ жизнь разнообразными стѣсненіями. «Все хорошо», говоритъ онъ, «выходя изъ рукъ Творца; все вырождается въ рукахъ человѣка». «Предразсудки, авторитетъ, нужда, примѣръ, всѣ общественныя учрежденія, охватившія насъ, заглушаютъ въ ребенкѣ природу, и ничего не дадутъ взамѣнъ ея».

Свое уваженіе и любовь Руссо выказываетъ только простому люду, *его* симпатію вызываетъ преимущественно простой трудъ: «если кто нибудь стыдится работать публично, вооружась стругомъ и кожанымъ фартукомъ», говоритъ онъ, «я вижу въ немъ не болѣе, какъ раба мнѣнія, *готоваго* стыдиться добра»... Руссо считаетъ необходимымъ учить воспитанника *какому*-нибудь ремеслу, такъ какъ трудъ есть первѣйшая обязанность человѣка, кто бы онъ ни былъ, знатный или простой, богатый или бѣдный.

Замѣчательный успѣхъ Эмиля можно объяснить также и тѣмъ, что писатели до Руссо, даже Локкъ, занимались преимущественно вопросами образованія и воспитанія людей благороднаго званія. Хотя Эмиль, центральная фигура педагогическаго трактата Руссо,—юноша благороднаго происхожденія и съ большими средствами, но авторъ такъ убѣдительно доказываетъ во всемъ своемъ сочиненіи, что цѣль воспитанія — создать человѣка естественнаго, разумно понимающаго и разумно относящагося ко всему окружающему, который довольствовался бы самымъ малымъ, избѣгалъ бы тщеславной роскоши, и притомъ все это изложено въ столь увлекательной формѣ, что читатель невольно приходитъ къ выводу, что воспитаніе не можетъ быть монополіею лишь знатныхъ и богатыхъ, а должно быть священною обязанностью каждаго смертнаго.

Въ тѣ времена, когда и на западѣ придавали такое значеніе знатности рода и внѣшнимъ преимуществамъ человѣка, когда и самое воспитаніе носило характеръ сословный, вдругъ раздается мощный голосъ Руссо, который рѣшительно заявляетъ, что, кто бы ни былъ вашъ питомецъ, вы прежде всего должны воспитывать его для того, чтобы онъ могъ быть человѣкомъ. „Быть человѣкомъ—общее для всѣхъ призваніе; кто хорошо воспитанъ для этого, тотъ не можетъ дурно выполнять обязанностей, которыя могутъ ему выпасть на долю. Пусть назначаютъ моего воспитанника въ военную службу, въ духовное званіе, въ адвокаты,—мнѣ все равно. Природа прежде всего призываетъ его къ человѣческой жизни. Жить—вотъ ремесло, которому я хочу его научить. Выйдя изъ моихъ рукъ, онъ не будетъ, сознаюсь въ томъ, ни судьей

ни солдатомъ, ни священникомъ; онъ будетъ прежде всего человѣкомъ, но, при случаѣ, съумѣетъ быть не хуже всякаго другаго всѣмъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, и куда ни броситъ его судьба, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ". Нѣсколько далѣе онъ продолжаетъ: „Развѣ вы не видите, что, стараясь исключительно образовать вашего питомца для одного сословія, вы дѣлаете его безполезнымъ для всякаго другаго, и что отъ судьбы зависитъ обратить всѣ ваши старанія на его погибель! Есть ли что нибудь комичнѣе обѣднѣвшаго вельможи, который въ нищетѣ остается со всѣми предразсудками своего рожденія? Есть ли что презрѣннѣе обѣднѣвшаго богача, каторый, помня о презрѣніи, съ которымъ относятся къ бѣдности, считаетъ себя послѣднимъ изъ людей? Одному изъ нихъ остается только сдѣлаться плутомъ, другому—пресмыкающимся лакеемъ".

Взгляды и идеи Руссо, какъ глубокіе, такъ и поверхностные, какъ парадоксальные, такъ и истинные, вносили необыкновенное оживленіе, будили мысли и возбуждали чрезвычайный интересъ въ обществѣ, а мечтателей окрыляли надеждою, что хотя ихъ дѣтямъ въ будущемъ, не смотря на всѣ превратности судьбы, можетъ улыбнуться счастье, благодаря воспитанію. Послушайте этотъ мощный, авторитетный, не допускающій возраженій, голосъ Руссо, и вы поймете всесвѣтное восторженное увлеченіе Эмилемъ, не смотря на явныя противорѣчія въ его теоріяхъ и принципахъ, на ихъ односторонность, узкость, парадоксальность, а подъ часъ и эгоистичность. Вотъ какъ увлекательно разрѣшаетъ онъ вопросъ о томъ, что значитъ хорошо воспитывать: „по моему лучше всѣхъ воспитанъ тотъ, кто лучше всѣхъ умѣетъ переносить счастье и несчастье этой жизни". „Не достаточно заботиться о сохраненіи своего ребенка; нужно научить его самосохраненію, умѣнью переносить удары судьбы, презирать роскошь и нищету, жить, если понадобится, въ снѣгахъ Исландіи и на раскаленныхъ утесахъ Мальты. Какъ бы ни предохраняли вы его отъ смерти, ему все таки придется умереть, и если заботы ваши не сдѣлаются причиной его смерти, онѣ будутъ тѣмъ не менѣе неумѣстны. Самое важное—научить жить. Жить же не значитъ дышать, а дѣйствовать; это значитъ пользоваться органами, чувствами, способностями, всѣми частями нашего существа".

Сильное и продолжительное вліяніе Эмиля объясняется и тѣмъ, что въ этомъ сочиненіи затрогивались наисущественнѣйшіе вопросы воспитанія, убѣдительно доказывалось значеніе и необходимость его для дѣтей. Руссо съ негодованіемъ указываетъ также на всю обветшалость существующаго обученія, рельефно рисуетъ весь его формализмъ, педантизмъ и его вредное вліяніе. Онъ требуетъ, чтобы воспитатель пріучалъ питомца наблюдать и осмысливать природу, даетъ примѣры бесѣдъ съ ребенкомъ путемъ наведенія его на размышленіе. Правда, примѣры этихъ наглядныхъ бесѣдъ въ высшей степени искусственны, объясненія различныхъ явленій теперь во многомъ отношеніи устарѣли, тѣмъ не менѣе всюду выступаетъ враждебное отношеніе автора къ рутинѣ и схоластикѣ, пріемы механическіе замѣняются у него истиннымъ развитіемъ. Авторъ Эмиля старается вдохнуть жизнь, внести обновленіе во всѣ сферы воспитанія, умственнаго и нравственнаго развитія, а также и въ обученіе.

Жизнь человѣка всегда была въ большой зависимости отъ роковыхъ случайностей судьбы: сегодняшній счастливецъ можетъ быть завтра несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ. Въ пору безправія или, лучше сказать, права сильнаго, когда жилъ Руссо, эти роковыя случайности еще сильнѣе опутывали людскую жизнь. Вотъ почему тогдашнему обществу пришлось такъ по душѣ настоятельное требованіе Руссо научить будущее поколѣніе умѣнью пере-

носить страданія. „Страдать“, говоритъ онъ, „вотъ чему онъ долженъ научиться прежде всего, и что болѣе всего ему пригодится“.

„Эмиль“ Руссо возбудилъ интересъ къ воспитанію даже въ такихъ людяхъ, которые прежде никогда не думали о немъ, далъ громадный матеріалъ для оживленныхъ споровъ по этому поводу, вызвалъ въ обществѣ всѣхъ образованныхъ странъ множество критическихъ этюдовъ и воспитательныхъ трактатовъ,—все это вело къ выясненію сложныхъ вопросовъ воспитанія. Однимъ словомъ, Эмиль пробуждалъ родительскія чувства, призывалъ родителей къ чувству долга, вызывалъ привязанность къ дѣтямъ, послужилъ могучимъ рычагомъ для обновленія педагогической дѣятельности.

При воспитаніи дѣтей Руссо безусловно требовалъ любовнаго, ласковаго, гуманнаго и заботливаго отношенія къ нимъ, наглядно доказывая, что противуположное отношеніе пагубно вліяетъ на развитіе дѣтскаго характера. Такимъ образомъ этотъ воспитательный трактатъ былъ самою могущественною защитою и признаніемъ личности ребенка, самымъ краснорѣчивымъ порицаніемъ гнета, откуда бы онъ ни исходилъ.

Грандіозный успѣхъ Эмиля объясняется также и тѣмъ, что появленіе его совпадало съ мечтами наиболѣе развитыхъ людей всѣхъ странъ сдѣлать изъ молодаго поколѣнія все, что возможно лучшаго для измѣненія и обновленія печальнаго современнаго строя. Особенно во Франціи были тогда заняты вопросами воспитанія. Но въ то время, когда другіе излагали свои взгляды на это дѣло сухо и догматично, Руссо изложилъ ихъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и простотою, вдохнулъ жизнь въ сухія правила, по *всему* произведенію разбросалъ множество вѣскихъ, глубокомысленныхъ разсужденій, внесъ множество возвышенныхъ, облагораживающихъ понятій, смѣло выставилъ нравственное и умственное убожество знатныхъ людей, *которое* они прикрываютъ лохмотьями своего тщеславія, утонченностію манеръ и безумною роскошью, въ смѣшномъ видѣ представилъ множество предразсудковъ, заѣдающихъ жизнь. При этомъ Руссо заманчиво доказывалъ, что въ мірѣ нѣтъ труда лучше и возвышеннѣе воспитанія; отъ воспитателей онъ требовалъ полнаго самоотреченія, обѣщая имъ за это достойную награду—воспитать настоящаго человѣка природы, который вознаградитъ воспитателя своимъ полнымъ довѣріемъ и любовью даже въ тѣ критическіе, роковые моменты жизни, когда молодые люди довѣряютъ только своему сердцу.

Руссо въ своемъ „Эмилѣ“ не избѣжалъ и весьма крупныхъ недостатковъ и ошибокъ. Эмиль—сирота. Руссо даетъ ему въ воспитатели лицо вымышленное, отвлеченное и заставляетъ этихъ двухъ людей жить лишь въ обществѣ другъ друга, въ деревнѣ, вдали отъ города, отъ тлетворнаго вліянія людей и пагубной цивилизаціи. Вслѣдствіе такой исключительности положенія, вся жизнь этихъ двухъ людей носитъ характеръ совершенно случайный и искусственный: они сталкиваются съ людьми, когда авторъ находитъ нужнымъ показать тотъ или другой воспитательный пріемъ, высказать свое возрѣніе на какое нибудь явленіе. Положеніе этихъ двухъ существъ, т. е. наставника и воспитанника, тоже изъ ряду вонъ исключительное. Воспитатель беретъ чужаго ребенка на правахъ отца, остается съ нимъ всю жизнь не разлучаясь, не имѣетъ другой жизни, другихъ интересовъ, кромѣ жизни и интересовъ Эмиля, и потому является не человѣкомъ съ плотью и кровью, а резонирующимъ манекеномъ. Этотъ недостатокъ дѣлаетъ разсказъ искусственнымъ, дѣйствующія въ немъ лица страдаютъ отсутствіемъ естественности и типичности. Но Руссо видимо не имѣетъ въ виду дать художественное изображеніе героевъ своего произведенія, а лишь преслѣдуетъ возможно пол-

ное развитіе своихъ идей. Однако въ нѣкоторыхъ частяхъ разсказа онъ заставляетъ читателя забыть, что выведенныя у него лица вымышленныя, но, за исключеніемъ трехъ-четырехъ сценъ, все произведеніе носитъ характеръ гораздо болѣе педагогическаго трактата, чѣмъ повѣсти или романа.

Въ настоящее время очень многіе принципы, положенные въ основу воспитанія Эмиля, не могутъ имѣть значенія въ современной педагогіи, такъ какъ они несправедливы, невѣрны въ своемъ основаніи и узко эгоистичны. Руссо воспитывалъ своего Эмиля въ полномъ одиночествѣ и уже по одному этому не могъ сдѣлать его существомъ соціальнымъ, — въ этомъ существеннѣйшій недостатокъ всего произведенія. Какъ бы ни было развращено общество, какъ бы ни были по истинѣ ужасны его пороки и заблужденія,— человѣкъ долженъ воспитываться для общества. Конечная цѣль воспитанія—показать питомцу людей такими, какими они есть, могутъ и должны быть, вооружить его надежными средствами для противодѣйствія злу, споспѣшествованія добру, истинѣ и правдѣ, развить въ немъ стремленіе приносить пользу ближнему, вложить въ его сердце любовь къ нему. Общественныя чувства слѣдуетъ начать развивать въ ребенкѣ очень рано,—вотъ почему въ извѣстныя лѣта ребенокъ долженъ воспитываться въ общественной средѣ, вотъ почему его не слѣдуетъ лишать общественной школы, общества товарищей. Только при воспитаніи въ школѣ вполнѣ развиваются разнообразныя стороны состраданія къ ближнему, которыя должны сказаться въ желаніи придти на помощь товарищамъ въ ихъ самыхъ разнообразныхъ нуждахъ, въ сочувствіи къ нимъ, въ участіи, безпристрастіи, справедливости, человѣколюбіи, самопожертвованіи. Только общественное воспитаніе можетъ вполнѣ развить благородный духъ товарищества, безкорыстную привязанность и дружбу, пониманіе необходимости своей солидарности съ другими, нравственное единеніе, рѣшимость подвергать себя страданіямъ изъ-за товарища, любовь къ ближнимъ и высокое уваженіе къ геройству, умѣнье сдерживать свои страсти и развивать безпристрастіе. Только съ раннихъ лѣтъ воспитывая общественные инстинкты, можно воспитать человѣка вполнѣ пригоднаго и полезнаго къ общественной жизни. Не смотря на личное горячее сочувствіе простому угнетенному люду, Руссо нигдѣ не говоритъ о воспитаніи общественныхъ инстинктовъ, да они и не могли проявляться въ той атмосферѣ искусственнаго одиночества, въ которую поставилъ авторъ своего Эмиля.

По понятію Руссо, идеалъ, къ которому должно стремиться воспитаніе,— направить своего питомца такъ, чтобы онъ умѣлъ переносить счастье и несчастье, равнодушно выносилъ бы удары судьбы, подъ надзоромъ воспитателя, но совершенно самостоятельно выработалъ умѣнье охранять себя, могъ бы приспособиться къ жизни въ самыхъ противуположныхъ климатахъ, презиралъ бы роскошь и предразсудки, имѣлъ бы весьма ограниченныя потребности, зналъ бы ремесло, умѣлъ бы не только мужественно переносить физическія страданія, но и безъ страха встрѣтилъ бы смерть, имѣлъ бы достаточный запасъ душевнаго спокойствія, терпѣнія и равновѣсія, выработалъ бы въ себѣ трудолюбіе и умѣнье управлять сердцемъ въ самые критическіе моменты. Несомнѣнно, все это прекрасно, все необходимо, но этого еще слишкомъ мало даже для разумнаго личнаго счастья; для этого еще нужно развить въ себѣ стремленіе къ постоянному самоусовершенствованію, безъ чего человѣку трудно избѣжать одного изъ двухъ—или жестокой хандры, или буржуазнаго самодовольства. Наконецъ, даже весьма разумная забота лишь о своемъ комфортѣ, лишь о своемъ личномъ счастьѣ,—а это все, что̀ требуетъ

Руссо,—отзывается холоднымъ, слишкомъ узкимъ эгоизмомъ и далеко не можетъ быть идеаломъ современнаго воспитанія.

„Не тотъ человѣкъ дольше жилъ", говоритъ Руссо, „который можетъ насчитать больше годовъ жизни, а тотъ, *кто больше чувствовалъ жизнь*". Истинно общественный человѣкъ дѣйствительно можетъ про себя сказать, что онъ *чувствовалъ жизнь:* борьба и сопряженныя съ нею невзгоды, надежды и разочарованія, смѣняющія другъ друга, гоненія за правду, все заставляетъ его сильно чувствовать жизнь, но у Руссо, лишающаго своего питомца общественныхъ треволненій и старающагося отвоевать ему счастье лишь на личной почвѣ, такое разсужденіе отдаетъ лишь эпикурействомъ.

Говоря о развитіи тѣхъ или другихъ способностей въ ребенкѣ, Руссо проводитъ между ними слишкомъ рѣзкую границу, слишкомъ опредѣленно пріурочиваетъ ихъ къ извѣстному періоду, чего въ дѣйствительности не бываетъ. До 10—12 лѣтъ Эмиль ростетъ на полной свободѣ, безъ всякаго обученія; но и съ этого возраста Руссо не допускаетъ систематическихъ занятій съ ребенкомъ. Когда Эмилю исполнилось 15 лѣтъ, воспитатель говоритъ: „пора обратиться къ его сердцу". Это пріурочиваніе силъ, склонностей и способностей ребенка къ опредѣленному возрасту совершенно неправильно уже потому, что сама природа не ставитъ такихъ рѣзкихъ границъ въ развитіи ребенка между однимъ и другимъ годомъ, и всѣ его физическія и моральныя силы развиваются параллельно и въ связи другъ съ другомъ прогрессируютъ съ большою постепенностью, если не встрѣчаютъ на своемъ пути искусственныхъ преградъ. Вотъ почему современная педагогія считаетъ необходимымъ вести равномѣрно развитіе всѣхъ способностей ребенка: физическій ростъ не долженъ подавлять духа и наоборотъ. Вредно начинать развитіе какихъ бы то ни было способностей ребенка преждевременно, вредно и запаздывать развитіемъ. Если о сердцѣ юноши начать впервые думать, когда ему *исполнится* уже 15 лѣтъ, какъ это совѣтуетъ Руссо, если до тѣхъ поръ оно не давало себя чувствовать, ничѣмъ не проявляло и не заявляло себя, если воспитатель не обратилъ вниманія на такую аномалію, не имѣлъ случая или не нашелъ необходимымъ прислушаться къ его біенію, оно и въ будущемъ не будетъ откликаться на горе и страданіе ближняго, не возмутится неправдой, не въ состояніи будетъ приходить въ волненіе при торжествѣ истины, добра и правды, при созерцаніи великихъ красотъ природы, дивныхъ произведеній искусства. Если нравственныя чувства такого субъекта начнутъ развиваться впервые лишь въ 15 лѣтъ, едва-ли онъ можетъ быть нравственнымъ и полезнымъ членомъ общества. Но такое изолированіе отъ людей и жизни, въ какое былъ поставленъ Эмиль, возможно только въ фантазіи; въ дѣйствительности же, будетъ или нѣтъ воспитатель обращать вниманіе на развитіе сердца своего питомца, оно болѣе или менѣе будетъ развиваться самостоятельно вслѣдствіе столкновеній съ людьми. Тѣмъ не менѣе индифферентное отношеніе воспитателя къ развитію чувствъ ребенка, искусственныя преграды, если онъ будетъ ихъ ставить для задержки развитія, неумѣнье дать имъ надлежащее направленіе—все это можетъ въ высшей степени вредно отозваться на будущей дѣятельности питомца и воспитаетъ изъ него человѣка односторонняго, узко-эгоистичнаго.

Такъ же вредно отзывается нецѣлесообразное и слишкомъ позднее умственное развитіе. Руссо говоритъ: «Эмиль и на 12 году своей жизни едва ли будетъ знать, что такое книга». «Чтеніе—бичъ дѣтскаго возраста». Мы уже не говоримъ о томъ, что такое позднее развитіе совершенно немыслимо унасъ, когда дѣти въ 10 лѣтъ должны имѣть уже довольно значительную

подготовку, чтобы поступить въ среднее учебное заведеніе; если же заставить ребенка лишь по программѣ вызубрить предметы, то это навѣрно умственно притупитъ его; необходимо, чтобы подготовка къ учебному заведенію была не результатомъ зубрежки, а разумнымъ усвоеніемъ элементарныхъ знаній.

Въ «Эмилѣ» Руссо старался въ популярной формѣ провести идеи и взгляды, изложенные имъ и въ другихъ его сочиненіяхъ. Центральная идея ихъ—горячій протестъ противъ современной ему науки, просвѣщенія, цивилизаціи, государственнаго строя, противъ роскоши однихъ и нищеты другихъ, негодованіе передъ распущенностію нравовъ. По мнѣнію Руссо, существуетъ только одно средство для противодѣйствія гибели и нравственной испорченности общества—возвращеніе людей къ природѣ, къ естественнымъ принципамъ первобытныхъ обществъ, когда еще не существовало ни наукъ, ни искусствъ, ни нищеты, ни роскоши. Его страстная проповѣдь противъ цивилизаціи и просвѣщенія была слѣдствіемъ и того, что современное ему общество пользовалось ихъ результатами для эгоистическихъ, своекорыстныхъ цѣлей; она вытекала также изъ его демократическихъ идеаловъ и воззрѣній. Распространеніе просвѣщенія ведетъ, по его понятіямъ, къ неравенству людей, такъ какъ оно выдвигаетъ изъ общаго уровня людей таланта и знанія; неравенство же служитъ корнемъ всѣхъ золъ и несчастій: оно порождаетъ богатство и роскошь, слѣдовательно ведетъ къ несправедливости, праздности и испорченности.

Новыя педагогическія идеи, развившіяся на Западѣ, принесли громадную пользу не только тамъ, но отчасти проникли и въ Россію: онѣ открывали новый путь къ реальному направленію въ обученіи и положили въ основу воспитанія гуманитарные принципы. Провозглашая принципъ свободы, личную индивидуальность, уваженіе къ человѣческому достоинству питомца, необходимость его нравственнаго, умственнаго и физическаго развитія, а также и самостоятельность мышленія, онѣ совершенно подрывали въ воспитаніи и обученіи прежній формализмъ, педантизмъ и мертвечину. Но въ этихъ новыхъ системахъ были и крупные недостатки, которые впрочемъ носили печать духа времени, а также и оппозиціоннаго характера, которымъ поневолѣ окрашивалось все новое, что уже своимъ появленіемъ или совсѣмъ уничтожало старое, или во всякомъ случаѣ подрывало его значеніе. Женскаго вопроса тогда еще не существовало, и потому женское воспитаніе не могло быть правильно поставлено въ то время ни въ теоріи, ни на практикѣ.

Великіе мыслители и педагоги убѣдительно доказывали необходимость развитія въ ребенкѣ его умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ силъ, но въ то время они еще не сознавали необходимости развивать эти силы равномѣрно. Вотъ потому-то нравственность является у писателей того времени чѣмъ то вполнѣ независимымъ отъ умственнаго развитія, между тѣмъ съ современной точки зрѣнія то и другое тѣсно связано между собою, вытекаетъ одно изъ другаго и оказываетъ другъ на друга непосредственное вліяніе.

Необходимыми аттрибутами прежняго воспитанія и обученія были: слѣпое повиновеніе, принужденіе, розги, побои, слезы. Противники этихъ методовъ, доказывая вредъ подобныхъ мѣръ и принужденія, впали въ другую крайность: они выказали излишнюю заботливость о томъ, чтобы всѣ знанія передавались молодому поколѣнію въ слишкомъ пріятной, облегченной формѣ и тѣмъ ослабили элементъ труда. Они не принимали въ разсчетъ того, что пріобрѣтеніе знаній исключительно въ пріятной, легкой формѣ, поведетъ къ ослабленію самостоятельнаго мышленія и усидчивости, на развитіе которой нужно обращать серьезное вниманіе. При томъ громадное большинство писа-

телей того времени смотрѣло на пріобрѣтеніе знанія, какъ на второстепенную задачу воспитанія, выдвигая на первый планъ нравственное развитіе. Отчасти, какъ мы уже указывали, это происходило оттого, что тогда еще не имѣли понятія о необходимости равномѣрнаго развитія всѣхъ способностей человѣка, отчасти потому, что пріобрѣтеніе знаній было сопряжено съ такими пытками, что дѣйствительно могло гибельно отзываться на моральныхъ свойствахъ дитяти.

Развитіе педагогическихъ идей всегда шло рука объ руку, всегда было въ самой тѣсной связи съ направленіемъ литературы и съ развитіемъ науки. XVIII вѣкъ, вполнѣ справедливо названный философскимъ, былъ особенно богатъ новыми взглядами и идеями во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности. Мы совершенно вышли бы изъ границъ нашей программы, если бы остановились на замѣчательныхъ писателяхъ того времени хотя на столько, на сколько мы рѣшили представить развитіе педагогическихъ идей, имѣя въ виду въ нашей книгѣ преимущественно вопросы воспитанія; и потому здѣсь мы только сгруппируемъ главныя идеи того времени, прямо или косвенно вліявшія на обновленіе воспитанія.

Со времени реформаціи, на западѣ, вмѣстѣ съ педагогическими идеями, усилилось распространеніе и философскихъ. Англія, Швейцарія и Нидерланды преимущественно были родиной этихъ идей; перенесенныя во Францію, онѣ стали распростаняться по всей Европѣ. Главными ихъ проводниками во Франціи были: Вольтеръ, Монтескьё, Даламберъ, Дидро и др.

Отличительной чертой характера этой философіи было отрицаніе всего тогдашняго европейскаго строя, религіозно-церковнаго, государственно-политическаго и общественнаго. Строй этотъ дѣйствительно обветшалъ, что обнаруживалось неограниченнымъ деспотизмомъ власти, грубымъ суевѣріемъ и невѣжествомъ народа, нетерпимостью и жесточайшими преслѣдованіями, страшною испорченностью нравовъ, даже открытымъ развратомъ въ высшихъ классахъ общества, вопіющими злоупотребленіями, которыя никакими силами невозможно было уничтожить при существующихъ порядкахъ, нестерпимымъ угнетеніемъ слабаго, несправедливостью законовъ, фальшью и неравенствомъ между людьми. Представители философскихъ идей въ беллетристическихъ и философскихъ трактатахъ горячо обличали эти пороки и указывали, какъ слѣдовало перереформировать этотъ обветшалый общественный строй, чтобы сдѣлать людей болѣе нравственными, справедливыми и счастливыми.

Вотъ въ чемъ состоятъ ихъ главныя требованія:

1) Чтобы люди стремились вырабатывать естественно-научное „натуралистическое“ міросозерцаніе, которое содѣйствуетъ все большему и разностороннему изученію природы. Явленія природы порождали прежде ужасъ и суевѣрный страхъ,—научное изслѣдованіе ихъ причинъ и слѣдствій должно убѣдить въ ихъ естественной непреложности и послѣдовательности.

2) Необходимо изученіе человѣческой природы и внимательное наблюденіе ея. По понятіямъ западныхъ мыслителей, какъ бы дурны ни были проявленія человѣческой природы, она способна и должна идти къ совершенствованію: родъ человѣческій, хотя медленными шагами, но постоянно идетъ впередъ по пути духовнаго развитія. Эти идеи вносили стремленіе къ нравственному усовершенствованію молодаго поколѣнія, подавали надежду, что оно, при правильномъ обученіи и гуманномъ воспитаніи, будетъ умнѣе, честнѣе и нравственнѣе своихъ предшественниковъ. Подобныя стремленія и понятія вызывали любовь, человѣколюбіе и милосердіе къ ближнимъ, побуждали людей, усвоившихъ подобныя воззрѣнія, къ поступкамъ и дѣламъ, въ которыхъ бы на дѣлѣ проявлялась любовь къ ближнему.

3) Указывая на злоупотребленія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, на развратъ во всѣхъ слояхъ общества, великіе мыслители находили, что причина зла лежитъ въ невѣжествѣ, и требовали полнаго и безусловнаго распространенія просвѣщенія во всѣхъ классахъ общества. Прежде образованіе было достояніемъ лишь людей высшихъ классовъ; теперь находили, что каждый человѣкъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, каково бы ни было его матеріальное положеніе, имѣетъ право на образованіе и умственное развитіе.

4) Развитіе интереса къ обществу и споспѣшествованіе его нравственному, умственному и матеріальному прогрессу. Прежде стремленія человѣка были узко-эгоистичны, каждый заботился лишь о своемъ личномъ благополучіи, что нерѣдко шло въ разрѣзъ съ благополучіемъ ближняго. Теперь требовали, чтобы личное благополучіе не наносило вреда ближнему. Мало того, въ видахъ высшей нравственности и разумнаго личнаго благополучія отъ каждаго требовалось приносить пользу ближнему своимъ трудомъ, заботиться объ улучшеніи общества, ставить общественные интересы выше личныхъ.

5) Право каждаго человѣка самостоятельно разсуждать и думать. Прежде все принимали на вѣру: отцы внушали своимъ дѣтямъ, чтобы они не только безъ разсужденій и колебаній, но съ полнымъ благоговѣніемъ слѣдовали примѣру старшихъ, смотрѣли ихъ глазами на окружающій міръ, не отступали ни на шагъ отъ дѣдовскихъ обычаевъ въ сферѣ религіозной и нравственной, рабски слѣдовали бы всѣмъ ученіямъ, испоконъ вѣка на вѣру принятымъ ихъ дѣдами. Теперь же философы зло осмѣивали всѣ подобные предразсудки, указывали всю несостоятельность авторитетовъ, развивали скептицизмъ, критическое отношеніе ко всему окружающему, однимъ словомъ внушали недовѣріе ко всему тому, во что прежде безусловно вѣрили. Они прежде всего доказывали необходимость во всемъ искать естественной, разумной причины и пробуждали пытливость и самостоятельность мысли и сужденія.

6) Вмѣсто религіознаго фанатизма, нетерпимости и злобнаго преслѣдованія, представители мысли проповѣдывали безусловную вѣротерпимость и свободу совѣсти.

7) Въ области государственной, вмѣсто деспотизма и угнетенія слабаго, требовали уваженія къ человѣческой личности и равенства всѣхъ передъ закономъ. Законы, по понятіямъ философовъ, должны соотвѣтствовать потребностямъ страны и быть установлены по общему соглашенію всѣхъ гражданъ. Въ уголовныхъ законахъ должны быть примѣнены принципы гуманности: общество не должно мстить преступнику за совершаемое зло, но употреблять всѣ средства къ его исправленію.

8) Въ жизнь общественную и частную слѣдуетъ вносить начала гуманности, свободы, братства и равенства.

Это направленіе идей XVIII в. и извѣстно подъ именемъ человѣчнаго, гуманнаго.

Глава IV. Какъ осуществлялись у насъ въ царствованіе Екатерины II западные идеалы воспитанія.

Новыя идеи, внесенныя въ русское общество литературою и правительствомъ.—Новыя педагогическія воззрѣнія.—Ихъ вліяніе и практическое примѣненіе.—Система воспитанія «новой породы людей».—Закрытыя учебныя заведенія.—Ихъ недостатки.—Основаніе перваго института: характеръ воспитанія и обученія.—Народное образованіе.—Дѣтское чтеніе.—Значеніе новыхъ идей въ воспитаніи.—Причина непримѣнимости къ русской жизни многихъ западныхъ идеаловъ.

Мы уже познакомились съ нравами, воспитаніемъ и стремленіями русскаго общества въ XVI, XVII и XVIII ст. Что касается литературы, то и она въ первой половинѣ XVIII ст. не могла особенно благотворно вліять на умы. Русское общество того времени совсѣмъ не интересовалось литературой и ея представителями, а иногда даже смотрѣло на нихъ съ *презрѣніемъ*, смѣшивая ихъ съ шутами и скоморохами.

Не смотря, однако, на грубые нравы, на отсутствіе школъ, на ничтожное вліяніе науки и литературы, сила гуманныхъ идей XVIII в. была столь велика, желаніе императрицы Екатерины II просвѣтить, облагородить русское общество столь сильно, что западныя идеи стали проникать и къ намъ. Чуткая, умная, образованнѣйшая женщина своего времени императрица Екатерина II, увлекаясь чтеніемъ западно-европейскахъ мыслителей, серьезно мечтала построить образованіе въ Россіи на новыхъ началахъ, болѣе сообразныхъ с гуманными требованіями, внести въ воспитаніе новые нравственные принципы. Она усердно изучала западныхъ мыслителей: Декарта, Вольтера, Даламбера, Монтескьё, Локка, Монтэня, Дидро, Руссо. Ея примѣръ заразилъ и русское общество. Скоро явилась мода на ученость, даже на вольнодумство, однако нѣкоторые, правда, очень немногіе, стали изучать западную литературу и философію не только изъ подражанія императрицѣ, а вслѣдствіе искренняго увлеченія.

Увлеченіе западно-европейскими литературами прежде всего сказалось въ переводахъ, которыхъ появилось въ это время болѣе, чѣмъ когда либо до тѣхъ поръ. Эта переводная литература имѣла у насъ огромное вліяніе на смягченіе нравовъ, на нравственное совершенствованіе, на умственное развитіе, на наше образованіе и литературу. Главное мѣсто между переводами принадлежало сочиненіямъ французскихъ писателей XVIII и нѣкоторыхъ англійскихъ XVII—XVIII в. Болѣе всего переводили Вольтера; за нимъ слѣдовали: Вольней, Гельвецій, Гоббесъ, Даламберъ, Дидро, Локкъ, Руссо, и др. Особенно распространялись сочиненія Вольтера, и его читало не только высшее общество, знакомое съ французскимъ языкомъ, но и тѣ, которые не знали

его, могли теперь по переводамъ познакомиться съ его сочиненіями. Начитавшихся произведеніями Вольтера называли «вольтеріанцами». Также сильно дѣйствовала на умы русской молодежи и книга Гельвеція «О разумѣ».

Другимъ средствомъ къ изученію европейской науки и литературы служила посылка молодыхъ людей за границу. Многіе изъ нихъ довершали свое образованіе въ иностранныхъ университетахъ, которые славою своихъ профессоровъ привлекали юношество со всѣхъ концовъ Европы. Нѣсколько русскихъ молодыхъ людей, окончившихъ тамъ образованіе, пріобрѣли у насъ извѣстность, особенно Александръ Радищевъ, написавшій книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», въ которой онъ для скорѣйшаго уничтоженія темныхъ сторонъ современной дѣйствительности предлагалъ отмѣну крѣпостнаго права.

Новыя идеи занесены были къ намъ не только посредствомъ иностранныхъ переводовъ, но и русскою литературою, которая въ высшей степени оживилась въ царствованіе Екатерины: одинъ за другимъ стали появляться журналы со статьями болѣе жизненнаго характера. Между ними всего болѣе выдаются журналы Новикова. Въ нихъ уже главное мѣсто отведено было сатирѣ на современные нравы. Сатира того времени бичуетъ предразсудки, ханжество, суевѣріе, взяточничество, педантизмъ и другіе общественные недостатки, и болѣе всего осмѣянію подвергаются грубое невѣжество и внѣшнее подражаніе французской образованности, въ то время особенно сильно развившейся у насъ. Въ этихъ журналахъ можно было найти статьи и на другія темы: вооружаясь противъ того, что авторы статей считали ложнымъ въ ученіи энциклопедистовъ, они открыто признавали и ихъ великія заслуги для міра. Немаловажною заслугою журналистики того времени было и то, что она энергично разрушала вѣру въ существованіе *таинственныхъ наукъ*, въ родѣ астрологіи, алхиміи, магіи и т. п., проповѣдывала необходимость путешествовать за границею, но не для суетныхъ цѣлей и заимствованія модъ, а для изученія нравовъ западныхъ народовъ, для болѣе близкаго знакомства съ западною наукою, образованностью, искусствомъ, а также выясняла важность изученія и родной страны, о необходимости чего до тѣхъ поръ никто не думалъ. Но что особенно достойно удивленія для того времени, такъ это то, что Новиковъ, оставаясь горячимъ патріотомъ, проповѣдывалъ братство народовъ, братство, не смотря на различіе вѣроисповѣданій, языковъ и нравовъ, и журналы, руководимые этимъ въ высшей степени замѣчательнымъ въ то время человѣкомъ, уже начинаютъ высказывать ужасъ и отвращеніе къ войнѣ, доказываютъ несправедливость и безнравственность завоевательныхъ стремленій. Немало было въ этихъ журналахъ и статей по философіи, психологіи и педагогіи; въ послѣднихъ доказывалось, что воспитаніе есть источникъ благополучія, а отсутствіе его ведетъ народъ къ несчастію. Въ этихъ педагогическихъ трудахъ впервые появляется мысль о необходимости обращать вниманіе на индивидуальныя свойства ребенка, а также отрицаніе пользы распространенныхъ въ то время тѣлесныхъ наказаній; въ нихъ выяснялся также вредъ безграничности авторитета родительской власти, и высказывалось искреннее желаніе связать между собой родителей и дѣтей узами любви и уваженія. Однимъ словомъ, въ этихъ журналахъ впервые уже начинаетъ пробиваться живая струйка общественной жизни, истиннаго самопознанія и пониманіе болѣе сложныхъ жизненныхъ интересовъ, болѣе существенныхъ задачъ; появлялись даже и статьи о крѣпостномъ правѣ, въ которыхъ указывалось, какъ помѣщики злоупотребляли своею властью. Вообще въ журналахъ Новикова обсуждалось множество вопросовъ, не устарѣвшихъ еще и въ

настоящее время, а тогда совершенно новыхъ. Новиковъ осмѣивалъ и отвергалъ уже сословные предразсудки и отстаивалъ право женщины на высшее образованіе: настаивая, чтобы женщина сохраняла свою женственность, онъ требуетъ для нея равенства съ мужчиной лишь въ умственномъ развитіи и въ пріобрѣтеніи знаній; только въ той семьѣ можетъ быть истинное счастіе, говоритъ онъ, гдѣ жена вполнѣ понимаетъ интересы мужа.

Журналы Новикова были сильно распространены между студентами московскаго университета и, такимъ образомъ, своими идеями оказывали вліяніе на цвѣтъ молодаго поколѣнія Россіи екатерининскихъ временъ. Между молодыми людьми появились такіе, которые, вмѣсто стремленія къ наслажденіямъ, начинаютъ задаваться мыслію о самоусовершенствованіи, проникаются страстною любовью къ родной странѣ и благородными стремленіями къ общественной пользѣ. Однимъ словомъ, въ атмосферѣ невѣжества, ханжества, взяточничества, мелкихъ интригъ, безумнаго прожиганія жизни, чѣмъ жили тогда русскіе люди, вдругъ повѣяло мыслью, жизнью, зародились облагораживающія сердце стремленія.

Оживленію родной литературы немало содѣйствовали сочувственное отношеніе императрицы къ ея представителямъ, ея личное увлеченіе новыми идеями и собственная ея писательская дѣятельность. Въ своей горячей и искренней любви къ литературѣ императрица могла почерпать удивительное умѣнье возбуждать авторскую дѣятельность. Для этого вспомнимъ хотя ея отношенія къ Державину и фонъ-Визину. Ея живое участіе къ успѣхамъ родной литературы, ея искренній интересъ къ судьбѣ писателей, ея собственный *примѣръ*,—все это побуждало писателей къ дѣятельности, возвышало литературу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и толкало высшіе классы къ развитію. Вотъ *потому*-то литература екатерининскаго времени и дѣлала такіе успѣхи, такіе *исполинскіе* шаги впередъ сравнительно съ предшествовавшимъ ея состояніемъ.

Но императрица скоро поняла, что всего этого еще очень мало для искорененія грубости и невѣжества въ обществѣ, гдѣ просвѣщеніе считалось вреднымъ для государства, и принялась въ дѣлѣ воспитанія за реформаторскую дѣятельность.

Учрежденіе воспитательныхъ домовъ для подкидышей было результатомъ вліянія западныхъ гуманныхъ идей: до тѣхъ поръ у насъ въ Россіи незаконнорожденнымъ дѣтямъ не давали почти никакого пріюта, и самое устройство подобныхъ заведеній считалось лишь потворствомъ разврату. Учрежденіе воспитательныхъ домовъ было поручено Бецкому, человѣку въ то время весьма приближенному къ императрицѣ и искренно преданному просвѣщенію въ Россіи и гуманнымъ идеямъ. Императрица много читала съ нимъ Лейбница, Вольфа, Ньютона, Декарта, Пуффендорфа, Монтескьё, Бюффона, Поппе, Локка, Мильтона, Вольтера, Даламбера, Руссо, Лагарпа, Дидро и др., прекрасно знала его взгляды на воспитаніе, — естественно, что онъ сдѣлался главнымъ исполнителемъ и помощникомъ новыхъ учебныхъ и воспитательныхъ реформъ Екатерины.

Императрица прекрасно знала, какъ печальны были условія образованія и воспитанія въ ея время. Особенно плохо было, какъ мы уже знаемъ, женское образованіе: школъ и пансіоновъ для дѣтей женскаго пола почти не существовало, и приходилось исключительно довольствоваться домашнимъ воспитаніемъ. Бецкій, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ императрицы, задумалъ создать въ Россіи „новую породу людей“. Несомнѣнно, мысль эта въ немъ постепенно созрѣвала при сочувствіи императрицы, по ея совѣтамъ и

указаніямъ, и она дала ему возможность осуществить ее на практикѣ и выказывала этой идеѣ самое горячее сочувствіе.

Вслѣдствіе господствовавшихъ въ обществѣ предразсудковъ, невѣжества, грубости и жестокости нравовъ рѣшено было совершенно изолировать учащихся обоего пола отъ міра и людей, чтобы такимъ образомъ избавить ихъ отъ вреднаго вліянія семьи и общества. Бецкій и императрица Екатерина думали, что такимъ путемъ гуманные и просвѣтительные принципы, безъ помѣхи и дурнаго примѣра извнѣ, глубже проникнутъ въ души молодаго поколѣнія, и что вслѣдствіе этого „новая порода людей“ будетъ несравненно лучше, гуманнѣе и менѣе заражена предразсудками, чѣмъ предъидущее поколѣніе, что искусственная преграда убережетъ дѣтей отъ нравственнаго растлѣнія и заразы современной семьи и общества, и что изъ молодаго поколѣнія, воспитаннаго на новыхъ, гуманныхъ началахъ и просвѣтительныхъ идеяхъ, создастся истинно новая, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе порядочная порода людей. Этой искусственной преградой должны были явиться закрытыя учебныя заведенія, гдѣ предполагалось держать дѣтей съ ранняго дѣтства до тѣхъ поръ, пока не созрѣетъ ихъ умъ, не сложатся ихъ привычки въ средѣ просвѣщенной, гуманной, незараженной дикими предразсудками и невѣжественными нравами. По этому плану былъ учрежденъ первый институтъ— „Общество для воспитанія благородныхъ дѣвицъ“, или Смольный, съ мѣщанскимъ отдѣленіемъ, и преобразованъ шляхетскій корпусъ.

На воспитаніе дѣвицъ въ Смольномъ, въ первые годы его учрежденія, было обращено особенное вниманіе. Нѣкоторыя правила устава этого заведенія заимствованы почти цѣликомъ изъ с.-сирскаго института (maison royale), основаннаго въ 1686 году г-жею Ментенонъ. Но педагогическіе принципы и правила, которыми должны были руководиться всѣ вновь основанныя учебно-воспитательныя учрежденія, проникнуты были однимъ духомъ, одною общею идеею, исходящею отъ императрицы.

Къ педагогической мысли — изолировать посредствомъ воспитанія одно поколѣніе отъ другаго—присоединялась у Бецкаго и другая важная политическая задача: создать въ Россіи образованное среднее сословіе. Путешествуя на западѣ, Бецкій видѣлъ, какое нравственное и экономическое значеніе имѣло это сословіе. Въ то время, когда у насъ было собственно только два сословія — дворяне и крѣпостные, а совершенно невѣжественные купцы, мѣщане и ремесленники или смѣшивались съ крестьянскою массою, или по чиновной лѣстницѣ выходили въ дворянское сословіе, во Франціи третье или среднее сословіе забирало въ свои руки общественное мнѣніе и готовилось овладѣть въ странѣ политическою властью. Этому недостатку, т. е. отсутствію третьяго сословія, задумалъ помочь Бецкій воспитательными мѣрами. Образовывать людей для средняго сословія предназначалось въ особенности воспитательнымъ домамъ, академіи художествъ, устроеннымъ по планамъ Бецкаго, и мѣщанскому училищу при Смольномъ.

Въ инструкціяхъ и правилахъ, данныхъ новымъ учрежденіямъ, замѣтно сильное вліяніе западныхъ идей: вездѣ предписывается гуманное отношеніе къ дѣтямъ, вниманіе къ ихъ физическому развитію, видно желаніе до крайнихъ предѣловъ облегчить трудности ученья, — тутъ уже болѣе всего чувствуется вліяніе Монтэня и Локка, особенно у послѣдняго много заимствовала высокая учредительница.

Относительно женскаго образованія, какъ Екатерина, такъ и Бецкій, вполнѣ сходились съ мнѣніемъ Фенелона, Монтэня, Локка и Руссо, придававшихъ обученію второстепенное значеніе. Но въ систему воспитанія „новой

породы людей" были включены и нѣкоторыя особыя правила, хотя, может быть, косвенно и заимствованныя съ запада, тѣмъ не менѣе на нихъ лежитъ печать личнаго характера и воззрѣній императрицы. Въ инструкціяхъ всѣхъ заведеній постоянно повторяется одно и тоже, вполнѣ справедливое, требованіе, чтобы у дѣтей не только былъ бодрый видъ, веселость, „вольныя дѣйствія души", но воспитателямъ и воспитательницамъ вмѣнялось въ обязанность, чтобы всѣ ихъ дѣйствія были не только „благоразумны и искусны", но и соединены съ кротостью, а „наипаче съ непринужденною веселостью". Лица, приставленныя къ дѣтямъ, чтобы не привести ихъ въ уныніе, должны были даже „скрывать отъ нихъ свои огорченія". Однимъ словомъ, изъ всѣхъ инструкцій и предписаній, какъ Екатерины, такъ и Бецкаго, мы видимъ, что они въ высшей степени важнымъ считаютъ „предотвращеніе у ребенка унылаго и грустнаго вида". Веселость характера, по замѣчанію Екатерины, помогаетъ сближенію людей между собою и должна быть потребностью здороваго человѣка. Бодрый и веселый видъ человѣка, по ея мнѣнію, производитъ пріятное впечатлѣніе въ обществѣ и въ свѣтѣ, а все, что касалось этой стороны дѣла, особенно было принято во вниманіе при воспитаніи дѣвицъ въ первомъ институтѣ. Однако изъ инструкцій, данныхъ для воспитанія въ институтѣ, все же видно, что составители ихъ вовсе не задавались цѣлью развивать въ дѣвушкахъ любовь къ модными туалетамъ и прическамъ, а кадетамъ такъ и вовсе было запрещено „завиваніе, пудры, помады и всѣ къ кстатѣ уборы". Привѣтливости, вѣжливости, непринужденной учтивости, веселости, благородной осанкѣ Екатерина придавала огромное значеніе. Эти качества она разсчитывала развить посредствомъ пріученія дѣтей къ аккуратности и обученія танцамъ. На аккуратность и чистоплотность женщинъ императрица обращала особенное вниманіе потому, что отсутствіемъ этихъ качествъ сильно страдало современное ей общество. Не смотря на стремленіе къ модамъ, роскоши, свѣтскости и утонченности, въ домашнемъ быту даже самыхъ богатыхъ и знатныхъ женщинъ того времени, въ ихъ платьяхъ, бѣльѣ и туалетахъ, вездѣ проглядывали слѣды несказаннаго неряшества, грязи, сказывалось отсутствіе понятій о самой элементарной опрятности. Что же касается танцевъ, то обученіе имъ началось у насъ еще при Петрѣ Великомъ и сдѣлалось теперь самою существенною частью воспитанія не только женскаго, но и мужскаго.

На воспитаніе дѣвушекъ въ Смольномъ было обращено особенное вниманіе. Императрица смотрѣла на институтъ, какъ на разсадникъ будущихъ матерей и воспитательницъ молодаго поколѣнія. По уставу Бецкаго, воспитанницы раздѣлялись на четыре возраста, и каждая изъ нихъ, поступая въ институтъ не старше 6-ти лѣтъ, должна была пробыть въ заведеніи не менѣе 12 л. За все время воспитанія воспитанницы не должны были имѣть близкаго общенія съ инымъ міромъ, кромѣ своего институтскаго. Видаться съ родителями и родственниками онѣ могли не иначе, какъ въ назначенные для этого дни и притомъ въ присутствіи институтскаго начальства.

Хотя учебныхъ предметовъ по количеству введено было весьма достаточно, но ихъ объемъ и содержаніе были въ высшей степени поверхностны и ничтожны. Ариѳметикѣ предписано было обучать настолько, на сколько это необходимо въ домашней экономіи, т. е. первымъ четыремъ правиламъ; преподаваніе исторіи тоже, вѣроятно, ограничивалось немногимъ; но любопытнѣе всего то, что для 3-го возраста (отъ 12 до 15 л.) были введены такіе предметы, какъ архитектура, геральдика и опытная физика. Геральдика должна была знакомить съ гербами важнѣйшихъ дворянскихъ фамилій и введена

была, вѣроятно, въ угоду тогдашнимъ сословнымъ предразсудкамъ; впрочемъ предметъ этотъ былъ исключенъ изъ программы уже въ 1783 г. Болѣе всего вниманія обращено было на языки. Обученіе иностраннымъ языкамъ было поручено иностранкамъ, но онѣ забрали въ свои руки почти все преподаваніе, такъ что воспитанницы забывали даже свой родной языкъ.

Начальству предписывалось внушать воспитанницамъ «всѣ правила добраго воспитанія, благонравія, свѣтскаго обхожденія, учтивости»; обращаться съ ними начальство обязано было безпристрастно и кротко, чтобы дѣвушки не привыкли ни «излишне важничать», ни «унылый видъ являть». Главнымъ средствомъ исправленія провинившихся служило пристыженіе воспитанницы въ присутствіи всего класса (одно изъ правилъ Локка). Не забыто было и домашнее рукодѣліе, шитье и хозяйство, при чемъ воспитанницы не только присутствовали въ кухнѣ, но вели счеты и выбирали съѣстные припасы. Чтобы привить свѣтскость, устраивали спектакли при непосредственномъ участіи воспитанницъ, и особенное вниманіе обращено было на манеры дѣвицъ, на декламацію, на танцы и на французскій языкъ. Но состояніе учебной части, какъ видно изъ отчета коммиссіи народныхъ училищъ, оказалось весьма неудовлетворительнымъ.

Учредители искренне желали воспитать новое поколѣніе съ болѣе гуманными принципами, съ болѣе культурными задатками, и для этого рѣшились удалить его отъ тлетворнаго вліянія невѣжественнаго общества. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, что мысль о закрытыхъ заведеніяхъ была внушена Бецкому и Екатеринѣ кѣмъ нибудь изъ западныхъ писателей. Руссо въ Эмилѣ проповѣдывалъ необходимость изолировать воспитываемыхъ отъ испорченнаго современнаго общества, отъ современной ему цивилизаціи, развращающей умъ и сердце. Императрица хорошо была знакома съ произведеніями Руссо, но, какъ извѣстно, не любила ихъ: ей трудно было симпатизировать демократическимъ идеаламъ Руссо. Но его громадная популярность, его презрѣніе къ современному обществу и желаніе изолировать отъ него своего питомца, все это не могло, хотя косвенно, не повліять на императрицу и Бецкаго.

Главная ошибка этихъ закрытыхъ заведеній состояла въ томъ, что при ихъ основаніи было совершенно упущено изъ виду то обстоятельство, что эту «новую породу людей» будутъ воспитывать люди изъ того же испорченнаго, невѣжественнаго и суевѣрнаго общества. Хорошихъ воспитателей было тогда чрезвычайно мало, они вообще составляли рѣдкое исключеніе въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, да и ихъ трудно было привлечь и заставить посвятить себя воспитанію во вновь возникшихъ учрежденіяхъ. Между тѣмъ отчужденіе дѣтей отъ родителей наносило тяжкій вредъ, усиливая рознь и недоразумѣнія между старымъ и молодымъ поколѣніями. Воспитывая дѣтей вдали отъ общества, создавали людей, непригодныхъ впослѣдствіи для этого общества, но главный недостатокъ этихъ закрытыхъ заведеній заключался въ томъ, что родители все болѣе отвыкали отъ своихъ родительскихъ обязанностей, все болѣе пріучались полагаться въ воспитаніи на заботу правительства.

Что-же касается собственно институтскаго воспитанія, то хотя отъ времени до времени кое-что и измѣнялось къ лучшему въ программахъ обученія и въ методахъ преподаванія, но характеръ институтскаго воспитанія и образованія прочно установился съ тѣхъ поръ и оставался однимъ и тѣмъ же до конца 60-хъ гг. нынѣшняго столѣтія, что мы увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Тѣмъ не менѣе воспитательныя идеи запада несомнѣнно просвѣщали русское общество или, лучше сказать, небольшую его часть, т. е. предста-

вителей интеллигенціи, и постепенно вносили сознаніе необходимости преобразованія школьнаго и семейнаго воспитанія. Хотя въ большинствѣ семей и школъ, не только въ концѣ XVIII, но и въ первой половинѣ XIX в., главнымъ исправительнымъ средствомъ для провинившихся дѣтей служили тѣлесныя наказанія, и гуманныя отношенія между воспитателями и дѣтьми были большою рѣдкостью, но заслуга воспитательныхъ идей запада была уже въ томъ, что гуманныя понятія вошли съ тѣхъ поръ прочно въ сознаніе небольшаго круга русскихъ образованныхъ людей. Впервые въ это время обращено было серьезное вниманіе и на физическое воспитаніе. Какую важность придавала императрица физическому воспитанію, видно изъ того, что по ея волѣ Бецкій собралъ наставленія лучшихъ европейскихъ педагоговъ и вмѣстѣ съ совѣтами доктора Саншеса привелъ ихъ въ нѣкоторую систему и издалъ подъ заглавіемъ: «Физическія примѣчанія о воспитаніи дѣтей отъ рожденія до юношества».

По указу императрицы, это изданіе разослано было во множествѣ экземпляровъ по всѣмъ городамъ и присутственнымъ мѣстамъ съ тѣмъ, чтобы оно сдѣлалось общедоступнымъ. Не оставлено безъ вниманія физическое воспитаніе и въ уставахъ, данныхъ воспитательнымъ учрежденіямъ. Въ отдѣльныхъ главахъ говорится о пищѣ, о ея качествѣ и количествѣ, о кормилицахъ, о помѣщеніи, объ одеждѣ, о столовой посудѣ, чистотѣ, постеляхъ, снѣ, о необходимыхъ физическихъ упражненіяхъ. Впервые обращено было вниманіе на игры дѣтей: „не вникающему въ сущность воспитанія“, говорится при этомъ, „покажется, что о всемъ этомъ не стоитъ и говорить; но опыты показываютъ, что забавы приносятъ ту пользу, что преклоняютъ къ чувствамъ дружества, рождаютъ проворство, ловкость и по замысламъ въ играхъ открываютъ природныя способности дѣтей, о чемъ воспитателямъ необходимо знать, чтобы предвидѣть, къ чему кого должно употребить“.

Понимая тѣсную связь между нравственнымъ воспитаніемъ и умственнымъ, императрица и Бецкій ставятъ первое несравненно выше втораго и предписываютъ воспитателямъ обращать на него серьезное вниманіе. Вотъ почему Екатерина и ея сотрудникъ такъ часто и такъ много распространяются о воспитаніи нравственномъ и сравнительно мало говорятъ объ обученіи, но тамъ, гдѣ они говорятъ о немъ, они вездѣ стараются вдохнуть жизнь и оживленіе въ сухое преподаваніе и какъ можно болѣе облегчить питомцевъ,—въ этомъ болѣе всего сказывается вліяніе Монтэня, Руссо и особенно Локка.

Въ царствованіе Екатерины появляются и книги для дѣтскаго чтенія; сама императрица писала для дѣтей; «Дѣтское чтеніе для сердца и разума», печатавшееся при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, представляло въ то время первый опытъ дѣтской журналистики; въ этомъ изданіи вмѣстѣ съ другими принималъ участіе Карамзинъ и его другъ Петровъ. Но всѣ произведенія для дѣтей, какъ императрицы, такъ и другихъ писателей этого времени, отличаются черезчуръ нравоучительнымъ, назидательнымъ характеромъ.

Императрица Екатерина не оставила безъ вниманія и народнаго образованія; она возложила попеченіе о немъ на вновь образованные приказы Общественнаго Призрѣнія и обязала ихъ заводить училища сначала въ городахъ, а потомъ и въ многолюдныхъ селеніяхъ для всѣхъ, кто *добровольно* пожелаетъ учиться въ нихъ, «въ чемъ однако», говоритъ она, «никому не чинить принужденія, но отдать на волю родителей отдавать дѣтей въ школу или оставлять дома». Предоставивъ родителямъ полную свободу въ ученіи своихъ дѣтей, императрица запретила вмѣстѣ съ тѣмъ употреблять въ шко-

лахъ тѣлесныя наказанія и обратила вниманіе на то, чтобы въ нихъ наблюдали за опрятностію и чистотою воздуха. Но Приказы Общественнаго Призрѣнія дѣйствовали медленно и открывали весьма малое количество школъ и училищъ для народа: обученіе въ школахъ шло весьма плохо, такъ какъ чувствовался сильный недостатокъ въ учебникахъ и хорошихъ учителяхъ. Тогда императрица рѣшилась на важную мѣру: для болѣе быстраго распространенія образованія и утвержденія его на прочныхъ началахъ, образована была въ 1782 г. особая Коммиссія, задача которой состояла въ приготовленіи хорошихъ учебныхъ книгъ, въ образованіи способныхъ и надежныхъ преподавателей и въ устройствѣ народныхъ училищъ, на основаніи современныхъ педагогическихъ началъ.

Но въ концѣ своего царствованія императрица прекратила свою реформаторскую дѣятельность и даже стала преслѣдовать людей, проводившихъ идеи, которыя свободно распространялись въ началѣ ея царствованія. Впрочемъ, и въ то время, когда императрица сама содѣйствовала распространенію западныхъ идей XVIII в., далеко не всѣ онѣ могли пустить у насъ глубокіе корни; еще труднѣе было имъ получить у насъ практическое примѣненіе, такъ какъ для этого нужно было кореннымъ образомъ измѣнить нашъ общественный строй. Не говоря уже о томъ, что часто даже развитые и образованные русскіе люди того времени совершенно были неподготовлены къ всестороннему пониманію и усвоенію идей, выработанныхъ западною цивилизаціею, и нерѣдко принимались за изученіе энциклопедистовъ прямо послѣ чтенія часослова или четьи-миней, но нужно не забывать и того, что нравы, обычаи и воззрѣнія русскихъ людей того времени совершенно шли въ разрѣзъ съ идеалами, созданными философами XVIII в. Крѣпостное право со всѣмъ своимъ дикимъ произволомъ, запутанный канцелярскій порядокъ въ судахъ, который давалъ возможность господству самаго возмутительнаго взяточничества, злоупотребленія во всѣхъ сферахъ дѣятельности, все это радикально противорѣчило идеаламъ мыслителей. При отсутствіи у насъ даже элементарнаго образованія, русское общество совсѣмъ не было подготовлено къ воспринятію идей, сдѣлавшихся на западѣ достояніемъ интеллигенціи. Часто даже наиболѣе образованные русскіе люди весьма смутно и своеобразно понимали тѣ книги, которыя они читали. Нѣкоторые, начавъ съ горячаго увлеченія философскими идеями и, въ концѣ-концовъ, нѣсколько понявъ ихъ смыслъ, сильно пугались и каялись въ своемъ первоначальномъ увлеченіи, какъ въ смертномъ грѣхѣ. Поэтому-то у громаднаго большинства, при первомъ вѣяніи реакціи, быстро улетучился внѣшній налетъ свободомыслія. Это бывало и позже: въ моменты наибольшаго разцвѣта у насъ свободомыслія очень многіе не искренно, а лишь изъ подражанія выказываютъ свои либеральныя взгляды. Такъ было и тогда: вольнодумствуя, многіе трусили, какъ бы изъ-за этого не поплатиться матеріально, зорко наблюдая, не наступаетъ ли какая нибудь перемѣна въ правительственныхъ мнѣніяхъ. И они не ошиблись въ разсчетѣ: правительство только въ теченіе первой половины царствованія Екатерины II поощряло распространеніе въ обществѣ новыхъ философскихъ идей, а затѣмъ императрица начинаетъ въ этомъ отношеніи постепенно сдерживать своихъ подданныхъ и выказываетъ, наконецъ, явную подозрительность, нерасположеніе, даже гнѣвъ къ слишкомъ ревностнымъ, по ея мнѣнію, послѣдователямъ идей, которыя она еще такъ недавно поощряла. Честолюбивые замыслы, заботы объ округленіи границъ, постоянныя войны, наконецъ, внутреннія народныя смуты, какъ напр. бунтъ Пугачева, и множество другихъ причинъ во многомъ измѣнили взгляды им-

ператрицы. Страхъ, который навела на нее французская революція, вызвалъ въ государынѣ безотчетный ужасъ ко всѣмъ новымъ ученіямъ, идеямъ и свободомыслію, въ какой бы теоретической формѣ онѣ ни высказывались. Началась реакція. Каждый, мало-мальски интеллигентный человѣкъ, теперь начинаетъ возбуждать подозрѣніе, получаетъ не безопасную кличку «вольтеріанца», что сдѣлалось синонимомъ вольнодумца, безбожника и бунтовщика. Начались гоненія безъ разбора; подвергаются опалѣ и люди, увлекавшіеся гуманными идеями, прежде поощряемые самою императрицею, а часто даже и несочувствовавшіе взглядамъ Руссо и Вольтера.

Такъ было и въ позднѣйшіе періоды нашей исторической жизни: въ періоды правительственной реакціи моментально наступала реакція и въ обществѣ, и вчерашніе либералы, вольнодумцы и атеисты, съ перемѣною взглядовъ правительства, сразу дѣлаются злѣйшими обскурантами. Императрица увлекалась чтеніемъ философовъ,—и русское общество бросилось ихъ читать; правительство перемѣнило свои взгляды,—и общество, какъ по мановенію волшебнаго жезла, перемѣнило свой мундиръ. Такіе моменты нашей жизни краснорѣчиво говорятъ о томъ, что русское общество не имѣетъ никакой привычки жить самостоятельною мыслью и умомъ. Однако, не смотря на періодическія гоненія, новыя идеи и взгляды все же кому нибудь да западали въ душу и при новомъ, свободномъ вѣяніи снова распространялись, но несомнѣнно, что такіе скачки въ умственномъ развитіи русскаго общества были въ высшей степени губительны для прочнаго укорененія въ Россіи идей, давно усвоенныхъ западною интеллигенціею. Кстати замѣтимъ, что на отсутствіе самостоятельнаго мышленія и стойкости принциповъ наши педагоги должны при воспитаніи обращать особенное вниманіе.

Тѣмъ не менѣе умственное возбужденіе при Екатеринѣ II *имѣло* немаловажное значеніе: съ тѣхъ поръ, хотя и среди небольшаго круга *людей*, возникла мысль, что кромѣ обязанностей въ отношеніи къ своей семьѣ, существуютъ обязанности относительно отечества и общества, утвердилось понятіе, что въ жизни человѣка, кромѣ баловъ, визитовъ, картъ, объяденія и пошлыхъ кутежей, существуютъ развлеченія болѣе высшаго порядка. Кромѣ того въ воспитаніе нѣкоторыхъ семей внесены были гуманные принципы и болѣе раціональныя понятія о физическомъ развитіи дѣтей; при всемъ этомъ начало созрѣвать сознаніе необходимости образованія для простаго народа, и не только ради утилитарныхъ государственныхъ цѣлей, но и для нравственнаго и умственнаго преуспѣянія всего общества. Въ то же время начинаетъ все болѣе и болѣе созрѣвать понятіе о необходимости отмѣны крѣпостнаго права.

Глава V. Первая половина XIX-го вѣка.

Умственное движеніе общества въ началѣ царствованія Александра I-го.—Вліяніе интеллигентныхъ кружковъ и литературы на умственное развитіе русскаго общества.—Постепенное развитіе общественныхъ идеаловъ.—Положеніе общества послѣ 1825 г.—Умственное движеніе сосредоточивается преимущественно въ среднемъ классѣ общества.—Вліяніе Гоголя и Бѣлинскаго на развитіе общественныхъ и воспитательныхъ идеаловъ.—Сороковые годы и вліяніе реакціи послѣ 1848 г.—Нравы русскаго общества.—Что видѣло вокругъ подрастающее поколѣніе.—Молодечество и преклоненіе передъ физической силой.—Взяточничество.—Интриги изъ за власти.—Праздная жизнь помѣщиковъ.—Отсутствіе общественныхъ идеаловъ, долга и гуманныхъ принциповъ въ массѣ общества.—Люди высшаго и средняго сословія.—Развлеченія.—Воспитаніе въ казенныхъ заведеніяхъ.—Характеръ институтскаго воспитанія.—Разладъ между старымъ и молодымъ поколѣніями усиливается. — Причина этого явленія.—Отсутствіе педагогическаго опыта.—Домашнее воспитаніе.—Все отъ дѣтей и ничего отъ родителей.—Господство родительскаго авторитета.—Раздоръ между супругами и его вліяніе на дѣтей.—Физическое, умственное и нравственное воспитаніе. — Тѣлесныя наказанія.—Характеръ обученія.—Отсутствіе наблюдательности въ педагогахъ. — Крестьянскіе ребята, прислуга, гувернантки. — Ихъ вліяніе на дѣтей того времени.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I въ обществѣ снова началось умственное движеніе. Дѣятелями новаго царствованія явились люди, преданные новымъ общественнымъ идеямъ, преобразовавшимъ европейскую жизнь. Въ первые годы царствованія этого государя издавались указы и произведены были реформы, носившія характеръ гуманности, справедливости, открытаго признанія недостатковъ прошлаго царствованія и желанія исправить ихъ. Почти каждый указъ уничтожалъ какую нибудь несправедливость, насиліе, произволъ; однимъ изъ нихъ окончательно уничтожались пытки, другой освобождалъ изъ заточенія и ссылки множество невинныхъ людей. Хотя для уничтоженія крѣпостнаго права въ это царствованіе не было предпринято почти ничего рѣшительнаго, но правительственныя распоряженія этого времени клонились въ пользу крестьянъ и преслѣдовалось жестокое обращеніе съ ними. Въ высшей степени благодѣтельное вліяніе имѣло и то, что съ тѣхъ поръ въ лучшихъ и наиболѣе гуманныхъ представителяхъ русскаго общества прочно запала мысль о необходимости уничтоженія крѣпостнаго права.

Образованіе стало снова двигаться впередъ; свобода печати не была дарована и въ это царствованіе, но весьма облегчена цензура книгъ. Не менѣе благопріятное вліяніе оказало и то, что литература и общество были призваны на обсужденіе нѣкоторыхъ общественныхъ вопросовъ, хотя, конечно, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ.

Но либеральное направленіе скоро было подавлено. Послѣ войны съ французами, государь всего болѣе заботился о спокойствіи извнѣ и внутри государ-

ства, что преимущественно и остановило его на пути преобразованій. Къ тому же онъ теперь вполнѣ поддался мистицизму и видѣлъ въ своихъ прежнихъ начинаніяхъ лишь суету и гордыню. Въ высшей степени любопытное зрѣлище представляло въ это время общество: въ высшихъ его слояхъ распространялись мистицизмъ и увлеченіе католичествомъ, но страстью, охватившею въ это время всѣ классы общества, была ненависть къ иностранцамъ, раздутая войной. Вотъ въ это-то время люди консервативнаго лагеря и стали давать чувствовать свою власть и значеніе: они употребляли всѣ усилія, чтобы уничтожить либеральныя нововведенія, истребить, какъ они выражались, революціонный и якобинскій духъ и вольнодумство, а подъ этимъ подразумѣвалось уничтоженіе всего, что носило печать мысли.

Такимъ образомъ реакція наступаетъ снова. Преобладающее значеніе въ государствѣ получаетъ Аракчеевъ, прославившійся своею жестокостью; Магницкій—попечитель казанскаго учебнаго округа и Руничъ — петербургскаго дѣлаютъ все, чтобы уничтожить образованіе, развитіе, чтобы подавить проблескъ живой мысли. Имъ всюду чудились заговоры и революціи, и они изгоняютъ изученіе естествознанія, не дозволяютъ даже касаться вопросовъ о геологическомъ образованіи земли; преподаваніе исторіи сводятъ на чтеніе четій-миней, философію и естественное право объявляютъ науками вредными, колеблющими тронъ и церковь, въ политической экономіи запрещаютъ говорить о причинахъ уменьшенія и увеличенія богатствъ. Такая почва была благопріятна для распространенія съ одной стороны филантропическихъ обществъ, которыя приносили пользу отдѣльнымъ личностямъ, но не могли содѣйствовать уничтоженію главнаго зла, съ другой библейскихъ обществъ, проникавшихъ даже въ университеты и среднія учебныя заведенія. Распространеніе библейскихъ обществъ въ это время было такъ сильно, что ученики нѣкоторыхъ заведеній устраивали христіанскія бесѣды, на которыхъ читали псалмы, разсуждали о догматахъ религіи и о жизни святыхъ людей, другіе устраивали библейскія общества для снабженія сверстниковъ книгами духовнаго содержанія.

Вмѣстѣ съ реакціей усилились чиновничій формализмъ, гнетъ цензуры и беззастѣнчивое преслѣдованіе всѣхъ, кто моментально не облекся въ мундиръ благонамѣренности. Руничъ съ наглою беззастѣнчивостью выкрикивалъ: «Горе книгамъ! Горе лжеумствованіямъ!» и съ товарищами, скроенными по своему образу и подобію, вытравлялъ жизнь и движеніе во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности.

Подобное положеніе вещей распространяло ложь, изувѣрство, корыстолюбіе и лицемѣріе. Идеальныя стремленія юношества, высшіе интересы, вызванные гуманнымъ правленіемъ Александра I въ началѣ царствованія, быстро угасали во времена реакціи.

Несмотря однако на неблагопріятныя условія нашей жизни, несмотря на реакцію, слѣдовавшую за каждымъ умственнымъ движеніемъ, небольшой кругъ людей, образовавшійся съ конца XVIII ст., оставался вѣренъ своимъ идеаламъ, умѣлъ сохранять искру Божію, продолжалъ свое саморазвитіе, культивировалъ стремленія къ общеевропейскимъ идеаламъ и любовь къ высшимъ интересамъ. Мы видимъ изъ различныхъ воспоминаній того времени, что многіе русскіе люди, несмотря на то, что образованіе ихъ было самое поверхностное, самостоятельно проходятъ школу, которую можно назвать литературною. Нѣкоторые изъ нихъ очень рано знакомились съ произведеніями знаменитѣйшихъ европейскихъ писателей и мыслителей, что съ одной стороны обогащало ихъ разнообразными свѣдѣніями, съ другой воспитывало вкусъ къ чтенію, разви-

вало понятія, совершенно противоположныя тѣмъ, которыя могла воспитать русская дѣйствительность. Конечно, такое чтеніе, безъ предварительной научной подготовки, при неблагопріятныхъ условіяхъ общественной жизни, безъ возможности откровенно высказать мнѣніе о прочитанномъ, безъ возможности проводить въ жизнь, примѣнять на дѣлѣ тѣ или другіе идеалы и принципы, мало воспитывало для самостоятельнаго умственнаго труда, но это не помѣшало нѣсколькимъ русскимъ людямъ стоять въ уровень съ европейскими понятіями. Вотъ изъ этихъ-то людей, нерѣдко работавшихъ исключительно въ тиши своего кабинета, или непосредственно подъ ихъ вліяніемъ, создавались дѣятели, приносившіе громадную пользу, какъ на каѳедрѣ, такъ и въ литературѣ, изумлявшіе своихъ современниковъ размѣрами своего дарованія, силою своихъ убѣжденій, своимъ безкорыстнымъ энтузіазмомъ, обширностью своихъ познаній, глубиною и гуманностью своихъ воззрѣній, безкорыстнымъ служеніемъ на пользу общества. Непосредственно подъ ихъ вліяніемъ, отъ времени до времени образовывался кружокъ людей, вносившихъ въ общество понятія о позорѣ крѣпостничества, о необходимости сочувствія меньшей братіи; они выясняли общественные недостатки, указывали средства для борьбы противъ нихъ. Эти люди подготовляли почву для крестьянской и судебной реформы, будили мысль, жажду знаній, возбуждали стремленіе къ распространенію просвѣщенія, къ болѣе здравому пониманію общественныхъ отношеній, къ распространенію общеевропейскихъ идеаловъ, имѣли, наконецъ, громадное вліяніе даже на лучшихъ представителей нашей литературы и дѣятелей во всѣхъ сферахъ умственнаго труда.

Кромѣ французскихъ просвѣтительныхъ идей, у насъ становится въ это время замѣтнымъ вліяніе англійской и нѣмецкой литературы и науки. Это вліяніе отразилось въ нашей литературѣ подражаніемъ Шекспиру, Вальтеръ-Скоту и Байрону, а также и тѣмъ еще, что наиболѣе просвѣщенные и живые русскіе люди познакомились съ великими англійскими писателями и съ политико-экономическими и политическими теоріями англійскихъ ученыхъ, какъ Адамъ Смитъ, Бентамъ и др. Нѣмецкая поэзія и философія вліяли еще сильнѣе: въ русское общество мало-по-малу проникаетъ философія Канта и Шеллинга и многіе зачитываются произведеніями Гёте и Шиллера.

Такимъ образомъ образованныя русскіе люди первой половины XIX в. черпали свои знанія, развитіе и идеи преимущественно изъ европейскихъ источниковъ. Литература наша, въ лицѣ ея лучшихъ представителей, какъ Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ и др., дѣйствительно шла впередъ, облагораживала чувства, смягчала грубость и дикость нравовъ, постепенно распространяла гуманные принципы, дѣлалась достояніемъ все болѣе широкаго круга, тѣмъ не менѣе она все еще чрезвычайно мало и весьма неопредѣленно касалась недуговъ нашего общества, весьма рѣдко затрогивала интересы народа (сплошь и рядомъ по причинамъ, отъ нея независящимъ), а вслѣдствіе этого не создавала и опредѣленныхъ общественныхъ идеаловъ, которыми бы могло руководиться русское общество.

Послѣ 1825 г. реакція усилилась. Люди съ стойкими убѣжденіями засѣли въ свои кабинеты, менѣе стойкіе опять явились раболѣпными искателями теплыхъ мѣстечекъ и свои взгляды и воззрѣнія настраивали въ унисонъ съ господствующимъ теченіемъ. Послѣдствіемъ такого режима было чрезвычайное усиленіе бюрократіи, съ ея канцелярскими тайнами, недоступными суду критики и общественнаго мнѣнія. Безконтрольность чиновничества и его размноженіе повело къ неслыханному взяточничеству и нравственному растлѣнію.

Съ николаевской эпохи университетъ, литература и журналистика становятся въ русскомъ обществѣ главными органами развитія мысли. Причина этого явленія преимущественно заключается въ томъ, что мысль въ русскомъ обществѣ уже пробудилась, между тѣмъ путешествія заграницу, выписка иностранныхъ книгъ были теперь затруднены. Высшіе классы общества пренебрежительно относились къ университетскому образованію, но западныя идеи и русская литература уже настолько умственно пробудили средній классъ нашего общества, что онъ болѣе другихъ началъ стремиться къ образованію и развитію. На университеты люди средняго круга постепенно начинаютъ смотрѣть, какъ на единственные центры просвѣщенія, въ которыхъ возможно получить хотя какое нибудь образованіе. Стремленіе огромнаго класса людей въ университеты въ скоромъ времени сказалось улучшеніемъ преподаванія въ нихъ. Теперь просвѣщенные русскіе люди все болѣе начинаютъ стремиться къ каѳедрѣ. Вообще въ послѣдующій періодъ времени нашего развитія движеніе русской мысли уже исходитъ изъ университетовъ, группируется около нихъ, такъ или иначе тѣсно связано съ ними.

Такимъ образомъ съ конца 30-хъ г. происходитъ перемѣщеніе центра умственнаго движенія изъ одного класса общества въ другой: прежде все, что было наиболѣе интеллигентнаго и мыслящаго, тянулось въ высшій слой общества, такъ какъ онъ не только задавалъ тонъ жизни, но среди него были и наиболѣе развитые люди; теперь своимъ развитіемъ и образованіемъ сталъ выдвигаться средній классъ, а умственные интересы высшихъ слоевъ начинаютъ все болѣе слабѣть.

Кромѣ университетовъ, главнымъ орудіемъ русскаго просвѣщенія дѣлаются журналистика и литература. Въ литературѣ одинъ за другимъ продолжаютъ дѣйствовать и появляться крупные таланты.

Наибольшее значеніе на пути общественнаго развитія, распространенія новыхъ общественныхъ понятій, усиленія самосознанія и прогресса—были Гоголь и Бѣлинскій. Оба эти писателя имѣли громадное нравственное вліяніе, дали толчекъ движенію и совершенно новому направленію мысли, утвердили наконецъ за литературой признаніе ея великаго общественнаго и нравственнаго значенія, указали ей ея настоящее мѣсто и цѣль, къ которой она должна стремиться. Этимъ двумъ писателямъ русская литература болѣе всего обязана тѣмъ, что съ этихъ поръ она дѣлается истинною выразительницею потребностей всѣхъ классовъ общества; они болѣе другихъ писателей указали своимъ послѣдователямъ необходимость изображать жизнь народа со всѣми его радостями, скорбями и страстями, съ его добродѣтелями, пороками и заблужденіями, необходимость бичевать злоупотребленія, подтачивающія государственный организмъ, выяснять ихъ причины и указывать способы для ихъ уничтоженія, намѣчая лучшія стремленія небольшой группы людей, необходимость неустанно идти съ нею рука объ руку по пути умственнаго и общественнаго прогресса и самоусовершенствованія. Вотъ почему тотъ и другой писатель имѣли громадное значеніе въ литературѣ, прямо или косвенно повліяли на всѣ сферы воспитательной и умственной дѣятельности.

Гоголь не совсѣмъ сознательно относился къ создаваемымъ имъ художественнымъ образамъ, но великій его талантъ далъ возможность ему, лучше чѣмъ кому бы то ни было, подмѣтить всю пошлость русскаго человѣка. Хотя Гоголь по своему міросозерцанію и принадлежалъ къ чисто художественной школѣ писателей, и лишь изумительная сила таланта, почти помимо его воли, вывела его на новый литературный путь, тѣмъ не менѣе его сатира имѣла громадное общественное значеніе. Съ глубокимъ знаніемъ чело-

вѣческаго сердца, съ необычайно тонкимъ анализомъ, съ безпощаднымъ художественнымъ юморомъ онъ создавалъ изумительно вѣрныя картины быта, указывая темныя стороны нашей жизни, давалъ замѣчательно живые типы русскихъ людей, изъ которыхъ многіе съ тѣхъ поръ сдѣлались нарицательными именами.

Особенно ярко выступаютъ у знаменитаго сатирика два общественные типа, наиболѣе въ то время распространенные, наиболѣе пользовавшіеся въ обществѣ властью, значеніемъ и силою, т. е. чиновниковъ и помѣщиковъ. Не смотря на разнообразіе характеровъ, типовъ и темпераментовъ, сатирикъ изображаетъ почти всѣхъ ихъ непроходимыми и безцеремонными взяточниками; подчасъ взяточничество доходитъ у нихъ до наглости; типы чиновниковъ выступаютъ въ его произведеніяхъ съ высокомѣріемъ, соразмѣрнымъ съ рангомъ каждаго изъ нихъ, со всѣмъ ихъ низкопоклонствомъ и мелкими плутнями, вытекающими изъ пустоты жизни и прежде всего изъ отсутствія сознанія общественнаго долга, съ вполнѣ сложившимися и давно укоренившимися взглядами на общественную должность, какъ на главную статью дохода для личнаго обезпеченія.

Такъ же живо выхвачены изъ дѣйствительной жизни типы помѣщиковъ, какими ихъ могла создать лишь крѣпостническая среда. Здѣсь выступаютъ то безхитростно добродушные люди съ своимъ радушнымъ хлѣбосольствомъ, вѣчною ѣдою вмѣсто всѣхъ развлеченій и трудовъ и съ своими дикими суевѣріями, то закорузлые скопидомы и плутоватые пріобрѣтатели, часто сантиментальные до приторности, то люди совсѣмъ не культурные, вполнѣ живущіе по домостроевскимъ преданіямъ, то съ задатками размашистой русской удали и ухорства, буйно безшабашные и назойливые; но на всѣхъ на нихъ, какими бы своеобразными чертами характера они не отличались другъ отъ друга, прежде всего лежитъ печать полнаго невѣжества, отсутствіе европейской культуры и какихъ бы то ни было идеальныхъ и духовныхъ стремленій, отсутствіе облагораживающихъ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ интересовъ; всѣ они являются праздными, въ конецъ излѣнившимися, въ полномъ смыслѣ слова русскими барами, русскими помѣщиками.

Съ Бѣлинскаго начинается настоящая критика въ русской литературѣ. Этотъ писатель оставилъ въ ней глубокій, неизгладимый слѣдъ и имѣлъ самое плодотворное воспитательное вліяніе. Онъ болѣе другихъ содѣйствовалъ развитію эстетическаго вкуса и критическаго направленія мысли. Много способствовалъ онъ и развитію литературной школы, образовавшейся преимущественно подъ вліяніемъ Гоголя.

Бѣлинскій ясно и опредѣленно указалъ на то, что каждый писатель долженъ преслѣдовать не только художественную, но и общественную задачу; выяснилъ, что искусство должно не служить праздным развлеченіемъ, а являться выразителемъ существенныхъ интересовъ общества. Произведеніе писателя, по его мнѣнію, должны облагораживать душу человѣка, все болѣе расширять въ немъ интересъ къ ближнимъ, пробуждать общественные инстинкты и стремленія къ безкорыстному служенію на благо общества, содѣйствовать его нравственному и гражданскому усовершенствованію.

Бѣлинскій съ обычною энергіею и глубокимъ убѣжденіемъ высказывался и по вопросамъ воспитанія: и тутъ насъ поражаетъ его тонкая наблюдательность, его умныя, мѣткія и до сихъ поръ вѣрныя мысли и замѣчанія, которыя, какъ и все у него, носятъ печать страстной любви къ человѣчеству и къ своей родинѣ.

Орудіемъ и посредникомъ воспитанія, по его мнѣнію, должна быть

любовь, а цѣлью его *человѣчность* (гуманность). Но любовь любви рознь. И Простакова, говоритъ онъ, любила своего Митрофанушку, и Брутъ любилъ своихъ сыновей. „Любовь одна, а ея характеръ и проявленіе различны... Въ первой есть только смыслъ, но нѣтъ никакой мысли, а во второй, кромѣ смысла, есть еще и мысль. Чтобы развить любовь въ молодомъ сердцѣ, надо заставить его полюбить *что-нибудь*, а это *что-нибудь* должно быть *истиною, мыслью*“. Такимъ образомъ любовь къ дѣтямъ должна проявляться не только въ томъ, чтобы кормить и оберегать отъ болѣзней,—это эгоистическая, вредная и пошлая любовь, а въ томъ, чтобы развивать въ будущемъ человѣкѣ благородныя стремленія ума и сердца, чтобы прививать облагораживающіе душу инстинкты, расширять умственный кругозоръ, заставить полюбить природу и человѣка, вдохнуть идеальныя стремленія, развить вкусъ къ изящному,— послѣднее знаменитый критикъ совѣтуетъ дѣлать посредствомъ музыки, сильно вліяющей на дѣтей.

Воспитывать съ горячею любовью и прежде всего пробудить въ ребенкѣ любовь — вотъ что Бѣлинскій считаетъ наиболѣе важнымъ въ воспитаніи. И дѣйствительно, что можетъ быть выше, достойнѣе, существеннѣе этой задачи? Эта идея всегда будетъ современна, пока существуетъ міръ.

Бѣлинскій о воспитаніи говоритъ весьма немного сравнительно съ тѣмъ, что онъ высказалъ по другимъ вопросамъ, но то немногое, что онъ намѣтилъ, прекрасно выясняется его критическими этюдами. Любовь и гуманность Бѣлинскій ставитъ орудіемъ и посредникомъ воспитанія, но подъ этимъ подразумѣваются серьезныя нравственныя и общественныя требованія. Пробудить любовь въ ребенкѣ, по понятію Бѣлинскаго, значитъ пробудить любовь къ ближнему, а слѣдовательно, прежде всего, къ своему товарищу. Въ то же время, не покладая рукъ, слѣдуетъ постоянно расширять кругъ *дѣятельности* сердца дитяти. Интересъ къ сверстнику, если онъ возбужденъ, породитъ въ дитяти стремленіе помогать своимъ товарищамъ въ школѣ, принимать къ сердцу ихъ интересы, заставитъ его впослѣдствіи стремиться устроить не только личное благосостояніе, но думать и о счастьѣ ближняго.

Подъ *человѣчностью* Бѣлинскій понимаетъ „живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы онъ ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ онъ ни находился,—тѣхъ общихъ элементовъ, которые должны составлять его внутреннюю жизнь, его драгоцѣннѣйшее сокровище, и безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Подъ этими общими элементами духа мы разумѣемъ доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубокости натуры и степени образованія каждаго“.

Заложить впервые въ сердце человѣка сѣмена любви и человѣчности — священная обязанность родителей: „на родителяхъ, на однихъ родителяхъ“, говоритъ Бѣлинскій, „лежитъ священнѣйшая обязанность сдѣлать своихъ дѣтей человѣками; обязанность же учебныхъ заведеній — сдѣлать ихъ учеными, гражданами, членами государства на всѣхъ его ступеняхъ“.

Бѣлинскій такъ же, какъ и лучшіе современные педагоги, смотритъ на воспитаніе, если только оно основано на гуманныхъ началахъ, какъ на могучее средство къ достиженію въ высшей степени благопріятныхъ результатовъ для усовершенствованія человѣческаго рода: „разумное воспитаніе“, говоритъ онъ, „и злаго по натурѣ дѣлаетъ или менѣе злымъ, или даже и добрымъ, развиваетъ до извѣстной степени самыя тупыя способности и по возможности очеловѣчиваетъ самую ограниченную и мелкую натуру“.

Хотя въ то время, когда писалъ Бѣлинскій, совсѣмъ не былъ изслѣдованъ вопросъ о силѣ, вліяніи и значеніи наслѣдственности, тѣмъ не менѣе онъ уже тогда говорилъ, что воспитаніе не можетъ сдѣлать все, что̀ угодно: „посредствомъ прививки и дикую лѣсную яблоню можно заставить вмѣсто кислыхъ и маленькихъ яблокъ, давать яблоки садовыя, вкусныя и большія; но тщетны были бы всѣ усилія искусства заставить дубъ приносить яблоки, а яблоню желуди. А въ этомъ-то именно и заключается по большей части ошибка воспитанія: забываютъ о природѣ, дающей ребенку наклонности и способности и опредѣляющей его значеніе въ жизни, и думаютъ, что было бы только дерево,—его можно заставить приносить что угодно, хоть арбузы вмѣсто орѣховъ...“ Воспитаніе, по мнѣнію Бѣлинскаго, „должно быть помощникомъ природѣ, не больше. Обыкновенно думаютъ, что душа младенца есть бѣлая доска, на которой можно писать что угодно, забывая, что каждый человѣкъ есть индивидуальная личность, которая можетъ дѣлаться и лучше, и хуже—только по своему, индивидуально“.

Подъ разумнымъ воспитаніемъ прозорливый критикъ понимаетъ основательное изученіе дѣтской природы и требуетъ для правильнаго развитія дѣтскаго ума, воли, чувствъ и впечатлѣній, самостоятельности и свободы, но въ то же время находитъ необходимымъ подавлять съ ранняго возраста рабскія склонности ребенка—хитрость, лукавство, ложь и обманъ. Съ особенною энергіею Бѣлинскій возстаетъ противъ холодности, съ которою многіе воспитатели относятся къ проявленію чувства дитяти и также возмущается сентенціями и нотаціями, которыми обыкновенно угощаютъ дѣтей. Родители, устраняющіе горячія изліянія дѣтскаго чувства, постепенно очерствляютъ душу ребенка. Также возмутительны и унизительны, по его мнѣнію, для человѣческаго достоинства наказанія, подавляющія въ дѣтяхъ свободу, откровенность, уваженіе къ другимъ и къ самимъ себѣ и растлѣвающія сердце подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства: „счастливы дѣти, когда для нихъ открыта родительская грудь и объятія, которыя всегда готовы принять ихъ и правыхъ, и виноватыхъ, и въ которыя они всегда могутъ броситься безъ страха и сомнѣнія“.

Что касается характера воспитанія вообще, то въ этомъ отношеніи Бѣлинскій высказалъ взглядъ, вполнѣ сходный со взглядомъ Руссо не только по мысли, но отчасти даже и по формѣ: „первоначальное воспитаніе“, говоритъ онъ, „должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но человѣка, который могъ бы впослѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ“.

Во все, что Бѣлинскій говорилъ о дѣтскихъ книгахъ, о воспитаніи, объ обученіи, онъ старался вдохнуть любовь, жизнь и движеніе, убить мертвечину, застой, схоластическіе пріемы, формализмъ, но болѣе всего онъ предостерегаетъ отъ развитія въ дѣтяхъ резонерства: „ребенокъ разсуждающій, ребенокъ благоразумный, ребенокъ резонеръ, ребенокъ, который всегда остороженъ, никогда не сдѣлаетъ шалости, ко всѣмъ ласковъ, вѣжливъ, предупредителенъ,—и все это по разсчету... Горе вамъ, если вы сдѣлали его такимъ!“ При ознакомленіи ребенка съ предметомъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, слѣдуетъ дѣйствовать не на его разсудокъ, а на все его существо и преимущественно на его чувство, давать „знакомство не съ фактами, а съ тѣмъ, такъ сказать, букетомъ жизни и духа, который скрывается въ нихъ и составляетъ ихъ сущность и значеніе...“

Бѣлинскій развивался и примыкалъ къ кружку людей, состоявшему преимущественно изъ университетской молодежи. Среди этого кружка было

чрезвычайно много даровитыхъ людей, которые въ 40—50-хъ гг., а нѣкоторые даже и позже, имѣли огромное вліяніе на своихъ современниковъ и внесли въ общественное сознаніе передовыя идеи, гуманныя воззрѣнія, страстное стремленіе къ освобожденію крестьянъ. Всѣ они впослѣдствіи въ общемъ дѣйствовали въ одномъ направленіи, всѣ они стремились работать, сколько хватало силъ, для широкаго распространенія просвѣщенія, въ чемъ они видѣли существенное средство для достиженія лучшаго будущаго, всѣ они были проникнуты сознаніемъ необходимости болѣе совершенныхъ формъ для общественнаго устройства. Кружокъ этихъ людей былъ связанъ между собой идеальными стремленіями: любовью къ наукѣ, страстнымъ увлеченіемъ поэзіею, безкорыстнымъ стремленіемъ къ служенію обществу. Одно время онъ сильно увлекался философіею Гегеля, которая смѣнила собою Шеллинга, но впослѣдствіи замѣнилась изученіемъ мыслителей и писателей съ характеромъ болѣе жизненнымъ и реальнымъ. Изъ этого кружка, кромѣ Бѣлинскаго, вышли и другіе передовые дѣятели; особенно замѣчательны изъ нихъ Станкевичъ, Грановскій, Огаревъ, Герценъ, Кудрявцевъ, В. Боткинъ.

Къ метафизическимъ тонкостямъ передовые дѣятели сороковыхъ годовъ постепенно совсѣмъ охладѣли, со всей страстью отдавшись разрѣшенію вопросовъ общественныхъ. Ихъ болѣе всего занимали теперь теоретическія размышленія о томъ, какимъ долженъ быть общественный строй, насколько справедливо то или другое явленіе русской дѣйствительности, насколько нормальны существующія семейныя отношенія. Однимъ словомъ, въ сороковыхъ годахъ все болѣе и болѣе начинаетъ сказываться преобладаніе идей характера соціальнаго. Тоже самое мы видимъ и въ научной области: изъ всѣхъ наукъ предпочтеніе отдаютъ наукамъ общественнымъ, и политическая экономія отодвигаетъ на второй планъ философію.

Это оживленіе и новое теченіе немедленно сказалось въ литературѣ, какъ въ области критики, такъ и въ беллетристикѣ, цѣлымъ рядомъ талантливыхъ произведеній. Бѣлинскій, Герценъ, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Некрасовъ и другіе примкнули къ этому новому направленію въ литературѣ. Въ основѣ главнѣйшихъ произведеній этихъ писателей лежали общественныя задачи и требованія. Художественныя произведенія однихъ изъ нихъ пробуждали сочувствіе къ простому люду, другія указывали все зло, проистекающее отъ крѣпостнаго права, третьи въ художественныхъ образахъ представляли неурядицы въ семейныхъ отношеніяхъ, и затѣмъ въ большинствѣ произведеній можно было видѣть уже ясныя намеки на необходимость освобожденія крестьянъ.

Но это оживленіе и умственное движеніе было совершенно подавлено въ 1848 г. паникою, какую породило у насъ революціонное движеніе на западѣ. Въ русской журналистикѣ и общественной жизни наступилъ самый мрачный, печальный и суровый періодъ (продолжавшійся съ 1848 по 1855 г.).

Не смотря на то, что въ Россіи, на всѣхъ поприщахъ умственной дѣятельности чувствовался страшный недостатокъ, а часто и полное отсутствіе образованныхъ людей, рѣшено было ограничить число студентовъ, вступающихъ въ университетъ на философскій и юридическій факультеты. Преподаваніе наукъ въ университетахъ пришло въ упадокъ; философія была совершенно изгнана; изъ преподаванія политической экономіи и финансоваго права было вытравлено все, что имѣло какой-нибудь современный интересъ. Въ гимназіяхъ возвышена была плата за ученіе, доступъ въ нихъ былъ сильно затрудненъ, и число учащихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ сильно уменьшилось. Путешествіе за границу сдѣлалось затруднительнымъ для небогатыхъ

людей: за заграничный паспортъ приходилось платить 500 р., прекращена была и отправка молодыхъ людей за границу съ образовательными цѣлями. Цензура не пропускала даже статей характера историческаго изъ XVI и XVII вв., если только въ нихъ изображены были мрачныя стороны жизни людей того времени. При такомъ положеніи вещей нечего удивляться, что въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, въ обществѣ и литературѣ были забыты идеи и традиціи сороковыхъ годовъ; какъ и прежде, онѣ остались достояніемъ очень небольшаго круга людей, который крѣпко хранилъ ихъ про себя въ это тяжелое время.

Но было-ли то или другое время либеральнымъ или реакціоннымъ, жизнь и нравы громаднаго большинства русскаго общества мало поддавались современнымъ теченіямъ, въ высшей степени медленно усовершенствуясь и прогрессируя.

Хотя нравы помѣщиковъ въ XIX в. нѣсколько смягчились и приняли, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, болѣе гуманный, цивилизованный характеръ, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, но совершенно измѣниться они не могли, такъ какъ вся первая половина нынѣшняго столѣтія была, какъ и предыдущій вѣкъ, — эпохою крѣпостничества, растлѣвавшаго всѣ стороны жизни помѣщиковъ, вливавшаго крѣпостническій ядъ во всѣ поры ихъ тѣла, въ нравственную и умственную ихъ организацію. Не смотря на то, что гуманныя идеи и освободительныя стремленія мало-по-малу проникали въ общественное сознаніе, матеріальное положеніе крестьянъ становилось все печальнѣе: правда, примѣры возмутительнаго отношенія къ крестьянамъ и жестокаго съ ними обращенія встрѣчаются рѣже, но экономическая эксплоатація ихъ замѣтно прогрессируетъ. Изъ года въ годъ все увеличивающееся стремленіе помѣщиковъ къ свѣтской жизни не по средствамъ неудержимо охватываетъ верхніе слои русскаго общества и въ XIX в. доходитъ до своего апогея. Простота жизни нашихъ предковъ, которая въ прошломъ столѣтіи еще часто встрѣчалась даже въ столицахъ, теперь пріютилась лишь въ захолустныхъ уголкахъ нашей родины; въ столицахъ же всѣ стремились къ комфорту, къ утонченной роскоши въ домашней обстановкѣ и одеждѣ, къ кутежамъ, къ выѣздамъ, маскарадамъ, баламъ, театрамъ, скачкамъ, верховой ѣздѣ, къ клубамъ, собраніямъ, къ гастрономическимъ пирамъ, къ картежной игрѣ, однимъ словомъ, къ прожиганію жизни. Понятія и вкусы русскихъ людей, еще недавно весьма первобытныхъ, и теперь нерѣдко краснорѣчиво говорили, что даже и современная ихъ полировка не особенно солидна; но за то теперь, часто даже въ глухомъ захолустьѣ, возвышалось роскошнѣйшее зданіе — помѣщичій домъ, напоминавшій собою Сенъ-Жерменскій дворецъ, въ жизни и обстановкѣ жильцовъ котораго господствовали вкусы французской аристократіи.

Естественно, такая жизнь требовала отъ дворянъ все болѣе значительныхъ средствъ, между тѣмъ, въ большинствѣ случаевъ, главнымъ источникомъ доходовъ оставались все тѣ же крестьяне. Вотъ потому-то помѣщикамъ первой половины XIX в. и пришлось создать новыя формы эксплоатаціи своихъ крестьянъ. Вслѣдствіе этого они постепенно начинаютъ вымогать отъ нихъ болѣе тяжелые оброки, отпускаютъ ихъ на волю за громадный выкупъ, отдаютъ на фабрики, и сами устраиваютъ эти фабрики у себя.

Невзгоды крѣпостныхъ людей увеличились еще и съ другой стороны. Если въ прошломъ столѣтіи совершенное обезземеленіе крестьянъ было явленіемъ исключительнымъ, то въ XIX вѣкѣ помѣщики стали все чаще обращать своихъ крѣпостныхъ въ безземельныхъ батраковъ. Ухудшеніе матеріальнаго положенія народа увеличивало его ропотъ и недовольство. Дѣйствительно, мы

видимъ, что поджоги имѣній, убійства помѣщиковъ, крестьянскія волне
новятся все чаще и чаще.

Хотя нравы, сравнительно съ предъидущимъ столѣтіемъ, смягчи
наиболѣе возмутительныя истязанія надъ крѣпостными являлись бо
рѣдкостью, но и теперь, какъ и въ XVIII ст., изъ конюшенъ разда
стоны наказуемыхъ розгами, а изъ дѣвичьихъ и лакейскихъ—звуки
чинъ, которыми помѣщицы угощали своихъ Филекъ, Машекъ и Гаше
всякій ничтожный промахъ. И теперь помѣщики и помѣщицы за всяку
дѣлицу таскали своихъ крѣпостныхъ за волосы, угощали ихъ зуботыч
и подзатыльниками; баринъ по прежнему держалъ гаремъ изъ крѣпос
и безъ удержу проявлялъ надъ ними свои похотливыя вожделенія. Так
иго рабства и въ XIX в. существовало, то подростающее поколѣніе и
видѣло тѣ же примѣры помѣщичьяго разврата, произвола, самовластія
модурства.

Не смотря на утонченность манеръ и стремленіе къ изяществу, кр
стная закваска сказывалась во всѣхъ поступкахъ помѣщиковъ, въ образ
жизни, въ ихъ воззрѣніяхъ на общественное дѣло и семейную жизнь. Фу
ментомъ, основою крѣпостничества служило право сильнаго, вотъ пото
физическая сила, ловкость, отчаянная удаль, молодечество, если даже всѣ
физическія преимущества пріурочивались къ явленіямъ предосудительны
если они кому-нибудь приносили горе и слезы, все-таки заслуживали в
время всеобщее поощреніе, снискивали уваженіе. Лишь только въ обще
появлялся человѣкъ, славящійся своею силою и удалью, его немедленно о
жала цѣлая толпа. Одинъ показываетъ въ собраніи, какъ онъ, безъ мал
шихъ усилій, не поморщившись, сплющиваетъ лошадиную подкову, друг
подбрасываетъ подъ потолокъ тучнаго и ошеломленнаго неожиданностію сосѣд
третій держитъ пари о томъ, что онъ въ продолженіи часа выпьетъ дюжину
бутылокъ шампанскаго, а вонъ и получше диковинка! Князь N, красавецъ
собою, съ молодецкой осанкой, богачъ, прославившійся своимъ громаднымъ
гаремомъ крѣпостныхъ наложницъ, которымъ пріѣзжали полюбоваться даже
знаменитые столичные гости, въѣхалъ верхомъ на лошади въ клубъ, чтобы
показать свое презрѣніе къ его распорядителямъ, съ которыми онъ наканунѣ
поссорился. Такія вещи, конечно, преимущественно происходили въ провин
ціальныхъ городахъ, но передъ физической силой, какъ бы безобразно он
ни проявлялась, одинаково преклонялись, какъ въ столицахъ, такъ и въ п
винціи, не только въ низшихъ, но и въ высшихъ слояхъ дворянъ, гдѣ жесто
карали всякое нарушеніе приличій. Подъ приличіями понимали тогда особы
родъ правилъ, обыкновенно не имѣющихъ ничего общаго съ порядочностью и
въ общечеловѣческомъ смыслѣ слова, и гдѣ главное значеніе имѣли „les appa
rences," „les convenances" и свой особый „ésprit de conduite". На человѣк
физически сильнаго, если онъ въ тоже время былъ великолѣпнымъ танцоро
смотрѣли съ нескрываемымъ благоговѣніемъ, прощали ему всевозможны
пошлости, какія бы онъ ни выкидывалъ, всюду съ восторгомъ разсказыва
объ его удивительныхъ кунштюкахъ по части удальства и силы и о е
„милыхъ" проказахъ, хотя тѣ, надъ кѣмъ онѣ продѣлывались, платили
нерѣдко увѣчьемъ или опасною болѣзнью. Неумѣніе критически, надлежащим
образомъ отнестись къ физической силѣ несомнѣнно вносило въ понятія моло
дежи и ея взгляды немало сумбура, узкости и односторонности, но въ физи
ческомъ отношеніи это преклоненіе передъ силой было не безъ пользы: он
побуждало многихъ развивать силу и ловкость. Дѣти, уже съ ранняго возра
ста, начинали бороться съ товарищами, дрались на кулакахъ, тянулись н

палкахъ. Въ этихъ потѣхахъ принимали участіе и взрослые, но особенно подростки, и въ такихъ случаяхъ собиралась громадная толпа. Главнымъ матеріаломъ для споровъ и разговоровъ молодежи того времени въ сильной степени служили эти потѣхи.

Самымъ развращающимъ элементомъ для юношества XIX вѣка, послѣ крѣпостничества, служило взяточничество, царившее во всѣхъ сферахъ и теперь не менѣе, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи, но распространившееся въ большемъ кругу людей, такъ какъ число чиновниковъ съ тѣхъ поръ сильно увеличилось. Взятку бралъ всякій, кто только могъ ее взять, и отказаться отъ нея, было равносильно потерѣ мѣста, да и такія попытки встрѣчались рѣдко, такъ какъ, по понятіямъ того времени, брать взятку было вовсе не грѣшно, если только она не переходила границы человѣколюбія. Взяточниковъ раздѣляли на двѣ категоріи: однихъ считали грабителями,—тѣ уже драли, что называется, съ живаго и мертваго, другіе брали умѣренно, и тогда это считалось «безгрѣшнымъ доходомъ».

У насъ на Руси испоконъ вѣка ни одно дѣло не дѣлалось безъ взятки, и необходимость дать ее въ началѣ и при окончаніи каждаго дѣла — вошла въ плоть и кровь народа. Каждый, начинающій какое бы то ни было дѣло, самъ приносилъ чиновнику *приношеніе* натурою или деньгами. Чиновникъ, получающій лишь добровольное приношеніе, или назначавшій не особенно отяготительную взятку, считался вполнѣ честнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, такъ какъ пользовался, по понятіямъ того времени, безгрѣшными доходами. Отецъ, возвращаясь со службы, не стѣсняясь разсказывалъ при дѣтямъ, сколько и за что онъ получилъ. Такимъ образомъ на взятки съ дѣтства привыкали смотрѣть, какъ на необходимое и естественное прибавленіе къ жалованью, и сыновья, дѣлаясь чиновниками, шли по стопамъ своихъ отцевъ.

Интриги и дрязги изъ-за власти и изъ-за выгоднаго мѣста были въ полномъ ходу; того или другого мѣста добивались не потому, что въ этомъ направленіи сказывались способности, не потому, что на томъ или другомъ посту человѣкъ надѣялся принести пользу обществу, а чтобы потуже набить свой карманъ, чтобы побольше схватить чинъ, который въ свою очередь, давалъ возможность обезпечить свою семью большимъ комфортомъ и почетомъ. На глазахъ молодаго поколѣнія изъ-за чиновъ и мѣстечекъ забывали честь и совѣсть: встрѣчали съ распростертыми объятіями пріятеля, угощали его на пропалую, а за спиной разсказывали его мошенническія продѣлки, бранили его за то, что должны тратиться на его пріемы, такъ какъ онъ нужный человѣкъ, тутъ же строили планы, какъ и кого напустить на него, чтобы подставить ему ножку, захватить его мѣстечко или предоставить его „родному человѣчку“, который такое усердіе не оставитъ безъ благодарности.

Общество въ провинціи, какъ и въ столицахъ, раздѣлялось на нѣсколько разрядовъ или слоевъ. Къ высшему принадлежали помѣщики аристократическихъ родовъ и крупные чиновники: они рѣдко принимали въ свой кругъ людей средней руки, и вели дружбу лишь между собой. Они жили въ провинціи не менѣе роскошно, чѣмъ въ столицѣ люди ихъ круга: блестящіе балы смѣнялись въ ихъ домахъ концертами, домашними спектаклями, съ участіемъ артистовъ изъ собственныхъ крѣпостныхъ, пикниками, folles journées, пирами, за которыми подавали самыя утонченныя яства и гдѣ шампанское лилось рѣкой.

Помѣщики и чиновники средней руки развлекались несравненно менѣе, жили просто, давали обѣды лишь въ именины своихъ домочадцевъ, когда родня и гости съѣзжались уже на нѣсколько дней; трюфелей они не ѣли,

шампанскаго подавать не могли, а развѣ цымлянское, да и то въ торжественныхъ случаяхъ. Если аристократія, даже и въ деревнѣ, шумно проводила жизнь въ свѣтскихъ удовольствіяхъ и не имѣла времени на хозяйство, то и помѣщики средней руки, хотя имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлый день, рѣдко вполнѣ самостоятельно управляли имѣніемъ. Они обыкновенно лишь приглядывали за распоряженіями управляющаго или старосты, домашнее же хозяйство съ многочисленными заготовками всецѣло лежало на хозяйкѣ дома. Лишь очень немногіе изъ помѣщиковъ, да и то въ рѣдкихъ случаяхъ, почитывали случайно попавшіе подъ руку разрозненные нумера газетъ или переводные романы, покупаемые на пуды у заѣзжихъ купцовъ. Вотъ почему помѣщики того времени, вставъ послѣ сна, слѣдовавшаго за сытнымъ обѣдомъ, серьезно и глубокомысленно задавали вопросъ: „что бы поѣсть“ или „что бы испить“. Типы помѣщиковъ, воспитанныхъ на лонѣ барства, художественно воспроизведены нашими писателями: Гоголемъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ, Щедринымъ. Не смотря на огромное разнообразіе типовъ изъ этой среды, не смотря на различіе ихъ натуръ, темпераментовъ, образованія, міровоззрѣній, не смотря на то, что многіе изъ нихъ не лишены были ума, доброты, наблюдательности, простосердечія,—во всѣхъ нихъ чрезвычайно много общаго: наивный эгоизмъ, отсутствіе нравственнаго чутья, честныхъ и твердыхъ принциповъ, чувства долга, общественныхъ идеаловъ,—всѣ они отличались узкостью своихъ взглядовъ и мелочностью интересовъ. Изучая художественныя произведенія нашихъ великихъ писателей, изобразившихъ эти типы, или пробѣгая безчисленные мемуары современниковъ, вы сейчасъ видите, что такихъ людей могла создать лишь пошлость помѣщичьей среды, которая давала человѣку возможность пользоваться всѣми житейскими благами, не прилагая ни малѣйшей капли собственнаго труда, ни малѣйшаго усилія мысли.

Высшее общество обѣихъ столицъ въ совершенствѣ постигло къ этому времени науку утонченныхъ свѣтскихъ развлеченій, вполнѣ отдавалось имъ и блистательно проматывало на эти удовольствія громадныя помѣстья, которыя вслѣдствіе этого приходилось закладывать и перезакладывать. Аристократы, высшіе чиновники и дворяне, тянувшіеся за ними, думали теперь лишь объ одномъ, какъ бы перещеголять другъ друга безумною роскошью пировъ, баловъ, туалетами, экипажами, породистыми лошадьми, запряженными въ золотую сбрую. Теперь уже всюду въ гостиныхъ раздавались чистѣйшій парижскій говоръ (въ это время высшій классъ такъ офранцузился, что по-русски говорилъ только съ прислугою), милыя остроты, экспромты, нерѣдко двусмысленные анекдоты и комплименты, съ виду элегантные и тонкіе, а въ дѣйствительности безнравственные и пошлые. Въ этихъ гостиныхъ, гдѣ люди жили только на показъ, щеголяя другъ передъ другомъ пустотою и пошлостью, нечего было искать умственныхъ или какихъ бы то ни было серьезныхъ интересовъ.

Карточная игра не была только страстью и забавою: она одинаково сильно была распространена какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ, давала многимъ возможность жить на карточные выигрыши и такимъ образомъ существовать безъ труда, что особенно было на руку людямъ, при крѣпостномъ правѣ, не привыкшимъ къ труду.

Когда дѣти подростали, ихъ отдавали въ пансіоны, институты, корпуса, въ гимназіи; до опредѣленія въ заведенія, а нѣкоторые родители и все время, воспитывали своихъ дѣтей дома съ гувернантками и гувернерами. Нужно замѣтить, что еще въ первой четверти XIX ст. число закрытыхъ заведеній,

т. е. корпусовъ и институтовъ, сильно увеличилось. Кромѣ того въ губернскихъ городахъ и въ столицахъ все увеличивалось число пансіоновъ, гдѣ дѣти дворянъ получали образованіе за сравнительно невысокую плату. Такимъ образомъ воспитаніе дворянскихъ дѣтей съ 10-лѣтняго возраста почти ничего не стоило родителямъ и при этомъ еще въ военныхъ заведеніяхъ обезпечивало даже ихъ карьеру въ будущемъ. И вотъ со всѣхъ концовъ земли русской родители стали свозить на воспитаніе своихъ дѣтей въ различныя заведенія. Такимъ образомъ въ XIX в. удаленіе дѣтей въ самомъ нѣжномъ возрастѣ изъ-подъ родительскаго крова и надзора еще болѣе усилилось, а вмѣстѣ съ этимъ, естественно, росла возможность взаимныхъ недоразумѣній между родителями и дѣтьми, увеличивалось различіе ихъ взглядовъ и привычекъ. Дѣти все болѣе отвыкали отъ своихъ родителей; узы родства и нѣжныя чувства все болѣе охлаждались, и родители, въ свою очередь, постепенно отвыкали отъ своихъ дѣтей, а также и отъ выполненія относительно ихъ своихъ прямыхъ обязанностей воспитывать и наблюдать за своими дѣтьми. Вотъ почему русскіе родители до сихъ поръ не выработали никакого опыта въ воспитаніи и совсѣмъ не научились воспитывать. Въ этомъ отсутствіи какой бы то ни было педагогической опытности и твердыхъ воспитательныхъ принциповъ, свободныхъ отъ рутины и предразсудковъ, и неумѣніи примѣнить къ практикѣ какія бы то ни было педагогическія теоріи и кроется разгадка трагическаго разлада, существующаго и по сію пору между старымъ и молодымъ поколѣніями, между отцами и дѣтьми, въ полномъ смыслѣ слова отравляющаго существованіе русской семьи, русскаго интеллигентнаго человѣка.

Въ первой половинѣ XIX-го в. вліяніе закрытыхъ заведеній усилилось, такъ какъ ихъ число сильно увеличилось. Характеръ воспитанія въ нихъ былъ теперь вполнѣ выработанъ и ясно опредѣленъ. Воспитателями являлись уже ученики и ученицы этихъ заведеній, наилучшимъ образомъ усвоившіе дисциплину, духъ и направленіе этихъ заведеній. Эти казенные педагоги общими усиліями, дружно дѣйствовали во всѣхъ концахъ нашего отечества.

Главною педагогическою цѣлью и задачею, какъ въ женскихъ, такъ и въ мужскихъ закрытыхъ заведеніяхъ, были: строгій порядокъ, дисциплина и выправка, въ военныхъ заведеніяхъ—солдатская, въ институтахъ—салонная, свѣтская, исключительно направленная на изученіе элегантныхъ менеръ, французской «causerie» и умѣнье скрывать свои внѣшніе недостатки и выставлять внѣшнія преимущества. Какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ заведеніяхъ одинаково требовалось безусловное повиновеніе, безъ всякихъ разсужденій, возраженій и объясненій, какъ въ сферѣ нравственной, такъ и умственной. Уроки обязаны были выучивать по учебнику безъ всякихъ отступленій, безъ какихъ быто ни было разсужденій и размышленій, слово въ слово, приказано—сдѣлано. Такая система въ концѣ концовъ приводила всѣхъ воспитывающихся къ одному знаменателю: на мужчинахъ, подвергавшихся ея дѣйствію, лежалъ отпечатокъ казарменности, на институткахъ—стадности. Въ результатѣ получались отлично выдрессированные экземпляры, машины, что угодно, но не люди съ самостоятельною мыслью, волею, убѣжденіемъ и характеромъ. Система закрытыхъ заведеній убивала въ зародышѣ какое бы то ни было самостоятельное проявленіе характера, вдумчивости и любознательности, однимъ словомъ, всѣ индивидуальныя стремленія, къ какой бы области они ни принадлежали—къ нравственной или умственной. Вотъ почему у насъ, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности еще можно было встрѣтить усердныхъ служакъ, тружениковъ, но всегда чувствовался сильный недостатокъ въ

людяхъ съ иниціативою и съ самостоятельнымъ умомъ. Можно себѣ представить, какъ люди, получившіе воспитаніе въ закрытыхъ заведеніяхъ, должны были дѣйствовать на педагогическомъ поприщѣ, гдѣ, кромѣ многосторонняго развитія и солиднаго образованія, требуется еще извѣстная опытность и бо́льшая, чѣмъ гдѣ бы то ни было, прозорливость, тонкая наблюдательность, навыкъ къ вдумчивости и привычка къ самостоятельному мышленію,—однимъ словомъ, нужно было то, чего именно и не могли дать закрытыя заведенія. Между тѣмъ, съ основанія этихъ заведеній, въ нихъ успѣло воспитаться много поколѣній дворянъ мужскаго и женскаго пола. Но такъ какъ въ семьѣ педагогомъ была преимущественно женщина, то мы и остановимся на институтскомъ воспитаніи этого времени.

Образованіе и воспитаніе въ институтахъ было преимущественно направлено, какъ мы уже замѣтили, къ достиженію внѣшняго блеска, выправки, изящныхъ манеръ и условнаго приличія. Французскій языкъ получилъ преобладаніе передъ всѣми предметами, но и къ изученію его стремились лишь настолько, насколько онъ давалъ возможность вести пустую, легкую болтовню въ гостиныхъ. Манеры, реверансы, декламація, которая бы давала чувствовать чистый парижскій выговоръ, однимъ словомъ все, что относится къ публичной выставкѣ, считалось главнымъ дѣломъ.

Человѣкъ безъ идеаловъ, живя въ обществѣ, все же случайно можетъ натолкнуться на явленія и людей, которые дали бы ему почувствовать *все* ничтожество, всю пустоту его стремленій. Совсѣмъ иное положеніе дѣвушки обособленной, живущей вдали отъ міра и людей: тутъ она положительно была застрахована отъ какого-нибудь вѣянія идей, которыя, хотя въ будущемъ, дали бы другое, болѣе здоровое направленіе ея умственнымъ способностямъ. Дѣвушки выходили изъ институтовъ тогда, когда ихъ убѣжденія и взгляды уже сложились; каждая изъ нихъ обыкновенно стремилась поддерживать связь съ своимъ заведеніемъ; на людей, не получившихъ такой шлифовки, какъ онѣ, институтки невольно смотрѣли съ презрѣніемъ, рѣшительно не подозрѣвая, что и у человѣка безъ свѣтскихъ манеръ можетъ быть умъ, серьезное образованіе и великое сердце.

Недостатокъ умственнаго и нравственнаго развитія, спеціально происходящій отъ замкнутости и отчужденія отъ семьи, общества и природы, имѣлъ неотразимое вліяніе даже на преподаваніе. Нужно замѣтить, что въ институтахъ методы преподаванія почти всегда отставали отъ методовъ преподаванія въ открытыхъ заведеніяхъ. Никакое движеніе въ русской жизни и обществѣ, никакое умственное вѣяніе не проникало въ монастырскую жизнь институтовъ: основные принципы институтскаго воспитанія и замкнутости не измѣнялись, и институтское начальство невольно съ предубѣжденіемъ смотрѣло на всякія новшества въ преподаваніи и всегда держалось старыхъ преподавателей, которые обыкновенно выбывали оттуда лишь со смертью. Остальной персоналъ начальства — инспектрисы и классныя дамы, за рѣдкими исключеніями, набирался изъ прежнихъ институтокъ, даже преимущественно воспитанныхъ въ стѣнахъ того же института. Естественно, что при воспитаніи молодаго поколѣнія онѣ должны были поддерживать институтскія традиціи, уже давнымъ-давно не примѣняемыя ни при домашнемъ воспитаніи, ни въ открытыхъ заведеніяхъ.

Обученіе дѣвицъ домашнему хозяйству и шитью, какъ то требовалось при учрежденіи перваго института, оказалось на практикѣ совсѣмъ не осуществимымъ. При огромномъ количествѣ учащихся, всѣ воспитанницы не могли сразу учиться стряпать и посѣщали кухню по очереди, лишь нѣсколько разъ

въ годъ: при этихъ условіяхъ и при всемъ складѣ институтской жизни, невозможно было вынести самаго элементарнаго понятія о хозяйствѣ. Въ научномъ отношеніи институтки почерпали чрезвычайно мало полезныхъ свѣдѣній: задалбливая по запискамъ или по плохимъ курсамъ учебниковъ русскую, французскую и нѣмецкую литературы, онѣ не имѣли ни малѣйшаго представленія о произведеніяхъ даже русскихъ писателей, такъ какъ у нихъ совсѣмъ не было развито ни вкуса къ чтенію, ни любви къ нему, да и никакихъ книгъ, кромѣ учебниковъ, не существовало въ институтскихъ библіотекахъ; къ тому же чтеніе замѣчательныхъ произведеній литературы обыкновенно считалось неприличнымъ, наконецъ, и времени для этого не было: оно уходило на задалбливаніе множества предметовъ и на выполненіе формальныхъ обязанностей.

Условія институтской жизни имѣли неотразимое вліяніе на всю послѣдующую жизнь воспитанницы: пищу, одежду, все содержаніе она въ продолженіе многихъ лѣтъ получала готовое и не подозрѣвала тяжелой житейской борьбы и труда, съ какими сопряжено добываніе даже главныхъ жизненныхъ потребностей, совсѣмъ не была подготовлена къ этой борьбѣ. Вслѣдствіе этого она и по выходѣ изъ института обыкновенно не умѣла распорядиться средствами, которыя у нея оказывались подъ руками, и считала себя несчастною, когда ей приходилось думать о добываніи средствъ. Притомъ сентиментальный характеръ воспитанія, который здѣсь держался долѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и который прежде всего обусловливался искусственною отчужденностью отъ природы и людей, заставлялъ институтку смотрѣть на простой трудъ и на все житейское, какъ на нѣчто низменное и пошлое.

Главными воспитательницами въ институтахъ были классныя дамы. Но чужая женщина или чужой человѣкъ, будь онъ наилучшій педагогъ, не можетъ замѣнить матери для ребенка, особенно для дѣвочки. Ея мягкая, воспріимчивая натура требуетъ прежде всего материнской любви, нѣжной ласки, тонкой наблюдательности относительно проявленій ея разнообразныхъ инстинктовъ. Между тѣмъ ребенка, въ самую нѣжную пору его жизни, когда онъ, какъ цвѣтокъ къ свѣту, стремится къ материнской ласкѣ, отдавали въ закрытое заведеніе, гдѣ никому не было дѣла до развитія и проявленія разнообразныхъ чувствъ дитяти, до его мечтаній и фантазій. Изъ объятій матери попавъ въ казенную обстановку, ребенокъ не можетъ сразу подавить своей экспансивности и потребности изливать свои впечатлѣнія,—и онъ дѣлаетъ это передъ классною дамой. Мягко или сурово, но каждая изъ нихъ непремѣнно отклоняетъ отъ себя подобныя изліянія. — ей не до нихъ: казна строго распредѣлила время ея занятій, и она не выполнитъ всѣхъ возложенныхъ на нее обязанностей, если будетъ выслушивать бредни всѣхъ дѣвочекъ. Обыкновенно классная дама на изліянія новенькой сухо отвѣчаетъ: „молчи и учи урокъ, а если кончила, не мѣшай другимъ заниматься“. Огромное число воспитанницъ само собою вызываетъ необходимость дисциплины; всѣ дѣти въ одно время и въ одной комнатѣ должны учить уроки; естественно, приходится требовать, чтобы отдѣльно никто изъ нихъ не велъ громкихъ разговоровъ. Къ тому же большинство классныхъ дамъ прекратитъ болтовню ребенка не изъ-за того, что онъ мѣшаетъ другимъ, а изъ желанія обуздать его въ самомъ началѣ, дать ему понять, что классная дама — начальство, и что къ ней слѣдуетъ обращаться съ серьезнымъ дѣломъ, а не съ пустяками. Могутъ-ли быть руководительницами, любящими дѣтей, нѣжными воспитательницами, сочувствующими дѣтской радости и горю, классныя дамы, преимущественно старыя дѣвы, закаленныя казенною дисциплиною съ дѣтства въ стѣнахъ того же института,

и не испытавшія въ жизни никакой неказенной радости. У старой дѣвушки, воспитанной при нормальной обстановкѣ, могутъ быть семейныя привязанности или общественные идеалы, которые спасаютъ ее отъ нравственной черствости, но у классной дамы, съ дѣтства крѣпко на крѣпкой запертой отъ общественныхъ вліяній, вмѣсто чувства вырабатывается лишь педантизмъ и сухой формализмъ, вмѣсто искренней любви къ ребенку, черствый эгоизмъ и мстительность. Судьба не дала ей испытать провиденціальнаго назначенія— быть матерью и женой; если когда-нибудь она и знала семейныя привязанности въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, то сердце ея давно очерствѣло къ нимъ, между тѣмъ она видитъ передъ собою юное существо, у котораго есть будущее, можетъ быть счастье впереди, и она ненавидитъ это юное существо, ненавидитъ инстинктивно. И вотъ къ такому-то бездушному, черствому существу, въ груди котораго нерѣдко таится человѣконенавистническое чувство, малютка-новичекъ припадаетъ на грудь и, захлебываясь отъ слезъ и смѣха, перемѣшивая одно впечатлѣніе съ другимъ, безсвязно и быстро перебѣгая съ одного предмета на другой, начинаетъ передавать свои впечатлѣнія. „Какія глупости!“ отстраняя ее рукой, говоритъ классная дама. Ребенокъ не сознаетъ еще, почему это глупости, почему ея мать не отталкивала ее въ такую минуту, но, видя насмѣшливые взоры подругъ, задумывается. „На грудь къ классной дамѣ!“ Боже, да это такой позоръ, ей долго этого не забудутъ подруги, долго будутъ за это высмѣивать ее, между тѣмъ онѣ лишь двумя, тремя мѣсяцами раньше ея поступили въ институтъ. Она скоро пойметъ значеніе для нея классной дамы и весь комизмъ своего первоначальнаго поведенія. О, въ другой разъ она уже не попадется въ этомъ! Она сама скоро будетъ высмѣивать другихъ за подобныя выходки. Но на кого же изливать дѣвочкѣ потребность дѣлиться своими впечатлѣніями? На подругъ. Новенькая, дѣйствительно, и дружится съ подругами и выбираетъ повѣренною своихъ думъ кого-нибудь изъ нихъ, но матеріалъ для разговоровъ, вынесенный изъ свободной жизни, скоро изсякаетъ, а при однообразно-монотонномъ институтскомъ режимѣ онъ не можетъ возобновляться. Отсутствіе какихъ бы то ни было освѣжающихъ душу и умъ впечатлѣній притупляетъ наблюдательность, живость ума и засушиваетъ сердце. Вотъ потому-то институткѣ и труднѣе было быть хорошею матерью и воспитательницею сравнительно съ тою, которая воспитывалась въ болѣе свободной атмосферѣ и не лишена была семейной жизни. Характеръ институтскаго воспитанія нѣсколько измѣнился лишь около четверти столѣтія тому назадъ, когда институты сдѣлались полузакрытыми заведеніями, когда воспитанницъ стали отпускать домой на лѣто и на большіе праздники.

Однако во многихъ семействахъ того времени дѣтямъ давали исключительно домашнее воспитаніе, и почти всѣ дѣти до школы, т. е. до 9—10-ти лѣтняго возраста, воспитывались дома. Вотъ потому-то мы и остановимся на этомъ воспитаніи и посмотримъ, какими воспитательными принципами руководились родители вплоть до преобразовательной эпохи, обратимъ вниманіе на то, какой фундаментъ нравственныхъ и умственныхъ понятій былъ заложенъ въ душу ребенка до его поступленія въ учебное заведеніе.

Въ крѣпостническій вѣкъ всѣ понятія, не исключая понятій о своихъ обязанностяхъ къ дѣтямъ, были чисто крѣпостническія. „Дѣти“, разсуждали люди того времени, „мнѣ отъ Бога, значитъ все равно, что крѣпостные, что хочу съ ними, то и дѣлаю, и ни передъ кѣмъ отвѣта держать не буду, кромѣ Бога и своей совѣсти“.

По понятіямъ того времени, право сужденія, право имѣть свою мысль и желаніе, право чувствовать боль и оскорбленіе, имѣть лучшій кусокъ, покойное

мѣсто, хорошую комнату,—принадлежало лишь сильнѣйшимъ, т. е. родителямъ. Это было время, когда отъ дѣтей требовали безпрекословнаго выполненія обязанностей и всевозможныхъ уступокъ, и никакихъ требованій не предъявлялось родителямъ,—однимъ словомъ это была эпоха, когда въ полной силѣ царилъ авторитетъ родительской власти, выражавшійся въ XIX-мъ ст. лишь въ менѣе грубой и суровой формѣ, чѣмъ это было въ XVI и XVII ст. Всѣ въ домѣ: горничныя, лакеи, гувернантки и дѣти, обязаны были безпрекословнымъ повиновеніемъ хозяевамъ дома.

Легувэ говоритъ, что наше время (т. е. вторая половина XIX ст.)—время господства дѣтей, и называетъ ихъ „господа-дѣти“ (messieurs les enfants); въ противоположность этому описываемое время было господствомъ родителей. Дѣти, даже и въ состоятельныхъ семьяхъ, (конечно, исключенія въ этомъ отношеніи были и тогда) пользовались въ домѣ худшею комнатою, худшимъ кускомъ. Никто не думалъ о томъ, что комнату слѣдуетъ ежедневно провѣтривать, даже дома богатыхъ помѣщиковъ устраивались безъ форточекъ. Ребенка съ перваго дня рожденія вплоть до его поступленія въ казенное заведеніе сдавали на чужія руки, сначала кормилицѣ, потомъ нянькѣ, затѣмъ, въ 5—6 лѣтъ—гувернанткѣ, а въ 9—10 лѣтъ отвозили въ казенное заведеніе или въ благородный пансіонъ губернскаго города.

Отношеніе родителей къ дѣтямъ было чисто формальное; надзоръ за ними носилъ совершенно внѣшній характеръ. Въ то время у родителей не было и тѣни представленія о томъ, что лишь постояннымъ, неослабнымъ наблюденіемъ надъ внутреннею, интимною жизнью дѣтей можно содѣйствовать правильному физическому, умственному и нравственному ихъ росту. Сдавая ребенка на руки кормилицѣ, ей по счету вручали бѣлье и принадлежности его туалета, но никто никогда не наблюдалъ, какъ она распоряжается этимъ бѣльемъ, достаточное ли количество разъ его мѣняетъ, гдѣ сушитъ, вполнѣ ли просушеннымъ надѣваетъ его на ребенка. Кормилица давала ребенку грудь при первомъ его крикѣ, и это находили вполнѣ цѣлесообразнымъ. На третьемъ, на четвертомъ мѣсяцѣ его жизни кормилицѣ говорили: «теперь прикармливай молочной кашкою или бульономъ». И никто не заботился о томъ, какъ совершается этотъ важнѣйшій процессъ младенческой жизни: какой температуры пищу получаетъ ребенокъ, сколько разъ въ день и въ какомъ количествѣ, хорошо ли усвоивается она дѣтскимъ организмомъ, и достаточно ли она питательна для него, наконецъ, не пичкаетъ-ли кормилица его въ то же время и чѣмъ нибудь другимъ. Такъ же небрежно относились и къ купанью: термометровъ тогда въ домахъ не существовало, не было и малѣйшаго представленія о томъ, что въ извѣстный періодъ времени ванны болѣе возбуждаютъ, чѣмъ успокаиваютъ, что иногда ихъ нужно дѣлать очень часто, а иногда и совсѣмъ прекращать. Особенно любопытно то обстоятельство, что тогда никому не приходило въ голову подумать о томъ, почему мать не сама кормитъ ребенка, а отдаетъ его на руки посторонней женщинѣ. Когда однажды молодая женщина спросила свою мать, въ высшей степени порядочную и образованную женщину, почему она, отличаясь замѣчательнымъ здоровьемъ, никогда не кормила грудью своихъ дѣтей, она просто отвѣчала: „да какъ то это и въ голову даже никому не приходило... Въ мое время только тѣ помѣщицы кормили грудью своихъ дѣтей, у которыхъ было мало крѣпостныхъ“.

Такимъ образомъ уже съ ранняго дѣтства, кромѣ внѣшняго присмотра, между родителями и дѣтьми не существовало никакой живой внутренней связи; казенное заведеніе раздѣляло ихъ еще больше.

Чѣмъ же проявлялась въ то время та сила и мощь всеобъемлющей материнской любви, заложенной въ сердце матери уже самою природою? Материнская любовь, оставаясь безъ всякаго практическаго примѣненія и дальнѣйшаго развитія, безъ освѣщенія ея разумною интеллигентною жизнью и мыслью, слабѣла мало по малу подъ гнетомъ тяжелаго груза разнообразной хозяйственной заботы,—этой, по тогдашнимъ понятіямъ, квинтъ-эссенціи семейной добродѣтели. Тѣмъ не менѣе и тогда матери желали видѣть своихъ дѣтей счастливыми и сокрушались, если не достигали этого. Но понятіе о счастіи стояло въ то время на одномъ уровнѣ со всѣми остальными воззрѣніями вѣка: оно прежде всего было въ тѣсной зависимости отъ богатства, и матери употребляли всѣ усилія, чтобы округлить объемы своего помѣстья, увеличить число крѣпостныхъ душъ, чтобы, такимъ образомъ, обезпечить матеріальное благосостояніе дѣтей въ будущемъ; дочерей стремились поскорѣе выдать замужъ за людей болѣе или менѣе богатыхъ, а за сыновьями упрочить хорошую служебную карьеру, которая бы давала возможность быстро возвышаться по служебной лѣстницѣ и получать хорошіе оклады. Для этого онѣ копили, откладывая въ кубышку каждую копѣйку, экономничали на припасахъ не только дворовыхъ людей, но и собственной семьи, отдавали крѣпостныхъ на фабрики, увеличивали ихъ оброки,—все это давало имъ возможность округлять свои помѣстья, но не вызывало ихъ на жизнь съ дѣтьми *душа въ* душу. Для будущаго счастія дѣтей требовалось не отставать отъ вѣка, давать имъ блестящее воспитаніе, а оно было весьма несложно,—выучить дѣтей свободно болтать на двухъ языкахъ, обучить танцамъ и свѣтскимъ манерамъ. Для этого нанимали гувернантокъ и гувернеровъ и совсѣмъ передавали имъ дѣтей, а сами матери имѣли уже полную возможность погрузиться въ хозяйственныя хлопоты и въ выполненіе тѣхъ несложныхъ требованій, которыя давали возможность поставить домъ, какъ тогда называлось, на „хорошую ногу“. На чемъ же тутъ было развиться материнской любви? Мать не выносила изъ за своего дитяти ни тяжкихъ мукъ, ни страданій, ни лишеній, ни безсонныхъ ночей, всегда сопряженныхъ съ воспитаніемъ дитяти, съ каждою минутою все болѣе развивающихъ страстную материнскую привязанность; она не слѣдила за постепеннымъ ходомъ развитія своего ребенка, за проблесками его умственныхъ способностей и за развитіемъ ихъ, не страдала его дѣтскимъ горемъ, не радовалась его радости, онъ наконецъ не дѣлился съ нею своими дѣтскими мечтами и надеждами. Родителямъ приносили маленькаго ребенка, когда онъ былъ веселъ, здоровъ, смѣялся; они играли съ нимъ съ полчаса: отецъ нѣсколько разъ подкидывалъ его вверхъ, забавляясь, какъ ребенокъ хохочетъ (при этомъ часто даже до икоты), мать давала ему что нибудь сладкое, цѣловала и приказывала нянькѣ опять нести его въ дѣтскую. Сообщаетъ нянька, что ребенокъ боленъ, мать отправляется въ дѣтскую, а чаще поручаетъ той же нянькѣ напоить его липовымъ цвѣтомъ или дать ревеню.

До 2—3-хъ лѣтняго возраста отъ ребенка не требовалось ничего опредѣленнаго; его кормили въ дѣтской, *когда* вздумается и *какъ* вздумается; но когда ему исполнялось года три, онъ подвергался уже нѣкоторой муштровкѣ: его сажали въ столовой, на высокій стулъ, за общимъ обѣдомъ и чаемъ, учили въ опредѣленное время цѣловать ручку родителей, дѣлать реверансъ или шаркать ножкой, умѣнью благопристойно сидѣть за столомъ, т. е. не вмѣшиваться въ разговоры старшихъ, доѣдать до конца тарелку супу, даже еслибы онъ въ данную минуту чувствовалъ къ нему отвращеніе, не болтать ногами подъ столомъ, выучивали нѣсколькимъ молитвамъ и баснямъ,—послѣд-

нія онъ долженъ былъ безъ запинки произносить при гостяхъ. Для дѣвочекъ обязательно было съ вечера, наканунѣ праздника, отдавать свои волосы въ распоряженіе горничной, которая завивала ихъ въ папильотки, а утромъ припекала ихъ горячими щипцами. Эту операцію производили въ присутствіи матери или гувернантки и, при выраженіи малѣйшаго нетерпѣнія со стороны ребенка, ему неизмѣнно повторяли одну и ту же фразу: „pour être belle il faut souffrir". Сначала дѣвочка пропускала эту фразу мимо ушей, но такъ какъ всѣ остальныя воззрѣнія на нее окружающихъ давали ей и на практикѣ чувствовать всю силу и значеніе этой сентенціи, она вскорѣ вполнѣ проникалась этою философіею.

Дѣти зимою были совершенно заперты въ 4-хъ стѣнахъ, провѣтриваемыхъ только топкою печей. О необходимости ежедневно гулять на свѣжемъ воздухѣ не было и помину. Въ именины и въ праздники дѣтей возили въ гости по сосѣдству, въ церковь, отъ времени до времени дозволяли кататься съ горъ на салазкахъ, но въ этомъ сказывалось лишь желаніе родителей доставить дѣтямъ удовольствіе, а не сознаніе необходимости правильно и ежедневно удовлетворять естественной потребности ребенка къ движенію и воздуху.

За столомъ дѣти получали худшій кусокъ. Первый кусокъ мать клала на тарелку отца, затѣмъ себѣ и потомъ уже кушанья распредѣляли между дѣтьми. Не смотря на обильные запасы на зиму всевозможныхъ маринадовъ, вареній сухихъ и жидкихъ, ими угощали дѣтей только тогда, когда они уже нѣсколько „тронутся", т. е. закиснутъ, заплѣсневѣютъ или засохнутъ и въ такомъ видѣ уже не будутъ годиться для угощенія гостей.

Лучшею характеристикою сказаннаго служитъ описаніе дѣтства Щедрина, родители котораго были людьми весьма состоятельными.

„Внѣшней обстановкой моего дѣтства, въ смыслѣ гигіены, опрятности и питанія, я похвалиться не могу. Хотя въ нашемъ домѣ было достаточно комнатъ, большихъ, свѣтлыхъ и съ обильнымъ содержаніемъ воздуха, но это были комнаты парадныя; дѣти же постоянно тѣснились: днемъ—въ небольшой классной комнатѣ, а ночью—въ общей дѣтской, тоже маленькой, съ низкимъ потолкомъ и въ зимнее время, вдобавокъ, жарко натопленной. Тутъ было поставлено четыре-пять дѣтскихъ кроватей, на полу, на войлокахъ, спали няньки. Само собой разумѣется, не было недостатка ни въ клопахъ, ни въ тараканахъ, ни въ блохахъ. Эти насѣкомыя были какъ бы домашними друзьями."

„Лѣтомъ мы еще сколько-нибудь оживлялись подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, но зимой насъ положительно закупоривали въ четырехъ стѣнахъ. Ни единой струи свѣжаго воздуха не доходило до насъ, потому что форточекъ въ домѣ не водилось, и комнатная атмосфера освѣжалась только при помощи топки печей. Катанье въ саняхъ не было въ обычаѣ, и только по воскресеньямъ насъ вывозили въ закрытомъ возкѣ къ обѣднѣ въ церковь, отстоявшую отъ дома саженяхъ въ пятидесяти, но и тутъ закутывали до того, что трудно было дышать. Это называлось *тѣпленнымъ* воспитаніемъ. Очень возможно, что, вслѣдствіе такихъ безмысленныхъ гигіеническихъ условій, всѣ мы впослѣдствіи оказались хилыми, болѣзненными и не особенно устойчивыми въ борьбѣ съ жизненными случайностями.

„Объ опрятности не было и помину. Дѣтскія комнаты, какъ я уже сейчасъ упоминалъ, были переполнены насѣкомыми и нерѣдко оставались по нѣскольку дней неметенными, потому что ни чей глазъ туда не заглядывалъ; одежда на дѣтяхъ была плохая и чаще всего перешивалась изъ разнаго

старья или переходила отъ старшихъ къ младшимъ; бѣлье перемѣнялось рѣдко. Прибавьте къ этому прислугу, одѣтую въ какую-то вонючую, заплатанную рвань, распространявшую запахъ, и вы получите ту невзрачную обстановку, среди которой копошились съ утра до вечера дворянскія дѣти.

„То же можно сказать и о питаніи: оно было очень скудное. Въ семействѣ нашемъ царствовали не то чтобы скупость, а какое-то непонятное скопидомство. Всегда казалось мало, и всего было жаль. Грошъ прикладывался къ грошу и когда образовался гривенникъ, то помыслы устремлялись къ цѣлковому.

„Ты думаешь, какъ состоянія-то наживаются?“—Эта фраза раздавалась во всѣхъ углахъ съ утра до вечера, оживляла всѣ сердца, давала тонъ и содержаніе всему обиходу. Это было своего рода исповѣданіе вѣры, которому всѣ безусловно подчинялись. Даже дворовые, на счетъ которыхъ собственно и происходилъ процессъ прижиманія гроша къ грошу, — и тѣ внимали афоризмамъ стяжанія не только безъ ненависти, но даже съ какимъ-то благоговѣніемъ.

„Утромъ намъ обыкновенно давали по чашкѣ чая, приправленнаго молокомъ, непремѣнно снятымъ (синеватымъ), не смотря на то, что на скотномъ дворѣ стояло болѣе трехсотъ коровъ. Къ чаю полагался крохотный ломоть домашняго бѣлаго хлѣба; затѣмъ завтрака не было, такъ что съ восьми часовъ до двухъ (время обѣда) дѣти буквально оставались безъ пищи. За обѣдомъ подавались кушанья, въ которыхъ главную роль играли вчерашніе остатки. Иногда чувствовался и запахъ лежалаго. Въ особенности ненавистны намъ были соленые полотки изъ домашней живности, которыми въ лѣтнее время, изъ опасенія, чтобы совсѣмъ не испортились, насъ кормили чуть не ежедневно. Кушанье раздавала дѣтямъ матушка, но при этомъ (за исключеніемъ любимцевъ) одѣляла такими микроскопическими порціями, что сѣнныя дѣвушки, которыхъ семьи содержались на мѣсячинѣ, нерѣдко изъ жалости приносили подъ фартуками ватрушекъ и лепешекъ и тайкомъ давали намъ поѣсть. Какъ сейчасъ помню процедуру *приказыванія* кушанья. Въ дѣвичьей, на обѣденномъ столѣ, красовались вчерашніе остатки, не исключая похлебки, и матушкою, совмѣстно съ поваромъ, обсуждался вопросъ, что и какъ „подправить“ къ предстоящему обѣду. Затѣмъ, если вчерашнихъ остатковъ оказывалось недостаточно, то прибавлялась свѣжая провизія, которой предстояла завтра та же участь, т. е. быть подправленной на завтрашній обѣдъ. Такимъ образомъ дѣло шло изо дня въ день, такъ что совсѣмъ свѣжій обѣдъ готовился лишь по большимъ праздникамъ, да въ тѣ дни, когда наѣзжали гости. На случай нечаянныхъ пріѣздовъ нѣсколько кушаньевъ *получше* приготовлялись особо и хранились на погребѣ. Пріѣдетъ нечаянный гость — бѣгутъ на погребъ и несутъ оттуда какое-нибудь заливное или легко разогрѣваемое: вотъ, дескать, мы каждый день такъ ѣдимъ!“

Неравенство между дѣтьми, существующее и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ семьяхъ, тогда было характерною чертою и практиковалось съ полною безцеремонностью. При дѣтяхъ откровенно говорили гостямъ: «вотъ этотъ маленкій—мой Веньяминъ, а этотъ Стенька Разинъ—отцовскій кумиръ». Или: «я только люблю своихъ мальчиковъ,— изъ дѣвченокъ какой прокъ будетъ въ будущемъ!..» Эти слова вызывали обыкновенно и соотвѣственное отношеніе къ дѣтямъ и въ высшей степени портили ихъ характеръ, развивая зависть, ревность и злобу. Но все-же далеко не вездѣ и прежде существовало такое неравенство, не вездѣ ихъ и кормили впроголодь, напротивъ, тамъ, гдѣ ихъ баловали, дѣти страдали отъ противуположной крайности; но лишь за самыми

рѣдкими исключеніями, дѣти не были свидѣтелями дрязгъ между родителями, ихъ скопидомства и всюду подвергались различнымъ физическимъ и нравственнымъ невзгодамъ, вслѣдствіе отсутствія здравыхъ гигіеническихъ и педагогическихъ понятій своихъ воспитателей.

Воспитаніе того времени было двухъ родовъ: *строгое* или *балованное*; послѣднее отличалось отъ перваго сравнительно большимъ пичканьемъ сластями и ѣдой, лишнимъ укутываньемъ въ холода, меньшею поркою и въ количественномъ, и въ болевомъ смыслѣ и меньшимъ количествомъ подзатыльниковъ, а затѣмъ всюду, и въ семьяхъ, гдѣ баловали дѣтей, и тамъ, гдѣ ихъ строго держали, господствовали одни и тѣже принципы и взгляды или, лучше сказать, ощущалось полное ихъ отсутствіе, а вмѣсто нихъ существовали весьма незамысловатыя правила. Первымъ изъ нихъ, стоящимъ во главѣ угла, можно считать слѣпое повиновеніе родительской власти, что требовалось въ нѣкоторыхъ семьяхъ даже отъ совершеннолѣтнихъ сыновей. Правда, примѣры истязаній дѣтей родителями или черезчуръ жестокаго обращенія съ ними, какъ это было въ обычаѣ въ XVII ст. и случалось въ XVIII, теперь совсѣмъ изчезли и встрѣчались лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, но и теперь держались правила требовать отъ дѣтей безусловнаго повиновенія, часто даже въ совершеннолѣтнемъ ихъ возрастѣ. Мемуары того времени, автобіографіи писателей, личныя воспоминанія безчисленнымъ рядомъ примѣровъ подтверждаютъ сказанное. Отецъ въ пухъ и прахъ проигрывается въ карты, часть проигрыша нужно уплатить немедленно, и мать, по тогдашнимъ понятіямъ женщина весьма образованная и любящая, подходитъ къ одному изъ гостей и заключаетъ съ нимъ договоръ относительно гувернантства своей дочери, молодой, красивой дѣвушки, недавно окончившей курсъ въ модномъ пансіонѣ. Мать соглашается отпустить свою дочь на два года въ гувернантки къ дѣтямъ своего гостя съ тѣмъ, чтобы тотъ за годъ заплатилъ деньги впередъ и, такимъ образомъ, покрылъ проигрышъ ея мужа. Вслѣдствіе карточной игры нужда и раньше давала себя чувствовать въ этомъ домѣ, но матери смертельно не хотѣлось такъ рано отдавать свою дочь въ гувернантки, и тѣмъ болѣе къ гостю, съ которымъ она только что заключила условіе, такъ какъ онъ на всю губернію славился своимъ донъ-жуанствомъ. Дочь, узнавъ о своей судьбѣ, протестуетъ, напоминаетъ матери мнѣніе всего общества о господинѣ, которому она рѣшается ввѣрить ея судьбу, разсказываетъ ей наконецъ, какъ онъ постоянно сторожитъ, чтобы застать ее одну и насказать ей ворохъ пошлыхъ комплиментовъ. Мать, во время разсказа дочери, ломаетъ руки и рыдая повторяетъ: „подлецъ, подлецъ!..“ Но когда дочь рѣшительно отказывается ѣхать въ его домъ, мать объявляетъ ей, что она принудитъ ее къ этому силой. „Ослушаться! ты смѣешь отказаться отъ спасенія семьи?“—и дочь отправляется.

Въ другомъ семействѣ мать заставляетъ дочь выйти замужъ за постылаго ей человѣка только потому, что она, ея мать, вдова и не можетъ справиться съ хозяйствомъ, а будущій зять отличный хозяинъ, будетъ жить по сосѣдству и обѣщалъ ей свои услуги въ этомъ отношеніи. «Ты могла бы пенять на меня», говоритъ она убитой горемъ дѣвушкѣ, «если бы я выдавала тебя замужъ по разсчету, чтобы самой пристроиться на твои средства... А вѣдь ты знаешь, что твой будущій мужъ—голъ, какъ соколъ, мнѣ только нуженъ его хозяйскій глазъ»... Въ этомъ случаѣ мать даже и не подозрѣвала, что это тотъ же разсчетъ.

Безчисленные примѣры насилія даже надъ взрослыми дѣтьми совершались не только изъ разсчета и отсутствія нравственнаго чутья, но нерѣдко и вслѣдствіе своеобразнаго пониманія своего долга, а о маленькихъ дѣтяхъ,

такъ и говорить нечего! Надъ ихъ просьбами, желаніями, какъ бы онѣ ни были законны, даже въ томъ случаѣ, если онѣ исходили изъ потребности организма, но не соотвѣтствовали желаніямъ родителей, никто никогда не задумывался, никто никогда не обращалъ на нихъ вниманія. Это происходило отчасти отъ всеобщаго невѣжества и неразвитости, отчасти отъ отсутствія какихъ бы то ни было, даже чисто практическихъ и элементарныхъ знаній гигіены и физическихъ законовъ, а также изъ принципа, чтобы дѣти не вознеслись, не возмечтали о себѣ, что они что-то значатъ, однимъ словомъ, чтобы «всякъ сверчокъ зналъ свой шестокъ».

Браковъ по взаимной склонности совершалось тогда чрезвычайно мало. Это происходило по многимъ причинамъ: молодая дѣвушка рѣдко имѣла возможность узнать характеръ человѣка, за котораго она выходила замужъ. Оставаться молодымъ людямъ съ глазу на глазъ считалось тогда неприличнымъ, къ тому же обыкновенно и не дѣвушка рѣшала свою судьбу. Въ помѣщичьихъ семьяхъ средней руки, проживавшихъ въ разныхъ провинціальныхъ городахъ и въ деревенскихъ усадьбахъ, было обыкновенно обиліе дѣвушекъ-невѣстъ. Большинство оканчивало курсъ въ какомъ-нибудь пансіонѣ или институтѣ. Согласно съ воспитаніемъ и манерами, семья считала долгомъ ихъ хорошо одѣвать и вывозить зимой въ губернскій городъ на балы и въ собранія, что было весьма убыточно. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ для выѣздовъ, развлеченій и нарядовъ, желаніе поскорѣе добиться самостоятельности заставляли молодыхъ дѣвушекъ выбиваться изо всѣхъ силъ, лишь бы поскорѣе выйти замужъ, въ чемъ усердно помогали имъ и мамаши. Между тѣмъ по сосѣдству въ деревняхъ или въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ совсѣмъ не было для нихъ подходящихъ жениховъ: молодые люди порядочныхъ семей обыкновенно служили въ военной или гражданской службѣ въ одной изъ столицъ. Вслѣдствіе этого помѣщицы средней руки, въ большинствѣ случаевъ, выдавали своихъ дочерей за кого попало. «Вообще трудно вообразить, какія прелести доставались часто туземнымъ обломамъ изъ чиновнаго міра, грубымъ, необразованнымъ и большею частью пьянымъ. Обиліе дѣвушекъ-невѣстъ, большею частію, красивыхъ и почти совершенное отсутствіе порядочныхъ жениховъ дѣлали такое явленіе естественнымъ и неизбѣжнымъ. Почтенное, большею частью помѣщичье, небогатое семейство воспитывало дочь въ одномъ изъ туземныхъ пансіоновъ и съ радостью отдавало ее за какого нибудь дубоватаго протоколиста или столоначальника, на томъ единственно основаніи, что у этого крючкотвора есть домъ, выстроенный или купленный на взяточныя деньги, что всѣмъ извѣстенъ съ достовѣрностію размѣръ нахапаннаго уже имъ всѣми кривдами и неправдами капитала. Еще болѣе досадно было видѣть, что какая нибудь воздушная фея, образецъ стройности и изящества, попавъ въ медвѣжьи лапы къ подобному господину, рѣдко таетъ и изнываетъ, какъ можно было бы ожидать при подобномъ соединеніи, но, напротивъ, начинаетъ, къ удивленію, жирѣть и толстѣть, мало по малу расплываться и обращаться въ полновѣсную провинціальную барыню, имъ же нѣсть числа. Область ежегоднаго рожденія дѣтей, сытныхъ и жирныхъ обѣдовъ, послѣобѣденнаго спанья, область лѣни, праздности и подлѣйшихъ, большею частью, интересовъ благовѣрнаго совершенно поглощаетъ и преобразовываетъ всѣхъ этихъ милыхъ дѣвочекъ, казавшихся неземными созданіями». («Половодье. Картины провинціальной жизни». В. А. Инсарскаго стр. 187—188).

Такого сорта браки, вносили обыкновенно въ семейную жизнь супруговъ разладъ, превращавшійся иногда въ адъ для окружающихъ, а если по

счастливой случайности этого не оказывалось, выискивался другой поводъ для ссоръ, тѣмъ болѣе, что умственныхъ интересовъ тогда не существовало, между тѣмъ голова и сердце требовали для себя какой нибудь пищи и находили ее въ низменной сферѣ взаимныхъ дрязгъ и пререканій. Крѣпостная среда, представляя широкое поле для распутства, весьма этому содѣйствовала. Если у мужа не было открытаго гарема, онъ все же не упускалъ случая показать свое самовластіе надъ той или другой крѣпостной; если онъ былъ скроменъ въ этомъ отношеніи, то раззорялъ семью карточной игрой, небрежнымъ отношеніемъ къ хозяйству, однимъ словомъ, почти всегда выискивалась причина для домашнихъ неурядицъ и взаимныхъ перекоровъ. Начавъ домашнюю сцену съ глаза на глазъ, супруги продолжали ее и при дѣтяхъ. Такимъ образомъ дѣти постоянно видѣли, слышали и могли наблюдать дрязги и семейныя несогласія родителей, накипавшую другъ къ другу злобу, знакомились съ ихъ пошлыми интригами, съ ихъ предосудительною жизнью, со взаимными измѣнами, съ низкопоклонствомъ передъ сильными и богатыми, съ ихъ взяточничествомъ и отсутствіемъ уваженія другъ къ другу.

При умственномъ и нравственномъ убожествѣ родителей дѣти не больше пользы выносили и изъ ихъ мирныхъ разговоровъ, вертѣвшихся около хозяйственныхъ заботъ или спускавшихся къ самымъ низменнымъ интересамъ, напр. о томъ, что «подлянка Дунька опять зачастила къ повару на кухню... того и смотри и т. д...», что де «она», т. е. хозяйка дома, «ужъ никакъ потатчицей въ такой мерзости не будетъ». Или супруги разсуждали о томъ, какъ «онамеднись» кучера выдрали за то, что онъ не вычистилъ лошадей, а что онъ и ухомъ не ведетъ... А вотъ и другія темы: мужъ совѣтуетъ женѣ посѣтить сосѣдку: къ ней изъ столицы пріѣхалъ родственникъ, важный генералъ, того и гляди сыну какъ нибудь протекцію окажетъ... а то, чѣмъ чертъ не шутитъ, можетъ и въ дочку влюбиться... Понятно, что и дѣтская любознательность, разговоры дѣтей между собой постоянно были направлены на тѣ же темы. Если характерною чертою семьи являлись алчность и скопидомство, то и разговоры дѣтей, само собою разумѣется, вертѣлись на подобныхъ предметахъ: сколько и кому останется послѣ смерти отца или матери, какой доходъ можетъ приносить то или другое имѣніе, не лучше ли всѣхъ крестьянъ сразу продать, а деньги отдавать за большіе проценты. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ исходнымъ пунктомъ домашнихъ неудовольствій являлись амурныя дѣла отца, дѣти сводили разговоръ на то, кто съ кѣмъ въ связи изъ крѣпостныхъ и изъ знакомыхъ сосѣдей, за кѣмъ волочится отецъ, съ кѣмъ въ послѣднее время хороводится мать, какъ надо это понимать, и что изъ этого выйти можетъ.

За всякую провинность дѣтей подвергали самымъ разнообразнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ концѣ первой половины XIX ст. въ домашнемъ воспитаніи къ сѣченію прибѣгали въ болѣе или менѣе важныхъ случаяхъ, но щелчки, колотушки, трепки, подзатыльники, эти, такъ сказать, сподручныя педагогическія мѣры, сыпались очень щедро на головы дѣтей. Сознаніе необходимости, при воспитаніи, тѣлесныхъ наказаній господствовало во всѣхъ классахъ русскаго общества вплоть до самой реформы. Къ тѣлеснымъ наказаніямъ прибѣгали даже люди, чувствовавшіе инстинктивное нерасположеніе къ нимъ, а также и матери, страстно любившія своихъ дѣтей. Въ такихъ случаяхъ онѣ непосредственно за розгою старались какъ можно болѣе напичкать ребенка сластями или утѣшить другимъ образомъ, но находили преступнымъ „праздднить розги, считавшіяся наиболѣе надежнымъ средствомъ въ воспитаніи.

„Чтобы пріучить меня къ терпѣнію и смиренію, иногда нарочно дразнили меня; я не смирялась, а доходила до изступленія, чувствуя свое без-

силіе. Меня наказывали, наказанія раздражали и отчуждали меня окончательно. Любовь матери иногда смягчала такое настроеніе моего духа, но, не понимая основы этихъ явленій, она не могла ни отклонить, ни излѣчить ихъ.

„Наказавши меня, она сама плакала, цѣловала, давала конфектъ, или откидывала косую доску своего комода, за которой находилось много ящиковъ и сажала меня на нее. Я начинала выдвигать одинъ ящикъ за другимъ, вытаскивала изъ нихъ нитки янтарей, гранаты, кораллы, золотыя цѣпи, серьги, кольца. Перебравши и пересмотрѣвши все, отбирала тѣ вещи, въ которыхъ были прозрачные камни, по долгу играла ими и забывала свое горе, радуясь игрѣ лучей свѣта въ брилліантахъ". („Изъ дальнихъ лѣтъ. Воспоминанія Т. П. Пассекъ". т. I. стр. 71—72).

Чаще всего колотушки и щелчки сыпались на дѣтей во время классныхъ занятій. Въ это время не существовало ни малѣйшаго понятія о какихъ бы то-ни было методахъ, и дѣтей обучали, какъ кому Богъ на душу положитъ, упражняя преимущественно память. Катехизисъ, священная исторія, два, три языка и, согласно съ этимъ, два, три учебника грамматики, басни и стихи,— все это заставляли заучивать наизустъ, слово въ слово; урокъ состоялъ въ объясненіи непонятныхъ словъ и выраженій, но часто ими еще больше затрудняли дѣтей, засоряя ихъ головы ненужнымъ хламомъ. Даже обученіе четыремъ правиламъ ариѳметики не помогало развитію логики въ мышленіи, сообразительности и находчивости, чего такъ легко достигаютъ теперь. Тогдашнее преподаваніе элементарной ариѳметики способствовало развитію той же памяти, такъ какъ оно ограничивалось почти исключительно вытверживаніемъ наизустъ таблицы умноженія, заучиваніемъ того, на какомъ *мѣстѣ* стоитъ извѣстный разрядъ чиселъ (единицы, десятки, сотни и т. *д.*), дѣланіемъ задачъ, не въ умѣ, а на доскѣ изъ цѣлаго ряда огромныхъ чиселъ, мало упражняя надъ задачами изъ перваго десятка.

Обученіе грамотѣ состояло въ затверживаніи безсмысленныхъ многосложныхъ слоговъ въ родѣ „мрзда... пргдра..."

Чтеніемъ дѣти не могли помочь своему развитію, такъ какъ книгъ, пригодныхъ для дѣтскаго чтенія, тогда почти не существовало; наблюдательность, любознательность дѣтская, какъ мы видѣли, направлены были на предметы, скорѣе вредные для нравственности, чѣмъ полезные. Такимъ образомъ, кромѣ памяти, другія стороны ума совсѣмъ почти не развивались. Понятно, что большинству дѣтей нелегко было усвоивать учебники, принаровленные къ ихъ возрасту.

Вотъ потому то колотушки и сыпались въ безчисленномъ количествѣ во время классныхъ занятій на дѣтей, дурно приготовившихъ свои уроки. Классныя занятія можно смѣло назвать страдой дѣтей того времени. Только что успѣвали дѣти усѣсться за столъ съ гувернанткою или матерью во главѣ, какъ изъ классной раздавались хлопки съ аккомпаниментомъ плача, рыданій, визга, крика, мольбы о пощадѣ. Не бодрость, энергію, находчивость, любознательность возбуждало преподаваніе элементарныхъ знаній, напротивъ оно наводило отчаяніе и хандру, притупляло умственныя способности, портило характеръ и вызывало полное отвращеніе къ пріобрѣтенію знаній въ будущемъ.

Нашъ настоящій очеркъ былъ-бы не полонъ, если бы мы не упомянули о томъ, какое вліяніе на нравственное и умственное развитіе дѣтей оказывалъ огромный штатъ прислуги, деревенскіе ребята и гувернантки.

Мы уже достаточно познакомились выше (въ очеркахъ XVIII в.) съ растлѣвающимъ вліяніемъ крѣпостныхъ. Здѣсь мы не будемъ повторять сказаннаго, такъ какъ и въ первой половинѣ XIX в. крѣпостное право осталось

въ прежней силѣ, а слѣдовательно нравы и обычаи, вытекающіе изъ него и обусловленные имъ, по прежнему вредно дѣйствовали на складъ характера подрастающаго поколѣнія. Мы хотимъ здѣсь отмѣтить лишь одинъ, наиболѣе характерный, недостатокъ того времени, который и безъ существованія крѣпостничества всегда бы тормозилъ успѣхи воспитанія, тѣмъ болѣе оказывалъ онъ гибельное вліяніе въ разгаръ помѣщичьяго самовластья: мы говоримъ объ отсутствіи въ воспитателяхъ какой бы то ни было наблюдательности относительно дѣтей, а также о совершенномъ невѣдѣніи дѣтской души и того, на что и какъ слѣдуетъ направить наблюдательность. Воспитатели не имѣли ни малѣйшаго представленія, что дѣлаютъ, говорятъ, думаютъ, о чемъ разсуждаютъ, на что обращаютъ вниманіе ихъ дѣти. Наиболѣе заботливые родители слѣдили за тѣмъ, чтобы дѣти приготовляли уроки къ слѣдующему дню, чтобы не болтали пустяковъ во время занятій, чтобы подвигались впередъ въ усвоеніи грамотности, въ болтовнѣ на иностранныхъ языкахъ, въ танцевальномъ искуствѣ, но не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ они проводятъ свое свободное время.

Дѣтей, внѣ занятій, окружали крестьянскими ребятами; послѣдніе не могли быть къ товарищескихъ отношеніяхъ съ барчатами, продѣлывавшими надъ ними все, что имъ заблагоразсудится. Родители не подозрѣвали вреда, происходящаго отъ такого отношенія къ товарищамъ изъ простонародья, всю глубину пошлости, безчеловѣчности и эгоизма, прививаемыхъ имъ во время этихъ совмѣстныхъ игръ и забавъ. Дѣти, предоставленные обществу вполнѣ зависимыхъ отъ нихъ крестьянскихъ ребятъ, раззоряли птичьи гнѣзда, мучили животныхъ, дразнили собакъ и нищихъ, передавали другъ другу новости изъ скандалезной хроники села, предавались и другимъ, еще болѣе пагубнымъ, развлеченіямъ.

Столько же вреда приносилъ дѣтямъ огромный штатъ прислуги. Въ праздники и именины своихъ сосѣдей родители отправлялись къ нимъ и гостили у нихъ по недѣлямъ, забравъ съ собой старшихъ дѣтей съ гувернантками, а маленькихъ дѣтей оставляли дома однихъ, на рукахъ прислуги. Прислуга въ такихъ случаяхъ, если только въ домѣ не было строгой экономки, не стѣснялась маленькими дѣтьми: устраивала въ господскихъ хоромахъ пляски, пѣніе и дебоши, отмыкала фальшивыми ключами кладовыя и шкафы, отсыпала, что было нужно, и угощала ребенка сластями, украденными у его родителей. Если горничная замѣчала, что ребенокъ какъ нибудь можетъ проболтаться и выдать ея грѣшки родителямъ, она застращивала его лѣшими, домовыми, русалками, кикиморами, грозила забросить ночью въ темный лѣсъ, если только ребенокъ скажетъ хотя слово родителямъ о чемъ нибудь, замѣченномъ въ ихъ отсутствіи. Было даже не мало случаевъ, что прислуга, желая вырвать у ребенка обѣщаніе молчать, ставила его на колѣни передъ образами, вынуждая дать клятву и угрожая ему, если онъ ея не сдержитъ, муками ада, разрисовывая ихъ въ самомъ ужасномъ видѣ.

Что касается гувернатокъ, то, вѣроятно, еще многіе помнятъ эту армію несчастныхъ дѣвушекъ бѣдныхъ дворянскихъ семей, взявшихся за воспитаніе не изъ призванія, а изъ крайней нужды. Если это были не француженки и нѣмки, то, въ большинствѣ случаевъ, бывшія институтки. За рѣдкими исключеніями, отношеніе хозяевъ къ гувернанткамъ было безцеремонное и пренебрежительное, а положеніе ихъ въ чужихъ домахъ—самое мучительное. Онѣ вполнѣ зависѣли не только отъ хозяевъ, но также отъ дѣтей, прислуги, прижилокъ и всѣхъ домашнихъ. Свое жалкое образованіе и неразвитость, сказывавшіяся въ неумѣніи давать дѣтямъ надлежащія объясненія во время занятій и

тормозившія успѣхи, свою жалкую роль въ домѣ, свою тяжкую, подневольную долю, все вымещали онѣ на ученикахъ и ученицахъ. Онѣ щедро угощали ихъ колотушками, благодаря тому, что такія педагогическія воздѣйствія были тогда въ большомъ ходу.

Гувернантки изъ разряда „кроткихъ созданій“ приносили дѣтямъ не болѣе пользы. Это были обыкновенно сантиментальныя дѣвушки, мечтающія о герояхъ съ улыбкою разочарованія на устахъ и съ неземнымъ выраженіемъ во взорѣ, въ ожиданіи которыхъ онѣ пробавлялись пустою болтовнею съ заѣзжими офицерами и чиновниками. Къ своимъ главнымъ обязанностямъ онѣ относились спустя рукава, кротко снося окружающую грубость и насмѣшки, до гробовой доски разжигая пустыми мечтами свое больное воображеніе. Очень многія изъ нихъ какъ-то болѣзненно-страстно относились къ чтенію пошлыхъ сантиментальныхъ романовъ,—этотъ разрядъ гувернантокъ былъ наиболѣе любимъ дѣтьми Особенно живо помню одну изъ нихъ. Это было блѣднолицое, худосочное созданіе, съ свѣтлыми волосами, съ сѣрыми выцвѣтшими глазами, не только незлобивое, но точно даже пришибленное, готовое, по первому слову, отдать все, что у нея есть, и сдѣлать все, что ей прикажутъ, лишь бы на нее не сердились. Черезъ нѣсколько дней послѣ ея водворенія у насъ, горничная, съ ея позволенія, присвоила не мало предметовъ изъ ея, и безъ того бѣднаго, гардероба, а мы растаскали цѣнныя для нея бездѣлушки, „сувенирчики“ и „супирчики“, какъ, подсмѣиваясь, называлъ мой братъ ея раздушенныя подушечки и вещи въ родѣ сердца, *пронзеннаго* множествомъ стрѣлъ, вышитыхъ ангелочковъ, раскрашенныхъ картинокъ съ изображеніемъ рыцарей. Когда она освоилась съ привычками дома, она стала приносить къ началу занятій какой нибудь французскій романъ и клала его въ столъ, съ твердою рѣшимостью заниматься дѣломъ. Но какъ только пролетка увозила матушку со двора, она немедленно раскрывала книгу, а мнѣ давала что нибудь переписывать съ прописи; сама же она до такой степени уходила въ чтеніе, что не видѣла и не слышала, что дѣлалось вокругъ. Чтобы заставить ее обратить на меня вниманіе, я должна была дергать ее за рукавъ. „А! что?“ быстро приподнимая голову спрашивала она, все еще находясь подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго. „Хорошо, хорошо, переписывай дальше“... произносила она, немедленно погружаясь въ чтеніе. Я скоро забросила и переписку и, когда уѣзжала мать со двора, бѣжала въ садъ или огородъ, но немедленно бросалась въ классную, когда еще издали заслышу стукъ экипажа. Сколько помню, дѣлала это я по такому соображенію: если матушка поймаетъ ее на мѣстѣ преступленія, начнетъ слѣдить за нею, то я снова должна буду приняться за грамматическія упражненія, за спряженія французскихъ глаголовъ, что мнѣ сильно досаждало, а если ее уволятъ, то наймутъ, пожалуй, кого нибудь въ родѣ M-lle Лины, которая такъ жестоко меня колотила.

Не смотря на доброту и кротость гувернантки, скука и одиночество меня страшно тяготили: она не любила со мной ни гулять, ни бѣгать, но охотно соглашалась разсказывать, усѣвшись при первой возможности. Но я инстинктивно начала уклоняться отъ ея разсказовъ, хотя она передавала прочитанные ею романы весьма чистоплотно; но дѣйствующія лица ея романовъ обыкновенно оканчивали свою судьбу такъ трагично, прибѣгали къ самоубійству, умирали отъ чахотки... заканчивала она разсказъ взволнованнымъ голосомъ, и въ концѣ концовъ я начинала рыдать вмѣстѣ съ нею.

Смѣемъ думать, что нашъ историческій очеркъ, далъ довольно ясное понятіе о томъ, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ постепенно сла-

гался характеръ русскаго человѣка, пока не всосались въ его плоть и кровь масса пороковъ: разнузданныя страсти и преступныя вожделѣнія, барство, лѣнь, боязнь мысли, отвращеніе къ умственному и физическому труду, отсутствіе инициативы, наблюдательности, интереса къ общественному дѣлу и общечеловѣческихъ идеаловъ. Мы видѣли также, что, не смотря на смягченіе нравовъ и образованія, распространившагося въ большемъ кругу общества, въ тоже время увеличился и разладъ между старымъ и молодымъ поколѣніями.

Глава VI. Шестидесятые и семидесятые годы.

Оживленіе общества послѣ 1855 г.—Восторгъ, вызванный статьею Пирогова «Вопросы жизни».— Ея значеніе, достоинства и недостатки. — Пробужденіе въ обществѣ интереса къ вопросамъ воспитанія.— Возрожденіе идей сороковыхъ годовъ.—Шестидесятые годы.—Умственное движеніе общества.—Раздоръ между отцами и дѣтьми. — Причина этого явленія. — Страстное стремленіе молодежи къ самостоятельности и самообразованію.—Эмансипація женщинъ.—Принципы, идеалы и требованія людей 60-хъ гг.—Примѣненіе ихъ къ воспитанію.—Достоинства и недостатки воспитанія того времени.—«Господа дѣти» и ихъ первенствующая роль въ семьѣ.—Все для дѣтей и ничего отъ дѣтей.—Причина этого явленія и его послѣдствія.—Дѣтская и ея обстановка.—Свобода дѣтей, какъ ее понимали въ то время и какъ слѣдуетъ примѣнять ее въ воспитаніи вообще.—Результаты утрированно-деликатнаго отношенія къ душевному міру дѣтей.—Вліяніе на воспитаніе утилитарнаго направленія. — Его вредъ и важное значеніе эстетическаго развитія.—Умственное развитіе дѣтей того времени: его достоинства и недостатки.—Пренебрежительное отношеніе къ развитію памяти.—Почему изгоняли изъ употребленія сказки.—Вредъ педантичнаго примѣненія какихъ бы то ни было методовъ. — Итоги нравовъ и воспитанія шестидесятыхъ годовъ.—Конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ.—Апатія и отсутствіе интереса интеллигенціи къ вопросамъ общественнымъ и педагогическимъ.—Отсутствіе подготовки современныхъ матерей къ дѣлу воспитанія.—Отсутствіе умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей.—Вниманіе направлено исключительно на физическое развитіе, доведенное до хоти и барства.—Современное направленіе воспитанія.

Со вступленіемъ на престолъ импер. Александра II наступили новыя времена, породившія въ обществѣ трепетныя, надежды ожиданіе реформъ и улучшеній въ различныхъ сферахъ жизни и дѣятельности. Мертвая тишина и унынie, всюду царившія до тѣхъ поръ, быстро смѣнились лихорадочнымъ движеніемъ въ общественной жизни, подъемомъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, пробужденіемъ самосознанія.

Въ 1856 г. появилась статья Пирогова „Вопросы жизни“, надѣлавшая много шума и отъ которой пришла въ восторгъ вся интеллигенція. Что-же представляла она собой, какіе вопросы она затрогивала? Въ статьѣ этой дѣйствительно были мысли весьма цѣнныя, но онѣ были далеко не новы даже и у насъ, и притомъ разъяснены авторомъ неопредѣленно или противорѣчиво. Одинъ изъ существеннѣйшихъ пунктовъ „Вопросовъ жизни“ напоминалъ русскому обществу, что оно въ воспитаніи преслѣдуетъ узко-утилитарныя цѣли: создаетъ негоціантовъ, солдатъ, механиковъ, моряковъ, врачей, юристовъ, но не людей.

Эта вполнѣ справедливая и гуманная мысль была блистательно выяснена Руссо, еще въ XVIII в., въ его „Эмилѣ“. „Быть человѣкомъ“, говоритъ онъ, „общее для всѣхъ призваніе; кто хорошо воспитанъ для этого, тотъ не можетъ дурно выполнять должностей, которыя могутъ выпасть ему на долю. Пусть назначаютъ моего воспитанника въ военную службу, въ духовное званіе, въ адвокаты,—мнѣ все равно. *Природа прежде всего призываетъ его къ челов*-

ческой жизни. Жить, вотъ ремесло, которому я хочу его научить. Выйдя изъ моихъ рукъ, онъ не будетъ, сознаюсь въ томъ, *ни судьей*, *ни солдатомъ*, *ни священникомъ*, онъ будетъ прежде всего *человѣкомъ*, но, при случаѣ, съумѣетъ быть не хуже всякаго другаго всѣмъ, чѣмъ человѣкъ долженъ быть, и, куда ни броситъ его судьба, онъ вездѣ будетъ на своемъ мѣстѣ.

Бѣлинскій по этому вопросу съ свойственною ему энергіею, высказался въ томъ же духѣ: „воспитаніе должно видѣть въ дитяти не чиновника, не поэта, не ремесленника, но *человѣка*, который могъ бы впослѣдствіи быть тѣмъ или другимъ, не переставая быть человѣкомъ".

Не смотря на то, что мысль, высказанная Пироговымъ, не представляла ничего новаго, русское общество приняло ее съ восторгомъ, какъ совершенно новое откровеніе. Это служило лишь наглядным доказательствомъ того, какъ основательно были забыты идеи, внесенныя въ русское общество дѣятелями 40-хъ гг. Идея эта, сдѣлавшаяся аксіомой на западѣ еще въ концѣ XVIII-го в., у насъ въ 40-хъ гг. XIX-го вѣка была повторяема при всякомъ удобномъ случаѣ и предлагалась публикѣ въ самой разнообразной формѣ. На эту тему появлялись и трактаты характера философскаго, соціологическаго, педагогическаго и болѣе всего въ беллетристической формѣ, однимъ словомъ вполнѣ былъ выясненъ и внутренній смыслъ девиза „быть человѣкомъ". Что-же это означало? По идеаламъ передовыхъ писателей 40-хъ гг., это говорило о человѣкѣ, не забивавшемся въ узкую спеціальность, который въ то же время постоянно развивалъ въ себѣ высшія духовныя стремленія, шелъ впередъ въ своемъ умственномъ развитіи и нравственномъ совершенствованіи, усвоилъ привычку ставить общественные интересы выше личныхъ и всею душою любилъ свою родину, по мѣрѣ силъ содѣйствуя развитію въ ней просвѣщенія. Для удостоеннаго почетнаго званія „человѣка" обязательно было также имѣть собственныя убѣжденія, которыя должны были не слагаться изъ мнѣній, принятыхъ на вѣру или внушенныхъ извнѣ, а являться результатомъ собственнаго опыта, знаній и самостоятельной провѣрки.

Къ какому же идеалу долженъ стремиться „человѣкъ" Пирогова? Что онъ долженъ дѣлать, какъ жить, чтобы и другіе съ энтузіазмомъ, умиленіемъ, восторгомъ или изумленіемъ воскликнули. „Да, это человѣкъ"? Вотъ что отвѣчаетъ на это Пироговъ: „Жить на землѣ для усовершенствованія, для облагороженія матеріи; приготовлять себѣ чрезъ земное бытіе путь къ безсмертію, къ сохраненію сознанія о себѣ и за гробомъ; кто, посмотрѣвъ съ этой точки на жизнь, не пойметъ, что при такомъ взглядѣ наши мысли, намѣренія, рѣчи и поступки получаютъ другое направленіе!" Но что же будетъ, когда мы усвоимъ этотъ взглядъ *до степени убѣжденія*? Тогда какой завѣтный идеалъ высокаго и святаго останется для насъ недостижимымъ? Какая жертва останется для насъ невозможною, чтобы жить для безсмертія, жить сознательно, вѣчно? говоритъ Пироговъ. „Вотъ нашъ эдемъ, вотъ вѣчное блаженство откровенія." „Утратить духовное сознаніе и слиться съ грубыми стихіями земли—вотъ вѣчный адъ".

„Пусть же каждый изъ насъ рѣшитъ съ убѣжденіемъ этотъ столбовой вопросъ жизни: жить, совершенствуясь; отвлеченіемъ развивать *сознаніе* въ эѳирѣ Творящаго, Который витаетъ въ насъ, стремясь безпрестанно слиться съ общимъ эѳиромъ вселенной; самопознаніемъ уничтожать дуализмъ, происходящій отъ сознанія бытія въ матеріи. Въ этой же жизни стремиться къ разъединенію духа отъ тѣла, возвышая его до управленія матеріей, а матерію облагораживая до свойства быть управляемою духомъ. Только тотъ, кто въ здѣшней жизни проложилъ себѣ этотъ путь, достигнетъ безсмертія, только

онъ одушевится предчувствіемъ, что̀ его ожидаетъ за гробомъ. Кто былъ такъ несчастливъ, неспособенъ, лѣнивъ и ничтоженъ, что не хотѣлъ воспользоваться самою высшею способностію человѣка—развивать сознаніе въ себѣ до самопознанія и одерживать черезъ то верхъ надъ матеріею, тотъ долженъ отказаться отъ безсмертія, котораго онъ не въ состояніи былъ и предчувствовать".

Идеалъ жизни человѣка, какъ мы видимъ, выясненъ у Пирогова весьма туманно, высказанъ съ большими метафизическими изощреніями и риторическими пріемами и даетъ большой просторъ каждому вложить въ него свои собственныя міровоззрѣнія; но лишь при богатой фантазіи можно приписать Пирогову широту и новизну воззрѣній и опредѣленность требованій.

Другая мысль статьи Пирогова та, что „самыя главныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ теперь общество". Направленіе же общества, по объясненію автора, матеріальное, чисто „торговое", основаніемъ которому служитъ идея о счастьи и наслажденіи въ жизни здѣшней. Послѣ окончанія курса, вступая въ жизнь, чтобы идти рука объ руку съ другими, мы вынуждены отречься отъ всего, чему насъ учили. Если же мы останемся при своихъ убѣжденіяхъ, мы вынуждены вступать во вражду съ обществомъ. „Или—мы отдаемся произволу", говоритъ онъ, „избираемъ въ наши путеводители случай, колеблемся и путаемся въ лабиринтѣ непослѣдовательностей и противорѣчій".

Направленіе общества того времени было дѣйствительно такимъ, какимъ его описываетъ Пироговъ, и отступника отъ его узко-эгоистичныхъ принциповъ и меркантильныхъ разсчетовъ карали остракизмомъ изъ него, гоненіями и преслѣдованіями. Мы несогласны только съ тѣмъ, что молодому человѣку, вступающему въ то время въ жизнь послѣ окончанія курса, приходилось отъ чего-нибудь отрекаться. Да и самъ Пироговъ былъ не особенно лестнаго мнѣнія о нашемъ школьномъ воспитаніи: это видно изъ того, что онъ энергично и вполнѣ справедливо совѣтуетъ каждому перевоспитать себя.

Въ статьѣ „Вопросы жизни" высказано не мало мыслей характера полумистическаго и полуаскетическаго, съ которыми едва-ли можно согласиться, такъ какъ стремленіе къ личному счастью вполнѣ законно и естественно, если только человѣкъ не ставитъ этого счастья во главу угла, если только онъ не приноситъ ему въ жертву счастья ближнихъ, не отдаетъ на служеніе ему всѣхъ своихъ силъ.

По мнѣнію Пирогова, идеальный человѣкъ долженъ прежде всего бороться съ соблазнами: „измѣнить же направленіе общества есть дѣло Промысла и времени", что, кстати замѣтимъ, совершенно невѣрно: если бы, согласно съ понятіями Пирогова, положились въ этомъ дѣлѣ на пути Провидѣнія и на дѣло времени и въ русское воспитаніе и образованіе не вносили бы отъ времени до времени новыхъ реформъ, едва-ли бы направленіе общества измѣнилось къ лучшему; въ немъ, вѣроятно, и до настоящаго времени господствовали бы домостроевскіе идеалы.

По мнѣнію Пирогова, человѣкъ, приготовляющій себя къ борьбѣ, долженъ прежде всего, „имѣть отъ природы *хотя какое-нибудь притязаніе на умъ и чувство*. Пользуйтесь этими благими дарами Творца, но не дѣлайте одаренныхъ безсмысленными поклонниками *мертвой буквы*, *дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета*, *суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма*, *восторженными расточителями чувства и воли и холодными адептами разума*". Объясненій для столь разнорѣчивыхъ требованій Пироговъ не даетъ. Вѣроятно, сознавая это, онъ непосредственно за этой тирадой оговаривается: „Вы скажете, что это общія, риторическія фразы.

Но я не виноватъ, что безъ нихъ не могу выразить того идеала, котораго достигнуть я такъ горячо, такъ искренно желаю и моимъ, и вашимъ дѣтямъ".

Постараемся, однако, разобраться въ вышеприведенномъ. Весьма законно, симпатично, естественно и своевременно требованіе Пирогова, чтобы люди, имѣющіе претензію на умъ и чувство, не дѣлались „безсмысленными поклонниками мертвой буквы". Убійственный формализмъ, изсушающій душу, губящій природныя дарованія и подавляющій индивидульныя свойства, господствовалъ у насъ въ то время не только въ воспитаніи и образованіи, но во всѣхъ сферахъ жизни. Но дальнѣйшее предостереженіе автора, чтобы воспитываемыхъ не дѣлали „дерзновенными противниками необходимаго на землѣ авторитета", — уже совсѣмъ темно. Какіе же авторитеты, какіе идеалы выдвигало громадное большинство тогдашняго общества? Въ большинствѣ случаевъ значеніемъ въ обществѣ и авторитетомъ пользовались люди, нажившіе громадное состояніе, не разбирая средствъ. Противуположнаго взгляда на идеалы и авторитеты держался самый небольшой кружокъ людей. Автору во всякомъ случаѣ слѣдовало выяснить, какой авторитетъ необходимъ на землѣ, кого слѣдуетъ клеймить „дерзновенными его противниками", кого нужно считать „суемудрыми приверженцами грубаго матеріализма", тѣмъ болѣе, что весьма многіе въ то время могли поставить это на счетъ защитниковъ изученія естествознанія. Также неизвѣстнымъ осталось и то, какого рода людей должно отнести къ категоріи „холодныхъ адептовъ разума". Судя по духу времени къ нимъ ближе всего подходили тѣ, которые настойчиво ратовали за право каждаго самостоятельно разсуждать и думать, указывали несостоятельность прежнихъ авторитетовъ, развивали скептицизмъ, критическое отношеніе къ окружающему, доказывали необходимость искать во всемъ разумную, естественную причину, пробуждали пытливость.

О выгодахъ идеальнаго воспитанія авторъ говоритъ: „Оно самое удобное и для правительствъ, и для подданныхъ. Для правительствъ потому, что всѣ воспитанники до извѣстнаго возраста будутъ образовываться, *руководимые совершенно однимъ и тѣмъ же направленіемъ, въ одномъ духѣ, съ одною и тою же цѣлью; слѣдовательно, нравственно-научное воспитаніе всѣхъ будущихъ гражданъ будетъ находиться въ однихъ рукахъ.* Всѣ виды, всѣ благія намѣренія правительствъ къ улучшенію просвѣщенія будутъ исполняться послѣдовательно, съ одинаковою энергіей и одновѣдомственными лицами. Для подданныхъ потому, что всѣ воспитанники до вступленія, ихъ въ число гражданъ, будутъ дружно пользоваться одинаковыми правами и одинаковыми выгодами воспитанія".

Итакъ, въ 1856 году Пироговъ проповѣдуетъ неприкосновенность авторитета, предаетъ анаѳемѣ матеріализмъ и восторженныхъ расточителей чувства и воли (хотя онъ не объясняетъ, что подъ этимъ слѣдуетъ понимать, но такъ какъ противниковъ поклоненія авторитета онъ называетъ „дерзновенными", а приверженцевъ матеріализма—„суемудрыми", затѣмъ въ другомъ мѣстѣ той же статьи онъ на одну доску ставитъ іезуитовъ и энциклопедистовъ *), то изъ этого ясно слѣдуетъ, какъ надо понимать сказанное), требуетъ однообразія въ воспитаніи, забывая индивидуальныя склонности воспитываемыхъ, и все для того, чтобы это было удобнѣе длл правительствъ и подданныхъ. Теперь просто не вѣрится, что у насъ одинъ изъ передовыхъ дѣятелей второй половины XIX ст. хлопоталъ о томъ, чтобы ввести въ воспи-

*) «Морской Сборникъ», 1856 г., № 9, стр. 571.

таніе принципы, отжившіе на Западѣ болѣе двухъ съ половиною вѣковъ, такъ какъ уже поборники реформаціи старались уничтожить однообразную дрессировку и слѣпое подчиненіе авторитетамъ. При этомъ совсѣмъ непонятно, почему Пироговъ такъ стоитъ за единообразіе въ воспиганіи, которое болѣе всего приводитъ воспитываемыхъ къ одному знаменателю, когда именно такое воспитаніе и практиковалось у насъ тогда въ закрытыхъ заведеніяхъ. Не менѣе коробитъ теперь читателя и такое поученіе Пирогова: „Все, что есть высокаго, прекраснаго на свѣтѣ,—искусство, вдохновеніе, наука, не должно слишкомъ сродняться со вседневною жизнью; оно утратитъ свою первобытную чистоту, выродится и запылится прахомъ".

А вотъ его взглядъ на женщину: „Эмансипація—вотъ эта мысль. Паденіе—вотъ первый шагъ. Пусть многое останется ей неизвѣстнымъ. Она должна гордиться тѣмъ, что многаго не знаетъ". „Если женскіе педанты, толкуя объ эмансипаціи, разумѣютъ одно воспитаніе женщинъ,—они правы. Если же они разумѣютъ эмансипацію общественныхъ правъ женщины, то они сами не знаютъ, чего хотятъ".

Какимъ же образомъ статья Пирогова произвела такой фуроръ? Нужно помнить, что она явилась непосредственно вслѣдъ за окончаніемъ реакціи, когда идеи сороковыхъ годовъ, за исключеніемъ небольшаго круга людей, были забыты всѣми, когда еще не были выдвинуты наиболѣе существенные вопросы. Туманность изложенія мѣшала проникнуть въ истинный смыслъ произведенія, между тѣмъ хорошія слова, разсѣянныя въ статьѣ, и нѣсколько благородныхъ, хотя избитыхъ истинъ (о необходимости горою стоять за правду, имѣть убѣжденія, бороться за нихъ, жертвовать за нихъ собою и т. п.) оставались въ памяти и представляли богатую тему для разговоровъ въ домахъ, клубахъ, на вечеринкахъ.

Не смотря на неудовлетворительность статьи Пирогова и на совершенную ея невыясненность и противорѣчія, въ этотъ наэлектризованный періодъ русской жизни достаточно было одной живой мысли, часто хорошаго слова, чтобы дать толчекъ къ возникновенію тѣхъ или другихъ вопросовъ,—такъ было и съ вопросами педагогическими. Кромѣ горячихъ споровъ и толковъ о педагогическихъ вопросахъ, вызванныхъ этою статьею, что было въ высшей степени полезно само по себѣ, въ слѣдующемъ, т. е. въ 1857 году явилось два педагогическихъ журнала: „Русскій Педагогическій Вѣстникъ" и „Журналъ для воспитанія", а вскорѣ затѣмъ возникъ одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе серьезныхъ педагогическихъ органовъ—„Учитель", который, впродолженіи болѣе десятилѣтняго своего существованія, останавливался на существенныхъ вопросахъ воспитанія и съумѣлъ сгруппировать около себя лучшія педагогическія силы. И каждая, наиболѣе живая, статья въ этихъ спеціальныхъ органахъ возбуждала въ то время въ обществѣ цѣлую бурю вопросовъ. Огромный кругъ людей зачитывался педагогическими журналами; разговоры и споры о воспитаніи раздавались теперь даже въ тѣхъ гостиныхъ, гдѣ еще такъ недавно можно было слышать лишь французское „causerie", и гдѣ гремѣли звуки бальной музыки.

Теоретическіе толки о воспитаніи скоро получили и практическое примѣненіе: по всей Россіи возникли школы воскресныя, безплатныя, элементарныя и различныя учебныя заведенія, какъ по иниціативѣ частныхъ лицъ, такъ и по иниціативѣ правительства, которое основательно взялось за школьныя реформы.

Вмѣсто того, чтобы ѣхать съ визитами, модная барыня отправлялась теперь на урокъ въ ту или другую школу, чтобы учить дѣтей или послу-

шать опытную преподавательницу и такимъ образомъ серьезно подготовляться къ педагогической дѣятельности.

Вмѣстѣ съ чтеніемъ педагогическихъ произведеній общество со страстью набросилось на чтеніе книгъ по другимъ областямъ мысли и знанія, и прежде всего на богатую литературу 40-хъ гг., совершенно забытую въ послѣдующее десятилѣтіе. И во времена реакціи существовалъ небольшой кругъ людей, основательно знакомыхъ съ произведеніями передовыхъ дѣятелей 40-хъ гг., но тогда люди этого круга, какъ святыню, хранили про себя, усвоенныя ими идеи. Теперь, при новыхъ условіяхъ, они съ неудержимою энергіею бросились распространять эти идеи направо и налѣво, раздавая читать произведенія писателей 40-хъ гг. Такимъ образомъ лихорадочное общественное оживленіе конца 50-хъ гг. увеличивалось еще возрожденіемъ идей 40-хъ гг. и быстрымъ распространеніемъ ихъ въ огромномъ кругу общества. Журналистика также была могучимъ двигателемъ и распространителемъ этихъ идей; въ этомъ отношеніи особенную извѣстность пріобрѣлъ „Современникъ“, журналъ, завоевавшій глубокое уваженіе и симпатіи наиболѣе отзывчивыхъ элементовъ общества. Этотъ журналъ цѣлой серіей блестящихъ статей убѣдительно доказывалъ необходимость сбросить обветшалые принципы, сковывающіе жизнь, путы метафизики, тормозящіе знаніе, и неослабно доказывалъ всю призрачность пользы для общества чистаго искусства и науки для науки. Въ общественномъ сознаніи все болѣе созрѣвало убѣжденіе, что науки и искусства полезны только въ томъ случаѣ, если онѣ служатъ жизни и интересамъ народа. Въ журналистикѣ мало-по-малу вырабатывались новыя эстетическія, нравственныя и общественныя теоріи, основанныя на началахъ реализма; все энергичнѣе проповѣдывалась необходимость и важность естественныхъ наукъ; наиболѣе развитые и честные люди все съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали паденія крѣпостнаго права.

Огромный классъ русскаго общество, еще недавно не помышлявшій ни о чемъ, кромѣ своихъ личныхъ интересовъ, вдругъ начинаетъ думать, пристальнѣе всматриваться въ явленія русской жизни и подвергать ихъ критическому анализу. Къ этому, впрочемъ, побуждало его не только умственное движеніе и быстро распространявшіяся идеи, но и крымская кампанія, только что окончившаяся такъ печально для русскаго самолюбія. Не смотря на героизмъ, на безконечное число жертвъ, на сотни тысячъ убитыхъ и искалѣченныхъ русскихъ солдатъ, Севастополь палъ, и нашимъ войскамъ приказано было отступать: оказалось, что Россія не имѣетъ ни денегъ, ни людей, чтобы продолжать борьбу. Эта война въ то же время обнаружила массу злоупотребленій на различныхъ поприщахъ дѣятельности. Невольно являлся вопросъ: гдѣ язвы, разъѣдающія и подтачивающія государственный организмъ и жизнь народа? Безконечныя жертвы и замѣчательное напряженіе всѣхъ народныхъ силъ для крымской войны,—все предвѣщало побѣду при этомъ, какъ казалось, прочномъ, правильномъ, крѣпко установившемся общественномъ строѣ... А между тѣмъ такой стыдъ и позоръ! Можетъ быть и въ другихъ сферахъ русской жизни только кажется, что все обстоитъ благополучно? И передъ мысленнымъ взоромъ интеллигентнаго человѣка выступали разныя „злобы“ русской дѣйствительности и, какъ причина причинъ,—крѣпостничество, огульное невѣжество и взяточничество.

Но вотъ пало крѣпостное право.

Просвѣщеніе, самыя разнообразныя реформы въ русской жизни, критическій анализъ и мышленіе общества пошли впередъ гигантскими шагами. За грандіозною крестьянскою реформою volens nolens немедленно стали рас-

падаться и многія другія старыя формы жизни, а непосредственно за ними созидаться новыя основы для общественности, что вмѣстѣ съ тѣмъ открывало новыя поприща для дѣятельности, вызывало новыя силы. Міровоззрѣніе общества быстро обновлялось, создавались новые идеалы и принципы, на сцену выступали новыя требованія.

Всю Россію единодушно охватило лихорадочное, стремительное движеніе впередъ: всѣ вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, бросились учиться и учить другихъ, начали думать, читать, высказывать вслухъ свои мысли, требовать отъ всѣхъ и для всѣхъ широкой общественной дѣятельности, просвѣщенія всѣхъ классовъ общества безъ различія пола, сословія, матеріальнаго достатка.

Пробудившаяся мысль и, сравнительно съ предыдущей эпохой, бо́льшая свобода печатнаго слова вызвали къ жизни цѣлую плеяду талантливыхъ публицистовъ, беллетристовъ, ученыхъ, профессоровъ, имена которыхъ навсегда останутся въ исторіи этого блестящаго, но весьма короткаго періода пробужденія и умственнаго движенія русскаго общества.

Въ основѣ цѣлаго ряда критическихъ и беллетристическихъ произведеній и популярно-научныхъ трактатовъ начала 60-хъ гг. лежала проповѣдь широкой гуманности, чувства собственнаго достоинства, необходимости стремленія къ расширенію правъ народа и улучшенія его матеріальнаго благосостоянія, борьбы интеллигента съ обломовщиной, съ обскурантизмомъ, человѣческою приниженностію, рабствомъ мысли, требованіе свободы и самостоятельности мышленія, критики и анализа, братскаго, сочувственнаго отношенія къ простому люду. Всѣ эти идеи, повторяемъ, были давнымъ давно извѣстны не только на западѣ, но и у насъ уже въ 40-хъ гг., но лишь весьма небольшому кругу общества; теперь же онѣ получили широкое распространеніе; при этомъ не нужно забывать еще и того обстоятельства, что во времена крѣпостничества и произвола эти идеи не имѣли никакой почвы, отзывались фразою, между тѣмъ какъ теперь, въ освободительный періодъ, являлась надежда, а у молодежи и полная увѣренность въ возможности ихъ осуществленія и примѣненія къ жизни.

Вмѣстѣ съ новымъ міровоззрѣніемъ, въ русскомъ обществѣ сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, сказалось чувство недовольства прежнею жизнію, грубыми нравами, угнетавшими проявленіе свѣжей мысли, явилось отрицательное отношеніе къ прежнимъ авторитетамъ,—это новое движеніе получило неудачную кличку „нигилизма“. Какъ бы то ни было, но дѣйствительно всѣ основы прошлой жизни съ ея обычаями, вѣрованіями, семейною жизнью и ея традиціями, всѣ прежнія стремленія общества, воспитаніе дѣтей, отношеніе родителей къ дѣтямъ, прежніе взгляды на женщину,—все это считалось теперь устарѣвшимъ, отжившимъ и растлѣннымъ и требовало, по мнѣнію новыхъ людей, совершеннаго обновленія. Старые боги, прежніе кумиры повергались въ прахъ безъ сожалѣнія, обыкновенно съ сарказмами, часто даже съ злобою.

Въ ту юную пору нашей жизни, при пробужденіи впервые самосознанія и критическаго анализа, иначе и быть не могло. Долго гнули въ одну сторону, теперь сильно стали гнуть въ другую, явились комичные факты, такъ сказать передержки новшествъ, подъ часъ весьма нелѣпыя, даже печальныя, но сущность требованій, нежеланіе что нибудь заимствовать изъ прошлаго—имѣли свой глубокій смыслъ, свой „raison d'être“.

Изъ предъидущихъ очерковъ мы уже знаемъ, что хотя въ XVIII в. русское общество и начинаетъ выходить изъ своего первобытнаго состоянія, но идеаломъ громаднаго большинства, какъ въ продолженіе всего XVIII ст.,

такъ и въ первую половину XIX в., было стремленіе къ пустой свѣтскости. Огражденныя всевозможными запретами европейскія идеи туго проникали къ намъ; когда запреты на короткое время ослабѣвали, съ западными идеями знакомилось лишь небольшое число русскихъ людей, да и они не могли примѣнять ихъ къ жизни, такъ какъ общественный строй Россіи, съ крѣпостничествомъ во главѣ, противорѣчилъ самой основѣ этихъ идей. Образованіе было настолько плохо организовано и мало распространено, что рѣдко создавало въ обществѣ образованныхъ и вполнѣ развитыхъ людей съ самостоятельною мыслью. Умственная лѣнь, апатія, безпечность, рабство мысли, недостатокъ иниціативы въ воспитательномъ и общественномъ дѣлѣ были характерными качествами интеллигентныхъ людей до освободительнаго періода; въ жизни же за весь этотъ періодъ царили крѣпостничество, произволъ и взяточничество. Вотъ почему въ освободительную эпоху все прошлое было подвергнуто безпощадной критикѣ, и люди 60-хъ гг. такъ рѣзко и отрицательно относились къ прежнимъ авторитетамъ, къ прежнему воспитанію, къ родительской власти вообще. Хотя деспотизмъ родительской власти, сравнительно съ временами Домостроя, не былъ уже въ такой всесокрушающей силѣ, но основы воспитанія и его принципы оставались прежними. Родительскій авторитетъ и въ первой половинѣ XIX ст. носилъ тотъ же характеръ непогрѣшимости и имѣлъ въ судьбѣ дѣтей рѣшающее значеніе. Тѣлесныя наказанія примѣнялись рѣже, но и теперь считались въ воспитаніи самыми могущественными педагогическими средствами. Въ 60-хъ гг., благодаря умственному пробужденію, дѣти воочію увидѣли, что всемогущій родитель, облеченный безграничною властью, былъ стяжателемъ, взяточникомъ, жестокимъ деспотомъ въ отношеніи своихъ рабовъ, дармоѣдомъ и тунеядцемъ, сластолюбцемъ и развратникомъ. И молодое поколѣніе 60-хъ гг. начинаетъ съ безпощаднымъ отрицаніемъ относиться и къ родительской власти, и къ прежнимъ авторитетамъ.

Шестидесятые годы были временемъ быстраго, безъ оглядки, движенія впередъ. Некогда было вдумываться въ причины явленій. Вслѣдствіе этого люди этой эпохи, въ своихъ отзывахъ о прошломъ, не брали въ разсчетъ смягчающихъ обстоятельствъ, не принимали во вниманіе, что прежніе люди были продуктомъ своего времени, что измѣниться теперь сразу, бросить свою лѣнь, апатію къ общественному дѣлу, барство они не могли на старости лѣтъ, если бы даже и поняли весь ужасъ прошлаго и желали бы измѣниться: привычка вторая натура. Вотъ причина рѣзкаго отрицательнаго отношенія молодаго поколѣнія къ родительскому и другимъ авторитетамъ, ко всему, что было выдвинуто впередъ, къ порядкамъ и обычаямъ, сковывавшимъ жизнь, мѣшавшимъ умственному развитію, просвѣщенію и самостоятельности.

Тутъ происходили взаимныя недоразумѣнія: старое поколѣніе не могло понять, почему дѣти начали вдругъ стремиться къ жизни совсѣмъ новой, чѣмъ была такъ дурна ихъ собственная жизнь. Вѣдь они, старики, желали блага своимъ дѣтямъ, дѣлали все, чтобы въ будущемъ обезпечить ихъ... Дѣти же находятъ нужнымъ учиться безъ конца, брать на себя обязанности, необезпечивающія ихъ въ матеріальномъ отношеніи. Чѣмъ же они въ свою очередь будутъ кормить своихъ дѣтей? Куда сами преклонятъ голову на старости лѣтъ? Какъ могутъ они, родители, не сокрушаться о дѣтяхъ, какъ могутъ они не порицать ихъ поведенія? Такое положеніе вещей вызывало взаимное раздраженіе, тяжелыя семейныя драмы.

Раздоръ между старымъ и молодымъ поколѣніями въ 60-хъ гг. достигъ своего апогея. Въ тѣ времена, въ каждой семьѣ, чиновничьей или помѣщи-

чьей, гдѣ была молодежь, шли самыя разнообразныя пререканія, неудовольствія и драмы. Дѣвушка желаетъ посѣщать публичныя лекціи: мать находитъ это лишнимъ или считаетъ неприличнымъ для дочери ходить одной по улицамъ и запрещаетъ посѣщать лекціи. Дочь уходитъ одна,—дѣло кончается полнымъ разрывомъ или, по крайней мѣрѣ, порождаетъ въ семьѣ, до тѣхъ поръ жившей тихо и мирно, взаимное озлобленіе и дрязги.

Шестидесятые годы были въ тоже время эпохою женской эмансипаціи: молодыя женщины и дѣвушки мечтали о самостоятельномъ заработкѣ, о полной независимости отъ родительской и супружеской власти. На попытки дѣвушекъ къ самостоятельности, особенно если для этого приходилось ѣхать изъ провинціи въ столицу, старое поколѣніе смотрѣло, какъ на развратъ, и ставило этому стремленію всевозможныя препятствія. Но дѣвушки разрывали всѣ отношенія съ семействами, шли въ учительницы, въ артели переводчицъ, наборщицъ, швейныя мастерскія, въ телеграфистки, сестры милосердія, акушерки.

Сплошь и рядомъ были случаи, когда огромная семья сразу дѣлилась на двѣ партіи: старики-родители оставались въ деревнѣ одни, а вся молодежь, состоящая изъ нѣсколькихъ сыновей и молодыхъ дѣвушекъ, захвативъ съ собою подростковъ, эмигрировала въ столицы. Ихъ молили остаться, указывали на тяжелую борьбу, которую придется вынести молодой дѣвушкѣ при самостоятельной жизни въ столицѣ, на клеветы, которыя посыпятся *на ея* голову; иные, желая удержать дома, грозили жалобой по начальству, нерѣдко приводили даже угрозу въ исполненіе... Но все было напрасно... Не всѣ, конечно, молодые люди сознавали ужасъ лишеній, нѣкоторые совсѣмъ не понимали, что ихъ ожидало впереди, однако очень многіе прекрасно знали, что такое нужда, и все таки шли. Шли безъ страха, въ какомъ то праздничнo-веселомъ настроеніи, опасаясь лишь задержекъ дома... О! все лучше, лишь бы съ ними въ будущемъ не было того, что они вдругъ увидѣли дома, поняли и прозрѣли!

Современныя идеи и постоянное чтеніе расширяли кругозоръ женщины: она не могла болѣе удовлетворяться ролью няньки своихъ дѣтей, экономки мужа или свѣтской львицы. Передъ нею уже носился заманчивый идеалъ самостоятельной труженицы, жены, связанной съ мужемъ взаимностью идеаловъ, интересовъ, взглядовъ и труда на общественной аренѣ, образованной, развитой матери—истинной руководительницы своихъ дѣтей. Многія изъ дѣвушекъ выходили замужъ за общественныхъ дѣятелей не по любви, а чтобы самимъ легче было заняться общественною дѣятельностью; другія наоборотъ отказывались отъ брака, если онъ могъ помѣшать общественной дѣятельности.

Главною причиною всеобщаго стремленія женщинъ къ самостоятельному заработку было совершенно новое экономическое положеніе, въ которомъ онѣ вдругъ очутились. Послѣ освобожденія крестьянъ небогатымъ помѣщичьимъ семьямъ пришлось остаться съ выкупными свидѣтельствами на небольшую сумму, которой не всегда хватало, чтобы на первыхъ порахъ даже поставить хозяйство на новыхъ началахъ. Ихъ дѣти поняли, что имъ не на что болѣе разсчитывать, что въ будущемъ они не могутъ существовать безъ собственнаго заработка. Прежнее положеніе бѣдныхъ дѣвушекъ въ качествѣ приживалокъ и компаніонокъ въ домахъ богатыхъ родственниковъ стало теперь немыслимымъ: у богатыхъ тоже исчезъ главный источникъ ихъ дохода,—всѣ поприжались и сильно сокращали свои расходы. Къ тому же и въ чиновничьей средѣ шло сокращеніе штатовъ вслѣдствіе реформъ въ различныхъ сферахъ: закрывалось не мало присутственныхъ мѣстъ. Все это заставляло массу женщинъ искать самостоятельнаго заработка. Но, конечно, не только мате-

ріальная нужда гнала женщину изъ-подъ родительскаго крова: къ этому побуждало ее также стремленіе къ серьезному образованію, потребность самостоятельно добывать кусокъ хлѣба, несмотря на средства родителей, желаніе приносить посильную помощь обществу, желаніе зажить самостоятельною жизнью на новыхъ началахъ, чтобы условныя приличія не выдвигались на первый планъ, чтобы жизнь окружающихъ, ихъ нравы и удовольствія не оскорбляли бы ея завѣтныхъ чувствъ, чтобы она могла вести активную борьбу со зломъ, какъ дѣятельный членъ общества, а не только страдать, какъ раба, что было до сихъ поръ ея удѣломъ.

Постоянныя недоразумѣнія съ родителями и семейныя драмы, непосильный трудъ ради своего образованія и саморазвитія и тяжелая борьба за существованіе сказывались въ нервномъ напряженіи и раздражительности молодежи, очень часто выражавшейся въ рѣзкостяхъ и крайней нетерпимости къ мнѣнію каждаго, кто выказывалъ хотя тѣнь сочувствія прежнимъ порядкамъ, людямъ прежняго закала и реакціонному направленію; были и такіе крайніе, которые нетерпимо относились ко всему, что хотя на одну іоту не подходило подъ требованія современнаго кодекса понятій. Хорошими людьми молодежь 60-хъ гг., въ большинствѣ случаевъ, считала только людей съ новыми понятіями, по молодости часто забывая, что на словахъ казаться ими весьма не трудно. Подвергалась осужденію и дружба какъ съ людьми завѣдомо безчестными въ общественномъ отношеніи, такъ и съ людьми реакціоннаго направленія; еще болѣе презрительно и нетерпимо относились люди 60-хъ гг. къ безцеремонному выбору двусмысленныхъ занятій. Въ нетерпимости къ чужому мнѣнію несомнѣнно весьма мало хорошаго: это тормозитъ обмѣнъ и выработку мыслей, запугиваетъ робкихъ, отталкиваетъ даже такихъ, которые могли бы быть единомышленниками. Но въ то время, о которомъ мы говоримъ, нетерпимость молодежи преимущественно проявлялась въ тѣхъ случаяхъ, когда безпринципность, освященная прошлыми нравами и обычаями, и теперь вступала въ свои права и тормозила дѣло нравственнаго и умственнаго обновленія. Въ прежнее время даже весьма порядочные люди не считали зазорнымъ дружить съ людьми двусмысленнаго поведенія, съ завѣдомыми казнокрадами, предателями. Такъ же неразборчиво относились и къ выбору занятій, имѣя въ виду лишь ихъ большую прибыльность. Вслѣдствіе этого даже люди почтенные не конфузясь занимали должности, на которыхъ нельзя было обойтись безъ взяточничества и мошенничества. Люди 60-хъ гг. рѣзко порицаютъ то и другое; нѣкоторые изъ нихъ инстинктивно, другіе сознательно старались создать интеллигентное общество, сдѣлать его болѣе культурнымъ, облагородить его инстинкты, пріучить интеллигентныхъ людей къ солидарности въ своихъ общественныхъ и просвѣтительныхъ стремленіяхъ; понятно, что противоположный образъ дѣйствій возбуждалъ крайнюю нетерпимость. Несомнѣнно, во всемъ этомъ было не мало ошибокъ, печальныхъ недоразумѣній, незаслуженныхъ оскорбленій, но элементарные принципы людей 60-хъ гг., въ родѣ того, что водить дружбу должно лишь съ честными людьми, браться за занятія возможно лишь тогда, когда они приносятъ обществу пользу, а не вредъ, съ тѣхъ поръ твердо вошли въ сознаніе нѣкоторой части интеллигентнаго общества. Стремленіе молодежи окружать себя людьми безупречными въ общественномъ отношеніи помогло дружно сплотить въ кружки очень многихъ, что давало возможность успѣшно дѣйствовать въ сферѣ умственнаго развитія и просвѣщенія. Воскресныя и частныя школы, публичныя и домашнія лекціи, экскурсіи, чтенія по всевозможнымъ предметамъ,— все это отчасти было результатомъ вышеуказанныхъ принциповъ, твердо прово-

димыхъ въ жизнь, но нерѣдко съ нежелательною нетерпимостью и молодымъ задоромъ.

Косо и недружелюбно смотрѣла молодежь того времени и на франтовство, фатовство и изящество въ одеждѣ, не выключая въ этомъ отношеніи и женщинъ. Теперь ото всѣхъ требовалась строгая, монашеская простота; мужчины не должны были украшать себя массивными перстнями, брелоками, золотыми цѣпочками; женщинъ должно было удовлетворять простенькое люстриновое или кашемировое платье безъ волана, безъ бантика, безъ малѣйшаго украшенія, которое могло бы сколько-нибудь разцвѣтить строгое однообразіе туалета. Давно ли еще молодая дѣвушка по нѣсколько часовъ въ день убивала на куафюру, причесывалась для выѣздовъ у парикмахеровъ, устраивала высокую прическу... Теперь о такой говорили, что барышня устроила эшафотъ на своей головѣ и ждетъ только жертвъ.

Дѣвушки съ обрѣзанными волосами, надъ которыми такъ много издѣвались, эти „стриженныя“, которыхъ уже за одну стрижку волосъ забрасывали грязью, въ дѣйствительности вовсе не заслуживали нападокъ. Причина этого *преступленія* (клеймившіе женщинъ съ такимъ остервеніемъ за стрижку волосъ, конечно, считали это преступленіемъ) заключалась дѣйствительно въ неимѣніи времени для куафюры, такъ какъ женщины съ утра до поздней ночи заняты были теперь работой. Конечно, нѣкоторыя принимали нигилистическую внѣшность безъ всякой нужды и въ то же время ничѣмъ путнымъ не занимались, но громадное большинство вынуждено было къ этому необходимостью. Можно было удивляться, какъ въ это время дѣвушка, нерѣдко съ роскошною косой, жертвовала этимъ важнымъ аттрибутомъ своей красоты и привлекательности ради сохраненія времени. Это все же отчасти служило мѣриломъ того, насколько было сильно и искренне увлеченіе самообразованіемъ и стремленіемъ къ самостоятельности. Прежде женщина все приносила въ жертву своей красотѣ и привлекательности: изъ-за красивыхъ тряпокъ, побрякушекъ и парикмахерскихъ куафюръ она толкала близкихъ людей на сдѣлки съ совѣстью и на взяточничество. Женщина 60-хъ гг. ради самообразованія, самостоятельности и общественной дѣятельности жертвовала всѣмъ: красотою, молодостью, спокойствіемъ, житейскими удобствами, даже личнымъ счастіемъ, любовью, часто самою жизнью.

Боже мой, какъ преобразился въ это время внѣшній видъ женщины! Въ черномъ, гладкомъ узкомъ, платьѣ, безъ какого бы то ни было украшенія, безъ брошки, браслета и серегъ, безъ кринолина, хотя на него въ то время была большая мода, она имѣла видъ не то ксендза одного изъ католическихъ орденовъ, не то послушника.

Такъ же быстро перемѣнились и нравы. Дѣвушка теперь ходила по улицамъ безъ провожатыхъ, жила одна, посѣщала мужчинъ и женщинъ, если, по ея мнѣнію, они были порядочными людьми.

Если прежде бѣдно одѣтой дѣвушкѣ случалось входить въ общество нарядныхъ дамъ, она конфузилась и страдала за свой скромный нарядъ, забывая, что такое страданіе унижаетъ человѣческое достоинство. Теперь было не то: она смѣло входила во всякое общество, она уже не стыдилась бѣдности, ея скромный нарядъ былъ признакомъ труда и самостоятельности, и она гордилась имъ. Если шелъ разговоръ о предметахъ болѣе или менѣе серьезныхъ, она могла поддержать его. Нерѣдко бывали и такіе случаи: нарядная дама, заинтересованная „нигилисткой“, проситъ ее бывать у нея почаще, прибавляя: „можетъ быть васъ стѣсняетъ моя нарядная обстановка, мое общество разодѣтыхъ гостей?.. Но мое положеніе“...—„О нѣтъ, нисколько!“

слышитъ она въ отвѣтъ: „меня не занимаютъ разговоры вашихъ гостей о банковыхъ операціяхъ, но я не стыжусь своего туалета... Все, что на мнѣ и кругомъ меня,—я заработала честнымъ трудомъ, а вы... вы не знаете происхожденія вашихъ нарядовъ и вашей обстановки!“ Тутъ уже нарядная дама опускаетъ глаза, и, смотришь, нѣкоторое время спустя, она проситъ свою знакомую ввести ее въ свой кругъ, указать ей, какимъ образомъ и она, въ свою очередь, могла бы быть кому нибудь и чѣмъ нибудь полезной.

Отрицаніе жизненныхъ удобствъ, изящества, элегантности и эстетики происходило отъ многихъ серьезныхъ причинъ историческихъ и экономическихъ. До освободительнаго періода нашей жизни прогрессъ русскаго общества преимущественно выражался въ усвоеніи внѣшняго лоска западной цивилизаціи. Послѣ освобожденія громадное большинство интеллигентныхъ людей по достоинству оцѣнило всю призрачность прежнихъ стремленій. Оно находило теперь, что прежній лоскъ и прежняя эстетика ничто иное, какъ вредное эпикурейство, помогавшее скрывать грубость и невѣжество и служившее первою ступенью для хищничества, взяточничества и прожиганія жизни. „Прочь всю эту мишуру и мистификацію“, кричали теперь, и старый богъ эпикурейства разлетѣлся въ прахъ. Взамѣнъ его былъ поставленъ принципъ утилитаризма: его основа несомнѣнно честная и здоровая, но при осуществленіи его деталей на практикѣ, какъ и во всякомъ новомъ дѣлѣ, не обошлось безъ крайностей, увлеченій, часто даже весьма комичныхъ, нелѣпыхъ, а подъ часъ и вредныхъ. Наиболѣе ярые поклонники идеаловъ 60-хъ гг. всѣ человѣческія потребности стали сводить къ нуждѣ и пользѣ. Человѣкъ, по понятію этихъ людей, могъ пользоваться лишь тѣмъ, отъ недостатка чего могло пострадать его здоровье, безъ чего онъ не могъ существовать. Такой взглядъ несомнѣнно страдалъ узкостью и односторонностью, велъ къ ограниченію эстетическихъ вкусовъ и потребностей, къ оголенію искусства и жизни, къ формализму чувствъ. Знатокъ человѣческаго сердца—Шекспиръ влагаетъ въ уста Лира такія слова, которыя онъ говоритъ одной изъ дочерей послѣ того, когда она сокращаетъ его потребности и объясняетъ это тѣмъ, что для его нужды этого хватитъ. Лиръ отвѣчаетъ ей: „О, не суди о нуждѣ; жалкій нищій средь нищеты имѣетъ свой избытокъ; *дай человѣку то лишь, безъ чего не можетъ жить онъ,—ты его сравняешь съ звѣремъ!*“ Этотъ принципъ утилитаризма, какъ онъ понимался въ то время, отразился весьма печально въ области нравственной и умственной. Признавая права только пользы и нужды, приходилось выбрасывать за бортъ цѣлую область чувствъ, цѣлую сферу идей, облагораживающихъ и возвышающихъ душу, скрашивающихъ жизнь и въ то же время вырабатывающихъ гуманные инстинкты и стремленія. Творчество, фантазія, поэзія, искусство,—влеченіе и любовь къ которымъ необходимо постоянно и неустанно развивать и поддерживать,—теперь, если не отрицались совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ были не въ чести у людей 60-хъ гг. и не поощрялись ими.

Были и такіе, которые умышленно утрировали и выставляли на видъ и свое непониманіе поэзіи, свое презрѣніе къ изящной литературѣ, щеголяли грубостью манеръ, небрежностью своего туалета,—но это уже были люди ограниченные, и никакая идея, никакой честный принципъ не застрахованы отъ искаженія его подобными субъектами.

Но почему же непосредственно, вслѣдъ за продолжительнымъ періодомъ (около полутораста лѣтъ), когда въ русскомъ обществѣ все сильнѣе и сильнѣе сказывалось стремленіе къ роскоши, свѣтскости и эстетикѣ, теперь наступило совсѣмъ другое теченіе?

Въ предыдущемъ очеркѣ мы уже говорили о томъ, что съ конца 30-хъ и начала 40-хъ гг. началось постепенное перемѣщеніе умственнаго движенія изъ одного класса въ другой: прежде все, что было наиболѣе мыслящаго, тянулось въ высшій слой общества, какъ потому, что онъ игралъ первенствующую роль въ жизни, такъ и потому, что среди него были наиболѣе просвѣщенные и развитые люди. Теперь своимъ развитіемъ и образованіемъ сталъ постепенно выдвигаться средній классъ общества, а умственные интересы высшихъ классовъ начинаютъ все болѣе падать. Университеты притягиваютъ къ себѣ юношество средней руки, лучшіе журналы стремятся въ популярной формѣ и переводахъ познакомить читателей съ политико-экономическими вопросами, съ идеями запада и съ произведеніями величайшихъ иностранныхъ писателей и мыслителей. Такимъ образомъ университеты и журналистика, эти величайшіе двигатели русскаго прогресса, становятся съ этихъ поръ доступными все большему кругу людей.

Это умственное движеніе, подавленное въ 40-хъ гг., вспыхнуло съ новой силой и распространилось въ кругу несравненно болѣе громадномъ въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ гг. Стремленіе молодежи въ университеты и къ самообразованію сказалось съ небывалой до тѣхъ поръ силой и проявилось въ средѣ еще несравненно болѣе обездоленной, чѣмъ это было до тѣхъ поръ, въ семьяхъ наибѣднѣйшихъ помѣщиковъ, мелкихъ чиновниковъ, разночинцевъ, духовенства, мѣщанъ. Прежде такіе люди довольствовались окончаніемъ курса въ уѣздномъ училищѣ, въ семинаріи, изрѣдка въ гимназіи,—теперь они бросились въ университеты, сдѣлавшіеся къ этому времени еще болѣе доступными для бѣдняковъ и притягивавшіе ихъ къ себѣ какъ потому, что въ нихъ можно было получить высшее образованіе, такъ и привилегіями, которыя они давали окончившимъ курсъ. Русская журналистика и университеты, сдѣлавшись болѣе доступными массѣ, повліяли на то, что умственное движеніе освободительнаго періода захватило въ свой круговоротъ такой громадный классъ разночинцевъ. Эти бѣдняки прошли суровую школу жизни: колотушки въ дѣтствѣ, хроническія голодовки, всяческія униженія изъ-за куска хлѣба. Они внесли въ интеллигентную среду знаніе народа, старались обратить на него вниманіе, возбудить къ нему симпатію. Если прошлое этихъ людей въ матеріальномъ отношеніи было ужасно, то и теперь ихъ преслѣдовала таже нищета и тяжелая борьба за существованіе. Естественно, что такимъ (а въ 60-хъ гг., среди новыхъ людей, они составляли громадное большинство) было не до франтовства; элегантныхъ, великосвѣтскихъ манеръ они тоже имѣть не могли. Умственное движеніе 60-хъ гг., захвативъ въ свой круговоротъ огромный классъ разночинцевъ, выдвинуло его впередъ, и съ тѣхъ поръ высшіе умственные и нравственные интересы и идеалы сосредоточиваются именно въ этомъ классѣ общества. Какъ только образованіе сдѣлалось доступнымъ бѣднякамъ, они немедленно выдвинули изъ своей среды людей мысли и несомнѣнныхъ дарованій. Естественно, что эта среда, эти новые люди и выработали, сообразно съ условіями своего быта и своихъ воззрѣній, новые идеалы, новые взгляды и стремленія несравненно болѣе демократическаго характера, чѣмъ прежде.

Принципъ утилитаризма все-же былъ въ эту пору не на первомъ планѣ. Первою заповѣдью было требованіе отъ каждаго безкорыстной общественной дѣятельности, и *общественная нравственность* въ это время дѣйствительно стояла *выше личной*. Это не значило, что люди 60 хъ гг. въ смыслѣ личной нравственности были несостоятельнѣе людей предыдущей эпохи; это невозможно было уже потому, что въ періодъ крѣпостничества и произвола помѣщичьей власти по вопросамъ нравственнымъ были самыя смутныя понятія, да и не могло быть иначе,

такъ какъ крѣпостничество въ самомъ себѣ носило залогъ растлѣнія. Русское общество въ 60-е годы впервые обуреваемо было вопросами общественной нравственности, а потому оно и выдвинуло ихъ на первый планъ. Люди этого времени считали первою обязанностью каждаго распространять грамотность, вносить свѣтъ въ темную среду и необходимость неустанно продолжать свое саморазвитіе и самообразованіе. Учить другихъ и самому всю жизнь пріобрѣтать наибольшее количество знаній,—вотъ двѣ заповѣди, отчетливо выгравированныя на скрижаляхъ законовъ 60-хъ гг. Почему у насъ до сихъ поръ была такая умственная спячка? говорили люди того времени. Почему стремленія, интересы, идеалы, даже удовольствія интеллигенціи были такъ жалки, ничтожны и пошлы? Вслѣдствіе господства суевѣрій, совершенно правильно отвѣчали они, заѣдающихъ нашу жизнь, отъ мрака невѣжества, угнетающаго не только простой народъ, но и высшій и средній классъ общества. И вотъ потому-то теперь учиться и учить другихъ должны были всѣ: богатые и бѣдные, знатные и простые, молодые и старые. Сознаніе невѣжества и его тяжелыя послѣдствія были теперь впервые сознаны русскимъ обществомъ. И всѣ учились и учили другихъ очень много и очень усердно. Правда, вслѣдствіе недостатка предварительнаго фундаментальнаго средняго образованія, не у всѣхъ ученіе было поставлено толково: нѣкоторые съ остервененіемъ набрасывались исключительно на штудированіе предметовъ естественно-научныхъ (предпочтеніе отдавали химіи, анатоміи, физіологіи, ботаникѣ, зоологіи), особенно требующихъ серьезной подготовки; но это не мѣшало многимъ пріобрѣтать основательныя свѣдѣнія и положило начало стремленію женщинъ къ изученію медицины.

Жажда самообразованія и распространенія просвѣщенія, сказавшаяся съ такою силою, не только содѣйствовали прогрессу и увеличенію числа грамотныхъ, но оказали и множество другихъ услугъ: своимъ примѣромъ люди 60-хъ годовъ дали направленіе, указали исходъ честнымъ стремленіямъ подростающихъ поколѣній, показали примѣръ, какъ слѣдуетъ нести свой безкорыстный трудъ на пользу народа, указали на необходимость знакомства съ его бытомъ и нуждою, чтобы, запасшись знаніями и опытностью, имѣть возможность разностороннѣе прилагать свои силы на служеніе ему. Притомъ работа въ школѣ имѣла громадное вліяніе на выработку педагогическихъ методовъ первоначальнаго обученія.

Весьма важною нравственною обязанностью въ то время считалось обличеніе всевозможныхъ злоупотребленій. И дѣйствительно, какую бы должность ни занималъ человѣкъ, какую бы обязанность онъ ни исполнялъ, какой бы рискъ ни представляло подобное обличеніе—лишеніе мѣста, даже послѣдняго куска хлѣба, но онъ не имѣлъ права равнодушно смотрѣть на злоупотребленія въ общественной жизни. Такъ же брезгливо и строго относились не только къ подлости въ общественномъ отношеніи, но ко всякому нарушенію честныхъ общественныхъ принциповъ: учитель, литераторъ, профессоръ, хотя разъ устно или письменно высказавшій безчестные взгляды, хотя одну работу помѣстившій въ органѣ направленія противуположнаго современнымъ стремленіямъ,—не допускался въ порядочное общество. Правда, это страстное стремленіе передовыхъ людей того времени упорядочить нравственно-распущенное русское общество, развить въ немъ общественные инстинкты, до тѣхъ поръ ему совершенно чуждые, высказывалось часто черезъ-чуръ формально, но законность ихъ требованій и желаній весьма понятна и уважительна. Страстность же, съ какою предъявлялись подобныя требованія, происходила отъ сознанія того, что наше интеллигентное общество страдаетъ недостаткомъ

принципіальности и стойкости въ убѣжденіяхъ. Вообще въ описываемый періодъ нашего обновленія русское общество съ неудержимымъ порывомъ стремилось воспитать въ себѣ и окружающихъ безкорыстные общественные инстинкты, демократизировать свои взгляды, жизнь, вкусы и привычки. Человѣку, слѣдовавшему этимъ принципамъ, легко сходили съ рукъ грѣшки противъ личной нравственности, легкомысліе въ дѣлѣ любви, непостоянство въ этомъ отношеніи и т. п.

Въ связи съ распространеніемъ подобныхъ взглядовъ, въ обществѣ и литературѣ постепенно вырабатывалось и слагалось понятіе объ идеальной личности или героѣ.

Пока просвѣщеніе и умственное развитіе были достояніемъ высшаго класса общества, героемъ времени въ концѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ былъ человѣкъ безукоризненно одѣтый, съ прекрасными манерами, превосходный танцоръ, владѣющій, какъ роднымъ, нѣсколькими иностранными языками. Кромѣ блестящихъ качествъ вполнѣ свѣтскаго человѣка, онъ былъ поклонникомъ искусства. То страстный и пылкій, то убійственно холодный, онъ всегда плѣнялъ женщинъ и въ этомъ отношеніи обладалъ демоническими силами сердцеѣда, равнодушно подставляя лобъ подъ пулю. Не смотря на свое блестящее общественное положеніе, онъ не довольствуется ни мишурнымъ блескомъ свѣта, ни своими успѣхами въ немъ: онъ тоскуетъ, хандритъ, но лишь попусту тратитъ свои силы на любовныя похожденія и свѣтскіе успѣхи, къ которымъ въ то же время презрительно относится. Но какимъ дѣломъ могъ въ то время заняться умный, порядочный человѣкъ, на что онъ могъ производительно потратить свои богатыя дарованія? Онъ этого или не зналъ, или не могъ, а въ заработкѣ не нуждался. Между тѣмъ онъ чувствовалъ избытокъ силъ, огонь въ крови, а силы все же уходили на пустяки, чему болѣе всего содѣйствовало крѣпостное право, дававшее возможность не только абсолютно ничего не дѣлать, но и удовлетворять прихотямъ.

Въ половинѣ 50-хъ годовъ героемъ времени выступилъ *человѣкъ*, уже не блиставшій своею свѣтскостью. Онъ стремится къ честной дѣятельности, но она даже и въ собственномъ его сознаніи не приняла еще вполнѣ опредѣленныхъ формъ, да и была совершенно немыслима при существующемъ порядкѣ вещей. И потому героемъ того времени явился человѣкъ не дѣла, а слова; но увлекая другихъ своимъ энтузіазмомъ и хорошими словами, онъ все же оказывалъ огромную услугу и подготовлялъ людей дѣла, такъ какъ будилъ совѣсть, честь и мысль. Способный искренно вдохновляться великими идеями, онъ, при своихъ недюжинныхъ способностяхъ и необыкновенномъ дарѣ слова, умѣлъ и другимъ сообщать свое вдохновеніе, вызвать способность къ самопожертвованію во имя великихъ идеаловъ добра и правды, отвращеніе къ прежнему сѣренькому, пошлому существованію. Такимъ образомъ подобные герои все же „сѣяли доброе сѣмя“, „пробуждали немало нетронутыхъ силъ“, но сами по себѣ они были людьми непрактичными, безхарактерными, отчасти развинченными, надломленными, совсѣмъ не подготовленными ни своимъ воспитаніемъ, ни русскою дѣйствительностью къ плодотворной практической дѣятельности.

Женщинѣ до освободительнаго періода была отведена исключительно сфера любви и нѣжныхъ стремленій сердца. Въ началѣ XIX ст. идеализаціи и опоэтизированія удостоивались блѣднолицыя, болѣзненныя, съ небеснымъ взоромъ граціозныя созданія. Героиня при лунѣ мечтала объ избранникѣ сердца до гробовой доски, занималась описаніемъ своихъ тонкихъ чувствъ въ дневникахъ, вышивала по канвѣ пастушковъ. Все ея дѣло заключалось въ пѣніи

сантиментальныхъ романсовъ, въ выѣздахъ на балы, въ проливаніи слезъ невѣдомо о чемъ. Избранника своего сердца она надѣляла неземными совершенствами, считала его поклонникомъ своей красоты и цѣнителемъ своихъ чувствъ и обыкновенно грубо ошибалась. Хотя ея мечты парили въ заоблачныхъ сферахъ, она болѣе всего обращала вниманіе на шпоры, на блестящій мундиръ, на блестящую внѣшность. Предметъ страсти оказывался обыкновенно кутилою-мученикомъ или развратникомъ, лишь съ виду раздѣлявшимъ мечты дѣвушки, чтобы легче овладѣть ея приданымъ.

На смѣну этой героини явилась дѣвушка, нелюбящая ни выѣздовъ, ни баловъ, ни нарядовъ, ни сплетенъ, ни женскихъ дрязгъ, съ могучимъ инстинктомъ любви, готовая повиноваться честнымъ и чистымъ велѣніямъ своего сердца, печальная, вдумчивая и уже съ болѣе строгимъ отношеніемъ къ жизни. Но эти серьезные задатки, эта глубина чувствъ и неподдѣльная симпатичность натуры не могли выразиться въ жизни ничѣмъ серьезнымъ: эта исключительная дѣвушка занималась чтеніемъ пустыхъ романовъ, отрицала тотъ или другой явно нелѣпый предразсудокъ, а о самостоятельной дѣятельности тогда не было и помина. Правда, она является уже несравненно болѣе требовательною въ выборѣ своего героя, но она не мечтаетъ ни о чемъ, кромѣ законнаго брака. Если это не удается, она не прочь выйти замужъ за перваго встрѣчнаго, по личному разсчету или по требованію родителей, а затѣмъ становится строгой великосвѣтской дамой, сухой моралисткой и поклонницею условнаго кодекса приличій.

На ея смѣну явилась героинею женщина съ болѣе глубокимъ нравственнымъ чутьемъ: она уже не можетъ выйти замужъ по разсчету или по приказанію, но если ея любовь терпитъ фіаско, она не находитъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы бороться съ своимъ чувствомъ; отдавшись ему всецѣло, она уходитъ въ монастырь оплакивать свое горе, либо кончаетъ свою жизнь самоубійствомъ. Такимъ образомъ героини и этой категоріи ограничивали всѣ свои помыслы, стремленія, мечты и надежды рамкой узкаго, эгоистическаго личнаго счастья.

Наконецъ, такъ сказать, уже наканунѣ освобожденія, на сцену выступаютъ героини, которыя ради любви приносятъ или готовы принести всевозможныя жертвы: онѣ идутъ на борьбу, на полный разрывъ съ прошлымъ, готовы идти на дѣло и трудъ любимаго человѣка. Но у нихъ нѣтъ еще понятія о какой-нибудь самостоятельной дѣятельности, онѣ идутъ только за любимымъ человѣкомъ, за тѣмъ дѣломъ, которое онъ признаетъ, но своего дѣла онѣ еще не нашли.

Но вотъ наступилъ освободительный періодъ, а вмѣстѣ съ нимъ видоизмѣнился и идеалъ героя. Имъ явился теперь разночинецъ, неутомимый труженикъ, закаленный въ житейскихъ невзгодахъ, съ дѣтства поставленный въ необходимость въ потѣ лица зарабатывать свой хлѣбъ, никогда незнавшій барской нѣги. Характеръ, поведеніе, внѣшній видъ и внутренній обликъ его уже совсѣмъ новые; его идеалы и стремленія опредѣлены и ясно выражены: они почерпнуты изъ богатой сокровищницы идей, завѣщанныхъ литературою 40-хъ годовъ, но онъ внесъ въ нихъ и все то новое, что долженъ былъ почерпнуть изъ эпохи освобожденія и обновленія, которую переживалъ, и изъ тяжелой борьбы за существованіе, которую велъ. Мечты о любви и личномъ счастьи онъ отодвигаетъ на второй планъ или выбрасываетъ ихъ за бортъ, какъ ненужный грузъ, если они тормозятъ его общественную дѣятельность. Героемъ времени явился человѣкъ съ опредѣленною общественною дѣятельностью, но въ то же время и обличитель зла, неправды, злоупотребленій и

отжившихъ условныхъ приличій, сковывавшихъ жизнь. Онъ рѣзко, до грубости прямо говоритъ правду въ глаза даже и тому, передъ кѣмъ все трепещетъ и заискиваетъ,—и это понятно: ему не новость ничего не имѣть, онъ привыкъ къ превратностямъ судьбы. Такъ же смѣло, даже рѣзко и грубо онъ бросаетъ обличеніе въ лицо любимой дѣвушкѣ, — онъ рискнетъ скорѣе быть отвергнутымъ ею, чѣмъ покривить совѣстью. За трудъ онъ можетъ взяться тоже только въ томъ случаѣ, если этотъ трудъ прямо или косвенно не заставитъ его потерять нравственной и умственной независимости, искренности и прямоты, благородной гордости, самостоятельности взгляда, когда этотъ заработокъ безукоризненно честенъ и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, которымъ кормились отцы. Серьезно занятый школами, литературою или земскою дѣятельностью, онъ большую часть своего заработка удѣляетъ на устройство какого-нибудь общественнаго дѣла и лишь самую ничтожную часть оставляетъ себѣ. Да ему и не на что много тратить: онъ по принципу и по привычкамъ спартанецъ; его обстановка и платье не для шика, не для показа, а лишь для того, чтобы служить своему прямому назначенію. Люди старшаго поколѣнія и прежняго воспитанія смотрятъ на него, какъ на жалкаго плебея и сумасброда, но это его нисколько не смущаетъ.

Новый герой не только спартанецъ и демократъ по натурѣ и принципамъ, не только человѣкъ упорнаго труда, но и желѣзной воли, которую онъ долженъ закалять все болѣе и проявлять ее даже въ дѣлѣ любви. Если женщина не можетъ идти съ нимъ рука объ руку, быть ему настоящимъ товарищемъ, другомъ и помощникомъ въ общественной дѣятельности,—долой любовь!.. Такое рѣшеніе онъ принимаетъ съ полнымъ стоицизмомъ: безъ жалобъ, жалкихъ словъ и мученій... Страдать, говоритъ онъ, можно только изъ-за неудавшагося общественнаго дѣла, изъ-за торжества подлости, изъ-за гибели честнаго и невиннаго.

Взглядъ его на женщину вполнѣ совпадаетъ съ остальнымъ его міровоззрѣніемъ, съ его спартанскимъ характеромъ. Ухаживать за ней на прежній ладъ, восторгаться ея красотой онъ считалъ пошлымъ, комичнымъ и противнымъ его демократическимъ принципамъ. Онъ не эстетикъ тѣхъ блаженныхъ временъ, когда, набаловавшись съ крѣпостною красавицею-мужичкой, оставивъ ей даже залогъ своей любви, можно было съ спокойною совѣстью укатить за границу и любоваться дивными произведеніями искусства, не заботясь о красавицѣ, которую выдадутъ замужъ за пьяницу. Женщина, по его понятіямъ, равна мужчинѣ,—она должна быть такимъ же свободнымъ, мыслящимъ и самостоятельнымъ человѣкомъ, какъ и онъ самъ! Зачѣмъ же онъ будетъ преклоняться передъ ней, унижать ее своими ухаживаніями,—онъ долженъ помогать ея развитію и образованію, споспѣшествовать ея скорѣйшему появленію на аренѣ общественной дѣятельности.

Героинею 60-хъ годовъ явилась женщина, сознательно стремившаяся выбиться изъ исключительно семейной сферы, изъ спеціально для нея созданной атмосферы любви и личныхъ чувствъ, выйти изъ-подъ домашней опеки и гнета, обезпечить себя честнымъ, самостоятельнымъ заработкомъ, какъ бы ни была тяжела при этомъ жизненная борьба, покончить со множествомъ предразсудковъ, сковывающихъ ея жизнь; она употребляетъ всѣ усилія завоевать право на трудъ и приносить пользу не только семьѣ, но и обществу. Расширяя свой кругозоръ и увеличивая свой умственный багажъ, она въ то же время старается выработать въ себѣ неустанное стремленіе къ самообразованію и саморазвитію, имѣя всегда въ виду расширеніе сферы женской дѣятельности вообще. Съ остальными чертами ея характера мы уже знакомы:

она вышла изъ той же среды, какъ и молодежь мужскаго пола, дѣйствовала въ тотъ же освободительный періодъ и придерживалась тѣхъ же спартанскихъ и демократическихъ взглядовъ, предпочитая утилитаризмъ эстетикѣ.

Таковы были времена, нравы и идеалы людей 60-хъ гг.,—и они вполнѣ отразились на воспитаніи. Подъемъ педагогическихъ идей, ихъ пробужденіе и обновленіе сказались весьма чувствительно уже въ 1856 г. Освобожденіе крестьянъ и школьныя реформы довели это движеніе до своего апогея. Интеллигентное общество, съ небывалою страстью и одушевленіемъ, бросилось на изученіе вопросовъ воспитанія. Педагогика впервые дѣлается достояніемъ не только спеціалистовъ, но всѣхъ, желающихъ блага своей родинѣ. И дѣйствительно, никогда, ни раньше, ни позже, русское общество не изучало такъ серьезно этого дѣла. Оно поняло, что въ обновленіи воспитанія, болѣе чѣмъ въ чемъ бы то ни было, лежитъ залогъ умственнаго и нравственнаго перерожденія русскаго общества, распространенія просвѣщенія и уничтоженія предразсудковъ, сковывавшихъ проявленіе самостоятельной мысли. Никогда раньше не появлялось столько самостоятельныхъ и переводныхъ педагогическихъ трудовъ: по методикѣ преподаванія элементарныхъ предметовъ, по физическому уходу за дѣтьми, по нравственному и умственному ихъ развитію. Устроилось множество кружковъ съ цѣлью выяснять и изучать вопросы воспитанія: въ нихъ читались рефераты по педагогическимъ вопросамъ, давали отчетъ о прочитанныхъ педагогическихъ сочиненіяхъ, о преподаваніи въ той или другой школѣ; члены того или другаго общества или кружка дѣлали критическія на нихъ замѣчанія, или кто нибудь изъ нихъ сообщалъ свои наблюденія надъ развитіемъ маленькихъ дѣтей въ школѣ и дома. Въ подобныхъ собраніяхъ члены нерѣдко одинъ за другимъ, по очереди, разсказывали свое прошлое воспитаніе, указывая, какъ тѣ или другія явленія вліяли на складъ характера. Матери, вспоминая свое прошлое, пораженныя его ужасомъ, безнравственностью, уродливостью и убожествомъ, давали слово воспитать своихъ дѣтей совсѣмъ въ другомъ направленіи, не смущаясь при этомъ ни тяжестью труда, ни борьбою съ предразсудками. И дѣйствительно, воспитатели 60-хъ гг. не щадили ни силъ, ни здоровья, честно и усидчиво поработали для воспитанія, многое выяснили въ немъ и оставили будущимъ поколѣніямъ цѣнные труды по разнымъ отраслямъ педагогики. Но, не имѣя возможности пользоваться педагогическимъ опытомъ своихъ предшественниковъ, такъ какъ его почти не существовало, а также вслѣдствіе того, что жизнь русскаго общества освободительнаго періода входила въ совершенно новый фазисъ развитія, предъявляла новыя требованія, людямъ 60-хъ гг. пришлось построить воспитаніе на новыхъ принципахъ, которые были въ тѣсной связи, шли рука объ руку съ нравами и воззрѣніями людей того времени. Натурально, что это воспитаніе, какъ совершенно новое дѣло, было сопряжено съ ошибками. Но такъ какъ основы этого новаго воспитанія были построены на высоконравственныхъ идеалахъ и гуманнѣйшихъ принципахъ, то неудачные примѣры воспитанія 60-хъ гг. должны повести не къ отрицанію воспитанія того времени и даже его характера, а наоборотъ къ внимательному, всестороннему изученію его, къ дальнѣйшей разработкѣ идей и методовъ того времени и, послѣ критическаго анализа и провѣрки, вновь къ практическому примѣненію ихъ сообразно съ духомъ времени и потребностями общества.

Нравственное угнетеніе дѣтей, отсутствіе умственнаго ихъ развитія, наконецъ сила родительскаго авторитета, налагавшаго обязанности лишь на дѣтей,—всѣ эти основы, на которыхъ зиждилось прежнее воспитаніе, теперь

шли въ разрѣзъ съ новыми воззрѣніями и понятіями. Люди 60-хъ гг. даютъ дѣтямъ полную свободу, и дѣти съ этого времени получаютъ первенствующее значеніе въ семьѣ, начинаютъ играть въ ней первую роль.

Мы уже знаемъ, что на качество и количество пищи дѣтей прежде не обращали ни малѣйшаго вниманія, часто удѣляя имъ послѣдній кусокъ,— теперь это было немыслимо не только вслѣдствіе новыхъ идей, но и вслѣдствіе знакомства съ элементарной гигіеною, которою матери усердно занимались. Мало того, даже у бѣдныхъ людей появился теперь цѣлый арсеналъ спиртовыхъ лампочекъ для согрѣванія пищи, термометръ (съ этихъ поръ впервые матери начинаютъ придавать значеніе не только качеству и количеству пищи, но и ея температурѣ), вѣсы для взвѣшиванія дѣтей и опредѣленія увеличенія или уменьшенія вѣса ихъ тѣла, дорогое вино, если оно по совѣту врача необходимо было для ребенка.

Лучшую комнату, которую еще такъ недавно отводили подъ гостиную или залу и свидѣтельствовавшую объ изящномъ вкусѣ хозяевъ, теперь отдавали подъ дѣтскую, заботились, чтобы въ ней было побольше свѣта, воздуха и простора для дѣтей, для ихъ игръ и возни. Старшіе члены семьи только и думали о томъ, какъ бы устроить свою жизнь такъ, чтобы она поменьше стѣсняла физическое, нравственное и умственное развитіе дѣтей, чтобы они вполнѣ свободно могли проявлять свои индивидуальныя свойства и природныя дарованія, чтобы они впослѣдствіи съ чувствомъ умиленія вспоминали о заботахъ своихъ родителей, жертвовавшихъ для нихъ всею жизнью, и о своемъ дѣтствѣ. Старшіе члены семьи занимали теперь самыя неудобныя комнаты: въ одной крошечной комнатѣ часто работало по нѣсколько человѣкъ; съ величайшимъ терпѣніемъ выносили они шумъ и возню, лишь бы не смущать веселья дѣтей.

Дѣти въ прежнее время слышали только приказанія, выносили тѣлесныя наказанія, въ отношеніи къ родителямъ знали только оффиціальныя ласки въ извѣстное время; родители не могли, не умѣли или не находили нужнымъ удовлетворять законной дѣтской любознательности относительно явленій природы и окружающей жизни,—теперь характеръ воспитанія совершенно измѣнился. Обхожденіе съ дѣтьми было въ высшей степени мягкое, гуманное, любовное; дѣтямъ не приказывали, а уговаривали ихъ сдѣлать то или другое, объясняя, почему это необходимо. Наказанія не только тѣлесныя, но и какія бы то ни было, не практиковались болѣе и совершенно вышли изъ употребленія.

Родители, особенно матери, вполнѣ отдались дѣлу воспитанія: онѣ много читали и учились какъ для собственнаго образованія, такъ и спеціально для того, чтобы имѣть возможность давать дѣтямъ занимательные разсказы и объясненія по интересующимъ ихъ вопросамъ. Это страстное желаніе родителей видѣть дѣтей своихъ умственно и нравственно развитыми, постоянное стремленіе расширить ихъ умственный кругозоръ, неустанный трудъ на ихъ пользу, тѣсная, совмѣстная жизнь съ ними, лишеніе себя комфорта и покоя для ихъ блага,—все это, вмѣстѣ съ любовью и самоотверженіемъ, уже прирожденными матери, создало въ это время въ высшей степени страстныхъ и заботливыхъ матерей. Ихъ называли нигилистками! Пусть такъ!... Но эти нигилистки были самыми страстными, самыми самоотверженными изъ матерей, истинными воспитательницами и руководительницами своихъ дѣтей. Неужели въ 60-хъ гг., могутъ намъ замѣтить, впервые изобрѣтена была материнская любовь? Конечно, нѣтъ! Она существовала вездѣ и всегда и вложена въ сердце матери самою природою! Но мы уже достаточно говорили о томъ,

что до освободительнаго періода жизнь въ нашихъ среднихъ и высшихъ слояхъ общества сложилась такъ, что материнская любовь или не могла проявляться, какъ слѣдуетъ, и постепенно угасала, или проявлялась самымъ безразсуднымъ, самымъ нелѣпымъ образомъ. Здоровыя матери не кормили даже грудью своихъ собственнымъ дѣтей. Въ губернскихъ городахъ и столицахъ визиты, карты, пріемы, выѣзды, наряды, однимъ словомъ, пустая свѣтская жизнь поглощала все ихъ время. Въ деревнѣ и въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ обширное домашнее хозяйство, заготовки припасовъ, гости по цѣлымъ недѣлямъ, все это тяжелой обузой лежало на ихъ плечахъ. Такимъ образомъ дѣти, какъ въ городѣ, такъ и въ деревнѣ, были вполнѣ предоставлены кормилицамъ, нянькамъ, гувернанткамъ. Теперь здоровая мать сама кормила грудью свое дитя, няньчила его, занимала, учила, сама усердно училась, чтобы имѣть возможность разумно руководить имъ, и все это, такъ сказать, расширяло и раздвигало область материнской любви и заботы. Чѣмъ болѣе труда затрачено на ребенка, чѣмъ болѣе жизни связано съ нимъ, чѣмъ болѣе заботъ пришлось потратить на него, испытать безсонныхъ ночей и лишеній, тѣмъ дороже оно, тѣмъ болѣе возбуждаетъ любви и привязанности. Тамъ, гдѣ мать по необходимости вынуждена была увеличивать заработокъ семьи своимъ трудомъ, воспитаніе и обученіе шло тѣмъ не менѣе подъ ея непосредственнымъ руководствомъ: освободившись отъ своихъ занятій, она, какъ на великій праздникъ, бѣжала возиться съ дѣтьми, занимать ихъ, учить, разсказывать имъ.

Дѣти должны, разумѣется, занимать первое мѣсто въ заботахъ родителей, но неразумно было то, что они въ 60-хъ гг. сдѣлались центромъ всей жизни и кумирами родителей, исключительною заботою всего семейства, „господами положенія“, „messieurs les enfants“, что свобода, предоставленная имъ, не шла рука объ руку съ дисциплиною. Родители должны свято выполнять свои обязанности относительно дѣтей, какъ того требуетъ современный характеръ жизни, но и отъ дѣтей всегда должно требовать того же, что совсѣмъ упускалось изъ виду въ то время. Дѣтямъ слѣдуетъ предоставлять свободу, должно въ извѣстныхъ предѣлахъ уважать ихъ самостоятельность, но подъ условіемъ, чтобъ и они уважали свободу и самостоятельность близкихъ,—иначе въ результатѣ окажется не свобода, а распущенность, вредное и безиравственное баловство. Родители обязаны помогать проявленію индивидуальныхъ свойствъ дѣтей, развитію способностей, дарованныхъ природою, должны для дѣтей жертвовать своею личною жизнію, своимъ покоемъ, но въ то же время обязаны требовать отъ дѣтей повиновенія, подчиненія дисциплинѣ, уваженія своей личности, обязаны пріучать ихъ постепенно и систематично жертвовать своими дѣтскими удовольствіями, своимъ покоемъ для спокойствія своихъ родителей и окружающихъ, должны неустанно требовать отъ нихъ выполненія ихъ дѣтскихъ обязанностей, учить ихъ умѣнью приходить на помощь семейству и окружающимъ, согласно съ размѣрами ихъ дѣтскихъ силъ, имѣя въ виду сдѣлать изъ нихъ своихъ помощниковъ и естественныхъ защитниковъ. Пріобрѣтенная въ дѣтствѣ привычка быть полезнымъ окружающимъ, необходимость съ дѣтства серьезно относиться къ своимъ обязанностямъ перейдетъ и въ школьную жизнь, въ отношенія къ товарищамъ и, въ концѣ концевъ, всосется въ плоть и кровь человѣка, чего, къ сожалѣнію не было въ то время. Люди 60-хъ гг. совсѣмъ забывали, что и у дѣтей относительно родителей точно также существуетъ множество обязанностей, которыя строго должны выполняться съ ранняго дѣтства.

Прежде воспитывали только страхомъ. Служебныя отношенія низшихъ

къ высшимъ, крѣпостныхъ къ господамъ, дѣтей къ родителямъ,—все сдерживалось только страхомъ, боязнью прогнѣвить власть имѣющаго и получить за это возмездіе. Никто не думалъ о томъ, чтобы пріучить ребенка или подчиненнаго исполнять свою обязанность изъ сознанія долга, общественной необходимости, изъ уваженія и любви къ личности власть имѣющаго. Вселять страхъ было единственнымъ стремленіемъ начальства и родителей, чтобы сдерживать въ уздѣ дѣтей и подчиненныхъ, чтобы заставлять ихъ повиноваться и выполнять обязанности. Въ освободительный періодъ родители поняли, что страхъ—плохой воспитатель, мѣра, достойная лишь раба, и гнушались внушать его своимъ дѣтямъ. Къ сожалѣнію, многіе не понимали въ то время, что, изгоняя изъ воспитательной практики страхъ, необходимо ввести послѣдовательную дисциплину, и что въ такомъ случаѣ необходимо обращать особенное вниманіе на развитіе въ ребенкѣ деликатности и уваженія къ близкимъ. Въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ подобныя чувства не были воспитаны, гдѣ заботились лишь о томъ, чтобы не нарушить свободы и самостоятельности дѣтей, а о правахъ родителей не было и помину, тамъ продолжалось то же рабство, то же крѣпостничество, только центръ тяжести перемѣстился: прежде дѣти были рабами, теперь родители сдѣлались ими, что, къ сожалѣнію, во многихъ семьяхъ и дѣйствительно существовало въ 60-хъ гг. Родители все приносили въ жертву дѣтямъ, ихъ благу, успѣшному умственному развитію и ихъ удовольствіямъ и взамѣнъ этого ничего не требовали отъ нихъ. Мать, утомленная непосильнымъ трудомъ, еле волоча ноги отъ усталости, лишь только узнавала о малѣйшемъ желаніи ребенка, бросалась со всѣхъ ногъ исполнять его. Терпѣливая, выносливая на счетъ всевозможныхъ упущеній и недосмотровъ относительно себя и всѣхъ прочихъ въ домѣ, она смотрѣла, какъ на великое преступленіе, на всякую оплошность относительно дѣтей, при ребенкѣ строго выговаривала прислугѣ за медленное приготовленіе кушанья, если онъ проголодался. Для него и у него было все лучшее въ домѣ—постель, кусокъ, комната, одежда. Вниманіе всего дома было обращено исключительно на ребенка,—всѣ дышали только имъ, передавали другъ другу и часто при немъ пустячки, сказанныя имъ, какъ нѣчто весьма замѣчательное, остроумное, чуть не геніальное. Такимъ образомъ ребенокъ очень рано начиналъ понимать свое значеніе въ домѣ, свою власть, силу, и въ немъ постепенно развивались жестокій эгоизмъ, который росъ и крѣпъ вмѣстѣ съ нимъ, бездушіе и сухость сердца, даже и въ томъ случаѣ, когда живой интересъ близкихъ къ общечеловѣческимъ идеаламъ и разумное преподаваніе пробуждали въ немъ самомъ высшія и благороднѣйшія чувства. Такія дѣти возмужавши нерѣдко чувствовали горячую любовь къ человѣчеству, искренно возмущались зломъ, но не способны были жертвовать своими личными интересами, не умѣли не на словахъ, а на дѣлѣ, поступаться своими удовольствіями для спокойствія окружающихъ. Чѣмъ болѣе практиковалась излишняя предупредительность относительно дѣтей, чѣмъ болѣе ихъ баловали и потворствовали имъ, тѣмъ бездушнѣе и эгоистичнѣе выходили дѣти, и съ возрастомъ эгоизмъ ихъ проявлялся все очевиднѣе. Чѣмъ старше становились дѣти, тѣмъ менѣе умѣли они помириться съ отказомъ, даже и въ томъ случаѣ, если родителямъ не было никакой возможности выполнить ихъ желаніе. Самый законный отказъ заставлялъ жестоко страдать баованныхъ дѣтей, и они долго не могли простить родителямъ этого преступленія.

Родители, исключительно существующіе своимъ трудомъ, отказываютъ 16-ти лѣтнему сыну въ его просьбѣ ѣхать за границу, мотивируя свой отказъ страхомъ отпустить его одного, неопытнаго, въ такое далекое путе-

шествіе и невозможностью бросать на удовольствія большія деньги. Мальчикъ пораженъ,—онъ первый разъ въ жизни испытываетъ рѣшительный отказъ и приходитъ въ сильное раздраженіе. На слѣдующій годъ повторяется таже настоятельная просьба со стороны сына; родители не устояли противъ его страстнаго желанія и отпустили его, не смотря на то, что сдѣлать это имъ было не легко, какъ и въ прошлый разъ, и юноша прекрасно зналъ это. Но прошлогоднее раздраженіе за отказъ не улеглось въ немъ и, получивъ согласіе, онъ неспособенъ былъ всею душою отдаться радости, что его желаніе наконецъ исполнено. Не смотря на то, что это былъ способный и развитой юноша, ему и въ голову не приходило оцѣнить по достоинству всю жертву родителей, хотя онъ прекрасно зналъ, какимъ тяжелымъ трудомъ достаются отцу деньги, порядочная часть которыхъ будетъ истрачена на его удовольствіе, какъ боится мать этого перваго для него самостоятельнаго путешествія. Послѣ первыхъ словъ благодарности, онъ тутъ же высказываетъ родителямъ свое негодованіе за прошлогодній отказъ, тутъ же снова и серьезно упрекаетъ ихъ за него. Это раздраженіе сказывалось въ немъ даже и черезъ нѣсколько лѣтъ, когда юноша сдѣлался совершеннолѣтнимъ молодымъ человѣкомъ.

Мать должна предупреждать желанія ребенка, должна стараться, чтобы онъ менѣе плакалъ и раздражался, но исключительно лишь въ то время, когда онъ еще нуждается въ чисто физическомъ уходѣ, когда онъ еще не умѣетъ выражать свои желанія словами. Если же она и послѣ этого періода будетъ предупреждать всякое пустое желаніе своего ребенка, будетъ выполнять его, жертвуя при этомъ своимъ покоемъ и покоемъ близкихъ, не будетъ пріучать его переносить отказовъ, она въ концѣ концовъ окажется его рабой, а онъ сдѣлается рабомъ своихъ прихотей. Однимъ словомъ, потворство и излишняя предупредительность могутъ повести лишь къ печальнымъ результатамъ, все къ большей требовательности и повелительности, граничащимъ съ деспотизмомъ, черствостью, сухостью сердца и эгоизмомъ, къ полному ослабленію воли, къ развитію авторитетности и комичнаго апломба въ отношеніи къ окружающимъ. При такомъ воспитаніи ребенокъ будетъ предъявлять все болѣе требованій, все рѣзче и настойчивѣе настаивать на ихъ выполненіи, все нервнѣе и раздражительнѣе относиться къ отказамъ, даже самымъ законнымъ и разумно мотивированнымъ, все менѣе будетъ находить нужнымъ быть пріятнымъ родителямъ, выполнять ихъ законныя требованія. При такомъ воспитаніи, наконецъ, у ребенка не можетъ выработаться привычки, перерождающейся при иномъ направленіи воспитанія въ потребность сердца, помогать близкимъ въ домашнихъ затрудненіяхъ, доступныхъ его возрасту, выполнять относительно ихъ свои прямыя обязанности.

При вышеописанномъ режимѣ, ребенокъ уже къ 9—10 лѣтамъ, за рѣдкими исключеніями, дѣлается деспотомъ семьи, самодуромъ, „Китъ-китычемъ“ въ миніатюрѣ. Въ немъ очень рано, инстинктивно, вырабатывается убѣжденіе, что окружающіе должны дѣлать все, что онъ желаетъ, и при этомъ въ немъ постепенно исчезаетъ совѣстливость и деликатность, а чаще всего, при такомъ положеніи вещей, и совсѣмъ не развивается ни того, ни другаго, не вырабатывается даже элементарнаго сознанія, что пользоваться услугами кого бы то ни было можно позволить себѣ лишь въ томъ случаѣ, когда самъ выполняешь относительно другихъ все, что только возможно. Между тѣмъ воспитаніе должно быть направлено къ достиженію совершенно противуположныхъ цѣлей: къ развитію крѣпости духа, мужества и стойкости; оно должно укрѣпить и закалить волю ребенка, демократизировать его склон-

ности и подготовить его къ борьбѣ съ суровою дѣйствительностью. Излишняя предупредительность, или, проще сказать, баловство (по французски это слово весьма точно опредѣляетъ его истинный смыслъ: „gâter“ означаетъ и баловать, и портить) ведетъ къ печальнымъ результатамъ не только въ нравственномъ отношеніи, но и въ физическомъ: по наблюденіямъ спеціалистовъ в нервнымъ болѣзнямъ, большинство, такъ называемыхъ, истерическихъ больныхъ въ дѣтствѣ были балованными дѣтьми; ихъ не пріучали управлять собой, своими чувствами, мыслями, вниманіемъ, ограничивать свои желанія, умѣрять требованія, жертвовать своими удовольствіями спокойствію другихъ, обходиться безъ посторонней помощи.

Ребенка слѣдуетъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ пріучить къ тремъ вещамъ: 1) строго выполнять свои дѣтскія обязанности, 2) научить дѣлиться всѣмъ своимъ добромъ и имуществомъ со всѣми окружающими, 3) съ первымъ проявленіемъ сознанія употреблять всѣ свои душевныя и физическія силы, чтобы помогать окружающимъ и близкимъ, оберегать ихъ покой. Чуть не каждый день жизнь ребенка въ семьѣ представляетъ для развитія этихъ качествъ достаточно фактовъ и явленій, и нужно давать при всякомъ удобномъ случаѣ толчекъ и направленіе для проявленія альтруистическихъ склонностей и любви къ окружающимъ.

Въ домѣ кто нибудь захворалъ: няня, мать, тетка,—и ребенку, если ему не менѣе 3—4 лѣтъ, слѣдуетъ напоминать: „не шуми, не кричи, не стучи игрушками, сапогами, тетя больна...“ Пусть онъ сходитъ къ больной, если это возможно, посидитъ немного около нея, поболтаетъ, сдерживая при этомъ свою обычную живость и шумливость, позоветъ для больной, кого она желаетъ, принесетъ, что требуется, подниметъ оброненное, отыщетъ затерянное. Когда ребенокъ подростетъ немного, пріучайте его интересоваться состояніемъ больнаго: пусть онъ разсказываетъ ему слышанное и прочитанное. Такой ребенокъ будетъ искреннѣе радоваться выздоровленію больнаго, чѣмъ тотъ, который относился пассивно къ его болѣзни, а это новый стимулъ для увеличенія привязанностей и любви. Ребенокъ постарше пусть помогаетъ матери одѣвать младшаго, пусть онъ отъ времени до времени занимаетъ и развлекаетъ его, уступаетъ ему свои игрушки, дѣлится съ нимъ всѣмъ, что имѣетъ, заботится о немъ. Конечно, этимъ не слѣдуетъ злоупотреблять, обременяя ребенка непосильными трудами, но необходимо имѣть въ виду, чтобы онъ не пассивно, а активно (разумѣется, сообразно съ его силами) принималъ участіе въ радостяхъ и горѣ семьи. Только при такомъ воспитаніи, ребенокъ не на словахъ, а на дѣлѣ будетъ любить свою семью, только въ такомъ случаѣ въ немъ разовьется глубокая, истинная привязанность къ ней, только такой ребенокъ впослѣдствіи сдѣлается сострадательнымъ товарищемъ, честнымъ гражданиномъ общества, который свои интересы съумѣетъ приносить въ жертву ближнимъ. Извѣстно, какъ тяжело родителямъ терять ребенка: чѣмъ онъ старше, тѣмъ невознаградимѣе утрата, и это натурально: чѣмъ старше ребенокъ, тѣмъ больше затрачено на него силъ, покоя, заботъ и здоровья. Такъ и ребенокъ можетъ впослѣдствіи надлежащимъ образомъ любить только тѣхъ родителей, которые пріучали его дорожить ихъ покоемъ, научили его ограничивать свои желанія, неимѣющія значенія для его жизни и здоровья, развивали въ немъ истинный интересъ ко всѣмъ членамъ семьи и умѣнье болѣть ихъ печалями, радоваться ихъ честной удачѣ и законному счастью. Иначе сынъ будетъ скорбѣть о болѣзни матери только потому, что онъ лишенъ на извѣстное время обычныхъ услугъ и угожденій, ужасаться ея смерти только вслѣдствіе того, что у него не будетъ даровой, преданной до самозабвенія рабы, которая

угадывала бы всѣ его желанія, подставляла свою грудь для всѣхъ жизненныхъ ударовъ, направленныхъ на него. Такъ это и было въ 60-хъ гг. Мать больна,— ей невыносимъ шумъ, бѣготня, визгъ развозившихся дѣтей. Сохрани Богъ ихъ стѣснить! Она, со смертельной головной болью, сама лучше забьется въ какой нибудь уголъ или перенесетъ страданія, но лишить дѣтей радости, удовольствія—никогда! Что еще ждетъ ихъ въ будущемъ? разсуждала она.... Пусть со слезами благодарности и умиленія вспоминаютъ свое дѣтство.... Но выходило, конечно, совсѣмъ наоборотъ.

„Господи!“ возмутится бывало кто нибудь изъ окружающихъ: „какъ вамъ не стыдно такъ шумѣть! Вѣдь вы большіе: можете понимать! Мать ваша отдаетъ за васъ всю свою душу, а вы и нѣсколько часовъ не можете себя стѣснить для нея!“ Что изъ этого выходило? Нравоученія, сентенціи, которыя никогда никого ничему не научали, никому не проникали до сердца! Нѣтъ! Не нравоученіе, не негодованіе даже можетъ имѣть значеніе въ этомъ отношеніи, а только привычка, систематически усвоенная съ ранняго дѣтства привычка принимать дѣятельное, активное участіе въ горѣ, радости и заботахъ семьи можетъ развить истинную любовь, иначе вы воспитаете поколѣніе черствыхъ эгоистовъ, съ слабо развитою волею, безхарактерныхъ, съ отсутствіемъ сознанія своихъ обязанностей, требовательныхъ къ другимъ, рабовъ своихъ пустыхъ желаній и прихотей.

Баловство дѣтей, излишняя предупредительность относительно ихъ, господство въ семьѣ, невыполненіе дѣтьми своихъ прямыхъ обязанностей, все это, если только не парализовалось явленіями противуположнаго характера, или, если житейскія обстоятельства сами не ставили этому преградъ, проявилось впослѣдствіи развитіемъ болѣзней воли въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Одинъ въ высшей степени порядочный и развитой молодой человѣкъ разсказывалъ намъ, какъ тяжело отразились на немъ эти погрѣшности воспитанія описываемой эпохи.

Скудныя матеріальныя средства приходилось его матери пополнять своимъ трудомъ, но она не останавливалась ни передъ какими жертвами, чтобы дать сыну надлежащее развитіе и образованіе. Однако, не смотря на свою страстную любовь къ ребенку, она все-же имѣла настолько благоразумія и твердости характера, что отказывала ему въ выполненіи тѣхъ его желаній, которыя могли повести его къ мотовству, франтовству или были вредны для его здоровья; но зато немедленно выполняла всѣ его требованія, если они не могли ему повредить: въ такомъ случаѣ она не могла даже отложить исполненіе его просьбы до болѣе удобной для нея минуты. Мать, крайне утомленная работой, приходила со службы. „Пойдемъ въ зоологическій садъ“, проситъ ее ребенокъ.—Сегодня я особенно утомлена...завтра занятія у меня окончатся раньше,—тогда пойдемъ...—Но сынъ настойчиво приставалъ, и мать никогда не могла устоять противъ подобной просьбы. Инстинктивно сознавая, что это все же потаканіе прихотямъ, и что мальчику ничего не сдѣлается, если прогулка будетъ отложена на 2—3 дня, она утѣшала себя такъ: „А что, если завтра будетъ дурная погода? Ему такъ полезно посмотрѣть животныхъ... Кое что при этомъ можно разсказать... Онъ погуляетъ, подышетъ чистымъ воздухомъ. При нашей бѣдности и безъ того такъ часто приходится отказывать... Нельзя же всегда,—это можетъ ожесточить его.... Пусть наконецъ знаетъ, что я ему отказываю лишь въ томъ, что вредно и пошло, или на что я совсѣмъ не могу добыть средствъ“.

Знакомому намъ мальчику понравилась у товарища комнатная гимнастика. Въ нѣсколько часовъ, съ помощью уже опытныхъ въ этомъ дѣлѣ

дѣтей, онъ ловко приноровился къ ней, и она доставила ему большое удовольствіе. „Куплю, непремѣнно куплю“, отвѣчала мать сыну на его просьбы купить для него такую же гимнастику. „Я уже давно думаю объ этомъ, да вотъ теперь денегъ нѣтъ... Потерпи недѣльки три... жалованье получу... тогда“. Но сынъ и на другой день не даетъ ей покоя, и мать кончила тѣмъ, что немедленно отправилась за покупкой. „Баловникъ ты!“ говорила старуха-тетка. „Трудно, что ли, тебѣ было потерпѣть недѣли три? Вѣдь ты знаешь, что у матери денегъ не было! Ты это прекрасно зналъ, да не желалъ на это обратить вниманіе! Вѣдь няня говорила тебѣ, что изъ-за этой гимнастики матери придется потратить деньги, приготовленныя на калоши... А теперь дожди! Три недѣли на службу она и пробѣгаетъ въ дырявыхъ калошахъ! Ты все это знаешь, да притаился... Для тебя вынь да положь... подавай сейчасъ все, что захотѣлъ!“

И дѣйствительно, мать и сынъ жили слишкомъ тѣсною жизнью,—онъ зналъ всѣ затрудненія по хозяйству, но разъ являлось у него желаніе, противъ котораго мать не протестовала, какъ противъ вреднаго или дурнаго, онъ настойчиво требовалъ его выполненія, не соглашаясь отложить просьбу даже на нѣсколько дней. „Подростетъ“, утѣшала себя мать, „побольше разовьется, поумнѣетъ, будетъ себя больше сдерживать, станетъ больше жалѣть меня“... Сынъ выросталъ, быстро развивался умственно, но его настойчивость относительно немедленнаго удовлетворенія его просьбъ увеличивалась, вниманіе же къ матери и состраданіе къ ея тяжкой долѣ не развивались вовсе.

Юношѣ было 17 лѣтъ, когда мать его умерла. Онъ былъ уже въ старшихъ классахъ гимназіи и перешелъ жить къ дядѣ, котораго глубоко уважалъ, мнѣніемъ котораго особенно дорожилъ. Юноша сознавалъ недостатки своего характера, боролся съ ними тѣмъ усерднѣе, что дядя скоро его понялъ, и племянникъ читалъ въ его глазахъ изумленіе и порицаніе своимъ поступкамъ. „Бывало экзамены на носу“, разсказывалъ онъ, „дядя зналъ, что я слабъ по нѣкоторымъ предметамъ. Для меня немыслимо было не кончить въ гимназіи и сидѣть на шеѣ у дяди—бѣднаго человѣка,—все это я прекрасно сознавалъ, никогда не былъ лѣнтяемъ и могъ усидчиво заниматься. Но вдругъ, во время занятій, вспоминаю, что сегодня пріятели собираются въ такомъ то домѣ... Бросаю все... и притомъ замѣтьте: меня далеко не интересовали эти собранія, и я очень рѣдко посѣщалъ ихъ даже въ свободное время, но налетѣло желаніе, и у меня не было достаточно силы воли, чтобы противиться его выполненію. Мало того, я могъ бы еще посидѣть дома, поработать,—рано было и забираться туда, вообще тамъ господствовала скука смертная. Такъ нѣтъ же,—дѣлай сейчасъ, что вздумалось. Такъ и во всемъ: налетитъ какое нибудь глупое желаніе, какъ вихрь или ураганъ, закрутитъ тебя, какъ былинку въ полѣ, и дѣлаешься ты точно полоумнымъ, совсѣмъ теряешь возможность владѣть собою. Даже и въ такую минуту я не терялъ сознанія, что это пошлый капризъ, удовлетвореніе котораго принесетъ мнѣ не удовольствіе, а лишь страданіе и стыдъ. Возвращаюсь домой, какъ пришибленный, и думаю: только-бъ дядя не замѣтилъ, что я отлучался, а то пойметъ... Такъ нѣтъ же, онъ самъ нарочно отворитъ дверь и не спроситъ даже, гдѣ я былъ, хотя обыкновенно спрашивалъ, такъ какъ я не имѣлъ никакого повода что нибудь скрывать отъ него. Но я зналъ причину его молчанія въ такихъ случаяхъ: онъ горячо любилъ меня, скорбѣлъ въ душѣ за мою безхарактерность и зналъ, что словами тутъ не поможешь, что я и самъ сознаю свою слабость. И дѣйствительно, усовѣщиваніями и порицаніями лишь раздражали бы меня безъ нужды и ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли бы сдѣлать

того, въ чемъ я нуждался,—оздоровить мою волю, разслабленную потворствомъ матери въ дѣтствѣ.

Баловство и излишняя предупредительность нерѣдко создавали изъ дѣтей черезчуръ требовательныхъ барчатъ, даже въ домѣ тѣхъ родителей, гдѣ они видѣли самое гуманное отношеніе окружающихъ къ прислугѣ. Чуть они подростали, они считали себя уже въ правѣ командовать прислугою и неукоснительно указывали ей всѣ упущенія, всѣ бреши въ исполненіи ея обязанностей. А ужъ у нихъ ли не пробуждали демократическихъ чувствъ, симпатіи къ низшимъ классамъ!

Чтобы наглядно представить себѣ, какую видную роль въ домѣ играли дѣти 60-хъ гг., нужно было войти въ любой домъ интеллигентной семьи. Лучшая комната, которая прежде назначалась для гостиной, теперь отведена была подъ дѣтскую. Въ рабочемъ кабинетѣ отца или въ спальнѣ матери часто не было даже мягкаго кресла. Необходимую мягкую мебель можно было бы имѣть, но всѣ средства семьи уходятъ на выполненіе требованій гигіены, на пособія для умственнаго развитія дѣтей, на удовлетвореніе ихъ желаній. Зато дѣтская представляетъ цѣлый музей. Стѣны ея обвѣшаны иллюстраціями по зоологіи и ботаникѣ, картинами, изображающими тотъ или другой моментъ трудовой жизни русскаго крестьянина. Въ углахъ комнаты навалены деревянные кубики, на столахъ разложены работы изъ гороха, плетенья, лѣпка различныхъ предметовъ и другія занятія по фребелевской методѣ. У людей болѣе состоятельныхъ можно было найти даже чучела звѣрей и птицъ, акваріумы, терраріи, клѣтки съ живыми звѣрьками и птицами, ящики подъ стекломъ съ коллекціями камней, образцы разныхъ производствъ, и въ каждой дѣтской непремѣнно домашняя гимнастика.

Къ сожалѣнію со всѣми этими пособіями и приспособленіями не всегда умѣли управляться, не всегда могли достаточно популярно объяснить, очень часто и объяснять многое было черезъ чуръ преждевременно. Къ тому же въ общемъ обиліе всѣхъ этихъ приспособленій и ихъ пестрая выставка пріучали дѣтей схватывать верхушки самыхъ разнообразныхъ знаній.

Если ребенокъ преждевременно усвоиваетъ то или другое знаніе, преждевременно читаетъ ту или другую книгу,—это вредно не только потому, что губитъ здоровье и притупляетъ способности, но и потому, что когда ребенокъ подрастетъ и ему придется серьезно знакомиться съ тѣмъ, что ему было уже объяснено, ему все будетъ казаться, что онъ знакомъ съ предметомъ, хотя онъ уловилъ лишь внѣшнюю его сторону. У него не явится настоящаго интереса къ предмету, при изученіи его онъ не будетъ дѣлать усилій, чтобы углубиться, основательнѣе съ нимъ ознакомиться. Но и поверхностное знакомство съ предметомъ, и скорѣе всего именно оно, даетъ возможность мальчику щегольнуть своимъ чтеніемъ передъ товарищами. Удача въ этомъ отношеніи развиваетъ тщеславіе, мелкое самолюбіе, поверхностное, недобросовѣстное отношеніе къ усвоенію знаній и порождаетъ въ юношѣ преувеличенно-высокое мнѣніе о себѣ, авторитетность въ приговорахъ, резонерство.

Вмѣсто прежняго стѣсненія дѣти пользовались теперь полною свободою, въ нѣкоторыхъ семьяхъ, къ сожалѣнію, черезъ чуръ преждевременно. Прежде часто даже взрослый сынъ, а тѣмъ паче дочь не могли шагу сдѣлать изъ дому безъ дозволенія родителей, не могли, согласно собственному желанію, пригласить къ себѣ знакомыхъ, угостить ихъ безъ разрѣшенія старшихъ. Что же касается маленькихъ дѣтей, то стѣсненіе ихъ свободы было гибельно потому, что имъ не дозволяли свободно высказывать свое мнѣніе, выражать свой вкусъ, спрашивать родителей обо всемъ, что имъ приходило въ голову; въ

присутствіи старшихъ, по нѣскольку часовъ къ ряду, ихъ заставляли сидѣть не двигаясь на одномъ мѣстѣ, не всегда давали имъ возможность, когда это было необходимо, въ волю навозиться и пошумѣть. Такое стѣсненіе вело ко лжи, лицемѣрію, къ предосудительнымъ поступкамъ втихомолку, за спиною, тормозило правильное физическое развитіе дѣтей. Въ 60-хъ гг. на эту сторону воспитанія обращено было должное вниманіе, и прежнее стѣсненіе свободы дѣтей почти повсюду уничтожено, но къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ семьяхъ, дѣтямъ предоставлена была слишкомъ преждевременно полная, безконтрольная, безотчетная свобода, что приносило столько же вреда, сколько и прежнее стѣсненіе свободы. Дѣти, въ нѣкоторыхъ домахъ, уже въ 8—9 лѣтъ, уходили безъ спросу, куда вздумается и возвращались домой, когда сами того желали; приглашали къ себѣ даже случайныхъ знакомыхъ и сами бѣгали къ нимъ. Знакомства часто оказывались неподходящими и ихъ приходилось прекращать. При свободѣ, которою пользовались дѣти, это оскорбляло ихъ, вызывало раздраженіе. Бывали и такія семьи, гдѣ свобода дѣтей доходила до распущенности: они могли говорить постороннему, что вздумается, повторяли уличныя бранныя слова, и родители ихъ не останавливали. „Грязное къ чистому не пристанетъ“, оправдывались они передъ тѣми, кого это возмущало, или „пусть бы не дѣлали безчестныхъ поступковъ, не фальшивили и не льстили каждому“. Но тутъ очевидно искренность и правдивость смѣшивались съ назойливостью, грубостью и пошлостью.

Полною свободою человѣкъ можетъ пользоваться лишь тогда, когда онъ становится отвѣтственнымъ за свои поступки, когда онъ самъ добьется самостоятельности или пріобрѣтетъ, по крайней мѣрѣ, возможность быть самостоятельнымъ. Дѣти, пользующіяся полной свободой раньше, чѣмъ они пріобрѣтутъ самостоятельность, не торопятся потомъ добиваться ея. Да они и не умѣютъ цѣнить свободу, такъ какъ не знаютъ, что такое стѣсненіе ея; имъ свобода далась безъ стремленія къ ней, безъ борьбы за нее. При такомъ режимѣ юноши, лишь богато одаренные въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, понимаютъ впослѣдствіи, что самостоятельность и свобода призрачны и ничто иное, какъ иллюзіи, пока онѣ дарованы родителями, а не завоеваны путемъ личнаго тяжелаго труда, борьбы съ жизненными препятствіями съ юношескихъ лѣтъ.

Порождало недоразумѣнія, и часто весьма печальнаго характера, и утрированно-деликатное отношеніе родителей къ душевному міру своихъ дѣтей. Прежде родители безцеремонно толкались въ душевные уголки своихъ дѣтей, теперешнимъ родителямъ это казалось и неделикатнымъ и стѣсняющимъ свободу дѣтей. Дѣти привыкали съ дѣтства все говорить родителямъ, но когда исполнялось ребенку 12, 13, 14 лѣтъ, родители переставали спрашивать его о томъ, что онъ дѣлалъ у товарища или въ гостяхъ, куда онъ намѣренъ пойти. Это дѣлалось не потому, что родители не интересовались дѣтьми, а по принципу не вмѣшиваться въ интимный міръ ребенка, если онъ самъ того не желаетъ, забывая, что душа ребенка въ такой возрастъ должна быть вполнѣ открытой книгой для родителей. Вмѣсто того, чтобы вѣчно поддерживать полную откровенность своими разспросами, они постепенно переставали это дѣлать, и ребенокъ становился все менѣе откровеннымъ. Многія дѣти упрекали впослѣдствіи своихъ родителей за то, что они мало интересовались ихъ внутреннею жизнью, между тѣмъ такое взаимное недоразумѣніе происходило лишь отъ утрированной деликатности родителей, отъ нежеланія вторгаться въ душевный міръ своихъ подростающихъ дѣтей.

Не совсѣмъ удобно было для дѣтей и то обстоятельство, что во многихъ

семьяхъ при дѣтяхъ старшіе вели разговоры и споры между собою. Дѣти, такимъ образомъ, нахватывали словъ, фразъ и сужденій, не понимая ихъ смысла, или преждевременно начинали понимать то, что должны были узнать гораздо позже. Дѣти должны жить въ сферѣ своихъ дѣтскихъ интересовъ и не привыкать произносить словъ, смысла которыхъ они не понимаютъ.

Всѣ эти погрѣшности въ воспитаніи тамъ, гдѣ онѣ давали себя чувствовать въ большей или меньшей степени, происходили какъ вслѣдствіе отсутствія педагогической опытности, такъ и потому, что идеи свободы, равенства, гуманности, справедливости впервые примѣнялись на практикѣ, а у громаднаго большинства и впервые возникли въ головѣ. И будущіе педагоги должны положить въ основу воспитанія тѣ же принципы, но въ примѣненіи ихъ на практикѣ избѣгать крайностей, утрировки, односторонности и преувеличеній. Нужно помнить, что воспитателямъ 60-хъ гг. приходилось постоянно бороться противъ растлѣвающаго вліянія принципа слѣпаго послушанія и подчиненія всесильному авторитету родительской власти, что вслѣдствіе этого главнымъ образомъ они перегнули въ другую сторону, но что и при теперешнемъ воспитаніи нужно имѣть это въ виду, такъ какъ этотъ принципъ испоконъ вѣка былъ привитъ къ нашимъ нравамъ и далеко не совсѣмъ исчезъ и въ настоящее время. Педагоги должны преслѣдовать произволъ и своеволіе дѣтей, но точно также твердо помнить, какой тяжкій вредъ приноситъ дѣтямъ требованіе слѣпаго подчиненія, лишеніе возможности самостоятельно высказывать свои взгляды и мысли. Такое воспитаніе не можетъ создать людей съ самостоятельною мыслію и волею, не можетъ выработать борцовъ за правду и идеалы. Изъ ребенка, которому всю жизнь внушаютъ, что онъ самъ по себѣ ничто, что онъ не долженъ разсуждать, а обязанъ только подчиняться, выйдетъ угнетатель или забитый, приниженный и угодливый лакей.

Утилитарное направленіе 60-хъ гг. отразилось и на воспитаніи: даже тамъ, гдѣ баловали дѣтей, старались ограничить ихъ эстетическія стремленія и склонности. У ребенка склонность къ изящному сказывается въ томъ, что онъ плететъ вѣнки, вяжетъ букеты изъ полевыхъ цвѣтовъ, долго трудится, чтобы исполнить свою работу покрасивѣе. „Скажи лучше, какъ называется этотъ цвѣтокъ? Посмотримъ его тычинки и пестики, пересчитаемъ лепестки“,— прерываетъ его воспитательница, досадуя, что онъ такъ долго занятъ эстетикой.

Дѣвочка проситъ надѣть не то платье, которое приготовили для нея, а другое,—голубенькое... свѣтленькое. Если это не затруднительно, не составляетъ ни разсчета, ни хлопотъ, отчего не исполнить ея желанія? Дѣвочка, всякое желаніе которой выполняютъ, но систематично преслѣдуютъ лишь ея желаніе перемѣнить что нибудь въ своемъ туалетѣ,—скоро пойметъ гоненіе, исключительно направленное на наряды.

Въ этомъ отказѣ, кромѣ утилитарнаго направленія, сказывался и страхъ воспитать кокетку. Но кокеткою дѣвушка становится не потому, что въ дѣтствѣ она любитъ приколоть цвѣтокъ къ корсажу, одѣть платье того или другаго цвѣта, а потому, что у нея въ головѣ ничего нѣтъ, кромѣ тряпокъ, потому что въ дѣтствѣ у нея не были развиты ни любознательность, ни интересъ къ знанію, ни наблюдательность къ явленіямъ жизни и природы,

Искусственное и ненужное преслѣдованіе всякой красивой бездѣлушки, всего изящнаго въ обстановкѣ, невиннаго проявленія того же въ туалетѣ ребенка, слишкомъ узкое примѣненіе въ практической жизни принципа утилитаризма, стѣснявшаго личные вкусы, часто сказывалось впослѣдствіи въ фатоватыхъ вожделѣніяхъ дѣтей, и наперекоръ суровой, монашеской обстановкѣ

создавало кокетокъ. Мать запрещаетъ дѣвочкѣ вплести въ косичку красненькую ленточку, которая у нея безъ толку валяется въ комодѣ. Дѣвочка мечтаетъ объ этой ленточкѣ, добываетъ ее, когда матери нѣтъ дома, вертится въ ея отсутствіи передъ зеркаломъ,—тутъ уже не только эстетика и невинное желаніе принарядиться, свойственное женщинѣ, но и прелесть запретнаго плода.

Развитіе эстетическаго чувства не только не слѣдуетъ тормозить, но его необходимо всячески вызывать, такъ какъ оно, возвышая душу человѣка, облагораживаетъ его. Замѣчено, что у дѣтей чувство красоты и любовь къ музыкѣ проявляются еще въ младенческіе годы. Этими врожденными духовными потребностями натуры слѣдуетъ пользоваться и культивировать ихъ уже потому, что онѣ представляютъ собою въ человѣкѣ гуманный элементъ по преимуществу. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ какого бы то ни было эстетическаго наслажденія, музыкальнаго, художественнаго или поэтическаго, человѣкъ дѣлается чувствительнѣе, благороднѣе, добрѣе, склоннѣе прощать обиды и оскорбленія, дѣлать добро ближнему, становится мягче и внимательнѣе къ окружающимъ. Возможно-ли въ нашъ эгоистическій и практическій вѣкъ, когда тысячи интеллигентныхъ людей обуреваемы страстью исключительно спекулятивнаго и корыстнаго характера, оставлять втунѣ развитіе въ ребенкѣ эстетическихъ чувствъ, этихъ великихъ рычаговъ нравственнаго усовершенствованія. Пусть душу вашего питомца волнуетъ не предстоящая попойка, не карточный выигрышъ или проигрышъ, не радость удавшейся спекуляціи, а приводитъ его въ трепетъ и волненіе благородный восторгъ, когда онъ читаетъ или смотритъ дивное произведеніе поэзіи, искусства, природы. Воспитатели должны помнить, что чѣмъ болѣе возможности будетъ имѣть питомецъ развить свои духовныя потребности, свои эстетическія чувства, тѣмъ богаче раскроется передъ нимъ источникъ высокихъ, чистыхъ наслажденій, который будетъ давать ему и отдыхъ отъ житейскихъ дрязгъ, неудачъ и меркантильныхъ разсчетовъ и представитъ сокровищницу, изъ которой онъ будетъ черпать силы и энергію для тяжелой житейской борьбы, труда и неудачъ. Преступно лишать человѣка такого великаго, прирожденнаго каждому дара, который даетъ возможность не совсѣмъ погрязнуть въ житейской тинѣ и въ нашей будничной, пошловатой дѣйствительности.

И такъ, храни васъ Богъ, воспитатель, тормозить эстетическое развитіе ребенка: напротивъ, давайте ему возможность, какъ можно чаще, прислушиваться къ задушевной русской пѣснѣ, обратите его вниманіе и на хорошо исполненную музыкальную пьесу, сами, если возможно, пойте съ нимъ, давайте возможность слушать музыку, сплетайте съ нимъ вѣнки, вяжите букеты, наглядно объясняя законы симметріи, читайте поэтическія произведенія, доступныя его возрасту, постарайтесь вызвать въ немъ, какъ можно раньше, способность наслаждаться музыкальностью стиха, прелестью картинъ великихъ художниковъ и не пропускайте случая обращать вниманіе ребенка на природу, на прекрасный пейзажъ.

Эстетическое чувство легче и свободнѣе всего развивается при двухъ условіяхъ: когда ребенку *даютъ возможность хорошо и многое видѣть и наблюдать*—растенія, животныхъ, картины природы и ея явленія, пусть онъ разсматриваетъ ихъ въ цѣломъ, а также и отдѣльныя ихъ части, сравниваетъ ихъ между собою, находитъ между ними сходство и различіе,—однимъ словомъ, когда въ ребенкѣ развиваютъ правильную наблюдательность и любознательность, вкладываютъ въ его душу живой интересъ къ окружающему,—это болѣе всего содѣйствуетъ развитію эстетическихъ чувствъ, заложенныхъ уже природою въ душу ребенка.

Также не педагогично было и то, что въ семьяхъ людей 60-хъ гг. передъ дѣтьми постоянно дѣлали хозяйственныя выкладки и разсчеты. Прежнее барское мотовство и швыряніе денегъ по пусту, что заставляло многихъ кончать сдѣлками съ совѣстью, терять честь и совѣсть, такъ пугало современныхъ воспитателей, что нѣкоторые изъ нихъ, въ виду этого, заставляли своихъ дѣтей беречь маленькіе денежные подарки; но весьма опасно въ нравственномъ отношеніи пріучать дѣтей копить деньгу, останавливать его вниманіе на коммерческихъ соображеніяхъ: это рано засушиваетъ сердце ребенка въ скаредныхъ разсчетахъ; въ то же время не слѣдуетъ искуственно закрывать передъ нимъ явленій дѣйствительной жизни.

Что касается умственнаго развитія дѣтей, то въ 60-хъ гг. въ интеллигентныхъ семьяхъ на него впервые обратили разумное вниманіе. Механическое заучиваніе никого не удовлетворяло болѣе. Кромѣ формальнаго образованія, получаемаго въ заведеніяхъ, теперь находили нужнымъ расширять кругъ знаній учащихся и развивать живой интересъ къ нимъ, пробуждать наблюдательность, любознательность и любовь къ чтенію, положить прочную основу для высшихъ человѣческихъ стремленій. Мало того, теперь сознана была необходимость начать умственное развитіе дѣтей до-школьнаго возраста, такъ какъ интересъ ребенка къ природѣ и разнообразнымъ ея явленіямъ, если онъ не пробужденъ раньше, въ школьномъ возрастѣ уже слабѣетъ. Теперь, гуляя съ дѣтьми, обращали ихъ вниманіе на окружающую природу, на деревья и цвѣты, сѣяли для нихъ въ грядкахъ и горшкахъ сѣмена и заставляли наблюдать ростъ растеній, отыскивали вмѣстѣ съ ними насѣкомыхъ, воспитывали звѣрьковъ и птицъ, читали популярные разсказы, сообщали и разъясняли элементарныя свѣдѣнія по различнымъ предметамъ, преимущественно по зоологіи и ботаникѣ. Не забытъ былъ человѣкъ и его дѣятельность: дѣтей водили по болѣе или менѣе доступнымъ для нихъ мастерскимъ и заводамъ. Сообразительность и находчивость развивали преимущественно незамысловатыми ариѳметическими задачками въ умѣ надъ предметами изъ обыденной жизни. Ошибки, увлеченія и утрировка были и тутъ, но въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣло было поставлено весьма недурно: дѣти дѣйствительно выходили въ высшей степени умственно развитыми, особенно сравнительно съ воспитаніемъ до-освободительнаго періода, съ разумно направленной любознательностью и наблюдательностью, съ живымъ интересомъ къ окружающей природѣ. Нечего и говорить, что тамъ, гдѣ воспитателями являлись люди ограниченные и невѣжественные, или тамъ, гдѣ такая программа развитія была поставлена слишкомъ формально, болѣе для моды и выставки, умственное развитіе не шло въ прокъ,—но отъ неудачъ такого рода никакое время, никакіе методы не застрахованы. Тѣмъ не менѣе и въ умственномъ развитіи дѣтей шестидесятыхъ годовъ были промахи.

Прежде всѣ знанія исключительно брали памятью, только одну ее и развивали; теперь совсѣмъ забросили ея развитіе и ограничивались тѣмъ, чтобы ребенокъ вполнѣ хорошо понималъ прочитанное или разсказанное. Такимъ образомъ память во время приготовленія уроковъ весьма мало упражнялась; такъ же мало упражнялась она и при изученіи иностранныхъ языковъ, что происходило отчасти потому, что въ эпоху 60-хъ гг. явилась реакція противъ черезчуръ преждевременнаго изученія иностранныхъ языковъ и предпочтенія ихъ родному.

До освободительнаго періода родители чѣмъ лучше желали дать образованіе дѣтямъ, чѣмъ богаче и знатнѣе были они сами, тѣмъ большее количество иностранныхъ языковъ заставляли они изучать своихъ дѣтей. Изу-

ченіе иностранныхъ языковъ начиналось съ самаго ранняго возраста, обыкновенно съ года или двухъ, когда ребенокъ только начиналъ лепетать, и многіе родители старались, чтобы ихъ дѣти сразу заговорили на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ. Знаніе русскаго языка въ среднемъ, и особенно въ высшемъ классѣ общества было изъ рукъ вонъ плохо. Естественно, что въ эпоху возрожденія, многіе жестоко нападали на предпочтеніе иностранныхъ языковъ своему родному. Не мало писали и толковали тогда и противъ изученія *сразу* нѣсколькихъ языковъ, указывая, что при этомъ обыкновенно выходитъ то, что дѣти не умѣютъ говорить порядочно ни на одномъ *языкѣ*. Горячая защита роднаго языка, который былъ въ загонѣ, была своевременна и крайне необходима, какъ и выясненіе вредныхъ послѣдствій для умственнаго развитія дѣтей отъ безтолковаго и нелѣпаго обычая обучать нѣсколькимъ языкамъ *сразу*. Но такъ какъ эпоха 60-хъ гг. была въ тоже время эпохою увлеченій и крайностей, то многіе воспитатели крайне нелѣпо поняли толки объ изученіи языковъ: они вовсе выкинули изъ программы воспитанія своихъ дѣтей изученіе иностранныхъ языковъ, что сказалось крупными и печальными пробѣлами въ умственномъ развитіи молодыхъ людей обоего пола. Но о прекращеніи въ то время многими изученія иностранныхъ языковъ мы преимущественно заговорили для того, чтобы указать, что это тоже лишало дѣтскую память гимнастики. Въ концѣ концовъ выходило такъ, что память дѣтей въ это время упражняли слишкомъ мало, что было крупною ошибкою, такъ какъ развитіе и упражненіе памяти имѣетъ громадное значеніе для всей жизни человѣка, вліяетъ на весь складъ его характера. Во всѣхъ возрастахъ жизни—въ дѣтскомъ, въ школьномъ и зрѣломъ хорошая память даетъ себя чувствовать въ высшей степени благотворно, и значеніе ея велико, какъ въ сферѣ практической, такъ и нравственной, а также и во всѣхъ областяхъ умственной дѣятельности. Но о громадномъ значеніи памяти мы подробно говоримъ ниже, а потому здѣсь и не будемъ долѣе распространяться объ этомъ.

Другимъ болѣе или менѣе общимъ недостаткомъ воспитанія эпохи 60-хъ гг. было то, что при умственномъ развитіи дѣтей теперь совсѣмъ старались изгнать изъ употребленія сказки. Прежде сказки служили у насъ единственнымъ воспитательнымъ элементомъ, и ихъ давали дѣтямъ безъ всякаго разбора. Теперь изъ боязни пугать дѣтей чертовщиною, мертвецами, злыми вѣдьмами, чтобы въ конецъ уничтожить въ нихъ всякую тѣнь суевѣрнаго страха передъ силами природы, сказки изгоняли изъ употребленія безъ всякаго милосердія. Между тѣмъ, если воспитатель съумѣетъ изъ огромнаго запаса русскихъ народныхъ сказокъ сдѣлать надлежащій выборъ, онѣ могутъ имѣть могущественное воспитательное значеніе для развитія нравственныхъ и умственныхъ силъ ребенка. Онѣ развиваютъ остроуміе, даръ слова, находчивость, воображеніе, содѣйствуютъ развитію творчества, знакомятъ съ характерными особенностями русской рѣчи и жизни, мѣтко, типично и въ живыхъ образахъ запечатлѣваютъ въ памяти характерныя качества и свойства животныхъ. Нравственное вліяніе сказокъ не менѣе сильно: онѣ помогаютъ развитію любви къ правдѣ, возбуждаютъ состраданіе къ несчастному, слабому, обиженному, загнанному, вызываютъ отвращеніе къ лицемѣрію, лжи и коварству. Но такіе благотворные результаты получаются только тогда, когда дѣти пользуются сказками при разумномъ выборѣ старшихъ. Но значенію сказокъ и тому, какой выборъ слѣдуетъ дѣлать изъ нихъ, мы ниже посвящаемъ отдѣльный очеркъ.

Воспитаніе въ 60-хъ гг. отчасти страдало и отъ буквальнаго примѣ-

нения нѣмецкихъ методовъ. Педантичное примѣненіе метода, какъ бы онъ ни былъ прекрасенъ, всегда нелѣпо, такъ какъ при воспитаніи и обученіи требуется принимать въ соображеніе индивидуальныя свойства воспитываемаго; тѣмъ болѣе это необходимо имѣть въ виду, когда примѣняешь методъ, изобрѣтенный нѣмецкимъ педагогомъ, созданный для народа, чуждаго русскому по своему темпераменту, индивидуальнымъ свойствамъ и культурѣ. Вотъ потому то и не вполнѣ успѣшные результаты преподаванія еще не означаютъ, что методъ дуренъ; онъ можетъ быть и прекрасенъ, но примѣненъ безтолково или черезчуръ педантично. Если по тому или другому предмету вы находите методъ прекрасно выработанный въ Германіи, вы должны прежде всего вникнуть въ основную его мысль и принципы и примѣнять его къ русскимъ дѣтямъ сообразно съ характеромъ воспитываемаго и съ духомъ своего народа.

Но наиболѣе заслуживало порицаніе въ воспитаніи того времени то, что бесѣду съ дѣтьми и ихъ наблюдательность слишкомъ преждевременно направляли на мысли, факты и явленія черезчуръ грустнаго, мрачнаго, тяжелаго характера.

Преподаваніе исторіи и литературы не должно, конечно, страдать односторонностью: ученики, чтобы имѣть всесторонее представленіе о бытѣ народа и явленіяхъ жизни, должны знать, какъ свѣтлыя, такъ и мрачныя стороны изображаемаго. Но мы говоримъ о дѣтяхъ до школьнаго возраста, которые не доросли еще до изученія научныхъ предметовъ, а получаютъ разъясненіе явленій изъ природы и жизни въ элементарной, популярной формѣ. И такимъ-то дѣтямъ, еще не достигшимъ школьнаго возраста, воспитатели описываемой эпохи иногда давали читать разсказы слишкомъ грустнаго, мрачнаго характера, наводили ихъ на наблюденія, производившія на душу ребенку слишкомъ тяжелое впечатлѣніе, преждевременно давали понятіе объ удручающей тяжести бѣдности, о горѣ и гнетѣ, испытываемыхъ народомъ. Отчасти это происходило оттого, что воспитаніе и образованіе того времени шло рука объ руку съ протестомъ, съ другой стороны оттого, что прежнее преподаваніе носило исключительно оптимистическій характеръ, старалось убѣдить, „что все идетъ къ лучшему въ семъ наилучшемъ изъ міровъ“. Люди 60-хъ гг., понимая ложь, фальшь, вредъ и односторонность такого преподаванія перегнули въ другую сторону. Какъ бы то ни было, но на ребенка, гдѣ существовало такое преподаваніе, оно оказывало весьма вредное вліяніе. Нервный и воспріимчивый, онъ живо проникался духомъ такого направленія, и были такіе случаи, что такой непосильный грузъ просто мѣшалъ жить ребенку и даже правильно развиваться физически. Ребенокъ не могъ ничѣмъ любоваться, не любилъ забавляться игрушками, ни на что не радовался, вездѣ видѣлъ людское горе и слезы и, не будучи въ состояніи ничѣмъ помочь, лишь отравлялъ этою мыслью свое дѣтское существованіе. Если такой ребенокъ выживалъ, онъ оставался нервнымъ на всю жизнь, болѣзненнымъ, хилымъ и неспособнымъ дѣйствовать тогда, когда онъ долженъ былъ уже дѣйствовать.

Будучи взрослымъ, онъ только скорбѣлъ, страдалъ, но игралъ въ жизни лишь пассивную роль. У нѣкоторыхъ дѣтей этой категоріи скорбь и меланхолія проходили съ лѣтами, но нервность и слабость воли давали себя чувствовать очень долго.

Воспитаніе несомнѣнно должно имѣть въ виду знакомство воспитываемаго съ народомъ, оно должно пріучить его интересоваться имъ очень рано, должно показать ему, что, не смотря на его тяжелый трудъ, безграмотность и не-

рѣдко полное невѣжество, онъ не лишенъ ни благородства, ни гуманности, ни ума, ни оригинальности. Но нѣкоторые воспитатели 60-хъ гг. не ограничивались поощреніемъ питомца къ знакомству съ трудящимся людомъ, но и приподносили ему выводы, къ которымъ онъ долженъ былъ придти лишь самостоятельно и притомъ несравненно позже.

Вообще дѣти 60-хъ гг. мало что выносили на своихъ плечахъ: они слишкомъ много пользовались чужими выводами, чужимъ трудомъ.

Но каковы бы ни были ошибки, наивности, крайности, увлеченія, эпоха 60-хъ годовъ оставила глубокій слѣдъ въ русской жизни и внесла, какъ въ воспитаніе, такъ и во многія сферы общественной дѣятельности, новые принципы и воззрѣнія. Идеи того времени, распространенныя въ огромномъ кругу интеллигентнаго общества, сдѣлали невозможнымъ возвратъ къ домостроевскимъ традиціямъ, какъ въ сферѣ воспитанія, такъ и въ другихъ сферахъ жизни и дѣятельности, къ рабству мысли, гнету и приниженности человѣческаго достоинства, господствовавшимъ у насъ въ дореформенный періодъ. Людей 60-хъ гг. болѣе всего обвиняли за крайности и увлеченія, но всякое новое дѣло сопряжено съ ними и никогда не обходится безъ крупныхъ ошибокъ и промаховъ,—тѣмъ болѣе извинительны они были въ дѣлѣ столь новомъ и сложномъ, какъ воспитаніе, если принять еще въ разсчетъ то обстоятельство, что при этомъ невозможно было пользоваться педагогическимъ опытомъ предшественниковъ. Что же касается крайностей, то въ нихъ подчасъ дѣйствительно было много комизма, но не было ни стыда, ни позора,—напротивъ, люди того времени могутъ очень многимъ гордиться. Прежде большинству образованныхъ людей, была доступна лишь сфера мелкихъ личныхъ чувствицъ, пошлыхъ интересовъ, были близки сердцу лишь своя карьера и карманъ; средствами къ достиженію личныхъ цѣлей служили низкопоклонство, взяточничество и интриги. Теперь, во имя общественнаго блага, отказывались отъ личнаго счастья, отъ житейскаго комфорта, выдвигая на первый планъ общественную пользу. И этихъ людей клеймили кличками нигилистовъ, отрицателей и протестантовъ! Старое поколѣніе, косо смотрѣвшее на новое, говорило, что нигилистами оно называетъ ихъ потому, что они ничего не признаютъ, ничего не уважаютъ. Въ романѣ Тургенева „Отцы и дѣти“, гдѣ впервые появилась эта кличка, молодой человѣкъ характеризуетъ нигилиста, какъ человѣка, „который ко всему относится съ критической точки зрѣнія.... Это человѣкъ“, говоритъ онъ, „который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ“. Люди того времени гораздо болѣе вѣрили, чѣмъ отрицали, но имъ, конечно, приходилось и отрицать многое, такъ какъ прежнее время выдвинуло передъ ними цѣлую армію хищниковъ, стяжателей, самодуровъ, взяточниковъ, угнетателей. Молодое поколѣніе съ презрѣніемъ отодвинулось отъ нихъ и твердо вѣрило, что оно своими силами можетъ пробудить общественную совѣсть, можетъ создать культурное общество, широкой волной разольетъ просвѣщеніе даже въ темномъ царствѣ народа. Это было, конечно, весьма наивно, но тогда такъ дѣтски, такъ хорошо вѣрилось и казалось, что достаточно этого страстно желать, достаточно интеллигентной молодежи работать для этого, не покладая рукъ, достаточно не бояться жертвъ,—и въ близкомъ будущемъ водворятся на землѣ братство, равенство, справедливость, всеобщее счастіе! Боже мой! Сколько во имя этихъ стремленій было принесено жертвъ, сколько загублено молодыхъ жизней, сколько пало въ неносильной борьбѣ съ тяжелымъ трудомъ и лишеніями, сколько выказано было истиннаго мужества, геройства, состраданія, участія и любви къ ближнему!

И прежде были люди самоотверженные, но лишь эпоха 60-хъ гг. создала цѣлую армію борцевъ за общественное дѣло и правду, героевъ, часто незамѣтныхъ и также незамѣтно погибавшихъ въ своихъ жалкихъ конурахъ. Эта армія героевъ своею численностью все же была ничтожна сравнительно съ несмѣтнымъ полчищемъ людей, погруженныхъ въ невѣжество и апатію. Побѣда оказалась не на сторонѣ мечтателей, но честныя идеи, которымъ они служили, во имя которыхъ они приносили въ жертву свою жизнь и личное счастье, останутся навсегда достояніемъ лучшей части общества. Неужели это позоръ? Неужели люди 60-хъ гг. будутъ краснѣть за это, стыдиться этого? Не общественная ли реакція, такъ быстро наступившая вслѣдъ за этой лучезарной зарей нашего обновленія, въ такой степени убила сознаніе въ русскомъ обществѣ, что оно, не краснѣя, издѣвается теперь надъ тѣмъ, что было лучшаго и честнаго въ нашей прошлой жизни; неужели оно не понимаетъ, что необыкновенный подъемъ духа русскаго общества въ эпоху 60-хъ гг. всегда будетъ служить лучшимъ опроверженіемъ упрека въ его дряблости и нравственной несостоятельности. Дѣйствительно, слѣдующая эпоха въ такой степени вытравила критическій анализъ даже въ представителяхъ русской интеллигенціи, что они въ этотъ печальный періодъ нашего существованія, вмѣсто того, чтобы будить честь и совѣсть, призывать къ борьбѣ противъ зла и протесту противъ апатіи, глубокомысленно обсуждали вопросы о непротивленіи злу, о необходимости смиренномудрія и терпѣнія и развивали другія подобныя же темы домостроевскаго характера.

Но возвратимся къ крайностямъ. Вѣдь изъ за нихъ не видятъ въ движеніи этой эпохи глубокаго смысла!

Формалисты существуютъ не только среди новичниковъ, но бываютъ и формалисты идеи; ихъ было немало во всѣ времена, не лишена ихъ была и эпоха 60 хъ гг. Мы знаемъ уже, что новое движеніе охватило огромный классъ бѣдняковъ. Неустанный трудъ и жертвы были не каждому по плечу. А между тѣмъ не хотѣлось отставать отъ вѣка, отъ товарищей, и вотъ такіе то люди и довольствовались лишь вывѣской, облекшись въ мундиръ нигилизма. Многіе изъ нихъ, часто даже безъ особенной крайности, неряшливо одѣвались, навязчиво и фамильярно упрекая въ отсталости и ретроградствѣ всѣхъ, кто былъ одѣтъ лучше ихъ. Между ними много было тупоголовыхъ, но еще больше сознательно злостныхъ формалистовъ идеи, такъ сказать „червонныхъ валетовъ нигилизма“, прикрывавшихъ мундиромъ нигилизма свои пошлыя вожделѣнія. Когда началась реакція, они немедленно преобразились въ щеголей, въ искателей теплыхъ мѣстечекъ, и ихъ насмѣшки надъ крайностями людей 60-хъ гг. раздавались безцеремоннѣй и громче другихъ.

Настоящіе же труженики и искренніе послѣдователи идей 60-хъ гг., если не надломили силъ въ непосильной борьбѣ, созрѣвъ, откинули крайности и наивныя ожиданія; въ послѣдующій періодъ они остались наиболѣе принципіальными, убѣжденными и чуткими общественными дѣятелями.

Въ концѣ 60-хъ годовъ лихорадочная умственная жизнь и энергичная дѣятельность общества, послѣ необыкновеннаго подъема и напряженія, начинаютъ слабѣть и, наконецъ, во всѣхъ сферахъ жизни наступаетъ затишье. Между тѣмъ идеи 60-хъ годовъ, внесенныя въ общественное сознаніе, требовали дальнѣйшей ихъ разработки, но теперь, послѣ нервнаго напряженія, всѣхъ обуяла непроходимая апатія, равнодушіе и усталость.

Еще не пришло время дать характеристику современнаго воспитанія и потому мы ограничимся лишь тѣмъ, что укажемъ на то направленіе, которое оно приняло.

Въ 70-хъ годахъ матери постепенно забрасываютъ теоретическую подготовку къ педагогической дѣятельности. Мы уже знаемъ, что въ предъидущій періодъ, въ каждой семьѣ средняго круга, женщина, готовящаяся быть матерью, считала своею священною обязанностью проштудировать по гигіенѣ физическому уходу за дѣтьми и по педагогикѣ все, что существовало малъ мальски доступнаго ея пониманію. Въ концѣ 60-хъ гг. въ воспитаніи началась реакція, но и въ послѣдующее десятилѣтіе, и въ началѣ 80-хъ годовъ теоретическая подготовка матерей и воспитателей къ педагогической дѣятельности была совершенно заброшена. Не обращали болѣе вниманія и на умственное развитіе дѣтей. Чаще и чаще стали указывать на преждевременное развитіе ихъ въ періодъ 60-хъ годовъ, на ихъ умственное переутомленіе въ то время. Вмѣсто того, чтобы имѣть это въ виду и избѣгать переутомленія, дѣтей совсѣмъ перестали развивать умственно. Теперь въ нихъ, какъ и въ дореформенный періодъ, не пробуждали ни надлежащей любознательности къ окружающей природѣ и жизни, ни любви къ чтенію.

Вмѣстѣ съ апатіею и равнодушіемъ къ общественной дѣятельности, въ обществѣ ослабѣваютъ демократическія воззрѣнія и стремленія. Въ 60-хъ годахъ, въ видахъ знакомства съ народомъ, пробужденія къ нему сочувствія и уничтоженія барскихъ вкусовъ и замашекъ, образованные люди старались найти своимъ дѣтямъ товарищей въ низшихъ слояхъ общества. Теперь, изъ боязни, что такое сближеніе можетъ привить дурныя привычки и пороки улицы (что несомнѣнно бываетъ, но лишь отъ недосмотра воспитателей или отъ полнаго невмѣшательства ихъ при этомъ сближеніи, а еще чаще *отъ* совершеннаго незнакомства старшихъ съ этою средою), современныхъ дѣтей начали удалять отъ народной среды.

Полный поворотъ къ старому въ нравственномъ воспитаніи былъ теперь невозможенъ уже потому, что крѣпостничество пало. Что же касается перехода къ прежнему режиму въ физическомъ воспитаніи дѣтей, онъ болѣе немыслимъ былъ потому, что нѣкоторыя гигіеническія понятія, распространенныя въ 60-хъ годахъ, проникли уже въ общественное сознаніе. Но холя дѣтей, ихъ баловство, преклоненіе передъ ихъ покоемъ и правильнымъ физическимъ ростомъ теперь еще усилились сравнительно съ воспитаніемъ прошлаго періода. Мы уже достаточно говорили о томъ, насколько это было не раціонально, ошибочно и вело къ печальнымъ результатамъ, но тогда все это хотя сколько-нибудь умѣрялось и уравновѣшивалось серьезнымъ умственнымъ развитіемъ дѣтей, возбужденіемъ въ нихъ гуманныхъ чувствъ и неустаннымъ самообразованіемъ и саморазвитіемъ воспитателей. Теперь изъ воспитанія прошлаго періода было заимствовано лишь признаніе личности ребенка и необходимости правильнаго физическаго его развитія, но послѣднее было непомѣрно утрировано и вырождается въ барскую холю.

Сознаніе, что матери должны отдаваться дѣтямъ, существуетъ и теперь, но выражается весьма своеобразно. По современнымъ понятіямъ, любящая мать обязана изолировать себя отъ общества, отъ его интересовъ и жизни, не должна имѣть никакой общественной или самостоятельной дѣятельности, если къ этому не понуждаетъ ее крайняя матеріальная нужда. Всю свою жизнь она теперь посвящаетъ исключительно тому, чтобы слѣдить за физическимъ воспитаніемъ своего дитяти, чтобы въ этомъ отношеніи ему не было нанесено ни малѣйшаго ущерба. Она обязана теперь ни на минуту не оставлять ребенка на рукахъ прислуги, должна непремѣнно весь день сама его няньчить, одѣвать, носить на рукахъ, гулять съ нимъ, укладывать спать. Современныя дѣвушки добиваются высшаго образованія, самостоя-

тельнаго заработка, самостоятельной общественной дѣятельности, но, сдѣлавшись матерями, онѣ, въ большинствѣ случаевъ, считаютъ необходимымъ придерживаться вышеозначенной программы, т. е. изолировать себя отъ общества и покончить съ своимъ самообразованіемъ. Современныя матери, исключительно занятыя внѣшнимъ уходомъ за ребенкомъ, сводятъ всѣ свои сложныя обязанности лишь къ тому, чтобы безотлучно находиться при немъ. Все это заставляетъ ихъ менѣе и менѣе интересоваться обществомъ, все болѣе развиваетъ въ нихъ индиферентизмъ къ чтенію и къ педагогическимъ вопросамъ, все болѣе притупляетъ ихъ умственныя способности, съуживаетъ общественные, нравственные и эстетическіе интересы. Такія матери, естественно, не могутъ быть полезными руководительницами своихъ дѣтей ни въ раннемъ, ни въ болѣе позднемъ возрастѣ. Хотя онѣ придаютъ громадное значеніе физическому развитію дѣтей (мы узнаемъ ниже, что вполнѣ правильное физическое развитіе немыслимо безъ умственнаго) и во имя этого приносятъ въ жертву свои общественные интересы и личныя удовольствія, но невозможно вполнѣ логично провести въ жизнь означенную программу.

Мать считаетъ необходимымъ исключительно сама, безъ помощи няни, няньчить ребенка... Однако, болѣзнь, хозяйство, семейныя обязанности, различныя обстоятельства, однимъ словомъ, то одно, то другое вынуждаетъ ее отъ времени до времени отлучаться изъ дому. Наконецъ, какъ бы искренно ни отдавалась мать своему дитяти, какъ бы ни были скромны ея потребности къ развлеченіямъ, хотя бы онѣ были доведены до минимума, все же молодая натура возьметъ свое, все же она, хотя изрѣдка, почувствуетъ непреодолимую потребность видѣть людей, поговорить, послушать музыку. Она уходитъ изъ дому и передаетъ ребенка на руки не своей прямой помощницѣ—нянѣ, которую она постепенно подготовляла къ выполненію этихъ обязанностей, а кому попало, слѣдовательно, нерѣдко на руки особы, совершенно неопытной въ подобныхъ дѣлахъ.

И что за странное понятіе о материнскихъ обязанностяхъ! Отдаться всею душою воспитанію своего дитяти — священная обязанность матери, но это вовсе не связано съ необходимостью вытравить въ себѣ всѣ человѣческія и общественныя потребности ума и сердца, всѣ эстетическія стремленія. Женщина, которая подавитъ или не будетъ развивать въ себѣ стремленіе къ саморазвитію и къ самообразованію, убьетъ интересъ къ чтенію, дойдетъ до индиферентизма къ общественнымъ и педагогическимъ вопросамъ,—не можетъ быть настоящею матерью, истинною руководительницею своихъ дѣтей. Какъ необходимо матери постоянно идти впередъ въ своемъ умственномъ развитіи, насколько важное значеніе имѣетъ для нея серьезное педагогическое образованіе, это она сама пойметъ (если не совсѣмъ отупѣетъ, придерживаясь начертанной программы), когда дѣти выростутъ и начнутъ требовать не конфектъ и игрушекъ, а объясненія и активной помощи въ сложныхъ жизненныхъ обстоятельствахъ. Мало того, вслѣдствіе умственнаго убожества матери, дѣти постепенно начнутъ ускользать изъ-подъ ея вліянія, и рознь между ними будетъ расти съ каждымъ днемъ. Ея затруднительное положеніе можетъ обнаружиться и раньше, если дѣти какъ-нибудь помимо ея вліянія получатъ толчекъ къ развитію, а у нея не хватитъ умѣнья занять и заинтересовать ихъ чѣмъ-нибудь путнымъ. А что, если эта отставшая отъ умственныхъ интересовъ мать, пріучивъ себя, какъ насѣдка, лишь присматривать за дѣтьми и питать ихъ исключительно тѣмъ, что заработалъ мужъ, вдругъ вынуждена будетъ обстоятельствами самостоятельно зарабатывать существованіе своей семьи и при этомъ одна останется ея руководительницею, наставницею и учи-

тельницею? Къ тому же, нужно замѣтить, если мать не съумѣетъ устроить такъ своей семейной жизни, что она и на три, на четыре часа въ недѣлю не можетъ отлучиться отъ дѣтей безъ страха за ихъ жизнь и нравственность, ея положеніе во всякомъ случаѣ безвыходно: когда обстоятельства вынудятъ ее отлучиться, дѣти натерпятся безъ нея разныхъ невзгодъ и въ добавокъ къ этому, вытравляя въ себѣ всѣ человѣческія стремленія, она сама подъ конецъ отупѣетъ и не съумѣетъ дать надлежащаго умственнаго развитія своимъ дѣтямъ.

Если въ эпоху 60-хъ гг. дѣтямъ слишкомъ преждевременно давали понятіе о бѣдности и несчастіяхъ простаго люда, если въ то время въ иныхъ семьяхъ и переутомляли дѣтскій мозгъ непосильнымъ умственнымъ багажемъ, то современное воспитаніе, избравъ діаметрально противоположные пути, достигнетъ и діаметрально противоположныхъ результатовъ. Изолируя дѣтей отъ сверстниковъ, если они не той же среды, не имѣютъ такого же матеріальнаго достатка, опасаясь омрачить дѣтскіе годы грустными мыслями, въ нихъ не развиваютъ ни чувства состраданія, ни сожалѣнія, ни сочувствія къ ближнему. Послѣднее обыкновенно вовсе не дѣлается преднамѣренно: знакомство между сверстниками одинаковаго положенія и достатка не всегда возможно, и маленькій ребенокъ часто остается вовсе безъ товарищей своихъ лѣтъ, что весьма вредно отражается на развитіи въ немъ альтруистическихъ склонностей. Къ тому же, не давая ребенку ни малѣйшаго представленія о бѣдности и несчастіи, легко воспитать крайняго индиферентиста и деревяннаго истукана. Къ счастію, это невозможно потому, что немыслимо провести *логично* въ жизни ребенка вышеозначенную программу. Но такое направленіе въ воспитаніи несомнѣнно вноситъ не мало черствости и деревянности въ душу дѣтей. Современныя матери забываютъ, что, воспитывая ребенка съ людьми, при всемъ стараніи, невозможно оградить его отъ различныхъ вліяній, и потому цѣлесообразнѣе исподволь подготовить его къ воспріятію ихъ. Если ребенокъ не воспитывается въ искусственной атмосферѣ, онъ совершенно случайно можетъ узнать то, что отъ него такъ тщательно скрывали, и его мысль начнетъ работать въ совершенно новомъ для него направленіи, обыкновенно искажая факты и уже вслѣдствіе этого приходя къ невѣрнымъ выводамъ. „Пусть передъ ребенкомъ тогда выясняются печальныя стороны существованія и житейскія невзгоды, когда онъ совершенно окрѣпнетъ“, говорятъ теперь. Это несомнѣнно было бы самое лучшее, самое нормальное, если бы мы управляли судьбою по своему усмотрѣнію. Но роковыя житейскія случайности самовластно, часто безжалостно распоряжаются нами и иногда ставятъ насъ въ неожиданное положеніе, которое становится вдвойнѣ тяжкимъ и невыносимымъ, когда къ нему еще человѣкъ и вовсе не подготовленъ. Должно имѣть въ виду и то обстоятельство, что внезапное горе, весь ужасъ котораго ребенокъ узнаетъ сразу, можетъ довести его до нервнаго потрясенія, всегда опаснаго для здоровья. Преждевременно знакомить ребенка съ бѣдностью, несчастіями и лишеніями—вредно, вредно и искусственно наталкивать его на зрѣлища несчастій и бѣдствій, но столь же опасно для нравственности и здоровья, такъ же нераціонально вплоть до школьнаго возраста изолировать отъ жизни и общества, скрывать отъ него несчастія, которыя разразились надъ его семьей или надъ его близкими, совсѣмъ не давать ему ни малѣйшаго представленія о нуждѣ и тяжеломъ трудѣ бездольнаго люда. Если судьба, даже въ раннемъ дѣтствѣ, столкнетъ ребенка лицомъ къ лицу съ картиною нищеты, нужды, смерти, житейскихъ невзгодъ,—объясните ему все, какъ слѣдуетъ, разумѣется, насколько это до-

ступно его возрасту и въ той формѣ, какая требуется въ его годы. Теперь же въ нѣкоторыхъ семьяхъ отъ дѣтей скрываютъ всѣ несчастія, даже лично ихъ касающіяся, и которыя въ извѣстныхъ случаяхъ могли бы имѣть на дѣтей немаловажное воспитательное значеніе.

У восьмилѣтняго ребенка, лишившагося матери такъ рано, что онъ не могъ ее помнить, умеръ отецъ, къ которому онъ былъ страстно привязанъ. Родные скрывали отъ него смерть отца и подъ предлогомъ, что послѣдній заболѣлъ и уѣхалъ лечиться за границу, держали мальчика въ неизвѣстности на этотъ счетъ болѣе четырехъ лѣтъ. Когда ему открыли истину, она дѣйствительно не только не потрясла его нервы, но не сдѣлала на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, такъ какъ онъ за это время сдѣлался совершенно чуждъ отцу. Между тѣмъ какъ это несчастіе, вовремя узнанное ребенкомъ, заставило бы его, конечно, сильно горевать, можетъ быть на время и разстроило бы его нервы, но навсегда оставило бы хорошую память объ отцѣ, и это чувство всю жизнь согрѣвало бы его въ тяжелыя минуты, дѣлало бы его добрѣе, сострадательнѣе къ другимъ. Но о развитіи подобныхъ чувствъ въ дѣтяхъ теперь вообще мало думаютъ; на первомъ планѣ стоитъ физическое благосостояніе ребенка, хотя бы оно шло въ ущербъ здравому смыслу и нравственности.

Что же побудило современныхъ воспитателей забросить изученіе педагогики? Въ отвѣтъ на это одни ссылаются на то, что и при изученіи ея въ 60-хъ гг. выходили на практикѣ не менѣе печальные результаты, чѣмъ прежде, когда ничему не учились, другіе указываютъ на силу наслѣдственности, при которой, якобы, какъ ни воспитывай человѣка, онъ выйдетъ такимъ, какимъ создала его природа. Можно-ли придти къ такому выводу относительно 60-хъ гг., мы уже достаточно говорили, что же касается втораго возраженія,—мы разсмотримъ его въ слѣдующей главѣ.

Глава VII. Наслѣдственность.

Значеніе и вліяніе наслѣдственности.—Примѣры наслѣдственной передачи.—Атавизмъ.—Какое значеніе имѣетъ воспитаніе при историческихъ условіяхъ, неблагопріятныхъ для развитія характера и при могущественномъ вліяніи наслѣдственности.

На складъ характера человѣка, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ, наиболѣе могущественное вліяніе оказываютъ: *историческія условія*, *наслѣдственность и воспитаніе*.

Изъ предъидущихъ очерковъ мы уже знаемъ, какіе пороки, какія некультурныя черты залегли въ основу русскаго характера, какія печальныя историческія условія постоянно вліяли на умственное развитіе нашего общества. Что же такое наслѣдственность и какова ея власть, каково ея значеніе для развитія человѣческой личности?

Наслѣдственностью называютъ свойство организма передавать свою природу потомству, склонность повторяться въ своихъ дѣтяхъ, внукахъ, правнукахъ, однимъ словомъ въ своихъ потомкахъ. Какъ физіологія, такъ психологія и патологія, рядомъ неопровержимыхъ фактовъ, доказываютъ намъ, что дѣтямъ, путемъ наслѣдственности, могутъ передаваться физическія, нравственныя и умственныя особенности и свойства, внутреннее и внѣшнее строеніе организма, красота и уродство, здоровье и болѣзни, разстройства какъ всего организма, такъ и извѣстныхъ органовъ, косоглазіе, близорукость, дальнозоркость, ранняя плѣшивость, толстота или худощавость, а также талантъ и бездарность, геніальность и идіотство и нѣкоторыя другія духовныя и физическія особенности; все это можетъ унаслѣдовать ребенокъ не только отъ своихъ родителей, но и отъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ. Наслѣдственная передача не прямымъ путемъ, т. е. не отъ родителей, а отъ болѣе или менѣе отдаленныхъ предковъ, называется *атавизмомъ*.

Наслѣдственность во внѣшнемъ строеніи организма выражается съ особенною силою. Сходство ребенка съ матерью, отцомъ или дѣдомъ можетъ сказаться въ устройствѣ головы, туловища, въ формѣ глазъ, зубовъ, носа, губъ, ушей, ногтей, цвѣта кожи и волосъ, въ формѣ и объемѣ тѣла. Различные наросты и пятна на кожѣ—веснушки, родимыя пятна нерѣдко бываютъ у дѣтей на томъ самомъ мѣстѣ, на какомъ были у родителей. Въ одномъ семействѣ, уже въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, отцы передаютъ дочерямъ высокій ростъ и худощавое сложеніе, въ другомъ матери передаютъ дочерямъ толстоту и маленькій ростъ. Характерной особенностью нѣкоторыхъ семействъ является большая голова, длинныя руки и ноги, а въ другихъ наоборотъ. Въ Испаніи существовало одно семейство, въ которомъ наслѣдственная передача шести

пальцевъ на рукахъ замѣчалась у сорока человѣкъ; другіе родятся съ четырьмя и съ семью пальцами,—эта передача совершается тоже по наслѣдству, но повторяется рѣже, чѣмъ шестипалость. Сильно распространено, какъ извѣстно, наслѣдственное расположеніе къ чахоткѣ, что нерѣдко выражается узкимъ строеніемъ грудной клѣтки и несоотвѣтственной величиной сердца и легкихъ.

Случается, что какая нибудь наслѣдственная особенность, составляющая отличительную фамильную черту многихъ поколѣній, съ теченіемъ времени передается все меньшему количеству лицъ и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ въ потомкахъ. Размѣръ груди, таза, позвоночника, черепа и мозга, даже форма и объемъ мозговыхъ извилинъ, системы пищеварительная, кровеносная, мышечная, однимъ словомъ все внутреннее устройство тѣла человѣка, такъ-же, какъ и его внѣшнее строеніе передаются путемъ наслѣдственности. Плодовитость, мускульная сила, преждевременная сѣдина, продолжительность жизни, заиканіе и другія особенности тоже могутъ передаваться дѣтямъ путемъ наслѣдственной и атавистической передачи.

Точно также наслѣдственнымъ путемъ передаются и аномаліи. Въ прошломъ столѣтіи, въ Лондонѣ существовалъ человѣкъ, называвшійся Эдвардъ Ламбертъ. Кромѣ лица, ладоней и подошвъ, все тѣло этого человѣка было покрыто чешуеобразной роговой корой, изъ которой выходило множество иглообразныхъ отростковъ, издававшихъ при движеніи шуршащій звукъ. У Ламберта было 6 человѣкъ дѣтей,—всѣ они унаслѣдовали аномалію своего отца; но только одинъ изъ нихъ въ свою, очередь, передалъ эту анамалію всѣмъ своимъ сыновьямъ, и эта передача, касаясь только мужской линіи, продолжалась въ теченіе пяти поколѣній.

Уже въ давно прошедшія времена врачи признавали наслѣдственность болѣзней, тѣмъ болѣе мнѣніе это укоренилось теперь. Когда паціентъ является къ доктору лечить падагру, золотуху, чахотку, нервныя болѣзни, эпилепсію, (которая, кстати замѣтимъ, часто является слѣдствіемъ пьянства родителей), опытный врачъ прежде всего спрашиваетъ больнаго, отчего умерли его родители, какую жизнь они вели, какимъ заболѣваніямъ подвергались.

Законъ наслѣдственности также управляетъ міромъ искусствъ и наукъ. Талантъ къ танцамъ весьма часто передается отъ родителей къ дѣтямъ, точно такъ же, какъ и голосовыя средства и мелодичность голоса. Существуютъ многочисленныя семьи пѣвцовъ и пѣвицъ, наравнѣ съ другими, еще болѣе обширными семьями, у которыхъ не существуетъ никакой способности къ пѣнію, ни малѣйшаго музыкальнаго слуха. Тоже самое и относительно музыки. Семейство музыкантовъ Баховъ представляетъ въ этомъ отношеніи разительный примѣръ: изъ этой семьи впродолженіи двухъ столѣтій вышло 29 замѣчательныхъ музыкантовъ, кромѣ геніальнаго Себастьяна Баха; остальные члены этой семьи были органистами, приходскими пѣвчими или городскими музыкантами. Лишь самое незначительное число членовъ этой семьи не имѣло таланта ни къ пѣнію, ни къ музыкѣ. Такой непрерывный рядъ музыкантовъ впродолженіи двухъ столѣтій нѣкоторые ученые объясняли также и тѣмъ, что Бахи часто заключали браки съ дочерьми учителей музыки, органистовъ и т. п. людомъ, что требовалось въ то время по цеховому обычаю, а подобные браки не могли оставаться безъ вліянія на наслѣдственность музыкальнаго таланта.

Семейства живописцевъ также нерѣдки: изъ 42 итальянскихъ, испанскихъ и фламандскихъ живописцевъ, у половины были знаменитые родственники.

Математикъ Бернулли принадлежалъ къ семьѣ, которая впродолженіи двухъ столѣтій дала 10 выдающихся математиковъ. Но встрѣчается и не мало семей, члены которыхъ одарены разнообразными талантами: отецъ знамени-

таго поэта, ученаго и памфлетиста Джона Мильтона обладалъ большимъ музыкальнымъ талантомъ. Единственная дочь геніальнаго англійскаго поэта Байрона—Ада, графиня Ловелэсъ, обладала замѣчательными математическими способностями. Шлегель—критикъ и поэтъ, его братъ—историкъ, философъ и филологъ; ихъ отецъ—извѣстный проповѣдникъ и авторъ многихъ поэмъ; изъ двухъ дядей этого семейства—одинъ поэтъ, другой—исторіографъ.

Многіе ученые похожи въ умственномъ отношеніи на своихъ отцовъ. У Эразма Дарвина, автора „Зоономіи", два сына были замѣчательными врачами; его внукъ Чарльзъ—знаменитый авторъ „Происхожденія видовъ". Джонъ Стюартъ Миллъ философъ и политико-экономъ; его отецъ извѣстенъ своими трудами по психологіи и политической экономіи.

Наслѣдственность чувствованій и страстей можно подтвердить такимъ множествомъ примѣровъ. Чаще всего передается страсть къ пьянству, но она не всегда переходитъ къ потомкамъ въ той же формѣ: очень часто она перерождается въ идіотизмъ, эпилепсію, психопатію и разныя душевныя и нервныя болѣзни. Помѣшательство предковъ можетъ превратиться въ запой у потомковъ.

Изъ всѣхъ болѣзненныхъ психическихъ проявленій манія самоубійства, поражая одного члена семьи, поражаетъ въ большинствѣ случаевъ и всѣхъ остальныхъ. Примѣры наслѣдственной передачи этой маніи безчисленны. Стремленіе къ самоубійству нерѣдко переходитъ въ стремленіе къ убійству, а иногда выражается и въ другихъ формахъ душевныхъ и нервныхъ заболѣваній. Одинъ, весьма мрачный по внѣшности человѣкъ, однажды покушавшійся на самоубійство, имѣлъ пятерыхъ сыновей: старшій изъ нихъ, будучи сорока лѣтъ, выбросился безъ всякаго повода съ третьяго этажа; второй—повѣсился на 36 г. жизни; третій—бросился изъ окна; четвертый—застрѣлился. Въ семействѣ Д'Оротенъ, самомъ древнемъ на Тенерифѣ, двѣ сестры были подвержены маніи самоубійства; ихъ братъ застрѣлился; ихъ дѣдъ и двое дядей также сами лишили себя жизни. Были случаи, что въ одномъ и томъ же семействѣ бабушка, мать, дочь и внукъ лишили себя жизни.

Тупость или грубость вкусовыхъ ощущеній такъ же, какъ и отвращеніе къ нѣкоторымъ вкусамъ, тоже передается наслѣдственно. Члены одной семьи не выносили запаха сыра, нѣкоторые изъ нихъ отъ запаха его падали даже въ обморокъ, и свое отвращеніе передали дѣтямъ путемъ наслѣдственности.

Въ прошломъ столѣтіи и всю половину нынѣшняго, во всѣхъ европейскихъ обществахъ господствовало мнѣніе, что душа новорожденнаго представляетъ бѣлую доску, на которой воспитаніе можетъ вписать какія угодно заповѣди. Многіе питали наивную вѣру въ то, что все различіе между людьми заключается лишь въ различіи ихъ воспитанія и среды, въ которой они живутъ, что, если уничтожить различіе условій жизни и воспитанія, падетъ и различіе преимуществъ ума и таланта, что геній и талантъ можно пріобрѣсти посредствомъ воспитанія. Но во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія, одинъ за другимъ появлялись изслѣдованія законовъ наслѣдственности, и общество бросилось въ совершенно противуположную крайность. Многіе стали теперь утверждать, что воспитаніе совершенно безсильно, что люди уже рождаются или добродѣтельными, или преступниками и точно обрадовавшись этому, забросили теоретическую подготовку въ столь важномъ для себя дѣлѣ, какъ воспитаніе, а дѣтей, какъ и прежде, представили случаю. Между тѣмъ, именно потому, что наслѣдственная передача внутренняго и внѣшняго строенія организма, а также многихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ особенностей и предрасположенія къ

самымъ разнообразнымъ болѣзнямъ вполнѣ доказаны,—воспитаніе и имѣетъ громадное значеніе. Ученые, наиболѣе потрудившіеся для установленія закона наслѣдственности, самымъ энергическимъ образомъ протестуютъ противъ мысли, что наслѣдственность исключаетъ воспитаніе. Напротивъ, они доказываютъ, что, въ виду наслѣдственности, воспитаніе должно быть особенно тщательно обдумано, такъ какъ оно самое могучее, самое дѣйствительное средство для того, чтобы не дать развиться вреднымъ наслѣдственнымъ склонностямъ ребенка или, по крайней мѣрѣ, ослабить ихъ силу.

Къ тому же нужно помнить, что *далеко не всегда* путемъ наслѣдственности передаются потомкамъ всѣ типичныя свойства ихъ родичей; очень часто они вовсе не передаются даже и въ томъ случаѣ, если эти особенности встрѣчаются у обоихъ родителей. Глухонѣмой, женясь на глухонѣмой, можетъ имѣть дѣтей, которыя будутъ слышать и говорить. Очень часто дѣти, богато одаренныя умственными, музыкальными, артистическими или другими талантами, имѣли родителями и предками людей среднихъ способностей, ничѣмъ не выдѣлявшихся изъ общаго уровня, и наоборотъ. Далеко не всегда потомки наслѣдуютъ и физическія особенности своихъ предковъ: отцы и матери съ хорошимъ сложеніемъ, въ семьяхъ которыхъ никогда не было горбатыхъ, хромыхъ, однорукихъ, производили нерѣдко на свѣтъ дѣтей уродливыхъ или съ различными аномаліями. Случается, что у родителей маленькаго роста рождаются великорослыя дѣти и наоборотъ. Одинъ прекрасно сложенный мужчина имѣлъ отъ здоровой жены восьмерыхъ дѣтей, изъ которыхъ четверо были карликами. То же слѣдуетъ замѣтить и о моральныхъ свойствахъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что мать и отецъ одарены различными физическими и моральными достоинствами и недостатками, и потому въ результатѣ наслѣдственной передачи очень часто получается нѣчто среднее между обоими родителями, а нерѣдко и нѣчто совершенно особое, оригинальное.

Люди, поверхностно ознакомившіеся съ законами наслѣдственности и отрицавшіе значеніе воспитанія, къ сожалѣнію, забываютъ самое главное, а именно, что человѣкъ, при своемъ рожденіи, не представляетъ изъ себя ничего законченнаго, а является на свѣтъ Божій существомъ, у котораго не составилось никакихъ понятій; слѣдовательно, даже и въ томъ случаѣ, когда ему передаются тѣ или другія умственныя и нравственныя склонности, онѣ переходятъ къ нему въ зачаточномъ состояніи и достигаютъ полнаго своего развитія лишь при благопріятныхъ для того условіяхъ. Такимъ образомъ новорожденный можетъ унаслѣдовать не вполнѣ развитыя особенности, точнѣе даже будетъ выразиться, ему передается лишь предрасположеніе къ нимъ. При этомъ нѣкоторые зародыши достигаютъ своего пышнаго разцвѣта, другіе развиваются весьма слабо, иные лишь сохраняютъ способность къ развитію и проявляютъ жизнь при особенно благопріятныхъ условіяхъ, многіе постепенно глохнутъ, а многіе и совершенно погибаютъ. Сила роста и развитіе такого зародыша всецѣло зависитъ отъ воспитанія и среды, въ которой живетъ и воспитывается ребенокъ.

Мало того: не всякое наслѣдственное предрасположеніе достигаетъ развитія у прямого наслѣдника; оно можетъ остаться у него скрытымъ, передается дальнѣйшимъ потомкамъ и вполнѣ развивается лишь у внука или правнука.

Для ребенка, обремененнаго наслѣдственностью ненормальныхъ физическихъ и психическихъ особенностей своихъ родичей, воспитаніе имѣетъ особенно

важное значеніе: тутъ-то воспитатели и должны окружить его условіями неблагопріятными для развитія унаслѣдованныхъ предрасположеній, гибельныхъ для нравственности или здоровья.

Въ половинѣ 70-хъ гг. нашего столѣтія, когда у насъ появилось такъ много трудовъ оригинальныхъ и переводныхъ о законахъ наслѣдственности, вліянію наслѣдственности отвели слишкомъ широкія рамки. Но за послѣдніе 20-ть лѣтъ произведено было въ этомъ отношеніи громадное количество опытовъ и наблюденій, которые краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что наука совсѣмъ еще не установила, слѣдуетъ ли типичныя, индивидуальныя свойства, а также и многія проявленія характера человѣка считать за пріобрѣтеніе по наслѣдству отъ родичей, или на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на пріобрѣтеніе, полученное подъ вліяніемъ воспитанія и условій среды. Точно также еще недавно доказывали, что случайно пріобрѣтенныя аномаліи тоже переходятъ къ потомству наслѣдственнымъ путемъ, въ подтвержденіе чего приводили примѣры въ родѣ слѣдующихъ: человѣкъ поранилъ или вывихнулъ на ногѣ или рукѣ палецъ, который и остался искривленнымъ. Нѣкоторыя изъ дѣтей, родившихся у такого субъекта послѣ означеннаго происшествія, имѣли искривленный палецъ. У одного, вслѣдствіе нелѣпаго леченія нарыва на ногѣ, явился большой наростъ, который въ послѣдствіи унаслѣдовали нѣкоторыя изъ его дѣтей. Въ подтвержденіе того же приводили подобные примѣры относительно собакъ, кошекъ и другихъ четвероногихъ. Но теперь многіе ученые начинаютъ отвергать возможность наслѣдственной передачи различныхъ случайныхъ поврежденій, а также возможность передачи многихъ умственныхъ свойствъ и *способностей*. Все громче раздаются голоса, что способности, усвоенныя въ индивидуальной жизни лица, а также случайныя поврежденія не могутъ быть переданы по наслѣдству. Какъ доказательство невозможности такой передачи, между прочимъ приводятъ слѣдующіе, дѣйствительно убѣдительные факты: уже нѣсколько тысячелѣтій евреи совершаютъ обрядъ обрѣзанія, но удаляемая часть не исчезаетъ, а передается потомкамъ въ первоначальномъ видѣ. Точно также уже нѣсколько тысячелѣтій у китайскихъ женщинъ, послѣ ихъ рожденія, стопу ноги обтягиваютъ снурками, чтобы она была меньше и имѣла особую форму. Этотъ обычай въ высшей степени затрудняетъ походку китаянки и не даетъ ей возможности бѣгать, а слѣдовательно и правильно развиваться, но въ концѣ концовъ онъ достигаетъ своихъ результатовъ, т. е. дѣлаетъ форму ноги уродливою. Не смотря однако на то, что этого обычая придерживаются испокон вѣка, у новорожденныхъ китаянокъ стопа оказывается нормальной формы. Нѣкоторые народы стараются измѣнить форму дѣтской головы посредствомъ различныхъ бинтовъ, но эти механическія измѣненія формы головы не передаются потомкамъ. Тоже и относительно четвероногихъ животныхъ, надъ которыми съ этою цѣлью произведено было множество опытовъ: у бѣлыхъ мышей отрубали хвосты, сажали всѣхъ съ обрѣзанными хвостами въ особыя клѣтки и онѣ имѣли потомство въ пяти поколѣніяхъ съ нормальными хвостами. Основные законы наслѣдственности непреложны и вполнѣ доказаны, но признаютъ ли за ними большее или меньшее значеніе, въ томъ и другомъ случаѣ воспитаніе будетъ всегда имѣть могущественное вліяніе на всю жизнь человѣка. Впрочемъ, съуженіе значенія наслѣдственности оказываетъ нѣкоторую пользу въ одномъ отношеніи,—оно постепенно производитъ реакцію во взглядахъ на воспитаніе: въ эпоху, когда появилось наибольшее количество популярныхъ трудовъ о законахъ наслѣдственности, многіе съ легкимъ сердцемъ, яко-бы найдя въ наукѣ санкцію для своей инертности и лѣни, забросили теоретическую подготовку въ педагогіи и на воспитаніе дѣтей стали смотрѣть

спустя рукава. Въ самое послѣднее время въ этомъ отношеніи опять замѣчается небольшая перемѣна въ пользу воспитанія. Это тѣмъ болѣе пріятно, что совсѣмъ еще недавно во многихъ семьяхъ приходилось встрѣчать не мало весьма грустныхъ образчиковъ воспитанія, и родители свою неумѣлость, лѣнь и апатію въ воспитательномъ дѣлѣ сваливали на наслѣдственность, не желая ничего предпринять, чтобы дать другое направленіе развивающимся дурнымъ склонностямъ ребенка. Ребенокъ выказываетъ полный индифферентизмъ къ самымъ поразительнымъ явленіямъ природы и жизни, такъ какъ никто изъ окружающихъ никогда не заботился о развитіи въ немъ наблюдательности; онъ оказывается самодуромъ, потому что безъ разбора удовлетворяли его требованіямъ; его стремленія мелки и пошлы потому, что въ немъ не развивали интересовъ, облагораживающихъ умъ и сердце, потакали дурнымъ инстинктамъ; онъ повторяетъ только чужія мысли, употребляя чужіе обороты, потому что его не учили думать и разсуждать, потому что самостоятельно онъ не сдѣлалъ ни одного наблюденія, потому что кругомъ онъ видѣлъ только пошлые интересы. „Посмотри, какъ онъ жадно бросается на пирожное... Онъ ѣстъ одинъ, что подано всѣмъ“ — говоритъ матери ея родственница. „Это еще что...“, не смущаясь возражаетъ мать: «печально то, что онъ не можетъ ни о чемъ думать и мечтать, какъ только о кушаньяхъ и гостинцахъ».—«Ты попробовала бы водить его въ звѣринецъ, заинтересуется звѣрями, и ему можно было бы дать что нибудь прочесть о нихъ... Вотъ такъ бы понемногу онъ и расширялъ свои интересы».—«Нѣтъ, ему ужъ ничего не пойдетъ въ прокъ! Это уже наслѣдственная черта!»—«Да развѣ ты или его отецъ...»—«Нѣтъ, конечно...», перебиваетъ мать, «такое отсутствіе интереса къ чему бы то ни было перешло къ нему, вѣроятно, отъ дальныхъ родственниковъ,—кто ихъ тамъ всѣхъ знаетъ“.

Много, слишкомъ много дѣтскихъ недостатковъ, усвоенныхъ какъ результатъ воспитанія, сваливали у насъ на наслѣдственность. Между тѣмъ даже Рибо, который придаетъ громадное значеніе наслѣдственности и сильно съуживаетъ вліяніе воспитанія, все же считаетъ долгомъ высказать слѣдующее: «отъ наслѣдственности зависитъ возникновеніе болѣе или менѣе сильной склонности къ добру или къ злу и, слѣдовательно, также большей или меньшей способности къ проступкамъ; но пороки и добродѣтель не зависятъ отъ наслѣдственности, они не существуютъ сами по себѣ, они не заключаются въ роковой силѣ внутреннихъ и внѣшнихъ побужденій, вліяющихъ на насъ: они зависятъ отъ совмѣстнаго дѣйствія умственной и практической сторонъ воли... Воспитаніе представляетъ собою нравственную среду, которая создаетъ въ насъ мало-по-малу *привычку*. Можно даже сказать, что эта нравственная среда еще сложнѣе, еще разнороднѣе и непостояннѣе, чѣмъ всякая физическая среда; въ самомъ дѣлѣ, воспитаніе не заключается только въ урокахъ, преподаваемыхъ нашими родителями и учителями: нравы, религіозныя вѣрованія, чтеніе, случайно слышанные разговоры представляютъ столько же нѣмыхъ вліяній, которыя дѣйствуютъ на нашъ умъ такъ же, какъ безсознательныя, скрытыя чувственныя воспріятія дѣйствуютъ на наше тѣло; эти нѣмыя нравственныя вліянія способствуютъ также нашему воспитанію, т. е. принятію нами извѣстныхъ *привычекъ*».

Многіе утверждаютъ, что воспитаніе можетъ менѣе всего оказывать вліяніе на двѣ противуположныя степени развитія человѣческаго разума, т. е. съ одной стороны на идіотовъ, съ другой — на геніевъ. Это справедливо, но только отчасти: самое превосходное воспитаніе не можетъ создать генія, если природа не надѣлила человѣка этимъ даромъ; но и надѣленный имъ не сдѣ-

лается ни великимъ музыкантомъ, ни художникомъ, ни артистомъ безъ усидчиваго труда и продолжительныхъ упражненій своихъ способностей. Тѣмъ болѣе необходимъ трудъ для простыхъ смертныхъ, а къ трудолюбію можетъ пріучить лишь воспитаніе. Что же касается геніевъ и выдающихся талантовъ, то воспитаніе можетъ имѣть громадное вліяніе на направленіе ихъ дѣятельности, что скажется въ томъ, что ихъ дѣятельность будетъ въ высшей степени плодотворна для современниковъ и потомства. Не даромъ же Гюи (Education et hérédité) говоритъ, что воспитаніе „обладаетъ чарами, достаточно сильными для того, чтобы усмирять юныхъ львовъ". Если человѣка среднихъ способностей поставить съ нѣжнаго возраста въ ненормальныя условія для физическаго и психическаго развитія, его можно сдѣлать идіотомъ. За примѣрами недалеко ходить: алчные родственники, чтобы поживиться наслѣдствомъ, рѣшаются устранить своего конкурента на наслѣдство и сажаютъ его въ полутемную комнату, лишаютъ человѣческаго общества, хорошей пищи, правильнаго ухода, развитія, образованія. Открывъ мѣсто заточенія черезъ десятка полтора лѣтъ, несчастнаго находятъ обыкновенно неумѣющимъ говорить. Въ такомъ положеніи находился и Гаспаръ Гауверъ, котораго нашли на большой дорогѣ, когда ему уже было за 20 лѣтъ: онъ не только не умѣлъ ни говорить, ни ходить, но не могъ даже управлять своими движеніями; понятно, что въ такомъ субъектѣ спали всѣ психическія способности. Поставленный въ нормальныя условія, онъ быстро научился ходить, говорить, даже читать и, конечно, сдѣлалъ бы дальнѣйшіе успѣхи въ своемъ развитіи и образованіи, если бы загадочный убійца не покончилъ съ его жизнью. Вотъ во что обращается человѣческое существо, можетъ быть, и съ самыми лучшими наслѣдственными задатками, если его лишить воспитанія, благопріятной среды, развитія и образованія.

Конечно, путемъ ненормальнаго воспитанія легче довести до идіотства, чѣмъ путемъ правильнаго умственнаго и нравственнаго развитія вызвать въ идіотѣ способность мыслить и понимать; но и первое уже доказываетъ великую силу и значеніе воспитанія. Къ тому же существуетъ немало примѣровъ и такого сорта: полуидіотовъ, полузобатыхъ и полукретиновъ въ Швейцаріи, нерѣдко совсѣмъ не умѣвшихъ говорить до 8, 9 лѣтъ и на всѣ вопросы отвѣчавшихъ не то мычаніемъ, не то рядомъ какихъ-то безтолковыхъ, безсвязныхъ полусловъ, не то какими-то дикими звуками,—такихъ несчастныхъ отправляли въ особыя воспитательныя заведенія. Эти ненормальные люди не дѣлались тамъ вполнѣ нормальными, но ихъ развивали настолько, что они выучивались говорить, выражать свои чувства (которыя, разумѣется, всегда оставались весьма несложными), научались многимъ работамъ, порядку и, въ концѣ концовъ, себѣ и ближнимъ скорѣе приносили пользу, чѣмъ вредъ.

Могущественная сила воспитанія проявляется въ особенности на слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. Американка Лаура Бриджменъ, еще будучи двухлѣтнимъ ребенкомъ, лишилась зрѣнія, слуха и обонянія. Одно только чувство осталось въ ней невредимымъ—чувство осязанія, и съ помощью его она научилась читать, писать, считать, понимать довольно сложныя явленія. Не смотря на то, что осязаніе было единственнымъ проводникомъ впечатлѣній отъ внѣшняго міра, удалось настолько развить эту глухую и нѣмую дѣвушку, что она сама весьма интересно описала свое дѣтство и юность, дожила до 60-ти лѣтъ и большую часть жизни чувствовала себя счастливой и довольной.

Правда, попытки, какъ отдѣльныхъ педагоговъ, такъ и при совмѣстномъ ихъ усиліи въ спеціальныхъ учрежденіяхъ, развить умственно и нравственно людей, совершенно обиженныхъ судьбою, нерѣдко оказывались тщетными, но

это было обыкновенно тогда, когда данный субъектъ былъ подверженъ глубокимъ страданіямъ головнаго мозга, вслѣдствіе чего у него были атрофированы или парализованы тѣ или другіе нервы. Если путемъ воспитанія можно нерѣдко развить полуидіота и глухо-нѣмаго, то тѣмъ болѣе оно можетъ быть полезно и успѣшно при условіяхъ нормальныхъ.

И такъ, ребенокъ, въ силу наслѣдственности, рождается съ задатками тѣхъ или другихъ склонностей, какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ, физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ, но онѣ могутъ какъ развиться, такъ и остаться въ зачаточномъ состояніи, смотря по тому, какимъ вліяніямъ будетъ подвергаться ребенокъ, въ какой средѣ онъ будетъ жить, какъ великъ будетъ его умственный багажъ, какіе примѣры онъ будетъ видѣть передъ собой, какъ и къ чему онъ будетъ возбуждаться, направлена-ли будетъ его наблюдательность на интересы обще-человѣческіе или на мелко-эгоистическіе. Если человѣкъ не унаслѣдовалъ склонности къ состраданію, къ альтруистическимъ и гуманнымъ чувствамъ, ихъ слѣдуетъ развить путемъ воспитанія, и такія склонности въ человѣкѣ особенно необходимы въ нашъ вѣкъ, когда общество все болѣе выдвигаетъ изъ своей среды дѣльцовъ и узкихъ эгоистовъ, стремящихся къ наживѣ, не разбирая средствъ. Ребенокъ раздражительный, рожденный отъ нервныхъ родителей, путемъ правильнаго воспитанія, можетъ выработаться въ человѣка съ болѣе или менѣе уравновѣшенною нервною системою, если только въ теченіе достаточнаго времени его будутъ оберегать отъ раздраженія, подавлять аффекты. Если же допустить ихъ безпрепятственное проявленіе въ ребенкѣ, они могутъ принести страшное зло и проявляющему ихъ, и окружающимъ, а потому воспитатель долженъ противодѣйствовать имъ всѣми силами. Для болѣе прочнаго искорененія или направленія ихъ въ другую сторону, въ ребенкѣ съ раннихъ лѣтъ слѣдуетъ воспитывать симпатію и привязанность къ людямъ, а также чувство жалости, — и только такимъ путемъ можно съузить сферу злыхъ страстей.

Какъ дѣйствовать на практикѣ, чтобы постепенно съуживать сферу злыхъ страстей,—категорично отвѣтить очень трудно, скажемъ только, что дѣйствительность представляетъ возможность для этого на каждомъ шагу. Пусть ребенокъ сближается съ бо́льшимъ количествомъ дѣтей, особенно съ бѣдными и съ простонародной рабочей средой (въ раннемъ возрастѣ его игры и забавы съ товарищами должны быть подъ наблюденіемъ старшихъ). Учите его вникать въ ихъ нужды, въ ихъ разнообразныя занятія, въ ихъ характеры и привычки, давайте ему возможность дѣлиться съ ними всѣмъ, что у него есть, но никогда не вознаграждайте матеріально ребенка за его щедрость и доброту. Ребенокъ долженъ рано научиться понимать, что только тотъ поступокъ дѣйствительно хорошъ и честенъ, который заставляетъ его чего нибудь лишать себя; только тотъ способенъ искренно и дѣятельно любить людей, кто съ дѣтства начинаетъ для нихъ чѣмъ нибудь жертвовать.

Очень помогаетъ ребенку съуживать сферу злыхъ страстей и привычка воспитывать птицъ и звѣрьковъ: онъ заботится о ихъ пропитаніи, устраиваетъ для нихъ гнѣздышко, постельку; при этомъ воспитатель имѣетъ возможность слѣдить, чтобы онъ бережно обходился съ ними, не мучилъ ихъ. Такимъ образомъ вы въ одно и тоже время дадите ребенку матеріалъ для наблюденій и для его дѣятельности и внесете въ его жизнь живой и человѣческій интересъ. Близкое общеніе съ окружающимъ міромъ и активное проявленіе симпатіи къ людямъ лучше чѣмъ что нибудь научатъ ребенка впослѣдствіи управлять своими дурными склонностями. У человѣка съ сильными чувствами и при правильномъ воспитаніи останется страстный темпераментъ,

можетъ быть полученный въ наслѣдство отъ его родичей, но его гнѣвъ, злость вспыльчивость будутъ проявляться лишь тамъ, гдѣ онъ будетъ встрѣчать не правду, продажность, вѣроломство, подлость; страстный и увлекающійся, он будетъ отдаваться всею душою искорененію въ обществѣ этихъ пороковъ.

Въ нашъ практическій вѣкъ, когда нажива и карьера играютъ въ жи такую выдающуюся роль, воспитаніе постоянно должно имѣть въ виду р витіе въ ребенкѣ *нравственныхъ инстинктовъ*, подъ которыми мы подразу ваемъ всю сферу альтруистическихъ, интеллектуальныхъ и эстетическихъ пульсовъ, которымъ приходится вести тяжелую борьбу съ эгоистическ узко-практическими вожделѣніями современнаго общества. Нравственност главный рычагъ истинно полезнаго для человѣчества прогресса и о новленія общества, деморализованнаго и деморализующагося вслѣдствіе ме кантильныхъ разсчетовъ, тяжелой борьбы за существованіе, обострившим соціальныхъ условій и вѣчной погони за внѣшнимъ успѣхомъ, блескомъ за роскошью и властью. Вотъ потому-то воспитаніе и должно поставить на первый планъ развитіе нравственныхъ инстинктовъ, тѣмъ *болѣе, что* ихъ отсутствіе все чаще констатируютъ писатели общественныхъ нравовъ, педагоги, врачи и психіатры. Между тѣмъ отсутствіе альтруистическихъ склонностей въ дѣтствѣ ведетъ людей впослѣдствіи къ нравственному *идіо*тизму, психопатіи и преступленіямъ.

Не менѣе важное значеніе въ воспитаніи имѣютъ упражненія разнаго рода. Какъ органы внѣшнихъ чувствъ, эти ворота и важнѣйшіе проводники умственнаго и нравственнаго развитія человѣка, такъ и всѣ его физическія силы и способности совершенствуются только упражненіемъ. Организація человѣка, какъ духовная, такъ и физическая, его органы и способности слабѣютъ, разрушаются и атрофируются при покоѣ, при недостаткѣ упражненій,—это такой же неопровержимый законъ, какъ и законъ наслѣдственности. Изъ этого ясно, что человѣкъ становится крѣпче, сильнѣе, здоровѣе, обладаетъ болѣе совершенными органами внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ, становится нравственнѣе и умнѣе, если воспитатели ставятъ ребенка съ ранняго его дѣтства въ условія, при которыхъ всѣ его органы, всѣ его духовныя и физическія способности могутъ упражняться: ребенокъ будетъ добръ и милосердъ, если онъ съ ранняго дѣтства упражнялъ свою доброту, дѣлился всѣмъ, что имѣетъ, безъ вознагражденія, заботился о покоѣ окружающихъ не пассивно, а активно, принося въ жертву этому покою личные интересы, собственныя удовольствія. При самыхъ благопріятныхъ наслѣдственныхъ склонностяхъ и задаткахъ къ милосердію и любви къ ближнему, человѣкъ будетъ эгоистомъ, если въ дѣтствѣ онъ не имѣлъ возможности упражнять свои альтруистическія склонности. Если богато одареннаго ребенка не поставятъ въ благопріятныя условія для развитія его наблюдательности надъ явленіями природы и жизни,—онъ будетъ въ концѣ концовъ или вовсе не наблюдателенъ или въ немъ разовьется лишь внѣшняя наблюдательность; точно такие и у юноши, не привыкшаго и не практикующагося въ сферѣ отвлеченнаго мышленія, совершенно атрофируется эта способность.

Кромѣ упражненія органовъ и всѣхъ моральныхъ и физическихъ силъ, огромное значеніе имѣетъ среда, т. е. люди, которые окружаютъ ребенка, почва, климатъ, свѣтъ, тепло и пища. Значеніе среды для человѣка важно всегда, но особенно въ тотъ періодъ его жизни, который можно назвать подражательнымъ по преимуществу, во время котораго ребенокъ, подражая старшимъ, усвоиваетъ родную рѣчь, множество привычекъ, имѣющихъ неотразимое вліяніе на всю жизнь.

Всѣ указанныя выше условія воспитанія и среды дѣйствуютъ иногда медленно, но зато постоянно и, въ концѣ концовъ, не только могутъ подчинить себѣ наслѣдственность, но даже привить человѣку особый темпераментъ. Однимъ словомъ, при самыхъ благопріятныхъ наслѣдственныхъ условіяхъ среда и воспитаніе могутъ создать нервно разслабленнаго или лѣниваго и тупаго человѣка, не только негоднаго для общественной дѣятельности, но и неспособнаго къ самостоятельному труду, а при противуположныхъ условіяхъ настолько ослабить наслѣдственныя черты, что сдѣлать изъ человѣка заурядныхъ способностей въ высшей степени полезнаго общественнаго дѣятеля. Вполнѣ заслуживаетъ вниманія такая иллюстрація проф. Лесгафта высказанной нами мысли: „Если взять сѣмена, по возможности сходныхъ качествъ, и бросить ихъ на неодинаковую почву, то которое изъ нихъ дастъ скорѣе ростокъ, которое въ борьбѣ окажется сильнѣе, и которое проявитъ болѣе выгодныя наслѣдственныя качества? Какія бы ни были у сѣмени унаслѣдованныя качества, но если оно попадетъ на несоотвѣтствующую почву, то оно можетъ ростка не дать, и только то зерно, которое попадетъ на болѣе благопріятныя условія относительно почвы, влажности, теплоты и свѣта даетъ всего скорѣе ростокъ, который опять же своими качествами и размѣрами будетъ въ прямой зависимости отъ всѣхъ этихъ условій. Даже болѣе слабое зерно дастъ скорѣе ростокъ при благопріятныхъ условіяхъ почвенныхъ и климатическихъ, чѣмъ хорошее, но попавшее на песокъ или на камень. Понятно, что хорошее зерно при благопріятныхъ условіяхъ должно дать лучшій ростокъ, чѣмъ слабое: въ немъ больше вещества, необходимаго для произрастанія, или больше энергіи въ проявленіи, поэтому и получаемый результатъ лучше“.

И такъ, изъ наиболѣе могущественныхъ средствъ, которыми располагаетъ воспитаніе, самое важное мѣсто занимаютъ: 1) воспитаніе альтруистическихъ и общественныхъ инстинктовъ, 2) упражненіе всѣхъ органовъ и способностей дитяти, 3) правильное воспитаніе добрыхъ привычекъ, посредствомъ которыхъ развиваютъ трудолюбіе, аккуратность, память, вниманіе, сознаніе долга въ отношеніи къ окружающимъ, 4) воспитаніе воли, которая, по словамъ Шопенгауера, ни что иное, какъ основа самой возвышенной нравственности, той нравственности, которая рождаетъ геровъ и святыхъ, 5) развитіе физическихъ силъ, что составляетъ первое благо въ жизни человѣка. Если ребенокъ не унаслѣдовалъ какой нибудь смертельной болѣзни, то, рожденный даже хилымъ и слабымъ, онъ вслѣдствіе правильнаго ухода можетъ окрѣпнуть, развить силу мускуловъ и выносливость для сопротивленія житейскимъ невзгодамъ, климатическимъ и атмосферическимъ перемѣнамъ. Нужно помнить, что „чѣмъ слабѣе тѣло, тѣмъ оно болѣе подчиняетъ себѣ человѣка, деспотически распоряжается имъ; чѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ болѣе повинуется“ (Руссо).

Глава VIII. Могущественное значеніе привычекъ.

Задачи воспитанія.—Органы чувствъ дитяти.—Ихъ значеніе для физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія.—Вліяніе привычекъ въ развитіи этихъ органовъ. — Наслѣдственные и благопріобрѣтенные навыки при развитіи органовъ зрѣнія и слуха.—Насколько для нихъ усовершенствованія необходимы упражненія.—Вредные и полезные навыки въ воспитаніи органовъ чувствъ.—Практическія указанія для ихъ усовершенствованія.—Значеніе привычки въ области осязанія.—Задача воспитателя.—Практическія упражненія.—Опасность утрировки при развитіи этого органа.—Вкусъ и обоняніе.—Какую опасную роль можетъ играть привычка при неправильномъ развитіи этихъ органовъ.—Роль привычки въ развитіи дара слова.—Процессъ развитія рѣчи ребенка.—Капризы и раздражительность, прививаемые въ раннемъ дѣтствѣ.—Ихъ причины, послѣдствія и обыденныя правила для избѣжанія ихъ.—Привычка къ аккуратности и чистоплотности.—Важное значеніе трудолюбія.—Необходимость навыка къ физическому труду.—Благотворное значеніе для дѣтей радости и веселья.—Какъ пріучать дѣтей къ послушанію.—Его значеніе для жизни ребенка и для его будущей дѣятельности.—Значеніе памяти въ сферѣ умственной и нравственной.—Вліяніе привычки на правильное развитіе памяти.—Какимъ образомъ слѣдуетъ ее усовершенствовать.—Значеніе вниманія.—Какую роль играетъ привычка въ развитіи вниманія.—Вниманіе непроизвольное и произвольное.—Отличіе и значеніе одной формы вниманія отъ другой.—Какимъ образомъ развиваются побужденія къ вниманію характера узкаго и эгоистическаго.—Какими средствами слѣдуетъ вызывать вниманіе и какими этого не слѣдуетъ дѣлать.—Развитіе вниманія у дѣтей до школьнаго возраста.

Какія бы дурныя склонности ни унаслѣдовалъ человѣкъ, воспитаніе имѣетъ огромное значеніе. Самое могущественное, самое неотразимое вліяніе воспитанія сказывается въ развитіи и направленіи нашихъ привычекъ, вліяющихъ на весь складъ характера человѣка, на его дѣятельность, здоровье, нравственность, на состояніе умственныхъ способностей, наконецъ даже на душевное настроеніе. Умѣнье ходить, сидѣть, говорить, читать, писать,—все это мы пріобрѣтаемъ путемъ привычки. Ко всему мы привыкаемъ съ большимъ трудомъ, все въ началѣ стоитъ намъ громадныхъ усилій воли и затѣмъ уже дѣлается на столько обычнымъ, что совершается нами безсознательно. Возьмемъ для примѣра умѣнье ходить: въ началѣ ребенокъ сильно боится упасть, всякое движеніе совершаетъ съ громадною затратою силъ; но мало-по-малу актъ этотъ дѣлается менѣе обдуманнымъ, почти непроизвольнымъ. Такимъ образомъ каждый актъ, произведенный ребенкомъ однажды, а тѣмъ болѣе нѣсколько разъ, стремится стать привычнымъ. Въ подражательный періодъ своей жизни, ребенокъ не только все старается перенять у старшихъ, но повторять и передавать ихъ дѣйствія въ совершенной точности. И это понятно: онъ еще не опытенъ, не сообразителенъ, умъ его не отличается и достаточною гибкостью для того, чтобы, перенимая то или другое отъ старшихъ, вносить въ этотъ актъ хотя небольшую дозу самостоятельности. На эту неустановившуюся, неустойчивую натуру особенно сильное вліяніе оказываютъ привычки, которыя постоянно подчиняютъ себѣ ребенка и мало

по малу уравновѣшиваютъ его противурѣчивыя желанія, разнообразные аппетиты. Только постепенно прививаемые навыки заставляютъ ребенка все меньше балансировать между выборомъ того или другаго дѣйствія, все болѣе устанавливаютъ и укрѣпляютъ его волю.

Разнообразныя привычки, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ, сдѣлавшись съ годами *второю натурою*, двигаютъ нами, какъ автоматами. Человѣкъ въ каждый періодъ своей жизни, но преимущественно въ дѣтствѣ и юношескомъ возрастѣ, пріобрѣтаетъ тѣ или другія привычки, имѣющія хорошее или дурное вліяніе на весь складъ его характера.

Трудно перечислить все, въ чемъ сказывается привычка и насколько велико ея значеніе для жизни человѣка. Посредствомъ привычекъ можно развить множество хорошихъ качествъ, какъ въ нравственной, такъ и въ интеллектуальной области, какъ въ практической жизни, такъ и въ области нравовъ. Не мало высоко-нравственныхъ качествъ, замѣчательныхъ человѣческихъ достоинствъ начинается съ привычки: направленныя такъ или иначе, онѣ могутъ усилить или смягчить нервность и чувствительность, укрѣпить или разслабить волю. Такую же роль, то есть ослабляющую или укрѣпляющую, играютъ привычки и относительно предрасположенія человѣка къ извѣстнымъ наслѣдственнымъ склонностямъ.

Привычки образуются быстро и усвоиваются почти совсѣмъ незамѣтно. Мать находитъ необходимымъ пріучить шестилѣтняго сына закрывать на ключъ дверь комнаты, въ которую онъ входитъ послѣ сна. Она заставляетъ его нѣкоторое время дѣлать это при себѣ. Черезъ 9—10 дней, мальчикъ такъ привыкаетъ входя въ комнату замыкать дверь, что, когда мать спрашиваетъ его, исполнилъ ли онъ ея требованіе, онъ долженъ каждый разъ провѣрить себя, такъ какъ онъ замыкаетъ дверь уже чисто механически.

Такъ же легко пріучаетъ себя каждый въ опредѣленное время заводить часы, умываться, убирать свою комнату, однимъ словомъ усвоиваетъ множество привычекъ, необходимыхъ въ обыденной жизни; такъ же легко можно пріобрѣсти множество привычекъ вредныхъ для нравственности и здоровья, а также и для спокойствія окружающихъ. Ребенокъ, пріученный съ 5—6-ти лѣтъ не иначе ложиться спать, какъ предварительно аккуратно сложивъ свою одежду на извѣстное мѣсто, будетъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ пріобрѣтеннаго имъ навыка, самостоятельно убирать передъ сномъ свое платье; эта привычка съ годами въ такой степени укоренится въ немъ, что не исполнить ея велѣній будетъ для него весьма тяжело. Мы знали дѣтей, пріученныхъ въ продолженіе года каждый разъ передъ сномъ мыть руки, шею и чистить зубы. Когда въ дорогѣ обстоятельства не позволяли имъ этого дѣлать, они не могли заснуть до разсвѣта. Знакомый намъ мальчикъ, необыкновенно склонный къ жадности, велъ почти исключительно растительный образъ жизни, но, при перемѣнѣ режима въ десятилѣтнемъ возрастѣ и при разумномъ надзорѣ, онъ довольно скоро сдѣлался умѣреннымъ въ пищѣ; мало того: такъ какъ онъ попалъ въ среду людей развитыхъ и образованныхъ, то въ два, три года онъ сильно пристрастился къ чтенію. Но обстоятельства его жизни снова измѣнились, и мальчикъ въ 16-ть лѣтъ перешелъ подъ надзоръ холостяка-дяди, богача, жуира и гурмана. За юношею никто болѣе не приглядывалъ: онъ ѣлъ когда и сколько желалъ и, при столь благопріятныхъ условіяхъ для его врожденныхъ влеченій, его страсть къ обжорству проснулась съ новою силой. Черезъ годъ онъ уже смаковалъ кушанья, а еще черезъ годикъ, другой окончательно бросилъ чтеніе и началъ мечтать и говорить только о ѣдѣ и о другихъ узко-эгоистическихъ животныхъ наслажденіяхъ.

Привычка перерождаетъ вкусы, способна даже заставить находить у вольствіе въ томъ, къ чему прежде человѣкъ чувствовалъ лишь физическ отвращеніе. Двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ прописываютъ пить рыбій жиръ, и принимаетъ его не только съ отвращеніемъ, но у нея послѣ пріема каждаго разъ является рвота, если только рыбій жиръ давали ей не въ мятной во Наконецъ дѣвочка привыкаетъ къ пріему лекарства въ чистомъ видѣ, а что годъ тяжело страдаетъ, когда ея лишаютъ его. Въ нѣсколькихъ дѣтски больницахъ за-границею одно изъ обычныхъ наказаній провинившихся пе товъ-дѣтей—лишеніе ихъ за тѣ или другіе проступки впродолженіи дня тр тресковаго жира.

А вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ привычки въ обла моральной: мальчикъ, воспитанный въ многочисленной семьѣ, былъ *пріуч* дѣлиться всѣмъ, что онъ получалъ, съ братьями, сестрами и прислуг Поступивъ въ учебное заведеніе въ 13 лѣтъ, онъ сталъ оставлять часть ла чаемыхъ гостинцевъ и новымъ товарищамъ. Но нѣкоторыхъ изъ нихъ по поразило это новое для нихъ явленіе, что они стали издѣваться надъ *добрым* отношеніемъ къ нимъ товарища. Мальчикъ былъ поставленъ въ необходимость самостоятельно отучать себя отъ сдѣланной привычки. Привычки *бываютъ и* въ сферѣ интеллектуальной: необходимость вынуждаетъ многихъ, занимающихся умственнымъ трудомъ, такъ углубляться въ свою работу, такъ *сосре* доточиваться надъ ней, что они не видятъ, что дѣлается вокругъ, не слышатъ самаго страшнаго крика, гама, шума и бѣготни.

Наиболѣе выдающіеся мыслители и психіатры, высказывавшіеся *по поводу* привычки, придаютъ ей могущественное значеніе. Большинство крупнѣйшихъ добродѣтелей, благородныхъ поступковъ, наиболѣе симпатичныя качества ума и сердца, а также антипатичное, эгоистическое и зловредное поведеніе чело вѣка въ частной и общественной жизни, все приписываютъ они хорошимъ и дурнымъ привычкамъ, пріобрѣтеннымъ съ молоду.

Развитіе хорошихъ привычекъ и надлежащіе направленіе ихъ—одна изъ самыхъ существеннѣйшихъ задачъ воспитанія. Такъ какъ привычки, *пріобрѣ*тенныя въ дѣтствѣ и молодости, играютъ въ жизни человѣка, складѣ его характера и въ его развитіи первостепенную роль, то и воспитаніе, имѣющее силу и возможность направлять, ослаблять, или усиливать ихъ, имѣетъ громадное значеніе.

И такъ мы видѣли, что привычки бываютъ въ области *физической*, *моральной* и *интеллектуальной*. Совершается-ли въ началѣ извѣстное дѣйствіе сознательно или безсознательно, по инстинктивному влеченію или подъ вліяніемъ посторонняго лица, но разъ одно и тоже дѣйствіе часто повторяется, въ концѣ концовъ оно совершается обыкновенно безъ участія сознанія и воли, становится *привычкой*. Добрые и дурные навыки существуютъ и въ сферѣ чувствъ, и въ сферѣ нравовъ. Есть немало доказательствъ тому, что извѣстныя чувства и привычки воспитываются и культивируются различными національностями, живутъ въ нравахъ народа вѣками, становятся его могучею страстью и переходятъ съ молокомъ матери отъ одного поколѣнія къ другому. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ древнихъ римлянахъ развилась страсть къ благовоніямъ и пряностямъ, на доставку которыхъ требовалось громадное количество кораблей. Такъ же развилась въ Испаніи страсть къ бою быковъ и къ зрѣлищамъ этого рода. Національныя страсти иногда мѣняются,—вмѣстѣ съ этимъ являются и діаметрально противоположные взгляды и понятія. Такъ напримѣръ въ извѣстный періодъ жизни древней Италіи земледѣльческій трудъ не только не презирался, а даже находился въ почетѣ. Черезъ нѣсколько

голѣтій, когда начались завоеванія, когда съ укорененіемъ рабства, распространились роскошь и праздность, мы уже встрѣчаемъ не уваженіе къ труду вообще, а презрѣніе къ нему.

Чѣмъ чаще повторяются извѣстныя дѣйствія, чувства и представленія, тѣмъ глубже проникаютъ они въ плоть и кровь человѣка, овладѣваютъ его нервами, умомъ, однимъ словомъ всѣмъ его существомъ. Нѣкоторыя привычки до того внѣдряются въ характеръ человѣка, что берутъ перевѣсъ надъ сознаніемъ и волею. Существуетъ не мало примѣровъ, что музыканты въ оркестрѣ отъ усталости теряютъ сознаніе, однако продолжаютъ играть въ тактъ, хотя бы не слышали и не видѣли тѣхъ, кто ими дирижируетъ. Многія привычки, какъ хорошія, такъ и дурныя, пріобрѣтенныя съ дѣтства или въ молодости, становятся потребностью организма. Не даромъ же существуетъ поговорка: „привычка—вторая натура“. Чѣмъ болѣе человѣкъ живетъ подъ вліяніемъ той или другой привычки, тѣмъ болѣе подчиняется ей, тѣмъ сильнѣе порабощаетъ она его, и наоборотъ: чѣмъ меньше мы сжились съ привычкою и чѣмъ моложе нашъ организмъ, тѣмъ легче она искореняется. Вотъ, что по этому поводу говоритъ Ламброзо („Геній и помѣшательство“): „Исторія даетъ немало примѣровъ того, какъ люди эксцентрическіе, склонные ко всевозможнымъ излишествамъ, выходили потомъ на прямую дорогу, единственно благодаря энергической борьбѣ съ своими страстями и настойчивости въ достиженіи этой цѣли. Но подобное самовоспитаніе представляетъ все-таки слишкомъ большія трудности, особенно въ зрѣломъ возрастѣ. Гораздо легче могутъ достигнуть хорошихъ результатовъ родители и воспитатели молодаго поколѣнія“.

Борьба съ дурными привычками въ зрѣломъ возрастѣ въ высшей степени тяжела, требуетъ значительной силы воли и мужества и даже при этихъ качествахъ не всегда удается отъ нихъ избавиться. Примѣры у всѣхъ передъ глазами: всѣмъ извѣстны вредныя послѣдствія куренія табаку, пьянства, обжорства, хвастовства, недостатка усидчивости, терпѣнія. Всѣ эти недостатки прививаются путемъ привычекъ, которыя впослѣдствіи трудно искоренимы, такъ какъ онѣ сдѣлались уже органическою потребностью. Путемъ привычки въ раннемъ дѣтствѣ можно добиться акуратности, чистоплотности, трудолюбія, пріучить ребенка сдерживать аффекты, развить въ немъ въ большей или меньшей степени, если не веселое, то во всякомъ случаѣ бодрое расположеніе духа, привить склонность къ умѣренности въ пищѣ. Приспособляемость организма къ перемѣнамъ температуры (до извѣстной степени, конечно), выносливость при ударахъ судьбы, лишеніяхъ и невзгодахъ, стремленіе къ честнымъ принципамъ, интересъ къ общественной жизни, терпѣніе, правдивость, отчасти даже состраданіе къ ближнему и альтруистическія склонности вообще,—все это въ большей или меньшей степени находится въ тѣсной зависимости отъ разумнаго направленія привычекъ въ раннемъ дѣтствѣ и отрочествѣ. Расположеніе къ умственному труду, вниманіе, память, умѣнье вдумываться и углубляться, дѣятельность мысли, любознательность и наблюдательность,—все это зависитъ отъ того, насколько правильно было поставлено воспитаніе, насколько цѣлесообразно было умственное развитіе дитяти, хороши или дурны были навыки, пріобрѣтенные въ дѣтствѣ, отрочествѣ и юношествѣ.

Привычки могутъ быть благопріобрѣтенныя и наслѣдственныя. Цѣль разумнаго воспитанія—давать толчекъ, укрѣплять и развивать склонность къ честнымъ и полезнымъ привычкамъ, облагораживающимъ душу и возвышающимъ умъ, и ослаблять наслѣдственныя привычки противоположнаго характера. Подъ вліяніемъ разумнаго воспитанія, наслѣдственныя привычки, если

только характеръ ихъ предосудителенъ, слабѣютъ мало-по-малу, а иногда совсѣмъ исчезаютъ.

Такъ какъ могущество и значеніе воспитанія болѣе всего сказывается въ правильномъ развитіи и направленіи привычекъ въ дѣтствѣ, то мы остановимся на тѣхъ явленіяхъ жизни ребенка, на которыя привычки имѣютъ особенно сильное вліяніе.

Вся жизнь ребенка первыхъ лѣтъ его существованія состоитъ въ приготовленіи и воспріятіи дѣйствующихъ на него впечатлѣній внѣшняго міра. И позже, въ болѣе старшемъ возрастѣ, все знакомство съ внѣшнимъ міромъ, всѣ наши представленія происходятъ путемъ чувственныхъ воспріятій, то есть посредствомъ органовъ внѣшнихъ чувствъ, какъ *зрѣніе*, *слухъ*, *обоняніе*, *осязаніе* и *вкусъ*, которые служатъ надежнѣйшими помощниками въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ развитіи. Безъ чувственныхъ воспріятій, а это бываетъ, когда органы внѣшнихъ чувствъ дитяти плохо или совсѣмъ не развиты, человѣкъ не только не будетъ въ состояніи дѣлать впослѣдствіи самостоятельныхъ выводовъ, но не можетъ имѣть надлежащаго сужденія о предметѣ. Такимъ образомъ въ духовной жизни ребенка наисущественное значеніе, самую первую роль играютъ органы внѣшнихъ чувствъ. *Кто отъ* природы лишенъ одного или нѣсколькихъ органовъ чувствъ, у того обнаруживаются и соотвѣтственные недостатки.

Какъ тяжко обиженъ природою слѣпорожденный! Ему не только недоступны поэтическія картины природы и искусства, но онъ лишенъ *оживляющихъ* въ природѣ и жизни и одухотворяющихъ солнечныхъ *лучей*, цѣлой области, въ которую вноситъ столько поэзіи и красоты свѣтъ, съ его разнообразными оттѣнками, не знаетъ онъ и цвѣтовъ, слѣдовательно не имѣетъ надлежащаго представленія о громадномъ большинствѣ окружающихъ предметовъ, характернымъ признакомъ которыхъ является цвѣтъ; лишенъ онъ и созерцанія чуднаго солнечнаго дня и лунной ночи, безграничной *дали* и простора, представленія о величинѣ и пространствѣ. Такимъ образомъ слѣпорожденный лишенъ чрезвычайно многихъ представленій, а слѣдовательно и понятій, а также весьма существенныхъ для развитія человѣка эстетическихъ наслажденій. Очень естественно, что огромная область знаній достается ему несравненно съ большими затрудненіями, чѣмъ зрячему, а многое остается и вовсе недоступнымъ; изъ сказаннаго ясно, что умственное развитіе слѣпорожденнаго страдаетъ большими пробѣлами.

Глухо-нѣмой лишенъ цѣлаго міра звуковъ, не слышитъ человѣческой рѣчи, не можетъ имѣть свободнаго общенія съ людьми, слѣдовательно ему или вовсе недоступна, или несравненно менѣе доступна обширная область понятій и идей. И дѣйствительно, громадное большинство глухо-нѣмыхъ — люди въ высшей степени неразвитые умственно и нравственно.

Конечно, все это мы говоримъ о людяхъ, въ томъ или другомъ отношеніи обиженныхъ судьбою, но изъ этихъ примѣровъ можно составить ясное представленіе о томъ, какое роковое вліяніе на умственное и нравственное развитіе человѣка можетъ имѣть не только отсутствіе какого нибудь органа чувства, но даже плохое, небрежное или неправильное его развитіе. Если ребенокъ еще въ дѣтствѣ, до школьнаго возраста, не уяснитъ себѣ внѣшнихъ признаковъ окружающихъ предметовъ, онъ не можетъ быть наблюдательнымъ, природа съ ея разнообразными явленіями будетъ чужда его сердцу, а вмѣстѣ съ этимъ ему будетъ недоступна огромная область знаній, чистыхъ восторговъ, живыхъ и здоровыхъ интересовъ, однимъ словомъ, въ его духовномъ развитіи будетъ множество недостатковъ. Чѣмъ совершеннѣе развиты органы

увствъ ребенка, тѣмъ болѣе представленій воспринимаетъ его умъ, а это олько и даетъ возможность впослѣдствіи пріобрѣсти наибольшее количество понятій, быть способнымъ приходить къ самостоятельнымъ заключеніямъ и ыводамъ. Органы внѣшнихъ чувствъ дитяти могутъ и должны совершенствоваться, что достигается путемъ упражненій; не упражняемый членъ или органъ—атрофируется.

Когда дѣти только что появляются на свѣтъ божій, органы ихъ чувствъ развиты въ высшей степени слабо. Законы роста и развитія человѣческаго организма требуютъ упражненія органовъ внѣшнихъ чувствъ. Оставляя ихъ въ бездѣйствіи впродолженіи извѣстнаго періода, легко замедлить ихъ развитіе, довести ихъ до потери способности къ извѣстнымъ отправленіямъ, къ атрофіи, даже къ полному уничтоженію того или другаго органа. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что глаза у животныхъ, живущихъ въ темнотѣ, — исчезали, крылья птицъ, неимѣющихъ возможности летать, — атрофировались. Наблюденія ученыхъ доказываютъ, что отсутствіе упражненій у человѣка точно также ведетъ къ атрофіи того или другаго органа. Д-ръ Чендлеръ-Робинсъ имѣлъ возможность наблюдать одну женщину, болѣзнь зуба которой заставляла ее, въ продолженіе двухъ лѣтъ, ѣсть на одной лѣвой сторонѣ рта. Когда, послѣ двухъ лѣтъ, ей выдернули больной зубъ, оказалось, что у нея отсутсвуютъ всѣ вкусовыя ощущенія въ правой половинѣ рта.

Для доказательства, какое важное значеніе имѣютъ упражненія для усовершенствованія органовъ чувствъ, еще интереснѣе наблюденіе проф. Гарлея надъ самимъ собою. „Вслѣдствіе воспаленія глазъ, развившагося у него подъ вліяніемъ усиленныхъ занятій съ микроскопомъ, онъ 9 мѣсяцевъ провелъ въ безусловномъ мракѣ, т. е. въ комнатѣ на столько темной, что привыкшій къ ея темнотѣ Гарлей не могъ видѣть даже очертаній своей руки. Затѣмъ далнѣйшіе 17 мѣсяцевъ онъ провелъ въ обыкновенной темной комнатѣ, которая постепенно освѣщалась все болѣе и болѣ для того, чтобы переходъ изъ темноты къ свѣту не былъ слишкомъ рѣзокъ и внезапенъ. Когда наконецъ проф. Гарлей перешелъ къ обыкновеннымъ условіямъ жизни, то онъ убѣдился, что разучился смотрѣть: всѣ предметы, даже собственныя руки, казались ему несоотвѣтственно длинными, и кромѣ того онъ разучился опредѣлять разстоянія, такъ что близкіе предметы казались ему далекими, а отдаленные близкими. Кромѣ того онъ совершенно потерялъ способнось различать цвѣта,— всѣ предметы представлялись ему или черными, или бѣлыми“. („О ненормальности мозговой жизни“ М. М. Манасеиной стр. 120).

То же бываетъ и съ дѣтьми, съ тою разницею, что при разумномъ уходѣ за ними съ первыхъ дней рожденія, развитіе органовъ совершается постепенно. Правильный уходъ за ними, надлежащее ихъ развитіе и возможное усовершенствованіе имѣютъ въ высшей степени важное значеніе для всей жизни человѣка. Вотъ потому-то правильное развитіе и усовершенствованіе органовъ чувствъ дитяти должно быть первою и наиважнѣйшею заботою матери. Не совсѣмъ нормальное состояніе даже одного органа всегда производитъ дурное вліяніе и на остальные органы, такъ какъ всѣ они, болѣе или менѣе, тѣсно связаны между собою. Слабое развитіе или поврежденіе того или другаго органа ведетъ также къ опаснымъ нервнымъ и душевнымъ заболѣваніямъ. Плохое развитіе зрѣнія влечетъ за собою частую простуду глазъ, развиваетъ душевную тоску, апатію, меланхолію и дѣйствуетъ на мозгъ. Неправильныя отправленія органа слуха ведутъ къ мучительнымъ болямъ и шуму въ ушахъ, что легко можетъ перейти въ галлюцинаціи слуха, въ нервное разстройство и вызываетъ даже различныя неправильности въ ходѣ мышленія. Большихъ невзгодъ

и недуговъ можно ожидать и отъ неправильнаго развитія другихъ органовъ чувствъ—обонянія, вкуса, осязанія. Плохо развитые органы чувствъ не только грозятъ человѣку страданіями, но причиняютъ неизгладимый ущербъ и его умственному развитію.

Но какое же вліяніе на развитіе органовъ чувствъ можетъ оказать привычка? Развѣ она имѣетъ какое нибудь значеніе въ этой области? Всѣ сложныя функціи нашихъ чувствъ, по даннымъ физіологіи, суть ничто иное какъ навыки, съ усиліемъ усвоенные въ дѣтствѣ и сдѣлавшіеся впослѣдствіи какъ бы нашею собственностью.

Привычка управляетъ ходомъ дѣятельности всѣхъ нашихъ органовъ чувствъ. Способность зрѣнія воспринимать образы самыхъ различныхъ формъ и величинъ, умѣнье правильно распознавать цвѣта и ихъ оттѣнки, краски и фигуры и отличать самые тонкіе переливы въ игрѣ свѣта, чувство симметріи и пропорціональности, всѣ эти пріобрѣтенія зрѣнія дѣлаетъ не сразу, а весьма медленно и постепенно и притомъ исключительно съ помощію упражненія, которое мало по малу переходитъ въ привычку. У громаднаго большинства, даже въ интеллигентныхъ семьяхъ, на развитіе органа зрѣнія не обращалось ни малѣйшаго вниманія, а потому очень многіе, имѣя здоровые глаза, не умѣютъ отличать оттѣнковъ въ игрѣ свѣта и цвѣтовъ; есть даже немало и такихъ, которые не въ состояніи отличить одинъ цвѣтъ отъ другаго; нѣкоторые не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о симметріи, другіе не обращаютъ вниманія на форму, и чрезвычайно много близорукихъ и страдающихъ косоглазіемъ.

Близорукость и косоглазіе могутъ передаваться по наслѣдству, но могутъ быть и благопріобрѣтенными. Если воспитатель не будетъ зорко наблюдать, чтобы ребенокъ, разсматривая предметъ, не близко наклонялся къ нему, не сильно приближалъ его къ себѣ, близорукость будетъ прогрессировать, если къ ней при этомъ существуетъ еще склонность, или она разовьется постепенно, точно также и косоглазіе, если ребенокъ, склонный къ этому недостатку, будетъ разглядывать предметы съ боку. Близорукость и косоглазіе вносятъ немало изъяновъ въ умственное развитіе. Близорукій не можетъ составить себѣ вполнѣ яснаго и отчетливаго представленія о цѣлой группѣ предметовъ и явленій, недоступныхъ для разсмотрѣнія и наблюденія ихъ вблизи. Онъ между прочимъ лишенъ возможности наблюдать за выраженіемъ и игрой физіономіи во время гнѣва, досады, восторга, изумленія и другихъ страстей, часто внезапно овладѣвающихъ душою человѣка, умѣющаго сдерживать себя и не обнаруживающаго этихъ чувствъ ни въ словахъ, ни въ интонаціи голоса. Между тѣмъ умѣнье наблюдать всю эту сложную борьбу разнородныхъ человѣческихъ чувствъ и страстей, всю эту житейскую трагикомедію, проявляющуюся иногда только въ выраженіи физіономіи, не безполезно для каждаго, чтобы понимать и выяснять себѣ до тонкости и въ деталяхъ характеръ и натуру человѣка и приходить по этому поводу къ собственнымъ выводамъ. Для мыслителя, беллетриста и художника такой недостатокъ, лишеніе такого рода наблюденій—крайне существенный пробѣлъ. Бинокли, лорнеты, очки далеко не всегда удобны и возможны и никогда не могутъ вполнѣ замѣнить нормально развитаго зрѣнія. Близорукость вліяетъ извѣстнымъ образомъ и на характеръ. Близорукій не можетъ быть такъ самоувѣренъ, смѣлъ, рѣшителенъ и предпріимчивъ въ своей дѣятельности, какъ человѣкъ съ нормально развитымъ зрѣніемъ.

Если неблагопріятная среда и неразумное воспитаніе могутъ повести къ развитію и усиленію различныхъ недостатковъ, то при совершенно обрат-

ныхъ условіяхъ невозможно опредѣлить предѣла, до котораго можно довести утонченность и *остроту* этого органа. Для примѣра поразительной утонченности зрѣнія и слуха возьмемъ дикарей, природа, обстоятельства, нравы, привычки и вся жизнь которыхъ способствуютъ усовершенствованію этихъ органовъ. Индѣйцы *видятъ* предметы и различаютъ звуки, совершенно ускользающіе *отъ глаза* и слуха европейца, надѣленнаго наиболѣе развитыми *органами*.

Кромѣ благопріятной среды, въ высшей степени содѣйствуетъ совершенствованію органовъ чувствъ и различныя упражненія. Вотъ что по этому поводу говоритъ нашъ извѣстный педагогъ и психологъ г. Каптеревъ, давшій по педагогической психологіи въ высшей степени талантливые и цѣнные въ научномъ отношеніи труды: „Педагогу нужно усвоить себѣ прежде всего основную мысль, что органъ зрѣнія не есть уже нѣчто готовое и законченное при рожденіи человѣка, но развивается и формируется въ первые годы дѣтства на глазахъ его, педагога. Естественно думать, что совершающійся на глазахъ педагога процессъ развитія органа зрѣнія, даетъ ему возможность способствовать этому развитію, создавать для него благопріятныя условія, устранять вредныя. Еслибы глазъ ребенка уже при рожденіи представлялъ нѣчто законченное и сформированное, тогда не было бы мѣста вліянію педагога, педагогъ имѣлъ бы дѣло съ явленіемъ уже совершившимся. Но на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то. Разумное же вмѣшательство въ процессъ развитія зрѣнія не только возможно, но и вполнѣ желательно. Органы *наши, въ* частности органъ зрѣнія, могутъ достигать извѣстной степени развитія *вслѣдствіе* неизбѣжныхъ вліяній со стороны окружающей среды; но такое развитіе очень часто бываетъ недостаточнымъ, требующимъ восполненія и усовершенствованія". (Очерки по психологіи ребенка. „Женское образованіе" 1882 г. № 3, стр. 188—189).

Упражненіе зрѣнія должно состоять въ постепенномъ отдаленіи предмета: *пріучайте* ребенка все далѣе и далѣе держать отъ себя книгу и тетрадь, когда *онъ* читаетъ, пишетъ, разсматриваетъ картинки, рисуетъ. Любуясь цвѣткомъ, моремъ, озеромъ, радугою, пусть опредѣлитъ ихъ цвѣтъ. Уже въ два, три года ребенокъ долженъ знать цвѣтъ своего платья и всѣхъ частей своего туалета—чулокъ, ботинокъ, штанишекъ. Онъ долженъ интересоваться и цвѣтомъ платья, одѣтаго сегодня нянею, матерью и сестрами, скатерти, застланной на чайный столъ, занавѣсокъ въ комнатѣ. Онъ долженъ знать цвѣтъ *кошки*, съ которою играетъ, собаки, лошади и коровы, которые проходятъ мимо него. Пусть набранные въ лѣсу листики и шишки деревьевъ, траву, камешки у ручья, раковины раскладываетъ онъ на столѣ подъ цвѣтъ, и такимъ образомъ онъ узнаетъ не только цвѣта, но и ихъ оттѣнки.

Также постепенно должно идти и знакомство съ формою. Въ три, четыре года ребенокъ можетъ нарѣзать изъ разноцвѣтной бумаги квадратики, треугольники, кружки и т. п. и наклеивать ихъ въ тетрадь. Для знакомства съ цвѣтами прекрасно употреблять и берлинскую шерсть.

Психологъ Прейеръ сообщаетъ, что перерывъ на два мѣсяца упражненій въ различеніи цвѣтовъ повлекъ за собою значительный регрессъ въ дѣятельности органа зрѣнія его сына. Великій знатокъ дѣтской души и тонкій наблюдатель—Фребель придавалъ громадное значеніе развитію и усовершенствованію органовъ чувствъ дитяти. Всѣ его занятія, работы, упражненія, однимъ словомъ, вся его система преимущественно имѣютъ въ виду равномѣрное и всестороннее развитіе и совершенствованіе органовъ чувствъ и органовъ движенія дитяти. Поэтому на упражненіяхъ органовъ чувствъ мы и не будемъ

здѣсь особенно долго останавливаться, такъ какъ имѣемъ въ виду говорить о нихъ при изложеніи фребелевской системы.

Слухъ, такъ же какъ и зрѣніе, можетъ пріобрѣтать остроту, утонченность, быстроту и отчетливость. Лѣсные жители не только услышатъ, но и отличатъ голосъ одного животнаго отъ другаго и на такомъ разстояніи, на которомъ мы не услышимъ ни малѣйшаго звука. О двухъ слѣпыхъ братьяхъ Филадельфіи разсказываютъ, что они, переходя улицу, знали, когда приближались къ столбу, вслѣдствіе особеннаго звука, издаваемаго землею подъ ихъ ногами въ сосѣдствѣ столба. Они же узнавали по полету ручныхъ голубей, съ которыми играли.

Неблагопріятныя условія притупляютъ способность слуха. Замѣчено, что дѣти настройщиковъ различныхъ инструментовъ, машинистовъ и мѣдниковъ настолько привыкаютъ къ оглушительнымъ и дисгармоничнымъ звукамъ, что обыкновенно притупляютъ свой слухъ.

Множество научныхъ изслѣдованій подтверждаютъ, что слухъ новорожденныхъ дѣтей въ высшей степени плохъ, особенно въ первые дни рожденія. Слухъ такъ же, какъ и зрѣніе, развивается упражненіемъ, которое затѣмъ входитъ въ привычку. Дѣло воспитателя дать надлежащее направленіе такого рода упражненіямъ и привычкамъ. Прейеръ, пріобрѣвшій извѣстность своей книгой „Душа ребенка“ (Die Sehle des Kindes. Beobachtungen über die geistige Entwickelung des Menschen in den ersten Lebensjahren von W. Preyer. Leipzig, 1882) краснорѣчиво доказываетъ массою фактовъ, что слухъ цыпленка, выходящаго изъ яйца, точно также и многихъ новорожденныхъ млекопитающихъ, несравненно болѣе совершененъ, чѣмъ у новорожденнаго человѣка, какъ относительно различенія высоты звуковъ и ихъ напряженности, такъ и относительно различенія родовъ шума, ихъ направленія, а, можетъ быть, и ихъ продолжительности. „Да иначе и быть не можетъ“, говоритъ онъ, „такъ какъ новорожденный человѣкъ сначала ничего не слышитъ, потомъ очень плохо и лишь нѣкоторые звуки, затѣмъ слышитъ большее количество звуковъ, но все еще очень плохо, вслѣдъ за этимъ, мало по малу изъ массы тѣхъ, которые онъ воспринимаетъ не вполнѣ, онъ различаетъ нѣкоторые не вполнѣ ясно, и наконецъ онъ слышитъ много звуковъ и вполнѣ, но всегда ранѣе различая высокіе звуки, чѣмъ низкіе. Каждая мать тратитъ многія тысячи словъ, которыя говоритъ, бормочетъ или поетъ своему ребенку, прежде чѣмъ онъ услышитъ хотя одно изъ нихъ; она говоритъ ему еще болѣе тысячи словъ прежде, чѣмъ онъ пойметъ хотя одно изъ нихъ, но если-бы она не расточала своихъ словъ существу, которое сначала не слышитъ и еще дольше не понимаетъ, ребенокъ выучился бы говорить и слышать мать очень поздно и съ большимъ трудомъ“.

Физическій уходъ за ухомъ требуетъ болѣе всего — чистоплотности: накопленіе въ слуховомъ проходѣ сѣры вызываетъ различныя заболѣванія, и не только самаго прохода, но и барабанной перепонки. Раздраженіе, вызванное этимъ явленіемъ, заставляетъ дѣтей извлекать сѣру и раздражающую, накопившуюся нечистоту шпильками, уховертками, булавками, спичками,—это не только вредно, но и весьма опасно, вызываетъ ссадины въ слуховомъ проходѣ и на барабанной перепонкѣ, частыя воспаленія, что можетъ повести къ глухотѣ. Вмѣсто того, чтобы раздражать уже раздраженное ухо уховертками, можно иногда моментально прекратить зудъ, осторожно впустивъ на нѣсколько минутъ въ слуховой проходъ нѣсколько капель чуть тепловатой воды, которая размягчаетъ накопившуюся сѣру и унимаетъ зудъ. Если это не помогаетъ, нужно проспринцовать ухо тепловатой водой. Но физическое воспитаніе, какъ

органовъ чувствъ дитяти, такъ и его организма вообще не входитъ въ программу нашей книги, и потому мы переходимъ къ упражненіямъ органа слуха.

Въ упражненіяхъ этого рода первую роль играетъ — *развитіе умѣнья прислушиваться* къ шумамъ и звукамъ природы, къ различнымъ музыкальнымъ инструментамъ, къ пѣснямъ, къ звукамъ и голосамъ животныхъ, а также къ шумамъ и звукамъ, издаваемымъ различными предметами. Мать должна заставлять ребенка прислушиваться, когда громъ гремитъ, вѣтеръ воетъ и свиститъ, корова мычитъ, собака лаетъ, кошка мяукаетъ, пѣтухъ выкрикиваетъ свое ку-ку-реку, кукушка кукуетъ, курица клохчетъ, лошадь ржетъ, муха жужжитъ, сверчекъ стрекочетъ; пусть онъ прислушивается и къ журчанію ручейка, и къ завыванію бури и пріучается отличать пѣніе одной птички отъ другой, узнавать звукъ, издаваемый тѣмъ или другимъ металломъ, камнемъ. Если воспитательница можетъ играть на какомъ нибудь музыкальномъ инструментѣ и обладаетъ хотя небольшимъ голосомъ и музыкальнымъ слухомъ, пусть напѣваетъ и наигрываетъ своему ребенку несложныя аріи и пѣсенки. Несомнѣнно, ребенокъ долго не будетъ понимать ни словъ пѣсни, ни звуковъ мелодіи, но, постоянно прислушиваясь къ гармоничнымъ звукамъ музыкальнаго инструмента и человѣческаго голоса, онъ, по привычкѣ къ мелодичнымъ звукамъ и изъ подражательности — этой характерной черты дѣтской природы, самъ начнетъ подтягивать своимъ дѣтскимъ голосомъ пѣсенку или мелодію, что въ высшей степени развиваетъ слухъ ребенка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его эстетическое чувство и пробуждаетъ въ немъ любовь къ музыкѣ.

Для развитія слуха полезно также пріучать ребенка слушать пѣніе, игру, разговоръ, чтеніе (разумѣется, когда это дѣлается уже доступнымъ его возрасту) постепенно все на болѣе далекомъ отъ него разстояніи: такимъ образомъ слухъ будетъ напрягаться, а вмѣстѣ съ этимъ и упражняться.

Во время серьезныхъ дѣтскихъ заболѣваній, особенно въ случаяхъ сыпныхъ болѣзней, а также тифа, дифтерита и ангины, горло часто бываетъ поражено, а такъ какъ оно находится въ тѣсной связи съ слуховыми органами, то въ такихъ случаяхъ мать должна наблюдать, не пострадалъ ли слухъ ребенка. Слѣдуетъ обращать вниманіе и на то, что частые насморки очень вредно отзываются на слухѣ, такъ какъ слуховые органы находятся въ тѣсной связи не только съ горломъ, но и съ носовою полостью.

Какъ плохо развитое зрѣніе, такъ и плохой слухъ вредно отзываются на школьныхъ занятіяхъ ребенка: школьникъ не все видитъ и слышитъ, что дѣлается въ классѣ, и эти недостатки печально отзываются на умственномъ и нравственномъ развитіи всей жизни. Чѣмъ менѣе развитъ слухъ у человѣка, чѣмъ болѣе страдаютъ его слуховые органы, тѣмъ менѣе можетъ онъ наслаждаться музыкой, пѣніемъ, театральными представленіями, публичными лекціями, даже обществомъ себѣ подобныхъ.

Въ области осязанія привычка имѣетъ самое могущественное значеніе: упражненіемъ слѣпые доводятъ органъ осязанія до изумительной тонкости и совершенства. Съ помощью пальцевъ они бѣгло читаютъ по книгѣ съ выпуклыми буквами, различаютъ игральныя карты, монеты, узнаютъ форму и свойство каждаго предмета, степень прочности всевозможныхъ издѣлій, — однимъ словомъ, слѣпымъ осязаніе замѣняетъ глаза. Существуютъ даже такіе слѣпые, которые лучше зрячихъ могутъ отличать фальшивую кредитную бумажку отъ дѣйствительной.

Намъ приходилось слышать отъ воспитателей заведенія слѣпыхъ, что публика, посѣщающая ихъ, наблюдая, какъ слѣпые самоувѣренно бѣгаютъ

не только по всѣмъ комнатамъ заведенія, но по лѣстницамъ и саду, вскарабкиваются на деревья и особенно когда они занимаются сложными рукодѣліями, высказываетъ обыкновенно такой взглядъ, что природа взамѣнъ глазъ даритъ слѣпцу необыкновенный даръ осязанія, котораго лишенъ зрячій. Но это невѣрно. Воспитательница въ доказательство того, что осязаніе слѣпыхъ главнымъ образомъ пріобрѣтается путемъ привычки и навыка, показывая намъ множество работъ, какъ слѣпорожденныхъ, такъ и тѣхъ, которые ослѣпли по третьему, четвертому и пятому году своей жизни,—работы послѣднихъ не уступали въ искусствѣ работамъ слѣпорожденныхъ, что достигнуто было путемъ постоянныхъ упражненій. Физическій уходъ за органомъ осязанія сводится преимущественно къ уходу за кожею, имѣющей громадное значеніе для всего организма. И при этомъ главная обязанность — соблюденіе чистоты и развитіе приспособляемости кожи къ перенесенію перемѣнъ температуры. Для этого необходимо, чтобы теплая вода, въ которой купаютъ ребенка, и въ началѣ согрѣваемая одежда, въ которую его одѣваютъ послѣ купанья въ первое время его жизни, употреблялись все болѣе холодными, температура комнаты, въ которой онъ живетъ, становилась бы все болѣе умѣренною, но все это съ соблюденіемъ большой постепенности.

Задача воспитателя, въ области осязанія, направить и обставить *жизнь* ребенка и его физическія упражненія такимъ образомъ, чтобы сдѣлать *его* организмъ выносливымъ къ разнообразнымъ перемѣнамъ температуры, къ жарѣ и холоду, чтобы ребенокъ могъ поменьше испытывать послѣдствій простуды, получилъ бы въ концѣ концовъ возможность гулять во *всякую погоду*, могъ бы жить въ разныхъ климатахъ. Что же касается кожи, то нужно имѣть въ виду сдѣлать ее менѣе чувствительною, менѣе раздражительною и болѣе выносливою. Физически закаленный человѣкъ впослѣдствіи не только крѣпче постоитъ за правду и упорнѣе сопротивляется житейскимъ невзгодамъ и лишеніямъ, но будетъ способнѣе другаго къ усидчивой работѣ, устойчивѣе можетъ держаться честныхъ принциповъ и вообще будетъ болѣе мужественнымъ, выносливымъ, менѣе нервнымъ, капризнымъ и измѣнчивымъ; житейскій комфортъ и удобства менѣе, чѣмъ нѣженку и баловня, соблазнятъ его, и жизнь будетъ представлять ему менѣе искушеній для сдѣлокъ съ совѣстью.

Но Боже сохрани, закаливая организмъ, впадать въ крайность. Закалять организмъ должно въ высшей степени постепенно, строго сообразуясь со степенью здоровья ребенка вообще, съ его выносливостью въ частности, съ возрастомъ и индивидуальными, физическими особенностями каждаго. Нужно помнить, что *закаленіе* организма имѣетъ свою границу и предѣлъ. Къ тому же не всякое матеріальное лишеніе, непогоду, сырость, холодъ можетъ вынести каждый ребенокъ, тѣмъ болѣе такой, родители котораго вели изнѣженный образъ жизни. Наконецъ, и для нравственнаго развитія дитяти одинаково не желательны, какъ излишняя изнѣженность, раздражительность и чувствительность, такъ и крайнее огрубѣніе тѣла, слишкомъ ничтожная чувствительность кожи. Совершенно огрубѣвшее существо будетъ слишкомъ мало воспріимчиво и возбудимо для впечатлѣній нравственнаго характера, чему даетъ намъ прекрасный примѣръ воспитаніе спартанскихъ юношей: они равнодушны были къ самымъ тяжелымъ условіямъ жизни, могли выносить холодъ и голодъ, были неутомимы въ трудахъ, умирали подъ ударами, не издавъ ни одного крика, ни одной жалобы, но въ то же время отличались грубостью и жестокостью нравовъ. Мы далеки отъ желанія вернуть времена славной Спарты, съ ея грубымъ варварствомъ и замѣчательными атлетами, съ ея презрѣніемъ къ

наукѣ и съ ея розгоносцами, которые на праздникахъ, въ видахъ пріученія дѣтей къ терпѣнію, засѣкали ихъ до-смерти. Но каковы бы ни были результаты спартанскаго воспитанія, но и оно доказываетъ силу, могущество и значеніе воспитанія вообще.

Изъ *вышеприведенныхъ* примѣровъ мы знаемъ уже, до какой удивительной *тонкости*, вслѣдствіе упражненій, доходило совершенство осязанія у *слѣпыхъ*, и вслѣдствіе этого мы не понимаемъ, почему у зрячихъ оставляютъ *втунѣ* развитіе этого органа. Ребенку, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ давать ощупывать каждую игрушку, каждый предметъ, который онъ видитъ и беретъ въ руки, затѣмъ пусть онъ, не глядя на предметъ, лишь по осязанію, опредѣляетъ его форму, величину, приблизительный вѣсъ, твердость, эластичность, степень гладкости и шероховатости. Также не глядя, пусть называетъ онъ вамъ, что вы дали ему въ руки: металлъ, дерево, камень, резину, кость, стекло, рогъ, шерстяной, бархатный, бумажный или льняной обрѣзокъ матеріи, предметъ влажный, сухой или мокрый. Пусть ребенокъ даетъ также, но конечно самое элементарное опредѣленіе степени плотности предмета, холода и тепла. Отъ времени до времени вводите его въ темную комнату; пусть сначала съ вашею помощью, а затѣмъ и самостоятельно, но съ извѣстными предосторожностями дотрогивается онъ до столовъ, стульевъ, посуды и всѣхъ находящихся въ комнатѣ предметовъ; при этомъ онъ долженъ называть, что попало ему подъ руки, почему онъ такъ думаетъ, что это то, а не другое. Но такія бесѣды отнюдь не должны носить характера формальныхъ упражненій, *особенно для* дѣтей до 7—8-ми лѣтняго возраста. Пусть дитя, отъ времени *до времени* закрывши глазки или повязавъ ихъ легкимъ платкомъ, отгадаетъ, что вы дали ему въ руки. Это отгадываніе предметовъ съ зажмуренными или повязанными платкомъ глазами такъ нравится дѣтямъ, что они сами безпрестанно прибѣгаютъ къ этой игрѣ. А какой обильный запасъ для шутокъ и смѣха представитъ темная комната! Между тѣмъ такія упражненія не только изощряютъ осязаніе, но знакомятъ ребенка съ характерными *признаками* каждаго предмета, волей-неволею заставляютъ составить о немъ *болѣе* ясное и опредѣленное представленіе, вырабатывая такимъ образомъ точность опредѣленія окружающихъ предметовъ, что весьма важно при развитіи дара слова и выработкѣ элементарныхъ понятій. Вмѣстѣ съ *этимъ* исчезаетъ и вредная боязнь темноты и темной комнаты. Однимъ словомъ, разумнымъ упражненіемъ осязанія пріобрѣтаются въ высшей степени *благодѣтельныя* привычки, имѣющія немаловажное значеніе въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ развитіи ребенка.

Особенно велико значеніе привычки при развитіи *вкуса* и *обонянія*, этихъ низшихъ органовъ въ области нашихъ чувствъ. Но при неблагоразумномъ воспитаніи привычекъ въ этой области онѣ ведутъ къ вреднымъ послѣдствіямъ: къ неумѣренности въ пищѣ и къ обжорству, что не только вредно отзывается на здоровьѣ (производитъ засореніе желудка, катарры кишекъ, зубныя боли), но въ то же время ослабляетъ волю, пріучаетъ къ невоздержанности, результатомъ чего въ концѣ концовъ является пьянство, преждевременное развитіе чувственности, стремленіе къ удовольствіямъ низкаго, неблагороднаго характера. Эти пороки быстро развиваются и совершенно порабощаютъ духовную жизнь человѣка, подавляя высшія, благороднѣйшія стремленія ума и сердца.

Какую роль играетъ привычка при развитіи этихъ органовъ, видно уже изъ того, что сортировщики чая могутъ по вкусу и запаху этого напитка опредѣлить не только его возрастъ, но даже и мѣстность Китая, гдѣ онъ

выросъ. Такая же утонченность обонянія и вкуса развита и у сортировщиковъ вина, у гастрономовъ и т. п.

Такимъ образомъ фактами, вполнѣ подтвержденными наукою, доказано, что органы внѣшнихъ чувствъ имѣютъ громадное, неотразимое вліяніе на физическое, нравственное и умственное развитіе дитяти. Изъ этого естественно вытекаетъ, что правильное ихъ развитіе — одна изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія. Развитіе же ихъ мы считаемъ правильнымъ лишь тогда, *когда* обращено одинаковое вниманіе, какъ на ихъ физическое, такъ и на интеллектуальное воспитаніе. Поясникъ примѣромъ. Идеалъ вполнѣ правильнаго развитія органа зрѣнія долженъ заключаться не въ томъ только, чтобы имѣть здоровые глаза и чтобы помимо наслѣдственности не нажить косоглазія, близорукости и другихъ недостатковъ, но чтобы при здоровомъ зрѣніи умѣть наблюдать окружающую природу, выработать въ себѣ стремленіе къ наслажденію ея красотами, умѣть вглядываться и вдумываться въ жизнь людей, въ ихъ характеры, достоинства и недостатки, пріобрѣсти навыкъ узнавать характерные признаки предметовъ, ихъ сходство и различіе между собою.

Такъ же велико значеніе привычки *въ развитіи дара слова.*

Сначала дитя издаетъ звуки, которые постепенно становятся все болѣе разнообразными, затѣмъ изъ нихъ составляются слоги и слова, увеличивающіеся въ количествѣ ежедневно, ежечасно, такъ какъ мать, наклоняясь надъ изголовьемъ ребенка, безпрестанно произноситъ различные слова и звуки. Ребенокъ повторяетъ за ней, какъ понимаетъ и можетъ, и его голосовой аппаратъ постепенно приноравливается къ человѣческой рѣчи. Такое же вліяніе оказываетъ упражненіе и привычка и на развитіе правильной рѣчи. Вотъ что по этому поводу говоритъ нашъ знаменитый педагогъ К. Д. Ушинскій: „грамматическая правильность достигается еще въ первые годы ученья, когда человѣкъ легко и удобно усвоиваетъ многочисленные *навыки*, которые составляютъ основу правильной рѣчи и правильнаго письма. Грамматическая правильность рѣчи, изустной и письменной, есть не знаніе, а *привычка*“. Тутъ говорится о первоначальномъ обученіи грамотѣ, но привычка такую же могущественную роль играетъ и въ развитіи дара слова, при нервоначальномъ развитіи рѣчи.

При первомъ пробужденіи сознанія, дитя обращаетъ вниманіе на тотъ или другой предметъ. Иногда оно радостно протягиваетъ къ нему руки и издаетъ при этомъ какой нибудь звукъ, затѣмъ называетъ его, въ большинствѣ случаевъ, по своему; очень часто множество предметовъ ребенокъ обозначаетъ одними и тѣми же звуками, напримѣръ: „бу-бу“, „то-то“, „ми-ми“ и т. п. Мать, понимающая лепетъ своего дитяти, сейчасъ же пойметъ, на какой предметъ обратило оно вниманіе, и называетъ его по имени. Ей приходится иногда много тысячъ разъ назвать этотъ предметъ по имени, прежде чѣмъ ребенокъ самъ будетъ въ состояніи отчетливо произнести это слово. Но частыя повторенія одного и того же слова, одного и того же названія, извѣстное при этомъ выраженіе лица матери, тонкіе оттѣнки въ перемѣнѣ ея голоса настолько характеризуютъ самый предметъ, что ребенокъ постепенно усваивая названіе предмета, получаетъ и нѣкоторое понятіе о немъ, извѣстное представленіе. Если мать дурно говоритъ, заикается, либо имѣетъ какой нибудь недостатокъ въ произношеніи вообще или лишь въ нѣкоторыхъ словахъ и звукахъ, если говоръ ея отличается какими нибудь особенностями, напримѣръ, невнятностью, быстротою или, наоборотъ, излишнею медлительностью, то, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, тѣ же недостатки прививаются и къ ребенку, если только вліяніе матери не парализуется другими вліяніями, на-

примѣръ нянею или отцомъ, разговаривающими съ ребенкомъ не менѣе матери. Отвыкать отъ недостатковъ въ произношеніи и выговорѣ, полученныхъ въ дѣтствѣ, очень трудно. Различные недостатки въ говорѣ пріобрѣтаются дѣтьми и самостоятельно: ребенокъ начинаетъ сюсюкать, шепелявить, какъ нибудь комично выговаривать то или другое слово. Не слѣдуетъ настаивать и добиваться во чтобы то ни стало, чтобы ребенокъ немедленно правильно произнесъ его: это можетъ быть для него очень затруднительно, а часто и невозможно; но и самимъ воспитателямъ не слѣдуетъ подражать ребенку въ коверканіи словъ, а называть предметъ отчетливо и правильно. Многіе родители, напротивъ, приходятъ въ такой восторгъ отъ исковерканнаго ребенкомъ слова, что вводятъ его въ употребленіе. Ребенокъ вмѣсто Марина говоритъ: „Маляна“, вмѣсто собака—„сокапа“, молоко называетъ „бо“, и всѣ окружающіе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, разговаривая съ ребенкомъ, коверкаютъ эти слова. „Хочешь „бо“? вмѣсто „хочешь молока“? „А вотъ и „Маляна“ пришла“! вмѣсто „Марина“. Многія неправильности и недостатки въ говорѣ, обнаруженные ребенкомъ въ первые годы жизни, такъ и остаются навсегда, отъ нѣкоторыхъ онъ избавляется, когда подростаетъ и когда надъ нимъ начинаютъ подсмѣиваться, но слѣдуетъ, чтобы и родители не проявляли любви своей къ дѣтямъ такъ неумно. Въ коверканіи словъ родителями выражается несомнѣнно ихъ неудержимый восторгъ передъ прелестнымъ лепетомъ ихъ малютокъ, желаніе доставить этимъ удовольствіе ребенку, желаніе снизойти до его уровня, но имъ слѣдуетъ себя сдерживать и, доставляя удовольствіе дѣтямъ, не приносить имъ вреда, стоять всегда и во всемъ на высотѣ своего призванія. Въ большинствѣ случаевъ ребенокъ, когда уже начинаетъ нѣсколько говорить, произноситъ изъ цѣлаго слова одинъ какой нибудь слогъ, первый или послѣдній, смотря потому, какой изъ нихъ наиболѣе соотвѣтствуетъ его голосовому аппарату, замѣняя при этомъ трудныя для произношенія буквы болѣе легкими, такъ, напримѣръ, *сапоги* ребенокъ называетъ „ки“ (мѣняя *г* въ *к*), или „паки“ (вмѣсто „поги“); въ словахъ: кофе, Дуня, Таня они обыкновенно произносятъ первый или второй слогъ. Но и въ этихъ случаяхъ, мать догадавшись, о чемъ онъ говоритъ, должна какъ собственныя имена, такъ существительныя и глаголы (къ другимъ частямъ рѣчи ребенокъ обыкновенно переходитъ позже) называть надлежащимъ образомъ.

Правильное развитіе рѣчи такъ важно, что мы считаемъ необходимымъ сказать по этому поводу хотя нѣсколько словъ. Самыя первыя буквы, которыя мы слышимъ въ плачѣ новорожденнаго младенца, это—гласныя: у, а; ихъ онъ обыкновенно произноситъ вмѣстѣ, когда кричитъ: уа, уа. Но вотъ ребенокъ подростаетъ, впервые останавливаетъ свое вниманіе на предметѣ, начинаетъ улыбаться и ворковать; тутъ онъ произноситъ тѣ же буквы, только отдѣльно другъ отъ друга: у.... у.... а.... а.... Мало по малу къ нимъ присоединяются и согласныя, и изъ нихъ прежде всего губныя: б, м. Когда вы слышите м, голосовыя мышцы ребенка обыкновенно уже достаточно окрѣпли, такъ какъ для произношенія этой буквы ему приходится съ нѣкоторой силой, при сжатыхъ губахъ, вытолкнуть воздухъ. Послѣ этого ребенокъ начинаетъ произносить и цѣлое слово „мама“... „папа“. За этими первыми словами еще не тотчасъ развивается говоръ; тутъ слѣдуетъ еще довольно большой промежутокъ, во время котораго ребенокъ пробуетъ свои силы надъ болѣе трудными гласными и согласными. Впрочемъ, согласныя: *к*, которую дѣти замѣняютъ буквою *т*, *р*—буквою *л*, а также буквы: *ш*, *ф*—такъ трудны для произношенія дитяти, что онъ, часто научившись уже нѣсколько болтать, совсѣмъ игнорируетъ ихъ въ словахъ или замѣняетъ ихъ произвольно болѣе легкими для

выговора. Конечно, во всемъ этомъ у дѣтей мы находимъ большое разнообразіе, тѣмъ не менѣе тутъ есть нѣкоторые общіе законы. Младенецъ, котораго мнѣ приходилось воспитывать, проговорившій на всѣ лады *а* и *у*, прямо перешелъ къ отчетливому произношенію буквы *к*. Эти первыя буквы долго служили ему для выраженія самыхъ разнообразныхъ чувствъ. Только около полутора года онъ впервые произнесъ мама и папа и послѣ этого сразу, въ одинъ какой-нибудь мѣсяцъ, сталъ ясно и отчетливо называть множество предметовъ и при этомъ въ каждомъ словѣ произносилъ всѣ буквы, никогда не замѣняя ихъ другими. Пусть же не безпокоятся тѣ родители, дѣти которыхъ начинаютъ говорить очень поздно. Между прочимъ это можетъ зависѣть отъ того, что ребенку трудно связать каждое слово съ яснымъ представленіемъ предмета,—въ немъ и происходитъ медленная и необыкновенно затруднительная переработка запасеннаго матеріала. Но это ничуть не означаетъ ни его медленнаго развитія, ни его медленнаго соображенія. При этомъ мы совѣтуемъ предоставить ребенка самому себѣ, ни подъ какимъ видомъ не принуждая его ни нѣжными ласками, ни угрозами лишить конфетки, произносить слова или даже повторить сказанное, если онъ не дѣлаетъ этого самъ, вполнѣ самостоятельно. Желаемъ мы этого опять во имя того педагогическаго принципа, что ускорять какое-бы то ни было развитіе—всегда вредно. Педагоги, слѣдившіе за развитіемъ въ ребенкѣ рѣчи, утверждаютъ, что медленное ея развитіе скорѣе обѣщаетъ въ будущемъ серьезнаго человѣка. И такъ, слѣдуетъ не только не нарушать правильнаго хода этого процесса, но употреблять всѣ средства, чтобы няньки не слишкомъ разсѣевали ребенка, не настаивали, заставляя его произнести то или другое слово. Пусть вытаращитъ онъ свои глазенки и долго смотритъ, уставившись на одну какую-нибудь точку. Онъ только такимъ образомъ и можетъ серьезно изучать предметъ,—не мѣшайте же ему въ это время своимъ несмолкаемымъ говоромъ, а тѣмъ болѣе не трогайте съ мѣста той вещи, въ которую онъ такъ пристально углубился: этимъ вы только сбиваете его съ толку и перепутываете нить его соображеній. Пусть, говорятъ лучшіе педагоги, *самостоятельное внутреннее развитіе идетъ всегда впереди развитія языка, пусть прежде овладѣетъ ребенкомъ мысль, а потомъ уже явится и ея словесное выраженіе.*

Съ словами ребенокъ непремѣнно долженъ связывать и живыя представленія предметовъ. Поэтому матери и нянюшки должны какъ можно менѣе говорить съ ребенкомъ о томъ, на что онъ сейчасъ же не можетъ имъ указать своей ручонкой. Сначала однимъ или нѣсколькими словами ребенокъ обозначаетъ цѣлую группу самыхъ разнообразныхъ понятій, но постепенно онъ пріобрѣтаетъ все большій запасъ словъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расширяетъ кругъ своихъ представленій. Такъ напр., въ большинствѣ случаевъ каждаго взрослаго мущину ребенокъ называетъ *дядя*,—женщину—*тетя*, всѣхъ птицъ—*цыпа* или *тапъ-тапъ*, всякую ѣду и питье *нямъ-нямъ* и т. п. до безконечности. Было бы огромнымъ вредомъ со стороны воспитателя сразу желать расширить этотъ кругъ понятій и непремѣнно настаивать на томъ, чтобы ребенокъ не давалъ знакомому предмету своеобразной клички, но подъ условіемъ, чтобы воспитатель называлъ предметъ настоящимъ именемъ.

Путемъ привычки въ раннемъ дѣтствѣ можно привить самому нормальному ребенку склонность къ капризамъ, а вслѣдствіе этого раздражительность и нервность, что всегда уже сопряжено съ болѣе или менѣе значительными недугами въ области физической и моральной.

Первые мѣсяцы своей младенческой жизни ребенокъ всѣ свои чувства: испугъ, страданіе, внезапную боль, чувство жажды, голода, холода, жары

выражаетъ крикомъ. Мать, наклоняясь надъ изголовьемъ малютки, старается узнать, что его безпокоитъ: холодъ, мокрыя простынки или неловкое положеніе. Она должна немедленно удовлетворить этимъ существеннымъ требованіямъ своего дитяти. Напряженно прислушиваясь къ крику, мать скоро начинаетъ понимать его характеръ. И дѣйствительно, съ каждымъ днемъ крикъ младенца становится опредѣленнѣе и разнообразнѣе. Внимательное наблюденіе надъ этою стороною процесса развитія ребенка—весьма необходимо, такъ какъ звуки, имъ издаваемые, въ теченіе извѣстнаго періода жизни служатъ почти единственными признаками того, что происходитъ съ ребенкомъ. Внезапная боль обыкновенно выражается у него пронзительнымъ крикомъ, голодъ—продолжительнымъ, жалобнымъ, горькимъ плачемъ, при испугѣ онъ испускаетъ отрывочный или хриплый плачъ; но такъ какъ въ каждомъ ребенкѣ свои индивидуальныя свойства, то и крики дѣтей чрезвычайно разнообразны.

Если мать, удовлетворивъ законное требованіе ребенка, безъ нужды, долго оставляетъ его на своихъ рукахъ въ то время, когда онъ долженъ лежать въ постели, онъ скоро пріобрѣтаетъ склонность какъ можно дольше оставаться на рукахъ, и лишь только мать опускаетъ его въ постельку, онъ проявляетъ свою антипатію къ этому дѣйствію настойчивымъ, рѣзкимъ, звонкимъ крикомъ, вынуждая ее взять его къ себѣ на руки. Ребенокъ такъ быстро привыкаетъ къ тому, чтобы его держали на рукахъ, качали или расхаживали съ нимъ по комнатѣ, что начинаетъ кричать, плакать и капризничать только потому, что его не держатъ на рукахъ, не качаютъ. Такимъ образомъ ребенку насильно навязываютъ потребности, которыхъ онъ совсѣмъ не проявлялъ и не обнаруживалъ, развиваютъ капризы, излишнюю требовательность, которыхъ онъ могъ бы и совсѣмъ не имѣть. Если проснувшись онъ спокойно лежитъ, оставьте его лежать, а если кричитъ, и мать научилась различать и понимать его крикъ, она обязана устранить неудобства, мѣшающія его спокойствію, но не должна безъ нужды держать его на рукахъ, иначе она уже кладетъ основаніе для развитія капризовъ. Ребенокъ привыкаетъ къ тому, что его крикъ кончается столь пріятными для него послѣдствіями, какъ лежаніе на рукахъ у теплой груди, и онъ повторяетъ этотъ крикъ безъ всякой другой причины, а лишь для достиженія желаемаго.

Крикъ, смѣхъ, слезы ребенокъ сопровождаетъ также жестами и мимикою, сначала автоматичными и безсознательными, но которые въ свою очередь все болѣе совершенствуются. „Ребенокъ“, говоритъ Перэ въ своей книгѣ „Первые три года жизни ребенка“, „который производилъ ихъ по необходимости, вскорѣ производитъ и совершенствуетъ ихъ ради удовольствія или ради выгоды. Трехмѣсячный ребенокъ, который маленькими руками своими дѣлаетъ намѣренные жесты, чтобы выпросить какой нибудь предметъ или оттолкнуть его, зная по опыту, что жесты эти бываютъ поняты, уже упражняетъ лично врожденную, органическую и наслѣдственную способность выраженія. Когда онъ плачетъ, чтобы получить рожокъ, чтобы его подняли, взяли на руки, чтобы отказаться онъ непріятнаго лѣкарства, это дѣйствіе, бывшее сначала автоматичнымъ, теперь уже сознательное и намѣренное, оно даже до такой степени вошло въ привычку, что его можно часто назвать рефлективнымъ. Ребенокъ, слезамъ котораго слишкомъ много повинуются, чьи желанія, выраженныя жестами, криками или движеніями, удовлетворяются съ чрезмѣрною угодливостью, потомъ уже исполняетъ эти акты изъ каприза, принятой привычки, но безъ желанія, безъ намѣренія; онъ не всегда плачетъ безъ причины, но это случается съ нимъ очень часто“.

Съ каждымъ годомъ жизни ребенка капризы его увеличиваются, если только ихъ постоянно удовлетворяютъ и не ставятъ опредѣленныхъ предѣловъ того, *что слѣдуетъ, и чего не слѣдуетъ.* Выполненіе неразумныхъ требованій ребенка вызываетъ раздражительность и нервность, переходящія въ концѣ концовъ въ самодурство, эгоизмъ и сухость сердца.

Аккуратность, любовь къ порядку и чистотѣ и другія подобныя качества, столь необходимыя въ обыденной жизни,—тоже лишь результатъ добропорядочныхъ привычекъ, усвоенныхъ въ дѣтствѣ. Ребенка, не пріученнаго въ дѣтствѣ къ аккуратности, вы тотчасъ отличите въ школѣ между всѣми остальными. Онъ не только будетъ являться неряшливо одѣтымъ, забывая дома то книги, то тетради, но и въ школѣ, начавъ писать, испачкаетъ чернилами лицо и руки, вытирая доску, измажется мѣломъ, при этомъ, если не обратятъ вниманія другіе, у него не явится самостоятельной потребности вымыться, вычистить свое платье. Пріучать къ чистоплотности слѣдуетъ очень рано, когда ребенокъ начинаетъ только держать ложку въ рукахъ; послѣ ѣды онъ долженъ самъ вытирать свои руки и губы. Послѣ трехъ лѣтъ его слѣдуетъ постепенно пріучать самостоятельно одѣваться и раздѣваться, аккуратно и въ порядкѣ складывая свои вещи. Дѣти, отъ которыхъ требовали и за которыми тщательно наблюдали первое время, чтобы они умывались не только утромъ, но и передъ ѣдой и послѣ нея, къ 6—7 лѣтамъ будутъ чувствовать непреодолимую потребность держать лицо и руки въ чистотѣ.

Аккуратности же въ обыденной жизни дѣти достигаютъ болѣе всего тогда, когда въ дѣтствѣ требовали отъ нихъ, чтобы они самостоятельно убирали свои игрушки, вещи и книги. Горничныя и няньки лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могутъ пріучить ребенка къ этому; имъ несравненно легче и удобнѣе самимъ привести въ порядокъ дѣтскія игрушки, чѣмъ добиться того же отъ ребенка. Но для усвоенія и этой привычки точно также нужно соблюдать постепенность, имѣть тактъ и сноровку. Сначала слѣдуетъ убирать вещи сообща съ ребенкомъ, затѣмъ болѣе трудную часть работы по уборкѣ выполнять самому, заинтересовывая его хотя тѣмъ, какъ удобнѣе расположить вещи такъ, чтобы онѣ занимали менѣе мѣста и сложены были наиболѣе удобно и красиво. Затѣмъ уже слѣдуетъ всю уборку сдать на руки ребенка, постоянно приглядывая, выполняетъ ли онъ эту свою маленькую обязанность.

Привычка къ труду имѣетъ огромное вліяніе на всѣ стороны физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія дитяти, вліяетъ на всю послѣдующую жизнь и дѣятельность. Большая часть шалостей дурнаго характера, непослушаніе, разсѣянность, капризы происходятъ отъ бездѣлья, отъ слишкомъ большаго накопленія силъ, нуждающихся въ исходѣ. Эти силы, постоянно накопляясь и не находя употребленія, производятъ безпокойство и ищутъ примѣненія. У дѣтей такое состояніе проявляется дурными проказами, непозволительными шалостями, драчливостью, забіячествомъ, порчею необходимыхъ въ домѣ вещей. Молодыхъ людей отсутствіе привычки къ труду заставляетъ бросаться въ кутежи, въ франтовство, въ мотовство, въ картежничество, выражается также и другими вредными склонностями и пустымъ, пошлымъ времяпрепровожденіемъ. Такіе люди, если только съ годами не совсѣмъ убиваютъ въ себѣ искру Божію, съ отвращеніемъ смотрятъ на свое прошлое, дѣлаютъ усилія начать новую жизнь—труда и дѣла, но это очень рѣдко удается: привычка къ труду должна быть усвоена съ раннихъ лѣтъ. Было немало примѣровъ того, что люди, не совсѣмъ погрязшіе въ разгулѣ и кутежахъ, перемѣняли своей образъ жизни, наполняя ее хозяйственными

заботами и предпринимая различныя занятія. Но такіе люди смѣняютъ обыкновенно одно занятіе другимъ, ничто у нихъ не ладится, ничто не удается, и они доходятъ до полнаго сознанія своей неспособности къ труду. Такое сознаніе доводило многихъ до отчаянія и самоубійства. Не даромъ пословица говоритъ: „праздность мать всѣхъ пороковъ“. И дѣйствительно, привычка къ труду есть источникъ благороднѣйшихъ наслажденій, важнѣйшая и надежнѣйшая гарантія противъ сердечной пустоты, легкомыслія и пошлости, лучшая утѣшительница и достойная опора въ старости. Когда роковыя житейскія случайности, тяжелыя утраты любимыхъ и близкихъ разрываютъ душу, когда надежды молодости, часто самыя законныя, самыя честныя, не осуществляются, только трудъ, онъ одинъ, можетъ поддержать человѣка. Какъ бы ни были скромны размѣры способностей человѣка, но если онъ всю жизнь трудился, не покладая рукъ, честный трудъ не можетъ быть безъ результата, онъ всегда приноситъ пользу обществу, а самому трудящемуся даетъ возможность забывать за работой тяжелыя, житейскія невзгоды и утраты, смѣло смотрѣть людямъ въ глаза и подъ конецъ жизни сказать себѣ: „я дѣлалъ все, что могъ“.

Привычка къ праздности и лѣни—вреднѣйшая антисоціальная склонность. Воспитатели и учителя никогда не должны упускать этого изъ виду во весь продолжительный періодъ воспитанія и образованія человѣка. Безконечно важное значеніе привычки къ труду должно вынуждать воспитателей обращать вниманіе на развитіе ея уже въ раннемъ дѣтствѣ. Но такъ какъ послѣднія главы нашей книги посвящены именно этой задачѣ, то мы скажемъ по этому поводу лишь нѣсколько словъ.

Исключительно одна бѣготня и возня не могутъ наполнить всего дня ребенка, особенно послѣ 3—4 лѣтняго его возраста. Его живость, все увеличивающаяся потребность дѣятельности, безъ должнаго ея направленія, выражается въ ломкѣ и порчѣ предметовъ, въ капризахъ и шалостяхъ. Чтобы съ дѣтства не привить ребенку навыка къ бездѣлью и вредному времяпрепровожденію, мать должна найти для него подходящее занятіе, пока онъ самостоятельно не можетъ этого сдѣлать. Огромный матеріалъ для развитія въ дѣтяхъ любви къ труду даютъ фребелевскія занятія, способствующія совершенствованію органовъ внѣшнихъ чувствъ ребенка, а также его органовъ движенія и развивающихъ разнородныя его способности; но все это можетъ быть лишь тогда, когда мать отнесется къ этимъ занятіямъ не формально и педантично и не будетъ упускать изъ виду того, что она имѣетъ дѣло съ русскими, а не съ нѣмецкими дѣтьми, которыхъ собственно имѣлъ въ виду Фребель,—но на этихъ занятіяхъ мы подробно остановимся въ послѣднихъ главахъ нашей книги.

Пріученный къ труду ребенокъ будетъ несравненно успѣшнѣе заниматься въ школѣ, которая въ свою очередь представитъ ему новый матеріалъ для развитія усидчивости и трудолюбія. Если ребенка, пріученнаго къ труду до школьнаго возраста, не удовлетворитъ тотъ или другой учитель, онъ добудетъ себѣ книги, чтобы расширить свои знанія, чтобы основательнѣе усвоить предметъ, но ни въ какомъ случаѣ не будетъ сидѣть сложа руки. Такое отношеніе къ дѣлу много отниметъ у мальчика времени, и его не хватитъ для вредныхъ и пошлыхъ забавъ, къ которымъ онъ постепенно будетъ утрачивать склонность и позывъ.

Склонность къ труду вообще слѣдуетъ развивать и поддерживать не только въ дѣтствѣ, но въ продолженіе всего періода воспитанія и образованія человѣка. Школа должна обращать вниманіе далеко не на то только,

чтобы давать знаніе учащимся, а еще болѣе на развитіе привычки, любви и охоты къ труду, такъ какъ можно получить кое-какія свѣдѣнія изъ честолюбія и самолюбія, но въ то же время не имѣть ни малѣйшаго трудового закала и послѣ школы бросать всякія занятія.

Однако не только для здоровья, но и для умственнаго развитія ребенка вредно, если его вкусы, склонности и привычки исключительно направлены къ труду въ сферѣ умственной. Такое одностороннее развитіе рано или поздно непремѣнно даетъ себя чувствовать. Воспитаніе можно назвать разумнымъ только тогда, когда оно направлено сообразно съ природою человѣка, то есть когда физическія, моральныя и интеллектуальныя силы ребенка развиваются равномѣрно.

Трудъ можетъ быть физическій и умственный, и какъ тотъ, такъ и другой преимущественно развивается путемъ привычки. Развитію трудовыхъ привычекъ въ сферѣ умственной мы ниже посвящаемъ нѣсколько главъ, и потому здѣсь мы остановимся лишь на трудѣ физическомъ, соотвѣтственномъ дѣтскому возрасту.

Физическій трудъ есть не только лучшее средство для физическаго развитія ребенка, но столь же необходимъ онъ для развитія умственнаго и нравственнаго. Духъ и тѣло связаны между собой самымъ неразрывнымъ *образомъ*. Впрочемъ, каждый можетъ на самомъ себѣ провѣрить справедливость этой истины: наше душевное настроеніе совершенно различно, смотря по тому, сыты мы или голодны, здоровы или больны, устали или только что пробудились послѣ сна. Сильное физическое утомленіе парализуетъ память, вліяетъ вообще на психическія отправленія: въ болѣзненномъ состояніи человѣкъ менѣе сдержанъ и справедливъ, болѣе капризенъ и придирчивъ.

Для физическаго развитія теперь повсюду вводятъ гимнастику для среднеучебныхъ заведеній, но мы скажемъ нѣсколько словъ лишь о домашней гимнастикѣ, которыхъ существуетъ теперь безконечное множество и при томъ самыхъ разнообразныхъ типовъ. Къ этимъ гимнастикамъ должно относиться съ крайнею осторожностью, и мы бы не совѣтывали пріобрѣтать ее, не заручившись разрѣшеніемъ опытнаго дѣтскаго врача, который, прежде чѣмъ дозволить ее маленькому ребенку изслѣдуетъ его сердце, легкія, обратитъ серьезное вниманіе на развитіе его грудной клѣтки, ногъ, рукъ и всего организма. Но и въ случаѣ разрѣшенія гимнастики опытнымъ врачемъ, слѣдуетъ осторожно пользоваться ею и не давать дѣтямъ цѣлыми днями предаваться гимнастическимъ упражненіямъ, какъ это обыкновенно бываетъ на первыхъ порахъ, пока гимнастика представляетъ для дѣтей любопытную новинку. Вслѣдствіе слишкомъ частаго и сильнаго возбужденія гимнастическими движеніями, у слабыхъ дѣтей дѣлается усиленное сердцебіеніе и является внезапная слабость.

Пріобрѣтеніе знаній въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ среднихъ классовъ, а тѣмъ болѣе послѣдующія умственныя занятія не слѣдуетъ превращать въ веселое времяпрепровожденіе. Занятія должны живо интересовать юношу, возбуждать его любознательность, но это еще не значитъ, что изъ умственныхъ занятій слѣдуетъ устраивать что-то необыкновенно увеселительное. Нужно помнить, что въ каждомъ умственномъ трудѣ много черновой работы и необходимо пріучать постепенно ее осиливать. Но для дѣтей *до школьнаго возраста* и въ маленькихъ классахъ въ школѣ, всѣ занятія, упражненія, бесѣды съ ними, физическій трудъ, предлагаемый имъ, скажу даже болѣе—игра и отдыхъ только тогда принесутъ истинную пользу, то есть будутъ укрѣплять здоровье и развивать интеллектуальныя силы, если они доставляютъ дѣтямъ удоволь-

ствіе, приносятъ радость и развлеченіе. Узнать, доставляетъ ли удовольствіе ребенку то или другое занятіе, очень легко: онъ то сосредоточенно слушаетъ, и тогда все выраженіе его личика говоритъ объ умственномъ напряженіи, и отъ времени до времени онъ прерываетъ воспитателя живыми вопросами, то глазки его блестятъ и сверкаютъ невыразимымъ счастьемъ. Особенно полезно, когда бесѣды и разсказы воспитателя заставляютъ ребенка хохотать, когда воспитатель и питомецъ сообща подымаютъ шумъ и возню, затѣиваютъ какую нибудь шалость. Въ такія минуты дыханіе ребенка становится болѣе учащеннымъ, пульсъ его бьется сильнѣе, кровообращеніе сразу дѣлается энергичнѣе, однимъ словомъ во всемъ организмѣ происходитъ усиленный приливъ жизненной силы и энергіи. Все это краснорѣчиво говоритъ о томъ, какое неизмѣримо важное значеніе для всесторонняго развитія ребенка имѣетъ чистая радость и удовольствіе, доставляемыя ему. И родители должны имѣть это въ виду. Слабымъ дѣтямъ, болѣзненнымъ, малокровнымъ, вялымъ, страдающимъ потерею аппетита, для возбужденія жизненныхъ силъ доктора прописываютъ различные медикаменты, но они далеко не всегда такъ благотворно дѣйствуютъ, какъ чувство радости, немедленно вызывающее живую краску на поблекшія и исхудалыя щечки дитяти. Каждая радость производитъ въ дѣтскомъ организмѣ извѣстную реакцію, даетъ толчекъ дѣятельности; дальнѣйшее же подобное возбужденіе ведетъ уже къ большему оживленію органовъ движенія, вливаетъ живую струю въ его слабые и неподвижные члены.

Чѣмъ болѣе подростаетъ малютка, тѣмъ замѣтнѣе сказывается въ немъ стремленіе къ удовольствію и радости: внезапно вбѣжавшая собака, спрыгнувшая со стола кошка, нечаянно пролитая вода, волчекъ, кружащійся на полу, все возбуждаетъ его смѣхъ, все заставляетъ его тянуться къ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ, инстинктивно искать въ нихъ повода для смѣха, радости, забавы и игры. Это врожденное стремленіе ребенка къ живой радости, звонкому смѣху, къ безконечной игрѣ и вознѣ,—точно солнечный лучъ, озаряющій, одухотворяющій и преображающій физіономію малютки, весь его организмъ; должно заставлять родителей прилагать всевозможныя старанія, чтобы постоянно расширять область здоровыхъ удовольствій ребенка, а никакъ не подавлять ихъ. Для этого, конечно, прежде всего необходимо умѣть отличать здоровыя удовольствія отъ вредныхъ, порочныя отъ невинныхъ, но если воспитатели не понимаютъ этого, они совсѣмъ не должны браться за такое серьезное дѣло, какъ воспитаніе.

Наибольшую пользу дѣтямъ приноситъ развитіе въ нихъ привычекъ къ играмъ и забавамъ на воздухѣ: пусть побольше и почаще играютъ въ мячъ, возятъ маленькія тачки съ пескомъ и телѣжки съ игрушками, бѣгаютъ взапуски, въ горѣлки и во множество другихъ игръ; катанье на лодкѣ, лазанье по деревьямъ также въ высшей степени укрѣпляетъ здоровье и, что имѣетъ такое громадное значеніе, — доставляетъ ему чистое наслажденіе и радость, которыя не только законны, но и необходимы въ дѣтскомъ возрастѣ. Вотъ потому-то ребенка слѣдуетъ не только пріохочивать ко всѣмъ играмъ, полезнымъ въ физическомъ отношеніи, но и къ тѣмъ, которыя приносятъ съ собой исключительно шумъ, веселье, хохотъ, радость. „Жестоко заблуждаются тѣ люди“, говоритъ Спенсеръ, „которые думаютъ, что нуженъ только извѣстный родъ тѣлеснаго движенія, и что затѣмъ нечего заботиться о томъ, пріятно оно или нѣтъ. Отрада есть самое сильное изъ тоническихъ средствъ. Ускоряя обращеніе крови, она облегчаетъ отправленіе всѣхъ другихъ функцій и такимъ образомъ упрочиваетъ здоровье и возстановляетъ его, когда оно разстроено. Крайній интересъ дѣтей къ играмъ, буйная радость, съ которою они

приступаютъ къ новымъ шалостямъ, столь же важны для нихъ, какъ и сопровождающее ихъ движеніе".

Воспитатели часто забываютъ, что удовольствіе, радость и веселье столь же необходимы для дѣтской души, какъ свѣтъ и тепло для нѣжнаго растенія. У особенно веселаго ребенка живая натура пробьется наружу сама собой, и въ такомъ случаѣ веселье приходится только поддерживать, но болѣе всего нужно пріучать, пріохочивать, подзадоривать къ веселымъ играмъ.

Веселый ребенокъ имѣетъ несравненно болѣе шансовъ, чѣмъ сумрачный и меланхолическій, къ успѣшному и равномѣрному развитію физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ. При этомъ нужно помнить, что радость и веселье возвышаютъ, облагораживаютъ и согрѣваютъ душу. У веселаго ребенка болѣе сильно развиты потребность въ товариществѣ, желаніе подѣлиться своими веселыми мыслями и планами хотя бы для того, чтобы всѣхъ развеселить, заставить другихъ смѣяться; веселыя дѣти бываютъ и болѣе привѣтливы къ окружающимъ. Веселый ребенокъ имѣетъ обыкновенно и болѣе общественную натуру, онъ въ большинствѣ случаевъ менѣе раздражителенъ, золъ, завистливъ и эгоистиченъ. Замѣчено также, что веселое настроеніе въ высшей степени укрѣпляетъ нервы и развиваетъ въ ребенкѣ добрыя чувства. Бодрое, веселое настроеніе помогаетъ и успѣхамъ въ занятіяхъ: такой ребенокъ обыкновенно болѣе понятливъ, способенъ и воспріимчивъ, чѣмъ субъектъ характера сумрачнаго и меланхолическаго. Каждый, вѣроятно, наблюдалъ, что даже самыя простыя слова учительницы, сказанныя весело и бодро послѣ какого-нибудь тяжелаго упражненія, заставляютъ дѣтей сразу встрепенуться, пріободриться, охотнѣе приняться за работу и дѣйствуютъ цѣлесообразнѣе, чѣмъ суровое приказаніе или формальное требованіе. Недаромъ Жанъ-Поль-Рихтеръ говоритъ: „постарайтесь уже въ раннемъ дѣтствѣ засвѣтить въ ребенкѣ столько радости, чтобы впослѣдствіи никакое море слезъ не могло залить ее". Мрачное настроеніе бываетъ у тѣхъ дѣтей, къ которымъ воспитатели относятся черезчуръ строго и педантично, не дозволяя имъ вполнѣ проявлять дѣтской радости и экспансивности, съ которыми слишкомъ мало болтаютъ, возятся, шумятъ. Сумрачныя дѣти встрѣчаются также и тамъ, гдѣ они съ раннихъ лѣтъ видятъ семейный разладъ, тамъ, гдѣ они начинаютъ преждевременно страдать и задумываться надъ неподходящими для ихъ возраста вопросами, или гдѣ ихъ съ раннихъ лѣтъ угнетаютъ непосильная нужда и лишенія.

Физическій трудъ, къ которому слѣдуетъ пріучать съ ранняго дѣтства, долженъ сдѣлаться потребностью организма и точно такъ же, какъ и умственный трудъ, доставлять радость и удовольствіе. Для этого необходимо пріучать ребенка копать на огородѣ грядки, сажать цвѣты и растенія, поливать ихъ, выпалывать ненужную траву, устраивать загородки для ухода и приручения звѣрьковъ, дѣлать печки въ пригоркахъ, обкладывая ихъ кирпичами и камнями, въ которыхъ можно было бы иногда вскипятить молоко, сварить яйца, спечь картофель. Какое удовольстіе ребенку позавтракать картофелемъ и яйцами, приготовленными имъ въ сложенной имъ печкѣ! Для зимы воспитатели найдутъ множество ручныхъ занятій, указанныхъ нами въ послѣднихъ главахъ нашего труда. Но какія бы занятія вы ни предлагали ребенку, его одновременно и постепенно слѣдуетъ пріучать обходиться безъ чужой помощи и помогать родителямъ и прислугѣ въ обыденной семейной жизни, но такъ, чтобы трудъ и помощь ребенка не обременяли его непосильною тяжестью и усталостью.

Всѣ современные психіатры считаютъ физическій трудъ самымъ дѣйстви-

тельнымъ средствомъ для искорененія наклонности къ душевнымъ заболѣваніямъ. Къ тому же дитя, съ ранняго возраста занимаясь физическимъ трудомъ, несомнѣнно будетъ съ бо́льшимъ уваженіемъ, интересомъ и любовью относиться къ простому люду и къ его труду вообще. Слѣдовательно, физическій трудъ необходимъ не только для здоровья, но онъ представляетъ важное средство для развитія въ душѣ человѣка гуманныхъ чувствъ, любви къ простому люду и интереса къ его трудовой жизни.

Въ области моральной путемъ привычки можно тоже развить много хорошихъ качествъ. Послушаніе, имѣющее громадное воспитательное значеніе, ничто иное, какъ результатъ навыковъ, извѣстнымъ образомъ направленныхъ съ ранняго дѣтства. Умѣнье пріучать дѣтей къ послушанію— первое звено въ безпрерывной цѣпи вліяній, воспитывающихъ волю и характеръ. Только умѣнье подчинить волю ребенка своей волѣ даетъ возможность матери такъ или иначе дѣйствовать на него. Безъ этого умѣнья, безъ этой выдержки, безъ этой способности воспитателя никакое воспитаніе немыслимо, и много вреда, много горя предстоитъ испытать самому питомцу и въ дѣтствѣ, и въ зрѣломъ возрастѣ, если онъ не былъ пріученъ къ послушанію, много страха и безпокойства причинитъ онъ своимъ близкимъ; матери же придется пролить много горькихъ слезъ изъ-за его своеволія, требовательности, самодурства, эгоизма, даже порочности, прямо вытекающей изъ недостатка послушанія ребенка въ дѣтствѣ. Какъ бы страстно ни любила мать своего ребенка, сколько бы жертвъ ни приносила она ради его образованія, онъ даже въ зрѣломъ возрастѣ, будучи развитымъ и образованнымъ человѣкомъ, не съумѣетъ ихъ достаточно оцѣнить, не будетъ питать къ ней сыновней нѣжности, если только въ дѣтствѣ онъ не былъ пріученъ къ строгому послушанію. „Слабые родители не бываютъ особенно любимыми и въ большинствѣ случаевъ воспитываютъ неблагодарныхъ дѣтей!“ восклицаетъ одинъ извѣстный писатель, описывавшій судьбу несчастной женщины, все принесшей въ жертву своему сыну и столкнувшейся впослѣдствіи съ его индиферентизмомъ и сухостью сердца. Изъ біографій многихъ преступниковъ мы узнаемъ, что они, проклиная свою злосчастную судьбу, толкавшую ихъ съ молода на преступленія, болѣе всего обвиняли въ этомъ своихъ родителей, не умѣвшихъ останавливать ихъ въ дѣтствѣ отъ своеволія и не требовавшихъ отъ нихъ должнаго повиновенія.

Родители въ болѣе или менѣе образованныхъ семьяхъ прекрасно понимаютъ въ теоріи необходимость требовать отъ дѣтей послушанія, но не строго придерживаются этого правила на практикѣ: то у нихъ не хватаетъ для этого терпѣнія, то недостатокъ времени мѣшаетъ имъ прослѣдить до конца, выполнено-ли ихъ требованіе, то препятствіемъ для этого служитъ соображеніе, „что-де небольшая важность въ томъ, если разъ, другой ребенокъ ослушается... подростетъ, поумнѣетъ и самъ пойметъ, что требованіе было законно и клонилось къ его благу...“ Послѣдняго-то именно и не бываетъ, такъ какъ послушаніе, болѣе чѣмъ какая бы то ни была склонность, развивается путемъ привычки, и вполнѣ добиваются ее лишь тѣ родители, которые всегда настаиваютъ на немедленномъ и точномъ выполненіи всѣхъ своихъ требованій. Но мы думаемъ, что и разсужденія родителей вродѣ вышеприведенныхъ и оправданія ихъ въ своей оплошности недостаткомъ времени, отчасти даже самая слабость въ этомъ отношеніи,—все это происходитъ въ большинствѣ случаевъ отъ того, что дѣтскому послушанію не придаютъ того, по истинѣ громаднаго, значенія, какое оно имѣетъ въ дѣйствительности, какъ для самихъ дѣтей, такъ и для родителей.

Ребенокъ начинаетъ предъявлять свои требованія очень рано, уже въ первые мѣсяцы своей жизни. Разумная мать, не желая изъ-за одного крика дольше, чѣмъ слѣдуетъ, оставлять ребенка у груди, не обратится къ нему съ объяснительною рѣчью въ такомъ родѣ: „я не держу тебя на рукахъ долѣе, чѣмъ это слѣдуетъ, чтобы ты не сдѣлалъ дурной привычки безъ нужды засыпать у груди, не хочу пріучить тебя капризничать. Этимъ ты разстроишь свое, еще неокрѣпшее, здоровье, и притомъ на моихъ рукахъ твое не согрѣвается неравномѣрно и слишкомъ долго остается въ неестественномъ положеніи". Почему ни одна мать не обратится съ такою рѣчью къ своему младенцу? Это само собою понятно,—онъ ничего не понимаетъ. Между тѣмъ, когда ребенокъ начинаетъ болтать, многіе считаютъ необходимымъ объяснять ему причину каждаго своего отказа, каждаго требованія. Но ребенокъ и въ два, три и четыре года, въ большинствѣ случаевъ, не понимаетъ ни настоящей причины отказа, ни его мотива, ни самаго объясненія, хотя бы оно было предложено ему, повидимому, въ самой элементарной формѣ. Трехлѣтняя дѣвочка проситъ дать ей земляники, отъ которой у нея только что была лихорадка: „Нельзя, дѣвочка, заболѣешь... Помнишь, какъ тогда... головка болѣла... вся горѣла"... Но дѣвочка настаиваетъ и плачетъ; объясненія матери для нея столь же вразумительны, сколько и выше приведенная рѣчь для младенца: свою болѣзнь на прошлой недѣлѣ она, конечно, забыла, да и тогда, сколько ей ни толковали объ этомъ, не могла связать ее съ земляникою; надлежащее объясненіе этого явленія не понятно будетъ и ребенку болѣе старшаго возраста. Между тѣмъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, причину отказовъ и мотивы своихъ требованій родители объясняютъ дѣтямъ въ такомъ родѣ. Трехлѣтній мальчикъ проситъ пирожнаго, котораго не переваритъ его желудокъ. Мать отказываетъ ему въ просьбѣ, говоря: „Помнишь,—я тебѣ дала тогда, а у тебя животикъ заболѣлъ... нельзя! Никакъ нельзя!" кончаетъ она уже рѣшительно. Если послѣ того ребенокъ не настаиваетъ на своемъ желаніи, мать убѣждается, что онъ понялъ ея объясненія и проникся ея доводами. Но это не вѣрно: въ послѣднихъ словахъ матери ребенку послышался рѣшительный отказъ, и онъ нашелъ лишнимъ настаивать на своемъ желаніи. Здоровый ребенокъ рѣдко помнитъ свои прошлыя болѣзни, и къ тому же ему очень трудно понять, что пирожное, которое доставляетъ ему такое удовольствіе, растроиваетъ желудокъ. Да и какъ можетъ онъ понять это, когда разстройство желудка далеко не всегда происходитъ моментально послѣ вреднаго кушанья, и притомъ оно вовсе не всегда сопровождается болями, а ребенокъ не въ силахъ понять всей опасности для своей жизни частыхъ желудочныхъ разстройствъ. Какъ бы ни защищалъ воспитатель необходимости объяснять ребенку мотивы дѣлаемыхъ ему отказовъ и предъявляемыхъ требованій, онъ непремѣнно сознается, если только занимался воспитаніемъ маленькихъ дѣтей до школьнаго возраста, что въ жизни ребенка, на каждомъ шагу, представляется масса случаевъ, когда рѣшительно невозможно вполнѣ понятно для ребенка объяснить причину отказа. Дѣти повинуются не вслѣдствіе полученныхъ объясненій, а потому, что родители пріучили ихъ къ повиновенію въ тотъ моментъ ихъ жизни, когда привычка имѣетъ неотразимое вліяніе, когда въ первые годы жизни у ребенка существуетъ только одна обязанность—повиноваться и подчиняться волѣ своихъ родителей. Совершенно справедливо говоритъ по этому поводу Мартэнъ („О воспитаніи характера"): „чтобы вникнуть въ вопросъ о послушаніи, нужно, не упуская изъ вида природы ребенка, спросить себя, существуетъ ли въ первые годы лучшее средство дѣй-

ствовать на его характеръ въ видахъ измѣненія его къ лучшему, чтобы бороться съ его дурными наклонностями и привить ему хорошія привычки? Для ребенка можетъ быть понятенъ только одинъ категорическій императивъ, одинъ нравственный законъ: воля тѣхъ, отъ кого онъ зависитъ. Онъ повинуется волѣ своихъ родителей такъ, какъ впослѣдствіи будетъ повиноваться нравственному закону, налагая на себя усиліе, приневоливая себя къ непріятности, принося жертву. Воля родителей, передъ которою онъ долженъ преклоняться безъ разсужденій, представляетъ для него тѣ нравственные принципы, которые въ будущемъ должны управлять его жизнью. Можно даже сказать, что честные родители просто служатъ посредниками между ребенкомъ и нравственнымъ закономъ, пока онъ не сознаетъ ясно его предписаній. Когда, напримѣръ, его останавливаютъ отъ обжорства, лжи или воровства, когда ему приказываютъ почтительно относиться къ старшимъ или къ больнымъ и слабымъ, развѣ ему говорятъ не тѣмъ же языкомъ, какимъ впослѣдствіи заговоритъ съ нимъ совѣсть?“

Отнюдь не будучи сторонницею какой бы то ни было дрессировки, ни защитницею принципа послушанія, какъ средства для развитія въ дѣтяхъ рабской покорности, я тѣмъ не менѣе считаю дисциплину необходимою въ воспитаніи и особенно при развитіи послушанія. Пока дѣти не подросли, поступки ихъ неразумны и неосмысленны, они дѣйствуютъ часто подъ впечатлѣніемъ минуты, по внушенію своихъ неустановившихся инстинктовъ и неопредѣлившихся наклонностей. Родители должны направить это во всѣхъ отношеніяхъ еще неокрѣпшее существо къ здоровой, разумной, честной и полезной жизни. Воспитаніе не мыслимо безъ дисциплины такъ же, какъ выполненіе приказанія, если оно непослѣдовательно и противорѣчиво. Но дисциплина, особенно относительно маленькихъ дѣтей, не должна быть для нихъ непосильною и ненавистною; если она засушиваетъ сердце дѣтей, подавляетъ ихъ въ какомъ нибудь отношеніи, стѣсняетъ проявленіе ихъ живости, рѣзвости, экспансивноси,—она никуда не годится. Чтобы дисциплина не угнетала дѣтей, она не должна быть обременительною, формальною, казенною и сухою. Если рука объ руку съ дисциплиною родители окружаютъ жизнь своихъ дѣтей постоянными попеченіями, нѣжною заботливостью, лаской, любовью, дѣти, подростая и становясь развитѣе и разумнѣе, несомнѣнно поймутъ всю законность, всю необходимость для нихъ дисциплины. Но одна дисциплина безъ любви, ласки и нѣжной заботы дѣлаетъ дѣтей рабами и хитрецами, которые на глазахъ выполняютъ требованія родителей, а за ихъ спиной ведутъ себя самымъ предосудительнымъ образомъ.

И такъ, придавая огромное значеніе умѣнью воспитателя пріучить дѣтей къ послушанію, мы находимъ, что этой цѣли вѣрнѣе можно достичь безъ объясненія дѣтямъ въ первый періодъ ихъ жизни (до 3—4 лѣтъ) причины отказовъ, такъ какъ вполнѣ понятно мотивировать ихъ такимъ маленькимъ дѣтямъ—невозможно; но въ слѣдующій періодъ ихъ жизни съ 4 до 6—7 л. уже слѣдуетъ кое что объяснять, а именно то, что возможно и будетъ имъ совершенно понятно. Это не значитъ еще, что мы, при невозможности родителей выполнить желаніе ребенка, рекомендуемъ имъ одно неизмѣнное „нельзя“. Пусть говорятъ ему, если находятъ нужнымъ: „не пей квасу,—животъ заболитъ“, „не грызи орѣховъ,—зубы сломаешь“, „не подходи близко къ печкѣ—сгоришь“, но утверждаемъ, что въ первый періодъ дѣтства абсолютно, а во второй и третій на половину ребенокъ не можетъ надлежащимъ образомъ понять объясненій. Какой же толкъ въ такомъ случаѣ во всѣхъ этихъ объясненіяхъ? Не вполнѣ ясное объясненіе мотива отказа ведетъ дѣтей къ резо-

нерству и къ унизительнымъ для родительской гордости пререканіямъ. Если предостереженіе родителей, вродѣ „сгоришь“, „обваришься“, „упадешь“, не подтвердятся тотчасъ, а иныя къ счастью для дѣтей и никогда не оправдаются, это совершенно подрываетъ въ глазахъ дѣтей авторитетъ воспитателя и вообще ведетъ ребенка ко множеству неправильныхъ выводовъ и взглядовъ относительно родителей.

Но это не значитъ еще, что родители никогда не должны объяснять ребенку причину своихъ отказовъ; но утверждаемъ, что мотивировка требованій умѣстна лишь тогда, когда ребенокъ пріобрѣлъ уже навыкъ къ послушанію и нѣсколько развитъ умственно. Но будутъ-ли родители объяснять ребенку мотивы своихъ требованій или не будутъ, онъ долженъ выполнить ихъ не потому, что находитъ ихъ съ своей точки зрѣнія законными и убѣдительными, а потому, что они предъявлены ему его воспитателями. Чтобы частые отказы не ожесточали ребенка, его нужно заставить любить *своего* воспитателя и вмѣстѣ съ развитіемъ въ немъ сознанія развивать въ немъ и вѣру въ то, что каждое требованіе родителей, каждый отказъ исполнить то или другое желаніе ребенка есть ничто иное, какъ предостереженіе его, ребенка, отъ какой нибудь опасности.

Въ первые полтора года своей жизни ребенокъ представляетъ существо пассивное, совершенно зависящее отъ насъ, живущее чисто растительною жизнью. Но и въ этотъ періодъ его жизни уже можно положить прочный фундаментъ для послушанія, если только толково, разумно, твердо *и логично* дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи.

Полугодовалаго ребенка обыкновенно уже выносятъ изъ дѣтской. Онъ видитъ различные предметы: рюмку, которая притягиваетъ его своими переливами свѣта на солнцѣ, ножикъ, привлекающій его вниманіе своимъ блескомъ, подносъ, вызывающій его радость разноцвѣтными красками. Ребенокъ поперемѣнно протягиваетъ ручку то къ одному, то къ другому предмету, кричитъ, требуетъ, чтобы дать ему въ руки то одно, то другое. Мать подходитъ съ нимъ къ предмету, который его занимаетъ, показываетъ ему, но если его нельзя дать ему въ руки, то и не даетъ. Если мать не даетъ графинъ или рюмку сегодня, она не должна уступать ему въ этомъ отношеніи и завтра, и въ послѣдующіе дни. Подходя съ ребенкомъ къ предмету, который ему не должно давать, мать говоритъ ему одно слово „нельзя“ и идетъ съ нимъ дальше. Иногда онъ успокоивается тѣмъ, что видитъ передъ собой другой предметъ, иной разъ ничто не помогаетъ: онъ продолжаетъ настойчиво требовать и кричать. Мать выноситъ его въ другую комнату. Случается, что и въ продолженіе мѣсяца ребенокъ требуетъ одного и того же, но если мать одинаково твердо каждый разъ говоритъ ему „нельзя“ и спокойно отходитъ съ нимъ въ сторону отъ соблазняющаго его предмета, онъ въ концѣ концовъ перестаетъ его требовать. Такимъ образомъ мало по малу ребенокъ начинаетъ понимать слово „нельзя“ и связывать его съ представленіемъ извѣстнаго дѣйствія, въ данную минуту съ тѣмъ, что, когда мать произноситъ это слово, она не даетъ ему того, что онъ проситъ, и отойдетъ съ нимъ въ сторону. Мнѣ лично приходилось наблюдать нѣсколькихъ дѣтей, разумно пріученныхъ въ означенный періодъ ихъ жизни. Ребенокъ тянется къ привлекательному для него предмету, мать подноситъ его къ нему или приближаетъ къ нему предметъ. Десятимѣсячный ребенокъ прыгаетъ у матери на рукахъ отъ радости, когда она подноситъ его къ милой для него вещицѣ, смѣется, хлопаетъ въ ладоши: его глазки блестятъ отъ восторга, онъ цѣлуетъ мать, но вытягивая свой маленькій пальчикъ, потрясаетъ имъ въ воздухѣ и произ-

юситъ „зя...зя“, то есть нельзя; онъ желаетъ показать, что знаетъ, что этого нельзя трогать, и что онъ не коснется запрещеннаго плода.

Если съ ребенкомъ поступаютъ послѣдовательно въ этомъ отношеніи, онъ уже къ полутора годамъ ознакомится съ обыденными предметами въ комнатахъ своей квартиры и отлично умѣетъ отличить вещи, которыя ему даютъ въ руки, отъ тѣхъ, до которыхъ ему не дозволяютъ касаться. Но, конечно, это можетъ быть лишь при такой обстановкѣ, гдѣ нѣтъ большаго обилія украшеній и бездѣлушекъ: въ послѣднемъ случаѣ для этого потребуется несравненно больше времени. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что поступать выше означеннымъ образомъ, то есть систематично не дозволять ребенку трогать многихъ предметовъ, можно лишь въ томъ случаѣ, когда для развитія его органовъ чувствъ и для упражненія мускуловъ и членовъ, къ его услугамъ существуетъ много другихъ предметовъ, какъ напримѣръ мячики, шарики, кубики, колечки, гладкія палочки, различныя подходящія къ этому возрасту игрушки. (О томъ, какія игрушки наиболѣе полезны для дѣтей этого возраста, мы говоримъ ниже).

Ребенокъ уже бѣгаетъ и много болтаетъ,—ему три-четыре года. Въ этомъ возрастѣ его разсудокъ уже болѣе вступаетъ въ свои права, онъ болѣе развитъ, чѣмъ въ предыдущій періодъ, болѣе понимаетъ, но за то и болѣе шаловливъ. Не ослабляйте вашихъ требованій послушанія отъ него, но соразмѣряйте ихъ съ возрастомъ ребенка, съ его развивающимися склонностями. Главная ошибка нѣкоторыхъ матерей состоитъ въ томъ, что онѣ на ребенка шести, семи-лѣтняго возраста продолжаютъ смотрѣть, какъ на „бебе“; у такого ребенка уже развивается гордость его лѣтъ, самолюбіе, а мать, не обращая вниманія на это, въ своихъ сношеніяхъ съ нимъ продолжаетъ употреблять тѣ же пріемы, которые возможны лишь для трехъ-четырехлѣтняго, что безъ нужды оскорбляетъ дѣтское самолюбіе. На все свое время. Если до 3—4-хъ лѣтъ вы систематично требовали повиновенія, у ребенка уже заложенъ прекрасный фундаментъ, выработано много хорошихъ навыковъ послушанія, и во второй періодъ его жизни отъ 4-хъ до 6—7 лѣтъ, остается вести это дѣло въ томъ же духѣ, но соображаясь съ бо̀льшимъ проявленіемъ личности ребенка, съ бо̀льшимъ его пониманіемъ; вамъ теперь иногда возможно объяснить ребенку причину своего отказа, онъ уже кое что понимаетъ, но далеко не все... И въ такомъ случаѣ, даже и теперь, вамъ нерѣдко приходится требовать отъ него повиновенія безъ всякихъ объясненій. Слѣдуетъ помнить, что и шестилѣтній ребенокъ не можетъ еще самостоятельно управлять своими дѣйствіями. Вы не давали годовалому ребенку взять въ руки чашку, такъ какъ онъ могъ ее разбить, четырехлѣтнему вы уже можете поручить ее. Онъ не довольствуется этимъ и желаетъ нести подносъ съ посудою,— вы отказываете ему въ просьбѣ. „Почему же? вѣдь я не разбилъ чашки?“— „А на подносѣ много чашекъ и другая посуда“. Многія матери замѣтятъ при этомъ: почему же наглядно не убѣдить его въ справедливости вашихъ словъ? Потому что дозволять можно только разумное, а не то, что приноситъ неудобства и ущербъ; къ тому же наглядная провѣрка въ законности вашего отказа можетъ быть очень часто и опасна для его жизни. „Не подходи къ растопленной печкѣ“, приказываетъ мать. „Я только простынку для куколки высушу“. Маленькія дѣти безпрестанно просятъ мать дозволить имъ жечь сахаръ на свѣчкѣ, зажигать сургучъ, спички, топить воскъ, наливать изъ самовара горячую воду. Вы дозволили ему это сдѣлать при себѣ и должны это иногда дозволять, когда ребенокъ подростетъ, но при своемъ надзорѣ, чтобы въ немъ постепенно выработать умѣнье обходиться съ подобными вещами;

если ребенокъ послушенъ, онъ и не будетъ этого дѣлать въ вашемъ отсутствіи.

Выработать въ ребенкѣ привычку къ самосохраненію воспитатель тоже можетъ путемъ привычки къ послушанію, а никакъ не объясненіями. Маленькій ребенокъ не можетъ понимать опасности для своей жизни отъ обжоговъ кипяткомъ и огнемъ, быстрой воспламеняемости отъ огня легкаго платья и многаго другаго, и тутъ, чтобъ уберечь его, единственно возможное, — съ первыхъ лѣтъ жизни ребенка развить въ немъ послушаніе, вѣру въ воспитателя, вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно упражняя его умственныя способности.

Но воспитатель не долженъ обременять ребенка ненужными и непосильными требованіями: и безъ нихъ существуетъ множество обязанностей, на исполненіи которыхъ необходимо настаивать твердо и неуклонно, иначе изъ ребенка выйдетъ неустойчивое, дряблое, никуда негодное существо, неспособное выполнять самыхъ священныхъ обязанностей семьянина и гражданина.

Послушаніе одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ для воспитанія характера и укрѣпленія воли. Ребенку мѣшаютъ сдѣлать то, что ему вдругъ захотѣлось, отъ чего онъ ожидалъ для себя удовольствія, къ чему побуждали его инстинкты, и ему приходится сдѣлать надъ собою усиліе, весьма значительное для размѣровъ его слабыхъ силъ... Тѣмъ лучше, тѣмъ болѣе закаляется онъ, тѣмъ прочнѣе окрѣпнетъ онъ нравственно, тѣмъ болѣе силы воли пріобрѣтаетъ онъ для перенесенія отказовъ, тѣмъ болѣе привыкаетъ онъ дѣлать не то, что хочется, а то, что слѣдуетъ, а вмѣстѣ съ этимъ нѣжнѣе и сильнѣе привязывается къ родителямъ. Чѣмъ болѣе дѣти приносятъ жертвъ родителямъ и выполняютъ ихъ требованій, чѣмъ менѣе они избалованы, чѣмъ болѣе была въ дѣтствѣ дисциплинирована ихъ воля, закаленъ ихъ характеръ, тѣмъ болѣе мужественными выходятъ они, тѣмъ крѣпче и нѣжнѣе привязаны къ родителямъ. Чѣмъ болѣе въ дѣтствѣ ребенокъ оказываетъ повиновенія (если только его не требовали изъ любви къ искусству или рабскаго подчиненія, не дрессировали, какъ собаченку), тѣмъ болѣе энергичнымъ борцомъ оказывается онъ въ общественной дѣятельности, такъ какъ въ дѣтствѣ ему предоставлено было широкое поле для упражненія энергіи и силы своего характера. Наконецъ только тотъ, кто умѣлъ въ дѣтствѣ повиноваться, можетъ впослѣдствіи разумно повелѣвать другими, какъ вполнѣ справедливо гласитъ всесвѣтная народная мудрость. Непослушныя дѣти всегда бываютъ своевольны, капризны, первны, что постепенно ослабляетъ ихъ жизненную энергію, вредно вліяетъ на здоровье и говоритъ о слабости и дряблости ихъ родителей.

Для болѣе успѣшнаго навыка ребенка къ послушанію необходимо, чтобы требованія, приказанія и запрещенія были *послѣдовательными*, то есть разъ безусловно запрещенное никогда не должно быть допускаемо при одинаковыхъ обстоятельствахъ. Это правило необходимо соблюдать въ полной неприкосновенности. Отступая отъ него, хотя по временамъ, родители не имѣютъ ни малѣйшаго нравственнаго права оправдывать себя чѣмъ бы то ни было: ни своею слабостью, ни приставаніями ребенка, ни недостаткомъ времени, ни своею нѣжностью и любовью къ нему. Не вполнѣ серьезное и строгое отношеніе къ этому правилу подрываетъ родительскій авторитетъ и развиваетъ въ характерѣ ребенка хитрость, фальшивую нѣжность, актерство, неискренность. Подмѣтилъ ребенокъ, что вы отмѣнили непріятное для него рѣшеніе вслѣдствіе его нѣжности къ вамъ, и онъ удвоиваетъ ее въ слѣдующій разъ; если, по его мнѣнію, причиною этому послужили его слезы, онъ постарается пролить цѣлые потоки ихъ, а пока не научился проливать слезы,

когда онѣ сами не текутъ, онъ будетъ въ это время закрывать лицо ладонями рукъ, всхлипывая и искусственно придавая плаксивость голосу.

Чтобы предохранить себя отъ перерѣшеній и уступокъ, мать должна слѣдить, чтобы ребенокъ безъ оттяжекъ, прерѣканій, споровъ и разсужденій *немедленно выполнялъ бы ея требованія.* Мы уже не дѣлаемъ оцѣнки той торговли, которая при этомъ зачастую происходитъ еще въ нѣкоторыхъ семьяхъ между матерью и ребенкомъ: „Уйди изъ моей комнаты!“—„Не хочу“.—„Пожалуйста, уйди, я тебѣ конфетку или копѣечку дамъ“.—Это настолько возмущаетъ душу и унижаетъ человѣческое достоинство и воспитателя, и воспитываемаго, что вредъ такого отношенія къ дѣтямъ очевиденъ для каждаго мало-мальски нравственно развитаго человѣка.

Приказаніе или запрещеніе никогда не должно превращаться въ просьбу. „Просьба матери“, говоритъ г-жа Неккеръ, „извращаетъ естественныя отношенія и мѣняетъ роли. Слыша постоянно умаливанія и упрашиванія, дѣти начинаютъ думать, что выполняя требованія родителей, они всякій разъ оказываютъ имъ милость; они оказываются къ намъ снисходительными, а мы относительно ихъ—неблагодарными“.

Обыденная жизнь представляетъ много случаевъ запрещать ребенку то одно, то другое; *но очень вредно щедро расточать запрещенія, требованія и приказанія.* Чтобы развить послушаніе, ребенка не слѣдуетъ обременять непосильными требованіями, иначе онъ не вынесетъ ихъ тяжести и попробуетъ стряхнуть иго съ своихъ плечъ, а разъ онъ примется за такіе эксперименты, то чтобы возвратить его къ послушанію, придется прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, что уже очень вредно и совсѣмъ нежелательно. Изъ массы того, что слѣдовало бы запретить ребенку и что нужно требовать отъ него, слѣдуетъ выбирать лишь самое существенное.

Запрещая или требуя, *слѣдуетъ избѣгать страстности, запальчивости и вспыльчивости.* Тонъ, которымъ вы даете приказаніе, не долженъ быть ни грубымъ, ни рѣзкимъ, ни повелительнымъ, ни жесткимъ, но, какъ всегда, ласковымъ, покойнымъ и ровнымъ, но рѣшительнымъ, не допускающимъ ни возраженія, ни сопротивленія.

Развитіе послушанія приноситъ не только благотворныя результаты при послѣдующемъ воспитаніи ребенка, но, что очень важно, избавляетъ родителей отъ необходимости подвергать его какимъ бы то ни было наказаніямъ.

Такое же могущественное вліяніе оказываетъ привычка и на память, имѣющую громадное значеніе для всей жизни человѣка. Во всѣхъ возрастахъ жизни, въ дѣтскомъ, въ школьномъ и зрѣломъ, хорошая память даетъ себя чувствовать въ высшей степени благотворно, и значеніе ея велико въ практической, нравственной, и во всѣхъ сферахъ умственной дѣятельности. Разсудокъ, способность сужденія и умозаключенія, однимъ словомъ всѣ умственныя силы въ тѣсномъ смыслѣ слова зависятъ отъ степени развитія памяти. Такое же важное значеніе имѣетъ она и для развитія нравственныхъ чувствъ. Если бы не было памяти, душевная жизнь почти не могла бы существовать. Человѣкъ, переживая извѣстный моментъ, вспоминаетъ сходный съ нимъ моментъ изъ своей прошлой жизни, сравниваетъ ихъ между собой, что нерѣдко заставляетъ его приходить къ извѣстнымъ выводамъ, и на этомъ основаніи рѣшить, какъ слѣдуетъ ему поступить въ будущемъ. Для развитія нравственнаго сознанія необходимо хорошо помнить свои дѣйствія, а также и то, что запрещено и что дозволено, какое впечатлѣніе производитъ на окружающихъ тотъ или другой поступокъ. Безпамятный ребенокъ быстро забываетъ тяжелое впеча-

тлѣніе, произведенное его дурнымъ поступкомъ, и обладаетъ слабымъ сознаніемъ отвѣтственности за прошлое.

Но что такое память? Память—извѣстное свойство, общее всѣмъ чувствующимъ и мыслящимъ существамъ, сохранять и воспроизводить впечатлѣнія. Способность воспроизводить впечатлѣнія вполнѣ зависитъ отъ умѣнья сохранять ихъ. У слабоумныхъ отъ рожденія, у идіотовъ и полуидіотовъ, память находится на такой низкой ступени развитія, что для нихъ часто оказывается невозможнымъ усвоить самыя простыя обыденныя и необходимыя въ жизни привычки. Но это явленіе общее для слабоумныхъ, оказывается далеко не безъ исключеній: многіе изъ нихъ проявляютъ, но, разумѣется, въ какомъ нибудь одномъ, и притомъ ограниченномъ, отношеніи, весьма замѣчательную память. Такъ, напримѣръ, нѣкоторые полуидіоты отличаются необыкновенною тонкостью слуха и, не смотря на все свое слабоуміе и тупость къ впечатлѣніямъ другаго характера, могутъ запоминать наизустъ длинныя аріи; многіе кретины и слабоумные отличаются феноменальною памятью на числа, другіе исключительно на таблицу умноженія, на слова вообще, на происшествія извѣстнаго характера.

Недостаточно только получать впечатлѣнія: необходимо еще, чтобы они прочно укоренялись, надолго оставляли по себѣ слѣдъ и могли *быть впослѣдствіи* воспроизведены. Но такой результатъ возможенъ при *совершенно* правильномъ питаніи мозга, получающаго огромное количество крови. „Нормальное проявленіе памяти“, говоритъ Рибо („Болѣзни памяти“), „предполагаетъ дѣятельное обращеніе достаточнаго количества крови, обладающей матеріалами, необходимыми для правильнаго обмѣна веществъ“.

Невозможно опредѣлить съ точностью, съ какого возраста жизни человѣка начинается болѣе или менѣе отчетливое припоминаніе. Изъ воспоминаній различныхъ писателей о своемъ дѣтствѣ мы знаемъ относительно нѣкоторыхъ, что они начинаютъ вспоминать событія своей прошлой жизни послѣ двухъ-трехъ лѣтняго возраста,—громадное же большинство вспоминаетъ дѣтство гораздо позже, послѣ пяти-шести лѣтъ. Воспоминанія до двухъ-трехъ лѣтъ обыкновенно неясны, неопредѣленны, кромѣ нѣсколькихъ, особенно рѣзко и рельефно выдающихся событій изъ обыденной жизни, но происхожденіе этихъ воспоминаній обыкновенно неизвѣстно: представляютъ ли они результатъ непосредственныхъ впечатлѣній или навѣяны разсказами окружающихъ. Но неопредѣленность, неясность или даже полное отсутствіе воспоминаній раняго дѣтства еще не говоритъ о томъ, что для дальнѣйшаго развитія ребенка безразлично, подъ какими воспитательными вліяніями онъ находился въ самые первые годы своей жизни. Ничто не остается безслѣдно въ жизни ребенка, и его воспитаніе, въ самые первые годы, такъ же, какъ и въ *послѣдующіе*, кладетъ неизгладимую печать. Отъ этихъ первыхъ лѣтъ жизни у ребенка остается множество привычекъ и навыковъ, иногда прекрасныхъ, а иной разъ и очень вредныхъ, впечатлѣніе ласки или злобы, тѣ или другіе отдѣльные факты и явленія окружающей дѣйствительности, въ то время заложенные безсознательно въ душу ребенка, но которые переходятъ въ сознаніе въ послѣдующій періодъ его жизни, кладутъ первоначальную основу характера, создаютъ въ ребенкѣ веселое или грустное настроеніе, живое или флегматическое отношеніе къ дѣйствительности, съ которымъ онъ вступаетъ въ послѣдующій возрастъ. Не даромъ одинъ англійскій естествоиспытатель и психологъ сказалъ: „каждый нервъ хранитъ воспоминанія своей прошлой жизни!“ Правда, неясныя и полусознательныя впечатлѣнія перваго дѣтства могутъ легко исчезать или видоизмѣняться подъ вліяніемъ другихъ впечатлѣ-

ній или вслѣдствіе усиливающейся работы мозга съ каждымъ днемъ все болѣе развивающагося ребенка, тѣмъ не менѣе невѣроятно, чтобы множество первоначальныхъ впечатлѣній, давшихъ пищу сложнымъ процессамъ двухъ-трехъ первыхъ лѣтъ жизни ребенка, не играли никакой роли въ совокупности мозговыхъ отправленій его послѣдующей жизни. Въ подтвержденіе высказаннаго можно сослаться на множество фактовъ. Господинъ Ц. отправляется на родину, которую онъ оставилъ съ дѣтства. Далеко не доѣзжая до дому, онъ сворачиваетъ къ родственнику, въ мѣстность, гдѣ, какъ ему говорили, онъ никогда не бывалъ въ дѣтствѣ. Осматривая комнаты дома, Ц. вдругъ припоминаетъ, что видѣлъ ихъ и въ подтвержденіе этого говоритъ, что далѣе идетъ маленькая угловая комната, въ которой на шкапу стояла большая деревянная кукла, изображавшая господина въ шляпѣ. Когда снизу тянули снурокъ, прикрѣпленный къ этой куклѣ, господинъ снималъ шляпу и улыбался. Эту куклу ему показывала какая-то старушка въ чепцѣ, лобъ которой былъ всегда перевязанъ бархаткой. Угловая комната дѣйствительно оказалась, но въ ней не было куклы, и родственникъ Ц. продолжалъ настаивать на томъ, что онъ Ц. не могъ бывать въ этомъ домѣ, такъ какъ хозяйка умерла чуть ли не раньше его рожденія, и его родители никогда не возили его въ эту мѣстность. Но воспоминаніе дѣтства Ц. не обмануло его и, пріѣхавъ къ матери, онъ сталъ разспрашивать ее о фактѣ, который его такъ заинтересовалъ. Дѣйствительно оказалось, что мать Ц., передъ смертью хозяйки означеннаго дома, которая всегда на лбу носила бархатку, чтобы скрыть шрамъ, возила его къ ней нѣсколько разъ,—она и показывала ему куклу съ механизмомъ, очень его тогда заинтересовавшимъ: ему было тогда два года отъ роду.

Вообще впечатлѣнія сильныя или необыкновенныя изъ этого возраста жизни вспоминаются впослѣдствіи многими. Одинъ писатель вспоминаетъ человѣка суроваго вида, которымъ его стращали; другой, будучи взрослымъ, не только съ точностью описалъ отцу внѣшность старосты, который служилъ у нихъ въ имѣніи, когда ему было два съ половиною года, но и его жесты и мимику. Такихъ примѣровъ можно привести множество, и всѣ они говорятъ о томъ, что мѣстность, обстановка, люди и рѣзкія черты ихъ характера не совсѣмъ утрачиваются изъ памяти дѣтей даже моложе трехлѣтняго возраста. Между тѣмъ многіе родители, разсчитывая на безпамятность маленькихъ дѣтей и на ихъ сравнительно ничтожное развитіе, говорятъ и дѣлаютъ въ ихъ присутствіи вещи, которыя бы они не допустили, если бы прониклись сознаніемъ, что многія явленія окружающей жизни, даже и въ этотъ первоначальный возрастъ, оставляютъ на дѣтей неизгладимое впечатлѣніе.

Память совершенствуется упражненіемъ. Дѣти заучиваютъ на память очень многое быстро и легко. Быстрѣе и легче всего совершенствуется она въ самомъ раннемъ возрастѣ, когда умственныя силы ребенка не растрачены еще на высшія отправленія, слѣдовательно въ то время, когда простой процессъ воспріятія происходитъ безпрепятственно, что бываетъ въ тотъ періодъ жизни, когда кровь быстро течетъ по жиламъ, и когда она хорошаго качества. Напротивъ, когда кровь течетъ медленнѣе, когда она не обладаетъ матеріалами, необходимыми для безпрепятственнаго обмѣна веществъ, слѣдовательно, у пожилыхъ людей и стариковъ, память быстро слабѣетъ; точно также чѣмъ болѣе дряхлѣетъ человѣкъ, тѣмъ болѣе теряетъ онъ живость въ воспріятіи впечатлѣній, что собственно составляетъ главную основу памяти.

Такъ какъ память имѣетъ громадное значеніе для всей жизни человѣка, то развитіемъ ея слѣдуетъ заниматься въ продолженіе всей жизни, а тѣмъ

болѣе не нужно пренебрегать этимъ въ дѣтствѣ, когда она легче всего изощряется. Точно также и разнообразныя привычки, которыя ничто иное, какъ та или другая форма памяти, пріобрѣтаются всего легче въ дѣтствѣ и юности.

Существуютъ различные роды памяти: *зрительная память*,—дающая возможность легко запоминать все видѣнное: лица, мѣстности, явленія природы и т. п.; *память звуковъ*, *память чиселъ*, *именъ*, *словъ*; существуетъ также *память идей*, когда на человѣка болѣе всего производятъ впечатлѣніе мысли или другія идеи, легко удерживаются и воспроизводятся, *механическая память*—удерживающая болѣе всего внѣшніе факты, внѣшнія сочетанія представленій, *память логическая*—внутренній смыслъ ихъ сочетаній. На однихъ болѣе всего производятъ впечатлѣніе комбинаціи математическія,—такого сорта люди легче всего удерживаютъ ихъ въ памяти и затѣмъ такъ или иначе воспроизводятъ ихъ; другіе особенно легко запоминаютъ происшествія историческія, политическія, соціальныя, нѣкоторые обладаютъ такою замѣчательною памятью звуковъ, что разъ или два прослушавъ оперу или музыкальную пьесу, воспроизводятъ ее на память на скрипкѣ, фортепіано, віолончели или на какомъ нибудь другомъ музыкальномъ инструментѣ. Существуютъ *художники*, которые съ необыкновенною точностью пишутъ портреты лицъ, *однажды* въ жизни ими встрѣченныхъ; другіе—съ малѣйшими деталями *воспроизводятъ* на полотнѣ однажды видѣнную ими мѣстность, развалины, то или другое зданіе. Рядомъ съ этими фактами, указывающими на необыкновенное преобладаніе того или другаго рода спеціальной памяти, существуетъ множество указаній и на то, что та или другая спеціальная память совершенно отсутствуетъ. Наконецъ человѣкъ можетъ въ совершенствѣ обладать тою или другою спеціальною памятью и въ самой ничтожной степени владѣть остальными родами памяти. Можно также вовсе не обладать ни однимъ родомъ спеціально развитой памяти, но имѣть способность надолго сохранять и легко воспроизводить впечатлѣнія отъ всего видѣннаго, слышаннаго и прочитаннаго, удерживать въ памяти наиболѣе существенное и притомъ равномѣрно, какъ изъ области внѣшнихъ представленій, такъ и изъ области интеллектуальной. Въ отличіе отъ остальныхъ, этого рода память можно назвать *разностороннею* или *многообъемлещею*, такъ какъ она обладаетъ многими разнообразными представленіями и потому то она, преимущественно передъ всѣми, наиболѣе желательна. Однако очень часто, какъ среди школьниковъ, такъ и среди взрослыхъ, наименѣе развитые и наиболѣе ограниченные обладаютъ прекрасною памятью, но въ такомъ случаѣ обыкновенно лишь чисто механическою и ужъ никакъ не *памятью идей* и не такою, которую принято называть *многосторонней* или *многообъемлещею*.

Мы уже знаемъ, что чѣмъ болѣе человѣкъ подвигается къ старческому возрасту, тѣмъ болѣе слабѣетъ его память; очень многіе и въ молодости внезапно теряютъ ее, но это бываетъ въ патологическихъ случаяхъ; однако не мало въ высшей степени интеллигентныхъ людей, которые жалуются на слабость памяти. Этотъ недостатокъ чрезвычайно тормозитъ успѣшность работы въ сферѣ умственной дѣятельности.

Слабое развитіе памяти зависитъ отъ самыхъ разнообразныхъ условій: иногда отъ органическихъ свойствъ мозга, чаще же всего отъ плохаго воспитанія.

У дѣтей прежде всего развивается память на имена, слова, числа, на названіе предметовъ, на простое затверживаніе наизустъ басенъ и различныхъ отрывковъ изъ области прозы и поэзіи, однимъ словомъ, память меха-

ническая беретъ у нихъ перевѣсъ надъ памятью идей, которая слѣдуетъ за ней лишь въ томъ случаѣ, когда даютъ правильное воспитаніе, когда равномѣрно развиваютъ физическія, нравственныя и умственныя силы ребенка. Эту послѣдовательность въ развитіи, т. е. то, что механическая память предшествуетъ всѣмъ остальнымъ родамъ памяти, несомнѣнно нужно имѣть въ виду, но никоимъ образомъ не злоупотреблять ею. Пусть родители и воспитатели пользуются этимъ возрастомъ ребенка для усвоенія имъ языковъ, ариѳметики, стихотвореній, географическихъ свѣдѣній, но если они будутъ давать учить *только* иностранныя слова, грамматическія правила, географическую номенклатуру, таблицу умноженія, однимъ словомъ, если все изучаемое ребенокъ будетъ брать только механическою памятью, забывая о томъ, что въ то же время онъ долженъ привыкать думать и вдумываться, наблюдать, разсуждать, дѣлать свои выводы и заключенія, они будутъ способствовать лишь одностороннему развитію памяти и одностороннему умственному развитію вообще. Нужно помнить твердо и очень твердо, что развитіе памяти ребенка идетъ совмѣстно съ развитіемъ другихъ его способностей, изъ которыхъ нѣкоторыя запаздываютъ въ извѣстный возрастъ, но ни одна, ни моральная, ни интеллектуальная способность *не можетъ правильно развиваться совершенно отдѣльно, внѣ связи съ другими способностями.*

Память тѣмъ прочнѣе сохраняетъ воспринятыя впечатлѣнія и тѣмъ легче воспроизводитъ ихъ, чѣмъ чаще повторяется одно и то же впечатлѣніе. Когда однѣ и тѣ же явленія, одни и тѣ же факты повторяются очень часто, слѣдъ, оставляемый повтореніемъ, очень глубокъ, сохраняется иногда на всю жизнь. Въ случаѣ необходимости можно иногда очень скоро что нибудь заучить наизустъ, особенно, напримѣръ, къ экзаменамъ, когда умственныя способности находятся въ напряженномъ состояніи, но быстро выученное быстро и улетучивается изъ памяти. Одному актеру пришлось замѣнить своего заболѣвшаго товарища и выучить въ нѣсколько часовъ его длинную роль. Это удалось ему довольно скоро, и онъ прекрасно сыгралъ свою роль, но немедленно послѣ спектакля забылъ ее такъ, что когда ему снова пришлось играть ее нѣсколько дней подрядъ въ той же роли, то понадобилось каждый разъ учить ее заново, тѣмъ болѣе, что ему не было времени, по его словамъ, „изучать“ ее. На это слѣдуетъ обратить вниманіе и пріучать дѣтей не сразу учить урокъ, не наскоро, а въ нѣсколько пріемовъ и съ толкомъ. При объясненіяхъ дѣтямъ явленій природы и жизни, къ нимъ нужно возвращаться много разъ, но въ различные періоды времени, предлагать ихъ въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, въ разнообразной формѣ.

При развитіи памяти нужно имѣть въ виду важнѣйшій педагогическій принципъ—начинать съ простѣйшаго и легчайшаго и постепенно переходить къ болѣе сложному и трудному. При этомъ ребенку слѣдуетъ давать запоминать лишь то, что онъ вполнѣ ясно можетъ себѣ представить, слѣдовательно, онъ отнюдь не долженъ заучивать ничего отвлеченнаго, чего-нибудь мало-мальски недоступнаго его воспріятію. Пусть ребенокъ учитъ на память стихи, прозу и въ разговорной, и въ описательной формѣ, а также басни, поговорки, пословицы, загадки, но все, что онъ заучиваетъ, должно быть безусловно прекрасно по формѣ, изображено въ художественныхъ образахъ и картинахъ, изложено просто, ясно, сжато и характерно. Ребенокъ долженъ также пересказывать воспитателю все, что онъ слышалъ, о чемъ самъ разговаривалъ, что разсказывали и о чемъ разговаривали съ нимъ окружающіе, давать отчетъ о видѣнныхъ имъ явленіяхъ природы, о разсматриваемыхъ имъ картинкахъ, однимъ словомъ, о читанномъ, слышанномъ и видѣнномъ, такъ

какъ далеко не одно затверживаніе наизустъ развиваетъ память. Но, повторяемъ, очень вредно и мало давать ребенку заучивать наизустъ, — ошибка, которою страдали педагоги 60-хъ годовъ: механическая память должна тоже совершенствоваться. Школьникамъ приходится много имѣть дѣла съ формулами въ различныхъ наукахъ, даже при правильномъ преподаваніи, кое-что механически усвоивать изъ исторіи, географіи и другихъ предметовъ,—пусть же ребенокъ упражняетъ и эту сторону памяти еще до школьнаго возраста. Точно также не слѣдуетъ избѣгать и повтореній: прочно усвоить можно лишь то, что много разъ приходится повторять, но, само собою разумѣется, что опытный педагогъ долженъ имѣть при этомъ въ виду, что повтореніе заучиваемаго ребенокъ долженъ прекращать раньше, чѣмъ оно ему опротивѣетъ.

Только при такомъ всестороннемъ развитіи и упражненіи можно усовершенствовать цѣнную, желательную и необходимую для жизни память — память идей, а также такую, которая даетъ возможность вдумываться и быстро запоминать внутренній смыслъ изучаемаго, т. е. память многостороннюю. Только въ такомъ случаѣ, кромѣ усовершенствованія памяти, удастся достигнуть сразу нѣсколькихъ цѣлей и прежде всего—развитія дара слова, эстетическаго вкуса, вниманія и наблюдательности, а вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣтается большой запасъ словъ и выраженій, что само по себѣ чрезвычайно важно для умственнаго развитія. У кого запасъ словъ больше, у того и запасъ представленій богаче. Шекспиръ, владѣвшій 15,000 словъ, думалъ, соображалъ, вникалъ въ окружающее и понималъ его не такъ, какъ человѣкъ со скуднымъ запасомъ словъ, внутренній міръ котораго несравненно бѣднѣе.

Способность памяти сохранять болѣе или менѣе продолжительное время воспринятыя впечатлѣнія, а также способность воспроизводить ихъ зависитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: 1) отъ силы впечатлѣнія; если видимымъ и изучаемымъ ребенокъ не заинтересованъ, оно производитъ на него слабое впечатлѣніе и скоро улетучивается изъ памяти. 2) Когда усвоиваемое представленіе ребенокъ не можетъ сравнить съ другимъ однороднымъ представленіемъ. Чѣмъ болѣе ребенокъ можетъ сравнивать одинъ предметъ съ другимъ по формѣ, величинѣ, цвѣту, однимъ словомъ, по сходнымъ признакамъ, тѣмъ лучше запоминаетъ его. Слѣдовательно, и для того, чтобы ребенокъ запоминалъ, а тѣмъ болѣе для всей совокупности условій хорошей памяти необходимо, чтобы онъ умѣлъ наблюдать и думать и въ то же время непремѣнно интересовался бы окружающимъ. Изъ сказаннаго ясно, что память находится въ тѣсной связи съ другими психическими силами ребенка. Мало того, память находится также въ тѣсной зависимости отъ нервной системы и отъ правильнаго кровообращенія. „Слишкомъ нервные субъекты, у которыхъ дѣятельность сердца значительно понизилась, обыкновенно жалуются на потерю памяти, которая мало-по-малу вновь возвращается по мѣрѣ возстановленія нормальнаго кровообращенія“. (Гербертъ Спенсеръ, „Основанія психологіи“). Какъ только кровообращеніе, подъ вліяніемъ благопріятнаго климата или леченія, становится правильнымъ,—и память усиливается. Какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей память ослабѣваетъ послѣ тяжелыхъ болѣзней, послѣдствіемъ которыхъ бываетъ малокровіе, а также и вслѣдствіе нервныхъ потрясеній. Неблагопріятно дѣйствуютъ и различныя болѣзни, при которыхъ приходится принимать опій, хлороформъ и другіе яды; но въ дѣтскихъ болѣзняхъ къ нимъ прибѣгаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Подавляющее дѣйствіе на дѣтскую память оказываетъ переутомленіе мозга, а также опухи железъ и опухоли на задней сторонѣ затылка; въ послѣднемъ случаѣ можетъ помочь только докторъ, но для воспитателей важно имѣть это въ виду.

Но самымъ роковымъ образомъ вліяютъ на память душевныя потрясенія (что уже несравненно болѣе зависитъ отъ воспитателей), какъ, напримѣръ, страхъ, испугъ, безпокойство, огорченіе, и потому слѣдуетъ, по возможности, оберегать дѣтей отъ всякихъ душевныхъ волненій. При упражненіяхъ памяти не безполезно знать также и то, что она „лучше утромъ, чѣмъ вечеромъ; лѣтомъ лучше, чѣмъ зимой; на югѣ лучше, чѣмъ на сѣверѣ". (Корсаковъ, „Болѣзненныя разстройства памяти и ихъ діагностика").

Привычка играетъ огромную роль въ развитіи вниманія, имѣющаго въ высшей степени важное значеніе. Учителя и учительницы, которымъ приходилось заниматься въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и въ элементарныхъ школахъ, знаютъ по опыту, какъ вредно дѣйствуетъ на успѣшность занятій недостатокъ вниманія, которымъ страдаетъ большинство дѣтей. Этотъ недостатокъ такъ распространенъ главнымъ образомъ потому, что развивать вниманіе дѣтей слѣдуетъ съ очень ранняго возраста, еще до школы, а у насъ, въ громадномъ большинствѣ семей, не сознаютъ еще необходимости этого. Между тѣмъ, если до школьнаго возраста ребенокъ не пріобрѣтетъ навыка быть внимательнымъ, то и въ школѣ ему трудно будетъ напрягать свое вниманіе. Такому ученику придется дѣлать большія усилія, чтобы не отставать отъ товарищей или всѣ предметы курса брать исключительно памятью.

Всѣ извѣстные педагоги-практики и психологи придаютъ развитію вниманія громадное значеніе. Локкъ замѣчаетъ по этому поводу: „въ высшей степени важно пріобрѣсти власть надъ вниманіемъ, но я не могу указать другаго средства для этого, какъ частымъ упражненіемъ вниманія пріобрѣсти навыкъ къ нему".

Прекрасное понятіе о значеніи вниманія даетъ Гюйо (Education et Hérédité): „Въ культурѣ вниманія заключается весь секретъ „дрессировки ума". *Вниманіе группируетъ* идеи и представленія такимъ образомъ, что всѣ онѣ приходятъ во взаимную связь по логическому или эстетическому сходству. Невнимательность, напротивъ, состоитъ въ томъ, что идеи и представленія являются отрывочно и гибнутъ, не успѣвъ вызвать прочной группировки. Вниманіе, стало быть, есть столько же вопросъ естественной способности, сколько и метода преподаванія. *Привыкнуть быть внимательнымъ значитъ пріучиться связывать идеи между собою, пріучиться располагать ихъ систематично.*

„Вниманіе есть порядокъ и честность мысли. Все дѣло въ томъ, чтобы не давать идеямъ разрываться, связывать ихъ кончики, какъ это дѣлаетъ ткачъ съ разорванной ниткой. Есть, правда, умы, въ которыхъ нитки рвутся безпрестанно, но при маленькомъ усиліи даже и эти умы могутъ связывать разорванные концы, —это вопросъ воли.

„Вниманіе является такимъ образомъ въ видѣ элементарной нравственности, нравственности интеллекта, искусства честно вести себя въ дѣлахъ разума". (пер. Толстой, стр. 174).

Отсутствіе вниманія въ высшей степени вредно отражается не только на умственномъ развитіи, но и на нравственности: человѣкъ разсѣянный не въ состояніи остановить свое вниманіе на томъ или другомъ предметѣ, на той или другой мысли, не можетъ направить его по своему усмотрѣнію, слѣдовательно, не можетъ управлять ни собою, ни своими чувствами и мыслями.

Такой субъектъ, даже при извѣстныхъ природныхъ дарованіяхъ, врядъ-ли можетъ взять на свою отвѣтственность серьезную умственную работу и обыкновенно не способенъ добросовѣстно выполнять даже свои элементарныя обязанности, а слѣдовательно будетъ нерѣдко вредить себѣ и другимъ. Недостатокъ

вниманія сказывается большими пробѣлами въ знаніяхъ и въ умственномъ развитіи. Изъ сказаннаго ясно, какое важное значеніе имѣетъ вниманіе. Нужно помнить, что вниманіе точно такъ же, какъ и память, какъ и всякая другая душевная дѣятельность, неразрывно связано съ остальными душевными силами, такъ какъ душевная жизнь человѣка, со всѣми психическими силами, представляетъ нѣчто цѣлое и единое. Вслѣдствіе этого вниманіе всегда идетъ рука объ руку съ другими душевными явленіями и не можетъ развиваться независимо самостоятельно и отдѣльно отъ нихъ. Такимъ образомъ на развитіе вниманія оказываютъ вліяніе очень многія физическія, моральныя и интеллектуальныя силы. Такъ какъ вниманіе обнимаетъ собою обширную сферу психическихъ явленій, играетъ выдающуюся роль въ душевной и умственной жизни, то прежде чѣмъ говорить о развитіи этого свойства, считаемъ необходимымъ выяснить, насколько это нужно для цѣли нашего труда, что такое вниманіе вообще.

Обыденное значеніе этого слова понимаетъ, конечно, каждый, но не всякій можетъ представить себѣ, какая масса душевныхъ силъ и явленій связана съ нимъ, и еще труднѣе опредѣлить границу вниманія, гдѣ оно начинается и гдѣ кончается. Вниманіе обнимаетъ собою всѣ ступени—*отъ мимолетнаго вниманія*, удѣленнаго блестящему предмету, подвернувшемуся на глаза, внезапному шуму, чириканью маленькой птички, и кончая *состояніемъ* полнаго поглощенія всего нашего существа занимающимъ насъ предметомъ. Однимъ словомъ, въ высшей степени трудно указать хотя на одну форму проявленія психической дѣятельности, въ которой отсутствовало бы участіе вниманія, въ которой бы оно не играло болѣе или менѣе существенной роли.

Вниманіе бываетъ *непроизвольное*, вызываемое аффективнымъ состояніемъ, и вниманіе *произвольное*, которое есть результатъ воспитанія, дрессировки, увлеченія чѣмъ-либо. Но произвольное вниманіе составляетъ не противоположность непроизвольному, а одно цѣлое съ нимъ: одно часто вытекаетъ изъ другаго, одно изъ другаго развивается. Указать точную границу, гдѣ кончается непроизвольное вниманіе и откуда начинается произвольное, невозможно, такъ какъ одно очень часто переходитъ въ другое.

Однако, не смотря на это, та и другая форма вниманія имѣетъ свои характерные признаки. Какъ человѣкъ, такъ и животное непроизвольно обращаетъ вниманіе только на то, что его наиболѣе поражаетъ, удивляетъ безъ какого бы то ни было усилія съ его стороны. Такъ, напримѣръ, праздношатающійся зѣвака вдругъ останавливается, какъ вкопанный, и неподвижно смотритъ, иногда даже съ открытымъ ртомъ, на несущуюся мимо элегантную карету и разукрашенныхъ лошадей, въ оригинальной упряжи. Неожиданно ударилъ колоколъ, и человѣкъ невольно поднимаетъ голову и прислушивается. Равнодушно пропуская проходящую толпу, ваше вниманіе вдругъ останавливается на субъектѣ, поразившемъ васъ своею оригинальною одеждой, фигурою, характернымъ типомъ лица,—все это вниманіе непроизвольное. Но когда наступаетъ моментъ, что вы употребляете какое бы то ни было усиліе лучше разсмотрѣть, вникнуть, разслышать, — это уже служитъ признакомъ того, что вниманіе измѣнило свой характеръ, что оно сдѣлалось произвольнымъ. Такимъ образомъ присутствіе воли, даже небольшаго усилія—характерная черта произвольнаго вниманія, тогда какъ непроизвольное вниманіе совершается безъ всякихъ усилій. Произвольное вниманіе недоступно ни очень маленькимъ дѣтямъ, ни дикарямъ, ни животнымъ, за исключеніемъ дрессированныхъ. Наблюдая ребенка, можно замѣтить, когда онъ находится подъ вліяніемъ непроизвольнаго вниманія. Въ такихъ случаяхъ если какой

нибудь предметъ привлекаетъ къ себѣ его вниманіе, у него моментально пріостанавливаются всѣ его обычныя движенія, — неопредѣленное повертываніе головы изъ стороны въ сторону, безпорядочное подергиваніе руками и ногами. Его глаза, уши, руки, однимъ словомъ, все его маленькое существо направляется въ эту минуту къ одному пункту, онъ весь обращается во вниманіе, непосредственно напрягается къ привлекающему его предмету и весь сосредоточивается на немъ. Аффекты, то есть возбужденія въ сферѣ ощущеній и чувствованій, желанія, гнѣвъ, ревность, удовольствіе или неудовольствіе, служатъ почвой, на которой развивается непроизвольное вниманіе, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей. Сила, напряженность и продолжительность непроизвольнаго вниманія зависятъ отъ силы, напряженности и продолжительности аффективныхъ состояній. Непроизвольное вниманіе обнаруживается, какъ мы уже видѣли, не только у дѣтей, но и у взрослыхъ людей, даже въ такихъ случаяхъ, когда у послѣднихъ существуетъ вниманіе произвольное.

Мы уже знаемъ, что у очень маленькихъ дѣтей не существуетъ произвольнаго вниманія, но съ развитіемъ психической жизни, когда умственный кругозоръ нѣсколько расширяется, побужденія ко вниманію становятся многочисленнѣе и разнообразнѣе, тогда у нихъ постепенно формируется вниманіе произвольное. Но пока психическая жизнь ребенка остается еще въ эмбріологическомъ (зачаточномъ) состояніи, переходъ мысли отъ одного предмета къ другому опредѣляется только притягательной силой того или другаго предмета или явленія,—онъ обладаетъ лишь вниманіемъ непроизвольнымъ.

До возникновенія цивилизаціи произвольное вниманіе не существовало или проявлялось на очень непродолжительное время. Чувствовался голодъ, и всѣ помыслы дикаря были направлены на то, чтобы его удовлетворить; голодъ прошелъ, и забота о пищѣ забыта, чтобы снова возникнуть съ новымъ голодомъ. Наткнулся дикарь на музыкальный инструментъ, онъ хватаетъ его и начинаетъ играть, но и броситъ его въ ту же минуту, когда другой предметъ отвлечетъ его вниманіе. Кстати замѣтимъ, что трудъ вообще составляетъ самую характерную, самую конкретную форму вниманія. Люди, не умѣющіе сосредоточивать свое вниманіе и управлять имъ, въ большинствѣ случаевъ люди бездѣльные, безпутно, праздно прожигающіе свою жизнь. Вниманіе необходимо, какъ для умственнаго, такъ и для физическаго труда. Дикари отличаются какъ лѣнью къ работѣ физической, такъ и лѣнью мысли. Дикарь со страстью отдается охотѣ, войнѣ, игрѣ; онъ большой любитель всего случайнаго, непредвидѣннаго, неизвѣстнаго, но труда постояннаго онъ не знаетъ или презираетъ его. Даже племена полуцивилизованныя чувствуютъ отвращеніе къ постоянному труду. Такимъ образомъ любовь и привычка къ труду есть уже результатъ извѣстной степени культуры. То же и въ области мысли. Дикари никогда не думаютъ о томъ, что не касается ихъ ближайшихъ матеріальныхъ интересовъ, потребности тѣла или предметовъ ихъ несложной, житейской обстановки. Если какой-нибудь путешественникъ задаетъ дикарю вопросы, выходящіе изъ тѣсной рамки его обыденной жизни, они его обыкновенно такъ утомляютъ, что онъ отказывается отвѣчать; многіе дикари обнаруживаютъ при этомъ даже раздраженіе, жалуются на головную боль,—что служитъ явнымъ признакомъ утомленія отъ непривычнаго умственнаго упражненія, отъ необходимости сосредоточивать свое вниманіе на предметѣ непривычномъ, для нихъ слишкомъ отвлеченномъ.

Произвольное вниманіе состоитъ въ способности удерживать свою мысль на предметахъ непривлекательныхъ, непривычныхъ, отвлеченныхъ и можетъ

быть вызвано лишь насильственно, подъ вліяніемъ воспитанія. Вотъ какъ Рибо опредѣляетъ произвольное вниманіе: „вниманіе произвольное или искусственное есть продуктъ искусства воспитанія, дрессировки, увлеченія чѣмъ либо. Оно привито ко вниманію непроизвольному или естественному и изъ него черпаетъ условія для своего существованія, подобно тому, какъ привитая вѣтвь питается на счетъ ствола растенія". „Какимъ образомъ возникло произвольное вниманіе? Оно возникло въ силу необходимости, подъ давленіемъ потребности и рядомъ съ успѣхами умственнаго развитія. *Это усовершенствованный аппаратъ, продуктъ цивилизаціи.* Тотъ же прогрессъ, который заставилъ человѣка въ нравственномъ строѣ своемъ замѣнить господство инстинктовъ господствомъ интереса или долга, въ строѣ соціальномъ перейти отъ первобытной дикости въ состояніе организованнаго общества, въ строѣ политическомъ—отъ почти абсолютнаго индивидуализма къ образованію государства,—тотъ же прогрессъ въ области умственнаго развитія заставилъ человѣка перейти отъ господства непроизвольнаго вниманія къ господству вниманія произвольнаго. Послѣднее служитъ одновременно слѣдствіемъ и причиною цивилизаціи".

Въ основѣ непроизвольнаго вниманія лежатъ лишь аффективныя состоянія, а также притягательныя или отталкивательныя стремленія; причины произвольнаго вниманія тѣ же, но несравненно болѣе сложнаго характера, къ тому же оно требуетъ непремѣнно усилія. Кромѣ усилія, необходимаго для произвольнаго вниманія, что впослѣдствіи становится привычкой, также существенно важны и побужденія.

Задача развитія вниманія—создавать и укрѣплять побужденія характера нравственнаго и облагораживающаго и подавлять побужденія характера суетнаго, эгоистическаго и безнравственнаго. Въ дѣвочкѣ можно развить вниманіе къ пошлымъ развлеченіямъ и нарядамъ, къ пустой легкомысленной жизни. Сдѣлавшись взрослой, она исключительно будетъ отдавать свое вниманіе интересамъ узкой, эгоистической жизни, будетъ искать удовлетворенія лишь личнымъ стремленіямъ. Нравственныя, облагораживающія и интеллектуальныя побужденія и интересы создаются и крѣпнутъ тогда, когда къ развитію ихъ прилагали большее или меньшее усердіе, когда воспитатели заботились объ этомъ съ ранняго возраста своихъ дѣтей. Если этого не было, въ питомцѣ не будетъ и нравственныхъ побужденій для сосредоточенія вниманія на предметахъ общественнаго интереса, и вмѣсто этого вниманіе будетъ направлено къ интересамъ мелкимъ, узкимъ и эгоистичнымъ.

Вниманіе произвольное вообще можетъ быть результатомъ правильнаго воспитанія, развивается медленно и постепенно, совершенствуется вмѣстѣ съ совершенствованіемъ другихъ душевныхъ силъ ребенка. Вызвать его, когда вздумается, невозможно, особенно если въ ребенкѣ не развитъ интересъ къ предмету, къ которому хотятъ приковать его вниманіе. Приказать быть внимательнымъ не имѣетъ смысла; упросить, умолить, убѣдить обратить вниманіе на то или другое возможно лишь на нѣсколько минутъ. Если вашъ урокъ ребенокъ плохо слушаетъ, если въ это время онъ обнаруживаетъ разсѣянность, вамъ слѣдуетъ прежде всего узнать, интересуетъ-ли его предметъ, который вы ему излагаете, достаточно ли понятенъ онъ для него, заложены ли въ немъ вообще побужденія къ устремленію вниманія на предметы характера интеллектуальнаго, достаточно ли умственно развитъ онъ для подобныхъ занятій, достаточно ли живо и толково вы излагаете ему то, что ему приходится слушать. Ребенокъ не можетъ оторвать вниманія отъ привлекательной шалости и устремить его на неинтересный и непривлекательный для него урокъ. Что

же слѣдуетъ дѣлать, чтобы направить вниманіе въ должную сторону? „Желая привлечь вниманіе къ извѣстному кругу явленій", говоритъ г. Каптеревъ, въ своемъ въ высшей степени интереснома и оригинальномъ этюдѣ о вниманіи: „нужно разсчитывать на ту притягательную силу, которую могутъ оказать предметы этого круга, нужно представить ихъ съ выгодной, эффектной стороны, нужно отыскать въ нихъ такія свойства, которыя немного поражали бы, заинтересовывали. Собравъ извѣстное количество такихъ привлекательныхъ впечатлѣній отъ новыхъ предметовъ, слѣдуетъ связать ихъ вмѣстѣ, соединить въ одну группу, которая и будетъ уже сама по себѣ владѣть нѣкоторой силой, побуждающей ко вниманію въ данномъ направленіи. Сила этой группы постепенно будетъ увеличиваться новыми впечатлѣніями, пока, наконецъ, она не возрастетъ до того, что будетъ поддерживать и обусловливать вниманіе въ сферѣ данныхъ предметовъ. Нѣсколько такихъ частныхъ направленій вниманія, связанныхъ между собою, образуютъ общую почву для особаго вида вниманія и мышленія, которое называется любовью къ научнымъ занятіямъ. Невозможно направить вниманія въ новую сторону, отклонить его отъ обычныхъ путей и предметовъ, не создавъ въ сознаніи новыхъ притягательныхъ центровъ путемъ соотвѣтственныхъ сильныхъ впечатлѣній на непроизвольное вниманіе". („Педагогическій Сборникъ", 1889 г., Іюль и Августъ). Между тѣмъ многіе педагоги, чтобы вызвать вниманіе, прибѣгаютъ къ средствамъ антипедагогическимъ и дѣйствующимъ нерѣдко парализующимъ образомъ на вниманіе. „Не повторишь того, что разсказываю,—въ уголъ поставлю, а то и безъ обѣда оставлю", или въ противномъ случаѣ обѣщаютъ награду. Если ребенокъ сосредоточиваетъ вниманіе на предметѣ для полученія награды или изъ страха наказанія, впечатлѣніе отъ объясняемаго будетъ слабо, поверхностно, а то и совсѣмъ не оставитъ по себѣ никакого слѣда; наконецъ, только тогда вниманіе къ предмету дѣйствительно цѣнно, когда оно вызвано любознательностью и безкорыстнымъ интересомъ къ нему, а не соображеніями личнаго эгоистическаго характера. Къ тому же при угрозахъ и ожиданіи награды внутренняя сила вниманія не возрастаетъ, а уменьшается, такъ какъ привлекательность наградъ и страхъ наказанія болѣе вызываютъ вниманіе ребенка, чѣмъ самый предметъ. Награды и угрозы плохи и сами по себѣ уже потому, что волнуютъ, подавляютъ или угнетаютъ ребенка, а слѣдовательно такъ или иначе отвлекаютъ вниманіе отъ того предмета, къ которому оно должно быть направлено. Наконецъ, всякія награды за добродѣтель, всякія наказанія за оплошность и непослушаніе сами по себѣ деморализируютъ ребенка, оскверняя и развращая его чистую душу продажностью, подкупомъ и прививая къ нему чувство рабскаго страха.

Если ребенокъ воспитывался и развивался при болѣе или менѣе нормальныхъ условіямъ, то къ 12—13-ти лѣтамъ его вниманіе вызывается и поддерживается привычкой: равномѣрное развитіе умственныхъ и душевныхъ силъ вызвали любознательность, интересъ къ окружающему міру, и вниманіе сдѣлалось у него второю натурою. У субъектовъ, не поддающихся воспитанію, произвольное вниманіе является рѣдко, періодически, урывками и не можетъ войти въ привычку.

Животное достигаетъ произвольнаго вниманія точно также подъ вліяніемъ воспитанія, дрессировки, но для воздѣйствія на него воспитатель располагаетъ несравненно меньшимъ количествомъ средствъ, чѣмъ при воспитаніи человѣка. Онъ дѣйствуетъ на него наказаніями, розгами, палками, побоями, лишеніемъ пищи. Очень важно замѣтить, что даже наиболѣе искусные дрессировщики животныхъ пришли къ убѣжденію, что мѣры кротости и

ласки несравненно болѣе дѣйствительны, чѣмъ угрозы, проявленіе гнѣва и наказанія. Но какъ бы то ни было, съ помощью искусственныхъ средствъ, то есть извѣстнаго воспитанія, и животное становится внимательнымъ, и оно въ концѣ концовъ пріобрѣтаетъ привычку къ вниманію, тѣмъ болѣе воспитаніе оказываетъ вліяніе на человѣка. Какъ среди людей, такъ и среди животныхъ есть способные и менѣе способные къ воспитанію. Опытные дрессировщики отличаютъ годную для выучки обезьяну по степени вниманія, обнаруживаемаго ею на первыхъ урокахъ. Если въ то время, когда говорятъ съ обезьяной или объясняютъ ей что либо, вниманіе ея легко развлекается мухой, сидящей на стѣнѣ, или какимъ нибудь другимъ пустякомъ, то такое животное считается безнадежнымъ въ смыслѣ дрессировки.

На степень вниманія человѣка, какъ мы уже знаемъ, вліяніе оказываютъ всѣ его душевныя силы, и потому въ первые годы жизни ребенка, пока онъ еще не вполнѣ владѣетъ языкомъ, вниманіе (непроизвольное), проявляемое имъ къ окружающимъ предметамъ, показываетъ степень его психическаго развитія.

Упражненіе вниманія у дѣтей начинается очень рано. Предметы и явленія окружающаго міра, дѣйствуя на органы внѣшнихъ чувствъ, производятъ разнообразныя впечатлѣнія. Вниманіе, отдаваемое ребенкомъ своимъ *ощущеніямъ*, становится съ каждымъ днемъ все болѣе сильнымъ, и предъ нимъ *все* болѣе расширяется область предметовъ, на которой онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе. Приблизительно въ возрастѣ полуторамѣсячномъ ребенку доставляетъ видимое удовольствіе сосаніе груди. Онъ отъ времени до времени перестаетъ сосать и точно прислушивается къ шуму, производимому глотаніемъ молока,—это уже признакъ вниманія. Но вотъ онъ опять принимается сосать; блестящіе отъ удовольствія глазки дѣлаются постепенно неподвижными, физіономія принимаетъ видъ полнаго удовлетворенія, вѣки постепенно закрываются,—онъ засыпаетъ. Если въ то время, когда ребенокъ сосетъ грудь съ наслажденіемъ, ему даютъ рожокъ съ тепловатой, подслащенной водой, онъ въ первую минуту охотно сосетъ, но затѣмъ выпускаетъ его изо рта, а нерѣдко, наморщивъ брови и сжавъ губы, испускаетъ пронзительный крикъ,—признакъ неудовольствія на перемѣну пищи, свидѣтельствующій о его вниманіи, обращенномъ на дѣятельность вкуса. По достиженіи ребенкомъ двухъ-трехмѣсячнаго возраста одни предметы поражаютъ его красками, другіе своими формами, третьи—свойственными имъ движеніями.

Энергія и сила проявляемаго дѣтьми вниманія соразмѣрна съ живостью ихъ темперамента и съ живостью испытываемыхъ имъ ощущеній. Иногда дѣти уже въ три мѣсяца очень внимательны къ малѣйшему шуму, происходящему въ комнатѣ, къ разнообразнымъ звукамъ голоса, обнаруживаютъ живѣйшую радость при видѣ различныхъ цвѣтовъ; другія же и въ шесть мѣсяцевъ едва повертываютъ голову при сильномъ, внезапномъ и рѣзкомъ звукѣ колокольчика, останавливаютъ вниманіе на одномъ, много на двухъ яркихъ цвѣтахъ. На развитіе внѣшнихъ органовъ чувствъ такого лимфатическаго дитяти слѣдуетъ обратить особенное вниманіе: правильно развивая его органы чувствъ, воспитатель въ то же время содѣйствуетъ и правильному развитію его вниманія.

Ребенокъ упражняетъ свое вниманіе также при помощи различныхъ игръ. Полугодовалому ребенку для забавы уже даютъ въ руки мячикъ, кольцо, небольшія резиновыя и легкія деревянныя игрушки различной формы, онъ постукиваетъ ими по столу, возитъ ихъ, катаетъ, бросаетъ на полъ. Одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ ребенка въ этотъ возрастъ—

повторять одну и ту же забаву съ игрушкой, одно и тоже движеніе безчисленное число разъ. Ребенокъ, наблюдаемый Прейеромъ, 79 разъ сряду открывалъ и закрывалъ крышку кружки, ни на минуту не останавливаясь. Во время такой забавы или точнѣе сказать упражненія вниманія, для ребенка необходима возможность сосредоточиться. Ему нужно предоставить въ это время совершенное спокойствіе и совсѣмъ не вмѣшиваться въ его дѣятельность. Мать можетъ быть при этомъ лишь объективнымъ наблюдателемъ и въ случаѣ необходимости (когда нужно поднимать игрушку) быть пассивною его помощницею. Особенно вредно, если мать, чтобы поразнообразить занятіе ребенка, замѣняетъ одну игрушку другою. Пусть ребенокъ играетъ однимъ и тѣмъ же, пока ему играется, пока это занимаетъ его. Эта забава съ однимъ и тѣмъ же предметомъ, повтореніе надъ нимъ одной и той же операціи множество разъ даетъ ребенку самыя разнообразныя впечатлѣнія, заставляетъ его изучать предметъ съ разныхъ сторонъ. Не смотря на повтореніе одной и той же манипуляціи, ребенокъ продѣлываетъ ее каждый разъ при нѣсколько иныхъ условіяхъ: онъ ударяетъ игрушкой о столъ, то совсѣмъ близко передъ своими глазами и ушами, то дальше, переворачиваетъ игрушку, то одной, то другой стороной, роняетъ ее на полъ, бросая то подниметъ выше свою руку, то опускаетъ ее ниже, то подается всѣмъ корпусомъ впередъ, то откидывается назадъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ разнообразныхъ движеній, отъ различнаго положенія тѣла, отъ той или другой силы удара предмета, отъ извѣстной степени высоты, съ которой ребенокъ бросаетъ предметъ,—послѣдній принимаетъ различную форму, даетъ неодинаковый звукъ. Такимъ образомъ при одной и той же забавѣ у ребенка получается отъ предмета самое разнообразное и самое разностороннее впечатлѣніе. Изъ сказаннаго ясно, что воспитатель не мѣшать долженъ ребенку въ его первоначальныхъ самостоятельныхъ наблюденіяхъ, а помогать ему производить ихъ почаще. Мѣшать ребенку въ этихъ первыхъ его наблюденіяхъ надъ предметами значитъ искусственно прививать къ нему разсѣянность, препятствовать разностороннему изученію предмета. Вообще очень полезно для правильнаго развитія вниманія давать возможность маленькимъ дѣтямъ почаще самостоятельно играть. Вы усаживаете ребенка въ кроватку, даете ему какую нибудь подходящую для его возраста игрушку, а сами садитесь здѣсь же, гдѣ нибудь въ сторонкѣ. Если ребенокъ начинаетъ плакать и бросаетъ игрушку, покажите ему, какъ можно съ нею позабавиться, какіе можно извлечь изъ нея звуки, какъ можно ее двигать, катать, и затѣмъ опять отойдите въ сторонку: его капризъ иногда исключительно зависитъ оттого, что онъ не знаетъ, какъ взяться за игрушку, какъ съ нею позабавиться. Только въ такомъ случаѣ перемѣните игрушку, когда ребенокъ выказываетъ рѣшительное нежеланіе играть съ нею. Заодно перемѣните его положеніе, поносите его на рукахъ по комнатѣ, но и при этомъ должно придерживаться той же системы: ребенокъ обращаетъ вниманіе на какой нибудь предметъ, устремляетъ на него свои глаза,—пусть смотритъ, пока ему не надоѣстъ это: воспитатель не долженъ мѣшать его наблюдательности и его самостоятельному упражненію вниманія.

Безусловно вредно для ребенка и развиваетъ разсѣянность—частая смѣна впечатлѣній. Это неподходящее условіе для развитія вниманія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и для всего склада характера ребенка; создается этотъ недостатокъ преимущественно страстью родителей окружать дѣтей массою разнообразныхъ игрушекъ, что заставляетъ ребенка безпрестанно смѣнять одно занятіе другимъ, мѣшаетъ сосредоточивать вниманіе на томъ, что его занимаетъ,—все это развиваетъ въ дѣтяхъ непостоянство, требовательность и капризы.

Не слѣдуетъ однако смѣшивать однообразіе и простоту игрушекъ съ лишеніемъ ребенка предметовъ, необходимыхъ для упражненія всѣхъ его органовъ чувствъ: послѣднее вредно отражается на всемъ развитіи. Мы знали ребенка двухъ съ половиною лѣтъ, совершенно здороваго, который, кромѣ краснаго и зеленаго, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на другіе цвѣта, который кромѣ звука колокольчика и свиста былъ равнодушенъ ко всякому другому шуму и звуку. Это былъ сынъ переплетчика: онъ родился и жилъ до двухъ съ половиною лѣтъ въ комнатѣ, смежной съ мастерской, и привыкъ ко всевозможному шуму, гаму и крику мастеровыхъ. Докторъ, призванный во время его болѣзни, случайно обратилъ вниманіе на эти недостатки, заставилъ перевести ребенка въ другое помѣщеніе, а чтобы убѣдиться, не страдаетъ ли онъ дальтонизмомъ (слѣпотою къ нѣкоторымъ цвѣтамъ) посовѣтовалъ родителямъ пріобрѣсти разноцвѣтные кубики и мячики и упражнять его въ распознаваніи цвѣтовъ, указалъ и упражненія для различенія звуковъ. Ребенокъ скоро выучился отличать одинъ цвѣтъ отъ другаго и послѣ того сталъ останавливать свое вниманіе на цвѣтахъ въ окружающихъ его предметахъ въ природѣ и въ домашней обстановкѣ.

Въ случаѣ недостатка вниманія или несоразмѣрности его съ возрастомъ ребенка слѣдуетъ усиливать какъ внѣшнія впечатлѣнія, такъ и дѣятельность способностей представленія. Для этого прежде всего необходимо направлять вниманіе ребенка на предметы, къ которымъ онъ остается равнодушнымъ. Ребенокъ уже въ полтора, два года не долженъ оставлять безъ вниманія птички, которая прилетаетъ клевать крошки къ его столу, котятъ, играющихъ на полу, рыбы, плавающей у берега рѣки, не долженъ быть равнодушенъ къ разнообразнымъ звукамъ въ природѣ и въ мірѣ животныхъ. Воспитатель долженъ обращать вниманіе ребенка на всѣ окружающія явленія, что помогаетъ правильному развитію органовъ чувствъ, дѣлаетъ ребенка наблюдательнымъ, даетъ прочный матеріалъ для здоровыхъ побужденій вниманія, сообщаетъ ему внутреннюю силу, а вмѣстѣ съ этимъ вызываетъ къ развитію и жизни другія психическія силы.

Воспитателя не должно безпокоить то обстоятельство, что вниманіе маленькаго ребенка приходится привлекать на предметы и явленія, не имѣющія между собою повидимому особенной связи. Но иначе и быть не можетъ: всѣ объясненія и разсказы, которыя вы даете ребенку, наблюденія, которыя вы пріучаете его дѣлать до школьнаго возраста, очень часто имѣютъ между собою лишь чисто внѣшнюю или случайную связь. Но когда въ головѣ ребенка улягутся впечатлѣнія внѣшняго міра, когда въ его умственномъ багажѣ будетъ скоплено уже цѣлая группа представленій, они не будутъ носить характеръ безпорядочности, отрывочности и разбросанности, а, напротивъ, будутъ тѣсно связаны между собою.—Впечатлѣнія внѣшняго міра, привлекающія вниманіе маленькаго ребенка, носятъ характеръ повторныхъ (повторяемыхъ) возбужденій, но это то и даетъ возможность ребенку выработать произвольное вниманіе, а также вполнѣ ясно и отчетливо составлять представленія объ окружающихъ его предметахъ и явленіяхъ природы. При болѣе или менѣе однообразной житейской обстановкѣ, при которой живетъ большинство семействъ, тѣ же предметы и явленія, которые окружаютъ ребенка сегодня, онъ будетъ видѣть и завтра; но сегодня они новы для него одними своими сторонами, завтра другими. Сегодня ребенокъ остановилъ свое вниманіе на томъ, что курица, бѣгая по сжатому полю, разгребаетъ землю, зерна ищетъ, завтра онъ будетъ свидѣтелемъ, какъ она, замѣтивъ въ облакахъ коршуна, бѣгаетъ, суетится, клохчетъ, дѣтей сзываетъ, чтобы спасти

ихъ отъ врага; затѣмъ другая, третья, четвертая картина изъ жизни той же курицы, кошки, собаки, лошади, бѣлки, прирученной дома, изъ жизни растеній, насѣкомыхъ дадутъ ребенку возможность составить о нихъ живое, всестороннее представленіе, что въ свою очередь вызываетъ дальнѣйшій интересъ къ предмету, а вмѣстѣ съ этимъ все сильнѣе возбуждаетъ и приковываетъ къ нимъ вниманіе. Заинтересовать человѣка, пробудить въ немъ вниманіе, вызвать впослѣдствіи серьезную умственную работу могутъ только тѣ предметы, которые не чужды его сознанію, въ которыхъ есть знакомыя ему стороны, интересовавшія его прежде. Скопленный умственный матеріалъ постепенно сортируется самъ собою, связь впечатлѣній становится все тѣснѣе и тѣснѣе, представленія дѣлаются болѣе яркими и выпуклыми. Юноша съ наибольшею пользою и любовью занимается тою отраслью знанія, къ элементарнымъ явленіямъ которой уже въ отроческіе годы былъ возбужденъ у него интересъ.

При развитіи вниманія нужно придерживаться тѣхъ же педагогическихъ правилъ и принциповъ, какъ и при воспитаніи другихъ душевныхъ силъ ребенка.

Чтобы развить вниманіе, необходимо выработать въ себѣ умѣнье устранять несоотвѣтствующія предмету вниманія мысли, чувства и движенія. Если голова занята чѣмъ нибудь постороннимъ, ребенокъ не можетъ быть внимателенъ, и умѣнье легко и быстро устранять неподходящія мысли и чувства весьма существенно. Пока дѣти не привыкли дѣлать этого сами, воспитатели должны устранять все, что мѣшаетъ имъ сосредоточивать вниманіе, что ихъ *безпокоитъ*, волнуетъ. Если съ ребенкомъ что нибудь случилось, если что либо взволновало его, пока волненіе въ немъ не уляжется, его слѣдуетъ освободить отъ занятій и постараться развлечь прогулкой, игрой, забавой или какою нибудь легкою, пріятною для него механическою работою. Въ воспитаніи вниманія весьма важную роль играютъ побужденія. Вполнѣ ясными и опредѣленными побужденіями могутъ руководиться лишь взрослые люди: они дѣлаютъ или изучаютъ то или другое во имя собственнаго или общественнаго блага, но у ребенка не могутъ еще выработаться вполнѣ опредѣленныя побужденія, тѣмъ болѣе характера общественнаго. Онъ старается быть внимательнымъ, чтобы доставить удовольствіе родителямъ, передавъ имъ все слышанное и видѣнное, а также вслѣдствіе привычки дѣлиться съ ними всѣми мыслями и изъ любви къ нимъ. Но этого еще весьма недостаточно: рука объ руку съ этими нравственными мотивами вызывать вниманіе ребенка долженъ интересъ къ предмету.

Вниманіе по своему характеру и степени можетъ быть различно: чѣмъ оно напряженнѣе и продолжительнѣе, тѣмъ оно совершеннѣе. Человѣкъ, умѣющій управлять своимъ вниманіемъ и напрягать его наиболѣе продолжительно, въ то же время обладаетъ необыкновенною настойчивостью характера и силою воли. Для того, чтобы выработать въ ребенкѣ разумную и полезную настойчивость, его слѣдуетъ пріучать къ послѣдовательности въ дѣйствіяхъ и къ выполненію своихъ маленькихъ обязанностей относительно окружающихъ: только въ такомъ случаѣ онъ будетъ думать и дѣйствовать послѣдовательно. Настойчивость есть противуположность легкомыслія и поверхностности, одна изъ наиболѣе существенныхъ характерныхъ качествъ силы воли. Чѣмъ устойчивѣе становится воля человѣка, тѣмъ легче справляется онъ съ своими душевными силами, а слѣдовательно легко можетъ овладѣть и вниманіемъ. Человѣкъ непостоянный, безхарактерный, съ величайшимъ трудомъ сдерживающій душевныя движенія, въ то же время лишь съ большимъ усиліемъ сосредоточивать свое вниманіе.

Вниманіе — процессъ въ высшей степени сложный и трудный, требующій весьма напряженнаго состоянія физическихъ и умственныхъ силъ. Напряженное состояніе быстро утомляетъ взрослаго человѣка, а тѣмъ болѣе ребенка, который при малѣйшемъ усиліи мозга вообще быстро изнемогаетъ. Вниманіе дѣтей до 5—6-ти лѣтъ нельзя безнаказанно напрягать болѣе 8—10-ти минутъ сряду. Если вниманіе — одна изъ важнѣйшихъ душевныхъ силъ и совершенствованіе ея имѣетъ громадное значеніе для всего умственнаго и нравственнаго склада ребенка, то слѣдуетъ употреблять всѣ усилія, чтобы не переутомлять мозга. Переутомленіе ведетъ не только къ ослабленію вниманія, но и къ разстройству здоровья. Въ нашихъ школахъ слишкомъ злоупотребляютъ вниманіемъ ребенка и напрягаютъ его несравненно болѣе, чѣмъ это возможно, а это ведетъ къ тому, что вниманіе нашихъ дѣтей мало развито и весьма медленно совершенствуется. Требовать отъ ребенка продолжительнаго напряженія вниманія значитъ истощать его организмъ и періодически задерживать развитіе вниманія. Одна изъ важнѣйшихъ задачъ воспитанія вниманія—увеличить его интенсивность, уменьшая продолжительность занятій, что въ концѣ концовъ мѣшаетъ ребенку формально относиться къ предмету и не допускаетъ его непроизводительно терять время.

Для того, чтобы совершенствовать вниманіе, необходимо постоянно ослаблять разсѣянность—противоположное вниманію состояніе ума, которое не даетъ возможности болѣе или менѣе долго остановиться надъ чѣмъ бы то ни было, заставляетъ безпрестанно перескакивать съ одного предмета на другой, отъ одной мысли къ другой. Для пріобрѣтенія надлежащаго вниманія, кромѣ умственнаго и нравственнаго развитія и упражненія всѣхъ психическихъ способностей дитяти, о которыхъ мы говорили выше, необходимо имѣть крѣпкіе нервы, спокойное состояніе духа и здоровый организмъ. Кромѣ различныхъ формъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, мозговаго истощенія, являющагося вслѣдствіе различныхъ неправильностей питанія, забота, страхъ, испугъ, тревога, малѣйшее душевное волненіе, самое легкое недомоганіе—ослабляютъ, а то и вовсе притупляютъ вниманіе и усиливаютъ разсѣянность.

Глава IX. Нервность.

Усиленіе нервности и нервныхъ болѣзней во всѣхъ классахъ общества, среди взрослыхъ и дѣтей.—Величайшая опасность отъ этихъ недуговъ для современнаго общества.—Признаки и причины этого явленія.—Наслѣдственность и соціальныя условія.—Типичныя черты характера нервныхъ дѣтей и юношей.—При какихъ обстоятельствахъ воспитаніе вліяетъ на развитіе нервности и нервныхъ болѣзней. — Злоупотребленіе возбуждающими средствами и ихъ пагубное вліяніе на организмъ.—Преждевременное и ненормальное развитіе чувственности.—Чрезмѣрное физическое напряженіе.—Вредъ умственнаго перутомленія.—Однообразіе труда и его вліяніе.—Какой характеръ должно носить воспитаніе, чтобы ослабить вліяніе наслѣдственности и вредныхъ условій соціальной жизни. — Гигіена отдыха.—Правильно организованный трудъ.—Движеніе, какъ одно изъ важнѣйшихъ условій физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія.—Необходимость безмятежнаго сна.—Отъ какого сорта развлеченій должно устранять ребенка.—Охраненіе ребенка отъ душевныхъ потрясеній.—Гибельное вліяніе страха, испуга, гнѣва и горя на кровообращеніе, пищевареніе, дѣятельность сердца и дыханіе, на нервную систему и нравственность. — Вліяніе угрозъ и дурной привычки щекотать ребенка. — Вредъ испуга и страха передъ сномъ. — Какимъ образомъ слѣдуетъ подавлять аффекты и какъ не слѣдуетъ этого дѣлать.—Какъ предохранять дѣтей отъ нервности и нервныхъ заболѣваній.

Какъ бы разумно ни было поставлено физическое, нравственное и умственное воспитаніе, оно только тогда можетъ идти правильно и безъ помѣхи, достигать успѣшныхъ результатовъ, когда нервная система ребенка находится въ совершенномъ порядкѣ. При нервномъ разстройствѣ ребенокъ болѣетъ и тѣломъ, и духомъ, имѣющими между собою самую тѣсную связь. Вслѣдствіе этого охраненіе нервной системы дитяти и укрѣпленіе его нервовъ является величайшею современною задачею воспитанія, должно быть неослабною заботою родителей. Особенно важно имѣть это въ виду именно теперь, когда нервныя и мозговыя болѣзни возрастаютъ въ ужасающей степени, — не даромъ же нашъ вѣкъ называютъ нервнымъ вѣкомъ по преимуществу. И дѣйствительно, разстройства нервной системы преобладаютъ надъ всѣми остальными заболѣваніями. Нервность все болѣе усиливается и представляетъ наиболѣе выдающуюся черту характера современнаго общества.

Усиленіе въ массахъ нервныхъ болѣзней очень трудно опредѣлить точными статистическими данными. Ихъ непомѣрно быстрый ростъ можно наблюдать по постоянно возрастающему количеству преступленій противъ нравственности, самоубійствъ, душевныхъ болѣзней, проституціи, пьянства и все увеличивающемуся употребленію веществъ, возбуждающихъ нервную систему.

Но почему же преступленія противъ нравственности, самоубійства, пьянство—суть результаты нервныхъ болѣзней и идутъ съ ними рука объ руку? Потому, что человѣкъ болѣе или менѣе уравновѣшенный, съ нормально развитою нервною системою, находитъ въ себѣ достаточно силъ, энергіи и стойкости для борьбы съ неблагопріятными житейскими условіями, съ горемъ и

несчастіями; такой человѣкъ найдетъ въ себѣ достаточно силъ для сопротивленія соблазну, искушенію и пороку. Напротивъ люди съ слабою или разстатанною нервною системою недостаточно стойки, сильны и энергичны, чтобы идти по правильной дорогѣ борьбы и труда, которая быстро утомляетъ ихъ слабыя силы или повергаетъ въ отчаяніе, толкая на самоубійство или преступленіе.

Число самоубійствъ чрезвычайно увеличивается въ послѣднее время во всѣхъ государствахъ Европы: во Франціи съ 1827 по 1879 годъ оно увеличилось на 78%; въ Пруссіи съ 1871—1877 гг. на 59%; быстро увеличиваются самоубійства и въ остальныхъ странахъ: въ Англіи, Россіи, Италіи, Бельгіи, Даніи. Въ числѣ самоубійцъ являются и дѣти.

Дѣти въ настоящее время страдаютъ самыми разнообразными формами нервныхъ и душевныхъ разстройствъ. Изъ нервныхъ болѣзней особенно распространены: нервныя головныя боли, конвульсіи, измѣненія и извращенія чувствительности; что касается душевныхъ болѣзней, то нерѣдко встрѣчается извращеніе чувствъ, какъ напр. болѣзненныя и преждевременныя страсти—любовь, ревность, гнѣвъ; немало дѣтей страдаетъ склонностью къ убійству и самоубійству, къ кражѣ, поджогамъ, лжи, меланхоліи, ипохондріи. Нерѣдко эти болѣзни предшествуютъ „бреду преслѣдованія“ (эта форма болѣзни коренится въ обманахъ чувствъ; она выражается тѣмъ, что возбужденный ребенокъ раздраженъ до крайности воображаемыми оскорбленіями: боится товарищей вслѣдствіе убѣжденія, что они на него нажалуются родителямъ и учителямъ, опасается родителей, что они его считаютъ воромъ безъ всякой вины съ его стороны), слабоумію, идіотизму, эпилептическимъ душевнымъ разстройствамъ или настоящему умопомѣшательству,—вообще формы нервныхъ и душевныхъ болѣзней почти такъ же разнообразны у дѣтей, какъ и у взрослыхъ. Морде-Туръ въ своей книгѣ „La folie des enfants“ и Эммингаузъ въ своемъ сочиненіи „Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ“ собрали множество случаевъ проявленія у дѣтей душевныхъ болѣзней. Въ самомъ раннемъ возрастѣ у многихъ дѣтей проявляются преждевременныя страсти, которыя выражаются самымъ бурнымъ образомъ и обнаруживаются страшными пороками, даже преступленіями: ревностью, проявленіемъ половаго инстинкта съ 2—3 лѣтъ, при этомъ изнасилованіемъ и даже убійствомъ изнасилованныхъ жертвъ.

Въ 1883 г., въ Боннѣ, 3-хъ-лѣтній мальчикъ убилъ своего 20-мѣсячнаго брата. Этотъ маленькій убійца страшно ревновалъ свою мать за ласки, которыя она расточала его младшему брату, и когда всѣ изъ дому ушли, онъ нанесъ малюткѣ нѣсколько ударовъ ножемъ.

У большинства дѣтей вообще очень рано проявляется чувство ревности, и нужно всегда это имѣть въ виду при воспитаніи. Единственными средствами для ослабленія этихъ чувствъ могутъ служить справедливость и равенство, съ которыми родители должны относиться ко всѣмъ дѣтямъ безъ различія. Между тѣмъ въ очень многихъ семьяхъ одному ребенку выказываютъ явное предпочтеніе передъ другимъ: ему даютъ лучшіе куски, лакомства, игрушки, сравнительно съ остальными расточаютъ болѣе ласкъ. Все это въ душѣ обдѣленнаго ребенка возбуждаетъ цѣлую бурю страстей и самыхъ дикихъ животныхъ инстинктовъ. Такая система ведетъ къ печальнымъ результатамъ, особенно дѣтей, наклонныхъ къ душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ.

Но не одна ревность принимаетъ преступный, ужасающій характеръ. Вотъ исторія 5-лѣтняго убійцы, сообщенная въ засѣданіи медико-психологическаго общества въ Парижѣ въ 1882 г.: мальчикъ очень рано началъ зани-

маться онанизмомъ, при всякомъ случаѣ обижалъ маленькихъ дѣтей, равнодушно убивалъ животныхъ и наносилъ имъ раны. Увидавъ однажды, что младшій его братъ упалъ и расшибъ себѣ носъ, вызвавъ этимъ кровотеченіе, ему еще разъ захотѣлось видѣть туже самую картину: при этомъ, что видно было изъ его разсказовъ, ему особенное наслажденіе доставляло кровотеченіе. Когда мать вышла изъ комнаты, онъ сбросилъ брата со стула, головой внизъ, и причинилъ ему обильное кровотеченіе носомъ. Въ концѣ концовъ мать отправила его въ больницу. Онъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отвѣчалъ на всѣ вопросы: „мнѣ очень нравится, когда кровь течетъ... я очень люблю это видѣть“.

Вообще нужно замѣтить, что въ данное время все болѣе увеличивается группа дѣтей, представляющая случаи психическаго вырожденія; это сказывается влеченіемъ дѣтей къ выполненію самыхъ преступныхъ, безобразныхъ, пошлыхъ животныхъ дѣйствій. Прежде чѣмъ болѣзнь рѣзко и отчетливо проявитъ себя тѣми или другими симптомами, дѣти начинаютъ обнаруживать индиферентизмъ къ окружающему, проявляютъ душевную холодность, равнодушно смотрятъ на болѣзни и страданія близкихъ людей и животныхъ, выказываютъ склонность къ зрѣлищамъ и поступкамъ звѣрскаго характера: такія дѣти, вслѣдствіе гнѣвной вспышки, а иногда и безъ всякой видимой причины, не задумываются швырнуть чѣмъ попало въ животныхъ и людей, наносятъ раны перочиннымъ ножемъ, если товарищъ имъ противорѣчитъ, и скорѣе другихъ начинаютъ заниматься онанизмомъ. Чѣмъ менѣе правильно и благоразумно воспитаніе, тѣмъ легче вызываетъ оно въ такихъ дѣтяхъ проявленіе ихъ чудовищныхъ и болѣзненныхъ инстинктовъ и стремленій, и чѣмъ правильнѣе оно, тѣмъ сильнѣе ослабляетъ ихъ. Воспитатели особенно зорко должны слѣдить за тѣмъ, чтобы такія дѣти никому не наносили вреда и боли, не мучили животныхъ. У такихъ дѣтей, преимущественно передъ остальными, воспитатели обязаны расширять область привязанностей, возбуждать интересъ не къ крови и звѣрскимъ зрѣлищамъ, а къ природѣ и людямъ, развивать эстетическое чувство, которое особенно облагораживаетъ сердце.

Галлюцинаціи слуха и зрѣнія у дѣтей, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, носятъ характеръ жестокій, устрашающій, тогда какъ у людей взрослыхъ онѣ обыкновенно бываютъ веселаго свойства: дѣтямъ въ такихъ случаяхъ угрожаютъ мертвецы, черные или красные черти, которые стараются схватить ихъ за горло, или люди, вооруженные страшными орудіями, которые стремятся измучить ихъ самымъ мучительнымъ образомъ. Угрозы, суровыя наказанія, чтенія и разсказы о страшныхъ мертвецахъ, чертяхъ и старикахъ гибельно отзываются на дѣтяхъ вообще и особенно предрасположенныхъ къ нервнымъ и душевнымъ разстройствамъ.

Но что особенно печально въ настоящее время и болѣе всего характеризуетъ нашъ нервный вѣкъ, это постоянно возростающее количество дѣтей-самоубійцъ: ребенокъ 10 лѣтъ получаетъ нѣсколько дурныхъ отмѣтокъ и бросается на рельсы желѣзной дороги, чтобы покончить съ жизнью; ребенокъ 11 лѣтъ, которому надоѣло посѣщать школу, вонзаетъ въ бокъ кухонный ножъ. Дѣти, четырехъ, пяти лѣтъ, удрученныя дурнымъ обращеніемъ кого-нибудь изъ родителей, кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Немало случаевъ и такихъ, гдѣ дѣти кончаютъ самоубійствомъ потому только, что на нихъ сильно подѣйствовалъ разсказъ о самоубійствѣ того или другаго лица, или потому, что они были случайными свидѣтелями самоубійства.

Конечно, во всѣхъ подобныхъ болѣзненныхъ проявленіяхъ немаловажную роль играетъ наслѣдственность, но, повторяемъ, столько же виновато и воспитаніе. Воспитатели должны всегда имѣть въ виду, что у всѣхъ дѣтей, сравни-

тельно со взрослыми, вообще сильно развита фантазія; мы хотимъ этимъ напомнить, что дѣти обладаютъ способностью усиливать всѣ представленія. Событія, излагаемыя въ сказкахъ и разсказахъ, ребенокъ буквально переживаетъ всѣмъ своимъ существомъ, на него все производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на взрослаго: и зрѣлище въ театрѣ, циркѣ, и уличная сцена, и съ этою способностью дѣтей къ повышенной фантазіи воспитатели должны считаться.

Если нервныя и психическія разстройства дѣтей принимаютъ въ настоящее время такія тяжелыя формы, то у взрослыхъ они проявляются, конечно, несравненно чаще. Рука объ руку съ глубокимъ разстройствомъ нервной системы усиливается и общая нервность въ настроеніи общества, что преимущественно выражается раздражительностью, ненормальною живостью или, наоборотъ, неестественною апатіею и вялостью, нерѣдко развинченностью всего существа, поверхностностью и мимолетностью впечатлѣній и представленій, недостаткомъ выдержки, невозможностью сдерживать аффекты, недостаточностью и неосновательностью мотивировки странныхъ, дикихъ и дурныхъ поступковъ, отсутствіемъ строгой логики, постояннымъ недомоганіемъ, какою-то тоскою и тревогою, ослабленіемъ воли и энергіи, нерѣшительностью, подавленнымъ настроеніемъ духа, ослабленіемъ памяти. Чѣмъ долѣе *длится* такое состояніе, тѣмъ болѣе мрачную, пессимистическую окраску принимаетъ *жизнь* и все окружающее, пока оно не переходитъ въ полный индиферентизмъ ко всему, что для человѣка еще недавно было такъ свято и дорого, или къ полному отчаянію, доводящему до самоубійства. При такомъ тяжеломъ состояніи у большинства является еще болѣзненный страхъ, боязнь чего-то страшнаго, роковаго: человѣкъ возвращается домой, и у него вдругъ является мысль, которая съ каждою минутой переходитъ въ увѣренность, что онъ всѣхъ близкихъ найдетъ мертвыми, что безъ него произошелъ пожаръ, что его ждетъ какое-нибудь несчастье.

Спокойная, тихая, опредѣленная и разъ навсегда установившаяся жизнь нашихъ предковъ теперь замѣнилась порывистымъ, лихорадочнымъ движеніемъ впередъ, какою то болѣзненною, томительною душевною тревогою и общимъ недовольствомъ, обуявшимъ всѣ классы общества. Недовольство, тревога, удручающее душевное настроеніе, чрезмѣрное напряженіе физическихъ и особенно умственныхъ силъ, вѣчная лихорадочная жизнь и житейская сутолока болѣе всего, разумѣется, вызываютъ нервныя болѣзни. Съ перваго взгляда особенно поражаетъ то, что недовольство усиливается въ обществѣ въ то время, когда прогрессъ въ области наукъ, искусствъ, техники, торговли и величайшихъ открытій далъ возможность подчинить себѣ силы природы, преодолѣть время и пространство, когда онъ до небывалыхъ размѣровъ увеличилъ житейскій комфортъ и жизненныя удобства. Вмѣстѣ съ прогрессомъ матеріальнымъ быстро двигается впередъ и духовный прогрессъ: высшее образованіе дѣлается доступнымъ все большему кругу людей, гуманные взгляды становятся достояніемъ культурнаго общества. Отчего же общество не наслаждается плодами цивилизаціи, отчего недовольство и тревога распространяются все болѣе среди образованныхъ классовъ? Можно смѣло отвѣтить, что причина этого преимущественно лежитъ въ чрезмѣрномъ увеличеніи въ массахъ, и особенно среди культурнаго общества, нервныхъ болѣзней и нервнаго настроенія вообще. Что за причина такого явленія?

Здоровье и счастье человѣка зависятъ отъ трехъ главныхъ причинъ: отъ нормальной *организаціи*, отъ благопріятныхъ *экономическихъ и соціальныхъ условій*, среди которыхъ живетъ человѣкъ, и отъ *правильнаго воспитанія*.

Мы уже знаемъ, что, въ силу закона наслѣдственности, потомкамъ передаются какъ физическія, такъ и духовныя особенности. Законъ наслѣдственности съ особенною силою дѣйствуетъ при передачѣ потомству нервной организаціи. Нужно однако помнить, что новорожденный младенецъ представляетъ изъ себя не что либо законченное, а только зарожденіе унаслѣдованныхъ, неразвитыхъ особенностей. Слѣдовательно, отъ нервныхъ родителей ребенокъ наслѣдуетъ обыкновенно лишь предрасположеніе къ нервнымъ заболѣваніямъ, которыя въ моментъ его рожденія находятся въ зачаточномъ состояніи, и лишь съ теченіемъ времени, при благопріятныхъ условіяхъ, достигаютъ полнаго своего развитія. Нерѣдко, однако, нервные родители и совсѣмъ не передаютъ своимъ дѣтямъ предрасположенія къ нервнымъ заболѣваніямъ, или оно можетъ перейти лишь къ внукамъ и правнукамъ. Такимъ образомъ предрасположеніе къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ не всегда переходитъ къ прямымъ наслѣдникамъ, а въ случаѣ такого несчастія оно можетъ быть настолько ослаблено правильнымъ воспитаніемъ и хорошими условіями жизни, что впослѣдствіи можетъ вовсе не играть въ жизни человѣка роковой, подавляющей роли. Если человѣкъ наслѣдуетъ отъ своихъ родителей предрасположеніе къ нервнымъ заболѣваніямъ, болѣзнь эта обнаруживается лишь въ томъ случаѣ, когда ея разцвѣту содѣйствуютъ благопріятныя условія, изъ которыхъ самыми важными можно считать испугъ, часто испытываемый страхъ, горе и различныя душевныя потрясенія, а также преждевременное непосильное или черезъ чуръ продолжительное напряженіе физическихъ или умственныхъ силъ.

Въ то время, какъ чисто физическія особенности и болѣзни передаются потомкамъ обыкновенно въ томъ же видѣ (сынъ подагрика-отца, если только онъ унаслѣдовалъ его физическія особенности, можетъ заболѣть нерѣдко подагрою, чаще всего даже въ томъ же возрастѣ, какъ и его отецъ), нервныя болѣзни передаются дальнѣйшимъ поколѣніямъ очень часто въ совсѣмъ иной формѣ, чѣмъ онѣ были у родителей. Какова бы ни была форма нервной болѣзни родителей, но если они передаютъ по наслѣдству предрасположеніе къ ней своему ребенку, при благопріятныхъ условіяхъ для развитія нервности, она выражается то падучею, то невралгіей, или какою либо совсѣмъ другою формою нервной болѣзни, но въ большинствѣ случаевъ не тою, какою страдали родители. Красивая и умственно развитая дѣвушка, отецъ которой страдалъ тупоуміемъ, а мать помѣшательствомъ, умерла 22 лѣтъ, въ возрастѣ, въ которомъ заболѣла и ея мать, но отъ острaго воспаленія мозговыхъ оболочекъ. Для подтвержденія означенной мысли можно привести много примѣровъ.

Особенно сильную роль играетъ наслѣдственность при нервности *обоихъ* родителей, что встрѣчается очень часто, такъ какъ что-то въ родѣ безсознательной симпатіи, по словамъ Кюллера, влечетъ нервныхъ людей другъ къ другу. „Крайняя чувствительность этихъ личностей, ихъ пылкое воображеніе, неудержимое влеченіе къ неизвѣстому, къ идеалу отдаляетъ ихъ отъ обыкновенныхъ здоровыхъ людей. Напротивъ, рѣзкія особенности ихъ темперамента, проявляющіяся въ другихъ, неудержимо привлекаютъ ихъ. Отсюда подобные союзы, различные съ нравственной точки зрѣнія, почти всегда являются роковыми для потомства“. (Гигіена нервныхъ и нейропатовъ, стр. 31—32).

Бываетъ и такъ, что люди, при вступленіи своемъ на жизненное поприще,—совершенно здоровы, но, сдѣлавшись самостоятельными, начинаютъ тратить свои нервныя силы или въ чрезмѣрныхъ наслажденіяхъ, или въ чрезмѣрномъ напряженіи физическихъ или умственныхъ силъ. Дѣтей такихъ ро-

дителей ожидаетъ хилость и предрасположеніе къ нервнымъ болѣзнямъ. Они появляются на свѣтъ съ нервной организаціей и въ такихъ случаяхъ, если родители незадолго до ихъ рожденія страдали тифомъ и другими тяжкими болѣзнями или находились подъ гнетомъ удручающихъ заботъ, бѣдствій и душевныхъ потрясеній, одержимы были бугорчаткой, сифилисомъ, а также, если во время ихъ зачатія родители находились въ нетрезвомъ видѣ.

Нервный темпераментъ ребенка даетъ себя чувствовать уже въ самые первые годы его жизни, но онъ обнаруживается такъ разнообразно, что, набросавъ портретъ нервнаго ребенка, юноши или взрослаго, нельзя ожидать, чтобы всѣ его характерныя качества подходили ко всѣмъ нервнымъ людямъ вообще. Но все же въ каждомъ періодѣ жизни нервнаго человѣка есть нѣкоторыя особенности въ его натурѣ, свойственныя очень многимъ субъектамъ въ такомъ состояніи.

Нервныя дѣти, въ большинствѣ случаевъ, отличаются преждевременнымъ умственнымъ развитіемъ, слабымъ тѣлосложеніемъ, тонкими чертами лица и малокровіемъ. Они обыкновенно обидчивы, но еще болѣе раздражительны и вспыльчивы, при самомъ ничтожномъ поводѣ выходятъ изъ себя, швыряютъ чѣмъ попало въ того, кто, по ихъ мнѣнію, передъ ними провинился, при малѣйшемъ отступленіи отъ ихъ желаній впадаютъ въ необузданную ярость, бросаются на полъ, не чувствуя боли отъ ушибовъ, обливаются горькими слезами, испускаютъ неистовые крики, брань, жалобы, стоны. Между прочимъ такія дѣти обыкновенно очень не скоро засыпаютъ, а когда и заснутъ, спятъ тревожнымъ сномъ, прерываемымъ то вздрагиваніями, то внезапнымъ пробужденіемъ. Что особенно замѣчательно и служитъ самымъ характернымъ признакомъ такихъ нервныхъ организацій—это то, что у нихъ иногда даже самая ничтожная лихорадка, испугъ, прорѣзываніе зубовъ, разстройство пищеваренія вызываютъ судороги. Часто эти судороги проходятъ, не оставляя никакихъ слѣдовъ, но когда приступъ судорогъ бываетъ очень сильный, тогда онъ можетъ осложниться воспаленіемъ мозга или его оболочекъ и кончается смертью. Если въ рѣдкихъ случаяхъ ребенокъ переживаетъ эту тяжелую для него болѣзнь то, въ большинствѣ случаевъ, онъ дѣлается идіотомъ, тупоумнымъ или подвергается падучей (эпилепсіи).

Другимъ характернымъ признакомъ такихъ нервныхъ дѣтей является безсиліе удерживать урину (мочу). Въ большинствѣ случаевъ эта слабость исчезаетъ сама собой, безъ всякихъ послѣдствій, особенно если ребенокъ крѣпнетъ съ годами, но иногда она служитъ предзнаменованіемъ истеріи въ будущемъ или скрытой эпилепсіи, которая къ 8—10-ти годамъ обнаруживается уже въ формѣ головокруженія. Пугливость нервныхъ дѣтей доводитъ ихъ иногда даже до пляски св. Витта.

Въ періодъ отрочества характеръ нервныхъ субъектовъ сразу мѣняется: ребенокъ съ задатками альтруистическими, сдѣлавшись юношею, становится эгоистомъ и предъявляетъ близкимъ невозможныя требованія. Въ дѣйствительности же такіе юноши не могутъ быть ни альтруистами, ни эгоистами,— это ни что иное, какъ неустойчивыя, безпрестанно мѣняющіяся натуры: необузданныя вспышки гнѣва, вѣчные капризы въ дѣтствѣ сказываются у нихъ теперь требовательностью и поступками характера эгоистическаго. Въ физическомъ отношеніи, въ этотъ періодъ жизни, они страдаютъ головными болями и въ большинствѣ случаевъ влеченіемъ къ порочнымъ склонностямъ, которыя, безъ серьезнаго противодѣйствія, всецѣло овладѣваютъ ими. Дѣвушки-подростки страдаютъ невралгіей, мигренью, различными нервными разстройствами; тѣ и другія отличаются необыкновенною подвижностью мы-

слей и впечатлѣній. Малѣйшее происшествіе, испугъ, страхъ, внезапный скрипъ двери, особенно ночью, заставляетъ ихъ вздрагивать съ головы до ногъ. Нервные подростки обоего пола обыкновенно вспыльчивы и упрямы и особенно легко поддаются вліянію, скорѣе дурному, что доказываетъ слабость ихъ воли и служитъ предвѣстникомъ ихъ будущей неустойчивости и измѣнчивости какъ въ области мысли, такъ и въ области чувства. Ихъ мозгъ, находящійся обыкновенно въ постоянномъ напряженіи, можетъ легко воспринимать самыя разнородныя впечатлѣнія, быстро и на лету схватывать множество разнообразныхъ знаній, которыя, впрочемъ, не глубоко охватываютъ ихъ умъ и сердце и улетучиваются такъ же быстро, какъ были восприняты. Ихъ понятія о людяхъ всегда страдаютъ односторонностью; они такъ же легко совершаютъ геройскіе поступки, какъ и низкіе, но это ни дурные, ни хорошіе молодые люди, они люди минуты, впечатлѣнія, однимъ словомъ нервные субъекты. Ни на какомъ поприщѣ дѣятельности, ни въ какой области труда они не могутъ работать устойчиво,—для этого у нихъ нѣтъ ни надлежащаго терпѣнія, ни надлежащей усидчивости, ни необходимой логики. Тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ, по словамъ Крафтъ-Эбинга, одарены выдающимися способностями, и умъ ихъ можетъ доходить до геніальности, но обыкновенно у нихъ не хватаетъ усидчивости, терпѣнія и послѣдовательности для того, чтобы до конца довести свой трудъ, чтобы обставить свою теорію достаточно вѣскими и убѣдительными доказательствами и фактами, чтобы оставить по себѣ крупный трудъ на поприщѣ науки или искусства. Однимъ изъ характерныхъ признаковъ нервныхъ молодыхъ людей обоего пола служитъ то, что они обыкновенно не переносятъ жары,—особенно невыносима для нихъ сухая погода; спиртные напитки и нѣкоторыя лекарства вызываютъ у многихъ изъ нихъ полное физическое отвращеніе. Расположеніе духа подобныхъ субъектовъ постоянно мѣняется и переходитъ изъ одной крайности въ другую: то они находятся подъ гнетомъ жестокихъ приступовъ тоски, отчаянія, меланхоліи, то въ полномъ восторгѣ и жизнерадостномъ настроеніи: то и другое безъ достаточно основательныхъ причинъ. Отношеніе къ себѣ и окружающимъ также измѣнчиво, также діаметрально противоположно одно другому: униженно скромный взглядъ на свою личность и на размѣры своихъ способностей быстро и незамѣтно для нихъ самихъ смѣняется авторитетностью и заносчивостью.

Кромѣ наслѣдственности, другими причинами нервныхъ и душевныхъ заболѣваній служатъ экономическія условія, и между ними первое мѣсто занимаетъ борьба за существованіе, особенно обострившаяся въ переживаемую нами эпоху, когда для успѣха требуется чрезмѣрное напряженіе умственныхъ и физическихъ силъ. То, что борьба за существованіе изъ всѣхъ экономическихъ и соціальныхъ причинъ занимаетъ первое мѣсто въ усиленіи нервности, нервныхъ и душевныхъ болѣзней, — видно уже изъ того, что наибольшее число подобныхъ больныхъ падаетъ на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. И это понятно: во многихъ частяхъ этой страны только что возникла напряженная дѣятельность цивилизаціи, въ нее нахлынули изъ всѣхъ странъ свѣта и продолжаютъ стекаться огромныя полчища людей, одни ради наживы, другіе для заработка. Съ одной стороны все увеличивающійся спросъ на трудъ, съ другой—страстное стремленіе къ наживѣ до невѣроятныхъ размѣровъ обострили борьбу за существованіе въ этой странѣ, и для того, кто желаетъ добиться въ ней успѣха, приходится чрезмѣрно напрягать умственныя и физическія силы. Въ этомъ и кроется главная причина наибольшаго количества людей въ этой странѣ, подверженныхъ нервнымъ заболѣваніямъ.

Впрочемъ, страсть къ наживѣ охватила не только американское общество,

но она разрослась до невѣроятныхъ размѣровъ и увеличивается съ каждымъ годомъ и въ Европѣ.

Вмѣстѣ со страстью къ наживѣ усиливается всюду и стремленіе къ роскоши во всѣхъ верхнихъ слояхъ европейскаго общества, а между тѣмъ та и другая страсть сами по себѣ усиливаютъ нервныя и душевныя болѣзни.

Соревнованіе, вѣчная погоня перегнать другаго, вѣчное стремленіе впередъ безъ оглядки, чтобы добыть больше и больше денегъ, увеличить роскошь, вся эта лихорадочная и утомительная борьба преждевременно надламываетъ силы современнаго общества и плодятъ въ немъ безчисленное множество нервныхъ болѣзней.

Прежде въ европейскихъ странахъ люди строго дѣлились по сословіямъ: ихъ желанія, карьера, домашняя обстановка, вся жизнь до мелочей были точно опредѣлены обычаемъ и закономъ. Каждый зналъ, что онъ можетъ идти лишь по той или другой дорогѣ, предназначенной его сословію. Переступить эту строго опредѣленную границу рѣшались лишь люди совершенно исключительные и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Вслѣдствіе такихъ строго-опредѣленныхъ жизненныхъ рамокъ, представлявшихъ весьма неблагопріятную почву для умственнаго развитія, но ставившихъ преграду тщеславію, честолюбію и властолюбію, люди жили несравненно менѣе лихорадочною общественною жизнію, покойно шествуя по дорогѣ, проложенной дѣдами, безъ борьбы, безъ особеннаго напряженія. Теперь, когда сословныя перегородки пали, открылся полный просторъ для самыхъ разнородныхъ стремленій, и каждый можетъ мечтать объ осуществленіи своихъ надеждъ, если только онъ приложитъ особенное стараніе. И дѣйствительно, мы безпрестанно видимъ примѣры того, что вчерашній нищій пріобрѣтаетъ богатство, власть, почести; также облегчена возможность и человѣку неразвитому и необразованному сдѣлаться ученымъ, журналистомъ. Вслѣдствіе всего этого явилась масса людей, стремящихся къ достиженію житейскихъ благъ и преимуществъ, и въ настоящее время жизнь сдѣлалась ареной ожесточенной борьбы. Громадная конкуренція заставляетъ людей дѣлать нечеловѣческія усилія, держать постоянно въ напряженіи свои умственныя и физическія силы. Побѣдители достигаютъ побѣды, обыкновенно лишь растративъ здоровье во время борьбы, менѣе сильные дѣлаются жертвами нервныхъ и душевныхъ болѣзней, слабые—совсѣмъ погибаютъ.

Такимъ образомъ современный человѣкъ всегда находится въ лихорадочной погонѣ, въ нервномъ возбужденіи и напряженіи. Это возбужденіе и напряженіе усиливаются еще чрезмѣрнымъ предложеніемъ услугъ во всякой сферѣ дѣятельности. Трудность достичь чего нибудь заставляетъ многихъ родителей съ ранняго возраста приспособлять способности своихъ дѣтей къ предстоящей борьбѣ, давать дѣтскому мозгу непосильную работу. И дѣйствительно, работа мозга непомѣрно усиливается съ каждымъ десятилѣтіемъ, и часто современное поколѣніе не для того напрягаетъ свой мозгъ, чтобы безкорыстно увеличить свои знанія, а исключительно для наживы, что само по себѣ гибельно вліяетъ на нравственность и нервную систему.

Нервныя болѣзни усилились и среди простаго люда,—что также вызывается преимущественно борьбою за существованіе: вслѣдствіе экономическихъ и соціальныхъ причинъ масса сельскаго люда переселяется въ города, гдѣ она встрѣчаетъ страшную конкуренцію, избытокъ предложенія труда и вслѣдствіе этого выдерживаетъ невѣроятную борьбу въ поискахъ за работою, испытываетъ лишенія, для здоровья болѣе опасныя въ городѣ, чѣмъ въ де-

ревнѣ, соблазны и искушенія, немыслимые для ихъ предковъ,—все это развиваетъ и среди простаго люда нервныя разстройства.

Не смотря на усилившуюся нищету народа въ нѣкоторыхъ первостепенныхъ государствахъ, общій уровень требованій на жизненныя удобства замѣтно повысился. Въ культурныхъ же классахъ общества онъ прогрессируетъ съ каждымъ годомъ: утонченныя яства, напитки, роскошь въ обстановкѣ и одеждѣ приняли небывалые размѣры, требуютъ громадныхъ средствъ для ихъ достиженія и толкаютъ человѣка вести все болѣе лихорадочный образъ жизни, усиливать свою дѣятельность, что въ концъ разстраиваетъ нервы. Что же касается роскоши, утонченности яствъ и жизненныхъ удобствъ, для достиженія которыхъ мужья и отцы бросаются въ кипучій водоворотъ непосильно тяжелой дѣятельности, развинчивающей нервы, то они вредны и сами по себѣ, такъ какъ изнѣживаютъ и обезсиливаютъ человѣка, развиваютъ излишнюю чувствительность и низменныя страсти, что въ концѣ концовъ тоже ведетъ къ нервному разстройству, проявляющемуся въ самыхъ разнообразныхъ формахъ.

Разстроиваетъ нервы и узко эгоистическое направленіе дѣятельности, лишающее человѣка способности работать для удовлетворенія высшихъ, облагораживающихъ цѣлей, такъ какъ исключительное преслѣдованіе матеріальныхъ выгодъ лишь расширяетъ область корыстныхъ стремленій и вноситъ въ душу не покой, удовлетвореніе и высшее наслажденіе, а развиваетъ ненасытныя, пошлыя страсти. „Вслѣдствіе неутомимой дѣятельности съ ранняго утра", говоритъ Крафтъ Эбингъ, „недающей порой поѣсть—вѣдь время деньги,—вслѣдствіе разнообразныхъ и сложныхъ обязанностей и отвѣтственности по службѣ и постоянной борьбы съ конкуренціей,—къ вечеру является сильная потребность въ отдыхѣ и наслажденіяхъ. Но черезъ мѣру возбужденные нервы требуютъ въ свою очередь и сильныхъ наслажденій. Ихъ и доставляетъ столица въ видѣ драмъ самаго страшнаго содержанія, комедій, изображающихъ прелюбодѣянія, въ видѣ акробатовъ, потрясающей и возбуждающей музыки, выставокъ картинъ, дѣйствующихъ на чувственность и зрѣніе, крѣпкихъ винъ, сигаръ, ликеровъ, клубовъ, игорныхъ домовъ, любовныхъ приключеній, извѣстій о преступленіяхъ и несчастныхъ случаяхъ въ ежедневной хроникѣ, и т. д.—И пресыщенный горожанинъ, насладившись вплоть до самой ночи этими разнородными удовольствіями нашей новѣйшей культуры, большею частью въ скверно вентилируемыхъ помѣщеніяхъ, отправляется наконецъ на покой, а на слѣдующее утро, усталый и разстроенный, снова приступаетъ къ своей обычной дѣятельности. При такомъ лихорадочномъ напряженіи, ни птицей мчащіеся курьерскіе поѣзда, ни телеграфы, ни два ежедневныхъ изданія газетъ насъ почти не въ состояніи удовлетворить. Понедѣльникъ—это dies nefastus, и недѣля, не сопровождавшаяся скандалами, потрясающими несчастными случаями и политическими событіями, намъ кажется несносной.—Если мы взвѣсимъ всѣ пагубныя послѣдствія подобной погони за наживой и развлеченіями и проявляющуюся при этомъ необузданность страстей, стремленіе всякаго составить себѣ положеніе и насладиться почетомъ и удовольствіями, изнуренность отъ непосильныхъ работъ, усталость, наступающую послѣ наслажденій, отыскиваемыхъ ночью, изъ необходимости приберечь день для борьбы за существованіе и неутомимой дѣятельности, ко всему еще безпокойство, причиняемое политическими и торговыми вопросами, выборами, биржевыми спекуляціями,—тогда мы поймемъ силу нервнаго разслабленія новѣйшаго поколѣнія, въ особенности столичныхъ жителей, нервы которыхъ постоянно находятся въ возбужденномъ и лихорадочномъ состояніи.

„Подобный образъ жизни быстро истощаетъ жизненныя и спеціально нервныя силы и влечетъ за собой преждевременную старость, сопровождающуюся всевозможными душевными и тѣлесными пороками". („Нашъ нервный вѣкъ". Стр. 10—12).

Нервное разстройство и разслабленіе организма такъ велико въ обществѣ, что теперь даже простыя физіологическія отправленія сопряжены несравненно болѣе болѣзненными недомоганіями, чѣмъ прежде, и нерѣдко влекутъ за собою тяжелыя страданія. Менструаціи, беременность, родъ и періодъ кормленія,—все это сдѣлалось нынѣ причиною тяжелыхъ нервныхъ разстройствъ.

Казалось бы, мужчины должны были бы болѣе страдать нервными болѣзнями, такъ какъ въ борьбѣ за существованіе они играютъ главную роль. Банкиръ, крупный промышленникъ, рискуя большими капиталами, постоянно находится въ тревогѣ за ихъ участь; политическій дѣятель, журналистъ живутъ лихорадочной жизнью, ученый черезчуръ напрягаетъ мозгъ, врачъ живетъ подъ гнетомъ тяжелой отвѣтственности, солдатъ обыкновенно страдаетъ тоскою по родной деревнѣ и съ трудомъ приноравливается къ строгой дисциплинѣ. Ко всему этому мужчины страдаютъ еще и вслѣдствіе различныхъ излишествъ. Большинство женщинъ избавлено отъ всего этого, но *зато въ* настоящее время онѣ болѣе чѣмъ прежде страдаютъ отъ простыхъ физіологическихъ процессовъ, о которыхъ мы только что упоминали, а также отъ обманутыхъ надеждъ на счастливую семейную жизнь, и въ послѣднее время онѣ все болѣе и болѣе вовлекаются въ борьбу за существованіе, а эта борьба несравненно тяжелѣе отзывается на ихъ слабомъ организмѣ; къ тому же женщинѣ и работать труднѣе, нежели мужчинѣ, не только вслѣдствіе особенностей ея организма, изъ поколѣнія въ поколѣніе все болѣе ослабляемаго, но и по ея семейному положенію: занимаясь трудомъ, часто такимъ же напряженнымъ, какъ и мужчина, она въ то же время не избавляется и отъ семейныхъ заботъ, мелочныхъ и тяжелыхъ, даже и безъ посторонняго труда сильно разстраивающихъ нервы.

Вообще чрезмѣрное умственное напряженіе, характерное явленіе современнаго общества обоихъ половъ, служитъ главнымъ источникомъ нервныхъ разстройствъ.

Такое же вредное вліяніе оказываютъ горе и душевныя волненія, избѣжать которыхъ немыслимо при современномъ строѣ общества. Особенно разстроиваютъ нервную систему душевныя волненія въ томъ случаѣ, когда они обрушиваются на человѣка, занимающагося напряженною умственною дѣятельностью, научнымъ трудомъ, сопряженнымъ съ большою отвѣтственностію, или на художника, напрягающаго всѣ свои способности для осуществленія задуманной идеи, на чиновника, выполняющаго тяжелую и однообразную работу.

Первыми признаками нервнаго разстройства въ такихъ случаяхъ являются безсонница, потеря аппетита, головокруженія, головныя боли, приливы крови къ головѣ, неправильное пищевареніе, общее недомоганіе,—къ сожалѣнію теперь всѣ эти болѣзненные признаки стараются заглушить возбуждающими средствами.

Однообразный и продолжительный физическій трудъ тоже очень гибельно отзывается на нервной системѣ: такъ напр. чрезмѣрное напряженіе зрѣнія у рисовальщиковъ, живописцевъ, переписчиковъ, портныхъ, особенно на швейной машинѣ, кружевницъ и т. п. Злоупотребленіе возбуждающими средствами (подъ этимъ названіемъ мы подразумѣваемъ вещества, возбуждающія нервную

систему), все болѣе распространяющимися въ обществѣ, создаетъ поистинѣ безчисленныя полчища нервныхъ людей. Между возбуждающими средствами самую видную роль играютъ спиртные напитки, а также морфій, все болѣе распространяемый въ послѣднее время, и отчасти чай и кофе, если ихъ употребляютъ въ слишкомъ большомъ количествѣ.

Каждый человѣкъ, особенно утомленный трудомъ и жизнью, выказываетъ инстинктивную потребность ко всему, что возбуждаетъ мозгъ и нервы, даетъ минуту забвенія въ страданіяхъ и поддерживаетъ энергію для перенесенія ихъ; но злоупотребленіе возбуждающими средствами, особенно алкоголемъ, въ высшей степени отзывается на организмѣ, умственныхъ способностяхъ и нравственности пьяницы. Статистика доказываетъ, что громадный процентъ всѣхъ преступленій происходитъ отъ злоупотребленія спиртными напитками. Тяжко и гибельно отзывается пьянство на потомкахъ пьяницы: его дѣти или наслѣдуютъ ту-же страсть къ алкоголю, или рождаются съ предрасположеніемъ къ тяжелымъ формамъ нервныхъ болѣзней, къ идіотизму и психопатіи. При этомъ потомки пьяницъ отличаются весьма малою продолжительностью жизни.

Опіумомъ преимущественно злоупотребляютъ на востокѣ, на западѣ же и у насъ въ послѣднее время все болѣе распространяется подкожное впрыскиваніе морфія, добываемаго изъ опіума. Прежде подкожныя впрыскиванія этого яда употреблялись исключительно какъ средство унять невыносимую боль. Теперь въ высшихъ и среднихъ классахъ очень многіе употребляютъ его, чтобы доставить себѣ наслажденіе, чтобы возбудить напряженіе падающихъ силъ, а нерѣдко и съ цѣлью достичь сладострастнаго опьяненія и пріятныхъ сновъ. Это такъ же, какъ и алкоголь, пагубно дѣйствуетъ на нервы, умственныя способности и нравственность. Привычку употреблять морфій пріобрѣтаютъ обыкновенно люди, страдающіе какою нибудь мучительною болѣзнью. Къ нему прибѣгаютъ сначала по совѣту врача, но если болѣзнь долго не проходитъ, больные начинаютъ дѣлать подкожныя впрыскиванія сами и постепенно привыкаютъ къ этому яду.

Когда привычка къ употребленію морфія уже сдѣлана, то для того, чтобы этотъ ядъ дѣйствовалъ, постоянно приходится увеличивать его количество; нѣкоторыя доходятъ до того, что по нѣскольку разъ въ день вводятъ этотъ ядъ въ свой организмъ. Потребность къ нему, какъ и къ спиртнымъ напиткамъ, становится неудержимою страстью, неудовлетвореніе которой производитъ полный упадокъ физическихъ силъ и умственное отупѣніе. Такъ же, какъ и алкоголь, морфій мѣняетъ настроеніе духа: мрачный человѣкъ послѣ впрыскиванія морфія становится веселымъ, вялый—энергичнымъ; но какъ только морфій перестаетъ дѣйствовать, наступаетъ полная апатія. Морфій не сразу производитъ гибельное дѣйствіе, но постепенно лицо блѣднѣетъ и худѣетъ, взглядъ тускнѣетъ и становится неподвижнымъ, зрѣніе слабѣетъ, появляется разстройство кровообращенія, которое преимущественно выражается затрудненіемъ дыханія и одышкой, обнаруживается отсутствіе аппетита, появляются тошнота, рвота, изжога подъ ложечкой, а затѣмъ и безсонница, различныя невралгіи, галлюцинаціи, дрожь въ рукахъ и, наконецъ, какъ вѣнецъ всего этого,—разстройство умственныхъ способностей. Нравственность и человѣческое достоинство морфіомановъ страдаютъ не менѣе: они становятся все болѣе раздражительными, угрюмыми и озлобленными. Чтобы добыть себѣ ядъ, безъ котораго для нихъ немыслимо существованіе, они способны на всякую низость.

Табакъ имѣетъ несравненно менѣе гибельное вліяніе, чѣмъ алкоголь и морфій: извѣстно, что даже и при злоупотребленіи имъ люди доживаютъ до глубокой старости, и при этомъ ни организмъ ихъ, ни нравственность не испытываютъ никакихъ тяжкихъ потрясеній и измѣненій. Тѣмъ не менѣе люди, привыкшіе курить, постоянно вводятъ въ организмъ большую или меньшую дозу яда, извѣстнаго подъ названіемъ „никотина“, что болѣе или менѣе разстраиваетъ нервную систему. Злоупотребленіе табакомъ ослабляетъ или учащаетъ пульсъ, вызываетъ головокруженіе, тошноту, рвоту и производитъ желудочныя разстройства. Табачный дымъ вредно дѣйствуетъ на зѣвъ и дурно вліяетъ на слухъ: усиленное куреніе вызываетъ воспаленіе зѣва, которое затѣмъ переходитъ и на евстафіеву трубу. Многіе ученые доказываютъ вредное вліяніе этой привычки и на умственныя способности, а именно ослабленіе памяти и силы вниманія.

Особенно вредно вліяніе никотина сказывается на молодомъ организмѣ: врачи, слѣдившіе за дѣйствіемъ на юношей усиленнаго куренія, доказываютъ, что, начавъ курить, они обыкновенно дѣлаются вялыми, апатичными, менѣе способными къ умственному труду, и въ концѣ концовъ куреніе табаку вызываетъ у нихъ нервное разстройство.

Чрезмѣрное употребленіе чая и кофе замедляетъ обмѣнъ веществъ, уменьшаетъ аппетитъ, усиливаетъ сердцебіеніе у людей, предрасположенныхъ къ нему, и имѣетъ вредное вліяніе на нервы.

Существуетъ и много другихъ возбуждающихъ средствъ, злоупотребленіе которыми имѣетъ весьма вредное вліяніе на нервы, какъ напримѣръ кокаинъ, бромистый калій и многіе другіе, но ими у насъ не злоупотребляютъ, прибѣгая къ нимъ только по совѣту врача. Мы останавливаемся лишь на тѣхъ возбуждающихъ средствахъ, которыя, безъ всякой нужды для организма, вошли въ общее употребленіе и имѣютъ пагубное вліяніе на здоровье, что и служитъ причиною вырожденія послѣдующихъ поколѣній.

Однимъ изъ признаковъ нервной возбужденности современнаго общества служитъ непомѣрное увеличеніе чувственности и преждевременное ея развитіе, что весьма сильно отражается на усиленіи проституціи, увеличеніи числа преступленій противъ нравственности и развратѣ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ.

Всеобщая нервность и неестественная возбужденность заставляютъ многихъ чаще, чѣмъ прежде, прибѣгать къ противуестественнымъ, въ высшей степени вреднымъ и деморализующимъ средствамъ, т. е. къ проституціи, результатомъ которой является сифилисъ (отражающійся на функціяхъ спиннаго мозга), и къ онанизму. Натурально, что люди такого сорта, вступивъ въ бракъ, не могутъ имѣть здороваго поколѣнія, такъ какъ они являются субъектами преждевременно состарившимися, съ совершенно разстроенной нервной системой.

Не менѣе ужасны и послѣдствія онанизма для моральнаго и физическаго здоровья. Эта тяжелая болѣзнь сильно распространена между дѣтьми обоего пола.

Такъ же пагубно дѣйствуетъ преждевременное или чрезмѣрное удовлетвореніе половыхъ потребностей, хотя бы и естественнымъ путемъ. Юноша, который предается этимъ излишествамъ, мало-по-малу растрачиваетъ благородныя стремленія ума и сердца, становится пошлякомъ, эгоистомъ, хищникомъ и нерѣдко кончаетъ свою молодую, но безпутную жизнь размягченіемъ мозга.

Кромѣ наслѣдственности и ненормальныхъ соціальныхъ условій также гибельно отзывается на нервной системѣ и неправильное воспитаніе.

Вмѣсто того, чтобы равномѣрно вести какъ тѣлесное, такъ и психическое развитіе дитяти, ему, въ большинствѣ случаевъ, даютъ одностороннее воспитаніе, обращая вниманіе исключительно или на физическое, или на умственное развитіе. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ родители достигаютъ результатовъ, діаметрально противоположныхъ своимъ стремленіямъ. Обращая вниманіе лишь на физическое развитіе человѣка, его низводятъ до животнаго, и въ то же время такое воспитаніе не служитъ даже гарантіей того, что питомецъ въ будущемъ будетъ наслаждаться здоровьемъ. Не развивъ въ немъ ни нравственныхъ принциповъ, ни любви и привычки къ труду, ни высшихъ, облагораживающихъ душу интересовъ, его толкаютъ въ будущемъ на безпутную жизнь. Родители, будучи защитниками исключительно физическаго развитія и имѣя нѣкоторыя понятія по гигіенѣ и физическому уходу, могутъ развить въ ребенкѣ тѣлесную силу и здоровье. Но разъ питомецъ самостоятельно вступаетъ на жизненное поприще, современная жизнь представляетъ широкое поле его эгоистическимъ, животнымъ инстинктамъ, не сдерживаемымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Онъ легче, чѣмъ умственно и нравственно развитой, доступенъ соблазнамъ всякаго рода и, не руководствуясь общественными интересами, не увлекаясь ни наукою, ни искусствомъ, весь погружается въ море кутежа и попоекъ, прожигаетъ свою жизнь въ игорныхъ вертепахъ, въ пошлыхъ любовныхъ интригахъ и похожденіяхъ и въ нѣсколько лѣтъ растрачиваетъ свое крѣпкое въ дѣтствѣ здоровье. Только человѣкъ умственно и нравственно развитой можетъ побѣждать свои страсти и дурныя склонности во имя твердыхъ принциповъ, любви къ ближнему и надлежаще развитаго чувства чести.

Не менѣе вреда приноситъ воспитаніе, при которомъ все вниманіе обращено только на умственное развитіе дитяти. Многихъ руководитъ при этомъ самая горячая любовь къ дѣтямъ, просвѣщенію и къ родинѣ, другихъ побуждаетъ лишь тщеславіе и корысть. „Пусть всѣ знаютъ, что моя дочь или сынъ получили первую награду, имѣютъ лучшія отмѣтки, пріобрѣтутъ наиболѣе видное и выгодное мѣсто...“

Но какія бы чувства ни руководили родителями, возвышенныя или корыстныя, разъ они пренебрегаютъ физическимъ развитіемъ, это гибельно отзывается на умственномъ и нравственномъ развитіи ребенка. Если они черезчуръ строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ребенокъ всегда приносилъ изъ школы прекрасныя отмѣтки, дѣти, даже недурныя по натурѣ, прибѣгаютъ ко лжи, обману и даже пускаются на поддѣлку отмѣтокъ. Ребенокъ только тогда хорошо работаетъ въ школѣ, когда до школы у него пробужденъ интересъ къ знанію и природѣ, когда онъ пріученъ къ труду и вниманію. Не говоря уже о томъ, что ребенокъ, плохо развитой физически, не можетъ правильно развиваться и умственно, одностороннее умственное развитіе искусственно задерживаетъ правильное развитіе физическихъ силъ и сказывается въ переутомленіи мозга, въ высшей степени разстраивающемъ нервную систему.

Переутомленіе мозга величайшій бичъ, тормозящій и физическое, и нравственное, и умственное развитіе дѣтей. Съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста оно кладетъ основу всевозможнымъ нервнымъ болѣзнямъ, психопатіи и серьезнымъ душевнымъ заболѣваніямъ. Первые признаки этого недуга — раздражительность, тоска, недовольство, разсѣянность, ослабленіе вниманія, потеря въ большей или меньшей степени самообладанія и головныя боли, которыя съ теченіемъ времени, если усиленное умственное развитіе не пріостановлено, осложняются болѣзнями въ сферѣ другихъ органовъ тѣла, а также обнаруживаются частыми кровотеченіями изъ носу, ослабленіемъ памяти,

вниманія и истощеніемъ мозга. При переутомленіи мозга постепенно появляются разстройства пищеваренія, неправильности въ дѣятельности сердца и потеря аппетита; въ глазахъ пострадавшаго отъ времени до времени мелькаютъ блестки и т. п. Впрочемъ, болѣзненные признаки очень разнообразны, смотря по условіямъ, среди которыхъ живетъ человѣкъ, согласно съ индивидуальностью каждаго и со степенью и силою болѣзни, которая имъ уже овладѣла: одинъ при мозговомъ переутомленіи отличается раздражительностью, у другаго болѣзнь обнаруживается сонливостью, вялостью, угрюмостью и безсонницею; у нѣкоторыхъ она сказывается вспышками гнѣва, задоръ, безконечными спорами, у другихъ отчужденіемъ и нелюдимостью. При наклонности къ спячкѣ, сонъ не приноситъ освѣженія, не подкрѣпляетъ силъ; юноша встаетъ съ тяжелой головою, совершенно разбитый; при засыпаніи у него иногда появляются судорожныя вздрагиванія конечностей, а то и всего тѣла. Если переутомленіе продолжается слишкомъ долго, болѣзнь принимаетъ острый, опасный характеръ, является хандра, потеря воли, отсутствіе желанія измѣнить свое положеніе, и ослабленіе памяти настолько усиливается, что такой больной безпрестанно забываетъ въ разговорѣ самыя обыденныя слова, замѣняя ихъ другими, слабо выражающими его мысль, а иногда перезабываетъ столько словъ, что не въ состояніи окончить начатой фразы. Вообще рѣчь въ такихъ случаяхъ становится все менѣе свободной; неправильности появляются и въ письмѣ. Въ разговорѣ и сужденіяхъ такого субъекта замѣчаются преувеличенія, стремленіе къ употребленію превосходныхъ степеней: все у него оказывается ужасающе-страшнымъ, поразительно уродливымъ, въ высшей степени громаднымъ, несказанно-печальнымъ, геніальнымъ, изъ рукъ вонъ глупымъ. Въ концѣ концовъ такое нервное разстройство можетъ повести къ совершенной психопатіи и даже къ умопомѣшательству, но такихъ роковыхъ послѣдствій можетъ вовсе и не быть, если воспитатели сколько нибудь внимательны къ ребенку и при первыхъ признакахъ переутомленія не только обратятся къ опытному врачу, но и сами въ то же время примутъ надлежащія мѣры. Чрезвычайно полезно при головныхъ болѣхъ, которыя обыкновенно происходятъ или отъ приливовъ крови къ мозгу или отъ застоя ея въ мозгу, каждый разъ за два, три часа передъ сномъ, класть на голову пузырь съ холодною водою, которую слѣдуетъ мѣнять, когда она нагрѣется; иногда пузырь слѣдуетъ оставлять и на всю ночь. Но первою мѣрою должно быть прекращеніе занятій, вызвавшихъ переутомленіе. Однако къ этой мѣрѣ слѣдуетъ относиться весьма осторожно. Нужно помнить, что совершенное бездѣйствіе, даже и въ такомъ болѣзненномъ состояніи, вовсе не содѣйствуетъ выздоровленію: какъ для живаго человѣка необходима пища, такъ необходимо ему дѣло, работа. Больному человѣку назначаютъ обыкновенно пищу легкую, удобоваримую и въ меньшемъ количествѣ, но совсѣмъ безъ пищи оставляютъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ и на очень непродолжительное время. Точно также не слѣдуетъ совершенно лишать пищи духовной, если въ ней есть уже потребность. Конечно, можетъ быть экстраординарное состояніе больнаго вызываетъ и необходимость особенныхъ мѣръ, но это долженъ рѣшить лишь опытный врачъ; въ большинствѣ же случаевъ не слѣдуетъ совершенно лишать умственной дѣятельности больнаго, такъ какъ это усиливаетъ хандру. Наиболѣе полезно въ такихъ случаяхъ разнообразить жизнь здоровыми впечатлѣніями вродѣ путешествій и прогулокъ на чистомъ воздухѣ, а также необременительными тѣлесными упражненіями. Нужно помнить, что мозговое переутомленіе является столько же вслѣдствіе чрезмѣрности и непосильности занятій, сколько и вслѣдствіе ихъ однообразія, а также и полнаго бездѣйствія.

Такимъ образомъ *гигіена труда*—одно изъ главнѣйшихъ условій для нормальнаго состоянія нервовъ. Въ высшей степени вредно чрезмѣрно утомлять себя трудомъ, какъ физическимъ, такъ и умственнымъ, но также вредно для здоровья вести и праздную жизнь. Психіатры доказываютъ, что праздная жизнь не только ведетъ къ разстройству нервовъ, но служитъ даже источникомъ вырожденія. Трудъ и привычка къ нему съ ранняго дѣтства, интересъ къ окружающему необходимы для здоровья, счастія и для поддержки человѣческаго достоинства каждаго, но онъ не долженъ истощать человѣка.

Для этого необходимо соблюдать два главныхъ условія:

1) *Разнообразить трудъ.* Мы уже знаемъ, что однообразная мозговая и физическая работа столько же содѣйствуютъ переутомленію, сколько и чрезмѣрная работа. При разнообразіи умственнаго труда, онъ несравненно меньше утомляетъ, такъ какъ при извѣстной умственной работѣ не всѣ части мозга отдыхаютъ въ то время, когда другія работаютъ. Умственную работу полезно разнообразить физическимъ трудомъ. Разнообразіе слѣдуетъ вносить и въ сферу удовольствій и развлеченій.

2) *Трудъ долженъ чередоваться съ отдыхомъ.* Для маленькихъ дѣтей до школьнаго возраста, трудъ, состоящій въ постройкѣ домика изъ кубиковъ, плетеніи бумажныхъ или шерстяныхъ полосокъ, лѣпкѣ, рисованіи или другомъ какомъ нибудь занятіи въ этомъ родѣ, можетъ продолжаться отъ 5 до 7-лѣтняго возраста не болѣе 20—25 минутъ сряду, а для менѣе взрослыхъ продолжительность работы должна быть сокращена и на половину означеннаго времени; но и эти занятія необходимо смѣнять пѣніемъ, играми, бѣготней, если возможно, на чистомъ воздухѣ.

Великій знатокъ дѣтскаго сердца—Фребель принялъ во вниманіе, при распредѣленіи труда, всѣ условія гигіены: матеріалъ, который онъ даетъ для дѣтскихъ занятій, позволяетъ безъ конца разнообразить дѣтскій трудъ, что укрѣпляетъ нервы и пріучаетъ къ трудолюбію.

Движеніе имѣетъ огромное значеніе для укрѣпленія не только мускуловъ, но и нервовъ: оно развиваетъ силу, ловкость, содѣйствуетъ уменьшенію скопленія жировъ, а вмѣстѣ съ этимъ дѣлаетъ человѣка болѣе подвижнымъ, энергичнымъ и помогаетъ успѣшнѣе выдерживать борьбу съ вредными вліяніями, и вообще благотворно дѣйствуетъ на весь организмъ. Благодаря движенію, дыханіе и кровообращеніе ускоряются, что усиливаетъ аппетитъ и улучшаетъ пищевареніе. На нервы движеніе имѣетъ положительно успокоительное дѣйствіе: увеличивая силу и напряженіе мускуловъ, оно ослабляетъ чувствительность.

Между тѣмъ, какъ только ребенокъ успѣетъ появиться на божій свѣтъ, его связываютъ по рукамъ и ногамъ. Вредный обычай пеленанія до сихъ поръ господствуетъ еще въ очень многихъ семействахъ. Мы скажемъ объ этомъ нѣсколько словъ, чтобы указать гибельное вліяніе этого варварскаго обычая на развитіе самостоятельныхъ движеній ребенка.

Первое обмываніе новорожденнаго, не смотря на всю осторожность, значительно раздражаетъ его; къ тому же онъ только-что перемѣнилъ среду, гдѣ находился всегда въ одинаково высокой температурѣ,—все это вмѣстѣ вызываетъ въ немъ множество разнообразныхъ движеній, и эти-то движенія, столь полезныя для возбужденія первой самостоятельной жизненной энергіи, подавляютъ, тотчасъ при ихъ проявленіи, пеленками. При повтореніи этихъ усиленныхъ движеній, его нѣжное тѣло трется о грубую ткань пеленокъ, вслѣдствіе чего происходитъ слишкомъ быстрая и обильная испарина. Вы распеленываете ребенка, и эта испарина, отъ вліянія болѣе холоднаго воздуха,

въ которомъ сразу очутилось его тѣло, также быстро охлаждается: онъ сбиваетъ лихорадку, начинаетъ икать. Вслѣдствіе этого, у него постепенно слабѣетъ потребность движенія: тутъ начинаетъ дѣйствовать и привычка, а также и другія ненормальныя явленія, вызываемыя пеленаніемъ. Прямо вытянутые члены лежатъ совершенно неподвижно, до онѣмѣнія, которое весьма трудно замѣтить воспитателямъ; результатомъ же бываетъ плохой, медленный ростъ. Свивальники стѣсняютъ всѣ главные органы выдѣленія и дыханія, т. е. кишки, почки, кожу и легкія. Это особенно отзывается на пищевареніи и на медленіи испражненія. Распеленайте слабаго ребенка, и для наблюдательной матери весь вредъ пеленанія будетъ очевиденъ: онъ сразу начинаетъ испражняться. А всѣмъ извѣстно, какое вредное вліяніе имѣетъ на организмъ пребываніе въ немъ матеріала, который уже выполнилъ свою задачу, а между тѣмъ не выдѣляется изъ него наперекоръ закону природы.

Есть дѣти, и преимущественно очень здоровыя отъ природы, у которыхъ пеленаніе усиливаетъ дѣятельность органовъ питанія на счетъ дѣятельности органовъ выдѣленія: это выражается въ томъ, что такія дѣти бываютъ необыкновенно тяжелы, вялы, съ прозрачною одутловатостью и неестественною толстотою всего тѣла; ихъ обыкновенно называютъ сырыми. Но какимъ бы здоровымъ организмомъ ни былъ одаренъ ребенокъ, пеленаніе мѣшаетъ естественному укрѣпленію и развитію кожи, бываетъ причиною, что движенія становятся неопредѣленными, безсвязными, боязливыми. Часто и полуторогодовалый ребенокъ, когда вы его распеленываете, не привыкъ еще распоряжаться своими ручонками, не знаетъ, куда ихъ сунуть, и царапаетъ себѣ ими лицо и глаза. А если онъ заснетъ неспеленатый, то безпрестанно вздрагиваетъ, пугается самаго легкаго шума до сильнѣйшаго сердцебіенія, а иногда и до нервнаго припадка *).

Начавъ ходить, ребенокъ, подвергавшійся пеленанію, будетъ инстинктивно избѣгать физической усталости, которая, болѣе чѣмъ какое другое средство, избавляетъ дѣтей въ этомъ возрастѣ отъ тайныхъ грѣховъ, преждевременной возмужалости и противоестественныхъ пороковъ. Величайшіе психологи считаютъ движеніе источникомъ, изъ котораго возникаютъ важныя умственныя способности. Но и тѣ дѣти, которыхъ не пеленаютъ, если они флегматичны уже отъ природы, становятся вялыми иногда только оттого, что мать ихъ холодная и суровая женщина. Она, можетъ быть, и совершенно добросовѣстно выполняетъ свои обязанности, но обходится съ дѣтьми безъ горячаго участія: она аккуратно мѣняетъ простыни, кормитъ по часамъ, купаетъ съ термометромъ, но при этомъ въ ней не промелькнетъ ни одной искры страстной материнской любви, она никогда не снизойдетъ до веселой болтовни, до оживленной игры и столь любимой всѣми дѣтьми—возьни. Дѣтей вообще, а особенно вялыхъ, нужно умѣть расшевелить. Еще пока ребенокъ не можетъ сидѣть, можно придумать всевозможныя мышечныя движенія, которыя укрѣпляютъ позвоночный хребетъ, мышцы рукъ и ногъ.

Если мало-мальски дозволяетъ квартира и есть возможность держать ребенку ноги тепло и сухо, не только пускайте его ползать на полъ, но поощряйте это разными средствами. То можно положить на коверъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, игрушку, до которой бы онъ могъ доползти, то звать его къ себѣ. Чѣмъ свободнѣе упражняетъ ребенокъ свои мускулы, тѣмъ скорѣе крѣпнетъ его организмъ, и онъ становится смѣлымъ и самостоятельнымъ.

---

*) Мы не говоримъ о множествѣ болѣзней, которыя развиваются отъ пеленанія: наше дѣло указать вредъ этого обычая только по отношенію къ движеніямъ дитяти.

Но вотъ ребенокъ достаточно выросъ; онъ не удовлетворяется больше тѣмъ, что неопредѣленно тянется изъ одной комнаты въ другую; онъ проявляетъ уже болѣе осмысленныя движенія: то погонится за бабочкой, то ловитъ муху. Все это, конечно, скоро ему надоѣдаетъ, и если вы не изобрѣтете множества подвижныхъ игръ, не дадите ему товарищества, которое еще болѣе побуждаетъ его къ дѣятельности, то и въ это время могутъ явиться тысячи обстоятельствъ, при которыхъ погибнетъ хорошо начатое вами дѣло воспитанія.

Подвижныя игры не должны быть устроены по командѣ, по нѣмецки: такъ онѣ не принесли бы никакой пользы, потому что движенія только тогда и могутъ быть полезны, когда онѣ совершенно свободны и доставляютъ дѣтямъ шумную, веселую радость. Тутъ многіе могутъ замѣтить, что и всякая игра нѣсколько стѣсняетъ, что лучше уже просто предоставить ребенку полную свободу ходить на четверенькахъ, кувыркаться, топать ногами. Все это совершенно необходимо, и воспитатели не должны нисколько стѣснять этого наивнаго выраженія дѣтской веселости; но и подвижныя игры, какъ мы увидимъ ниже, имѣютъ не малое значеніе для дѣтей. Что касается шумнаго веселья, какъ бы подъ-часъ оно ни было тяжело для воспитателя, подавлять его не слѣдуетъ, такъ какъ оно одно изъ главныхъ способовъ, служащихъ къ развитію мускуловъ и вполнѣ здоровой организаціи. „Отрада“, говоритъ Спенсеръ, „есть самое сильное изъ тоническихъ средствъ. Ускоряя обращеніе крови, оно облегчаетъ отправленіе всѣхъ другихъ функцій и такимъ образомъ упрочиваетъ здоровье и возстановляетъ его, когда оно разстроено. Крайній интересъ дѣтей къ играмъ, буйная радость, съ которою они приступаютъ къ новымъ шалостямъ, столь же важны, какъ и сопровождающее ихъ движеніе“.

Если вы съ самаго рожденія ребенка никогда не стѣсняли его тѣлодвиженій, потребность къ шумной игрѣ, къ буйной, неудержимой веселости проявляется весьма не надолго. Онъ хочетъ еще играть, но быстрыя, буйныя тѣлодвиженія его физически утомили; ему нужно теперь тихое, болѣе продолжительное удовольствіе, которое возбуждало бы и оживляло его умъ. Обыкновенно послѣ такого буйства ребенокъ сразу дѣлается грустнымъ и пристаетъ къ родителямъ съ неизмѣннымъ вопросомъ: что дѣлать? Но онъ дѣлать еще ничего не можетъ; вотъ тутъ-то вы и должны помочь ему изобрѣсти игру, въ которой бы онъ и душою, и тѣломъ принималъ живое участіе и могъ бы мало по малу успокоиться послѣ сильнаго возбужденія.

Особенно приносятъ пользу тѣ подвижныя игры, въ которыхъ ребенку предоставлена наибольшая свобода для движенія и для его собственной фантазіи.

Намъ пришлось быть однажды свидѣтельницей такой сцены. Въ одномъ дѣтскомъ саду дѣти въ подвижной игрѣ пѣли, представляя на нѣмецкій ладъ лягушку, птицу и другихъ животныхъ. Одинъ мальчикъ, наскучивъ однообразіемъ, тѣмъ болѣе, что ему уже чуть-ли не шестой разъ выпадало на долю представлять все одно и то же животное, вскричалъ: „да что это все одно и то же? Я лучше вотъ что покажу!“—и ребенокъ пустился отхватывать трепака. Дѣти расхохотались и оживились и, какъ по знаку, въ тактъ стали прихлопывать въ ладоши, но воспитательница не дала расходиться русскому нраву, удалила изъ общества зачинщика и первая монотонно затянула прерванную, исковерканную на русскій ладъ нѣмецкую пѣсню: „Ужъ, ты, лягушечка, поскачи, попляши, моя душечка“.

Конечно, такія подвижныя игры приносятъ гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы. Такимъ воспитателямъ слѣдуетъ чаще вспоминать извѣстное изрѣченіе: „вамъ никогда не удастся воспитать мудрецовъ, если вы не воспитаете шалуновъ“. И такъ, при физическомъ уходѣ за ребенкомъ, не только слѣ-

дуетъ заботиться о провѣриваніи комнаты и о подходящей пищѣ, но и о его движеніяхъ.

Физическія упражненія имѣютъ особенное значеніе въ нашъ нервный вѣкъ уже потому, что онѣ приводятъ въ равновѣсіе всѣ отправленія организма, что такъ важно для успѣховъ умственнаго развитія, и при этомъ представляютъ прекрасный отдыхъ послѣ умственнаго труда; они волею-неволею сосредоточиваютъ на себѣ всѣ силы и даютъ покой уму. Самымъ лучшимъ физическимъ упражненіемъ служатъ работы въ огородѣ и въ саду, къ которымъ необходимо пріучать дѣтей послѣ 3—4 лѣтняго возраста, о чемъ, впрочемъ, мы подробно будемъ говорить ниже.

Прекраснымъ и въ высшей степени полезнымъ упражненіемъ и отдыхомъ послѣ умственнаго труда служитъ плаваніе, къ которому дѣтей слѣдуетъ пріучать уже послѣ 4—5 лѣтъ. Вообще они должны привыкать любить воду, чувствовать потребность въ купаніи и плаваніи, что служитъ въ то же время прекраснымъ развлеченіемъ и оказываетъ благодѣтельное вліяніе на пищевареніе, питаніе, дыханіе и кровообращеніе и въ то же время способствуетъ развитію ловкости, смѣлости и самообладанія.

Что касается различныхъ зрѣлищъ, то далеко не всѣ, практикуемыя у насъ, могутъ служить здоровымъ развлеченіемъ и надлежащимъ *отдыхомъ*. Наиболѣе распространеннымъ зрѣлищемъ для дѣтей служатъ цирки, гдѣ акробаты, съ опасностью жизни, показываютъ разныя штуки, а укротители дикихъ звѣрей входятъ къ нимъ въ клѣтки. При этихъ зрѣлищахъ, даже у взрослыхъ, отъ ужаса морозъ пробираетъ по кожѣ... Какъ же *они* должны волновать дѣтей! Между тѣмъ все, что вызываетъ душевное волненіе въ ребенкѣ, въ высшей степени гибельно отзывается на его здоровьѣ, а слѣдовательно не можетъ считаться полезнымъ для него отдыхомъ. Что же касается клоуновъ, то они своею дракою, визгомъ, криками, глупыми шутками и пошлыми остротами едва ли могутъ содѣйствовать развитію эстетическаго чувства.

Многіе воспитатели возбуждаютъ вопросъ: полезны-ли для дѣтей театральныя представленія. Въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ настоящее время, они совсѣмъ не приноровлены для дѣтей. Піесы же для взрослыхъ, въ которыхъ преимущественно разрабатываютъ вопросы любви и адюльтера или проводятъ глубокія философскія и соціальныя идеи, непонятны для нихъ и совершенно преждевременны. Между тѣмъ воздухъ театра, испорченный вслѣдствіе выдыханія массою зрителей углекислоты, затрудняетъ дыханіе, а усиленный свѣтъ раздражаетъ зрѣніе. Къ тому же сквозняки представляютъ много шансовъ для простуды, а поздній часъ представленій раздражаетъ нервы ребенка и заставляетъ его тревожно провести ночь, слѣдующую за театральнымъ представленіемъ.

Сколько времени слѣдуетъ посвящать отдыху, трудно точно опредѣлить. Это въ сильной степени зависитъ отъ индивидуальной потребности каждаго, отъ его организаціи и степени его здоровья. Но вообще принято считать, что наиболѣе правильно и законно дѣлить сутки взрослаго и совершенно здороваго человѣка на три части: 8 ч. труда, 8 ч. сна и 8 ч. отдыха. Но и эти 8 ч., даже и совершенно здоровому человѣку, не слѣдуетъ работать сряду: необходимо непремѣнно давать себѣ отдыхъ черезъ каждые $1^1/_2$—2 часа. Кромѣ ежедневнаго отдыха обязателенъ для взрослыхъ, и тѣмъ болѣе для дѣтей, отдыхъ воскресный и не только вслѣдствіе требованія религіи, но и вслѣдствіе требованія гигіены. Вотъ что говоритъ по этому поводу проф. Сикорскій: «У всѣхъ культурныхъ народовъ Европы, Азіи и Америки съ незапамятныхъ

временъ одинъ день недѣли считался днемъ отдыха и празднованія. Во время французской революціи минувшаго вѣка тогдашнее правительство постановило праздновать всякій десятый день мѣсяца. Постановленіе это недолго удержалось. Каково же было удивленіе ученаго міра, когда два знаменитые гигіениста нашего времени, Петенкоферъ и Фойтъ, произвели по всѣмъ правиламъ науки свои изслѣдованія надъ рабочимъ, заключеннымъ въ стеклянную камеру и совершавшимъ строго опредѣленную работу въ теченіе 9 часовъ въ сутки. Оказалось, что въ теченіе дня рабочій расходовалъ болѣе кислорода, нежели получалъ его съ пищей и дыханіемъ. Но откуда же брался этотъ избытокъ израсходованнаго кислорода? Отъ разрушенія частицъ тѣла рабочаго. Ночью, во время сна, происходило пополненіе этихъ дорогихъ расходовъ, и физіологическій дефицитъ покрывался. Но съ каждымъ рабочимъ днемъ ночное возстановленіе силъ становилось все менѣе и менѣе полнымъ, и, послѣ шести рабочихъ дней, сонъ потерялъ свою способность возстановлять физіологическую убыль организма: сонъ сдѣлался безполезнымъ. Необходимо было полное прекращеніе работы на 24 часа, и тогда сонъ снова получилъ свое живительное дѣйствіе. Мы видимъ въ приведенномъ опытѣ научное доказательство въ пользу празднованія одного дня въ недѣлю". („Вѣстникъ Воспитанія" 1890 г.).

Самымъ лучшимъ отдыхомъ, возстановляющимъ силы, служитъ сонъ, и родители должны неустанно слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенокъ всегда спалъ спокойно и безмятежно. Ничто не разрушаетъ такъ здоровья, ничто не расшатываетъ такъ нервовъ, какъ бессонница. Продолжительность сна въ сильной степени зависитъ отъ возраста и отъ индивидуальной потребности каждаго. Тѣмъ-не менѣе не слѣдуетъ злоупотреблять наклонностью ко сну: иные, безъ всякой нужды для организма, могутъ сдѣлать привычку спать слишкомъ долго, а чрезмѣрный сонъ служитъ источникомъ многихъ болѣзней и не обновленіе приноситъ организму, а утомляетъ его; другіе дѣлаютъ привычку спать слишкомъ недостаточно для отдохновенія организма. Грудному ребенку необходимо спать 18—20 часовъ, въ возрастѣ отъ 2-хъ до 4-хъ лѣтъ по крайней мѣрѣ 14-ть часовъ, отъ 6 до 8, 9 лѣтъ не меньше 11-ти, 12-ти, юноша до 20 лѣтняго возраста долженъ спать по крайне мѣрѣ 9 часовъ, взрослому около 7—8 часовъ. Нужно имѣть въ виду, что людямъ болѣзненнымъ, малокровнымъ, требуется больше сна для возобновленія силъ. Спать тотчасъ послѣ обѣда, когда происходитъ пищеварительный процессъ, считается для людей молодыхъ очень вреднымъ, а для стариковъ это иногда не безполезно.

Сонъ у дѣтей до школьнаго возраста обязательно долженъ совершаться въ опредѣленное время. Самое ничтожное возбужденіе передъ сномъ, шумная и черезчуръ оживленная игра, пѣсня, производящая тяжелое впечатлѣніе, а уже тѣмъ болѣе страшные разсказы и сказки, волнующіе и запугивающіе воображеніе и душевныя потрясенія, въ родѣ угровъ, наказаній, испуга, страха, — мѣшаютъ безмятежному сну ребенка и чрезвычайно вредно отзываются на его нервной системѣ. Ребенокъ по крайней мѣрѣ за полчаса до сна не долженъ предаваться особенно шумнымъ играмъ; самое лучшее пріучать его въ это время заниматься какою нибудь механическою работою (мы имѣемъ при этомъ въ виду дѣтей отъ 3 до 8 лѣтъ), не требующею умственнаго напряженія или сильнаго физическаго движенія, напр. наклеиваніемъ въ тетрадку картинокъ, разноцвѣтныхъ бумажекъ, листиковъ, нанизываніемъ на нитку или длинную спичку крупныхъ разноцвѣтныхъ бусъ, сгибаніе и складываніе изъ разноцвѣтной бумаги различныхъ фигурокъ и т. п. Укладывая ребенка спать, необходимо пріучить его держать руки поверхъ одѣяла; про-

сыпаясь ребенокъ долженъ немедленно вставать съ постели, никогда попусту не валяясь въ ней; слѣдуетъ также зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы прислуга, одѣвая или раздѣвая ребенка, не возилась съ нимъ: эти мѣры крайне необходимы для предохраненія противъ развитія онанизма и чувственности.

Отъ разстройства нервной системы болѣе всего можетъ предохранить тщательная забота родителей о томъ, чтобы ихъ дѣти были ограждены отъ страха, гнѣва, испуга, горя, однимъ словомъ отъ душевныхъ потрясеній вообще, въ высшей степени разстраивающихъ физическое и психическое здоровье дѣтей.

Страхъ бываетъ двоякій: 1) *внезапный*, когда онъ нежданно, негаданно вдругъ поражаетъ человѣка, и 2)—когда онъ является въ видѣ *тяжкаго психическаго состоянія, болѣе или менѣе продолжительнаго*, что случается тогда, когда человѣкъ замѣчаетъ надвигающуюся на него бѣду, ждетъ ее съ минуты на минуту и не въ силахъ предотвратить ее.

У взрослыхъ можетъ быть тотъ и другой видъ страха, но очень маленькихъ дѣтей поражаетъ только внезапный страхъ, и это понятно: *сознаніе* того, что такое будущее, у нихъ еще не пробудилось, а потому они и не могутъ бояться его; но послѣ $2^1/_2$, 3 лѣтъ и маленькія дѣти могутъ *испытывать* чувство страха обоихъ родовъ. Однимъ словомъ, можно сказать съ увѣренностію,—чѣмъ раньше знакомятся дѣти съ силою и значеніемъ угрозъ воспитателей, чѣмъ раньше испытываютъ они наказанія въ родѣ рогозъ, щелчковъ, лишеній обѣда и удовольствій, тѣмъ съ большимъ трепетомъ ждутъ кары за содѣянный проступокъ. Такимъ образомъ, къ первичной и единственной формѣ внезапнаго страха къ ребенку мало помалу прививается и другая форма—тяжкаго психическаго состоянія.

Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, т. е. какъ въ моментъ ужаса, охватившаго человѣка внезапно, такъ и при тяжеломъ ожиданіи приближающейся невзгоды, заключаются два элемента: 1) сознаніе своего безсилія передъ грозящимъ страданіемъ или несчастіемъ физическимъ или моральнымъ; 2) ожиданіе угрожающей бѣды. Какъ та, такъ и другая форма страха одинаково удручающимъ и разрушительнымъ образомъ вліяютъ на организмъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ страхъ прежде всего вызывается впечатлѣніемъ на слуховые и затѣмъ уже на зрительные органы младенцевъ. Дѣти, въ первыя двѣ, три и четыре недѣли своей жизни, вздрагиваютъ отъ внезапно открытой съ шумомъ двери, отъ грохота брошенныхъ передъ печкою дровъ, отъ стука упавшаго со стола пресс-папье, отъ вбиваемаго молоткомъ въ стѣну гвоздя. Съ каждымъ днемъ своей жизни ребенокъ обнаруживаетъ все болѣе признаковъ проявленій страха: сначала онъ вздрагиваетъ и усиленно моргаетъ глазами, затѣмъ къ этому присоединяется и морщеніе лба. Малютка вскрикиваетъ отъ испуга и послѣ этого, впродолженіи получаса и болѣе, находится въ нервномъ состояніи: безпокойно дергаетъ головкой, руками и ногами, испускаетъ отъ времени до времени крики. Нѣкоторыя дѣти уже въ возрастѣ 2-хъ, 3-хъ недѣль проявляютъ всѣ эти признаки страха послѣ всякаго рѣзкаго звука или сильнаго шума.

Позже къ боязни шума и рѣзкихъ звуковъ присоединяется и страхъ передъ всѣмъ, что внезапно появляется передъ его глазами. Пятимѣсячный ребенокъ прекрасно забавляется резиновой куклой; вбѣгаетъ кошка, которую онъ никогда еще невидалъ, и въ ужасѣ онъ откидывается на подушку, кричитъ и заливается слезами. Мать беретъ ребенка на руки, ласково уговариваетъ его, гладитъ кошку, показывая, что она не причинитъ ему вреда,

и дитя постепенно успокоивается, но, поглядывая на кошку исподтишка, оно постоянно отворачиваетъ отъ нея голову въ другую сторону. Когда мать хочетъ взять его ручку и погладить ею кошку, чтобы убѣдить его, что ея нечего бояться, ребенокъ опять съ горечью сжимаетъ свои губки и готовъ снова разразиться плачемъ. На другой день, когда къ нему вносятъ кошку, онъ изъ кроватки бросается къ матери на руки, точно спасаясь отъ страшнаго звѣря, но уже не плачетъ болѣе. Къ концу недѣли ребенокъ настолько привыкаетъ къ кошкѣ, что гладитъ ее, требуетъ, чтобы она пришла, когда не видитъ ея въ комнатѣ.

Одиннадцатимѣсячный мальчикъ затрясся всѣмъ тѣломъ и поднялъ страшный крикъ, когда впервые услыхалъ собачій лай въ сосѣдней комнатѣ. То же случилось съ нимъ, когда онъ въ первый разъ услыхалъ звуки фортепіано.

Иногда ребенка пугаетъ знакомый предметъ, видѣнный имъ много разъ, но впервые представшій передъ его глазами съ новой точки зрѣнія. „Когда моему ребенку“, говоритъ Дарвинъ, „было 137 дней, я пошелъ къ нему спиной и потомъ вдругъ остановился; онъ тотчасъ же сдѣлалъ очень серьезное и испуганное лицо, и, навѣрное, началъ бы плакать, еслибы я не обернулся къ нему. Тогда его лицо тотчасъ повеселѣло, и онъ началъ улыбаться“. („Наблюденія надъ жизнію ребенка“).

Мать подходитъ въ красномъ платкѣ, который она надѣла въ первый разъ, къ своей 10-ти-мѣсячной дѣвочкѣ. Ребенокъ такъ испугался, что затрясся всѣмъ тѣломъ, залился слезами, испустилъ мочу и калъ, бросился къ нянѣ и спрятался у нея на плечѣ.

Въ подобныхъ страхахъ дитяти воспитатели неповинны,—это страхъ внезапный, но дурно то, что кромѣ подобнаго страха, который обнаруживается у нихъ въ первое время младенческой жизни, слѣдовательно помимо какого бы то ни было вліянія, къ дѣтямъ постепенно прививаютъ страхъ искусственный.

Когда ребенокъ, послѣ 3-хъ, 4-хъ мѣсяцевъ своей жизни, начинаетъ присматриваться къ окружающей обстановкѣ, онъ то и дѣло тянется къ предметамъ, привлекающимъ къ себѣ его вниманіе, и мало по малу хватаетъ ихъ своими ручонками. Многія нянюшки, чтобы сразу отучить ребенка хватать извѣстные предметы, очень часто находятъ нужнымъ бить его по рукамъ. Другія при этомъ неестественнымъ голосомъ стращаютъ ребенка какой нибудь возмутительной ерундой: „нельзя, дитя, трогать“, грозятъ онѣ ему, указывая на блестящую кружку, изъ опасенія, что ребенокъ схватитъ ее и разобьетъ: „кусь—кусь, амъ—амъ“, и ребенку показываютъ, какъ кружка можетъ его растерзать. Такимъ образомъ, мало по-малу, развиваютъ у ребенка страхъ къ самымъ безобиднымъ предметамъ, а когда онъ подростаетъ, его застращиваютъ и запугиваютъ мертвецами, буками, вѣдьмами, мужиками, солдатами. Опасаясь, чтобы ребенокъ не убѣжалъ одинъ, ему разсказываютъ о несуществующихъ ужасахъ, изобрѣтаютъ, спеціально съ этою цѣлью, вороха глупостей, пошлостей и страшилищъ. Ребенокъ вѣритъ всему, что ему говорятъ старшіе, какъ потому, что онъ еще легковѣренъ и не опытенъ, такъ и потому, что и лично онъ все болѣе убѣждается въ томъ, что въ окружающемъ его мірѣ дѣйствительно существуетъ для него много опаснаго. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы съ каждымъ днемъ жизни ребенка уничтожать въ немъ боязливость и чувство страха, ихъ область искусственно расширяютъ все болѣе и болѣе. Между тѣмъ состояніе страха дѣйствуетъ самымъ пагубнымъ образомъ на весь складъ характера ребенка, на его здоровье и нервную систему.

Дѣйствіе страха на сердце обнаруживается тотчасъ: оно начинаетъ

биться несравненно чаще и сильнѣе, что происходитъ отъ возбужденія нервныхъ центровъ. Волненіе немедленно обнаруживается и на лицѣ, такъ какъ нервные центры посылаютъ къ сосудамъ лица болѣе сильные импульсы, а также и потому, что сосуды лица нѣжнѣе и легче сокращаются и разслабляются. Вслѣдствіе всего этого лицо моментально покрывается или смертельной блѣдностью (что происходитъ отъ сокращенія кровеносныхъ сосудовъ), или наоборотъ—по немъ разливается ярко-красный, доходящій до кирпичнаго цвѣта румянецъ (что уже зависитъ отъ противоположнаго дѣйствія, а именно отъ расширенія кровеносныхъ сосудовъ). Такая же внезапная перемѣна происходитъ и въ другихъ частяхъ лица: губы, носъ, подбородокъ, глаза принимаютъ выраженіе ужаса, сверкаютъ лихорадочнымъ блескомъ, зрачки неестественно расширяются; судороги передергиваютъ лицо, углы рта и мускулы лба; вѣки учащенно моргаютъ, однимъ словомъ, смотря по душевному состоянію, различныя группы нервныхъ волоконъ приходятъ въ дѣятельное состояніе.

Дыхательныя движенія, измѣняющіяся отъ самаго легкаго волненія, отъ самаго ничтожнаго усилія при подъемѣ на гору, на лѣстницу, сильно измѣняются подъ вліяніемъ страха, что особенно проявляется у дѣтей. Трехлѣтній ребенокъ упалъ со стола; онъ не издалъ ни одного звука, хотя испугъ ясно можно было прочесть на его физіономіи, принявшей темно-красный оттѣнокъ, и въ его блуждающихъ глазахъ; онъ закричалъ, когда уже былъ поднятъ,—это произошло потому, что у дѣтей, при испугѣ, иногда на нѣсколько мгновеній прекращается дыханіе.

Но самый характерный признакъ страха, замѣченный у всѣхъ животныхъ, не исключая и человѣка, дрожаніе, которое волной пробѣгаетъ по всему организму и членамъ, встряхивая ихъ отъ времени до времени. Это дрожаніе, такъ сказать, пробираетъ животное, какъ морозъ по кожѣ, такъ что часто даже зубы щелкаютъ, и является внезапная слабость въ такой степени, что ноги подкашиваются сами собой, нерѣдко животное даже падаетъ, не будучи въ состояніи бѣжать, чтобы спастись отъ грозящей опасности. Эта дрожь, вызванная страхомъ, является, какъ въ холодное зимнее время, такъ и при тропической жарѣ. Дрожаніе и неспособность къ бѣгству въ минуту опасности—характерныя явленія испуга, гнѣва, страха и волненій. Обезьяны такъ пугаются внезапнаго появленія человѣка, что легко допускаютъ схватить себя. Если взять птицу въ руки и сразу опрокинуть ее на спину, она остается неподвижной, хотя бы и имѣла возможность улетѣть, чѣмъ всегда пользовались фокусники. Морской левъ, врасплохъ застигнутый на берегу, до того теряется, что падаетъ на каждомъ шагу, задыхается, дрожитъ и теряетъ способность защищаться. На тюленей и на многихъ другихъ животныхъ испугъ такъ сильно дѣйствуетъ, что они теряютъ возможность бѣжать, и ихъ ничего не стоитъ въ такое время убить, а иногда и поймать.

Но самые ужасные результаты при дрожаніи отъ страха можно видѣть на людяхъ. „Мнѣ разъ пришлось присутствовать при казни нѣсколькихъ разбойниковъ въ Калабріи“, говоритъ Моссо въ своей книгѣ „Страхъ“: „Судъ былъ скорый. Майоръ производилъ краткій допросъ каждому и, обратившись къ капитану, произносилъ только: „разстрѣлять его“. Нѣкоторые оставались, какъ оглушенные громомъ, остолбенѣлые, съ открытымъ ртомъ; другіе выказывали равнодушіе. Я вспоминаю объ одномъ мальчикѣ, едва достигшемъ 20 лѣтъ; на нѣкоторые сдѣланные ему вопросы онъ отвѣчалъ сначала неяснымъ бормотаніемъ, потомъ замолчалъ и сдѣлалъ жестъ человѣка, желающаго избѣжать роковаго удара: поднялъ руку съ открытою ладонью, приподнялъ плечи, наклонилъ голову въ бокъ и откинулъ назадъ и въ сторону туловище. Услы-

шавъ ужасныя слова, онъ испустилъ пронзительный, раздирающій, страшный крикъ, посмотрѣлъ вокругъ себя, очевидно ища чего-то, потомъ повернулъ назадъ, какъ бы желая убѣжать, и бросился къ стѣнѣ двора, ломая вытянутыя впередъ руки, царапая камень, какъ будто онъ хотѣлъ проникнуть черезъ него. Послѣ нѣсколькихъ порывовъ, криковъ, судорожныхъ движеній, онъ упалъ, какъ безжизненная масса, похожая на мокрую тряпку: онъ былъ блѣденъ, дрожалъ такъ, какъ я никого не видѣлъ дрожащимъ, его мускулы были, можно сказать, мягки и зыбки, какъ желатинъ".

У нѣкоторыхъ отъ страха на долгое время, а бывали случаи, что и навсегда, остается дрожаніе рукъ, и въ такой степени, что мѣняется до неузнаваемости даже почеркъ; у другихъ на всю жизнь остается дрожаніе головы. Кстати замѣтимъ, что дрожаніе можетъ быть вызвано и внезапною радостью: мать, послѣ долгой разлуки съ дѣтьми, дрожитъ, какъ осиновый листъ, при встрѣчѣ съ ними; слѣдовательно это обязываетъ воспитателей даже и относительно сюрпризовъ, доставляемыхъ дѣтямъ, быть крайне осторожными, чтобы сразу не ошеломить ихъ внезапностью и неожиданностью. Дрожаніе доводитъ до того, что многимъ приходится садиться, чтобы не упасть.

Происходитъ это потому, что мышечное волокно очень тонко: оно даже подъ микроскопомъ имѣетъ толщину въ волосъ, но, не смотря на это, оно еще въ свою очередь состоитъ изъ сотни очень тонкихъ волоконецъ. Нервы, идущіе къ мышцамъ, развѣтвляются въ мышечныхъ волокнахъ. Когда нервъ дѣйствуетъ на мускулъ, мышечныя волокна измѣняютъ свой внѣшній видъ, а именно дѣлаются короче и толще. Это объясненіе можетъ дать намъ понятіе о томъ, насколько чрезмѣрное возбужденіе нервныхъ центровъ, что особенно бываетъ при страхѣ, испугѣ, гнѣвѣ, внезапномъ горѣ, несчастіи, можетъ нарушить гармонію въ совокупности движеній, необходимыхъ для мышечнаго сокращенія.

Страхъ, горе и всякое душевное потрясеніе вліяютъ и на голосъ: у нѣкоторыхъ при этомъ голосъ дрожитъ и совершенно мѣняетъ свою интонацію; другіе же отъ страха совсѣмъ теряютъ голосъ, не могутъ произнести ни одного слова, нѣкоторые вмѣсто словъ издаютъ нечеловѣческіе звуки,—все это происходитъ оттого, что при душевныхъ потрясеніяхъ нервы, управляющіе мускулами гортани, недостаточно сильно побуждаютъ ихъ натягивать голосовыя связки, отчего и происходитъ дрожаніе голоса.

Послѣдствіемъ страха является также и парализованіе членовъ, не позволяющее ни бѣжать отъ грозящей опасности, ни защищаться отъ враговъ. „Дѣти и женщины", говоритъ Моссо, „подъ вліяніемъ страха скорчиваются, закрываютъ лицо руками и забиваются въ уголъ, не глядя вокругъ себя. Охваченные ужасомъ, даже безстрашные люди не въ состояніи бѣжать; ихъ нервы, служащіе для защиты, какъ будто перерѣзаны, и они отдаются на произволъ судьбы. Уже при слабыхъ волненіяхъ мы замѣчаемъ, что мускулы руки не совсѣмъ повинуются волѣ". Это явленіе объясняютъ тѣмъ, что между волевыми центрами и мускулами существуетъ связь, которая нарушается при волненіи, охватывающемъ человѣка и особенно ребенка.

Когда человѣкъ испытываетъ душевное волненіе, его нервы приходятъ въ ненормальное состояніе, что съ особенною силою сказывается у дѣтей. У многихъ нянюшекъ существуетъ пошлая, скверная и въ высшей степени вредная для жизни ребенка привычка—щекотать его, чтобы развлечь и заставить смѣяться. Такимъ образомъ, дѣйствительно, заставляютъ ребенка смѣяться, даже хохотать, но самое легкое щекотаніе не всегда проходитъ даромъ: оно производитъ глубокое потрясеніе всего организма, а были и случаи смерти.

Что подобное развлеченіе очень вредно для ребенка, можно видѣть уже по характеру неестественнаго смѣха въ моментъ щекотанія; къ тому же это вызываетъ чувственность, что замѣтно даже по возбужденнымъ чертамъ лица ребенка.

Научныя изслѣдованія доказываютъ также, что подъ вліяніемъ различныхъ душевныхъ волненій, сильно потрясающихъ нервную систему, у взрослыхъ, но преимущественно у дѣтей, сокращеніе мочеваго пузыря дѣлается настолько энергичнымъ, что они не могутъ удерживать мочу.

Также вредно отражается страхъ и на пищеварительныхъ органахъ. И это понятно: стѣнки кишечника такъ же раздражительны, какъ и стѣнки мочеваго пузыря, такъ какъ тѣ и другія выстланы гладкими мышцами. Всѣмъ извѣстно, что кишечный каналъ имѣетъ довольно быстрыя движенія; въ моменты охватывающаго насъ страха, ужаса и внезапнаго волненія эти движенія дѣлаются настолько сильными и быстрыми, что пища, не успѣвъ перевариться, быстро переносится съ одного конца кишечнаго канала на другой. Вслѣдствіе этого дѣти отъ страха обыкновенно испускаютъ мочу и испражняются; отъ того же самаго не застрахованы и взрослые при слабомъ желудкѣ. Вотъ что говоритъ по этому поводу профессоръ Манасеинъ въ своей книгѣ „О значеніи психическихъ вліяній: „Между сильными душевными потрясеніями страхъ особенно часто обусловливаетъ появленіе поноса: это извѣстно всѣмъ болѣе или менѣе, и мнѣ самому пришлось однажды видѣть подобное трагикомическое окончаніе дуэли, на которой я присутствовалъ въ качествѣ врача. Вслѣдъ за раздавшимися выстрѣлами одинъ изъ противниковъ упалъ съ крикомъ, что онъ раненъ въ колѣно, но когда были разрѣзаны брюки, то, кромѣ небольшой царапины въ области колѣна и значительнаго количества каловыхъ массъ, не было ничего найдено".

Подъ вліяніемъ психическаго потрясенія разстроивается общее питаніе организма. Первымъ симптомомъ является потеря аппетита, иногда даже отвращеніе къ пищѣ. Въ этомъ отношеніи были сдѣланы весьма любопытныя наблюденія Мильнеромъ въ Векфильдской тюрьмѣ: подслѣдственные арестанты, участь которыхъ еще не рѣшена, и которые, волею-неволею, находятся въ постоянномъ волненіи и безпокойствѣ о томъ, какъ рѣшится ихъ судьба, постоянно уменьшаются въ вѣсѣ, если только имъ не даютъ увеличенной порціи пищи. Напротивъ того, уже порѣшенные увеличиваются въ вѣсѣ и безъ усиленной порціи.

Педагоги и психіатры приводятъ не мало примѣровъ внезапной глухоты, а также потери дара слова и даже слѣпоты подъ вліяніемъ страха и волненія. Знакомой намъ дѣвочкѣ, дочери очень бѣдныхъ родителей, долго внушали мысль о томъ, какъ необходимо ей блистательно сдать вступительный экзаменъ, чтобы поступить въ заведеніе на казенный счетъ. Она прекрасно сознавала, что у ея родителей нѣтъ никакой возможности платить за нее и съ необыкновеннымъ рвеніемъ готовилась къ экзамену. И вдругъ, подойдя къ столу экзаменаторовъ, когда ей дали книгу, чтобы прочесть, она, едва удерживая ее дрожащими руками, проговорила прерывающимся голосомъ: „что это? я ничего не вижу"... Она внезапно ослѣпла.

И такъ сильныя волненія производятъ самыя тяжелыя потрясенія во всемъ организмѣ: одни подъ вліяніемъ страха лишаются чувствъ, другіе—дара слова, слуха, зрѣнія; наиболѣе нервные субъекты остаются на продолжительное время парализованными; нѣкоторые надолго лишаются аппетита, есть и такіе, которые, потерявъ сонъ, впадаютъ въ состояніе экзальтаціи, близкое

къ помѣшательству. Случалось, что душевныя потрясенія выражались страданіями сочлененій или сильною лихорадкою.

Отъ страха можно даже умереть: когда нервная система возбуждается до такой степени, что внезапно наступаетъ совершенное ея истощеніе, то далеко не всегда возможно возстановить ея дѣятельность, и въ такихъ случаяхъ наступаетъ смерть. Немало примѣровъ того, что люди падали мертвыми въ моментъ извѣщенія ихъ о томъ, что они присуждены къ тяжелому наказанію. Нѣкоторые со страху умирали въ тотъ день, когда имъ предсказывали, что они умрутъ.

На одной изъ желѣзныхъ дорогъ Англіи былъ слѣдующій случай: мать пріѣхала встрѣтить свою дочь съ прибывшимъ поѣздомъ, о которомъ вдругъ разнесся слухъ, что онъ столкнулся съ другимъ, и что многіе изъ пассажировъ убиты. Поѣздъ пришелъ, дочь оказалась жива и здорова, мать обняла ее и тутъ же умерла. За какую то провинность мать наказала своего ребенка, заперевъ его въ темный чуланъ, и оставила его тамъ на нѣсколько часовъ. Когда отворили дверь, мальчикъ былъ въ обморокѣ, а три дня спустя онъ умеръ.

Сильныя душевныя потрясенія могутъ вліять иногда и исцѣляющимъ образомъ: одинъ психіатръ передаетъ случай, изъ котораго мы видимъ, что упорная нервная болѣзнь его паціента исчезла безслѣдно подъ вліяніемъ радости вслѣдствіе выигрыша въ 100 т. фр. Другой врачъ разсказываетъ два случая временнаго улучшенія глухоты: одинъ разъ подъ вліяніемъ гнѣва, а другой— подъ вліяніемъ испуга.

Хотя въ сочиненіяхъ ученыхъ и попадаются иногда случаи прекращенія болѣзней подъ вліяніемъ того или другаго душевнаго потрясенія, но это вовсе не значитъ, что вслѣдствіе этого не слѣдуетъ остерегаться такихъ волненій. Душевныя потрясенія всегда вредны и опасны для здоровья взрослаго и тѣмъ болѣе ребенка, и только въ весьма исключительныхъ случаяхъ, когда субъектъ одержимъ какою нибудь устарѣлою формою болѣзни, душевное потрясеніе можетъ произвести въ организмѣ реакцію къ лучшему, да и то нельзя знать, умретъ онъ или выздоровѣетъ отъ того или другаго потрясенія, между тѣмъ какъ пагубное дѣйствіе такихъ волненій въ громадномъ большинствѣ случаевъ несомнѣнно.

Чрезвычайно вредно вліяетъ и гнѣвъ, который точно также вызываетъ различныя заболѣванія. У нервныхъ дѣтей послѣ вспышекъ гнѣва появляются иногда судороги, у другихъ онѣ вызываютъ потерю дара слова, у третьихъ— развивается параличъ той или другой стороны тѣла или лица, наконецъ, были даже случаи пляски св. Витта. У 19-ти-лѣтняго молодаго человѣка, вслѣдъ за сильнымъ гнѣвомъ, появилась пляска св. Витта. Между тѣмъ до той поры онъ пользовался прекраснымъ здоровьемъ. Подъ вліяніемъ гнѣва можетъ появиться косоглазіе, но чаще всего желтуха, такъ какъ гнѣвъ прекращаетъ выдѣленіе желудочнаго сока. Гнѣвъ, какъ и всякое другое потрясеніе, мѣняетъ составъ молока матери настолько, что дѣйствуетъ пагубно и на ребенка, можетъ повести даже къ смерти. Кстати замѣтимъ, что каждое чувство обыкновенно осложняется другимъ, такъ наприм., испугъ часто сопровождается гнѣвомъ, что объясняютъ наклонностью каждаго чувства возбуждать къ усиленной дѣятельности и сосѣднія части нервной системы.

Изъ сказаннаго ясно, какое вредное вліяніе должно производить на физическое и психическое здоровье ребенка все, запугивающее его воображеніе, т. е. страшное, непонятное для него и таинственное; въ то же время это вредно и въ умственномъ отношеніи, такъ какъ искажаетъ его понятія и представленія. Страха, гнѣва, угрозъ и запугиваній слѣдуетъ всѣми силами

избѣгать и потому, что рѣшительно все видѣнное и слышанное ребенкомъ оставляетъ извѣстный слѣдъ въ его душѣ. Нужно имѣть въ виду и то, что даже взрослый человѣкъ не всегда можетъ отрѣшиться отъ того, чѣмъ его пугали въ дѣтствѣ. Слѣдуетъ также помнить, что ребенокъ уже отъ природы боязливъ, и притомъ его воображеніе, сравнительно съ воображеніемъ взрослаго, несравненно болѣе живо и воспріимчиво: вотъ эти-то причины и предписываютъ величайшую осторожность относительно всего, что мало-мальски можетъ толкнуть его воображеніе на ложную дорогу или испугать его. Не смотря на это, чѣмъ только ни пугаютъ у насъ дѣтей! Право трудно перечислить весь этотъ вздоръ: лѣшими, оборотнями, чудовищами, трубочистами, буками, вѣдьмами, мужикомъ, темной комнатой, попомъ... Вотъ потому-то и взрослыхъ людей на каждомъ шагу преслѣдуютъ ощущенія всевозможныхъ страховъ. Рѣдко даже вполнѣ развитой и образованный человѣкъ совершенно избавленъ отъ какого-нибудь чувства страха или по крайней мѣрѣ непріятнаго ощущенія: одинъ сознается вамъ, что ему всегда приходится дѣлать надъ собой немалое усиліе, чтобы проститься съ покойникомъ, у другаго сжимается сердце, когда онъ остается одинъ въ лѣсу или въ темной комнатѣ, третій ни за что не пройдетъ ночью мимо кладбища,— все это слѣды всевозможныхъ застращиваній въ дѣтствѣ, отъ которыхъ и взрослому трудно совершенно избавиться.

Особенно слѣдуетъ избѣгать волненія передъ сномъ: чѣмъ болѣе взволнованъ ребенокъ передъ сномъ, чѣмъ чаще это случается съ нимъ, тѣмъ болѣе шансовъ для него страдать припадками „ночныхъ испуговъ“. Нужно замѣтить, что нервныя, анемичныя, золотушныя или нѣжнаго сложенія дѣти отъ 3-хъ до 7-ми лѣтъ, подвержены ночнымъ испугамъ и непріятнымъ сновидѣніямъ, что, впрочемъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ кошмаромъ. Ночной испугъ обнаруживается обыкновенно слѣдующимъ образомъ: ребенокъ внезапно просыпается, подымаетъ головку, иногда сидя, а то и лежа, неподвижно смотритъ въ одну точку, все лицо его при этомъ выражаетъ испугъ и отсутствіе сознанія. Если вы его спрашиваете о причинѣ пробужденія, онъ ничего не отвѣчаетъ, никого не узнаетъ. Характерными признаками этого болѣзненнаго явленія бываютъ обыкновенно обильный потъ, усиленное сердцебіеніе, учащенный пульсъ, безпокойное дыханіе. Такое состояніе въ большинствѣ случаевъ продолжается очень недолго, отъ 1—5 минутъ (но иногда длится и съ полчаса); затѣмъ ребенокъ приходитъ въ сознаніе и засыпаетъ нормальнымъ сномъ, а на утро ничего не помнитъ. Эти припадки происходятъ отъ разстройства пищеварительныхъ органовъ, отъ лихорадки, но еще чаще отъ сильныхъ волненій, вызываемыхъ глупыми разсказами, въ которыхъ фигурируютъ чудовища и страшилища, а также и отъ застращиваній на ночь. Нерѣдко няни, чтобы ребенокъ поскорѣе уснулъ, говорятъ ему: „Спи скорѣе, а то придетъ страшный мужикъ, съ мѣшкомъ за плечами, схватитъ тебя и унесетъ“. Ребенокъ не всегда тотчасъ поддается страху и начинаетъ разспрашивать о большущемъ мужикѣ съ мѣшкомъ за плечами. „Что же ты не спишь?“ прерываетъ его няня, „слышишь, стучитъ! (При этомъ для большей реальности заставляютъ кого-нибудь стучать въ стѣну). Это онъ идетъ сюда... Молчи... молчи... Скорѣй закрой глазки...“ И ребенокъ въ ужасѣ дѣлаетъ, что ему приказываютъ, и засыпаетъ въ волненіи, страхѣ и испугѣ.

Если такая система воспитанія не сказывается припадками „ночныхъ испуговъ“, дѣти нерѣдко страдаютъ мучительными сновидѣніями. Извѣстно, что мозгъ дѣтей отличается замѣчательною впечатлительностью и способностью усиливать степень каждаго представленія, особенно страшнаго. Натурально,

что „страшные“ разсказы и сказки, слышанные имъ отъ воспитателей, разстраиваютъ сонъ и носятъ ужасающій, чудовищный характеръ въ сновидѣніяхъ, что заставляетъ дѣтей въ ужасѣ пробуждаться ночью, обыкновенно безъ потери сознанія, но зато съ плачемъ и крикомъ. Когда вы спрашиваете ребенка о причинѣ его пробужденія и слезъ, онъ обыкновенно отвѣчаетъ: „мужикъ большой, пребольшой (или старикъ старый, престарый) хотѣлъ схватить (или посадить) въ большущій черный, пречерный мѣшокъ“,—однимъ словомъ, изъ всего, что онъ слышалъ передъ сномъ, онъ выбралъ самое страшное, и это-то чудовищное представленіе потрясло его организмъ и заставило пробудиться.

Такимъ образомъ, воспитаніе, получаемое нашими дѣтьми, носитъ характеръ діаметрально противоположный тому, какое слѣдуетъ давать. Вмѣсто того, чтобы неуклонно развивать и поддерживать въ ребенкѣ мужество, присутствіе духа, бодрость, веселость и всѣми силами стараться ограждать его отъ горя, печали, страха, ужаса, испуга, досады и гнѣва, однимъ словомъ, отъ всѣхъ психическихъ потрясеній, которыя ведутъ ко всевозможнымъ заболѣваніямъ нервнымъ и душевнымъ, этимъ жесточайшимъ бичамъ современнаго человѣчества, дѣтямъ искусственно прививаютъ малодушіе, трусливость, суевѣріе; вмѣсто того, чтобы пріучать дѣтей сдерживать себя и обуздывать свои аффекты, въ нихъ развиваютъ вспыльчивость и самодурство; любознательность и наблюдательность замѣняютъ страхомъ и ужасомъ передъ невѣдомыми силами и явленіями природы. Вмѣсто того, чтобы путемъ правильнаго воспитанія камень за камнемъ класть прочный фундаментъ для развитія энергичныхъ борцовъ за правду и общественные идеалы, воспитываютъ рабски приниженныхъ, трусливыхъ созданій, съ разстроенными нервами, съ массою предразсудковъ, людей, не только не способныхъ къ борьбѣ за общественное дѣло, но которые и въ будущемъ никогда не выработаютъ себѣ высшихъ, облагораживающихъ стремленій ума и сердца, людей, которые легко будутъ погибать даже въ борьбѣ за существованіе. Особенно слѣдуетъ опасаться дѣйствовать угрозами и пугать разными несуществующими страшилищами дѣтей нервныхъ, трусливыхъ отъ природы или уже предварительно чѣмъ-нибудь напуганныхъ. Необходимо приложить всевозможныя старанія, чтобы при всякомъ удобномъ случаѣ объяснять дѣтямъ всю несостоятельность ихъ страховъ; но дѣлать это слѣдуетъ исподволь, кстати и съ возможною постепенностью, иначе легко достигнуть совершенно противуположныхъ результатовъ.

Знакомый намъ отецъ семейства изъ военныхъ, человѣкъ весьма энергичный, замѣтивъ, что его дочь и сынъ, исключительно воспитанные до тѣхъ поръ на рукахъ старухи-няньки, очень трусливы, рѣшилъ сразу искоренить въ нихъ этотъ недостатокъ. Десятилѣтній сынъ его очень боялся ѣздить на лодкѣ, на которой, впрочемъ, ему и не приходилось ѣздить, а только случалось видѣть, какъ другіе это дѣлаютъ. Отецъ, пріѣхавъ въ мѣстность, расположенную на берегу озера, приказываетъ сыну ѣхать съ нимъ кататься. Ребенокъ плачетъ, умоляетъ отца оставить его дома, но отецъ непоколебимъ, и чтобы сынъ его не убѣжалъ куда-нибудь и не спрятался, онъ распоряжается схватить его и снести связаннымъ въ лодку. Ребенокъ въ лодкѣ кричитъ и плачетъ до хрипоты. На бѣду, когда отецъ съ сыномъ были уже на серединѣ озера, поднимается вѣтеръ, и волны бросаютъ лодку изъ стороны въ сторону. Мальчикъ ослабѣваетъ отъ слезъ и крика и только трясется, какъ осиновый листъ, отъ гнѣва и страха. Когда возвратились домой, мальчикъ какъ-то сразу совершенно ослабъ, притихъ, скоро уснулъ, но спалъ безпокойно, просыпаясь то отъ

слезъ, то отъ страшныхъ сновидѣній; затѣмъ онъ надолго потерялъ аппетитъ и сталъ страдать малокровіемъ.

Отученіе 8-ми-лѣтней дочери отъ боязни темной комнаты обошлось еще печальнѣе. Отецъ приказалъ ей идти въ темную комнату и принести ящикъ съ сигарами. Дѣвочка расплакалась, говоря, что она боится темноты. Отецъ, раздраженный неповиновеніемъ дочери, но еще болѣе, какъ онъ выразился, ея пошлыми глупостями, втолкнулъ ее за это въ темную комнату и заперъ за ней дверь. Когда черезъ часъ открыли комнату, дѣвочка лежала въ глубокомъ обморокѣ, а когда ее подняли и положили на кровать, у нея сдѣлались судороги, которыя затѣмъ стали повторяться при всякомъ нервномъ разстройствѣ.

Отучать отъ страха можно только исподволь, постепено пріохочивая къ тому, къ чему ребенокъ чувствуетъ отвращеніе или ужасъ. Пусть ребенокъ, который боится темной комнаты, сначала войдетъ въ нее съ кѣмъ нибудь, держась за руку и въ то время, когда въ нее проникаетъ хотя небольшой лучъ свѣта изъ другой комнаты; затѣмъ, въ другой разъ, пусть онъ войдетъ въ нее самостоятельно, но въ присутствіи кого-нибудь изъ старшихъ и ощупываетъ всѣ предметы, находящіеся въ комнатѣ. Пріучать ребенка не бояться темноты слѣдуетъ очень рано, и онъ достигаетъ этого *очень легко*, при упражненіи осязанія, о чемъ мы говорили уже выше.

Но главное средство для предохраненія ребенка отъ страха—надлежащее и равномѣрное развитіе его физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ. Развитіе физическое, укрѣпивъ его здоровье, дастъ возможность организму легче одерживать побѣды въ борьбѣ съ душевными потрясеніями, постепенно расширяя умственный кругозоръ, тѣмъ самымъ изгоняютъ суевѣрія, даютъ болѣе вѣрныя представленія о предметахъ и явленіяхъ природы; нравственное же развитіе, укрѣпляя волю, прививаетъ ребенку мужество и храбрость. Что послѣднее имѣетъ громадное значеніе при воспитаніи, видно уже изъ того, что люди трусливые умираютъ скорѣе людей мужественныхъ; мало того, трусливые, робкіе, вялые и мнительные скорѣе другихъ заражаются во время различныхъ эпидемій и легче подвергаются всевозможнымъ заболѣваніямъ.

О правильномъ нравственномъ и умственномъ развитіи, служащемъ могущественнымъ орудіемъ для предостереженія ребенка отъ душевныхъ потрясеній и разстройства нервовъ, мы говоримъ въ двухъ слѣдующихъ главахъ, что же касается физическаго воспитанія, то оно не входитъ въ программу нашего труда, и потому здѣсь мы ограничимся лишь краткимъ перечнемъ тѣхъ условій, которыя особенно необходимо имѣть въ виду при физическомъ воспитаніи ребенка для предохраненія его отъ нервныхъ заболѣваній. Между ними первое мѣсто занимаютъ гигіеническія условія, которыми слѣдуетъ окружить ребенка съ перваго момента появленія его на свѣтъ, особенно тщательно въ тѣхъ случаяхъ, когда хотя одинъ изъ родителей новорожденнаго подвергался нервнымъ заболѣваніямъ или страдалъ малокровіемъ. Если мать страдала одною изъ этихъ болѣзней, она не должна кормить ребенка своею грудью, и въ то же время его никоимъ образомъ не слѣдуетъ вскармливать искусственно. Для всѣхъ дѣтей вообще, но для нервныхъ въ особенности, слѣдуетъ установить такой режимъ и обставить существованіе такъ, чтобы какъ можно скорѣе установилось правильное пищевареніе и безмятежный сонъ. Для этого необходимо обращать особенное вниманіе на правильное питаніе, на опрятность тѣла, на температуру комнаты, одежды

пищи, купанья и омовеній; послѣднія обязательны во всѣхъ случаяхъ послѣ испражненій, испусканія урины и пота.

Температура комнаты, одежды, пищи, купанья и омовеній съ педантическою постепенностію должны становиться все болѣе умѣренными. Тщательный уходъ за ребенкомъ долженъ еще усилиться во время прорѣзыванія зубовъ, когда дѣти такъ легко схватываютъ простуду и страдаютъ разстройствомъ пищеваренія, что ведетъ къ приливамъ крови къ головѣ, а это, въ свою очередь, къ судорогамъ. Легкая простуда дѣтей въ эту пору ихъ жизни происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что дѣти, въ большинствѣ случаевъ, еще не ходятъ, а сидятъ или ползаютъ: чулки и мягкіе башмачки не всегда плотно обхватываютъ ихъ ногу и при ползаніи сваливаются, а ноги, разгоряченныя отъ усиленныхъ движеній, легко простужаются. Необходимо обратить вниманіе на то, чтобы ребенокъ не оставался на полу съ голыми ногами и чтобы онѣ были у него всегда сухи. Въ комнату послѣ мытья половъ, если они еще не совсѣмъ просохли, не слѣдуетъ вносить ребенка во избѣжаніе простуды горла и слизистыхъ оболочекъ носа. Провѣтривать дѣтскую слѣдуетъ по крайней мѣрѣ 4 раза въ день, и преимущественно передъ сномъ ребенка и послѣ него.

Пеленаніе, качаніе въ колыбели или люлькѣ и сильный солнечный жаръ особенно вредны дѣтямъ, предрасположеннымъ къ нервнымъ болѣзнямъ. О вредѣ пеленанія мы уже говорили настолько, насколько это входитъ въ планъ нашего труда, что же касается сильной солнечной жары и яркаго свѣта, то сильное дѣйствіе ихъ на малютку вызываетъ въ немъ нервную раздражительность, истощающій потъ и разстраиваетъ пищевареніе. Но столько же способствуетъ развитію нервныхъ болѣзней ребенка и недостатокъ свѣта.

Въ нѣкоторыхъ семьяхъ существуетъ обычай выбирать для дѣтской самую темную комнату въ квартирѣ. Это дѣлаютъ на томъ основаніи, что маленькій ребенокъ долженъ много спать, и въ темной комнатѣ ему будто бы лучше и покойнѣе спится,—что совершенно ошибочно и въ высшей степени вредно. Чтобы избѣжать сильнаго солнечнаго жара и яркаго свѣта во время сна ребенка, въ его дѣтской должна быть спущена стора; но чѣмъ свѣтлѣе комната, чѣмъ болѣе въ ней воздуха и свѣта, тѣмъ лучше развивается ребенокъ. Дѣти, воспитанныя въ темноватыхъ, полумрачныхъ комнатахъ, страдаютъ малокровіемъ, разстройствомъ пищеваренія, а также различными измѣненіями составныхъ частей крови, что прямо ведетъ къ разнообразнымъ нервнымъ заболѣваніямъ, между которыми впослѣдствіи первую роль играютъ—меланхолія и ипохондрія, въ раннемъ же дѣтствѣ они обнаруживаютъ вялость, сумрачность и раздражительность.

Для предохраненія отъ нервныхъ заболѣваній однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ служитъ ежедневное обтираніе всего тѣла холодной водой, но этимъ средствомъ нужно пользоваться весьма осторожно и примѣнять его къ дѣтямъ не ранѣе 3 лѣтъ. Чтобы довести ребенка до возможности переносить обтираніе холодной водой безъ простуды, а напротивъ съ огромною пользою, слѣдуетъ начать обтираніе лѣтомъ, когда установятся теплые дни. На первыхъ порахъ ребенка слѣдуетъ обтирать тепловатой водой и лишь весьма постепенно довести ее до температуры комнатной воды и такою водою обтирать до 7, 8 лѣтъ, когда можно начать понижать температуру. Для обтиранія необходимо запастись мохнатою простынею и такимъ же полотенцемъ. При этомъ самое обтираніе производить слѣдующимъ образомъ: утромъ, когда ребенокъ проснется и умоется, то прежде чѣмъ одѣвать на

него верхнее платье, прежде чѣмъ онъ что-нибудь поѣстъ, его слѣдуетъ обтереть. Для этого необходимо снять рубашку, вмѣсто нея накинуть мохнатую простыню и однимъ концомъ полотенца, намоченнымъ въ водѣ и крѣпко выжатымъ, вытереть ребенку грудь, горло, животъ, спину и тотчасъ же, сухимъ концемъ полотенца, вытирать тѣло на-сухо, приподнимая простыню только съ той стороны тѣла, какую приходится вытирать. Когда послѣ вытиранія ребенокъ будетъ одѣтъ, онъ долженъ походить по комнатѣ минутъ 10—15 и затѣмъ уже только приступить къ ѣдѣ. Эти вытиранія холодной водою въ высшей степени благотворно дѣйствуютъ на весь организмъ ребенка, укрѣпляютъ нервы, придаютъ бодрость, энергію и силы, избавляютъ отъ простуды вообще, и въ особенности горла (нѣкоторыя формы болѣзни котораго такъ опасны для дѣтскаго возраста), содѣйствуютъ предохраненію отъ преждевременнаго развитія чувственности и онанизма.

Глава X. Нравственное воспитаніе.

Какимъ долженъ быть нравственный человѣкъ.—Высшая цѣль воспитанія.—Какъ направить нравственное воспитаніе, чтобы оно наименѣе уклонялось отъ идеала.—Воспитаніе воли.—Вліяніе воли на тѣло и духъ.—Упражненіе воли не требуетъ дрессировки, а должно вытекать изъ законныхъ требованій жизни.—Вѣра въ свои силы и ея значеніе.—Ослабленіе воли.—Признаки и причины этого явленія.—Въ чемъ заключается воспитаніе характера.—Необходимость пробуждать сочувствіе, состраданіе, интересъ и любовь къ ближнему.—Подавленіе низменныхъ инстинктовъ,—Воспрещеніе дѣтямъ истязать животныхъ.—Подавленіе властолюбія и жадности.—Необходимость удовлетворять природному стремленію ребенка къ дѣятельности.—На какія занятія должно направлять дѣятельность ребенка до школьнаго возраста.—Подражаніе.—Насколько эта черта дѣтскаго характера должна вызывать осмотрительность воспитателей.—Возможно ли при воспитаніи обойтись безъ наказаній.—Сущность теоріи естественныхъ наказаній.—Насколько состоятельна эта теорія.—Примѣръ воспитанія семьи изъ дѣйствительной жизни.

Въ нашемъ очеркѣ о нравственномъ воспитаніи читатель не найдетъ ни предписаній, ни правилъ, какъ исправлять дѣтей отъ того или другаго порока. Въ дѣтскихъ недостаткахъ, несомнѣнно, очень много общаго, но ихъ оттѣнки и условія, при которыхъ они являются, такъ разнообразны, что однимъ и тѣмъ же средствомъ исправлять двухъ дѣтей рѣшительно невозможно. Даже и при совершенно одинаковой житейской обстановкѣ, повидимому черезъ чуръ строгая мѣра для одного такъ ничтожна для другого, что не оказываетъ на него никакого дѣйствія. Къ тому же, при индивидуальныхъ особенностяхъ каждаго питомца и при такой сложной физической и психической организаціи, какою награждаетъ природа ребенка, едва ли возможно выработать совершенно точныя и опредѣленныя правила для воспитанія. Вопросы нравственнаго и умственнаго воспитанія мы разсматриваемъ вообще и стараемся познакомить нашихъ читателей съ ними настолько, насколько они разработаны въ современной педагогіи и психологіи, указываемъ примѣры того, какъ тѣ или другіе вопросы, тѣ или другія теоріи примѣняются у насъ на практикѣ, какіе результаты получаются отъ этого примѣненія, насколько безнравственно и вредно, полезно или безполезно то или другое направленіе воспитанія съ физіологической и этической точки зрѣнія.

Что же такое нравственное воспитаніе?

Прежде чѣмъ говорить о нравственномъ воспитаніи, спросимъ себя, что такое нравственный человѣкъ. Обратитесь съ этимъ вопросомъ къ нѣсколькимъ людямъ, и вы получите совершенно различныя опредѣленія. Разные классы общества совсѣмъ не сходятся между собою въ своихъ идеалахъ, въ своихъ понятіяхъ о нравственности. Идеалъ женщины въ небогатомъ кругу—любящая мать и жена, которой близки общественные интересы, которая

стремится расширить свой умственный горизонтъ, личность трудящаяся, избѣгающая роскоши, на дѣлѣ сочувствующая бѣдному и несчастному. В модномъ свѣтскомъ кругу наибольшимъ уваженіемъ пользуется та женщина, которая ни въ какихъ житейскихъ обстоятельствахъ не поступится внѣшними приличіями, однимъ словомъ такая, которая свято будетъ хранить предразсудки праздныхъ людей. Тѣмъ болѣе діаметрально противоположныя возрѣнія на нравственность имѣетъ одно поколѣніе сравнительно съ другимъ. Родовая месть нашихъ предковъ, крѣпостное право, высокомѣрное обращеніе власть имѣющихъ съ подчиненными, богатыхъ съ бѣдными,—все это считается теперь предосудительнымъ, между тѣмъ со всѣмъ этимъ вполнѣ мирились еще недавно весьма порядочные люди.

По нашему мнѣнію, теперь должно считать нравственнымъ человѣка, котораго горе, лишенія, житейскія дрязги и неудачи не надламываютъ, не гнутъ въ разныя стороны. Лишенія лишь обогащаютъ его житейскимъ опытомъ, а неудачи пробуждаютъ въ немъ тонкій анализъ въ отношеніи къ окружающему, и прежде всего въ отношеніи къ самому себѣ. Такой человѣкъ искренно сознается, когда неудача произошла по его неловкости или недостаточной подготовкѣ къ дѣлу; но это сознаніе не разслабитъ его нервы до безполезнаго самобичеванія, до желчной злобы и ненависти къ людямъ; собственныя неудачи не пошатнутъ его вѣры въ честность и достоинство человѣка вообще. Нравственнымъ мы называемъ того, у кого воля подчиняется разсудку, кто умѣетъ уравновѣсить жажду наслажденія (такъ часто низводящую человѣка до животнаго) со святыми обязанностями въ отношеніи къ своей семьѣ и къ людямъ вообще. Нравственный человѣкъ всегда одинъ и тотъ же при всякомъ общественномъ и матеріальномъ положеніи. Получитъ ли онъ въ наслѣдство всѣ богатства Калифорніи, его мысли и руки работаютъ, какъ и прежде; онъ не сдѣлается отъ этого ни строптивымъ повелителемъ, ни божкомъ, передъ которымъ будутъ курить ѳиміамъ. Онъ, какъ и прежде, будетъ презирать двуногихъ животныхъ, всегда готовыхъ ползать на четверенькахъ передъ золотымъ тельцомъ. Онъ можетъ быть и не раздастъ своего богатства нищимъ: трудолюбивая жизнь научила его видѣть нужду не тамъ только, гдѣ ее выставляютъ на показъ; но это самое богатство дастъ ему возможность трудиться съ пользою въ болѣе широкой сферѣ. Потерявъ свое богатство, онъ будетъ такъ же веселъ, бодръ, способенъ къ труду, какъ и тогда, когда его получилъ. Крезъ онъ или нищій, его убѣжденія, его друзья—всегда одни и тѣ же. Такимъ можетъ и долженъ быть каждый, и это далеко еще не идеалъ высоконравственной личности. Въ чемъ состоитъ высокая нравственность—нечего много изъяснять; стоитъ только вспомнить о благородныхъ личностяхъ въ родѣ Роберта Овена, Гарибальди, Песталоцци, Бѣлинскаго, отдавшихъ всю свою жизнь до послѣдняго вздоха на служеніе обществу и честной идеѣ. Такой энергіи, желѣзной воли, геройства чести, нравственной высоты, конечно, не всякій можетъ достигнуть; но воспитаніе въ образованномъ обществѣ тѣмъ и должно отличаться, чтобы внушить глубокое уваженіе къ подобнымъ личностямъ. Человѣкъ, умственно и нравственно развитой, свято выполняя свои семейныя обязанности, также строго будетъ относиться и къ своей общественной дѣятельности. Онъ никогда не будетъ роптать, что на долю его не выпала возможность совершить исполинское дѣло; но въ немъ вѣчно будетъ копошиться червякъ, не дающій ему покоя при страданіи всякаго человѣка, кто бы онъ ни былъ. Нравственно и умственно развитый долженъ отличаться отъ необразованнаго хорошаго человѣка тѣмъ, что согласится скорѣе тысячу разъ споткнуться на вновь

пролагаемомъ пути, чѣмъ идти по дорогѣ, проложенной дѣдами. Идти по новому пути его заставитъ та же жизненная энергія, которая всегда заставляла его все извѣдать своимъ трудомъ и личнымъ опытомъ и спрашивать самого себя: „не легче ли будетъ вотъ такъ приносить другому счастье?“ „Какъ бы мнѣ не думать только о своемъ чревѣ?“ Правда, благородство характера, открытая, честная натура, въ большинствѣ случаевъ, дѣлаютъ человѣка несчастнымъ, но за то эти качества уже навѣрно ведутъ къ благополучію его ближнихъ.

Но какая же высшая цѣль воспитанія?—Высшая цѣль воспитанія, по опредѣленію древнихъ,—„mens sana in corpore sano“ (въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа). „Хорошо воспитывать“, говоритъ Руссо въ „Эмилѣ“, „значитъ пріучать пользоваться всѣми органами, чувствами, способностями, всѣми нашими членами, всѣми частями нашего существа“.—„Воспитаніе маленькихъ дѣтей“, поясняетъ Песталоцци, „есть ничто иное, какъ устремленіе вниманія на разнообразные предметы, окружающіе ребенка; оно есть ничто иное, какъ правильное упражненіе чувствъ, нѣжныхъ стремленій сердца, языка, памяти, способности мышленія и тѣлесныхъ способностей дѣтей“. Вотъ что говоритъ по этому поводу Спенсеръ въ своей книгѣ о воспитаніи: „Какъ обращаться съ тѣломъ, какъ обращаться съ умомъ, какъ вести дѣла, какъ вести семью, какъ дѣйствовать въ роли гражданина, какъ воспользоваться всѣми источниками счастья, которыми снабжаетъ насъ природа, какъ употребить всѣ наши способности съ наибольшею выгодою для насъ и для другихъ, какъ жить наиболѣе полно,—вотъ великая задача, къ разрѣшенію которой должно приготовить насъ воспитаніе“.

Ко всему сказанному современные педагоги прибавляютъ еще требованіе, чтобы воспитаніе имѣло въ виду наслѣдственность, а также пользу и процвѣтаніе человѣческаго рода; послѣднее должно выразиться въ томъ, чтобы вся сумма воспитательныхъ вліяній и воздѣйствій приводила бы человѣка въ концѣ концовъ къ выработкѣ въ себѣ стремленія содѣйствовать физическому, умственному и нравственному усовершенствованію породы въ своемъ потомствѣ.

Такимъ образомъ воспитаніе должно преслѣдовать двоякую цѣль: 1) гармоническое развитіе въ индивидуумѣ всѣхъ способностей, свойственныхъ человѣку и полезныхъ не только для него лично, а также для его потомства и общества; 2) должно развивать тѣ наслѣдственныя склонности, которыя ведутъ къ физическому благополучію, къ нравственному усовершенствованію и умственному обновленію даннаго индивидуума и общества, среди котораго онъ живетъ, и подавлять вредныя для этой цѣли наслѣдственныя склонности. „Воспитаніе“, какъ совершенно справедливо говоритъ Смайльсъ, „должно развивать всего человѣка, не давая преобладанія и не подавляя какой нибудь стороны его существа. Если вы станете развивать только физическую сторону человѣка, то получите атлета или дикаря; если обратите вниманіе исключительно на нравственную силу,—воспитаете идеалиста, а если усилите развитіе однѣхъ умственныхъ способностей, въ результатѣ окажется больной чудакъ или сумасшедшій“.

Разумное воспитаніе должно имѣть въ виду настолько укрѣпить и закалить здоровье ребенка, чтобы онъ могъ впослѣдствіи, безъ ущерба для физическихъ силъ, безъ отчаянія и душевной горечи переносить матеріальныя лишенія, физическую боль, приспособить организмъ къ перемѣнамъ климата и температуры, закалить нервную систему, такъ какъ нервность создаетъ дряблыхъ, никуда негодныхъ субъектовъ и вноситъ въ потомство зачатки ослабленія мозговой дѣятельности или нервныхъ страданій, что ведетъ въ

концѣ концовъ къ полному вырожденію. Въ нравственномъ отношеніи воспитаніе должно научить мужественно выносить невзгоды и житейскія неудачи терпѣнію и усидчивости въ трудѣ, умѣнью выполнять свой долгъ и обязанности относительно семьи, пробудить общественные инстинкты, привить и усовершенствовать честныя привычки и дать имъ разумное направленіе, развить альтруистическія склонности, укрѣпить волю и совѣсть, чувство чести, благородной гордости и независимости; въ умственномъ отношеніи—должна быть развитъ интересъ къ окружающей природѣ и людямъ, наблюдательность, любознательность и вѣчное стремленіе къ умственному усовершенствованію.

Но какъ слѣдуетъ вести, какъ направить ребенка такъ, чтобы онъ въ будущемъ стремился къ достиженію высшаго идеала или, по крайней-мѣрѣ, наименѣе уклонялся отъ него? Для этого, прежде всего, необходимо съ первыхъ лѣтъ сознательной жизни ребенка воспитывать его волю и характеръ.

Воля—самый могущественный рычагъ нравственнаго и умственнаго самоусовершенствованія. Человѣкъ можетъ быть лишь настолько нравственнымъ, дѣятельнымъ, трудолюбивымъ, а слѣдовательно и умственно развитымъ, насколько развита его воля.

Когда говорятъ, что у человѣка сильная воля, подразумѣваютъ *обыкновенно* личность, которая неуклонно идетъ къ разъ намѣченной цѣли, и наоборотъ, человѣкъ съ слабою волею колеблется, отличается неустойчивостью. Человѣкъ съ сильною волею не легко подчиняется первому впечатлѣнію, не приходитъ ни къ какимъ выводамъ на основаніи только одного этого впечатлѣнія,—понятно, что мнѣнія и выводы такого человѣка носятъ характеръ болѣе солидный, самостоятельный, оригинальный и оставляютъ *болѣе* плодотворный слѣдъ, чѣмъ у человѣка съ слабою волею. Чѣмъ менѣе человѣкъ подчиняется условіямъ своего организма, своимъ болѣзненнымъ склонностямъ, привычкамъ и страстямъ, тѣмъ сильнѣе его воля, а вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ опредѣленнѣе его цѣль и характеръ его дѣйствій. И наоборотъ, чѣмъ легче онъ подчиняется первому впечатлѣнію, чѣмъ болѣе находится подъ властью страстей и привычекъ, чѣмъ болѣе колебаній испытываетъ онъ при рѣшеніи, чѣмъ болѣе у него противорѣчій между словомъ и дѣломъ, тѣмъ слабѣе его воля.

Если воля недостаточно упражняется съ ранняго возраста, если ребенку даютъ возможность руководствоваться лишь своими личными желаніями, соображаться исключительно съ своими удовольствіями, если въ немъ не развили ни трудолюбія, ни послушанія,—съ нимъ будетъ одно изъ двухъ: или у него совсѣмъ не будетъ выработана воля, или изъ него выйдетъ самодуръ, который будетъ обнаруживать смѣлость и рѣшимость лишь въ поступкахъ, несообразныхъ ни съ божескими, ни съ человѣческими законами.

Такимъ образомъ, воля можетъ быть полезною для себя и другихъ или гибельною, разумною и безразсудною, однимъ словомъ желательною или вовсе нежелательною.

Подъ волею подразумѣваютъ также способность дѣлать выборъ, дѣйствовать по тѣмъ, а не инымъ, мотивамъ; кто обладаетъ ею, тому она даетъ возможность предпочитать одни мотивы своихъ дѣйствій другимъ, выбирать между самыми противоположными побужденіями, между жадностью и умѣренностью, лѣнью и дѣятельностію. Человѣкъ отдаетъ предпочтеніе тому, къ чему у него укоренилась потребность въ дѣтствѣ, къ чему пріучили его съ малолѣтства, къ чему развитъ былъ его интересъ и что одобряетъ его сознаніе, мышленіе и пониманіе. Изъ сказаннаго ясно, что и здѣсь нравственное развитіе должно идти рука объ руку съ умственнымъ.

Волю ребенка слѣдуетъ направлять такъ, чтобы онъ свои желанія удовлетворялъ лишь тогда, когда это не приноситъ вреда его ближнимъ, чтобы онъ умѣлъ поступиться удовольствіями, когда это необходимо. Такимъ образомъ, воспитывая волю, развиваютъ въ то же времяи самообладаніе,— качество весьма цѣнное и существенное для жизни, а также дисциплину и строгій контроль надъ своими дѣйствіями, отсутствіемъ чего мы, русскіе люди, такъ страдаемъ. Только укрѣпивъ волю ребенка, которая уже въ самомъ раннемъ дѣтствѣ обуздываетъ эгоистическія склонности и подавляетъ животные инстинкты, можно воспитать человѣка, который будетъ дѣйствовать не по велѣніямъ своихъ прихотей, а во имя высшихъ, нравственныхъ идей и побужденій. Только такой человѣкъ добивается *истинной* самостоятельности, а не *призрачной*, какую очень часто и получаютъ у насъ молодые люди, когда родители предоставляютъ имъ свободу дѣлать, что угодно.

Воля имѣетъ громадное вліяніе какъ на духъ, такъ и на тѣло человѣка. Какъ велико ея вліяніе на представленія, видно изъ того, что человѣкъ силою воли можетъ произвольно вызвать въ умѣ образы друзей, предметовъ, видѣнныя картины, сцены изъ жизни. Извѣстный артистъ Ланглуа разсказываетъ, къ какимъ средствамъ онъ прибѣгалъ, когда хотѣлъ произвести въ публикѣ особенно поразительный эффектъ своею игрою: силою воли онъ превращалъ разодѣтыхъ зрителей театральной залы въ скелетовъ, тогда имъ овладѣвало страшное волненіе, придававшее необыкновенную силу его игрѣ.

Слѣдующій случай показываетъ вліяніе воли на ощущенія: въ провинціи Анверъ существовалъ извѣстный врачъ, который могъ во всякое время и въ какой угодно части своего тѣла произвольно вызвать болѣе или менѣе сильную боль.

Какое вліяніе воля оказываетъ на мускулы, видно изъ того, что докторъ Кальмель могъ такъ подражать припадкамъ эпилепсіи, что когда однажды онъ искусственно произвелъ ихъ при докторахъ, наиболѣе знакомыхъ съ симптомами этой болѣзни, одинъ изъ нихъ воскликнулъ: „бѣдный другъ, онъ эпилептикъ!“ Едва были произнесены эти слова, какъ Кальмель поднялся и спросилъ, продолжаютъ ли его друзья и теперь еще думать, что невозможно притворяться эпилептикомъ.

Силою воли можно искусственно производить различныя дыхательныя движенія, подражать зѣвотѣ, рыданію, продолжительному смѣху, кашлю, чиханію. Воля несомнѣнно имѣетъ чрезвычайное вліяніе на мочеиспусканіе, испражненіе и на дѣятельность сердца. Отвлекая вниманіе отъ своихъ болѣзненныхъ ощущеній, человѣкъ можетъ сильно вліять на ослабленіе мучительныхъ болей и припадковъ, а иногда и совершенно устранять ихъ или по-крайней мѣрѣ отдалять ихъ на продолжительное время. Силою воли можно сдержать чувство голода, избѣжать тошноты во время морской болѣзни, зубной боли и другихъ страданій. „Иммануилъ Кантъ (авторъ „Критики чистаго разума“), страдая на старости подагрой, устранялъ мучительные приступы боли и связанную съ ними безсонницу тѣмъ, что все свое вниманіе сосредоточивалъ на какой-нибудь мысли. Кромѣ того, имѣя очень узкую и плоскую грудь и страдая сердцебіеніями, онъ чувствовалъ сильную наклонность къ ипохондріи; но, уяснивъ себѣ, что подобное мрачное настроеніе обусловливается особенностями его груди, онъ рѣшилъ пересилить свое настроеніе; и мало по малу это удалось ему, такъ что, хотя чувство стѣсненія въ груди и продолжалось по прежнему, однако настроеніе его духа, по его собственнымъ словамъ, отличалось уже спокойствіемъ и тихою веселостью.

На основаніи подобныхъ наблюденій Кантъ прямо высказываетъ мысль, что, отвлекая вниманіе отъ своихъ болѣзненныхъ ощущеній, человѣкъ можетъ содѣйствовать своему исцѣленію, а во многихъ случаяхъ даже и прямо устранять силою своей воли различные болѣзненные припадки.—Гартманнъ передаетъ о себѣ, что прежде его безпокоила ничему неуступавшая, упорная икота; но въ настоящее время онъ, вслѣдствіе постояннаго упражненія, дошелъ до того, что усиліемъ воли можетъ прекратить икоту почти мгновенно, и высказываетъ совершенно вѣрную мысль, что цѣлесообразнымъ воспитаніемъ въ дѣтствѣ можно было бы достигнуть того, чтобы люди управляли гораздо больше отправленіями своего тѣла". („О значеніи психическихъ явленій" профессора Манассеина).

Если силою воли можно устранять, задерживать и ослаблять физическія болѣзни и страданія, то понятно будетъ ея великое значеніе для дѣятельности и всей моральной жизни человѣка. И это естественно: воля лежитъ въ основѣ всего человѣческаго существа; она сущность человѣческой души, самовластный хозяинъ его дѣйствій, основа его духовнаго и тѣлеснаго бытія, и мы находимъ, что опредѣленіе ея значенія у Маудсли вполнѣ вѣрно, нисколько не преувеличено и прекрасно опоэтизировано: „это сила", говоритъ онъ, „самаго высшаго порядка, сила, выше которой до сихъ поръ природа ничего не производила; это—расцвѣтъ всѣхъ ея чудныхъ твореній". А вотъ и опредѣленіе Рибо: „воля, въ строгомъ смыслѣ слова, есть вѣнецъ, послѣднее слово развитія, результатъ большаго числа дисциплинированныхъ въ іерархическомъ порядкѣ стремленій, — она представляетъ совершеннѣйшій видъ того, что называется дѣятельностію". Но эта сила, имѣющая столь благодѣтельное значеніе для человѣка, можетъ, какъ мы уже замѣтили, и вредить ему и другимъ, дѣйствовать противъ здраваго смысла.

Какъ и всякая способность человѣка, воля требуетъ упражненія и совершенствованія: ребенокъ, который встрѣчаетъ лишь баловство, котораго не пріучаютъ къ усидчивому труду, комфорту и удовольствіямъ котораго приносятъ въ жертву покой близкихъ, которому не даютъ даже возможности испытать, что у него одержитъ верхъ—чувство жалости къ отцу или эгоистическія побужденія,—такой ребенокъ не можетъ совершенствовать своей воли, а если она и упражняется, то въ нежелательномъ направленіи, и изъ него уже въ дѣтствѣ вырабатывается Китъ-Китычъ въ миніатюрѣ, а впослѣдствіи онъ покажетъ себя передъ близкими и во весь ростъ. Дѣти, даже и при добрыхъ природныхъ склонностяхъ и при правильномъ умственномъ развитіи, могутъ выходить деспотами, эгоистами, своевольными и самодурами, если только домашняя обстановка не благопріятствовала развитію воли. Такіе и въ зрѣломъ возрастѣ, даже и при хорошихъ стремленіяхъ, обыкновенно не могутъ довести до конца начатаго дѣла какъ въ сферѣ практической, такъ и интеллектуальной.

Конечно, существуетъ немало примѣровъ, что люди, и при неправильномъ воспитаніи, „благодаря энергической борьбѣ съ своими страстями", говоритъ Ломброзо („Геніальность и помѣшательство"), „выходили потомъ на прямую дорогу. Но подобное самовоспитаніе представляетъ все таки слишкомъ большія трудности, особенно въ зрѣломъ возрастѣ. Гораздо легче могутъ достигнуть хорошихъ результатовъ родители и воспитатели молодаго поколѣнія. Они должны знать, что примѣръ ихъ имѣетъ на дѣтей огромное вліяніе, подобно тому какъ истерія матери переходитъ къ дочерямъ, и всѣ дурныя привычки родителей, всѣ психическія ненормальности ихъ непремѣнно отражаются на дѣтяхъ, между прочимъ, даже въ силу безсознатель-

наго подражанія. Затѣмъ, воспитателямъ никогда не слѣдуетъ добиваться того, чтобы изъ ихъ питомцевъ вышли такъ называемыя „феноменальныя дѣти“ (Wunder-kinder) и для этой цѣли обременять мозгъ ихъ непосильными занятіями, вслѣдствіе чего обыкновенно задерживается физическое развитіе ребенка и является предрасположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ. Такъ же вредно дѣйствуетъ на дѣтей непомѣрная требовательность, суровость обращенія и отсутствіе ласки, благодаря чему ребенокъ, не находящій удовлетворенія своему любящему сердцу среди окружающихъ, получаетъ склонность къ фантазированію и мечтательности. Но едва ли не губительнѣе еще отражается на дѣтяхъ излишняя снисходительность родителей, дающая полный просторъ развитію упрямства, прихотей и ничѣмъ не сдерживаемыхъ капризовъ. Изъ такихъ дѣтей обыкновенно выходятъ люди, неспособные ни къ самообладанію, ни къ упорной борьбѣ съ невзгодами жизни: они или гибнутъ при первомъ же столкновеніи съ суровой дѣйствительностію, или превращаются въ бездушныхъ эгоистовъ.“

Въ чемъ же заключается воспитаніе воли? *Воспитаніе воли заключается въ пріученіи ребенка управлять своими движеніями, чувствами и мыслями.*

У новорожденнаго нѣтъ воли: вся его дѣятельность проявляется крикомъ или плачемъ и множествомъ безсознательныхъ, безпорядочныхъ и безцѣльныхъ движеній, представляющихъ матеріалъ, изъ котораго формируется воля. Задача воспитателя заключается въ томъ, чтобы не стѣснять движеній ребенка, но давать имъ полный просторъ и разумное направленіе. Стѣсняютъ *проявленіе* свободныхъ движеній въ первые мѣсяцы жизни узкою, неудобною одеждою и свивальниками, чего слѣдуетъ избѣгать. Когда ребенокъ подростаетъ и начинаетъ сидѣть, являются и другіе тормазы.

Воля, сознаніе и вниманіе, развивающіяся одновременно, возникаютъ у ребенка приблизительно на 3-мъ или 4-мъ мѣсяцѣ жизни; но, прежде чѣмъ обнаружится воля, у ребенка является память пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній (пріятными ощущеніями принято считать такія, которыя нѣсколько возбуждаютъ ребенка, не нарушая нормальнаго хода его физическаго состоянія), что можно замѣтить у новорожденныхъ уже на 4-й или 5-й недѣлѣ, а иногда и раньше. Ребенку пріятно оставаться у груди матери, и онъ плачетъ, когда его кладутъ въ постельку. Если мать безъ нужды подчиняется этому требованію, она создаетъ неблагопріятную почву для развитія воли, сознанія и вниманія.

Когда ребенокъ начинаетъ улыбаться, повертывать головку, протягивать ручки къ предметамъ и ухаживающимъ за нимъ лицамъ, у него уже начинаетъ формироваться память представленій. Онъ отличаетъ няню отъ матери, блестящій предметъ отъ безцвѣтнаго и свое предпочтеніе выказываетъ тихимъ или шумливымъ „гуркованіемъ“, нерѣдко съ взвизгами и выкриками, очень часто сопровождая все это смѣхомъ, смѣшаннымъ со слезами и съ суетливымъ протягиваніемъ рученокъ. Этотъ періодъ жизни дѣтей подаетъ много поводовъ къ развитію капризовъ, но мы не будемъ останавливаться на немъ, такъ какъ подробно говорили объ этомъ въ предъидущихъ очеркахъ.

Безпорядочныя, безцѣльныя движенія ребенка становятся все болѣе цѣлесообразными: онъ хватаетъ тотъ или другой предметъ, ударяетъ имъ о столъ, о кроватку, безъ конца сбрасываетъ его на полъ и т. п.,—все это показываетъ уже большую степень упорядоченія движеній сравнительно съ предъидущимъ періодомъ, а также и постепенное проявленіе воли, вниманія и сознанія.

Приблизительно на 2-мъ году жизни, у ребенка является желаніе дви-

гать стульями, табуретками, перевозить громоздкія вещи,—тутъ уже вмѣстѣ съ упражненіемъ мускуловъ проявляется еще большее развитіе воли. Если эти желанія не грозятъ опасностью для жизни и здоровья ребенка, ихъ нужно удовлетворять, не вмѣшиваясь въ его занятія, но при случаѣ помогая ему осуществить то или другое желаніе. Въ это время слѣдуетъ быть особенно внимательнымъ къ ребенку: только не упуская его изъ виду, можно догадаться, что онъ желаетъ устроить изъ ряда стульевъ, которыми загромоздилъ всю комнату такъ, что онъ самъ не можетъ свободно двигаться среди нихъ, или связанныхъ другъ съ другомъ игрушекъ. Въ этихъ случаяхъ воспитатель долженъ придти на помощь ребенку, чтобы, такъ сказать, очистить арену для его дальнѣйшихъ комбинацій, но предоставивъ ему въ нихъ полнѣйшую самостоятельность. Однимъ словомъ, воспитатель долженъ только помогать самостоятельнымъ упражненіямъ дитяти, какъ въ періодъ его младенческой жизни, такъ и въ послѣдующій, когда онъ начинаетъ ходить, бѣгать и лазить: онъ долженъ поднять мячикъ, брошенный ребенкомъ, если онъ самъ не въ состояніи еще достать его, придвинуть для него стулъ или столъ, если на это не хватаетъ у ребенка силъ, но отнюдь не отвлекать его отъ самостоятельныхъ занятій. Ребенокъ сороковой разъ ударяетъ резиновою куклою о столъ,—пусть его ударяетъ этой куклою еще хотя сто сорокъ разъ, но вы никоимъ образомъ не должны препятствовать ему въ этомъ, не должны отвлекать его отъ этого занятія какимъ нибудь другимъ предметомъ; ребенокъ каждый разъ производитъ при этомъ самыя разнообразныя движенія всѣмъ своимъ тѣломъ и каждый разъ имѣетъ возможность наблюдать предметъ съ новой точки зрѣнія.

Въ первый періодъ жизни ребенка (приблизительно съ 1 года до 3–4-хъ) всего легче воспитывать его волю и давать ей должное направленіе, и это потому, что она не тверда еще у малютки, не окрѣпла, желанія его въ высшей степени мимолетны, измѣнчивы и скоропроходящи. Волю ребенка легко направлять въ этотъ періодъ жизни, но лишь въ томъ случаѣ, если его еще не успѣли испортить баловствомъ, не сдѣлали изъ него купца и божка, которому не возбранялось трогать, хватать, бить и уничтожать все, къ чему онъ тянулся и что просилъ. Если ребенка не избаловали, его легко убѣдить, въ чемъ угодно. Прейеръ даетъ для этого прекрасный примѣръ. Если я, говоритъ онъ, своему ребенку $2^1/_2$ лѣтъ, среди ѣды, рѣшительно, но съ увѣренностію, не допускающею возраженій, говорю громко, но такъ, чтобы не испугать его,—„дитя больше не хочетъ ѣсть“, ребенокъ въ большинствѣ случаевъ немедленно кладетъ на столъ кусокъ, который онъ уже былъ готовъ проглотить, и прекращаетъ ѣду. Впрочемъ въ этомъ каждая мать можетъ убѣждаться ежедневно: ребенка нужно вести гулять, но онъ такъ заигрался, что предстоитъ долго его уговаривать, чтобы онъ оставилъ начатое; иной разъ можно ожидать и сопротивленія, просьбъ и даже слезъ; мать, вмѣсто продолжительныхъ пререканій съ ребенкомъ, живо и весело говоритъ ему: „скорѣй, скорѣй, бросай все... пойдемъ гулять... что мы только увидимъ сегодня...“ И тѣмъ же живымъ и веселымъ голосомъ она перечисляетъ то, что навѣрно предстоитъ встрѣтить на прогулкѣ. Можно смѣло сказать, что мать въ громадномъ большинствѣ случаевъ достигнетъ желаемаго, а развивъ въ ребенкѣ путемъ привычки послушаніе, исполненіе разумныхъ требованій, она кладетъ надлежащій фундаментъ для правильнаго развитія воли.

Такъ же легко отвлечь вниманіе ребенка на нѣкоторое время отъ чувства голода, отъ боли, которую онъ себѣ причинилъ, настоять на томъ, чтобы онъ

выпилъ непріятное лекарство, однимъ словомъ, чтобы онъ выполнилъ ту или другую обязанность. Если родители не вносятъ въ воспитаніе ребенка вреднаго для него сентиментализма, недопускающаго упражненія воли, а напротивъ всегда твердо настаиваютъ на томъ, чтобы онъ дѣлалъ то, что слѣдуетъ, и при этомъ ребенку постоянно приходится поступаться своими желаніями, то уже въ первые годы жизни его можно легко пріучить выполнять маленькія обязанности, сдерживать аффекты и дурные инстинкты, положить зачатки трудолюбія и альтруистическихъ склонностей.

И такъ, упражненіе воли должно начинаться очень рано, *съ первымъ пробужденіемъ сознанія, но оно никогда не должно быть искусственною гимнастикою.*

Теперь, когда педагоги и психологи обратили серьезное вниманіе на то, что усовершенствованіе органовъ внѣшнихъ чувствъ и психическихъ силъ достигается лишь путемъ правильныхъ упражненій съ ранняго дѣтства, такъ какъ неупражняемый органъ атрофируется, возникли въ этомъ отношеніи нѣкоторыя преувеличенія и передержки. Выражается это въ томъ, что многіе прибѣгаютъ для этого къ упражненіямъ, которыя можно назвать муштровкой. Необходимость упражнять волю съ ранняго дѣтства заставляетъ нѣкоторыхъ производить слѣдующіе эксперименты: пришло время кормить ребенка, и голодъ уже выражается слезами и просьбами дать поѣсть, но они находятъ вреднымъ исполнить немедленно его желаніе, и, желая испытать его терпѣніе, начинаютъ въ его присутствіи кипятить молоко; чтобы ребенокъ не отказывался принимать лекарство, когда это будетъ нужно, его безъ надобности пріучаютъ къ пріемамъ хинина, но въ такихъ дозахъ, которыя не производятъ вліянія на организмъ, а заставляютъ лишь испытывать непріятныя вкусовыя ощущенія и т. п. Все это намъ кажется вредною, не ведущею къ цѣли дрессировкой. Жизнь, каждый день, на каждомъ шагу, даетъ такой богатый матеріалъ для упражненія воли, характера, терпѣнія, послушанія, что нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ. Родители должны наблюдать за тѣмъ, чтобы ребенокъ всегда выполнялъ свои обязанности, и если ихъ требованія соразмѣрны съ его силами, не дѣлать ему поблажекъ въ виду того, что-де сегодня не сдѣлалъ—сдѣлаетъ потомъ, когда подростетъ и поумнѣетъ. Если ребенокъ видитъ, что ему постоянно запрещаютъ трогать одинъ и тотъ же предметъ, отказываютъ исполнить его желаніе не подъ вліяніемъ каприза или раздраженія, онъ постепенно начинаетъ понимать, что онъ *можетъ* просить и чего не долженъ. Даже въ домахъ, гдѣ нѣтъ особенной *послѣдовательности* въ воспитаніи, но гдѣ по опыту пришли къ необходимости никогда не дозволять ничего трогать дѣтямъ съ рабочаго стола, родители наглядно убѣждаются въ томъ, какъ легко и скоро они достигли этого; въ такихъ случаяхъ, когда младшія дѣти тянутся, чтобы схватить какую нибудь бумагу со стола, старшіе дѣти 4 и 5 лѣтъ въ ужасѣ вскрикиваютъ: „развѣ это можно? Вѣдь это папинъ столъ!“

Если родители, отказывая своимъ дѣтямъ выполнить ихъ желанія, руководятся не цѣлями дрессировки и муштровки, а требованіями жизни, они въ то же время пріучаютъ ребенка *владѣть своими чувствами и мыслями.* Въ такомъ воспитаніи еще и то преимущество, что дѣти безпрестанно наталкиваются на случаи, совершенно убѣждающіе ихъ въ законности предъявляемыхъ имъ требованій, тогда какъ при дрессировкѣ и при искусственныхъ и выдуманныхъ требованіяхъ этого не можетъ быть. Если маленькому ребенку запрещаютъ зажигать спички, топить сюргучъ, сахаръ и т. п., онъ можетъ безпрестанно убѣждаться въ законности и необходимости подобнаго запре-

щенія. Если онъ въ этомъ ослушается, онъ очень часто можетъ быть наказанъ тѣмъ, что обожжетъ себѣ руку, или убѣдится въ этомъ на примѣрѣ другаго, а если бы и не случилось ни того ни другаго, то все же онъ очень скоро пойметъ, что съ огнемъ плохія шутки, тогда какъ при искусственномъ пріемѣ хинина и т. п. вещахъ ему можетъ придти мысль о самодурствѣ родителей.

Обузданіе и ослабленіе аффектовъ, сильно содѣйствующихъ параличованію воли, представляютъ наиболѣе существенный элементъ для пріученія ребенка владѣть своими чувствами и мыслями, а слѣдовательно и для упражненія его воли. Столь же важно для укрѣпленія воли упражненіе вниманія, но въ предъидущемъ очеркѣ мы достаточно выяснили его значеніе.

Одно изъ наиболѣе дѣйствительныхъ средствъ укрѣпить волю и дать ей надлежащее направленіе—*развивать вѣру въ свои силы*. Эта вѣра въ свои силы совершенно противоположна самодовольству, самоувѣренности, самонадѣянности,—качествамъ въ высшей степени антипатичнымъ и антисоціальнымъ, вредящимъ прогрессивному движенію общества. Самоувѣренный и самодовольный считаетъ себя выше другихъ, преувеличиваетъ размѣры своихъ дарованій, находитъ прекраснымъ все, что онъ дѣлаетъ. Самоублажая себя, человѣкъ при подобныхъ качествахъ засушиваетъ сердце и въ зародышѣ уничтожаетъ въ себѣ всякое побужденіе къ самоусовершенствованію. Совершенно иное міросозерцаніе и поведеніе вырабатываетъ тотъ, у кого развита вѣра въ свои силы: неудача не приводитъ его въ отчаяніе, не надламываетъ его, а заставляетъ сближаться съ людьми, просить ихъ совѣта и не терять надежды на то, что онъ съ помощью энергіи и труда въ концѣ концовъ добьется своего. И такой всегда добивается. Вотъ эту-то вѣру въ свои силы воспитатели и должны развивать въ своемъ питомцѣ съ ранняго его возраста. Во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно вредно давать чувствовать маленькому существу, что оно неспособно, безтолково, глупо или лѣниво. Въ глазахъ самого ребенка скорѣе слѣдуетъ уменьшать всѣ его недостатки и уже никоимъ образомъ не увеличивать ихъ. При неудачѣ, происшедшей отъ его нерадѣнія, ребенку можно только дать почувствовать, что сегодня вышла съ нимъ незадача совершенно случайно, бесѣдовать съ нимъ по этому поводу въ томъ смыслѣ, что это бываетъ со всякимъ, а что завтра, когда онъ хорошо выспится, будетъ менѣе утомленъ, да если еще къ тому же выпадетъ хорошая погода,—онъ навѣрно все пойметъ и прекрасно окончитъ начатое. Такое снисходительное отношеніе къ ребенку не только дѣйствуетъ ободряющимъ образомъ, но болѣе, чѣмъ порицанія, вызоветъ стыдъ за свой поступокъ и сдѣлаетъ невозможнымъ повтореніе его на другой день. Къ тому же это и вполнѣ согласуется съ истиною: лѣнь, разсѣянность и другіе недостатки, если только они не являются результатомъ плохаго воспитанія, зависятъ обыкновенно отъ мозговаго переутомленія или отъ какого нибудь болѣзненнаго состоянія. Строго руководясь правиломъ,—не давать ребенку ничего непосильнаго, нужно воодушевить его вѣрою въ собственныя силы. Ребенокъ не можетъ окончить начатаго рисунка, не достроилъ изъ кирпичиковъ домика, не можетъ заучить наизустъ басни—укажите ему болѣе легкій способъ придти къ тому, къ чему онъ стремится, объясните ему то, чего онъ не понимаетъ, убѣдите его въ томъ, что, поработавъ надъ этимъ нѣсколько разъ, онъ навѣрно достигнетъ желаемаго. Всѣ эти объясненія предлагайте въ веселой, живой формѣ, чтобы не только то, что вы ему говорите, но и самая ваша манера говорить интересовала, оживляла, убѣждала его и толкала на дѣятельность.

Тѣми же пріемами должны руководиться воспитатели и въ сферѣ нрав-

ственной. Если дѣти поняли, что окружающіе смотрятъ на нихъ, хотя въ какомъ-нибудь отношеніи, не благосклонно, они стараются оправдать такое мнѣніе о себѣ. Это странное явленіе замѣчено громаднымъ большинствомъ педагоговъ-практиковъ. Ребенка считаютъ „лѣнивымъ“,—и онъ старается увильнуть отъ работы, „злымъ“—и онъ отъ времени до времени выкидываетъ злыя выходки, „неспособнымъ“ — и онъ не вникаетъ въ объясненія, „рѣзвымъ“ и „шаловливымъ“ — онъ не пропуститъ случая, чтобы удержать за собою эти эпитеты. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ заниматься съ дѣтьми, которые считались отпѣтыми лѣнтяями и неспособными. „Видишь, какъ ты скоро и хорошо понимаешь...“ замѣтила я однажды девятилѣтней дѣвочкѣ, которая прекрасно повторила прочитанный и объясненный ей разсказъ. „Неправда!.. я дура... мама говоритъ...“ и дѣвочка зарыдала.

Дурное мнѣніе старшихъ о дѣтяхъ оскорбляетъ ихъ, заставляетъ глубоко страдать, возмущаетъ ихъ противъ родителей и волнуетъ, что, какъ мы уже знаемъ, подавляетъ энергію и разстроиваетъ нервную систему. Такіе пріемы оказываются пагубными и зловредными для умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей, такъ какъ они угнетаютъ память, ослабляютъ вниманіе и вызываютъ дурные инстинкты. Чувствуя, что старшіе презрительно относятся къ тѣмъ или другимъ способностямъ, къ той или другой чертѣ его характера, ребенокъ и самъ теряетъ вѣру въ себя и въ свои силы, и въ нравственномъ отношеніи катится внизъ, по наклонной плоскости. То же можно сказать и относительно взрослыхъ. Поднять человѣка въ его собственномъ мнѣніи и во мнѣніи окружающихъ—самое дѣйствительное средство измѣнить его къ лучшему въ нравственномъ отношеніи. Множество фактовъ изъ тюремной жизни подтверждаютъ сказанное. Адвокатъ тепло и сочувственно отнесся къ закоренѣлому преступнику, при всѣхъ горячо пожимаетъ ему руку, и этотъ преступникъ совершенно измѣняетъ свое предосудительное поведеніе въ тюрьмѣ.

Мнѣніе Гюйо по этому поводу заслуживаетъ полнаго вниманія: „Воспитывая ребенка, всегда слѣдуетъ помнить правило — предполагать въ немъ хорошія качества и добрую волю. Всякое заключеніе о нравственности ребенка, высказанное ему въ лицо, немедленно становится внушеніемъ. „Какъ онъ золъ или лѣнивъ! Ему ни за что не сдѣлать того или этого!“ Сколько пороковъ получили свое начало вовсе не изъ наслѣдственнаго предрасположенія, а изъ такихъ вотъ фразъ,—вообще изъ неумѣлаго воспитанія. Поэтому, когда ребенокъ сдѣлалъ что-нибудь нехорошее, не слѣдуетъ преувеличивать въ его глазахъ дурное значеніе его проступка. Дѣти, вообще, живутъ слишкомъ безсознательной жизнью для того, чтобы дѣлать зло преднамѣренно; навязывая имъ предвзятыя намѣренія, злую волю, воспитатели не только ошибаются, но даже часто внушаютъ имъ эту волю: *предположить порокъ значитъ иногда—создать его*“. (Воспитаніе и наслѣдственность, стр. 28).

Воспитатель долженъ употреблять всѣ усилія, чтобы внушить ребенку вѣру въ свои силы, надежду на то, что онъ все пойметъ, все сдѣлаетъ, если только хорошенько захочетъ, добросовѣстно отнесется къ предпринятому труду и усидчиво поработаетъ надъ нимъ. Эта вѣра въ свои силы дѣлаетъ человѣка настойчивымъ въ достиженіи своей цѣли, одушевляетъ его энергіею къ труду и укрѣпляетъ волю, имѣющую такое великое значеніе для всей жизни и будущей дѣятельности человѣка.

Дѣти и взрослые и при развитіи воли могутъ страдать періодическимъ, а иногда и хроническимъ ослабленіемъ ея. Болѣзни воли очень разнообразны; иногда онѣ сопровождаются умственнымъ разстройствомъ, даже разстройствомъ

всей психической дѣятельности человѣка, но нерѣдко обнаруживаются и при нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Чрезвычайно странное впечатлѣніе производятъ подобные люди: они сохраняютъ всѣ свои физическія и умственныя силы, кромѣ воли, мало того, они даже испытываютъ желаніе продолжать попрежнему свою дѣятельность, но не находятъ для этого въ себѣ достаточно энергіи; ихъ одолѣваетъ какое-то безсиліе, которое ихъ угнетаетъ, но они не могутъ преодолѣть его: „заставьте меня хотѣть это сдѣлать“, отвѣчалъ такой больной, когда ему совѣтовали ѣхать путешествовать.

Ослабленіемъ воли страдаютъ и взрослые, и дѣти. Главною причиною этой болѣзни считаютъ ослабленіе чувствительности; въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно бываетъ поражена аффективная сторона душевной жизни, способность приходить въ состояніе волненія; вмѣстѣ съ этимъ у нихъ въ большинствѣ случаевъ болѣе или менѣе подавлена жизненная дѣятельность; физическіе симптомы состоятъ въ замедленіи кровообращенія, въ пониженіи температуры тѣла и въ большей или меньшей неподвижности. Изъ моральныхъ явленій особенно замѣтно въ такихъ случаяхъ отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, сильное ослабленіе энергіи. Больной субъектъ при этомъ внутренно страдаетъ, раздражается, что окружающіе считаютъ его за это *низшимъ* существомъ, а между тѣмъ продолжаетъ поступать попрежнему или, лучше сказать, не можетъ выйти изъ своего нерѣшительнаго, апатичнаго состоянія, хотя и старается первое время бороться противъ этого. Если эта борьба не увѣнчается успѣхомъ, у него является все болѣе болѣзненныхъ симптомовъ: хандра, упадокъ силъ, ослабленіе дѣятельности организма. Если болѣзнь развивается на благопріятной почвѣ, то дѣло кончается параличемъ воли, извѣстнымъ у врачей подъ названіемъ „абулія“. На ослабленіе воли особенно сильно вліяютъ нервныя разстройства и душевныя потрясенія.

Воля служитъ основною чертою *характера* (одинъ изъ психологическихъ терминовъ, который каждый употребляетъ по своему). Въ обыденной жизни подъ словомъ характеръ подразумѣваютъ какъ волю, такъ и внутреннія чувства человѣка. И это имѣетъ свое основаніе: воспитаніе наиболѣе благородныхъ чувствъ человѣка должно идти рука объ руку съ воспитаніемъ воли и способствовать ея усовершенствованію и укрѣпленію, иначе въ результатѣ получится не воля, а своеволіе. Изъ области внутреннихъ чувствъ человѣка воспитатели должны обратить особенное вниманіе на пробужденіе въ ребенкѣ *состраданія, сочувствія, интереса и любви къ ближнимъ*. Эти чувства служатъ основою нравственности и наиболѣе пригодны для того, чтобы дать честное и полезное направленіе волѣ.

Научить дѣтей любить — должно быть первою заповѣдью воспитанія. Трогательно говоритъ по этому поводу Жанъ-Поль-Рихтеръ: „выказывайте дѣтямъ только пріязнь. Любовь — единственное правило нравственности. Учите ребенка любить; учите сначала отрицательно, запрещая обижать всякое мельчайшее существо, пріучайте смотрѣть на всякую жизнь, какъ на нѣчто священное, боритесь противъ дѣтскаго инстинктивнаго эгоизма. Потомъ положительно возбуждайте способность пріязни и заставляйте ее дѣйствовать. Любовь—плодъ раннихъ годовъ. Учите любви въ наше печальное, темное время. Вамъ самимъ, родители, у вашего смертнаго одра отраднѣе будетъ встрѣчать заплаканные глаза сыновей, нежели жадно нетерпѣливые взгляды наслѣдниковъ“.

Только любящіе, сострадательные въ дѣтствѣ, вырабатываютъ въ послѣдствіи стремленія, направленныя на то, чтобы вносить въ людское общество свѣтъ, знаніе, счастіе. Въ нашъ тщеславный вѣкъ, когда стремленія къ

роскоши и наживѣ сказываются все сильнѣе и сильнѣе, особенно необходимо обращать вниманіе на развитіе въ дѣтяхъ любви къ ближнему, гуманныхъ чувствъ и состраданія. Раздача бѣднымъ обносковъ и копѣечекъ, возлагаемая на дѣтей въ видахъ практики состраданія, прививаетъ лишь барскія замашки и высокомѣрное отношеніе къ низшимъ. Отдать грошъ, который самому не гожъ, можетъ самый черствый эгоистъ, и раздача милостыни въ такомъ вкусѣ скорѣе всего заглушаетъ въ ребенкѣ лучшія стороны сердца, такъ какъ при этомъ ему не приходится поступаться чѣмъ бы то ни было: ни любимою вещью, ни игрою. У человѣка, привыкшаго раздавать подобную милостыню, сердце можетъ и не обливаться кровью при видѣ чужаго страданія. Помощь, оказываемая бѣдняку, нравственна и плодотворна только тогда, когда ребенокъ, оказывая ее, этимъ самымъ лишаетъ и себя чего нибудь: лакомства, удовольствія, веселой игры. Отдавая бѣдняку объѣдки со стола, ненужную ветошь, ребенокъ выказываетъ ему лишь высокомѣріе и презрѣніе, остается такъ же далекъ отъ него, какъ и прежде, нисколько не интересуется его судьбой, условіями его жизни, его радостями и печалями; такъ же, какъ и прежде, онъ продолжаетъ смотрѣть на него, какъ на нѣчто совершенно чуждое для него, какъ на человѣка, неимѣющаго съ нимъ ничего общаго. Совсѣмъ въ другія отношенія вступаетъ онъ съ бѣднымъ товарищемъ, если дѣлится съ нимъ тѣмъ, чѣмъ могъ бы пользоваться самъ вполнѣ безраздѣльно, или когда, вмѣсто игры въ веселой компаніи, онъ просидитъ съ больною нянею, занимая ее разсказами и чтеніемъ. Тутъ ребенокъ невольно входитъ въ положеніе несчастнаго, все болѣе интересуется его судьбою, ближе знакомится съ его житейскою обстановкою и, мало по малу, его горе и радость становятся ему понятными, близкими, и онъ привыкаетъ ихъ дѣлить съ нимъ. А если ребенокъ будетъ принимать сердечное участіе въ нѣсколькихъ лицахъ изъ окружающей его среды, онъ становится мягче вообще, чувствительнѣе къ горю ближняго, и въ то же время у него вырабатываются вниманіе и наблюдательность къ людской жизни. При такомъ воспитаніи нравственное и умственное развитіе идутъ рука объ руку.

Особенно полезно для питомца, если у него уже съ дѣтскаго возраста вырабатывается живой интересъ къ ближнему. Воспитатель долженъ поддерживать и расширять область такого интереса, такъ какъ онъ избавитъ его въ будущемъ отъ безплодныхъ фантазій и хандры. У него всегда будетъ живое дѣло въ рукахъ, твердая почва подъ ногами; онъ скоро убѣдится въ томъ, какъ много добра и пользы можетъ принести каждый при желаніи, даже и въ томъ случаѣ, если размѣры его физическихъ силъ и умственныхъ способностей не велики. Развитіе состраданія къ людямъ даетъ человѣку въ будущемъ еще одно великое преимущество: счастіе всей своей жизни онъ не будетъ строить на однихъ своихъ личныхъ чувствахъ, на одномъ своемъ собственномъ сердцѣ. Если личная жизнь не задается, онъ найдетъ отраду, утѣшеніе и забвеніе своего горя въ мысли, что онъ не безполезенъ для окружающихъ. Наконецъ, только вполнѣ сострадательный человѣкъ не будетъ впослѣдствіи самодовольнымъ порицателемъ чужихъ пороковъ и страстей, такъ какъ онъ болѣе, чѣмъ кто либо, склоненъ понимать сложныя причины, вызывающія ихъ, и всю тяжесть борьбы съ ними. Если жизнь такого питомца впослѣдствіи и не будетъ усыпана розами, то взамѣнъ этого онъ будетъ испытывать высокое нравственное удовлетвореніе, котораго онъ не промѣняетъ ни на какія сокровища въ мірѣ. Если бы каждый воспитатель задался такою нравственною задачей, если бы онъ съ такою же заботливостью, какъ и объ экзаменахъ своего питомца, относился и къ вопросу, насколько онъ за тотъ

или другой періодъ времени подвинулся впередъ къ разрѣшенію главной нравственной задачи, тогда навѣрно многимъ бы на свѣтѣ стало легче жить. „Если люди", говоритъ Милль, „имѣющіе сколько нибудь сносную внѣшнюю обстановку, не видятъ въ жизни ничего, что давало бы ей цѣну въ ихъ глазахъ, то это происходитъ обыкновенно оттого, что они ни о чемъ иномъ никогда не думали, какъ только о самихъ себѣ. Для людей, которые не имѣютъ никакихъ привязанностей, ни общественныхъ, ни частныхъ, сумма жизненныхъ возбужденій значительно сокращается, и даже самая жизнь теряетъ для нихъ всякій интересъ, когда они видятъ, что смерть готовится уже положить конецъ всѣмъ ихъ эгоистическимъ интересамъ; для тѣхъ же людей, напротивъ, которые оставляютъ послѣ себя предметы личной привязанности, и въ особенности для тѣхъ, которые развили въ себѣ участіе къ коллективнымъ интересамъ человѣчества, жизнь, даже и на смертномъ одрѣ, не только не теряетъ своего интереса, но сохраняетъ его въ той же силѣ, въ какой имѣла для нихъ во время ихъ молодости и здоровья". („Утилитаріанизмъ", стр. 32).

Но развитіе этихъ добрыхъ качествъ сердца не можетъ имѣть ни малѣйшаго значенія, если воспитатель не будетъ въ то же время *подавлять* въ ребенкѣ множество проявляющихся съ ранняго дѣтства *животныхъ инстинктовъ* и дурныхъ склонностей. Самою выдающеюся склонностью, являющеюся у большинства дѣтей, можно считать страсть мучить животныхъ. Это происходитъ отъ многихъ причинъ, и наиболѣе важная изъ нихъ кроется, вѣроятно, въ наслѣдственномъ чувствѣ самосохраненія: ребенокъ испытываетъ страхъ передъ всѣмъ неизвѣстнымъ, бѣжитъ отъ него, предполагая въ немъ опасность, врага, или самъ нападаетъ на него; отчасти это происходитъ вѣроятно и отъ неудовлетворенной любознательности ребенка. Игрушку, которую ребенокъ видитъ въ первый разъ, куклу, съ которою онъ играетъ, музыкальный ящикъ, къ звукамъ котораго онъ прислушивается съ удивленіемъ, однимъ словомъ, каждый предметъ онъ старается изслѣдовать до корня, то есть разбиваетъ его, разламываетъ. То же самое чувство, вѣроятно, руководитъ имъ и относительно животнаго, когда онъ набрасывается на него съ остервененіемъ, если только оно въ свою очередь не выказываетъ такихъ же точно поползновеній относительно ребенка. Прежде, чѣмъ ребенокъ хотя разъ испытаетъ дикое наслажденіе бить и мучить животное, прежде, чѣмъ онъ доведетъ себя до злости и остервененія, воспитатель долженъ вызвать къ нему ласку и нѣжность. Если ребенокъ не желаетъ ласкать животное, не принуждайте его къ этому, старайтесь достичь желаемаго постепенно: играйте съ животнымъ въ присутствіи ребенка, приласкайте его, и ребенокъ очень скоро познакомится съ животнымъ и будетъ подражать вашему обхожденію съ нимъ. Воспитатель долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы ребенокъ никогда не мучилъ животныхъ; эта привычка оставляетъ слѣдъ на всю жизнь, дѣлаетъ его злымъ и переходитъ въ истинную жестокость относительно людей.

Эгоистомъ, себялюбцемъ и властолюбцемъ проявляетъ себя ребенокъ и въ отношеніи своихъ сверстниковъ и товарищей. Нѣкоторые воспитатели, руководимые самыми высшими соображеніями, заставляютъ своего ребенка *постоянно и во всемъ уступать другимъ*, но такое отношеніе вызываетъ въ дѣтяхъ раздраженіе и злобу; единственный принципъ, которымъ можно руководиться въ этихъ случаяхъ,—справедливость и равенство.

Другимъ низменнымъ инстинктомъ, общимъ большинству дѣтей, является жадность и страсть къ собственности. 3-хъ-лѣтній мальчикъ уже кричитъ на товарища, когда тотъ начинаетъ самостоятельно распоряжаться его вещами,

не любитъ своего уступать другому. Единственный способъ искоренять этотъ недостатокъ, грозящій перейти въ скаредность, самый презрѣнный изъ всѣхъ человѣческихъ пороковъ,—пріучать дѣтей съ самаго ранняго возраста дѣлиться съ окружающими всѣмъ, что они имѣютъ, стараться окружать ихъ обществомъ товарищей однолѣтокъ, причемъ ребенку волею неволею приходится во многомъ поступаться своею собственностью.

Человѣкъ, высшее наслажденіе котораго—суетное удовлетвореніе своего пустаго тщеславія или пошлыхъ инстинктовъ, конечно, не особенно нравственный человѣкъ; въ тайникахъ своей души онъ несомнѣнно носитъ много пустоты и сердечной испорченности. Но его еще нельзя вполнѣ считать порочнымъ. Бросая свои средства безалаберно, можетъ быть для пошловатыхъ и мелкихъ цѣлей, онъ все же можетъ и не быть зараженъ такою узкостью сердца, какъ скряга. „Въ мотѣ", говоритъ Герценъ, „есть что-то избалованное, прихотливое, распущенность характера гетеры; въ скупцѣ—что то преступное, антисоціальное; онъ похожъ на шакала, онъ хуже его. Дидро говоритъ, что онъ знаетъ только одинъ порокъ, и этотъ порокъ—скупость. Ревнивая привязанность къ имуществу—безнравственна; богатство хранимое болѣе развращаетъ человѣка, нежели богатство расточаемое; оно, какъ тяжелая гиря, стягиваетъ къ землѣ всякій порывъ, всякую благородную мысль". Многіе воспитатели 60-хъ гг., имѣя въ виду вредъ развитія скаредности и скупости, старались дѣтямъ до школьнаго возраста не давать ни малѣйшаго понятія о деньгахъ: не разсчитывались въ ихъ присутствіи съ извощикомъ, не дѣлали при нихъ покупокъ, не упоминали о деньгахъ. Разумѣется, трудно было твердо и логично провести въ жизнь такой принципъ (да и вредно, конечно), и въ результатѣ выходило немало курьезовъ. Зачѣмъ скрывать отъ дѣтей обыденное явленіе жизни, играющее въ ней столь видную роль? Вовсе не портитъ ребенка и обычай давать ему деньги,—все дѣло въ томъ, какое онъ изъ нихъ сдѣлаетъ употребленіе.

Самовластіе и любовь къ господству также сказываются въ характерѣ многихъ дѣтей. Посмотрите на игру, устроенную дѣтьми самостоятельно; въ большинствѣ случаевъ одинъ властвуетъ надъ другими, и всѣ остальные ему подчиняются. Характерно и то, что властвуетъ обыкновенно не самый умный, не самый изобрѣтательный, а самый смѣлый, энергичный и рѣшительный. Укоренившееся властолюбіе порождаетъ въ окружающихъ зависть, вражду, злобу и портитъ характеръ ребенка, привыкшаго командовать, развивая въ немъ комичную авторитетность и самомнѣніе. Необходимо игры дѣтей устраивать такъ, чтобы всѣ дѣти поочередно были распорядителями.

Подражаніе—не порокъ, а характерная склонность ребенка, которая можетъ послужить ему во вредъ или принести пользу, смотря потому, какого сорта люди его окружаютъ. Трудно представить себѣ, до какой степени ребенокъ склоненъ къ подражанію: онъ слышитъ, что кто нибудь кашляетъ, отплевывается,—и старается сдѣлать то-же самое; онъ ходитъ, заложивъ за спину руки и усиливаясь дѣлать огромные шаги, стараясь подражать дядѣ; задувая свѣчку, сдвигаетъ брови, какъ это дѣлаетъ его старая няня. Однимъ словомъ, ребенокъ подражаетъ всему, что онъ видитъ, все старается перенять отъ старшихъ; ихъ голосъ, манеру ходить, выраженіе физіономіи, слова, привычку быстро или медленно говорить, нѣжность или суровость къ окружающимъ людямъ и животнымъ, крикливость, брань, раздражительность, нетерпѣніе, проявленія вспыльчивости и гнѣва. Намъ кажется излишнимъ говорить о томъ, насколько эта дѣтская страсть къ подражательности обязы-

ваетъ родителей и воспитателей быть осмотрительными и стараться представлять для дѣтей образцы болѣе или менѣе достойные подражанія.

Безнравственность ребенка, его раздражительность, капризы, лѣность и множество другихъ дурныхъ склонностей, даже пороки позднѣйшаго періода жизни въ сильной степени происходятъ оттого, что дѣти до школьнаго возраста привыкаютъ къ пустой, праздной жизни, которой и предаются впослѣдствіи все болѣе и болѣе. Если воспитатель не находитъ для ребенка подходящей дѣятельности, онъ вынуждаетъ его вести неправильную, скучную жизнь, болѣе всего побуждающую къ сквернымъ шалостямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кладетъ фундаментъ для безпутной жизни въ будущемъ. Это великое преступленіе уже потому, что *природа-мать вложила въ дѣтскую душу жгучее, горячее стремленіе къ дѣятельности.* Ребенокъ, неисковерканный до мозга костей, съ пеленокъ только и повторяетъ на разные лады: „дай мнѣ какую нибудь работу“, „дай мнѣ что нибудь подѣлать“, „я хочу тебѣ *помочь*“. „Какъ мнѣ скучно!“ твердятъ тѣ изъ нихъ, которые кромѣ куколъ ничего не брали въ руки. „Всего лучше“, говоритъ Бенеке, извѣстный педагогъ *и психологъ*, „если ребенокъ пріучается заглушать свое неудовольствіе, погружаясь въ какое нибудь самостоятельное занятіе; это средство должно *считаться* самымъ дѣйствительнымъ и для взрослаго и потому должно быть *усвоено* ребенкомъ какъ можно раньше, глубже и вѣрнѣе, и *стремленіе ребенка къ занятію* заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны воспитателя; его необходимо удовлетворять. Всякій, кто внимательно наблюдалъ надъ дѣтьми, долженъ знать, что бо́льшая часть ихъ шалостей происходитъ отъ скуки, или, выражаясь точнѣе, отъ скопленія разнообразныхъ силъ, нуждающихся въ употребленіи. Стремленіе видѣть, слышать и жажда работы для рукъ требуютъ удовлетворенія, какъ и стремленіе желудка переваривать пищу. Если же эти стремленія не удовлетворены, то они скопляются, производятъ извѣстное безпокойство и ищутъ исхода. Взрослые рѣже подвергаются такому состоянію, потому что кругъ ихъ представленій шире и скорѣе можетъ доставить исходъ вновь образующимся силамъ. Если же этого нѣтъ, то и у взрослаго мы замѣчаемъ то же безпокойство, тоску, метаніе изъ стороны въ сторону, и это состояніе можетъ достигнуть такой силы, что человѣкъ безъ всякой видимой причины доходитъ до отчаянія“.

И такъ, на воспитателѣ лежитъ обязанность, быть можетъ, важнѣйшая изъ всѣхъ, *доставлять занятія ребенку*, покуда тотъ ихъ не можетъ доставить себѣ самъ. Эти занятія кладутъ начало всѣмъ хорошимъ привычкамъ.

Задача воспитателя найти такой трудъ, который бы удовлетворялъ разнообразнымъ склонностямъ ребенка, развивалъ бы всѣ его душевныя силы. Слѣдовательно, самымъ воспитательнымъ, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ противъ огромнаго числа дѣтскихъ пороковъ является трудъ, доступный возрасту дитяти и его силамъ.

Всего болѣе необходимымъ для нравственнаго преуспѣянія дѣтей до школьнаго возраста мы считаемъ: 1) *физическій трудъ*, 2) *посильная домашняя обыденная работа, какъ помощь окружающимъ и какъ основа будущей самостоятельности*, 3) *наблюденія надъ окружающею природою и жизнью* и 4) *фребелевскія занятія*. О занятіяхъ перваго и втораго рода мы достаточно говорили въ очеркѣ о привычкѣ; наблюденіямъ ребенка надъ жизнью и природою посвящена слѣдующая глава; что касается фребелевскихъ занятій, то имъ отведено въ этой книгѣ нѣсколько очерковъ.

Нужны-ли наказанія, а если нужны, то какъ и въ какихъ случаяхъ

ихъ примѣнять? Вотъ наиболѣе существенный вопросъ нравственнаго воспитанія, сильно занимающій воспитателей.

Въ историческомъ очеркѣ о вліяніи крѣпостнаго права на складъ характера русскаго человѣка, мы уже говорили о вредѣ тѣлесныхъ наказаній для здоровья дѣтей и для ихъ нравственности, а потому здѣсь мы и не будемъ повторять сказаннаго. Въ самый горячій періодъ примѣненія этого постыднаго педагогическаго возмездія уже раздавались голоса противъ этого пагубнаго средства. Явились и писатели, предлагающіе это постыдное наказаніе замѣнить другимъ, менѣе унизительнымъ для человѣческаго достоинства. Между всѣми проектами и теоріями этого рода особенно замѣчательна *теорія естественныхъ наказаній*.

Сущность *естественныхъ наказаній* заключается въ томъ, что ребенокъ долженъ чувствовать и отвѣчать за всѣ послѣдствія своихъ дурныхъ поступковъ. Въ силу этого принципа воспитатель не придумываетъ наказанія, а беретъ слѣдствіе поступка и во всей простотѣ примѣняетъ его къ ребенку. Жанъ-Жакъ Руссо, рядомъ блистательныхъ аргументовъ, а иногда и софизмовъ, первый сталъ превозносить теорію естественнаго воспитанія и теорію естественнаго наказанія. Въ то время всѣ теоріи Руссо имѣли страстныхъ послѣдователей и поклонниковъ, и это понятно: „Emile ou de l'éducation“ Руссо былъ первымъ лучемъ свѣта въ темномъ царствѣ педагогическихъ идей, и его теорію естественнаго наказанія долго примѣняли лучшіе, образованные люди. Въ послѣднее время значеніе ея стало замѣтно ослабѣвать, какъ вдругъ, лѣтъ 20-ть тому назадъ, она воскресла съ новою силой: причиною этого было то, что она нашла себѣ защитника въ лицѣ Спенсера. Вскорѣ послѣ выхода книги Спенсера о воспитаніи, теорію эту стали выдавать за нѣчто новое, опять стали увлекаться ею и примѣнять на практикѣ. Вотъ какъ понималъ Руссо теорію естественнаго наказанія: „il ne faut jamais infliger aux enfants le châtiment comme châtiment, mais il doit toujours leur arriver comme une suite naturelle de leur mauvaise action“, т. е. никогда не слѣдуетъ наказывать дѣтей *ради наказанія*, но оно должно быть естественнымъ слѣдствіемъ дурнаго поступка.

Не думайте, чтобы Спенсеръ свою *теорію естественныхъ наказаній* строилъ на какихъ нибудь научныхъ данныхъ, какъ это онъ дѣлаетъ въ другихъ случаяхъ. Въ своей книгѣ „Умственное, нравственное и физическое воспитаніе“ онъ по этому поводу просто представляетъ рядъ случаевъ, которыми желаетъ убѣдить въ законности своей системы. Вотъ что онъ говоритъ: „Если ребенокъ падаетъ или ударяется головою объ столъ, онъ ощущаетъ боль, воспоминаніе о которой заставитъ его быть болѣе осторожнымъ. Если онъ дотронется до рѣшетки камина, сунетъ руку въ пламя свѣчи, прольетъ кипятокъ на какую-нибудь часть тѣла, обварка или обжогъ, происходящіе отъ этого, будутъ для него урокомъ, который онъ не скоро забудетъ. Впечатлѣніе, производимое однимъ или двумя происшествіями такого рода, такъ глубоко, что никто не уговоритъ потомъ ребенка пренебрегать законами своего организма“. „Это не искусственно и ненужно наложенная боль, а просто благотворное обуздываніе дѣйствій, нарушающихъ тѣлесное благосостояніе, обуздываніе, безъ котораго жизнь была бы скоро уничтожена вслѣдствіе поврежденій тѣла. Особенность этихъ наказаній, если мы уже должны называть ихъ такъ, лежитъ въ томъ, что они суть *непремѣнныя послѣдствія* дѣйствій, за которыми слѣдуютъ; они ничто иное, какъ *неизбѣжныя реакціи* дѣйствій ребенка.“

Конечно, самое вѣрное и точное знаніе то, которое непосредственно

добыто собственнымъ наблюденіемъ; но нѣтъ, да и нельзя дать такого воспитанія, гдѣ бы всѣ знанія были непосредственно добыты личнымъ опытомъ. Возьмемъ въ примѣръ малаго ребенка: если вы захотите, чтобы онъ только по личному опыту узналъ, чего онъ можетъ просить и чего нѣтъ, почему не слѣдуетъ требовать того или другаго, то, прежде чѣмъ сдѣлать какой нибудь выводъ, ребенокъ получитъ весьма много опасныхъ поврежденій на своемъ тѣлѣ; наконецъ, такіе опыты часто вовсе отшибаютъ память. Однажды, знакомый намъ шестилѣтній ребенокъ хотѣлъ ближе подвинуть къ себѣ *new* самоваръ, чтобы разсмотрѣть устройство еще невиданнаго имъ крана. Самоваръ упалъ на ребенка, обжогъ и обварилъ его съ головы до ногъ. Ребенка подняли безъ чувствъ. Черезъ нѣсколько минутъ у него сдѣлался бредъ и открылась нервная горячка. Когда черезъ два мѣсяца, еще увязаннаго и укутаннаго, его въ первый разъ послѣ болѣзни посадили съ братьями и сестрами за чайный столъ, онъ съ удивленіемъ вскричалъ: „ахъ, у насъ новый самоваръ, какой странный кранъ, покажите мнѣ его поскорѣе!“

Да и можетъ ли воспитатель остаться равнодушнымъ въ то время, когда ребенокъ, по своей невинности, будетъ совать палецъ въ пламя огня? Невольнымъ движеніемъ онъ непремѣнно вырветъ опасную вещь *изъ рукъ дитяти*, хотя бы въ другихъ случаяхъ и вѣровалъ въ теорію естественнаго *метода*. Можно ли назвать тотъ методъ естественнымъ, противъ котораго возстаетъ сама человѣческая природа? Конечно, можетъ случиться, что дитя, воспитанное по этой теоріи, не искалѣчитъ себя (вѣдь выживаютъ же люди при антигигіеническій обстановкѣ); но мать, которая останется равнодушною и въ то время, когда опасный предметъ будетъ въ рукахъ дитяти, въ силу того убѣжденія, что онъ на другой разъ пріобрѣтетъ себѣ опытъ, поступаетъ съ человѣкомъ, какъ съ деревомъ, которое обжигаютъ. Правда, такое дерево никогда не сгніетъ, но оно никогда и не принесетъ ни сочныхъ плодовъ, ни освѣжительной зелени. Такая метода воспитанія можетъ загубить множество людей, но тотъ, кто ее вынесетъ, уже дѣйствительно обтерпится. Едва ли только онъ будетъ очень чувствителенъ къ страданію ближняго. Состраданіе, между прочимъ, развивается въ ребенкѣ и оттого, что окружающіе были съ нимъ сострадательны, но при методѣ естественныхъ наказаній онъ не могъ этого испытать.

Вотъ какими примѣрами подтверждаетъ Спенсеръ свою теорію естественныхъ наказаній. „Намъ часто случалось слышать“, говоритъ Спенсеръ, „какъ бранили маленькую дѣвочку за то, что она никогда не была готова къ ежедневной прогулкѣ. Живаго характера и способная углубиться въ занятіе минуты, Констанція никогда не думала одѣваться, пока остальныя дѣти не были уже готовы... Если Констанція не готова во́ время, естественный результатъ тотъ, чтобы ее оставили дома и лишили прогулки. А оставшись дома раза два-три, тогда какъ остальныя дѣти наслаждались въ полѣ, и замѣтивъ, что она лишилась любимаго удовольствія только вслѣдствіе неаккуратности, она вѣроятно исправилась бы“. Къ сожалѣнію мы не находимъ у Спенсера примѣровъ, какъ примѣнить къ ребенку эту теорію въ другихъ случаяхъ.

За обѣдомъ, не смотря на всѣ просьбы быть чистоплотнымъ, ребенокъ, по забывчивости, кладетъ на скатерть грязный ножикъ, или вмѣсто того, чтобы ѣсть теплый супъ, онъ вертитъ въ немъ ложкой; во время холода, чтобы посмѣшить товарищей, онъ надѣваетъ свою одежду шутовскимъ манеромъ. Какъ тутъ быть? По естественному методу, если питомецъ забываетъ ваше законное требованіе послѣ нѣсколькихъ повтореній, вы должны лишить его ножа, ложки, скатерти, одежды, или даже самой ѣды и прогулки на свѣ-

жемъ воздухѣ. Но вѣдь въ свѣжемъ воздухѣ, пищѣ нуждается дѣтскій организмъ для своего роста и развитія. Кромѣ того, забывчивость дѣтей, ихъ наклонность къ шалостямъ и къ игрѣ, тамъ, гдѣ надо серьезно отнестись къ дѣлу,—все это, по большей части происходитъ отъ недостатка опыта и умственнаго развитія. Живыя и забывчивыя дѣти очень часто оказывались бы повинными въ подобныхъ маленькихъ преступленіяхъ, и по этой теоріи ихъ безпрестанно пришлось бы лишать пищи, прогулки, и т. п. Представьте, какъ бы это вредно отразилось на развитіи организма, а слѣдовательно и мозга, значитъ, еще болѣе замедлило бы возможность скорѣе уразумѣть законность вашихъ требованій. Наконецъ, сплошь и рядомъ вялыя дѣти не охотники до прогулокъ, нѣкоторыя не любятъ того кушанья, котораго ихъ лишаютъ; тогда наказаніе, пожалуй, заставитъ ихъ еще чаще прибѣгать къ тѣмъ же продѣлкамъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ естественное слѣдствіе проступка не будетъ вовсе для ребенка наказаніемъ. Волею или неволею тутъ уже придется изобрѣтать искусственныя средства.

Теперь посмотримъ, какъ иногда дѣйствуютъ эти наказанія, когда онѣ попадаютъ въ цѣль.

Одинъ мальчикъ далъ пощечину своему товарищу. Маленькое общество должно было черезъ нѣсколько минутъ ѣхать кататься по дачамъ. Прогулки ждали уже двѣ недѣли, и дѣти, по поводу ея, строили не мало плановъ: какъ самимъ править лошадью, куда поѣхать. Въ эту минуту уже подъѣхалъ шарабанъ, и дѣти съ радостными криками высыпали на крыльцо.

— Ты съ товарищами дерешься, значитъ и не долженъ быть въ ихъ обществѣ,—оставайся дома,—сказала ему мать. И никакія мольбы и клятвы не помогли ребенку вымолить прощеніе. Въ истерическихъ рыданіяхъ онъ упалъ на полъ; когда голоса его товарищей смолкли, ребенокъ вскочилъ и притаилъ дыханіе, надѣясь что вотъ-вотъ его позовутъ ѣхать съ другими. Но никто его не звалъ, и тишина была передъ бурей. У мальчика вдругъ глаза засверкали зловѣщимъ огнемъ, губы исказились злобой; онъ то метался изъ угла въ уголъ, какъ дикій звѣрь въ клѣткѣ, то бился головою объ стѣну, падалъ на землю и отрывисто кричалъ: скверная, злая мама, не люблю... тебя убью, всѣхъ убью!.. Ай, поѣду, поѣду, пустите меня! — Такъ бѣсился ребенокъ часа три, пока не уснулъ на полу, избившись до крови. Когда мать на другой день подошла къ нему, онъ замахнулся, чтобы ударить ее, но, замѣтивъ ея сдвинутыя брови, отвернулся и не пошелъ пить чай. Когда вбѣжали дѣти и стали между собою вспоминать вчерашнюю прогулку, онъ не стерпѣлъ, вскочилъ, отвѣсилъ тому же самому товарищу еще болѣе полновѣсную оплеуху, и съ нимъ повторился вчерашній припадокъ, т. е. онъ сталъ бѣгать, бранить мать, биться головою о стѣну. Къ нему стали подбѣгать товарищи, но онъ съ такою яростью поднялъ на нихъ кулакъ, что дѣти въ ужасѣ разбѣжались. Знакомые, увидавшіе мальчика вечеромъ, когда онъ уже совершенно успокоился, и не знавшіе о происшествіи, думали, что онъ всталъ съ постели послѣ тяжелой болѣзни. Этотъ мальчикъ, котораго мнѣ послѣ этого пришлось видѣть въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, дрался по прежнему, но получилъ серьезную ненависть къ ребенку, который, хотя невинно, далъ поводъ такъ жестоко его наказать. Намъ кажется, что подобныя наказанія еще несравненно тяжелѣе и безнравственнѣе розогъ. По крайней мѣрѣ нравственная пытка болѣе продолжительна и гораздо сильнѣе озлобляетъ ребенка.

Всякій согласится съ тѣмъ, что наказанія, естестенныя онѣ или искусственныя, придуманы съ цѣлью вызвать страхъ, опасеніе вновь провиниться

передъ родителями. Слѣдовательно, ребенокъ пойдетъ на прогулку, станетъ чистоплотнымъ, услужливымъ, послушнымъ не потому, что онъ считаетъ это полезнымъ, не потому, что вѣритъ старшимъ и знаетъ, что его ничего не заставятъ дѣлать изъ личнаго каприза, а только изъ страха, изъ боязни подвергнуться наказанію, а мы уже знаемъ губительное вліяніе страха на здоровье и интиллектуальныя силы ребенка.

Чѣмъ же естественный методъ лучше другихъ наказаній, когда дѣйствіе его тотъ же страхъ, равно унизительный для человѣческаго достоинства *того*, кто его вызываетъ, какъ и того, кто его чувствуетъ? Однажды возбужденный страхъ заставляетъ ребенка думать о своемъ воспитателѣ: онъ можетъ все со мною сдѣлать и казнить, и помиловать. И въ силу такого убѣжденія, онъ начинаетъ хитрить, лицемѣрить, трусить, является множество и другихъ презрѣнныхъ, рабскихъ наклонностей.

Средство заставить ребенка сдерживать свои дурныя склонности, научить отказываться отъ того, что ему нравится, когда исполнить его желаніе затруднительно для старшихъ,—это развить волю дитяти. Всякое наказаніе, какое бы оно ни было, раздражаетъ ребенка. Если наказаніе не производитъ никакого дѣйствія, естественно, что воспитатель или замѣнитъ его другимъ, *или вовсе оставитъ*. То, что обыкновенно называютъ дѣйствіемъ наказанія, есть результатъ *сильнѣйшаго* раздраженія нервовъ, что болѣе всего способствуетъ ослабленію воли и притупленію чувствительности или ненормальной ея возбужденности, между тѣмъ, то и другое очень вредно.

Наконецъ всякое наказаніе можетъ, пожалуй, заставить ребенка поудержаться отъ дурной привычки, но никогда не вырветъ съ корнемъ порока. Ребенокъ, конечно, будетъ бояться продѣлывать при старшихъ то, за что онъ можетъ пострадать, но лишь только онъ не чувствуетъ надъ собою этой *узды*, дурная страсть принимаетъ еще болѣе обширные размѣры или является въ новой формѣ. Зло нельзя поправить зломъ и местью: исторія человѣчества говоритъ намъ, что грубые нравы смягчались только кротостью и образованіемъ.

Для иллюстраціи нашей мысли приведемъ образчикъ воспитанія, выхваченный нами изъ дѣйствительной жизни знакомой намъ семьи, гдѣ мать, не смотря на вольныя и невольныя погрѣшности даваемаго воспитанія, была проникнута до глубины души двумя важнѣйшими принципами — сознаніемъ необходимости давать дѣтямъ трудовой закалъ еще до школьнаго возраста и убѣжденіемъ тяжкаго вреда для нихъ отъ какихъ бы то ни было наказаній. Но прежде этого нахожу небезполезнымъ привести одинъ изъ разговоровъ на педагогическую тему, который въ той или другой формѣ чаще всего раздается въ интеллигентной средѣ. Въ этихъ спорахъ и толкахъ о воспитаніи насъ менѣе всего занимаютъ матери, которыя всюду носятъ съ собою грузный коробъ геніальныхъ дѣяній своихъ даровитыхъ дѣтей. Имѣя много дѣла съ различными дѣтьми, иногда весьма способными, мы признали полную справедливость словъ Руссо: „Иногда, слушая ребенка“, говоритъ онъ, „вы мысленно называете его геніемъ, черезъ минуту—дуракомъ. Но то и другое будетъ ошибочно: это только ребенокъ, лучше сказать, это орленокъ, который на минуту поднимается въ воздухъ и тотчасъ же падаетъ въ гнѣздо“. Съ особеннымъ интересомъ мы выслушивали матерей, которыя имѣли много личнаго опыта, сами вели воспитаніе дѣтей, откровенно высказывали свои удачи и неудачи.

— Я признаю,—говорила одна,—что теорія Руссо воспитывать дѣтей внѣ общества, чтобы сохранить ихъ естественную чистоту, въ примѣненіи къ

практической жизни, могла бы только повести къ самымъ плачевнымъ результатамъ, но нѣкоторой правды нельзя не признать за этою мыслію. Я рѣшительно не могу допустить знакомства дѣтей со всѣмъ житейскимъ. Я уже неговорю о знакомствѣ съ предметами, которые непонятны для ихъ ума и засоряютъ ихъ воображеніе грязными, недостойными образами. Я не допускаю даже, чтобы при дѣтяхъ велись мелкіе, денежные разсчеты. Вмѣсто того, чтобы дать имъ понятіе о высоко-нравственныхъ личностяхъ, приносившихъ себя въ жертву на пользу общества, прежде всего окунуть его въ круговоротъ торгашества, взаимной эксплуатаціи! Ни за что!.. Они у меня даже никогда не видятъ денегъ...

— Я думаю, это большой ущербъ для ихъ ариѳметическихъ знаній, возразила одна учительница.—Какъ вы думаете? обратилась она къ сосѣдкѣ.

— Право я не могу отвѣчать на это,—сказала женщина среднихъ лѣтъ, внимательно слушавшая пренія, такъ какъ даже не могу себѣ и представить что́ бы вышло изъ дѣтей, если бы на практикѣ къ нимъ стали примѣнять какую бы то ни было теорію отчужденія, удаленія,—покрайней мѣрѣ для меня это немыслимо: я живу такъ тѣсно съ дѣтьми, и въ переносномъ, и въ буквальномъ смыслѣ этого слова... скрывать отъ нихъ чтобы то ни было мнѣ очень трудно...

— Однако, не все-же можно объяснить ребенку,—замѣтила одна дама, нисколько не скрывая при этомъ двусмысленной улыбки.

— Очень многаго нельзя объяснить,—отвѣчала та совершенно серьезно,—но вы, повидимому намекаете на эмбріологическіе вопросы, которые дѣти часто задаютъ старшимъ. Мнѣ кажется, если бы педагоги такъ ретиво останавливались на томъ, какъ проще и удобнѣе выяснить дѣтямъ и другіе, не менѣе сложные вопросы, которые еще болѣе эмбріологическихъ интересуютъ ихъ, наша воспитательная практика ушла бы далеко впередъ. Наконецъ, если мать умѣетъ дать какую нибудь полезную пищу для ума дѣтей, то эмбріологическіе вопросы вовсе не играютъ у нихъ такой важной роли.

— Однако, скажите, пожалуйста, что вы отвѣчаете дѣтямъ, когда они пристаютъ къ вамъ съ подобными вопросами?

— Говорю, что охотно объяснила бы имъ, но они ничего не поймутъ.

— И они довольствуются?

— Они знаютъ, что я не полѣнюсь объяснить все, что они меня спросятъ, а если отказываю имъ сдѣлать это въ данную минуту, они привыкли вѣрить, что я дѣлаю это не изъ каприза.

Я изъявила желаніе поближе познакомиться съ методою воспитанія этой особы.

— Сдѣлайте одолженіе, заверните, когда время будетъ, только, если вы имѣете какія нибудь педагогическія цѣли, напередъ предупреждаю, очень разочаруетесь. Подумайте, можемъ ли мы, вынужденныя зарабатывать усидчивымъ трудомъ свой хлѣбъ, воспитывать дѣтей по всѣмъ правиламъ педагогіи? Можемъ-ли всегда быть съ ними ровны, веселы, справедливы, когда сплошь и рядомъ проводишь ночи за работой. А могутъ ли дѣти быть хорошо воспитаны, когда занимаешься съ ними урывками.

Мы скоро, однако, близко сошлись съ Лярской—такъ звали мою новую знакомую,—и я представлю на судъ читателей все то, что я видѣла у нея во время нѣсколькихъ моихъ посѣщеній, такъ какъ все это послужитъ къ нѣкоторому выясненію затронутаго въ обществѣ и въ педагогіи вопроса о нравственномъ воспитаніи.

Послѣ знакомства съ Лярской, я какъ-то зашла къ ней.

— Ну, славу Богу, сказала она, подавая мнѣ руку: сегодня удалось заняться съ дѣтьми во время. Идите, дѣти, завтракать въ другую комнату,— обратилась она къ нимъ.

— Ахъ мама!—завопили дѣти въ голосъ,—какъ ты сегодня мало съ нами занималась!

— Ну, смотри, маленькій, сказала Лярская, показывая часы младшему 6-тилѣтнему сыну

— Ну что-жъ? отвѣчалъ онъ: теперь только 12 часовъ, а ты начи заниматься въ $11^1/_2$ час. Только 10 минутами больше обыкновеннаго.

— А, помнишь, третьяго дня, за тобою еще оставалось 15 минутъ,— подхватилъ 8-ми-лѣтній ребенокъ,—а на той недѣлѣ ты тоже осталась у насъ въ долгу.

— Ну хорошо, хорошо, проговорила Лярская, смѣясь и цѣлуя ихъ. Когда нибудь всѣ долги покрою... А теперь идите-ка ѣсть, а то все простынетъ!

Старшій убѣжалъ, но младшій сталъ въ дверяхъ и проговорилъ, надувши губки: „Ты вчера вечеромъ кончила срочную работу, а послѣ этого на другой день ты всегда съ нами 20-ю минутами больше сидишь, да еще не въ счетъ играешь съ нами... Это изъ-за гостьи... не скажу, что хотѣлъ сказать...“ и мальчикъ расхохотался, быстро повернулся и убѣжалъ...

— Скажите, чѣмъ вы это такъ ихъ заинтересовали, что они считаютъ каждую секунду?

— Боже мой, сказала Лярская, неужели дѣти могутъ чѣмъ нибудь не-интересоваться? Не только со своими, но и со всѣми дѣтьми, съ которыми мнѣ приходилось заниматься, я никогда не встрѣчала, чтобы, послѣ назначеннаго часа или получаса, дѣти не приставали съ просьбою еще позаниматься. Работа заставляетъ меня меньше съ ними сидѣть, чѣмъ слѣдуетъ; не будь этого, по своей слабости я часто бы увлекалась вѣчнымъ ихъ увлеченіемъ, поддавалась бы на ихъ просьбы...

— Но младшему только 6 лѣтъ, не рано-ли вы начинаете его учить?

— Я его не учу въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ у насъ ученіе: онъ еще не знаетъ у меня ни читать, ни писать... Но оставить мальчика только бѣгать и бить баклуши до 10-ти лѣтъ, а потомъ сразу заставить зубрить три языка, посадить на 8—9 часовъ въ день склонять, спрягать, заучивать цѣлыя страницы опредѣленій, готовыхъ выводовъ и правилъ, прежде чѣмъ онъ сдѣлаетъ хотя одно самостоятельное наблюденіе,—нѣтъ, ужъ за это благодарю покорно! Какой прокъ въ школьномъ ученіи, когда вы напередъ не пробудили мысли, не остановили вниманія на тысячи окружающихъ, близкихъ ребенку предметахъ, совершенно доступныхъ его пониманію, и наконецъ, самое главное, возможно-ли требовать 4—5 часоваго постоянства въ трудѣ, когда передъ тѣмъ онъ шатается изъ угла въ уголъ, не привыкъ и полчаса поработать надъ однимъ и тѣмъ-же? При своей методѣ я убѣждена въ одномъ: мнѣ не только не придется ихъ упрекать въ лѣни, но всегда нужно будетъ сдерживать ихъ рвеніе къ занятіямъ. Теперь къ необыкновенной усидчивости и успѣхамъ побуждаетъ ихъ не конфетка, не копѣйка, какою награждаютъ дѣтей за прилежаніе, а ихъ собственная любознательность... Точно также и послѣ причиною ихъ рвенія, по крайней мѣрѣ я горячо вѣрю въ это, будетъ не желаніе ихъ добиться теплаго мѣстечка, а жажда знанія, истинный интересъ къ наукѣ.

На этомъ насъ прервала кухарка, которая прошла мимо насъ съ кострюлею въ рукахъ.

— Ахъ, Господи, да куда-же вы!—живо остановила ее Лярская, взявши изъ ея рукъ кастрюльку.—Вотъ, представьте хотя такой случай, обратилась она ко мнѣ.—Кажется, ну что значитъ поднести головалому ребенку горячій бульонъ?—пустяки; между тѣмъ, сколько тутъ порчи характера! Ребенка кормятъ всегда въ одно и то же время,—слѣдовательно, теперь онъ уже проголодался. Видъ бульона еще сильнѣе возбуждаетъ его голодъ; онъ проситъ ѣсть, кричитъ, плачетъ. Обыкновенно нисколько не торопятся удовлетворить такому законному требованію; напротивъ, при немъ студятъ его кушанье. Естественно, этимъ еще больше его поддразниваютъ. Ребенокъ синѣетъ отъ злости и крика. Матери при этомъ никогда и не думаютъ о послѣдствіяхъ. Ихъ только радуетъ, что у ребенка такой сильный аппетитъ. Между тѣмъ, слезы и волненіе его утомляютъ, и аппетитъ пропадаетъ. У другихъ-же дѣтей волненіе, напротивъ, вызываетъ усиленную дѣятельность; сразу просыпается, что называется, волчій голодъ: ребенокъ глотаетъ такъ, что давится отъ торопливости, не успѣвая смачивать пищу слюною. Какія же послѣдствія? Пища дурно переваривается, и ребенокъ становится раздражительнымъ. Спрашивается, зачѣмъ его пріучать ревѣть, злиться, настойчиво требовать, когда этого всего такъ легко избѣжать!.. Я даже и дверь притворяю, чтобы стукъ ложечки не напомнилъ ему, что тутъ дѣлается.

Когда Лярская остудила бульонъ, она поставила блюдечко на столъ и кликнула старшихъ дѣтей.

— Дѣтушки!—сказала она имъ, когда они вбѣжали,—ну-ка, скорѣе собирайте всѣ ваши игрушки изъ моего кабинета...

— А зачѣмъ это, мама?—спросилъ младшій.

— Развѣ ты забылъ?—перебилъ его старшій, подбирая игрушки и складывая все въ большой ящикъ,—мы сейчасъ ѣли, вотъ и Ваню будутъ кормить въ этой комнатѣ; такъ нужно, чтобы нашихъ игрушекъ здѣсь не валялось... Вотъ этими прутиками онъ глаза себѣ выколетъ, этимъ стеклышкомъ обрѣжется...

— А если слижетъ зеленую краску съ бочки, такъ отравится, умретъ...—подхватилъ младшій.—А вотъ это ему можно дать, это хорошая краска, впрочемъ, надо попробовать...

— Потомъ, потомъ, дѣти; уберите сначала игрушки.

Дѣти всѣ вмѣстѣ поволокли въ уголъ нагруженный игрушками ящикъ.

— Все-таки Ваня, пожалуй, увидитъ, что здѣсь игрушки,—сказалъ 6-ти лѣтній Коля,—прикроемъ-ка ихъ газетой, а то, вѣдь, Ванѣ это тоже нехорошо; онъ будетъ тянуться, просить, чего нельзя дать,—болталъ ребенокъ:—онъ, вѣдь, у насъ еще маленькій, ничего не понимаетъ... Только, вотъ, прочти, не сегодняшняя-ли газета?—сказалъ Коля, подавая старшему брату,—а то мама, пожалуй, ея не читала, не догадается, что мы здѣсь ее положили, будетъ долго искать.

— Готово!—кричали они матери, и Лярская взошла съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ и стала его кормить. Коля началъ заигрывать съ маленькимъ братомъ. „Теперь не время, дружокъ,—сказала ему мать,—видишь, Ваня смотритъ на тебя, развлекается, вотъ и привыкнетъ шалить во время ѣды... Смотри“ —и она указала ему, какъ маленькій засмотрѣлся на брата, улыбнулся, и бульонъ вылился у него изо рта.

— Ахъ, какой ты еще маленькій глупышъ!—сказалъ Коля покровительственно, погрозивъ брату пальцемъ, схватилъ съ дивана большой фланелевый платокъ и началъ въ него закутываться.

— Это куда-же ты собираешься?—спросили мы.

— Мама кормитъ Ваню въ своей комнатѣ, такъ нужно, чтобы въ это время провѣтрили его дѣтскую... Я посмотрю, отворили-ли въ его комнатѣ форточку; если нѣтъ, такъ напомню нянѣ это сдѣлать: она старенькая, все у насъ забываетъ...

— Зачѣмъ-же форточку отворять?—спросили мы.

— Развѣ ты этого не знаешь? Провѣтрить надо, освѣжить комнату, дурной воздухъ вонъ выпустить, а хорошій впустить...

— Да можетъ быть тетя и этого не поняла,—перебилъ его старшій братъ Саша: вѣдь такъ трудно понять, какъ онъ толкуетъ... Неправда-ли?—спрашивалъ онъ, обращаясь ко мнѣ съ участіемъ, и, не дожидаясь моего отвѣта, началъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, съ необыкновеннымъ усердіемъ мнѣ объяснять...

— Видите-ли, тутъ спало ночью много людей, воздухъ очень испортился, потомъ тутъ вставали, мылись, убирались, летѣла пыль,—ну, все это больше и больше портило воздухъ... вотъ его и надо теперь прочистить... поняла?

— Поняла!—Но тутъ мальчикъ услышалъ голосъ брата въ залѣ и побѣжалъ къ нему.

— Жизнь взаимной самопомощи... Такая горячая, трогательная забота о маленькомъ братѣ... это, конечно, прекрасно, но мнѣ бы хотѣлось знать, чѣмъ вы съ ними занимаетесь? Старшій, конечно, читаетъ, пишетъ, рисуетъ; тутъ уже много дѣла и для рукъ, и для головы. А маленькій? Ему, вѣдь, только шесть лѣтъ?

— О, у него тоже очень много занятій... и Лярская отворила шкафъ, который полнехоньо былъ набитъ всевозможными работами. Чего, чего тутъ не было: стулики, столы, вѣшалки, лѣстницы, ящички, чашечки, кубышки,—сдѣланныя изъ глины и воска, плетеныя и шитыя корзиночки, съ необыкновеннымъ вкусомъ и симметріей въ цвѣтахъ и расположеніи; геометрическія фигуры изъ разноцвѣтной бумаги, аккуратно склеенныя; цѣлые маленькіе ландшафтики сельскихъ и городскихъ видовъ, причемъ деревья, животныя, люди, домики очень аккуратно были вырѣзаны изъ папки и стоймя приклеены къ картонажу, нарисованные, выпукло-выколотые контуры домашнихъ животныхъ, птицъ, предметовъ, находящихся въ комнатѣ и т. п. Я съ изумленіемъ всматривалась въ работы; такого разнообразія я нигдѣ не видала; онѣ мало походили и на работы дѣтскаго сада, которыя я встрѣчала на различныхъ выставкахъ. Ничто не носило, такъ сказать, казеннаго, форменнаго характера, т. е. ничто не было подчищено, прикрашено. Вы сплошь и рядомъ встрѣчали пятно, дырку, переправленную ошибку. Но сколько во всемъ этомъ вѣрной, тонкой наблюдательности, симметріи, вкуса, граціи...

— Неужели вы не поправляли всѣхъ этихъ работъ?

— Эти нѣтъ, даже выборъ былъ ихъ собственный, а вотъ сюда загляните,—и она указала на нижнія полки...

По этимъ работамъ я легко могла прослѣдить, какъ каждый изъ нихъ постепенно развивался. Въ этихъ тетрадяхъ часто не только трудно было разобрать какую-нибудь форму или фигуру,—это просто были испачканные, залитые клеемъ, куски мятой бумаги, налѣпленные на тетрадь.

— Видите-ли, сколько тутъ моей работы?—сказала Лярская, указывая на фигурки, аккуратно сдѣланныя, которыя среди этой пачкотни рѣзко выдѣлялись. Вотъ старшій теперь уже все мастеритъ безъ всякихъ указаній, но Колѣ приходится еще много поправлять, на многое его наводить. Да такъ-ли бы мы работали, если бы я могла тратить на нихъ много времени;

а вѣдь все это дѣлается урывками. Вы не повѣрите, какъ я завидую другимъ матерямъ; мнѣ очень часто приходится слышать, что онѣ дадутъ дѣтямъ вотъ такой ящикъ матеріала, и тѣ сами до всего доходятъ. Пробовала тоже съ моими, что же вы думаете?—всю коробку перервутъ, и только когда съ ними продѣлаешь много работъ вмѣстѣ, сама посидишь и покорпишь, придумывая разныя фигурки, они начинаютъ самостоятельно творить. Ужъ право не знаю, не достаетъ-ли въ нихъ даровитости, или другія матери говорятъ это только изъ мелкаго хвастовства...

— Однако, посмотрѣвъ на такія работы, грѣшно жаловаться вамъ на недаровитость дѣтей.

— Да, они очень понятливы, только эту понятливость всегда нужно съ ними высидѣть. Впрочемъ, я увѣрена, что руки ихъ, тѣло и голова все-таки будутъ достаточно развиты; но меня мучитъ, что я не могу постоянно слѣдить за ними, внимательнѣе вслушиваться во всѣ ихъ сужденія о предметахъ, не могу довольно часто вызывать ихъ на разсужденія. Конечно, въ болѣе важныхъ случаяхъ они бѣгутъ ко мнѣ, и мы все рѣшаемъ сообща; каждый при этомъ высказываетъ все, что ему вздумается; но этого еще мало, и я очень часто должна затворять дверь, когда между ними идетъ прелюбопытная болтовня. Часто мнѣ кое-что въ ней и не нравится, да боишься отвлечься отъ дѣла, и еще крѣпче затворяешься...

Въ эту минуту, какъ нарочно, раздался изъ сосѣдней комнаты ужасный визгъ.

— Дерутся!—сказала Лярская, и бросилась на крики.

— Не правда-ли, примѣрные дѣти?—сказала она, растянувши ихъ въ разныя стороны.—Вѣдь настоящіе дикари!

— Мама, это онъ, онъ дерется!—закричалъ Коля,—я теперь съ нимъ ни за что не буду играть, цѣлый годъ ни за что не скажу съ нимъ ни слова! и на дворъ не пойду... ни за что на свѣтѣ!!

— Никогда я не повѣрю, что ты такой злой,—перебила мать,—что цѣлый годъ будешь помнить... А вотъ каково вамъ было бы, если бы я за то, что вы теперь передрались, цѣлый годъ не стала бы съ вами заниматься и говорить.

Мальчика видимо сразилъ этотъ доводъ, но самолюбіе не дозволяло уступить брату, и Лярская терпѣть не могла въ такихъ случаяхъ тривіальныхъ, сентиментальныхъ комедій, которыя такъ унижаютъ человѣческое чувство въ первыхъ его проблескахъ. Она никогда не говорила въ подобныхъ случаяхъ: просите другъ у друга прощенья, поцѣлуйтесь; или, что еще пошлѣе: ты виноватъ, ты и поцѣлуй у брата ручку. Напротивъ, она больше всего старалась какъ можно скорѣе покончить дѣло.

— Посмотри-ка, Коля, какая толстая веревка, — вдругъ сказала она, поднимая съ полу веревку и подавая ее сыну.—Ну, попробуй-ка, обхватишь-ли ты ее своими ручонками? О, да ты, значитъ, можешь и кучеромъ быть! Ну-ка, Саша, становись лошадкой... И дѣти, которыя за минуту давали обѣтъ не играть вмѣстѣ, совсѣмъ забыли о ссорѣ, и еще съ незастывшими слезами на глазахъ, какъ ни въ чемъ не бывало, весело шумѣли и бѣгали.

Когда Лярская садилась за работу, она запирала комнату, упрашивая дѣтей не предпринимать въ это время очень шумныхъ игръ. Дѣти очень хорошо знали, что мать говоритъ это не изъ личнаго каприза, и покорялись, насколько позволяла имъ ихъ живость.

— Только ужъ, пожалуйста, мама,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—ты почаще объ этомъ напоминай. А то мы нѣтъ, нѣтъ, да и забудемъ, а ты подумаешь, что мы нарочно.

— Я этого никогда не думаю.

— Только когда устанешь работать, скажи, и, если можно, посиди съ нами.

Послѣднее говорилось съ такимъ страхомъ и мольбою, что тяжелый вздохъ вырывался изъ груди Лярской, которая никогда не забывала этихъ дѣтскихъ просьбъ. Она ни на минуту не сдерживала ихъ больше, чѣмъ этого требовала ея работа.—Ну, дѣтушки, шумите, бѣгайте, теперь мнѣ не помѣшаете... И подымалась же возня, въ которой, при первой возможности, сама Лярская принимала участіе.

Слѣдствіемъ заботъ о маленькомъ братѣ, которыя они раздѣляли съ матерью, была ихъ сильная привязанность къ малюткѣ: они охотно жертвовали для него своими вещами, забавляли его, устраивали ему игрушки. Разъ привыкши не на словахъ, а на дѣлѣ выражать свое участіе, они также относились и ко всѣмъ окружающимъ.

Нѣтъ нужды, что мы больше не владѣемъ и не торгуемъ ни живыми, ни мертвыми душами, но дѣти наши очень рано начинаютъ понимать свою власть надъ низшими. Къ прислугѣ они обращаются только, чтобы приказывать или покуражиться надъ нею: они знаютъ, да и родители напоминаютъ безпрестанно, что за свои рубли они могутъ продѣлывать все, что имъ угодно; что за бѣда, если ихъ обхожденіе не понравится: за деньги они найдутъ другихъ слугъ. Совсѣмъ не то было у дѣтей Лярской. У своей няни они много перенимали работъ, игръ и пѣсенъ. Когда няня мыла бѣлье, они мели свою комнату, застилали постель свою и нянину. Они очень хорошо понимали, что не дѣлаютъ этого всегда только потому, что у нихъ есть возможность учиться, а у няни не было этой возможности. Они и учились, а за то, что няня давала имъ возможность не терять времени на грубыя работы, они ее жалѣли всѣмъ своимъ любящимъ дѣтскимъ сердцемъ. Это выражалось у нихъ тѣмъ, что всѣ свои свѣдѣнія, которыя они получали изъ книгъ или отъ матери, они немедленно сообщали нянѣ, обо всемъ спрашивая ея мнѣнія. Съ необыкновенною охотою, терпѣніемъ и радостью они учили читать всякую молоденькую горничную, которая изъявляла на это свое желаніе. Отходилъ-ли по болѣзни отъ нихъ кто-нибудь изъ служащихъ, какая-нибудь прачка, поденщица, мать освѣдомлялась объ ея судьбѣ, и все это было при дѣтяхъ. При первомъ удобномъ случаѣ, Лярская, вмѣстѣ съ дѣтьми, шла на квартиру къ этой женщинѣ. Такъ какъ Лярская жила одною тѣсною жизнью съ дѣтьми, то и дальнѣйшія ея хлопоты о несчастной были не только извѣстны дѣтямъ, но они сами принимали въ нихъ дѣятельное участіе. Кто бы у нихъ ни былъ, гдѣ бы они ни были, Лярская обдумывала и спрашивала у другихъ, какъ бы пристроить ту или другую женщину, не знаетъ-ли кто того или другаго мѣста.

— Вотъ видишь, мама!—вскрикиваетъ ребенокъ, похлопывая съ блестящими глазами въ ладоши.—Вотъ, Маша и не будетъ жить въ грязномъ углу. Или: — А какъ ты думаешь, уплатитъ-ли Александра Ивановна свои долги, получая жалованья 15 рублей въ мѣсяцъ?—И какъ это хорошо, разсуждали они, что именно ей досталась такая работа, какъ шитье: она, вѣдь, такая мастерица, и ей навѣрно прибавятъ жалованья.

Болѣлъ-ли кто въ домѣ, Лярская одинаково усердно за всѣми ухаживала. Дѣти, конечно, не отставали отъ нея и всячески развлекали больнаго, прислуживали ему. Понятно, что если кто выздоравливалъ, вся семья искренно радовалась этому.

За проступки Лярская никогда и ничѣмъ не наказывала своихъ дѣтей. Вѣчно въ обществѣ матери, всегда стремясь сообщить ей какъ можно скорѣе все, что только западало въ ихъ маленькую головку, они отлично знали

все, что ей не нравилось и что могло ее огорчить. По нервности, живости и дѣтской забывчивости, они шалили, проказничали и иногда дѣлали дурное. Но лишь только проступокъ былъ совершенъ, прежде чѣмъ мать успѣвала высказать о немъ свое мнѣніе, даже если ея не было въ той комнатѣ, ребенокъ уже не могъ продолжать никакой игры; онъ бѣжалъ къ матери и старался какъ-нибудь спрятать свое личико у нея на колѣняхъ. Мать приподымаетъ лицо и сейчасъ догадывается, что онъ что нибудь напроказилъ.

— Ну, что ты натворилъ?—говорила Лярская, улыбаясь.

— Да вотъ няня кроила, и мнѣ захотѣлось; она ушла, я и разрѣзалъ свои новыя штанишки. — Ребенокъ горько плакалъ, мать молчала. — Мама, значитъ у меня не будетъ новыхъ штанишекъ?

— Нѣтъ, голубчикъ, я постараюсь достать денегъ; твои ужъ совсѣмъ разорвались, носить уже больше невозможно.

— Откуда же ты достанешь?

— Дольше поработаю.

— Мама, пусть я буду ходить въ драныхъ; я не могу этого видѣть: какъ проснусь ночью, гляжу—всѣ спятъ, а ты сидишь и одна не спишь... Мама, ты меня не любишь? Ты меня не будешь любить?

— Что ты, голубчикъ? Все также буду любить: будешь умнѣе, поймешь, что и выработать не всегда можно; тогда не станешь рѣзать!..

Ребенку при этомъ обыкновенно было совѣстно даже поднять голову съ колѣнъ, и Лярская могла вывести его изъ этого положенія только обративъ вниманіе на какой-нибудь посторонній предметъ; она по опыту знала, что такого урока было достаточно: когда дурной поступокъ повторялся, что было весьма рѣдко, Лярская все-таки не наказывала ребенка. Это ее сильно смущало, и она не скрывала передъ дѣтьми своего огорченія. Съ тѣмъ изъ нихъ, кто такъ провинился, она дѣлалась сдержаннѣе, холоднѣй, и это страшно мучило ребенка. Ребенокъ ничего не лишался: ни пищи, ни удовольствія; мать, какъ и прежде, говорила съ ними, объясняла, что онъ спрашивалъ, но по выраженію лица, по нѣкоторой сухости тона онъ уже зналъ, что мать имъ недовольна и помнилъ свою вину.

— Мама, не сердись на меня больше,—говорилъ однажды Саша послѣ небольшой размолвки съ матерью; мальчикъ былъ уже въ кровати и всѣ думали, что онъ спалъ. Лярская подошла и поцѣловала его; но онъ быстро повернулся на другую сторону и зарыдалъ.

— Отчего же ты плачешь теперь? спросила его мать.

— Ты еще не забыла, я это вижу; ты меня всегда такъ крѣпко цѣлуешь, а теперь такъ чуть-чуть... На другой день послѣ такихъ событій ребенокъ особенно засматривалъ въ глаза матери, всѣми средствами стараясь ее заставить забыть его проступокъ. Каждый изъ нихъ зналъ, что братъ, няня,—нѣтъ, нѣтъ да и вспомнятъ, пристыдятъ при случаѣ за прошедшее, хотя и обѣщали простить, но ужъ если мать скажетъ: „ну, полно, помиримся“, да еще крѣпко поцѣлуетъ, значитъ все забыто, какъ бы и не было сдѣлано той или другой глупости. Лярская находила и комичными, и вредными такія наказанія, какъ, напр. ставить въ уголъ носомъ въ стѣну, или для разнообразія, обращая лицомъ къ публикѣ, ставить на колѣни, дѣвочекъ въ наказаніе заставлять вязать чулки, мальчиковъ переписывать съ нѣмецкихъ прописей, и т. п. На наказанія подъ названіемъ естественныхъ она смотрѣла съ такимъ же отвращеніемъ, какъ и на розги, какъ и на всѣ другія тѣлесныя и нравственныя истязанія.

Глава XI. Воспитаніе ума.

О воспитаніи, которое получаютъ у насъ маленькія дѣти.—Могутъ ли они усвоивать школьныя знанія, когда до школы имъ не даютъ правильнаго умственнаго развитія.—Къ чему ребенокъ выказываетъ умственное тяготѣніе съ ранняго возраста.—Важнѣйшія правила при развитіи дѣтскаго ума.—Какъ и что слѣдуетъ наблюдать въ природѣ и жизни.—Необходимая послѣдовательность въ наблюденіяхъ.—Ребенокъ долженъ наблюдать не только природу, но и человѣка.—Необходимо вспоминать наблюдаемое и пересказывать наблюденія.—Къ чему это ведетъ.—Практическія указанія для развитія наблюдательности.—Почему *умственно развитые* люди далеко не всегда бываютъ нравственными.—Можетъ ли правильное умственное развитіе не способствовать нравственному совершенствованію человѣка.—Большая часть пороковъ маленькихъ дѣтей происходитъ отъ отсутствія соотвѣтственнаго ихъ возрасту развитія.—Примѣры практическихъ задачъ для наблюденій въ лѣтнее и зимнее время.

Развивать умъ ребенка обыкновенно начинаютъ у насъ только съ того времени, когда его задумаютъ отдать въ школу, т. е. въ 9—10 лѣтъ. Еще Песталоцци говорилъ: „До школы дѣтей совершенно предоставляютъ *природѣ*, дозволяютъ дѣйствовать на нихъ каждому впечатлѣнію чувственной жизни, а потомъ вдругъ всю природу закрываютъ передъ ними; неумолимо сгоняютъ ихъ, какъ овецъ, большими стадами, въ душную каморку; на цѣлые часы, дни, мѣсяцы и годы приковываютъ ихъ взоръ къ однообразнымъ и вовсе не заманчивымъ буквамъ и вводятъ въ жизнь, совершенно противуположную тому попеченію, какое до того времени имѣла о нихъ природа".

Съ тѣхъ поръ въ нашемъ домашнемъ воспитаніи ничего не измѣнилось. Ребенокъ наслаждается полною свободой безсознательно; но вотъ къ 9—10-ти годамъ ему все чаще напоминаютъ о томъ, что скоро, скоро пройдетъ его блаженство, что онъ уже большой и въ школѣ цѣлый день долженъ будетъ сидѣть за книгами. Ребенокъ припоминаетъ прошлое и не можетъ представить себѣ, какъ это онъ усидитъ на мѣстѣ, когда весною налетитъ изъ теплыхъ странъ столько хорошенькихъ птичекъ, когда такъ любопытно засматривать въ ихъ гнѣзда, и какъ это его не будетъ въ шумной толпѣ товарищей, когда тѣ, съ первыми лучами теплаго весенняго солнышка, выбѣгутъ на зеленый лужокъ играть въ горѣлки, въ городки, бѣгать въ запуски... И всего этого лишиться изъ-за ученья!

Ребенокъ инстинктивно чувствуетъ, что его дѣтская потребность наслаждаться жизнью вполнѣ законна, и онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ думаетъ о своихъ будущихъ школьныхъ занятіяхъ. Зачѣмъ сразу такая ужасная перемѣна жизни? Зачѣмъ онъ вдругъ долженъ измѣнить всѣмъ своимъ привычкамъ? Зачѣмъ, наконецъ, ему это школьное ученье? Не лучше ли было бы вѣкъ такъ прожить, какъ ему жилось до сихъ поръ,—вотъ мысли, которыя даже по ночамъ тревожатъ ребенка, когда приближается время вступленія въ школу.

До сихъ поръ ребенокъ жилъ только исключительно внѣшними чувствами, не понималъ ничего отвлеченнаго, а теперь сразу и надолго долженъ утонуть въ школьной тинѣ. Прежде дѣтская любознательность подстрекала его дѣлать всесторонніе наблюденія, узнавать причину явленій, теперь родители смотрятъ на это, какъ на безплодное времяпрепровожденіе и безпрестанно стращаютъ его школой; „вотъ, погоди, тамъ тебя за это проучатъ“. Послѣ тяжелыхъ, изнурительныхъ занятій въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ передъ поступленіемъ въ школу и послѣ убійственнаго безпокойнаго времени для обѣихъ сторонъ, т. е. для родителей и для ребенка, онъ благополучно сдаетъ вступительные экзамены. При этомъ у родителей точно гору съ плечъ свалило: они горды сознаніемъ, что выполнили тяжелую родительскую обязанность и могутъ свободно вздохнуть: главная отвѣтственность не на ихъ рукахъ. Даже самыя заботливыя изъ матерей теперь ограничиваются только тѣмъ, что присматриваютъ за отмѣтками, за приготовленіемъ уроковъ по вечерамъ, да развѣ еще за внѣшностью ребенка. И не будь начальства, которое по временамъ досаждаетъ родителямъ своими жалобами на ту или другую шалость ребенка, не будь плохихъ отмѣтокъ, какой бы это водворился миръ въ родительскомъ сердцѣ!

Но неожиданно то и другое, то есть отмѣтки и начальство, все болѣе и болѣе тревожатъ родителей. Какъ бы избавиться и отъ этой непріятности, чтобы уже совсѣмъ успокоиться на счетъ ребенка? На то существуютъ выговоры, строгія наказанія, а буде замѣтно со стороны ребенка малѣйшее *стремленіе* къ добропорядочному поведенію и старательной зубряжкѣ, что въ *концѣ* недѣли покажутъ отмѣтки,—щедрыя награды. Заботливая мать съумѣла отыскать и наказаніе, которое смертельно стыдитъ ребенка, и награду, которая удовлетворяетъ его младенческимъ мечтамъ. Такая опредѣленная и несложная программа требованій отъ ученія и поведенія ребенка заставляетъ его, на нѣкоторое время, усердно тянуть возложенную на него лямку. Правда, онъ замѣтно худѣетъ, глазки его потухаютъ, движенія становятся вялыми, но онъ безропотно выполняетъ требованія, да и какъ пренебрегать ими, — въ концѣ недѣли его ждетъ строгое наказаніе. Переутомленный безъинтереснымъ для него ученіемъ, онъ вдругъ утрачиваетъ всякую энергію, зубряжка внушаетъ ему физическое отвращеніе, головныя боли и головокруженія не даютъ возможности превозмочь это отвращеніе, и онъ начинаетъ быстро катиться внизъ, какъ по наклонной плоскости, выказываетъ полное равнодушіе не только къ брани, угрозамъ, но даже и къ наградамъ, столь заманчивымъ для него еще такъ недавно. И дома, и на улицѣ, и въ классѣ его поведеніе изъ рукъ вонъ плохо: осматриваетъ ножницы и, когда мать погружается въ работу, онъ въ двухъ шагахъ отъ нея изрѣзываетъ дорогое платье, продырявливаетъ обивку на мебели; повертѣлъ въ рукахъ перочинный ножикъ, и въ комнатѣ испорчены обои, рабочій столъ; въ классѣ показалъ учителю языкъ, приколотилъ товарища, изъ многихъ предметовъ сряду получилъ плохія отмѣтки, толкнулъ на улицѣ лотокъ торговки, и та здорово отколотила его въ награду. Настаетъ тревожный для всѣхъ періодъ времени: слезы, увѣщанія, наказанія. И счастье ребенку, если брань, упреки, наказанія и награды не развратятъ его до того, что онъ будетъ, уже не краснѣя, отпираться отъ всякой шалости, не пріобрѣтетъ навыка ловко продѣлывать за глаза всякую мерзость. Но если этого ребенокъ и избѣгнетъ, то все же онъ становится со временемъ равнодушенъ къ брани, упрекамъ и наказаніямъ. Ребенокъ легко привыкаетъ ко всему и легче всего къ упрекамъ и наказаніямъ, если они часто повторяются. Но такая привычка не проходитъ даромъ: и въ умствен-

номъ и нравственномъ отношеніи онъ падаетъ все ниже и ниже. Учителя считаютъ его мерзкимъ мальчишкой и отпѣтымъ лѣнтяемъ, товарищи относятся къ нему съ презрѣніемъ и боятся входить съ нимъ въ дружбу, чтобы не компрометировать себя. Тогда домашніе хватаются за послѣднія средства: не жалѣя красокъ и не стѣсняясь присутствіемъ посторонних, разсказываютъ имъ о дурномъ поведеніи ребенка, о его пошлыхъ продѣлкахъ, о томъ презрѣніи, которое онъ внушаетъ къ себѣ въ заведеніи. У ребенка навертываются слезы, но онъ скоро научится ихъ проглатывать, *теряя* въ себѣ чувство стыда; затѣмъ и оно пройдетъ, и наступитъ полная притупленность нравственныхъ чувствъ, совершенное отсутствіе конфузливости и стыдливости. При подобномъ воспитаніи еще болѣе удачный исходъ бываетъ въ такомъ случаѣ, когда найдется въ домѣ хотя одна живая душа обыкновенно въ видѣ няньки, которая подмѣтитъ въ дитяти добрыя качества и искренно къ нему привяжется. Согрѣтый ласкою, онъ, если и не дѣлается лучше, то по крайней мѣрѣ добродушно относится къ окружающему; изъ него впослѣдствіи выйдетъ можетъ быть и безпутный забулдыга, но, что называется, добрый малый. Въ противномъ случаѣ, когда ребенокъ видитъ, что всѣ о немъ дурнаго мнѣнія, самолюбіе его все болѣе страдаетъ. *Онъ* привыкаетъ серьезно ненавидѣть всѣхъ людей безъ разбора, ловко прикрываетъ *себя* впослѣдствіи маскою добродѣтели и при случаѣ не задумается, не разбирая средствъ, выместить злобу.

Отчего все это происходитъ? Какъ же вы, заботливыя матери, испытавъ столько тревогъ и истративъ столько денегъ при переводныхъ экзаменахъ ребенка, вы, отцы, столь щедрые на всякія родительскія увѣщанія, все таки не способствовали тому, чтобы ребенокъ всегда счастливо переходилъ изъ класса въ классъ, и теперь, положа руку на сердце, не можете сказать, что юноша пойдетъ правильной дорогой, что изъ него выйдетъ честный человѣкъ, дѣльный труженикъ? Вы вините школу и, какъ одно изъ неотразимыхъ доказательствъ, приводите то, что она не съумѣла привлечь его къ серьезнымъ занятіямъ, не внушила ему любви къ наукѣ.

Было бы лишнимъ распространяться о томъ, что наша школа не удовлетворяетъ разумнымъ требованіямъ, но намъ кажется, что, даже и при идеальномъ устройствѣ, ея задачею должно быть не столько первоначальное умственное и нравственное развитіе, сколько болѣе широкая цѣль—воспитывать будущаго общественнаго дѣятеля и гражданина и давать основательныя знанія. Если подъ надзоромъ любящихъ родителей мало по малу укрѣпятся въ ребенкѣ, сначала инстинктивно, а потомъ и сознательно, честныя нравственныя и интеллектуальныя привычки, то и въ школѣ у него несравненно легче могутъ развиться добрыя стремленія и горячая любовь къ наукѣ, которыя однѣ только впослѣдствіи и поддержатъ его въ тяжелой житейской борьбѣ. Можетъ ли преподаватель исторіи и литературы заставить понять и сознательно полюбить историческихъ дѣятелей и тружениковъ, отдавшихъ среди страданій всю свою жизнь на служеніе обществу, если до 10—12 лѣтъ мальчикъ еще не понимаетъ совершенно сознательно, что скверно и глупо подтолкнуть на улицѣ лотокъ бѣдной торговки. Такой ребенокъ, и сдѣлавшись взрослымъ, никогда не пойметъ лучшихъ стремленій общества, никогда не будетъ работать заодно съ лучшими его представителями. Что касается умственнаго развитія, то мы положительно можемъ сказать, что если дома, до вступленія въ школу, ребенку не дали разумной подготовки, то и потомъ развѣ только особенно талантливый можетъ пріобрѣсть основательныя знанія. При нашей школьной программѣ намъ мало можно надѣяться на умственное

развитіе въ школѣ. Да и мудрено школьнымъ преподавателямъ заставить полюбить свой предметъ, если въ дѣтствѣ, когда въ ребенкѣ такъ сильна наклонность къ наблюдательности, онъ привыкъ безучастно проходить мимо самыхъ обыденныхъ явленій. Какъ онъ можетъ внимательно слушать часовой урокъ въ классѣ, когда дома его не пріучили ни думать, ни напрягать своего вниманія и 5 минутъ кряду, когда у него не пробужденъ элементарный интересъ къ предметамъ, которые онъ слушаетъ.

И такъ, наши главныя неудачи въ воспитаніи происходятъ преимущественно отъ того, что оно начинается *только* со школьной скамьи, когда характеръ ребенка уже болѣе или менѣе сложился, а умъ, привыкшій къ бездѣйствію, принялъ извѣстное направленіе.

Давно уже всѣми признано, что соотвѣтственное возрасту умственное и нравственное развитіе должно начинаться съ перваго проявленія сознанія въ ребенкѣ; между тѣмъ, страшно подумать, какъ мало заботятся объ этомъ даже въ самомъ образованномъ классѣ общества. Будущій историкъ, изучая нашу педагогику и дѣтскую литературу, вѣроятно придетъ въ величайшее затрудненіе, какъ изобразить то воспитаніе, которое въ наше время даютъ дѣтямъ до школы.

Однако, что же дѣлаютъ наши родители съ ребенкомъ, пока не засадятъ его за азбуку? Одни держатся того мнѣнія, что нужно совершенно предоставить ребенка самому себѣ, и потому даютъ ему просвѣщаться отъ лакеевъ, кухарокъ и испорченныхъ дѣтей его возраста; другіе приглядываютъ *и сами за* дѣтьми, но вся ихъ забота ограничивается тѣмъ, что они не жалѣютъ денегъ на покупку игрушекъ и заставляютъ зубрить французскія и нѣмецкія слова и басни. Въ большинствѣ случаевъ дѣтей совершенно сдаютъ на руки нянькамъ. Няня добра и услужлива, игрушки прелестны; но въ два, три дня она успѣла передать весь запасъ своихъ разсказовъ и придуманныхъ ею игръ, и начинаетъ повторяться. Игрушки изломаны и не утѣшаютъ дѣтей, а покупать все новыя невозможно: при малой изобрѣтательности нашихъ игрушечныхъ мастеровъ, можно предложить ребенку только тоже самое, что уже разъ было ему куплено, да и не каждый въ состояніи затрачивать на игрушки большія деньги. Дѣти нестерпимо скучаютъ, пристаютъ къ старшимъ, не знаютъ, что дѣлать. При строгости родителей, требующихъ чтобы дѣти имъ не докучали, они дѣйствительно скоро перестаютъ просить перемѣны занятій, и, мало по малу, притупляется ихъ живость. Дѣти мирятся съ *своимъ* положеніемъ и вяло, безжизенно, тупо проходитъ день за днемъ дѣтская жизнь, угасаютъ навсегда творчество и другія способности.

Странныя понятія сложились у насъ, даже въ интеллигентной средѣ, объ умственномъ развитіи дитяти до школьнаго возраста! Въ то время, когда элементарныя понятія о гигіенѣ и о физическомъ уходѣ за дѣтьми вошли въ *плоть* и кровь образованныхъ людей русскаго общества, необходимость умственнаго развитія дѣтей до школьнаго возраста или совершенно отрицается, или каждый ведетъ его, какъ кому Богъ на душу положитъ.

— Ахъ, какой онъ понятливый! представьте, сегодня..., говоритъ мать каждому гостю, и при этомъ начинается исчисленіе всѣхъ премудростей дитяти. „Смотрите, не переучите“, глубокомысленно замѣчаютъ ей. И въ силу того, что дѣтей можно переучить, переутомить, ихъ совсѣмъ не развиваютъ, хотя развитіе и переучиваніе ничего общаго между собой не имѣютъ. И никому не приходитъ при этомъ въ голову, что вѣдь и перекормить можно, но всякій знаетъ, что нельзя же изъ за этого ребенка вовсе не кормить, скажу болѣе: теперь уже извѣстно, что перекармливаніе менѣе вредно, чѣмъ недо-

кармливаніе. Съѣвши лишнее, дѣти страдаютъ разстройствомъ желудка, который легко излечивается, если только это перекармливаніе не будутъ производить систематично; недокармливаніе же дѣтей дѣлаетъ ихъ малокровными, что сопровождается болѣе тяжкими послѣдствіями и труднѣе излечивается. То же самое можетъ быть и при умственномъ воспитаніи: переутомленіе мозга гибельно отражается на здоровьѣ ребенка, и такъ же гибельно можетъ отразиться во всѣхъ сферахъ будущей дѣятельности человѣка отсутствіе умственнаго развитія его въ дѣтствѣ. Да наконецъ, почему же умственное *развитіе* маленькихъ дѣтей заслуживаетъ со стороны воспитателей меньшаго вниманія, чѣмъ физическій уходъ? Неужели духовная жизнь дитяти менѣе важна, чѣмъ его физическое благосостояніе? Умственно неразвитой человѣкъ, какъ мы уже говорили, не всегда можетъ долго благоденствовать и тѣлесно.

Что же слѣдуетъ подразумѣвать подъ умственнымъ развитіемъ дитяти? Дать разумное и соотвѣтственное возрасту содержаніе жизни — значитъ дать правильное, соотвѣтственное возрасту умственное развитіе. Такое умственное развитіе не разстраиваетъ здоровья, а укрѣпляетъ его, развиваетъ одновременно нравственныя свойства дитяти и пробуждаетъ въ немъ бодрое и веселое душевное настроеніе. Польза такого настроенія, какъ мы указывали уже выше, особенно важна для маленькихъ дѣтей потому, что запасъ ихъ жизненныхъ силъ не великъ и ихъ жизненная энергія, впечатлительность и дѣятельность кровообращенія преимущественно вызываются веселымъ и радостнымъ настроеніемъ.

Мы говорили выше о томъ, что изъ научныхъ занятій не слѣдуетъ дѣлать забавы, какъ то думали многіе еще недавно, но наукою и научными предметами занимаются въ болѣе позднемъ возрастѣ, мы же имѣемъ въ виду дѣтей до школьнаго возраста; все, съ чѣмъ приходится знакомиться такимъ дѣтямъ, все, что они должны наблюдать, развивая умственно, должно въ то же время приносить имъ удовольствіе, радость, веселье.

Но что означаетъ дать разумное содержаніе жизни ребенка до школьнаго возраста? Это означаетъ умѣнье подыскать въ обстановкѣ не только человѣка зажиточнаго, но и бѣднякa—*матеріалъ, пригодный для разнообразныхъ занятій ребенка, для его игръ, упражненій и усовершенствованія органовъ внѣшнихъ чувствъ, а также для развитія его наблюдательности надъ окружающею жизнью и природою.* Этотъ матеріалъ долженъ быть доступенъ дѣтскому возрасту, одинаково полезенъ для развитія его ума, сердца и укрѣпленія его здоровья, долженъ давать ему добрые навыки въ трудолюбіи, самообладаніи и терпѣніи и представлять въ то же время пріятное и занимательное времяпрепровожденіе.

Дайте разумное содержаніе жизни дѣтей до школьнаго возраста, и они у васъ не будутъ ни тупыми, ни вялыми, ни разсѣянными, ни скучающими, ни лѣнивыми, ни безнравственными; но такихъ результатовъ, разумѣется, можно достигнуть лишь въ томъ случаѣ, если въ ребенкѣ нѣтъ уже прирожденной тупости или какихъ бы то ни было наслѣдственныхъ или благопріобрѣтенныхъ аномалій. Если воспитатель дастъ должное направленіе живости впечатлѣній ребенка и его стремленію къ дѣятельности, пріучитъ его употреблять съ пользою для головы, рукъ и эстетическаго развитія каждый упавшій листокъ съ дерева, каждый брошенный на землю прутикъ, деревянный обрубокъ, кусокъ бумаги, обрѣзокъ матеріи, такой питомецъ будетъ полезнымъ и честнымъ работникомъ на всякомъ поприщѣ дѣятельности, у такого будетъ развитъ широкій интересъ ко всему окружающему, онъ наконецъ и впослѣдствіи найдетъ въ себѣ достаточно силы и энергіи,

чтобы въ тяжелыя минуты жизни умѣть забываться въ трудѣ, а это поможетъ ему легче переносить горе, тяжкія утраты и жизненныя неудачи, безъ которыхъ немыслима жизнь разумнаго существа.

При растлѣвающемъ вліяніи современнаго общества, при бѣдности нашей житейской обстановки, необходимо найти для дѣтскихъ игръ и занятій матеріалъ, имѣющій обще-человѣческій смыслъ. Дѣтямъ, пріученнымъ съ первыхъ лѣтъ тяготиться праздностію, любить и уважать простой трудъ, не придется объяснять того, что и подъ сермягою, и подъ рубищемъ бьется такое же человѣческое сердце, какъ и подъ тончайшимъ сукномъ.

По новѣйшимъ требованіямъ педагогики, правила для воспитанія нельзя сочинять по личному усмотрѣнію: ихъ слѣдуетъ брать изъ природы дитяти, вникая какъ въ сущность каждой его способности, такъ и въ условія его обстановки. Наблюдая природу дитяти, мы находимъ, что жизнь его проходитъ: 1) въ игрѣ, 2) въ занятіяхъ, въ которыхъ онъ подражаетъ старшимъ, взявъ для этого матеріалъ, находящійся у него подъ руками и 3) въ постепенномъ усовершенствованіи органовъ внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ. Безъ участія воспитателя, безъ его умѣнья остановиться на характерныхъ свойствахъ дитяти и дать имъ надлежащій толчекъ и направленіе, живость впечатлѣній, творчество и другія психическія способности вянутъ и глохнутъ. Что касается занятій дѣтей и ихъ игръ, то онѣ, если воспитатель не дастъ имъ надлежащаго направленія, будутъ отражать лишь внѣшнюю сторону узкой семейной жизни, что скорѣе притупляетъ свѣжее дѣтское чувство, чѣмъ развиваетъ его.

Давая дѣтямъ матеріалъ для ихъ занятій и игръ, нужно имѣть въ виду развитіе трудолюбія и бодраго, живаго, веселаго настроенія духа, а также творчества, мыслительныхъ способностей, эстетическаго вкуса и интереса къ окружающему. Достигнуть этихъ цѣлей, не усовершенствуя органы внѣшнихъ чувствъ,—невозможно. Забота о воспитаніи ума должна прежде всего заключаться въ усовершенствованіи органовъ внѣшнихъ чувствъ и въ воспитаніи процесса представленій; о первомъ мы уже говорили достаточно, второе должно заключаться въ умѣньи наблюдать. Въ способность наблюденія должно входить: запоминаніе наблюдаемаго, умѣнье отличить въ наблюдаемомъ существенное отъ менѣе существеннаго, навыкъ сравнивать одни признаки съ другими и привычка дѣлать изъ нихъ правильныя заключенія и выводы. „Умѣнье наблюдать“, говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ нашихъ педагоговъ и психологовъ г. Каптеревъ, „включаетъ довольно важные умственные элементы: запоминаніе, различеніе существеннаго и несущественнаго и навыкъ осмотрительности, теоретической добросовѣстности при занятіяхъ. *Конечно, эти навыки и умѣнья не придутъ къ человѣку сами, ихъ надобно привить себѣ, воспитать. Привитіе же такихъ навыковъ возможно только рядомъ систематическихъ упражненій, при которыхъ намѣченные элементы постоянно имѣются въ виду. Чѣмъ раньше начать привитіе указанныхъ интеллектуальныхъ навыковъ, тѣмъ лучше. Поэтому еще въ періодъ семейнаго воспитанія слѣдовало бы класть прочную основу интеллектуальному развитію органовъ, тѣмъ болѣе, что дѣтское наблюденіе обыкновенно характеризуется большою неточностью*: дѣти поражаются внѣшними эффектными чертами явленій, бросающимися въ глаза, и ихъ усвоиваютъ, пропуская подчасъ главныя; фантазію и дѣйствительность они перемѣшиваютъ очень легко; прочность усвоенія также оставляетъ желать многаго.

При воспитаніи ума нужно всегда придерживаться слѣдующихъ педагогическихъ принциповъ: *идти отъ болѣе близкаго къ болѣе отдаленному, отъ*

простаго къ сложному, отъ познанія осязаемыхъ предметовъ, т. е. отъ конкретнаго, къ отвлеченнымъ понятіямъ, или абстрактному. Сначала въ каждомъ предметѣ ребенокъ замѣчаетъ только самые выдающіеся признаки; затѣмъ воспитатель указываетъ на другія качества, менѣе замѣтныя, и ребенокъ постепенно внимательнѣе всматривается въ предметъ и мало по малу уже самостоятельно открываетъ въ немъ признакъ за признакомъ. При этомъ болѣе всего нужно стараться не сразу указывать тѣ или другіе признаки, а лишь побуждать дитя открывать ихъ.

При развитіи наблюдательности не менѣе важное условіе изучить послѣдовательность, которой необходимо держаться, или, точнѣе сказать, всегда соображать, когда и что предложить ребенку, когда и на что натолкнуть его наблюдательность. Для поясненія сказаннаго возьмемъ въ примѣръ лѣтнюю прогулку: воспитатель не долженъ безъ разбора сообщать ребенку свѣдѣнія о всѣхъ предметахъ, попадающихся по дорогѣ, далеко не на всемъ останавливать его вниманіе: изъ встрѣчающагося нужно умѣть выбрать то, что ребенокъ можетъ понять въ данную минуту, на что обратить его вниманіе.

Нужно помнить, что раньше, чѣмъ обратить вниманіе ребенка на отдѣльные признаки, онъ долженъ осязать, ощупать, осмотрѣть самый предметъ. Если не обращать вниманія ребенка на признаки предмета, въ немъ мало по малу исчезаетъ свѣжесть впечатлѣнія, и онъ равнодушно проходитъ передъ самыми характерными явленіями. И насъ въ дѣтствѣ многое поражало; но въ насъ никогда не поддерживали естественной, дѣятельной любознательности, и замѣченное нами, безслѣдно исчезало изъ памяти, а затѣмъ переставало поражать и удивлять, и умъ нашъ все болѣе сжимался тѣснымъ кольцомъ будничной жизни съ ея тряпьемъ, узкими интересами, мелочными дрязгами и пересудами. Мало по малу мы доходили до равнодушія человѣка, котораго такъ поражаетъ внезапное яркое освѣщеніе, что скорѣе парализуетъ дѣятельность мозга, чѣмъ заставитъ его узнать причину явленія.

Образованіе и развитіе дѣлаютъ-ли человѣка нравственнымъ? Вотъ вопросъ, который чаще всего слышится въ обществѣ. Отвѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, получается отрицательный. И въ исторіи каждаго культурнаго народа, и кругомъ въ обыденной жизни можно указать множество лицъ весьма образованныхъ и талантливыхъ, но запятнавшихъ свое имя самою предосудительною жизнію, самыми безчестными поступками. Безпрестанно наталкиваемся мы и на явленія противуположнаго характера: люди, не получившіе большаго образованія, оказываются въ высшей степени порядочными; случается, что они совершаютъ даже подвиги высокаго героизма. Такимъ образомъ въ жизни мы часто видимъ, что высокое нравственное развитіе идетъ рука объ руку съ ничтожнымъ умственнымъ развитіемъ. И не смотря, однако, на всѣ эти примѣры, существуетъ самая тѣсная связь и зависимость между нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ. Образованнымъ считаютъ у насъ обыкновенно человѣка, обладающаго знаніями, но это еще не говоритъ о его достаточномъ умственномъ развитіи. Вполнѣ основательныя знанія, если усвоеніе ихъ шло рука объ руку съ правильнымъ умственнымъ развитіемъ, съ воспитаніемъ всесторонняго интереса къ окружающимъ людямъ и природѣ, всегда облагораживаютъ душу человѣка, и разумное, основательное образованіе непремѣнно должно въ одно и то же время и воспитывать сердце. Но, конечно, если образованіе преслѣдуетъ одни только утилитарныя цѣли, если имѣютъ въ виду только сообщать питомцу какъ можно большее количество знаній, они не будутъ вліять на усовершенствованіе нравственности, не предохранятъ его даже отъ умственнаго убожества во многихъ отноше-

ніяхъ. Пріобрѣтаемыя знанія только тогда благодѣтельно вліяютъ на душу, когда воспитатель старается съ ранняго возраста дитяти развить стремленіе и интересъ къ знанію, любовь къ мышленію, пробудить умственную пытливость и наблюдательность не только къ природѣ, но и къ людямъ.

Извѣстный нѣмецкій философъ и педагогъ Гербартъ (1776—1841 гг.), который впервые выставилъ принципы научной педагогіи, убѣдительно доказывалъ, что всякое преподаваніе въ то же время воспитываетъ и облагораживаетъ, если только оно возбуждаетъ истинный интересъ въ учащемся, такъ какъ возбуждать интересъ значитъ вмѣсто равнодушія и индиферентизма пробудить дѣятельность, энергію, желаніе идти впередъ и стремленіе къ усовершенствованію. Не только научные предметы, преподаваемые въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и университетахъ, должны возбуждать истинный интересъ въ питомцахъ, но точно также и элементарныя знанія, игры, упражненія, работы, разсказы, наблюденія надъ окружающею природою, однимъ словомъ все, что практикуется для расширенія умственнаго кругозора дитяти, должно привлекать и интересовать его. Для того, чтобы развить способность пониманія и пробудить интересъ къ тому или другому знанію въ школѣ, необходимо еще до школьнаго возраста развить въ ребенкѣ органы для воспріятія того или другаго рода знаній. Когда образованіе и умственное развитіе дѣтей будутъ поставлены вышеуказаннымъ образомъ, тогда они конечно будутъ возвышать и облагораживать душу. Тѣмъ не менѣе, какое бы правильное умственное развитіе вы ни давали вашему ребенку, хотя такое развитіе и *вліяетъ на* усовершенствованіе его нравственныхъ качествъ, но вы въ то же *время обязаны* и непосредственно обращаться къ его сердцу, будить въ немъ любовь къ родителямъ, товарищамъ, окружающимъ, развивать въ немъ, путемъ навыка, альтруистическія свойства и благородныя склонности. Но отдѣльно развивать какое бы то ни было чувство, какую бы то ни было психическую силу—немыслимо, и потому нравственное воспитаніе должно быть тѣсно связано съ умственнымъ и наоборотъ.

Множество пороковъ у дѣтей дошкольнаго возраста, особенно лживость и хитрость, происходятъ, какъ это уже давнымъ-давно замѣчено многими педагогами-практиками, отъ недостатка соотвѣтственнаго умственнаго развитія.

Вотъ что намъ разсказывала по этому поводу уже извѣстная читателю Лярская. Она познакомилась съ одною женщиной, семилѣтняя дочка которой стала вскорѣ ходить играть къ ея дѣтямъ. Когда Лярская входила въ дѣтскую, дѣвочка въ ея присутствіи оставляла игру и занятіе и старалась пробраться къ стулу. Напрасно она увѣряла ребенка, что въ игрѣ нѣтъ ничего дурнаго, напрасно своимъ участіемъ старалась ее завлечь, но ничто не помогало, и дѣвочка оставалась дика въ ея присутствіи. Но лишь только затворялась за нею дверь, дѣвочка вскакивала и начинала играть, но больше она старалась подсѣсть къ игрушкамъ. Когда дѣти замѣчали ей: „тише вези, — колеса чуть держатся“, или: „это нужно вотъ такъ заводить, иначе игрушка сломается“, — дѣвочка отталкивала подошедшихъ дѣтей, а иногда и била ихъ тѣмъ, что держала въ рукахъ. Иногда, сидя на колѣняхъ у коробки съ игрушками, она озиралась кругомъ, и если никто не глядѣлъ, опускала игрушку въ карманъ. Однажды Лярская замѣтила, что дѣвочка вся была перепачкана чернилами, и спросила ее, какимъ образомъ это съ нею случилось.

— Утромъ, когда я уже сюда собиралась, мамаша нечаянно облила меня чернилами... у меня не было больше чистаго передника,—такъ и послали...

— А отчего же пятна такія свѣжія: имъ отъ солнца, да отъ твоего теплаго тѣла давно бы пора высохнуть... говорилъ старшій мальчикъ... Дѣвочка молчала. „Не знаю“, потомъ процѣдила она и опять стала копаться въ игрушкахъ. Но Лярская, не показывая и тѣни недовѣрія, прошла въ свою комнату: разбитая чернильница съ пролитыми чернилами лежала на полу.

— Дѣти!—позвала она дѣтей,—кто изъ васъ это сдѣлалъ?...

— Только не я,—сказали всѣ въ голосъ, и дѣвочка при этомъ нисколько не покраснѣла.

Вы думаете, читатель, что дѣвочка была дочь бѣдныхъ родителей, которые ничего не могли ей доставить, которая шлялась, какъ у насъ принято говорить, съ кѣмъ попало и гдѣ попало. Ничуть не бывало. Она была единственной дочерью совершенно достаточныхъ родителей, которые покупали ей множество игрушекъ и доставляли ей все, что только, по ихъ понятіямъ, не было вредно ребенку. Она даже чуть-ли не первый разъ начала играть съ дѣтьми безъ надзора старшихъ, и въ домѣ никто не могъ подмѣтить въ ней тѣхъ дурныхъ качествъ, которыя такъ рѣзко выступили въ семействѣ Лярской. Одного только не дали родители дѣвочкѣ—правильнаго умственнаго развитія, насколько оно нужно было ей въ семь лѣтъ. И дурное, и хорошее она дѣлала, какъ придется, никогда не задавая себѣ вопроса: *зачѣмъ и почему*. Лгала она плоско, глупо и такъ очевидно, что ее тутъ же можно было уличить во лжи. Послѣднее ее не смущало, никогда не заставляло краснѣть. Крала она вовсе не оттого, что ей вещь эта нравилась, или потому, что она ея не имѣла: эту самую вещь она бросала гдѣ попало, въ другомъ мѣстѣ, тоже безъ всякой разумной причины, такъ, по глупости и неразвитости, или, лучше сказать, изъ побужденія чисто-внѣшняго, какъ это дѣлаютъ трехлѣтнія дѣти. Предметъ блеснулъ, и ребенокъ тянется къ нему, прошла минута,—и онъ уже забылъ, что его только-что такъ сильно обрадовало. Между тѣмъ съ виду дѣвочка эта вовсе не казалась глупой. Она слушалась старшихъ, выполняла, что ей приказывали, съ удовольствіемъ показывая гостямъ игрушки, давала отвѣты на вопросы, правда, отрывочные, но изъ которыхъ однако всегда можно было видѣть, что она понимаетъ то, о чемъ съ ней говорятъ. Но когда Лярская начала заниматься съ нею, она изумилась ея неразвитости и тупости. Мать этой дѣвочки постоянно мѣрила при ней матерію, между тѣмъ та не знала твердо, чѣмъ мѣряютъ. Она вытаращила глазенки, когда Лярская заставила ее мѣрить аршиномъ столъ и другіе предметы. Когда безмѣномъ стали вѣсить книги, она отъ души расхохоталась; при ней только перевѣшивали говядину, чтобы провѣрить кухарку. Дѣвочка знала, что на ней надѣто зеленое платье, могла назвать нѣкоторые зеленые предметы въ комнатѣ, но ужъ никакъ не подозрѣвала, что зеленый цвѣтъ—преобладающій въ природѣ. О всѣхъ, тысячу разъ видѣнныхъ ею предметахъ, она знала только одно самое узкое, обыденное ихъ примѣненіе. Считать она знала сряду до 8, но сдѣлать самую простенькую задачу изъ обыденной жизни не могла и до 3-хъ. Она понимала, что видѣла и слышала, но никогда не могла этого выразить въ полномъ предложеніи. Какой бы она ни вела разговоръ, она употребляла больше одни существительныя и глаголы. Она рѣшительно не была пріучена напрягать свое вниманіе и 5-ти минутъ кряду; голова ея вертѣлась то туда, то сюда, и много времени пришлось употребить, пока она была въ состояніи повторить простенькій въ 5, 6 строкъ разсказъ о какомъ-нибудь домашнемъ животномъ, которое въ то же время было у нея передъ глазами, или въ цѣломъ предложеніи передать отцу порученіе матери. А когда Лярская заявила родителямъ, что, по ея наблюденію, всѣ недостатки

дѣвочки происходятъ отъ ея крайней неразвитости, тѣ даже обидѣлись.—„Почему такъ вдругъ неразвитая? Ребенокъ какъ ребенокъ: придетъ время учиться, будетъ не хуже другихъ“.—Лярская доказала имъ, что дѣвочка, сравнительно съ подростками своихъ лѣтъ, не можетъ сдѣлать ни одного наблюденія надъ обыденными предметами, не имѣетъ ни одного самостоятельнаго сужденія, обыкновенно только повторяетъ послѣднія слова чужой фразы и что говоръ ея мнимый. Между тѣмъ дѣвочка была не безъ способностей; оставленная у Лярской на годъ, она безъ всякихъ наказаній, въ какіе-нибудь мѣсяцевъ шесть перестала красть, лгать и драться. Развитіе заставило ее инстинктивно понять, что ложь ея была глупа, очевидна и почти всегда безцѣльна. Развитіе дало ей больше изобрѣтательности, а хорошее общество трудолюбивыхъ дѣтей помогло съ пользою употребить эту способность.

Какое бы поприще дѣятельности ни избралъ себѣ человѣкъ, умственное развитіе всегда будетъ имѣть огромное значеніе; такъ же велико его значеніе и для личной жизни. Ничто такъ не скрашиваетъ жизни, не облагораживаетъ душу, какъ умственный трудъ. Крафтъ-Эбингъ вполнѣ правъ, говоря: „Люди высшихъ слоевъ общества, не избравшіе, вслѣдствіе своего богатства, никакой карьеры и незнакомые съ радостями и трудностями серьезнаго умственнаго труда, вполнѣ достойны сожалѣнія. Они стремятся только къ наслажденіямъ, но истинное наслажденіе безъ труда немыслимо. Результатомъ такой безсодержательной жизни является пресыщеніе и разочарованіе, которыя ведутъ къ нравственному и физическому разслабленію. *Умственный трудъ есть одно изъ главныхъ условій гигіены души.* Если онъ не превышаетъ силъ даннаго лица и выполняется добровольно, онъ разнообразитъ жизнь, способствуетъ сохраненію здоровья и веселому расположенію духа. Удрученный горемъ и заботами находитъ въ такихъ занятіяхъ утѣшеніе и отдыхъ“.

И Милль также горячо доказываетъ великое значеніе умственнаго развитія. „Послѣ себялюбія“, говоритъ онъ, „главная причина недовольства жизнію—недостатокъ умственнаго развитія. Развитіе ума, не говорю философское, но по крайней мѣрѣ такое, которое бы раскрывало человѣку источники знанія и дѣлало его способнымъ къ умственному труду, такое развитіе превращаетъ въ неистощимый источникъ интереса все окружающее: и предметы природы, и произведенія искусства, и созданія поэзіи, и событія исторіи, и прошедшія, и настоящія, и будущія судьбы человѣчества“. („Утилитаріанизмъ“, стр. 33).

Для того, чтобы юноша не формально, а серьезно и основательно занимался въ учебномъ заведеніи, подготовлялъ себя не только для диплома, но и для разумной жизни, для того чтобы впослѣдствіи онъ могъ быть человѣкомъ съ самостоятельною мыслію и имѣлъ бы возможность успѣшно заниматься какою бы то ни было умственною дѣятельностью,—пробудите въ немъ интересъ къ окружающему въ періодъ жизни до школьнаго возраста. Если воспитатель не съумѣетъ развить этого свойства въ ту пору, когда въ ребенкѣ только начинаетъ пробуждаться наблюдательность ко всему окружающему, имѣющая такое громадное значеніе для всей психической жизни человѣка, то умственныя способности ребенка постепенно притупляются, и, сдѣлавшись школьникомъ, онъ равнодушно будетъ смотрѣть на Божій міръ.

Желая умственно развить своего питомца, воспитатель не долженъ терять ни одного дня, благопріятнаго для прогулки съ ребенкомъ, съ цѣлію пробужденія его наблюдательности, вниманія и интереса къ природѣ. Если есть какая нибудь возможность, пусть воспитатель отведетъ ребенку небольшой клочекъ земли, разобьетъ на немъ грядки и обработываетъ его сообща

четырехъ лѣтъ, онъ будетъ отличать одинъ цвѣтокъ отъ другаго лишь по формѣ и цвѣту. Затѣмъ онъ можетъ начать разсматривать каждый цвѣтокъ порознь, но и при этомъ вы должны указать лишь на самыя главныя части цвѣтка: на корень, стебель, листики. Послѣ того онъ сравниваетъ эти части въ самомъ общемъ ихъ очертаніи у различныхъ растеній и лишь понемногу, медленно и постепенно, переходитъ къ нѣкоторымъ другимъ подробностямъ. Далѣе онъ знакомится въ наиболѣе крупныхъ экземплярахъ съ чашечкой, тычинками, пестикомъ. Въ такомъ же родѣ и съ такою же постепенностью нужно знакомить ребенка и со всѣми остальными явленіями природы, начиная съ характерныхъ признаковъ, наиболѣе доступныхъ чувственному воспріятію дитяти.

Такимъ образомъ постепенно ребенокъ долженъ пріучаться получать представленія о каждомъ наблюдаемомъ предметѣ, знать его названіе, главные характерные признаки. Отъ времени до времени, вечеркомъ, въ дождливый или зимній день, наводите его во время разговора на воспоминанія о прирученномъ лѣтомъ животномъ, о его наблюденіяхъ надъ насѣкомыми, деревьями, растеніями,—пусть такимъ образомъ онъ возобновляетъ въ памяти свои воспоминанія, пусть почаще возстаютъ предъ нимъ образы наблюдаемыхъ предметовъ; при передачѣ же наблюденій совершенствуется даръ слова, и къ тому же онъ пріучается къ болѣе точному опредѣленію предмета. Если воспитатель увидитъ изъ разговора съ ребенкомъ, что онъ плохо опредѣляетъ предметъ, вмѣсто главныхъ характерныхъ признаковъ выдвигаетъ второстепенные, онъ долженъ вновь пріохотить его наблюдать то же явленіе, пока оно не будетъ усвоено имъ вполнѣ правильно.

Наблюдать кошку, собаку, курицу ребенокъ начинаетъ раньше всего, но эти наблюденія долго ограничиваются лишь тѣмъ, что онъ смотритъ, какъ они ѣдятъ, играютъ, бѣгаютъ. Такъ и должно быть въ продолженіи первыхъ двухъ, трехъ лѣтъ его жизни, но затѣмъ его слѣдуетъ заставлять уже присматриваться къ отдѣльнымъ частямъ животнаго, съ головы до хвоста; пусть обратитъ вниманіе на цвѣтъ животнаго, на форму его головы, ногъ и зубовъ.

При такомъ воспитаніи ребенокъ уже въ девять, десять лѣтъ знаетъ, какимъ образомъ происходитъ развитіе стебля, какой высоты приблизительно достигаетъ то или другое растеніе въ извѣстный періодъ своей жизни, когда появляются первыя почки, первые цвѣты, когда наступаетъ періодъ полнаго цвѣтенія, въ какое время года созрѣваютъ яблоки, груши, вишни, горохъ, бобы, рожь, овесъ, ячмень, когда приблизительно слѣдуетъ заниматься ихъ уборкою, какъ и на что употребляютъ ихъ въ хозяйствѣ. Въ этотъ же періодъ своей жизни ребенокъ уже прекрасно знаетъ, весною, лѣтомъ или осенью растутъ тѣ или другія растенія, какія изъ нихъ водятся въ ихъ сосѣдствѣ, предпочитаютъ ли они яркіе лучи солнца или темноту лѣса, берегъ ручья, болотистую, глинистую, песчаную или черноземную почву, какой видъ имѣютъ они въ различное время года, а также какія растенія цвѣтутъ одновременно съ яблонею, вишнею, березою, дубомъ, крапивою, рожью; какія птицы гнѣздятся на томъ или другомъ деревѣ, въ лѣсу или кустахъ, изъ какого матеріала вьютъ онѣ свои гнѣзда. Ребенокъ въ этотъ періодъ своей жизни уже долженъ умѣть отличать голоса животныхъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе встрѣчаемыхъ въ той мѣстности, гдѣ онъ живетъ, изучить особенности полета многихъ птицъ, можетъ уже иногда угадать по слѣду, оставленному въ лѣсу, какое проходило животное, отличаетъ одно дерево отъ другаго, знаетъ ихъ названія, а также и то, какія изъ нихъ идутъ на топливо, какія на тѣ или другія постройки, что изъ нихъ добываютъ, назоветъ вамъ главные ха-

рактерные признаки всѣхъ домашнихъ животныхъ, знаетъ разницу между полемъ и лугомъ, краснолѣсьемъ и чернолѣсьемъ, различаетъ одну почву отъ другой, знаетъ и причину многихъ метеорологическихъ явленій.

Даже въ тѣхъ немногихъ семьяхъ, гдѣ признаютъ необходимымъ пріучать ребенка наблюдать природу, все-таки мало обращаютъ его вниманіе на самое ему близкое—на человѣка. Скажите, почему и тѣмъ матерямъ, которыя не внушали дѣтямъ особеннаго благоговѣнія къ чинамъ, орденамъ и богатству, приходится видѣть собственными глазами, что дѣти ихъ, въ своихъ забавахъ и играхъ со сверстниками ниже ихъ по положенію, не ставятъ себя въ простыя и дружескія отношенія? Отчего у насъ цѣлыми сотнями люди занимаются тѣмъ, что трактуютъ свысока о народномъ пьянствѣ, лѣни, апатіи и другихъ порокахъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о народной жизни? По нашему мнѣнію это больше всего происходитъ оттого, что въ дѣтствѣ намъ былъ близокъ лишь тѣсный семейный уголокъ, и помимо его мы обращали вниманіе только на людей, почему нибудь нужныхъ намъ для нашихъ помысканій.

Въ нашихъ интеллигентныхъ семьяхъ родители большею частью обращаютъ вниманіе дѣтей только на то, чѣмъ сами занимаются. Дѣти отдаются какой-нибудь спеціальности уже съ самаго ранняго возраста, и эта случайность иногда на вѣки опредѣляетъ ихъ карьеру, хотя часто они и не чувствуютъ къ ней природной склонности. Такъ какъ наблюдательность ихъ развиваютъ въ одномъ направленіи, они и не знаютъ, какъ приняться за другой предметъ, противъ котораго они невольно предубѣждены, потому что прежде къ нему у нихъ не было пробуждено никакого интереса; только тотъ можетъ быть полезнымъ спеціалистомъ, кто въ дѣтствѣ изучалъ и наблюдалъ все въ природѣ и жизни людей. Представляя факты по своей спеціальности, такой человѣкъ можетъ освѣтить и пояснить ихъ выводами изъ другой науки, а всѣмъ извѣстно, что только такое отношеніе къ наукѣ и можетъ ускорить ея развитіе и привести къ плодотворнымъ результатамъ. Только тотъ, кто въ дѣтствѣ останавливался надъ всѣми явленіями въ природѣ и жизни, дѣлалъ всесторонніе наблюденія, можетъ дѣйствительно знать свое настоящее призваніе, съ твердостью и постоянствомъ преслѣдовать всегда одну и ту же цѣль.

Только воспитаніе, при которомъ возбужденъ широкій интересъ къ окружающему и развита живая наблюдательность съ первыхъ лѣтъ дѣтства, можетъ постепенно искоренять самый характерный недостатокъ русскаго юношества—лѣнь мысли. Между тѣмъ у насъ и до сихъ поръ родители только тогда начинаютъ думать о развитіи дѣтей, когда получаютъ программу того заведенія, куда приходится ихъ опредѣлить. Скороспѣлая подготовка къ экзамену не можетъ развить мышленія, наблюдательности и другихъ интеллектуальныхъ свойствъ дитяти. Вотъ потому то мы и считаемъ крайне необходимымъ обратить вниманіе на развитіе мыслительныхъ способностей ребенка въ то время, когда онѣ у него только начинаютъ пробуждаться. Ничто болѣе не способствуетъ этому, какъ наблюденія надъ окружающею жизнью природы и людей.

Продолжительныя занятія съ дѣтьми дали намъ возможность собрать огромный матеріалъ для наблюденій съ дѣтьми дошкольнаго возраста. Этого матеріала хватитъ не на одинъ годъ, если принять во вниманіе и то, что параллельно съ этимъ должны идти и другія занятія съ дѣтьми, а также самостоятельное наблюденіе ребенка надъ прирученными животными и растеніями.

Примѣры практическихъ задачъ для наблюденій.

I.

Задачи для наблюденій въ лѣтнее время.

1) Дайте ребенку стеклянную банку, скажите, чтобы онъ посадил в нее паука и завязалъ банку толстою бумагой, которая должна быть вверх вся проколота мелкими дырочками: иначе животное задохнется безъ воздух. Затѣмъ пусть ребенокъ почаще засматриваетъ въ банку, что дѣлаетъ его плѣнникъ. Кормить паука можно комарами и мухами. Каждый разъ, когда ребенокъ будетъ бросать ему кормъ, пусть замѣчаетъ, какъ онъ схватываетъ мухъ, какъ ѣстъ ихъ? Какъ проводитъ первыя нити своихъ тенетъ, куда прикрѣпляетъ ихъ? Какъ дѣлаетъ паукъ средину паутины? Если въ начатыя тенета бросить комочекъ бумаги, что произойдетъ? Какъ паукъ будетъ чинить свою паутину? Что сдѣлаетъ онъ, если въ его жилище впустить какое нибудь крупное насѣкомое, напр. слѣпня или осу?

2) Пусть ребенокъ наберетъ разныхъ предметовъ: мѣдную монету, желѣзный гвоздь, кусочекъ стекла, огниво (сталь) и кремень. Пусть чертитъ однимъ предметомъ по другому: болѣе твердый предметъ будетъ оставлять на болѣе мягкомъ черту. Какой изъ принесенныхъ предметовъ самый твердый, какой самый мягкій? Что тверже: желѣзный гвоздь или мѣдная монета, кремень или стекло, сталь или кремень? Какъ ты узналъ, что одни предметы тверже другихъ?

3) Наберите во рвахъ и прудахъ головастиковъ; пусть ребенокъ каждый день перемѣняетъ имъ воду и наблюдаетъ ихъ превращеніе.

Что у нихъ выростаетъ прежде: заднія или переднія ноги? Что дѣлается съ хвостомъ: длиннѣе или короче онъ становится? Когда хвостъ совсѣмъ отвалится, какой видъ имѣютъ головастики? Что образуется вмѣсто жабръ? Прежде чѣмъ головастики станутъ настоящими лягушками, что дѣлается еще съ ними?

4) Посадите въ банку стрекозу, положите ей нѣсколько листиковъ, пускайте къ ней маленькихъ насѣкомыхъ. Смотрите, какъ она будетъ ихъ ловить. Нѣкоторыя стрекозы и въ своемъ заточеніи положатъ яйца. Какой формы эти яйца? Въ свѣтлой банкѣ ребенку удобно будетъ разсмотрѣть сложныя челюсти стрекозы. Смотрите, какъ она ѣстъ.

5) Поймайте ящерицу и держите въ просторной банкѣ, въ которой положены камни и мохъ. Кормите ее мухами и другими насѣкомыми. Как она бѣгаетъ? Какъ устраиваетъ себѣ норку? Въ какое время ящерица обыкновенно бѣгаетъ и когда она лежитъ?

6) Пусть дѣти наблюдаютъ превращеніе бабочекъ. Для этого нужно приготовить деревянные ящички, а то дѣти и сами могутъ согнуть просторныя коробки изъ папки. Крышкою для картонныхъ коробокъ можетъ служить другая такая-же коробка, только нѣсколько больше и вся исколотая сверху для воздуха. Ребенокъ долженъ внимательно осматривать сучки и листики растеній, которые ему попадаются, и собирать куколки и личинки. Конечно, ихъ слѣдуетъ размѣщать въ различныя коробки. Личинокъ и куколокъ слѣдуетъ собирать вмѣстѣ съ частями растеній, на которыхъ онѣ встрѣчаются, стараясь при этомъ не дотрогиваться до нихъ руками, а снимать ихъ листикомъ или прутикомъ и такъ размѣщать ихъ по коробкамъ. Пищу имъ, т. е.

листья того растенія, на которомъ онѣ найдены, нужно всегда имѣть свѣжую, опять таки стараясь какъ можно меньше тревожить ихъ руками: иначе много ихъ гибнетъ. Если нашли какую-нибудь личинку, зарытую въ землѣ, то ей въ ящикъ на дно нужно посыпать земли и песку и, разумѣется, тоже класть и листики. Эти наблюденія даютъ поводъ ко множеству бесѣдъ съ дѣтьми. Кромѣ того, какое полезное для нихъ занятіе! Какъ при этомъ привязываются они къ природѣ, сколько чистой радости они испытываютъ, когда, напримѣръ, услышатъ легкій шумъ крыльевъ бабочки о стѣнки коробки! Эти наблюденія они могутъ дѣлать, въ какомъ-бы положеніи ни находились. Если и лѣтомъ они должны жить въ городѣ, то хотя нѣсколько разъ все-таки могутъ вырваться въ поле или побывать въ какомъ нибудь саду. Послѣ одного лѣта тутъ ребенокъ хорошо усвоитъ: всѣ фазы развитія и превращенія бабочки, узнаетъ пищу многихъ личинокъ; запомнитъ примѣты, по которымъ можно узнать, что изъ яичекъ скоро выйдутъ личинки, что бываетъ съ личинками, когда приходитъ имъ время окукляться; какой видъ имѣютъ куколки, въ какомъ положеніи онѣ находятся; бываетъ ли съ ними какая нибудь перемѣна передъ превращеніемъ въ бабочку?

7) Пусть ребенокъ изъ влажной глины устроитъ горку, на которой пальцемъ сдѣлаетъ нѣсколько ямочекъ. Въ эти ямочки нужно насыпать влажнаго песку. Одновременно слѣдуетъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ размачивать сѣмена кресъ-салата. Потомъ вдавливать ихъ въ ямочки, гдѣ насыпанъ песокъ. Горку эту можно поставить на тарелку и поливать теплою рѣчною водой, въ которую брошено нѣсколько извести. Черезъ нѣсколько дней дѣти увидятъ прекрасную горку зелени. Это занятіе необыкновенно радуетъ дѣтей; особенно пріятно оно зимой, когда глазъ давно не видѣлъ освѣжающей зелени. Оно тоже вызываетъ много полезныхъ вопросовъ и бесѣдъ. Чудная зелень такъ же скоро увядаетъ, какъ скоро выросла. Отчего она такъ быстро завяла? Выдерни, посмотри корешокъ. Отчего онъ такъ малъ и слабъ? А гдѣ для него была бы болѣе питательная почва?

8) Яблоки еще на деревьяхъ: они не совсѣмъ созрѣли... Выберите изъ нихъ болѣе красивое и, не срывая его съ дерева, налѣпите на немъ какую нибудь восковую фигуру: звѣздочку, банку съ деревцомъ и т. п. на той сторонѣ яблока, которая обращена къ солнцу, т. е. на той, которая потомъ бываетъ румяною. При этомъ остерегайтесь повредить черешокъ, чтобы не помѣшать дальнѣйшему росту яблока. Отъ времени до времени нужно посматривать, цѣлъ ли воскъ на яблокѣ, и если свалился,—то его нужно возобновить. Когда яблоки созрѣютъ, снимите воскъ: мѣста, которыя были имъ покрыты, остались бѣлыми или зеленоватыми, между тѣмъ, какъ вся сторона зарумянилась. Такимъ образомъ яблоко у насъ вышло съ хорошенькимъ рисункомъ.—Отчего отпечатался здѣсь рисунокъ? Что же съ яблокомъ дѣлаетъ солнце?

9) Если хотите засушить букетъ цвѣтовъ въ его натуральномъ видѣ, поступайте такимъ образомъ. Возьмите какой нибудь ящичекъ и, придерживая букетъ снизу, посыпайте его легонько мелкимъ, сухимъ пескомъ, пока букетъ не будетъ имъ совершенно засыпанъ. Потомъ поставьте ящикъ на солнце или въ умѣренно вытопленную печь, и пусть онъ стоитъ тамъ, пока букетъ не засохнетъ. Потомъ, какъ можно осторожнѣе, высыпайте песокъ изъ ящика; такимъ образомъ вы получите сухой, но цѣльный букетъ.

10) Возьмите увядающій цвѣтокъ и, если хотите его оживить, опустите треть длины его стебля въ кипятокъ. Когда вода начнетъ остывать, цвѣ-

токъ оживаетъ. Послѣ этого тотчасъ выньте его изъ этой воды, отрѣжьте прочь обваренный конецъ, а цвѣтокъ поставьте въ свѣжую воду.

11) Если хотите зимою имѣть свѣжій розанъ или цвѣтокъ гвоздики, то лѣтомъ, когда будутъ бутоны названныхъ цвѣтовъ, выберите сухой день, т. е. такое время, когда бутоны розана и гвоздики не были смочены ни дождемъ, ни росою, и срѣжьте ихъ отъ куста такъ, чтобы съ ними еще осталось нѣсколько листиковъ. Послѣ этого отрѣзанную часть стебля нужно плотно обтянуть воскомъ, всѣ сучки и самый стебелекъ, насколько можно крѣпко и аккуратно, обвить бумажными тоненькими полосками, чтобы воздухъ не проникалъ. Послѣ этого отрѣзанный цвѣтокъ погружаютъ въ коробку, наполненную сухимъ пескомъ, крѣпко закупориваютъ ее и ставятъ въ сухое мѣсто. Такимъ образомъ сохраняютъ эти цвѣты до глубокой зимы. Въ ту минуту, когда вамъ захочется имѣть цвѣтокъ, вы вынимаете его изъ ящика, обрѣзываете кончикъ, заклеенный воскомъ, и тотчасъ ставите стебелекъ въ свѣжую воду, въ которой разведено нѣсколько соли и селитры. Бутонъ распускается въ свѣжій, красивый цвѣтокъ.

12) Пусть дѣти наберутъ цѣльныхъ сосновыхъ или еловыхъ *шишекъ*; возьмите большой стаканъ или цвѣтной горшокъ, насыпьте *на дно его* песку и поставьте въ немъ шишки; въ середину можно помѣстить большую *шишку*, вокругъ ея поменьше. Но прежде, чѣмъ размѣщать такимъ образомъ шишки, набейте подъ ихъ чешуйки земли и посѣйте сѣмянъ какихъ нибудь травъ. Посѣявъ траву и размѣстивъ въ горшкѣ шишки, пусть дѣти каждое утро спрыскиваютъ ихъ водою,—дня черезъ три выйдутъ ростки. Для посѣва лучше всего брать горчицу, кресс и т. п. Вмѣсто шишекъ можно взять губку, намочить ее, выжать лишнюю воду и, положивъ губку въ стаканъ, набросав на нее сѣмянъ.

13) Заставляйте дѣтей засушивать и сберегать листья, а иногда и цѣлыя растенія. Такъ какъ дѣти этого возраста не могутъ еще составить настоящаго гербарія, то способъ засушиванія можно придумать весьма несложный; пусть они нарвутъ нѣсколько листиковъ наиболѣе встрѣчаемыхъ деревьевъ или цвѣтовъ и, хорошенько расправивъ отдѣльныя части растенія, разложатъ ихъ между листами какой нибудь ненужной книги; затѣмъ книгу нужно закрыть и положить на солнцѣ, въ сухое или теплое мѣсто. На слѣдующій день, когда сокъ достаточно высохъ (но не настолько, чтобы растеніе крошилось), слѣдуетъ опять заглянуть на растенія, хорошенько расправить ихъ, разложить въ тетради, нарочно для этого приготовленныя, и приклеивать стебельки полосками бумаги. Зимой они могутъ разсматривать растенія, сопровождая это дѣло веселыми бесѣдами.

14) Возьмите просторную банку, насыпьте на дно песку, положите изданныхъ растеній и пустите туда нѣсколько колюшекъ. Рыба эта довольно извѣстная: спина ея имѣетъ красивый нѣжный зеленоватый оттѣнокъ, грудь красная, бока серебристые. Ребенокъ долженъ замѣтить, когда колюшка выплываетъ на поверхность воды и сильно пускаетъ пузыри: это признакъ того, что ей слѣдуетъ тотчасъ перемѣнить воду. Кормить колюшекъ можно червяками и мелко изрубленными кусочками сырой говядины. Пусть дѣти наблюдаютъ, какъ онѣ плаваютъ, какъ входитъ вода въ жабры и какъ изъ нихъ выходитъ. Бросьте къ нимъ какую нибудь маленькую рыбку: уживутся ли онѣ съ ней и что онѣ съ ней будутъ дѣлать?

15) Наловите и другихъ небольшихъ рыбокъ, заведите, если можно, и золотую рыбку.

Предоставьте ребенку и самому выбирать предметы, которые болѣе зай-

мутъ его: птичка-ли то, насѣкомое или камешекъ. Пусть онъ все собираетъ и учится сохранять. Хорошо, если у него устроится свой маленькій естественно-историческій кабинетъ, служащій ему для опытовъ и наблюденій.

16) Подведите ребенка къ обрывистому рѣчному или овражному берегу, который почти всегда бываетъ полосатый, особенно если онъ высокъ, и укажите на различные пласты земли.

17) Гдѣ будутъ копать колодезь или глубокую канаву, не пропустите и этого случая, чтобы убѣдить ребенка, что и тутъ земля, какъ и вездѣ, лежитъ слоями: сверху пластъ черной земли, или чернозема, подъ нимъ глина, подъ глиною докапываются и до песку, а иной разъ и до крѣпкаго камня. Разскажите наглядно, какъ образовались тѣ или другіе пласты. Объясните, отчего, когда копаютъ землю въ болотѣ, находятъ рѣчной песокъ или рыбьи кости?

18) Переходя съ ребенкомъ черезъ мостъ, остановитесь на нѣкоторое время, смотрите на протекающую внизу воду, спрашивайте, что онъ замѣчаетъ.

19) Необходимо познакомить и съ четырьмя сторонами свѣта. Для этой цѣли пусть ребенокъ выберетъ ровное мѣсто и совсѣмъ прямо воткнетъ въ землю шестъ; въ ясный день съ утра идите съ нимъ посмотрѣть, куда отъ шеста падаетъ тѣнь: тѣнь падаетъ въ сторону противную той, гдѣ солнце,— вы и можете объяснить ему, что, такъ какъ утромъ солнце стоитъ на *востокѣ*, значитъ, та сторона, въ которую протянулась тѣнь, будетъ *западною*. Пусть онъ замѣчаетъ, когда тѣнь будетъ длинною, когда самою короткою. Наблюдая *тѣнь въ полдень*, вы объясните ему, гдѣ *сѣверъ* и гдѣ *югъ*.

Вспомнимъ, что-же мы могли сообщать четырехлѣтнему ребенку о растеніяхъ и деревьяхъ. Такъ про ель, напримѣръ, мы говорили ему, что вмѣсто листиковъ она имѣетъ иглы (хвои), показывали ему деревья съ листьями и хвоями лѣтомъ, показывали ихъ ему и зимой. Онъ узналъ, что зимою только хвойныя деревья сохраняютъ зелень, и, вѣроятно, остался при томъ убѣжденіи, что этому дереву легче другихъ живется на свѣтѣ. Теперь онъ выросъ и ужъ болѣе пойметъ. Разскажите ему, какъ страдаетъ это дерево отъ бурь и зимы, какъ лѣтомъ подтачиваютъ его со всѣхъ сторонъ безчисленныя толпы насѣкомыхъ.

Я бы хотѣла дать примѣры связныхъ разсказовъ изъ всѣхъ царствъ природы въ томъ видѣ, какъ они могутъ быть сообщены 6-ти, 7-ми лѣтнимъ дѣтямъ; но боюсь, что это займетъ много мѣста, и потому ограничусь указаніемъ, на что можно еще обращать вниманіе ребенка. Вотъ, напримѣръ, что можетъ войти въ разсказъ о ели. Прежде всего очертите слегка наружный видъ ели. Вы прежде говорили ребенку, что вмѣсто листиковъ у ели— иголки. Теперь ребенокъ пусть ощупаетъ кору, замѣтитъ смолу, которая выступаетъ изъ дерева, самъ укажетъ отличительное свойство смолы. Заставьте ребенка наблюдать, что находится у подошвы другихъ деревьевъ и что у подошвы ели. Есть-ли подъ деревомъ муравьиныя кучи, какіе грибы, какія ягоды растутъ? Есть-ли какая растительность и какая она? Заставьте ребенка набрать еловыхъ и сосновыхъ шишекъ. Если онъ не умѣетъ отличить ихъ другъ отъ друга, пусть, прежде чѣмъ собирать ихъ, онъ замѣчаетъ,—подъ елью или сосною нашелъ онъ шишки, и пусть прячетъ ихъ въ различныя корзинки. Дома можно дѣтей заставить подымать ножичкомъ чешуйки одной и другой шишки, разрѣзывать ихъ и сравнивать между собою.

Нѣкоторыхъ атмосферическихъ явленій: грома, молніи, града—ребенку еще нельзя объяснить; но и тутъ ему многое доступно. Такъ собственными

наблюденіями онъ можетъ узнать, что такое вѣтеръ, какое значеніе играетъ онъ въ природѣ и его назначеніе. Вотъ подулъ сильный вѣтеръ. Укажите ребенку, какъ закружилось и понеслось въ это время въ воздухѣ множество пыли, песку и всякаго сору. Смотрите, сколько крошечныхъ крылатыхъ насѣкомыхъ прилетѣло къ вамъ на письменный столъ. Однако они не двигаются. Ба! да это сѣмячки различныхъ деревьевъ! А какъ они похожи на мотыльковъ! Опять рванулъ вѣтеръ,—и всѣ эти сѣмячки поднялись надъ вашей головой и понеслись далеко, далеко; то опускаются они внизъ и падаютъ на землю, то въ лужи, въ озера, въ песокъ, то, взлетѣвъ очень высоко, сядутъ на деревья, на развалившіеся дома, на колокольни. Сѣмена, которыя попали въ голый песокъ, на деревья, въ озера, безъ сомнѣнія погибнутъ; отъ другихъ-же можетъ родиться красивое молодое деревцо. На старыхъ зданіяхъ, на голыхъ скалахъ, на высокихъ башняхъ дерево можетъ вырости потому, что вѣтеръ успѣлъ уже нанести туда довольно песку, пыли, сѣмянъ разныхъ травъ, которыя, сгнивши, подготовили землю. Еще подулъ вѣтеръ и принесъ сюда сѣмечко, которое и зародило деревцо.

Какъ въ механическихъ занятіяхъ всѣ эти лучинки, кубики останутся мертвымъ матеріаломъ, если вы не укажете, какъ ихъ употреблять, такъ и и здѣсь; если вы не укажете, какъ и что именно, положимъ, хотя въ деревьяхъ, слѣдуетъ наблюдать, ребенокъ не замѣтитъ самыхъ выдающихся и характерныхъ чертъ въ предметѣ. Это очень легко понять: всѣ мы не только видѣли болѣе извѣстныя породы деревьевъ, болѣе встрѣчаемые виды цвѣтовъ, но даже въ школахъ изучали ботанику, между тѣмъ не знаемъ ни одного дѣйствительнаго, живаго признака того, или другаго растенія, а это потому, что прежде мы не дѣлали самостоятельныхъ наблюденій. Чтобы умѣть дѣлать такія наблюденія, нужно еще въ дѣтствѣ пробудить чувство ребенка, дать извѣстное направленіе его мысли. Если вы съумѣли, какъ должно, въ этомъ направить ребенка, онъ далеко опередитъ васъ въ наблюденіяхъ; пользуясь проницательностью его, вы и сами можете подновить свои знанія и въ свою очередь дать ему усвоить что нибудь полезное. Ни по одному предмету нѣтъ такъ много популярныхъ пособій, не выработано такъ много хорошихъ педагогическихъ пріемовъ, какъ въ области естествознаніи, а именно—по ботаникѣ, зоологіи и въ недавнее время и по минералогіи. Лучшимъ и популярнѣйшимъ пособіемъ къ знакомству съ деревьями можетъ служить переведенное у насъ сочиненіе Росмесслера „Лѣсъ“, но еще болѣе подходящая для этой цѣли, превосходная и талантливая книга Кайгородова „Бесѣды о русскомъ лѣсѣ“, 1-я и 2-я серія; по ботаникѣ и зоологіи—сочиненія Любена, ботаника котораго у насъ хорошо переработана Бекетовымъ, а зоологія Сенть-Илеромъ и превосходные разсказы Богданова „Мірскіе захребетники“. Изъ научныхъ руководствъ лучшее: руководство для чтенія воспитателямъ—„Жизнь Животныхъ“ Брэма и его же о птицахъ, по минералогіи укажемъ на книгу Герда; для знакомства съ насѣкомыми—картины изъ жизни насѣкомыхъ А. Ганике.

Всѣ эти книги очень полезны для воспитателей, но нужно помнить, что съ 5—7-ми лѣтними дѣтьми можно говорить только о томъ, что они видятъ передъ собою, и надъ чѣмъ могутъ безпрепятственно дѣлать свои наблюденія. Слѣдовательно придется указывать имъ на самыя извѣстныя породы деревьевъ и растеній, находящихся на русской почвѣ. Пользуясь знаніями, изложенными въ упомянутыхъ книгахъ, обратитесь къ нашей природѣ. Она, конечно, играетъ важную роль, особенно въ жизни нашего простолюдина. Избравши какое нибудь дерево, нарисуйте ребенку, отъ времени до времени,

картину сельской жизни, сценку изъ ежедневныхъ занятій поселянина, представьте его трудъ, его радости и заботы. Этимъ вы оживите самый разсказъ о деревѣ и заставите ребенка обратить вниманіе и на его свойства.

Возьму для примѣра *березу* и укажу, какимъ образомъ, познакомившись съ этимъ деревомъ, ребенокъ можетъ узнать ту или другую сторону крестьянскаго быта.

Береза чрезвычайно красивое дерево; ея длинный, стройный стволъ покрытъ ослѣпительно бѣлой корой; гибкія вѣтви темно-краснаго цвѣта красиво свѣшиваютъ свою кудрявую зелень. На длинныхъ черешкахъ зазубренные листья зеленаго цвѣта покрыты цѣлой сѣтью нѣжныхъ жилокъ; кромѣ того, молоденькій листъ березы всегда покрытъ душистымъ, блестящимъ и липкимъ смолистымъ веществомъ. А какъ некрасивы цвѣты березы: они висятъ сережками на длинныхъ вѣткахъ дерева. Когда они отцвѣтутъ, и вы дотронетесь до такой сережки, то съ нея посыпятся чешуйки и находящіяся между ними крылатыя сѣмена, а въ рукахъ останется тонкая, зеленая ниточка, на которой сидѣли и чешуйки, и сѣмена.

Кто только не любитъ березы! Въ лѣсу кротъ роетъ свои подземные ходы подъ ея привѣтливыми вѣтвями, разныя птички прилетаютъ клевать ея сѣмячки; люди, благодарные, что она первая послѣ снѣговъ и морозовъ оживляетъ ихъ прелестной зеленью, пляшутъ, поютъ и встрѣчаютъ свой первый весенній праздникъ Троицу.

Наканунѣ Троицына дня рѣшительно вездѣ оживляется народъ. Въ деревнѣ молодыя дѣвушки останавливаютъ проѣзжаго купца, торгуются, закупаютъ наряды, платки съ разводами и букетами, да ленты алыя. Но вотъ, наконецъ, наступилъ и самый праздникъ, Троица. Вечеромъ въ этотъ день и старый, и малый отправляются повеселиться въ рощу; женщины постарше несутъ въ узелкахъ провизію, дѣвушки съ березовыми вѣнками въ рукахъ идутъ распѣвая:

„Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.
Люли, люли, стояла,
Люли, люли, стояла!
Некому березу заломати,
Некому кудряву заломати.
Я пойду, погуляю,
Я пойду, погуляю,
Бѣлую березу заломаю,
Бѣлую березу заломаю,
Люли, люли, заломаю!“

Вотъ вошли на лужайку передъ лѣсомъ, постлали на траву свои платки и разложили яства: крупеникъ, сдобникъ, печеныя яйца. Дѣвушки съ парнями хороводы водятъ, вѣнки завиваютъ, братаются; нагнутъ двѣ молодыя березы, свяжутъ въ видѣ вѣнка ихъ вѣтви лентами, повѣсятъ съ шеи крестъ, цѣлуются черезъ него—братаются, крестами мѣняются; вотъ и крестныя сестры, братья стали,—должны другъ друга жалѣть, помогать въ нуждѣ. А въ томъ кружку уже пустились въ плясъ; старики же въ это время пьютъ, ѣдятъ, на молодежь любуются и свою былую молодость, горе и радость вспоминаютъ.

Но береза не только приноситъ человѣку радость. Все, начиная съ древесины до ея листиковъ и малѣйшаго бугорка на стволѣ, идетъ въ дѣло и приноситъ людямъ огромныя выгоды. Разскажите, куда и на что идетъ всякая часть березы. Представьте картину, когда березу пробуравятъ весной, и изъ нея вытекаетъ березовица, какъ къ ней тогда стекается народъ съ

кувшинами и бутылками, ждутъ своей очереди, чтобъ наполнить посудину любимымъ березовымъ квасомъ.

Точно также вы можете ребенку разсказать *о дубѣ*, *о соснѣ*, *о липѣ*, объ *осинѣ*, о нѣкоторыхъ *цвѣтахъ* и проч. Изъ цвѣтовъ вамъ незачѣмъ выбирать самые красивые, годные для букета. Но все-таки нужно,—замѣтить мнѣ,—чтобы ребенокъ могъ разглядѣть въ нихъ отчетливо всѣ части. Пожалуй, и съ этой цѣлью дайте ему какой нибудь цвѣтокъ, только не забивайте голову ребенка всѣми ботаническими тонкостями. Чѣмъ больше тутъ разнообразія, тѣмъ лучше. Въ одномъ растеніи онъ можетъ разсмотрѣть листики, зелень, корешокъ, въ другомъ самый цвѣтокъ. Напримѣръ, въ крапивѣ пусть онъ разглядитъ листики, разскажите, почему они обжигаютъ руку, что происходитъ въ это время съ рукой, когда до нея дотрогиваются, какъ въ деревняхъ рубятъ крапиву, поливаютъ сывороткой и выкармливаютъ этимъ разныхъ домашнихъ животныхъ. Цвѣтовъ крапивы, по причинѣ ихъ мелкости, ребенокъ разглядѣть не можетъ; за то разсмотритъ цвѣтокъ земляники, который въ то же время имѣетъ значеніе и въ народной жизни. Разскажите ребенку, какимъ иногда подспорьемъ служитъ собираніе этой ягоды въ деревняхъ, какъ иногда еще очень маленькіе дѣти встаютъ рано, *рано по утру*, пока еще большіе не идутъ на работы, и отправляются *собирать ягоды* для продажи ихъ въ городѣ, сколько при этомъ приходится имъ мучиться и изъ-за просыпавшихся ягодъ. Для полноты картины, вы можете представить, что у крестьянъ все идетъ въ дѣло, даже листики земляники сушатъ, и въ зимнее время настаиваютъ и пьютъ съ медомъ, какъ мы пьемъ чай. Показывая ребенку такимъ образомъ предметъ со всѣхъ сторонъ, вы коснетесь и радостей народа, и его нуждъ. Конечно, не слѣдуетъ показывать мрачныхъ сторонъ жизни, которыя онъ не можетъ понять; но мы не раздѣляемъ такихъ мнѣнія тѣхъ педагоговъ, которые, все представляя въ розовомъ свѣтѣ, совершенно извращаютъ передъ нимъ дѣйствительность.

Но что-же шести-семи-лѣтній ребенокъ можетъ дѣлать лѣтомъ всякомъ, въ сырую ненастную погоду или зимою? Пусть приводитъ въ порядокъ то, что у него было собрано за цѣлый день. Благоразумные воспитатели, конечно, не считаютъ предосудительнымъ, а напротивъ поощряютъ, чтобы онъ собиралъ и приносилъ въ домъ все, что хотя на минуту остановило его вниманіе. Въ разныхъ коробочкахъ и ящичкахъ вы найдете у него множество различныхъ предметовъ: сѣмена, осколки стекла, камешки, песокъ, раковины. Все это теперь онъ приводитъ въ порядокъ, группируетъ сходные предметы; кромѣ того хорошимъ занятіемъ можетъ служить наклеиваніе на бумагу зеленыхъ листиковъ съ разныхъ деревьевъ. Наскучило это, пусть въ другой тетради только обводитъ карандашомъ листики и тотчасъ снимаетъ ихъ; у него совершенно правильно будутъ выходить цѣлыя вѣтки. Гдѣ есть раковины, ребенокъ долженъ ихъ собирать и сохранять.

II.

Задачи для наблюденій въ зимнее время.

1) Возьмите три стакана: одинъ наполните теплой водой, другой совсѣмъ холодной, а третій тепловатой. Пусть дитя опуститъ одинъ палецъ въ холодную воду, а другой въ очень теплую; потомъ, вынувши оба пальца изъ того и другаго стакана, онъ погрузитъ ихъ въ тепловатую воду; въ томъ пальцѣ,

который былъ въ холодной водѣ, онъ почувствуетъ жаръ, а въ томъ, который былъ въ очень теплой водѣ,—холодъ.

Этотъ немудрый опытъ дастъ вамъ поводъ объяснить ребенку, какъ обманчивы бываютъ иногда ощущенія. При этомъ ему можно показать еще слѣдующее: сдѣлайте маленькій шарикъ изъ воску или хлѣба, и пусть онъ, положивши средній палецъ на указательный, катаетъ шарикъ между кончиками этихъ пальцевъ: тогда ему покажется, что онъ катаетъ не одинъ, а два шарика.

2) Вырѣжьте изъ твердой бумаги кружокъ, на одной сторонѣ котораго нарисуйте клѣтку, а на другой—птичку въ обратномъ положеніи. Къ обѣимъ сторонамъ кружка придѣлайте ниточки и посредствомъ ихъ вертите скоро кружокъ. При быстромъ верченіи вамъ будетъ казаться, что птичка сидитъ въ клѣткѣ. Или съ одной стороны такого-же кружка нарисуйте ноги, а съ другой—въ обратномъ положеніи туловище съ головой. Когда будете вертѣть кружокъ, то увидите цѣлаго человѣка. Такъ можно рисовать на разныхъ сторонахъ колеса и кузовъ кибитки, кошку и мышку, палочку прямо и поперегъ (чтобы вышелъ крестъ) и проч.

3) Для того, чтобы еще ближе познакомить ребенка съ зрительными впечатлѣніями, возьмите раскаленный уголь щипцами и описывайте передъ ребенкомъ круги; ему будетъ казаться, что передъ нимъ огненный кругъ. Отчего-же раскаленный уголь, когда мы его вертимъ, представляется намъ огненнымъ кругомъ? Глазъ нашъ, получивъ разъ впечатлѣніе, сохраняетъ его нѣсколько *мгновеній*, хотя бы предметъ, который былъ причиною этого впечатлѣнія, *исчезъ или* передвинулся. Оттого-то, при быстромъ движеніи угля, всѣ точки, съ которыхъ онъ виденъ, сливаются въ одну непрерывную линію. Съ этой цѣлью можно также купить дѣтямъ волчокъ съ мѣняющимися цвѣтами (такіе волчки продаются во всѣхъ игрушечныхъ лавкахъ). Въ него также вставляютъ различныя изогнутыя проволоки, представляющія половинныя очертанія разныхъ предметовъ. При верченіи вы видите ограниченные плоскостями предметы, напр. рюмку, вазу, тарелку, смотря по тому, какъ изогнута проволока.

4) Купите стеклянную призму. Завѣсьте окно въ комнатѣ, оставивъ небольшое отверстіе для солнечнаго свѣта. На свѣтъ поставьте призму; она будетъ показывать семь цвѣтовъ радуги. Кромѣ того, обращая призму, вы доставляете дѣтямъ большое удовольствіе, потому что въ это время радужные цвѣта бѣгаютъ по стѣнѣ, по потолку и т. п.

5) Въ горлышко пустой бутылки вставьте воронку, напередъ обмотавъ ея узкій конецъ нитками, чтобы она плотно входила въ бутылку, не пропуская воздуха; потомъ налейте въ воронку воды. Вода не польется въ бутылку, воздухъ ея не пуститъ; но чуть ослабите воронку, вода тотчасъ польется въ бутылку.—Отчего вода не льется, когда воронка плотно воткнута въ бутылку? Отчего она полилась, когда ослабили воронку?—Въ послѣднемъ случаѣ вода будетъ выгонять изъ бутылки воздухъ, который теперь можетъ пройти между стѣнками воронки и бутылки.

6) Обрѣжьте съ обоихъ концовъ гусиное перышко, воткните его однимъ концомъ въ пластинку сыраго картофеля, чтобы внутри пера остался кусочекъ. Потомъ возьмите палочку и на одномъ концѣ немного обмотайте ее нитками и всуньте въ перо, какъ поршень. Когда вы начнете напирать этой палочкой въ перо, то кусочекъ картофеля съ шумомъ выскочитъ изъ пера.

Отчего выскочилъ картофель? Почему при этомъ былъ шумъ? Потому что сдавленный воздухъ быстро расширяется. А если вы конецъ этого перышка

поставите въ воду и поршень его станете тянуть назадъ, вы втянете въ перышко воду.

7) Какъ вынуть туго засѣвшую въ пузырекъ стеклянную пробку? Оберните горлышко снуркомъ и двигайте взадъ и впередъ за концы снурка, чтобы онъ какъ можно живѣе и крѣпче терся о горлышко. Пробка ослабнетъ, и послѣ этого вы легко ее вытянете! Отчего пробка ослабла?—Отъ тренія снурка горлышко нагрѣлось, а слѣдовательно и расширилось; вотъ почему и ослабла пробка.

8) Туго засѣвшую пробку можно вытянуть и другимъ средствомъ. Накапайте горячаго сюргуча на средину пробки и прилѣпите къ ней вертикально самый сюргучъ. Когда онъ остынетъ, тяните его отвѣсно (т. е. совершенно прямо, а не въ бокъ, иначе сюргучъ сломается); такимъ образомъ вы вытянете пробку.—Почему палочкой сюргуча можно было вытянуть туго засѣвшую пробку? Это зависитъ отъ силы, съ какой сцѣпляется сюргучъ съ пробкой.

9) Налейте до краевъ стаканъ воды и накройте его толстой бумагой или папкой; но такъ какъ при этомъ нужно, чтобы въ стаканъ не проникалъ воздухъ, смочите сначала папку и, когда накроете ею стаканъ, притисните ее еще тарелкой или рукой, чтобы папка легла на стаканъ какъ можно крѣпче; потомъ быстро переверните стаканъ вверхъ дномъ, придерживая папку, а послѣ этого отымите прочь вашу руку. Теперь бумага такъ плотно прилегла къ стакану, что, не смотря на тяжесть воды, которая на нее давитъ, бумажная крышка не отстаетъ и вода не проливается.—Отчего держится бумага?—Воздухъ не проходитъ въ стаканъ, между тѣмъ наружный воздухъ такъ сильно напираетъ на бумажное дно, что поддерживаетъ воду, которая въ стаканѣ.

10) Можно заставить стаканъ вбирать въ себя воду. Подержите маленькую свѣчку внутри опрокинутаго стакана, держа его на воздухѣ. Когда стаканъ нагрѣется, быстро опустите его отверстіемъ въ чашку съ водой. Стаканъ охладится, и воздухъ въ немъ сожмется, слѣдовательно займетъ мѣсто меньше прежняго; тогда вода сама собою поднимется внутри стакана, занимая мѣсто, оставленное воздухомъ.

11) Смочите немного ладонь вашей руки и на это мѣсто поставьте наперстокъ, напередъ вытянувши изъ него губами, насколько можно, воздухъ. Наперстокъ будетъ крѣпко держаться на рукѣ.—Отчего держится наперстокъ?—Изъ наперстка вытянули воздухъ, потому его въ наперсткѣ стало меньше, значитъ, воздухъ сталъ рѣже, а тяжесть внѣшняго воздуха сильно напираетъ на наперстокъ и мѣшаетъ его отнять.

12) Налейте маленькую баночку до половины водой, заткните ее пробкой, въ середину которой вставьте узенькую стеклянную трубочку, или хоть гусиное перо, только очень тоненькое. Подуйте сильно въ трубочку и быстро закройте пальцемъ верхнее отверстіе. Когда потомъ вы отнимете палецъ, изъ перышка, какъ изъ маленькаго фонтана, начнетъ бить вода.—Отчего выходитъ теперь вода? Что случилось, когда вы подули въ банку? Отчего вода поднялась въ трубочкѣ и вышла наружу?—Когда вы дули, воздухъ въ баночкѣ сгустился. Когда вы отняли палецъ, сгущенный вашимъ дыханіемъ воздухъ сталъ расширяться и вытолкнулъ воду изъ трубки.

13) Воду кипятить можно въ бумажной коробкѣ на огнѣ, и при этомъ бумага не горитъ. Отчего въ этомъ случаѣ не горитъ бумага на огнѣ? Оттого, что нижнія нагрѣтыя частички воды все подымаются кверху, а верх-

нія, болѣе холодныя, опускаются книзу и такимъ образомъ, въ свою очередь нагрѣваясь, отымаютъ жаръ у дна.

14) Плотно обмотайте бумажкой какую нибудь желѣзную вещь, хотя напр. ключъ, и держите мѣсто, обернутое бумагой, надъ огнемъ; бумага не загорится. Отчего?—Потому, что желѣзо быстро отнимаетъ теплоту отъ бумаги.

15) Можно ли, не разбивши яйца, опустить его въ бутылку? Можно слѣдующимъ образомъ. Положите куриное яйцо на нѣсколько дней въ крѣпкій уксусъ. Послѣ этого скорлупа дѣлается совершенно мягкою и яйцо можно вытянуть такъ, что оно пройдетъ въ горлышко бутылки, въ которую передъ этимъ надо налить холодной воды. Полежавъ нѣсколько времени въ водѣ, смятое яйцо опять приметъ свою прежнюю форму.—Отчего, полежавъ въ уксусѣ, скорлупа стала мягкою? Изъ чего состоитъ твердая оболочка яйца? Она состоитъ изъ извести, а уксусъ растворяетъ известь.

16) Жукъ въ яйцѣ. Пробейте или даже просверлите осторожно въ яйцѣ дырочку и выпустите вонъ все содержимое; послѣ этого слѣдуетъ нѣсколько разъ выполоскать пустую скорлупу и на нѣкоторое время оставить ее просохнуть. Затѣмъ впустите въ яйцо какого нибудь жука, а дырочку замажьте гипсомъ или густымъ гуммиарабикомъ, смѣшаннымъ съ мѣломъ. Когда насѣкомое станетъ тамъ ворочаться, яйцо будетъ кататься само собой. Дѣтей это, разумѣется, очень забавляетъ; при этомъ, какъ и всегда, можно вести съ дѣтьми полезную для нихъ бесѣду. Вѣдь яйцо плотно закрыто со всѣхъ *сторонъ*, какъ же жукъ не задохнется въ немъ? Откуда къ нему проходитъ воздухъ? Насѣкомое это также дышетъ воздухомъ, какъ и не вылупившійся цыпленокъ; въ скорлупѣ есть поры (маленькія дырочки), черезъ которыя воздухъ легко въ него проникаетъ. Вотъ почему въ яйцѣ, кругомъ обмазанномъ сажею, не можетъ жить зародышъ.

17) Какъ поставить яйцо на остріе?

Какъ ни поставьте яйцо, оно все или катится, или качается; но есть два способа заставить его стоять на остріѣ: 1) Проколите на томъ концѣ, на который вы хотите его поставить, самую маленькую дырочку, всуньте туда одну за одной нѣсколько дробинокъ и замажьте дырочку, — и яйцо будетъ стоять. 2) Если же не съумѣете осторожно пробить дырочку, болтайте какъ можно сильнѣе, въ продолженіи получаса, и послѣ этого его тоже можно будетъ поставить. Почему, когда мы взболтаемъ яйцо, оно стоитъ?

Потому что пленка, которая сверху обволакиваетъ бѣлокъ и желтокъ, разорвалась отъ сотрясенія, такъ что бѣлокъ и особенно желтокъ (между стѣнками которыхъ и скорлупою есть промежутокъ) всею массою своею опускаются на то мѣсто, на которое вы ставите яйцо.

18) Возьмите двѣ банки: одну изъ нихъ налейте водой, другую щелокомъ. Когда ребенокъ опуститъ яйцо въ банку съ водою, то оно тотчасъ потонетъ и останется на днѣ; въ щелоку же яйцо всплываетъ. Отчего?—Оттого, что щелокъ гуще и поддерживаетъ яйцо.

19) Перочинный ножикъ кладутъ на столъ остріемъ вверхъ, а поперекъ его вязальную иглу (ручку стального пера или карандашъ). Если вамъ сразу не удастся положить середину иглы на остріе ножа, то игла будетъ балансировать, т. е. качаться, и при малѣйшемъ толчкѣ упадетъ на столъ; когда же одна ея половина гораздо тяжелѣе другой, то игла сразу упадетъ. Но отъ вамъ удалось положить иглу на самую серединку, и она держится на ножѣ. При этомъ вы объясняете ребенку, что тамъ, гдѣ игла держится на ножѣ, середина тяжести (центръ тяжести). Когда же устойчивѣе, тверже

всего стоитъ предметъ? Когда больше плоскость, на которой онъ стоитъ. Покажите въ комнатѣ предметы болѣе устойчивые.

При этомъ вы можете объяснить, почему люди, несущіе тяжесть на спинѣ, должны гнуться впередъ. Отъ ноши, положенной на спину, середина тяжести (центръ тяжести) въ человѣческомъ тѣлѣ мѣняетъ свое положеніе и переходитъ дальше назадъ. Слѣдовательно, если мы по прежнему будемъ держаться прямо, то тяжесть опрокинула бы насъ назадъ.

20) Какъ грифельную доску, книгу, тетрадь и т. п. поставить на конецъ карандаша или на остріе вязальной иголки? Для этого нужно провести карандашемъ или грифелемъ съ помощью линейки двѣ прямыя линіи черезъ накрестъ лежащими углами. Въ серединѣ эти линіи будутъ пересѣкаться; подоприте концемъ иглы доску въ той точкѣ, гдѣ пересѣкаются обѣ линіи. Такимъ образомъ вы можете держать доску на иголкѣ, сколько угодно времени.

21) Какъ поставить ножъ, чтобы онъ на концѣ острія держался стойма. Обмотайте черенокъ ножа проволокою, оставивъ при этомъ конецъ длиною съ футъ. Къ этому концу проволоки прикрѣпите какую нибудь тяжесть. Поставьте ножъ остріемъ на край стола, а проволоку загните такъ, чтобы тяжесть находилась подъ столомъ противъ ножа. Ножъ будетъ держаться стойма. Придѣлавъ съ двухъ сторонъ на проволокахъ двѣ тяжести, можно ставить ножъ остріемъ куда угодно, на бутылку, на спицу и т. п.

22) Дайте ребенку разорвать и разломать вещи въ слѣдующемъ порядкѣ: кусокъ ваты, хлѣба, бумаги, мѣла, тоненькую деревянную дощечку, тоненькую желѣзную пластинку, кусокъ кремня. Что было труднѣе переломить? Почему желѣзную пластинку переломить труднѣе, нежели деревянную, а кремень и совсѣмъ не разломишь? Чѣмъ предметъ тверже, т. е., чѣмъ плотнѣе соединены частички его, тѣмъ труднѣе его раздѣлить. Какой изъ названныхъ предметовъ тверже всѣхъ, какой мягче?

Вода легко льется; раздѣлить ея частицы, т. е. разлить, очень легко; такъ ли онѣ соединены между собою? Сбросьте капельку воды,—она повисnетъ, а не тотчасъ капнетъ на полъ; слѣдовательно и ея частички, хотя не такъ плотно, какъ въ первомъ случаѣ, однако тоже соединены между собою. Чтобы еще болѣе уяснить ребенку, что такое сцѣпленіе (конечно, безъ научныхъ терминовъ), можно достать два кусочка зеркала, хорошо выполированныхъ; положите ихъ другъ на друга зеркальными поверхностями, да сверху еще прижмите толстой книгой, тогда они слипнутся между собой такъ сильно, что ихъ нельзя будетъ раздѣлить, не разбивъ ихъ.

23) Дайте ребенку деревянный шаръ (хоть изъ втораго „дара“ Фребеля); заставьте его покатить этимъ шаромъ по травѣ, по камнямъ, по песку, по сырой землѣ, по гладкому полу. Гдѣ легче всего катится шаръ? Почему? Все ли онъ будетъ хорошо катиться по гладкому полу? Онъ катится хуже, когда встрѣтитъ неровность или какое либо другое препятствіе, и остановится, когда другой какой либо предметъ загородитъ ему дорогу.

Такой опытъ дастъ вамъ возможность навести дѣтей на бесѣду о томъ, что для легкости ѣзды устраиваютъ хорошо выкатанныя, гладкія шоссе, рельсы для желѣзныхъ дорогъ, и т. п.

24) Налейте стаканъ воды до самыхъ краевъ и такъ двигайте его по столу; когда вы перестанете двигать стаканъ, движеніе въ немъ будетъ продолжаться само собою еще нѣсколько времени. Отчего происходитъ движеніе въ стаканѣ, когда вы уже болѣе не двигаете его? Оттого, что всѣ тѣла, будь они твердыя или жидкія, разъ получивъ толчекъ, сохраняютъ на нѣкоторое время сообщенное имъ движеніе. При этомъ вы можете

привести еще въ примѣръ, что и наше тѣло, получивъ разъ движеніе, продолжаетъ его въ томъ-же направленіи и послѣ; напр., когда лодка или ѣдущій экипажъ вдругъ останавливаются, вы невольно дѣлаете скачекъ впередъ. И наоборотъ, когда экипажъ долго стоялъ на мѣстѣ и лошади вдругъ тронутъ, сидящихъ въ немъ людей отбрасываетъ назадъ, потому что они стремятся остаться на томъ же мѣстѣ, гдѣ были.

25) Къ какому нибудь металлическому кольцу или просто камню привяжите тонкую нитку, аршина полтора длиною. Свободный конецъ нити прикрѣпите къ карандашу, а еще лучше къ палочкѣ нѣсколько болѣе длинной. Палочка эта кладется на край стола такъ, чтобы шарикъ свѣшивался внизъ и могъ свободно двигаться; чтобы утвердить палочку, на нее кладутъ камень или тяжелую книгу. Однажды толкнутая гирька очень долго продолжаетъ качаться безъ всякой помощи. Заставьте ребенка наблюдать, какъ понемногу размахи гирьки и нитки становятся все меньше, потому что воздухъ ихъ останавливаетъ; вмѣсто гирьки, для забавы дѣтей, можно помѣстить лодочку, птичку съ распущенными крыльями и проч. Когда нитка съ привѣшеннымъ къ ней предметомъ совершенно остановится и будетъ стоять спокойно, то укажите, какъ она прямо стоитъ. Такой снарядъ называется отвѣсомъ и употребляется для того, чтобы узнать, прямо-ли стоятъ другіе предметы. Заставьте ребенка приставлять отвѣсъ къ комоду, къ шкапу, къ воткнутой въ землю палкѣ и узнавать ихъ положеніе. Чтобы познакомить и съ прямою лежачею линіею, надо налить въ продолговатый стеклянный сосудъ воды; по поверхности воды можно узнать, не косо-ли лежатъ предметы.

26) Пусть ребенокъ обмокнетъ перочинный ножъ или ручку чайной ложечки въ воду и сброситъ воду на лоскутокъ бумажки, напередъ пропитанной масломъ или жиромъ; вода принимаетъ тогда форму маленькаго круглаго шарика и образуетъ каплю. При этомъ можно объяснить ребенку, что жидкія тѣла, какъ напр. вода, спиртъ, растопленное масло, ртуть и расплавленныя тѣла, падая внизъ, всегда образуютъ маленькій круглый шарикъ. Когда ты плачешь, слезы падаютъ по щекамъ круглыми каплями; на стебляхъ и листьяхъ мы находимъ росу и дождь тоже въ видѣ круглыхъ капель. Если наклонить пузырекъ со ртутью, то оттуда выпадетъ на столъ большая круглая капля; нажмешь ее или задѣнешь чѣмъ нибудь, — передъ вами забѣгаетъ множество, маленькихъ, кругленькихъ, блестящихъ капелекъ. Болѣе густая жидкость даетъ большую каплю.

Дайте ребенку доску съ шероховатою поверхностью; пусть онъ капаетъ на нее водой и замѣчаетъ, какую причудливую форму принимаютъ капли. Капая въ разныхъ мѣстахъ чернилами, тушью или другою краскою на бумагу и потомъ сладывая ее и нажимая, мы получаемъ правильныя, иногда очень красивыя фигурки, которыя могутъ на долго занять дѣтей. Складывать бумагу лучше не на томъ мѣстѣ, гдѣ краска.

27) Купите въ игрушечной лавкѣ маленькую палочку магнита и при этомъ уточекъ, лебедей и рыбокъ изъ тонкой жести, которые плаваютъ на водѣ.

Для того возраста дѣтей, для котораго мы назначаемъ наши наблюденія, только и можно указать въ магнитѣ то, что онъ имѣетъ силу притягивать; поэтому заставьте его приближать магнитъ и къ другимъ желѣзнымъ предметамъ, которые у него подъ руками.

28) Какъ заставить двигаться иголки? На листъ писчей бумаги насыпьте тоненькихъ иголокъ (листъ долженъ лежать горизонтально); подъ бумагой двигайте магнитомъ, — иголки будутъ двигаться въ томъ-же направле-

ніи. При этомъ вы можете объяснить ребенку (что ясно уже и изъ опыта), что магнитъ и черезъ другія тѣла можетъ притягивать предметы; при этомъ можно показать множество опытовъ, которые доставятъ ребенку большое удовольствіе.

29). Какъ повѣсить ключъ на нарисованный гвоздь. — На листѣ бумаги рисуютъ гвоздь и привѣшиваютъ эту бумагу въ уголокъ комнаты, гдѣ уже напередъ помѣщенъ магнитъ; затѣмъ къ бумагѣ подносятъ ключъ, и если магнитъ довольно великъ, то онъ не дастъ упасть ключу.

30) Пусть ребенокъ опуститъ въ воду маленькую, сухую губку; губка увеличится въ объемѣ, разбухнетъ. Почему? Потому что вода наполнила большія дырочки губки: прежде, когда губка была суха, стѣнки этихъ дырочекъ близко лежали другъ къ другу, а теперь, когда вода проникла въ нихъ, онѣ раздвинулись. При этомъ можно указать и на скважность другихъ тѣлъ, менѣе замѣтную для ребенка съ перваго раза. Напишите при немъ что нибудь чернилами и тотчасъ заставьте его притиснуть написанное пропускной бумагою. Написанное станетъ сухо, и чернила не размажутся по бумагѣ. Заставьте его наложить обыкновенную писчую бумагу, и на написанномъ листкѣ размажутся чернила. Почему? Потому что писчая бумага гораздо *плотнѣе* пропускной, и чернила не проникаютъ въ ея скважины, какъ въ скважины пропускной бумаги. Когда на окнѣ таетъ вода, на нее кладутъ полотенце, чтобы вода не стекла на полъ; рамы и двери въ сырую погоду запираются туже, чѣмъ въ сухую; новое ведро течетъ, но когда въ немъ постоитъ вода, течь уничтожается; сухой горохъ, политый водою, постоявъ, такъ сильно разбухаетъ, что его выпираетъ изъ банки. Все это отъ того, что вода проникаетъ въ ихъ поры.

31) Сыпьте въ стаканъ съ водою соль и мѣшайте ее до тѣхъ поръ, пока соль въ водѣ уже не будетъ болѣе расходиться. Когда въ водѣ такъ много соли, то она совершенно ею насытится, и соль понемногу начнетъ осѣдать на дно. На другой день вы замѣтите, что соль осѣла изъ воды въ видѣ правильныхъ четвероугольныхъ кубиковъ; такія правильныя тѣла называются кристаллами. Тоже можно сдѣлать съ селитрою, квасцами, съ желѣзнымъ и мѣднымъ купоросомъ. Замѣтимъ, что мѣдный купоросъ ядовитъ, и его не надо давать въ руки дѣтямъ. Изъ чего и когда образуются кристаллы? Они образуются изъ жидкости, насыщенной солью, квасцами, селитрою, и проч. Когда вода испаряется, уходя въ воздухъ, частички соли, селитры и проч. соединяются въ правильныя фигурки различнаго вида.

32) Сдѣлайте корзиночку, коронку или крестъ изъ тоненькихъ проволокъ или изъ прутиковъ. Каждую проволоку или прутикъ обмотайте шерстью; потомъ сдѣланную вами вещь погрузите въ сосудъ, наполненный растворомъ соли, или селитры, квасцовъ и проч., но такъ, чтобы растворъ совсѣмъ покрывалъ ее. Лучше всего привязать вещь на палочку, которую нужно положить на края сосуда; потомъ поставьте сосудъ въ тепломъ и сухомъ мѣстѣ, гдѣ-бы его никто не тревожилъ. Черезъ сутки можно уже вынуть вещь, и она будетъ сплошь покрыта кристаллами, точно усѣяна драгоцѣнными камнями. Квасцы слѣдуетъ распускать въ горячей водѣ; ихъ кристаллы красивѣе, чѣмъ кристаллы соли. Самые красивые кристаллы выходятъ изъ раствора мѣднаго купороса; но, какъ мы сказали, надо наблюдать, чтобы дѣти не брали купороса въ руки, или, взявъ и разсмотрѣвъ, тотчасъ ихъ омывали.

33) Держать кольцо на сожженной ниткѣ.—Сначала хорошенько вымочите нитку въ растворѣ соли; когда она высохнетъ, надѣньте на нее какое-

нибудь металлическое кольцо и обожгите нитку на огнѣ; волокна обгорятъ, но кристаллы соли настолько твердо соединены между собой, что удержатъ кольцо.

34) Мыльные пузыри. Настругайте въ чашечку немного мыла, налейте водой и дайте немного времени постоять, чтобы мыло растворилось. Если и послѣ этого остались въ водѣ кусочки мыла, ихъ нужно растереть ложечкой и воду процѣдить сквозь тряпочку. Чтобы пускать мыльные пузыри, нужна еще соломенка, которую въ концѣ слѣдуетъ расщепить на четыре части и отогнуть ихъ въ видѣ креста. Опустите расщепленный конецъ въ приготовленную вами мыльную воду, а въ противоположный конецъ дуйте вашимъ теплымъ дыханіемъ. Ребенокъ замѣчаетъ, какъ въ это время ростетъ и надувается круглый пузырь и какъ онъ переливается всѣми цвѣтами радуги. Но чтобы онъ еще больше наблюдалъ цвѣта, пузырь можно надувать подъ широкой стеклянной банкой, въ которой онъ гораздо дольше не лопается. Если вы наберете въ ротъ табачнаго дыму и будете надувать мыльный пузырь, то онъ получитъ матовый цвѣтъ и, лопаясь, выпуститъ клубъ дыма. Зимою мыльные пузыри выходятъ особенно красивыми. Для этого нужно охлаждать мыльную воду до тѣхъ поръ, пока не образуются по краямъ кристаллы льда; когда послѣ этого вы начинаете надувать пузырь, то на немъ появляются красивыя крошечныя звѣздочки и различныхъ причудливыхъ формъ снѣжные хлопья.

Мыльные пузыри могутъ дать поводъ ко многимъ бесѣдамъ съ дѣтьми. Вы тряхнули соломенкой и заставили пузырь полетѣть вверхъ. Почему пузырь полетѣлъ вверхъ? Какіе предметы могутъ летѣть вверхъ? — Тѣ-ли, которые *тяжелѣе* воздуха, или которые легче его? Когда пузырь легче воздуха? Вы наполнили пузырь своимъ теплымъ дыханіемъ, теплый воздухъ легче холоднаго; вотъ почему вашъ мыльный пузырь легче окружающаго его воздуха и легко поднялся вверхъ. Однако пузырь не можетъ долго держаться въ воздухѣ; тонкая оболочка его лопается и отъ него остаются только мелкія брызги.

35) Заставьте самихъ дѣтей устроить маленькіе вѣсы, коромысло, какимъ подымаютъ воду изъ колодца. Проткните тонкой иглой средину палочки и, завязавъ на ниткѣ узелъ, просуньте ее въ отверстіе такъ, чтобы палочка висѣла на ниткѣ; обѣ половины палочки должны быть одинаковаго вѣса: для этого нужно ее подстрогать такъ, чтобы она держалась на ниточкѣ совершенно прямо, горизонтально. Дощечки, привѣшенныя на ниткахъ къ концамъ палочки, служащей коромысломъ, тоже должны быть одинаковой тяжести. Какъ это узнать? Какъ узнать, который изъ двухъ камешковъ тяжелѣе? Какъ узнать, сколько выйдетъ песку изъ какого нибудь камешка? (Надо на одну дощечку положить камешекъ, на другую сыпать песокъ, пока не установится равновѣсіе). Что означаетъ, если палочка стоитъ прямо? Что означаетъ, если она клонится на какую нибудь сторону? Почему легко поднимать воду изъ колодца, когда веревка привязана къ одному концу коромысла, а на другомъ, болѣе длинномъ, тяжесть? Какъ поднять ящикъ, котораго руками не сдвинешь съ мѣста?—Для этого надо конецъ палки подсунуть подъ ящикъ, а подъ палку подложить кусокъ дерева или камень и напирать на болѣе длинный конецъ.

36) Какъ писать пальцемъ на стеклѣ? Начертите пальцемъ на стеклѣ какую нибудь букву или крестикъ и другую фигуру; потомъ сильно дохните на стекло. Буква или фигурка будутъ видны, потому что паръ отъ вашего дыханія не пристанетъ къ мѣстамъ, гдѣ вы касались пальцемъ: пальцы всегда нѣсколько жирны, и тонкій слой жира останется отъ нихъ на стеклѣ, не

допуская въ этихъ мѣстахъ воду приставать къ нему. Почему фигурки стали видны? Почему паръ отъ дыханія не присталъ къ мѣстамъ, гдѣ вы провели пальцемъ? Откуда жиръ на пальцахъ? (На кожѣ всегда есть немного жиру, который выходитъ изъ тѣла, чрезъ крошечныя скважинки кожи).

37) Какъ съ помощью нитокъ перелить воду изъ бутылки въ стаканъ? Опустите однимъ концомъ мотокъ нитокъ въ бутылку, а другимъ въ стаканъ: вода поднимается по ниткамъ и понемногу перейдетъ въ стаканъ. Такъ и масло подымается въ свѣтильнѣ. Если взять тоненькую стеклянную трубочку и опустить ее однимъ концемъ въ воду, то вы увидите, что въ трубочкѣ вода стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ стаканѣ: значитъ въ узенькихъ трубочкахъ вода сама собою подымается. Въ ниткахъ есть такія узенькія трубочки, что ихъ и не замѣтишь простымъ глазомъ (при случаѣ можно ребенку показать ихъ подъ микроскопомъ).

38) Какія вещи тонутъ, какія плаваютъ на водѣ? Кладите на воду бумажку, дерево и другіе предметы. Отчего бумажка, совсѣмъ промокнувъ, начинаетъ тонуть? Потому что, пропитанная водою, она становится тяжелѣе воды. Можетъ ли желѣзо плавать? желѣзная палочка тонетъ, а желѣзная чашечка плаваетъ. Отчего? Желѣзная чашечка очень широка и вытѣсняетъ большое количество воды; поэтому она все таки легче воды, которую вытѣсняетъ.

39) Купите стеклянную трубку съ однимъ короткимъ загнутымъ концемъ, имѣющимъ узкое отверстіе; лейте въ длинное колѣно воду, — она будетъ бить фонтаномъ изъ узкаго отверстія до той высоты, на которой стоитъ въ отверстіи. Подобную изогнутую трубку можно всунуть въ дно какого нибудь деревяннаго сосуда, все обложить глиною или землею и устроить маленькій садикъ съ фонтаномъ.

40) Купите маленькій таганчикъ, и пусть дѣти осторожно кипятятъ надъ немъ воду въ стеклянномъ стаканчикѣ съ тонкимъ дномъ или въ стклянкѣ. Сначала въ водѣ будутъ подыматься маленькіе бѣлые пузырьки воздуха, потомъ большіе пузыри пара. Откуда явился въ водѣ воздухъ? Онъ былъ въ незамѣтныхъ для глаза скважинкахъ воды. Отчего пузырьки воздуха и пара подымаются кверху? Оттого что они легче воды и расширяются отъ тепла. Какъ теплыя частицы воды все идутъ кверху, а болѣе холодныя опускаются внизъ, можно хорошо видѣть, насыпавъ въ воду мелкихъ, деревянныхъ опилокъ.

41) Возьмите бычачій пузырь, завяжите его крѣпко, не надувая, и потомъ положите на теплую плиту; онъ самъ собою раздуется и наконецъ лопнетъ. Отчего раздулся пузырь? Воздухъ бывшій въ немъ, сильно расширился отъ теплоты и наконецъ прорвалъ стѣнки.

42) Что скорѣе упадетъ на землю: мѣдный пятакъ или крошечный кусочекъ бумажки? Пятакъ упадетъ скорѣе, потому что тяжелѣе. А положите сверху пятака кусочекъ бумажки и, держа совершенно прямо, опустите ихъ на землю: пятакъ и бумажка очутятся на землѣ въ одно время. Пятакъ, падая, разгонялъ передъ собою воздухъ: значитъ бумажка, слѣдуя за нимъ, не поддерживалась воздухомъ и потому падала такъ скоро.

43) Какъ безъ огня зажечь веревку? Стоитъ только тереть ее о дерево: отъ тренія произойдетъ жаръ и веревка задымится. Что будетъ, если не смазывать дегтемъ оси колесъ? Ось отъ тренія при ѣздѣ загорится, а деготь уменьшаетъ треніе.

44) Купите кремень и стальную палочку и заставляйте ребенка выби-

вать искры. Отчего появляются искры? Кремень крѣпче желѣза; онъ отбиваетъ крошечные кусочки стали, отъ удара эти кусочки раскаляются до красна.

45) Налейте полную бутылку воды, хорошенько ее закупорьте и во время мороза поставьте за окно или на дворъ. Когда вода въ бутылкѣ замерзнетъ, то бутылка лопнетъ, потому что вода, замерзая, сильно расширяется.

46) Купите два зеркальца, выньте ихъ изъ рамокъ и сзади склейте ихъ вмѣстѣ такъ, чтобы, потомъ сдвинувъ ихъ, можно было образовать изъ нихъ уголъ. Въ этомъ углу, между двумя поставленными зеркальцами, кладите разныя вещицы или вырѣзанныя изъ разноцвѣтной бумаги фигурки,—они будутъ отражаться въ зеркалахъ множество разъ, образуя разнообразные, красивые узоры. То, что отражено въ одномъ зеркалѣ, отражается въ другомъ, а это отраженное изображеніе опять отражается въ первомъ, и т. д.

47) Какъ, имѣя одну зажженную свѣчу, увидѣть ихъ безчисленное множество? Поставьте свѣчу между двумя зеркалами и вкось смотрите въ одно изъ нихъ: вы увидите безконечный рядъ свѣчей, стоящихъ одна за другой. Каждое изображеніе свѣчи въ одномъ изъ зеркалъ опять повторяется въ противоположномъ зеркалѣ.

48) Заставьте ребенка тереть о сукно гребенку, ламповое стекло, палочку сюргуча и потомъ приставлять эти предметы къ легкимъ бумажкамъ. Не говоря ему объ электричествѣ, дайте ему понять, что черезъ треніе является такое свойство въ сюргучѣ и стеклѣ, по которому они притягиваютъ легкіе предметы. Какъ безъ клея прилѣпить къ стѣнѣ бумагу? Нагрѣйте ее у печки или на лампѣ, положите на столъ и потомъ крѣпко потрите сукномъ или *резиной*. Послѣ этого тотчасъ приставьте ее къ стѣнѣ; бумага пристанетъ и будетъ нѣкоторое время держаться.

49) Развѣсьте простыню и поставьте позади ея свѣчку, но чтобы другихъ свѣчей не было въ комнатѣ. Вырѣжьте изъ бумаги фигурки и, прикрѣпивъ ихъ къ проволокѣ, держите ихъ между свѣчкой и простынею. На простынѣ появятся тѣни этихъ фигуръ: лица, сидящія по другую сторону, будутъ видѣть представленіе разныхъ картинъ. Чѣмъ больше вы удаляете фигуру отъ простыни и приближаете къ свѣчкѣ, тѣмъ сильнѣе тѣнь ея увеличивается, потому что фигура больше заслоняетъ свѣтъ.

50) Нарисуйте на бумагѣ контуръ дома, памятника, какую нибудь красивую мѣстность и т. д. Пусть ребенокъ проколетъ толстою иглою весь контуръ. При этомъ нужно больше всего стараться, чтобы разстояніе между проколами было ровное. Съ изнанки такой картинки наклейте цвѣтную папиросную бумагу. (Приклеивать слѣдуетъ только по краямъ). Позади этой выколотой картинки поставьте вечеромъ зажженную свѣчу или лампу, и вы доставите необыкновенное удовольствіе ребенку видѣть собственную иллюминацію.

Мы здѣсь привели опыты, не слѣдуя опредѣленному порядку, но воспитательница, разнообразя ихъ, будетъ постепенно приводить ихъ въ связь между собою.

Глава XII. Система Фребеля.

Развитіе идей о дошкольномъ воспитаніи.—Система Фребеля.—Ея достоинства и недостатки.—Въ чемъ состоитъ главная заслуга Фребеля.

Многіе считаютъ Фребеля не только творцомъ новой системы „дѣтскихъ садовъ“, но вполнѣ убѣждены въ томъ, что онъ первый внесъ въ общество сознаніе необходимости еще до школы развивать физическія и моральныя силы дѣтей. Но это не вѣрно: мысль о томъ, что физическія силы ребенка слѣдуетъ укрѣплять съ момента его рожденія, а моральныя—съ перваго проявленія въ немъ сознанія, существовала издавна. Не Фребель внесъ въ сознаніе общества и понятіе о томъ, что для дѣтей дошкольнаго возраста необходима дѣятельность, соотвѣтственная ихъ силамъ, что иначе они скучаютъ, предаются вреднымъ шалостямъ, излѣниваются, тупѣютъ нравственно и умственно. Уже Платонъ и Аристотель придавали огромное значеніе дѣтскимъ играмъ. Платонъ признавалъ вліяніе игръ на послѣдующую судьбу человѣка столь значительнымъ, что считалъ государство обязаннымъ обратить на это серьезное вниманіе и отвести для нихъ опредѣленныя мѣста. Онъ доказывалъ, что въ играхъ, скорѣе чѣмъ въ чемъ нибудь, сказывается дѣтскій характеръ, что онѣ даютъ воспитателю возможность направлять ихъ по своему усмотрѣнію и развивать множество полезныхъ навыковъ. Аристотель находилъ полезнымъ, чтобы дѣти въ своихъ играхъ воспроизводили явленія человѣческой жизни.

Итакъ мысль о важномъ значеніи дѣтскихъ игръ существовала уже въ дохристіанскій періодъ; во времена же болѣе къ намъ близкія она высказывается уже несравненно рельефнѣе.

Амосъ Коменскій настаиваетъ на томъ, чтобы ребенка воспитывали съ перваго момента пробужденія въ немъ сознанія, и указываетъ, какія полезныя свѣдѣнія можетъ онъ почерпнуть посредствомъ игръ.

Локкъ еще опредѣленнѣе высказывается по этому поводу. Онъ протестуетъ противъ роскоши, великолѣпія и разнообразія игрушекъ, утверждая, что онѣ служатъ къ развитію неустойчивости, непостоянства, прививаютъ потребность въ частыхъ перемѣнахъ, развиваютъ недовольство, требовательность, тщеславіе, хвастовство и множество другихъ порочныхъ склонностей. Онъ утверждаетъ, что только тѣ игрушки полезны и доставляютъ дѣтямъ чистое наслажденіе, которыя самостоятельно изобрѣтены ими.

У Песталоцци даже устроенъ былъ классъ, куда принимали дѣтей отъ шестилѣтняго возраста, называемый „Kinder-Klasse“: въ немъ не существовало еще полнаго обученія, но введены были хоровое пѣніе, гимнастическія

упражненія и нѣкоторыя механическія работы, напр. плетеніе корзинокъ и издѣлія изъ глины.

Но, можетъ быть, замѣтятъ намъ, сознаніе необходимости обращать вниманіе на игры дѣтей, на ихъ нравственное и умственное развитіе до школы, существовало лишь на западѣ. Напротивъ, и у насъ, уже въ XVIII столѣтіи (что читатель можетъ припомнить изъ нашихъ предшествующихъ историческихъ очерковъ), Екатерина Великая совѣтывала воспитателямъ обращать серьезное вниманіе на дѣтскія забавы. Конечно, до Фребеля подобныя мысли какъ у насъ, такъ и на западѣ, высказывались лишь людьми наиболѣе передовыми и выдающимися, но нельзя сказать, чтобъ ихъ совсѣмъ не существовало и въ сознаніи общества. Постройки карточныхъ домиковъ, нанизываніе рябины и стекляруса на нитки, сгибаніе бумаги, вырѣзаніе и рисованіе животныхъ и различныхъ фигурокъ, пусканіе змѣя, корабликовъ и уточекъ по водѣ, разсказы, сказки и пѣсни, которыми занимали маленькихъ дѣтей, все это говорило о томъ, что родители уже издавна находили нужнымъ пріискать для дѣтскихъ занятій какую нибудь дѣятельность и понимали, хотя конечно, инстинктивно, что характеръ этой дѣятельности долженъ быть иной, чѣмъ у взрослыхъ.

Несмотря однако на то, что идеи, положенныя въ основу дѣтскихъ садовъ,—не новы, занятія и игры не составляютъ ни изобрѣтенія, ни открытія Фребеля, тѣмъ не менѣе его можно смѣло считать творцомъ новой системы „дѣтскихъ садовъ“, которая внесла въ высшей степени важную реформу въ педагогику и въ педагогическія воззрѣнія общества, системы, имѣющей, *несмотря* на свои крупные промахи и слабыя стороны, серьезное значеніе для дѣтскаго развитія. Хотя и до Фребеля уже сознавали значеніе воспитанія въ первые годы жизни ребенка и указывали, что оно имѣетъ могущественное вліяніе на складъ характера человѣка и на всю его послѣдующую дѣятельность, но такое сознаніе было достояніемъ очень немногихъ мыслящихъ людей, и первоначальное воспитаніе, до второй половины нашего столѣтія, вполнѣ предоставлено было произволу и случаю, что въ высшей степени вредно отражалось на дальнѣйшемъ умственномъ и нравственномъ развитіи дѣтей.

Бросимъ общій взглядъ на систему Фребеля, а также на ея достоинства и недостатки, съ которыми впрочемъ мы познакомимся еще ближе въ слѣдующихъ главахъ, когда приступимъ къ болѣе подробному обзору его даровъ. Суть фребелевской системы заключается въ слѣдующемъ:

1) Человѣкъ—существо дѣятельное. Задача воспитанія поддержать это свойство, вложенное человѣку природою и въ высшей степени существенное для жизни. Для того, чтобы человѣкъ выполнилъ свое провиденціальное назначеніе, его съ ранняго дѣтства слѣдуетъ воспитывать въ этомъ направленіи. Стремленіе къ дѣятельности ребенокъ обнаруживаетъ съ самаго нѣжнаго возраста. Воспитатель долженъ имѣть въ виду эту выдающуюся черту характера ребенка и подобрать матеріалъ для его дѣятельности, соотвѣтственный его силамъ физическимъ и моральнымъ. Матеріалъ этотъ долженъ быть: а) разнообразенъ, такъ какъ однообразная дѣятельность быстро надоѣдаетъ маленькому ребенку и притупляетъ его способности; напротивъ разнообразная дѣятельность упражняетъ различныя способности; б) изъ менѣе сложнаго матеріалъ для дѣтской дѣятельности долженъ становиться все болѣе сложнымъ.

2) Дѣятельность ребенка въ раннемъ возрастѣ выражается въ игрѣ, слѣдовательно игра должна быть главнымъ воспитательнымъ средствомъ. Такимъ образомъ всѣ занятія во весь періодъ его жизни до школы должны имѣть характеръ игры и быть направлены такъ, чтобы вносить въ дѣтскую

жизнь радость, счастье и свѣтъ, укрѣплять его физическія и моральныя силы.

3) Занятія съ дѣтьми необходимо вести прежде всего среди природы, въ саду, что должно давать имъ возможность наблюдать окружающій міръ и укрѣплять физическія силы. Фребель видимо придавалъ этому первостепенное значеніе, такъ какъ всѣ предложенныя имъ занятія съ дѣтьми дошкольнаго возраста онъ назвалъ системою „дѣтскихъ садовъ".

4) Каждый человѣкъ, въ большей или меньшей степени, одаренъ творческими способностями, имѣющими важное значеніе для нравственнаго усовершенствованія, что въ будущемъ даетъ себя чувствовать во всѣхъ сферахъ дѣятельности; при небрежномъ или неправильномъ воспитаніи эти способности глохнутъ и угасаютъ.

5) Дѣятельность ребенка проявляется двоякимъ образомъ: а) въ сидячей игрѣ, когда онъ возится и играетъ съ игрушками, б) въ шумной вознѣ и бѣготнѣ съ товарищами,—а потому дѣятельность ребенка дошкольнаго возраста должна, по понятію Фребеля, выражаться двояко и проявляться въ сидячей игрѣ и въ полномъ движеніи.

Для сидячихъ игръ ребенокъ нуждается въ игрушкахъ, которыя должны удовлетворять его творческимъ способностямъ, пріучать его къ трудолюбію, терпѣнію, развивать его умъ и эстетическій вкусъ и постепенно подготовлять его къ школѣ. Изъ сказаннаго ясно, что Фребель считаетъ очень важнымъ, чтобы игрушки служили не разрушительнымъ наклонностямъ ребенка, а содѣйствовали бы расширенію и усовершенствованію его творчества. Между тѣмъ игрушки игрушечныхъ магазиновъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, служили лишь развитію тщеславія, разрушительныхъ склонностей и дурныхъ навыковъ. Вслѣдствіе этого Фребель кладетъ въ основу своей системы мысль Локка о томъ, что ребенокъ долженъ самъ изобрѣтать свои игрушки, и въ этомъ отношеніи идетъ даже далѣе: онъ требуетъ, чтобы игрушки и занятія шли рука объ руку съ разсказами, пѣснями, сказками, соотвѣтственными возрасту. Матеріалъ для сидячей дѣятельности ребенка и представляетъ первую группу занятій „дѣтскаго сада" Фребеля, которую, въ отличіе отъ другой, мы назовемъ *механическими занятіями*.

Второй отдѣлъ—*подвижныя игры* преимущественно удовлетворяютъ потребности ребенка въ движеніи, бѣготнѣ въ шумной компаніи сверстниковъ. При механическихъ занятіяхъ, исполняемыхъ въ сидячемъ положеніи, ребенокъ, посредствомъ даннаго ему матеріала, воплощаетъ впечатлѣнія, полученныя имъ изъ окружающей дѣйствительности; въ подвижныхъ играхъ эти впечатлѣнія онъ воспроизводитъ на самомъ себѣ. Всѣмъ извѣстно стремленіе ребенка олицетворять собою все, что онъ видитъ: передъ нимъ пробѣжала курица: она землю раскапываетъ, зеренъ ищетъ,—ребенокъ бросается на полъ и подражаетъ ея движеніямъ; прошла корова, и онъ мычитъ, старается подражать ея походкѣ, медленно, какъ и она, поворачиваетъ голову то въ одну, то въ другую сторону; проскакалъ кучеръ на лошади, и ребенокъ садится на палку, изображаетъ сѣдока и минутами такъ увлекается, что палку принимаетъ за живую лошадь, энергически понукаетъ, сердится и хлещетъ ее, когда ножки его устаютъ скоро бѣжать; видитъ въ полѣ женщинъ за жнитвомъ и, возвращаясь домой, воспроизводитъ движенія работницъ; наблюдалъ работы в саду,—подражаетъ садовнику: однимъ словомъ, домашняя и окружающая жизнь со всѣми ея оттѣнками и мелочами играетъ главную роль во всѣхъ ея играхъ. Фребель не упускаетъ, конечно, изъ виду этой характернѣйшей черты дѣтской природы и даетъ цѣлую серію подвижныхъ игръ, въ которыхъ ребе

нокъ поперемѣнно является птичкою, лошадкою, собакою, кошкою, печникомъ, мельникомъ, садовникомъ, косаремъ, хлѣбопекомъ, сопровождая веселую игру соотвѣтственными движеніями. Этихъ подвижныхъ игръ существуетъ очень много, и ребенокъ, который знаетъ нѣсколько такихъ игръ, обыкновенно кончаетъ тѣмъ, что самъ старается сочинять новую и новую игру: его сводили въ кузницу, къ сапожнику, и онъ самостоятельно старается придумать игру, въ которой можно было-бы подражать движеніямъ и пріемамъ того или другаго рабочаго. Эти игры въ обществѣ товарищей доставляютъ ребенку шумную, веселую радость, крайне необходимую, какъ мы это видѣли выше, въ этомъ возрастѣ; развиваютъ ловкость, проворство, а также творчество и служатъ къ укрѣпленію не только всего тѣла, но и отдѣльныхъ членовъ. Игра въ лошадку, въ кошку и мышку и др. упражняетъ мускулы ногъ; подражая пріемамъ земледѣльца, ребенокъ придаетъ своему тѣлу самыя разнообразныя положенія; посѣвъ, жатва и молотьба даютъ упражненія для рукъ. Гимнастика обыкновенно подавляетъ маленькихъ дѣтей своею монотонностью, однообразіемъ и систематичностью, а потому она несравненно менѣе пригодна для нихъ, чѣмъ подвижныя игры, доставляющія имъ необыкновенное удовольствіе и шумное веселье, что вызываетъ на ихъ щечки здоровый румянецъ, заставляетъ ихъ глазки блестѣть радостью и оживленіемъ. Такимъ образомъ обѣ группы игръ Фребеля, т. е. механическія занятія и подвижныя игры, тѣсно связаны другъ съ другомъ, вытекаютъ одна изъ другой и преслѣдуютъ одну и ту-же цѣль—гармоническое развитіе физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ.

Поговоримъ о фребелевскихъ игрушкахъ, которыя мы назвали механическими занятіями. Для возраста до „дѣтскаго сада“, съ перваго момента пробужденія сознанія до 2-хъ—3-хъ лѣтъ, Фребель даетъ только двѣ игрушки: 1) цвѣтные мячики и 2) кубъ, шаръ и цилиндръ. Нечего и говорить о томъ, что если-бы ребенка до трехлѣтняго возраста ограничили только этими двумя ящиками, которые заключаютъ въ себѣ названныя игрушки, то, какъ бы воспитатель ни разнообразилъ игры съ этими игрушками, ихъ было бы во всякомъ случаѣ слишкомъ недостаточно до трехлѣтняго возраста ребенка. Но въ томъ то и дѣло, что *Фребель вовсе не исключаетъ другихъ игрушекъ*, а слѣдовательно, даже и съ его точки зрѣнія, всевозможныя колечки, палочки, куклы точно также имѣютъ воспитательное значеніе, если онѣ не служатъ дурнымъ инстинктамъ, и если воспитатель умѣетъ съ ними толково распорядиться. Предоставляя ребенку несложный матеріалъ, заключающійся въ двухъ дарахъ, Фребель указываетъ на то, что творческія способности ребенка за этотъ періодъ его жизни весьма ограничены. И это дѣйствительно вѣрно: въ это время ребенокъ ничего не можетъ сдѣлать самостоятельно и его творческія способности еще дремлютъ. Вотъ потому-то Фребель и даетъ для этого возраста не такой матеріалъ, изъ котораго ребенокъ могъ бы творить и создавать, что онъ въ состояніи будетъ дѣлать лишь позже, но уже готовыя игрушки, очень простыя и удобныя для весьма несложныхъ манипуляцій.

Что можетъ дѣлать ребенокъ въ это время? Хватать, бросать, ловить, толкать, катать—и только: все это онъ можетъ производить съ первыми дарами. Основы воспитанія Фребель не сочинялъ, не изобрѣталъ, а бралъ изъ природы дитяти. Какъ эти игрушки или дары Фребеля, такъ и послѣдующіе, вытекаютъ изъ истинной потребности ребенка, говорятъ о великомъ знаніи дѣтской души, о замѣчательно тонкой его наблюдательности и его необыкновенномъ педагогическомъ тактѣ.

Въ возрастѣ дитяти до „дѣтскаго сада“ прежде всего и болѣе всего

сказываются: 1) потребность въ движеніи и 2) стремленіе къ развитію органовъ внѣшнихъ чувствъ. Вотъ потому-то Фребель и даетъ въ это время цвѣтные мячики, которые способствуютъ развитію органа зрѣнія и пріучаютъ отличать одинъ цвѣтъ отъ другаго. Что-же касается шара, куба и цилиндра, то они, давая ребенку возможность прислушиваться къ производимому этими предметами шуму и стуку, развиваютъ органъ слуха, способствуютъ знакомству съ движеніемъ предмета, съ его формою и съ пространственнымъ отношеніемъ, регулируютъ зрѣніе и движеніе рукъ. Этими первыми двумя дарами Фребель указываетъ, какого характера должны быть игрушки для этого возраста, а также какія способности въ это время слѣдуетъ развивать преимущественно.

Но вотъ у ребенка увеличивается сумма представленій, обнаруживается непреодолимое желаніе изслѣдовать каждый предметъ, каждый звукъ, однимъ словомъ наступаетъ тотъ моментъ жизни, когда онъ разбиваетъ голову куклы, разрываетъ въ клочки ея торсъ, съ спеціальною цѣлью узнать, что заключается внутри; разламываетъ музыкальный ящикъ, безжалостно разбиваетъ музыкальные вальки, сбиваетъ шипы, выдергиваетъ и растягиваетъ проволоку, и все это изъ желанія посмотрѣть, что внутри, узнать, что и какъ тамъ происходитъ, когда музыка играетъ. Для этого возраста Фребель даетъ третій даръ: кубъ, раздѣленный на восемь равныхъ частей, или кубиковъ. Эту игрушку Фребель предлагаетъ ребенку, когда въ немъ просыпаются творческія силы, проявляющіяся, при отсутствіи матеріала для творческой дѣятельности, разрушительными наклонностями. Ребенокъ вынимаетъ изъ ящика (Фребелевскіе дары продаются обыкновенно въ ящикахъ) большой кубъ, и онъ моментально распадается у него на восемь равныхъ частей. Первое движеніе—собрать разрозненныя части, но, подвигая одинъ кубикъ къ другому, ребенокъ замѣчаетъ, что у него каждый разъ являются новыя формы, которыя напоминаютъ ему то одинъ предметъ въ комнатѣ, то другой. Если онъ, нѣсколько разъ вынимая кубики изъ ящика, не сдѣлалъ самостоятельно этого наблюденія, наведите его на него. То же разнообразіе формъ даетъ ему этотъ кубъ, когда онъ пожелаетъ привести игрушки въ порядокъ и положить ихъ обратно въ ящикъ: пока онъ приводитъ свое желаніе въ исполненіе, кубики постоянно представляются ему въ разнообразныхъ комбинаціяхъ, однимъ словомъ, невольно вызываютъ его на самостоятельное творчество.

Когда поле наблюдательности ребенка нѣсколько расширилось, онъ получаетъ *четвертый даръ*,—тотъ-же кубъ, но раздѣленный иначе, а именно на восемь плитокъ или кирпичиковъ. Съ помощью его постройки выходятъ болѣе красивыми и несравненно болѣе предшествующихъ напоминаютъ предметы окружающей его обстановки.

Въ слѣдующихъ очеркахъ мы стараемся выяснить, какое значеніе Фребелевскіе дары могутъ имѣть для развитія нашихъ русскихъ дѣтей,—здѣсь-же мы желали подчеркнуть главную характерную черту, присущую системѣ Фребеля—его умѣнье приноровить каждое занятіе, каждую игрушку къ вновь возникающей способности ребенка въ извѣстный моментъ его развитія. Точно также постепенное и гармоническое развитіе всѣхъ силъ ребенка преслѣдуетъ Фребель и въ другихъ своихъ механическихъ занятіяхъ, какъ вырѣзаніе, сгибаніе бумаги, плетеніе, выкалываніе, рисованіе, лѣпка изъ глины и др. Строительный матеріалъ его даровъ, несмотря на разнообразіе формъ, несмотря на наблюдательность и сравненія, которыя онъ невольно вызываетъ въ ребенкѣ, далеко не можетъ способствовать развитію всѣхъ способностей, заложенныхъ природою въ дѣтскую душу, и потому Фребель предлагаетъ въ

то же время бумагу, матеріалъ несравненно болѣе гибкій и податливый, чѣмъ дерево: перегибая ее, вырѣзая, рисуя и прокалывая по ней различныя фигурки, ребенокъ воспроизводитъ окружающій его міръ въ болѣе разнообразныхъ и конкретныхъ формахъ, что еще полнѣе, еще рельефнѣе возсоздаетъ передъ нимъ дѣйствительность, заставляетъ его все болѣе наблюдать, все болѣе расширять область творчества. Если при первыхъ двухъ дарахъ ребенокъ имѣлъ дѣло съ законченною формою, то при послѣдующихъ онъ уже имѣетъ полную возможность самостоятельно творить, создавать, постепенно усложнять и усовершенствовать самыя разнообразныя свои способности.

Говорятъ, что дѣти, занимающіяся по методѣ Фребеля, неспособны ни одной минуты заняться безъ воспитателя, что въ творчествѣ первая мысль принадлежитъ ему же. Мнѣ также часто приходилось слышать отъ многихъ матерей, что не смотря на то, что, они ввели въ своихъ дѣтскихъ полную систему фребелевскихъ игръ и занятій, дѣти ихъ все-таки жалуются на скуку. Другія (и такихъ большинство) доказываютъ, что игры, данныя Фребелемъ, на половину не пригодны для русскихъ дѣтей, такъ какъ эти занятія требуютъ усидчивости и терпѣнія, несоотвѣтственныхъ первому возрасту: механизмъ ихъ до того напрягаетъ, а слѣдовательно и подавляетъ всѣ умственныя и физическія силы дѣтей, что послѣ такихъ упражненій дѣти устаютъ на цѣлый день, становятся вялыми, замѣтно менѣе сообразительными. И дѣйсвительно, можно видѣть и у насъ, и въ очень многихъ садахъ за границею, даже въ самой Германіи, отечествѣ этой системы, что фребелевскія работы *не всегда* умственно развиваютъ дѣтей. Многіе говорятъ, что результатомъ занятій дѣтей по этой системѣ бываетъ то, что дѣти привыкаютъ смотрѣть на физическій трудъ, какъ на безполезное и скучное времяпрепровожденіе, что такія дѣти не умѣютъ взять въ руки самаго простаго инструмента, чтобы починить какую нибудь сломанную *необразовательную* вещь или игрушку. Но развѣ Фребель, который беретъ для образованія все, что его окружаетъ, могъ отрицать инструментъ, сразу развивающій многія способности? Если инструментъ не названъ въ числѣ его образовательныхъ игрушекъ, то только потому, что дѣти, для которыхъ предлагается его метода воспитанія, слишкомъ малы и не могутъ владѣть еще никакимъ инструментомъ. Однако, что же все это означаетъ? Не справедливы ли тѣ, которые вовсе отвергаютъ методу Фребеля, опираясь или на личныя наблюденія ея плохихъ результатовъ, или на томъ предположеніи, что метода Фребеля изобрѣтена нѣмцемъ для своихъ дѣтей, которыя находятся при другихъ условіяхъ, при другой житейской обстановкѣ. Во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, много правды. Механическія занятія, не сопровождаемыя занимательными бесѣдами изъ окружающей жизни, могутъ лишь односторонне развивать ребенка. Мало хорошо выполнить ручную работу, нужно показать ребенку и то значеніе, какое имѣетъ данный ему матеріалъ въ примѣненіи къ жизни. Вмѣстѣ съ развитіемъ мышцъ и органовъ дитяти, т. е. съ развитіемъ физическимъ, никогда не перевѣшивая одно другаго, должно идти и умственное развитіе ребенка, о которомъ мы говорили выше.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ противъ слѣдующихъ возраженій: 1) что Фребель—нѣмецкій педагогъ, и слѣдовательно не годится заниматься по его методѣ съ русскими дѣтьми; 2) что онъ узкій систематизаторъ, занятія его или только механическія, или обращаются въ области чисто внѣшнихъ впечатлѣній, чисто внѣшняго развитія разныхъ мелкихъ чувствицъ, сентиментальныхъ отношеній къ природѣ и къ людямъ. Въ опроверженіе укажемъ хотя на нѣкоторые факты. Дѣти, побывавшія въ дѣтскомъ саду Келлера въ

Готѣ, оказываютъ въ школѣ несравненно больше успѣховъ въ наукахъ, гораздо болѣе развиты, чѣмъ ихъ сверстники. Но всѣ, съ успѣхомъ примѣнявшіе методъ Фребеля, никогда не слѣдовали ему рабски, не подражали ему буквально, а творили свободно, держась только высказанныхъ имъ основаній. Фребель въ своей системѣ руководствовался тѣми законами, какіе вообще представляетъ намъ рождающаяся дѣятельность ребенка, къ какой бы націи онъ ни принадлежалъ. Ребенокъ начинаетъ смотрѣть, протягивать *руки*, тащитъ къ себѣ все, что попадается, безъ умолку болтаетъ, играетъ. Вотъ и является вопросъ: къ чему ведутъ всѣ эти движенія? куда ихъ направить? какъ въ нихъ высказывается человѣческая природа? Главная заслуга Фребеля въ томъ, что онъ учитъ пользоваться самымъ обыденнымъ матеріаломъ, который подъ руками у каждаго, и у бѣднаго, и у богатаго, что онъ указываетъ, какъ найтись при всякой обстановкѣ. Фребель, конечно, не могъ имѣть въ виду тѣхъ педагоговъ и садовницъ, которые главною своею обязанностью считаютъ употреблять при занятіяхъ точь въ точь такіе кубики, какіе были у него самого, или спорятъ о томъ, крученою или некрученою шерстью шились мячики въ его первомъ дѣтскомъ саду, говорятъ его словами, поютъ непремѣнно его пѣсни. Фребель указываетъ матеріалъ, при которомъ у ребенка работаетъ совершенно свободно творческая фантазія, и вмѣстѣ съ этою работою идетъ всестороннее развитіе его органовъ; но это вовсе не обязываетъ васъ дѣлать точь въ точь то, что онъ дѣлалъ, не исключаетъ и другихъ игрушекъ, часто не менѣе, а нерѣдко и болѣе полезныхъ, чѣмъ тѣ, которыя онъ предлагаетъ. Если въ самой Германіи лучшіе педагоги далеко не все въ системѣ Фребеля считаютъ пригоднымъ для развитія нѣмецкихъ дѣтей, то тѣмъ болѣе намъ необходимо быть разборчивыми въ этомъ отношеніи.

Матеріалъ для бесѣдъ и занятій, а также и свои пѣсни Фребель бралъ изъ народнаго источника своей страны, но приспособлялъ его согласно дѣтскимъ понятіямъ, условіямъ и требованіямъ своей системы. Десять лѣтъ посвятилъ онъ исключительно на то, что переѣзжалъ изъ села въ село, изъ одного крестьянскаго семейства въ другое, вездѣ сводилъ самое короткое знакомство, самую тѣсную дружбу съ крестьянскими дѣтьми, основательно изучая тотъ педагогическій матеріалъ, который испоконъ-вѣка, по преданію, передается отъ одной женщины къ другой, съ помощью котораго цѣлыми поколѣніями вездѣ убаюкивали и занимали дѣтей. Конечно, ему приходилось много работать, чтобы разобрать эту смѣсь самыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ и вѣрованій и тутъ-же отыскать подчасъ самыя толковыя истины, которыя лежатъ въ основѣ воспитанія дѣтей, часто у самыхъ простыхъ матерей, игрушки и занятія, нерѣдко весьма полезныя. Какъ бы удивился онъ, что русскія дѣти воспитываются на его народныхъ германскихъ пѣсняхъ, вдобавокъ переведенныхъ ломанымъ русскимъ языкомъ, въ тѣ года, когда такъ важно развитіе въ ребенкѣ правильнаго говора. Какъ бы посмѣялся онъ той ненаходчивости и невѣжеству нашихъ воспитателей, которые, если что и выбираютъ для своихъ бесѣдъ, то именно то, и точь въ точь въ томъ видѣ, какъ старикъ Фребель, (родился въ 1782 г., умеръ въ 1852 г.) пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, говорилъ съ своими дѣтьми, и въ томъ видѣ, въ какомъ для примѣра вошли эти разсказы при изложеніи его системы. Фребеля упрекаютъ въ педантизмѣ и главнымъ образомъ въ томъ, что занятія по его системѣ приводятъ къ излишнему механизму. Въ этомъ несомнѣнно много правды, какъ мы увидимъ ниже, тѣмъ не менѣе въ то время, когда онъ жилъ, онъ больше другихъ примѣнялъ еще новый тогда методъ нагляднаго обученія Песталоцци и приспособилъ его и къ своимъ „садамъ“. Хотя, въ пору дѣятельности Фребеля,

педагогика была уже пробуждена къ новой жизни и новой дѣятельности принципами и новымъ методомъ Песталоцци, но на маленькихъ дѣтей до Фребеля вовсе не было обращено никакого вниманія и дѣло воспитанія въ дошкольный возрастъ ограничивалось „игральными школами“ и „школами для маленькихъ дѣтей“, учрежденными въ нѣкоторыхъ странахъ и гдѣ оставляли дѣтей исключительно для игры.

Тупоголовые и формалисты идеи встрѣчаются при каждомъ новомъ вѣяніи: при осуществленіи системы Фребеля ихъ появилось особенно много и не только у насъ, но и на западѣ, и кажется болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, въ Германіи. Фребель прекрасно понималъ, что идеи, положенныя въ основу его системы, столь новы (повторяемъ, что до него онѣ были высказываемы вскользь и то лишь нѣсколькими мыслящими людьми, оставались совершенно неразработанными), что онѣ могутъ подвергнуться при примѣненіи ихъ на практикѣ всякимъ искаженіямъ, слѣпому, узкому или прямолинейному толкованію и потому въ своемъ „Menschenerziehung“ онъ говоритъ: „подражайте идеѣ, а не формѣ“.

Нужно помнить, что въ то время, когда Фребель работалъ надъ своею системою „дѣтскихъ садовъ“, направленіе германскихъ педагоговъ было преимущественно классическое: естествоиспытатели и ученые мало снисходили съ своей высоты до дѣтской литературы, до дѣтскаго пониманія. Фребель больше другихъ бралъ матеріалъ изъ природы; вмѣсто сентенцій и нравоученій, онъ уже даетъ дѣтямъ понятіе о трудѣ простолюдина и ставитъ первымъ условіемъ своихъ занятій трудъ, хотя для дѣтскаго возраста легкій и пріятный, но который съ необыкновенною постепенностью пріучаетъ дѣтей къ терпѣнію и приготовляетъ къ тому, чтобы впослѣдствіи управиться съ трудомъ болѣе серьезнымъ и тяжелымъ. Что касается формализма и педантизма, въ которыхъ упрекаютъ Фребеля, то на практикѣ, сколько извѣстно, онъ былъ ихъ врагъ и тогда, когда еще не вполнѣ опредѣлились его педагогическія наклонности, когда еще не была выработана его новая система первоначальнаго воспитанія. Еще въ 1816 г. Фребель основалъ сиротскій институтъ. Очевидцы разсказываютъ, что дѣятельность института, какъ первая попытка Фребеля, не представляетъ ничего особеннаго: то была хорошая школа въ духѣ Песталоцци, но нравственная сторона заведенія поражала съ перваго раза отсутствіемъ всякой формальности и казарменной жизни. Воспитатели и воспитанники составляли въ полномъ смыслѣ слова счастливое семейство, въ каждомъ изъ его членовъ свѣтилась горячая любовь къ наукѣ и искренняя вѣра въ лучшую, болѣе человѣчную жизнь будущихъ поколѣній. Всѣ согласно, дружно работали. Между тѣмъ главные труды Фребеля относятся къ болѣе позднему періоду его жизни. Только 20 лѣтъ спустя послѣ этого является его новая система и его первый дѣтскій садъ. Извѣстный педагогъ Дистервегъ, на безпристрастное сужденіе котораго можно вполнѣ положиться, съ необыкновенною теплотою и любовью описываетъ дѣтскій садъ Фребеля, который удалось ему посѣтить. „Въ Фребелѣ“, говоритъ онъ между прочимъ, „я впервые увидѣлъ осуществленіе идеала истиннаго педагога“. Но, повторяю, всѣ эти описанія относятся дѣйствительно только къ практической дѣятельности Фребеля. Что до его системы первоначальнаго воспитанія, философіи и нѣкоторыхъ его взглядовъ, изложенныхъ въ его сочиненіяхъ, то они въ самомъ дѣлѣ далеко не чужды искусственности, педантизма, страдаютъ и излишнимъ развитіемъ техники, черезъ-чуръ строгою систематизаціею и мистицизмомъ. Противъ принциповъ его спорить нельзя; но частности, какъ напр. приторная сентиментальность, съ какой онъ заставляетъ дѣтей съ самой колыбели воспѣ-

вать геометрическія фигуры и математическія истины, сладость труда и слезливое отношеніе къ природѣ, разумѣется, нелѣпы и смѣшны. Всѣ эти мелочи сразу и бросаются въ глаза всякому, кто въ первый разъ знакомится съ методою Фребеля. Но если выхватывать однѣ странности, слабыя и смѣшныя стороны и указывать только на нихъ,—у насъ совсѣмъ не будетъ геніальныхъ людей. Робертъ Оуэнъ, одинъ изъ величайшихъ умовъ Европы, сторонникъ множества усовершенствованій въ экономическомъ быту рабочихъ, который такъ блистательно приложилъ на практикѣ многія изъ своихъ экономическихъ положеній, который первый создалъ въ Англіи школу для малолѣтнихъ дѣтей и столько способствовалъ распространенію просвѣщенія и средѣ рабочаго класса, горячо отстаивавшій вѣротерпимость, — подъ конецъ жизни обратился въ спирита и проповѣдывалъ, что тайны загробной жизни узнаются выстукиваніемъ духовъ, вѣрилъ и въ другія спиритическія продѣлки. Другой, тоже гуманнѣйшій изъ людей XVIII вѣка,—Генрихъ Песталоцци: то былъ педагогъ реформаторъ, который первый ввелъ въ практику методъ нагляднаго обученія и всю жизнь свою посвятилъ на служеніе людямъ; его мысли и дѣла, изустное и печатное слово, горячая любовь къ человѣчеству, ради которой онъ постоянно жертвовалъ и своимъ семейнымъ счастіемъ, и личнымъ покоемъ, комфортомъ, необходимымъ для его разстроеннаго здоровья, его постоянная, упорная борьба за идею, которую онъ велъ до глубокой старости,—все это принесло величайшую пользу семьѣ, школѣ и всѣмъ цивилизованнымъ народамъ Европы. А между тѣмъ этотъ самый человѣкъ подчасъ защищалъ розги и оплеухи. Тоже можно сказать и относительно Руссо: несмотря на то, что въ основѣ „Эмиля“ лежитъ ложная идея о необходимости воспитывать въ отчужденіи отъ общества и цивилизаціи, чтобы не привить ребенку пороки и развратъ, этотъ педагогическій трактатъ, какъ мы уже знаемъ, произвелъ переворотъ въ воспитаніи, принесъ громадную пользу обществу, впервые пробудилъ въ огромномъ классѣ людей интересъ къ воспитанію и къ педагогическимъ вопросамъ. Мы ссылаемся на эти примѣры, чтобы указать на то, что ни одинъ человѣкъ, на какой бы ступени развитія онъ ни стоялъ, не избѣжалъ вліянія духа времени или индивидуальныхъ слабостей: чѣмъ выше, чѣмъ геніальнѣе личность, тѣмъ рѣзче выражаются ея странности и увлеченія, и было бы нелѣпо изъ за больныхъ сторонъ вѣка или изъ за погрѣшностей, свойственныхъ каждому, не признавать той громадной пользы, которую намъ принесли эти люди. И система Фребеля не избавлена отъ крупныхъ ошибокъ и недостатковъ, большинство которыхъ, впрочемъ, можно поставить на счетъ того времени, когда жилъ и работалъ Фребель.

Педагогъ можетъ только тогда совершенно правильно установить ту или другую теорію, тотъ или другой методъ, если онъ основанъ на законахъ психологіи. Тридцатые и начало сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, когда Фребель преимущественно вырабатывалъ свою систему, были господствомъ психологіи метафизической, которая весьма мало, поверхностно, односторонне, а подчасъ и ошибочно занималась выясненіемъ свѣдѣній о психическихъ явленіяхъ. Не были приведены тогда въ ясность и законы наслѣдственности; разница между людьми, по понятіямъ того времени, обусловливалась различнымъ воспитаніемъ и различной средой; таланты, добродѣтели, даже геній, какъ полагали тогда, можно пріобрѣтать путемъ правильнаго воспитанія; душа ребенка, по тогдашнимъ понятіямъ, представляла „tabula rasa“, на которой воспитатель могъ начертать какія угодно письмена. При этомъ были мало изслѣдованы нервныя и душевныя болѣзни. Къ тому-же ни изъ чего не видно, чтобы Фребель занимался даже метафизическою психологіею. Не имѣя

возможности построить свою воспитательную систему на психологическихъ данныхъ и увлекаясь съ одной стороны философіею, которая носила въ то время характеръ метафизическій, съ другой—съ ранней юности склонный къ вопросамъ отвлеченнымъ, Фребель даетъ своей воспитательной системѣ философско-метафизическую основу. Вмѣсто того, чтобы предложенныя занятія, игры, бесѣды, пѣсни объяснять естественными законами и требованіями дѣтской природы, какъ онъ это дѣлалъ инстинктивно, пріобрѣтая свѣдѣнія о душѣ ребенка путемъ чисто эмпирическимъ, посредствомъ личнаго опыта, знакомства съ громаднымъ количествомъ дѣтей и вслѣдствіе своей изумительно тонкой наблюдательности, замѣчательно выдающагося педагогическаго такта и громадныхъ педагогическихъ способностей, онъ дѣлаетъ ссылки на міровые законы, на туманные философскіе принципы, объясняетъ ихъ многорѣчиво, отвлеченно, накидывая отъ времени до времени на самыя свѣтлыя мысли, на самыя глубокія педагогическія истины, покровъ слащаваго сентиментализма и мистицизма. Но какова была сила таланта этого замѣчательнаго педагога, видно изъ того, что несмотря на отсутствіе изученія психологіи, изумительное знаніе дѣтской души поразитъ каждаго, кто основательно изучитъ его систему. Если отбросить его туманныя и отвлеченныя объясненія, скорѣе вызывающія улыбку, чѣмъ убѣждающія, то мы придемъ къ заключенію, что основа его системы совершенно здоровая, реальная, вполнѣ совершенная даже и въ настоящую минуту и въ высшей степени способствующая развитію физическихъ и моральныхъ силъ ребенка въ дошкольный періодъ жизни. Всѣ его *игры*, вмѣстѣ взятыя, состоящія изъ сидячихъ занятій и сопровождаемыя *бесѣдами*, а также и подвижныя игры съ пѣснями, преслѣдуютъ въ воспитаніи тѣ-же цѣли, къ которымъ стремятся и нынѣ всѣ мыслящіе психологи и педагоги, т. е. къ гармоническому развитію физическихъ и моральныхъ силъ ребенка. Фребель съ перваго проявленія сознанія дитяти находитъ необходимымъ упражнять его органы внѣшнихъ чувствъ, придаетъ громадное значеніе его потребности къ движенію; точно также смотрятъ на это и нынѣшніе психологи и педагоги. Фребель преслѣдуетъ въ воспитаніи гармоническое развитіе, находитъ необходимымъ вести параллельно упражненіе всѣхъ способностей дитяти; и теперешніе психологи доказываютъ, что моральныя силы ребенка имѣютъ тѣсную связь между собой, что воспитаніе тѣла и духа нетолько вредно одно безъ другаго, но почти немыслимо, такъ какъ исключительно одно интеллектуальное или только физическое развитіе весьма опасно для всей послѣдующей жизни ребенка. Необходимость начинать воспитаніе ребенка гораздо раньше, чѣмъ онъ переступитъ порогъ школы,—тоже подверждается наиболѣе мыслящими современными педагогами и психологами.

Тѣмъ не менѣе система „дѣтскаго сада“ Фребеля страдаетъ не только туманными философскими и метафизическими объясненіями, но и другими недостатками и прежде всего излишнимъ развитіемъ техники и черезчуръ строгою систематизаціею. Техника несомнѣнно имѣетъ важное значеніе: никакое дѣло не пойдетъ успѣшно, если вы не преодолѣете техническихъ трудностей. Такъ и въ системѣ Фребеля. Воспитатель, прежде чѣмъ приступить къ занятіямъ съ ребенкомъ по фребелевской системѣ, долженъ предварительно самъ переработать различныя механическія занятія. Только такимъ путемъ онъ разовьетъ свою собственную фантазію, ловкость и пріобрѣтетъ необходимый навыкъ въ этихъ работахъ; это важно для воспитателя также и для того, чтобы не быть слѣпымъ подражателемъ разныхъ рисунковъ, и наконецъ опытность, которую онъ пріобрѣтетъ, серьезно изучивъ механическую сторону дѣла, облегчитъ трудъ его дѣтямъ. Лишь при означенномъ условіи

онъ можетъ указать питомцу такіе пріемы, при которыхъ всякая работа дѣлается быстрѣе и легче и выходитъ болѣе красивою и отчетливою. Но совсѣмъ иначе долженъ относиться ребенокъ къ этимъ работамъ.

У Фребеля одна его механическая работа логично, строго до педантизма, вытекаетъ изъ другой, одинъ рисунокъ есть ничто иное, какъ болѣе сложное, систематическое, послѣдовательное развитіе другаго. Туманныя, *отвлеченныя* объясненія Фребеля мѣшаютъ понять, дѣйствительно-ли *существуетъ во* всѣхъ его играхъ и занятіяхъ такая строгая послѣдовательность, наконецъ возможна-ли она съ такими малютками, какими являются дѣти въ дошкольный періодъ. Педагогическій принципъ—постепенность въ переходѣ отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному и сложному—имѣетъ несомнѣнно громадное значеніе и его никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду при воспитаніи, но храни Богъ утрировать его. Мой собственный опытъ, который я вынесла изъ продолжительныхъ наблюденій надъ занятіями фребелевскою системою, убѣдилъ меня въ томъ, что тамъ, гдѣ придерживались педантической точности, занятія по системѣ Фребеля или быстро надоѣдали дѣтямъ, или совсѣмъ не развивали ихъ; не видѣла я успѣшныхъ результатовъ и тамъ, гдѣ отъ дѣтей черезчуръ строго требовали изящнаго, прекраснаго и совершенно точнаго выполненія различныхъ механическихъ работъ: дѣтямъ чрезвычайно тяжело постоянно передѣлывать все съизнова и съизнова, а потому прежде всего необходимо имѣть въ виду правило не обременять ребенка непосильнымъ механизмомъ и техникою этихъ работъ. Область терпѣнія и у взрослаго не безгранична, тѣмъ болѣе необходимо имѣть въ виду слабыя силы ребенка, его склонность къ нервности. Болѣе всего слѣдуетъ опасаться вызывать аффекты, а потому никоимъ образомъ не должно выводить ребенка изъ терпѣнія, такъ какъ одною изъ задачъ воспитанія слѣдуетъ считать—развитіе навыка къ терпѣнію и ослабленіе аффектовъ. Если воспитатель черезчуръ требовательно относится къ механическимъ работамъ, ребенокъ дѣлаетъ сверхъестественныя усилія и тупѣетъ подъ бременемъ механизма, или замѣчая, какъ долго не удается ему что нибудь сдѣлать и какъ плохо все выходитъ изъ его рукъ, онъ совсѣмъ бросаетъ подобныя работы и чувствуетъ къ нимъ непреодолимое отвращеніе. Такія послѣдствія строгой, педантической требовательности мы встрѣчали, какъ здѣсь въ „дѣтскихъ садахъ“ Петербурга, такъ и заграницею, въ Германіи и Бельгіи. По нашему убѣжденію занятія по системѣ Фребеля тогда приносятъ громадную пользу для умственнаго и нравственнаго развитія ребенка и идутъ успѣшно, когда, при примѣненіи ихъ, избѣгаютъ какого-бы то ни было педантизма, излишней требовательности и насилія надъ дѣтскою природою. Когда дѣти выполнили всѣ свои маленькія обязанности въ домѣ, въ саду или огородѣ, относительно прирученныхъ животныхъ, а также покончили и съ прогулкою, во время которой имъ пришлось многое наблюсти и кое-что узнать (см. предшествующую главу „Воспитаніе ума“), а между тѣмъ они не настолько утомлены, чтобы прекратить всякую дѣятельность и сами просятъ старшихъ, чтобы они придумали для нихъ какое нибудь занятіе, только въ такомъ случаѣ дайте имъ механическую работу Фребеля, сопровождая ее должнымъ объясненіемъ или подходящимъ разсказомъ и всегда заканчивая ее подвижною игрою или просто бѣготнею и вознею съ дѣтьми. Когда они вдоволь нашумятся и навозятся, имъ можно задать загадку для отгадыванія или сообщить какую нибудь поговорку, взявъ и загадки, и разсказы, и пѣсни, и игры не изъ Фребеля, а изъ своего народнаго источника и изъ своей русской дѣйствительности. Часто случается,

даже и въ то время, когда ребенокъ самъ желаетъ продолжать занятія, что онъ вдругъ внезапно ничего не можетъ усвоить, теряетъ возможность болѣе или менѣе сознательно относиться къ тому, что ему говорятъ, совершенно небрежно исполняетъ предложенное ему занятіе, ни какъ не можетъ сосредоточить вниманія; въ такомъ случаѣ никоимъ образомъ не насилуйте его мозгъ, пусть онъ снова бѣгаетъ и рѣзвится. Эти внезапныя пріостановки въ умственныхъ процессахъ случаются съ дѣтьми очень часто; необходимо это имѣть въ виду, подмѣчать раньше, чѣмъ это рѣзко проявится и въ такихъ случаяхъ совершенно прекращать занятія. Эти періодическія пріостановки въ умственныхъ процессахъ ребенка продолжаются очень недолго, проходятъ быстро и безъ всякихъ слѣдовъ, если только воспитатель умѣетъ во время ихъ подмѣтить и предупредить. Если ребенокъ нѣсколько разъ кряду выражаетъ нежеланіе продолжать предложенное ему занятіе, или если несмотря на ваши объясненія и указанія оно не дается ему даже и послѣ продолжительнаго отдыха, не настаивайте на его выполненіи, отложите работу въ сторону на нѣсколько недѣль: часто то, чего ребенокъ не понимаетъ сегодня, онъ прекрасно усвоиваетъ черезъ нѣсколько недѣль. Не слѣдуетъ также настаивать на непремѣнномъ выполненіи того, а не другаго фребелевскаго занятія уже потому, что выборъ этихъ занятій безконечно разнообразенъ, къ тому-же необходимо помнить, что вы имѣете дѣло съ малютками.

Рѣзко бросается въ глаза и фребелевскій сентиментализмъ: во всѣхъ бесѣдахъ, разсказахъ, пѣсняхъ, подвижныхъ играхъ, которые Фребель приводитъ въ образецъ того, какъ должны воспитатели оживлять и одухотворять механическія занятія дѣтей, вездѣ проглядываетъ приторная сентиментальность, слащавое отношеніе къ родителямъ, трудящемуся люду, отечеству, даже къ природѣ. Но мы знаемъ, что это характерная черта нѣмецкаго народа вообще и что она особенно господствовала въ то время, когда Фребель трудился надъ своею системою „дѣтскихъ садовъ“. Вотъ потому-то намъ, русскимъ воспитателямъ, особенно въ настоящее время, дико и непедагогично занимать нашихъ дѣтей сентиментальными пѣснями и разсказами Фребеля.

Эти слабыя стороны системы Фребеля сильно затормозили распространеніе его свѣтлыхъ и полезныхъ идей и разумныхъ практическихъ совѣтовъ. Замѣтить слабыя стороны этой системы весьма не трудно, даже при поверхностномъ знакомствѣ съ нею, а чтобы усвоить здоровыя начала и понять ихъ глубину и значеніе, для этого необходимо было серьезное изученіе; точно также и для того, чтобы умѣть сдѣлать выборъ, отдѣлить существенное отъ несущественнаго, полезное отъ вреднаго и неподходящаго, для этого нужно было имѣть извѣстное образованіе, умственное развитіе и критическій тактъ. Между тѣмъ, при возникновеніи „дѣтскихъ садовъ“, какъ у насъ, такъ и заграницею, проводниками идей Фребеля, явились, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, люди совсѣмъ къ этому дѣлу неподготовленные, мало развитые, что было слѣдствіемъ экономическихъ условій: „дѣтскіе сады“ у насъ и заграницей, большею частью, устраивались на частныя средства, людьми небогатыми, а потому и дѣтскимъ садовницамъ (воспитателями въ „дѣтскихъ садахъ“ дѣлались преимущественно женщины) могли предлагать за трудъ лишь самое скудное вознагражденіе. Неподготовленныя къ дѣлу воспитанія вообще, онѣ, обыкновенно, не знали даже фребелевской системы, а знакомились лишь съ ея внѣшней стороной. Можно себѣ представить, какъ вели онѣ это дѣло *). Не менѣе повредили дѣлу распространенія здравыхъ понятій о

*) Вотъ откуда можно почерпнуть наиболѣе подробныя свѣдѣнія о Фребелевской системѣ:

дошкольномъ воспитаніи фанатичные поклонники и послѣдователи Фребеля. Вмѣсто того, чтобы съ теченіемъ времени исправлять его промахи и распространять его воспитательныя идеи сообразно съ духомъ новаго времени, уже совершенно чуждаго метафизикѣ, схоластикѣ и мистицизму, они развивали ихъ въ томъ же духѣ, съ педантическою точностью, предавая проклятію даже истинныхъ послѣдователей и доброжелателей Фребеля, если только послѣдніе критически относились къ его философскимъ воззрѣніямъ. Эти слѣпые *фанатики* ничего не хотѣли слышать, видѣли во всякой критикѣ развѣнчаніе авторитета Фребеля и, не смущаясь насмѣшками, проводили въ педагогическихъ органахъ свои односторонніе и нелѣпыя воззрѣнія на систему Фребеля.

Столько же вреда распространенію фребелевской системы принесло и ихъ педантическое требованіе тщательнаго выполненія технической стороны дѣла „дѣтскаго сада“, безъ чего, какъ они старались доказать устно и письменно (такъ какъ они для этого читали лекціи и спеціально для этой цѣли издавали журналы), мысль Фребеля совершенно искажается и къ дѣтямъ, по ихъ мнѣнію, вмѣсто терпѣнія и усидчивости, какъ о томъ заботился ихъ учитель, прививаютъ лѣнь, разсѣянность и другіе пороки. Мало того: эти не по разуму ретивые поклонники Фребеля, послѣ смерти своего учителя, еще болѣе усложняютъ технику „дѣтскаго сада“: вмѣсто восьми даровъ, предложенныхъ Фребелемъ, у нихъ является уже болѣе двадцати; переплетаніе бумажныхъ тесемокъ, сгибаніе бумаги, выкладываніе спичекъ, лучинъ и колецъ развиваются у нихъ въ длинные ряды систематическихъ упражненій, въ цѣлую особую науку, которая, если въ нее вполнѣ погрузить ребенка, скорѣе подавитъ его силы, чѣмъ разовьетъ ихъ. Наконецъ, такое детальное изученіе техники „дѣтскихъ садовъ“ и въ томъ широкомъ объемѣ, въ какомъ это предлагаютъ односторонніе послѣдователи Фребеля, совершенно непроизводительная, даже и для воспитателей, трата времени, которое они могутъ употреблять съ большею пользою, изучая психологію, подготовляя разсказы и бесѣды для дѣтей, занимаясь чтеніемъ книгъ по естественной исторіи, что дастъ имъ возможность толково и ясно объяснять дѣтямъ окружающія явленія природы и жизни.

Не менѣе повредила распространенію фребелевскихъ идей и самая форма ихъ изложенія: усвоивъ языкъ Фребеля, эти, не по разуму усердные, друзья старались держаться его способа выражаться, что они дѣлали, по ихъ объясненію, для того, чтобы ученіе Фребеля не утратило духа своего творца.

Въ самомъ началѣ, когда воспитательныя идеи Фребеля начали проникать въ общество, оно отнеслось къ нимъ весьма сочувственно, но это было въ ту пору, когда самъ Фребель и его ближайшій пріятель, умный, образованный, развитой и преданный дѣлу Миддендорфъ, ѣздили по Германіи съ цѣлью пропаганды идей „дѣтскаго сада“. Но послѣ смерти Фребеля, когда на сцену выступили его фанатичные и слѣпые приверженцы, выдвинувшіе на первый планъ технику, придававшіе отжившимъ и давно сданнымъ въ архивъ туманно-философскимъ и отвлеченнымъ воззрѣніямъ Фребеля первостепенную важность въ воспитаніи, общество подняло на смѣхъ этихъ рети-

---

Friedr. Fröbels Entwickelnd-erziehende Menschenbildung als System. Eine umfassende, wortgetreue Zusammenstellung von H. Pösche. 3 Theile.

Friedrich Fröbels Gesammelte pädagogische Schriften, herausgegeben von Dr. Wichard Lange Theil II; Aus Fröbels Leben und erstem Streben.

Bedeutung und philosophische Grundlage von Fröbels Pädagogik. Von Dr. P. Lautier.

Arbeitschule—журналъ Зейделя и Шмидта.

Die Praxis des Kindergartens. Fon August Köhler.

Das Paradies der Kindheit nach Friedrich Fröbels Grundsätzen. Fon Lina Morgenstern.

L'école Froebel. Histoire d'un jardin d'enfants. Octavie Masson.

выхъ поклонниковъ, а вмѣстѣ съ ними стало смотрѣть и на фребелевскую систему, какъ на нѣчто вредное въ воспитаніи, какъ на нежелательную муштровку, какъ на нѣмецкій фокусъ-бокусъ, тормозящій свободное развитіе индивидуальныхъ свойствъ, и совсѣмъ перестало изучать фребелевскую систему.

Однако въ послѣднее время положеніе дѣлъ сильно измѣнилось: мало-по-малу начинаетъ устанавливаться правильное и разумное отношеніе къ системѣ Фребеля: подвергая критикѣ слабыя стороны системы „дѣтскихъ садовъ", современные педагоги находятъ въ ней не мало свѣтлыхъ, глубокихъ и разумныхъ мыслей, и идеи первоначальнаго воспитанія начинаютъ все болѣе распространяться. Сознаніе пользы дѣтскихъ садовъ усиливается въ нѣкоторыхъ странахъ настолько, что они изъ частныхъ учрежденій дѣлаются общественными и народными. Въ Австріи, съ 1872 года, „дѣтскій садъ" былъ принятъ въ систему государственныхъ учебныхъ заведеній. Въ Швейцаріи такихъ заведеній насчитываютъ уже болѣе 560. По всей Франціи съ этою цѣлью устроено множество „écoles maternelles", а въ послѣднее время эту систему уже стали примѣнять и въ заведеніяхъ, нарочно съ этою цѣлью устраиваемыхъ при элементарныхъ общинныхъ школахъ, называемыхъ „écoles maternelles communales". Въ Лондонѣ существуетъ Фребелевское общество, которое употребляетъ всѣ усилія расширить количество дѣтскихъ садовъ, которыхъ здѣсь (въ 1880 г.) было 10, а также подготовить опытныхъ для нихъ руководительницъ. Кромѣ того „дѣтскіе сады" существуютъ и въ провинціальныхъ городахъ Англіи. Особенно много ихъ въ Америкѣ; въ одномъ Бостонѣ (въ 1889 г.) ихъ существовало 19. Мало того, три года тому назадъ 14 частныхъ бостонскихъ дѣтскихъ садовъ принято было въ завѣдываніе общественнаго школьнаго управленія и на ихъ содержаніе ассигнована сумма въ 20,000 долларовъ. Въ 1871 году и у насъ въ Петербургѣ были основаны курсы, подъ названіемъ „Курсы спб. Фребелевскаго Общества" съ спеціальною цѣлью подготовить опытныхъ руководительницъ для воспитанія въ дошкольный періодъ. Въ составъ курсовъ входятъ:

1) Важнѣйшія свѣдѣнія изъ анатоміи, физіологіи и гигіены, какъ основы физическаго воспитанія. 2) Важнѣйшія свѣдѣнія изъ психологіи и педагогики, какъ основы духовнаго воспитанія. 3) Теорія воспитанія по методѣ Фребеля и фребелевскія рукодѣлія. 4) Исторія педагогики. 5) Естественная исторія. 6) Физика. 7) Лѣпка. 8) Рисованіе. 9) Пѣніе. 10) Практическія занятія въ „дѣтскомъ саду". 11) Гимнастика.

Для лицъ, неимѣющихъ возможности посѣщать курсы и желающихъ самостоятельно подготовиться къ занятіямъ съ дѣтьми до школьнаго возраста мы рекомендуемъ прежде всего: 1) „Педагогическую Психологію" *Каптерева*, а также слѣдующія сочиненія: 2) *Preyer*. „Die Seele des Kindes"; это сочиненіе существуетъ въ прекрасномъ французскомъ переводѣ подъ названіемъ „L'ame de l'enfant" par *Preyer*, traduit par Varigny; 3) *Спенсеръ* „Умственное и физическое воспитаніе"; 4) *Pérez* „Les trois premiéres années de l'enfant", 5) его-же: „L'enfant de trois à sept ans", 6) также „L'éducation morale dés le berceau"; 7) *Моссо* „Страхъ"; 8) *Крафтъ-Эбингъ* „Нашъ нервный вѣкъ„; 9) *Бёме* „Воспитаніе сына; 10) *Гюйо* „Education et hérédité" (существуетъ русскій переводъ „Воспитаніе и наслѣдственность" Толстаго; 11) *Сикорскій* „Воспитаніе въ возрастѣ перваго дѣтства"; для изученія системы Фребеля мы уже указали литературу предмета,—слѣдуетъ также познакомиться съ книгами, названными нами въ главѣ „Воспитаніе ума", которыя наведутъ воспитателя на множество полезныхъ бесѣдъ съ питомцемъ по поводу окружающаго ребенка міра и его явленій.

Глава XIII. Воспитаніе ребенка съ перваго проявленія въ немъ сознанія до трехъ-четырехъ лѣтъ его жизни.

Цвѣтные мячики.—Пригодны-ли фребелевскія упражненія съ мячикомъ для маленькихъ дѣтей.—Практическіе примѣры того, какъ мы, русскіе воспитатели, можемъ пользоваться идеями Фребеля.—Чѣмъ и какъ можемъ мы занимать ребенка въ первые годы его жизни.—Пѣсни, игры и наблюденія, которыми могутъ русскіе воспитатели занимать дѣтей въ первомъ возрастѣ.—Какъ измѣнить фребелевскія занятія съ мячикомъ для трехлѣтнихъ дѣтей.—Можно ли съ трехъ лѣтъ начинать механическія занятія.—Когда дѣти могутъ начинать учиться счету.—Какому методу слѣдуетъ придерживаться при ариѳметическихъ упражненіяхъ съ маленькими дѣтьми.—Примѣры такихъ упражненій для дѣтей 3-хъ, 4-хъ лѣтъ.—Второй даръ: шаръ, кубъ, цилиндръ.—Бесѣды при упражненіяхъ со вторымъ даромъ.—Бесѣды и разсказы для дѣтей до 4-хъ л. возраста.—Значеніе товарищества.

Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ очеркахъ нашего труда, мы *по*пробуемъ дать примѣры, какими бесѣдами, разговорами, разсказами, пѣснями, поговорками, загадками, ариѳметическими задачами можемъ мы, русскіе воспитатели, сопровождать занятія съ маленькими дѣтьми по системѣ Фребеля. Хотя мы и будемъ на занятія, указанныя Фребелемъ, давать самостоятельныя упражненія, но никакъ не остановимся на этомъ, а постараемся придумывать и свои работы. Если русская жизнь, современныя требованія и наша природа представляютъ уму ребенка другую пищу, чѣмъ въ Германіи, да еще во времена Фребеля, то это-же самое даетъ и рукамъ ребенка другое дѣло. Всѣ упражненія, которыя я даю для образца, я беру изъ русской жизни и природы и стараюсь нѣкоторымъ механическимъ занятіямъ подыскать соотвѣтственный разсказъ, или какое нибудь умственное упражненіе, которое могло-бы отчасти оживить механическій трудъ, отчасти развить тѣ стороны ума и сердца, которыхъ не можетъ развить въ русскихъ дѣтяхъ нѣмецкій педагогъ. При этомъ я буду имѣть въ виду воспитателей, мало подготовленныхъ къ дѣлу воспитанія, а потому намъ часто придется излагать самыя элементарныя истины. Мы не только не претендуемъ на слѣпое подражаніе, даннымъ образцамъ, но считаемъ его вреднымъ, о чемъ уже много разъ высказывались выше; предлагаемыми примѣрами бесѣдъ и разсказовъ мы хотимъ показать то направленіе, какимъ должны быть проникнуты подобныя занятія, и духъ, въ какомъ должно ихъ вести.

Воспитаніе ребенка, какъ мы уже знаемъ, Фребель начинаетъ съ его рожденія, пользуясь при этомъ его потребностью двигаться и его внѣшними чувствами.

Съ первыхъ мѣсяцевъ жизни ребенокъ проявляетъ въ движеніяхъ стремленіе къ дѣятельности,—Фребель не оставляетъ безъ вниманія эту вновь про-

являющуюся въ немъ дѣятельность. Но многіе могуть замѣтить: когда ребенокъ подростетъ, ему пожалуй, и можно будетъ указать поле, на которомъ бы онъ могъ изощрять свои чувства, но оставьте его въ покоѣ хотя на то время, пока онъ въ колыбели. Орелъ не изобрѣтаетъ искуственныхъ средствъ, чтобъ еще въ гнѣздѣ изощрять зрѣніе и ловкость своихъ птенцевъ, между тѣмъ онъ съ необыкновенной высоты, на разстояніи совершенно недоступномъ человѣческому глазу, видитъ крошечнаго цыпленка и съ быстротою стрѣлы падаетъ на свою добычу. Все это совершенно вѣрно; но при этомъ упускаютъ изъ виду одно. Нѣкоторыя животныя, и преимущественно низшія, видятъ, слышатъ, ощущаютъ и двигаются при первомъ своемъ появленіи на свѣтъ такъ же хорошо, какъ и въ зрѣломъ возрастѣ. Между тѣмъ человѣкъ является на свѣтъ божій совершенно безпомощнымъ существомъ. Причину такого различія легко объяснить. У тѣхъ животныхъ, у которыхъ съ появленіемъ на свѣтъ уже дѣйствуютъ различныя чувства, мы находимъ органы этихъ чувствъ въ соотвѣтственномъ развитіи; между тѣмъ у человѣка при рожденіи чувства и самые органы совершенно неразвиты и только тогда пріобрѣтаютъ способность дѣйствовать вполнѣ правильно, когда ихъ упражняютъ надлежащимъ образомъ. Итакъ, имѣя въ виду это упраженіе, Фребель прежде всего вѣшаетъ у колыбели двухмѣсячнаго младенца шерстяной одноцвѣтный мячикъ. У Фребеля во всемъ находимъ строгое, научно-философское основаніе; такъ и въ этомъ случаѣ. Мячикъ, какъ мы знаемъ, имѣетъ видъ шара, а шаромъ завершаются всѣ очертанія въ неорганической природѣ: самыя огромныя тѣла небесныя представляютъ эту форму; шаромъ же начинаются всѣ очертанія въ органической природѣ: вся органическая жизнь зарождается въ видѣ органической круглой ячейки. Вотъ почему Фребель первой своей игрушкѣ даетъ видъ шара. Мысль давать маленькимъ дѣтямъ круглыя тѣла основательна, но конечно, вовсе не потому, что небесныя тѣла и органическія ячейки круглы.

Наравнѣ съ формою ребенокъ замѣчаетъ и *цвѣтъ*, и такъ какъ въ природѣ, напр. въ радугѣ, мы видимъ 7 цвѣтовъ (*красный*, *оранжевый*, *желтый*, *зеленый*, *голубой*, *синій* и *фіолетовый*), Фребель даетъ 7 мячиковъ этихъ цвѣтовъ, что и составляетъ его такъ называемый: *первый даръ*. Въ радугѣ замѣчается 7 главныхъ цвѣтовъ, но во фребелевскихъ ящикахъ мы находимъ обыкновенно 6 мячиковъ, такъ какъ *синій* и *голубой* цвѣтъ только различные оттѣнки одного и того же цвѣта. Покупать ихъ стоитъ весьма дорого, между тѣмъ не только каждая мать, даже 6-ти—7-ми-лѣтнія дѣти могутъ приготовлять ихъ сами, безъ всякихъ рисунковъ. Для старшихъ дѣтей, если они есть въ семьѣ, эта работа чрезвычайно занимательна и полезна тѣмъ, что возбуждаетъ въ нихъ доброе чувство трудиться для маленькаго, безпомощнаго брата или сестры. Чтобы сдѣлать такой мячикъ, нужно взять старыхъ тряпокъ или ваты и обматывать нитками, какъ клубочекъ, стараясь дѣлать его какъ можно круглѣе. Когда такой клубочекъ будетъ уже на столько великъ, что маленькій ребенокъ можетъ обхватить и удержать его своими ручонками, тогда слѣдуетъ закрѣпить конецъ и начать обматывать его шерстью, при этомъ шерсть слѣдуетъ закрѣплять въ клубочкѣ со многихъ сторонъ, чтобы она не сваливалась. Затѣмъ канвовой иголкой, тою же шерстью, вышить мячикъ петлями, прибавляя къ срединѣ число петель, а къ концу захватывая двѣ, три и четыре петли вмѣстѣ. Нѣкоторые не обшиваютъ въ петлю мячики, а обвязываютъ тамбурной иголкой. Въ послѣднемъ случаѣ мячикъ выходитъ плотнѣй, изящнѣй, но для 6-ти—7-ми л. дѣтей первый способъ оказывается наиболѣе подходящимъ. Не слѣдуетъ набивать мячикъ чѣмъ нибудь плотнымъ,

тяжелымъ, такъ какъ онъ можетъ ушибить ребенка, а также стружками, потому что онъ легко можетъ прорваться и засорить глаза дитяти.

Сначала берутъ мячикъ одного какого нибудь цвѣта и на снуркѣ того же цвѣта вѣшаютъ у колыбели спящаго 6-ти недѣльнаго ребенка. Конечно, нельзя назначить времени, когда вѣшать мячикъ, но мы тутъ беремъ среднюю норму. До 3-хъ—4-хъ недѣль поднесите къ глазамъ ребенка палецъ, и онъ не моргнетъ; вечеромъ перенесите свѣчку съ одного стола на другой,—онъ не сдѣлаетъ никакого движенія глазами: знакъ, что его зрѣніе еще слишкомъ слабо и нужно до времени оставить его въ покоѣ, какъ можно болѣе оберегая лишь отъ слишкомъ яркаго свѣта. Но вотъ онъ пристальнѣе глядитъ на ваше лицо, улыбается, нѣсколько моргаетъ, движеніе руками и ногами становится быстрѣе, хотя совершенно неопредѣленны. Повѣсьте во время сна такому младенцу одноцвѣтный мячикъ и наблюдайте. Вотъ, онъ просыпается, долго глаза его блуждаютъ неопредѣленно, вдругъ останавливаются на мячикѣ и долго, долго малютка весь серьезно сосредоточивается на немъ, не отводитъ отъ него своихъ глазъ. Вдругъ встрепенулся ножками и ручками, какъ-то подвинулся впередъ всѣмъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ, улыбнулся, и пошелъ *гулить*. На первый разъ малютка повеселился 1—2 минуты, завтра онъ займется уже долѣе, и вы замѣчаете, какъ необыкновенно быстро увеличивается у него время игры, какъ и другіе члены при этомъ приходятъ ему на помощь. Онъ мало по малу начинаетъ хватать мячикъ, но сначала очень неискусно: встрепенувшись, онъ только случайно толкнетъ его ручками, приведетъ въ движеніе; мячикъ раскачивается во всѣ стороны, ребенокъ при этомъ смотритъ уже не на одну точку, а учится слѣдить за разными движеніями и измѣненіями въ положеніи мячика. Въ два, три мѣсяца онъ умѣетъ хватать мячикъ обѣими рученками и научился играть съ нимъ, толкать *его* въ разныя стороны и ловить. Кто видѣлъ удовольствіе, которое доставляетъ малюткамъ эта первая игра въ мячикъ, тотъ совершенно согласится съ Фребелемъ, что она вполнѣ соотвѣтствуетъ способностямъ этого возраста и помогаетъ его развитію: осмысливаетъ движенія ребенка, устанавливаетъ и сосредоточиваетъ его зрѣніе. Лучше всего сначала повѣсить *голубой* мячикъ, такъ какъ извѣстно, что при слабомъ зрѣніи голубой цвѣтъ пріятнѣе другихъ; вотъ потому-то взрослые и носятъ голубые очки; красный же цвѣтъ слишкомъ рѣзокъ для дитяти, и такой мячикъ слѣдуетъ вѣшать тогда, когда малютка привыкъ уже къ другимъ цвѣтамъ. При этомъ мячикъ у колыбели малютки слѣдуетъ оставлять не на извѣстный, заранѣе предписанный срокъ, а до тѣхъ поръ, пока ребенокъ занимается имъ. Когда онъ научился хватать, можно вѣшать два, три мячика рядомъ.

Но вотъ уже ребенокъ можетъ сидѣть на рукахъ, по желанію матери протягивать къ ней ручки. Тутъ Фребель начинаетъ продѣлывать съ мячикомъ передъ 5-ти—6-ти мѣсячнымъ ребенкомъ разныя упражненія и болѣе всего при этомъ заботится о развитіи его мышечныхъ движеній и объ изощреніи слуха, т. е. заставляетъ матерей пѣть ему пѣсни. Эти игры и пѣсни онъ далъ въ своемъ сочиненіи: Mutter-Spiel und Koselieder. Во всемъ, что Фребель даетъ для этого возраста, у него много ошибокъ: несоотвѣтственныя упражненія, форсированное развитіе, излишняя систематизація, хотя и тутъ въ основаніи опять таки лежитъ глубокая мысль.

Скажемъ прежде объ его упражненіяхъ съ мячикомъ: Фребель даетъ множество игръ, въ которыхъ съ необыкновенною постепенностью знакомитъ со всевозможными движеніями мячика по смыслу словъ: *взадъ*, *впередъ*, *вверхъ*, *внизъ*, *кругомъ*, *тутъ*, *тамъ*, *ближе*, *дальше* и проч. Потомъ берутъ ящикъ

и указываютъ, какъ можетъ двигаться мячикъ по отношенію къ этому ящику: катаютъ его *сверху*, *отъ себя*, *къ себѣ*; „скокъ на ящикъ, скокъ *черезъ* ящикъ, скокъ въ ящикъ"; словомъ, исчерпываютъ здѣсь всевозможныя нарѣчія и предлоги. Каждое изъ этихъ движеній сопровождается особой пѣсенкой, имѣющей цѣлью познакомить съ этими *нарѣчіями* и *предлогами* и дать понятіе о разныхъ направленіяхъ движенія: *горизонтальномъ*, *вертикальномъ*, и проч. Дать ребенку въ это время на снуркѣ самому покачать мячикъ, показать ему, какъ его можно покатать по столу, даже разнообразить эти движенія— не дурно, но устроить изъ этого систематическое упражненіе, принуждая ребенка сначала усвоивать движенія только *вверхъ*, потомъ только *внизъ*, потомъ *вбокъ* и т. д. положительно нелѣпо. Вспомнимъ, что всему этому хотятъ научить пятимѣсячнаго ребенка; правда, упражненія эти продолжаются до 3-хъ лѣтъ, но все-же такой ребенокъ едва еще начинаетъ понимать вашъ говоръ. Отвлеченныя понятіи о движеніи, которыя Фребель сводитъ здѣсь въ систему, очень важны, но упражнять въ нихъ можно гораздо позже, когда ребенокъ вполнѣ владѣетъ языкомъ и умѣетъ уже опредѣлять многія впечатлѣнія. Вообще систематическія упражненія умѣстны лишь въ школѣ, но никоимъ образомъ не въ дошкольный періодъ его жизни. При этомъ мы полагаемъ, что даже и тогда естественнѣе сначала дать ему усвоить понятія объ относительномъ положеніи предметовъ, какіе онъ видитъ вокругъ себя, спрашивая его кстати, что *подъ* его ногами, что *надъ* головой, кто стоитъ *сзади*, что онъ видитъ *впереди?* Даже и въ восемь, девять лѣтъ ему лишь постепенно слѣдуетъ давать понятіе о томъ или другомъ направленіи движенія и все-таки незамѣтно, во время прогулки, въ бесѣдахъ о живыхъ предметахъ. Фребель, напротивъ, начинаетъ по старинному нѣмецкому обычаю чисто догматически, заставляя ребенка чуть не со дня рожденія воспринимать впечатлѣнія не свободно, а по предписаннымъ правиламъ. Этимъ онъ ставитъ и воспитательницу въ какое-то странное положеніе. Какъ забавно думать, что, стараясь повеселить, успокоить годовалаго ребенка, она въ то же время высчитываетъ, какому движенію научить его сперва, съ какимъ грамматическимъ терминомъ познакомить потомъ, и восхищается этой схоластикой, припѣвая сентиментальныя пѣсни.

Чѣмъ-же занимать ребенка въ этотъ первый возрастъ?

Во-первыхъ, онъ и самъ достаточно занятъ тѣми впечатлѣніями, которыя производятъ всѣ окружающіе предметы на его только что пробужденные органы. Всякая вещь, которую онъ видитъ или можетъ схватить въ руки, приводитъ его въ восторгъ. Кромѣ того тутъ сильно развиваются мышцы: ребенокъ сначала ползаетъ, потомъ начинаетъ ходить, и Фребель, вмѣстѣ съ упражненіями въ мячики, даетъ игры, служащія къ развитію мышцъ. Игру въ мячъ, оказавшую ему услугу до 2—3-хъ мѣсяцевъ его жизни, мы оставимъ пока для послѣдующаго возраста; долѣе она и потому неудобна, что у ребенка прорѣзываются зубы, чешутся десны, и онъ все несетъ въ ротъ, а шерстяные мячики (резиновые и кожанные не менѣе вредны) оставляютъ во рту волокна шерсти, которыя производятъ рвоту. Итакъ мы займемся мышечными играми.

Мышечными движеніями Фребель начинаетъ упражнять тоже съ 3-хъ, 4-хъ мѣсяцевъ. Онъ, напримѣръ, заставляетъ класть ребенка на подушку, брать его за руки и нѣсколько приподнимать верхнюю часть туловища, потомъ дѣлать тоже самое съ ножками,—это *игра для укрѣпленія спиннаго хребта.* Затѣмъ онъ совѣтуетъ въ тактъ, какъ будто-бы подъ удары мельницы слегка колотить ножками и ручками ребенка: это тоже служитъ къ развитію нѣ-

которыхъ ручныхъ и ножныхъ мышцъ. Всѣ такія упражненія Фребель сопровождаетъ пѣснями, воспѣвая при этомъ разные предметы: то добрую маменьку, то мельницу, которая выбиваетъ масло. Хотя ребенокъ не можетъ еще понимать словъ этихъ сентиментальныхъ пѣсенъ, но, конечно, всегда лучше напѣвать ему слова и мелодіи болѣе подходящія, которыя могли бы служить основою для развитія русской рѣчи и эстетическаго чувства; тѣмъ не менѣе всѣ эти фребелевскія мышечныя движенія дѣйствительно очень полезны для физическаго развитія дитяти. Еще разнообразнѣе, еще болѣе глубокое значеніе имѣютъ у Фребеля тѣ мышечныя игры, которыми онъ упражняетъ дѣтей, когда они начинаютъ уже сидѣть. У него для этого не только особенныя игры для рукъ и ногъ, но и отдѣльныя упражненія на всѣ чувства. Но такъ какъ тутъ ребенокъ уже положительно вслушивается въ вашъ говоръ и начинаетъ нѣсколько понимать его, то матери не должны брать фребелевскихъ пѣсенъ, такъ какъ въ нихъ такія нѣмецкія тонкости и философскія воззрѣнія, которыхъ ребенокъ не пойметъ и въ 12—13 лѣтъ. Кромѣ того приторная сентиментальность, какою всѣ онѣ приправлены, совсѣмъ противорѣчитъ всему складу русскаго характера и русской жизни. Назовемъ здѣсь нѣкоторыя изъ фребелевскихъ игръ этого рода:

Флюгеръ: дѣлаютъ то одной, то другой рукой движенія, напоминающія флюгеръ. У нѣмцевъ эта игра дѣйствительно имѣетъ значеніе: чуть не на каждомъ домѣ у нихъ флюгеръ, такъ что ребенокъ, котораго еще никуда не выносятъ, уже видитъ флюгеръ изъ окошка. У насъ въ этомъ случаѣ надобно прибрать что-нибудь другое.

Тикъ-такъ. Двигаютъ то одной, то другой рукой, какъ маятникъ.

Игра на пальцахъ, какъ на фортепіано.

Голубки: манятъ голубковъ и разныхъ птицъ.

Игра на всѣ пальцы. Тутъ пальцы представляютъ все семейство: ихъ перебираютъ, пересчитываютъ и т. п.

Игра въ свѣтъ, знакомство съ тѣнями, въ птичье гнѣздо и много, много другихъ. Мы остановимся на нѣкоторыхъ и покажемъ, какъ по русски можно было бы ихъ оживить.

Для упражненія ручныхъ мышцъ у насъ есть извѣстная народная игра „въ ладошки“. Мать хлопаетъ ручками ребенка и поетъ:

Ладошки, ладошки!
Гдѣ были?—у бабушки.
Что ѣли?—кашку.
Что пили?—бражку.
Кашку поѣли,
Бражку попили,
Сами улетѣли
И на головку сѣли:

При этомъ мать поднимаетъ обѣ ручки малютки кверху и кладетъ ихъ ему на голову.

Далѣе у Фребеля есть такая игра. Мать проводитъ пальцемъ на ручкѣ дитяти линію и поетъ: „Положу вдоль палочку, потомъ другую накрестъ, просверлю дырочку и воткну иголочку“. Этимъ она изображаетъ работника.

Такую игру у насъ можно замѣнить нашею народною игрою въ „Кашку“: она гораздо проще и ближе къ понятіямъ ребенка, такъ какъ она представляетъ приготовленіе знакомаго ему кушанья и даетъ случай къ упражненію пальцевъ.

Сорока, сорока,
Кашку варила,
На порогъ скакала,
Гостей созывала;
Гости на дворъ,—
Каша на столъ.
И этому дала,
И этому дала и пр.
Ты малъ малешенекъ,
За водицей не ходилъ,
Дровъ не носилъ,
Кашки не варилъ:
Вотъ тебѣ малешеньку
И нѣтъ ничего!
А вы сороки-вороны
Летите, летите—
Шу! полетѣли,
На головку сѣли!

При этомъ берутъ у дитяти ручку, водятъ по ладони пальцемъ—сорока кашу варитъ; сварила, подаетъ дѣтямъ—каждому особенно, перебираютъ всѣ пальцы, подымаютъ вверхъ руки.

Птичье гнѣздо. Тутъ складываютъ ручку дитяти въ кулачекъ; большой палецъ, скрытый въ кулачкѣ, означаетъ яичко; ребенка учатъ вдругъ вынимать палецъ изъ кулачка и показывать рукою, какъ летитъ птичка, значитъ, изъ яичка вышелъ птенчикъ и вылетѣлъ изъ гнѣзда. Въ пѣсни, которая сопровождаетъ эту игру у Фребеля, воспѣвается премудрость Божія, которая учитъ и такое маленькое твореніе, какъ птичка, строить себѣ домикъ; говорится о томъ, что все въ жизни природы и людей движется по мудрымъ законамъ. Игра эта можетъ очень понравиться дѣтямъ, а такъ какъ мы не нашли въ народныхъ играхъ ей соотвѣтственной пѣсни, то прибрали къ ней свою пѣсенку въ народномъ духѣ:

Чирикъ чирикъ—птичка
Гнѣздышко вьетъ,
Чирикъ чикъ—яичко
Въ гнѣздышко кладетъ.

Глядь-поглядь: ужъ птенчикъ
Въ гнѣздышкѣ сидѣлъ,
Пью, пью,—пищитъ онъ,—
Порхъ, улетѣлъ!

Игра въ свѣтъ. Когда солнце ярко играетъ въ комнатѣ, наводятъ зеркало, заставляя свѣтъ играть на потолкѣ, на полу, на стѣнахъ.

У Фребеля и здѣсь глубокомысленное измышленіе. Въ пѣснѣ поется, что дитя хочетъ схватить птичку, а мать говоритъ ему на это: „Эта птичка—только ясный свѣтъ, ты не можешь схватить его руками, схватишь только глазами и обрадуешь этимъ твое сердце; такъ и въ жизни бываетъ при многихъ образахъ, которыхъ невозможно удержать въ рукахъ, но легко ихъ словить нѣжнымъ чувствомъ, а это весьма полезно для души".

Между тѣмъ игра эта чрезвычайно забавляетъ дѣтей всѣхъ возрастовъ, но, вмѣсто подобнаго изложенія непонятной для ребенка философіи, по русски можно напр. придумать такой припѣвъ:

Скокъ да скокъ
Бѣлый голубокъ.
Вонъ на стѣнкѣ пляшетъ
Крылышками машетъ.
Гуль, гуль—постой,

Гуленька ты мой!
Нѣтъ! порхаетъ, вьется,
Въ руки не дается.
Скокъ да скокъ
Съ полу въ потолокъ.

Для разныхъ игръ съ пальцами и руками мы можемъ воспользоваться многими народными припѣвами, напр., „Я коза рогатая, я коза богатая".

Или кладутъ руку на руку и говорятъ:

„Гуси летѣли, лебеди летѣли"... При этомъ ребенокъ долженъ подымать головку и ручки вверхъ и разводить ими.

Игра въ тѣни. Рукою дѣлаютъ зайчика, чтобы вышла тѣнь его на стѣнѣ. Для этого прибрана нами такая пѣсенка:

Сѣрый зайка ушками прядетъ,
Сѣрый зайка листики жуетъ.

Вотъ гляди-ка ушки навострилъ,
Вотъ прыгнулъ,—и слѣдъ его простылъ!

Между народными припѣвами и прибаутками, кромѣ указанныхъ нами, есть много и другихъ, къ которымъ самъ народъ прибралъ разныя укрѣпляющія движенія. Вспомнимъ лучшія изъ нихъ: когда проснувшееся дитя потягивается, его легонько гладятъ по животу и всѣмъ членамъ (это очень нравится малюткамъ и въ то же время весьма полезно: возбуждаетъ дѣятельность крови, а слѣдовательно помогаетъ пищеваренію), приговаривая:

Потягунушки,
Порастунушки,
А въ ножки ходунушки,

А въ ротокъ говорокъ,
А въ головку разумокъ!

Выкупавши дитя, обдаютъ его водою, приговаривая:

Вода текучая,
Дитя растучее,
Съ гуся вода,
Съ тебя худоба.
Вода книзу,
А дитя кверху.

Когда дитя начинаетъ уже становиться на ножки, мать поддерживая его, припѣваетъ:

Дыбокъ, дыбокъ,
Завтра годокъ!
Дыбокъ, дыбокъ,
Цѣлый годокъ!

Всѣ эти мышечныя игры, сопровождаемыя пѣсенками, веселыми прибаутками и забавами съ малюткою, не только укрѣпляютъ его мускулы, но доставляютъ ему необыкновенную радость, оживляютъ его организмъ, кладутъ основу бодрому расположенію духа. Ребенокъ, котораго занимаютъ такимъ образомъ, еще не умѣя произнести ни слова, уже со смѣхомъ и блестящими отъ удовольствія глазками, хватаетъ и свои, и ваши руки, перебираетъ пальцы, хлопаетъ въ ладоши, показываетъ на стѣну ручкой, чтобы вы ему навели зеркало. Такія дѣти бываютъ всегда игривы и веселы, а слѣдовательно здоровѣе и счастливѣе тѣхъ, матери которыхъ хотя и выполняютъ всѣ свои обязанности, но угрюмо молчатъ и уже съ ранняго дѣтства подготовляютъ меланхолическихъ субъектовъ.

Когда ребенокъ начинаетъ ходить и порядочно болтать, не надо пренебрегать и обыкновенными игрушками, только нужно имѣть педагогическій тактъ и чутье, понимать, что съ пользою можетъ занять его, и умѣть ими пользоваться. Мнѣ приходилось имѣть дѣло съ разными дѣтьми, и для очень многихъ изъ нихъ доставляютъ величайшее удовольствіе игрушки, напоминающія тѣхъ животныхъ, которыхъ они видѣли въ комнатѣ или на дворѣ; имъ пріятно и поиграть съ простой куколкой, одѣть, раздѣть, уложить ее въ постельку и проч. Укажите имъ тутъ нѣсколько игръ, они тотчасъ переймутъ ихъ, сперва станутъ измѣнять ихъ на разные лады, потомъ придумывать и свои игры. Но игрушки эти должны быть совсѣмъ простыя, съ которыми ребенокъ могъ бы дѣлать, что ему вздумается. Тутъ для 2-хъ или 3-хъ-лѣтняго ребенка найдется много поучительнаго. Возьмемъ въ примѣръ хотя игру съ куклой. Ребенокъ раздѣлъ ее, уложилъ спать, а вы, какъ и надъ нимъ, запоете надъ его лежащей на подушкѣ куколкой, русскую пѣсенку:

Баю, баюшки, баю,
Баю милую дитю,
Ты спи почивай
Глазъ своихъ не раскрывай.
Сонъ да дрема
Вдоль по улицѣ прошла,
Къ моей куколкѣ зашла,
Подъ головку спать легла.
Баюшки баю,
Баю дѣточку мою,
Прилетѣли гулюшки,
Садились на малютку;
Они стали гурковать,
Мою куколку качать,
Прибаюкивать:
Спи, куколка, засни,
Угомонъ тебя возьми!
Лучше выспишься,
Не куражишься,
Пойдешь въ садъ—разгуляешься
Да и съ нянюшками,
Да и съ мамушками.

Или:

Гулюшки, гули,
Сѣли на ворота.
Воротушки скрыпъ, скрыпъ.
Моя куколка бай спитъ,
Баю, баиньки, баю,
Баю милую дитю.

Серьезнѣе, чѣмъ когда вы пѣли надъ нимъ, онъ начинаетъ вслушиваться въ слова и въ голосъ, подражать пѣснѣ. Ему такъ нравится пѣть надъ куколкой, укладывая ее, что онъ станетъ васъ просить, спѣть ему ту же пѣсенку, когда самъ будетъ ложиться спать. Это не капризъ, ему просто хочется тверже заучить пѣсню, но заставлять ее заучивать, повторяя за вами слова, не слѣдуетъ: если ребенокъ не вымуштрованъ, то никогда не станетъ этого дѣлать, какъ не любитъ дѣлать что нибудь искусственное. Ему нужно

поставить себя въ то положеніе, при которомъ въ дѣйствительности поется пѣсня, тогда онъ не устанетъ учить ее.

Мысль Фребеля напѣвать дѣтямъ пѣсни съ колыбели и заставлять ихъ самихъ пѣть—въ высшей степени прекрасная и разумная. Отъ этого не только развивается слухъ, но пѣніе много способствуетъ и развитію языка. Мы уже не говоримъ о томъ, что для дѣтей великое удовольствіе сопровождать какое нибудь дѣло пѣснею. Ребенокъ чутко прислушивается ко всѣмъ мотивамъ, которые напѣваютъ большіе, и тотчасъ ихъ подхватываетъ. При этомъ, конечно, слѣдуетъ быть разборчивымъ, напр. не пѣть передъ ребенкомъ сентиментальныхъ романсовъ, которые могутъ совершенно испортить его вкусъ и слухъ, и которые въ то же время дурно дѣйствуютъ на нервную систему ребенка. Дѣтскія пѣсни, особенно съ перваго возраста, не слѣдуетъ заимствовать у Фребеля, а по возможности выбирать свои народныя, или написанныя въ народномъ духѣ правильнымъ русскимъ языкомъ на какой-нибудь обыденный предметъ или на извѣстное явленіе изъ дѣтской жизни. Однако и это дѣтское пѣніе можно довести до крайности. Мнѣ приходилось встрѣчать воспитателей, которые все поютъ и ко всякому слову стараются прибрать риѳму. Тогда и этимъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ можно притупить ребенка. Изъ народныхъ припѣвовъ и пѣсенъ слѣдуетъ выбирать для дѣтей этого возраста только такія, которыя совершенно соотвѣтствуютъ обстановкѣ ребенка. Говорить 2-хъ, 3-хъ лѣтнему ребенку о сохѣ, мельницѣ, о цѣпахъ, если онъ ихъ никогда не видѣлъ и не можетъ понять еще ихъ *назначенія*, значитъ дѣлать его фразеромъ. Въ этомъ возрастѣ строже, чѣмъ когда либо, слѣдуетъ придерживаться правила: не давать ни одного знанія о предметѣ, котораго нѣтъ передъ глазами. Не слѣдуетъ допускать и такихъ народныхъ припѣвовъ, въ которыхъ одна только пустая игра словъ, напр.

Гуси-лебеди летѣли,
Въ полѣ банюшку доспѣли,
Коростель полки мостилъ,
Тараканъ дрова рубилъ,
Комаръ по воду ходилъ,
Въ грязи ноги увязилъ,
Онъ не вытащилъ,
Глаза вытаращилъ,
Блоха поднимала,
Животъ надорвала.
Муха банюшку топила... и т. п.

Нужно замѣтить, что дѣтямъ стоитъ только проговорить или пропѣть что нибудь подобное, они тотчасъ все перенимаютъ, имъ чрезвычайно нравятся такія смѣшныя представленія о животныхъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что имъ хорошо давать подобныя пѣсни. Ребенокъ начинаетъ подражать этому набору словъ, соединять ихъ съ представленіями, не свойственными предмету, называемому въ пѣснѣ, и пріучается болтать слова, придавая имъ самый нелѣпый смыслъ. Мы не должны казнить, конечно, ребенка за всякое сказанное имъ безсодержательное слово, но не должны и поощрять его говорить безтолочь.

Но вотъ нашему ребенку уже наскучило смирно сидѣть передъ куколкой, убаюкивать ее, да напѣвать ей пѣсни... Легко прибрать и много другихъ подобныхъ игръ. Въ жизни не одно вѣдь укладываньe въ постель, да спанье; притомъ въ два, три года ребенокъ самъ замѣтилъ многое и у себя въ комнатѣ, и на дворѣ; навѣрно бывалъ и въ деревнѣ, или хотя на дачѣ. Пользуйтесь этимъ и въ веселой, живой бесѣдѣ съ пѣснями и прибаутками, въ стихахъ и прозѣ болтайте съ нимъ только о томъ, что онъ видитъ передъ собой въ данную минуту, но никакъ не больше, и изъ его обыденной обстановки, изъ его несложной жизни старайтесь выбирать ему игрушки, которыя для дѣтей этого возраста имѣютъ свое воспитательное значеніе. Эти бумажныя и деревянныя собачки, кошечки, пѣтушки должны напоминать

ребенку знакомыхъ ему живыхъ звѣрей и птицъ изъ того маленькаго міра, надъ которымъ онъ уже успѣлъ сдѣлать нѣсколько наблюденій (ясно, что не слѣдуетъ давать ему такихъ животныхъ и предметовъ, которыхъ онъ еще не видалъ или значенія которыхъ онъ не можетъ понять); ему нравятся подобныя игрушки и потому, что онъ можетъ играть съ ними такъ, какъ не всегда удобно съ живыми предметами.

Итакъ, буду продолжать мой разсказъ о его занятіяхъ. Онъ *уложилъ* куколку; черезъ минуту онъ ее выхватилъ изъ кровати. Ну, будемъ поить ее теперь молокомъ. Ребенокъ при этомъ вспоминаетъ все до малѣйшихъ подробностей и бѣжитъ подогрѣвать молоко, какъ это дѣлаютъ для него, самъ пьетъ и потомъ подноситъ куклѣ.—„Куколка попила, а все столько же молока осталось“, говорите вы между прочимъ, „а дай Машѣ или Колѣ, даже коту Васькѣ, пожалуй, и этого бы не хватило!“—„И Мимишка бы все поѣлъ!“ — подхватываетъ ребенокъ послѣ легкаго раздумья, указывая на собаку. „Да, куколка умница“, продолжаетъ онъ, „она свою Машу любитъ (пусть это играетъ съ куколкой дѣвочка Маша), все ей оставляетъ“.—Игра для ребенка не теряетъ своей прелести, хотя онъ скоро начинаетъ ясно понимать разницу между одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметомъ. Разница эта покамѣстъ только въ томъ, что человѣкъ ѣстъ, а куколка не можетъ ѣсть, но на первый разъ совершенно достаточно дать усвоить и это несложное понятіе.

— Ну, Машуточка, говорите вы дѣвочкѣ;—бери куклу за одну ручку, а я за другую, пойдемъ бѣгать. Пройдемся съ ней тихонько, теперь скорѣй, еще и еще скорѣй! О, да мы и рысью бѣжимъ, какъ лошадки: гопъ, гопъ, гопъ... Ну, а теперь въ галопъ... Опять тихо, опять скоро; бѣги-ка, одна, а мы съ куклой будемъ тебя догонять... а, догнали! ты теперь куклу догони... устали!.. теперь отдохнемъ... Какая ты красная, лобъ въ поту, а куколкѣ ни почемъ!

— Нѣтъ, и у куколки тоже потъ, она красная. Ребенокъ очень хорошо понимаетъ, что съ куклой не произошло никакой перемѣны, даже дѣлаетъ вамъ лукавые глазенки, чтобъ вы ему не противорѣчили, вытираетъ лицо куклы тоже платкомъ.

— Посмотри, говорите вы,—а вотъ пѣтушокъ-то на насъ смотритъ!—Вы ставите игрушку на столъ.

Пѣтушокъ, пѣтушокъ!
Золотой гребешокъ,
Масляна головушка,
Шелкова бородушка!
Что ты рано встаешь,
Что ты громко поешь,
Машѣ спать не даешь?

Ребенокъ повторяетъ за вами, и самъ распѣваетъ пѣсенку на разные лады. Тутъ онъ больше оживляется, его собственная фантазія все больше разыгрывается.

— Мы еще,—говоритъ онъ вамъ,—не все съ куколкой переиграли.—Ну, придумай сама.—Пойдемъ къ ней въ гости и пѣтушка возьмемъ...—Пѣтушокъ въ гости не ходитъ, вотъ развѣ къ пѣтушкамъ, да къ курамъ, а мы куколку пригласимъ къ себѣ и вмѣстѣ съ нею будемъ пѣтушка кормить. — Ахъ! какъ хорошо, хорошо! Пойдемъ ее звать.

Ты куколка, я куколка,
Ты маленька, я маленька,
Приди ко мнѣ въ гости!
Я бъ радешенька пришла,
Да твоя собачка зла...
Загрызетъ, того и жди.
Ты не бойся, приходи,
Какъ залаетъ гамъ, гамъ, гамъ,
Я собачкѣ хлѣбца дамъ...

Эта пѣсня тоже народная, только тутъ она совершенно измѣнена. Въ народной пѣснѣ сказано:

Да боюся тивуна.
Ты не бойся тивуна.
Тивунъ тебѣ не судья,
Судья намъ Владыко...

Для 3-хъ-лѣтняго ребенка подобныя слова совершенно непонятны.

— Вотъ, куколка и пришла... Теперь пойдемъ во дворъ. Цыпъ, цыпъ, цыпъ... ну, Петя, пѣтушокъ, иди къ намъ... Позовемъ и коровушку! Коровушка, буренушка, иди и ты къ намъ. Ребенокъ вдругъ бѣжитъ въ комнаты и черезъ минуту выноситъ оттуда чашку съ молокомъ.—Вотъ, мы ихъ всѣхъ и накормимъ!

— Ахъ, Машутка, Машутка! Вѣдь пѣтушокъ-то зернышки клюетъ, червячковъ въ землѣ откапываетъ. Вотъ развѣ хлѣбца ему можно покрошить...

— Хорошо, будемъ крошить, и коровка хлѣба поклюетъ...

— И, нѣтъ, нѣтъ! смотри: коровушка-то ходитъ, да травку рветъ; вонъ какъ она ее долго жуетъ. Уши у ней въ сторону смотрятъ, а рожищи-то какіе большіе! Не нужно дразнить коровушку, она этими рожищами такъ толкнетъ... Ишь, какъ она хвостомъ отмахивается, мухъ отгоняетъ! Му, замычала, заревѣла, — вѣдь это она хозяйку зоветъ, пить проситъ, доить себя велитъ. Вонъ, хозяюшка въ корытѣ и пойло несетъ.

— Кошечка лучше коровы,—чистенькая...—говоритъ дѣвочка, всматриваясь въ корову,—у нея хвостъ грязный и на бокахъ комки грязи...

— Не красива, правда, да за то она молоко намъ даетъ, а ты вѣдь то и дѣло попиваешь молоко.

— Такъ я ее за это любить буду... мнѣ хочется ее покормить... чѣмъ бы мнѣ ее покормить?

— А вотъ мы пообѣдаемъ, посуду вымоютъ, и принесемъ ей помои...

— Нѣтъ, я хочу теперь непремѣнно, сейчасъ...

— Ну, принеси большой ломоть хлѣба и посоли его солью. Видишь, какъ корова славно его изъ рукъ взяла; будешь часто ее кормить, она такъ привыкнетъ къ тебѣ, станетъ каждый разъ къ крыльцу подходить, мычать, хлѣба просить.

Ребенокъ бьетъ въ ладоши, такъ этому радъ.—У меня остался маленькій кусочекъ, я отдамъ его коровѣ.

— Будетъ ей, скормимъ этотъ хлѣбъ на куръ. Смотри, ишь какъ онѣ по двору расхаживаютъ, каждая съ своими дѣтками, маленькими цыплятами. Вонъ какъ курица ножками землю разгребаетъ, закудахтала,—это она червячка нашла и цыплятъ скликаетъ. Цыпъ, цыпъ.. подбирайте крошечки... вонъ какъ славно поклевываютъ.. кышь! Прочь отсюда пѣтухъ! Ты большой, самъ можешь найти, пусть цыплятки досыта поѣдятъ. А! галка! это она подсмотрѣла, что тутъ есть чѣмъ поживиться!... нѣтъ! Кышь! Кышь! пусть одни цыплятки!... И уточки идутъ съ утятками, поѣсть захотѣли, съ озера возвращаются, съ ноги на ногу переваливаются... Ну, и тутъ лужу нашли, плаваютъ, широкіе носики въ воду опускаютъ.

— А въ другой лужѣ свинья плаваетъ, — замѣчаетъ уже само дитя, когда мало-по-малу вы на все обращаете его вниманіе.—Она поваляться въ лужѣ очень любитъ; вонъ встала, ухъ, батюшки, какая грязная! Объ углы чешется!—Ребенокъ звонко хохочетъ.

Поводъ къ подобнымъ играмъ и бесѣдамъ могутъ подать и другіе предметы, животныя, маленькіе братья и сестры. И для всего этого, хотя не безъ труда, можно найти хорошіе припѣвы, прибаутки, присказки въ народныхъ пѣсняхъ и играхъ.

Вотъ еще примѣръ пѣсенки или присказки на тотъ случай, когда ребенокъ будетъ играть со своею собачкой:

Собачка, собачка,
Гдѣ ты была?
Коней стерегла.
А гдѣ кони?
Они въ лѣсъ ушли.
А гдѣ тотъ лѣсъ?
Огнемъ сгорѣлъ.
А гдѣ огонь?
Водой залили.
А гдѣ вода?
Быки выпили.
А гдѣ быки?
Въ гору ушли.
А гдѣ гора?
Черви выточили.
А гдѣ черви?
Гуси выклевали.
А гуси гдѣ?
Въ тростникъ ушли.
А гдѣ тростникъ?
Люди выломали.

Тутъ мы перемѣняемъ въ народной пѣснѣ только нѣкоторыя слова и вмѣсто козы обращаемся къ собакѣ, такъ какъ ребенку чаще приходится видѣть, что лошадей стережетъ собака, а не коза.

Изъ народныхъ игръ съ маленькимъ ребенкомъ можно выбирать подобныя: ребенка легонько постукиваютъ по спинѣ и спрашиваютъ:

Горбъ, горбокъ!
Что въ горбу?
Денежки.
Кто наклалъ?
Дѣдушка.
Чѣмъ наклалъ?
Ковшикомъ.
Какимъ?
Золотенькимъ.

Чѣмъ чаще вы будете наталкивать ребенка на наблюденія, тѣмъ болѣе съ каждымъ днемъ будетъ онъ самъ спрашивать васъ о различныхъ предметахъ, которые вы, съ своей стороны, должны будете освѣтить какъ должно, искусно закрывая передъ нимъ то, что понять ему не подъ силу. Было бы огромной ошибкой со стороны воспитателя указывать 2-хъ, 3-хъ-лѣтнему ребенку на болѣе тонкія особенности, разсказывать ему хотя что-нибудь изъ жизни животныхъ и птицъ, чего нѣтъ у него передъ глазами въ данную минуту. Курица бѣгаетъ передъ ребенкомъ и разрываетъ кучи, отыскивая въ нихъ себѣ пищу, а вы пропускаете это и сообщаете ему о томъ, что она несетъ яйца, изъ которыхъ высиживаетъ цыплятъ; въ такомъ случаѣ вы даете ему знаніе факта, котораго онъ еще не могъ провѣрить своими глазами. Что изъ того, что онъ увидитъ это потомъ, хотя завтра же? До тѣхъ поръ, пока не увидитъ, вы не съумѣли воспользоваться характерной чертой въ предметѣ, который передъ нимъ въ настоящую минуту; онъ будетъ повторять ваши фразы, не оставляющія въ его головкѣ никакого живаго образа. Легко такимъ образомъ дать много неопредѣленныхъ представленій, а, привыкнувъ вѣрить вамъ на слово, ребенокъ скоро станетъ этимъ удовлетворяться, вѣчно будетъ приставать, чтобы вы ему что-нибудь разсказали, и ему останется чуждою та жизнь природы, при наблюденіи которой мало-по-малу развивались бы въ немъ умъ, находчивость, сочувствіе къ окружающему его міру. Вамъ слѣдуетъ, напротивъ, сначала все показать ему въ той живой, занимательной картинѣ, какую представляетъ дѣйствительность, чтобы потомъ онъ на самомъ дѣлѣ пріобрѣлъ основательныя знанія.

Страшный сумбуръ также можно произвести въ головѣ ребенка употребленіемъ словъ, мало-мальски чуждыхъ дѣтскому говору и пониманію, напр.: у коровы и барана рога полые; одни животныя отрыгаютъ жвачку, а другія просто ее пережевываютъ. Все это онъ пойметъ черезъ нѣсколько лѣтъ совершенно ясно,—теперь же это только можетъ сбить его съ толку.

Мы оставили нашу дѣвочку, когда она уже довольно утомлена тѣми незамысловатыми, но для такого ребенка совершенно серьезными наблюденіями, на которыя мы ее навели.

— Ну-ка, Маша, отдохнемъ теперь. — Сядемъ на крылечко и пѣсню споемъ,—проситъ васъ ребенокъ. Вы начинаете, она вамъ подтягиваетъ.

Куплю моей Машенькѣ
Всякой скотинушки;
Будутъ у Машеньки
Телушка, свинушка,
Да барашекъ маленькій
Съ козинькой удаленькой.
На дворѣ индюшка,
Кура-погребушка.
Гусынька гуляетъ,
Уточка ныряетъ,
Ей охота въ прудъ...
Машу увидали,
Всѣ къ ней побѣжали,
Голосятъ, зовутъ:
Телушка му-му, му-му,
Козынька ме-ке, ке-ке,
Барашекъ бя-бя, бя-бя,
Свинушка рю-хи, рю-хи,
Индюшка шулды-булды,
Гусынька га-га, га-га,
Уточка уть-уть-уть,
Курочка по сѣнюшкамъ
Тю-у-укъ, тю-рю-рюкъ...

Это взято изъ очень длинной народной пѣсни; мы тутъ выбрали только послѣднюю строфу, гдѣ находимъ подражаніе звукамъ всѣхъ животныхъ. Звуки эти напоминаютъ ребенку животныхъ, которыя у него теперь передъ глазами. Въ началѣ же этой пѣсни: „Станемъ мы, мужинушка, домокъ наживать“, выставлены сложныя для ребенка отношенія, и мы ихъ выпустили, замѣнивъ болѣе подходящимъ содержаніемъ. Дѣти, какъ извѣстно, очень любятъ подражать звукамъ всѣхъ животныхъ; они съ восторгомъ повторяютъ подобную пѣсенку.

„Еще споемъ... еще про коровку или про кого-нибудь“, не отстаетъ отъ васъ ребенокъ.

Ужъ, какъ я-ль мою коровушку люблю!
Сытна пойла я коровушкѣ налью;
Чтобъ сыта была коровушка моя,
Чтобы сливочекъ буренушка дала.
Тру-ту-ту-ту затрубилъ нашъ пастушокъ,
Собирались всѣ коровки на лужокъ.
Стала тутъ моя коровушка мычать,
Ужъ и ласкъ моихъ не хочетъ больше знать!
Просятъ жалобно на волюшку пустить:
Ей милѣе во чистомъ полѣ бродить,
Ѣсть на солнышкѣ медвяную траву,
Чѣмъ стоять-то въ душномъ, въ темномъ во хлѣву.

— Да,—скажутъ мнѣ наши петербургскіе дачники,—все это разсказывать и распѣвать можно только въ деревнѣ, а не гдѣ-нибудь въ Лѣсномъ, да на Черной рѣчкѣ, гдѣ ребенокъ лишь изрѣдка увидитъ корову да курицу. Правда, наша петербургская обстановка очень искусственна, и для пользы дѣтей хорошо бы пожить гдѣ нибудь подальше, но дѣлать нечего. Если этому нельзя помочь, то будемъ находчивы при всякихъ житейскихъ условіяхъ. И въ Лѣсномъ, и на Черной рѣчкѣ живутъ кой-какія птички, копошатся мошки, червяки, порхаютъ бабочки и мотыльки, иногда кой-гдѣ выглянетъ и зелень, и кривая березка. Слѣдовательно и тутъ найдется свой міръ для наблюденій.

— Гляди, Машутка, какую большущую бочку везетъ водовозъ. Булды, булды... это вода у него. Вонъ остановился у одного крыльца, подставилъ желѣзное ведро, воду наливаетъ...

— Къ чему-же онъ не взялъ бочку въ руки, да сразу не налилъ; ему бы такъ скорѣе было.—Ты-же посмотри, какая бочка большая,—съ водой ее нельзя поднять одному человѣку. Вонъ, онъ и ведры-то носитъ, такъ и то ему такъ трудно нести, что онъ перегибается на другую сторону.

— Смотри, что это подъ нашею крышею?—спрашиваетъ ребенокъ.—Чу! стой тихонько, смотри не шевелясь, узнаешь. Все одна и та же птичка прилетитъ, пощебечетъ, повертится на одномъ мѣстѣ и опять улетитъ. Что это? птичка гнѣздо вьетъ, вонъ тоненькій прутикъ въ ножкахъ потащила, теперь двѣ маленькихъ соломенки... улетѣла! А теперь опять сѣла въ ту ямку подъ окномъ твоей спальни, что ты вчера сама вырыла; вылетѣла и оттуда что-

то во рту понесла.—„Да что-же это у нея въ носикѣ было?“ говоритъ Маша, „я разглядѣть не могла“.

— Пойдемъ къ ямѣ, посмотримъ. А вотъ что! перья и пухъ. Это Варя курицу щипала, такъ все выбросила сюда, а птичкѣ это и пригодилось... Какъ близко она теперь около насъ! Вонъ сѣла на дерево, прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, щебечетъ! Пухъ-то ей видно очень понравился, она опять сюда летитъ, да насъ боится. Прочь тихонько отсюда.

— Побѣжимъ немного дальше отъ дачи, туда; тамъ за этимъ *лѣсомъ* незастроенное, свободное мѣсто.

Я пройдусь по лѣсамъ;
Много птичекъ есть тамъ,
Всѣ порхаютъ поютъ,
Гнѣзда теплыя вьютъ.

Я пройдусь по лугамъ,
Мотылечки есть тамъ;
Какъ красивы они
Въ эти свѣтлые дни!

— Еще подальше пойдемъ, теперь крикни: ау, ау... Эхо повторяетъ крикъ ребенка.—Что-же это, мама, кто кричитъ?—Ты сама. Вотъ, попробуй, крикни что нибудь.—Мама! Мама! опять кричитъ дѣвочка.—Вотъ всегда такъ, что ты только скажешь, въ лѣсу раздается, какъ будто кто-нибудь откликается на твои слова.

Лѣтомъ все еще есть кой что для наблюденій, а наступятъ дожди, слякоть, нужно буквально запереть ребенка въ комнатѣ; выпускать на воздухъ, когда онъ еще не окрѣпъ, въ это время положительно невозможно. Что-же? заприте. Но вѣдь комната не пустая, и въ ней есть свое движеніе, своя жизнь. А гдѣ есть жизнь, тамъ есть дѣятельность для рукъ и головы и свои пѣсни.

Холодно, мрачно, солнца не видно за тучами, и вы поете съ ребенкомъ:

Солнышко, ведрышко,
Выглянь въ окошечко,
Посвѣти немножко;
Плачутъ твои дѣтки,
Плачутъ малы крошки,
Словно птички въ клѣткѣ.

Солнце заиграло,
Дѣтушкамъ сказало:
Эй! гуляйте въ полѣ;
Въ полѣ вы гуляйте,
Бѣгайте, играйте,
Прыгайте на волѣ *).

Дома осенью и зимою можно занимать ребенка бесѣдами о нѣкоторыхъ предметахъ, встрѣчающихся въ хозяйствѣ: о посудѣ, объ одеждѣ, о кушаньяхъ, о мебели. Кромѣ того и въ комнатѣ полезно-бы держать для ребенка двухъ, трехъ животныхъ, какъ кошку, собаку, морскихъ свинокъ, попеременно то ту, то другую рыбу, ежа, черепаху. При этомъ вамъ представится случай подмѣтить въ ребенкѣ нѣкоторыя дикія, эгоистическія черты его характера. Ребенокъ начинаетъ теребить, мучить кошку, показывать ей мясо и потомъ прятать.—И не жалко тебѣ бить кошку?—говорите вы ему. Вонъ она все и забыла, ласкается, выгибается, хвостикомъ виляетъ, глазки закрываетъ, пѣсенку поетъ. И шубка какая на ней славная, мягкая, теплая; не прозябнетъ зимой, хоть и на дворъ выбѣжитъ. Лапки тоже мягкія; только смотри, Машута, когти у ней преострые. Такимъ образомъ вы незамѣтно полезною бесѣдой, можете отвлечь ребенка отъ вредной шалости.

А если ребенку уже можно зимою выходить на улицу, какое множество новыхъ предметовъ ему представится! И снѣгъ, который запорошилъ деревья, и крыши домовъ, и мальчики катаются на конькахъ по льду, извощики отъ холода бьютъ рукавицей объ рукавицу. Нѣтъ такого уголка въ мірѣ, гдѣ-бы ничего не было! Кругомъ жизнь, и для жизни-же пользуйтесь ею.

---

*) Эти и многія другія пѣсни съ народными мелодіями см. въ книгѣ подъ названіемъ «Одноголосныя пѣсни и подвижныя игры» *Е. Водовозовой*, продающейся во всѣхъ нотныхъ и книжныхъ магазинахъ.

— Удивительная жизнь!—говорилъ мнѣ одинъ отецъ: вотъ я жилъ съ сыномъ въ такой трущобѣ, гдѣ только видѣлъ: клоповъ, пруссаковъ и мышей. Вмѣсто пѣнія птицы, наслаждался кваканьемъ лягушекъ, вмѣсто растительности, ничего не видѣлъ, кромѣ песку и кой-гдѣ убогой ели.—А развѣ это не такой-же богатый воспитательный матеріалъ? Развѣ это не заслуживаетъ такого-же наблюденія и вниманія, какъ и все въ природѣ?

При развитіи ребенка въ первомъ возрастѣ мы больше всего останавливаемъ его вниманіе на животныхъ, такъ какъ въ это время его особенно занимаетъ все живое и движущееся. Разсказы о тѣхъ же предметахъ займутъ мѣсто и при упражненіяхъ въ послѣдующемъ возрастѣ, только тогда кругозоръ ребенка будетъ шире, наблюденія болѣе точны. Въ 5 и 6 лѣтъ онъ разсмотритъ мохнатыя ножки мухи, пойметъ, отчего она держится на стеклѣ, откуда паукъ беретъ свою паутину. Тогда вы кое что можете сообщить о жизни и нравахъ этихъ животныхъ. Ребенка же до 3 лѣтъ, какъ мы уже говорили, можно знакомить только съ немногими характерными чертами каждаго явленія. Воспитатель долженъ стараться наводить его на наблюденія окружающаго міра, что сдѣлаетъ его живымъ и чуткимъ; вмѣсто этого Фребель даетъ упражненія съ мячиками, гдѣ ребенокъ только можетъ заучивать на память слова, имѣющія чисто отвлеченное значеніе. При нашихъ разсказахъ ребенокъ незамѣтно знакомится не только съ какими нибудь нарѣчіями, о чемъ такъ заботится Фребель, но усвоитъ богатый запасъ словъ и выраженій, узнаетъ своеобразную народную рѣчь и съ самаго дѣтства научится мыслить по русски.

Когда ребенку исполнится 3 года, тогда и игры въ мячикъ могутъ имѣть значеніе. До того времени его можно давать развѣ изрѣдка, заставляя, напримѣръ, ребенка ловить мячикъ, когда онъ ползаетъ, доставать его ручкой, когда онъ поднимается на ноги. Теперь же мячикъ, кромѣ того, что доставляетъ очень много разнообразныхъ игръ, можетъ служить и къ тому, чтобы привести въ связь уже отчасти усвоенныя ребенкомъ понятія объ относительномъ положеніи предметовъ и о различномъ направленіи движенія. Кромѣ того онъ даетъ случай къ знакомству съ цвѣтами. Дитя сидитъ за небольшимъ четыреугольнымъ столомъ *). Мать бросаетъ мячикъ на снуркѣ за столъ. Куда это онъ пропалъ? Мячикъ упалъ за столъ, онъ позади стола. А вотъ пускай онъ къ намъ придетъ отсюда. Мать двигаетъ снурокъ вправо. Скажи, какой рукой ты теперь его достанешь? Мячикъ сбоку стола, вправо отъ стола. А что еще отъ тебя вправо? Комодъ, стулъ и проч. Мячикъ опять здѣсь. Гдѣ онъ? позади стола? Нѣтъ передъ столомъ и т. д. А теперь пусть онъ сдѣлаетъ прогулку кругомъ стола.—Теперь куда? Влѣво. Вотъ мячикъ пропутешествовалъ кругомъ стола, а гдѣ онъ еще не былъ? Надо, чтобы онъ вездѣ побывалъ. Онъ не былъ еще подъ столомъ. Ну, подъ столомъ темно,—упадетъ, пожалуй трудно будетъ найти. Повѣсимъ его надъ столомъ... Видишь, какой онъ яркій, красный; гдѣ онъ виситъ? Надъ столомъ, сверху стола. Ну, теперь пусть онъ попрыгаетъ по столу.

Мячикъ маленькій
Да удаленькій
Скокъ да скокъ вверхъ да внизъ.

Попляши-ка, порѣзвись,
Попляши-ка, поскачи,
Машу прыгать научи.

Мать беретъ ребенка, который ужъ довольно сидѣлъ, и начинаетъ съ нимъ прыгать и пѣть ту же пѣсенку. Мать бросаетъ мячикъ и ловитъ, бро-

*) Упражнять въ этомъ можно дѣтей, когда они не могутъ быть на дворѣ, т. е. зимою или лѣтомъ въ дурную погоду.

саетъ снова и заставляетъ ловить ребенка. Вотъ, я бросила мячикъ вверхъ, онъ полетѣлъ вверхъ, а потомъ куда? тамъ и остался вверху? Нѣтъ, онъ полетѣлъ внизъ. Ну, будемъ теперь качать мячикъ—вотъ такъ: взадъ, впередъ—будто раскачиваютъ языкъ у колокола. Давай звонить, какъ звонятъ въ церкви.

Тили бомъ, тили бомъ
Взадъ, впередъ

Звонъ идетъ
На весь домъ.

А видала, Маша, какъ летаютъ птицы? Расправимъ и мы *крылья и будемъ* съ тобой летать, какъ птицы. Вѣдь птицы машутъ крыльями, и мы будемъ махать руками. Теперь пусть нашъ мячикъ на снуркѣ летаетъ, кружится, какъ птица.

Пошелъ кружиться
Нашъ мячъ кольцомъ,

Летитъ какъ птица
Кругомъ, кругомъ.

Подобныя упражненія слѣдуетъ вести съ ребенкомъ трехъ, четырехъ лѣтъ не болѣе 2—3 минутъ сряду впродолженіи дня, при томъ живо, весело, безъ всякаго принужденія: соединенныя съ игрою и бѣготнею, прерываемыя живыми пѣсенками, поговорками и присказками, онѣ даютъ ребенку возможность привести въ порядокъ и усвоить общія понятія о мѣстѣ *и движеніи*. А хорошо усвоить эти понятія необходимо: безъ нихъ невозможно дѣлать и правильныхъ наблюденій.

Игры въ мячъ могутъ быть чрезвычайно разнообразны. Въ этомъ возрастѣ уже можно также начинать и упражненія глазъ и рукъ, ловить, бить въ цѣль, напр.: сшибая со стола другіе мячики, или на полу кегли. Что касается того, чтобы по разноцвѣтнымъ мячикамъ знакомить съ цвѣтами, то для этой цѣли можно прибрать очень много разнообразныхъ упражненій. Сначала вы знакомите съ основными цвѣтами: съ *краснымъ*, *желтымъ* и *синимъ*, потомъ съ другими цвѣтами радуги. Послѣ можно дать мячикъ, уже вышитый сразу нѣсколькими цвѣтами. „Гдѣ тутъ *красный* цвѣтъ“. Покажи, на комъ изъ насъ красное платье? А что тутъ въ комнатѣ еще краснаго цвѣта? Если уколоть палецъ, что тогда будетъ? Кровь идетъ. „Какого она цвѣта? А ваши губы какого цвѣта? Покажи на тѣхъ изъ насъ, у кого одѣто что-нибудь красное. Принеси мнѣ красный цвѣтокъ. Не знаетъ ли кто названіе какого нибудь краснаго цвѣтка?“ Махровый красный макъ, красный розанъ. „Не знаетъ ли кто краснаго насѣкомаго?“ Божья коровка. Пойдемъ ее поищемъ. На божьей коровкѣ развѣ такое же ярко-красное платьице, какъ твоя красная кумачовая рубашка?“ Нѣтъ, она темно-красная и по ней все черныя точки. А головка и ножки ея тоже темно-красныя? „Нѣтъ, онѣ совсѣмъ черныя, блестящія—точно мои лакированные сапожки.“—„Какого цвѣта ея крылышки? Смотри, какъ она медленно ползетъ... Ну, порхъ, полетѣла!“

„Что у насъ въ комнатѣ *зеленаго*? Отыщи зеленое на нашихъ платьяхъ, шарфахъ, шляпахъ. Что ты видишь зеленаго на улицѣ, на дворѣ, въ полѣ? Какой цвѣтъ ты чаще встрѣчаешь, когда гуляешь?“

Тѣ же вопросы можно задать и по поводу *голубаго* цвѣта. Отыщи голубой цвѣтъ въ домѣ, на насъ, въ саду, въ полѣ, въ цвѣтахъ. Постепенно наводите ребенка на мысль, что во время хорошей погоды небо бываетъ голубое.

Желтый цвѣтъ. Послѣ того, когда ребенокъ назвалъ все, что на другихъ одѣто желтаго, что онъ видитъ и знаетъ желтаго кругомъ себя въ цвѣтахъ, птицахъ, насѣкомыхъ, можно всегда придумать еще что нибудь, даже какой нибудь маленькій разсказикъ, который могъ бы еще рельефнѣе запечатлѣть въ его умѣ понятіе о желтомъ цвѣтѣ, но разумѣется, все сказанное

должно быть кстати.—„Что мы ѣли сегодня?“ Утромъ съ чаемъ мы ѣли булку съ масломъ, а масло желтаго цвѣта. „Кто изъ васъ знаетъ хорошенькую, желтую птичку?“ Я... я знаю... у меня была канарейка. Это совсѣмъ желтенькая птичка. Какъ она славно пѣла! Начнетъ тикъ... тикъ... такъ и зальется. Особенно, когда заговорятъ, она точно хочетъ всѣхъ перебить и такъ часто зачирикаетъ, такъ звонко, звонко запоетъ. Я все сыпала ей гладенькія, блестящія льняныя сѣмячки, каждый день мѣняла свѣжую воду въ ея крошечной чашечкѣ и всегда клала кусочекъ сахару,—она такъ любила сахаръ!“ А кто мнѣ назоветъ какой нибудь желтый цвѣтокъ? „Лютикъ, курослѣпъ, одувончикъ, желтая лилія“... А я знаю, когда больше всего бываетъ желтыхъ листьевъ... Осенью, когда становится холоднѣе, тогда вѣтеръ по временамъ такой рѣзкій, что пронизываетъ точно насквозь, то и дѣло идетъ дождь, на дворѣ стоитъ слякоть и грязь, тогда листики на деревьяхъ желтѣютъ, падаютъ и покрываютъ землю... Трава тоже вянетъ и желтѣетъ... Ахъ, какъ тогда много желтаго цвѣта! „А какія деревья сохраняютъ и осенью, и зимою зеленый цвѣтъ?“

Объяснивъ такимъ образомъ одинъ цвѣтъ за другимъ, вы заставляете ребенка прибирать сходныя цвѣта и въ другихъ предметахъ. Ребенокъ нарѣзываетъ кусочки разной бумаги и раскладываетъ ее по цвѣтамъ въ отдѣльныя кучки; кучку бумаги извѣстнаго цвѣта онъ кладетъ къ мячику того же цвѣта. Тоже дѣлаетъ ребенокъ съ крупнымъ бисеромъ, моточками шерсти, катушками. Приношу ему съ поля цвѣтовъ и зелени. Вотъ это незабудка: къ какому мячику, къ какой кучкѣ ты ее положишь? А василекъ куда? Розу, махровый макъ? Фіалку, лютикъ куда? Пойдетъ-ли куда нибудь эта травка? листикъ, крапива? Георгинъ? Лилія? Какого цвѣта на мнѣ платье? Какого на тебѣ? Какого цвѣта стѣны, потолокъ? Какой цвѣтъ ты всего чаще встрѣчаешь въ саду? Какого цвѣта крыша, домъ? Теперь побѣжимъ въ садъ, сама отыщи и нарви всѣхъ этихъ цвѣтковъ.

Что же ты никакъ не можешь найти незабудки?.. Забыла, какая она?

«Я видѣла въ полѣ цвѣточекъ весной:
Зеленая ножка, глазокъ голубой...»

А... помню, помню... вотъ этотъ цвѣточекъ... незабудкой называютъ?.. да?

Въ саду, на дворѣ, при случаѣ мы можемъ увидѣть и радугу. Ребенокъ тутъ опять подмѣтитъ всѣ знакомые цвѣта. Пойдемъ домой: я тебѣ склею такую радугу изъ разноцвѣтной бумаги. Спросятъ: если для этихъ упражній нужны цвѣты и радуга, то какъ сдѣлать, чтобы они во всякое время явились къ услугамъ? Но читатели поймутъ, что я только указываю на матеріалъ и пріемы объясненій; одной и той же цѣли можно достигнуть разными средствами. Радугу, напримѣръ, можно произвести и искуственно въ солнечный день съ помощію призмы; наконецъ всякая обстановка даетъ свой особый матеріалъ.

Механическими занятіями дѣтей въ этомъ періодѣ должны быть такія, гдѣ больше всего можно сдѣлать перемѣщенія въ предметахъ и при которыхъ ребенокъ оставался бы на одномъ и томъ же мѣстѣ не болѣе 15-ти минутъ. Такой совѣтъ не вымыселъ личной фантазіи, а вытекаетъ изъ нашего долгаго наблюденія надъ очень многими дѣтьми. Приблизительно съ 2-хъ и до 4-хъ-лѣтняго возраста всѣ дѣти стараются все сдвинуть съ мѣста. Если стулья разставлены у стѣнъ, они непремѣнно сдвинутъ ихъ на средину и наоборотъ. Всѣ свои игрушки они безпрестанно перекладываютъ изъ одного угла въ другой, прячутъ все въ мѣшки, таскаютъ по полу и т. п. Мѣшки и игрушки каждую секунду перевязываютъ, такъ какъ при ихъ неумѣніи

дѣлать узлы, хорошо затянуть концы веревки или тесемки, все безпрестанно развязывается и падаетъ. Ребенокъ ежеминутно сердится, что ему ничего не удается и бросаетъ вовсе играть. Между тѣмъ эта первая попытка примѣнить свои жизненныя силы и стремленія—очень важна. Нужно покупать маленькія, простенькія тележки, въ которыхъ бы дѣти перевозили игрушки, тачки и совочки для песку и т. п. На тесемкахъ, веревкахъ и тряпочкахъ учите ихъ завязывать и развязывать вещи: сшивать крупными стежками мѣшки, чтобы таскать въ нихъ камешки и палочки. Объясните, *затѣмъ въ* началѣ такой работы нужно дѣлать узелокъ и какъ его дѣлать. Когда ребенокъ начинаетъ сдвигать съ мѣста стулья, укажите, какъ удобнѣе ему устроить изъ нихъ кибитку, съ какой стороны слѣдуетъ впречь лошадь, гдѣ лучше вообразить себѣ козлы. Надоѣло играть въ „дорогу“, покажите, какъ еще ему можно было бы разнообразить игру съ тѣми же предметами. Изъ табуретокъ можно устроить желѣзную дорогу; накройте сверху чѣмъ нибудь нѣсколько сдвинутыхъ стульевъ—выйдетъ лавка: ребенокъ воображаетъ себя продавцемъ. Стоитъ разъ, два, три указать это, и фантазія ребенка быстро разовьется: онъ самъ начнетъ многое придумывать. Онъ безъ умолку болтаетъ: куда ѣдетъ, къ кому, какъ будетъ тамъ проводить время. А мы уже прежде указывали на то, какъ благодѣтельно дѣйствуетъ на ребенка его веселое расположеніе. Но еще разъ повторяю: всѣ удовольствія только тогда приносятъ пользу для его физическаго и умственнаго развитія, когда они непосредственно вытекаютъ изъ простыхъ игръ и занятій, къ которымъ самъ ребенокъ выказываетъ стремленіе въ извѣстный возрастъ.

Тутъ еще не слѣдуетъ учить ни вырѣзанію, ни рисованію, ни другимъ Фребелевскимъ работамъ, но подготовка къ нимъ можетъ начаться уже въ этотъ возрастъ. Когда ребенку около трехъ лѣтъ, вы можете показать *ему*, какъ обводить карандашемъ или грифелемъ на аспидной доскѣ различные предметы. Дайте ему коробочку, стаканъ, листикъ, копѣйку, круглое кольцо, кубъ, цилиндръ, линейку и т. п. предметы, положите ихъ на листъ бѣлой бумаги и, придерживая рукой, заставьте ребенка обвести ихъ, то-есть сдѣлать контуръ то одного, то другаго предмета. Это необыкновенно занимаетъ ребенка, и онъ послѣ этого начинаетъ обводить свои и ваши руки, разувается, старается сдѣлать контуръ своихъ ногъ. Помните, что если вы сами принимаете участіе въ какомъ нибудь дѣтскомъ занятіи, оно и въ этомъ возрастѣ должно быть исполнено по возможности чисто и аккуратно. Мы не стоимъ за педантическую, нѣмецкую систему, при которой одними и тѣми же занятіями и мелочною придирчивостію можно опротивѣть дѣтямъ, но извѣстная аккуратность *въ самыхъ первыхъ работахъ* имѣетъ такое важное значеніе, что, намъ кажется, начинать это дѣло непремѣнно слѣдуетъ самой матери. Извѣстно, что *переучивать* чему нибудь гораздо труднѣе, чѣмъ выучивать, и пріучиться къ чему бы то ни было несравненно легче, тѣмъ *отучиться*, отстать отъ разъ сдѣланной привычки. Поэтому мы совѣтуемъ матерямъ, когда дѣти начнутъ вышеназванныя занятія, сдѣлать имъ тетради и смотрѣть за чистотою и порядкомъ ихъ работъ. Это необходимо и во всѣхъ послѣдующихъ занятіяхъ, но затѣмъ дѣло пойдетъ само собою и безъ вашихъ напоминаній. Когда черезъ нѣсколько времени вы даете дѣтямъ посмотрѣть ихъ тетради, они обыкновенно приходятъ въ восторгъ и потому, что у нихъ уже такъ много срисовано предметовъ, и потому, что они могутъ припоминать иногда до мельчайшихъ подробностей, при какихъ обстоятельствахъ происходила работа, могутъ вести по этому случаю разговоръ, вспоминая самый предметъ, надъ которымъ они трудились. При этомъ ловко, нисколько не оскор-

бляя дѣтскаго самолюбія, безъ всякой придирчивости, вы указываете на дурныя стороны работы.—Маша, ты это свою разбитую куколку срисовала? —Нѣтъ, это моя рука...—Ну, это мало похоже на твою руку.—А здѣсь то какъ хорошо, такъ аккуратно!... Ребенокъ совершенно доволенъ, улыбается и мало по малу начинаетъ понимать, что въ его работѣ вы считаете хорошимъ, что дурнымъ. Такъ какъ тетрадка его работъ даетъ ему много пріятныхъ ощущеній, въ слѣдующій разъ онъ уже самъ будетъ сохранять свои работы, будетъ стараться дѣлать все лучше, красивѣе, аккуратнѣе.

Кромѣ срисовыванія, можно складывать изъ бумаги не фигурки и предметы, а самыя простыя формы. „Сдѣлаемъ изъ бумаги косынку, только не такую большую, какъ у бабушки, а маленькую, какую, будь она вырѣзана изъ тряпочки, можно было бы повязать твоей куколкѣ“. Ребенокъ начинаетъ прямо выкраивать косынку; у него, конечно, выходитъ и криво, и неправильно, да онъ и ножницы еще плохо держитъ. Вы объясните ему, что, прежде чѣмъ сдѣлать косынку, нужно сложить ровный платокъ (квадратъ) и потомъ перегнуть такъ, чтобы уголокъ приходился въ уголокъ. Заставьте его нарвать изъ цѣлаго листа ровныхъ длинныхъ бумажекъ. Согнувши нѣсколько разъ такую бумажную тесемку, онъ можетъ обмотать края цвѣтной шерстью, бумагой или шелкомъ,—у него выйдетъ закладка въ книгу съ краснымъ или синимъ ободкомъ.—Нельзя ли еще чѣмъ-нибудь украсить эту закладку,—такъ-что-бы она годилась въ книгу и для тебя,—спрашиваетъ ребенокъ. Карандашемъ сдѣлай въ серединѣ вдоль и поперегъ столько точекъ кряду, сколько ты умѣешь считать, и вышивай ихъ стежками черною или красною шерстью. Вотъ и *крестикъ!* (Фребелевское выкалываніе и вышиваніе должны начаться гораздо позже).

Дайте ребенку низать на нитку рябину, крупный бисеръ, горохъ, одной величины нарѣзанныя соломинки. Пусть изъ этого онъ дѣлаетъ цѣпочки, колечки, бусы на шею. Наберите остатковъ лоскутиковъ, тесемки (при этомъ старайтесь, чтобы они были опредѣленныхъ и знакомыхъ ему цвѣтовъ) и научите плести ихъ въ три, четыре конца.

Фребель начинаетъ учить дѣтей счету съ упражненія надъ большимъ кубомъ, который онъ дѣлитъ на 8 частей (въ 3-мъ дарѣ); но съ нашей точки зрѣнія черезчуръ обременительно для ребенка сразу научиться столькимъ числамъ; къ тому же нужно много времени, чтобы онъ хорошо усвоилъ первыя три, четыре единицы. Конечно, очень хорошо упражнять ребенка надъ осязаемыми предметами, въ томъ числѣ надъ кубомъ; но на этомъ никакъ нельзя исключительно останавливаться, и всѣ окружающіе предметы, попеременно, должны входить въ его ариѳметическія упражненія. Такія занятія не только должны вести къ тому, чтобы научить его считать сряду, но и къ тому, чтобы пробудить его мысль, соображеніе, развить даръ слова,—однимъ словомъ, чтобы дать ему возможность еще нагляднѣе представить себѣ каждый предметъ. Для этого необходимо соблюдать слѣдующія условія: предлагая дитяти какую-нибудь задачу, необходимо заставить его разсказать ея содержаніе. Сначала вамъ придется, конечно, дѣлать ему вопросы; но такъ какъ эти занятія мы предлагаемъ для дѣтей отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ,-то въ нихъ не должно быть ничего класснаго и казеннаго.

Учебные *маневры*, при которыхъ учащійся точь въ точь и по струнѣ долженъ отвѣчать только то, что хочетъ учитель, гдѣ его такъ педантически спрашиваютъ о томъ, что онъ уже знаетъ съ первымъ лепетомъ,—все это, можетъ быть, и не выйдетъ особенно комичнымъ при занятіяхъ въ классѣ съ 8-ю, 9-ю лѣтними учениками, когда ими руководитъ способный учитель,

но для того возраста, о которомъ мы теперь говоримъ, это вовсе непригодно. Тутъ ариѳметическія занятія, какъ и другія, можно допустить только при случаѣ, въ живой естественной формѣ. При этомъ воспитателю часто придется останавливаться на мелочахъ, неимѣющихъ близкаго отношенія къ предлагаемому вопросу; но онъ долженъ помнить, какихъ разнообразныхъ цѣлей можно достичь при первоначальномъ воспитаніи, если только разумно вести занятія по ариѳметикѣ. Одно изъ главныхъ условій, чтобы вести дѣло хорошо,—останавливаться на всемъ, что затрудняетъ и удивляетъ ребенка.

Пересказывая содержаніе задачи сначала по вопросамъ, ребенокъ незамѣтно для васъ привыкаетъ передавать все въ видѣ связнаго разсказа.

При ариѳметическихъ упражненіяхъ, какъ и при другихъ занятіяхъ съ маленькими дѣтьми, хорошо было-бы подражать методѣ Гертруды („Лингардъ и Гертруда“ Песталоцци). Она никогда не говорила съ своими дѣтьми тономъ нѣмецкихъ преподавателей: Это что? Голова. Нѣтъ, говори: моя голова. Или: гдѣ у тебя носъ, уши, волосы? Покажи окно, дверь, глазъ? Она не спрашивала: „гдѣ твои руки?“ а говорила, когда была въ этомъ надобность: „твои рученки грязны, приди—я ихъ вымою“. Не спрашивала: „гдѣ находятся волосы?“ а звала дѣтей причесаться, когда они были растрепаны. На свои вопросы она не требовала также полныхъ отвѣтовъ, которыми переполнены первыя страницы каждаго учебника,—въ родѣ слѣдующаго: моя голова находится на плечахъ; дверь находится въ стѣнѣ влѣво отъ дивана, напротивъ окна, и т. п. Пустой болтовней, да еще въ сухой формѣ, не научишь ни языку, ни счету. Каждое слово, сказанное Гертрудою ея дѣтямъ, было въ тѣсной связи съ дѣйствительными, житейскими нуждами.

Маленькимъ дѣтямъ не слѣдуетъ давать ни отвлеченныхъ знаковъ, ни чиселъ, и ни теперь, ни послѣ они не должны зубрить таблицу умноженія, знаніе которой явится само собой, не насилуя и не засоряя памяти, а только лишь какъ результатъ яснаго пониманія отношенія между собой всѣхъ чиселъ. Сперва удобнѣе познакомить дѣтей со счетомъ до 4-хъ, потомъ постепенно до 7-ми, до 8-ми, по возможности на всѣ четыре дѣйствія, но не соединяя еще съ этимъ понятія о цѣломъ и о части.

Упражненія, которыя мы даемъ для 3-хъ, 4-хъ лѣтнихъ дѣтей, могутъ для нѣкоторыхъ дѣтей быть несвоевременными. Въ такихъ случаяхъ нужно всегда обождать мѣсяца два, три и потомъ, при первомъ удобномъ случаѣ, опять позаняться съ ребенкомъ въ продолженіи 3—6-ти минутъ. Но въ это время можно задать ребенку одну и много двѣ задачи? И совершенно достаточно.

По даннымъ образцамъ всякій воспитатель съумѣетъ подобрать и другіе примѣры: Наложимъ-ка на нашъ столикъ разныхъ вещей, только непремѣнно всего по одному, и поставимъ въ порядкѣ одинъ рядъ за другимъ. Ребенокъ приноситъ нѣсколько тряпочекъ, перьевъ, бумажекъ, коробокъ, книгъ. „Нѣтъ, мы поставимъ только по одной вещи, ну, разставляй. Видишь, чего, чего только у насъ нѣтъ: собрали цѣлое хозяйство. Стула нѣтъ, стола... Мы ихъ не поставили, потому что вещи то очень большія! Чтобы поставить на этотъ столъ одинъ столъ, да еще одинъ стулъ, намъ съ тобою пришлось бы звать кого нибудь на помощь, да и трудно было бы тогда умѣстить всѣ эти вещи. (Если ребенокъ самъ не выскажетъ этого, вы можете навести его на подобный разговоръ). Много у насъ вещей, но мы еще кой чего не принесли изъ кухни. А со двора у насъ еще и ничего нѣтъ. Маша принесла нѣсколько камешковъ, цвѣточковъ, листиковъ, а песку, такъ и цѣлую горсть.—Помнишь, по скольку всего я просила тебя подать мнѣ? Теперь посмотри, какихъ вещей въ этой

комнатѣ по одной?—Одно окно, потолокъ, полъ, диванъ, кресло, лампа.—А у тебя чего по одному?—Голова, лобъ, ротъ, носъ, языкъ, шея. На небѣ одно солнышко, одна луна. Каждая подобная задачка должна представлять богатый матеріалъ для любимыхъ ребенкомъ бесѣдъ. При этомъ нѣтъ нужды строго слѣдовать методѣ, которая предлагаетъ дѣтямъ числа въ строгомъ порядкѣ. Иначе ребенокъ очень рано подмѣчаетъ, что сегодня у него въ результатѣ было три, вчера два, и потому мало по малу догадывается, что будетъ завтра. Но нѣкоторая послѣдовательность въ знакомствѣ съ числами все-таки необходима. Сосчитаемъ, сколько въ этой комнатѣ оконъ, стѣнъ? Сосчитай, сколько у тебя глазъ? А у кошки сколько? Назови всѣхъ тебѣ знакомыхъ животныхъ, у которыхъ было бы два глаза? Какихъ частей еще у тебя по двѣ? Двѣ ноги, двѣ руки, двѣ щеки, двѣ брови, двѣ ноздри, два уха. Сколько же всего этого у кошки, собаки и коровы? Посмотри, какихъ частей еще у коровы двѣ? Гляди-ка двѣ коровы бодаются,—ну, одна другой переломила рогъ. Считай, сколько теперь у нея роговъ. А у другой сколько роговъ? У другой два: она роговъ себѣ не ломала, значитъ оба цѣлы... Принеси мнѣ два листика, два подсвѣчника, два стакана. Ну-ка вымѣряемъ шагами полъ—вотъ отъ этого дивана до двери. У тебя много шаговъ, а у меня меньше! Почему? Возьми аршинъ и вымѣряемъ столъ со всѣхъ сторонъ. Что можно смѣрять еще аршиномъ? Возьми аршинъ и смѣрь эту тесемку, скатерть. Бери одинъ мячикъ, а я другой къ тебѣ покачу, лови... сколько у тебя теперь мячиковъ? Ну, теперь ты кати его ко мнѣ. Сколько же у тебя осталось? Кати и этотъ ко мнѣ. Теперь сколько у тебя сейчасъ было шаровъ? Принеси одинъ стручекъ, два клубка шерсти, три орѣха, четыре зерна, пять горошинъ. Сколько стакановъ воды въ этой бутылкѣ? А вотъ это—сажень. Саженью мѣряютъ дрова, землю, зданія. Вымѣри саженью нашу бесѣдку. Сколько сажень будетъ отъ нашего крыльца до самой улицы? Мѣрить саженью и аршиномъ всѣ предметы, находящіеся въ комнатѣ, необыкновенно полезно. Это рано пріучаетъ опредѣлять по глазомѣру ширину, длину, высоту и разстояніе предметовъ. Но, конечно, на аршинѣ не должно быть никакихъ дѣленій, означающихъ его части.

Въ возрастѣ отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ нельзя задавать даже самой легкой отвлеченной задачи. Напримѣръ, не катая передъ глазами ребенка шариками, вы не должны давать ему рѣшать задачу въ родѣ слѣдующей: „Еслибы я сначала покатила къ тебѣ *два* шара, а потомъ еще *одинъ*, сколько бы было у тебя шаровъ тогда?“ Сложеніе и вычитаніе онъ можетъ очень часто дѣлать уже и въ три года; умноженіе и дѣленіе позднѣе, но все не иначе какъ на вещахъ, къ которымъ онъ самъ что нибудь прибавляетъ, которыя онъ раскладываетъ, отъ которыхъ беретъ, т. е. убавляетъ, которыя дѣлитъ и т. п.

Сосчитай, сколько тутъ стульевъ? Вынеси-ка одинъ въ сосѣднюю комнату, теперь опять считай. Почему стало меньше? Сколько стульевъ не достаетъ? Еще одинъ вынеси!.. теперь ни одного стула не осталось. Возьми *три* орѣха,—одинъ дай нянѣ, другой мнѣ. Сколько у тебя осталось? А сколько у тебя было, прежде чѣмъ ты стала раздавать орѣхи? А сколько орѣховъ раздала? Нарисуй три крестика. Сосчитай, ну еще прибавь, нарисуй еще одинъ крестикъ. Считай, сколько у тебя теперь всѣхъ крестиковъ, сколько было прежде? Нарисуй двѣ черточки. Теперь возьми резинку и вытри одну,—сколько осталось и сколько было прежде?

У тебя двѣ ноги; у курицы, гуся, утки и у всѣхъ птицъ по двѣ ноги, а не знаешь ли ты животнаго съ тремя ногами? Если нѣтъ съ тремя ногами, то назови знакомыхъ тебѣ животныхъ съ четырьмя ногами. У животныхъ

четыре ноги, у человѣка и птицъ по двѣ: у кого *больше*, у кого *меньше?* У всѣхъ-ли одна голова, носъ, лобъ? По ровну ли у всѣхъ ушей, глазъ?

Но *чѣмъ больше* или *во сколько разъ больше*—такіе вопросы еще преждевременны. Сколько у насъ съ тобою вмѣстѣ глазъ? Чего у насъ больше,—рукъ или глазъ?

У меня и въ правой, и въ лѣвой рукѣ по карандашу; подыми съ полу карандашъ и положи ко мнѣ на колѣни. Считай, сколько теперь у меня всего карандашей? Сколько было прежде? Сколько прибавила? Откуда взяла ты тотъ карандашъ, который положила ко мнѣ на колѣни? У твоего дяди три сына: Миша, Вася и Коля, да еще маленькая дочка, Надя; сколько же у дяди всѣхъ дѣтей? Сосчитай, сколько цыплятъ у этой курицы? Но замѣтила ли ты, что двое изъ нихъ хромаютъ? Сколько же изъ нихъ здоровыхъ?

Предъ окнами нашей дачи съ одной стороны три березы, а съ другой двѣ липы,—сколько всѣхъ деревьевъ? Вотъ тебѣ пять леденцовъ, раздай ихъ пяти ребятамъ поровну? Считай пальцы правой и лѣвой руки, правой и лѣвой ноги? Попробуй попрыгать на лѣвой ножкѣ, возьми мячикъ въ лѣвую руку, а теперь въ правую.

На столѣ сколько книгъ? Прибавь столько же, сколько теперь лежитъ. Когда я купила тебѣ эту книжку, въ ней было семь картинокъ. Считай, сколько теперь? Если теперь въ ней 6, а было 7,—сколько картинокъ вырвано? Ты не понимаешь, что значитъ столько же? На столѣ сколько книгъ лежитъ? Одна. Принеси столько же, сколько лежитъ на столѣ, значитъ, принеси сюда еще одну книгу.—На столѣ двѣ чашки,—принеси еще столько же. Я тебѣ купила на платьице два аршина ситцу; оказалось, что нужно еще столько, сколько я уже купила. Сколько же мнѣ нужно было прикупить? Сколько у меня не доставало аршинъ ситцу на твое платье? (Намъ приходилось заниматься съ разными дѣтьми и обыкновенно оказывалось, что даже и большія дѣти, развѣ одинъ изъ десяти, сознательно понимали практическое значеніе самыхъ простыхъ нарѣчій, предлоговъ, союзовъ).

Считай, сколько горстей гороху я буду класть тебѣ въ передникъ. Четыре горсти... А сколько тутъ гороху? Здѣсь такъ много гороху, что ты и не сосчитаешь. А ты разложи весь этотъ горохъ по кучкамъ и кучки ставь въ рядъ, одну за другой. Пусть будетъ 8 рядовъ, въ каждомъ ряду по 8-ми кучекъ, но въ кучкахъ перваго ряда положи по одной горошинѣ, во второй рядъ во всѣ кучки по двѣ горошинки и т. д. Сколько же будетъ горошинъ въ кучкахъ послѣдняго рядя? Какая же кучка больше, какая меньше, которая самая большая, которая самая маленькая? Теперь тоже по кучкамъ разложи бусы, бисеръ, камешки. Въ этой кучкѣ сколько листиковъ? Покажи, въ которой кучкѣ будетъ 8-мь камешковъ, 8-мь листиковъ. Эти двѣ кучки одинаковыя, какъ въ одной четыре бумажки, такъ и въ другой. Гдѣ еще одинаковыя кучки? Считай сряду всѣ ряды. Въ какомъ ряду больше кучекъ? Въ какомъ меньше?

Положи въ рядъ 5 маковыхъ головокъ, выбросъ двѣ изъ нихъ? Къ шести горошинамъ прибавь еще одну,—теперь сколько гороху на столѣ? Еще прибавь. Теперь сколько? Чего въ комнатѣ по 8-ми вещей. Выгляни въ окошко, чего тамъ по 8-ми?—Восемь телѣгъ, 8-мь лошадей, 8-мь коровъ... Къ тремъ горошинамъ прибавь еще одну,—теперь сколько?

У тебя четыре горошины, убавь изъ нихъ двѣ. Сколько осталось? Еще двѣ убавь. Теперь что? Вотъ тебѣ четыре орѣха, раздѣли ихъ поровну между двумя братьями. Поровну—значитъ сколько дашь одному, столько дай и другому. Одному дала два, такъ и другому два приготовь. Вотъ какъ ты спра-

ведливо раздѣлила орѣхи: никому ни больше, ни меньше, никто не обиженъ. У тебя поровну пальцевъ: 5-ть на правой и 5-ть на лѣвой рукѣ, тоже на правой и лѣвой ногѣ. Ва этой комнатѣ у одной стѣны 4 стула, а у другой? Съ обѣихъ сторонъ по ровному-ли количеству стульевъ. У звѣрей одинаковоели количество ногъ? У кошки четыре ноги, а у собаки сколько? А пальцевъ у всѣхъ ли поровну? Разсмотри ноги у кошки? Сколько у нея пальцевъ? А сколько ногъ? На каждой ли ногѣ одинаковое число пальцевъ? Что у насъ на пальцахъ, что у кошки? Вездѣ ли одинаковое число ногтей? На переднихъ или на заднихъ ногахъ меньше ногтей?

Вонъ у бабушки на правой рукѣ одинъ палецъ завязанъ. Сколько же у нея здоровыхъ пальцевъ? У разнощика съ одной стороны лотка четыре корзины съ ягодами, а съ другой столько? Сколько у него всѣхъ корзинъ? Ты, вѣроятно, помнишь, что я вчера тебѣ дала три апельсина, а сегодня бери четыре. Сколько-же ты получила отъ меня апельсиновъ? Сколько дней я уже даю тебѣ апельсины и по скольку? Утромъ ты съѣла три маленькихъ кренделя, а за вечернимъ чаемъ четыре; сколько всего кренделей ты съѣла за сегодняшній день и сколько ихъ было прежде въ сухарницѣ, если еще и теперь тамъ лежитъ одинъ крендель? Вотъ три стула; посади на нихъ твои двѣ куклы. Ты каждую посадила на одинъ стулъ, сколько осталось стульевъ пустыхъ? Вотъ тебѣ 8 мь пряниковъ, отдай изъ нихъ семь нянѣ, сколько у тебя останется? Насъ за завтракомъ сидитъ четыре человѣка, а яицъ подано 8-мь штукъ; какъ ты раздѣлишь ихъ между всѣми, чтобы никого не обидѣть? Что значитъ раздать, чтобы никого не обидѣть?

Для 3-хъ, 4-хъ лѣтнихъ дѣтей Фребель даетъ *второй даръ*. Онъ состоитъ изъ шара, куба и цилиндра. Фребель беретъ именно эти три тѣла, такъ какъ они представляютъ самыя простѣйшія формы, т. е. такія, которыя лежатъ въ основѣ всего окружающаго. На 3-мъ—4-мъ году ребенокъ уже больше останавливается на разныхъ явленіяхъ, можетъ кое-что и сравнить. Вотъ Фребель ему и показываетъ два совершенно противоположныхъ тѣла: шаръ и кубъ, а для сравненія цилиндръ, какъ тѣло, занимающее средину между кубомъ и шаромъ. На эти формы въ руководствахъ по системѣ Фребеля приведены различныя упражненія. Во первыхъ нѣкоторыя игры съ шерстяными мячиками переносятъ и на деревянный шаръ; заставляютъ ребенка найти разницу и сходство между мячикомъ и деревяннымъ шаромъ, а далѣе сравниваютъ шаръ съ кубомъ и цилиндромъ, указывая въ нихъ стороны, углы, ребра. Послѣ того поочередно крутятъ на снуркѣ всѣ три тѣла: тутъ ребенокъ еще болѣе утверждается въ мысли, что шаръ тѣло неизмѣняемое, между тѣмъ какъ кубъ и цилиндръ при разныхъ родахъ движенія принимаютъ совсѣмъ другую форму. Если, напримѣръ, вертѣть кубъ, прикрѣпивъ снурокъ къ самой серединѣ одной изъ плоскостей, то при быстрыхъ оборотахъ ребра сглаживаются и является цилиндръ. При этомъ указываютъ и на нѣкоторые физическіе законы въ названныхъ тѣлахъ: на ихъ устойчивость, непроницаемость, и по этому случаю поютъ, заставляя ребенка брать шаръ и кубъ въ руки:

Если въ ручки шаръ возьмешь,
Кубу мѣста не найдешь,

Если-жъ кубикъ въ руки взять,
Вмѣстѣ шаръ нельзя держать.

Чтобы ребенокъ лучше запомнилъ, сколько плоскостей въ каждомъ изъ этихъ тѣлъ, назначаютъ такія пѣсенки:

Только видно одну часть,
Куда-жъ кубикъ могъ пропасть?
Отъ кубика моего
Видно только часть всего!

Одну часть ты могъ видать,
Спрятала рукой я пять!
Пока буду я держать,
Ты тихонько ихъ погладь!

Смотрятъ на тебя
Двѣ стороны твои.
А въ рукахъ у меня
Четыре мои!

(«Руководство къ дѣтскимъ садамъ» Анны Дараганъ)

Теперь двѣ уже видать
Гдѣ-жъ четыре пріискать?
На уголочкѣ я верчусь,
Когда въ пальчикъ упрусь.

Поставивши кубъ на одну изъ плоскостей:

Я какъ стану,—упрусь,
Стою твердо, не качнусь.

(«Практическій руководитель къ употребленію игръ Фребеля дома и въ школѣ». *Я. Фосъ*).

Мы уже не говоримъ о неправильности и безграмотности всѣхъ этихъ стиховъ, но по нашему мнѣнію и вообще нелѣпо воспѣвать математическія истины и геометрическія фигуры; объяснять же ребенку непроницаемость и тому подобные физическіе законы нелѣпо, такъ какъ это чересчуръ преждевременно. Однако мысль дать ему понятіе о трехъ простѣйшихъ тѣлахъ очень хорошая и совершенно исполнимая съ 3, 4-лѣтними дѣтьми. Только упражненія, приводимыя во Фребелевскихъ руководствахъ, вялы, отвлеченны и безграмотны; тутъ нужно болѣе всего обратить вниманіе на сравненіе этихъ формъ съ формами окружающихъ предметовъ. Представлю нѣсколько образцовъ своихъ упражненій; только наперед замѣчу, во 1-хъ, что подобными упражненіями ряду можно занимать 3-хъ, 4-хъ лѣтняго ребенка 5 и ужъ никакъ неболѣе 6—7 минутъ, потому что онѣ довольно сильно напрягаютъ мозгъ дитяти, во 2-хъ, стараясь какъ можно болѣе оживить эти бесѣды, я все таки не даю ни пѣсней, ни стиховъ; цифра и форма какъ то не укладываются въ риѳму. Кромѣ того скажу, во избѣжаніе недоразумѣній: если мы вводимъ эти новыя занятія, это не значитъ, что на 4-мъ году жизни ребенка все живое, движущееся и прекрасное въ природѣ—должно сдѣлаться ему чуждымъ. Напротивъ. Прежнія наблюденія надъ природой и окружающей жизнію продолжаются въ томъ видѣ, какъ мы ихъ указали. Послѣ того ребенокъ сталъ старше лишь нѣсколькими мѣсяцами; кругозоръ его наблюденій такъ незначительно расширился, что измѣнять приведенныя нами бесѣды придется развѣ очень немного: это съумѣетъ сдѣлать и неособенно опытная наставница.

Приступаю къ своимъ упражненіямъ. Раскладываю на столѣ передъ ребенкомъ шаръ, кубъ и цилиндръ. — Ну-ка, Машутка, считай, сколько у насъ игрушекъ выпало изъ ящика? Напоминаютъ онѣ мячики?—Нѣтъ.

— А мячики совсѣмъ одинаковые?—Они разныхъ цвѣтовъ: вонъ синій, красный. — Цвѣта ихъ разные; а сходны они чѣмъ-нибудь или нѣтъ? Они мягки, круглы, легки, всѣ сдѣланы изъ шерсти; когда бросишь ихъ на полъ, падаютъ не слышно, тихо. Всѣ они одной величины: и этотъ, и тотъ, и другой, и третій можешь обхватить своей ручкой; всѣми можно катать, всѣ можно бросать. Теперь взгляни-ка на эти вещи; хотя одна изъ нихъ похожа-ли на мячикъ?—Шаръ похожъ.

— Чѣмъ-же? — Тотъ круглый и этотъ; тотъ можно покатить и этотъ, тотъ бросить на полъ и не разобьется и этотъ.—Ну не всегда: будешь шаръ много бросать на землю, да еще какъ ты это дѣлаешь, изо всей силы, онъ, пожалуй треснетъ и разломится.

— Подумай теперь, какая разница между ними! Брось сначала мячикъ на полъ, а потомъ шарикъ. Ну что? Этотъ громко стукнулъ и покатился по полу, а тотъ ударилъ чуть слышно, и отпрыгнулъ опять мнѣ въ руки.—А отчего-бы это могло быть? — Не знаю. Возьми въ руки, пощупай. Шарикъ твердый, мячь мягкій. Отчего это? Да мячикъ изъ шерсти, и ты видѣла,

какъ его дѣлаютъ: въ средину набиваютъ тряпки, обматываютъ шерстью,— вотъ онъ и мягкій, легкій, а шарикъ изъ дерева. — А у него въ срединѣ что?—перебиваетъ вдругъ ребенокъ. — То же самое дерево; я вѣдь сказала тебѣ, онъ весь изъ дерева сдѣланъ. Вотъ взяли этакой-же кусокъ и стали его кругомъ обстругивать и обтачивать. — А кубикъ изъ чего?—Сколько лѣтомъ показывала я тебѣ деревьевъ, вспомни?—показывала березу и еще такое дерево, что вмѣсто листиковъ колючки, зеленыя иголочки... Ахъ... да, ель.— Ну, а чѣмъ дерево покрыто сверху?—Корою.—Вотъ срубять хоть ель, сосну, орѣшникъ, обдерутъ кору, а тамъ и будетъ дерево бѣлое или желтоватое. Вдоль ты его разрубишь, или поперегъ, все одно и тоже. Такъ и въ шарикѣ въ срединѣ тоже, что и снаружи, да это и видно, посмотри.

То, что я здѣсь сказала о различіи и сходствѣ шара съ мячикомъ, можно передать ребенку не въ одинъ, а лишь въ нѣсколько бесѣдъ. Теперь припрячемъ мячики и займемся вотъ этими вещами. Что въ этой комнатѣ напоминаетъ шаръ? Ребенокъ обводитъ глазами кругомъ и безпрестанно озирается на шаръ. Сначала по вопросамъ, а потомъ и безъ вопросовъ, онъ начинаетъ дѣлать сравненія. — Шаръ вотъ на ламповое стекло похожъ: оно тоже круглое, только стеклянное и совсѣмъ бѣлаго цвѣта, а нашъ шарикъ деревянный и желтоватый. Шаръ похожъ на самоваръ, если только обломать его сверху и снизу; но опять самоваръ, красный въ немъ горячіе угли, да онъ не загорается, а шарикъ изъ дерева, дерево горитъ.—А вотъ еще нашъ шарикъ похожъ на котелъ, въ которомъ Варя грѣетъ воду, на чайникъ, даже на графинъ, если отбить въ немъ горлышко. Яблоки, картофель, орѣхи тоже шарики. А еще на что?—На голову, только у людей на головѣ волоса... Ты двигаешь головой; у тебя спереди лобъ, глаза, ротъ, носъ, по бокамъ уши. Да много, много чего нѣтъ у шарика. А вотъ остальныя вещи. Сколько ихъ будетъ безъ шарика? — Вы не должны сначала давать ни геометрическихъ названій, ни слишкомъ хлопотать, чтобы отвѣты ребенка были совершенно точными. Тутъ главная цѣль должна состоять въ томъ, чтобы его самого заставить найти всѣ особенности и характерные признаки тѣлъ и чтобы онъ съумѣлъ понять различіе ихъ между собою.

— Изъ этихъ двухъ вещей, которая больше похожа на шаръ? Дитя затрудняется. Брось всѣ три вещи на полъ и будь внимательна. А, вотъ эта!—она указываетъ на цилиндръ. Онъ покатился и шаръ катится.—Теперь которая менѣе похожа на шаръ? Указываетъ на кубъ. Чѣмъ?—Онъ стоитъ.— Да вѣдь вотъ и эта стоитъ (цилиндръ). Но та за то стоитъ и катится, а та только стоитъ. Такъ вотъ эти двѣ вещицы (шаръ и цилиндръ) похожи между собой. Осмотри-же хорошенько, чѣмъ онѣ еще сходны и различны. По немногу ребенокъ отвѣчаетъ: обѣ деревянныя; обѣ стучатъ, когда уронишь, обѣ гладкія. А чѣмъ различны? Ощупай-ка.—Вотъ у этой (у цилиндра) есть острый край. — Сколько ихъ? — Два: одинъ сверху, другой снизу. — Этотъ край называютъ ребромъ; обведи его кругомъ пальчикомъ! какое оно?—Оно круглое. — Значитъ, два круглыхъ ребра; а попробуй рукой, сколько сторонъ? — Двѣ плоскихъ и между ними одна круглая. Ребенка наводятъ на этотъ отвѣтъ, заставляя прикладывать руки къ цилиндру.—А въ шарѣ реберъ нѣтъ, и одна лишь круглая поверхность. И такъ вотъ эту вещь называютъ цилиндромъ. Нутка, что похоже на цилиндръ? смотри, все въ комнатѣ огляди... Спичечная коробка, шляпа, свѣчка, стаканъ, баночка... — А на улицѣ? — Тумба... и т. д. Подобно этому объясняютъ сходство и разницу между цилиндромъ и кубомъ. — У куба нѣтъ круглыхъ сторонъ, а всѣ плоскія, одна противъ другой, все одинакія стороны; у цилиндра ихъ только двѣ

съ круглыми ребрами, а у куба и сверху, и снизу, и сзади, и спереди, и съ боковъ стороны съ прямыми, одинаковыми ребрами; у куба четыре острыхъ угла сверху и четыре снизу, и проч.

Возьми-ка эту бумажку и сверни ее такъ, чтобы сколько-нибудь похоже было на цилиндръ. Ты свернула, а что-же сверху и снизу? Надо прикрыть круглыми бумажками; дай я тебѣ ихъ сдѣлаю. А попробуемъ сдѣлать *кубъ*. Сколько намъ нужно четыреугольныхъ бумажекъ? Шесть. Вотъ мы ихъ и поставимъ другъ противъ друга. Ну а въ комнатѣ есть-ли что *нибудь* похожее на кубъ? А этотъ ящикъ? Ящикъ гораздо больше. Ничего не значитъ, только бы всѣ стороны и всѣ ребра были такія-же, какъ и здѣсь. Вотъ этотъ другой ящикъ такъ подлиннѣе.—Вонъ эти стороны и ребра у него гораздо короче, эти длиннѣе; въ длину онъ больше, чѣмъ въ ширину и въ высоту, а все-же похожъ скорѣе на кубъ, чѣмъ на шаръ или на цилиндръ. Что еще въ комнатѣ сходно съ кубомъ? Сама комната, сахарница, комодъ, коробка съ табакомъ. Вонъ жестянка для сахару похожа на цилиндръ. Шея безъ головы,—вѣдь тоже цилиндръ. Ну, а этотъ шкафъ? Нѣтъ, не цилиндръ, а больше похожъ на кубъ. — А чѣмъ отличенъ отъ куба? Въ ширину онъ больше, чѣмъ въ толщину, а въ высоту еще больше. Покажи въ комнатѣ вездѣ, гдѣ есть углы, ребра, плоскости.

Въ три-четыре года дѣтей посылаютъ уже въ дѣтскій садъ. Въ педагогическихъ журналахъ много было говорено о пользѣ товарищества для ребенка, о необходимости воспитать его въ обществѣ и т. п... Все это совершенно справедливо. Скажу болѣе: когда сближаешься съ другими людьми, невольно ближе знакомишься съ ихъ наблюденіями, мыслями, опытомъ. Все это, разумѣется, шире и глубже заставляетъ понимать окружающій міръ, и въ то же время, возбуждаемый примѣромъ своихъ товарищей, ребенокъ гораздо дѣятельнѣе къ нему относится. Если домашнее воспитаніе развиваетъ преимущественно индивидуальный характеръ питомца,—воспитаніе общественное болѣе подготовляетъ его къ будущей общественной дѣятельности. Эгоизмъ, который такъ свойственъ каждому ребенку, излишняя привязанность къ своей собственности, ограниченное пониманіе чужихъ интересовъ и множество другихъ недостатковъ, — незамѣтно сглаживаются въ товариществѣ. Только въ обществѣ себѣ подобныхъ ребенокъ научается дѣятельно сочувствовать горю другаго, пріучается помогать и искренно заботиться объ интересахъ ближняго. Кромѣ того въ большомъ дѣтскомъ обществѣ можетъ быть съ пользою употреблено въ дѣло соревнованіе, которое содѣйствуетъ искорененію лѣни, небрежности, неряшества и множества другихъ недостатковъ. Тѣмъ не менѣе соревнованіемъ слѣдуетъ пользоваться весьма осторожно, съ большимъ тактомъ, чувствомъ мѣры и чутьемъ. Нужно помнить, что при школьномъ обученіи іезуиты пользовались соревнованіемъ въ широкихъ размѣрахъ и достигали низменныхъ цѣлей. И это понятно: соревнованіе не въ мѣру можетъ развить въ дѣтяхъ лишь суетное стремленіе затмить своею славою всѣхъ и каждаго, желаніе всегда отличаться, щеголять, получать похвалы, поощренія, лучшія отмѣтки. Подобныя склонности могутъ въ конецъ убить съ одной стороны истинный интересъ къ знанію, который долженъ быть рычагомъ умственнаго преуспѣянія, съ другой — любовь къ окружающему, что должно быть первою и главною задачею воспитанія. Черезчуръ ревнивая забота о томъ, какъ бы перегнать товарища, постепенно вырождается въ индиферентизмъ къ нему, затѣмъ переходитъ въ боязнь, что онъ опередитъ, въ мучительную зависть, злорадство, когда онъ въ чемъ-нибудь оплошаетъ, въ недружелюбіе, пошлое честолюбіе и другіе зловредные свойства. Между тѣмъ честолюбіе

такъ же заразительно, такъ же сильно и быстро овладѣваетъ душою и всѣми помыслами человѣка, какъ и всякая другая порочная страсть: не мало примѣровъ того, какъ дѣти, исключительно руководимые честолюбіемъ, губили ради него здоровье и силы непосильнымъ трудомъ. Конечно, маленькому ребенку недоступны высшія цѣли, его нельзя воспитать безъ всякаго поощренія, безъ похвалы за хорошо выполненную обязанность, за хорошій поступокъ, и мы хотимъ только поставить на видъ воспитателю, чтобы онъ въ своихъ поощреніяхъ и при возбужденіи соревнованія руководился твердо-опредѣленнымъ принципомъ никогда не захваливать, не ставить на пьедесталъ, не возвеличивать одного на счетъ другаго. Ребенокъ быстрѣе и талантливѣе всѣхъ выполняетъ работу,—отчего не похвалить его, но не давайте ему понять, что его работа самая лучшая и при этомъ укажите ему, если только къ этому представится случай, какъ такому-то товарищу его было трудно исполнить ее, и какъ онъ усидчиво поработалъ надъ нею.

Воспитаніе съ ранняго дѣтства въ обществѣ товарищей имѣетъ такое преимущество передъ одиночнымъ, изолированнымъ воспитаніемъ, что всѣ его недостатки рельефно выступаютъ съ первыхъ же лѣтъ поступленія ребенка въ школу. Нечего и говорить о томъ, что общественное воспитаніе можетъ быть цѣнно лишь въ такомъ случаѣ, если оно пробуждаетъ въ ребенкѣ симпатію, участіе и интересъ къ товарищу, сближаетъ дѣтей между собою, однимъ словомъ расширяетъ кругъ ихъ человѣческихъ привязанностей.

Въ хорошо намъ знакомой и въ высшей степени порядочной семьѣ былъ только одинъ сынъ. Его воспитывали съ большою любовью и здравымъ смысломъ. Но болѣзненность ребенка заставляла родителей разъѣзжать съ съ нимъ изъ одного южнаго города въ другой и вынудила наконецъ поселиться за границей. Мальчикъ могъ воспитываться только въ семьѣ и рѣдко имѣлъ возможность имѣть товарища, да и то періодически, случайно и ненадолго. Когда онъ окрѣпъ, его привезли въ Россію и въ 15 л. отдали въ гимназію, въ одинъ изъ среднихъ классовъ, гдѣ мальчики, по замѣчанію педагоговъ, обыкновенно бываютъ болѣе чѣмъ когда нибудь шумливы и шаловливы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по вступленіи, мальчикъ видимо загрустилъ и сталъ быстро худѣть и хилѣть. Родители уже думали, что къ нему возвращается прежняя болѣзнь, но когда однажды отецъ сталъ разспрашивать его о товарищахъ, онъ рыдая сознался, что не любитъ ихъ, и съ мукою въ сердцѣ сталъ передавать свое, какъ онъ самъ выразился „позорное положеніе въ гимназіи“. Онъ говорилъ, что товарищи, безъ всякаго повода съ его стороны, издѣваются надъ нимъ, передразниваютъ его, исподтишка пишутъ мѣломъ разныя глупости на его спинѣ, пришпиливаютъ въ классѣ къ его платью различныя бумажки на потѣху другимъ, подставляютъ ногу, чтобы онъ споткнулся... и т. п. Все это они дѣлаютъ потому, что онъ мѣшковатъ, неловокъ и до сихъ поръ считается новичкомъ... „Но вѣдь это такъ гадко и несправедливо“, говорилъ онъ обливаясь слезами, „развѣ я виноватъ, что неловокъ? За что меня казнятъ и ненавидятъ? Я совсѣмъ отодвинулся отъ всѣхъ, я ни съ кѣмъ не разговариваю, ни къ кому не подхожу, ни одной минуты не остаюсь долѣе чѣмъ нужно въ классѣ... Я измучился... Я не могу, не могу болѣе оставаться въ гимназіи“...

Отцу не нужно было провѣрять слова сына,—онъ зналъ, что они вполнѣ правдивы.

„Но вѣдь чѣмъ болѣе ты будешь удаляться отъ товарищей“, отвѣчалъ отецъ, „тѣмъ болѣе они будутъ надъ тобой изощряться въ шалостяхъ... Ты обвиняешь товарищей въ несправедливости, но ты гораздо болѣе несправед-

ливъ относительно ихъ. Постарайся заслужить ихъ уваженіе, и они перестанутъ надъ тобой издѣваться".—Боже мой, какъ же я могу это сдѣлать... Никого они не уважаютъ! Они умѣютъ только откалывать злыя, глупыя шутки!—„Значитъ никто не умѣетъ заслужить ихъ уваженія".—Да это легко говорить, а какъ это сдѣлать? говоритъ недовѣрчиво сынъ. „Кто твои сосѣди по скамейкѣ? Веселые, грустные, читающіе или только зубрящіе?"—Почемъ я знаю... Они откалываютъ злыя шутки,—вотъ все, что они дѣлаютъ.—„О, да это съ твоей стороны совсѣмъ гадко такъ думать... Ты даже *не побезпокоилъ* себя узнать, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Они смѣются надъ твоею мѣшковатою внѣшностью потому, что ты имъ ничего другаго не выказалъ: ни сочувствія, ни участія... Они ничего другаго и не видятъ въ тебѣ, какъ только обидчиваго и надутаго мальчика и смѣются надъ внѣшностью тѣмъ болѣе, что примѣтили въ тебѣ чувствительность къ насмѣшкамъ. Какъ по крайней мѣрѣ учатся твои сосѣди?"—Тотъ, что справа, никогда не знаетъ у француза, а товарищъ слѣва не умѣетъ рѣшить ни одной математической задачи.—„Вотъ ты и помогай тому и другому... Для перваго раза постарайся уловить удобную минуту, а затѣмъ постепенно все больше и больше... Сначала объясни что нибудь кстати, а затѣмъ предложи для объясненій приходить раньше урока въ классъ, или пригласи къ себѣ на домъ... Поступай такъ и относительно всѣхъ остальныхъ... Думай по крайней мѣрѣ больше надъ тѣмъ, чѣмъ и какъ ты можешь помочь каждому изъ своихъ товарищей".

Мальчикъ воспользовался совѣтомъ, и издѣвательства скоро прекратились.

— Правда, они теперь не смѣются надо мной, сказалъ онъ отцу, какъ то конфузясь, но вѣдь я это купилъ своею услужливостью... Большинство товарищей очень плохо подготовлены, они понимаютъ теперь, что я всегда могу быть полезенъ, и считаютъ невыгоднымъ...

— Чтоже ты стѣсняешься? Хочешь сказать, что боятся тебя обозлить, заискиваютъ... Если ты такъ страдаешь за ихъ корысть,—помогай и тѣмъ, кто будетъ дурно къ тебѣ относиться. А если ты хочешь большаго,—и самъ давай имъ больше: защищай того, на кого невинно нападутъ, разсказывай имъ, что ты читаешь, что видѣлъ во время своихъ путешествій, съумѣй заинтересовать тѣмъ, что тебя самого интересуетъ, постарайся заставить прочесть то, что ты прочелъ и высказать свое мнѣніе... Поставивъ себя въ такія отношенія къ товарищамъ, ты и самъ многое что отъ нихъ позаимствуешь.

Благодаря руководству отца и развитію сына, у него быстро развивались общественные инстинкты: онъ впослѣдствіи пріобрѣлъ не только уваженіе своихъ товарищей, но пользовался ихъ страстною привязанностію. Но его пришлось руководить въ такія лѣта, когда уже болѣе или менѣе складываются общественные инстинкты; это произошло потому, что онъ долго былъ лишенъ общества товарищей, а еслибы онъ еще долѣе былъ лишенъ ихъ общества, въ немъ бы совсѣмъ могли заглохнуть общественные инстинкты.

Изъ сказаннаго ясно, что будить общественные инстинкты нужно еще въ раннемъ дѣтствѣ, въ періодъ дошкольнаго воспитанія, что лишать ребенка общества товарищей, соотвѣтственныхъ его лѣтамъ, такое зло, которое болѣе или менѣе дурно отразится въ будущемъ въ нравственномъ отношеніи. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ чрезвычайно мало „дѣтскихъ садовъ", да и въ нихъ далеко не всегда игра и занятія организованы съ пониманіемъ дѣла, а потому волею-неволею дѣтямъ дошкольнаго возраста приходится давать исключительно изолированное воспитаніе.

Что касается системы Фребеля, то, не смотря на ея здоровую, въ высшей степени полезную основу, какъ мы это видѣли выше, воспитателямъ, при

практическомъ ея примѣненіи къ нашимъ дѣтямъ, приходится самостоятельно разрабатывать ее, какъ потому, что она была изобрѣтена нѣмцемъ для нѣмецкихъ дѣтей и болѣе полустолѣтія тому назадъ, такъ и потому, что большую часть года, по климатическимъ условіямъ, мы вынуждены держать своихъ дѣтей дома, воспитывать ихъ одиноко, безъ общества товарищей-одно-лѣтокъ; но и при домашнемъ воспитаніи, если только фребелевскія занятія и игры направить разумно, согласно съ характерными свойствами русскаго человѣка, онѣ способствуютъ развитію въ дѣтяхъ творчества, самодѣятельности, наблюдательности, вниманія и трудолюбія.

Глава XIV. Воспитаніе ребенка съ четырехъ до шести лѣтъ.

Третій даръ Фребеля—кубъ, раздѣленный на 8 кубиковъ и четвертый даръ—кубъ, раздѣленный на 8 плитокъ.—Бесѣды, которыми можно сопровождать занятія по этимъ дарамъ.—Необходимое условіе при всѣхъ постройкахъ.—Загадки, пригодныя для дѣтей этого возраста.—На что слѣдуетъ обращать вниманіе дѣтей во время прогулокъ.—Вырѣзаніе отъ руки.—На сколько воспитатель можетъ принимать участіе въ самостоятельныхъ играхъ ребенка во время отдыха.—Примѣры ариѳметическихъ упражненій въ этомъ возрастѣ.—Значеніе сказокъ для дѣтей.—Примѣры того, въ какомъ видѣ слѣдуетъ давать сказки и какъ можно объяснять ихъ дѣтямъ.—Наблюденія надъ растеніями, разведенными въ комнатѣ самимъ ребенкомъ.—Бесѣды съ дѣтьми при раскладываніи лучинъ, при постройкахъ изъ кубиковъ и плитокъ; разница между ними.—Рисованіе по сѣти.—Бесѣды, сказки, разсказы и загадки для дѣтей отъ пяти до восьми—девяти лѣтъ.

Въ послѣдней главѣ мы довели воспитаніе ребенка до 4-хъ лѣтъ его жизни; мы видѣли, что матеріалъ, данный Фребелемъ, для умственнаго и нравственнаго развитія въ эти лѣта чрезвычайно бѣденъ и мало соотвѣтствуетъ возрасту, для котораго назначенъ. Намъ пришлось ввести не только упражненія и разсказы другаго характера, но и игры, придумать даже множество механическихъ работъ. Совсѣмъ другое приходится сказать про фребелевскія занятія, назначенныя для послѣдующихъ годовъ. Тутъ мы находимъ такое богатство и разнообразіе матеріала, что является опасность, какъ бы не обременить ребенка, и здѣсь мы ставимъ себѣ первымъ правиломъ: не насиловать дѣтскаго ума, не забывать ни на минуту о самостоятельномъ развитіи ребенка. Въ большинствѣ случаевъ воспитатели стремятся только къ тому, чтобы ребенокъ во что бы то ни стало до 7-ми лѣтъ ознакомился со всѣми дарами Фребеля и переработалъ въ послѣдовательности всѣ его механическія работы, точно въ этомъ лежитъ залогъ его развитія и счастія. Начну дальнѣйшій очеркъ системы Фребеля, какъ она изложена въ руководствахъ и при этомъ буду указывать, какъ пользоваться матерьяломъ, который намъ представляется. Въ послѣдній разъ мы разсмотрѣли первый и второй даръ Фребеля, теперь познакомимся съ слѣдующими его дарами.

Третій даръ Фребеля состоитъ изъ куба, раздѣленнаго на 8 кубиковъ, *четвертый даръ*—изъ куба, раздѣленнаго на 8 плитокъ или кирпичиковъ. Тотъ и другой даръ служатъ ребенку строительнымъ матерьяломъ для воспроизведенія: 1) *жизненныхъ* формъ, взятыхъ изъ предметовъ окружающей жизни, 2) для воспроизведенія *изящныхъ* формъ и 3) для усвоенія *математическихъ* формъ. Съ этою цѣлью дѣтей заставляютъ изъ этихъ кубиковъ строить все, что у нихъ есть предъ глазами и то, чего нѣтъ: диванъ, скамейку, колонну, памятникъ, замокъ, ворота съ башнею, монументъ и т. д. При этомъ строго наблюдаютъ два правила: 1) чтобы въ постройку каждаго

предмета непремѣнно *входилъ весь матеріалъ*, т. е. всѣ 8 кубиковъ, 2) чтобы ни одинъ изъ построенныхъ предметовъ *не былъ совершенно уничтоженъ*, а превращенъ въ другой предметъ лишь незначительное перемѣщеніе нѣкоторыхъ частей матеріала. По этому правилу складываютъ, напримѣръ 8 кубиковъ такъ, что они составляютъ одинъ большой кубъ. Вы снимаете съ краю одинъ кубикъ, ставите его на противоположный край—у васъ кресло; еще съ боку сняли кубикъ и положили подлѣ перваго снятаго—диванъ, который, если вы только раздвинете кубики на срединѣ, превратится въ два стула. И такъ одну изъ другой, не уничтожая прежней, вы складываете множество разнообразныхъ фигуръ. Лишь только кончаетъ ребенокъ свою постройку, его спрашиваютъ, къ чему служитъ сдѣланный имъ предметъ, и разсказываютъ что нибудь подходящее къ этому.

При занятіяхъ *изящными формами* слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ, т. е. не разрушаютъ прежней фигуры, для того чтобы построить новую, а только ее преобразовываютъ, развивая одну форму изъ другой. Отличаются эти изящныя формы тѣмъ, что фигуры, которыя при этомъ дѣлаетъ ребенокъ, не напоминаютъ ничего изъ жизни, тутъ главная цѣль дать понятіе ребенку о законѣ симметріи, такъ напримѣръ, не разстраивая, что уже сдѣлано, передвигаютъ только крайніе кубики, и у васъ выходятъ все новыя и новыя формы; при этомъ цѣльность фигуры нисколько не страдаетъ, а остается все таже изящная форма. Тутъ дѣтей между прочимъ наводятъ на мысль, что у каждаго изъ нихъ однѣ и тѣже части: одна голова, одинъ носъ, одинъ ротъ, руки, ноги и все-таки каждый изъ нихъ не похожъ на другаго, хотя въ своемъ родѣ каждый представляетъ нѣчто цѣлое, особое.

При упражненіи въ *математическихъ формахъ* наставница учитъ счету по кубикамъ, припѣвая и такія математическія пѣсенки:

Вотъ на ручкѣ пальцы есть,
Намъ ихъ надо перечесть:
Разъ, два, три, четыре, пять
Всего можно сосчитать.
Два ушли, осталось? три,
А теперь сколько? смотри—
(три пальца спрятать, два поднять)
Чтобъ получить намъ снова пять,
Сколько нужно къ нимъ придать? *«Три»*
Ручка съ пальцами на ней,
Вотъ забава для дѣтей!»

(«Руководство къ дѣтскимъ садамъ» Дараганъ, стр. 33-я).

Четвертый даръ. Занятія плитками даютъ дитяти позже кубиковъ. Прежде всего ребенокъ начинаетъ сравнивать ихъ съ кубиками, находитъ сходство и разницу. Постройки изъ этихъ кирпичиковъ или плитокъ можно еще болѣе разнообразить, такъ какъ ихъ форма ближе напоминаетъ ребенку дѣйствительный предметъ Условія построекъ и при этомъ разговоры съ дѣтьми тѣже самыя. Тутъ также заставляютъ ребенка выдѣлывать трехъ родовъ формы: жизненныя, изящныя, математическія. Въ послѣднихъ гораздо дальше идутъ со счетомъ. Такъ въ порядкѣ одинъ за другимъ въ учебникахъ изложены всѣ дары Фребеля и его ручныя работы; къ нимъ приложено множество рисунковъ для выполненія работъ. Вы можете занимать ребенка два мѣсяца кубиками, потомъ столько же кирпичиками, или плитками 4-го дара, потомъ изучать съ нимъ слѣдующіе дары, или приняться за плетеніе, или совершенствовать дитя въ одномъ и томъ же направленіи одною работою. Вамъ сданъ на руки богатый матеріалъ для занятій; распоряжайтесь имъ по вашему усмотрѣнію. Вотъ тутъ-то и представляется опасность или притупить ре-

бенка избыткомъ механизма, или набить голову дѣтей отрывочными, безсвязными свѣдѣніями. Ребенка заставляютъ выстроить сперва ящикъ, потомъ какую нибудь римскую тріумфальную арку. Зачѣмъ выбираютъ тѣ или другіе предметы? Другой цѣли, кромѣ ознакомленія съ частями куба, тутъ невидно. Ребенокъ строитъ водопроводы, тунели, арки, которые рѣдко кто изъ нихъ видѣлъ, слѣдовательно, онъ не знакомится даже съ простѣйшими формами окружающихъ тѣлъ. Между тѣмъ сравнивать и различать простѣйшія *формы* тѣлъ очень полезно; тутъ изощряется наблюдательность ребенка, *развивается* его творческая способность. Но вѣдь съ формою нераздѣльно связано и извѣстное содержаніе. Является вопросъ, чѣмъ вы наполните вашу бесѣду при указаніи той или другой формы.

Отъ учебниковъ, пожалуй, нельзя и требовать, чтобы они указывали всѣ пріемы, какъ вести дѣло. Чувствуя, что недостаточно ознакомиться съ системою Фребеля по учебнику, наши воспитательницы ѣдутъ учиться за границу. Въ швейцарскихъ дѣтскихъ садахъ онѣ, напримѣръ, видятъ, какъ дѣти маршируютъ, напѣвая воинственную пѣсенку. Не разбирая того, что пѣсня эта или игра является выраженіемъ національнаго чувства, онѣ цѣликомъ переносятъ ее въ свой дѣтскій садъ, устроенный въ Россіи, и внушаютъ дѣтямъ одинъ дикій, воинственный азартъ. — Въ Германіи воспитательницы требуютъ отъ дѣтей особенной признательности, полнаго подчиненія и поклоненія своему патріархальному, семейному авторитету, и это направленіе, какъ и первое, отражается въ бесѣдахъ съ дѣтьми. Перенимая все безъ разбора, наши воспитательницы угощаютъ и русскихъ дѣтей приторными описаніями семейныхъ чувствъ, только и толкуютъ, что о благости доброй мамаши и о заботливости милаго папаши. Любопытно знать, какъ подѣйствуетъ это на тѣхъ изъ нашихъ дѣтей, которыя совершенно сданы на руки гувернанткѣ или нянѣ, видятъ, что мать занята только гостями, портнихами и выѣздами? Но будь мать и внимательна къ дѣтямъ, развѣ можно кстати и не кстати болтать о любви къ родителямъ, которая чѣмъ искреннѣе, тѣмъ стыдливѣе. По крайней мѣрѣ эта болтливость о нѣжныхъ чувствахъ совсѣмъ не въ русскомъ духѣ. Вмѣсто сентиментальныхъ изліяній, которыми сопровождаются механическія занятія по системѣ Фребеля, слѣдовало бы указывать на предметы, которые сами собой возбуждаютъ извѣстное чувство. Бесѣды, которыя ведутъ при этомъ, должны быть связны: т. е. въ нихъ строго слѣдуетъ держаться правила избѣгать скачковъ отъ кресла къ аркѣ, отъ бабушки къ будочнику.

Въ настоящей главѣ мы укажемъ, какъ съ ребенкомъ послѣ 4-хъ лѣтъ слѣдуетъ вести эти занятія.

Нашей дѣвочкѣ Машѣ идетъ уже 5-й годъ. Зима. 10-ть часовъ утра.

— Вотъ тебѣ коробка съ новыми игрушками,—сколько игръ можно съ ними переиграть! Сколько вещей изъ нихъ сдѣлать! Каждый день можно придумывать все новыя!—А, да это кубики! кричитъ она, когда мать выложила передъ ней все то, что было въ ящикѣ.—Гдѣ же ты ихъ прежде видала?—Такой же кубикъ, только больше, лежитъ въ длинномъ ящикѣ вмѣстѣ съ шаромъ и цилиндромъ. Такъ какъ вы до сихъ поръ своими бесѣдами наводили вашего ребенка на разныя наблюденія, заставляли его находить сходство и различіе въ разныхъ предметахъ, то и теперь онъ каждый разъ, при встрѣчѣ съ новымъ предметомъ, самъ это дѣлаетъ безъ вашихъ вопросовъ. Если ребенокъ прежде былъ въ другихъ рукахъ, и вы только послѣ 4-хъ лѣтъ начинаете съ нимъ заниматься, вы должны навести его на тѣ разсужденія, которыя теперь сами собой приходятъ въ голову нашей дѣвочкѣ.

Маша открываетъ и закрываетъ ящикъ.—Вотъ этотъ ящикъ такъ настоящій кубъ: и въ длинну, и въ ширину, и въ высоту—ровенъ, и ребра, и углы есть... и всѣ одной величины. Да, только тотъ кубъ, который въ ящикѣ, уже совсѣмъ ровный, а здѣсь вонъ какая впадина. Вѣдь это для того, чтобы крышкой его закрывать? Если вынуть всѣ кубики изъ ящика, въ него можно спрятать и наперстокъ, и леденецъ, и маленькую куколку,—а въ кубикъ ничего не положишь... Выходитъ, ящикъ гораздо занимательнѣе. Кубикъ что? Поставилъ одинъ на одинъ и все тутъ!—Тебѣ такъ кажется, потому что ты не умѣешь еще съ нимъ играть, а вотъ я тебѣ покажу, какъ изъ кубиковъ строютъ все, что есть въ комнатѣ, на дворѣ, на улицѣ,—тогда ты скажешь, что нѣтъ лучше игрушки.

— Я тоже знаю такую игрушку, съ которой можно придумать много, много игръ!.. перемѣняй игру сколько хочешь, а игрушка одна. Угадай, что это? спрашиваетъ ребенокъ... Мячикъ!—Отгадала; видишь—мячикъ, значитъ, лучше.—Да, славная игрушка, только съ мячикомъ не всегда можно играть. Когда устанешь сидѣть и тебѣ захочется попрыгать, побѣгать—тогда играй въ мячикъ,—бываетъ же, что напрыгаешься, устанешь и сама просишь работы. А въ теперешнее зимнее время, — вечеръ начнется рано, ты ставишь свѣчку на столъ, начнешь играть въ мячикъ,—закатился, а поднять его и не видно, нужно нести свѣчку, всѣмъ вставать съ мѣстъ. То-ли дѣло кубики, преспокойно раскладывай ихъ себѣ въ это время на столѣ.

— Ну, хорошо, покажи, какъ сдѣлать стулъ.—Посмотри сама на стулъ и строй, какъ знаешь. Зачѣмъ стулъ? Чтобы сидѣть.—Вотъ, значитъ, нужно мѣсто для сидѣнья, а спина устанетъ, захочешь прислониться,—нужна спинка.

Ребенокъ долго смотритъ на стоящій стулъ и наконецъ начинаетъ ставить кубикъ на кубикъ, конечно, сначала очень неловко, но вы помогаете, и онъ оканчиваетъ начатую работу.

— Ахъ, мама! какой хорошій стулъ! какъ похожъ на нашъ.

— Будто ужъ и точно такой? Ну посмотри — какая между ними разница? Мало-по-малу ребенокъ находитъ, что въ немъ нѣтъ ни переплета, ни ножекъ; скоро онъ пойметъ и то, что вы заимствуете изъ дѣйствительнаго предмета лишь самое главное, въ стулѣ напримѣръ только сидѣнье и спинку. Сначала ребенокъ удивленъ, какъ онъ самъ этого не замѣтилъ; но потомъ успокоивается, особенно если вы разскажете, что въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ хорошихъ столяровъ, приходится довольствоваться и такою работой.

Ребенокъ скоро начинаетъ понимать, что воспроизводить на кубикахъ *жизненныя* формы онъ можетъ не иначе, какъ заимствуя изъ нихъ самое главное. Такимъ образомъ вы даете упражненія двоякаго рода: во 1-хъ, прежде, чѣмъ сдѣлать вещь, которая передъ глазами, ребенокъ долженъ подумать о ея назначеніи, во 2-хъ, уже построивъ какой нибудь предметъ, онъ сравниваетъ его съ дѣйствительнымъ, находитъ сходство и разницу.

— Что-же мы теперь сдѣлаемъ изъ кубиковъ? — спрашиваетъ у васъ дѣвочка.—Сначала все необходимое въ комнатѣ. Подумай, что мы дѣлаемъ съ утра до вечера и потомъ ночью? Прежде всего нужно поработать, потомъ поѣсть,—для этого служитъ столъ. Стоя нельзя ни работать, ни ѣсть: нуженъ, значитъ, и стулъ, а когда поѣдимъ, поработаемъ, поиграемъ, и такъ пройдетъ день, что мы дѣлаемъ? Ложимся спать. Безъ сна человѣкъ жить не можетъ: ему нужно отдохнуть послѣ цѣлаго дня хлопотъ и трудовъ. Спать ложатся въ постель. Значитъ, намъ стула и стола еще недовольно,—нужна постелька.—Ребенокъ дѣлаетъ столъ, потомъ постель.—Да можешь ли ты, Маша, лечь въ такую постель? Подумай, какая у тебя? Въ твоей кроваткѣ есть съ

обѣихъ сторонъ перегородки, иначе ты, пожалуй, выпадешь и больно расшибешься.

— Такъ зачѣмъ же это такъ? Я хочу сдѣлать для себя настоящую кроватку.—Какъ же быть? Кубиковъ больше не хватаетъ. Да и что изъ того, что у тебя было бы еще нѣсколько кубиковъ, и ты бы даже сдѣлала сюда сторонки, вѣдь и тогда кроватка была бы не совсѣмъ такая, какъ у тебя.—Что-же? только меньше, это еще лучше для меня.—Нѣтъ, все не совсѣмъ была бы похожа.—Ахъ, да,—вспоминаетъ ребенокъ: не было бы ножекъ, какъ у кроватки, не могло бы быть вотъ тутъ переплета, на который кладутъ мой тюфячекъ; да и стѣнки тутъ гораздо толще, чѣмъ въ моей кроваткѣ... такъ пусть это будетъ кроватка для деревни, и я, когда выросту буду въ ней спать.

Въ другой разъ вы наводите его на мысль, что человѣкъ, который постоянно живетъ въ одной и той-же комнатѣ, имѣетъ для жизни и разныя вещи, и что эти вещи нужно же куда-нибудь убирать. Слѣдовательно, нужна различная мебель. Вотъ ребенокъ мало-по-малу и строитъ всѣ предметы, которые находятся въ комнатѣ. Тутъ же онъ скоро начинаетъ понимать, какъ отличать предметы, необходимые въ жизни, отъ тѣхъ, которые служатъ человѣку украшеніемъ или прихотью. Такимъ образомъ онъ строитъ изъ кубиковъ: шкафъ, коммоды различной величины, сундуки, этажерки, диванъ, кресла, софу, плиту, стѣны комнаты и т. д.

Необходимымъ условіемъ этихъ работъ должна быть аккуратность въ постройкахъ. Если вы дозволите ребенку вначалѣ мало-мальски небрежно исполнить работу, и онъ все привыкнетъ дѣлать кое-какъ, а о постройкахъ, слѣдовательно и о формахъ, получитъ неправильное понятіе. Ребенокъ неаккуратно начинаетъ строить, и вы, безъ всякихъ выговоровъ, просто замѣчаете ему: погоди, поправь этотъ кубикъ, онъ долженъ прямо стоять сверху *этого*, а то криво выйдетъ и ужъ совсѣмъ тогда не будетъ похоже на стулъ, *и т. д.* Если вы, такимъ образомъ, съ самаго начала будете требовать *аккуратности* при исполненіи работъ, ребенокъ скоро привыкнетъ имѣть въ виду это требованіе и выполнять его.

При постройкахъ изъ кубиковъ, Фребель ставитъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы одна вещь непосредственно вытекала изъ другой. Это правило, дѣйствительно, не безполезно для дѣтей особенно разсѣянныхъ и не терпѣливыхъ и воспитаніе которыхъ вы ведете только съ извѣстнаго возраста. Съ этою цѣлью мы и даемъ нѣсколько рисунковъ, которые отчасти составили сами, отчасти заимствовали у Лины Моргенштернъ изъ ея книги „Paradis der Kindheit“. Но если вы ведете воспитаніе ребенка съ его первыхъ лѣтъ, лучше привести прежде въ сознаніе всѣ близкіе ему предметы, только отъ *времени* до времени указывая ему фигурки, которыя могутъ непосредственно вытекать одна изъ другой.

Прежними бесѣдами и наблюденіями мы заставляли ребенка вникать во все живое, во все, что передъ нимъ двигалось. Мы продолжаемъ эти наблюденія и бесѣды и кромѣ того знакомимъ его и съ другими близкими ему предметами; но теперь онъ наблюдаетъ уже въ нихъ то, *что прежде менѣе* бросалось ему въ глаза съ перваго раза,—форму предметовъ, отношеніе въ нихъ частей между собой. Такимъ образомъ, мы мало-по-малу разовьемъ всесторонне его наблюдательность, дадимъ ему полное понятіе о томъ маленькомъ мірѣ, въ которомъ онъ ежедневно вращается. Но и при постройкахъ, помимо сравненій съ дѣйствительными формами, необходимы также живыя бесѣды. Впрочемъ ребенокъ, хорошо веденный, всегда самъ наведетъ васъ на бесѣду съ нимъ.

— Ты сказала, что за столомъ работаютъ и ѣдятъ, а я вспомнила и еще кое-что, что сидя за нимъ дѣлаютъ.

— Ну что же?

— Когда большіе сидятъ одни за столомъ, они разныя книги вслухъ читаютъ, а когда съ ними и дѣти, они съ ними загадки загадываютъ или сказку имъ разсказываютъ. Позови еще папу, и Коля чтобъ пришелъ, и будемъ загадывать.

Если до 4-хъ лѣтъ поговорки и загадки были преждевременны, то теперь онѣ обыкновенно помогаютъ развитію ребенка, нисколько не насилуя его ума. Для каждаго возраста своя игра, и дѣти бываютъ вялы и скучны, когда игрой, соотвѣтственной ихъ возрасту, не занята ихъ фантазія. Стоитъ только посмотрѣть, какая радость на личикахъ дѣтей, когда они, сидя у стола, задаютъ другъ другу загадки; какою гордостью блещутъ глазки того, кто отгадалъ, или хотя вспомнилъ прежнюю загадку. Тутъ ребенокъ знакомится съ характерными народными выраженіями, привыкаетъ сводить вмѣстѣ повидимому самые несходные предметы и отыскивать въ нихъ сходство.

— Ну-ка, отгадайте,—говоритъ мать усѣвшимся вокругъ стола дѣтямъ,—что значитъ: „подъ одной шляпой четыре брата стоятъ?“

— Ахъ, что это такое?.. Вотъ, понимаю, а сказать какъ-то не умѣю,—говоритъ дѣвочка.

— Ну, если догадалась, такъ сказать это очень просто... Ты посмотри,—совсѣмъ близко, и такихъ вещей въ этой комнатѣ еще двѣ.

— *А я знаю!*—мальчикъ бьетъ въ ладоши,—*столъ!*

— „Никто не таковъ; какъ Иванъ Пятаковъ: сѣлъ на конь, и поѣхалъ въ огонь“. Дѣти смѣются.—Какая смѣшная... повтори-ка ее намъ. Ну ужъ эту не разгадать.

— А между тѣмъ вы это часто видите,—помаленьку наводитъ ихъ мать. Когда Варя разводитъ русскую печку, эта самая вещь тутъ-какъ тутъ. И вѣдь ставятъ ее тоже на столъ, только не на этотъ, который Маша состроила, а что у насъ въ кухнѣ стоитъ. Ну, и теперь не можете отгадать? Горшокъ,—когда его на ухватъ въ печку сажаютъ, сѣлъ на конь,—это ухватъ, и поѣхалъ въ огонь—въ печку.—Ну а это что: „У двухъ матерей по пяти сыновей“?—Пальцы на рукахъ.—А отчего, Маша, говорится: „у двухъ матерей?“—Потому, что двѣ руки.—„Два братца только черезъ дорогу живутъ, а никогда другъ друга не видятъ“.—Глаза.—„Собой не птица, пѣть не поетъ, а кто къ хозяину идетъ, она знать даетъ“.—Собака.—„Семьдесятъ одежекъ—всѣ безъ стежекъ“.—Кочанъ капусты.—„Мать—толста, дочь красна, а сынъ подъ небеса ходитъ“.—Печка, огонь и дымъ.

Ребенка слѣдуетъ понемногу наводить на разгадку и стараться чтобъ онъ самъ угадалъ; а когда вы ему говорите, что загадка означаетъ, то объясните предметъ какъ слѣдуетъ.—Дѣти, что значитъ: „Вотъ такъ грабли!—*гору* свернули“.—Кѣмъ все дѣлается на свѣтѣ?—Людьми.—А люди-то чѣмъ работаютъ?—Руками.—На рукахъ пальцы, словно грабли, да этими граблями что угодно возьмешь и зацѣпишь. Нужно строить дорогу, а на пути крутая горка; вотъ соберется народъ, примутся работать лопатами,—глядь полгоры и снимутъ. И самый большой домъ человѣкъ дѣлаетъ руками.—Что значитъ: „Жили въ четеромъ на побѣгушкахъ: двое отошли, всѣмъ на свѣтѣ стали владѣть“.—Когда ты была маленькая, ты ползала на четверенькахъ: на рукахъ и ногахъ, и въ то время такъ же мало смыслила, какъ всякій звѣрекъ, ну вотъ хотя какъ собачка. Своими передними лапками она только роетъ землю, да развѣ держитъ кость. Такъ и ты въ то время только умѣла дер-

жать колечко, да еще стукнуть имъ о столъ. А стала ходить, твердо держаться на ногахъ, руки-то у тебя и свободны; ими тебѣ ужъ не нужно опираться объ полъ, какъ собачкѣ, когда она бѣгаетъ на четырехъ лапахъ. Ты можешь многое руками дѣлать,—брать что хочешь. Еще поживешь, больше будетъ силы въ рукахъ.

Такихъ загадокъ можно прибрать множество... Выбирать слѣдуетъ такія, въ которыхъ говорится о совершенно знакомыхъ для ребенка предметахъ, въ которыхъ заключаются сравненія характерныя и доступныя дѣтскому уму. Въ концѣ главы мы даемъ еще нѣсколько примѣровъ загадокъ съ объясненіями. Когда и это окажется недостаточнымъ, то по даннымъ образцамъ искусная воспитательница сама съумѣетъ воспользоваться сборникомъ пословицъ Даля, гдѣ есть много загадокъ.

Постройка изъ кубиковъ, бесѣды, ее сопровождающія, загадки должны были у васъ занять не больше часу.—Ну, теперь бѣгай кругомъ комнаты; смотри только, чтобы головка не закружилась: бѣгай то въ одну, то въ другую сторону. — Попробуй-ка скакать на правой ножкѣ... Зачѣмъ обѣими? Нѣтъ, только на одной... Ну, теперь на лѣвой.—Теперь поди тихо, шагомъ, только ровно, а правой ручкой показывай, какъ кофе мелютъ. (Наблюдайте, при этомъ, чтобъ ребенокъ не просто болталъ руками, а дѣлалъ полные круги, которые помогаютъ развитію плечевыхъ мышцъ). Теперь дѣлай тоже самое лѣвой.—Теперь ручки въ боки, вотъ такъ хорошенько округли локоть, присядь на корточки и представь, какъ лягушка прыгаетъ въ полѣ. Ну еще кругомъ комнаты разочекъ. Теперь встань, а руки-то зачѣмъ опустила? Нѣтъ, руки держи по прежнему и стойми скачи, — это такъ воробушекъ съ вѣтки на вѣтку прыгаетъ; а теперь дѣлай побольше прыжки, — вотъ и настоящая сорока. Опусти руки и тихонько пройдись по комнатѣ. Ну теперь побѣги на цыпочкахъ, на самыхъ кончикахъ пальцевъ, на самыхъ носочкахъ... Ну, опять на всей ступнѣ. (Дѣвочка старается пройтись на пяткѣ). Ты на пяткѣ ходишь, а ты ходи, какъ обыкновенно, всей ступнею (вы ей показываете). Теперь летай, какъ птичка.—Пусть ребенокъ вытянетъ руки впередъ и немного ими помахиваетъ, какъ крыльями.—А поднимешь руки вверхъ, будешь коршуномъ, когда онъ хочетъ налетѣть на птицу и схватить ее. Тихо ходи, какъ лошадка, потомъ рысью, галопомъ, опять совсѣмъ тихо и показывай, какъ шьютъ. Развѣ лѣвой шьютъ? Какъ чулки вяжутъ? Какъ пишутъ? Какъ книгу въ рукахъ держатъ и про себя въ ней читаютъ? Какъ нитки мотаютъ? Какъ мотки держатъ?—Э! да руки въ это время не могутъ оставаться совсѣмъ спокойно, онѣ немного опускаются и поднимаются потому, что нитку къ себѣ притягиваютъ. Вотъ такъ. Поживѣй ходи и обѣими ручками показывай, какъ у мельницы колесо вертится. Опять обѣими ручками: какъ ножницами полотно рѣжутъ? Да что же ты стала? нужно ходить и показывать.—Да я устала.—Ну, это другое дѣло: тогда отдыхай, и играй теперь, какъ хочешь.

Не смотря на то, что такія упражненія (каждый можетъ подобрать ихъ сообразно своему образу жизни) въ высшей степени полезны во всѣхъ отношеніяхъ, воспитатель не долженъ забывать, что это все-таки не настоящая игра,—что при этихъ упражненіяхъ у ребенка въ 15 минутъ болѣе напрягаются и мускулы и умъ, чѣмъ при совершенно свободной игрѣ въ продолженіе 2—3 часовъ. Итакъ, для подобныхъ занятій совершенно достаточно удѣлять $^1/_4$ часа, а если ребенокъ устаетъ, такъ и раньше отпустите его. Онъ началъ занятія въ 10 часовъ, вмѣстѣ съ физическими упражненіями или подвижною игрою (о подвижныхъ играхъ, которыя можно устраивать въ дѣтскихъ садахъ или дома при большомъ числѣ дѣтей, рѣчь будетъ послѣ)—

все должно кончиться непремѣнно раньше 12 часовъ и при этомъ всѣ указанныя выше занятія отъ 2-хъ до 15 м. всегда должны чередоваться съ отдыхомъ. Не смотря на это, послѣ завтрака онъ долженъ оставаться на свободѣ, т. е. безъ вашего вмѣшательства въ его игру, по крайней мѣрѣ до 2 часовъ пополудни. Если день ясный, пусть онъ отправляется гулять: въ это время такъ свѣтло и холодъ менѣе чувствителенъ. Это случается или послѣ ѣды, или предъ нею,—время требующее моціона для равномѣрнаго обращенія крови. „Посмотри-ка, Машутка", поете или говорите вы между прочимъ,— „какъ снѣгомъ занесло окошки!.."

Въ ночку воетъ и гудитъ
На дворѣ мятелица,
Утромъ солнышко блеститъ,
Снѣгъ подъ ножками хруститъ,
Бѣлымъ пухомъ стелется.

Какъ солнышко въ окнѣ играетъ!—Значитъ, намъ съ тобой, сегодня и погулять на улицѣ можно. Хорошо, пойдемъ. Помнишь лѣтомъ,—говорите вы уже на улицѣ: солнышко ярко, ярко свѣтило; тогда было такъ тепло, иногда даже жарко, и мы гуляли въ однихъ платьяхъ...—И въ шляпахъ, перебиваетъ ребенокъ,—знаю, знаю, это было на дачѣ. Помню также, болтаетъ ребенокъ, какъ тогда птички сидѣли въ гнѣздышкахъ на яичкахъ. Тогда въ кустахъ я нашла одно гнѣздышко, и мы съ Колею часто ходили туда, никогда не дотрогивались до него, чтобы птичка не бросила своихъ дѣтокъ.

— Такъ-ли было тогда, какъ теперь, или нѣтъ?—Тогда тепло было, а теперь холодно, повторяетъ дѣвочка.—Припомни, что еще было тогда? Что ты видѣла на землѣ?—Зеленую травку, между травкой, кой-гдѣ цвѣточки, помогаете вы ей. Ну, а на деревьяхъ листики и цвѣточки... птички прыгали и пѣли. А помнишь какъ мы часто катались на лодкѣ, удили рыбу, а теперь нельзя этого дѣлать; теперь ледъ и снѣгъ на рѣкахъ и мальчики катаются на конькахъ. Куда-же все дѣвалось?—Птички улетѣли въ тѣ страны, гдѣ и теперь тепло; рыба вся въ глубь ушла, ей и въ водѣ тепло подъ этой ледяной корой, что ты сверху видишь. А какой крѣпкій, толстый и твердый долженъ быть этотъ ледъ, когда по немъ можно тройками въ саняхъ кататься. А гдѣ теперь коровы, овцы? Они, бывало, похаживаютъ, да травку рвутъ. Г'дѣ они теперь, что ѣдятъ? Что пьютъ?—Въ теплыхъ стойлахъ, въ хлѣвахъ ѣдятъ сѣно.—Посмотри вонъ санки покатили... Ухъ, какъ скоро летятъ! Только снѣгъ подъ ногами хруститъ! А видишь, паръ отъ лошади какой валитъ? Вонъ и у тебя изо рта паръ! Отчего это? Замѣчала ты когда нибудь это лѣтомъ? Бываетъ-ли это въ комнатѣ? И когда бываетъ?—Обратите вниманіе ребенка на трескъ въ деревьяхъ. Наведите его и на другіе типическіе признаки зимы, но бесѣдуйте только о томъ, что онъ тутъ же можетъ самъ наблюдать.—Такъ вотъ что надѣлала зима!.. А вѣдь, знаешь, не все ей удалось заморозить. Посмотри на эти деревья. Съ перваго разу кажется, что и съ ними тоже, что съ другими. Вѣтви ихъ тоже завалены снѣгомъ и покрыты ледяными сосульками, такъ что они отъ этой тяжести совсѣмъ наклонились къ землѣ. Чтожъ? И съ нихъ, какъ съ другихъ деревьевъ, вѣтеръ посорвалъ листья, разметалъ по полямъ, а снѣгъ занесъ ихъ своимъ пушистымъ, бѣлымъ одѣяльцемъ... Оторвемъ-ка вѣтку, ну отряхни... Э! да это ель! Посмотри, какая чудесная на ней зелень, даже и въ такой холодъ иголочки совсѣмъ свѣжія! Вотъ, значитъ, съ этимъ деревцомъ ничего не могла подѣлать зима! Снесемъ эту вѣточку домой. Понюхай ее: она, какъ полежала у насъ въ комнатѣ, и стала такъ пахнуть. Оттого-то торговки, когда продаютъ на дачахъ дичь, всегда втыкаютъ зеленыя иголочки ели въ клювъ тетерькамъ и

рябчикамъ. Если дичь и начнетъ портиться, ель можетъ немного заглушить дурной запахъ. Не знаешь ли ты, Маша, сама что нибудь про ель? У насъ въ Рождество бываетъ елка. Разскажи.

Очень важно въ этомъ возрастѣ заставлять самихъ дѣтей разсказывать небольшіе связные разсказы. Послѣ этихъ бесѣдъ и прогулокъ ребенка опять слѣдуетъ предоставить себѣ по крайней мѣрѣ на цѣлый часъ. Уже три часа. Будемъ вырѣзать. Вы берете разноцвѣтную бумагу и заставляете дѣтей вырѣзать отъ руки. Берутъ листъ и сгибаютъ косынкой, оставшуюся полоску обрѣзаютъ. Въ этой косынкѣ потомъ опять складываютъ вмѣстѣ оба противуположные угла; это самое повторяютъ одинъ, а иногда и два раза. Такъ бумага выходитъ въ 4, въ 8, или въ 16 разъ сложенною, но въ послѣднемъ случаѣ она выйдетъ слишкомъ толстою, и для начинающаго трудно будетъ рѣзать; лучше складывать только въ 4, или 8 разъ. Когда бумага сложена, ребенокъ держитъ ее рукой за уголокъ, который соотвѣтствуетъ срединѣ бумаги, и обрѣзаетъ ее по краямъ разнообразными фестонами, а внутри дѣлаетъ круглыя и продолговатыя дырочки. Дѣти очень скоро и легко научатся вырѣзать красивые узоры. Всѣ вырѣзанныя фигурки они могутъ наклеить въ особой для этой цѣли приготовленной тетради изъ синей или другой цвѣтной бумаги. Такимъ образомъ заниматься можно съ полчаса. Это не утомительная работа, но послѣ нея все-таки долженъ быть отдыхъ на $^1/_4$ часа. Нѣкоторыя фигуры изъ разноцвѣтной бумаги ребенокъ не наклеиваетъ, а нанизываетъ на нитку; только при этомъ между фигурами должно нанизывать маленькія соломенки, и у него выходитъ красивая гирлянда: ею онъ убираетъ свою кроватку, столикъ, елку въ праздникъ Рождества. Послѣ завтрака ребенокъ занялся у васъ только $^1/_2$ часа, но теперь онъ скорѣе устаетъ, чѣмъ утромъ, и вы должны дать ему отдохнуть не менѣе $1^1/_2$ часа. Сколько мнѣ извѣстно, когда такимъ образомъ занимаютъ дѣтей, они съ величайшей неохотой прекращаютъ занятія. Еще въ подвижныхъ играхъ они иногда чувствуютъ усталость; тутъ же при механическихъ работахъ, сопровождаемыхъ живыми бесѣдами, они совсѣмъ неутомимы. Понятно, что при этомъ ребенокъ очень рано почувствуетъ къ вамъ самую сильную привязанность; ему, кажется, тяжело разлучаться съ вами и на одинъ часъ. Онъ согласенъ перемѣнить игру, приняться за свои куклы, но съ условіемъ, чтобы вы въ этомъ принимали участіе. Если гдѣ и можно сдѣлать ему уступку, то никакъ не въ этомъ. Занятія его съ воспитательницей тоже должны имѣть свои границы. Онъ каждый разъ по крайней мѣрѣ по часу долженъ быть предоставленъ самому себѣ (конечно не въ опасномъ для него мѣстѣ). Иначе онъ никогда не будетъ самостоятельнымъ, вѣчно будетъ ходить на помочахъ.

Послѣ самостоятельной игры вы говорите: „Смотри, обрѣзковъ-то все еще много осталось: собери-ка ихъ съ полу и разложи каждый цвѣтъ въ отдѣльную кучку, а для каждаго изъ нихъ мы склеимъ мѣшокъ“. Вы показываете ребенку, какъ клеить разные мѣшечки: продолговатые, четырехъугольные, и проч. Лишь только онъ надѣлаетъ нѣсколько мѣшковъ, пусть онъ вамъ скажетъ, который изъ нихъ длиннѣе, шире, уже, и т. под. Кромѣ того пусть воспитательница помнитъ, что ребенокъ очень утомленъ послѣ цѣлаго дня умственнаго и физическаго напряженія, поэтому теперь долженъ идти совсѣмъ легкій разговоръ, не требующій съ его стороны большой сообразительности или находчивости. Лишь только онъ выразилъ желаніе заняться по своему усмотрѣнію, пустите его съ готовностію. Но если вы на цѣлый вечеръ предоставите ребенка себѣ, онъ непремѣнно соскучится и все равно будетъ приставать къ вамъ съ просьбой выдумать ему ту или другую игру. Что же

съ нимъ дѣлать теперь, когда уже не слѣдуетъ слишкомъ упражнять ни умственныхъ, ни физическихъ его силъ? А вотъ что: отъ времени до времени принимайте участіе въ его игрѣ; иногда придите къ нему на помощь; когда у него что нибудь неладится, покажите, какъ разнообразить имъ же затѣянную игру; но старайтесь, какъ можно менѣе подчинять его своей фантазіи. Для этого необходимо замѣчать направленіе игръ и характеръ, который въ нихъ обнаруживается. У большинства дѣтей этого возраста, которыхъ не забивали приличіями и муштровкою, является стремленіе испытывать свои силы: переносить на плечахъ и на головѣ игрушки, закидывать за плечи корзинки; всѣмъ этимъ можно пользоваться, не утомляя ребенка. Вы въ сторонѣ наблюдаете, что онъ дѣлаетъ и приходите къ нему на помощь, когда онъ находится уже въ очень затруднительномъ положеніи. Вотъ, онъ связалъ охапку лучинокъ и палочекъ, которыя у него должны представлять дрова; все разлетается у него въ разныя стороны, онъ готовъ плакать...

— Ты хотѣла въ дворника играть, ну попробуемъ-ка вмѣстѣ, бери одну вязанку, а я другую.—Вы развязываете, дрова посыпались.—Ухъ тяжело!... Вы съ точностію подражаете тѣмъ движеніямъ и тому положенію тѣла, какія бываютъ у человѣка при большой тяжести на спинѣ; вы указываете ребенку, какъ съ этой тяжестью онъ можетъ идти по ровному мѣсту, какъ приходится ему подыматься на лѣстницу. Вы ставите самую легкую корзину себѣ и ему на голову, продаете апельсины, ягоды, разные фрукты.

Такъ какъ въ одинъ день нельзя занять ребенка многими работами и *бесѣдами*, которыя ему доступны въ этомъ возрастѣ, мы дадимъ обращикъ *занятій* и на другой день. —„Мы будемъ строить, да?“ спрашиваетъ у васъ ребенокъ, когда увидалъ, что вы вынимаете знакомый ему ящикъ съ кубиками. „Посчитаемъ прежде, а потомъ ты будешь дѣлать, что хочешь“. Ребенокъ считаетъ сряду и назадъ, то отнимая по одному, по два, по три кубика, то столько же прибавляя, однимъ словомъ повторяетъ уже прежде пройденное. Ариѳметическія упражненія по системѣ Фребеля, которыя мы находимъ въ учебникахъ и которыя производятъ только надъ кубиками, какъ мы уже замѣтили, черезчуръ однообразны и совсѣмъ не приноровлены къ маленькимъ дѣтямъ. Между четырьмя и пятью годами обыкновенно даютъ четвертый даръ. Дѣлая *математическія* формы съ помощью куба, раздѣленнаго въ длину на 8 кирпичиковъ, ребенка уже знакомятъ съ геометрическими терминами и сложными задачами надъ дробями. Безъ всякаго предварительнаго объясненія заставляютъ его раздѣлить кубъ „горизонтальнымъ и вертикальнымъ разрѣзомъ на двѣ равныя части, дать прямоугольникамъ различныя положенія“ и т. под.

Въ предыдущей главѣ мы высказали, какихъ правилъ вообще слѣдуетъ держаться при первыхъ ариѳметическихъ упражненіяхъ; теперь дадимъ примѣръ, какъ заниматься этимъ съ пятилѣтними дѣтьми. Тамъ мы представляли только задачи надъ осязательными предметами. Ребенокъ вычиталъ только тогда, когда отъ видимыхъ имъ предметовъ могъ взять вещь и вынести ее вонъ; такимъ же образомъ онъ дѣлилъ и слагалъ. Мы не спрашивали его: тутъ два стула; сколько будетъ если одинъ изъ нихъ вынести? но просили его сначала сосчитать, сколько стояло стульевъ, потомъ вынести одинъ въ другую комнату, послѣ этого онъ опять считалъ, сколько было предъ нимъ стульевъ, и тогда уже отвѣчалъ намъ: „тутъ стояло 2 стула; одинъ я вынесъ въ другую комнату, и потому тутъ теперь стоитъ одинъ стулъ“. Послѣ 4 лѣтъ ребенокъ по прежнему упражняется въ тѣхъ же восьми числахъ, и ему не слѣдуетъ еще давать ничего отвлеченнаго, но теперь онъ

можетъ рѣшать задачи надъ всѣми дѣйствіями, и всѣ его упражненія могутъ уже быть нѣсколько болѣе сложными. Время занятій можетъ увеличиться тоже на нѣсколько минутъ.

1) Разложи всѣ 8 кубиковъ на двѣ равныя кучки. По скольку же кубиковъ въ той и другой? Теперь разложи на четыре, на восемь равныхъ частей или кучекъ. Почему эти части равны между собою? Разложи на нѣсколько неравныхъ кучекъ. Ты мнѣ кубики раскладывала, теперь поставь столбики; ну сначала хоть 8 кубиковъ въ два столбика, потомъ въ четыре. Эти столбики равны ли между собой? Возьми кубикъ съ этого столбика и поставь на другой,—сколько же у насъ столбиковъ *выше*? сколько *ниже*? Придвинь высокій столбикъ къ низкому. Сними кубики, которые дѣлаютъ одинъ столбикъ выше другаго? А ниже? Сравняй всѣ столбики. Теперь поставь такъ, чтобы столбики были лѣстницей, каждый на одинъ кубикъ ниже другаго? Считай, сколько кубиковъ въ первомъ столбикѣ, во второмъ, въ третьемъ? Такъ въ цѣломъ восемь кубиковъ; въ половинѣ четыре; въ четверти два; въ осьмушкѣ одинъ кубикъ. Возьми бумажку; согни ее на двѣ половины; другую такой же величины согни на четыре четверти, еще бумажку на 8-мь. Вотъ двѣ бумажки одинаковой величины: одну ты согнула на *двѣ половины*, другую на 4: какъ тебѣ кажется,—четверти больше или меньше половины? А осьмая еще меньше? Отчего? Посмотри, какое въ кровати самое высокое мѣсто? Спинка, у которой кладутся подушки. Сколько на матрасѣ подушекъ? А если-бы изъ трехъ подушекъ одну отдать мамѣ, другую нянѣ, сколько бы еще подушекъ осталось?

Вотъ если-бы эти 8 кубиковъ сдѣлались клѣточками для птичекъ и въ каждую мы посадили бы по птичкѣ, то сколько бы у насъ было птичекъ? Къ одному мальчику пришло въ гости четыре человѣка. Онъ каждому далъ по два яблока. Сколько же роздалъ онъ гостямъ яблоковъ? Вотъ тебѣ складной аршинъ. Согни его на двѣ половины; на четыре четверти. Покажи пальчикомъ, гдѣ будетъ полъ аршина, гдѣ четверть? Отмѣрь мнѣ $^1/_4$ ар., $^1/_2$ ар. тесемки. Раздѣли поровну этотъ яблокъ между мною и тобой. Сколько же каждому изъ насъ придется?

2) Кромѣ Фребелевскихъ даровъ, давая которые ребенку вы придерживаетесь извѣстнаго порядка, у дѣтей долженъ быть ящикъ съ кубиками, купленный въ игрушечной лавкѣ за 40, 50 коп. Ребенокъ перетаскиваетъ эти кубики съ мѣста на мѣсто, играетъ ими по своему усмотрѣнію во время отдыха, а теперь ихъ можно употреблять и для ариѳметическихъ упражненій. Разложи всѣ кубики на 8 рядовъ, но такъ, чтобъ каждый рядъ былъ *ровный*, точно по линеечкѣ сдѣланъ; только кубики пусть будутъ въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; кубики втораго ряда тоже ровнехонько стояли бы подъ первымъ. Считай первый рядъ, второй, третій и т. д. Теперь назадъ: восьмой, седьмой, шестой и т. д. Въ первомъ ряду сколько кубиковъ? Поставь мнѣ теперь эти кубики такъ, чтобы въ первомъ ряду былъ одинъ кубикъ и каждый слѣдующій рядъ былъ бы однимъ кубикомъ больше. Какъ ты думаешь, сколько кубиковъ будетъ въ восьмомъ ряду? Какой же изъ этихъ рядовъ больше? Первый рядъ *длиннѣе* всѣхъ. А почему онъ *длиннѣе*? Сколькими кубиками второй рядъ *короче* перваго, третій—втораго и проч. А тѣ сколькими длиннѣе? Какой же рядъ долженъ быть больше? Который рядъ *первый по величинѣ, самый большой*? Который *второй*? Гдѣ кубиковъ *меньше всего*?

Одинъ человѣкъ поймалъ на удочку 2 щуки и 6 окуней. Но когда онъ снималъ послѣдняго окуня, тотъ оборвался съ крючка и уплылъ въ рѣку.

Сколько этотъ человѣкъ наудилъ рыбы и сколько онъ могъ принести домой? Чтобы ѣсть ягоды, поданы 7 тарелокъ, а всѣхъ насъ сидитъ только пять человѣкъ. Если каждый возьметъ по тарелкѣ, то сколько останется еще тарелокъ?

3) На дворѣ двѣ лошадки, сосчитай сколько ногъ у обѣихъ? А сколько ногъ у одной? Нашъ пудель однажды занозилъ ногу, сколько осталось у него здоровыхъ ногъ? Возьми изъ этой кучки шесть кубиковъ; одинъ изъ нихъ положи на столъ, другой на стулъ, три на комодъ; ну сколько же у тебя кубиковъ въ рукахъ? А сколько ты разложила? Теперь возьми всѣ восемь кубиковъ, раскладывай ихъ по стульямъ, точно гостей усаживаешь, на каждый стулъ по одному. На сколькихъ стульяхъ помѣстились восемь кубиковъ? Къ намъ вчера пришло въ гости 6 человѣкъ. Каждый садится на одинъ стулъ. Сколько же 6 человѣкъ гостей должны занять стульевъ? Сосчитай, сколько стеколъ въ одномъ окнѣ? На той недѣлѣ въ этомъ окнѣ было 2 разбитыхъ стекла, сколько оставалось цѣлыхъ? Сколько оконъ во всей нашей квартирѣ? Сколько ножекъ у двухъ стульевъ? А если бы у одного стула были сломаны переднія ножки, сколько бы всего ножекъ осталось тогда у обоихъ стульевъ? На кругломъ столѣ въ кабинетѣ лежитъ 1 книга, а на рабочемъ 6; сколько же всего книгъ? Считай, сколько гладкихъ сторонъ у кубика, сколько реберъ, угловъ вверху, внизу,—сколько угловъ въ нашей комнатѣ?

4) Пять одинаковыхъ вещей называются *пятком*. Мать купила старшей дочкѣ пятокъ яблоковъ: дѣвочка съѣла 4 яблока одинъ за другимъ, а одинъ отдала младшей сестрѣ; сколько же яблоковъ у нея оставалось? Сосчитай, сколько насъ сѣло за столъ! А если отсюда уйдетъ 6, 5, 4, 3, 2 человѣка, сколько тогда будетъ за столомъ? Смотри: насъ 7 человѣкъ, а огурцовъ подали 5; сколькимъ не хватитъ огурцовъ, если каждый возьметъ по одному огурцу? Мать взяла своего сына въ рынокъ, купила ему пятокъ яблоковъ и послала его одного домой. Увидалъ онъ на дорогѣ собаку, побѣжалъ за ней, и потерялъ *одинъ* яблокъ; потомъ встрѣтилъ товарища, заговорился и потерялъ еще *два* яблока, а когда онъ подымался по лѣстницѣ домой выронилъ и еще одинъ... Сколько же онъ растерялъ и сколько домой принесъ? Въ нашемъ саду росли 3 орѣшника, 2 липы и 3 дуба. Сколько было у насъ деревьевъ? Такъ помни же, что у насъ было 8 деревьевъ, а какія это были деревья? Однажды во время сильной бури съ корнемъ вырвало 2 орѣшника и переломило сучья одной липы. Сколько же деревьевъ было повреждено, сколько изъ нихъ уцѣлѣло и какія устояли противъ бури? А отчего буря не тронула ни одного дуба? Кухарка купила въ рынкѣ 4 рябчика и 3 тетерки,—сколько всей дичи купила она?

5) Сколько дней въ недѣлѣ? Первый день *понедѣльникъ*, считай всѣ дни сряду. Теперь скажи: *пятница* будетъ который день въ недѣлѣ, а вторникъ, суббота? *Двѣ* одинаковыя вещи составляютъ *пару*. Вчера я купила *пару* иголокъ и одну уже успѣла сломать; сколько я купила иголокъ и сколько уже сломала? Про нѣкоторыя вещи можно также сказать: 2, 4, 6 иголокъ, тарелокъ, бутылокъ и т. п.; другія вещи считаются только парами. Не говорятъ два сапога, два чулка, а пара сапогъ, пара чулокъ. Саноги, чулки, носки, перчатки можно купить только *парами*, а въ одиночку ты ихъ не добудешь. Какъ ты думаешь, почему эти вещи покупаются парами? Не можешь-ли ты разомъ купить 2, 3 пары сапогъ, чулокъ?—Но вдругъ бы я нечаянно одинъ сапогъ пробилъ гвоздемъ, а другой былъ бы крѣпкій,—отчего же не прикупить къ нему?—Одинъ не продадутъ: ты долженъ заплатить одно и тоже, что за пару, что за одинъ.

Я купила три пары чулокъ, сколько же чулокъ я купила? По большой

дорогѣ ѣхало четыре экипажа; въ каждый была впряжена пара лошадей. сколько же было всѣхъ лошадей? А сколько паръ? Мы съ тобой одѣнемъ завтра по парѣ перчатокъ, сколько же перчатокъ будетъ на насъ обѣихъ одѣто, а сколько башмаковъ, чулокъ на обѣихъ? Изъ 4-хъ паръ носковъ я затеряла одинъ носокъ; сколько носковъ и сколько паръ уцѣлѣли? Сколько паръ роговъ у двухъ коровъ? Четыре быка бодались между собою и одинъ другому переломилъ одинъ рогъ, сколько роговъ уцѣлѣло? Слѣдовательно, сколько паръ уцѣлѣло? Однажды мимо насъ летѣло 4 птицы; сколько паръ крыльевъ промелькнуло передъ нами? Сколько паръ ногъ? А сколько у 4-хъ птицъ всего ногъ, крыльевъ? Поймаемъ муху. Смотри, я взяла ее за оба крыла; сколько же паръ крыльевъ у меня въ рукахъ? Сосчитаемъ ноги мухи. Если у нея три пары ногъ, сколько же всего ногъ? Вонъ по стеклу бѣгаютъ двѣ мухи, сколько паръ ногъ у обѣихъ? Ужъ заодно ты стоишь у окна, нагнись къ правому углу. Замѣчаешь-ли, что паукъ раскинулъ тамъ свои тенета? Слови его; ну, сколько же у него ногъ? Если у него 4 пары ногъ, а въ его тенетахъ сидитъ муха, сколько паръ ногъ будетъ у нихъ обоихъ? Сапожникъ шьетъ первый сапогъ четвертой пары. Сколько паръ онъ уже сшилъ и который сапогъ шьетъ? По двору бѣгутъ двѣ кошки; у одной изъ нихъ подбиты двѣ ноги, сколько же у нихъ у обѣихъ здоровыхъ ногъ, сколько подбитыхъ; сколько всего паръ ногъ у обѣихъ кошекъ?

6) Передъ тобою три кренделя; а если бы я тебѣ дала еще столько, да няня одинъ,—сколько бы было у тебя тогда кренделей? Вчера въ меду увязла одна муха; когда ее вытягивали, то нечаянно оторвали одну ногу. Сколько ногъ осталось, — слѣдовательно, сколько паръ? Бабушка вяжетъ 8-й чулокъ; которую пару она вяжетъ и сколько чулокъ уже связала? Сколько въ дрожкахъ паръ колесъ, а въ каретѣ, коляскѣ? Ну, а сколько паръ колесъ въ саняхъ? Если въ саняхъ нѣтъ колесъ, то какъ же на нихъ можно ѣздить? Почему и когда можно употреблять экипажи на полозьяхъ? Ѣхали мы на дрожкахъ, вдругъ отскочило одно колесо; сколько же колесъ осталось и сколько паръ? У ласточки было въ гнѣздѣ четыре птенчика. Разъ вылетѣла она изъ гнѣзда и принесла два червячка, во второй же разъ принесла только одного. Сколько всего червячковъ принесла она дѣтямъ, во сколько разъ принесла она ихъ въ гнѣздо, и всѣмъ-ли малюткамъ достанетъ, если каждому она дастъ по червячку. На обѣихъ рукахъ сколько паръ пальцевъ? Вотъ сидятъ братъ и сестра: сколько у нихъ паръ ушей, ногъ, глазъ, рукъ? Маша принесла изъ гостей три пряника, — сколько у нея не достаетъ до 8-ми? Вася купилъ 6 леденцовъ, 2 роздалъ братьямъ, а одинъ самъ съѣлъ; сколько же у него осталось? На площадкѣ передъ нашимъ домомъ стояли два дерева: на одномъ изъ нихъ птички свили 3 гнѣзда, а на другомъ 2; одинъ мальчикъ взлѣзъ на дерево и снялъ гнѣздо; сколько всего было гнѣздъ на деревьяхъ и сколько ихъ осталось? Пять мальчиковъ играли въ мячикъ; къ нимъ прибѣжали еще три дѣвочки; но тогда одинъ изъ мальчиковъ не захотѣлъ играть и ушелъ изъ комнаты. Сколько дѣтей играло послѣ того, какъ къ нимъ пришли дѣвочки и одинъ изъ мальчиковъ вышелъ? А если бы онъ не выходилъ, сколько бы тогда играло дѣтей въ мячикъ? Зимою однажды мы собрались большою компаніей ѣхать въ 2-хъ экипажахъ кататься; для этого мы наняли двѣ тройки, но впрягли только по парѣ; сколько всего лошадей мы наняли и сколько изъ нихъ осталось ненанятыми?

7) Семейство состоитъ изъ отца, матери, старой бабушки, 2-хъ сыновей, 2-хъ дочерей и маленькаго внучка; сколько же всего человѣкъ? Чтобы сшить 2-мъ мальчикамъ по рубашкѣ, обыкновенно покупали 8 аршинъ матеріи.

Сколько каждому шло на рубашку? Вотъ семь яблоковъ, подѣлись съ сестрой по ровну. Сначала и себѣ и сестрѣ положи по три яблока, и у тебя все таки остается еще одинъ. Какъ его раздѣлить? Его можно разрѣзать пополамъ. Теперь что же дѣлать? Одну половину яблока дать сестрѣ, а другую взять себѣ. Каждый изъ васъ сколько получитъ? По три съ половиною. Въ одномъ карманѣ у ребенка 1 конфетка, въ другомъ—столько же, да еще столько же, да въ его маленькомъ столикѣ нашлось 4 конфетки. Сколько было всего конфетокъ? Мальчикъ въ школѣ рисуетъ каждый день по страницѣ; сколько страницъ онъ нарисуетъ въ недѣлю, если только по воскресеньямъ не будетъ ходить въ школу? Въ передней 6 калошъ; сколько людей пришло? Варя щипала птицъ и бросала крылья; мы потомъ насчитали 8 крыльевъ; сколько было птицъ? Мы купили въ мясной 8 телячьихъ ножекъ; отъ скольких телятъ были эти ножки? Я разъ нашла въ лѣсу 4 головки синички, 2 воробьиныхъ; по головкамъ судя, сколько должно было умереть птичекъ?

Я проживаю въ день по одному рублю: у меня въ карманѣ 8 рублей: сколько же изъ этихъ денегъ я проживу въ недѣлю и насколько дней ихъ еще хватитъ для другой недѣли? Одинъ фунтъ гречневой крупы стоитъ 4 коп., сколько фунтовъ я могу купить на 8 копѣекъ? а на 6? Одинъ фунтъ хлѣба стоитъ двѣ копѣйки, сколько фунтовъ хлѣба можно купить на 8 к.? Вотъ тебѣ вѣсы, отвѣсь полъ-фунта песку, полъ-фунта орѣховъ, пряниковъ, гороху, зеренъ. Мальчикъ два раза покупалъ по три мячика,—сколько мячиковъ будетъ у него, если одинъ изъ нихъ онъ подаритъ товарищу?

8) Не знаю, сколько дали мальчику денегъ на гостинцы; только онъ тотчасъ купилъ подсолнечниковъ на двѣ копѣйки, маковниковъ на три копѣйки и на одну копѣйку леденецъ. Сколько долженъ былъ онъ имѣть денегъ на эти покупки? Французская булка стоитъ три копѣйки. Мальчику дали восемь копѣекъ и просили купить двѣ булки. Сколько онъ получилъ сдачи? Что значитъ давать сдачи? А вотъ до этого мы сейчасъ доберемся. Одна булка стоитъ три коп., а нужно было купить двѣ булки; сколько же нужно было заплатить? Если нужно было 6 коп., а у него 8, значитъ двѣ коп. онъ принесъ лишнихъ, которыя торговецъ отдаетъ, потому что товару даетъ на 6: вотъ эти-то лишнія, непринадлежащія торговцу деньги, и называются сдачей.

Когда ребенокъ составилъ себѣ хорошее понятіе о томъ, что такое пара, тройка, пятокъ, вполнѣ усвоилъ восемь цѣлыхъ чиселъ, мы можемъ нѣсколько серьезнѣе остановиться и на первыхъ элементарныхъ понятіяхъ о частяхъ единицы. До сихъ поръ онъ только разрѣзалъ яблоко на двѣ половины, раздвигалъ въ разныя стороны восьмыя части кубика; теперь несложную задачку можно его заставить рѣшить и въ умѣ. Но, разумѣется, при малѣйшемъ затрудненіи онъ беретъ въ руки самые предметы и по нимъ уже отвѣчаетъ на ваши вопросы. Когда ребенокъ уже понимаетъ части цѣлаго, никогда не слѣдуетъ сразу оставлять упражненія въ дѣйствіяхъ на простыя, цѣлыя числа. Наши примѣры лучше всего пояснятъ, какъ мы понимаемъ это дѣло.

9) Вотъ тебѣ листъ писчей бумаги, сложи его пополамъ и разорви. Считай, на сколько частей разорванъ листъ бумаги? Эти обѣ части листа какъ называются? А вотъ еще тебѣ цѣлый листъ бумаги, разорви его тоже на двѣ равныя половины, но въ другую сторону. Если ты сложишь обѣ половины листа вмѣстѣ, сколько цѣлыхъ листовъ у тебя будетъ? Вотъ тебѣ одинъ фунтъ пастилы; подѣлись пополамъ съ братомъ. Разрѣжь на половины

и вывѣсь: будетъ ли каждому аккуратно по полуфунту? Сколько же пришлось тебѣ, сколько брату? А вотъ арбузъ: онъ такой большой, что на нашу семью можетъ хватить его на два дня. Какъ же ты его раздѣлишь, чтобы сегодня мы съѣли совершенно столько, сколько и завтра? И сколько *мы* съѣдимъ сегодня и сколько завтра? За одинъ фунтъ пшеничной муки я заплатила 6 коп. Сколько стоитъ полъ-фунта? За полъ-аршина тесемки я заплатила 4 коп., сколько же стоитъ цѣлый аршинъ? Пять копѣекъ *называется* также пятакомъ. Двое рабочихъ, получивъ отъ хозяина *заработанныя* деньги, попросили еще на чаекъ; имъ дали пятакъ. Сколько же *копѣекъ* они получили? А не можешь-ли сказать, сколько досталось каждому? Ну этого не можешь, такъ неси пятокъ яблоковъ. Дѣлись со мной поровну. Я получила цѣлыхъ два и ты столько же. А что же мы сдѣлаемъ съ этимъ яблокомъ, какъ его раздѣлимъ? Пополамъ раздѣлимъ. Сколько же каждый изъ насъ получилъ? По два и по одной половинѣ или, короче сказать, по два съ половиною. Неси 5 листовъ бумаги, дѣлись опять со мной. Какъ же ты поступишь съ пятымъ листомъ? Его можно разорвать пополамъ. Сколько получилъ каждый изъ насъ бумаги? Отвѣсь пять фунтовъ песку и раздѣли ихъ на двѣ равныя части. Сколько въ каждой части? Ну, а какъ ты раздѣлишь пополамъ между мною и тобою пять копѣекъ? Что ты сдѣлаешь съ пятой копѣйкой? Какъ ею намъ съ тобою подѣлиться? Если ее разрубить на двѣ части, то она будетъ испорчена, такъ что никакой купецъ не приметъ ее, слѣдовательно и ничего нельзя будетъ на нее купить. Вотъ поэтому деньги мѣняютъ. Вмѣсто одной коп. намъ дадутъ двѣ полукопѣйки и каждый изъ насъ получитъ тогда по двѣ съ половиною копѣйки. Такъ сколько же на чай получилъ каждый изъ рабочихъ? У насъ 6 комнатъ; сколько же *комнатъ* составляютъ половину нашей квартиры? Какъ намъ подѣлиться по*поламъ*, когда мнѣ дано 8, 6, 4, 2, 1 пряникъ. Мама купила себѣ на кофту 4 аршина матеріи, но оказалось, что нужно было прикупить еще половину уже купленнаго. Сколько же ей не хватало матеріи и сколько нужно было на кофту? А гдѣ будетъ половина или средина этой комнаты? Какъ это ты узналъ? На глазомѣръ ты опредѣлилъ довольно вѣрно, но что нужно сдѣлать, чтобы точно узнать? Вѣдь комнату не согнешь какъ листъ, не разрѣжешь какъ яблокъ. Комнату можно вымѣрить аршиномъ. Первые четыре дня въ недѣлѣ мать давала дочкѣ по два леденца, сколько дочка получила всѣхъ леденцовъ? Собака съѣдала въ день по 2 фунта хлѣба; сколько съѣстъ она въ 2, 3, 4 дня? Мать покупала каждую недѣлю своимъ дѣтямъ по полъ-фунта конфектъ; сколько фунтовъ конфектъ купитъ она имъ въ четыре недѣли? 4 половины сколько цѣлыхъ? Я купилъ 4 арш. ситцу на платье, сколько полу-аршинъ было у меня?

10) Если одинъ человѣкъ помѣщается въ одной комнатѣ, во сколько комнатъ нужно имѣть квартиру, чтобы помѣстить въ ней 7, 8, 6 человѣкъ? Во сколько дней сгорятъ 4, 6, 8 свѣчей, если въ день сгораетъ пара свѣчей? У меня было четыре игрушки, а у брата 8, сколькими игрушками у брата больше? Одинъ съ половиною называютъ также *полтора*. Сегодня я купила полтора фунта ситнаго хлѣба, а вчера только полъ-фунта, сколько фунтовъ хлѣба всего я купила и во сколько дней? Мальчикъ долженъ былъ ходить въ школу каждый день; но по воскресеньямъ школа закрыта, да кромѣ этого онъ самъ всегда прогуливалъ ужъ непремѣнно два дня. Сколько же дней мальчику приходилось бывать въ школѣ? Сколько нужно паръ подковъ, чтобы подковать пару лошадей въ гололедицу, когда лошадей подковываютъ на всѣ ноги? Аршинъ тесемки стоитъ двѣ съ половиною коп.,

сколько будутъ стоить три аршина? Купила я ситцу три аршина, но съ одного конца полъ-аршина оказалось гнилымъ, а съ другой стороны столько же пришлось оторвать по негодности; на сколько же обманулъ меня купецъ и сколько изъ купленной матеріи я могла употребить въ дѣло? Мнѣ нужно было купить три селедки. За селедку запросили двѣ съ половиною копѣйки, между тѣмъ со мной было всего 6 коп., сколько же не хватало у меня денегъ? Куриное яйцо стоитъ полторы коп., сколько мнѣ нужно имѣть денегъ на покупку 4 яицъ? Утка сидѣла на 8 яйцахъ, но была очень безпокойна, неусидчива: то и дѣло вскакивала съ мѣста то пить, то ѣсть. Наконецъ вышло то, что половина изъ яицъ, да еще одна четверть оказались болтунами. Сколько-же яицъ пришлось выкинуть и сколько она могла вывести птенчиковъ? Гдѣ четверть аршина? Отмѣрь мнѣ четверть аршина каленкору, тесемки; оторви четверть листа? Дай мнѣ двѣ четвертушки листа, положи ихъ на полъ листа, ну что больше? Я купила маленькому на блузу одинъ аршинъ фланели, но мнѣ не достало четверти аршина. Сколько же нужно было мнѣ всего купить четвертей? Одна дѣвушка купила три фунта винныхъ ягодъ; но лишь только она возвратилась домой, какъ замѣтила много гнилыхъ, тотчасъ выбросила дурныя и когда потомъ взвѣсила, потянуло два фунта и три четверти. Сколько же она выкинула ягодъ? Одна женщина купила 4 фунта малины, но ягоды были сорныя, съ прутиками, съ листиками и другою зеленью. Когда она очистила самый крупный соръ и взвѣсила ягоды въ первый разъ, то онѣ потянули три фунта съ четвертью, а во второй три фунта. Сколько первый разъ было сору, сколько второй, сколько вѣсилъ весь соръ?

Одинъ фунтъ манной крупы стоитъ 8 коп.; прихожу въ лавку купить четверть фунта, а у самой въ карманѣ три копѣйки. Сколько должна получить я сдачи? А сколько копѣекъ стоитъ три четверти манной крупы, сколько полфунта? Васъ шесть человѣкъ, а у меня для васъ только три апельсина; сколько каждому изъ васъ придется, если апельсины раздѣлить по ровну? Въ одной изъ комнатъ больницы, посрединѣ въ рядъ, стояло пять кроватей, а у стѣны только три; но одна кровать не была занята. Сколько же человѣкъ, спало въ комнатѣ? Почему семь, когда было восемь кроватей? Одинъ фунтъ крупной соли стоитъ двѣ съ половиною копѣйки; мнѣ нужно взять три фунта, а денегъ 8 коп. Сколько продавецъ дастъ мнѣ сдачи? Докторъ прописалъ больному по полторы ложки микстуры утромъ и вечеромъ, а въ полдень двѣ ложки. Сколько ложекъ микстуры придется выпить въ день больному? Прачка получаетъ жалованья въ мѣсяцъ восемь рублей. За четверть этого мѣсяца она уже получила,—сколько же придется ей заплатить въ концѣ мѣсяца, и сколько она уже взяла? Одна женщина въ день съѣдала три фунта хлѣба, сколько ей нужно хлѣба въ полтора дня? Вотъ сажень. Вымѣряемъ ее аршиномъ. Сколько-же въ сажени аршинъ? Если въ сажени три аршина, то въ полсажени сколько аршинъ? Саженью мѣряютъ дрова, землю, зданія. Вымѣряемъ, сколько сажень въ длину и ширину имѣетъ земля, на которой стоитъ наша дача. Мѣрь величину и высоту комнатъ. У дяди комнаты въ полторы сажени высоты; во сколько значитъ аршинъ? Машѣ дали 8 леденцовъ, а ея маленькому брату—2: у котораго больше, у котораго меньше? Многими-ли леденцами у Маши больше, чѣмъ у ея брата? Многими-ли леденцами у брата меньше чѣмъ у сестры? У меня всего муки два фунта съ четвертью, а чтобы спечь пирогъ на нашу семью нужно три фунта. Сколько у меня не хватаетъ муки на пирогъ? Дѣвочкѣ во время болѣзни первые два дня недѣли давали два раза въ день по двѣ капли одного лекар-

ства; послѣ дѣвочка выздоровѣла; сколько разъ пришлось ей принимать лекарство; назови дни, въ которые она его принимала, сколько всего капель приняла она? У меня пять дынь, во сколько разъ я ихъ раздамъ, если каждый разъ буду давать по одной дынѣ? А если бы одну изъ нихъ я себѣ оставила, а остальныя стала раздавать по двѣ; во сколько бы тогда разъ я раздала всѣ дыни? Въ лѣвой рукѣ у меня 8 зеренъ, въ правой два; гдѣ *больше?* сколькими зернами больше въ лѣвой, сколькими меньше въ правой? *Надѣ* семь лѣтъ, а Мишѣ три; сколькими годами сестра старше брата; а братъ моложе сестры? Дѣвочка давала больному солдату деньги четыре раза и каждый разъ по двѣ копѣйки, кромѣ перваго, когда она могла дать только одну копѣйку. Сколько копѣекъ дѣвочка дала солдату? Когда я разъ купила дрова, сажень куда-то затерялась и мнѣ пришлось мѣрить аршиномъ. Дрова имѣли четыре съ половиною аршина. Сколько значитъ въ нихъ было сажень? Года два тому назадъ я была въ дорогѣ цѣлыхъ восемь дней. Сколько недѣль и дней я была въ дорогѣ? Рыбакъ поймалъ 8 рыбъ. Четвертая часть пойманной рыбы выскользнула изъ рукъ, изъ другой четверти пойманной рыбы онъ наварилъ ухи, а остальное продалъ. Сколько рыбы пришлось ему продать, сколько опустить въ воду и изъ сколькихъ рыбъ могъ онъ сварить себѣ уху?

Мы съ товарищемъ жили въ одной мѣстности, но въ двухъ различныхъ деревняхъ, на разстояніи другъ отъ друга въ 8 верстахъ. Отправился я къ нему и когда прошелъ восьмую часть дороги, встрѣтилъ его самого. Сколько же я верстъ прошелъ и сколько мнѣ оставалось идти до деревни товарища? Надя три раза въ день пьетъ молоко, каждый разъ по четверти бутылки. Сколько бутылокъ молока выпьетъ она въ два дня? Одна дѣвочка мнѣ говорила: еслибъ мнѣ сшили еще три платья, тогда у меня было бы восемь. Сколько значитъ у нея было платьевъ?

Здѣсь мы даемъ въ руки ребенку вѣсы, чтобы онъ вѣшалъ всѣ предметы, но, на первый разъ, знакомимъ только съ гирьками, означающими фунтъ, полфунта, четверть и осьмую часть.

Картофель, горохъ, зерновые хлѣба: овесъ, рожь, ячмень, пшеница—все это мѣряется четвертями, четвериками, гарнцами. Разумѣется, объ этихъ мѣрахъ только тогда можно говорить съ ребенкомъ, когда вы тотчасъ же и наглядно можете его съ ними познакомить. Вотъ въ этомъ четверикѣ 8 гарнцевъ. Повѣрь, точно ли это такъ. Баба несла за плечами два мѣшка; въ каждомъ было по четыре гарнца ржи. Сколько четвериковъ ржи было у нея въ двухъ мѣшкахъ? И какая часть четверика была въ каждомъ мѣшкѣ? Когда осенью крестьянинъ выкопалъ изъ огорода картофель и смѣрилъ его, у него оказался цѣлый четверикъ. Между тѣмъ онъ сажалъ только одинъ гарнецъ. Какъ великъ у него урожай и какую часть четверика онъ сажалъ? У крестьянина Петра весною оставался еще четверикъ ржи, въ то время, когда кругомъ его уже бѣдствовали сосѣди. Одинъ изъ нихъ сталъ просить помочь, и Петръ далъ четвертую часть того, что самъ имѣлъ; потомъ пришло къ нему еще двое сосѣдей, и онъ каждому изъ нихъ далъ по одному гарнцу. Скольким людямъ помогъ Петръ, сколько роздалъ ржи и сколько осталось у него самого? Отвѣсь мнѣ на вѣсахъ осьмушку, четверку и полъ фунта: песку, гороху, стружекъ, зеренъ, крупы. Четверть фунта соли самому купцу стоила четверть копѣйки, а продаетъ онъ ее за полъ копѣйки. Сколько купецъ наживаетъ прибыли на каждомъ фунтѣ соли? А во сколько фунтъ соли обошелся купцу; покупателямъ почемъ онъ продавалъ? *).

*) Примѣры подобныхъ задачекъ можно найти также въ прекрасной книжкѣ *А. Н. Канаева* «Нянина ариѳметика для дѣтей отъ 4-хъ до 7-ми лѣтъ». Спб. 1890.

Когда такимъ образомъ дѣти сознательно усвоютъ 8 чиселъ и ихъ части, тогда уже можно перейти къ сборникамъ ариѳметическихъ задачъ Томаса, а также Воленса, взявъ изъ этихъ книгъ: задачи для умственнаго исчисленія надъ числами отъ 1-го до 10-ти, а затѣмъ къ этимъ же числамъ изъ сборника ариѳметическихъ задачъ для приготовительнаго и систематическаго курса В. Евтушевскаго. Рѣшивъ съ ребенкомъ двѣ, три задачи по указанному нами примѣру, вы предпринимаете съ нимъ какое-нибудь подвижное занятіе. — Пойдемъ-ка мы съ тобой въ мячикъ играть. Вы одинъ мячикъ берете себѣ, другой даете ребенку. Правой рукой будемъ бросать: разъ, два,—разъ, два; теперь разъ, два, три (каждое движеніе вы повторяете по нѣсколько разъ). Теперь лѣвой; теперь будемъ обѣими руками бросать вверхъ: лови на лету; правой рукой брось, а лѣвой поймай; теперь лѣвой брось, а правой лови. Въ стѣну бросай, лови обѣими руками; теперь то одной, то другой рукой. Брось мячикъ объ-полъ и не лови его, а только отбивай ладонью. Положимъ на столъ нѣсколько мячиковъ, а въ рукахъ у себя оставимъ одинъ и будемъ сбивать со стола мячики. Поиграемъ въ кегли, или будемъ сбивать деревяшки.

А теперь вотъ тебѣ *коловертъ*, провертывай дырки. Это, вѣроятно, всѣмъ извѣстный, очень несложный инструментъ. На скамеечку кладутъ доску, выдвинувъ ее нѣсколько впередъ, чтобы не просверлить скамейку; къ доскѣ приставляютъ особаго рода широкій буравъ, или вилочку, которую вертятъ рукояткой, прикрѣпленной къ ней винтомъ. Укажите только ребенку, какъ держать этотъ инструментъ въ рукахъ, и онъ будетъ сверлить ровныя дырки, что доставитъ ему большую радость и полезно для развитія его ручныхъ мускуловъ. Эту работу однако возможно давать лишь крѣпкимъ дѣтямъ.

— Ну, теперь бѣгай, пляши, скачи или сиди, сложа руки.

Послѣ отдыха, вы принимаетесь на этотъ разъ опять за кубики. Вы сегодня только считали съ ребенкомъ, а еще ничего не строили. Такъ какъ вчера была постройка для изображенія жизненныхъ формъ, то сегодня пусть онъ знакомится съ изящными формами. Дѣленіе формъ Фребеля на жизненныя, изящныя и математическія мы признаемъ вполнѣ и вносимъ ихъ при своихъ упражненіяхъ. Какъ полезно упражнять въ подражаніи жизненнымъ формамъ, было ясно уже изъ нашихъ примѣровъ. Но важно еще наглядно показать ребенку законъ симметріи: это удобнѣе и проще всего сдѣлать на тѣхъ же кубикахъ и плиткахъ. Занимаясь воспроизведеніемъ однѣхъ жизненныхъ формъ, вы научите лишь дѣлать предметъ, напоминающій дѣйствительность, но не дадите какъ слѣдуетъ усвоить, въ чемъ состоитъ правильность и соотвѣтствіе частей. Для этого служатъ изящныя формы. Тутъ раскладываютъ кубики четыреугольникомъ и потомъ передвигаютъ только крайніе: такимъ образомъ выходитъ все новая хорошенькая фигурка. Разумѣется, нѣтъ надобности, чтобы ребенокъ непремѣнно передѣлалъ всѣ многочисленныя формы, указанныя у Фребеля. Однообразіе работы можетъ утомить его: онъ останавливается на болѣе красивыхъ, напоминающихъ что нибудь дѣйствительное, напримѣръ, на разнаго рода крестикахъ, звѣздочкахъ и пр. Объ этомъ можно вести и бесѣду.

Математически-правильное *строеніе*—одна изъ самыхъ полезныхъ, всесторонне развивающихъ игръ во всей фребелевской системѣ; почему мы и назначаемъ занятіе строеніемъ каждый день, примѣняя его къ ознакомленію съ формами всѣхъ трехъ родовъ, указанныхъ Фребелемъ. Постепенно ребенокъ пріучается самостоятельно творить предметы изъ жизни, которые онъ видѣлъ, строя разные домики, сараи и тому под.; безъ научныхъ объясненій, практически, онъ узнаетъ примѣненіе нѣкоторыхъ физическихъ законовъ: тя-

и цѣлости. Тутъ фантазія дѣйствуетъ заодно съ разсудкомъ, и ихъ правильное гармоническое развитіе составляетъ идеалъ воспитанія.

Приведу въ примѣръ сказку и покажу, какъ ее должно объяснять дѣтямъ. (Мы останавливаемся на сказкѣ „Морозко“, которую можно разсказать ребенку лишь въ лѣтъ семь; для болѣе малыхъ дѣтей мы даемъ образцы сказокъ въ концѣ этой главы; нѣсколько сказокъ прекрасно обработаны Ушинскимъ въ его „Родномъ Словѣ“).

Въ скобкахъ отмѣчены объясненія, которыя мы находимъ нужнымъ дѣлать, когда разсказываютъ сказку.

Морозко.

„Жили-были старикъ да старуха, а у нихъ двѣ дочери. Старшую, свою подчерицу (значитъ не родная была, не ея дочь, а старика), старуха не любила, все ее журила (бранила): экая лѣнивица! экая неряха! (будто та ничего хорошенько не умѣла дѣлать, все пачкала, бросала). А Надя была золото дѣвушка: и скотинку поила, кормила, и дрова да воду въ избу таскала, и все вымететъ, приберетъ еще до свѣту. (Значитъ, всѣ еще спятъ въ домѣ, а она уже работаетъ). Вотъ злая мачиха и говоритъ: пора, старикъ, выдавать дочерей замужъ. (Это она нарочно такъ придумала, чтобы обмануть старика). Снаряжай-ко Надю, да вези ее въ боръ (въ лѣсъ), къ большой соснѣ: я посватала ее за Морозко.—Что ты? Въ умѣ ли?—крикнулъ старикъ.—А что? Чѣмъ не женихъ? Вишь, сколько у него богатства! Сосны въ пуху да въ серебрѣ; на водѣ дворцы стеклянные, гляди, какъ сіяютъ на солнцѣ. (Что же это за дворцы, за богатство у Морозка? Это снѣгъ на соснахъ, что такъ блеститъ, серебрится на солнцѣ; это ледъ на рѣкѣ, будто стекло. Вѣдь когда сосны въ снѣгу, на солнцѣ лѣсъ кажется бѣлымъ, будто серебрянымъ, а ледяныя сосульки, что висятъ съ вѣтвей, похожи на стекло, на хрусталь. Такъ бываетъ зимою. Ты видишь, что и женихъ съ этимъ богатствомъ, со снѣгомъ да льдомъ будетъ просто морозъ. Оттого и удивился старикъ, какъ это выдать дочку за морозъ; кажется и ему, что хочетъ злая баба загубить его дочку. Да хитро она задумала: дескать не губить хочу, а выдать за богатаго человѣка! будто и дѣло говорила). Поплакалъ, поплакалъ старикъ, плохо перечить (спорить) злой бабѣ: нечего дѣлать, повезъ Надю въ лѣсъ, да оставилъ одну у сосны. Дрожитъ бѣдняжка, Надя, зубомъ о зубъ постукиваетъ. (Это все отъ холоду). Вдругъ она заслышала: морозъ, красный носъ, близехонько на елкѣ потрескиваетъ, съ елки на елку поскакиваетъ, да пощелкиваетъ (вотъ баба налгала, а морозъ и по правдѣ какъ живой вышелъ—съ краснымъ носомъ; вѣдь ты знаешь, отъ холоду носъ и щеки краснѣютъ; потрескиваетъ, поскакиваетъ,—точно хозяинъ въ лѣсу похаживаетъ,—вѣдь отъ холода деревья трескаются). Глядь, онъ уже на соснѣ, у которой сидѣла дѣвица и спрашиваетъ ее сверху: Тепло-ли тѣ дѣвица? тепло-ли тѣ, красная?—Надя отвѣчаетъ: тепло, тепло, батюшко Морозушко. Морозъ сталъ спускаться ниже (значитъ морозъ да холодъ все ближе подходилъ къ дѣвицѣ и она все больше мерзла) трещитъ да все говоритъ: Тепло-ли тѣ, лапушка?—Ой, тепло, голубчикъ, Морозушко!—повторяетъ Надя, а у самой духъ захватываетъ. Тутъ Морозко взглянулъ на нее съ лаской, одѣлъ ее богатой шубой, дорогой фатой (покрываломъ), принесъ ей коробъ съ подарками. (Зачѣмъ же это Надя все говорила: „тепло мнѣ, тепло голубчикъ“? А это она была такая добрая, терпѣливая, да ласковая. А ласковое слово,

говорятъ, лучше мягкаго пирога; иной разъ не корми да обласкай. Вотъ тоже быть терпѣливымъ,—ты скажешь: не мерзнуть же въ лѣсу, когда нѣтъ моченьки терпѣть. Еще бы! разумѣется, надо скорѣе бѣжать домой; да если ты нѣженка, боишься всякаго холодку, такъ и минуты не вытерпишь даже и тогда, когда это было бы для чего нибудь очень нужно. Ты можетъ быть также удивляешься, отчего Морозко не заморозилъ Надю? Неужели онъ оттого съ ней не поступилъ такъ, какъ съ другими, изъ-за какого нибудь одного ласковаго слова? А вотъ подумай, Морозко жилъ всегда одинъ въ лѣсу; конечно, ему не приходилось ни отъ кого слышать ласковаго слова, потому что онъ вѣдь Морозъ—знобитъ, холодитъ, никому не даетъ спуску. Ну, а Надя приласкала его даже и въ то время, когда самой жутко приходилось. Когда онъ ее спрашивалъ, тепло-ли ей, она не стала его бранить; не сказала ему: „что ты злой, скверный"!—и онъ вправду сталъ добрымъ. Понимаешь-ли! часто человѣкъ бываетъ дурнымъ только потому, что ни отъ кого не слышитъ добраго слова, не знаетъ ласки).

Какъ узнала старуха, какая честь ея падчерицѣ, то поскорѣе снарядила въ лѣсъ и свою любимую дочку: дескать, одарятъ ее еще лучше. Да дочка ея Маша была злая, балованная. Какъ пришелъ Морозко, да сталъ спрашивать: тепло-ли тѣ дѣвица?—она не утерпѣла и крикнула съ досады: „Сгинь ты" (пропади), „окаянный!" (такой, котораго всѣ ненавидятъ, проклинаютъ). „Вся насквозь иззябла, а онъ дурень еще спрашиваетъ: „тепло-ли?"

На другой день сама старуха поѣхала за дочкой: глядитъ, ея Маша лежитъ мертвая, совсѣмъ окостенѣла."

Предлагаемая сказка, какъ видятъ читатели, сокращена. Намъ кажется необходимо это сокращеніе, чтобы не утомить дѣтей и придать разсказу болѣе цѣлости.

Конечно, дѣти могутъ требовать и такихъ объясненій, которыхъ у насъ не найдутъ читатели, но мы даемъ здѣсь только то, на чемъ намъ самимъ приходилось остановиться по дѣтскому настоянію: Дѣти весьма часто спрашиваютъ старшихъ: было ли то въ дѣйствительности, что мы разсказали ему въ сказкѣ. Конечно, вы скажете, что въ жизни не бываетъ того, что случается въ сказкѣ, т. е. добро не всегда торжествуетъ. Кромѣ того весьма многаго и совсѣмъ быть не можетъ: животные не могутъ разговаривать по человѣчески, люди не бываютъ оборотнями. Мы знаемъ дѣтей, которымъ разсказывали сказки (конечно, это бываетъ тогда, когда сказки даются съ выборомъ, умѣньемъ и съ объясненіями), и дѣти не становились отъ нихъ суевѣрными; хотя они знали, что сказка вымыселъ, они не менѣе того ею интересовались.

Кромѣ „Роднаго Слова" Ушинскаго, кое какія сказки можно выбирать изъ сборника Аѳанасьева, напримѣръ: „Котъ и Пѣтухъ", Коза и Волкъ", „Теремокъ Мышки", „Колобокъ", „Котъ и Лиса", „Котъ", „Козелъ и Баранъ", „Курица и Пѣтухъ", „Журавль и Цапля", „Грибы", „Бѣлая Уточка", „Мѣна", „Дуракъ и Береза" и пр. Большую часть этихъ сказокъ приходится сокращать и примѣнять къ дѣтскому характеру. Для болѣе старшаго возраста можно пользоваться сказками Аѳанасьева, изданными имъ для дѣтей.

Будемъ продолжать прерванныя занятія.

— Придумай, мама, чѣмъ мнѣ теперь поиграть; я сама уже такъ много выдумывала. — Вотъ тебѣ песку, вовьми вчерашнюю вѣтку елки и устрой садъ или что нибудь другое.—Черезъ полчаса ребенокъ тянетъ васъ посмотрѣть на его работу. По всему столу онъ густо разсыпалъ песокъ.

Съ краю у него выстроенъ изъ кубиковъ стулъ и столъ; мебель окружена вѣточками, воткнутыми въ песокъ елки. Это означаетъ у него садъ. Въ сторонѣ гладкая дорожка, сзади которой тянется густая роща изъ тѣхъ же елокъ; тамъ возвышается горка, а внизу озеро. Ребенокъ даже и это умудрился сдѣлать: взялъ крышечку отъ баночки, налилъ воды и окопалъ такъ пескомъ, что вода будто и дѣйствительно стояла въ пескѣ. Вотъ какую полную картину природы и жизни могутъ изобразить тѣ дѣти въ 4, 5 лѣтъ которыхъ воспитываютъ, какъ слѣдуетъ.

У хорошихъ воспитателей ребенокъ, конечно, уже имѣетъ въ эти годы нѣсколько горшковъ съ землею, въ которыхъ онъ самъ сѣетъ разныя сѣмена, самъ ихъ поливаетъ и ухаживаетъ за ними. Загляните въ комнату Маши. Теперь хотя и зима, но она продолжаетъ свои небольшія наблюденія. На окошкѣ у нея горшки и стеклянныя банки, на гвоздикѣ у окна маленькая лейка. Лишь только она оканчиваетъ занятія, она подбѣгаетъ къ своему окну. Въ одной банкѣ у нея посѣенъ горохъ, въ другой — бобъ, пшеница, посажено нѣсколько луковичныхъ растеній: лилія, гіацинты. — Нужно полить бобъ,—говоритъ она, щупая землю.—Ахъ, ужъ нѣсколько бобовъ взошло!— Она осторожно выдергиваетъ одинъ изъ нихъ и внимательно осматриваетъ, потомъ живо кладетъ на окно и запускаетъ рученку въ стеклянную банку. Тамъ у нея тоже бобъ, только не въ землѣ, а въ тепловатой водѣ. — Посмотри, мама, что же это съ верхнею кожицею сдѣлалось? Какъ она сморщилась! — Бобъ сильно намокъ, кожица растянулась, а горохъ остался такой-же величины, какъ и прежде; кожица, значитъ, не можетъ плотно его обхватить—больше стала горошины: она и сморщилась.—Теперь понимаю,— говоритъ самъ съ собою ребенокъ, то посматривая на бобъ, вынутый изъ земли, то на тотъ, который онъ взялъ изъ воды.—Вотъ это откуда корешекъ оказывается, что этотъ язычекъ въ горошинѣ превращается въ землѣ въ корешокъ.—А откуда же взялась эта зелень, которая вверхъ идетъ у боба?

Вы ножичкомъ перерѣзываете бобъ пополамъ и указываете, что язычекъ продолжается внутри ядра въ видѣ изогнутаго стебелька и двухъ листиковъ. Ребенокъ хватается за бобъ, вынутый изъ земли, и ему теперь ясно, отчего корешокъ и надземный стволъ такъ близко другъ отъ друга и стоятъ на одной линіи. Вы ему этого не говорите, но онъ самъ соображаетъ, что видно изъ его восклицанія: такъ, значитъ, и въ зернышкѣ они были близко одинъ около другаго! — При случаѣ, онъ сообщаетъ матери и другія свои наблюденіи, дѣлая при этомъ множество полезныхъ для него вопросовъ.—Вотъ тотъ бобъ, мама, который выросъ изъ земли, — гораздо дольше росъ, чѣмъ тотъ, который въ водѣ лежалъ. Отчего это? — А вотъ отчего: вѣдь у того боба, который лежалъ въ водѣ, было гораздо больше свѣта, а этому въ землѣ темнѣе было; ну, къ тому же и вода помогла: въ водѣ всякій ростокъ скорѣе вытянется; за то въ землѣ бобъ и горохъ продолжаютъ расти, а тотъ, что остается въ водѣ, если долго лежитъ, совсѣмъ сгніетъ. Это-жъ отчего? Тутъ вы можете сообщить ребенку, что послѣ того, какъ бобъ пустилъ корешокъ, ему уже нужна пища, а пищу онъ беретъ изъ земли.

Не менѣе удовольствія и пользы доставляютъ ребенку и луковичныя растенія. Онъ видѣлъ каждый день, какъ увеличивалась въ ростѣ зелень, какъ образовалась почка, какъ пробился изъ нея прекрасный большой цвѣтокъ, въ которомъ онъ ясно видитъ всѣ части.

Спрашивается: какіе родители не въ состояніи доставить ребенку возможность оживить такимъ образомъ зимнее затворничество? Расходъ на эти сѣмена и горшки не большой, а занятій для рукъ, ума и сердца—на цѣлую

зиму. А сколько тутъ истинно человѣческихъ, чистыхъ наслажденій! Только при наблюденіяхъ такого рода нужно давать дѣтямъ больше свободы; нельзя назначить ему время: вотъ тогда-то подходи къ растеніямъ, тогда разсматривай тотъ или другой горшокъ. Часто ребенку вдругъ захочется и при занятіяхъ съ вами сбѣгать взглянуть на свои цвѣточки.

Когда послѣ этого ребенокъ запроситъ работы, ему можно дать раскладывать *лучины*. Лучины эти должны быть въ полъ-аршина, гладко выстроганы и на обоихъ концахъ имѣть по дырочкѣ; эти дырочки скрѣпляютъ ниткою и употребляютъ ихъ какъ складной аршинъ. Такими лучинками можно измѣрять комнату и различные предметы. Но когда дѣти раскладываютъ на полу лучинки, онѣ не должны быть связаны.

Какъ спички, такъ и лучинки могутъ складываться, за небольшими исключеніями, по однимъ и тѣмъ же рисункамъ. Но работы изъ спичекъ требуютъ уже довольно большаго навыка, и потому лучше всего занимать ими ребенка послѣ 5-ти лѣтъ, когда онъ уже привыкъ выкладывать изъ кубиковъ и лучинокъ предметы, которые его окружаютъ. При этомъ замѣтимъ, что ребенку сначала никогда не слѣдуетъ давать рисунка въ руки: пусть онъ прежде всего внимательно смотритъ на дѣйствительный предметъ, хорошо замѣтитъ его очертанія, подумаетъ, что въ немъ можно изобразить линіями, что главное и второстепенное въ каждомъ предметѣ, и потомъ уже попробуетъ строить, или складывать изъ лучинъ, или изъ спичекъ. Воспитатель, конечно, присутствуетъ при этихъ работахъ, помогаетъ ребенку, объясняетъ, совѣтуетъ. Но первымъ условіемъ должна быть самодѣятельность ребенка: вотъ почему, не смотря на все содѣйствіе со стороны воспитателя, ребенку не показываютъ рисунка. Нужно твердо помнить, что названныя работы даютъ дѣтямъ для того, чтобы пріучить ихъ во все вникать, все внимательно осматривать, т. е., чтобы развить ихъ наблюдательность, мышленіе и творчество. Но когда ребенка не затрудняетъ уже изображать въ кубикахъ, лучинкахъ, спичкахъ, и т. д. знакомыя ему тѣла, ограниченныя плоскостями, а круглые предметы — кольцами и полукольцами, — тогда нечего бояться давать ему рисунки. Такому ребенку рисунки даютъ еще большую пищу для фантазіи и ума. Ребенокъ ловкій и привыкшій обращаться съ разумнымъ, развивающимъ матеріаломъ изъ одного рисунка устроитъ и придумаетъ множество новыхъ фигурокъ и красивыхъ формъ.—Итакъ на 20, на 25 минутъ вы даете заняться лучинами. Ребенокъ начинаетъ раскладывать ихъ на большомъ столѣ, а то и просто на полу. —Вотъ ты только что осматривалъ бобы и другія свои растенія, сдѣлаемъ изъ лучинокъ горшокъ съ деревцемъ.

— Да вѣдь горшокъ круглый, а лучина длинная... Какъ же можно изъ нея сдѣлать горшокъ?

— Пожалуй, попробую... Только у донышка будутъ углы... Да что за бѣда, лишь бы все было что есть въ горшкѣ. А въ растеніи сдѣлаю только одинъ стебелекъ и вѣточки: листики нельзя показать лучинками, — онѣ велики для нихъ. — Вотъ и чудесно вышелъ горшокъ съ растеніемъ. А не знаешь-ли, какъ-бы изъ этой самой фигурки сдѣлать что-нибудь, тоже тебѣ знакомое: только, смотри, чтобы не испортить всю сдѣланную фигурку?—Я придумала: сниму донышко и боковыя лучинки банки, оборочу вѣточки внизъ, и у меня выйдетъ елка на подставкѣ. Вотъ на эти вѣточки мы въ Рождество вѣшали большіе пряники, сюда золотые и серебряные орѣхи, тутъ висѣли зажженые фонарики... Взяла прочь подставку, и у меня елка такъ, какъ она стоитъ въ землѣ; корней не видать,—они въ землѣ, а только сучки, да вѣточки.

Когда ребенокъ сложитъ изъ лучинокъ все, что онъ видитъ въ комнатѣ, слѣдовательно, что онъ строитъ уже изъ кубиковъ, дѣло пойдетъ очень живо, и его обыкновенно займетъ какъ та легкость, съ которою онъ дѣлаетъ все, на что только взглянетъ, такъ и совершенно другой видъ фигуръ въ сравненіи съ тѣми, которыя у него выходили изъ кубиковъ.

— Отчего это стулья, столы и все другое, что ты дѣлалъ изъ кубиковъ, у тебя выглядѣли иначе, чѣмъ теперь, когда ты ихъ дѣлаешь изъ лучинокъ? Возьми кубикъ и лучинку и посмотри, какая между ними разница?— У куба всѣ стороны равны: что внизу, что сверху, что по бокамъ; даже всѣ ребры одной величины. Совсѣмъ другое лучинка. Она длинная, большая, гораздо больше и длиннѣе даже того ящика, въ которой уложены 8 кубиковъ. Кромѣ того у лучинки только противоположныя стороны равны между собой. Спереди и сзади одинаково гладкія, широкія плоскости, на которыя и можно положить ее куда угодно. Но лишь только вы кладете ее на одну изъ узкихъ, боковыхъ сторонъ, лучинка тотчасъ падаетъ и ложится на свою широкую сторону. Между тѣмъ кубикъ на всѣхъ сторонахъ стоитъ одинаково хорошо, а это оттого, что всѣ стороны его одинаково широки. У лучинки ребра тоже не равныя. Оба ребра съ одной стороны и два другія съ другой—одной величины, точно также и ребра сверху и снизу равны между собой. Но ребра, что на концахъ, гораздо короче тѣхъ, что идутъ въ длину лучинки. Сосчитай ребра, углы и плоскости у лучинки и кубика. Одинаковое ли у нея съ кубикомъ число гладкихъ сторонъ, или плоскостей, ребръ, угловъ? Скажи, какихъ предметовъ, изъ тѣхъ что ты видишь здѣсь, никакъ нельзя сдѣлать ни изъ кубиковъ, ни изъ лучинокъ? — Мячика нельзя представить, шарика... Дурно выходятъ всѣ круглые предметы. Посмотри теперь на столъ съ посудой, — что изъ того, что ты видишь, нельзя построить изъ кубиковъ и что можно сдѣлать изъ лучинокъ? — Стаканъ, рюмку, суповую чашку хотя какъ нибудь, а всетаки можно изобразить на лучинкахъ, а изъ кубиковъ никакъ нельзя. — Такъ сдѣлай же эти предметы... Ты сдѣлала рюмку, покажи, гдѣ же у тебя подставка, гдѣ ножка, куда будешь вливать вино? — А вотъ это, мама, болтаетъ ребенокъ, прибавляя сверху еще лучинку, — это я крышку устроила... Теперь лѣто, и мы только что успѣемъ налить вина, туда сейчасъ упадетъ муха... для этого я и приготовляю крышку.—Ребенокъ очень хорошо знаетъ, что въ рюмку, сдѣланную изъ лучинокъ, не нальешь вина, но онъ во всемъ уже привыкъ представлять себѣ полную картину, а разумное веденіе механическихъ занятій необыкновенно развиваетъ въ немъ анализъ, живость и воспріимчивость къ окружающему. Наконецъ вы объясняете, что лучинками мы означаемъ лишь краешки предметовъ, очертанія, а кубикъ весь сплошной, и при этомъ показываете, какъ четырьмя лучинами можно образовать одну сторону кубика.

— Теперь все, что ты мнѣ сдѣлала изъ лучинокъ, нарисуй въ тетради, которая разлинована сѣтью.

Рисованіе по сѣти линій въ различныхъ положеніяхъ необыкновенно полезно. Оно подготовляетъ руку и пальцы ребенка къ четкому письму, служитъ хорошимъ пособіемъ и подготовленіемъ къ рисованію съ натуры. Если вы прямо начнете учить рисовать съ натуры, то ничего не добьетесь: пока рука не довольно упражнялась въ черченіи прямыхъ, кривыхъ, горизонтальныхъ и отвѣсныхъ линій, при изображеніи различныхъ предметовъ, рисунокъ его всегда будетъ неправиленъ. Кромѣ того, рисованіе знакомыхъ предметовъ, прежде построенныхъ изъ кубиковъ и сложенныхъ изъ лучинокъ, поможетъ ребенку еще глубже вникнуть въ окружающее, еще ближе позна-

комиться со всѣмъ, что онъ видитъ передъ собою. Да и зачѣмъ лишать его занятія, которое доставляетъ ему такъ много наслажденія? Своихъ построекъ онъ не можетъ сохранить, а тетрадка съ рисунками, и много времени спустя, доставитъ ему пріятныя воспоминанія.—Въ это время можетъ также начаться и плетеніе бумажекъ, только самое первоначальное черезъ одну, черезъ двѣ, черезъ три полоски. Узоровъ еще никакихъ не придется дѣлать. — А какъ распредѣлять занятія, мы уже достаточно показали.

Въ такихъ занятіяхъ и работахъ проходитъ у насъ полъ-года. Ребенокъ замѣтно выросъ за это время умственно и физически. Наступило лѣто; работы можно давать посложнѣе, наблюденія становятся болѣе опредѣленными. Онъ уже умѣетъ строить изъ кубиковъ все, что есть въ комнатѣ, придумалъ много такого, чего вамъ самимъ и на умъ не приходило. Когда ребенку исполнится пять лѣтъ, ему можно дать *четвертый даръ* Фребеля. Мы видѣли выше, что онъ содержитъ и для чего назначается; теперь мы постараемся прибрать бесѣды, подходящія къ этому занятію. Повторяемъ, что представляемыми нами примѣрами должно воспользоваться не для одного раза, а для весьма многихъ бесѣдъ, пока тотъ или другой вопросъ не будетъ усвоенъ совершенно сознательно.

Вы берете оба ящика, т. е. 3-й даръ, или кубъ, раздѣленный на 8 кубиковъ, и 4-й даръ — кубъ, раздѣленный на 8 плитокъ, опрокидываете ихъ къ низу крышкой, которую и вытягиваете сразу такъ, чтобы деревяшки того и другаго ящика вполнѣ сохранили порядокъ, въ которомъ онѣ въ немъ лежали. Какую форму имѣютъ эти деревяшки, вотъ такъ сложенныя?—Форму куба.—А эти?—Это одна и та же форма; а что я говорю правду, мама, это я сейчасъ тебѣ докажу...—Ребенокъ беретъ плитки 4-го дара и кладетъ ихъ въ ящикъ 3-го дара. Видишь, онѣ сюда такъ же аккуратно пришлись, какъ и кубики...

— Вѣрно, но теперь возьми одну деревяшку изъ одного ящика, а другую изъ другаго... Есть между ними какая нибудь разница, или нѣтъ?

— Есть, большая даже разница, только я не могу понять, какъ это такъ? Я пересчитала, и ихъ столько же, сколько и кубиковъ: какъ тѣхъ 8, такъ и этихъ 8; когда ихъ сложишь вмѣстѣ, и тѣ, и другія имѣютъ форму куба одной и той же величины!

— Если ты этого не понимаешь, такъ положи тѣ деревяшки, которыя взяла, въ томъ самомъ порядкѣ, какъ я тебѣ ихъ показала въ первый разъ... Ну, смотри, какъ разрѣзанъ этотъ кубъ (указывая на кубъ 3-го дара)?

— Этотъ кубъ разрѣзанъ пополамъ въ длину, ширину и высоту.—Теперь возьмемъ кубъ изъ плитокъ (4-й даръ). Въ немъ проведенъ одинъ разрѣзъ по длинѣ и три разрѣза по высотѣ.—Возьми теперь одинъ кубикъ и плитку и найди между ними сходство и разницу.

— Обѣ вещи деревянныя; каждая изъ нихъ составляетъ 8-мую часть куба,—помѣщаются въ одинаковыхъ деревянныхъ ящикахъ; у кубика 6 гладкихъ сторонъ, столько-же и у этой плитки; какъ у кубика 12 реберъ, такъ и у плитки; у обоихъ у нихъ и одинаковое число угловъ; какъ кубикъ стоитъ на столѣ на всѣхъ своихъ гладкихъ сторонахъ, такъ и плитка; какъ изъ кубиковъ можно строить стулья, столы и диваны и т. под., такъ и изъ плитокъ.

— Какая-же между ними разница?

— Плитка длиннѣе кубика. Посмотримъ, во сколько разъ она длиннѣе кубика?—Ребенокъ кладетъ плитку и сверху ставитъ на нее одинъ за однимъ два кубика...—Видишь, на плиткѣ можно умѣстить два кубика,—значитъ,

плитка вдвое длиннѣе кубика. А вотъ еще какая разница: кубъ какъ ни поставь, онъ все имѣетъ одинъ и тотъ же видъ; плитка напротивъ: положишь ее на одинъ изъ ея длинныхъ узкихъ боковъ, и передъ тобою—стѣнка, поставишь на короткую узкую сторону,—она такъ высока, какъ два кубика, другъ на друга положенные; положите ее плашмя, и она ниже куба. Но насколько плитка, положенная плашмя, ниже куба, на этотъ вопросъ ребенокъ не можетъ тотчасъ отвѣтить; онъ прежде подвигаетъ кубикъ къ плиткѣ, чтобы вымѣрить. Когда онъ убѣждается, что плитка ниже, кладетъ на нее другую плитку, опять подвигаетъ къ нимъ кубикъ и съ радостью говоритъ: двѣ плитки, положенныя плашмя, равны по высотѣ одному кубу.

Когда ребенокъ ясно понимаетъ сходство и разницу между этими двумя тѣлами, можно мало-по-малу (но съ большою осторожностію) знакомить его съ первыми, но весьма немногими геометрическими терминами. Читатель помнитъ, вѣроятно, что онъ уже знакомъ съ *шаромъ*, *цилиндромъ и кубомъ*; теперь на кубѣ мы объясняемъ ребенку, что такое *вертикальная и горизонтальная* линіи. Ты стоишь; въ какомъ ты теперь положеніи: въ вертикальномъ или горизонтальномъ? Если ты въ вертикальномъ положеніи, то можешь ли очутиться въ горизонтальномъ положеніи? Такъ когда же обыкновенно ты принимаешь горизонтальное положеніе: днемъ или ночью? Покажи въ комнатѣ, гдѣ вертикальная линія и гдѣ горизонтальная?

Послѣ этого вы складываете изъ бумаги правильный квадратъ и просите ребенка указать тѣ же линіи. Сколько же въ этой бумажкѣ вертикальныхъ, сколько горизонтальныхъ линій? Если двѣ вертикальныхъ, то одну изъ нихъ какъ можно назвать? Если одна—*правая вертикальная*, а другую какъ назовешь? Если одна верхняя горизонтальная,—а другая? Не можешь ли съ этой бумажкой сдѣлать такъ, чтобы *лѣвая вертикальная* стала верхней горизонтальной? Такъ если ты перевернешь бумажку, что будетъ съ другими ея сторонами? и т. д.

Конечно, если вы зададитесь цѣлью сразу познакомить ребенка съ двумя линіями, то объясненія ваши будутъ сухи уже по одному тому, что долго придется толковать ему, прежде чѣмъ онъ это усвоитъ себѣ совершенно сознательно. Вотъ почему, какъ мы предупредили раньше, къ подобнымъ *бесѣдамъ* слѣдуетъ приступать съ необыкновенною постепенностью.

Будемъ продолжать дальнѣйшее знакомство ребенка съ плиткою.

— Посмотри въ нашей комнатѣ, какіе предметы хотя нѣсколько напоминаютъ тебѣ плитку?

Въ пять лѣтъ ребенокъ на такой вопросъ не только долженъ назвать предметы, имѣющіе сходство съ плиткою, но, осмотрѣвъ внимательно всю комнату, вести болѣе или менѣе связный разговоръ и, называя подходящіе предметы, разсказать, чѣмъ и какъ они измѣнены для той или другой цѣли.

— Шкафы одной формы съ плиткою; только они, конечно, несравненно больше и шире; въ нихъ сдѣланы полки для книгъ, вставлено стекло, чтобы видѣть, какія лежатъ книги. Ничего этого нѣтъ въ плиткѣ: она маленькая, внутри ничего не лежитъ, и назначена она для дѣтской игры. Больше еще похожа плитка на книгу, а разница между ними та, что у книги съ трехъ сторонъ выемка, а съ четвертой — корешокъ имѣетъ видъ нѣсколько округлый. Но самое большое сходство съ плиткой имѣетъ вещь, которая впрочемъ не въ комнатѣ, а на дворѣ: я говорю о кирпичахъ. Посмотри сама, мама, какъ похожи всѣ эти кирпичики, вотъ такъ, какъ они теперь лежатъ для того, чтобы просохнуть на солнышкѣ... и я такъ сложу свои плитки.

Такимъ образомъ ребенокъ не только сознательно усвоилъ формы тѣлъ,

которыя имѣлъ въ своихъ рукахъ, но и точно умѣетъ ихъ опредѣлить: послѣ этого онъ приступаетъ къ постройкамъ изъ плитокъ жизненныхъ, изящныхъ и математическихъ формъ, соединяя съ послѣдними ариѳметическія упражненія изъ обыденной жизни и непремѣнно все сопровождая пѣснями и занимательными бесѣдами изъ близкой природы и изъ жизни людей.

Бесѣды, сказки, разсказы и загадки для дѣтей отъ 5-ти до 8-ми—9-ти лѣтняго возраста.

Прежде чѣмъ давать примѣръ такихъ разсказовъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о ихъ значеніи. Воспитательницы могутъ разсказывать дѣтямъ и не въ такой формѣ, какъ мы предлагаемъ; иногда разсказы должны быть длиннѣе и болѣе сложны, другой разъ, смотря по дѣтямъ, короче и проще. Мы стоимъ только за то, чтобы 5-ти лѣтнимъ дѣтямъ воспитатели уже начинали мало по малу давать коротенькіе разсказы. Какъ и съ чего слѣдуетъ начинать ихъ, мы выше указывали на это уже много разъ. На что же эти разсказы дѣтямъ?

Когда ихъ передаютъ живо, занимательно, бодрымъ и веселымъ голосомъ, когда даютъ ребенку при этомъ возможность высказывать свои впечатлѣнія, они развиваютъ наблюдательность, даръ слова, воображеніе, вкусъ и наконецъ память.

Бабушка Аксинья.

Бабушка Аксинья—старая, престарая, совсѣмъ сѣдая старушка. Никто никогда не видалъ ее безъ дѣла. Она подымается вмѣстѣ съ солнышкомъ и тотчасъ же начинаетъ хлопотать около своихъ птицъ. Однѣхъ птицъ она накормитъ, потомъ прогонитъ ихъ къ озеру, затѣмъ другимъ заготовляетъ кормъ, и такъ проходитъ цѣлый день до поздняго вечера.

Чуть принялась она сѣчкой рубить яйца, изъ подъ лавки начали показываться разныя птичьи головы и послышалось *шипѣнье* гусыни, *клохтанье* курицы, *цыканье* цыплятъ, *кряканье* утятъ.

Вотъ, старушка мелко нарубила яйца; разсыпала ихъ на нѣсколько досокъ, поставила корыто съ водой и поманила утятъ и гусятъ. Гусыни и утки сами выскочили изъ корзинъ; Аксинья вынимала дѣтенышей и пускала ихъ поочередно на землю. Нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ принялись клевать яйца,—другіе какъ-то вяло посматривали. Слабаго цыпленочка бабушка брала въ руки, поправляла и приглаживала ему крылышки, осматривала ножки и съ лаской, приговаривая разныя добрыя слова, поила его изъ своего рта.—«Ну, теперь учись самъ клевать, вотъ такъ... вотъ такъ...» и бабушка долбила палочкой по доскѣ... Послѣ этого всѣ птенчики начинали клевать.

Гнѣздо гусятъ и цыплятъ.

Въ крестьянской избѣ подъ лавкою нѣсколько корзинъ: внутри онѣ устланы соломою и пухомъ. Въ одной корзинѣ сидитъ гусыня съ маленькими гусенятами, и крошечныя ихъ головки, покрытыя желтовато-сѣрымъ пухомъ,

торчатъ изъ подъ ея крыльевъ. Гусята еще очень малы, и потому ночью сидятъ они подъ крыльями матери въ тепломъ гнѣздѣ и въ той самой избѣ, гдѣ спитъ старушка, которая за ними ухаживаетъ.

Въ другой корзинѣ насѣдка съ цыплятами. Крошечные, красивые, коричневые, черные и желтенькіе цыплятки, покрытые мягкимъ, нѣжнымъ пушкомъ, ворошились подъ крыльями матери, пищали и высовывали свои головки: при этомъ мать клохтала и подбирала ихъ подъ свои крылья.

Ястребъ.

Знойно и душно! На деревьяхъ не шелохнетъ ни одинъ листокъ. Люди работали съ ранняго утра и теперь спятъ въ своихъ избахъ. Домашній скотъ тоже отдыхаетъ въ хлѣвахъ. Курица—и та покойно сидитъ въ пескѣ, напередъ выкопавши въ немъ себѣ ямку и подобравъ птенчиковъ подъ свои крылья.

Вдругъ на дворѣ поднялась страшная суматоха. Гуси загоготали во все горло, били крыльями и шипѣли; куры суетливо бѣгали и клохтали, а Петя-пѣтушокъ на плетень взлетѣлъ, голову поднялъ и, что было мочи, выкрикивалъ «кукуреку».

Въ ту же минуту въ прозрачныхъ серебристыхъ облачкахъ, надъ самымъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ гуляли домашнія птицы, показалась черная точка. Нѣсколько минутъ она была неподвижна, потомъ стала то тихонько опускаться, то опять поднималась и кружилась въ воздухѣ.

— „Ястребъ!“ закричали въ одинъ голосъ выбѣжавшія изъ избы старая птичница съ своей маленькой внучкой и стали махать вверхъ руками и кричать: „шушь, шушь, шагу“... Ястребъ поднялся выше, но долго еще держался въ высотѣ и высматривалъ, не уйдутъ-ли люди и гдѣ удобнѣе будетъ ему напасть; но люди все еще стояли, и ястребъ скрылся въ облакахъ. Однако, лишь только старушка съ внучкой повернули на крылечко, ястребъ, какъ стрѣла, упалъ на цыпленка, крѣпко сжалъ его въ своихъ острыхъ когтяхъ и также быстро поднялся съ нимъ кверху. На минуту шумъ усилился, но скоро все успокоилось; только мать похищеннаго цыпленка совсѣмъ потеряла голову отъ горя. Она громко и жалостно кричала, останавливалась съ распущенными крыльями и опять бѣгала вокругъ того мѣста, гдѣ ястребъ оставилъ пушокъ отъ ея птенчика, спотыкалась, билась объ землю.

Гуси и утки.

Гуси-гусятки идутъ, бѣгутъ, крыльями машутъ, „га... га... га...“ кричатъ они, длинныя шеи вытягиваютъ, въ стороны посматриваютъ, нѣтъ-ли врага... А уточки не любятъ торопиться, по сторонамъ не осматриваются, прежде всего думаютъ, какъ бы побольше брюшко набить; такъ плотно покушали, что зобки у нихъ стали совсѣмъ тугіе.—„Кря... кря...“ покрякиваетъ уточка и съ ноги на ногу переваливается; вотъ она заковыляла и упала на грудь.

И утки, и гуси, какъ пришли къ озеру, такъ и стали плавать, плескаться. А какъ странно они ныряютъ! опустятъ головы въ воду,—это они себѣ кормъ отыскиваютъ на днѣ; а поверхъ озера тамъ и сямъ только и торчатъ утиные да гусиные хвостики.

Щенокъ.

Когда однажды вечеромъ я возвратился домой, то увидѣлъ посреди комнаты крошечнаго щенка. Я тотчасъ догадался, что это та самая собачка, которую наканунѣ мнѣ обѣщалъ подарить нашъ сосѣдъ.

Собачка неуклюже двигалась по полу, боязливо обнюхивала углы, полаивала и попискивала тоненькимъ голоскомъ. Я налилъ на блюдечко молочка, прибавилъ теплой воды, размочилъ булку и сунулъ морду собачки въ блюдечко; она долго не понимала, что ее заставляютъ дѣлать, отползала назадъ, жалобно лаяла, но я упорно училъ ее ѣсть, и она наконецъ стала съ жадностью лакать молоко. Скоро этотъ маленькій щенокъ выросъ на зависть всѣмъ моимъ товарищамъ и на заглядѣнье нашимъ сосѣдямъ, необыкновенно красивой собакой. Про него никто не могъ сказать, что у него голова слишкомъ велика, ноги тонки или слишкомъ длинны... Все въ немъ было въ мѣру: онъ былъ не слишкомъ высокъ, но и не низокъ, не слишкомъ длиненъ, да и не коротокъ. Красивая голова, статное тѣло и стройныя ноги были покрыты длинной, густой, косматой, черной, шелковистой шерстью, которая мѣстами вилась колечками.

Какъ съ моей собакой я въ рынокъ ходила.

Съ ранняго утра, лишь только я просыпалась, мой пудель былъ уже у моихъ ногъ, радостно визжалъ, билъ хвостомъ объ полъ, подавалъ мнѣ башмаки, чулки, то или другое изъ одежды. Но вотъ я уже отпила чай и готова идти со двора. Пудель бѣгаетъ вокругъ, засматриваетъ мнѣ въ глаза.—Въ рынокъ...—говорила я, указывая ему на гвоздь. Онъ тотчасъ вскакиваетъ на табуретку, что стояла у насъ у той стѣны, гдѣ вбитъ гвоздь, передними лапами и мордой снимаетъ корзинку и подаетъ мнѣ.

Онъ помнилъ каждую лавку, гдѣ я забирала, и когда мы съ нимъ шли, обыкновенно обнюхивалъ каждую, останавливался и ждалъ меня, пока я закупала, что мнѣ было нужно, и выходила къ нему. Но вотъ корзинка наполнена говядиной и другими припасами, между тѣмъ мнѣ нужно еще кой-куда зайдти, я прикрываю провизію листомъ бумаги и подаю корзинку пуделю. „Домой“, говорила я ему, и онъ послушно и бережно беретъ ручку въ зубы и съ необыкновенною важностью отправляется назадъ. Дверь нашей квартиры затворена: онъ визжитъ; если это не помогаетъ, онъ ставитъ на полъ корзинку и барабанитъ лапами по двери, пока ему не отворятъ. Когда я возвращалась домой, онъ тащилъ меня за платье къ тому стулу, на которомъ поставилъ корзину.

Бесѣда о собакѣ.

— Посмотри-ка, Маша, въ окошко, какая бѣжитъ славная, большая собака!

— Чѣмъ же славная, она мнѣ совсѣмъ не нравится! Шерсть такая косматая, рыжая, морда не красивая. Нѣтъ, я люблю больше маленькихъ собачекъ...

— Да что въ нихъ толку? онѣ только и умѣютъ, что ѣсть, спать, да ворчать на кого придется.

— А эта что умѣетъ?

— Очень многое. Она стережетъ дворъ,—коровъ, овецъ, лошадей и другую скотинку, которая водится у хозяевъ. Оттого ее и назвали дворняшкой.

— Такъ значитъ дворняшка умнѣй маленькихъ собакъ?—Но за то онѣ такія забавныя: помнишь, я такую собачку разъ посадила въ свою сумку...

— За то онѣ болѣе ни на что не годны. Ты посадишь ее къ себѣ въ карманъ, она ворчитъ себѣ подъ носъ, а оставишь ее на улицѣ, она не найдетъ своего дома.

— Это правда, мама, я помню, какъ у бабушки одна за другою пропали двѣ такія маленькія собачки. — Ну а эта не пропадетъ; посмотри, ужъ который разъ она бѣгаетъ мимо нашихъ оконъ то взадъ, то впередъ.

Когда вы такимъ образомъ обратили вниманіе ребенка на собаку, онъ уже самостоятельно дѣлаетъ надъ ней дальнѣйшія наблюденія и говоритъ... (а если не скажетъ, вы можете навести на характерные признаки собаки, которые и 4-хъ л. ребенку могутъ уже быть извѣстны).

— Вотъ она бѣжитъ теперь съ опущенной головой... Останавливается, точно что припоминаетъ, обнюхиваетъ слѣды, возвращается, опять обнюхиваетъ... ну! вѣрно догадалась, куда скрылся ея хозяинъ, тряхнула головой и побѣжала къ другому дому.

Лошадь.

Замѣтили-ли, вы, дѣтушки, какія худыя лошади у рабочихъ? Бока у нихъ какъ-то ввалились, мѣстами шерсть вылѣзла клочьями; видъ такой унылый, да и ходятъ онѣ, большею частью понуривъ голову.

— А вотъ верховая лошадь. Какое красивое, стройное животное! Чудная, черная, густая грива и длинный, пушистый хвостъ такъ и развѣвается по воздуху, когда она, гордо поднявъ голову, во весь опоръ несетъ сѣдока.

Рабочая лошадь такое же животное, какъ и верховая, а отчего это между ними такая разница?—Рабочая лошадка много работаетъ. Когда солнышко ярко свѣтитъ, деревья, поля и луга бываютъ въ зелени и разноцвѣтныхъ цвѣткахъ, т. е. лѣтомъ, рабочая лошадка занята съ утра до поздняго вечера: вывозитъ навозъ въ поле, свозитъ всякій хлѣбъ въ скирды и изъ скирдъ на гумно; сѣно высохло, и его отвезетъ въ сарай.

Зимою (назовите примѣты зимы) она тоже не безъ дѣла: возитъ дрова изъ лѣсу, хлѣбъ на мельницу; покончены эти домашнія работы, и крестьянинъ вмѣстѣ съ ней нанимается въ городъ воду возить или перетаскивать какія нибудь тяжести. Такъ вотъ, рабочая лошадь круглый годъ въ постоянной работѣ. А верховая лошадь цѣлый день стоитъ въ чистомъ стойлѣ: ее чистятъ, моютъ, кормятъ въ волю овсомъ и еще прогуливаютъ передъ ѣдой, чтобы аппетитъ былъ лучше. Работы ей нѣтъ никакой: развѣ промчится съ хозяиномъ, да ей самой любо на свѣтъ посмотрѣть и свою прыть показать.

Настя.

Однажды въ полдень лѣтняго дня я пробиралась къ избамъ. Вездѣ было тихо: люди, послѣ работы, отдыхали по избамъ. Лишь только я дошла до небольшаго пролѣска, что былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ избъ, я услышала легкій шумъ. Я повернула голову, и вотъ что увидѣла. Подъ вѣтвями

большаго дерева сидѣла дѣвочка лѣтъ десяти и вся была окружена птицами и животными. На ея плечѣ ворковалъ и кружился голубь; цыпленокъ просовывалъ голову изъ подъ одной руки; подъ фартукомъ копошилась еще какая то птица, у ногъ, свернувшись клубкомъ, лежала большая, черная собака, а на сосѣдней березѣ чирикалъ воробей. Ему, какъ видно, тоже хотѣлось взлетѣть на любимую хозяйку, да на ней нѣтъ мѣста. Въ эту минуту она подняла руку на голубя: „у тебя есть съ кѣмъ голубиться и ворковать“; тотъ вспорхнулъ и улетѣлъ. „Воробушекъ, миленькій, родненькій!..“ она протянула къ нему руки. Но онъ все перелеталъ съ вѣтки на вѣтку и чирикалъ. Наконецъ сѣлъ дѣвушкѣ на голову, теребитъ ея волосы, перескакиваетъ съ плеча на плечо, долбитъ носикомъ ея сережки.

Послѣ я узнала отъ самой Насти, почему она была окружена животными и отчего всѣмъ имъ предпочитала воробья. Вотъ, что она мнѣ разсказала. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала кое что понимать, такъ съ 4-хъ или пяти лѣтъ, самымъ любимымъ ея занятіемъ было кормить воробьевъ, голубей, куръ, собакъ и другихъ домашнихъ птицъ и животныхъ и приручать ихъ къ себѣ. И дѣйствительно, всѣ они ее любили.

Разъ она нашла вывалившагося изъ гнѣзда воробья, который еще не оперился, воспитала его въ старой избѣ, гдѣ она держала и другихъ птицъ. Воробей такъ привыкъ къ маленькой Настѣ и такъ ее любилъ, что она выпускала его вонъ изъ избы, и онъ каждый разъ возвращался на ночь домой.

(Для разсказовъ и бесѣдъ съ дѣтьми этого возраста очень многое можно выбрать изъ нашей книги подъ названіемъ: „Изъ русской жизни и природы“, а также изъ нашей книги: „На отдыхъ“).

Котъ, козелъ и баранъ.

(Народная сказка.)

«Котишко-мурлышко, сѣрый лобишко, былъ большой лакомка: гдѣ что плохо лежитъ, у него и брюхо болитъ». (Котишко-мурлышко—это про кота сказываютъ; мурлышко, потому что онъ мурлычитъ, поетъ, когда ему вздумается къ кому приласкаться; сѣрый лобишко—лобъ его сѣрой шубкой покрытъ, значитъ котъ сѣрый; ну, а величаютъ его: «котишко-мурлышко, сѣрый-лобишко»—видно, затѣмъ, что сказывать будутъ про плутоватаго кота, не даромъ же онъ такой лакомка: чуть что увидитъ вкусное—ему просто становится не втерпежъ: брюхо болитъ). „Слизалъ онъ у старой бабы сметанку; била его баба, била (значитъ много била), уши выдирала, ноги поломала. Вотъ, онъ и задумалъ уйти со двора (видно колотушки не свой братъ—солоно пришлось, такъ онъ и задумалъ сбѣжать отъ бабы), да подговорилъ съ собою козла да барана. Пыль столбомъ подымается (это вишь они такъ скоро бѣгутъ), трава къ землѣ приклоняется; бѣгутъ козелъ да баранъ, а за ними скачетъ на трехъ ногахъ котъ—сѣрый лобъ. Усталъ онъ и взмолился названнымъ братьямъ („названные братья“, потому они ему были не родные, а только теперь они, какъ настоящіе братья, сговорились все дружно дѣлать: что задумаетъ одинъ, то и другой,—а взмолился онъ имъ—значитъ, умолять ихъ сталъ, упрашивать). Такъ взмолился онъ имъ, дескать, не оставьте меньшаго братишку на съѣденье звѣрямъ. Козелъ посадилъ его на себя, и понеслись они по горамъ, по доламъ, по сыпучимъ пескамъ. (Это они такъ скоро бѣгутъ, что горы, долины какъ будто только мелькаютъ передъ ними. Вотъ, какъ ты ѣхала по желѣзной дорогѣ, не успѣвала разсмо-

трѣть одного мѣста, какъ передъ тобой уже было другое). Остановились они на ночь отдыхать на скошенномъ полѣ, у стога. (Сѣно, когда оно сгребено въ большую кучу, называется стогомъ). Какъ огня добыть? Мурлышко обернулъ козлу рога берестою (береста—это бѣлая кора березы), да велѣлъ ему стукнуться лбомъ съ бараномъ. Стукнулись они такъ крѣпко, что береста загорѣлась. Развели костеръ... (Можно-ли на самомъ дѣлѣ добыть огня, какъ добылъ котъ? Правда, что огонь добываютъ ударомъ кремня объ огниво; когда крѣпко тереть одно дерево о другое, то они загорятся, но береста, конечно, не загорится, если стукнуться лбами. Ну, да, видно, тутъ и хотятъ разсказать о такомъ чудномъ, замысловатомъ котѣ, что только и найдешь въ сказкѣ).

Такъ грѣются это они у костра, глядь—идетъ мужичекъ сѣрячекъ, Михайло Ивановичъ (медвѣдя такъ называютъ).

— Откуда, братъ?

— Ходилъ на пасѣку (пасѣкой называется мѣсто, гдѣ ульи; такъ, медвѣдь, значитъ, ходилъ медъ красть) да подрался съ мужиками (видно они его прибили), оттого и хворь прикинулась (заболѣлъ); иду къ лисѣ лечиться.

— Ну, добро пожаловать.

Легъ медвѣдь подъ стогомъ, мурлышко на стогу, а козелъ съ бараномъ у костра. Идутъ семь волковъ сѣрыхъ.

— Что за народъ? говорятъ они, давай пытать силу.

Заблеяли козелъ да баранъ со страстей (со страху), а мурлыко такую рѣчь повелъ: Ой, не сердите нашего старшого (главнаго, старшаго надъ нами), а то не сдобровать. Аль не видите у него бороды? бородою онъ звѣрей побиваетъ, а рогами кожу снимаетъ. (Вишь котъ какой хитрый: онъ хочетъ волковъ напугать козлиными рогами да бородой, точно тѣ и взаправду могутъ быть для нихъ страшными. Это котъ потому такъ смѣло пугаетъ ихъ, что козелъ домашнее животное, значитъ, волки не видали его у себя въ лѣсу и потому, не зная, что за звѣрь козелъ, что онъ уже теперь со страху блеетъ, могутъ струсить его бороды и роговъ).

— Лучше съ честью (это котъ имъ говоритъ) подойдите да попросите: хотимъ, дескать, поиграть съ твоимъ меньшимъ братишкомъ, что подъ стогомъ лежитъ (вишь, знаетъ куда ихъ отвести, а посовѣтуй онъ имъ поиграть съ козломъ, они бы, конечно, тотчасъ поняли, что звѣрь-то не больно страшный и пожалуй, самому коту тогда плохо пришлось бы). Волки на томъ козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Онъ крѣпился крѣпился, да какъ хватитъ на каждую лапу по волку (вѣдь, медвѣдь силенъ; у него вся сила въ лапахъ: хватитъ передними лапами разомъ двухъ, трехъ, а иного и задними придавитъ); запѣли волки лазаря (жалобно затянули, завыли), да поджавши хвосты (когда звѣри перетрусятъ, такъ хвосты поджимаютъ), подавай Богъ ноги, побѣжали прочь, что есть духу.

Козелъ да баранъ тѣмъ временемъ подхватили мурлыку и побѣжали въ лѣсъ, да опять наткнулись на сѣрыхъ волковъ. Котъ вскарабкался на самую макушку ели, а козелъ съ бараномъ схватились передними ногами за еловый сукъ и повисли. Волки стоятъ подъ елью, зубы оскалили и воютъ, глядя на козла и барана. (Волкамъ хочется закусить). Видитъ котъ—сѣрый лобъ, что дѣло плохо: сталъ кидать въ волковъ еловыя шишки да приговаривать: разъ волкъ! два волкъ! три волкъ! всего-то по волку на брата. (Это котъ съ хитростью высчитываетъ, по скольку на каждаго изъ нихъ достанется, а не знаютъ того волки, что котъ, баранъ и козелъ — всѣ трое до смерти ихъ боятся). Я, мурлышка, давеча двухъ волковъ съѣлъ и съ косточками, такъ еще сытехонекъ, а ты, большой братикъ, (козелъ старшій братъ: имъ-то волка

котъ и хочетъ больше всего напугать, потому и говоритъ о немъ съ такимъ почетомъ) давича за медвѣдями ходилъ, да не изловилъ, бери себѣ и мою долю.

Только сказалъ онъ эти рѣчи, какъ козелъ оборвался и упалъ прямо рогами на волка. А мурлыко, знай свое, кричитъ: держи его, лови его! Тутъ на волковъ такой страхъ напалъ, что они со всѣхъ ногъ пустились бѣжать безъ оглядки. Такъ и ушли.

Лиса, волкъ и медвѣдь.

Повадилась лиса таскать рыбу изъ садковъ (садки—такой домикъ на плоту, гдѣ въ водѣ сберегаютъ наловленную рыбу). Мужики догадались и думаютъ, какъ бы изловить вора; лиса смекнула это (поняла), накрала послѣдній разъ рыбки и пошла гулять по лѣсу (вѣдь звѣря не учили, какъ заработать себѣ хлѣбъ; вотъ, онъ хочетъ ѣсть и таскаетъ, что попадется). Попадаетъ лисѣ на встрѣчу сѣрый волкъ (тоже, должно быть, голодный).—Что ты ѣшь, лисанька? спрашиваетъ волкъ (ласково говоритъ; не лиса, а лисанька, думаетъ: авось, что нибудь выманю).—Рыбку, куманекъ (отвѣчаетъ лиса).

— Да гдѣ же ты ее берешь?—Сама ловлю.—Какъ же ты ее ловишь? научи-ка меня.—Изволь куманекъ: возьми ведро, привяжи къ хвосту, да и опусти въ прорубь (видѣла на рѣкѣ такое мѣсто, гдѣ вырубленъ ледъ, чтобы доставать воду; рыба-то и зимою плаваетъ въ рѣкѣ подо льдомъ). Такъ опусти хвостъ съ ведромъ въ прорубь, рыба и найдетъ къ тебѣ сама въ ведро: только ты смотри, часа два посиди у проруби. Волкъ такъ и сдѣлалъ; но только часа черезъ два хвостъ-то у него примерзъ къ проруби, такъ что онъ, какъ ни бился, не могъ его оторвать. Поутру пришли мужики и убили волка. (Вотъ, какая скверная лиса, подвела-таки своего товарища-волка. Ну, да вѣдь и волкъ тоже лихой звѣрь-грабитель. Между дурными людьми, похожими на волка и лису, также бываетъ: вмѣсто того, чтобъ подѣлиться, помочь въ нуждѣ, одинъ другому только ногу подставляетъ. Да тутъ рѣчь не о людяхъ, а о звѣряхъ. Тутъ сказка толкуетъ, что у звѣря тоже есть свой умъ; онъ тоже смыслитъ, какъ себя сберечь. Волкъ и медвѣдь сильнѣе, за то лиса хитрѣе ихъ, смышленнѣе; смышленный-то, хоть и слабый, возьметъ верхъ надъ сильнымъ и глупымъ).

Загадки.

1) Одинъ махай, четыре гуляй, два дѣтямъ страсть, четыре—такъ власть.

Отв. Корова: „махай“ хвостъ, которымъ она отмахивается; „четыре гуляй“ четыре ноги, которыя вездѣ ходятъ и гуляютъ; „два дѣтямъ въ страсть“ рога, которыхъ дѣти очень боятся и которыми корова иногда и на самомъ дѣлѣ ткнетъ того, кто въ красной рубашкѣ; „четыре такъ въ сласть“ четыре соска у вымени, которые даютъ молоко.

2) Изъ окна въ окно золото бревно.

Отв. Когда солнце свѣтитъ въ окно, то въ комнатѣ какъ будто стоитъ золотой столбъ отъ солнечнаго свѣта, что особенно замѣтно потому, что солнце освѣщаетъ мелкую пыль, которая всегда есть въ комнатѣ.

3) У двухъ матерей по пяти сыновей.

Отв. У обѣихъ рукъ по пяти пальцевъ.

4) Бѣлое поле, черное сѣмя: кто его сѣетъ, тотъ разумѣетъ.

Отв. Бумага, по которой пишутъ чернилами. Кто на ней напишетъ, тотъ ее и понимаетъ.

5) Скокъ да скокъ за рѣшеткой звѣрекъ: что ты ни зналъ, обо всемъ разсказалъ.

Отв. Языкъ за зубами болтается: когда говоришь, будто звѣрекъ на привязи сидитъ въ потьмахъ, а все разскажетъ.

6) Кругленькимъ—маленькимъ до неба докинешь.

Отв. Глазъ. Глазами не только можно смотрѣть на все, что вокругъ насъ, но и разсмотрѣть далекое небо.

7) Красненькій пѣтушекъ по жердочкѣ бѣжитъ.

Отв. Спичка: Когда ее зажигаютъ, такъ огонь бѣжитъ по прутику.

8) Ничего не болитъ, а все стонетъ.

Отв. Свинья: она вѣчно хрюкаетъ да охаетъ, точно больная.

9) Всѣмъ наградила, все загубила.

Отв. Что можетъ всѣхъ наградить? Какое время счастливѣе всего для народа. Осень. А почему? Если осенью созрѣваютъ всѣ хлѣба и плоды, то и выходитъ, что она всѣхъ награждаетъ. Но чѣмъ же она все губитъ? Деревья, трава увядаютъ отъ холоду, а холода начинаются осенью: въ началѣ осени все созрѣваетъ, а въ концѣ все гибнетъ.

10) Въ небо дыра, въ землю дыра, а по срединѣ огонь да вода.

Отв. Нѣтъ-ли у насъ въ комнатѣ этой вещи? Посрединѣ чего бываетъ огонь и вода? Посрединѣ самовара огонь и вода; разсмотри его устройство и скажи, гдѣ это въ небо и въ землю дыра.

11) Теперь отгадай мнѣ, что

Краше свѣта? (значитъ что красивѣе, лучше всего на свѣтѣ).—Красное солнце.

Чаще рощи?—Частыя звѣзды.

Выше лѣса?—Свѣтелъ мѣсяцъ.

12) Не море, не земля, корабли не плаваютъ, а ходить нельзя.

Отв. Болото: въ немъ земля такъ вязка, что можно завязнуть, а гдѣ и провалиться.

13) Ѣду, ѣду, слѣду нѣту: рѣжу, рѣжу, крови нѣту.

Отв. Вода. Сколько мы ни ѣдемъ въ лодкѣ, а никакихъ слѣдовъ не оставляемъ: сколько веслами ни разрѣзаемъ воду, а крови все таки нѣту.

14) Шелковъ клубъ, семь дыръ вокругъ.

Отв. Голова у человѣка: у человѣка на головѣ ноздри, уши, глаза, ротъ—вотъ и семь дыръ.

15) Весной веселитъ, лѣтомъ холодитъ, осенью питаетъ, зимой согрѣваетъ.

Отв. Дерево. Чѣмъ веселитъ весной, холодитъ лѣтомъ? Какъ можно деревомъ питаться? Какимъ образомъ дерево можетъ насъ грѣть зимой.

Загадки имѣютъ хорошее вліяніе на маленькихъ дѣтей: онѣ развлекаютъ ихъ послѣ однообразной, усидчивой, механической работы, веселятъ и доставляютъ имъ безконечное удовольствіе. Онѣ полезны также тѣмъ, что, при самомъ незначительномъ напряженіи мозга и въ то же время нисколько не волнуя ребенка, развиваютъ соображеніе, остроуміе, быстроту мысли. Однако нужно помнить, что если воспитатели будутъ предлагать ихъ дѣтямъ черезъ мѣру, или если они дадутъ почувствовать, что они придаютъ серьезное значеніе быстрому соображенію дѣтей, тогда это хорошее воспитательное средство послужитъ во вредъ. Ничтожное свое остроуміе ребенокъ будетъ принимать за особенное глубокомысліе, за нѣчто такое, что ему даетъ

право смотрѣть на своихъ товарищей, какъ на существа, менѣе его одаренныя. Намъ самимъ пришлось слышать, какъ одно дитя, мать котораго всѣмъ хвастала его остроуміемъ, тутъ же напоминало ей свои остроты, о которыхъ она забыла похвастать и тутъ же пополняло ея разсказъ старыми и вновь импровизированными остротами. Слѣдуетъ замѣтить, что остроумный ребенокъ, которому такимъ образомъ съизмала вскружатъ голову, скоро лишается этого дара. Мало по малу онъ повторяется въ своихъ остротахъ, онѣ дѣлаются нахальными и даже пошлыми.

Глава XV. Воспитаніе ребенка съ 6-ти до 8-ми, 9-ти лѣтъ.

Пятый даръ Фребеля—кубъ, раздѣленный на 27 кубиковъ, и 6-й даръ, раздѣленный на 27 плитокъ.—Какъ слѣдуетъ руководить постройками этого рода.—Соотвѣтственныя бесѣды.—Лѣтнія игрушки.—Значеніе басенъ для дѣтей.—Какія басни слѣдуетъ выбирать дѣтямъ этого возраста и какими объясненіями сопровождать ихъ.

Пятый даръ Фребеля—кубъ, раздѣленный на 27 равныхъ кубиковъ, по два раза вдоль и поперегъ; выходитъ три ряда, а въ каждомъ ряду трижды три кубика (9), всего трижды девять, то есть 27. Но въ ящикѣ пятаго дара не 27, а 39 частей одного большого куба, потому что изъ 27 кубиковъ 6 еще раздѣлены вкось на треугольныя призмы и при томъ такимъ образомъ: 2 кубика раздѣлены вкось въ одну сторону, значитъ, на 2 части, а 3 раздѣлены вкось въ обѣ стороны, значитъ, на 4 части. И такъ всего выходитъ:

цѣльныхъ кубиковъ		21
изъ остальныхъ шести: три, каждый на 2 призмы .		6
	три, каждый на 4 призмы .	12
		39

Здѣсь къ болѣе сложному дѣленію по прямымъ линіямъ присоединяется дѣленіе по косымъ, слѣдовательно, кромѣ того, что ребенку дается матеріала для постройки больше прежняго, онъ еще знакомится съ новыми тѣлами, т. е. съ треугольными призмами. Слѣдовательно теперь въ своихъ постройкахъ ребенокъ можетъ уже точнѣе подражать окружающимъ предметамъ: устроить, кресло съ ручками; на диванѣ или на кроваткѣ сдѣлать подобіе подушекъ, выстроить домъ съ окнами и съ разными крышами.

Изящныя формы здѣсь представляютъ уже очень сложныя фигуры и притомъ сочетаніе квадратной формы (поверхность куба) съ треугольною призмою даетъ имъ совершенно особый видъ и несравненно болѣе разнообразія.

Для знакомства съ математическими тѣлами этотъ даръ представляетъ такой матеріалъ, съ помощью котораго можно усвоить всѣ начала геометріи. Сравненіе треугольной призмы съ кубомъ, треугольника съ квадратомъ, построеніе разныхъ кубовъ, призмъ и другихъ тѣлъ, сравненіе ихъ по формѣ и по объему,—все это могло бы занять дѣтей и до 12 лѣтняго возраста. Счисленіе отъ 8 кубиковъ разомъ переходитъ на очень сложныя числа.

Шестой даръ Фребеля имѣетъ отношеніе къ четвертому дару. Тамъ мы видѣли кубъ, раздѣленный на 8 кирпичиковъ, здѣсь же кубъ распадается также на 27 кирпичиковъ, но такимъ образомъ, что выходитъ:

21 цѣльный кирпичъ	21
3 кирпичика, раздѣленныхъ на 2 квадрата . . .	6
3 кирпичика, раздѣленныхъ на 2 вдоль	6
и такъ вмѣсто 27 мы находимъ въ ящикѣ 6 дара	33 тѣла.

Шестой даръ представляетъ новыя средства къ болѣе точному воспроизведенію дѣйствительности: мы дѣлаемъ въ зданіяхъ болѣе тонкія стѣнки, строимъ балконы, колоннады; дѣленіе кирпичиковъ вдоль даетъ возможность ставить совершенно правильные столбы, которымъ пьедесталами служатъ сдѣланные изъ кирпичиковъ квадратики и проч. При построеніи изящныхъ формъ и математическихъ фигуръ тутъ тоже являются свои особенности.

Принимая 5-й и 6-й даръ Фребеля для занятій съ дѣтьми отъ 6 до 9-ти лѣтняго возраста, мы должны сдѣлать въ нихъ еще болѣе измѣненій, чѣмъ въ 3 и 4 дарѣ, согласно предположенной нами системѣ упражненій. Въ прошлый разъ мы привели распредѣленіе занятій для зимняго дня, нынѣ для разнообразія избираемъ лѣтнее время. Что касается зимнихъ игръ и бесѣдъ, то читатели поймутъ, какъ и что устроить изъ того, что мы предлагали въ предъидущемъ очеркѣ; но согласно съ большимъ развитіемъ дѣтей, онѣ естественно становятся сложнѣе. Многое, предлагаемое нами въ настоящей главѣ, послужитъ матеріаломъ и для зимнихъ занятій, какъ напримѣръ, разнообразныя постройки съ 5 и 6 даромъ.

Съ этихъ построекъ и начинаются утреннія упражненія ребенка, притомъ такъ, что въ одинъ день можно избрать жизненныя формы, на другой *изящныя*, на третій—математическія. Давая въ первый разъ 5-ый даръ, въ руководствахъ Фербеля прежде всего совѣтуютъ знакомить съ этимъ даромъ: считать ряды кубиковъ, замѣчать ихъ расположеніе въ цѣломъ кубѣ, указываютъ на отличіе формы треугольной призмы отъ куба. Замѣтимъ, что переходъ отъ куба съ 8 частями къ кубу, въ которомъ 39 частей, слишкомъ рѣзкій, и знакомить со всѣми численными отношеніями въ этомъ многосложномъ кубѣ можно никакъ не сразу, а лишь очень постепенно. На первый разъ довольно, если, знакомя съ новою игрушкой, мы укажемъ дѣтямъ, что тутъ больше 8 кубовъ и что кромѣ кубовъ есть треугольныя тѣла, происшедшія отъ дѣленія кубиковъ вкось на двѣ и на четыре части. И изъ этого матеріала ребенокъ долженъ строить все, что онъ видитъ кругомъ, но отъ времени до времени пусть его постройки вытекаютъ одна изъ другой, т. е., чтобы изъ одной формы выходила другая безъ разрушенія прежде построеннаго. Такъ изъ куба послѣдовательно дѣлаютъ лѣстницу, кресло, кровать, колодезь, домъ, и проч. Если и полезно иногда упражнять дѣтей такимъ образомъ, то столь же необходимо обращать вниманіе и на содержаніе, представляемое тою или другою формою, и здѣсь, какъ и въ занятіяхъ съ 3-хъ, 4-хъ лѣтними дѣтьми, мы точно также заботимся о цѣлости бесѣды, основанной на внутренней связи между объясненными предметами. Изъ 8 кубиковъ мы строили столъ, стулъ, шкафъ, постель, такъ что намъ рѣдко приходилось дѣлать два предмета вмѣстѣ. Теперь, при большемъ количествѣ матеріала, мы строимъ тѣ же предметы совершеннѣе и кромѣ того заставляемъ дѣтей устраивать цѣлую комнату, со всѣми принадлежностями. Ребенокъ обдумываетъ: „кроватку, одну для меня, другую для няни, шкафъ... туда нужно убирать бѣлье, столикъ для умыванья... много стульевъ мы тутъ не будемъ ставить... а столикъ нужно, у кроватки... помнишь, какъ меня но выпускали, съ постели, такъ на столикѣ стояли игрушки, кушанье“. „А какія еще бываютъ комнаты?“...—Столовая: для столовой нужно длинный, большей

столъ и кругомъ побольше стульевъ... Еще нужно широкій шкафъ для посуды. Вотъ, я сдѣлаю стулья для всѣхъ, кто у насъ бываетъ: тутъ, мама, сядешь ты за самоваромъ"... Вы спрашиваете, какая посуда бываетъ за столомъ во время обѣда, какая во время чая, разсказываете кое-что о приготовленіи этой посуды. Но одного вашего разсказа здѣсь недостаточно: потомъ, во время прогулки, соблюдая все ту же связь въ объясненіяхъ, вы можете сводить шестилѣтняго или семилѣтняго ребенка къ столяру, къ мѣднику, съѣздить съ нимъ на стекольную, фаянсовую фабрику, чтобы онъ хотя въ общихъ чертахъ ознакомился съ приготовленіемъ разныхъ предметовъ. Въ крайнемъ случаѣ вы достаете хотя матеріалъ, изъ котораго приготовляютъ разныя вещи: кусокъ желѣза, фаянсовой глины, и проч.—и объясняете по картинкамъ, какъ что дѣлается. Картинка однако не можетъ никакъ замѣнить дѣйствительности: она болѣе полезна для напоминанія о томъ, что ребенокъ уже видѣлъ прежде.— А вотъ къ чаю нужны сухари, булки, Варя купитъ ихъ у булочника, а булочникъ сдѣластъ изъ муки, а гдѣ онъ муки достанетъ? Какъ приготовляется мука? Опять, на случай прогулки, запомнить, что надо осмотрѣть вѣтряную мельницу, побывать и въ полѣ, чтобы осмотрѣть сельскія работы. Платяной шкафъ дастъ вамъ случай побесѣдовать о разной одеждѣ, о приготовленіи холста изъ льна, сукна изъ шерсти, разныхъ матерій изъ хлопчатой бумаги, обуви изъ кожи. Тутъ есть опасность растеряться въ подробностяхъ, но пусть воспитатель сдѣлаетъ самый строгій выборъ наиболѣе необходимаго и доступнаго ребенку, пусть онъ приметъ за правило не бесѣдовать о томъ, чего нельзя ребенку показать совершенно наглядно, и пусть всякій разъ онъ назначаетъ не болѣе, какъ одинъ, много два разсказа.—Какія еще комнаты мы не дѣлали? Устроимъ кабинетъ; на сцену являются софа, кресла, письменный столъ: онъ не такой, какъ въ столовой или въ спальнѣ; на немъ стоитъ чернильница, лежатъ бумаги, карандаши, перья. Для чего все это служитъ? Изъ чего дѣлаютъ карандаши, грифели, бумагу? Мы перестроили всѣ комнаты; сдѣлаемъ теперь стѣну съ окнами, такую какъ въ нашей залѣ: зачѣмъ нужны окна? Теперь тепло, мы и безъ рамъ обойдемся, а зимой такъ нужны не одна, а двѣ рамы.—Зачѣмъ? какія стекла должны быть въ рамахъ? какъ ихъ приготовляютъ? Какъ вставляетъ ихъ стекольщикъ? Теперь мы будемъ строить, а уже ты сама вырѣжешь и склеишь изъ папки оконную раму и вставишь вмѣсто стеколъ кусочки слюды, которую я дамъ тебѣ. Ну, выйдемъ на дворъ. А какъ выйти? нужно сдѣлать лѣстницу. Зачѣмъ лѣстницы дѣлаютъ не прямо, а кругомъ, съ заворотами и съ площадками? а не сдѣлаешь-ли ты также витую лѣстницу?—Уже въ томъ, что мы здѣсь представили, хватитъ занятій на много дней. — Теперь ребенокъ строитъ дворъ: стѣну съ воротами, сараи. Что ставятъ или кладутъ въ сараи? зачѣмъ нужны сѣно, дрова? гдѣ ихъ достаютъ? а вонъ и собачья будка: тутъ барбосъ на цѣпи. На дачѣ у насъ на дворѣ колодезь, а въ городѣ гдѣ достаютъ воду? Выйдемъ теперь изъ воротъ на улицу. Мы можемъ построить и фасадъ нашего дома. А помнишь, Маша, ты видѣла, какъ строятъ, какъ каменьщики кладутъ домъ изъ кирпичей и тесанаго камня. Отчего дома строятъ лѣтомъ? Что сначала кладутъ? какъ выводятъ на фундаментѣ стѣны? Для чего оставляютъ пустыя мѣста? Эти—для дверей, эти—для оконъ. Вспомни, какъ вставляютъ балки для половъ; а крышу какъ дѣлаютъ? какъ укрѣпляютъ въ балки стропила? какъ стелютъ доски? Послѣ того, съ помощью шестаго дара, вы устраиваете колонады, какія ребенокъ видѣлъ у театра, у храма, строите дачу съ балконами, съ заборомъ для сада и огорода. А вотъ такъ, говорите вы, можно намъ состроить и цѣлую деревню съ домиками, съ церковью. Ты видѣла крестьян-

скую хату? Мы сдѣлаемъ сначала избу, потомъ весь крестьянскій дворъ. Въ избѣ тоже ли бываетъ, что въ городскихъ покояхъ? Здѣсь мы поставимъ у стѣнъ скамейки, большой столъ, сундукъ, шкапикъ для посуды, русскую печь. Сдѣлаемъ теперь и цѣлый домъ. Чѣмъ онъ отличается, какъ его рубятъ изъ лѣсу? При этомъ могутъ помочь и складныя крестьянскія хаты, какія продаются въ игрушечныхъ лавкахъ.—А чѣмъ жизнь крестьянина отличается отъ жизни горожанина? Въ городѣ преимущественно живутъ столяры, мѣдники, ткачи, горшечники и другіе ремесленники, кромѣ того купцы, военные, ученые, и проч. Въ селѣ болѣе занимаются хлѣбопашествомъ. Не даромъ русскій человѣкъ толкуетъ про свое житье-бытье: „Не печь кормитъ, а нивка“. Что это значитъ? „На полатяхъ лежать, такъ и ломтя не видать“. Если не работать, а только лежать на полатяхъ (замѣняющихъ крестьянину кровать), — хлѣба не будетъ. Крестьянинъ усердно работаетъ день деньской: пашетъ, сѣетъ, жнетъ, коситъ, дрова рубитъ, не любитъ тѣхъ, кто лежитъ на печи. Надъ нерадивыми, что всякое дѣло кое-какъ дѣлаютъ, онъ такъ смѣется: „Сбилъ, сколотилъ—вотъ колесо! Сѣлъ да поѣхалъ—ахъ, хорошо! оглянулся назадъ—однѣ спицы лежатъ“. Работа трудна, да у мужичка есть свой дворъ и домъ, гдѣ хотя и „не уѣдно, да улежно“, т. е.—хотя и не всегда поѣшь до сыта, да отдохнуть можно. „Не красна изба углами, а красна пирогами“. Пироги простой народъ ѣстъ въ праздникъ, а въ будни щи, хлѣбъ, да кашу. У кого заведется баранина, да сало свиное, про того уже говорятъ: „Домъ, какъ полная чаша“. А коли нѣтъ муки и пирога испечь, все же не печалятся, шутятъ: „Порогъ поскребла, да пирогъ испекла“. Какъ ни бѣденъ русскій человѣкъ, а готовъ послѣднимъ кускомъ подѣлиться съ гостемъ: „Что въ печи, все на столъ мечи“. Ну и гостю не нужно быть жаднымъ. Дурно, кто ходитъ къ другимъ, чтобы только поѣсть: „На чужой каравай, ротъ не разѣвай“—говоритъ пословица.

А вотъ разгадай, Маша, загадки: „Сто гостей, сто постелей — одному гостю нѣтъ постели“ (Бревна въ избѣ и матица). „На улицѣ кромушка, въ избѣ ломотокъ“ (Бревно въ стѣнѣ). „Два брата глядятся, а вмѣстѣ не сойдутся“ (Полъ и потолокъ). „Не шагаетъ, а ходитъ“ (Дверь). „Молчанъ-собака весь домъ стережетъ“ (Замокъ).

Въ другой разъ вы начнете утро постройкою изящныхъ формъ. Здѣсь опять у Фребеля требуется, чтобы въ каждую фигуру входили всѣ кубики. Такимъ образомъ, послѣ занятій съ 8-ью кубиками,—здѣсь фигуры являются уже слишкомъ сложными, и самое упражненіе можетъ крайне утомить ребенка. Необходимо при этихъ занятіяхъ сначала упростить фигуры, выбравъ меньшее число кубиковъ и постепенно прибавляя новые, или строить и изо всѣхъ 27 кубиковъ, только болѣе простыя фигуры. (Смотри рисунки въ концѣ). Вы сначала составляете правильный треугольникъ, по 9-ти кубовъ на каждой сторонѣ; наконецъ кладете кубы, сложенные изъ призмъ. Потомъ отнимаете по одной изъ этихъ сложенныхъ призмъ и располагаете ихъ по сторонамъ вашей треугольной фигуры.

Упражненія въ геометрическихъ формахъ, какъ мы уже замѣтили, при 5-мъ и 6-мъ дарѣ, могутъ обнять чуть-ли не всю геометрію. Но храни Богъ перечерезчурить, идти слишкомъ далеко съ дѣтьми и въ этомъ отношеніи. Мы продолжаемъ учить счету, но съ величайшею постепенностью. Въ двухъ предъидущихъ главахъ, въ многочисленныхъ примѣрахъ, мы указали достаточно подробно, какъ слѣдуетъ маленькихъ дѣтей упражнять въ первомъ счетѣ. При математическихъ постройкахъ 5-го и 6-го дара слѣдуетъ держаться тѣхъ же правилъ, принявъ во вниманіе только то, что дѣти здѣсь

уже болѣе взрослыя, слѣдовательно тутъ уже можно давать имъ задачи чуть-чуть посложнѣе.

При математическихъ упражненіяхъ вы можете также дать складывать и тѣла, представляющія на поверхности форму прямоугольника, трапецій и другихъ многоугольниковъ. Здѣсь также представляется случай постепенно упражнять въ сравненіи тѣлъ, одинаковыхъ по формѣ и различныхъ по объему, и тѣлъ, различныхъ по формѣ и одинаковыхъ по объему. Такъ вы можете сдѣлать нѣсколько различной величины квадратовъ въ одинъ, въ четыре, въ восемь и болѣе кубиковъ. Точно также изъ кирпичиковъ вы складываете квадраты различной величины. То же самое съ треугольниками и прямоугольниками. Или вы строите изъ одинаковаго числа кубиковъ два тѣла, различныхъ по формѣ, напримѣръ квадратъ и прямоугольникъ, или трапецію. У васъ выйдетъ два тѣла, различныхъ по формѣ, но одинаковыхъ по объему. Всѣ эти упражненія очень полезны, но ихъ давать надо очень умѣренно.

Мы уже говорили, что, послѣ построекъ изъ кубиковъ, или математическихъ упражненій, должны слѣдовать чисто физическія упражненія. Тогда была зима и эти упражненія происходили въ комнатѣ. Подражая работамъ старшихъ, мы укрѣпляли мускулы: рукъ, плечъ, ногъ и спины. Вспомнимъ нѣкоторыя изъ этихъ игръ: разнообразныя игры въ мячь, то одной, то другой рукой, движенія тѣла, въ которыхъ ребенокъ подражаетъ тому, какъ мотаютъ нитки, мелютъ кофе, какъ летаютъ птицы, какъ бѣгаетъ лошадь и т. д. Эти самыя упражненія продолжаются и теперь, но, сообразно съ лѣтнимъ временемъ, ихъ можно болѣе разнообразить и болѣе осмыслить при большемъ развитіи ребенка въ 6, 7 лѣтъ.

— Походи-ка, Маша, по лужку,—покажи, какъ крестьянинъ рожь сѣетъ. Ну, а какъ живутъ, бабы? Теперь посѣяли и сжали, надо молотить. Ну-ка, мужичокъ, поѣзжай теперь въ городъ рожь продавать. Нужно скоро, скоро бѣгать. Вѣдь крестьянинъ навѣрно скоро ѣдетъ въ такое время: онъ радъ радешенекъ, когда у него хлѣбъ хорошо уродился, что и въ городъ можно кой-что свезти продать, а на вырученныя деньги соли купить, валенки себѣ на зиму, дѣтокъ своихъ гостинчикомъ полакомить... Ну, полно бѣгать, отдохни, да спой пѣсенку. Вы поете, дѣвочка вамъ вторитъ.

Сѣй скорѣй, мужичекъ!
Выпалъ свѣтленькій денекъ;
Рожь какъ разъ взойдетъ.
Глядь, и колосомъ нальется,
Какъ нальется,—соберется
Жать ее народъ.

Сжали,—нутко на гумно;
Молоти, собирай зерно:
Въ городъ повеземъ.
Кончимъ мы нашъ трудъ тяжелый,
Будетъ, братцы, пиръ веселый,
Пѣсни запоемъ *).

— А вѣдь ту рожь, что у мужика осталась для себя, ему и смолоть надо? ну-ка, покажи, какъ мелютъ. А какъ потомъ тѣсто мѣсятъ для хлѣба?... Разумѣется, всѣ эти игры имѣютъ смыслъ лишь тогда, когда ребенокъ видѣлъ на дѣлѣ самыя работы.—Теперь тебѣ опять пора-попрыгать.

— Какъ заяцъ скачетъ въ полѣ? — Ребенокъ прыгаетъ на корточкахъ, при этомъ показываетъ руками ушки зайчика, которыя то мелькаютъ, то скрываются въ травѣ. — Чу! Раздается охотничій рогъ, говорите вы, ну, заинька, давай Богъ ноги, скорѣй, скорѣй... Гамъ... гамъ... гамъ... вотъ

*) Означенныя пѣсни, подъ названіемъ «Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры съ русскими народными мелодіями» положены на музыку А. И. Рубцомъ, изданіе Е. Н. Водовозовой.

уже и собаки близко. Ну, братъ, скачи, вертись похитрѣе... Попался зайка, загнали-таки...—Ой, устала, мама, — кричитъ дѣвочка и бросается на траву. Черезъ минуту она отдохнула и поетъ съ матерью:

Заинька по сѣничкамъ
Ходилъ да гулялъ,
Сѣрый по новымъ
Разгуливалъ, гулялъ.
Некуда заинькѣ
Выскочити,
Некуда сѣрому
Выпрыгнути.
Семеро воротъ
Крѣпко заперты;
Ключники всѣ въ торгъ пошли,
Ключики по карманкамъ разнесли.

— Ну, а теперь споемъ: „Ленъ, мой ленокъ...“ — Дѣвочка вскакиваетъ на ноги, поетъ, притопываетъ ногами и показываетъ, какъ сѣютъ, полютъ, треплютъ ленокъ и т. д.—Покажи, какъ дровосѣкъ дрова рубитъ, какъ столяръ доски пилитъ, теперь то же самое лѣвой рукой... Ну, теперь дѣлай, что знаешь.

Для лѣта можно выбрать подходящія игрушки. Прежде всего назову тѣ, которыя упражняютъ въ бѣганьи за движущимися предметами и требуютъ вѣрнаго глазомѣра и ловкости въ рукахъ. Я напомню сначала о всѣхъ извѣстныхъ полезныхъ игрушкахъ и укажу, какъ съ ними можно разнообразить игру.

1) *Обручи.* На ровномъ мѣстѣ катятъ обручь, погоняя его палочкой и не давая ему упасть. Тутъ можно ускорить или замедлить бѣгъ, придавать обручу различныя направленія, подкидывать его на бѣгу, гнать его то правой, то лѣвой рукой. Игру съ обручами можно устроить и для большаго количества дѣтей. Много дѣтей становятся другъ передъ другомъ, катятъ на встрѣчу одинъ другому обручи такъ, чтобы они столкнулись; чей обручъ упадетъ, тотъ проигралъ, или на лету ихъ перехватываютъ и мѣняются ими другъ съ другомъ.

2) *Метаніе кружковъ въ кругъ.* На землѣ чертятъ небольшой кругъ и съ назначеннаго мѣста бросаютъ въ него кружки. Чей кружокъ остается въ кругѣ, тотъ выигрываетъ всѣ кружки, упавшіе внѣ круга.

3) *Кольца* или серсо — всѣмъ извѣстная игра, которая сопровождается движеніями, очень полезными для всего тѣла.

4) *Прыганье черезъ веревочку.*

5) *Бумажный змѣй.* Ребенокъ для бо́льшей красоты окаймляетъ его цвѣтной бумагой, дѣлаетъ узорчатый бумажный хвостъ и проч. Тутъ онъ наглядно узнаетъ законъ равновѣсія и направленіе вѣтра, наблюдая, какъ змѣй летитъ, кувыркается и падаетъ.

6) *Вертящееся колесо.* Чертятъ на папкѣ правильный кружокъ, вырѣзаютъ его и подравниваютъ края. Посреди круга чертятъ другой кругъ и проводятъ къ нему отъ средины до 10-ти радіусовъ, на равномъ разстояніи другъ отъ друга; радіусы эти прорѣзаютъ ножичкомъ и образовавшіеся лоскутки отгибаютъ по-очередно одинъ въ одну сторону, другой въ другую. Это колесцо довольно шибко катится на гладкой дорогѣ, погоняемое вѣтромъ.

7) *Вертящаяся мельница*, сдѣланная изъ дерева или разноцвѣтной бумаги.

8) *Лукъ* тоже можетъ приготовить самъ каждый ребенокъ. Для этого обыкновенно покупаютъ камышъ, который легко гнется. На обоихъ концахъ камышевки дѣлаютъ небольшіе надрѣзы, чтобы съ концовъ не соскользала веревка, которою ихъ стягиваютъ. Въ средину упираютъ стрѣлу такой длины, чтобы, при натянутомъ лукѣ, конецъ ея всетаки выступалъ за лукъ. Эта игра служитъ къ развитію ловкости рукъ и вѣрности глаза. Конечно, ее можно допускать не въ комнатѣ, а на дворѣ, гдѣ сначала въ шагахъ 10-ти, а по-

томъ все въ большемъ и большемъ разстояніи ставятъ какую нибудь доску, въ которую и цѣлится ребенокъ. Однимъ словомъ такихъ игрушекъ, въ которыхъ вмѣстѣ съ упражненіями физическими есть и кой-какая работа для рукъ и головы, очень много.

Но еще болѣе необходимы для лѣта желѣзная и деревянная лопатка, нѣсколько совочковъ, грабельки, тачка... Ребенокъ самъ себѣ устраиваетъ маленькій городокъ; онъ обнесетъ его заборомъ изъ деревянныхъ колышковъ; вы укажете ему, какъ разбить грядки, какъ весь огородъ окопать канавкой. Послѣ дождя онъ увидитъ свою канавку, наполненную водой, но это самое и спасло его грядки, ихъ не размыло. Сколько физическихъ упражненій, сколько предметовъ для наблюденій, сколько радости ребенку! Но вы не ограничиваетесь этими наблюденіями. Кругозоръ ребенка такъ расширился по 7-му, 8-му году, что ему доступно и еще многое. Механическія работы и занятія мало-по-малу должны уступать мѣсто умственнымъ упражненіямъ, разсказамъ и самостоятельнымъ наблюденіямъ въ природѣ того, чего онъ прежде вовсе не замѣчалъ.

Въ этотъ возрастъ, а иногда и раньше, многіе родители, сознающіе весь вредъ и всю пошлость оффиціальной дѣтской поэзіи, выражающейся въ поздравительныхъ стишкахъ къ мамѣ и папѣ, даютъ дѣтямъ заучивать басни. Вотъ потому-то мы остановимся на басняхъ Крылова и укажемъ, что изъ нихъ можно выбирать и какихъ онѣ требуютъ объясненій со стороны воспитателя.

Басни Крылова дѣйствительно болѣе доступны каждому, чѣмъ всѣ другія произведенія нашихъ русскихъ писателей. Простота слога, живость и игривое остроуміе разсказа, художественная его отдѣлка, въ которой мы въ одно и тоже время находимъ и краткость и законченность, наконецъ здравый смыслъ, которымъ онѣ проникнуты, все это качества безспорно драгоцѣнныя въ педагогическомъ отношеніи. Но нельзя сказать, чтобы каждая басня Крылова, взятая въ отдѣльности, въ одинаковой мѣрѣ удовлетворяла требованіямъ дѣтскаго возраста. Весьма многія изъ нихъ проникнуты тонкой сатирой, совсѣмъ недоступной дѣтямъ, другія, по узкости взгляда, могутъ дать ложное или одностороннее понятіе о предметѣ. Возьмемъ въ примѣръ нѣсколько басенъ изъ тѣхъ, которыя чаще всего даютъ заучивать маленькимъ дѣтямъ.

Басня „Ворона и Лиса“ изображаетъ ловкость и изворотливость лисы, которая выманиваетъ сыръ у глупой вороны. Ея главная цѣль — показать, какъ бываетъ наказанъ тотъ, кто поддается на льстивыя слова: урокъ практическій и полезный неопытнымъ людямъ; но искусство льстеца здѣсь представлено такъ игриво, что нисколько не видно гнусности лжи. Лисица чутьли не была права, обманывая ворону, которой вся вина состоитъ въ одной ея глупости: плутовка забавляетъ васъ своею хитростью, и вы не чувствуете къ ней ни малѣйшаго презрѣнія. Здѣсь смѣхъ, возбуждаемый глупою вороною, намъ кажется не совсѣмъ нравственнымъ. Если надъ ней посмѣется ребенокъ, самъ наклонный ко лжи и лукавству, то цѣль басни врядъ ли будетъ достигнута.

Басня „Котъ и Поваръ“, очень живая по содержанію, совершенно доступна ребенку въ шесть лѣтъ; но ея мораль довольно сомнительная. Тутъ въ смѣшномъ видѣ представленъ поваръ, который хочетъ подѣйствовать убѣжденіями на блудливаго кота, стянувшаго курченка:

«А я бы повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ словъ не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить».

Что же это означаетъ? Какъ вы объясните ребенку, что долженъ былъ дѣлать поваръ съ котомъ вмѣсто нравоученій? Оттаскать кота за уши и хорошенько выдрать розгами? Но замѣтимъ, что грубое обращеніе и безъ того свойственно очень многимъ дѣтямъ: ихъ напротивъ надо учить и словомъ, и примѣромъ, какъ дѣйствовать терпѣливо, и даже по отношенію къ кошкѣ никогда не давать воли рукамъ. При малѣйшемъ недосмотрѣ, въ нихъ легко развиваются злые инстинкты.

Басня „Тришкинъ кафтанъ“ заключаетъ на видъ очень простой и забавный разсказъ. Тришка обрѣзываетъ рукава, чтобы заплатать локти, обрѣзываетъ фалды и полы, чтобы наставить рукава. Но если вы захотите объяснить, какъ слѣдуетъ, смыслъ этой басни, то вамъ придется обратиться къ предметамъ, выходящимъ изъ круга дѣтскихъ понятій: безъ того пропадетъ вся соль сатиры. Въ піесѣ „Музыканты“ сатира направлена противъ тѣхъ лицемѣрныхъ господъ, которые любятъ щеголять добродѣтелью, какъ моднымъ платьемъ. Подобное лицемѣріе также мало понятно дѣтямъ. Изъ всего сказаннаго видно, что нельзя увлекаться простотою разсказа въ басняхъ Крылова; ихъ смыслъ не всегда такъ простъ, какъ это кажется съ перваго раза. Но у Крылова есть и такія басни, которыя, при совершенно доступномъ содержаніи, при весьма несложной и заманчивой завязкѣ, заключаютъ и полезный для дѣтей нравственный урокъ и кромѣ того обогащаютъ ихъ рѣчь чисто русскими народными оборотами. При выборѣ здѣсь также необходимо держаться слѣдующихъ правилъ: а) отбрасывать мораль, которая обыкновенно находится въ началѣ или въ концѣ каждой басни, б) выбирать басни, гдѣ являются животныя, уже хорошо знакомыя дѣтямъ изъ вашего разказа, изъ народной сказки, передъ тѣмъ ими слышанной, или такія, гдѣ описанъ предметъ самый обыденный.

Въ возрастѣ, о которомъ мы говоримъ, могутъ быть доступны басни въ родѣ слѣдующихъ: Двѣ бочки, Двѣ Собаки, Собака и Лошадь, Трудолюбивый медвѣдь, Слонъ и Моська, Оселъ и Соловей, Лисица и Виноградъ, Добрая Лиса, Волкъ и Лисица, Волкъ и Мышенокъ, Кошка и Соловей, Мышь и Крыса, Щука и Котъ, Обезьяна, Пчела и Мухи, Муха и Пчела, и проч.

Въ послѣдней баснѣ нѣкоторые, пожалуй, могутъ стѣсняться словами мухи:

Притомъ же, жалуя полъ нѣжный,
Вкругъ молодыхъ красавицъ вьюсь
И отдыхать у нихъ сажусь
На щечкѣ розовой иль шейкѣ бѣлоснѣжной.

Эти стихи, конечно, не много прибавляютъ къ характеру мухи; но выпускать ихъ нѣтъ надобности. Вѣдь и въ шесть, семь лѣтъ, разсказывая ребенку о какомъ нибудь мальчикѣ, вы часто рисуете передъ нимъ его наружность: его курчавую головку, раскраснѣвшіяся щечки. И въ эти лѣта мальчикъ и дѣвочка очень хорошо знаютъ, что шейка и щечка могутъ нравиться. Да и какъ можетъ дитя незнать этого, когда мама безпрестанно говоритъ ему: „дай мнѣ поцѣловать твою милую щечку,“ слѣдовательно оно не можетъ соединять съ этимъ никакой дурной мысли. Наконецъ, когда дитя мало обращаетъ вниманія, напримѣръ, хотя на комнатную собаку, ни одинъ воспитатель не затруднится сказать: ты не хочешь приласкать пуделя, а посмотри, какая у него красивая, густая, черная, волнистая шерсть, какіе у него умные, добрые глаза! Почему же передъ ребенкомъ въ разсказѣ о человѣкѣ нельзя также просто и естественно описать его миловидную наруж-

ность. Говорите съ ребенкомъ, о чемъ угодно, и вѣрьте, читатель, онъ останется чистъ и невиненъ, если только при этомъ вы сами серьезно смотрите на предметъ, объясняете то, что идетъ къ дѣлу, а не говорите изъ пустой болтовни, или, что еще хуже, для собственной пошлой потѣхи: „ишь пострѣлъ! уже и это понимаетъ“ или: „губа-то не дура“ и т. п. Родители, которые такъ забавляются съ своими дѣтьми, конечно, воспитаютъ пошляковъ.

Трудно съ точностью опредѣлить, что въ той или другой баснѣ слѣдуетъ объяснять ребенку, на чемъ больше останавливаться. Вѣрнѣе всего онъ самъ на это укажетъ, передавая вамъ свои впечатлѣнія. Вы и группируете ваши объясненія около предметовъ, которые его болѣе заняли, которые онъ всего живѣе усвоилъ. Если же разсказъ показался ему совсѣмъ не занимательнымъ, то это значитъ, что содержаніе басни ему чуждо и надо избрать другую. Для примѣра разскажемъ, какъ намъ случалось толковать хотя басню: „Слонъ и Моська“. Не заставляя никогда долбить басни, мы читаемъ первый разъ съ начала до конца безъ всякихъ объясненій. Безпрестанные остановки и поправки помѣшали бы тому цѣльному, живому впечатлѣнію, какое долженъ произвести разсказъ; кромѣ того тутъ еще нужно напередъ узнать, какихъ объясненій требуетъ самъ ребенокъ. Послѣ прочтенія, у него, напримѣръ могутъ явиться вопросы: что такое толпы зѣвакъ, моська, шафка?

Во всей баснѣ ребенокъ не понялъ два, три слова; предметъ, ими означаемый, долженъ быть уже прежде ему хорошо знакомъ, но онъ не совсѣмъ помнитъ особыя, видовыя названія собаки: моська и шафка. Послѣ вопроса „что такое?“ обыкновенно слѣдуетъ вопросъ „почему?“—Почему моська такъ и лѣзетъ въ драку съ слономъ, когда тотъ ей ничего дурнаго не сдѣлалъ? И отчего это шафка ее начинаетъ усовѣщивать? Здѣсь намъ кажется весьма не трудно указать дѣтямъ хвастовство и смѣшное самохвальство моськи, которая тщеславится своимъ забіячествомъ. Анализируя это явленіе, вы нападаете на вопросы: видѣлъ ли ты забіякъ? кого бы ты назвалъ забіякой? большая ли честь прослыть забіякой? можетъ ли Моська по своей силѣ и на самомъ дѣлѣ быть забіякой? Отчего-же ей этого такъ захотѣлось? какіе люди хвастаютъ лишь тѣмъ, что могутъ съ кѣмъ нибудь подраться и кого нибудь побить? чѣмъ моська думала снискать себѣ уваженіе между собаками? зачѣмъ въ баснѣ нужно было вывести слона? удачно-ли моська выбрала случай показать свою удаль? чѣмъ смѣшна она? а если бы по улицѣ шелъ не слонъ, а бѣжала маленькая собачка, стала-ли бы моська хвастать своимъ забіячествомъ? а какова шафка? что бы ты сказалъ, если бы увидѣлъ забіяку? потому-ли только моська была глупа, что нападала на огромное животное? и проч.

Послѣ подобныхъ бесѣдъ живой ребенокъ самъ будетъ просить васъ прочесть еще басню и станетъ пересказывать всѣмъ домашнимъ, что онъ узналъ; при этомъ онъ охотно дозволитъ вамъ поправлять ошибки въ его разсказѣ. Пусть на другой день онъ передастъ это своими словами, какъ ему вздумается: останавливайте его только тамъ, гдѣ будутъ у него неправильные обороты, или вмѣсто характернаго выраженія, въ родѣ слѣдующаго: ну на него метаться,—скучныя растянутыя фразы. Такъ по немногу, напоминая слова басни, вы незамѣтно заставите его выучить ее на память. Тогда можно будетъ перейти къ другой, напр. къ баснѣ „Двѣ бочки“. Прочитавъ ее, вы легко наведете ребенка на слѣдующія соображенія.

— Одна бочка ѣдетъ тихо, скромно, не думая передъ другими гремѣть, шумѣть и хвастать: къ тому же она полна виномъ и не можетъ скоро ѣхать. Другая на легкѣ—вотъ она и несется вскачь. Къ тому же она, какъ пустая,

не освѣжитъ, не напоитъ, никого не порадуетъ, а только лошадь занимаетъ,— вотъ и хочется ей обратить на себя вниманіе хотя грохотомъ да стукотней.— А отчего тутъ стукотня и громъ, и пыль столбомъ?—Стукотня—отъ ударовъ колесъ о мостовую при скорой ѣздѣ, громъ—отъ того, что внутри бочки пусто: какъ тряхнетъ, она и застучитъ; каждый стукъ въ ней отдается,— вотъ крикни въ пустую бочку, услышишь такой громкій шумъ. Пыль столбомъ,—какъ и всегда бываетъ во время скорой ѣзды: не улеглась еще пыль въ одномъ мѣстѣ, какъ уже подымается другая,—вотъ и кажется, будто пыль стоитъ столбомъ. Ну, а много-ли пользы отъ пыли да отъ стукотни? Хорошенько понявъ и усвоивъ различіе между обѣими бочками и замѣтивъ наиболѣе характерныя выраженія басни, ребенокъ легко и самъ сдѣлаетъ изъ нея примѣненіе, какое представится ему въ томъ или другомъ случаѣ.

Въ предъидущей главѣ мы давали объясненія сказокъ и загадокъ, теперь говорили о басняхъ; но это еще не значитъ, что въ шести, семилѣтній возрастъ уже не слѣдуетъ давать сказокъ и загадокъ, а замѣнить ихъ баснями. Если, по развитію ребенка, уже можно было однажды начать съ нимъ какое нибудь умственное или механическое упражненіе, пусть оно продолжается и въ то время, когда параллельно съ нимъ вы вводите другія занятія. Конечно при этомъ вы его разнообразите и всякій разъ даете въ другой формѣ; вы его не прекращаете, пока оно не станетъ для ребенка совершенно легкимъ.

Въ 7, 8 лѣтъ (но отнюдь не ранѣе 7-ми лѣтняго возраста), приходится начинать учить ребенка грамотѣ. Это обученіе въ первый годъ, продолжаясь *20—25* минутъ кряду, въ суммѣ должно отнимать времени не болѣе полутора часа въ день. Слѣдовательно и при обученіи грамотѣ у ребенка будетъ оставаться достаточно времени и на бѣготню, и на продолженіе наблюденій надъ окружающимъ міромъ, и на механическія занятія, сопровождаемыя живыми бесѣдами, сказками, пѣснями, разсказами, загадками, которыя и теперь должны идти своимъ чередомъ, какъ и прежде.

Глава XVI. Подвижныя игры.

Значеніе игры въ жизни ребенка.—Какое направленіе слѣдуетъ давать играмъ.—14-ть подвижныхъ народныхъ игръ.

Фребель даетъ рядъ гимнастическихъ игръ, приспособленныхъ къ дѣтскому возрасту. Эти игры однако рѣзко отличаются отъ обыкновенной гимнастики: во 1-хъ онѣ сопровождаются пѣніемъ, во 2-хъ самыя движенія заимствованы изъ дѣйствительной жизни. Воспитательное значеніе пѣнія для первоначальнаго развитія мы достаточно выяснили въ предисловіи къ нашимъ пѣснямъ: „Одноголосныя дѣтскія пѣсни и подвижныя игры съ русскими народными мелодіями". Теперь поговоримъ о подвижныхъ играхъ. Первое условіе для того, чтобы онѣ приносили дѣтямъ удовольствіе и пользу, состоитъ въ томъ, чтобы онѣ устраивались безъ всякаго принужденія; тогда онѣ могутъ развивать ловкость, остроуміе, соображеніе, любовь къ товарищамъ, терпѣніе и другія хорошія качества, но прежде всего онѣ должны быть направлены къ тому, чтобы дать полнѣйшій отдыхъ головѣ и, пріятно возбуждая физическія силы ребенка, укрѣплять его мускулы. По играмъ дѣтей вы наглядно можете составить себѣ понятіе о томъ образѣ жизни, который они ведутъ въ своемъ семействѣ, и о воспитаніи, которое они получаютъ. Тамъ, гдѣ первую роль играютъ узкіе семейные интересы и меркантильные разсчеты, дрязги съ прислугою и тому подобное,—любимою дѣтскою игрою служитъ игра въ кухарку, при чемъ ее распекаютъ, изгоняютъ изъ дому, и т. п; тамъ, гдѣ въ жизни первую роль играютъ наряды и выѣзды, дѣти любятъ наряжаться въ туалеты старшихъ, играть въ визиты.

Мысль Фребеля дать дѣтямъ разнообразныя игры, въ которыхъ-бы они воспроизводили жизнь не одного какого-либо кружка или сословія, а жизнь общечеловѣческую, какою живетъ трудящійся людъ,—въ высшей степени воспитательная. Заимствуя отъ Фребеля эту идею, мы тутъ, менѣе чѣмъ гдѣ-либо, можемъ быть его подражателями. Фребель давалъ своимъ дѣтямъ народныя игры и пѣсни, въ которыхъ дѣти подражали трудящейся массѣ своей страны; мы должны заимствовать эти игры у своего народа и разнообразить ихъ сообразно съ своею жизнію. Въ прежнихъ главахъ мы дали уже примѣры игръ, которыя можно ввести для семействъ, гдѣ одно или двое дѣтей; теперь укажемъ на такія игры, которыми можно-бы было занять дѣтей въ дѣтскомъ саду, въ пріютѣ или хотя и въ семействѣ, но въ обществѣ дѣтей. Но чего слѣдуетъ придерживаться въ этихъ играхъ?

1) Прежде всего въ такой игрѣ не должно быть ни сословнаго, ни узко-семейнаго элемента.

2) Въ ней не должно быть ничего, что и взрослыми считается предосудительнымъ, т. е. не должно быть повода къ азарту, какой мы видимъ при игрѣ въ карты, а также не слѣдуетъ вводить игры, гдѣ существуютъ проигрыши: подъ этимъ мы разумѣемъ такую дѣтскую забаву, гдѣ промахъ и неудача одного выгодны для другаго.

3) Подвижныя игры должны сопровождаться какими нибудь тѣлодвиженіями.

Такъ какъ онѣ обыкновенно слѣдуютъ за занятіями, требующими усидчивости, то цѣлью игры должно быть развитіе мускуловъ дитяти, а средство къ достиженію этого—движеніе.

Игры въ обществѣ товарищей научаютъ ребенка терпѣнію. Когда, напримѣръ, играютъ въ кошку-мышку, дѣйствующими лицами могутъ быть только двое дѣтей. Вниманіе остальныхъ обращено только на то и другое дѣйствующее лицо; ихъ удача и неудача такъ возбуждаетъ дѣтей, что всѣ они тотчасъ непремѣнно хотятъ принять участіе въ ихъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ правило игры таково, что каждый долженъ ждать своей очереди. Дѣти скоро начинаютъ сознавать, что это ожиданіе очереди необходимое условіе товарищества.

Подвижная игра должна научить сообразительности и находчивости. Мы видѣли, что дѣти, которыхъ не учатъ играмъ, подражаютъ только дѣйствіямъ своихъ близкихъ; но главное условіе игръ—дать какъ можно болѣе разнообразія, развить фантазію ребенка настолько, чтобы потомъ онъ самъ, безъ помощи воспитателя, могъ изобрѣтать игры. Изъ этого ясно, что подвижная игра должна имѣть цѣлью не только физическое упражненіе, но и умственное.

Она должна быть совершенно свободна. Малѣйшее утомленіе со стороны ребенка или даже простое его заявленіе, что онъ не хочетъ играть, служитъ уже достаточнымъ поводомъ, чтобы онъ вышелъ изъ кружка играющихъ; онъ снова станетъ въ ряды ихъ при первомъ своемъ желаніи. Однако не нужно думать, что дѣтямъ слѣдуетъ указывать только игры, сопровождаемыя пѣснями. Чѣмъ больше вы покажете имъ различныхъ игръ, тѣмъ скорѣе и въ этомъ отношеніи станутъ они самостоятельными. Вотъ образцы ихъ, безъ пѣнія:

1) *Коршунъ.* Дѣти составляютъ кружокъ, одинъ садится въ середину и скребетъ рукою по полу.

„Коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь?“ (спрашиваютъ въ голосъ дѣти).
— Ямочку копаю.
— На что тебѣ ямочка?
— Денежку ищу.
— На что тебѣ денежка?
— Иголочку купить.
— На что тебѣ иголочка?
— Мѣшечекъ сшить.
— На что тебѣ мѣшечекъ?
— Камушки класть.
— На что тебѣ камушки?
— Въ васъ побросать, васъ погубить.
— За что?
— Вы мое гнѣздо срыли,
Моихъ дѣтокъ словили,
Моихъ дѣтокъ убили.

Коршунъ вскакиваетъ и бросается ловить дѣтей. Кого поймаетъ, тотъ садится

въ кругъ вмѣсто него коршуномъ. Другая игра въ коршуна исполняется нѣсколько иначе.

2) *Коршунъ.* Играющіе становятся въ рядъ, кладутъ другъ другу руки на плечи и такимъ образомъ составляютъ плотную цѣпь; это птенчики, которыхъ охраняетъ насѣдка, стоящая впереди ихъ Коршунъ ходитъ подлѣ и старается утянуть одного цыпленка изъ длинной цѣпи. Насѣдка отбивается отъ коршуна, защищая распростертыми руками своихъ цыплятъ. *Пойманный* цыпленокъ становится коршуномъ, а коршунъ идетъ на его мѣсто.

3) *Горѣлки.* Играющіе становятся парами одна за другою; впереди всѣхъ стоитъ тотъ, кто горитъ; когда онъ скажетъ: гори, гори ясно, чтобы не погасло, взглянь на небо—птички летятъ! и при этомъ ударитъ три раза въ ладоши, то первая пара бѣжитъ—одинъ по правую, а другой по лѣвую сторону горящаго, который старается поймать одного изъ нихъ, прежде чѣмъ они успѣютъ опять схватить другъ друга за руки. Если это ему удастся, то онъ становится съ тѣмъ, котораго поймалъ, въ заднюю пару, а непойманный становится горѣть на его мѣсто.

4) *Макъ.* Играющіе, взявшись за руки, становятся въ кружокъ; въ серединѣ садится хороводникъ. Играющіе ходятъ кругомъ и поютъ:

Ай, на горѣ макъ, макъ!
Подъ горою бѣлъ, бѣлъ!
Ахъ вы маки-маковочки,
Золотыя головочки,
Станьте вы въ рядъ,
Спросимте про макъ.

Играющіе останавливаются и спрашиваютъ у хороводника. „Сѣяли-ли макъ?“ Хороводникъ отвѣчаетъ: „Только землю вспахали“. Дѣти поютъ *ту-же* пѣсню, потомъ спрашиваютъ: „Сѣяли-ли макъ?—„Сѣяли“.—Послѣ каждаго отвѣта поютъ пѣсню и спрашиваютъ послѣдовательно: Взошелъ-ли макъ?—Всходитъ! — Зацвѣлъ-ли макъ? — Зацвѣлъ. — Поспѣваетъ-ли макъ?—Поспѣваетъ. — Поспѣлъ-ли макъ? — Поспѣлъ; сбирайтесь отряхать. — Хороводникъ вскакиваетъ и старается выбѣжать изъ круга; если не успѣетъ, всѣ бросаются на него и трясутъ его. Хороводникъ долженъ ударить три раза кого-нибудь по счету; тогда всѣ отступаются отъ него, и ударенный дѣлается хороводникомъ.

5) *Волкъ.* Одинъ изъ играющихъ, волкъ, прячется: прочіе, овцы, ищутъ волка и, какъ только увидятъ его, сейчасъ-же разбѣгаются, куда кто можетъ. Волкъ старается ловить овецъ, которыя, будучи пойманы, сами дѣлаются волками.

6) *Пятнашки.* По жребію рѣшаютъ, кому изъ играющихъ ловить, пятнать другихъ. Всѣ разбѣгаются въ разныя стороны, а ловящій гонится за ними и старается дать настигнутому легкій ударъ ладонью и отбѣжать, потому что запятнанный можетъ тотчасъ-же въ свою очередь запятнать его. Иногда назначается домъ, въ которомъ преслѣдуемые, въ случаѣ опасности, могутъ укрыться: въ дому пятнать нельзя.

7) *Квартиры мѣнять.* Всѣ садятся на стулья въ кружокъ, а одинъ изъ играющихъ стоитъ посреди, слѣдовательно однимъ стуломъ меньше числа играющихъ. „Квартиры мѣнять!“ кричитъ средній, какъ только всѣ усядутся. Играющіе вскакиваютъ въ ту же минуту, и каждый изъ нихъ долженъ занять новое мѣсто. Средній тоже старается сѣсть на стулъ. Кто остался безъ стула, тотъ становится въ середину. Эту игру можно назвать также въ *„Свои сосѣди“* и тогда нужно измѣнить ее слѣдующимъ образомъ. Тотъ, кто стоитъ

посреди, подходитъ то къ одному, то къ другому изъ сидящихъ. „Довольны-ли вы своимъ сосѣдомъ?“ спрашиваетъ онъ.—„Недоволенъ и вмѣсто него хочу вотъ того-то...“ Тѣ, которыхъ пожелали имѣть сосѣдями, бѣгутъ занять мѣста изгоняемыхъ, середній тоже старается сѣсть на стулъ. Кто останется безъ мѣста долженъ стать на середину. Иногда можно сказать, что всѣми недоволенъ; тогда всѣ бросаются съ своихъ мѣстъ, а кто не успѣетъ занять другаго стула, остается въ серединѣ для спрашиванья.

8) *Жмурки.* Эта общеизвѣстная игра: при ней обыкновенно устраняютъ изъ комнаты все опасное, на что дѣти могутъ наткнуться, и затѣмъ одному изъ дѣтей завязываютъ глаза; остальные расходятся по разнымъ угламъ комнаты и зовутъ товарища, у котораго завязаны глаза. Тотъ направляется въ ту сторону, откуда слышенъ голосъ, но товарищи уже перемѣнили мѣста; кого онъ поймаетъ, тому завязываютъ глаза.

9) *Птичникъ.* Изъ числа играющихъ дѣтей выбираютъ двоихъ: одинъ изъ нихъ долженъ быть птицеловомъ, другой покупателемъ, а остальные играющіе представляютъ птицъ. Птицеловъ размѣщаетъ своихъ птицъ въ рядъ и даетъ каждой названіе, напр. ворона, соловей, чижикъ, воробей и т. п.; но эти названія даются такъ, чтобы покупатель не слыхалъ и не зналъ, кто какъ называется. Всѣ дѣти, изображающія птицъ, должны подражать той птицѣ, имя которой носятъ: пѣть, прыгать, хлопать крыльями и т. п.; все это зависитъ отъ фантазіи самихъ дѣтей. Наконецъ, является покупатель и спрашиваетъ: Есть у васъ птицы и продаются-ли онѣ?

— Продаются, отвѣчаетъ птицеловъ, какую вамъ угодно?

— Мнѣ нужно попугая, говоритъ покупатель.

— Такой у меня нѣтъ, отвѣчаетъ птицеловъ.

Разговоръ этотъ продолжается до тѣхъ поръ, пока не найдется требуемая птица. Тогда начинается торгъ, и, согласившись въ цѣнѣ, птицеловъ съ покупщикомъ ударяютъ другъ друга по рукамъ, и первый кричитъ, если купленъ, напримѣръ, чижикъ:—„Чижикъ, вылетай вонъ и возвращайся опять домой!“—Названная птичка покидаетъ свое мѣсто и бѣжитъ (въ это время тоже можно подражать пѣнію чижика, хлопать крыльями и пр.; жесты и движенія должны вполнѣ зависѣть отъ самихъ дѣтей) до заранѣе назначеннаго мѣста; потомъ она должна вернуться домой, но такъ, чтобы покупатель не успѣлъ поймать ее, т. е. не успѣлъ слегка ударить птичку рукою, потому что, если онъ успѣетъ это сдѣлать въ то время, когда птичка бѣжитъ къ назначенному мѣсту или обратно домой, то она принадлежитъ ему и остается около него. Въ противномъ случаѣ она свободна и выходитъ изъ игры. Чтобы отвлечь вниманіе покупателя отъ вылетѣвшей птички, птицеловъ занимаетъ его въ это время разговорами, показываетъ свой птичникъ и т. п. Игра эта продолжается до тѣхъ поръ, пока или всѣ птички не будутъ свободными, или не перейдутъ къ покупателю.

10) *Кольцо:* Кольцо надѣваютъ на веревочку и связываютъ оба ея конца; дѣти становятся въ кружокъ, кладутъ руки на веревку и шевелятъ немного руками, чтобы незамѣтно было, кому именно передается кольцо. Тотъ, кто стоитъ въ кругу, слегка ударяетъ по рукѣ того, у кого онъ думаетъ найти кольцо, и у кого его найдутъ, тотъ становится въ кружокъ угадывать, а если не угадаетъ, игра продолжается по прежнему.

11) *Мухи и ласточка.* Одно дитя представляетъ ласточку, которая садится отдѣльно отъ другихъ играющихъ. Остальныя дѣти представляютъ мухъ, и всѣ вмѣстѣ становятся противъ ласточки, на другомъ концѣ комнаты. Они, точно

крыльями, размахивая руками, потихоньку приближаются къ ласточкѣ, приговаривая въ одинъ голосъ:

„Мушки летали,
Мушки жужжали,
Жужжу, жу,
Жужжу, жу".

При послѣднихъ словахъ вскакиваетъ „ласточка" и скоро *произноситъ:*

„Ласточка порхъ
Мушку поймала...
Мушка прощай,
Мушка пропала".

При послѣднемъ словѣ ребенокъ, изображающій ласточку, хлопаетъ въ ладоши и изо всѣхъ силъ гонится за мухами, чтобы словить которую нибудь изъ нихъ. Пойманное дитя становится ласточкой, и игра начинается снова.

12) *Птицы летятъ.* Дѣти садятся въ кружокъ. Ребенокъ, сидящій въ серединѣ, говоритъ, подымая руки: „Утки летятъ, гуси летятъ!" при чемъ всѣ должны подымать руки; но если онъ называетъ такіе предметы, которые не летаютъ, напр. домъ летитъ, столы летятъ, и кто нибудь подыметъ руки, тогда его мѣсто занимаетъ тотъ, кто ошибся.

13) *Какой цвѣтокъ?* Все маленькое общество, выславъ напередъ кого нибудь изъ своей среды за двери, сговаривается, какимъ цвѣткомъ назовется каждый. Когда высланному скажутъ „пора", онъ входитъ и наугадъ называетъ какой-либо цвѣтокъ; если кто нибудь назвался такимъ цвѣткомъ, тотъ долженъ встать и идти за дверь. Послѣ этого дѣти называются опять другими цвѣтами и такимъ образомъ игра продолжается.

14) *Охота.* Въ эту игру можно только играть гдѣ нибудь на зеленомъ лужку, отъ котораго недалеко лѣсъ или по крайней мѣрѣ кустарники. Прежде всего дѣти обозначаютъ мѣсто, на которомъ они будутъ играть и за предѣлы котораго никто изъ нихъ не долженъ забѣгать; одинъ изъ играющихъ назначается охотникомъ. Онъ ловитъ звѣрей, которые прячутся отъ него кто въ кусты, кто въ густую траву. Кого охотникъ словитъ и, стрѣляя изъ палки, какъ изъ ружья, прокричитъ: „пуфъ!", тотъ долженъ, какъ убитый, растянуться на мѣстѣ. Убитаго охотникъ отводитъ въ свое жилище, которое обыкновенно назначается гдѣ нибудь въ сторонѣ, въ кустахъ. Убитый уже не играетъ до конца игры и остается въ жилищѣ охотника. Кого такимъ образомъ поймаютъ послѣдняго, тотъ дѣлается охотникомъ.

Примѣры другихъ подвижныхъ игръ, въ которыхъ дѣти подражаютъ движеніямъ рабочаго люда, мы даемъ въ нашихъ „Одноголосныхъ дѣтскихъ пѣсняхъ и подвижныхъ играхъ".

Глава XVII. Обзоръ развивающихъ занятій и работъ.

Объясненіе таблицъ 1—IX.—Значеніе строительнаго матеріала Фребеля.—Примѣры бесѣдъ при постройкахъ, указанныхъ на таблицахъ.—Разсказъ о жизни Песталоцци.—Разсказъ по поводу памятника Фребелю. — О плоскостяхъ: квадратъ, треугольники, цвѣтная мозаика и китайская головоломка.—Рисованіе красками.—Сгибаніе бумаги. — Переплетаніе бумажныхъ тесемокъ.—Раскладываніе и переплетаніе лучинъ.—Тканье или плетенье. — Работы изъ гороха.—Выкалываніе.—Вышиваніе.—Вырѣзаніе и наклеиваніе.—Вырѣзаніе тѣней.—Работы изъ сѣмянъ.—Отпечатываніе листьевъ.—Работы изъ соломы.—Лѣпка изъ глины. — Занятіе съ сюргучемъ.—Какое занятіе можно придумать съ стеариновымъ огаркомъ?—Гипсовыя работы.—Рисованіе.—Выкладываніе палочекъ или спичекъ.—Выкладываніе колецъ и полуколецъ.—Работы изъ бичевокъ.—Силуэты.

Всю эту главу мы исключительно посвящаемъ описанію различныхъ работъ. Со многими изъ нихъ наши читатели уже знакомы, и изъ приведенныхъ нами примѣровъ, бесѣдъ и разсказовъ, вѣроятно, достаточно уяснили методъ и пріемы, которые мы считаемъ наиболѣе раціональными при первоначальномъ воспитаніи. Въ этой главѣ мы намѣрены не только сдѣлать очеркъ всѣхъ такъ-называемыхъ фребелевскихъ работъ, но и указать множество другихъ, которыя считаемъ не менѣе полезными.

Издавна введенныя въ нѣкоторыхъ семействахъ многія полезныя занятія не вошли въ наши Дѣтскіе сады, отчасти, вѣроятно, потому, что они у насъ еще очень недавно стали распространяться, кромѣ того, занятія въ нихъ цѣликомъ заимствованы съ запада: наши воспитатели убѣждены до сихъ поръ, что, при воспитаніи маленькихъ дѣтей, мы можемъ подражать только заграничнымъ образцамъ, а свой матеріалъ такъ и остается нетронутымъ.

Первые шесть даровъ *) Фребеля мы описали довольно подробно, а въ концѣ этой главы прилагаемъ къ нимъ чертежи для построекъ предметовъ изъ окружающей обстановки, т. е. формъ *жизненныхъ* и *изящныхъ*. Что касается формъ *математическихъ*, то мы считаемъ лишнимъ прилагать къ нимъ рисунки, такъ какъ воспитатель самъ съумѣетъ раздѣлить въ разныя стороны 8 кубовъ или плитокъ на 4, на 2 и т. д. частей.

Вотъ значеніе нашихъ таблицъ.

Таблица I.

№ 1 — Столъ.
„ 2 — Стулъ.

---

*) *Фребелевскіе дары*, всѣ шесть вмѣстѣ, можно пріобрѣсти за 2 р. 30 к. въ магазинѣ «Дѣтскій Міръ»: С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, уголъ Симеоновскаго переулка; тамъ же можно получить и другой матеріалъ для фребелевскихъ занятій.

№ 3 — Два стула.
„ 4 — Кровать.
„ 5 — Шкафъ.
„ 6 — Диванъ.
„ 7 — Кресло.
„ 8 — Печь съ трубой.
„ 9 — Два креста.
„ 10 — Колодезь.
„ 11 — Ворота.
„ 12 — Бесѣдка.
„ 13 — Ворота съ калиткой.
„ 14 — Садовая стѣнка съ калиткой.

Таблица II.

Таблицу II я даю съ цѣлью, при случаѣ, научить дѣтей, какъ, не разрушая разъ сдѣланной фигурки, посредствомъ перемѣщенія только нѣкоторыхъ частей матеріала, можно строить все новыя формы. Но для разнообразія я все-таки предлагаю здѣсь другія постройки, или тѣ же передметы въ другой формѣ.

№ 1 Двойныя ворота.

Ребенокъ осторожно снимаетъ вверху лежащіе кубики; одинъ изъ нихъ онъ кладетъ на первый столбикъ, другой на второй, затѣмъ третій столбикъ кладетъ сверху, и у него выходятъ высокія ворота (№ 2).

Верхніе кубики кладутъ другъ на друга: ворота съ башней (№ 3).

№ 4 Домъ съ башней.
„ 5 Дача съ настройками.
„ 6 Паровая машина.
„ 7 Развалившійся домъ.
„ 8 Лавки съ кладовой на верху для склада товаровъ.
„ 9 Крестъ на плитѣ.
„ 10 Памятникъ.
„ 11 Верстовой столбъ.
„ 12 Большой крестъ.

Таблица III.

На таблицѣ III у насъ представлены постройки изъ 8-ми плитокъ. Нѣкоторые воспитатели только тогда приступаютъ къ постройкамъ изъ плитокъ, когда дѣти уже совершенно хорошо умѣютъ справляться съ кубиками. Конечно, не слѣдуетъ сразу давать ребенку оба ящика, но намъ кажется весьма полезнымъ поперемѣнно показывать ему, какъ строить окружающіе его предметы изъ кубиковъ и какъ дѣлать тѣ же предметы изъ плитокъ. Тогда различіе между кубомъ и плиткою въ постройкахъ представится ему еще рѣзче.

№ 1 Столъ.
„ 2 Стулъ.
„ 3 Кровать.
„ 4 Диванъ.
„ 5 Шкафъ.

№ 6 Кресло.
„ 7 Печка съ трубою.
„ 8 Колодезь.
„ 9 Лѣстница.
„ 10 Ворота съ калиткой.
„ 11 Крыльцо съ витою лѣстницей.

Таблица IV.

Отъ № 1 до 16 — изящныя формы изъ кубиковъ.
Отъ № 1 до 12 — изящныя формы изъ плитокъ.

Изящныя формы, указанныя въ этой таблицѣ, вытекаютъ одна изъ другой: ихъ слѣдуетъ строить такимъ образомъ: всѣ кубики (съ плитками слѣдуютъ тому же правилу) раскладываютъ на столѣ и притомъ такъ, что 4 кубика, соединенные въ квадратъ, образуютъ средину; остальные четыре ставятъ къ четыремъ сторонамъ этого квадрата. У насъ это изображено отъ № 1 до 7-го. Но въ первыхъ четырехъ фигуркахъ четыре приставленные кубика двигаются вокругъ центра, каждый разъ подвигаясь впередъ только на полъ-кубика. Точно также ихъ можно передвигать и далѣе, что, конечно, и безъ рисунковъ можетъ самъ сдѣлать каждый воспитатель.

Когда дѣти поняли, въ чемъ дѣло, и совершенно свободно умѣютъ передвигать крайними кубиками, можно указать имъ на новую форму фигуръ, *см.* № № 7—16.

V и VI даръ дается уже тогда, когда дѣти свободно и самостоятельно умѣютъ распорядиться съ предъидущими дарами; поэтому на слѣдующихъ таблицахъ и представлены фигуры, уже болѣе замысловатыя и сложныя.

Таблица V.

№ 1 Село съ церковью и часовней.
„ 2 Заводъ.
„ 3 Водоемъ.
„ 4 и 5 Городскія постройки: два различныхъ дома.

Таблица VI.

№ 6 Памятникъ Ломоносова.
„ 7 Могильный крестъ.
„ 8 Дѣтская кровать съ рѣшетками.
„ 9 Диванъ.
„ 10 Обѣденный столъ съ двумя стульями и съ двумя приборами.

Таблица VII.

№ 1 Фасадъ большаго каменнаго дома.
№ 2 Планъ памятника Фребелю.

№ 3 Памятникъ Фребелю изъ II-го, V-го и VI-го даровъ *).

Таблица VIII—изящныя формы.

Первыя четыре фигурки изъ кубиковъ V-го дара; остальныя двѣ подъ цифрами 1 и 2—изящныя формы изъ плитокъ.

Таблица IX.

Фигуры, означенныя цифрами: 3, 4, 5, 6, 7, 8, изображаютъ изящныя формы изъ плитокъ.

Строительный матеріалъ Фребеля, который заключается у него въ 5 дарахъ (начиная со 2-го и кончая 6-тымъ даромъ), представляя массу матеріала для работъ, имѣетъ громадное значеніе для развитія маленькихъ дѣтей. Посредствомъ его ребенокъ не только знакомится съ формою различныхъ тѣлъ, но и пріобрѣтаетъ способность довольно вѣрно воспроизводить ихъ въ очертаніяхъ. При живой фантазіи дитяти, которая въ раннемъ дѣтствѣ обыкновенно преобладаетъ надъ другими способностями, его не можетъ, конечно, надолго занять наблюденіе надъ отвлеченными формами тѣлъ. Но всякій построенный имъ домикъ влечетъ за собою живую бесѣду; его наполняютъ людьми, раскрываютъ передъ ребенкомъ картину за картиной изъ простой обыденной жизни. Пусть его садикъ стоитъ на столѣ и изображенъ нѣсколькими плитками, которыя разставлены въ кружокъ; ребенокъ видитъ передъ собою грядки съ зеленью, съ пышными цвѣтами махроваго мака, съ большими кочанами капусты. Тамъ порхаетъ бабочка, здѣсь пчелка высасываетъ для меда сокъ изъ хорошенькаго цвѣточка. Но откуда же онъ это все узналъ? Можетъ ли онъ представлять себѣ полныя жизни картины, если онъ у васъ только строилъ, а вы ему при этомъ разсказывали занимательные разсказы? Конечно, нѣтъ... Какъ добиться этого, мы подробно говорили въ очеркѣ о воспитаніи ума. Что же касается строительнаго матеріала, то строить слѣдуетъ только то, что ребенокъ можетъ видѣть и наблюдать.

Когда воспитатель съ ребенкомъ вернутся домой послѣ прогулки и возьмутъ кубики и плитки, они начнутъ строить то, что имъ удалось осно-

---

*) Въ основаніи памятника лежитъ 16 кубиковъ и составляютъ большой квадратъ. Съ каждой стороны этого квадрата приложены по двѣ плитки. Посреди этихъ плитокъ, съ наружной стороны, кладутъ по два квадратика, за исключеніемъ передней стороны памятника, гдѣ лежитъ цѣлая плитка. Квадратики, въ отличіе отъ кубиковъ, затушеваны на планѣ косыми штрихами. Всѣ эти тѣла, лежащія основаніи памятника, очерчены на планѣ толстыми линіями. Сверхъ фундамента кладутъ квадратъ, состоящій изъ 9-ти кубиковъ; лежащіе съ правой стороны состоятъ каждая изъ двухъ призмъ. Съ каждой стороны квадрата, къ среднему кубику, приставлено по малой призмѣ. Все это на планѣ обозначено тонкими линіями. Сверхъ этого кладутъ два ряда плитокъ: ихъ можно поставить бокомъ, на одну изъ сторонъ, по пяти въ рядъ; съ правой стороны еще кладутъ двѣ плитки ребромъ одна на другую, и такъ какъ при этомъ остается небольшое мѣсто, то его занимаютъ столбикомъ, который ставятъ вертикально. Къ нижнему ряду этихъ плитокъ, со всѣхъ четырехъ сторонъ, ставятъ по малой призмѣ. Эти два ряда плитокъ и призмы обозначены на планѣ точками. Сверхъ этихъ плитокъ кладутъ 2-ой даръ, въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва большой кубъ, на него цилиндръ и сверху шаръ. Положеніе куба на планѣ обозначено косыми штрихами, а положеніе цилиндра кругомъ. При постройкѣ памятника, какъ мы видѣли, вошелъ только одинъ столбикъ, а остальные пять располагаются слѣдующимъ образомъ: 4 изъ нихъ ставятся вертикально въ углахъ, ближайшихъ къ центру памятника, а пятый кладется ступенькой на нижнія плитки, съ лицевой стороны памятника. Эти столбики и ступеньки на планѣ обозначены перекрестными штрихами.

вательно разглядѣть и, напоминая другъ другу объ упущенныхъ изъ виду мелочахъ во внѣшней постройкѣ, перейдутъ мало по малу къ бесѣдѣ о томъ, какъ и для чего дѣлается то или другое. Нужно также замѣтить, что воспитатель не долженъ сразу позволять ребенку строить столько времени, сколько ему захочется. Если ребенокъ занялся постройкой уже съ часъ времени, воспитатель долженъ непремѣнно перемѣнить занятіе. Иначе ребенокъ сразу бросится на постройки, отдастся имъ всею душою на четыре, пять дней, и потомъ это занятіе надолго опостылитъ ему. Между тѣмъ, давая ребенку каждый день на полъ часа заняться постройками, вы приносите ему огромную пользу. Вспомните, что, знакомясь съ формою различныхъ тѣлъ, онъ въ тоже время изощряетъ всесторонне свою наблюдательность въ отношеніи къ природѣ, къ жизни людей, къ разнообразному ихъ труду. Обогатившись впечатлѣніями, ребенокъ сообщаетъ ихъ своимъ близкимъ, которые съ своей стороны дѣлаютъ замѣчанія, добавляютъ и оживляютъ его знанія разсказами изъ собственнаго опыта. Все это ближе знакомитъ его съ окружающимъ, а передача впечатлѣній ведетъ къ развитію правильнаго говора. Добиваясь возможно вѣрнаго воспроизведенія дѣйствительности, онъ пріучается къ усидчивости, а та особенность строительнаго матеріала, что при малѣйшей неосторожности вся постройка падаетъ и уничтожается весь плодъ трудовъ и ожиданій,—учитъ терпѣнію и даетъ прекрасный урокъ для жизни, гдѣ желанія сбываются только послѣ настойчиваго труда. Принужденный иногда нѣсколько разъ возобновлять свою постройку, ребенокъ привыкаетъ и въ житейскихъ дѣлахъ не падать духомъ при первой неудачѣ.

Хотя мы давали много примѣровъ, какъ вести бесѣды при постройкахъ, но, разсматривая наши чертежи, читатели могутъ задаться вопросомъ, къ чему тутъ настроены надгробныя плиты, памятники? Можно-ли воображеніе ребенка, съ радостью вступающаго въ жизнь, омрачать мрачными картинами смерти? Не запугаетъ ли его это на первыхъ порахъ, не возбудитъ ли въ немъ болѣзненной мнительности? Мы вполнѣ раздѣляемъ эти опасенія и убѣждены, что ребенка совершенно безполезно хотя на минуту останавливать надъ непостижимыми для его ума вопросами о смерти. Между тѣмъ, если онъ живетъ на свѣтѣ уже лѣтъ 6, 7, то навѣрно много разъ видѣлъ кладбище, памятники. Пусть же онъ состроитъ памятникъ, и бесѣда при этомъ пробудитъ въ его душѣ не мрачную картину смерти, а любовь къ жизни, желаніе приносить другимъ радость и счастіе.

На таблицѣ VI-ой, № 6, дѣти строятъ памятникъ Ломоносову и узнаютъ кое что изъ его жизни. (Я не привожу здѣсь разсказа о Ломоносовѣ, такъ какъ его біографію можно найти въ каждомъ учебникѣ литературы, а по даннымъ образцамъ наставница съумѣетъ выбрать изъ нея то, что можетъ быть доступно ея ребенку въ 7, 8 лѣтъ). Въ другой разъ, когда дѣти начнутъ ту же работу, вы можете разсказать имъ слѣдующее: „Если вамъ опять охота строить памятникъ, пусть на этотъ разъ онъ будетъ въ память Песталоцци. Запомните имя—хорошо, нѣтъ—не бѣда. Дѣло не въ томъ, какъ зовутъ человѣка, а каковъ онъ былъ и что дѣлалъ на своемъ вѣку.

Давно, давно, болѣе сотни лѣтъ тому назадъ, далеко отъ насъ за моремъ, въ одной чужой странѣ, жило небогатое семейство доктора Песталоцци. Оно состояло изъ мужа, жены, нѣсколькихъ дѣтей, изъ которыхъ одного звали Генрихомъ, и простой крестьянки-няни, которая считалась другомъ семьи и которую всѣ любили, какъ самую близкую родственницу. Когда умеръ отецъ семейства, то оставилъ дѣтей безъ всякаго состоянія на ру-

кахъ матери и няни. Отъ постоянныхъ лишеній, часто даже въ самомъ необходимомъ для здоровья, скоро перемерли всѣ дѣти, кромѣ Генриха.

Всѣ, кому приходилось узнать маленькаго Генриха, тотчасъ замѣчали въ немъ доброе, любящее сердце. И не мудрено. Не смотря на бѣдность, которую ему приходилось выносить, онъ видѣлъ въ домѣ только хорошій примѣръ и ежеминутно испытывалъ самую горячую къ себѣ любовь матери и няни. Съ утра до поздняго вечера трудились обѣ женщины, всегда въ полномъ согласіи между собою, во всемъ помогая и услуживая другъ другу; обѣ онѣ одинаково, каждую минуту были готовы во всемъ отказать себѣ, чтобы только любимый ими мальчикъ менѣе терпѣлъ нужду. Поэтому и самъ Генрихъ рано сталъ любящимъ и сострадательнымъ.

А кругомъ себя, въ близь лежащихъ селахъ и деревняхъ, онъ видѣлъ такую нищету, какой и самъ никогда не испытывалъ. Часто, выбѣгая съ ломтемъ хлѣба въ рукахъ на улицу и видя плачущаго отъ голода ребенка, онъ отдавалъ ему свой завтракъ и начиналъ съ нимъ играть, такъ какъ зналъ, что возвращаться домой до обѣда было не зачѣмъ, и матери не откуда было припасти ему другаго ломтя.

Когда Генриха отдали въ школу, школьная жизнь пришлась ему не по сердцу. Нужно сказать вамъ, дѣти, что Генрихъ, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, рано сталъ выказывать одинъ недостатокъ: онъ всегда былъ разсѣянъ и неряшливъ въ своей одеждѣ. Какъ ни журили его за это домашніе, но, если только сами они не позаботятся о Генрихѣ, онъ, по забывчивости, останется цѣлый день непричесаннымъ и небрежно одѣтымъ. Неряшливость маленькаго Песталоцци давала поводъ къ частымъ насмѣшкамъ надъ нимъ его товарищей. Эти школьныя непріятности Генрихъ забывалъ у своего дѣдушки — сельскаго священника, къ которому рвался изъ школы всею душою. Но что же такъ влекло его къ дѣдушкѣ? Генрихъ обыкновенно видѣлъ старика, окруженнаго бѣдными поселянами и ихъ дѣтьми. Онъ скоро замѣтилъ, съ какою охотою даетъ дѣдушка совѣты, учитъ и помогаетъ каждому, кто къ нему обращается, какъ вникаетъ въ нужды, въ семейную жизнь каждаго. Теперь Генрихъ понялъ, что уваженіе и любовь, которыя повсюду выказывали его дѣдушкѣ, были вполнѣ имъ заслужены. Онъ все сильнѣе привязывался къ старику, все больше знакомился съ дѣтьми бѣдныхъ поселянъ. Часто уже тогда видѣли Генриха, задумчиво и грустно стоявшаго среди играющихъ сверстниковъ. Уже тогда онъ задумалъ крѣпкую думу, какъ и чѣмъ помогать бѣднякамъ, горе и нужда которыхъ такъ часто раздирали его сердце. Но чѣмъ могъ быть полезенъ онъ, самъ бѣднякъ, ребенокъ хилый и болѣзненный, какимъ онъ былъ тогда? Онъ такъ отдавался этимъ мыслямъ, что по цѣлымъ часамъ не видалъ и не слышалъ, что вокругъ него дѣлалось и говорилось, и только крикъ какого нибудь обиженнаго малютки могъ на время отвлечь его отъ нихъ и заставить его броситься на обидчика.

Сдѣлавшись взрослымъ, Песталоцци брался за различныя должности, но ничто вполнѣ не удовлетворяло его, пока онъ не открылъ пріютъ для бѣдныхъ дѣтей. Онъ жилъ съ своими питомцами душа въ душу, какъ отецъ съ родными, горячо имъ любимыми дѣтьми: училъ ихъ грамотѣ, работалъ вмѣстѣ съ ними. Но дѣла пріюта скоро пошли плохо, такъ какъ Песталоцци не имѣлъ денежныхъ средствъ, да вдабавокъ еще, будучи человѣкомъ крайне разсѣяннымъ, онъ не могъ справиться съ хозяйствомъ. Видя, какъ плохо приходится дѣтямъ, что имъ часто не хватаетъ даже необходимаго для здоровья, онъ началъ работать безъ отдыха, нерѣдко питался однимъ гнилымъ

картофелемъ, всю здоровую пищу отдавая на обѣдъ своимъ воспитанникамъ, и въ концѣ концовъ все-таки долженъ быть закрыть пріютъ. Трудно сказать, какъ тяжело, какъ обидно было Песталоцци, столько потрудившись, остаться въ совершенной нищетѣ и безъ любимаго дѣла, но онъ не упалъ духомъ: теперь, когда онъ не училъ дѣтей, онъ все же проводилъ время въ большихъ трудахъ: много писалъ полезнаго для чтенія народа,—и наконецъ ему опять удалось открыть новый пріютъ.

Въ это время, въ той мѣстности, гдѣ жилъ Песталоцци, была война, и осталось множество осиротѣвшихъ дѣтей. Вотъ этихъ то дѣтей и другихъ безпріютныхъ, бродягъ, нищихъ онъ принялъ въ свое заведеніе. Эти дѣти были въ самомъ жалкомъ видѣ: грязны до нельзя, въ чесоткѣ, со струпьями на головѣ, исхудалыя отъ холода, голода и всевозможныхъ болѣзней, они походили скорѣе на скелетовъ, чѣмъ на живыхъ людей. Тѣ изъ нихъ, которыя были получше одѣты, держались въ сторонѣ и ни за что не хотѣли связываться съ бѣдняками. Большинство изъ нихъ были самыя безнравственныя, испорченныя дѣти. Нищенство и скитальчество пріучили ихъ къ попрошайству, къ грубости и лѣни. Многіе изъ нихъ поступали въ школу только потому, что надѣялись безъ всякаго труда получать пищу.

Вотъ какія дѣти наполнили школу Песталоцци, и онъ одинъ, безъ всякой помощи, безъ прислуги, безъ учителей-помощниковъ, сталъ ихъ учителемъ, дворникомъ, слугою, нянею, сидѣлкой, любящимъ отцомъ, начальникомъ. Всякая помощь, въ которой кто нибудь изъ нихъ нуждался, всякое наставленіе—все было отъ него одного, шло прямо отъ его сердца. Сгруснется ли кому изъ дѣтей, они бѣгутъ къ нему и довѣряютъ ему свое горе,—поплачутъ вмѣстѣ, и легче. А когда они веселы, какое счастье было для Песталоцци! Онъ забывалъ свой возрастъ, прыгалъ, бѣгалъ, веселился съ ними; заболѣетъ ли кто, и онъ цѣлыя ночи не отходитъ отъ изголовья больнаго. Не смотря на безсонную ночь, онъ утромъ рано начинаетъ убирать свою школу, помогаетъ одѣваться меньшимъ и слабымъ. И дѣти, видя, какъ трудится учитель, и сами стыдились сидѣть сложа руки, мало по малу приставали къ нему, помогали въ работѣ. Но не привыкшія къ труду дѣти еще долго говорили ему всякія грубости и дѣлали разныя непріятности. Однако понемногу всѣ сильно привязались къ нему и немудрено: вѣдь почти всѣ они только первый разъ отъ него видѣли любовь и ласку. Часто, когда они прижимались къ его груди, онъ спрашивалъ ихъ: „захотите-ли, вы, когда выростите, жить какъ и я, въ кругу бѣдныхъ и несчастныхъ, учить ихъ и дѣлать добрыми другихъ людей?“ Обыкновенно всѣ со слезами отвѣчали на это: „дай Богъ, чтобы я могъ дойти до этого“.

И дѣйствительно воспитанники Песталоцци скоро показали на дѣлѣ, что они измѣнились и желали подражать своему отцу и учителю. Въ сосѣдней мѣстности пожаръ опустошилъ все селеніе. Толкуя съ дѣтьми объ этомъ событіи, Песталоцци сказалъ: „Такъ можетъ быть, дѣти, въ эту минуту тамъ бродитъ до ста малютокъ, безъ крова, пищи и одежды. Желаете ли вы хотя человѣкъ 20-ть изъ нихъ пріютить въ нашемъ домѣ?“—„Да, да, желаемъ!“ кричали ему въ отвѣтъ.—„Но вѣдь вы знаете, наши средства и безъ того плохи; мы и сами очень часто нуждаемся, должны много работать, а ради этихъ бѣдныхъ вы будете принуждены еще гораздо больше работать, меньше ѣсть, даже дѣлиться съ ними вашимъ платьемъ...“

— Пусть всѣ они придутъ сюда! отвѣчали дѣти, — мы всѣ согласны больше работать и меньше ѣсть!—Это была самая счастливая, самая лучшая минута въ жизни Песталоцци, такъ какъ онъ видѣлъ, что труды его не про-

пали даромъ, и дѣти изъ грубыхъ бродягъ стали добрыми и сострадательными.

Такъ трудился этотъ человѣкъ всю свою жизнь, до самой смерти.—Неправда ли, дѣти, для такого человѣка, вы можете потрудиться и поставить изъ вашихъ кубиковъ хорошенькій памятникъ?

Въ другой разъ по поводу памятника (№ 3, таб. VII) можно разсказать:

„Теперь мы сдѣлаемъ памятникъ Фребелю, человѣку, который выдумалъ всѣ эти игрушки.

Вы и понятія не имѣете, дѣти, какъ намъ бывало скучно въ дѣтствѣ, особенно въ зимнее время. Пріобрѣтать много игрушекъ — дорого, да и не всегда возможно для тѣхъ, кто жилъ въ деревняхъ, далеко отъ города и игрушечныхъ магазиновъ. Моя мама хорошо знала, какая скука ждетъ насъ, дѣтишекъ, зимою, и, чтобы никому не было ни обидно, ни завидно, покупала каждому изъ насъ по большой куклѣ и по колодѣ картъ. Въ первые дни мы были очень рады подаркамъ: играли между собою въ куклы, ѣздили съ ними другъ къ другу въ гости, строили изъ картъ домики. Но все это въ нѣсколько вечеровъ надоѣдало и приносило множество непріятностей. Начнемъ строить изъ картъ, пройдется кто нибудь по комнатѣ,—легкій толчекъ, даже сквозной вѣтеръ,—и вся работа пропала. Къ тому же мы рвали карты пополамъ, чтобы постройки выходили болѣе разнообразными, — онѣ скоро портились, да и отъ частаго употребленія трепались и не годились для занятій. А кукла, — она мучила гораздо больше! Послѣ двухъ, трехъ игръ съ нею, мнѣ смертельно хотѣлось узнать, что у нея было внутри головы. Разбить ее, — но у мамы нѣтъ денегъ купить мнѣ другую, да и какъ же я на всю зиму останусь безъ игрушки? Что я тогда буду дѣлать? Съ какой завистью придется мнѣ смотрѣть на братьевъ и сестеръ, у которыхъ уцѣлѣетъ хотя одна игрушка. „Однако, что же у нея въ головѣ?“ все-таки мучилась я... „Отчего мастера не дѣлаютъ головки кукламъ такъ, чтобы можно было ихъ разобрать, посмотрѣть немножко и опять сложить, какъ ни въ чемъ не бывало? Этакая досада, хотя бы ужъ маленькое отверстіе-то сдѣлали у нея въ головѣ! Ну, да я сама его продѣлаю, рѣшила я, и, недолго раздумывая, запустила нянину вязальную иголку въ голову куклы. Но представьте мою досаду: какъ я ни вглядывалась послѣ этого въ дырочку, — ничего не было видно, между тѣмъ кусокъ черной бумаги, который обозначалъ у куклы волосы, теперь свалился, и она была обезображена. „Ничего“... утѣшала я себя, хотя у самой выступали слезы, при одной мысли, что братья могутъ застать ее въ такомъ видѣ и подымутъ меня на смѣхъ: „я повяжу ей косыночку,—она еще красивѣй будетъ!“ На другой день однако тайна была открыта, и въ моемъ отсутствіи братья развязали голову куколки и со всѣхъ сторонъ встрѣтили меня хохотомъ и криками. „Твоя кукла ранена, съ кѣмъ она воевала? Говори!.. говори!..“ Мнѣ конечно все равно было, меня ли срамили, или куколку, и потому мнѣ стало очень грустно: я сѣла съ ней въ углу и стала горько плакать. Черезъ минуту ко мнѣ подошла маленькая сестра. „Маша, милая, не плачь, лучше пойдемъ къ большому окну и посмотримъ въ дырочку, которая у нея пробита, что у нея тамъ внутри... мнѣ такъ это хочется знать.. И мы будемъ это только вдвоемъ знать,—а за то, что они надъ тобой смѣются, мы не скажемъ имъ того, что узнаемъ!..“ — „Да вѣдь я ужъ смотрѣла, ничего не видать“.—Такъ нужно немножко больше дырочку продѣлать... куколка отъ этого не сломается: какъ теперь, такъ и тогда, все равно будетъ съ повязанной головой ходить. — Такой доводъ мнѣ

показался убѣдительнымъ, и мы съ сестрою условились выйти потихоньку въ столовую, зорко посматривая на братьевъ, не слѣдятъ ли они за нами. Сестра была такъ предупредительна, что даже захватила съ собой перочинный ножикъ. Въ столовой, когда мы вошли, никого не было, и мы при свѣтѣ лампы начали обдѣлывать задуманное. Остріе ножа быстро вошло въ дырочку, и хотя щелка была теперь длинна, но такъ узка, что по прежнему ничего не было видно. Тутъ уже я, забывъ всякія предосторожности, запустила свой палецъ; видя это, сестра не стерпѣла и, какъ коршунъ, бросилась на добычу, съ остервененіемъ отрывая кусокъ за кускомъ. Вскорѣ у куклы совсѣмъ не стало головы: сохранилась только шея и часть носа. Голова куклы была изъ толстой бумаги, слѣдовательно внутри было пусто, только стѣнки были оклеены сѣрой бумагой.

— Ну, если такъ ее увидятъ, сказала сестра, указывая на куклу, тогда насъ совсѣмъ на смѣхъ подымутъ,—право лучше ее бросить за форточку. Я очень обрадовалась догадливости сестры, такъ какъ для меня въ ту минуту хуже всего казались насмѣшки старшихъ братьевъ. Я была выше сестры и потому взлѣзла на стулъ открывать форточку; сестра должна была держать стулъ, чтобы онъ не пошатнулся. Хотя мнѣ и казалось тогда, что я была очень высокаго роста, но, чтобы достать форточку, пришлось все выше и выше подниматься на цыпочки; этимъ я расшатала стулъ, сестра не могла его удержать, и черезъ минуту мы грохнулись обѣ на полъ. На этотъ шумъ сбѣжалась вся семья; несмотря однако на синяки и шишки на нашихъ лбахъ, мы увѣряли, что намъ нисколько не больно, и только думали, какъ бы скрыть нашу куклу отъ общаго посмѣянія. Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась нашимъ мученіемъ. Я всю замотала ее въ тряпки и положила съ собой въ кровать. Утромъ, когда я пошла умываться, сестра сѣла стеречь ее, чтобы въ моемъ отсутствіи кто нибудь не вытянулъ ее изъ кровати; мы уговорились зарыть ее въ снѣгъ, когда пойдемъ гулять. Но весь день была дурная погода, такъ что нельзя было выйти на дворъ, и намъ пришлось провести время въ страшной тревогѣ. Скоро однако мать отпустила насъ побѣгать по двору, и мы бросили ее черезъ заборъ. Вечеромъ, послѣ этого происшествія, когда мы съ сестрой играли въ ея куклу, она вдругъ сказала: „не правда-ли: вѣдь моя кукла гораздо тяжелѣе той, что у тебя была,—я увѣрена, что ея голова налита свинцомъ. Какъ ты думаешь?

— Если свинцомъ, такъ вовсе не любопытно на него смотрѣть, потому что мы много разъ видали свинецъ. Мы помолчали, но сестра клала куклу то на одну, то на другую руку и мыслено старалась угадать ее тяжесть.— „Нѣтъ, ты попробуй, это не можетъ быть свинецъ, гораздо тяжелѣе...“ Мнѣ тоже показалась она тяжелою. „А что тяжелѣе свинца?“ спрашивала она у меня.—„Я думаю камни...“

— Вотъ если у нея въ головѣ да какой нибудь красивый камешекъ, разноцвѣтный, можетъ быть такой, котораго мы никогда не видали и не увидимъ.

— Но вѣ что же тогда, Оля, мы будемъ съ тобой играть?

— Ужъ мнѣ такъ надоѣло все въ куклы играть... рѣшительно сказала сестра.—Развѣ ты не хочешь видѣть хорошій, можетъ быть, даже драгоцѣнный камешекъ? спрашивала она, уже совершено увѣренная, что въ головѣ куклы находится такой камень. Я, конечно, не могла противиться такому соблазну, и кукла сестры черезъ нѣсколько минутъ лежала разбитая.

Начались длинные зимніе вечера, и мы съ сестрой, не имѣя никакихъ игрушекъ, никакихъ занятій, страшно скучали. Сидимъ бывало у стола,

шьемъ мѣшки, считаемъ орѣхи, да играемъ на нихъ въ „четъ и нечетъ“. Но какъ-то зимой, въ день моихъ именинъ, крестная мать подарила мнѣ маленькій органчикъ. Это была у меня первая дорогая игрушка. Заведу бывало машинку, и органчикъ наигрываетъ какую нибудь пьеску, а въ это время вокругъ стола соберутся братья и сестры. Но не долго я гордилась своей игрушкой: она меня начала искушать, какъ и кукла. Съ этимъ искушеніемъ я боролась цѣлую недѣлю, пока въ одно прекрасное утро мнѣ вдругъ не показалось, что я, разсмотрѣвъ механику и внутренность органчика, съумѣю на столько ловко все снова уладить, что онъ по прежнему будетъ хорошо играть.

Послѣ этого я тотчасъ сорвала верхнюю доску, вынула проволоку и круглый валъ, который вертѣлся при игрѣ и осталась... ни причемъ. Не думайте, что я наказана была только тѣмъ, что лишилась игрушки: потеря ея надолго навлекла на меня множество огорченій. Мать заявила мнѣ, что такъ какъ я не съумѣла сберечь даже дорогой и занимательной игрушки, то она считаетъ безполезнымъ что нибудь мнѣ покупать. Братья и сестры при моемъ приближеніи всегда кричали: „уходи, уходи, а то ты сейчасъ пойдешь допытываться, что внутри нашихъ игрушекъ и все перепортишь“.

Подумайте, какъ счастливы вы дѣти, что можете сами сдѣлать для себя такое множество различныхъ игрушекъ изъ Фребелевскихъ даровъ, вспомните, сколько удовольствія доставляли вамъ постройки изъ кубиковъ и плитокъ; переплетаніе изъ бумажныхъ полосокъ, раскладываніе лучинъ и спичекъ, выкалываніе, рисованіе и другія занятія, — сколько вызывали они живыхъ и пріятныхъ бесѣдъ. Весь этотъ матеріалъ и придумалъ Фребель, въ память котораго мы строимъ теперь памятникъ. Онъ видѣлъ, что безъ занятій дѣти скучаютъ, ссорятся, привыкаютъ мучить животныхъ и становятся злыми. Къ тому же съ бумажными лошадками и куколками, которыя были у насъ, сыграешь въ двѣ, три игры, и трудно что нибудь придумать больше, а съ игрушками, которыя дѣтямъ далъ Фребель, чѣмъ больше играешь, тѣмъ болѣе выучиваешся придумывать.

При постройкѣ таблицы V, № 1—„село съ церковью и часовней“,— можно представить ребенку цѣлую картину сельской жизни простолюдина. Если такою работой онъ занятъ лѣтомъ, разскажите о полевыхъ деревенскихъ работахъ: о жнитвѣ, покосѣ и т. п., представьте, какъ крестьянинъ проводитъ и праздничные дни съ утра до поздняго вечера. Много подобныхъ разсказовъ читатель найдетъ въ нашей книгѣ: „Изъ русской жизни и природы“.

О ПЛОСКОСТЯХЪ.

Квадратъ.

Изъ шести даровъ ребенокъ довольно хорошо долженъ былъ ознакомиться съ различными тѣлами; теперь можно перейти къ знакомству съ плоскостями. Для этого существуетъ различный матеріалъ: вы можете купить квадратики и треугольники, деревянные или изъ картона, оклеенные разноцвѣтной бумагой. Послѣдніе намъ кажутся гораздо цѣлесообразнѣе: они, также какъ и деревянные, знакомятъ ребенка съ формою, да еще даютъ понятіе о цвѣтѣ. Если кому коробка съ разноцвѣтными треугольниками пока-

жется дорога, то ихъ очень легко приготовить самимъ. Возьмите листъ дамской папки, съ обѣихъ сторонъ оклейте его цвѣтной бумагой, но такъ, чтобы верхъ и низъ были одного цвѣта. При этомъ вы должны имѣть въ виду, что треугольники и квадратики, которые вы нарѣжете изъ этой папки, должны быть семи основныхъ цвѣтовъ; поэтому вамъ слѣдуетъ въ бумажномъ магазинѣ запастись листами бумаги этихъ цвѣтовъ. Квадратики лучше дѣлать такой величины, какъ стороны большаго деревяннаго куба, съ которымъ дѣти ознакомились при постройкахъ изъ предыдущихъ даровъ.

Ребенокъ знакомится съ плоскостями не ранѣе 7-ми лѣтъ. Чтобы нагляднѣе утвердить въ ребенкѣ понятіе о квадратѣ, вы можете взять штукъ 12 нарѣзанныхъ квадратиковъ, положить ихъ одинъ на другой, такъ чтобы вышелъ настоящій кубъ, и затѣмъ разобрать всѣ квадратики. Ребенокъ увидитъ, что изъ куба можно получить много тоненькихъ дощечекъ или квадратиковъ.

Ребенокъ долженъ обводить квадратики и треугольники карандашемъ, вырѣзать ихъ изъ бумаги различной величины. При этомъ вы объясняете, что въ квадратѣ противоположныя стороны идутъ по одному направленію въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, т. е. *параллельны* и одинаковы по величинѣ. Заставляйте ребенка сосчитать углы квадрата, объясните ему, что углы, у которыхъ одна сторона идетъ отвѣсно (вертикально), а другая лежитъ прямо (горизонтально), называются *прямыми*. Когда ребенокъ разрѣжетъ бумажный квадратъ отъ одного угла до другаго (по діагонали), вы заставите его сосчитать углы въ двухъ полученныхъ отъ квадрата половинкахъ и объясните, что, такъ какъ онъ насчиталъ въ каждой изъ нихъ по три угла, то такія фигуры называются *треугольниками*. Вы указываете ему, что одинъ уголъ въ полученномъ треугольникѣ *прямой*, а два другіе *острые*, вы говорите, что такъ какъ тутъ есть одинъ прямой уголъ, то треугольникъ называется *прямоугольнымъ*. Затѣмъ, заставивъ ребенка смѣрить стороны этого треугольника, показываете ему, что двѣ изъ этихъ сторонъ равны между собою, а треугольники, у которыхъ двѣ стороны равны между собою, называются *равнобедренными*.

Затѣмъ вы заставляете ребенка разрѣзать бумажный квадратъ двумя пересѣкающимися діагоналями. Онъ получитъ 4 такіе же треугольника, но поменьше. Потомъ вы дѣлите четвероугольникъ вдоль пополамъ и отъ верхней средней точки проводите линіи вправо и влѣво къ угламъ: если обрѣзать четвероугольникъ по этимъ линіямъ, то выйдетъ треугольникъ, гдѣ всѣ углы острые; вы говорите, такіе треугольники называются *остроугольными*, но такъ какъ и въ каждомъ изъ нихъ двѣ стороны равны между собою, то они также *равнобедренные*. Для сравненія вы можете вырѣзать и *тупоугольный* треугольникъ; указываете ребенку, что *тупымъ* угломъ называется такой, который больше прямаго. Пускай ребенокъ сравнитъ всѣ три рода треугольниковъ и найдетъ эти формы въ обыденныхъ предметахъ.

Затѣмъ можно предоставить ему составлять изъ квадратиковъ и треугольниковъ различныя фигурки. Если онъ будетъ затрудняться выдумывать свое, то воспитатель можетъ складывать съ нимъ, взявъ въ образецъ приложенные чертежи на таблицѣ X. Цвѣта онъ будетъ самъ подбирать. При этомъ можемъ указать на двѣ игрушки, которыя помогаютъ знакомству съ формами, а одна изъ нихъ кромѣ того полезна для ознакомленія съ цвѣтами; это: *цвѣтная мозаика* и *китайская головоломка*, состоящая изъ 2 большихъ и 3 маленькихъ прямоугольныхъ треугольниковъ, 1 равнобедреннаго треугольника и 1 параллелограмма. — Она продается съ надписью „*Problemes*

géometriques". *Цвѣтная мозаика* даетъ случай объяснить, какіе цвѣта гармонируютъ между собою; только нужно стараться выбирать такую, гдѣ бы не было неопредѣленныхъ цвѣтовъ, или въ цвѣтахъ слишкомъ нѣжныхъ оттѣнковъ.

Въ нашей китайской головоломкѣ ребенокъ встрѣтитъ еще одну новую для него форму — *параллелограммъ*. Вы объясняете, что это косой четвероугольникъ, у котораго противулежащія стороны равны и параллельны; точно также равны и противулежащіе углы: два изъ этихъ угловъ острые, а два тупые. Болѣе длинною діагональю параллелограмъ можно раздѣлить на два тупоугольныхъ, а болѣе короткою—на два остроугольныхъ треугольника.

Все это, конечно слѣдуетъ оживлять бесѣдами. Но такъ какъ мы представили уже достаточно матеріала для бесѣдъ, то будемъ теперь излагать въ сжатомъ видѣ только самую сущность дѣла.

Рисованіе красками.

Дѣти познакомились съ цвѣтами уже въ 4, 5 лѣтъ, но пока знакомство это ограничивается тѣмъ, что они, не затрудняясь, отличаютъ одинъ отъ другаго семь цвѣтовъ радуги и умѣютъ ихъ назвать. Но вотъ имъ предстоитъ множество новыхъ работъ: плетеніе, вышиваніе, наклеиваніе разноцвѣтныхъ фигуръ. Какъ въ рисункѣ составить нѣсколько цвѣтовъ, какой цвѣтъ идетъ къ другому,—этого они еще не понимаютъ. Между тѣмъ въ нашихъ дѣтскихъ садахъ обыкновенно такъ упражняются въ вышиваніи: ребенку даютъ толстую бумагу (ватманскую), на которой уже нарисованъ воспитательницей контуръ какой нибудь фигурки. Ему указываютъ, гдѣ онъ *долженъ* выкалывать; даютъ конецъ красной шерсти и говорятъ: „этою *шерстью* ты вышьешь по этимъ проколамъ вотъ эту черту; когда кончишь, приходи,— я дамъ шерсть другаго цвѣта". Мнѣ приходилось видѣть, какъ дѣти вышивали чрезвычайно сложныя и красивыя фигурки, необыкновенно ловко и аккуратно выполняя эту работу; между тѣмъ совершенно самостоятельно они никогда не могли ее выполнить и черезъ пять, десять стежковъ спрашивали воспитательницу: какого цвѣта теперь взять шерсть.

Между тѣмъ знаніе цвѣтовъ должно заключаться не только въ умѣньи каждый цвѣтъ назвать своимъ именемъ, но и въ болѣе основательномъ знакомствѣ съ ними. Для этого устройте дѣло такимъ образомъ. Купите ребенку три кусочка краски: *желтой* (гумми-гута), *синей* (берлинской лазури) и *красной* (кармина). Ребенокъ растираетъ эти краски на тарелкѣ, каждую отдѣльно. Затѣмъ на чистомъ листѣ бумаги онъ дѣлаетъ три большихъ круга *) (см. таблицу XII, ф. A), которые вмѣстѣ составляютъ треугольникъ; между кругами и посрединѣ пусть онъ сдѣлаетъ по квадратику. Кругъ *a* нужно закрасить желтою краскою, кругъ *b* синею, а *c* красною. Потомъ ребенокъ смѣшиваетъ желтую краску съ синей, и у него выходитъ *зеленая*, которою онъ закрашиваетъ квадратъ *d*, находящійся между двумя первыми основными цвѣтами. Далѣе онъ смѣшиваетъ *синюю* съ красной,—выходитъ фіолетовый цвѣтъ для квадратика *g*; наконецъ красный и желтый даютъ оранжевый для квадратика *d*. Когда же смѣшать всѣ краски, образуется *черная краска*, которую нужно помѣстить въ срединѣ, въ квадратикѣ *f*.

*) Круги ребенокъ можетъ проводить посредствомъ циркуля, или, по всѣмъ извѣстному способу, бумажкой, въ которой сдѣлана дырочка для карандаша

Теперь ребенокъ будетъ отличать *основные* цвѣта отъ *производныхъ*. Въ простой, наглядной формѣ, вы можете объяснить ему, что эти составные или производные цвѣта мы получаемъ не только посредствомъ смѣшенія двухъ основныхъ красокъ, но также и тогда, когда посредствомъ двухъ цвѣтовъ одновременно производятъ впечатлѣніе на органъ зрѣнія. Для этого вырѣзаютъ правильный кружокъ изъ тонкаго картона; одну половину его раскрашиваютъ *желтой* краской, другую—*синей*; середину этого круга насквозь просверливаютъ круглой палочкою—осью, посредствомъ которой его быстро вертятъ; тогда весь кружокъ покажется сплошь окрашеннымъ въ зеленый цвѣтъ. Такимъ же путемъ можно получить и остальные производные цвѣта. При этомъ вы можете указать ребенку, что производный цвѣтъ совсѣмъ не гармонируетъ ни съ однимъ изъ цвѣтовъ, изъ которыхъ онъ составленъ, слѣдовательно зеленый цвѣтъ никогда не долженъ быть ни подлѣ желтаго, ни подлѣ синяго; этому правилу слѣдуютъ и другіе производные цвѣта. Но какой цвѣтъ идетъ къ другому, лучше всего показать на слѣдующемъ примѣрѣ. На вышеуказанномъ кружкѣ нарисуйте два цвѣта, красный и зеленый: при быстромъ верченіи кружокъ будетъ казаться сплошь *бѣлымъ;* цвѣта, которые вмѣстѣ образуютъ бѣлый цвѣтъ, гармонируютъ другъ съ другомъ. Но если вы, взявъ какія нибудь двѣ краски, получите другой цвѣтъ — *не бѣлый*, такихъ цвѣтовъ не слѣдуетъ на рисункѣ класть другъ подлѣ друга. Гармонируютъ между собою, кромѣ краснаго и зеленаго, оранжевый и синій, желтый и фіолетовый.

Такіе опыты дадутъ ребенку наглядное представленіе о цвѣтахъ, и во всѣхъ своихъ работахъ онъ уже совершенно сознательно будетъ подбирать цвѣта, гармонирующіе другъ съ другомъ.

Хорошо также заставлять дѣтей раскрашивать красками различные предметы. При этомъ обыкновенно покупаютъ имъ тетради, въ которыхъ на одной страницѣ сдѣланъ контуръ картинки, а на другой раскрашенная модель. Но фигурки въ нихъ, которыя приходится закрашивать, до такой степени мелки и сложны, что скорѣе могутъ принести вредъ, чѣмъ пользу. Такой картинки ребенокъ, конечно, не можетъ раскрасить отчетливо, привыкаетъ къ неаккуратности, и при этомъ глазъ получаетъ ложное свѣтовое впечатлѣніе.

Для первоначальныхъ упражненій въ раскрашиваніи можно разлиновать листъ крупными квадратиками, или треугольниками, кругами и т. п. Затѣмъ можно перейти и къ изображеніямъ предметовъ, но при этомъ нужно придерживаться правила, чтобы въ одной и той же фигуркѣ не было много различныхъ цвѣтовъ, наприм. при раскрашиваніи дома, ребенокъ можетъ сдѣлать зеленую крышку, а домъ красный и т. п.

Сгибаніе бумаги *).

Сгибаніе бумаги можно начинать съ дѣтьми не ранѣе 5-ти, 6-ти лѣтъ, такъ какъ оно требуетъ значительной сноровки и ловкости въ рукахъ. Однако работа эта очень занимаетъ дѣтей, такъ какъ сложенныя фигурки

*) Дѣтскимъ садовницамъ и воспитателямъ, спеціально изучающимъ дѣло первоначальнаго воспитанія, мы рекомендуемъ пріобрѣсти практическое руководство послѣдовательно изложенныхъ рисунковъ для разнообразныхъ упражненій съ дѣтьми различнаго возраста. Руководство это называется: „Arbeitsschule, herausg. von Seidel und Schmidt“ (Школа занятій изд. Зейделя и Шмидта). Школа эта состоитъ изъ 10 тетрадей: 1) *Das Netzzeichnen* (Рисованіе по сѣткѣ) — для дѣтей отъ 5 до 7 лѣтъ, начиная отъ простыхъ геометрическихъ

можно не только сохранять, но и употреблять во многихъ случаяхъ, напримѣръ коробочки, пѣтушки, сумки, кораблики, и т. п. Сгибаніе бумаги требуетъ большой точности въ исполненіи, что, разумѣется, очень полезно для дѣтей, не пріученныхъ къ аккуратности, но такъ какъ при этомъ оно и довольно сильно напрягаетъ ихъ вниманіе, то этою работою слѣдуетъ занимать весьма не долго.

Сгибаніемъ бумаги пользуются обыкновенно, чтобы объяснить элементарный курсъ геометріи. Но если это и необходимо въ школѣ, то для маленькихъ дѣтей въ дошкольный періодъ намъ кажется черезъ чуръ преждевременнымъ. На таблицѣ XI, гдѣ у насъ показано, въ чемъ состоитъ сгибаніе, слѣдуетъ такимъ образомъ дѣлать фигуры: № 1 (сверху) представляетъ квадратную бумажку, точечныя линіи означаютъ сгибы; № 2—тотъ же квадратъ, только всѣ четыре угла загнуты въ самый центръ; № 3—выходитъ изъ № 2, только половина краевъ загнуты въ немъ на нижнюю, гладкую сторону; въ этомъ видѣ фигурка представляетъ осьмиугольникъ. На той же таблицѣ жизненныя формы (находящіяся внизу) дѣлаются такимъ образомъ: берутъ осьмушку или полъ листика бумаги и сгибаютъ ее въ прямую линейку, только не одинъ въ одинъ, а одинъ разъ къ себѣ, другой разъ отъ себя. № 1, таблица XI (второй рядъ снизу) представляетъ бумагу такимъ образомъ согнутую. Если вы возьмете такую бумагу за одинъ конецъ, а другой расширите—у васъ вѣеръ; раздвиньте ее съ обѣихъ сторонъ и поставьте на столъ—будутъ ширмы, № 2; № 3—та же фигура, что и предъидущая, только еще перегнутая по срединѣ.

Болѣе всего полезнымъ кажется намъ заставлять дѣтей сгибать простые предметы: лодочки, куколки, шляпочки, солонки, коробочки и проч. Это занятіе необыкновенно полезно для развитія вѣрности глаза и ловкости въ рукахъ, помогаетъ развитію чувства симметріи и, добавимъ еще, по дешевизнѣ матеріала доступно самому бѣдному человѣку; вслѣдствіе этого его возможно ввести рѣшительно во всѣхъ семействахъ. Ни изъ одного матеріала нельзя сдѣлать такого множества прелестныхъ и простыхъ вещицъ, доступныхъ дѣтямъ даже отъ 3-хъ—4-хъ-лѣтняго возраста, какъ изъ бумаги. Прекрасное понятіе о томъ, какую массу разнообразныхъ работъ могутъ дѣлать изъ бумаги самыя маленькія дѣти, дастъ книга „Le monde en papier“ par m-elle Marie Koenig, inspectrice des écoles maternelles. Въ этой книгѣ воспитательницы найдутъ не только образцы для сгибанія бумаги, но и для рисованія по сѣти, а также не мало драгоцѣнныхъ совѣтовъ и по другимъ занятіямъ для дѣтей дошкольнаго возраста.

При сгибаніи бумаги, для полученія возможно правильныхъ и красивыхъ формъ, нужно придерживаться слѣдующаго правила: слѣдуетъ какъ можно

фигуръ до самыхъ сложныхъ; 2) *Das Flechten* (Плетеніе)—для дѣтей отъ 3 до 4 лѣтъ. Тутъ сначала вамъ даютъ самые простенькіе узоры, а въ концѣ—фигуры животныхъ, зданій и т. п. 3) *Das Pappen* (Картонажъ) отъ 5—14 лѣтъ. Рисунки представляютъ фигуры выкроекъ для клейки моделей геометрическихъ тѣлъ, предметовъ домашней обстановки и т. п. 4) *Das Ausstechen* (Выкалываніе). Рисунки представляютъ изображенія домашнихъ и дикихъ животныхъ, растенія, людей при различныхъ занятіяхъ, предметы домашней обстановки; 5) *Das Städchenlegen*. Рисунки для выкладыванія палочекъ, пластинокъ дугъ и колецъ; 6) *Erbsenerarbeiten*. (Работы изъ гороха и спичекъ). Рисунки изображ. геометрическія формы, предметы домашней обстановки; 7) *Das Netzzeichnen*. (Рисованіе по сѣткѣ). Рисунки представляютъ сочетаніе кривыхъ, изогнутыхъ и ломанныхъ линій, для дѣтей отъ 7 до 9 лѣтъ; 8) *Das Thonmodelliren*. (Лѣпка изъ глины). Эта тетрадь представл. упражненія сначала въ лѣпкѣ простыхъ формъ, а потомъ предметы домашней обстановки; 9) *Das Verschränken*. (Работы изъ лучины); 10) *Das Ausschneiden*. (Вырѣзаніе изъ бумаги). Каждая тетрадь снабжена предисловіемъ, показывающимъ, какъ и въ какомъ порядкѣ вести эти занятія.

отчетливѣе дѣлать всѣ перегибы, чтобы дать возможность бумагѣ удерживать извѣстную форму при различныхъ ея вывертываніяхъ.

Переплетаніе бумажныхъ тесемокъ.

Для этой работы берутъ полоску писчей бумаги приблизительно въ четверть аршина длины; ширина полоски должна быть въ палецъ. Начать работу нужно съ того, что сложить полоску такъ, чтобы она была поуже и менѣе рвалась при работахъ. При этомъ нужно держаться правила, чтобы въ одной и той же фигурѣ, въ одномъ сгибѣ тесьма приходилась сверху, а въ другомъ снизу,—что читатели и найдутъ въ нашихъ чертежахъ. Изъ этихъ бумажныхъ тесемокъ дѣти могутъ согнуть всѣ знакомыя геометрическія фигуры и кромѣ того могутъ разнообразить работу тѣмъ, что двѣ одинаковыя фигуры (напр. два треугольника) сплетать въ одну, какъ видно изъ рисунковъ. Главная цѣль этого занятія упражнять руку ребенка; оно можетъ быть дано уже въ пять лѣтъ.

На таблицѣ XII отъ 1 до 7 № представлены фигуры, сдѣланныя изъ узкихъ бумажныхъ тесемокъ.

Раскладываніе лучины.

Мы упоминали о томъ, что лучиною можно занимать дѣтей съ очень ранняго возраста, уже съ 3-хъ лѣтъ, а иногда и ранѣе. Лучины обыкновенно заказываютъ въ полъ-аршина длины, подобныя тѣмъ, которыя мы видимъ въ корзинкахъ, только въ половину уже. Маленькія дѣти раскладываютъ ихъ на полу, въ длину, въ видѣ рельсовъ желѣзной дороги, крестиками, звѣздочками. Въ 4—5 лѣтъ дѣти могутъ выкладывать изъ нихъ уже болѣе замысловатыя фигуры: большіе двухъ-этажные дома, даже при случаѣ сложить цѣлое село съ рядомъ избъ и церковью.

Мы даемъ рядъ рисунковъ для рисованія прямыхъ линій по сѣти и для выкладыванія спичекъ. Воспитатели могутъ брать многіе изъ нихъ для занятій съ дѣтьми, какъ при раскладываніи лучины, такъ и при раскладываніи спичекъ. (См. табл. XXII).

Переплетаніе лучинъ.

Это занятіе, уже болѣе трудное, свойственно дѣтямъ 5—6-ти-лѣтняго возраста; оно имъ болѣе нравится, такъ какъ сдѣланную фигуру ребенокъ можетъ поднять со стола, показать всѣмъ, кому желаетъ, сохранить нѣкоторое время. Если хотите переплести лучины такъ, чтобы онѣ держались, нужно во-1-хъ, имѣть не менѣе 4-хъ лучинъ, а во-2-хъ, каждая изъ этихъ лучинъ должна съ обѣихъ концовъ имѣть дырочки, посредствомъ которыхъ и прикрѣпляютъ одну лучину къ другой.

Вы можете указать ребенку, какъ, такимъ образомъ, сдѣлавши изъ лучинокъ одну фигуру, онъ можетъ разнообразить ее, раздвигая болѣе или менѣе края лучины. (См. табл. XIII).

Послѣ этого нужно попробовать дѣлать съ ребенкомъ предметы изъ окружающей жизни, корзинки, подносики и т. п.

Тканье или плетенье.

Тканье или плетенье имѣетъ важное значеніе для наглядnаго знакомства съ числомъ, съ цвѣтомъ и для развитія въ дѣтяхъ вкуса и чувства симметріи. Ребенокъ приподнимаетъ на фонѣ по двѣ, по три прорѣзанныя полоски, затѣмъ слѣдующія накрываетъ бумажной тесемкой и считаетъ, сколько *накрылъ*, сколько оставилъ полосокъ. Онъ привыкаетъ дѣлать это безъ всякаго понужденія, такъ какъ самъ видитъ, что иначе непремѣнно ошибется. Такое занятіе можно давать ребенку уже въ три года, и это одна изъ причинъ—*дорожить* такою работой. Занятій для 6-ти, 7-ми-лѣтнихъ дѣтей гораздо больше, чѣмъ для самыхъ маленькихъ, между тѣмъ многія изъ нихъ обнаруживаютъ сильное стремленіе потрудиться надъ чѣмъ-нибудь, гдѣ бы работали не только ихъ руки, но и голова!

Матеріаломъ для тканья служитъ слѣдующее: 1) маленькій листокъ одноцвѣтной бумаги—коричневой или голубой. Листокъ этотъ можетъ быть только немного больше узоровъ для тканья, помѣщенныхъ нами на таблицѣ. Если вы даете ткать на большихъ листахъ, то ребенокъ не можетъ кончить эту работу въ одинъ разъ, что неудобно во многихъ отношеніяхъ. Ему и надоѣдаетъ другой разъ дѣлать тотъ же рисунокъ, да и каждому, дѣйствительно, пріятнѣе видѣть результатъ труда *скорѣе*, чѣмъ *позже*.

Листикъ, на которомъ плетутъ, долженъ быть прорѣзанъ въ длину тонкими полосками, только прорѣзы эти не должны доходить до концовъ, такъ что кругомъ остается со всѣхъ сторонъ замкнутая каемка (смотри таблицу XIV, фигуру подъ буквою А).

2) Кромѣ названнаго матеріала необходима еще *игла:* это простая полукруглая палочка, гладко выструганная, съ ушкомъ на концѣ; величина ея должна быть нѣсколько больше листика, на которомъ будутъ плести. Но вмѣсто того, чтобы покупать такія иголки, дѣти сами могутъ приготовлять ихъ въ большомъ числѣ.

Возьмите тоненькую палочку, такую, какую употребляютъ для спичекъ (онѣ же служатъ для выкладыванія и при работахъ изъ гороха); расщепите кончикъ этой палочки перочиннымъ ножемъ, а другой нѣсколько округлите, и вотъ вамъ иголка, которая будетъ ломаться нѣсколько чаще, чѣмъ первая, но, не смотря на это, ничуть не обойдется вамъ дороже. Кромѣ листка и иголки нужно еще приготовить *узкія полоски бумаги*. Такую полоску ущемляютъ въ расщепъ иголки и пропускаютъ иглу черезъ прорѣзы листа, то вверхъ, то внизъ. На первый разъ ребенокъ плететъ черезъ одну, т. е. одну полоску листка подымаетъ, а слѣдующую накрываетъ той полоской, которая у него въ иглѣ, затѣмъ черезъ двѣ, черезъ три, — одну подымаетъ, а три пропускаютъ и наоборотъ; послѣ этого онъ уже дѣлаетъ различные узоры. Когда все плетеніе кончено, его переворачиваютъ, подклеиваютъ кончики тесемокъ, а если они такъ длинны, что торчатъ и съ правой стороны, то ихъ подрѣзаютъ. Если наблюдать, чтобы ребенокъ бралъ листокъ одного цвѣта, а тесемки бумажныя другаго и при этомъ цвѣта гармонировали бы между собой, то выходятъ прехорошенькія плетенки. Эти работы ребенокъ не только можетъ сохранять, но и украшать ими разные предметы, что разумѣется, его необыкновенно радуетъ. Онъ можетъ самъ склеить изъ папки родъ небольшаго цилиндра, открытаго съ двухъ сторонъ, сверху обклеить его своею плетенкой, края обрамить подходящею цвѣтною бумажною тесемкою другаго цвѣта,—и вотъ у него хорошенькое кольцо на салфетку. Наклеилъ эту пле-

тенку на квадратную папку, и у него подставка подъ свѣчи, стаканъ, чернильницу и т. д. (см. табл. XIV и XV). Замѣните бумагу фланелью, сукномъ (при этомъ, конечно, и тесемки, которыми будете переплетать, должны быть такой же матеріи) и это тканье получитъ новую прелесть въ глазахъ ребенка.

Работы изъ гороха.

Матеріалъ названной работы требуетъ весьма ничтожной затраты: гороху на двѣ, на три копѣйки, да пучекъ спичекъ — пять копѣекъ, и этого достаточно, чтобы надѣлать массу самыхъ разнообразныхъ фигуръ, которыя даютъ ребенку живое понятіе объ очертаніяхъ каждаго предмета. Многіе даютъ эту работу только тогда, когда дѣти уже хорошо умѣютъ выкладывать на столѣ спички и лучины. Тутъ руководятся, вѣроятно, тѣмъ, что при работахъ изъ гороха употребляются также палочки, и потому лучше сначала привыкнуть къ нимъ, занимаясь съ ними отдѣльно, а потомъ уже въ соединеніи съ другимъ матеріаломъ. Между тѣмъ это совершенно неосновательно: выкладываніе спичекъ или палочекъ требуетъ уже изрядной ловкости, иначе, при малѣйшей неосторожности, при легкомъ сотрясеніи стола или даже пола, вся работа тотчасъ падаетъ. Работы же изъ гороха могутъ долго сохраняться и радуютъ ребенка именно тѣмъ, что онъ можетъ дѣлать ихъ легко и скоро (кромѣ такихъ фигуръ, гдѣ нужно гнуть спички, чѣмъ ребенокъ можетъ заниматься нѣсколько позже). Сдѣлавши какую-нибудь книжечку или стаканчикъ, можно поперегъ переплести спички цвѣтными бумажными тесемками. Вмѣсто гороха употребляютъ также пробки: работа выходитъ еще красивѣе, чѣмъ изъ гороха, только маленькія пробки стоятъ гораздо дороже.

Горохъ для этихъ работъ нужно мочить въ холодной водѣ впродолженіи 5-ти, 6-ти часовъ, затѣмъ его слѣдуетъ вынуть и положить на тряпочку или пропускную бумагу, чтобы онъ нѣсколько обсохъ, иначе кожица горошинъ будетъ лопаться, когда начнутъ въ нихъ втыкать палочки. Кромѣ того оба конца палочки дѣти должны нѣсколько обстругать, чтобы они легче входили въ горохъ. Работы изъ гороха представлены у насъ на таблицѣ XVI.

Выкалываніе.

Для этой работы необходимъ листокъ бумаги, на которомъ нарисована картинка (см. таблица XVII) и ватманская бумага, которую вкладываютъ въ рисунокъ. Листокъ ватманской бумаги долженъ быть чуть-чуть меньше листка, на которомъ изображенъ рисунокъ, такъ какъ края послѣдняго должно завернуть, чтобы обхватить со всѣхъ сторонъ бумагу: иначе она будетъ сдвигаться съ мѣста. Такимъ образомъ приготовленный листокъ кладутъ на что нибудь мягкое, напр. на сукно или кусокъ войлока. Затѣмъ берутъ булавку съ стеклянною головкою или обыкновенную иголку, вставляютъ въ костяную ручку, въ которой прежде была тамбурная иголка. Вправивъ иголку въ ручку, прокалываютъ ею точки на картинахъ, оставляя между ними небольшіе промежутки. При этомъ прежде всего наблюдаютъ, чтобы проколы были глубоки, круглы, ровны, чтобы разстояніе между проколами было вездѣ одинаковое. Для этого прежде всего необходимо держать въ рукахъ иголку въ перпендикулярномъ положеніи относительно бумаги. Когда такимъ образомъ сдѣлаютъ контуръ, снимаютъ рисунокъ, а ватманскую бумагу, на ко-

торой вышло проколами все изображеніе, бывшее на рисункѣ, переворачиваютъ на изнанку и на ней дѣлаютъ между чертами контура мелкіе, частые проколы. Послѣднее дѣлаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хотятъ сдѣлать рисунокъ болѣе выпуклымъ и тѣмъ придать ему болѣе рѣзкое сходство съ дѣйствительными предметами.

Выкалываніе можно давать дѣтямъ не ранѣе 6-ти лѣтъ, въ свѣтлый солнечный день и не болѣе, какъ на четверть часа. Ребенокъ не можетъ начать прямо выкалывать съ картинокъ, гдѣ представлены изображенія сложныхъ предметовъ. Для первоначальнаго выкалыванія можно просто отрѣзать кусокъ бумаги, разлинованный сѣткою, который вы употребляете для рисованія, и въ него уже вкладывать ватманскую бумагу. Сначала ребенокъ выкалываетъ только въ каждомъ уголкѣ квадратика, затѣмъ вы ставите карандашемъ точки между уголками и въ срединѣ, и онъ по нимъ выкалываетъ. Послѣ этого ребенокъ самъ можетъ нарисовать сначала фестончики по сѣти, домики, различныя полевыя орудія, инструменты мастеровыхъ, предметы общежитія, но только тѣ, которые обозначаются прямыми линіями, и выкалывать это по вышеуказанному способу. Затѣмъ идетъ выкалываніе кривыхъ, круглыхъ фигуръ, имъ же по сѣти разрисованныхъ, и т. д. Только послѣ этого можно приступить къ выкалыванію цѣльныхъ картинокъ съ выпуклостями.

Выкладываніе служитъ хорошимъ упражненіемъ для ручныхъ мускуловъ. Напрягая вниманіе, зрѣніе и направляя руку, чтобы уколоть именно туда, куда слѣдуетъ, ребенокъ необыкновенно быстро развиваетъ ловкость рукъ и пальцевъ; глаза привыкаютъ вглядываться въ мелкіе узоры и, болѣе чѣмъ надъ какою нибудь другою работою, получаютъ способность быстро опредѣлять разстояніе между близкими точками.

На нашихъ рисункахъ представлены уже болѣе сложныя картины для выкалыванія (см. таблица XVII); такъ какъ первоначальное выкалываніе будетъ связано съ рисованіемъ по сѣти, то примѣры для него можно брать изъ таблицъ, данныхъ для рисованія (см. табл. XXII, XXIII и XXIV).

Вышиваніе.

Вышиваніе одно изъ самыхъ любимыхъ дѣтскихъ занятій. Шовъ при вышиваніи можетъ быть очень трудный и доступный дѣтямъ только въ 7 лѣтъ; но можно указать и такой способъ, при которомъ дѣти будутъ очень хорошо и отчетливо вышивать года въ четыре съ половиной. Такъ какъ вышиваніе должно предшествовать выкалыванью, а послѣднее можетъ начинаться не ранѣе 5-ти лѣтъ, то, если хотите дать вышиваніе маленькимъ дѣтямъ, вы должны сами нарисовать рисунокъ на дамской папкѣ, которую обыкновенно употребляютъ для вышиванья, и выколоть его контуръ. (При вышиваніи уже ни въ какомъ рисункѣ не выкалываютъ выпукло; вышиваютъ только одни контуры предметовъ). Вышивать можно шерстями, шелкомъ и разноцвѣтной бумагой. Изъ этого ясно, что если вышиваютъ шерстями, то нужна канвовая иголка, такъ какъ другая будетъ прорывать большія дырки на бумагѣ и вышиваніе дурно выйдетъ.

Самый легкій способъ вышиванія, который, намъ кажется, не нужно вовсе измѣнять и для старшаго возраста,—заставлять ребенка шить стежками по проколамъ; тогда будутъ оставаться небольшіе промежутки между стеж-

ками. Когда ребенокъ кончитъ контуръ, онъ долженъ шить въ обратномъ направленіи и закрывать промежутки.

Кто не хочетъ самъ дѣлать рисунковъ, тотъ можетъ купить *выкалываніе и вышиваніе* (въ Мастерской учебныхъ пособій и игръ Канаева: Троицкая, д. 11, отъ 60 к. до 1 р. 65 к.) Это вышиваніе предназначается для дѣтей 5 лѣтъ и старше. Въ коробкѣ находится различной величины и различныхъ цвѣтовъ листки толстой бумаги для выкалыванія, кромѣ того тутъ же находятся рисунки, т. е. контуры цвѣтовъ, растеній, животныхъ, утвари и т. под. и, наконецъ, пряди нитей гаруса различныхъ цвѣтовъ. Возьмите напр. рисунокъ какого нибудь животнаго, положите его на толстую бумагу, такъ, чтобы оба листика не двигались (а этого можно достичь, сметавъ сверху оба листка), затѣмъ положите этотъ сложенный листокъ рисункомъ животнаго сверху и прокалывайте по рисунку дырочки на довольно большомъ разстояніи одна отъ другой и на столько глубоко, чтобы дырочки оставались не только на рисункѣ, но и на лежащей подъ нимъ толстой бумагѣ. На толстой бумагѣ выйдетъ изображеніе животнаго; но если вы въ другой разъ захотите выколоть тотъ же рисунокъ, онъ уже не будетъ годиться, такъ какъ проколонъ насквозь. Вотъ поэтому мы совѣтуемъ раньше, чѣмъ начинать выкалывать какой нибудь рисунокъ, снять его. Это очень любятъ дѣлать сами дѣти.

Намъ кажется, что дѣтямъ только тогда слѣдуетъ давать вышиваніе раньше выкалыванія, когда, по какимъ нибудь обстоятельствамъ, чувствуется недостатокъ въ работѣ для маленькихъ дѣтей. Въ томъ, чтобы давать вышиваніе послѣ выкалыванія, мы находимъ большой смыслъ: ребенокъ постепенно знакомится съ очертаніями предметовъ, сначала ограниченныхъ точками, а потомъ и линіями. Чтобы доставить дѣтямъ большую радость и показать, что и его работа имѣетъ нѣкоторое значеніе въ дѣйствительной жизни, вы можете изъ его вышиванія дѣлать различные предметы: обклеивать ими пенали, сигарочницы, вставлять въ портфели подъ стекло и т. д.

Вырѣзаніе и наклеиваніе.

Въ каждомъ ребенкѣ мы замѣчаемъ стремленіе рѣзать ножемъ или ножницами. Вмѣсто того, чтобы лишать его этихъ орудій, могущихъ нанести ему вредъ, научите лучше, какъ ими владѣть съ пользою для развитія ручныхъ мышцъ, вѣрности глаза и точности въ наблюденіяхъ надъ окружающими предметами.

Мы уже говорили о первоначальномъ способѣ вырѣзанія отъ руки, которымъ можно занимать ребенка уже съ 3-хъ, 4-хъ лѣтняго возраста. Но когда рука уже довольно навыкла въ этомъ, можно перейти къ вырѣзанію различныхъ рисунковъ. При этомъ мы совѣтуемъ воспитателямъ придерживаться слѣдующаго правила: пусть для этой работы они пріобрѣтутъ дѣтямъ ножницы съ округленными концами, которыя безопаснѣе для дѣтей, чѣмъ остроконечныя, и синей бумаги (въ родѣ той, которою обертываютъ головы сахара), и сдѣлаютъ изъ нея три тетрадки. Воспитатель рисуетъ какой нибудь предметъ изъ обыденной жизни на клочкѣ бѣлой писчей бумаги (при этомъ, разумѣется, должно слѣдовать, какъ и вездѣ, правилу—давать сначала легкіе рисунки и переходить постепенно къ болѣе сложнымъ). Ребенокъ вырѣзаетъ данный ему предметъ и наклеиваетъ въ 1-й № своей синей тетрадки. Затѣмъ беретъ листокъ чистой бумаги, смотритъ на только что вырѣзанный имъ предметъ, наклеенный на тетрадку, и копируетъ, т. е. вырѣзаетъ уже

безъ рисунка, и затѣмъ наклеиваетъ во *вторую тетрадь*. Въ *третьей тетрадкѣ* онъ будетъ вырѣзать уже съ дѣйствительныхъ предметовъ: возьметъ кофейникъ, пристально осмотритъ его со всѣхъ сторонъ, вырѣжетъ и наклеитъ. Болѣе трехъ фигурокъ ребенокъ и не долженъ вырѣзать; сначала же вырѣзаніе можно расположить такъ, что одинъ день онъ вырѣзаетъ по рисунку, на другой — копируетъ его, а въ третій вырѣзаетъ съ дѣйствительныхъ предметовъ. Хорошо также давать вырѣзать геометрическія тѣла: квадраты, различные треугольники и осьмиугольники. Для этого уже нужна *четвертая тетрадка*, которую мы сдѣлаемъ изъ бѣлой бумаги. Такъ однимъ вырѣзаніемъ можно достигать многихъ цѣлей: утверждать въ памяти представленіе о геометрическихъ тѣлахъ, давать возможность еще болѣе знакомиться съ цвѣтомъ и развивать чувство симметріи.

При вырѣзаніи съ дѣйствительныхъ предметовъ пусть дѣти руководствуются тѣмъ же правиломъ, какъ и при постройкахъ изъ кубовъ, т. е. вырѣжутъ сначала предметы, которые находятся у нихъ въ комнатѣ, затѣмъ то, что находится на дворѣ, и проч.

Клеить лучше всего гуммиарабикомъ, коробочка порошка котораго стоитъ 20 коп. Можно также клеить варенымъ крахмаломъ. Если клеемъ замазывать всю ту сторону картинки, которую вы хотите приклеить на тетрадку, то у васъ и клею выйдетъ много, да и бумага будетъ коробиться; клеемъ слѣдуетъ обвести только по краямъ вырѣзаннаго предмета. Наклеивши, слѣдуетъ тотчасъ положить на это мѣсто листъ чистой бумаги, а на него прессъ или тяжелую книгу. Намазывать клей слѣдуетъ кистью, но она должна быть прикрѣплена не къ перышку, а къ палочкѣ толщиною съ карандашъ и длиною нѣсколько болѣе его, такъ чтобы ребенокъ совершенно свободно могъ управлять ею.

Чуть не въ каждой бумажной и игрушечной лавочкѣ продаются картинки для вырѣзанія отъ 3 до 10 к. Дѣти страстно любятъ это занятіе, и оно въ высшей степени полезно для нихъ, если только родители, при покупкѣ картинокъ, умѣютъ выбрать наиболѣе подходящія изъ нихъ, какъ напр. сценки изъ домашней дѣтской жизни, деревенскія работы, домашнюю утварь, мебель, изображеніе городскихъ и деревенскихъ построекъ и знакомыхъ ребенку животныхъ. Вырѣзавъ такую картинку, ребенокъ наклеиваетъ ее въ *пятую тетрадку*, и такимъ образомъ у него скоро составляется альбомъ, который онъ очень любитъ пересматривать отъ времени до времени и показывать своимъ гостямъ.

Вырѣзаніе тѣней.

Вырѣзаніе ножемъ тѣней требуетъ уже большой ловкости руки и умѣнья распоряжаться нѣкоторыми домашними инструментами. Этой работѣ должно предшествовать вырѣзаніе ножницами. Но даже и при этихъ условіяхъ названную работу можно дать не ранѣе 6-ти, $6^1/_2$ лѣтъ. Для нея нужно имѣть хорошо выструганную доску, острый перочинный ножъ и купить въ бумажной лавкѣ нѣсколько листовъ тѣней, которые обыкновенно стоятъ по 2, а большіе по 5 коп. за листъ. Такую бумагу кладутъ на доску и вырѣзаютъ прочь все то, что черно (см. таблицы XVIII и XIX. На таблицѣ XVIII, въ фигурахъ *а* и *б*, точками обозначена сложенная вчетверо бумага, изъ чего выходятъ фигуры, находящіяся рядомъ съ ними. При вырѣзаніи фигуръ, помѣченныхъ буквами: *в*, *г*, *д*, *е*, *ж*, *и* и таблицы XIX бук-

вами *з*, *и*, *к*, *л*,—бумагу слѣдуетъ складывать вдвое). Когда вырѣжутъ какую нибудь фигурку и посмотрять на свѣтъ, она необыкновенно живо изображаетъ то, что на ней нарисовано.

Тѣмъ, кто не можетъ купить такихъ тѣней для вырѣзанія ножемъ, можно и самимъ нарисовать карандашемъ на бѣлой бумагѣ контуръ какого нибудь предмета и заставить ребенка прорѣзать его. При этомъ должно какъ можно осторожнѣе рѣзать подлѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ былъ уже проведенъ прорѣзъ: лучше всего, если ребенокъ пальцемъ лѣвой руки приметъ это мѣсто, иначе онъ безпрестанно будетъ портить свою работу. Если желаютъ сдѣлать болѣе широкіе прорѣзы, то стоитъ только отогнуть прорѣзанный край. Если подъ такую вырѣзанную фигурку подложить съ изнанки цвѣтную бумагу, то рисунокъ выйдетъ очень эффектный. Такимъ способомъ можно приготовлять абажуры на лампы и свѣчи.

Работы изъ сѣмянъ.

Когда дѣти ѣдятъ различные плоды: арбузы, дыни, яблоки, груши, пріучайте ихъ, чтобы они собирали сѣмена и, разсыпавъ на бумагу или тряпочку и просушивъ на окнѣ, сохраняли бы ихъ въ коробочкахъ до той поры, когда у нихъ будетъ свободное время. Если дѣти малы, они просто могутъ нанизывать эти сѣмена на нитку, отдѣляя одно отъ другаго бисеромъ или соломенками. Но когда они уже нѣсколько подросли и руки ихъ навыкли къ нѣкоторымъ механическимъ занятіямъ, эту работу можно весьма разнообразить. Купите самой тоненькой проволоки и согните изъ нея небольшую вазочку, коробочку или какую нибудь фигурку. Но прежде чѣмъ окончательно загибать концы проволоки, нанижите на нихъ поплотнѣе разноцвѣтныя бусы или крупный бисеръ. Затѣмъ на нитку нанижите въ различныхъ положеніяхъ сѣмена и между ними мелкій бисеръ и перпендикулярно прикрѣпите такія нитки къ проволокѣ отъ самаго верха коробки или вазы до дна.

Различныя сѣмена можно также наклеивать на крышечки коробочекъ, только нужно купить въ москательной лавкѣ аравійской камеди и смѣшать ее съ такимъ же количествомъ желтаго сахарнаго песку. Тѣ мѣста сѣмянъ, которыя вы хотите приклеить, вы должны обмочить въ эту смѣсь. Сѣмена слѣдуетъ наклеивать въ различномъ положеніи, напр. наклеите кружокъ изъ яблочныхъ сѣмянъ такъ, чтобы слѣдующее сѣмя закрывало своимъ концомъ часть предъидущаго, а въ кружкѣ стоймя приклейте арбузныхъ сѣмянъ. Въ самый центръ можно помѣстить цвѣтную папиросную бумагу, сложенную въ тоненькую трубочку, изрѣзанную въ концѣ тончайшими бумажными нитями.

Отпечатываніе листьевъ.

Работа эта въ высшей степени производительна по своимъ результатамъ и требуетъ такой ничтожной затраты на матеріалъ, что ее можно ввести въ каждомъ семействѣ. Она состоитъ въ слѣдующемъ.

Возьмите самую малость сажи, такъ съ наперстокъ, (сами не съумѣете добыть, можете на грошъ купить въ каждой мелочной лавкѣ), прибавьте къ ней нѣсколько капель льнянаго масла и разотрите сажу на блюдечкѣ гладкой пробкой. Потомъ, той же пробкой, перенесите часть смѣси на твердую

и гладкую бумагу и разотрите краску до такой степени, чтобы она была почти суха и не тянулась нитками.

Тогда положите древесный листъ, который желаете отпечатать, на зачерненное мѣсто бумаги нижнею стороною (съ выпуклою сѣтью жилокъ), накройте листъ протечной бумагой и прижмите его къ краскѣ, чтобы нижняя сторона его зачернилась. Снимите протечную бумагу и листъ, осторожно положите его на чистую бумагу зачерненною поверхностью, накройте другимъ кускомъ протеки и, придерживая ее, потрите листъ, либо кулакомъ, либо довольно твердой подушечкой.

Отчетливый оттискъ долженъ представлять какъ черешокъ листа, такъ и его пластинку, жилки и край, и походить на хорошенькій рисунокъ, сдѣланный итальянскимъ карандашомъ.

Въ этомъ дѣлѣ искусство пріобрѣтается навыкомъ. Если рисунокъ выходитъ неясно и грязно, то виною тому чаще всего бываетъ краска, которая недостаточно растерта или еще слишкомъ сыра.

Вмѣсто сажи, можно употреблять и какую нибудь другую, напримѣръ, зеленую краску.

Тетрадь съ удавшимся рисунками представляетъ прехорошенькій альбомъ и, напечатлѣвая въ памяти видъ листьевъ, можетъ облегчить распознованіе растеній.

Работа изъ соломы.

Эту работу мы предлагаемъ больше для лѣта и тѣмъ, кто имѣетъ возможность бывать на деревенскихъ работахъ. Такой матеріалъ, конечно, вамъ ничего не будетъ стоить, такъ какъ каждая жница всегда съ охотою уступитъ съ своей полосы небольшой снопикъ соломы.

Самая удобная для плетенія солома—пшеничная: не ломаясь, она болѣе другихъ гнется при плетеніи и притомъ она такъ бѣла и нѣжна, что плетенки изъ пшеничной соломы выходятъ болѣе изящными, чѣмъ всѣ остальныя.

Мы упомянули, что такую солому слѣдуетъ самимъ брать съ поля, иначе, если она попадаетъ подъ цѣпъ крестьянина, онъ, вымолачивая изъ нея зерна, помнетъ и самую солому, такъ что она не будетъ годна для вашихъ работъ.

Когда вы принесете пучки соломы домой, обрѣжьте колосья какъ можно осторожнѣе ножницами, выбросьте очень тоненькія соломенки, вырѣжьте узелки и, связавъ ее опять въ пучки, которые теперь уже стали гораздо ниже, поставьте такой пучокъ просушить въ сухое и теплое мѣсто. Чрезъ два дня ихъ можно развязать и положить на нѣсколько часовъ въ чистую, холодную воду. Затѣмъ возьмите десятка два размоченныхъ соломинъ, положите ихъ на тряпочку, чтобы онѣ нѣсколько просохли, возьмите гладко выстроганный небольшой брусочекъ (или большой Фребелевскій кубъ изъ II-го дара), проведите имъ по уложеннымъ въ рядъ соломинкамъ, чтобы этимъ ихъ нѣсколько сплюснуть и разгладить. Послѣ этого, возьмите три соломинки (а кто умѣетъ плести въ три, четыре, пять концовъ,—и болѣе; чѣмъ болѣе концовъ, тѣмъ плетенка выходитъ красивѣе). Съ одной стороны концы слѣдуетъ положить подъ что нибудь тяжелое и затѣмъ плести, какъ плетутъ обыкновенныя косы, только съ большою осторожностью. Если одинъ какой нибудь конецъ соломинки кончится, то ее слѣдуетъ надставить, втыкая другую въ ея конецъ. Въ этой работѣ нужно прежде всего стараться, чтобы не всѣ

соломенки кончались заразъ, иначе плетеніе въ этомъ мѣстѣ не будетъ держаться.

Когда такимъ образомъ у ребенка изъ соломы выходятъ косички и подъ его пальцами онѣ уже меньше ломаются, ему легко указать, какъ сшить соломенныя, круглыя шляпы для куколъ, коврики подъ подсвѣчники, песочницы и т. п. Для этого нужно придерживаться только слѣд. правила: соломенныя косички накладываются другъ на друга такъ, чтобы нижній рядъ на половину выходилъ изъ подъ верхняго; положивши такъ двѣ плетенки, ихъ сшиваютъ тоненькими нитками и уже послѣ этого все прибавляютъ по одной косичкѣ, подкладывая ее всегда внизъ такъ, чтобы одна ея половина была покрыта предъидущей плетенкой.

Лѣпка изъ глины.

Прежде всего мы должны оговориться, почему мы не даемъ рисунковъ для работъ изъ глины. Намъ кажется, что названная работа можетъ только тогда имѣть воспитательное значеніе, когда она дѣлается съ моделей и дѣйствительныхъ предметовъ; лѣпка же изъ глины по рисункамъ не принесетъ никакой пользы.

Глину можно получить вездѣ, гдѣ есть кирпичный заводъ; петербургскимъ жителямъ можно доставать ее также въ Академіи Художествъ: на четвертакъ вамъ дадутъ столько, что ее хватитъ на многихъ дѣтей въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Самая лучшая глина для лѣпки голубая; остальныя принадлежности, которыя тутъ еще необходимы, тоже достать не трудно: 1) нужна лопаточка, которую можетъ самъ сдѣлать каждый ребенокъ; пусть онъ возьметъ щепочку, съ одной стороны выстругаетъ ее въ видѣ узкой лопаточки, а самую ручку сдѣлаетъ круглой палочкой, заострив нѣсколько ея конецъ, 2) нужна деревянная скалка въ родѣ той, которую мы видимъ въ кухняхъ для раскатыванія тѣста, только нѣсколько меньше, 3) деревянная доска въ родѣ той, на которой рубятъ котлеты.

Какъ только вы купите глину, нѣсколько смочите ее, хорошенько разомните руками, раскатайте на доскѣ скалкой и тогда уже приступайте къ работѣ. Прежде всего дѣти начнутъ дѣлать изъ глины разные шарики, пирожки, кренделькн, баранки, и, только послѣ долгаго упражненія надъ этими несложными предметами, они могутъ приступить къ слѣдующему: сдѣлать побольше шарикъ, положить его на доску, сверху нѣсколько сдавить лопаточкой, затѣмъ обровнять глину; заостреннымъ концомъ сверху наколоть дырочки,—и выйдетъ сайка. Послѣ этого дѣти берутъ деревянный кубъ, цилиндръ, квадратики, призмы, и, когда они въ нѣсколькихъ экземплярахъ сдѣлаютъ эти модели, они могутъ приступить къ лѣпкѣ различной посуды, кухонной утвари и т. п. При этомъ они всегда берутъ самый предметъ, напр. ставятъ передъ собою сапогъ и лѣпятъ его руками изъ глины, а не дѣлаютъ его съ модели. Сдѣланныя вещи нужно еще поставить просушить на солнцѣ или на теплую плиту. Глина требуетъ, чтобы ее не только передъ работой смачивали и раскатывали, но дѣлали бы это какъ можно чаще.

Лѣпку изъ глины можно начинать съ дѣтьми съ 4-хъ лѣтняго возраста.

Занятіе съ сюргучемъ.

Если ребенокъ хотя разъ видѣлъ, какъ вы запечатывали сюргучемъ письмо, онъ навѣрно затаилъ желаніе непремѣнно какъ нибудь самому сдѣлать тоже самое. Если вы откажете въ его просьбѣ, то при первомъ удобномъ случаѣ онъ сдѣлаетъ это потихоньку и, не умѣя обращаться съ *огнемъ* и горячимъ сюргучемъ, можетъ сильно обжечься. Не заставляйте его обманывать васъ, дѣлая тихонько то, что вы разъ ему запретили, а учите его при *себѣ* обращаться съ болѣе или менѣе опасными предметами. Для этого мы предлагаемъ слѣдующее:

Приготовьте нѣсколько различныхъ монетъ, моделей, съ которыхъ вы хотите сдѣлать снимокъ, и кромѣ того кусокъ папки, величиною нѣсколько больше тѣхъ вещей, которыя вы будете снимать. Послѣ этого вы можете дать ребенку цѣлую палочку сюргуча, усадить его такъ, чтобы ему не было очень высоко поднимать руки къ свѣчкѣ, и затѣмъ зажечь сюргучъ и капать имъ на папку. Онъ долженъ стараться дѣлать капли одна на другую, и, когда на папкѣ будетъ куча жидкаго сюргуча, онъ долженъ, помѣшивая ее палочкой, уравнивать ее, чтобы поверхность была гладкая. Затѣмъ, не давая сюргучу остыть, онъ крѣпко нажимаетъ какую нибудь форму, которую предварительно нѣсколько смачиваетъ. Если оттискъ хотятъ сдѣлать не съ металлическаго, а съ деревяннаго предмета, то послѣдній нужно смазать миндальнымъ или подсолнечнымъ масломъ, чтобы сюргучъ не прилипъ къ формѣ.

Какое занятіе можно придумать съ стеариновымъ огаркомъ?

Если въ домѣ заведенъ для дѣтей школьнаго возраста столярный станокъ съ инструментами (что не только въ высшей степени полезно для развитія мускуловъ, но весьма важно и въ гигіеническомъ отношеніи), то дѣтямъ, вѣроятно, часто приходится кипятить столярный клей, подогрѣвать кой что и т. п. Для этого необходимо имѣть *клеянку* —сосудъ, въ которомъ можно кипятить клей; но, такъ какъ настоящая клеянка дорого стоитъ, то мы совѣтуемъ купить сосудъ, который употребляютъ обыкновенно для испаренія духовъ въ комнатѣ и который стоитъ всего четвертакъ. Онъ устроенъ такъ, что его можно надѣть на зажженную свѣчку, и дѣти могутъ вскипятить въ немъ все, что понадобится для работъ. Для отливанія формъ изъ стеарина тоже необходима подобная клеянка.

Возьмите огарокъ стеариновой свѣчки и растопите ее въ вашей клеянкѣ При этомъ вы должны его безпрестанно помѣшивать, чтобы въ немъ не оставалось пузырьковъ воздуха.

Во время кипѣнія стеарина вы должны постоянно сыпать въ него мѣлъ, тоже напередъ истертый въ мелкій порошокъ. Когда вы замѣтите, что изъ мѣла и стеарина образовалась довольно густая масса, однако все-таки еще льющаяся, вы выливаете ее въ приготовленную заранѣе для этого форму. На первый разъ налейте эту смѣсь хотя на одну изъ сторонъ мѣднаго пятака, окруживъ его бумажной полоской, которая такимъ образомъ замѣнитъ боковыя стѣнки. (Два конца бумажной полоски можно склеить сюргучемъ,— тогда они будутъ держаться).

Когда вы нальете слой стеариновой смѣси толщиною приблизительно на

полупалецъ, проведите слегка кисточкою по поверхности, чтобы выгнать пузырьки воздуха, которые при этомъ легко образуются на формѣ. Когда смѣсь совершенно остыла, бумагу снимаютъ и затѣмъ осторожно отдѣляютъ совершенно остывшую стеариновую смѣсь съ мѣднаго пятака. Если вы хотите получать разнообразныя формы такой смѣси, купите нѣсколько *готовыхъ формъ для отливки* (онѣ вамъ пригодятся и для гипсовыхъ работъ) у статуэтчиковъ, иногда ихъ можно найти и въ фарфоровыхъ магазинахъ, а также въ Мастерской Учебныхъ Пособій г. Канаева, что будетъ указано ниже.

Гипсовыя работы.

Жженый гипсовый порошокъ или алебастръ вы можете покупать на плитныхъ дворахъ. Но, прежде чѣмъ употреблять его въ дѣло, его нужно просѣять сквозь чистое сито. Ту часть порошка, изъ которой вы хотите выливать формы, бросаютъ по немногу въ ковшъ, наполненный водою, чтобы порошокъ тонулъ въ ней и промачивался. Остальную часть гипса тотчасъ разсыпаютъ по бутылкамъ и крѣпко закупориваютъ. Какъ отъ дѣйствія воздуха, такъ и отъ сырости,—гипсъ теряетъ способность вбирать воду, сохнуть и, слѣдовательно, не будетъ годенъ для отливки предметовъ.

Когда смѣшанный съ водою гипсъ имѣетъ густоту сметаны, изъ него вылавливаютъ ложкой пузырьки, которые очень портятъ отливку и въ такомъ видѣ вливаютъ его въ формы. Но прежде, чѣмъ вольютъ въ нихъ гипсъ, формы эти должно вымазать смѣсью, которую дѣлаютъ слѣдующимъ образомъ. Нальютъ на блюдечко немного воды и деревяннаго масла, бросятъ еще туда мыльныхъ стружекъ, все это хорошо взобьютъ и смѣшаютъ, и этою смѣсью, въ видѣ тоненькаго слоя, покрываютъ формы, которыя будутъ наполнены гипсомъ. Когда гипсовая масса станетъ совершенно плотною, ее осторожно вынимаютъ изъ формы.

Рисованіе.

На обученіе рисованію смотрѣли прежде, какъ на роскошь, которую если ребенокъ усвоитъ въ школѣ—хорошо, а нѣтъ—такъ тоже бѣда небольшая. Сами учителя рисованія не лучше относились къ своему предмету: выставятъ на весь классъ двѣ, три модели—уха, глаза, какой-нибудь красавицы гречанки въ необыкновенной повязкѣ, да подтушуютъ рисунокъ, если кто самъ не съумѣетъ этого сдѣлать,—вотъ и вся метода. Три четверти класса, не умѣя вѣрно провести ни одной линіи, безобразно пачкаетъ тетради, въ которыхъ трудно различить глазъ отъ уха! Учитель оставляетъ обыкновенно такихъ учениковъ безъ вниманія и занимается съ самою небольшою частію класса, т. е. пріучаетъ прилежныхъ дѣтей копировать къ окончанію курса легкія модели. Хотя обученіе рисованію въ большинствѣ школъ продолжается по той же методѣ, но лучшая часть общества уже начинаетъ видѣть громадное общеобразовательное значеніе этого предмета. И это естественно: стоитъ только вспомнить, сколько разнообразныхъ способностей упражняется при занятіи рисованіемъ, если только оно ведется надлежащимъ образомъ.

При рисованіи ребенокъ долженъ наблюдать форму срисовываемыхъ предметовъ, пріучить глазъ къ разнообразію свѣтовыхъ оттѣнковъ, развить способность живо воспроизводить представленіе о видѣнномъ, т. е. память и

воображеніе, и развить навыкъ въ рукѣ отчетливо и вѣрно передавать всѣ очертанія линій. Мы видимъ, что разнообразныя цѣли, которыхъ теперь стремятся достигнуть при обученіи рисованію, заставляютъ ранѣе начать его съ дѣтьми и не полагаться только на школу. И неужели родители могутъ остаться равнодушными къ занятіямъ дѣтей, когда тѣ начинаютъ рисовать уже съ двухъ, трехъ лѣтъ? Неужели оставятъ безъ всякаго вниманія листъ, испачканный чернильными кляксами и испещренный каракулями? Фребель, основательно изучивъ дѣтскую природу, считалъ рисованіе однимъ изъ *главныхъ* занятій. Если только дѣти не забиты и видѣли въ домѣ карандашъ и бумагу, то можно навѣрно сказать, что это занятіе станетъ для нихъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ. Многіе утверждаютъ, что рисованіе по сѣти, черезъ матовое стекло, и другіе способы, давая возможность легко исполнить довольно сложный рисунокъ, можетъ заставить вообразить ребенка, что онъ уже настолько хорошо владѣетъ карандашемъ, что ему не зачѣмъ продолжать своихъ занятій. Но это невѣрно.

Вся система Фребеля, какъ-то: вышиваніе, выкладываніе палочекъ, лучинъ и колецъ, уже подготовляютъ къ рисованію: въ одномъ случаѣ ребенокъ обозначаетъ контуры предметовъ точками (выкалываніе), въ другомъ—уже готовой линіи (лучина) онъ даетъ извѣстное направленіе, а въ черченіи *по сѣти* руководствуется проведенными линіями. Такъ какъ отъ ребенка, марающаго неопредѣленными линіями свой рисунокъ и неумѣющаго держать карандаша въ рукѣ, и до художника, легко и точно изображающаго на полотнѣ все, что онъ видитъ въ природѣ, громадное разстояніе, то и обученіе рисованію должно имѣть много степеней. Приходится развивать способности постепенно и уже съ ранняго дѣтства. Надо помнить, что страсть къ рисованію, никѣмъ не направляемая, при которой дѣти пріучаются кое-какъ марать бумагу и, перегнувшись въ три погибели, держать карандашъ всей пятерней, можетъ принести большой вредъ.

Но какъ приступить къ дѣлу, вотъ вопросъ, который затрудняетъ многихъ. Тутъ намъ кажется необходимо прежде всего взять въ разсчетъ личность ребенка: если онъ въ три года уже начинаетъ марать бумагу карандашемъ, укажите ему при этомъ главные пріемы: 1) что карандашъ слѣдуетъ держать не зажавши въ кулачекъ, а пальцами, 2) что не слѣдуетъ слишкомъ наклоняться къ тетради, 3) что не слѣдуетъ руки возить по тетради, а, медленно подвигая руку, легко набрасывать штрихи и т. п. Конечно, всего этого вы достигнете не тотчасъ, и потому не должны ожидать, чтобы ребенокъ все выполнялъ въ совершенствѣ съ перваго разу. Съ самаго начала дайте ему нарисоваться вволю; затѣмъ, когда онъ придетъ показать вамъ свою работу, скажите ему, что она вамъ ничего не напоминаетъ, и посовѣтуйте проводить черточки изъ одного угла въ другой, а потомъ крестъ на крестъ, затѣмъ надѣлайте точекъ, и пусть онъ между ними проводитъ линіи сверху внизъ и снизу вверхъ, стоячія и лежащія (горизонтальныя) отъ лѣвой руки къ правой и наоборотъ (помните, что въ это время ребенокъ еще малъ и геометрическіе термины тутъ непригодны). Затѣмъ укажите ему, какъ проводить отъ руки различныя фигурки, указанныя на таблицѣ XX и которыя будутъ служить, какъ для живыхъ бесѣдъ, такъ и для знакомства съ линіями *). Дѣлая отъ

*) Двѣ книги: 1) «Jeux et Travaux enfantins» par M. Albert Durand et M-elle Marie Koenig и 2) «Уроки рисованія для малыхъ дѣтей» Волкова могутъ служить воспитателямъ прекрасными пособіями для руководства дѣтей дошкольнаго возраста при первоначальномъ рисованіи.

руки различные кружки, можно прибирать очень разнообразные предметы. Послѣ этого купите ребенку матовое стекло съ рисунками, контуры которыхъ были бы обведены черными чернилами; подкладывайте ихъ подъ матовое стекло или листъ тетради, въ которой бумага должна быть не совсѣмъ плотною, чтобы рисунокъ нѣсколько просвѣчивалъ. Въ рисункахъ тоже очень важно наблюдать постепенность. Напримѣръ, цвѣтокъ, который вначалѣ вы даете срисовывать, долженъ быть безъ зазубринъ по краямъ, а нужно сдѣлать только его округлый или овальный контуръ. Мелкихъ штриховъ и сложныхъ предметовъ не должно быть изображено на такихъ рисункахъ. Такія упражненія пріучаютъ ребенка правильно дѣржать карандашъ въ рукахъ и свободно проводить требуемыя черты. Этотъ навыкъ послужитъ ему прекраснымъ подготовленіемъ и къ письму.

Въ лѣтъ 5-ть, 6-ть онъ можетъ перейти къ рисованію по сѣти. Тетрадку, разлинованную сѣтью, какъ у насъ показано на таблицѣ XXI, можно получить за 10 и даже за 8 к. въ каждой бумажной лавкѣ. Если кто не можетъ имѣть подъ рукой такихъ тетрадей, можно слѣлать два, три транспаранта, разлинованныхъ квадратиками различной величины. Такіе транспаранты должны быть аккуратно сдѣланы по тетради и могутъ хватить ребенку на все время его занятій. Самыя главныя правила въ рисованіи по сѣти слѣдующія:

1) Указать ребенку, какъ чертить возможно большее количество разнообразныхъ предметовъ.

2) Сначала онъ долженъ чертить прямыя линіи въ горизонтальномъ и отвѣсномъ направленіи, потомъ въ наклонномъ, а затѣмъ онъ можетъ перейти къ кривымъ и къ изображенію различныхъ фигурокъ (см. таблицу XXIII).

3) Все это оживлять бесѣдами.

4) Онъ долженъ имѣть непремѣнно двѣ тетради: сначала сдѣлать какую нибудь фигурку по сѣти или транспаранту и затѣмъ туже самую фигурку сдѣлать въ другой тетради безъ сѣти и безъ транспаранта.

Выкладываніе палочекъ или спичекъ.

Въ лѣтъ пять, когда ребенокъ уже начинаетъ рисовать по сѣти, можно дать ему палочки, которыя онъ раньше употреблялъ въ работѣ изъ гороха. Пусть онъ выложитъ изъ палочекъ предметы, которые видитъ въ комнатѣ, и потомъ тоже самое онъ можетъ изобразить карандашемъ въ своей тетради по сѣткѣ. Если фигурка состоитъ изъ нѣсколькихъ линій, изъ которыхъ однѣ болѣе, а другія менѣе, то при выкладываніи спичекъ послѣднія должны быть различной величины. Для этого пусть дѣти сами нарѣжутъ спички такимъ образомъ: принявъ самую большую величину спичекъ хотя въ 2 вершка, они сдѣлаютъ и бумажную линеечку такой величины; затѣмъ эту линеечку пусть они перегнутъ по поламъ, приложатъ къ спичкѣ, намѣтятъ ее карандашемъ и разрѣзываютъ. Эту обрѣзанную спичку прикладываютъ къ десятку другихъ и по ней обрѣзываютъ ножницами всѣ другія. Такимъ образомъ можно рѣзать спички сразу по цѣлому десятку.—Спичку, сдѣланную въ вершокъ, слѣдуетъ такимъ же образомъ еще перерѣзать на двое, чтобы были спички по крайней мѣрѣ трехъ величинъ.

Примѣры для выкладыванія спичекъ можно взять у насъ на таблицахъ для рисованія по сѣти. (См. таблица XXII).

Выкладываніе колецъ и полуколецъ.

Для этой работы нужно имѣть штукъ 25 колецъ, столько же полуколецъ и, если можно, штукъ 12 четвертей колецъ. Имѣя кольца трехъ различныхъ величинъ, можно выкладывать очень разнообразныя формы. Но такъ какъ работу эту можно назначать и для трехлѣтнихъ дѣтей, то, разумѣется, сразу всѣхъ колецъ давать не слѣдуетъ. До сихъ поръ ребенокъ еще *не видалъ* круговъ; это занятіе расширяетъ его кругозоръ. При работѣ воспитатель долженъ заставлять ребенка отыскивать въ окружающихъ предметахъ ту же округлость, какъ и въ кольцахъ, т. е. ребенокъ долженъ указать, что обручи, которыми обита бочка, колеса, края тарелки и суповой чашки, кольцо на пальцѣ,—тѣ же круги, которые онъ видитъ въ кольцахъ. Лишь только маленькій ребенокъ сложитъ хотя, напримѣръ, изъ двухъ полуколецъ одно кольцо,—онъ тотчасъ обрисовываетъ его въ свою тетрадку. Но когда онъ уже подросъ и умѣетъ рисовать по сѣти кривыя линіи, то, выложивши какую нибудь фигурку, онъ уже не будетъ ее обрисовывать, а нарисуетъ тоже самое въ своей разлинованной тетрадкѣ. (См. таблицу XXIV).

Работы изъ бичевокъ.

Эту работу можно давать уже четырехъ-лѣтнимъ дѣтямъ. Для этого нужно взять бичевку, т. е. тоненькую, гладенькую веревочку, и наматывать ее, какъ наматываютъ бѣлыя тесемки, т. е. въ гладкій, плоскій кружокъ. При каждомъ новомъ рядѣ, вы должны черезъ край сшивать эти бичевки между собой. Для разнообразія можно сшить то красной, то синей бумагой, и изъ этихъ бичевокъ, сшитыхъ разноцвѣтными нитками, можно дѣлать подовники подъ разные предметы, колечки для салфетокъ и друг. вещи.

Силуэты.

Вотъ еще работа, которая доставляетъ дѣтямъ необыкновенную радость и во многихъ отношеніяхъ весьма полезна имъ. Дѣлается это весьма просто. Пришпильте къ стѣнѣ листъ бѣлой бумаги, посадите бокомъ или въ профиль того, съ кого хотите снять силуэтъ; если это будетъ днемъ, то надо бумагу наколоть на стѣну, ярко освѣщенную солнцемъ, а если вечеромъ, то бумагу надо освѣтить лампою или свѣчами и между свѣтомъ и бумагою посадить того, съ кого снимаютъ силуэтъ. Тѣнь отъ сидящаго лица вѣрно отразится на бумагѣ; тогда быстро обведите это очертаніе лица карандашемъ, и силуэтъ готовъ, хотя размѣры его и будутъ нѣсколько больше, чѣмъ подлинникъ.

Глава XVIII. Обзоръ наиболѣе полезныхъ дѣтскихъ игрушекъ.

Лѣтнія и зимнія игрушки.

Мы уже указали въ предыдущей главѣ множество развивающихъ механическихъ занятій, которыя могутъ быть введены въ семействахъ, пріютахъ и дѣтскихъ садахъ, не имѣющихъ никакихъ средствъ. Для работъ изъ гороха вы затрачиваете 5 к., и его вамъ хватитъ на нѣсколько мѣсяцевъ и при томъ на большое количество дѣтей. Тоже самое можно сказать относительно плетенія, выкалыванія, вырѣзанія, наклеиванія и друг. работъ. Только дары Фребеля стоятъ нѣсколько дороже, но за то они цѣлые десятки лѣтъ могутъ оставаться не поломаными, и изъ нихъ дитя можетъ каждый день построить новый предметъ. Но и среди обыкновенныхъ игрушекъ можно найти не мало полезныхъ и доставляющихъ дѣтямъ истинную радость, если только воспитатели съумѣютъ имъ сдѣлать надлежащій выборъ.

Многія матери и воспитатели послѣ выхода въ свѣтѣ I-го изд. настоящаго труда выразили желаніе имѣть подъ руками перечень наиболѣе осмысленныхъ игрушекъ. И дѣйствительно, воспитатели желающіе что нибудь подарить дѣтямъ на елку или въ праздникъ, находятся въ большомъ затрудненіи, что выбрать, чтобы не шло въ разрѣзъ съ развитіемъ и воспитаніемъ дитяти. Вѣдь нужно же сознаться, что между нашими игрушками существуетъ множество необыкновенно вредныхъ и безобразныхъ; продавцы же игрушекъ не только не облегчатъ вамъ найти то, что вамъ нужно, но еще собьютъ васъ съ толку. Ни въ одномъ игрушечномъ магазинѣ не существуетъ никакого каталога, и вамъ суютъ въ руки все, что попало и что прежде всего выгодно сбыть. Вамъ предлагаютъ барабаны, трещетки, свистульки, такъ жестоко терзающіе уши бѣдныхъ матерей и въ конецъ притупляющіе слухъ дѣтей, военные доспѣхи, развивающіе дикій, воинственный азартъ, и дорогія куклы съ громадными шиньонами, разодѣтыя въ шелкъ и бархатъ и пробуждающія впервые въ душѣ дитяти высокомѣрное отношеніе ко всему, что является передъ нимъ не въ такомъ парадѣ.

Вотъ краткій перечень наиболѣе полезныхъ игрушекъ:

Лѣтнія игрушки.

1) *лопатки*; 2) *совочки*; 3) *тачки*; 4) *тельжки*, — послѣднія должны быть у дѣтей и лѣтомъ и зимою; лѣтомъ въ нихъ возятъ песокъ, зимою

куклы и игрушки; 5) деревянныя *чашечки*, *кружечки*, *рюмочки*, *стаканчики* различной величины и формы для выкладыванія песку; 6) деревянное *коромысло* съ такими же ведрами и небольшія *жестяныя кружечки*, которыми дѣти будутъ носить песокъ, а иногда при себѣ имъ слѣдуетъ позволить носить и воду: это пріучетъ ихъ къ осторожности и ловкости; 7) *серсо*; 8) *волаты*—игра, которая необыкновенно занимаетъ дѣтей, особенно, когда въ ней принимаетъ участіе большое общество; 9) *веревочка*, съ деревянными ручками, черезъ которую можно было бы скакать; 10) *бильбоке*; 11) *корзиночки* побольше, чтобы выносить соръ изъ сада, поменьше, чтобы собирать ягоды, грибы и растенія; 12) *носилки*; 13) *грабли*; 14) *метла*—чтобы садъ мести; 15) *лейка*; 16) *мячики*. Мячикъ необходимъ и большому, и маленькому ребенку; онъ приноситъ и тому, и другому одинаковую пользу, доставляетъ огромную радость во всякое время года; поэтому мы совѣтуемъ, чтобы у всѣхъ дѣтей отъ полутора года до 13-ти, 14-ти лѣтъ были бы, если можно, не меньше трехъ мячиковъ разной величины: *большой мячикъ*, чтобы катать по полу, сшибать въ игрѣ разные предметы, два *малые мячики*, — для различныхъ упражненій; 17) *кегли*. Кеглями называются девять круглыхъ деревяшекъ, сверху заостренныхъ, а снизу ровно спиленныхъ, такъ чтобы онѣ прямо могли стоять на полу, изъ нихъ семь одинаковой величины, восьмая повыше—*королева*, девятая еще выше — *король*. Кегли ставятъ четыреугольникомъ, по три врядъ; въ среднемъ ряду спереди простая кегля, потомъ *король* и *королева*. Берутъ деревянный шаръ и катятъ по полу такъ, чтобы сбить всѣ кегли; каждая простая кегля считается 3, королева 6, а король 9. Кто скорѣе собьетъ кеглей до числа 60, тотъ выигралъ партію.

Зимнія игрушки.

1) *Простая кукла*, которую можно было бы одѣвать, раздѣвать и которая давала бы дѣвочкѣ возможность учиться шить и женскимъ рукодѣліямъ. Хорошо, когда у куклы есть кроватка съ матрасикомъ и бѣльемъ, а также комодикъ или шкафчикъ, въ которомъ хранятся и въ порядкѣ складываются всѣ принадлежности куклы, что пріучаетъ ребенка къ аккуратности и къ умѣнью разумно заботиться о себѣ и другихъ.

2) *Бумажныя куклы*. Дѣти вырѣзаютъ ихъ изъ папки (въ бумажныхъ лавкахъ такія куклы есть уже готовыя, раскрашенныя); весь костюмъ долженъ быть приготовленъ дѣтскими руками, отчасти изъ простой бумаги и разукрашенъ разноцвѣтной легкой папиросной бумагой. Дѣти дорожатъ этими куклами не менѣе первыхъ, такъ какъ онѣ исключительно сдѣланы ихъ руками и развиваютъ въ нихъ вкусъ и чувство симметріи.

3) *Домашнія животныя*, сдѣланныя болѣе или менѣе натурально и при томъ на колесикахъ. Животныя, которыя заводятся ключемъ, послѣ чего они нѣсколько минутъ бѣгаютъ, конечно, приводятъ ребенка въ восторгъ, но счастіе непродолжительно: ключь затерянъ или отъ частаго употребленія сломался въ нѣсколько дней, и отъ животнаго дитя уже не имѣетъ никакого удовольствія. Между тѣмъ животныхъ на колесикахъ ребенокъ можетъ постоянно катать.

4) *Для вырѣзанія и для разстанавливанія* картинки животныхъ, зданій, посуды, сдѣланныя красками и представленныя въ контурахъ. Подобныя картинки можно пріобрѣтать за 5 — 10 коп. штука, и, при умѣньи сдѣлать имъ надлежащій выборъ, онѣ пригодны даже для дѣтей съ 3-хъ лѣтняго воз-

раста. Впрочемъ это занятіе настолько любимо дѣтьми, что они охотно занимаются имъ вплоть до школьнаго возраста, а очень часто и гораздо позже. Такую картинку ребенокъ сначала вырѣзаетъ, потомъ наклеиваетъ въ тетрадь и, такимъ образомъ, у него составляются собственные, очень любимые альбомы, которые не только представляютъ хорошенькія книжки съ картинками, но напоминаютъ ему и то время, когда онъ ихъ наклеивалъ. Для разнообразія нѣкоторыя картинки, вмѣсто того, чтобы наклеивать въ альбомъ, онъ можетъ наклеить на толстый синій листъ, затѣмъ ихъ снова вырѣзавъ, устроить для нихъ подставки для разстановки на столѣ. Если подставка, сдѣланная ребенкомъ, оказывается недостаточно устойчивою, на первый разъ можно купить ему металлическія подставки для картинокъ. Изъ такихъ картинокъ для разстанавливанія можно придумывать разныя сцены: вотъ деревня, справа и слѣва окруженная деревьями, сбоку—колодезь, къ которому пастухъ гонитъ поить свое стадо. Чтобы сдѣлать сцены изъ разставныхъ картинокъ болѣе сложными, можно купить и металлическія фигуры, теперь очень хорошо фабрикуемыя и изображающія деревенскую и городскую жизнь, животныхъ, деревья и т. п.

5) *Кукольная посуда* металлическая, деревянная, фарфоровая, для дѣтей отъ 3 до 7-ми лѣтъ.

6) *Магнитныя игрушки*—лодочки, утки, рыбки, для дѣтей отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ.

7) *Декалькомани*—переводныя картинки: онѣ тоже даютъ возможность самостоятельно устраивать прелестные альбомы даже крошечному ребенку отъ 3-хъ до 6-ти лѣтъ, да и самый процессъ этой работы въ высшей степени занимаетъ его и содѣйствуетъ пріобрѣтенію многихъ полезныхъ навыковъ.

8) *Мозаика.* Въ коробкахъ различной величины находится множество пластинокъ, гладко выполированныхъ и окрашенныхъ въ различную краску. Задача игры заключается въ томъ, чтобы изъ небольшихъ деревянныхъ пластинокъ выкладывать фигуры, нарисованныя на листкахъ, находящихся обыкновенно тутъ же въ коробкѣ. Изъ мозаики можно выкладывать изображеніе цвѣтовъ, животныхъ, людей,—для дѣтей отъ 4—5 лѣтъ.

9) *Мозаическій кубъ.* Въ коробочкѣ находятся кубики, каждая сторона которыхъ окрашена красками разныхъ цвѣтовъ. Приложены рисунки мозаическихъ узоровъ,—для дѣтей отъ 4 до 6-ти лѣтъ.

10) *Мозаика.* Изящная мозаика, состоящая изъ разноцвѣтныхъ треугольниковъ, поверхность которыхъ украшена красивыми рисунками,—для дѣтей отъ 4—5 лѣтъ.

11) *Красный, синій и бѣлый,*—такъ называется коробка, въ которой находятся указанныхъ цвѣтовъ шарики со шпинъками, въ видѣ пуговицъ; шпиньки этихъ шариковъ раскладываются по папкѣ или доскѣ съ дырочками. Посредствомъ расположенія шариковъ выходятъ разноцвѣтные узоры,—для дѣтей отъ 4 до 6 лѣтъ.

12) *Нанизованіе стекляруса.* Въ коробкѣ нѣсколько нитей стекляруса разныхъ цвѣтовъ и спички для нанизованія его. Приложены узоры, какъ пользоваться игрушкой, для дѣтей отъ 5 до 7 лѣтъ.

13) *Работы изъ раковинъ,* для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

14) *Работы изъ сѣмянъ,* для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

15) *Сшиваніе кукольной мебели,* для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

16) *Работы изъ кожи,* для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

17) *Искусственные кораллы.* Въ коробкѣ находятся нѣсколько зеренъ риса, гороха, бутылочка съ краской, кисточка, коробка, украшенная корал-

лами, какъ образчикъ того, что можно сдѣлать изъ находящагося здѣсь матеріала. Вещь, которую желаютъ украсить искусственными кораллами, смазываютъ вишневымъ клеемъ и накладываютъ на нее рядъ расколотаго пополамъ гороха или кофе, остальное же пространство посыпаютъ рисомъ. Когда первый рядъ риса просохъ, его смазываютъ клеемъ и насыпаютъ второй рядъ, и т. д. Когда, наконецъ, просохъ и послѣдній рядъ, кисточку смачиваютъ краской и смазываютъ горохъ и рисъ, пока не получится чистый коралловый цвѣтъ. Такими кораллами можно украшать колечки для салфетокъ, плато подъ подсвѣчники, рамки для визитныхъ карточекъ и т. п. Когда краска сдѣлается слишкомъ густа, ее разбавляютъ спиртомъ или даже одеколономъ,—для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

18) *Ящики съ кубиками, брусками и аркой* для самыхъ разнообразныхъ построекъ,—для дѣтей отъ 5 до 7 лѣтъ.

19) *Досчатые дома*, разбирающіеся на отдѣльныя дощечки,—для дѣтей отъ 6 до 8 лѣтъ.

20) *Складные домики изъ бревенъ*. Въ деревянномъ ящикѣ находится уже готовый матеріалъ для построекъ въ видѣ разрозненныхъ бревенъ,—для дѣтей отъ 7 до 9 лѣтъ.

21) *Постройка цѣлыхъ зданій*. Въ ящикѣ находятся, какъ приготовленныя зданія, такъ и отдѣльные бруски, балки, плитки. Тутъ же и рисунки тѣхъ зданій, которыя можно построить изъ приложеннаго матеріала,—для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

22) *Складной домикъ изъ полубревенъ*. Въ ящикѣ находятся уже приготовленныя различныя части зданія, которыя нужно только приставить другъ къ другу и скрѣпить,—для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ.

23) *Постройки изъ плитокъ*. На деревянныхъ плиткахъ различной ширины сдѣланы по краямъ выемки; на другихъ плиткахъ—выступы, что даетъ возможность сцѣплять плитки между собой и такимъ образомъ возводить постройки. Тутъ же приложено объясненіе, какъ возводить такія постройки,—для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

24) *Возведеніе построекъ изъ кирпичиковъ*. Въ ящикѣ различной величины кирпичики и плитки—для возведенія стѣнъ, столбики и дуги для колоннъ, арокъ и сводовъ,—для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

25) *Шаблоны*. Одинъ изъ приложенныхъ шаблоновъ кладутъ на бумагу и проводятъ по немъ окрашенною кистью. Такъ какъ на металлической сторонкѣ шаблона вырѣзанъ рисунокъ, то, послѣ того, какъ его обведутъ краской, на бумагѣ остается сдѣланное изображеніе,—для дѣтей 4—5 лѣтъ.

26) *Раскрашиваніе картинокъ*. Тотъ рисунокъ, который вы хотите подарить ребенку для раскрашиванія, долженъ быть крупенъ и не сложенъ, иначе ребенокъ будетъ лишь марать картинку. Въ продажѣ существуетъ множество тетрадокъ для раскрашиванія: на одной страницѣ—модель, на другой—картинка, которую слѣдуетъ раскрасить. Но большинство подобныхъ картинокъ, заключающихся въ маленькихъ тетрадкахъ, мелки и мало приноровлены по сюжету; обыкновенно приходится пересмотрѣть цѣлые вороха подобныхъ тетрадокъ, прежде чѣмъ остановиться на той или другой. Названное занятіе пригодно для дѣтей отъ 5-ти до 8—9-ти лѣтъ.

27) *Зоологическое лото*. Почти въ каждомъ домѣ пріобрѣтаютъ лото. Лучшимъ изъ нихъ можно считать зоологическое лото Тарасенкова: прекрасно сдѣланы изображенія животныхъ, рыбъ и птицъ. Недурны также и лото нѣкоторыхъ другихъ издателей, на которыхъ изображены картинки изъ сельской дѣтской жизни,—для дѣтей отъ 6 до 10 лѣтъ.

28) *Театры*. Трудно представить, какое удовольствіе доставляютъ они дѣтямъ! Наиболѣе приноровлены (для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ): 1) *Золотая рыбка*, 2) *Золушка*, 3) *Конекъ Горбунокъ*, 4) *Вокругъ свѣта*.

Вышеназванныя игрушки можно купить въ каждомъ большомъ игрушечномъ магазинѣ. Теперь же мы назовемъ такія образовательныя игрушки и занятія, изобрѣтеніемъ которыхъ у насъ спеціально занимаются въ самое послѣднее время, да и то лишь нѣсколько мастерскихъ. Изъ нихъ наиболѣе обращаетъ на себя вниманіе мастерская г. Канаева (Спб. Троицкая ул. д. № 11, „Мастерская учебныхъ пособій и игръ.“) Игрушки и механическія занятія его изданій всегда говорятъ о пониманіи издателемъ свой задачи и о его большомъ педагогическомъ тактѣ. Для дѣтей дошкольнаго возраста въ его мастерской можно найти слѣдующія прекрасныя механическія занятія и игрушки:

1) *Малютка-рисовальщикъ на волшебной бумагѣ*: въ ящикѣ или папкѣ находятся разноцвѣтные карандаши и листики глянцовитой бумаги, на которой острыми штрихами изображенъ тотъ или другой несложный, чуть-чуть замѣтный рисунокъ. Ребенокъ мажетъ по листику глянцовитой бумаги цвѣтнымъ, мягкимъ карандашемъ, и у него, совершенно легко, выходитъ прелестный рисунокъ, который приводитъ въ восторгъ 3-хъ, 4-хъ и 5-ти лѣтнихъ дѣтей.

2) *Трафареты*: подъ прорѣзанный рисунокъ на папкѣ подкладываютъ бумагу; остроочиненнымъ карандашемъ обводятъ вырѣзанныя мѣста, и выходитъ рисунокъ. Для дѣтей отъ 4-хъ до 5-ти лѣтъ.

3) *Рисованіе по сѣти*: сѣтка сдѣлана на каленкорѣ или промасленной бумагѣ, подъ которую подкладываютъ рисунокъ. Это напоминаетъ матовое стекло, но рисунки здѣсь болѣе приноровлены для дѣтей отъ 4 до 5 лѣтъ.

4) *Рисованіе на доскѣ цвѣтными мѣлками:* въ ящикѣ доска, цвѣтные мѣлки и приложены несложные рисунки для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

5) *Плетельщикъ изъ бумажныхъ звѣздочекъ*. Въ коробкѣ находится разноцвѣтная бумага, папка, перочинный ножикъ, линейка, нѣсколько моделей для работъ изъ звѣздочекъ и толковое наставленіе, какъ изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ полосокъ дѣлать звѣздочки, а затѣмъ и прелестныя вещицы: корзиночки, коробочки, рамки, мебель для куколъ, украшеніе для елки и т. п. Для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

6) *Плетеніе картинъ* изъ разноцвѣтныхъ бумажныхъ полосокъ,—для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

7) *Лѣпка изъ воску*. Дѣти, съ которыми хотя нѣсколько разъ позанялись лѣпкою изъ глины, съ большою охотою, а иногда и со страстью предаются этому занятію и не прочь попробовать лѣпить изъ какого нибудь другаго матеріала. Послѣ глины, наиболѣе подходящій для этого матеріалъ представляетъ воскъ, но тотъ, который употребляютъ на свѣчи, обыкновенно бываетъ смѣшанъ съ неудобными для лѣпки веществами. Въ изданіи г. Канаева воскъ спеціально приготовленъ для лѣпки и при этомъ приложено нѣсколько моделей. Пусть ребенокъ вылѣпитъ по модели нѣсколько вещей, а затѣмъ перейдетъ къ лѣпкѣ съ натуры.

8) *Клейка фонарей съ сушеными цвѣтами и зеленью*. Въ коробкѣ—необходимый матеріалъ и модели для производства складныхъ фонарей,—дѣтямъ отъ 8 до 10 лѣтъ.

9) *Коробочникъ:* необходимый матеріалъ, инструменты и модели для производства разнообразныхъ коробокъ,—дѣтямъ отъ 8 до 10 лѣтъ.

10) *Постройка желѣзной дороги*. Въ ящикѣ находится уже подготовлен-

ный деревянный, металлическій и папочный матеріалъ для постройки вагоновъ, локомотива, казармъ для рабочихъ, для сторожевой будки и будки для стрѣлочниковъ; также приложены: хромолитографированныя картинки пассажировъ и служащихъ для вырѣзанія и притомъ вы найдете здѣсь колокольчикъ, свистокъ, трубу, флаги, печатные пассажирскіе и багажные билеты,—для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

11) *Работы изъ стружекъ.* Изъ стружекъ можно дѣлать самыя разнообразныя работы; для этого прежде всего ихъ слѣдуетъ опустить въ тарелку съ водою. Изъ этого матеріала можно дѣлать самыя разнообразныя корзинки и украшенія. Въ ящикѣ находится необходимый матеріалъ, образцы и толковое наставленіе,—для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

12) *Работы изъ пробки.* Изъ приложенныхъ пробковыхъ кусочковъ разной формы и величины можно по рисункамъ составлять различные предметы,—для дѣтей отъ 7 до 10 лѣтъ.

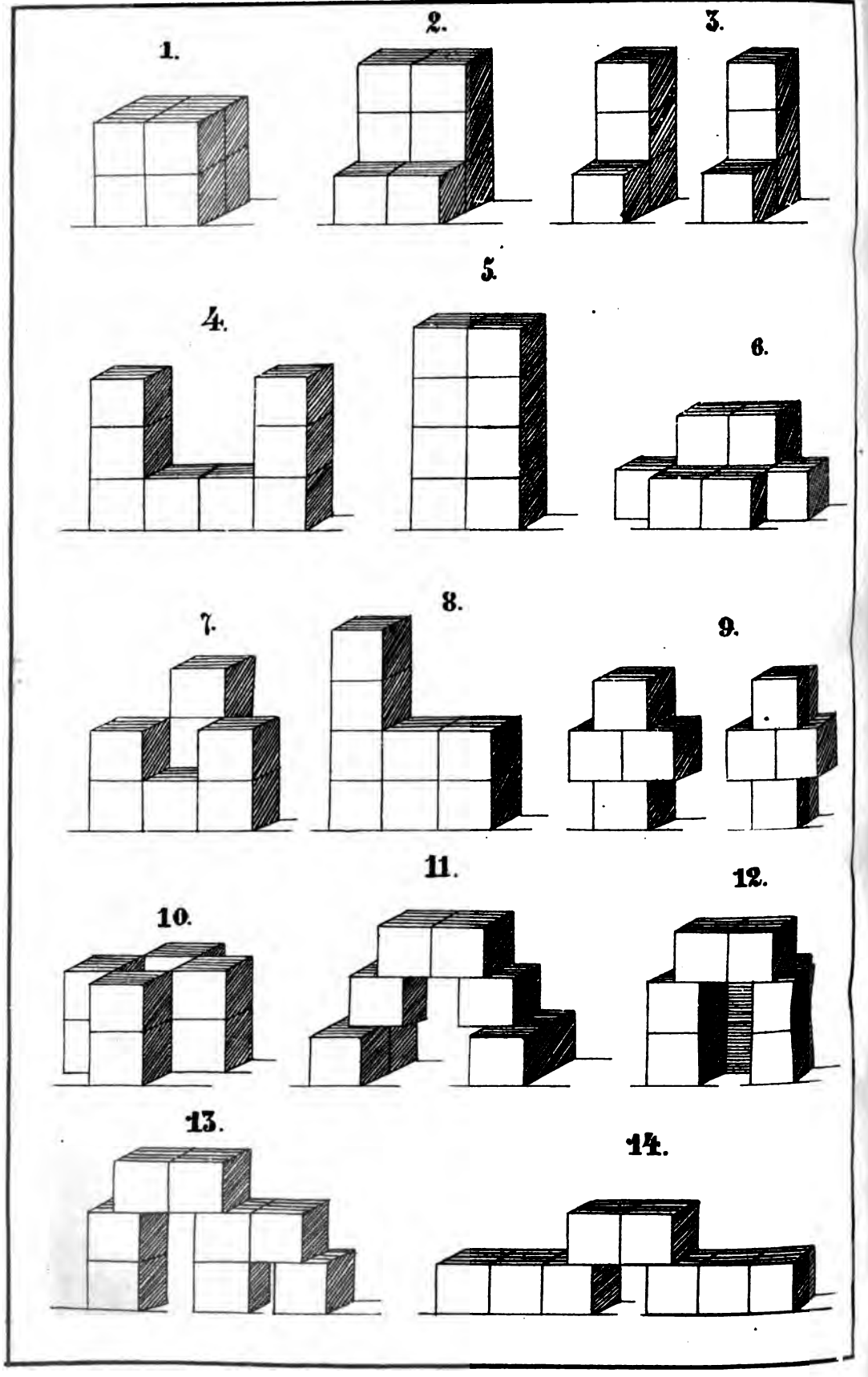
13) *Карточные домики.* Въ тѣхъ семействахъ, гдѣ карты изгнаны изъ употребленія, дѣтей все таки не слѣдуетъ лишать построекъ изъ картъ, доставляющихъ имъ немалое удовольствіе. Въ такихъ случаяхъ, вмѣсто игральныхъ картъ, лучше пріобрѣсти наиболѣе приноровленныя для построекъ. Въ «карточныхъ домикахъ» есть карты, спеціально предназначенныя для постройки пола, крыши, стѣнъ и оконъ. Для дѣтей отъ 4 до 6 лѣтъ.

14) *Отливка бюстовъ.* Въ предъидущей главѣ мы уже говорили о работѣ изъ гипса, затрата на которую весьма ничтожна. Родители, желающіе сдѣлать подарокъ дѣтямъ, могутъ пріобрѣсти для ихъ работъ изъ гипса формы для отливки бюстовъ русскихъ писателей. Для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

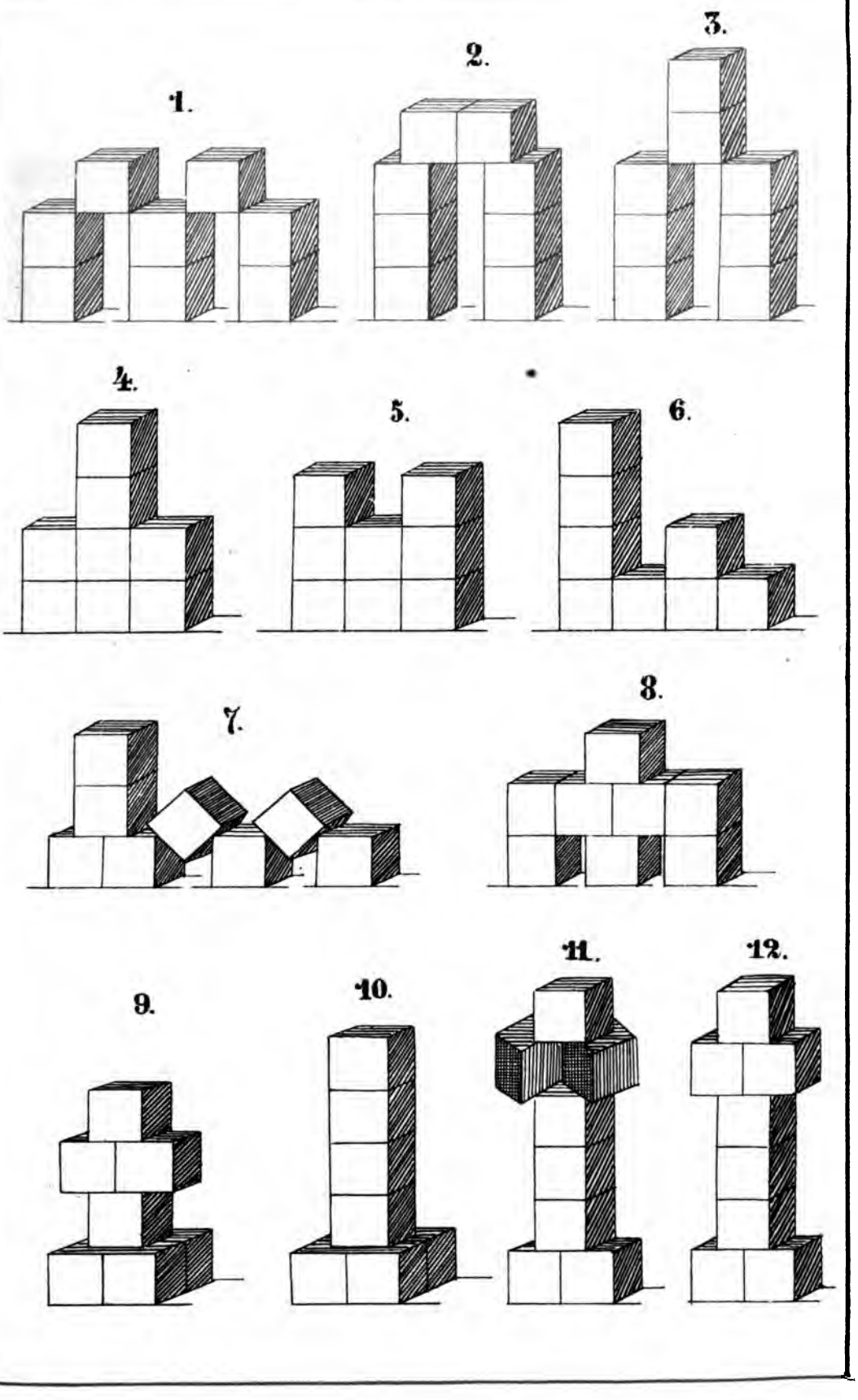
15) *Дитя-печатникъ:* большая коробка съ 12 клише для печатанія картинокъ самими дѣтьми; въ ней находится печатная краска, бумага и объясненіе,—для дѣтей отъ 6 до 9 лѣтъ.

16) *Чародѣй*—приноровленные фокусы; они могутъ служить для дѣтей развлеченіемъ, особенно въ то время, когда къ нимъ соберутся товарищи. Эта забава можетъ въ то же время научить дѣтей смотрѣть на фокусы не какъ на чудеса или какъ на что-то сверхъестественное и таинственное въ природѣ, а какъ на остроумныя затѣи для забавы. Для дѣтей отъ 8 до 10 лѣтъ.

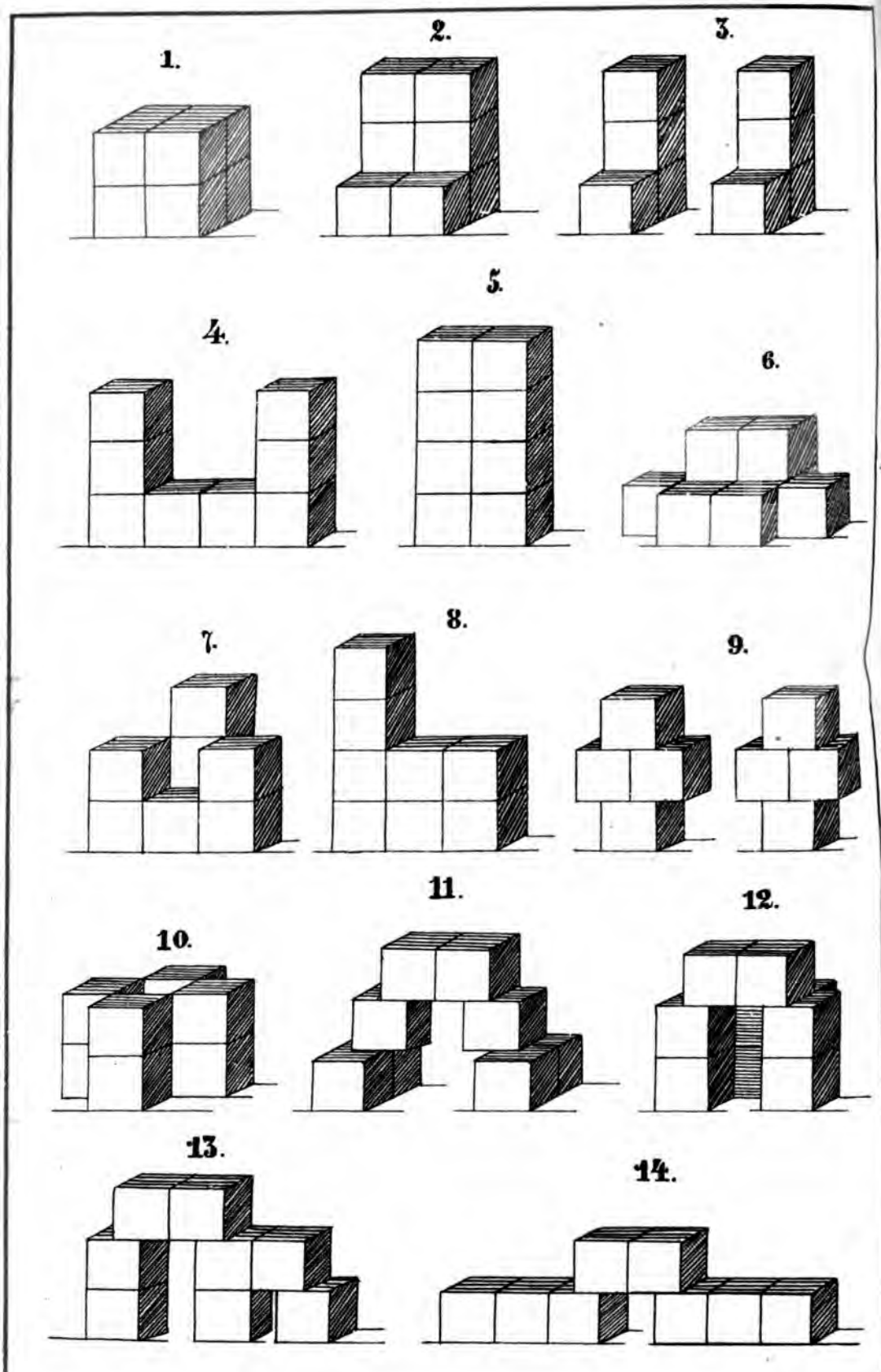
T. I.



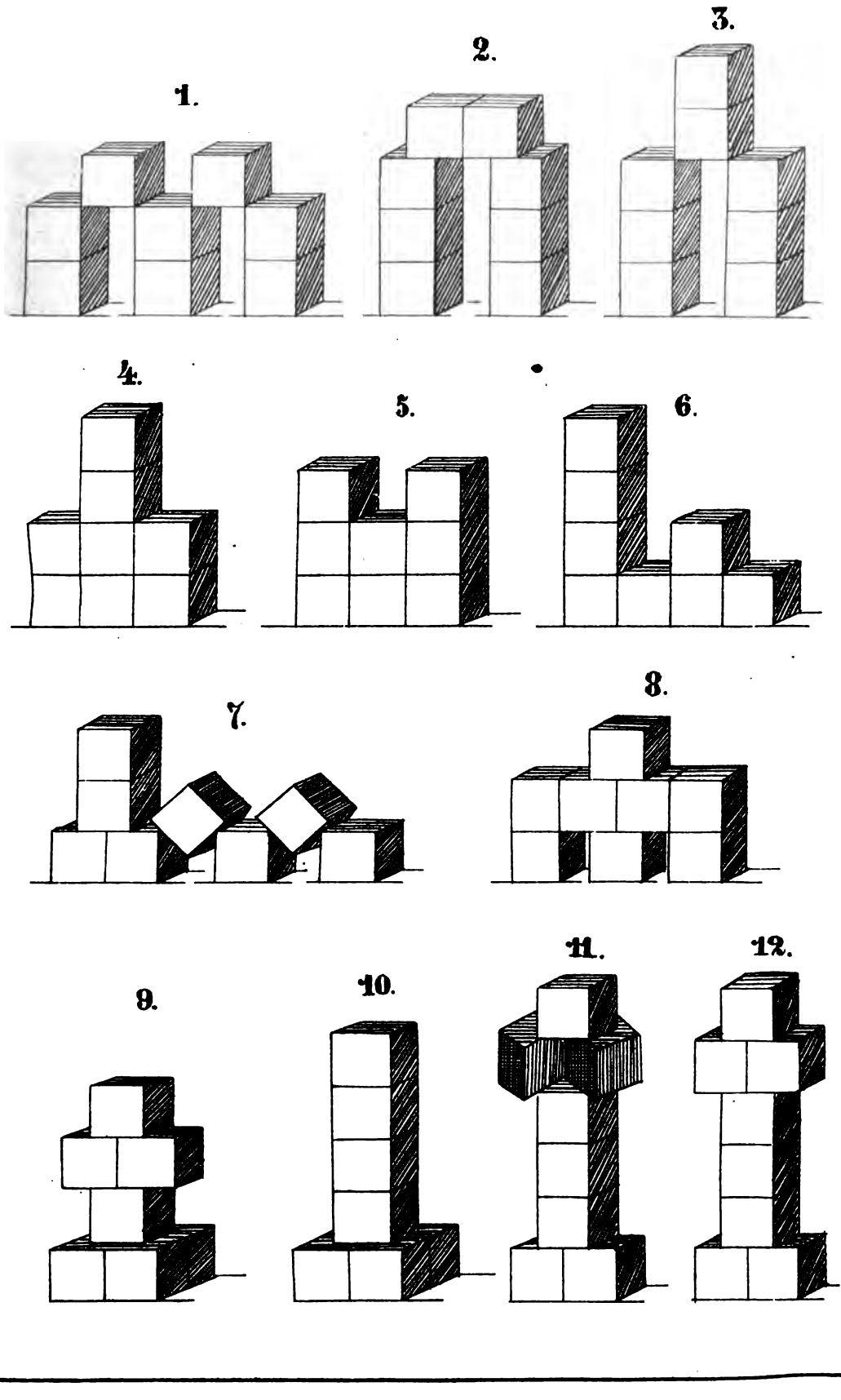
T. II.



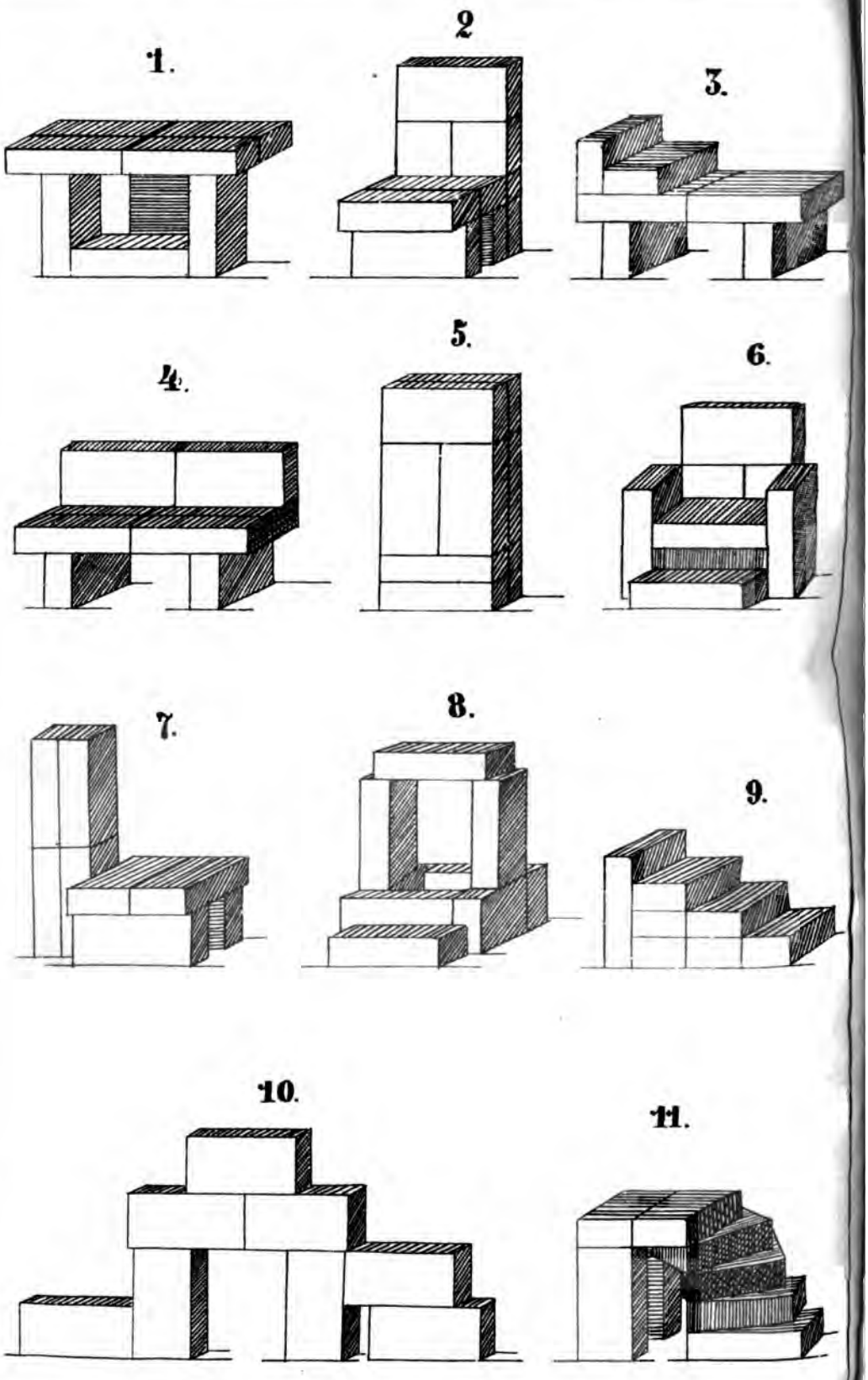
T. I.



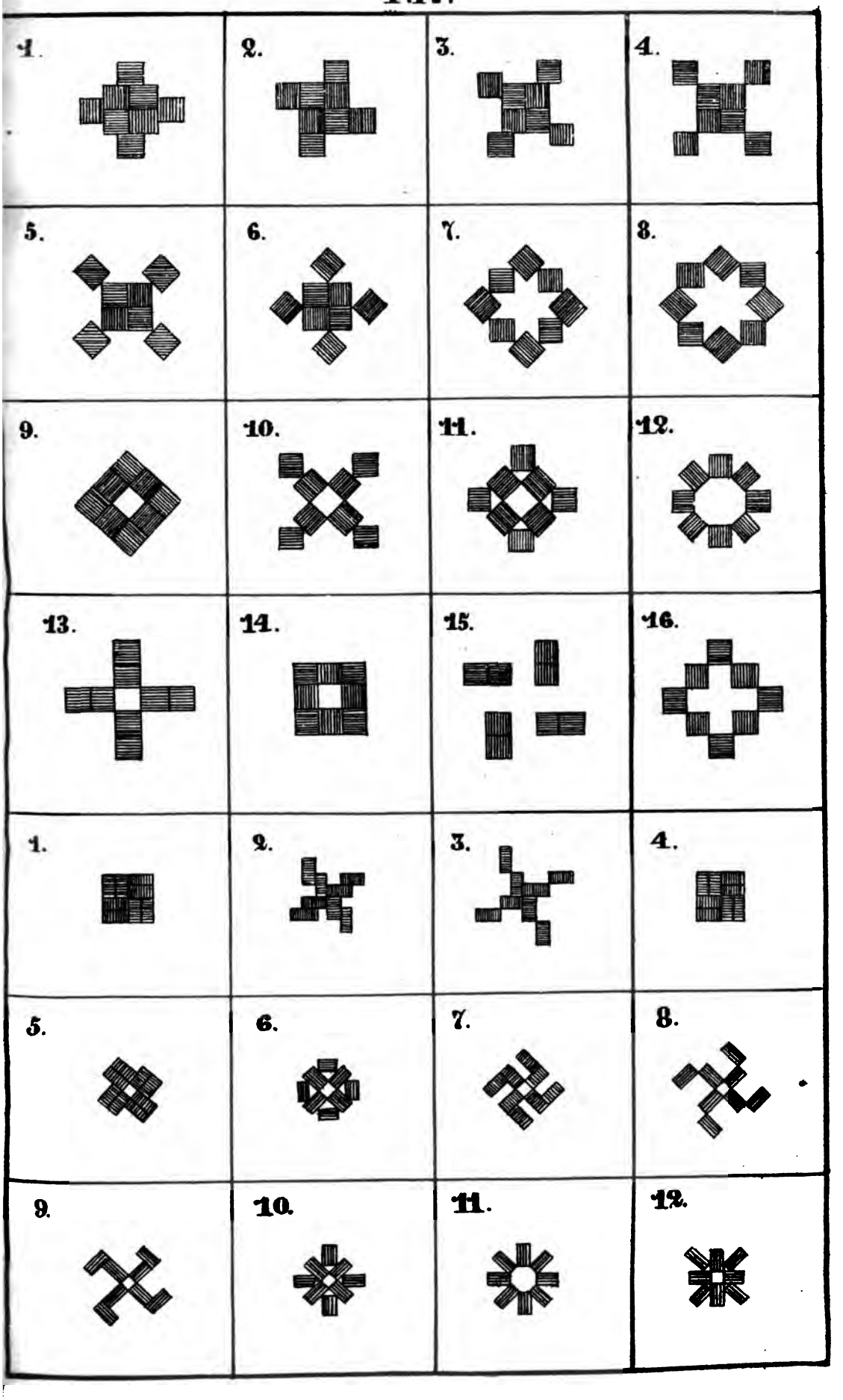
T.II.



T. III.

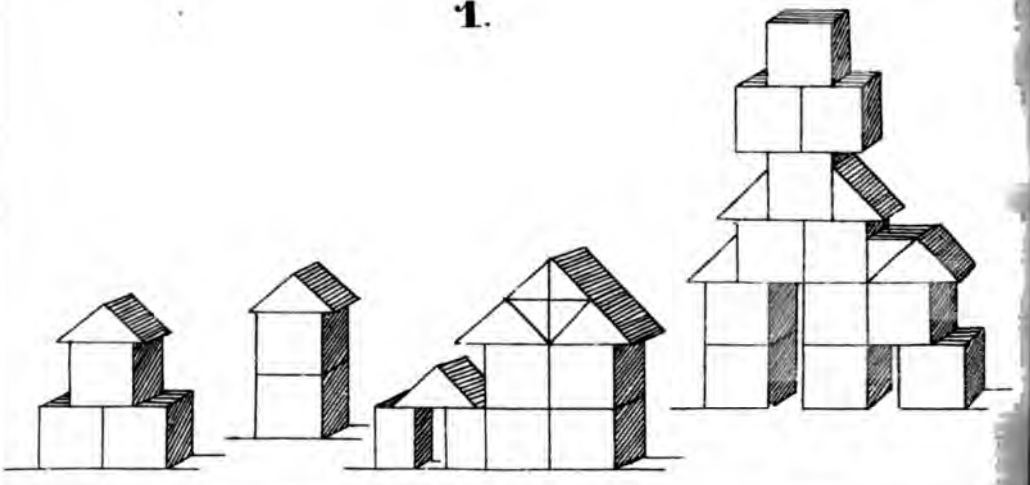


T.IV.

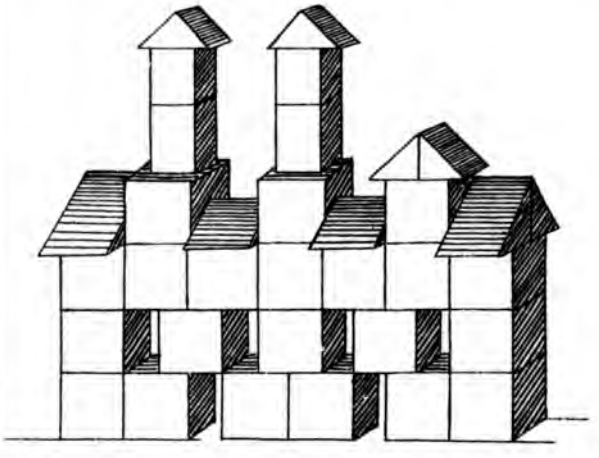


T.V.

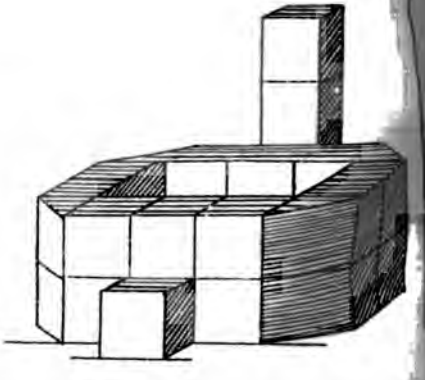
1.



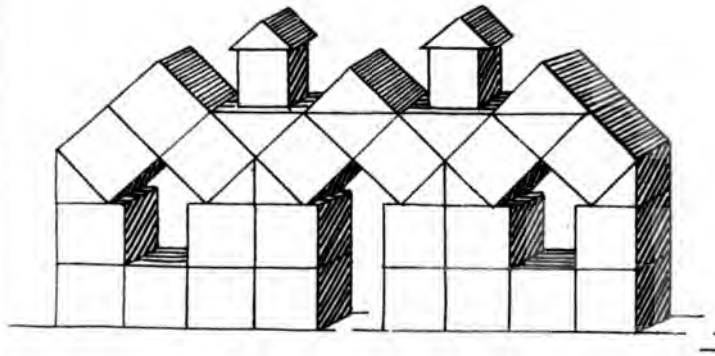
2.



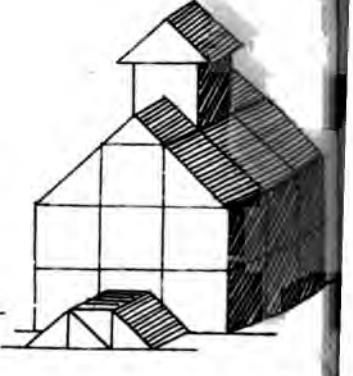
3.



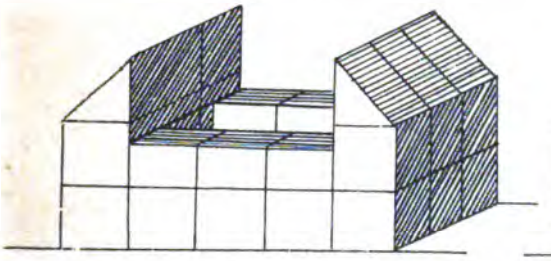
4.



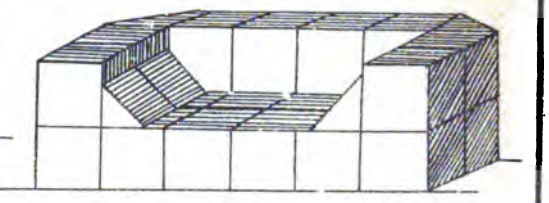
5.



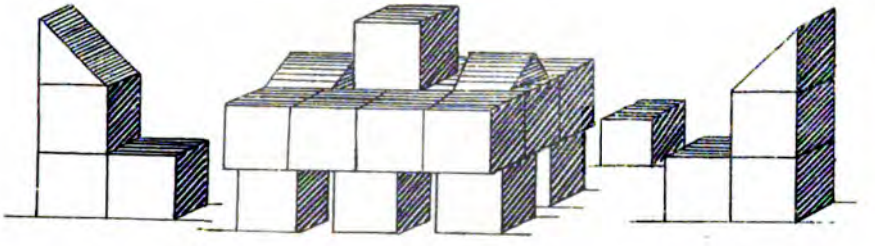
8.



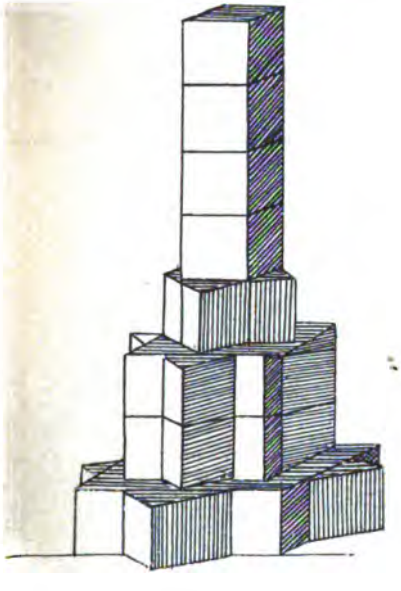
9.



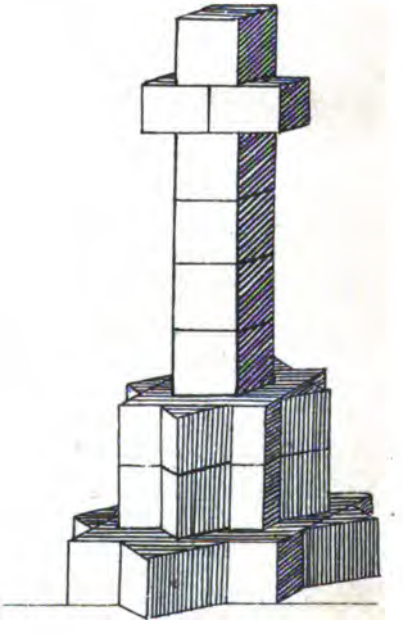
10.



6.

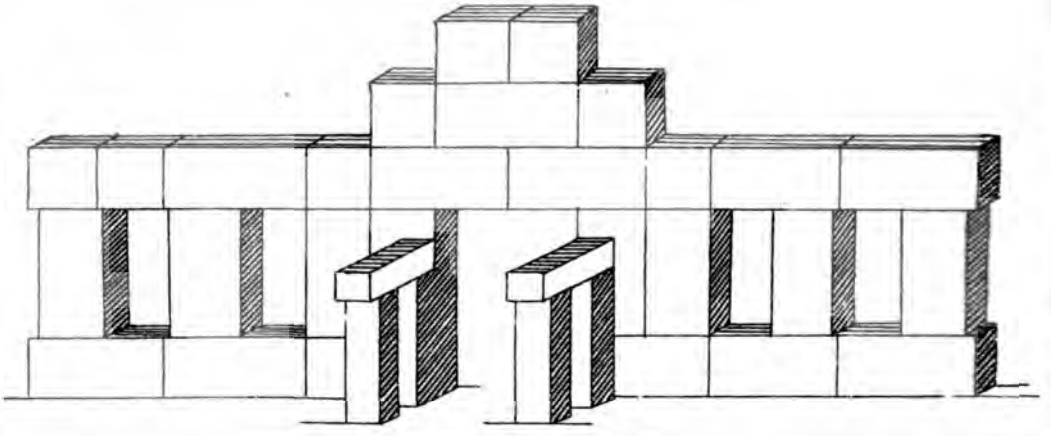


7.

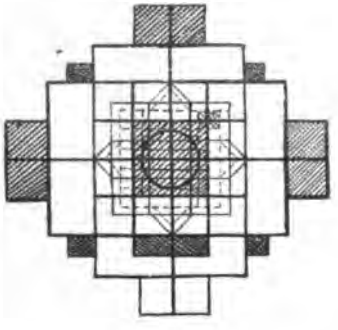


T. VII.

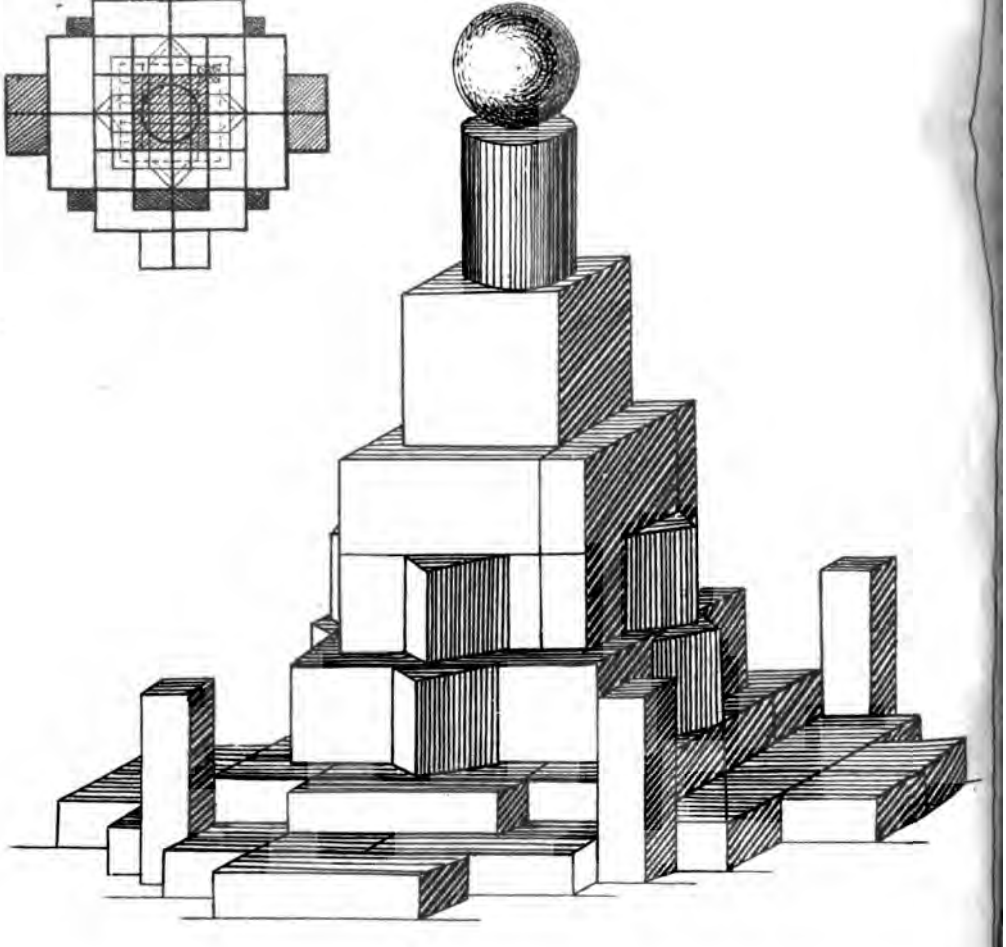
1.



2.

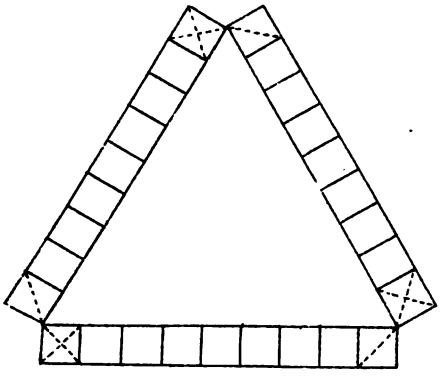


3.

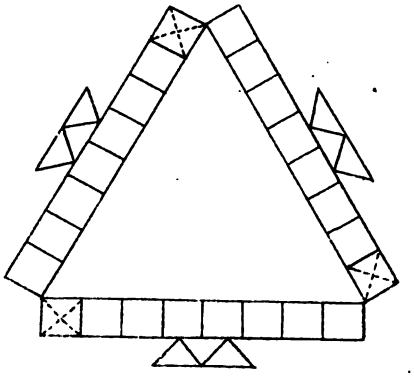


T. VIII.

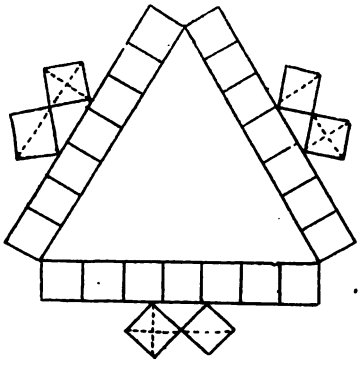
1.



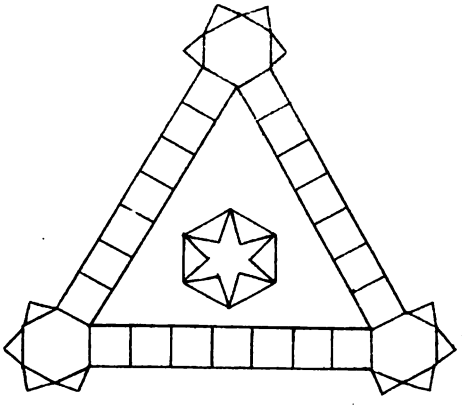
2.



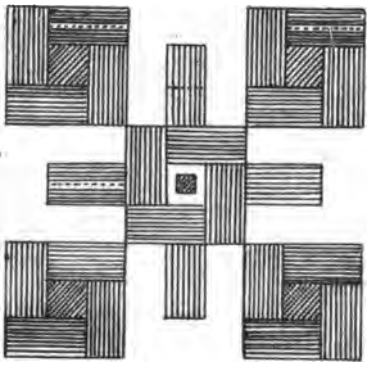
3.



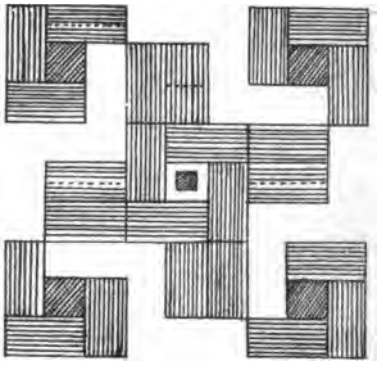
4.



1.

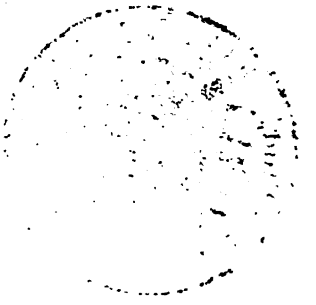


2.



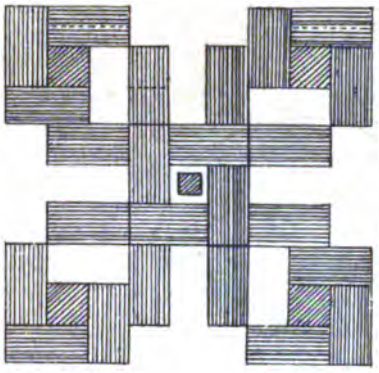
Умст. и Нравст. Развитіе.

Лит. А. Шахматова.

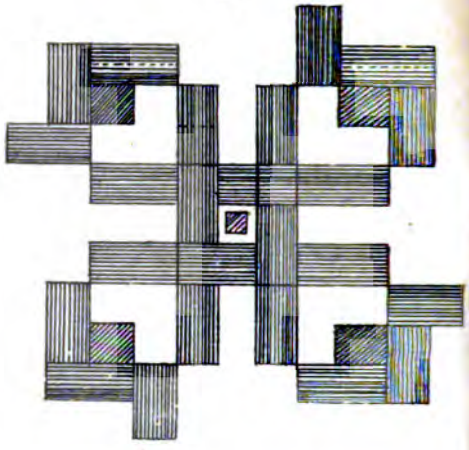


T. IX.

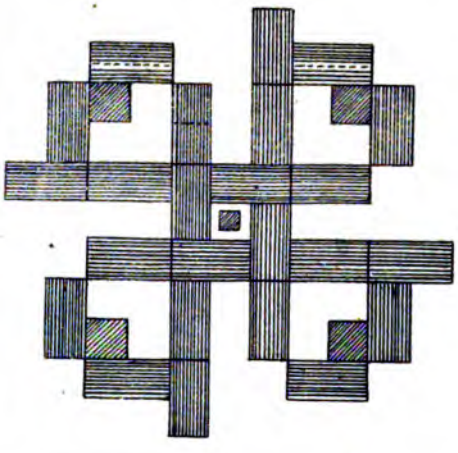
3.



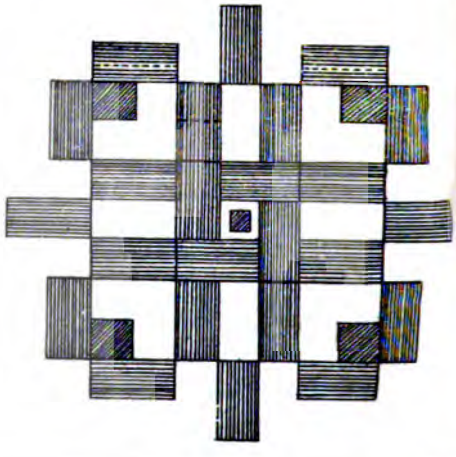
4.



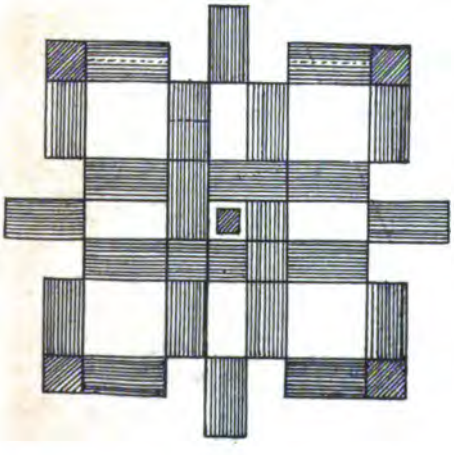
5.



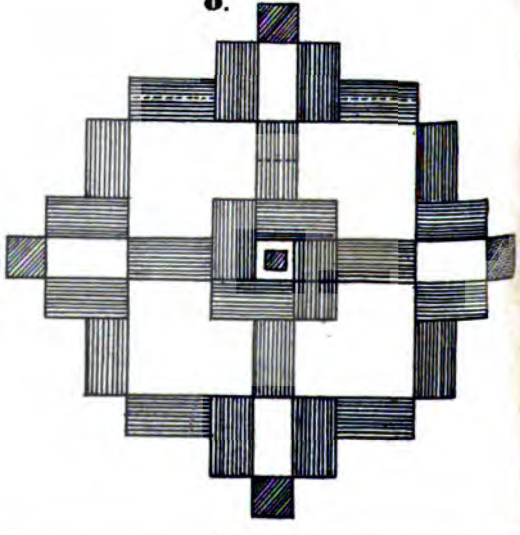
6.



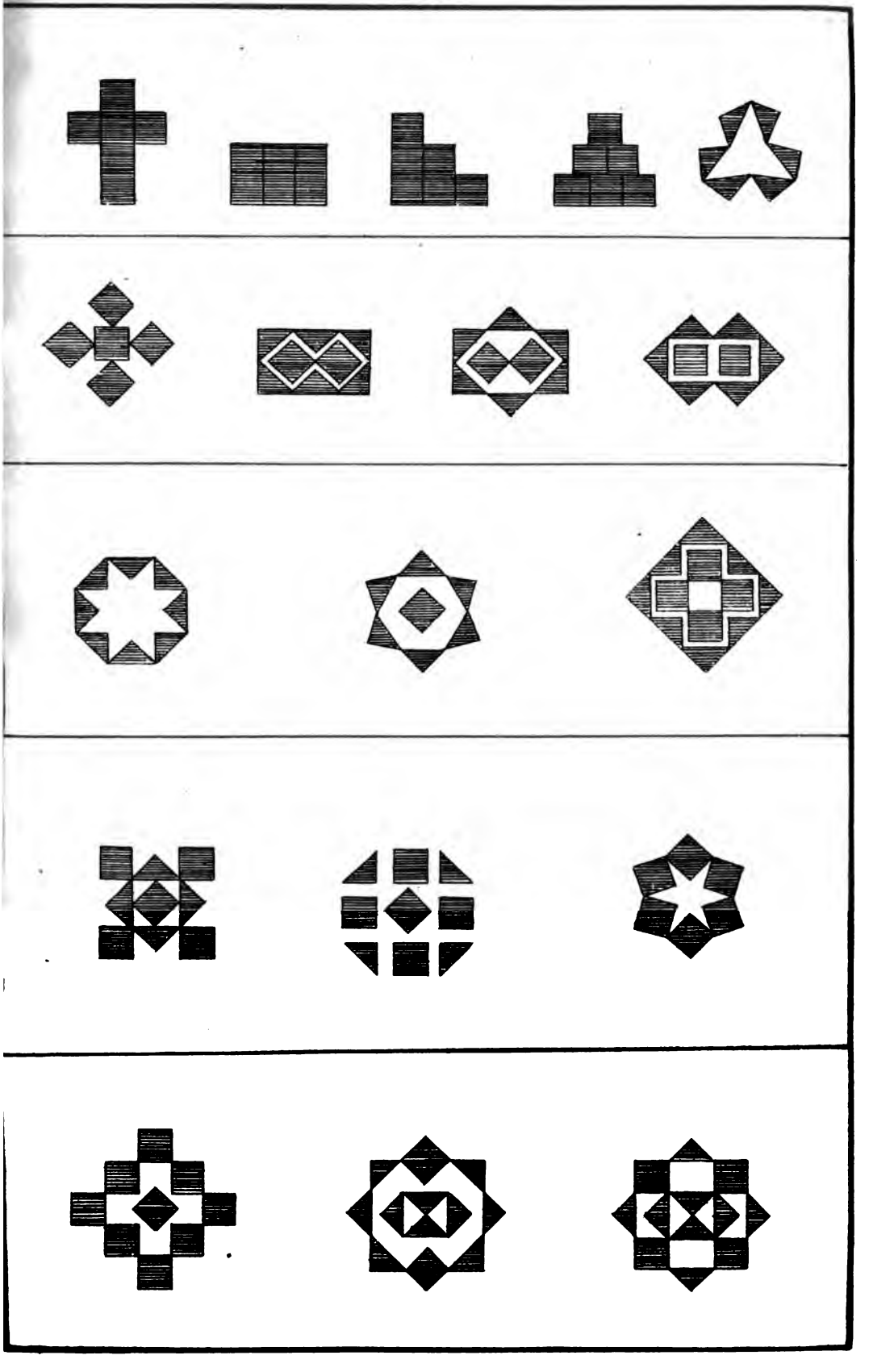
7.



8.

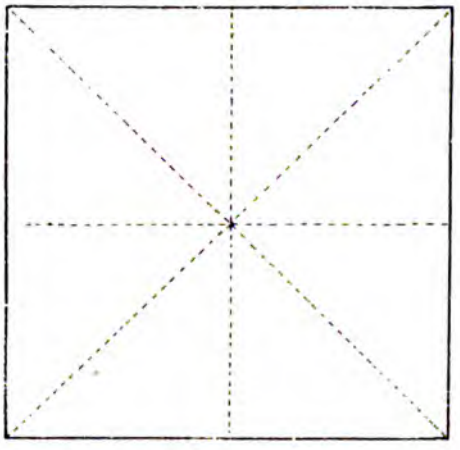


T.X.

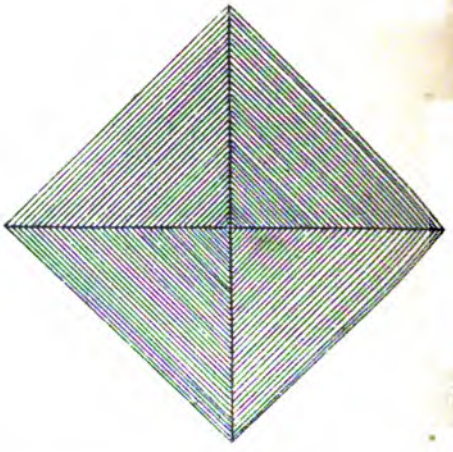


T. XI.

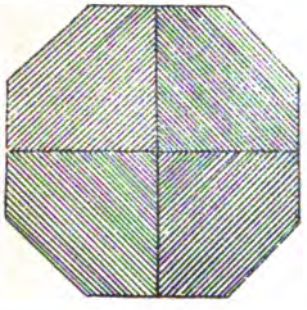
1.



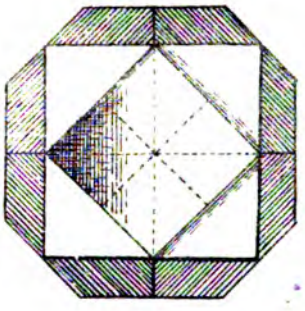
2.



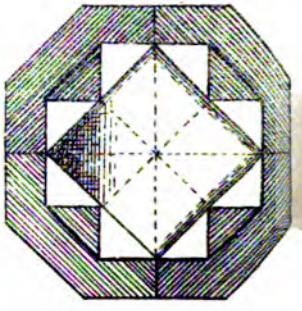
3.



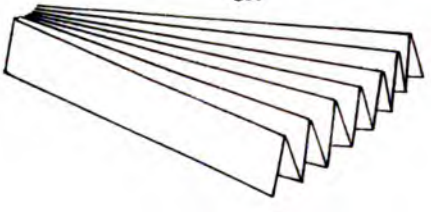
4.



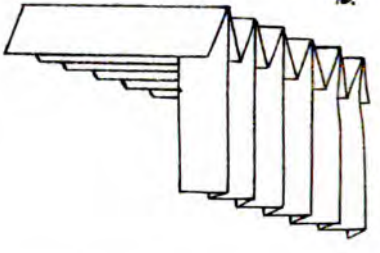
5.



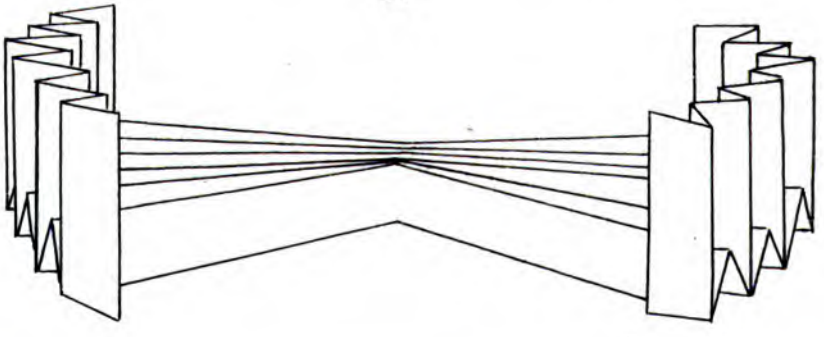
1.



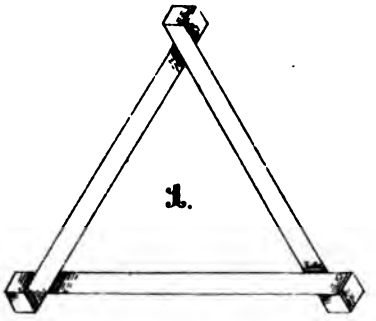
2.

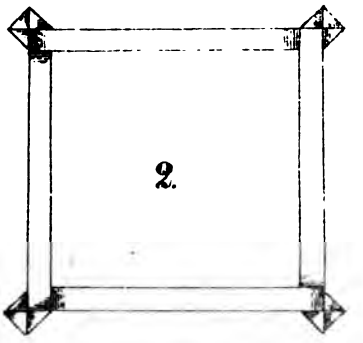


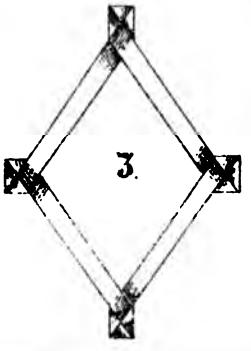
3.

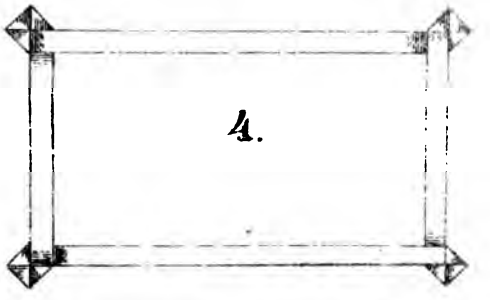


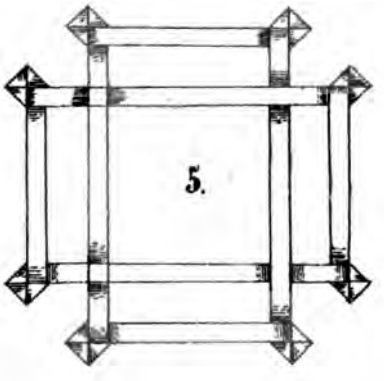
T. XII.

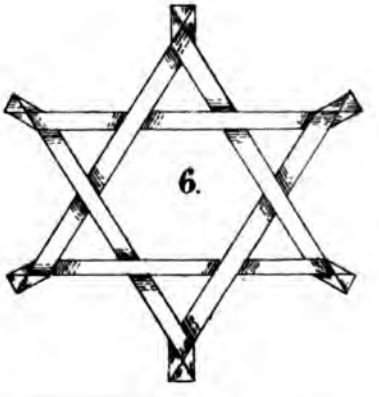


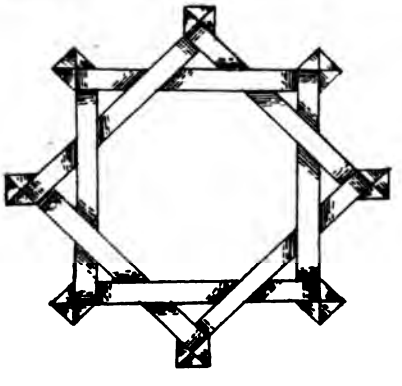


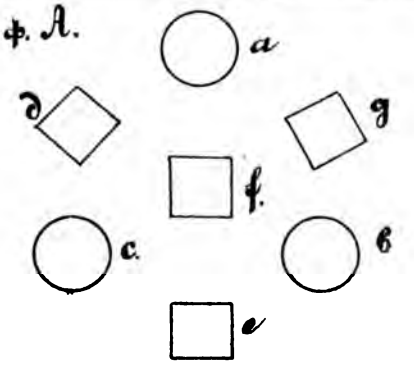






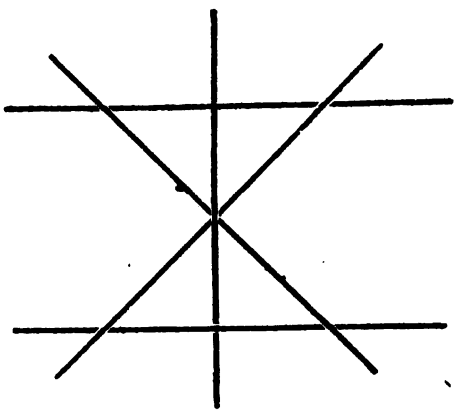




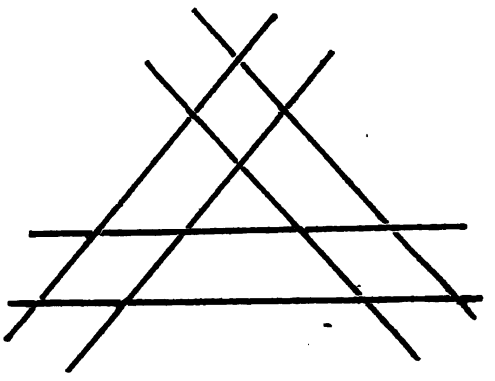


T.XIII.

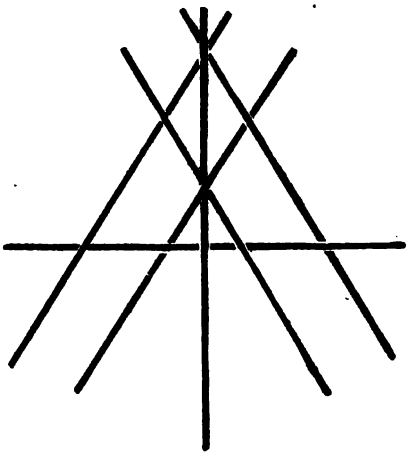
1.



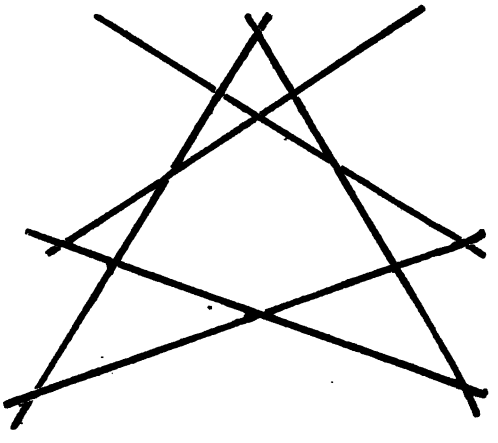
2.



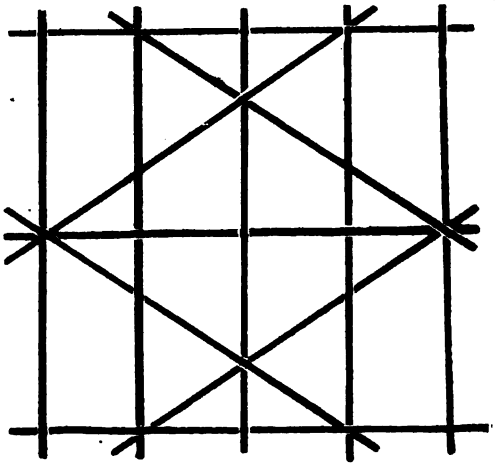
3.



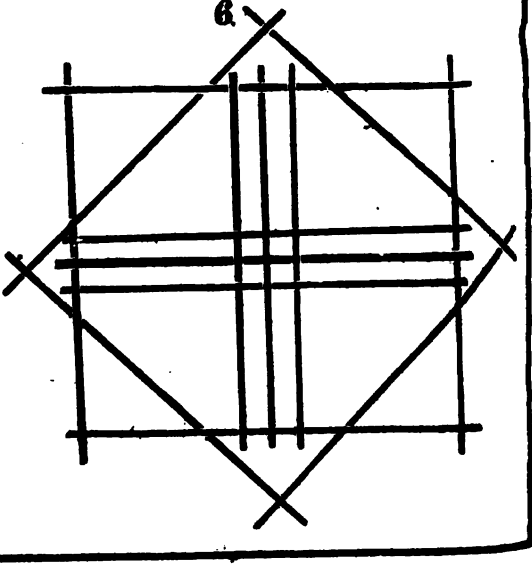
4.



5.

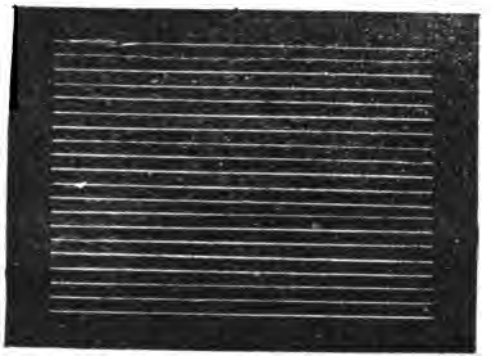


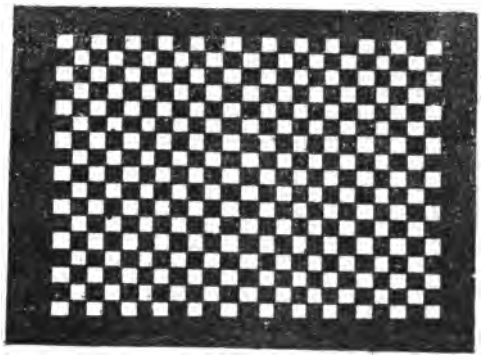
6.

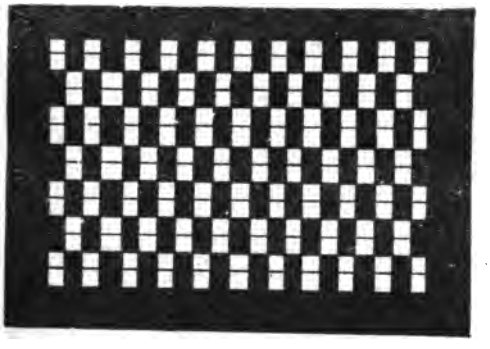


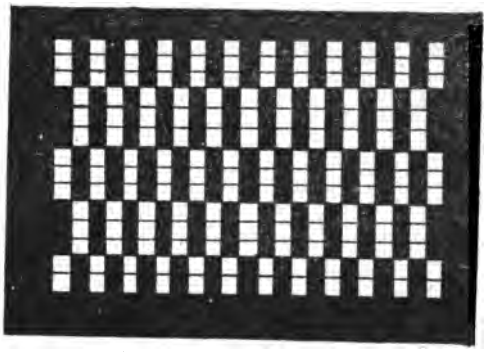
T.XIV.

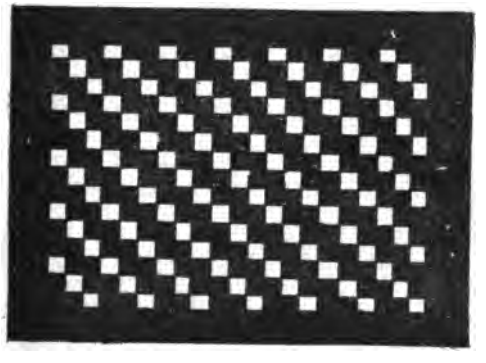
A.

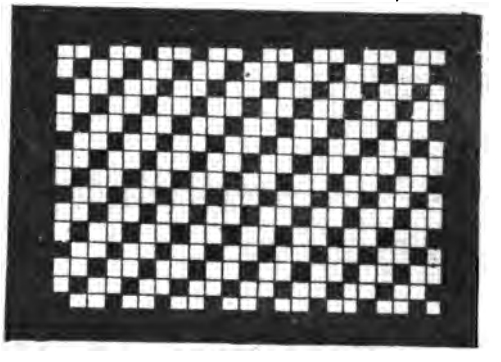


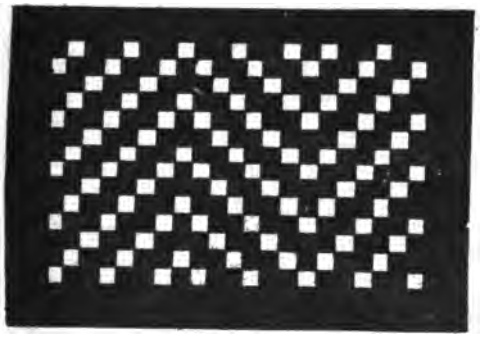


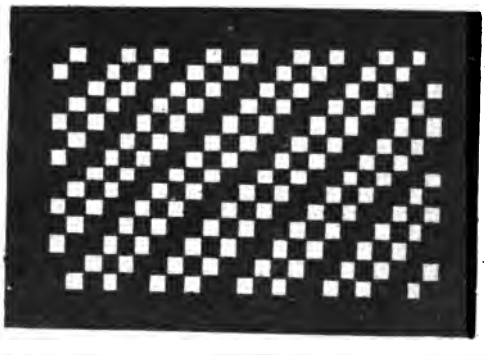


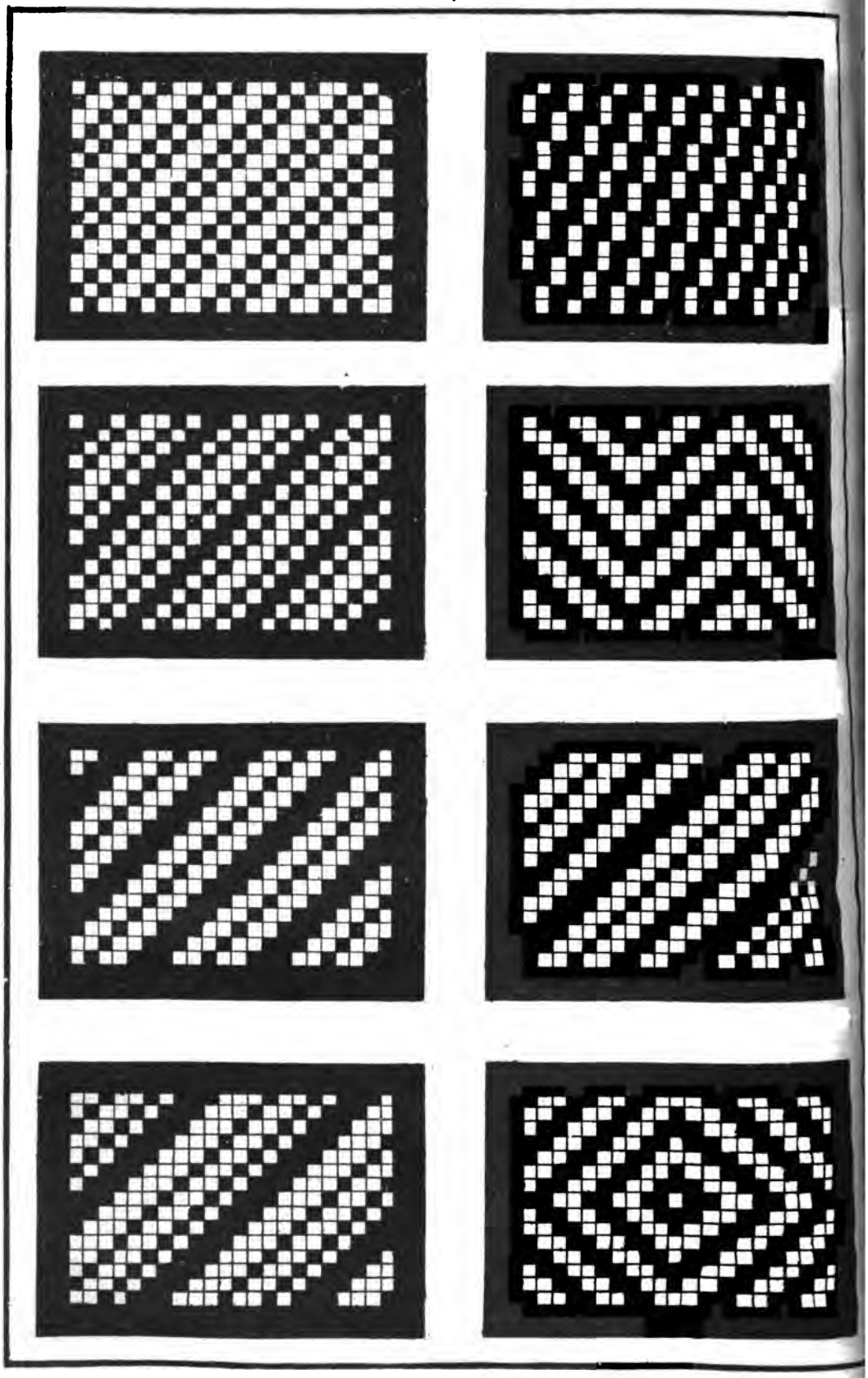


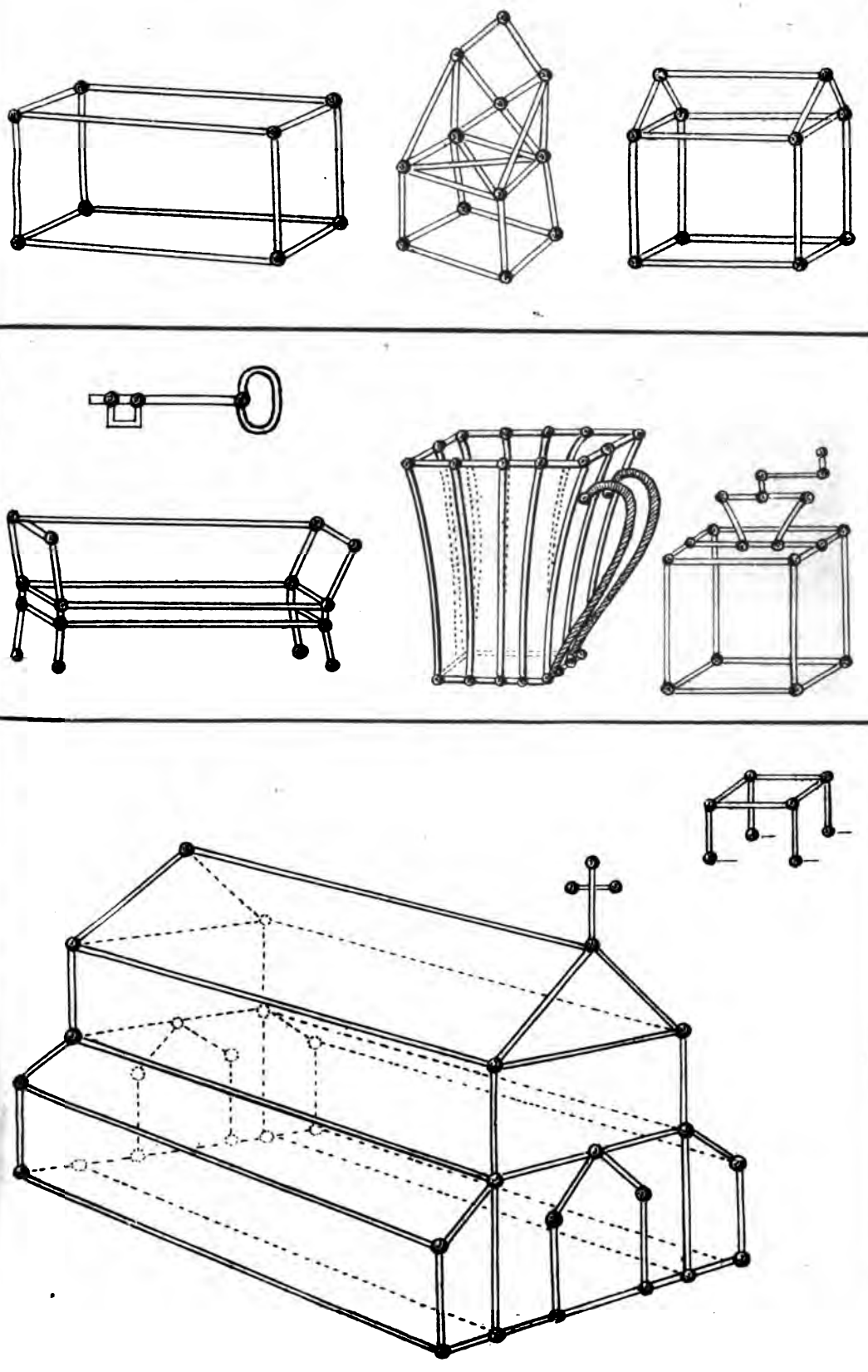








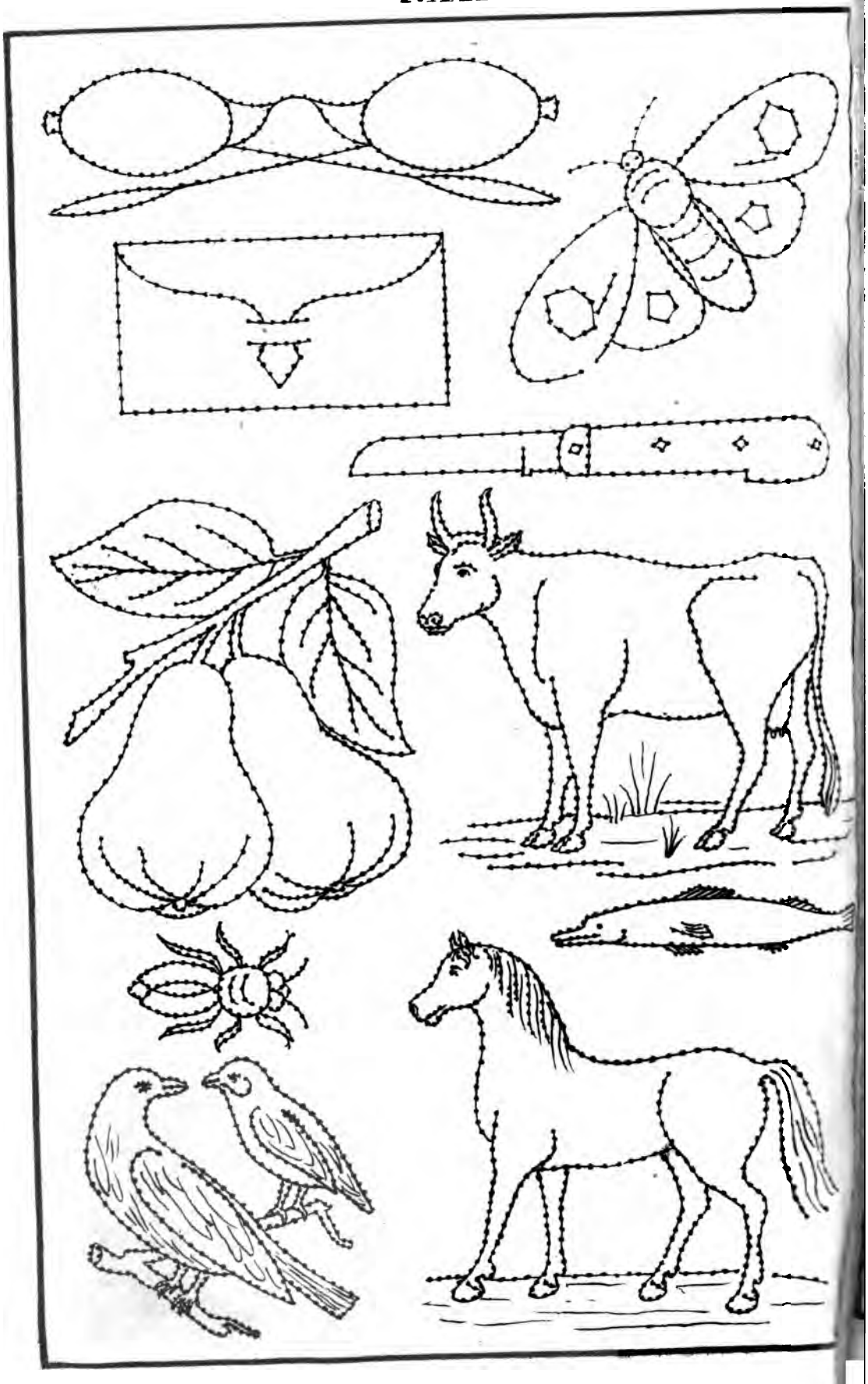




Умст. и краб. развитіе

Лит. А. Иконникова.

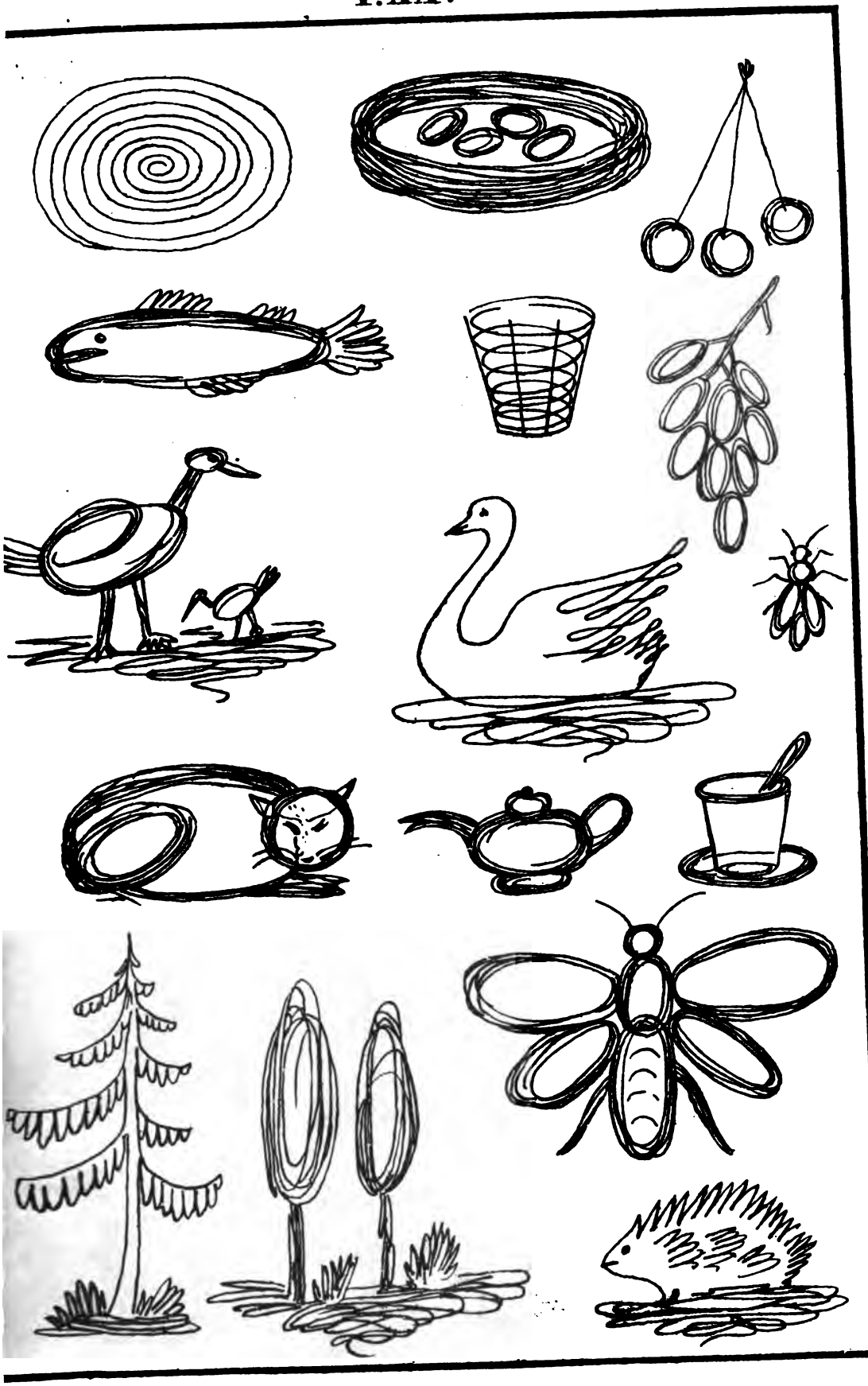
T. XVII.



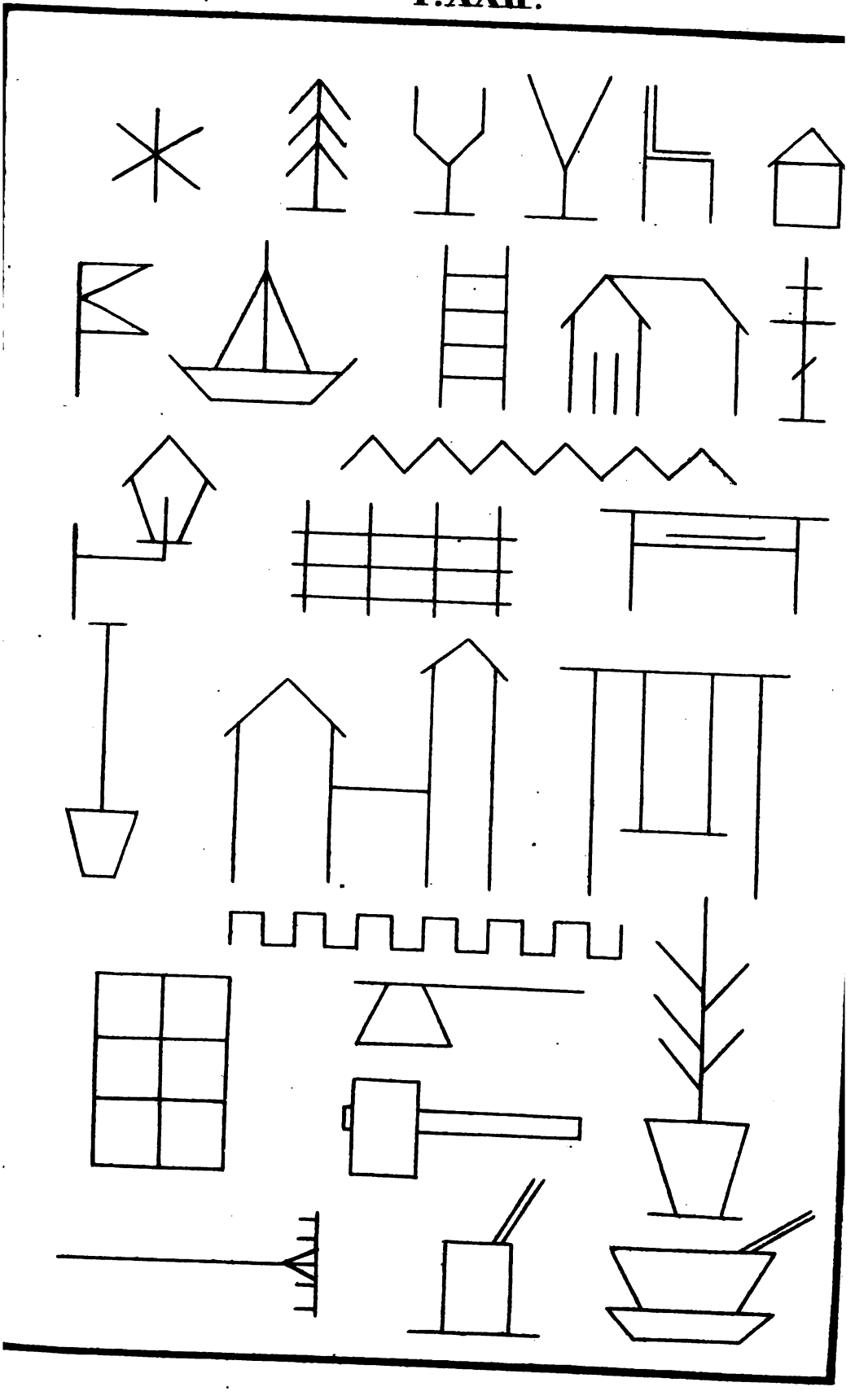
Т. XVIII.

T. XIX.

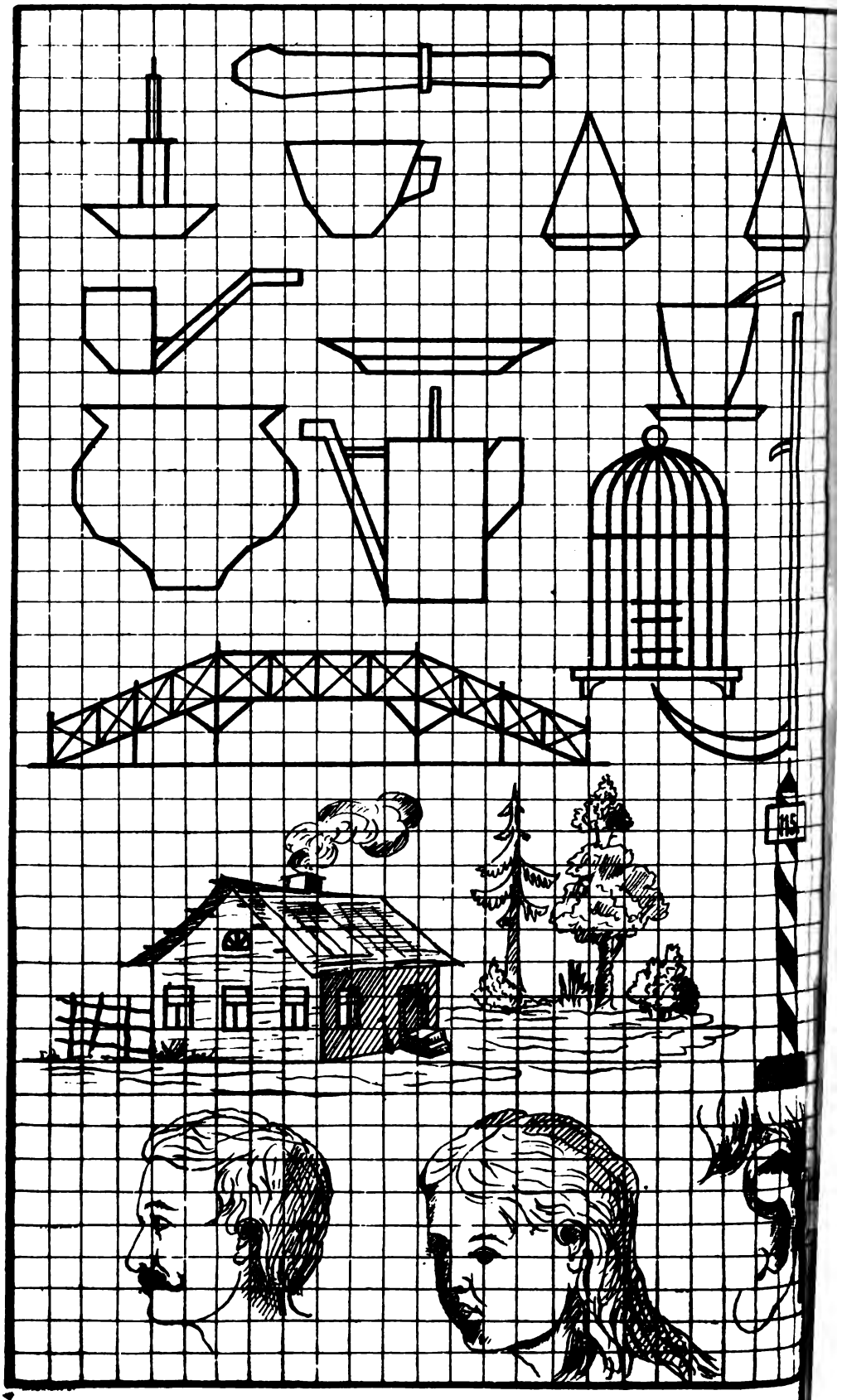
T.XX.



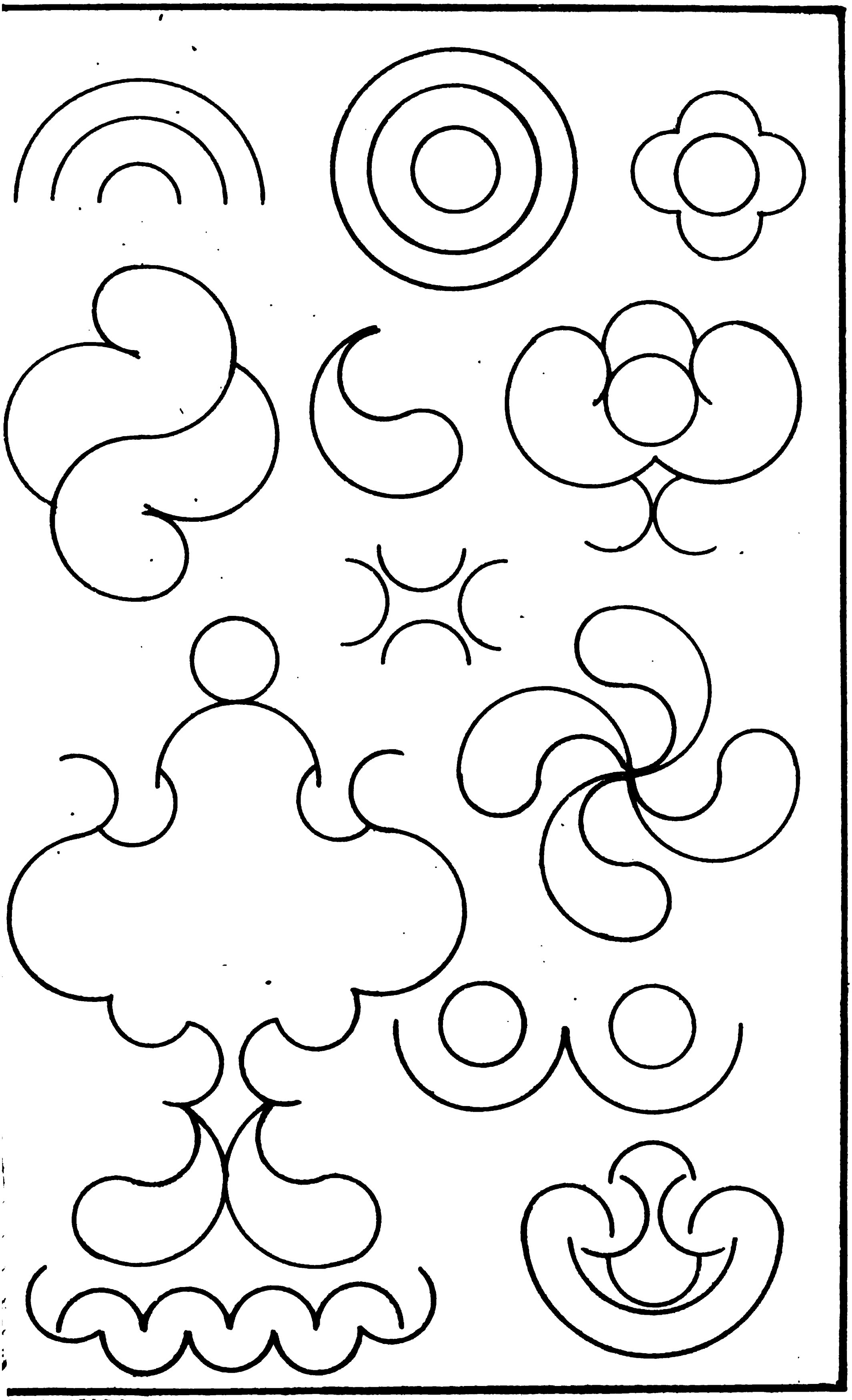
T.XXII.



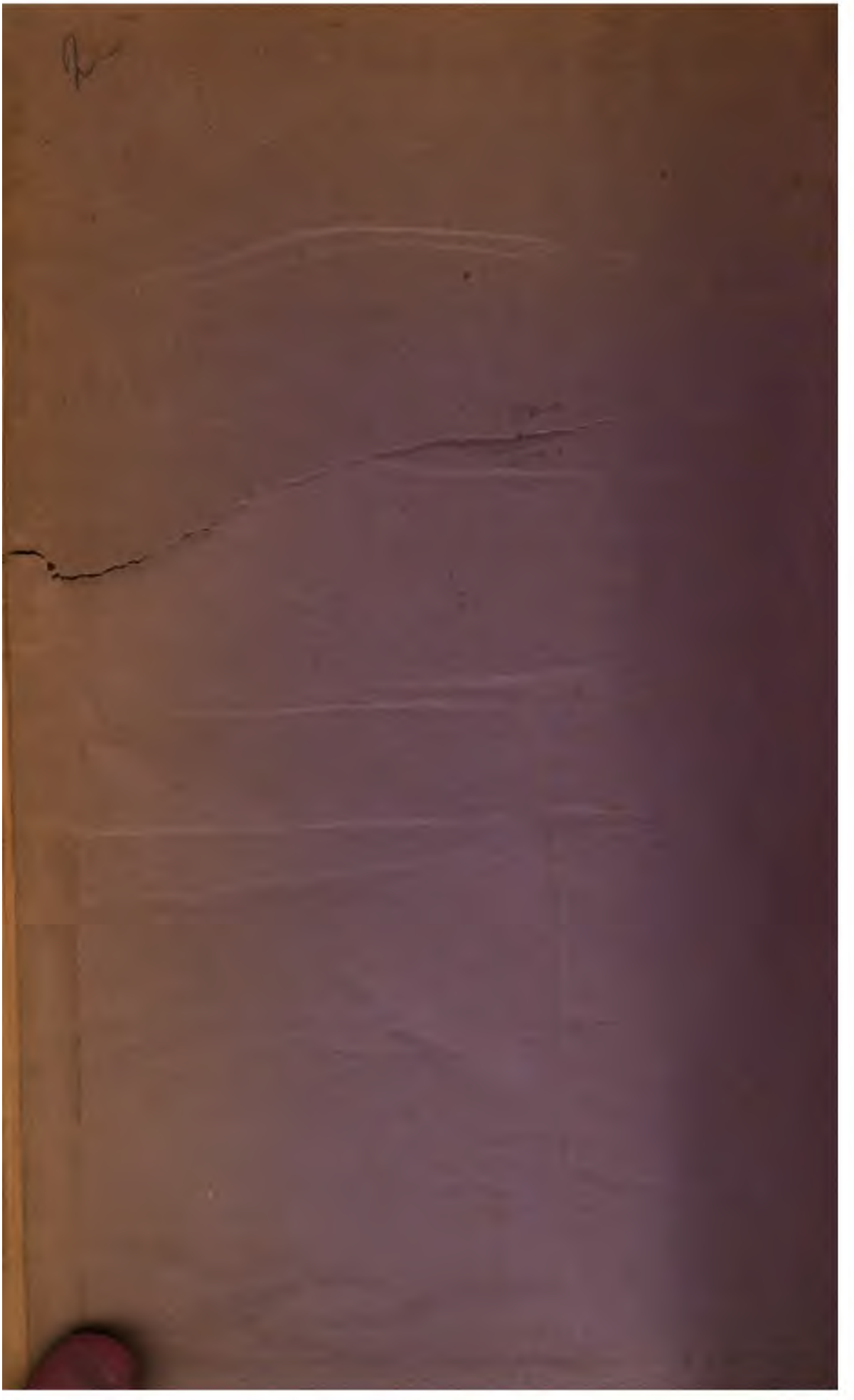
T. XXIII.



T. XXIV.



Дозв. Ценз. С.П.Б. 3 Января 1891. Лит. ... никова Рёпшинская ул. 4-6



LB
1115
V6
1891

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.